

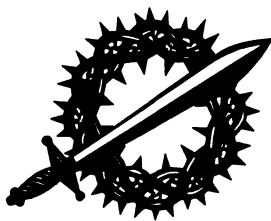
РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ
БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

ИСХОД
РУССКОЙ АРМИИ
ГЕНЕРАЛА
ВРАНГЕЛЯ
ИЗ КРЫМА

**ИСХОД
РУССКОЙ АРМИИ
ГЕНЕРАЛА ВРАНГЕЛЯ
ИЗ КРЫМА**

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2003

Серия основана в 2000 году

Под общей редакцией авторов проекта
Валентины Алексеевны БЛАГОВО
и Сергея Алексеевича САПОЖНИКОВА,
членов Российского Дворянского Собрания

Оформление художника И.А. Озерова

И91 **Исход Русской Армии генерала Врангеля из Крыма** / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии доктора исторических наук С.В. Волкова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. — 703 с.

ISBN 5-9524-0607-6

Книга посвящена описанию последних боев Русской Армии генерала П.Н. Врангеля и ее эвакуации из Крыма и охватывает период с начала сентября по начало ноября 1920 года. Успешные наступательные действия белых захлебнулись, когда большевики, заключившие перемирие с поляками, создали против Русской Армии почти 5-кратный перевес в живой силе, прежде всего в кавалерии. Белые армии были вынуждены отойти сначала за перешеек в Крым, а затем к портам. Эвакуация Русской Армии была проведена Врангелем безукоризненно, и ныне рассматривается во всех военных учебниках как образцово-классическая. Это были последние рыцари Российской империи, уходившие в изгнание с гордо поднятой головой. «Слава побежденным!» — так говорили им и о них те, кто отдавал себе отчет в драматизме происшедших в России событий.

Книга снабжена обширными и впервые публикуемыми комментариями, содержащими несколько сот неизвестных биографических справок об авторах и героях очерков. Книга входит в выпускаемый издательством «Центрполиграф» проект под общим названием «Россия забытая и неизвестная».

Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

ББК 63.3(2)-8

© С.В. Волков, 2003
© Художественное оформление серии,
ЗАО «Центрполиграф», 2003
© ЗАО «Центрполиграф», 2003

ISBN 5-9524-0607-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пятнадцатый том серии «Белое движение в России» посвящен последним боям Русской Армии и ее эвакуации из Крыма и охватывает время с начала сентября по начало ноября 1920 года.

4 сентября 1920 года Русская Армия была разделена на правифланговую 1-ю (генерал А.П. Кутепов) и левифланговую 2-ю (генерал Д.П. Драценко) армии, в состав которых вошли почти все части и соединения. В Польше из находившихся там русских частей, в основном бывшей Северо-Западной армии Юденича, была сформирована 3-я армия.

В течение сентября части Русской Армии продолжали вести успешные наступательные операции, в ходе которых 15 сентября был освобожден Мариуполь. К концу сентября фронт армии проходил от Азовского моря через Верхний Томак и севернее Александровска (ныне Запорожье) до Большой Знаменки на Днепре и далее по Днепру до его устья. В конце сентября (в ночь на 25-е) была начата Заднепровская операция, в которой были задействованы почти все силы армии. Но из-за нерешительных действий 2-й армии она потерпела неудачу, и к вечеру 1 октября ее пришлось прекратить. Не удалось и ликвидировать Каховский плацдарм красных.

Положение осложнилось и тем, что в конце сентября большевики заключили перемирие с Польшей и получили возможность перебросить все силы против Русской Армии. Когда к середине октября в районе Бериславля сконцентрировалась 1-я Конная армия красных, они стали превосходить по численности части Русской Армии почти в 4 раза, а по кавалерии — пятикратно. Вскоре конные массы красных прорвались в тыл Русской Армии, угрожая отрезать ее от Крыма, и к 21 октября белым частям пришлось спешно отойти в Крым. После этого развернулись бои на перешейке, и 29 октября генералом Врангелем был отдан приказ отходить к портам и приступить к эвакуации.

Эвакуация, к которой генерал Врангель в глубокой тайне готовился практически с самого начала вступления в командование армией, была проведена образцово, насколько это позволяли обстоятельства, и разительно отличалась от эвакуаций Одессы и Новороссийска в начале 1920 года.

В общей сложности из Крыма в Константинополь на 126 кораблях было вывезено 145 693 человека, не считая судовых команд, в т. ч. 50 тысяч чинов армии и 6 тысяч раненых, остальное приходилось на гражданских лиц, в большинстве членов семей офицеров и чиновников (среди всех выехавших было до 30 тысяч офицеров). С Крымской эвакуацией белая борьба на Юге России была закончена.

В настоящем издании собраны воспоминания о борьбе в рядах Русской Армии осенью 1920 года. В разное время они были опубликованы в русской эмигрантской печати. Эти воспоминания (за небольшими исключениями) никогда в России не публиковались.

Том начинается воспоминаниями самого главнокомандующего Русской Армией — барона П.Н. Врангеля, а дальнейшее его содержание разбито на 7 разделов. В 1-м разделе публикуются воспоминания участников борьбы в составе марковских частей, во 2-м — корниловских, в 3-м — дроздовских, в 4-м — алексеевских, в 5-м — чинов прочих частей (в основном артиллерии), в 6-м — о действиях бронепоездных частей и в 7-м — материалы общего характера, в т. ч. посвященные непосредственно эвакуации и положению оставшихся в Крыму и действиям 3-й Русской армии на Украине.

В большинстве случаев все публикации приводятся полностью (некоторые сокращения сделаны только за счет невоенной тематики). Авторские примечания помещены в скобках в основной текст. Везде сохранялся стиль оригиналов, исправлялись только очевидные ошибки и опечатки. Поскольку во ВСЮР и Русской Армии принят был старый стиль, все даты, кроме особо оговоренных, приводятся по старому стилю. Возможны разночтения в названиях воинских частей, фамилиях участников событий и географических названиях; их правильное написание — в комментариях.

**ИСХОД
РУССКОЙ АРМИИ
ГЕНЕРАЛА ВРАНГЕЛЯ
ИЗ КРЫМА**

Барон П. Врангель¹

ВОСПОМИНАНИЯ²

Все на Врангеля!

К концу августа разгром большевиков поляками выяснился в полной мере: около 250 тысяч людей и десятки тысяч коней попали в плен и частично были интернированы в Германии. Остатки большевистских армий поспешно бежали на восток, преследуемые польскими войсками.

На правом фланге поляков действовали украинские части, быстро продвигаясь на Украину. В Правобережной Украине повсеместно вспыхивали восстания. Отряды Махно, Гришина, Омеляновича-Павленко и другие непрерывно тревожили войска красных, нападая на транспорты, обозы и железнодорожные эшелоны. Нам удалось установить с партизанами-украинцами связь, оказывая помощь оружием, патронами и деньгами. Среди населения Правобережной Украины распространялись мои воззвания, призывающие украинцев к борьбе с большевиками.

В двадцатых числах августа прибыла депутация от наиболее крупного партизанского отряда Омеляновича-Павленко, он был старый кадровый офицер одного из наших гвардейских полков, ведший борьбу под украинским желто-блоkitным флагом. Прибывшая депутация была у меня. Стоявший во главе депутации старый полковник, георгиевский кавалер, произвел на меня хорошее впечатление. По его словам, население Правобережной Украины озлоблено против большевиков, однако с 19-го года недобрая память о действиях добровольческих частей осталась, и это в связи с умелой пропагандой поляков и украинцев поддерживало сочувствие к самостийникам. В связи с начавшимся оживлением на Украине всполошились и заграничные украинские круги. Я получил известие, что из Парижа выехали в Крым представители украинцев-федералистов: Маркотун, Цитович и Могилянский.

Общая стратегическая обстановка, казалось, складывалась так, как обрисовывал я ее французскому правительству. События на Польском фронте придавали западному направлению первенствующее значение.

Принятие Польшей мира, усиленно предлагаемого большевиками и на котором настаивало правительство Ллойд Джорджа, было бы для нас роковым. Освободившиеся на западном фронте три с половиной большевистских армии получили бы возможность обрушиться на нас, и в этом случае исход борьбы был бы предрешен. Последние наши пополнения — около десяти тысяч бредовцев — были влиты в армии; других пополнений, кроме отдельных офицеров из числа эвакуированных в 19-м году в разные страны, не было. Местные средства людьми и лошадьми были полностью исчерпаны. Единственным источником пополнения оставались пленные, боеспособность которых, конечно, была весьма относительна.

Я принимал все меры, чтобы убедить французское и польское правительства в необходимости продолжения поляками борьбы или хотя бы затягивания намечавшихся мирных переговоров, с тем чтобы, воспользовавшись оттяжкой части красных войск на Польском фронте, пополнить и снабдить мои войска за счет огромной, захваченной поляками добычи, использовав как боеспособные части перешедших на сторону поляков и интернированных в Германии большевистских полков, так и захваченную победителями материальную часть. Из задержавшихся в Польше остатков отряда генерала Бредова³, отрядов Булак-Балаховича⁴ и полковника Пермыкина⁵ и русского населения вновь занятых поляками областей я предлагал сформировать в пределах Польши 3-ю Русскую армию. Я предлагал объединить командование польскими и русскими войсками в лице французского генерала, с тем чтобы при нем состояли представители наших и польских армий. Соответствующие переговоры велись как непосредственно мною с представителями польского и французского правительства в Крыму, так и моими представителями в Париже и Варшаве.

30 августа (12 сентября) Маклаков⁶ телеграфировал: «Французское правительство и Фош принципиально сочувствуют Вашей постановке вопроса, но осуществление ее пойдет медленнее, чем нужно. Мешает, кроме сложности вопроса, каникулярное время и отсутствие Мильерана, с которым можно сноситься только письмами. Сговор Ваш с поляками при участии Франции признается желательным, хотя, по мнению Министерства иностранных дел, приезд самого Главнокомандующего мог бы политически повредить. Из разговоров с Замойским убеждаюсь, что политическое соглашение с поляками возможно. Но разрешение осложняется и затягивается как желанием многих поляков заключить мир, так и вопросом материальной помощи для продолжения войны. Безучастное и даже враждебное отношение к этому прочим державам затрудняет быстрое решение. Необходима подготовительная работа. Фош

принимает горячее участие, очень советует Вам не торопиться с наступлением, стараясь прочно организовать тыл. Соглашение с поляками, по моим разговорам, возможно, отложив вопрос об окончательных границах, но сейчас же согласившись на определенный способ мирного разрешения этого спора уже по восстановлении России, т. е. на арбитраж или плебисцит. Не знаю Ваших разговоров в Варшаве. Необходимо к приезду Мильерана приготовить не только условия, но и дипломатических и военных представителей для совещания здесь».

Через два дня генерал Миллер дополнительно телеграфировал: «Письмом 11-го сентября Мильерану маршал Фош поддерживает Ваши предположения, обуславливая осуществление их согласием Польши и присылкой польских уполномоченных в Париж, просит Мильерана поспешить разрешением, ввиду указанного Вами срока возможного приезда сюда. 14-го сентября 1920 года № 765. Миллер».

Одновременно начальник польской военной миссии уведомил меня, что польское правительство изъявило согласие на формирование Русской армии, численностью до 80 000 человек, в пределах Польши.

По моему поручению А.А. Нератов⁷ телеграфировал Маклакову и Миллеру: «Только что получены сведения, что польское правительство изъявило готовность на формирование Русской армии в пределах Польши из военнопленных большевиков, в количестве 80 000 человек, причем указывается на то, что подобное формирование облегчило бы вопрос переброски и избавило от расходов по перевозке из Польши в Крым и дало бы выиграть время для разворачивания наших сил.

Главнокомандующий приветствует это решение при следующих условиях:

1. чтобы таковая армия была бы выдвинута на правый фланг польско-украинской группы армии, дабы при дальнейшем наступлении примкнуть к левому флангу наших армий;

2. армия должна быть названа 3-й Русской армией⁸. В настоящую минуту Русская армия в Крыму состоит из двух армий;

3. командный состав 3-й армии назначается Главнокомандующим генералом Врангелем;

4. 3-я армия должна находиться в оперативном подчинении главнокомандующему западным противобольшевистским фронтом впредь до установления непосредственной связи с южным фронтом, после чего она переходит в подчинение генералу Врангелю. Благоволите довести до сведения о сем французского правительства и командования».

Через несколько дней я телеграфировал генералу Миллеру: «Согласился на формирование в Польше Русской армии из военнопленных большевиков на условиях, что она выдвигается на правый фланг

польской и украинской армий и называется 3-й Русской армией, командный состав назначается мною. До соединения с остальными русскими армиями подчиняется в оперативном отношении главнокомандующему западным противобольшевистским фронтом. В связи с выгодой дальнейших действий и обстановкой, возбудил вопрос объединении действий русских украинских и польских войск для обеспечения наибольшего успеха. Соглашение с украинской армией намечается, назрел вопрос объединения с Польшей. Русские войска в Северной Таврии, усиленные значительно и пополнившиеся кубанским десантом, готовы к действию в любом направлении. В случае объединения действий могу начать операцию на Правобережной Украине по овладению Херсонским и Николаевским районами с выходом в дальнейшем своим левым флангом на линию Черкассы, а центром и правым флангом на линию Мариуполь—Чаплино—Екатеринослав. Вам надлежит: 1) принять меры воздействия на поляков для борьбы с большевиками по формированию 3-й Русской армии на указанных условиях и выдвигании ее с украинцами на Черкассы для примыкания к левому флангу 2-й Русской армии⁹, в то время как маршальская армия правым флангом продвинется к Киеву и ограничивается в дальнейшем обороной Днепра и Припяти; 2) в случае намерения Польши заключить мир, всемерно затягивать переговоры с целью приковать силы красных на западе и создать выгодные условия для продвижения 3-й Русской армии к Черкассам; 3) при отрицательном решении вопроса о формировании 3-й Русской армии также при мире с большевиками принять все меры для скорейшей переброски в Крым всех русских надежных контингентов как из Польши, так и из соседних стран. В этом случае желательно посылать одетыми и с материальной частью. Севастополь, 5(18) сентября 1920 года № 0939/ос *Врангель*».

Польское правительство, казалось, охотно шло на наше предложение. Миллер телеграфировал: «Поляки согласились прислать своего военного представителя в Париж для обсуждения согласования военных действий. Генерал, посылаемый Вами, должен быть вполне посвящен в Ваши намерения, возможные планы, знаком с обстановкой и Вашими силами. 28-го сентября 1920 года № 1090 *Миллер*».

Для ускорения переговоров я решил командировать в Париж П.Б. Струве¹⁰ и генерала Юзефовича¹¹, коему я намечал поручить формирование русских частей в Польше. Временно до прибытия генерала Юзефовича это должен был делать генерал Махров¹².

Струве и Юзефович должны были передать французскому правительству краткую записку за подписью моего помощника А.В. Кривошеина¹³, излагавшую французскому правительству мои предположения.

«Секретно

Помощник Главнокомандующего Вооруженными Силами на юге России.

15-го сентября 1920 г.

г. Севастополь.

Поворот боевого счастья на сторону поляков застал Русскую Армию во время операции по овладению Северным Кавказом. Для развития на Кубани успехов, ввиду сосредоточения значительных сил противника против нашей десантной группы, намечалась переброска с таврического фронта новых частей, это неминуемо должно было нас вынудить к отходу за Перекоп, к чему армия и подготавливалась. Однако, в связи с разгромом польской армией большевиков, встал вопрос о создании на западе общего противобольшевистского фронта, причем сохранение нами таврического фронта приобретало первенствующее значение. Это поставило нас в необходимость прекратить переброску войск на Кубань и, как следствие этого, отказаться от продолжения кубанской операции. Наша десантная кубанская группа получила приказание начать переброску частей в Крым. Это было выполнено, не только без потерь, но и с большим приращением живой силы. Ныне Русская Армия подготавливается к переходу в наступление, причем только согласованные операции ее с другими противобольшевистскими силами обещают достижение наибольшего успеха. Последнее же возможно только при условии объединения действий. Объединение украинских войск с польской армией уже осуществлено. Наше военное соглашение с украинской армией уже намечается.

Ныне назрел вопрос и об объединении действий Русской Армии с поляками, причем дальнейшие успехи и дальнейшее продвижение приведет к созданию общего фронта. Роль Франции в осуществлении этого вопроса имеет доминирующее значение. Спасение Варшавы и самой самостоятельности Польши, с одной стороны, и признание правительства Юга России и оказание помощи по снабжению Русской Армии — с другой, сделают вполне естественным, что обе армии охотно пойдут на руководство общей операцией против большевиков одним из французских генералов, с тем чтобы при нем состояли представители противобольшевистских армий. В случае осуществления этого проекта и продолжения наступления Русская Армия начала бы операцию на правом берегу Днепра, причем первоначально она могла бы овладеть Очаково-Николаевским и Херсонским районами, выдвинуться на линию Никополь—Вознесенск и наступать далее на линию Днепра, откидывая свой левый фланг к Черкаскам, где было бы

желательно соединиться с украинскими войсками. Повсеместные восстания на Правобережной Украине, ближайшие к нам очаги которых руководятся нашими офицерами и снабжаются нашим оружием, в значительной степени облегчают задачу. Правый фланг и центр Русской Армии одновременно продвинулись бы на линию Мариуполь— Чаплино—Екатеринослав.

При выполнении этой операции было бы очень желательно содействие французского флота при овладении Очаковом (обстрел верков, траление мин и демонстрация у Одессы).

Выполнение намеченных заданий лишило бы большевиков хлебных районов, закрыло бы выход в Черное море и создало бы необычайно выгодное положение для дальнейших действий, причем польская армия могла бы ограничиться активной обороной на Днестре и Припяти, а русская и украинская продолжали бы дальнейшие операции. Овладение каменноугольным районом и захват Кубани должны быть следующими задачами Русской Армии, так как лишение Советской России этих источников топлива и хлеба означало бы для нее конец борьбы.

Выполнение намеченных задач возможно лишь при надлежащем снабжении, в котором Русская Армия испытывает чрезвычайную нужду. Наступающие холода требуют принятия скорейших мер по обеспечению армии обмундированием, а неминуемая сыпно-тифозная эпидемия — бельем.

Наша армия раздета, и 110 тысяч (цифры показаны несколько преувеличенными) бойцов и обслуживающих их солдат на фронте должны быть одеты по-зимнему. Кроме того, 200 тысяч офицеров, чиновников и солдат, обслуживающих тылы армии, надо одеть по-осеннему.

Одним из существенных вопросов является также усиление нас орудиями, так как запас английских снарядов приходит к концу. Только для поддержания нынешней нашей артиллерии, в связи с перевооружением, необходимо до 80 орудий.

Гражданская война выдвинула авиацию, броневики и танки — особенно могущественное средство борьбы. Оказанная ими помощь Русской Армии неисчислима. К сожалению, материальная их часть пришла в полное расстройство и присылка ее в достаточном количестве до крайности необходима. Ощущается недостаток ручного оружия, каковой, с передачей нам при содействии Франции имущества румынского фронта, будет устранен.

Для флота нужны шестидюймовые пушки Канэ, 75-мм, пушки и снаряды к ним.

Средства связи — телефоны, телеграфные аппараты, а главное, кабель — также нам нужны в первую очередь.

В медицинских средствах Русская Армия испытывает большой недостаток, который станет грозным с началом зимних эпидемий. Белье для лазаретов, дезинфекционные средства, хирургические инструменты и перевязочные материалы крайне необходимы.

С оказанием нам помощи, в общих чертах изложенной выше, Русская Армия выполнит намеченные задачи с полным успехом.

Прекращение Польшей военных действий и вступление ее в переговоры с советским правительством поставило бы Русскую Армию в тяжелое положение.

Освободившиеся силы большевиков в этом случае были бы переброшены на южный фронт, и спустя несколько месяцев мы имели бы перед собой новые три — три с половиной большевистские армии.

Но и при таких условиях Русская Армия не сложит оружия и будет драться с верой в успех и с верой в свою союзницу Францию, которой мы неизменно оставались верными и которая может оказать нам и в этом случае существенную помощь. Затягивание мирных переговоров Польши с Советской Россией, с одной стороны, и скорейшая переброска к нам из Польши и Германии (после некоторого отбора) захваченных и перешедших через германскую границу большевиков, а также остатков армий генерала Миллера и генерала Юденича — с другой, дало бы нам возможность продолжать борьбу.

Самое затягивание мирных переговоров должно быть настолько продолжительно, чтобы можно было бы успеть перебросить контингенты из Германии и Польши и закончить пополнение ими вновь формируемых частей.

Перевозимые контингенты должны быть вполне обмундированы и вооружены, а вновь формируемым частям должна быть предоставлена необходимая материальная часть, для чего могли бы быть использованы запасы большевиков, захваченные поляками.

При осуществлении всего этого Русская Армия будет и одна продолжать борьбу с большевиками в твердой уверенности в конечном ее успехе, чем даст возможность и Польше быть спокойной в невозможности большевикам нарушить условия мирного договора.

Независимо от предоставления Русской Армии военного снабжения, осуществление проекта требует и значительной денежной помощи в виде ссуды, покрытие которой наравне с оплатой военного снабжения могло бы быть предусмотрено специальным договором по экспорту во Францию зерновых продуктов, угля и других сырьевых продуктов, из территорий, уже занятых и предположенных к занятию Русской Армией».

В ряде органов, как русской зарубежной, так и иностранной печати, нами помещались статьи, имеющие целью поддержать нашу точку зрения.

Вместе с тем я решил предпринять поездку по фронту совместно с представителями союзнических миссий, имеющую целью, с одной стороны, вселить в них уверенность в прочности нашего положения, с другой — наглядно показать недостатки нашего снабжения и необходимость срочной помощи в этом отношении для продолжения борьбы.

30 августа вечером я выехал из Севастополя в сопровождении А.В. Кривошеина и представителей военных миссий Франции, Польши, Америки, Англии, Японии и Сербии и нескольких корреспондентов русских и иностранных газет. Утром 31 августа поезд остановился на станции Таганаш, и мы на автомобилях выехали для осмотра части укрепленной позиции. Работы на этом участке фронта были наиболее закончены. Густая сеть проволоки, блиндажи, сложный лабиринт окопов, искусно маскированные батареи. Недавно установленная тяжелая крепостная батарея производила пробную стрельбу. Наши аэропланы корректировали. Прибывшие могли воочию убедиться в огромной работе, сделанной за последние несколько месяцев, почти при отсутствии средств. Вернувшись в поезд, мы тронулись далее и на станции Акимовка смотрели расположенный там авиационный парк и оттянутую в резерв славную Кубанскую дивизию¹⁴ генерала Бабиева¹⁵. Наша воздушная эскадрилья, под руководством выдающегося летчика генерала Ткачева¹⁶, производила в воздухе ряд блестящих маневров, тем более удивительных, что большинство аппаратов пришли в полную ветхость, и лишь беззаветная доблесть русского офицера заменяла технику. Полеты были окончены, и военные представители окружили отважных летчиков, высказывая свое восхищение. Генерал Ткачев доложил о том, что большинство аппаратов совершенно изношены и что в ближайшее время, если не будет получено новых, наша авиация окажется бессильной. Я использовал случай, чтобы указать на те усилия, которые делались мной для получения новых аппаратов, и на те непреодолимые препятствия, которые оказывались мне не только со стороны наших врагов. Так, недавно с большим трудом приобретенные нами в одном из государств (Болгарии) аэропланы были «по недоразумению» уничтожены одной из иностранных контрольных комиссий (англичанами). Представитель великобританской военной миссии, симпатичный полковник Уольш, густо покраснел.

Дивизия генерала Бабиева прошла отлично. После смотра казаки джигитовали, чем привели в полное восхищение иностранных гостей.

Вечером прибыли мы в Мелитополь, где в штабе 1-й армии¹⁷ начальник штаба армии генерал Достовалов¹⁸ сделал краткий доклад о нашем

общем положении и познакомил слушателей с историей борьбы войск генерала Кутепова¹⁹ в Северной Таврии. После ужина мы вернулись в поезд и выехали на станцию Федоровка, откуда 1 сентября утром проехали на автомобилях в колонию Кронсфельд, где смотрели оттянутую в резерв командуящего армией Корниловскую дивизию²⁰.

От края до края огромной площади растянулись ряды войск. На середине площади поставлен аналой и в блестящих ризах духовенство служит молебствие. В тихом осеннем воздухе несутся звуки церковного пения, и где-то в небесной выси вторит им запоздалый жаворонок.

Загорелые, обветренные лица воинов, истоптанные порыжевшие сапоги, выцветшие истертые рубахи. У многих верхних рубах нет, их заменяют шерстяные фуфайки. Вот один, в ситцевой пестрой рубахе с нашитыми полотняными погонами, в старых выцветших защитных штанах, в желтых английских ботинках, рядом другой и вовсе без штанов, в вязаных кальсонах. Ужасная, вопиющая бедность. Но как тщательно, как любовно пригнана ветхая амуниция, вычищено оружие, выровнены ряды. После молебна я вручаю 1-му Корниловскому полку²¹ Корниловское знамя, знамя 1-го батальона имени генерала Корнилова. Это знамя, сохраненное одним из офицеров полка, вырвавшимся от большевиков, является для полка дорогой реликвией.

Части проходят церемониальным маршем. Один за другим идут стройные ряды, бодрый твердый шаг, веселье радостные лица, и кажется, что встали из могилы старые русские полки.

После парада, тут же в колонии, был предложен начальником дивизии обед. От имени Русской Армии я приветствовал представителей союзных держав: «Я подымаю бокал за присутствующих здесь дорогих гостей — представителей военных миссий и периодической печати дружественных нам держав Европы, Северо-Американских Соединенных Штатов и Японии. Прежде всего я горячо приветствую представителей нашей старой испытанной союзницы — Франции. Франция первая признала наше правительство. Это было первое драгоценное свидетельство твердой веры в нас, наше правое дело и нашу способность, во имя свободы и справедливости, успешно бороться с мировым врагом — большевизмом. За Францией — Америка в исторической ноте с исчерпывающей глубиной раскрыла свою точку зрения на русский вопрос, указав на мировое значение единства и неприкосновенности России и на невозможность признания когда-либо большевистского режима. С неизменной признательностью я вспоминаю огромную помощь, оказанную нам Англией, и непоколебимо верю, что недалек час, когда все дружественные державы найдут своевременным открыто сказать, что Русская Армия ведет борьбу не только за освобождение и благо Рос-

сии, но и за всемирную культуру. При нашем поражении никакая сила не в состоянии будет надолго сдержать волну красного интернационала, которая зловещим пожаром большевизма зажжет Европу и, быть может, докатится и до Нового Света. Мне особенно приятно приветствовать здесь, на фронте, наших друзей, ибо среди них я вижу сегодня представителей не только армии и флота, но и широкого общественного мнения. Я уверен, что они громко засвидетельствуют в родных странах о всем ими здесь виденном, что они правдиво, ничего не скрывая, расскажут о тех неимоверно тяжелых условиях, в которых Русской Армии приходится вести ее героическую борьбу с тиранией и варварством, не признающими ни Божеских, ни человеческих законов. Я уверен, что они так же правдиво расскажут и о великих подвигах скромных русских людей, которые бестрепетно жертвуют жизнью в ясном сознании, что они это делают для спасения и замирения нашей родины и всего человечества».

В ответных речах иностранных представителей чувствовалось общее желание помочь, сквозила искренняя симпатия. Военные люди, захваченные всем виденным, на время перестали быть политиками. После обеда мы проехали на позиции, где смотрели стоявшие в участковом резерве части Марковской²² и Дроздовской²³ дивизий. Та же вопиющая нищета, та же блестящая выправка старых русских полков, тот же бодрый, уверенный вид.

Поздно вечером мы вернулись в поезд. Ночью А.В. Кривошеин с военными представителями и иностранными корреспондентами выехал в Севастополь, я же проехал на станцию Юшунь, откуда на автомобиле 2 сентября проехал во 2-й корпус²⁴.

Полки 2-го корпуса, жестоко пострадавшие в каховских боях, недавно пополненные частями отряда генерала Бредова и прибывшими запасными, не успели еще вполне сколотиться, значительно уступая внешним видом полкам 1-го корпуса²⁵, однако и здесь настроение было спокойное и уверенное. Генерал Витковский²⁶ работал не покладая рук, спеша привести в порядок расстроенный его предшественником корпус. 5 сентября я вернулся в Севастополь.

По очищении нашими войсками Кубани противник получил возможность часть освободившихся сил перебросить на крымский фронт. Обнаружены были вновь прибывшие части, как с Кавказа, так и из внутренней России и на других участках фронта.

Правобережная группа красных войск под общим начальством «товарища» Эйдемана получила название VI армии. Штаб армии в полном составе прибыл с северного фронта. В состав VI армии входили: 1-я, 3-я, 13-я (только что прибывшие из района Пскова), 46-я и 52-я стрел-

ковые дивизии и конная бригада «товарища» Гофа. На правом берегу Днепра действовала и II конная армия под командой бывшего войскового старшины Миронова, в составе 2-й, 16-й и 21-й кавалерийских дивизий и особой конной бригады. Общая численность VII и II конной армий исчислялась в 15 тысяч штыков и 6 тысяч шашек.

Перед фронтом войск генерала Кутепова продолжала действовать XIII советская армия в составе конной бригады «товарища» Федотова, морской экспедиционной дивизии, сформированной из черноморских и каспийских матросов и матросского отряда Днепровской флотилии, 2-й Донской стрелковой дивизии, 42-й, 40-й, 23-й и 9-й стрелковых дивизий, 7-й кавалерийской дивизии (прибывшей с персидского фронта через Кубань), 9-й кавалерийской дивизии, особой архангельской бригады, бригад 29-й и 46-й стрелковых дивизий и бригады курсантов.

Общая численность войск XIII советской армии достигала 30 000 штыков и 7000 шашек. Общая численность VI, XIII и II конной армий исчислялась в 45 000 штыков и 13 000 шашек. Наши силы к 1 сентября не превосходили 25 000 штыков и 8000 шашек (боевой состав).

Части XIII советской армии располагались наиболее сильными группами в районах города Александровска (группа «товарища» Нестеровича), Орехова, станции Пологи и села Верхний Токмак. В предвидении перенесения дальнейших операций в Правобережную Украину представлялось необходимым закрепиться на правом берегу Днепра и овладеть каховским плацдармом противника, создающим нашему тылу постоянную угрозу.

Прежде чем приступить к операции в западном направлении, необходимо было разбить красных на северном и восточном участках фронта и этим развязать себе руки для предстоящей заднепровской операции. Я наметил нанести удар конными частями Донского корпуса, охватывая левый фланг XIII советской армии.

Разбив последовательно верхнетокмакскую и пологскую группы красных; части 1-й армии должны были, одновременно наступая с фронта и нанося удар в тыл ореховской и александровской групп противника, нанести ему окончательное поражение.

1 сентября части Донского корпуса²⁷ (2-я²⁸ и 3-я²⁹ Донские дивизии) перешли в наступление по всему фронту от побережья Азовского моря в районе Ногайска до линии железной дороги Большой Токмак — Верхний Токмак. 40-я и 42-я красные стрелковые дивизии, не выдерживая удара, отходили на восток и северо-восток. 2-я Донская дивизия вышла с боем в район Елизаветовки и двинулась на север, охватывая верхнетокмакский железнодорожный узел с востока. Конница 3-й Донской дивизии заняла одновременно район Вербовая — Верхний Куркулак.

2 сентября согласованными действиями всех трех дивизий Донского корпуса была разбита наголову верхнетокмакская группа красных. Взято около 1000 пленных, 3 бронепоезда, орудия и пулеметы. Части Донского корпуса овладели Верхним Токмаком, Бельманкой, Гусаркой.

С утра 3 сентября Донской корпус приступил к ликвидации пологской группы красных. 2-я Донская дивизия двинулась из Гусарки на Воскресенку, применяя маневр охвата пологского железнодорожного узла с северо-востока. Конница 3-й Донской дивизии была направлена из Семеновки на Басань, бригада 1-й Донской дивизии³⁰ — из Отертоватого в Вербовое. Кубанская казачья дивизия генерала Бабиева была подчинена командиру Донского корпуса и перешла в район Молочного. Под вечер 3 сентября 2-я Донская и конница 3-й Донской дивизии вели бой в районе Полога. В этих боях было взято вновь большое количество пленных и военного снаряжения.

4 сентября 2-я Донская дивизия шла уже на Гуляй-Поле. 1-я и 3-я Донские дивизии были двинуты на Сладкую Балку. Кубанская казачья дивизия перешла в Олеополь под Пологами. Моей директивой от 4 сентября указывалось: «Части 1-й армии, разгромив верхнетокмакскую группу красных, развивают наступление к северо-западу. Приказываю: генералу Кутепову, с Донским и 1-м армейским корпусами и Кубанской казачьей дивизией, развивая начавшуюся операцию, разбить ореховскую и александровскую группы красных, выйти на фронт Керменчик—Новоуспеновка—Кичкасская переправа и овладеть последней; частью сил обеспечивать мариупольское и волновахское направления; генералу Драценко³¹ — со 2-м и 3-м³² корпусами и Терско-Астраханской бригадой³³ удерживать левый берег Днепра от Большой Знаменки до устья Днепра; адмиралу Саблину³⁴ — обеспечивая левый фланг армии, сосредоточить силы для уничтожения красного флота в Азовском море; генералу Барбовичу³⁵ — с 1-й конной дивизией³⁶ оставаться в резерве».

В течение 4 сентября 2-я Донская дивизия заняла Гуляй-Поле при слабом сопротивлении арьергарда противника, который в полном беспорядке отходил главными силами пехоты с обозами на Волноваху. В районе Басань—Вербовое противник встретил донцов контр наступлением свежих частей (23-й стрелковой и 9-й кавалерийской дивизий). После упорного боя Сладкая Балка и Тифенбрун были заняты донцами. Одновременно части 1-го армейского корпуса отбросили красных с линии Андребург—Бурчатск и вышли в район Карачекрак—Васильевка.

5 сентября донцы продолжали боевые действия против группы красных. 2-я Донская дивизия из района Гуляй-Поле шла на Новони-

колаевку, Нововоскресенку, с целью прервать железную дорогу Александровск—Синельниково и овладеть в дальнейшем Кичкасской переправой. 3-й Донской и бригаде 1-й Донской дивизии было приказано разбить ореховскую группу красных и выйти в район Жеребец—Любимовка. Кубанской казачьей дивизии, ударом в направлении Ново-Карловка, Омельник, Жеребец, содействовать 3-й Донской дивизии. 2-я Донская и Кубанская казачьи дивизии настигли северо-восточнее Орехова (Омельник—Фриденталь) части красных, шедшие на поддержку ореховской группы красных, и нанесли им жестокое поражение.

6 сентября части Донского и 1-го армейского корпусов приступили к выполнению задачи по овладению Александровском и Кичкасской переправой. К вечеру Марковская дивизия заняла Александровск. В ночь на 7 сентября Марковская дивизия пыталась с налета овладеть Кичкасской переправой, но, встреченная жестоким огнем с правого берега Днепра, задачи не выполнила.

За операцию на северо-восточном участке фронта с начала сентября донцы и 1-й армейский корпус взяли более 10 000 пленных, больше 30 орудий, 6 бронепоездов, 3 броневика и большое число пулеметов. 1-я Русская Армия, разбив в начале сентября XIII советскую армию, вышла на линию Пологи—Кичкас.

7 сентября Марковская дивизия вновь без успеха атаковала Кичкасскую переправу. В течение 8 сентября красные по всему фронту держались пассивно. Дроздовская дивизия и бригада Кубанской казачьей дивизии выступили в направлении станции Синельниково для нанесения противнику короткого удара.

9 сентября Дроздовская дивизия с бригадой Кубанской казачьей дивизии, преодолев упорное сопротивление пехоты противника, стремительно овладели станцией Синельниково и вернулись 10 сентября в район Новогупаловки, приведя около тысячи пленных.

Стали получаться сведения, что разгромленные на северном участке красные стягивают резервы в Бердянском районе, в Берестовом были обнаружены части прибывшей на фронт матросской дивизии. Одновременно поступили сведения о готовившейся высадке красных войск в тыл нашей 1-й армии в районе к югу от Мелитополя.

Директивой 11 сентября я приказал генералу Кутепову разбить волноваскую группу красных и овладеть Мариуполем; адмиралу Николая³⁷ — разбить азовский флот красных, запретить 15 сентября Мариупольский порт и, совместно с сухопутными войсками, овладеть Мариуполем, разрушив базу красного флота.

11 сентября гвардейская бригада³⁸ 1-й Донской казачьей дивизии атаковала у Стародубовской матросскую дивизию и после повторных

атак обратила матросов в бегство. Часть матросов была порублена, около шестисот взято в плен.

3-я Донская дивизия выступила на фронт Царевоконстантиновка—Федоровка. 2-я двигалась на Туркеновку—Чистополье для охвата Волновахи с севера. Эти дивизии Донского корпуса при продвижении на восток противника не встречали; последний спешно отходил на линию Мариуполь—Волноваха.

13 сентября 1-я Донская дивизия перешла в район Стародубовская — станица Покровская; 3-я Донская дивизия — в район Богословская—Зачатьевская; 2-я — в село Павловское. С рассветом 14 сентября 1-я Донская дивизия выступила для овладения городом Мариуполем; 3-я Донская дивизия для захвата волновахского железнодорожного узла; 2-я — для перерыва железной дороги в районе станции Велико-Анадоль. В течение 14 сентября 1-я Донская дивизия сосредоточивалась в станице Никольской с целью атаковать Мариуполь 15 сентября с северо-запада и с севера. 3-я Донская дивизия заняла с боем район станций Платоновка—Волноваха, конница 3-й Донской дивизии вела бой у Апостольского. 2-я Донская дивизия разбила на рассвете станции Велико-Анадоль отряд красной пехоты до 4000 штыков и отбросила его на восток, захватив несколько сот пленных и отрезав два бронепоезда красных. При преследовании 2-я Донская дивизия сбивала красных у Новотроицкого и продолжала гнать противника на северо-восток.

15 сентября 1-я Донская дивизия с боем овладела Мариуполем. 3-я Донская дивизия, получившая задачу содействовать 1-й дивизии наступлением на Мариуполь с севера и северо-востока, вела бой с прорывавшимися из Мариуполя красными, вышла на линию Павлополь — станция Асланово и преследовала красных на восток до станицы Новониколаевской. 2-я Донская дивизия сосредоточилась в районе Новотроицкое—Ольгинское.

На рассвете 16 сентября бригада конницы противника (7-й кавалерийской дивизии) атаковала в Ольгинском части 2-й Донской дивизии, но была отбита. 2-я Донская дивизия преследовала противника на Александровку. 4-й Назаровский полк, под командой генерала Рубашкина³⁹, совершил налет на станции Караванное и Мандрыкино и к вечеру 16 сентября занял станцию Юзово, где взорвал склады огнестрельных припасов и разрушил железнодорожные сооружения. 16 сентября 1-я Донская дивизия была оттянута в резерв командира корпуса в район Янисаль; части 3-й дивизии оставались в Мариуполе для охраны города и порта. За мариупольско-волновахскую операцию донцы взяли до 5000 пленных, 9 орудий, 1 бронепоезд и много пулеметов.

17 сентября противник вновь перешел в наступление на [район] Новотроицкое—Ольгинское. Части Донского корпуса стягивались в район Волновахи, с целью окончательной ликвидации красных, группировавшихся севернее Волновахи. По сведениям разведки, противник, силой до 5000 пехоты и свыше 1000 конницы, занимал район Новотроицкое—Ольгинское.

18 сентября, после упорного боя, 1-я и 2-я Донские дивизии сбили противника и заняли линию Александровское—Новотроицкое. 2-я Донская дивизия была направлена на преследование противника, но под ожесточенным огнем бронепоездов вынуждена была остановиться.

С рассветом 19 сентября части Донского корпуса продолжали наступление. 1-я Донская дивизия, совместно с 3-й Донской дивизией, направившей конницу в тыл красным в Еленовку, опрокинула противника на фронте Александровское—Новотроицкое—Ольгинское. Противник бежал к Марьевке, преследуемый частями 1-й дивизии. Второй отряд⁴⁰ боевых судов, под командой контр-адмирала Беренса⁴¹, пройдя с тралением семь линий минных заграждений, вошел в Мариупольский порт.

20 сентября 1-я и 2-я Донские дивизии были повернуты из района Волновахи на Пологи—Орехов, где противник теснил слабые разведывательные части Донского корпуса. Красная конница успела продвинуться до района Розовка—Царевоконстантиновка. Части 3-й Донской дивизии продолжали оставаться в мариупольско-волновахском районе.

В течение 19 и 20 сентября Дроздовская и Кубанская казачья дивизии произвели вторичный налет на Синельниково, где вновь захватили более 3000 пленных, 3 бронепоезда, орудия и много военной добычи.

21 сентября второй боевой отряд судов оставил Мариупольский порт, вывезя все ценное имущество. Части 3-й Донской дивизии стали оттягиваться на запад.

22 сентября 3-я Донская дивизия сосредоточилась в районе Зачатьевская—Розовка, 2-я — в Пологах, 1-я — в Гуляй-Поле. Части 1-го армейского корпуса совершали перегруппировку для предстоящей заднепровской операции. Корниловская и Марковская дивизии сосредоточились в Александровске, Дроздовская — в Новогупаловке, Кубанская казачья дивизия — в Протопоповке—Ивано-Анновке.

В течение сентября месяца 1-я Русская Армия разоряла противника на всем фронте от Азовского моря до Кичкасской переправы. Задача моя — развязать себе руки для заднепровской операции — была выполнена.

В то время как на фронте шли непрерывные бои, в тылу продолжалась напряженная работа. Из дома, который я дотоле занимал, я перешел в более обширное здание, занятое ранее командующим флотом,

носившее название Большого дворца. В Большом же дворце помещались мои ближайшие помощники, А.В. Кривошеин и начальник штаба генерал Шатилов⁴². Наш рабочий день начинался с семи часов и продолжался, почти непрерывно, до одиннадцати — двенадцати часов ночи. Внимание приходилось уделять самым разнообразным вопросам: военным, внутренней и внешней политики, экономическим, финансовым. Последние особенно меня и Кривошеина тревожили.

Несмотря на все трудности, удалось покрывать нормальными доходами обыкновенные расходы, однако покрытие чрезвычайных расходов в течение года исчислялось с дефицитом в 250 миллиардов. Правда, приняв во внимание значительное обесценение нашего рубля, эта цифра не представлялась чрезвычайной, однако для незначительной территории Крыма и Северной Таврии она все же была большой. Бедный местными средствами Крым, конечно, не мог прокормить весь государственный аппарат и огромную армию. Хотя боевой состав войск не превышал 30—35 тысяч (не считая флота), но непомерно разросшийся тыл, десятки тысяч заполнявших госпиталя раненых, громадное число пленных, как находящихся в запасных частях, так и сосредоточенных в концентрационных лагерях, военно-учебные заведения, многочисленные тыловые учреждения, военные и морские управления, наконец флот и морские учреждения, все это доводило численность находящихся на иждивении правительства ртов до 250—300 тысяч. Конечно, прокормить это количество было для государственной казны непосильно. Главную часть военного снабжения по-прежнему приходилось приобретать за границей за счет скудного нашего валютного фонда.

Единственным предметом вывоза оставался хлеб. Правительство через контрагентов продолжало усиленно закупать зерно в Северной Таврии. Управлением торговли и промышленности были заключены с 24 июля по 1 сентября с разными лицами контракты на поставку до десяти миллионов пудов зерна. В порты было доставлено уже до полутора миллиона пудов и вывезено за границу до одного миллиона. Помимо того, что зерно являлось единственным источником нашего вывоза, появление на западноевропейских рынках русского зерна из Крыма имело и большое политическое значение. Западные европейские государства, и в частности Франция, жестоко пострадавшая за войну, испытывали большой недостаток в хлебе, и появление в Марселе парохода с грузом хлеба, 275 тысяч пудов, было отмечено почти всей французской печатью.

Монополизация правительством юга России хлебного дела вызывала значительные нарекания со стороны части промышленных кругов, в этом деле лично заинтересованных. На правительство юга России сы-

пались обвинения в «стеснении торговли», в «удушении частной инициативы». Однако со всем этим не приходилось считаться.

Надежда на возможность внешнего займа оставалась весьма слабой. Дело правительства юга России представлялось мало устойчивым, не внушало уверенности в своей прочности. А.В. Кривошеин наметил созвать в Севастополе особое экономическое совещание из наиболее видных финансовых и торгово-промышленных деятелей для обсуждения мероприятий к поднятию экономического и промышленного состояния юга России и для изыскания возможностей заключения займа. Совещание намечалось на конец сентября, к каковому времени были разосланы приглашения. Многие, в том числе граф Коковцев, Давыдов, Риттих, приехать отказались, ссылаясь на всевозможные причины, однако целый ряд лиц уведомили о принятии приглашения.

Переговоры поляков с представителями Советской России начались. Польская делегация прибыла в Ригу 5(18) сентября. С первых же дней обнаружилось почти полное расхождение сторон. Казалось, каждая сторона предъявила условия для другой неприемлемые, однако переговоры не прерывались. За спинами договаривающихся ясно чувствовалась борьба интересов других держав. Большевики, видимо, ясно отдавали себе отчет в обстановке. Учитывая, что так или иначе они достигнут с поляками соглашения, руководители советской власти решили покончить с другим врагом. Был выброшен ударный лозунг: «Все на Врангеля».

Несмотря на то что остатки красных армий безудержно откатывались перед польскими войсками на восток, красное командование все свободные резервы теперь бросало на юг. В середине сентября стали поступать сведения о движении на юг с юго-западного участка Польского фронта и красной кавалерии Буденного (1-й Конной армии).

В правительстве Франции произошли неожиданные перемены. Президент Французской республики Дюшанель заболел и вынужден был оставить свой пост, заместителем его оказался избранным Мильеран. Председателем французского правительства был назначен Лейг. Ближайшие сотрудники бывшего председателя правительства, являющиеся представителями идеи сближения с национальной Россией, Пти и Палеолог, оставили свои посты. Я телеграммой поздравил нового президента. Казалось, что происшедшие перемены не отразятся на внешней политике Франции. 27 сентября Базили телеграфировал: «Палата депутатов заслушала в субботу сообщение нового председателя совета министров. Левые сделали запрос о России. Лейг ответил, что Франция верит в русский народ и желает России скорейшего возрождения и не забудет помощи, оказанной ею Франции в начале войны. Я счел долгом принести Лейгу письменную благодарность от имени прави-

тельства юга России за теплые слова, сказанные им с трибуны, а равно приветствовать от имени правительства юга России Мильерана, по случаю его избрания в президенты республики».

Я получил сообщение, что в Крым направляется представительство французского правительства, во главе с верховным комиссаром графом де Мартелем. В составе представительства находилась и военная миссия, имеющая задачей выяснить главнейшие наши нужды и наметить способы нам помочь. Начальником военной миссии являлся генерал Бруссо.

10 сентября прибыл российский посол в Париже Маклаков. По его словам, Мильеран, дав согласие на избрание свое президентом, обусловил одновременно сохранение своего влияния на внешнюю политику Франции; новый председатель правительства и министр иностранных дел являлся послушным орудием президента. Мильеран по убеждениям своим был непримиримым врагом Советов и другом национальной России, однако Франции приходилось считаться с политикой англичан, нам в настоящее время определенно враждебной. Предрешить результата рижских переговоров было нельзя, однако Франция, вероятно, сделает все возможное, чтобы результаты этих переговоров наименее губительно отразились на нашем положении. По свидетельству Маклакова, донесение официальных и неофициальных иностранных агентов единодушно подчеркивали огромные результаты, достигнутые новым южно-русским правительством. Отмечался ряд реформ, особенное значение придавалось аграрной реформе и достигнутому соглашению с казачьими государственными новозаветованиями.

17 сентября Струве, Маклаков и генерал Юзефович выехали в Париж. 20 сентября я выезжал на несколько часов в Мелитополь, где имел совещание с командующими армиями генералами Кутеповым и Драценко. Подготовка заднепровской операции была закончена, и начало операции было намечено на 25 сентября.

На возвратном пути я едва не сделался жертвой покушения. За четверть часа до прохода моего поезда был случайно обнаружен заложенный под железнодорожным полотном фугас. Крестьянин, косивший траву вблизи железнодорожного полотна, заметил электрический провод. Он успел дать знать в железнодорожную будку, и поезд был задержан на ближайшей станции. Вызванная саперная команда обнаружила фугас огромной силы. Успей злоумышленники своевременно его взорвать, от поезда едва ли что-либо осталось. К сожалению, злоумышленники скрылись. Энергично проведенное расследование установило причастность к преступлению некоего Бориса Викентьевича Стефановича-Стивенсона, который был задержан, однако через несколько дней бежал из тюрьмы.

В Крым прибыла делегация Украинского национального комитета, в составе председателя Маркотуна, генерального секретаря Цитовича и члена комитета Могилянского. Украинский национальный комитет являлся противником самостийной политики Петлюры. Он проводил мысль об единой России, выговаривая для Украины местную автономию. Комитет работал в тесном единении с галицким украинским правительством Петрушевича, провозглашавшего единение с Россией. Украинский комитет не имел за собой реальной силы, однако являлся дружественной нам организацией, имевшей некоторые связи, как на западе, главным образом во Франции, так и на Украине, и к тому же могущей быть использованной как противовес украинцам-самостийникам. Я постарался оказать ему всяческое внимание, принял депутацию в присутствии А.В. Кривошеина, начальника управления иностранных сношений П.Б. Струве и начальника моего штаба генерала Шатилова. Выразив принципиальное согласие с предложенными делегацией положениями, я заявил, что в основу своей политики ставлю объединение всех русских сил, борющихся с большевиками, и готов поддержать развитие национальных образований на тех же основаниях, которые положены в основу соглашения моего с казачеством. Комитету была оказана и некоторая материальная помощь.

18 сентября атаманами Дона, Кубани, Терека и Астрахани был устроен в честь украинского комитета в помещении морского собрания банкет. Донской атаман от имени казаков приветствовал украинский комитет, являющийся выразителем идеи объединения во имя общей матери России, за которую провозгласил «ура». Отважавший ему Маркотун подчеркивал гибельность самостийных течений, питаемых иноземцами, стремящимися к расчленению России. Он отметил достижение южно-русской власти, отказавшейся от непримиримой политики в отношении отдельных народностей, входивших в состав Великой России, и тем достигшей единения русских сил во имя борьбы с общим врагом. В заключение он предложил тост за Главнокомандующего.

Я отвечал обоим ораторам. В своей речи я указал, что большевизм является угрозой не только России, но и всему миру. Россия для большевиков это костер, которым они надеются зажечь европейский пожар. В польской печати не раз указывалось, что поляки борются не с русским народом, а с представителями интернационала. Я верю, что ближайшее будущее оправдает это заявление и Польша не оставит в одиночестве тех, кто борется за общее дело культуры и цивилизации.

Представитель польской миссии г-н Михальский подчеркнул в своей речи, что, несмотря на то что польское правительство не упоминало в своей декларации о целях войны, последняя является борьбой с интер-

националом. «Обещание внешних границ не остановит борьбу, правительство не оставит борьбы и уверено в победе».

20 сентября было обнародовано временное положение об уездном земстве и опубликован соответствующий приказ:

«ПРИКАЗ ПРАВИТЕЛЯ ЮГА РОССИИ
И ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ АРМИЕЙ
№ 150

Севастополь

20 сентября (3 октября) 1920 г.

Приказом моим 15-го июля с. г. население сельских местностей призвано к устройению нового земского порядка в волостях, на началах широкого участия в этом деле всего крепкого земле хозяйственного крестьянства.

Для дальнейшего устройства на тех же началах земской жизни юга России я признаю необходимым предоставить повсеместно созываемым ныне волостным земским собраниям образовать из своей же среды уездные земские учреждения.

Заботы о всех хозяйственных и культурно-просветительных нуждах деревни по уездам всецело возлагаются на избранные волостями уездные земские собрания, которым с этой целью даются обширные права, причем устраняется излишний надзор и всякое, не вызываемое требованиями государственной безопасности вмешательство в их дела правительственной власти, чтобы ничем не стеснить свободу почина, самостоятельность и широту земской работы по восстановлению благоустройства и порядка жизни, разрушенных смутой.

Уездным земским собраниям вменяется в обязанность выяснить вместе с тем желательный самому населению порядок ведения тех земских дел, которые непосильны для отдельных уездов и лежат теперь на губернском земстве.

По делам этого рода уездам предоставляется объединяться в особые, по взаимному соглашению уездных земств, союзы, охватывающие губернию или целые области.

Новая земская волость даст и обновленное свежими силами земли, готовое к творческой работе, уездное земство, эту необходимую ступень подъема на пути к дальнейшему возрождению русской государственности. Верю, что междоусобица скоро закончится и наступит время избрать достойных земских людей во Всероссийское народное собрание, которое укажет, как должна быть устроена Русская земля.

Поэтому приказываю:

Впредь до установления общегосударственной властью окончательного порядка земского самоуправления, вводить в действие в местностях, занимаемых войсками Русской Армии, утвержденное мною 20-го сего сентября Временное положение об уездных земских учреждениях, с соблюдением утвержденных того же числа правил.

Генерал Врангель».

Выборы в волостные земства в некоторых волостях уже закончились. Население осторожно и вдумчиво отнеслось к выборам. Разруха местной жизни вызвала здоровое стремление к объединению. Выбранными оказывались в большинстве волостей домовитые, хозяйственные крестьяне. Было выбрано и несколько крупных ломщиков. Волостные советы в тех местностях, где их не заменили еще волостные земские управы, проявляли большую работоспособность. В большинстве волостей обследование земель было закончено. Намечены были нормы землевладения. Местами приступлено было к укреплению земель в собственность трудящимся на них хлеборобам.

Во многих наиболее богатых волостях обеспеченные крестьяне непосредственно покупали у владельцев земельные участки. Помещик сразу получал выкупную сумму, крестьяне освобождались от выкупных платежей. Ярко проявилось стремление к получению земли в собственность, к получению законным путем. Дух нового закона был понят населением. Число земельных сделок по полюбовному соглашению между крестьянами и помещиками было бы, несомненно, еще больше, ежели бы не тяжелые условия, созданные гражданской войной, постоянные призывы, лишавшие крестьянские хозяйства работников, недостаток коневых средств и т. д. Для того чтобы посадить на коней прибывшие с Кубани войска, я вынужден был произвести новую конскую мобилизацию в Бердянском и Александровском уездах. Стремясь всемерно облегчить тяжелое положение крестьян, я неизменно требовал от войск помощи населению в полевых работах.

Одновременно с земским самоуправлением было обращено внимание и на городское. 23 сентября открылось совещание под председательством и. об. начальника гражданского управления С.Д. Тверского⁴³, имевшее целью разом рассмотрение действующего положения о выборах городских гласных. Самую систему выборов предполагалось оставить неизменной, изменения должны были коснуться лишь порядка выборов.

С приближением зимнего времени следовало предвидеть появление заболеваний сыпным тифом. Главным военно-санитарным инспектором был выработан, по моему предложению, детальный план борьбы с уг-

рожающей эпидемией. Намечено было устройство трех заградительных пунктов, ряда больниц, общим числом на 6000 коек, изоляционных пропускных пунктов и т. д.

Если со стороны моих ближайших гражданских помощников и было сознание необходимости в исключительных условиях нашей работы избегать всякой рутины, бюрократизма и канцелярщины, то гражданские учреждения, как непосредственно ими возглавляемые, так и ведущие работу на местах, ото всех этих недостатков отрешиться не могли. Работа в этих учреждениях во многих случаях оставалась неудовлетворительной, и ко мне поступало большое число справедливых жалоб.

12 сентября был объявлен приказ и положение о высшей комиссии правительственного надзора:

«ПРИКАЗ ПРАВИТЕЛЯ ЮГА РОССИИ
И ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ АРМИЕЙ
№ 3626

Севастополь.

12(25) сентября 1920 года.

Я неоднократно замечал, что мои приказания и требования не исполняются точно и быстро, а иногда остаются вовсе без исполнения.

Основательные жалобы на нарушение законов и прямых моих распоряжений не всегда доходят по назначению и частью не получают справедливого разрешения. В населении нет уверенности, что голос обиженного будет услышан, и оно нередко не знает, к кому обратиться за восстановлением своих поправленных прав и надежным ограждением от чинимых обид. Для устранения этих беспорядков приказываю:

Учредить высшую комиссию правительственного надзора, на следующих основаниях:

1. высшая комиссия правительственного надзора образуется из ревизующих сенаторов, председателя главного военного и военно-морского суда и особого постоянного члена комиссии. Председатель комиссии и постоянный член назначаются по моему избранию;

2. к ведению комиссии относятся: а) принятие и рассмотрение жалоб, заявлений и сообщений о злоупотреблениях, имеющих общегосударственное значение, а равно о всех вообще особо важных преступных деяниях по службе государственной или общественной и серьезных беспорядках в отдельных отраслях управления и б) рассмотрение всех передаваемых мною в комиссию принесенных на мое имя прошений;

3. комиссии предоставляется по поступающим к ней сообщениям, жалобам и заявлениям: а) распоряжением председателя производить

через чинов сенаторской ревизии предварительное расследование и собирать необходимые сведения и б) по постановлениям самой комиссии направлять сообщения, жалобы и заявления по подведомственности подлежащим учреждениям и должностным лицам и входить ко мне с представлением о назначении расследований, через особо назначенных для сего лиц, или о производстве сенаторских ревизий.

По всем сообщениям, жалобам и заявлениям, препровожденным комиссией по подведомственности, подлежащие учреждения и должностные лица обязаны уведомлять комиссию о последовавшем направлении или разрешении означенных сообщений, жалоб и заявлений;

4. на постоянного члена комиссии, кроме участия в ее заседаниях, возлагается: прием, рассмотрение, доклад мне и направление прошений и жалоб, поступающих на мое имя;

5. делопроизводство комиссии возлагается председателем ее на одного или нескольких чинов ревизии, по соглашению с подлежащим членом комиссии.

Генерал Врангель».

В состав комиссии вошли: генерал Экк⁴⁴ (председатель), сенаторы Неверов, Трегубов⁴⁵, Ненарокомов⁴⁶, генерал-лейтенант Макаренко⁴⁷, генерал Залесский, генерал Беляев и полковник граф Воронцов-Дашков⁴⁸.

Указывая на возможность для каждого обывателя в будущем принести жалобу на любого представителя власти, с уверенностью, что жалоба дойдет до меня и не останется нерассмотренной, я предложил и. об. начальника гражданского управления принять меры к недопущению в повременной печати статей с целью дискредитировать представителей власти.

«ПРИКАЗ ПРАВИТЕЛЯ ЮГА РОССИИ
И ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ АРМИЕЙ

№ 158

Севастополь.

28 сентября (11 октября) 1920 г.

(По гражданскому управлению.)

За последние дни в ряде органов печати появляются статьи, изобличающие агентов власти в преступных действиях, неисполнении моих приказов и т. д. При этом большей частью пишущие указывают, что долг честных русских людей помогать в моем трудном деле, вырывая язвы взяточничества, произвола и т. д.

Приказом от 12(25) сентября с. г. за № 3626 учреждена комиссия высшего правительственного надзора, куда каждый обыватель имеет пра-

во внести жалобу на любого представителя власти с полной уверенностью, что жалоба дойдет до меня и не останется нерассмотренной. Этим путем и надлежит пользоваться честным людям, желающим действительно помочь общему делу. Огульную критику в печати, а равно тенденциозный подбор отдельных проступков того или другого агента власти объясняю не стремлением мне помочь, а желанием дискредитировать власть в глазах населения и за такие статьи буду взыскивать как с цензоров, пропустивших их, так и с редакторов газет.

Генерал Врангель».

Если оппозиционная левая печать всячески пыталась дискредитировать власть, то и правые «патриотические» круги своими выступлениями причиняли мне немало забот. За последнее время небезызвестный отец Востоков усиленно вел работу как в Севастополе, так и в других городах Крыма. Его проповеди носили чисто погромный характер. Отличный оратор, умевший захватывать толпу, он имел, особенно среди простого люда, значительный успех. В некоторых городах толпа пыталась произвести противоеврейские выступления. Я вынужден был отдать приказ, запрещающий «всякие публичные выступления, проповеди, лекции и диспуты, сеющие политическую или национальную рознь»:

«Русская Армия в тяжких боях освобождает родную землю. Ее право требовать единодушной поддержки всех, кому она обеспечивает мирное существование. В этой поддержке должны объединиться все силы страны, отбросив несогласия и распри. Пока враг у ворот, я не допущу политической борьбы.

Запрещаю всякие публичные выступления, проповеди, лекции и диспуты, сеющие политическую и национальную рознь. Вменяю в обязанность начальникам гарнизонов, комендантам и гражданским властям следить за выполнением моего приказа. Нарушивших его, невзирая на сан, чин и звание, буду высылать из наших пределов».

Отца Востокова я вызвал к себе и постарался объяснить гибельность его работы. Не знаю, что повлияло, моя ли беседа, или упомянутый приказ, но отец Востоков проповеди свои прекратил.

Вопрос с печатью продолжал стоять неудовлетворительно. Завкасса покойного Освага продолжала чувствоваться. Субсидируемые правительством органы, а таких было большинство, льстили власти самым недостойным образом, но в проведении общих руководящих мыслей государственного значения помочь правительству не могли. Исключение составляла газета «Великая Россия», редактируемая В.М. Левитским⁴⁹ (серьезный орган, в котором участвовали Н.Н. Львов⁵⁰, П.Б. Струве, Н.Н. Чебышев⁵¹, В.В. Шульгин⁵² и др.). Заведующий печатью Г.В. Немирович-Данченко⁵³

по своей ограниченности и неподготовленности руководить делом не мог. Состав цензоров по-прежнему был неудовлетворителен. Я не раз обращал внимание А.В. Кривошеина на необходимость упорядочения печатного дела. Александр Васильевич и сам это признавал. Он придавал печати исключительное значение, намечал проведение в этой области целого ряда мер, предполагая предварительно собрать съезд деятелей печати. Был намечен и срок съезда — 30 октября. Однако прежде всего необходимо было передать руководство печатью в подходящие руки, заменить Немировича-Данченко другим лицом. Между тем все еще не удавалось найти подходящего заместителя. Неожиданно вопрос разрешился.

С некоторых пор одновременно в ряде газет стали появляться статьи с нападками на деятельность тыла. Столбцы газет запестрели статьями под заглавием «Фронт и тыл», «Что они делают» и т. д., в коих неизменно подчеркивалось, что в то время, «как войска безропотно умирают на фронте, тыл спит», указывалось на неудовлетворительную работу многочисленных гражданских учреждений, следствием которой является недостаток снабжения войск и т. д. Как я упоминал выше, работа гражданских управлений была далека от совершенства, однако постоянное натравливание фронта на тыл являлось недопустимым. Правительство делало все, что было в его силах, и, конечно, если большинство нужд войск и не получало своевременного и полного удовлетворения, то в этом повинны были не исполнители власти, а общие условия, в большинстве случаев от правительства, а тем более от исполнителей не зависящие.

Просматривая эти статьи, я обратил внимание на некоторые ссылки, где указывались отдельные факты упущений или нераспорядительности, действительно имевшие место, сведения о которых, однако, могли проникнуть в печать лишь от лиц, близко стоящих к делу. Я обратил на это внимание А.В. Кривошеина. В тот же день представлялся мне заведующий отделом печати, желавший передать мне отчет о деятельности этого учреждения. В конце доклада он передал мне папку с газетными вырезками. «Позвольте передать вам некоторые вырезки, ваше превосходительство. Я должен покаяться: хотя начальник печати по своему положению и не может участвовать в периодических изданиях, однако, желая использовать свои литературные способности, я, конечно под псевдонимами, принимал посильное участие в работе». Я открыл папку и с изумлением увидел те самые статьи, на которые несколько часов тому назад обратил внимание А.В. Кривошеина. Начальник печати одновременно сотрудничал почти во всех газетах под самыми разнообразными и в большинстве случаев оригинальными псевдонимами: Смиренный Пимен, Розовый Мускат и т. п. (В тот же день я, через А.В. Кривошеина, предложил Немировичу-Данченко подать в отставку.)

Должность заведующего отделом печати А.В. Кривошеин решил предложить профессору Симферопольского университета Вернадскому, сыну известного академика Вернадского⁵⁴. Вернадского горячо рекомендовал П.Б. Струве. 20 сентября я выезжал в Мелитополь на совещание с командующими армиями и просил Александра Васильевича вызвать Вернадского в Севастополь ко времени моего возвращения.

Секретарь А.В. Кривошеина Н.М. Котляревский⁵⁵ передал поручение симферопольскому губернатору и получил ответ, что профессор Вернадский прибудет в мой поезд при обратном следовании в Севастополь. Возвращаясь после совещания, я принял в вагоне исполнявшего должность симферопольского губернатора А.А. Лодыженского⁵⁶. На вопрос мой: «А что же Вернадский?» — Лодыженский ответил, что Вернадский прибыл с ним лично на вокзал. «Едва удалось его разыскать. Он был в научной экскурсии за городом. Я всю полицию на ноги поднял», — добавил Лодыженский.

Поезд приходил в Севастополь вечером, и к вечернему чаю я прошел в вагон-ресторан. Вернадский был уже там. Я с удивлением увидел дряхлого старца, типичную фигуру, точно сошедшую с картины Маковского, в пальто-разлетаке табачного цвета, с длинными седыми волосами, в очках на сморщенном лице. Я пригласил профессора сесть рядом со мной и завел разговор об общественной жизни в Симферополе; в конце октября предполагалось собрать в Симферополе съезд городов, долженствующий рассмотреть целый ряд вопросов городского самоуправления. «Я, ваше превосходительство, не в курсе этого дела. Я от жизни далек, занимаюсь исключительно научными вопросами», — ответил профессор. Я недоуменно переглянулся с Шатиловым и отложил дальнейший разговор до Севастополя, наскоро допив чай, прошел к себе в вагон.

Ко мне пришел Шатилов. «Не понимаю, что случилось с Струве. Какой же это начальник печати...» — недоумевал Шатилов. С вокзала мы проехали во дворец, я пригласил академика к себе в кабинет и послал адъютанта попросить А.В. Кривошеина зайти ко мне. Я с трудом поддерживал разговор с Вернадским, с нетерпением ожидая прихода Александра Васильевича. Наконец послышались его шаги, дверь приотворилась, однако мгновенно вновь захлопнулась. Затем раздался осторожный скрип, дверь вновь приотворилась, и я увидел Александра Васильевича, делавшего мне за спиной Вернадского какие-то таинственные знаки. Я извинился перед Вернадским и вышел в приемную.

«Что вы наделали, — спросил меня Кривошеин, — кого вы привезли?» — «А что?» — «Да ведь это не тот, это отец!».

24 сентября назначение Вернадского-сына состоялось.

В последних числах сентября заболел командующий флотом адмирал Саблин. Болел он уже давно, однако перемогался. Теперь он слег. Болезнь — рак печени — быстро развивалась, и положение его стало безнадежным. Это была для флота большая потеря. Энергичный и знающий адмирал Саблин, несмотря на необыкновенно тяжелые условия, полное расстройство материальной части, сборный, случайный, неподготовленный состав команд, сумел привести флот в порядок. Корабли подчистились, подкрасились, команды подтянулись. Материальная часть в значительной мере была исправлена, образованы были в портах неприкосновенные запасы: 500 тысяч пудов угля, 1500 пудов масла на случай эвакуации. Боевые суда эскадры успешно несли охранную службу побережья, прикрывая наши операции. Производившиеся нами десанты были всегда удачны. Надежда на выздоровление адмирала Саблина не было, и я предложил должность командующего флотом и начальника морского управления вызванному А.В. Кривошеиным в Крым адмиралу Кедрову⁵⁷. Последний имел репутацию исключительно умного, решительного и знающего моряка. При личном знакомстве он произвел на меня наилучшее впечатление. После некоторых колебаний адмирал Кедров изъявил согласие должность принять. Этот выбор оказался чрезвычайно удачным. Беспрецедентная в истории исключительно успешная эвакуация Крыма в значительной мере обязана своим успехом адмиралу Кедрову.

В составе моих ближайших сотрудников намечалась еще одна перемена. И для меня, и для Кривошеина представлялось несомненным несоответствие занимаемой должности начальника финансового управления М.В. Бернацкого⁵⁸. В настоящих исключительных условиях требовался человек дела и практики. Бернацкий же был исключительно теоретик. Наметив заменить Бернацкого, Кривошеин сделал предложение прибывшему в Крым в числе приглашенных на экономическое совещание бывшему министру финансов П.А. Барку⁵⁹. Однако последний от предложения отказался. Таким же отказом ответил и председатель правления Азовско-Донского банка Каминка. В прочность Крыма по-прежнему мало кто верил.

Большинство приглашенных на экономический съезд уже съехались. Приехали: профессор Н.Н. Алексеев, князь Н.И. Аматыни, граф П.Н. Апраксин, П.А. Барк, М.И. Батшев, А.Д. Введенский, В.И. Воробьев, Ю.И. Гессен, В.И. Гурко, С.М. Гутник, С.Н. Гербель, Ю.Н. Глебов, профессор П.Н. Гензель, А.Н. Дьяконов, С.С. Демосфенов, В.С. Дрибинцев, А.Ф. Дерюжинский, Р.И. Дорогостальский, П.П. Зеленов, Ф.А. Иванов, В.В. Келлер, инженер Э.Б. Кригер-Войновский, А.А. Кокорев, Н.Т. Каштанов, П.А. Лобов, В.В. Лежнев, А.В. Мономахов, В.В. Маркозов, князь В.А. Оболенский, П.В. Оболон-

ский, А.Г. Попов, В.Н. Патрикеев, Я.Д. Прядкин, В.П. Рябушинский, Н.А. Ростовцев, В.В. Розенберг, Н.Н. Саввин, Н.В. Савич, В.С. Соколов, П.В. Семичев, А.А. Трусковский, И.И. Тхоржевский, А.С. Хрипунов, Т.А. Шамшин, С.А. Шателен.

Подготовительные работы шли полным темпом. Были образованы группы: финансовая, под председательством П.Л. Барка, торгово-промышленная, под председательством Ф.А. Иванова, и транспортная, под председательством В.И. Гурко. Начались групповые совещания.

20 сентября принято было французское радио из Батума. Тамошний французский представитель сообщил, что несколько тысяч казаков-повстанцев, под начальством генерала Фостикова⁶⁰, после борьбы с большевиками отошли к побережью в районе Сочи—Адлер с целью перейти в Грузию, однако грузинское правительство отказывается их принять. Казаки просили помощи. Я тотчас приказал грузить патроны, снаряды и продовольствие на один из транспортов и выслал миноносец, дабы установить с повстанцами связь. На миноносце выехал генерал Шатилов. Он вернулся 22 сентября.

Генерал Фостиков, поднявший восстание еще среди лета, собрал вокруг себя несколько тысяч казаков и после ряда удачных боев освободил от красных значительную часть лабинского и майкопского отделов. Однако после нашей неудачи на Кубани положение его стало тяжелым. Огнеприпасов не хватало, красные войска постепенно окружали повстанцев. Предвидя неизбежность отхода с Кубани, генерал Фостиков пытался установить со мной связь через Батум, где проживала большая часть кубанских правителей после позорной сдачи армии генерала Букретова⁶¹. Однако все посылаемые донесения кубанскими правителями перехватывались и до меня не доходили. Наконец из захваченной большевистской газеты генерал Фостиков узнал о состоявшемся признании правительства юга России Францией и решил попытаться связаться со мной через французского представителя в Батуме. Это донесение дошло до меня.

Последнее время, окруженный со всех сторон большевиками, испытывая недостаток в огнеприпасах, генерал Фостиков решил отходить в Грузию. Всем желающим казакам он предложил разойтись по домам, с остальными, около двух тысяч, он отошел в район Сочи, где продолжал с трудом держаться. Патроны и провиант были совсем на исходе. Грузины отказывались пропустить казаков. Помощь требовалась немедленно. К сожалению, поднявшийся шторм не давал возможности отправить транспорт. Лишь через несколько дней судно могло выйти в море. Тем временем было получено радио, что казаки, теснимые красными, отошли в Грузию, где окружены грузинскими войсками и разоружены. Красные войска требовали их выдачи. Я отдал приказание конвоирую-

щему транспорт миноносцу, во что бы то ни стало, принять и погрузить казаков на транспорт, не останавливаясь, в случае препятствий со стороны грузин, прибегнуть к содействию артиллерии.

На требование предоставить войскам возможность грузиться грузины сперва ответили отказом. После продолжительных переговоров было достигнуто соглашение, однако, опасаясь большевиков, грузины согласились на погрузку казаков, лишь инсценировав «уступку под угрозой вооруженной силы». Миноносец дал несколько безрезультатных выстрелов, грузинский отряд отступил, после чего казаки погрузились. Согласно отданному мною приказанию, отряд генерала Фостикова, около двух тысяч казаков, выгрузился в Феодосии, где люди должны были отдохнуть, одеться, получить вооружение и в дальнейшем следовать на фронт. Генерала Фостикова я произвел за отличие в генерал-лейтенанты и наградил орденом Святого Николая Чудотворца.

24 сентября я выехал на фронт для руководства заднепровской операцией. За четыре дня до моего отъезда я отдал приказ о формировании 3-й Русской Армии в Польше.

«ПРИКАЗ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ АРМИЕЙ

№ 3667

Севастополь.

20 сентября (3 октября) 1920 года.

С моего согласия на территории Польши моим представителем при польском правительстве генералом Махровым формируется 3-я Русская Армия. Задача этой армии — борьба с коммунистами, сначала под общим руководством польского командования, а затем по соединении с Русской Армией под моим непосредственным начальством.

Приказываю всем русским офицерам, солдатам и казакам, как бывшим на территории Польши раньше, так и перешедшим в последнее время к полякам из красной армии, вступить в ряды 3-й Русской Армии и честно, бок о бок с польскими и украинскими войсками, бороться против общего нашего врага, идя на соединение с войсками Крыма.

Генерал *Врангель*».

За Днпром

Подготовка заднепровской операции затянулась почти на месяц. Большие трудности представлял сбор необходимого понтонного материала, в котором в Крыму испытывался большой недостаток. Подготовка операции выполнялась в условиях крайней секретности, так как успех на-

шей переправы зависел в большой степени от ее неожиданности. При выборе места переправы — наведения понтонов — пришлось произвести сложную рекогносцировку берегов Днепра, которые в низменных своих местах (плавнях) ежегодно, во время весеннего половодья, меняют свои очертания. В двадцатых числах сентября было приступлено к наводке моста через Днепр, в районе Ушкелки в излучине Днепра, где его течение (с востока на запад) поворачивает на юго-запад.

Расположение наших частей к этому времени было следующее: от Азовского моря в районе Бердянска, через Верхний Токмак и севернее Александровска до Большой Знаменки на Днепре 1-я армия генерала Кутепова, причем на восточном секторе армии — Донской корпус, на северном — 1-й армейский корпус и Кубанская казачья дивизия, подтянутые в район Александровска; от Большой Знаменки до устья Днепра — II армия, в составе 2-го и 3-го армейских корпусов и конного корпуса (1-я конная дивизия и Терско-Астраханская бригада).

Противник, разгромленный в середине сентября на Мариупольском, Волновахском и Синельниковском направлениях, активности на этих участках не проявлял. Деморализованные части XIII советской армии уклонялись от сопротивления с нашими частями и, видимо, накапливали резервы для будущих боевых действий. Конница XIII советской армии (5-я кубанская, 7-я и 9-я кавалерийские дивизии) продолжала вести усиленные разведки на восточном участке фронта.

Перед фронтом II армии генерала Драценко противник сосредоточил крупные силы: в Никопольском районе — II конную армию, под командой бывшего войскового старшины Донского войска Миронова, на каховском плацдарме и по правому берегу Днепра, в его нижнем течении — пополненные части VI советской армии. Несмотря на тщательно поставленную агентурную разведку, противнику не удалось выяснить заранее место нашей переправы через Днепр, но, ожидая наше движение в западном направлении, красное командование сосредоточило по правому берегу Днепра наиболее сохранившиеся части южного фронта. На Бериславское направление спешно подходила с юго-западного фронта (из Галиции) 1-я Конная армия Буденного. Появления «буденновской» армии на южном фронте можно было ожидать около 10 октября; до ее подхода и приведения в порядок необходимо было разбить никопольскую группу противника — II конную армию, подкрепленную пехотными частями VI и XIII советских армий, и каховско-бериславльскую группу — VI советскую армию, чтобы обеспечить за собой правый берег Днепра, для дальнейшего выдвижения на Украину.

Согласно моей директиве от 20 сентября, генералу Кутепову ставилась задача: обеспечивая себя со стороны Таганрога, каменноугольного

района, Чаплина и Синельникова, в ночь на 24 сентября форсировать Днепр в районе Александровска и, выставив заслон на Екатеринославском направлении и закрепившись на правом берегу Днепра, большей частью конницы наступать на фронт Долгинцево—Апостолово; генералу Драценко — с 3-м и конным корпусами и 42-м Донским стрелковым полком, в ночь на 25 сентября форсировать Днепр на участке Никополь—Софиевка Нассауская и, направив конницу для захвата станции Апостолово, ударить в тыл каховской группе красных; генералу Витковскому — обеспечивая Сальковское и Перекопское направления, в ночь на 25 сентября овладеть каховским плацдармом, после чего форсировать течение Днепра ниже Берислава, содействуя генералу Драценко в разбитии каховской группы.

Вследствие незаконченной частями 1-й армии перегруппировки начало заднепровской операции отложено было на одни сутки. В ночь на 25 сентября Корниловская и Марковская дивизии, под сосредоточенным артиллерийским и пулеметным огнем красных, переправились вброд, выше пояса, с острова Хортица (в районе Александровска) на правый берег Днепра, овладели высотами последнего и, захватив в плен части 3-й стрелковой дивизии красных, двинулись: марковцы на Розенталь—Розенгард, в северо-западном направлении, корниловцы — на Шенберг, в юго-западном направлении. Кубанская казачья дивизия, под командой генерала Бабиева, форсировав Речище, прорвалась на Тамаковку. Противник отходил под нашими ударами на всем этом фронте. В то же время (24 сентября) противник навел понтонный мост из Никополя на остров Орлов и приступил к переправе на левый берег Днепра частями 1-й стрелковой дивизии. 42-й Донской стрелковый полк под натиском противника вынужден был отойти за реку Конскую, на фронт Малая Знаменка—Водяное. К ночи на 26 сентября понтонный мост через Днепр в районе Ушкелки был готов, и 7-я пехотная дивизия начала переправу.

В течение 26 и 27 сентября части 3-го армейского корпуса, поддержанные передовыми частями Конного корпуса⁶², с боем заняли фронт Покровское—Грушевка. 27 сентября все наши части переправились на правый берег Днепра. До вечера 27 сентября противник продолжал вести упорные атаки на фронт Водяное—Малая Знаменка, переправив на левый берег Днепра до бригады пехоты, но, получив сведения об обходе Никополя с северо-востока ударной группой 1-го армейского корпуса (Корниловской и Кубанской казачьей дивизиями), красные стали оттягиваться на правый берег Днепра. 42-й Донской стрелковый полк⁶³ перешел в наступление и утром 28 сентября занял южную окраину Никополя. Одновременно с северо-востока ворвались в Нико-

поль части Кубанской казачьей дивизии генерала Бабиева и преследовали красных, отходивших в северном направлении.

В течение 26 сентября 3-й армейский корпус продвигался с упорным боем в направлении Чертомлык—Перевозное. Конный корпус под начальством генерала Науменко⁶⁴ выдвинулся к Шолохову, откуда свернул на восток на соединение в Никопольском районе с Кубанской казачьей дивизией генерала Бабиева. Терско-Астраханская бригада 27-го сосредоточилась на линии железной дороги Никополь—Апостолово, в районе железнодорожного моста через реку Бузудук, взорвав его. При движении Корниловской и Кубанской дивизий от Кичкасской переправы в Никопольский район они вели бой с частями 1-й и 3-й стрелковых дивизий и 2-й и 21-й кавалерийских дивизий (II конной армии). Конные части противника от решительных столкновений уклонялись. Совершая в то же время обходное движение в район Никополя, конный корпус генерала Науменко перехватил тылы никопольской группы красных и забрал большие трофеи (за 28 сентября взято более 3000 пленных, 8 орудий, 6 броневиков, бронепоезд и прочая добыча). Вечером 28 сентября части 1-й конной дивизии вошли в связь с Кубанской казачьей дивизией в районе Никополя.

29 сентября конная группа, в составе 1-й конной дивизии, Кубанской казачьей дивизии и Терско-Астраханской бригады, выступила, под командой генерала Бабиева, на Апостолово, с задачей разбить находившегося там противника, разрушить железнодорожный узел и двинуться в юго-западном направлении в тыл каховской группе красных. Операция развивалась успешно.

Между тем, стремясь задержать наше наступление, грозившее основной коммуникационной линии II конной и VI армии, противник повел наступление с востока (против 1-й армии генерала Кутепова) и от Каховки и Херсона. Этим маневром — зажима в клещи, применявшимся неоднократно в течение летней кампании в Северной Таврии, — красное командование рассчитывало отвлечь наши силы от выполнения поставленных им задач. Тесня правофланговые части генерала Кутепова, противник продвигался в общем направлении на Мелитополь. Несмотря на настойчивые просьбы командующего 1-й армией о возвращении ему переданных во II армию корниловцев и 42-го Донского стрелкового полка, я оставался непреклонен. Последние могли быть возвращены генералу Кутепову лишь по завершении возложенной на них задачи — содействия переправе II армии. 28 сентября на крайнем нашем правом фланге (Мелитопольское направление) красные, тесня наши слабые части, подошли на один-два перехода от Мелитополя. Свободных резервов у нас не было. Но переправа частей II армии была уже закончена, никопольс-

кая группа красных разгромлена, и конная группа генерала Бабиева вышла в тыл врага.

Тогда я отдал приказ о передаче Корниловской дивизии и 42-го Донского стрелкового полка из II армии генерала Драценко в 1-ю армию генерала Кутепова. Корниловская дивизия 29 сентября у Никополя переправилась на левый берег Днепра и двинулась на восток. В Александровском районе части 1-й армии с правого берега Днепра отводились на левый берег; переправы уничтожались. На поддержку Донскому корпусу в район Гуляй-Поля двинута была Дроздовская дивизия; наступление на Мелитопольском направлении было остановлено запасным полком Корниловской дивизии. Через несколько дней красные были отброшены по всему фронту 1-й армии; положение под Каховкой и в районе Херсона было восстановлено местными резервами.

Между тем II армия генерала Драценко продолжала выполнять свою задачу. Действиями командующего II армией я был весьма недоволен. Генерал Драценко действовал вяло, нерешительно, как бы ошупью. Чувствовалось отсутствие ясного определенного решения, твердого руководства командующего армией...

Части 3-го армейского корпуса, выступившие 29 сентября из Покровского для перегруппировки, были встречены конницей красных со стороны Шолохова. В свою очередь, красная конница была атакована во фланг конной группой генерала Бабиева, следовавшей из Никополя, но от боя уклонилась и отошла на северо-восток. Со стороны Фирсовки на Бабино повели наступление части 52-й стрелковой дивизии, но были с большими потерями отброшены. После боев, в течение 29 сентября, конная группа генерала Бабиева расположилась на ночь в районе хутора Неплюевского (1-я конная дивизия) и в Чертомлыке (Кубанская казачья дивизия и Терско-Астраханская бригада). Перед фронтом генерала Бабиева были обнаружены все части II конной армии Миронova (2-я, 16-я и 21-я кавалерийские дивизии и отдельная кавалерийская бригада).

Части 3-го армейского корпуса продолжали топтаться на месте, ведя бой на линии хутора Перевозные—Подстепное—Николайталь—Мариинское. Последнее селение было нами занято. Я телеграфировал 30-го вечером генералу Драценко, требуя решительного движения вперед и указывая, что нерешительными действиями своими он грозит сорвать весь первоначальный успех. Наша воздушная разведка обнаружила начатое красными очищение каховского плацдарма. Я отдал приказ частям генерала Витковского на рассвете 1 октября атаковать каховскую позицию.

Ночью меня разбудили. Генерал Драценко доносил, что, натолкнувшись на правом берегу Днепра на крупные силы противника, понесся

тяжелые потери и не желая подвергать армию гибели, он вынужден был отдать приказ об отступлении обратно на левый берег... Вся операция шла насмарку.

На рассвете части генерала Витковского перешли в наступление. Однако штурм укрепленной каховской позиции 1 октября был отбит. Наши части, дойдя до проволоки, продвинуться дальше не могли, залегли и несли тяжелые потери от жестокого артиллерийского огня. Отряд танков, прорвавшись в Каховку, почти целиком погиб. Данные воздушной разведки об очищении каховского плацдарма оказались ошибочными.

Несмотря на повторные запросы штаба II армии в течение всей ночи, подробностей происшедшего на правом берегу Днепра получить не удалось. Было выяснено лишь, что отход армии прикрывается кубанскими стрелками доблестного генерала Цыганка с севера и самурцами и терскими пластунами со стороны Фирсовки с запада. Конница в полном беспорядке, артиллерия и обозы непрерывной лентой тянутся по мостам на левый берег Днепра.

В девять часов утра была получена короткая телеграмма генерала Драценко: «Вчера 30 сентября снарядом убит генерал Бабиев». Все стало ясно. Со смертью любимого вождя умерла душа конницы, исчез порыв, пропала вера в собственные силы. Положение не мог спасти принявший командование и почти тотчас же раненный генерал Науменко. Смятение овладело полками. Части на рысях стали отходить к переправам. Ободрившийся противник перешел в наступление. Смятение в рядах расстроенной конницы увеличилось. Восстановить порядок было невозможно. Все устремилось к переправам. На узких лесных дорогах, в плавнях, смешались отходившие конные и пехотные части... Потрясенный всем виденным, растерявшийся генерал Драценко отдал приказ об отходе всей армии на левый берег Днепра.

К вечеру 1 октября части закончили переправу. Понтонный мост был разведен и подтянут к левому берегу Днепра. Утром 2 октября на лодках переправились на наш берег прикрывавшие переправу самурцы⁶⁵ и терцы. Заднепровская операция кончилась.

Правильно задуманная, тщательно подготовленная и планомерно развивавшаяся операция закончилась неудачей. Причиной этой неудачи, помимо случайной, привходящей — смерти генерала Бабиева, — являлись неудачные действия командующего II армией генерала Драценко. Последний с исключительным гражданским мужеством и подкупающей честностью сам признал это, прося освободить его от должности командующего армией. Заместителем ему я наметил генерала Абрамова⁶⁶, приказав, впредь до его прибытия, в командование армией вступить командиру 3-го корпуса генералу Скалону⁶⁷.

2 октября мною была отдана директива: генералу Скалону, оставаясь командиром 3-го корпуса и объединив командование 3-м корпусом и Терско-Астраханской бригадой, удерживать линию Днепра от Большой Знаменки до Дмитровки; генералу Науменко с конным корпусом, в составе 1-й и Кубанской дивизии, перейти в район Верхние Серогозы—Новоалександровка; штабу II армии теперь же перейти в подчинение генералу Кутепову.

26 сентября были получены сведения о заключении поляками перемирия. Военные действия на Польском фронте приостанавливались, красное командование получило возможность все свои силы бросить на нас. В то же время переговоры представителей моих с французским правительством давали основание надеяться на то, что последнее не оставит нас без помощи. Струве сообщил, что им ведутся успешные переговоры о предоставлении нам Францией займа и что в ближайшее время можно рассчитывать на помощь военным снабжением. В ближайшие дни французский верховный комиссар с военной миссией выезжал в Крым. Представители польского правительства в Крыму продолжали заверять об искреннем желании поляков войти в соглашение с нами, давая понять, что достигнутое перемирие лишь вынужденная уступка Англии, что до заключения мира еще далеко. Прибывшая из Севастополя утренняя газета помещала интервью с дипломатическим представителем польской военной миссии в Крыму князем Любомирским.

«В Севастополь прибыл из Варшавы член местной польской военной миссии князь В.С. Любомирский. В беседе с нашим сотрудником князь Любомирский коснулся ряда злободневных вопросов.

Заключение перемирия с большевиками было вызвано рядом обстоятельств. Польское правительство не хотело ни мира, ни перемирия. Польский народ, несмотря на тяжелую русско-германскую войну, все время происходившую на территории Польши, также полон ненависти к большевикам и готов продолжать войну. Перемирие было заключено главным образом потому, что западные государства, кроме благородной Франции, не только не оказывали помощи Польше, но даже настаивали на прекращении войны с Совдепией.

Причина такого рода политики заключалась в следующем. Возрождавшаяся после войны промышленность лихорадочно требовала сырья... Сырья, которое раньше доставляла Россия, теперь уже не было, и пробыл этот никем не заполнялся. Запад думал, что если с Совдепией будет заключен мир, то из России тотчас же потекут реки меда и молока. Большевицкий гипноз был слишком силен, и из-за него запад не видел действительности. Помимо этой главной причины на заключение перемирия

повлияли также обстоятельства чисто технического характера. Чехи не пропускали в Польшу снаряжение и снаряды. Данциг также задерживал все, направлявшееся в Польшу. Польские войска терпели большой недостаток в снарядах, несмотря на помощь, оказываемую доблестной Францией. Все это, вместе взятое, заставило польское правительство заключить если не мир, то хотя бы перемирие. По вопросу о союзе Польши с генералом Врангелем князь Любомирский заявил:

«Руководящие польские круги чрезвычайно сочувственно относятся к заключению союза с генералом Врангелем. Я убежден, что этот союз будет заключен в самом ближайшем будущем». Если польские армии и прекратили военные действия, то все же, затягивая переговоры с целью приковать силы красных на западном фронте, польское правительство оказало бы нам существенную поддержку.

30 сентября (12 октября) генерал Шатилов телеграфировал Базили: «Ввиду возможности прекращения военных действий на Польском фронте, вопрос о скорейшем формировании 3-й Русской Армии в Польше приобретает исключительное значение. Армия эта, перейдя на русскую территорию, могла бы начать самостоятельную операцию из Проскуровского района, имея конечной целью выйти на Днепр на линию Черкассы—Киев. При таком продвижении соединение с другими русскими армиями, базирующимися на Крым, обеспечено. Для осуществления намеченной здесь операции 3-й армии необходимо добиться от поляков: 1) разрешения немедленно же приступить к формированию; 2) возвращения казакам конского состава и седел; 3) предоставления материальной части, технических средств, обмундирования, лошадей и прочего; 4) временно принять армии на полное довольствие. Кроме того, необходимо, чтобы польская армия, перед приостановлением военных действий, заняла бы такое положение, чтобы обеспечить левый фланг 3-й армии при ее операции на Днепре, для чего желательно продвижение центра польской армии по меньшей мере на Фастов—Коростень, каковую линию желательно держать как демаркационную. Это единственный выход из того тяжелого положения, в которое будет поставлена Русская Армия в случае прекращения военных действий на Польском фронте. Немедленное формирование казачьих дивизий из сдавшихся казаков приобретает при этом первостепенное значение.

Главкомандующим одновременно командуются в Польшу ряд генералов и полковников для занятия командных казачьих должностей. В случае, если бы формирование 3-й армии оказалось бы неосуществимым или же при прекращении военных действий на Польском фронте, она не могла бы быть созданной достаточно сильной для самостоятельных действий, то Главкомандующий приказал принять меры к быстройшей

эвакуации всего боеспособного элемента из Польши в Крым. Севастополь, 30 сентября, № 008922. *Шатилов*».

Связь наша с поляками была чрезвычайно затруднительна. Переговоры приходилось вести исключительно через французов. Попытки установить радиосвязь с Варшавой успехом не увенчались. Несмотря на все ходатайства, союзные верховные комиссары решительно отказывались допустить установку нашей радиостанции на территории русского посольства в Буюк-Дере.

Как ни мало доверял я нашим «иностранным друзьям», однако все же не оставлял надежды, что польское правительство, под давлением Франции, будет возможно долее оттягивать заключение мира, дав нам время закончить формирование армии на польской территории или по крайней мере перебросить русские войска в Крым.

Получение свежих пополнений, военного снабжения и осуществление намеченного займа дали бы возможность продолжать борьбу. В предвидении этого удержание в наших руках Северной Таврии являлось существенно необходимым. Отход в Крым за перешейки не только обрекал нас на голод и лишения, но, являясь признанием невозможности продолжать активную борьбу, создавал угрозу лишения нас в дальнейшем всякой помощи со стороны Франции. Засев в Крыму, мы перестали бы представлять угрозу советскому правительству и тем самым теряли всякий интерес в глазах западных держав.

С другой стороны, неудача заднепровской операции неминуемо должна была отразиться на духе войск. Новые тяжелые потери еще ослабили состав частей. Пополнений на месте взять было неоткуда. Угроза со стороны каховского плацдарма продолжала висеть над нами. Противник на всем фронте непрерывно усиливался. На Мариупольском направлении были только что обнаружены части вновь прибывшей 5-й Кубанской кавалерийской дивизии, сформированной на Кубани. 1-я Конная армия «товарища» Буденного, в составе 4-й, 6-й, 11-й и 14-й кавалерийских дивизий и особой отдельной кавалерийской бригады, к 1 октября подошла в район Александрия—Елисаветград, где начала пополнение запасными кавалерийскими частями. Конницу Буденного можно было ожидать на одном из участков правого берега Днепра в десятых числах октября. С подходом 1-й Конной армии силы противника должны были превзойти наши в 3—3½ раза, а численность конницы оказалась бы в пять раз больше нашей. При этом противник значительно превосходил нас артиллерией и техническими средствами.

1 октября, накануне отдачи мной директивы, я пригласил на совещание генералов Шатилова и Кутепова. Я предложил моим ближайшим помощникам всесторонне обсудить вопрос — принимать ли нам бой

впереди крымских дефиле или, очистив Северную Таврию, отойти за перешейки. Приняв во внимание всю совокупность условий, мы пришли к единодушному решению бой в Северной Таврии принять. Это была последняя ставка. Всякое другое решение предопределяло неизбежный конец.

В ночь на 2 октября я выехал в Севастополь. Перед самым отходом поезда из Мелитополя было получено донесение о налете прорвавшейся конницы красных на Большой Токмак. Здесь противник захватил часть обозов и взорвал восемь вагонов со снарядами. В Большом Токмаке находился проездом в Донской корпус донской атаман генерал Богаевский⁶⁸. Он едва не был захвачен в плен и должен был бежать пешком со своим адъютантом. Не рассвете противник, преследуемый нашей воздушной эскадрилей, поспешно отошел.

В Севастополе ждало меня известие о подписании мира поляками. Мир заключен был между Советской Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей — с другой и признавал независимость Украины и Белоруссии. Обе стороны отказывались от возмещения расходов. Польша получала вознаграждение за имущество, вывезенное начиная с 1 августа 1914 года. Договор о прелиминарных условиях мира подписан был еще 29 сентября (12 октября), и интервью польского дипломатического представителя, помещенное в газетах 1 октября, было дано уже после подписания мирного договора. Поляки в своем двуличии остались себе верны.

В широких слоях населения известие о заключении Польшей мира не произвело особого впечатления. Большинство, по-видимому, не отдавало себе отчета о значении этого обстоятельства для нашей борьбы. Столь же мало учитывали, по-видимому, и успех пашей заднепровской операции. Сообщенные сводкой Ставки сведения о захваченных нами за пятидневную операцию трофеях — 13 500 пленных, 27 орудий, 6 броневтомобилей и 1 бронепоезд — исключали в представлении населения возможность общего неуспеха. Со своей стороны мною было сделано все, чтобы неудача операции не получила бы широкой огласки. Теперь более чем когда-либо необходимо было поддержать за границей уверенность в прочности нашего положения.

4 октября состоялось последнее заседание финансово-экономического совещания в моем присутствии. Я благодарил членов совещания за помощь их правительству Юга России и выразил уверенность, что по отъезде за границу члены совещания будут помогать русскому национальному делу. Упомянув о тяжелой борьбе, которую нам приходится вести, о лишениях, которые испытывает армия, я вскользь заметил, что значительное превосходство противника, получившего ныне возмож-

ность бросить на нас все свои силы, и острый недостаток в снабжении могут заставить нас отойти в Крым, «но в дальнейшем, оправившись и отдохнув, мы вновь возобновим борьбу». Предвидя возможность неблагоприятного исхода предстоящего решительного сражения в Северной Таврии, я исподволь готовялся к этому.

5 октября финансово-экономическое совещание закончило свою работу, наметив ряд практических мероприятий в разных областях финансового и промышленного дела и вынеся резолюцию, что в небывало тяжелых условиях нашей работы правительство Юга России достигло значительных успехов и шло единственно правильным путем.

Резолюция совещания: «Созванное правительством Юга России финансово-экономическое совещание, закончив рассмотрение вопросов, предложенных на его обсуждение, а равно возникших при ходе его работ, считает своим долгом сделать из всех данных, сообщенных ему правительством и полученных им от местных торгово-промышленных организаций, следующий заключительный вывод.

Общее экономическое положение земель, занятых Русской Армией, оказывается, при непосредственном соприкосновении с действительностью, несравненно лучшим, нежели это представляется в Западной Европе, не только иностранцам, но даже и проживающим там русским людям.

Производительные силы края и платежные силы населения используются в настоящее время скорее недостаточно и с избытком покрывают текущие расходы управления.

Средства нужны лишь для покрытия чрезвычайных военных издержек и, в особенности, для снабжения армии, крепкой духом, идущей к близкой окончательной победе и нуждающейся исключительно в материальном снаряжении и обмундировании. Для этой цели необходимо обеспечить заграничные кредиты, что ускорит торжество над противником и откроет возможность в дальнейшем, вместе с расширением территории, прочно укрепить финансовое положение. Тогда же возможно будет устранить то единственное ограничение свободы частной торговли, которое введено ныне правительством для вывоза зерна за границу, в обмен на валюту. Соглашаясь с невозможностью по обстоятельствам военного времени ныне же снять это ограничение, совещание высказывает уверенность, что недалеко то время, когда правительство и в этой области осуществит признаваемую им самим необходимость открыть полный простор свободному соревнованию и частной инициативе.

В заключение финансово-экономическое совещание не может не преклониться перед громадностью того труда, того военного и гражданского подвига, который совершается ныне правительством Юга

России и перед достигнутыми им в короткий срок успехами: в крае, опустошенном войной и большевистскими приемами управления, быстро крепнут основы свободной хозяйственной жизни и обновленного гражданского строя».

В тот же день у меня был ужин в честь участников совещания. С речами выступали: П.А. Барк, В.П. Рябушинский, В.И. Гурко, Н.А. Ростовцев, граф П.Н. Апраксин и И.И. Тхоржевский. Блестящую, исключительную по силе речь произнес В.П. Рябушинский.

6 октября я получил телеграмму атамана Семенова⁶⁹, ставшего во главе борьбы на Дальнем Востоке:

«Оценив настроение казаков, инородцев и крестьян, населяющих российскую восточную окраину, я пришел к неуклонному решению, во имя блага родины, не только признать вас как главу правительства Юга России, но и подчиниться вам, на основаниях преемственности законной власти, оставаясь во главе государственной власти российской восточной окраины, главного командования и выборным походным атаманом казачьих войск — Забайкальского, Амурского, Уссурийского — и перешедших на ту же территорию во главе с их войсковыми правительствами — Енисейского, Сибирского, Оренбургского и Башкирского.

Отрезвление сельского населения, вкусившего прелести большевизма, уже началось: прибывают добровольцы, казаки, инородцы, крестьяне. Части моей армии находятся в Забайкалье, Уссурийском крае и северной Монголии. От имени своего и подчиненных мне войск и населения приветствую вас в великом подвиге служения родине.

Главнокомандующий и походный атаман
генерал-лейтенант *Семенов*».

5 октября состоялись похороны доблестного генерала Бабиева. Печально шел я за гробом старого соратника. Не стало еще одного из стаи славных. Еще одно славное имя внесено в длинный список русских витязей, кровью своей омывших позор родины.

6 октября прибыла на броненосце «Provence» французская миссия, во главе с верховным комиссаром графом де Мартеlem. На пристани был выставлен почетный караул от Гвардейского казачьего дивизиона. Прибывших приветствовали от моего имени начальник военного управления генерал Вязьмитинов⁷⁰ и и. д. начальника управления иностранных сношений Б.А. Татищев⁷¹.

На следующий день утром я принимал графа де Мартеля в присутствии помощника моего А.В. Кривошеина, и. д. начальника управления иностранных сношений Б.А. Татищева и начальника штаба ге-

нерала Шатилова. Граф де Мартель прибыл в сопровождении командующего средиземной эскадрой, державшего свой флаг на броненосце «Provençe», адмирала де Бона, его начальника штаба, начальника французской военной миссии генерала Бруссо и начальника штаба последнего полковника Бюкеншюа.

Вручая свои верительные грамоты, граф де Мартель обратился ко мне со следующей речью:

«Возлагая на меня представительство при Вашем Превосходительстве, в качестве верховного комиссара Французской республики, мое правительство имело целью подтвердить то значение, которое оно придает союзу и тесной дружбе, не перестававшей связывать между собой французский и русский народы, несмотря на все пережитые испытания. Мы не можем забыть неоценимых услуг, оказанных нам Россией в начале войны, когда первые волны германского нашествия нахлынули на наши границы. Мы знаем, что Брест-Литовский мир был делом рук определенного меньшинства, которое одно лишь и несет ответственность за свое предательство. Франция никогда не вступала на путь соглашательства с советской властью, поставившей себя, по собственному желанию, вне законов, признаваемых всеми.

Франция решительно становится в ряды истинных сторонников свободы, права и порядка. Именно это сознание воодушевляло Францию, когда она с чувством искреннего расположения приветствовала создание вокруг Вашего Превосходительства демократического правительства, относящегося с уважением к национальным меньшинствам и опирающегося на армию, тесно связанную с народом.

Франция, которая и по сей день залечивает раны, нанесенные ей войной, которая сама еще заканчивает восстановление разрушений на собственной территории, приняла решение оказать вам в полном объеме свою нравственную поддержку, а также и материальную помощь в пределах возможного.

Вам известны чувства, которыми воодушевлен президент республики в отношении России. Со своей стороны глава французского правительства, г-н Лейг, в следующих словах, произнесенных в парламенте, ясно определил свою политику. «Мы высказываем пожелание, — сказал он, — чтобы русский народ, столь заслуживающий благородного и могущественного существования, обрел вновь спокойствие, порядок и благонравие».

С этим именно чувством я прибыл в Крым. Являясь точным выразителем намерений французского правительства и искренним другом русского народа, я предоставляю в распоряжение Вашего Превосходительства мое сердечное сотрудничество и искреннюю помощь».

Я ответил на речь графа де Мартеля:

«Господин верховный комиссар. С глубоким удовлетворением приветствую я на русской земле представителя Франции, с которой национальная Россия так тесно связана традиционными чувствами дружбы и привязанности. В вашем лице я хотел бы выразить живейшую признательность правительству республики за почин, который она приняла на себя, заявив о своей солидарности с делом возрождения России.

В ту минуту, когда презренный заговор ниспроверг всякий законный строй в России и привел ее к позорной капитуляции перед врагом, русские патриоты предприняли борьбу против изменников родины. Эта борьба длится уже почти три года, и мы твердо намерены довести ее до конца, движимые не духом завоевания, а непреклонным решением освободить русский народ от тирании, которая тяготеет над ним, и дать ему возможность свободно определить свою будущую судьбу.

Господин верховный комиссар, вы можете рассчитывать у нас на самый сердечный прием и на живейшее с нашей стороны стремление содействовать вам в выполнении возложенной на вас высокой задачи».

Французский верховный комиссар произвел на меня и на А.В. Кривошеина довольно неблагоприятное впечатление. Весьма неблагоприятно был поражен я, увидев в числе его ближайших помощников полковника Бюкеншюца, неблагоприятная роль которого в Сибири в дни, когда граф де Мартель представлял правительство Франции при адмирале Колчаке, была мне хорошо известна. Полковник Бюкеншюц усиленно заигрывал с враждебными адмиралу Колчаку эсеровскими кругами. Неблагоприятное впечатление еще более усиливалось тем, что в составе миссии находился майор Пешков, бывший русский офицер, в Великую войну сражавшийся в составе французских войск, приемный сын большевистского прислужника Максима Горького. В тот же день в 4 часа я отдал графу де Мартелю ответный визит на «Provence».

8 октября я давал миссии обед. Присутствовали: граф де Мартель с состоящими при нем лицами, начальник военной миссии генерал Бруссо с начальником штаба майором Этьеваном и членами миссии, адмирал де Бон с своим штабом, А.В. Кривошеин, начальник штаба генерал Шатилов, начальник военного управления генерал Вязьмитинов, врид начальника управления иностранных сношений Б.А. Татищев, начальник управления финансов М.В. Бернацкий, генерал от кавалерии Драгомиров, прибывший из Константинополя генерал-лейтенант Лукомский⁷², контр-адмирал Евдокимов⁷³, контр-адмирал Николя и корреспондент газеты «Matin» Шарль Риве.

Я приветствовал графа де Мартеля, подняв бокал за здоровье президента республики, за его правительство и за величие и процветание

Франции. На мою речь граф де Мартель ответил в следующих выражениях:

«Генерал. Сердечно благодарю вас за ваше искреннее приветствие. Я глубоко тронут приемом, оказанным мне в Крыму, как представителю правительства Французской республики. Вы совершенно справедливо вспомнили о том времени, когда Россия и Франция сражались рука об руку за общее дело. На полях битвы между ними протянулись новые нити связующей дружбы. Война, потрясая весь мир, повлекла за собой целый поток страданий и горя. Россия, понесшая вместе с союзниками значительную долю великих испытаний, до сих пор еще не обрела спокойствия и мира. Сейчас она борется против тирании незначительного меньшинства, которое под видом ложно понятого гуманизма стремится восстановить самую страшную диктатуру и вместе с тем препятствует русскому народу свободно выявить свою волю и самостоятельно определить свои национальные стремления. Франция, противница всякой тирании, не колеблясь, сделала свой выбор. Этот выбор пал на тех, кто оказался верным заключенному союзу и принятым в прошлом международным обязательствам, на тех, кто стремится дать русскому народу истинно свободный государственный строй. Им Франция окажет свою полную нравственную поддержку и всю материальную помощь, которую вправе от нее ожидать. Опираясь на широкие демократические начала и относясь с должным уважением к стремлениям меньшинств, сражающихся также против большевиков, вы можете полагаться на их действительную помощь. Вы можете быть уверены в торжестве дела, за которое вы боретесь. Каковы бы ни были предстоящие еще испытания, ваша доблестная армия, сражающаяся за право и справедливость, уже доказала свою уверенность в победе.

Генерал, я поднимаю бокал в честь ваших славных воинов и их блестящего вождя. Я пью за ваши успехи, за окончательное освобождение великой союзной и дружественной нам России».

После обеда я обходил группы гостей. Залитый ярким светом зал, цветы, блестящие мундиры, оживленные речи... Я подошел к генералу от кавалерии А.М. Драгомирову.

— Ну вот, мы и вышли на большую дорогу, — приветствовал меня генерал.

Я постарался ответить любезной фразой. Мысли были далеко, там, в Северной Таврии, где готовилось решение нашей участи. Среди блестящей сутолоки дня сердце томили тяжелые предчувствия.

9 октября адмирал де Бон давал мне завтрак на броненосце «Provence», отходившем в этот день в Константинополь. Адмирал де Бон, прелестный старик, производил чарующее впечатление. Искренний друг

России, он впоследствии, в дни нашего изгнания, остался таковым же. После завтрака А.В. Кривошеин и я долго беседовали с адмиралом де Боном, графом де Мартелем и генералом Бруссо, излагая наши нужды и пожелания. Адмирал де Бон из Константинополя должен был немедленно проехать в Париж, где и надеялся добиться удовлетворения наших насущных нужд.

Переговоры в Париже о займе успешно продолжались. Маклаков телеграфировал: «Струве просит передать: 20-го октября был принят председателем совета Лейгом, 22-го — президентом республики. Последнему изложил финансовое положение, план займа. Отношение весьма благоприятное и полная надежда на успех. Факт приема следует огласить, умолчав о плане займа». В Крым направлялся транспорт «Рион» с теплой одеждой для войск, артиллерийскими припасами и пр. Казалось, долгожданная помощь приходила. Не поздно ли?

С фронта поступали сведения о непрерывном подходе свежих частей противника. Кроме 1-й Конной армии «товарища» Буденного, направлявшейся к Бериславлю в районе Александровска, прибыла из Пскова 30-я стрелковая дивизия. Все свободные резервы красного командования из внутренних округов и Западной Сибири, предназначенные на Польский фронт, теперь направлялись на юг. Многочисленные отряды «батяки» Махно, доселе работавшие в тылу красных, теперь, учя возможность пожить в Крыму, переходили на сторону советских войск. Силы противника ежедневно увеличивались. В Александровск прибыл с западного фронта штаб IV красной армии, дивизии которой были разбиты поляками во время варшавской битвы и частично интернированы в Германии.

Сама природа, казалось, становилась против нас. Наступили небывалые в это время года морозы. Войска, почти раздетые, жестоко страдали от холода, появились обмороженные. Количество простудных заболеваний резко возросло. Полки таяли.

Бросая все свои свободные силы на юг, красное командование принимало одновременно меры для усиления работы своей в нашем тылу. За последнее время вновь оживилась деятельность зеленых, усилилась работа и по военному шпионажу, руководимая регистрационным отделом («Регистродом») кавказского фронта, расположенным в Ростове-на-Дону. Этот «Регистрод» через свои регистрационные пункты № 5 и 13, расположенные в Темрюке (Кубанской области), и через особые пункты («Ортчк») на побережье Таманского полуострова высылал ряд разведчиков, направляя их на Темрюк—Тамань, а затем через узкий Керченский пролив на побережье Керченского полуострова и далее в Крым и этим же путем принимал их обратно.

В течение месяца в городе Керчи и в прилегающем к нему районе было арестовано шесть советских шпионов и раскрыта организованная большевиками на нашей территории «служба связи» с таманским берегом, располагавшая в Керчи и в поселке Юргаки (на Азовском море) тайными станциями, снабженными сигнальными ракетами, сферическими зеркалами для оптической сигнализации и материалами для химического письма. У одного из этих шпионов между прочими документами было найдено также предписание «связаться с Мокроусовым» и «явка», т. е. указание, как найти сего последнего.

Руководимая опытной рукой генерала Климовича работа нашей контрразведки в корне пресекала попытки противника. Неприятельские агенты неизменно попадали в наши руки, предавались военно-полевому суду и решительно карались. Борясь всеми мерами с попытками противогосударственной работы и неизменно утверждая суровые приговоры военно-полевых судов, я в то же время постоянно стремился поддержать значение суда, как органа свободного, независимого от административной власти, как бы высоко ни были поставлены ее представители.

9 октября был издан приказ, окончательно устанавливающий самостоятельность военно-судебного ведомства, доселе в лице главного военно-морского прокурора, все еще подчиненного начальнику военного управления и обязанного руководствоваться по военно-морским вопросам указаниями начальника морского управления.

«Находя ныне, — говорилось в приказе, — своевременным развить основные положения, изложенные в приказе моем от 6-го апреля с. г. за № 2994, в смысле надлежащего разграничения деятельности власти судебной и административной, приказываю:

1. военное и военно-морское судебное ведомство выделить из подчинения начальникам военного и морского управлений;
2. главному военному и военно-морскому прокурору и начальнику военного и морского судного отдела военного управления впредь именоваться главным прокурором армии и флота и начальником военного и военно-морского судебного ведомства, с непосредственным подчинением мне;
3. военный и морской судный отдел военного управления переименовать в канцелярию начальника военного и военно-морского судебного ведомства».

Французская миссия устраивалась в отведенном ей особняке, граф де Мартель делал визиты должностным лицам, а полковник Бюкеншюу и майор Пешков сговаривались с милыми их сердцу «оппозиционными» правительству «демократическими» группами.

Не успев очнуться от угара, охватившего их на заре русской революции, группы эти остались чуждыми всем перипетиям нашей борьбы. Стоя слепо на платформе «защиты завоеваний революции», суливших им дешевые миражи личного почета и влияния, лица эти были склонны видеть угрозу этим «завоеваниям» в каждом мероприятии правительства, если таковое рождалось независимо от их инициативы. К числу таких групп следует отнести некоторые общественные организации (земские и городские), часть профессиональных союзов и наиболее крупную из кооперативных организаций — «Центросоюз», с его филиалами — «Центросекцией», «Днепросоюзом» и «Здравосоюзом».

Организации эти с первых дней мартовского переворота, пополнявшие, «как правило», свой состав исключительно лицами, имевшими «общественно-революционный стаж», укомплектовывали свои учреждения в огромном большинстве такими элементами, которым идеология прикрывшихся легким флером большевиков или «полубольшевиков» была более родной, чем идеология Русской Армии, вынужденной во имя успеха той борьбы, которую она вела не на жизнь а на смерть, стать на принцип военной диктатуры.

Группы эти не стеснялись под шумок оказывать покровительство, а иногда и просто протягивать руку нашим врагам в случаях, когда им казалось, что это не противоречит их «партийной этике», а иногда и просто торговым интересам.

В этом последнем отношении особенно заслуживает быть отмеченной деятельность «Центросоюза» и его филиалов, поименованных выше. Еще в период 1919 года, когда во власти Добровольческой армии находились города Одесса, Киев и Харьков, было документально установлено, что «Центросоюз», «Центросекция» и «Днепросоюз» являются контрагентами советского правительства, получают субсидии от советской власти и выполняют задания таковой по доставке товаров и фуража Красной армии и в губернии Северной России. Осмотром книг «Центросоюза» и Харьковского отделения Московского народного банка было установлено, что «Центросоюз» получил 50 000 000 рублей от советского правительства, а в местных складах «Центросоюза» были обнаружены товары, заготовленные для Советской России. Из других кооперативных организаций особенным вниманием советской власти пользовались «Центросекция» (кооператив для рабочих), «Днепросоюз» и «Здравсоюз», которые получали крупные субсидии от Советов и, обслуживая сих последних, привлекали к этой работе и те свои филиалы, которые находились на территории Русской Армии.

Иллюстрацией деятельности находившихся в Крыму органов «Центросоюза» по обслуживанию ими интересов большевиков может слу-

жить изъятый выемкой в сентябре 1920 года в Керченской конторе «Центросоюза» «план общей работы на 1920 год», препровожденный в названную контору управляющим таврической конторой «Центросоюза» Добровольским, при датированном 20 февраля 1920 года письме члена южного правления того же союза г-на Ионова, в котором были указаны следующие задачи:

1. закупка сырья и отправка такового в необработанном виде в северные губернии и за границу;
2. выработка фабрикатов и отправка их на север для дальнейшей обработки на фабриках «Центросоюза»;
3. окончательная обработка продуктов и отправка их в готовом виде в Северную Россию.

Эта переправка в Северную Россию производилась частью через Батум и Грузию, а иногда путем сосредоточения товаров в тех пунктах, которые эвакуировались Добровольческой армией, причем оставляемые товары перечислялись конторой «Центросоюза», обслуживающей Советскую Россию.

Декретом советского правительства от 20 марта 1920 года все кооперативные организации Советской России обращены были в «потребительские коммуны». Та же участь постигла и главное управление «Центросоюза», находящееся в Москве, которое было обращено в главный орган снабжения Советской России. Главари «Центросоюза», естественно, не пожелали добровольно расстаться со своими капиталами и самостоятельностью, но были принуждены к тому силой и репрессиями. На некоторое время сохранила свою самостоятельность лишь заграничная организация этого союза («Иноцентр»), находящаяся в Лондоне и возглавляемая Беркенгеймом, Зальгеймом и Ленской, а также и контора, находящаяся в Крыму.

При таких условиях казалось бы естественным, хотя бы во имя сохранения остатка кооперации от полного поглощения ее большевиками, обращение лондонского «Иноцентра» к сотрудничеству с Русской Армией. На деле вышло обратное, и Беркенгейм при приезде в июне 1920 года в Лондон советской делегации, возглавляемой Красиным, Ногиным и Разумовским, вошел с ними в соглашение и предложил оказать содействие к заключению торгового договора с Советской Россией.

Этот последний факт выявил политическую физиономию «Центросоюза», крымские представители которого заверяли в преданности своей правительству Юга России. Им же объясняется скрыто недоброжелательный отпечаток, который лежал на так называемой «неторговой» деятельности «Центросоюза», на которую сей последний ассигновал $1/2\%$ со всех своих торговых оборотов. Эта «неторговая» деятельность

выражалась в организации библиотек, просветительных лекций, в книгоиздательстве и приняла довольно широкие размеры.

По оставлении нами родины некоторые из лиц, игравших видную роль в учреждениях «Центросоюза», обосновавшихся на территории, принадлежащей ВСЮР и Русской Армии, и пользовавшихся влиянием в общественных кругах, как то: Марк Ефимович Кузнецов (старый деятель «Центросоюза»), по партийной принадлежности меньшевик, Бронислав Юльевич Кудиш (член «Днепросоюза» и представитель центрального союза кооперативов — «Центросоюза»), по партийной принадлежности большевик-коммунист, подвергавшийся аресту в 1919 году, Евгений Федорович Филиппович (член «Днепросоюза» и староста украинского «Центросоюза») по партийной принадлежности с. д. — украинец, оказались в составе советского представительства в Константинополе, а коллеги их по тому же «Центросоюзу» заполнили собою места советских представителей, начиная от Трапезунда и Зунгулдака до Лондона включительно. 25 сентября было приступлено к расследованию деятельности этих лиц и произведен был ряд выемок, вызвавший среди упомянутых кругов сильный переполох...

Лидерами оппозиции из состава севастопольского городского самоуправления, во главе с городским головой, социалистом-революционером Перепелкиным, была составлена и передана французскому верховному комиссару пасквильная записка, имевшая целью всячески опорочить в глазах представителей Франции правительство Юга России. Записка приводила ряд частью искаженных, частью измышленных фактов.

Несмотря на принятые предателями предосторожности, нам удалось получить копию этой записки. Я решил положить подлой игре с самого начала предел. Воспользовавшись тем, что в связи с назначенным на 30 октября в Севастополе съездом редакторов повременной печати группа представителей печати просила их принять, я в разговоре с ними коснулся того значения, которое в настоящих условиях, после заключения Польшей мира, должно иметь для нас признание Франции. Упомянув о том, что на помощь эту мы можем рассчитывать лишь при условии веры французского правительства в наше дело, я высказал возмущение по отношению тех русских людей, которые, ставя выше общего дела личные или партийные интересы, не останавливаются перед тем, чтобы на пользу врагам всячески подрывать доверие иностранцев к нашему делу. В подтверждение моих слов я показал записку Перепелкина и других, переданную французами. Я видел, что мои собеседники были искренне возмущены.

Конечно, через день вся эта некрасивая история стала достоянием города, вызвав общее негодование против некоторых из его представи-

телей, во главе с городским головой. Последний пытался представить мне какие-то «объяснения», однако я отказался его принять. Уступая общественному мнению, господин Перепелкин сложил с себя звание городского головы и выехал из Севастополя. Весьма сконфужен был и граф де Мартель. Он приехал к А.В. Кривошеину, высказывал огорчение свое по поводу случившегося, пытаясь объяснить дело «какими-то недоразумениями». Я не сомневался, что урок послужит ему на пользу.

Рассчитывая, вероятно, найти поддержку у демократической Франции; оживились и казацки самостийники. И. д. кубанского атамана, бывший председатель кубанского правительства инженер Иванис⁷⁴, последнее время сидевший в Грузии, прибыл в Крым и просил у меня разрешения созвать краевую раду. Он ходатайствовал вместе с тем о разрешении прибыть для участия в заседании рады тем из членов ее, которые после сдачи армии генерала Букретова бежали в Грузию. По словам Иваниса, без участия находившихся в Грузии членов рады кворума собрать было нельзя. Предательская работа этих лиц, во главе с одним из членов бывшего правительства Тимошенко, мне была хорошо известна, о чем, конечно, не мог не знать и Иванис, предусмотрительно просивший меня дать гарантию неприкосновенности его единомышленникам, в случае приезда их в Крым. Я ответил, что старого поминать не буду, что против прибытия всех членов рады для участия в ее заседаниях ничего не имею, о чем и прошу его их уведомить. Вместе с тем предупреждаю, что ежели их предательская работа возобновится в Крыму, то поступлю с ними так же, как с прочими предателями. Как и следовало ожидать, Тимошенко и его единомышленники после этого отказались приехать.

Собрали в Евпатории свой круг и донцы. По приглашению круга я с графом де Мартеlem 14 октября прибыл в Евпаторию и присутствовал на заседании круга. Отвечая на приветственную речь председателя, я вновь вкратце упомянул о возможности «временного» отхода армии за перешейки... После заседания войсковой круг давал мне обед в местной гостинице «Бейлер», во время которого, отвечая на приветствие атамана, граф де Мартель произнес большую речь:

«Господа казацки представители. Я очень счастлив быть среди вас в столь важный и решительный момент вашей жизни и судьбы вашей страны. Франция была всегда другом России, и теперь с чувством глубокой горечи она смотрит на эту великую, богатую и прекрасную страну, захваченную насилием горсти людей, ведущих ее к разорению.

Франция никогда не мирилась с большевизмом. Она всегда была во главе всемирного противобольшевистского движения и с радостью приветствовала появление у власти правительства генерала Врангеля, который при невероятных трудностях предпринял объединение всех энер-

гичных людей для продолжения борьбы и обеспечения русским людям защиты их прав. Франция сознает, что, если война против Германии закончилась победой, всеобщий мир может существовать лишь тогда, когда он наступит и в России и большевизм, занесенный из Германии, будет выметен из русской земли. Франция знает, что казаки были в авангарде в течение всей гражданской войны и продолжают эту жестокую и трудную борьбу против врага. Вы сражаетесь, чтобы спасти миллионы русских людей, обреченных на смерть, которых горсть людей в своем эгоизме уничтожает безжалостно, с жестокостью неизвестной в истории, как она разрушила бы завтра Крым, если бы его территорию не защищал энергичный Главнокомандующий — рыцарь без страха и упрека, взявший на себя заботу охранения порядка, спокойствия и охранение прав каждого.

Я горячо желаю, чтобы ваша земля, еще занятая противником, скоро увидела бы то же. Вы выбрали единственный верный путь, объединившись в борьбе. Еще несколько усилий, и вы придете к цели — увидите ваши станицы и тихий Дон. Питая надежду на скорое осуществление этого, я передаю вам пожелание Франции и братский привет ваших друзей и союзников, которые не пожалеют никаких усилий, чтобы вам помочь по мере возможности и до конца».

Вечером мы выехали в Севастополь. 12 октября был опубликован мой приказ, подводящий итоги работы гражданского ведомства за полгода деятельности правительства Юга России.

«ПРИКАЗ ПРАВИТЕЛЯ ЮГА РОССИИ
И ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ АРМИЕЙ
№ 179

Севастополь.

12(25) октября 1920 года.

Полгода работы лиц и учреждений, призванных мною к задачам гражданского управления, прошли в трудных и суровых условиях. Самые жизненные потребности тыла властно урезывались войной. Но данные мною гражданскому управлению указания исполнялись, даже и при этих условиях, успешно и всегда в дружном единении с армией.

Программу свою я объявил и от проведения ее не отступлю. Благо и свобода народа; внесение в русскую жизнь оздоровляющих начал гражданского строя, чуждых классово-и племенной ненависти; объединение всех, уцелевших от разгрома живых сил России и доведение военной и идейной борьбы до того желанного часа, когда русский народ властно выразит свою волю: как быть России.

Для проведения этой программы мне нужны люди сильные духом, знающие народную жизнь и умеющие ее строить. Партийная или политическая окраска их для меня безразлична: были бы преданы родине и умели бы разбираться в новых условиях. Подбору таких стойких и умелых людей — на всех ступенях государственной лестницы — я придаю коренное значение. В правительственной работе, как и на фронте, вся суть в людях.

На первом месте из всего, сделанного гражданским управлением за шесть месяцев, я должен поставить труды по разработке реформы земельной и местного земского самоуправления. Этими актами заложены основы государственного строя новой России, прочно закреплен мир с народом, необходимый для успеха войны с его поработителями.

Образование земельных советов и начавшееся укрепление земель за новыми собственниками стали фактами. Земельная реформа, обещанная разными правительствами, впервые осуществляется на территории Русской Армии. В свою очередь, земская реформа призвала новые широкие слои народа заново налаживать русскую жизнь.

Начато исполнение долга совести нашей — помощи жертвам войны: инвалидам, вдовам и сиротам. Приступлено к устройству трудовой помощи бедствующим в Крыму беженцам.

Восстанавливается правосудие. Расширена деятельность мировых судей; преобразованы и объединены учреждения государственного и уголовного розыска; обеспечен надзор за точным соблюдением закона и моих приказов.

В области торговой политики — введена правительственная организация заграничного вывоза зерна. В ней я вижу начала реального сближения с западом в способе извлечь из вывоза валютные средства для снабжения армии. Я знаю, что мера эта стесняет частную предприимчивость, но временно она неизбежна. Лишь постепенно удастся подойти к предрешенному мною восстановлению полной свободы торговли и промышленной деятельности.

В области политических отношений — обеспечено взаимное понимание и заключены братские соглашения между правительством Юга России и правительствами Дона, Кубани, Терека и Астрахани. Налаживаются дружеские связи с Украиной. С Дальнего Востока откликнулся атаман Семенов, добровольно подчинившийся со своей армией моему политическому руководству, как всероссийскому.

За это же короткое время достигнуто признание власти Правителя Юга России со стороны дружественной нам Франции — сделан первый шаг к возвращению России в семью культурных европейских держав.

Сделано многое. Но еще больше предстоит сделать.

Главная задача, на которую нужно теперь налечь со всей энергией и упорством, — это задача воссоздания разрушенной экономической жизни. Конечно, во всей полноте задача эта будет разрешена не нами, а временем и самим народом. Но и нам надо не ждать, а действовать.

Обесценение денежных знаков приняло характер народного бедствия. Бытовые условия жизни тяжелы для всех без различия, от рядового обывателя до члена правительства.

Недостаток товаров замедляет поступление из деревень хлеба. Грозит опасность дальнейшего сокращения запасов. Необходимо привлечь крестьянские товарищества и союзы к непосредственному участию в обмене зерна на привозимые из-за границы товары.

Еще более тревожит меня положение городских жителей. Равновесие между городом и деревней нарушено. Положение рабочих требует серьезнейшего внимания и участия. Общие условия культурной городской жизни расстроены; дороговизна пропитания делает положение интеллигентных тружеников еле переносимым. Выход должен быть найден — помимо общих финансово-экономических мер — и путем организации деятельной самопомощи, при широком содействии государства, которое я заранее обещаю.

Состояние транспорта железнодорожного и пароходного, а также почтово-телеграфного дела требует неотложных, решительных мероприятий. Нетерпимым является отсутствие на дорогах личной и имущественной безопасности; разбоям должен быть положен предел. Необходимо последовательно улучшать все стороны хозяйственного быта и управления.

Съехавшиеся в Севастополь, на мой зов, видные деятели финансового и промышленного мира подтвердили правильность намеченного нами пути. Советы их, я надеюсь, ускорят достижение нашей цели: дать населению главное — хлеб и порядок.

В заботах материальных не забудем, что не менее хлеба насущного России нужна здоровая жизненная энергия. Будем беречь ее источники — религию, культуру, школу; будем готовить для России деятельную и знающую молодежь и ревностно оберегать святыню народных надежд — Церковь.

Намеченные задачи требуют усиленной работы, плечом к плечу с земством, при поддержке государственно настроенной научной и общественной мысли. Результаты правительственной деятельности только начинают сказываться. Но я не могу не отметить их с чувством благодарности к моим сослуживцам и высоко ценю их усилия, тем более что единственным побуждением к работе, при исключительно тяжелых условиях, является только сознание честно исполненного долга их перед родиной.

Мой долг и мое живейшее нравственное побуждение — выразить горячую признательность помощнику моему, А.В. Кривошеину, совету правительства и всем сотрудникам моим по гражданскому управлению — за их неизменную помощь Русской Армии в деле воссоздания России.

Генерал Врангель».

Одновременно был опубликован и соответствующий приказ по Военному управлению. За короткий шестимесячный срок в исключительно тяжелых условиях была действительно сделана огромная работа. Были неизбежные ошибки, оставались значительные недочеты, но разрешению главнейших насущнейших вопросов были отданы все имевшиеся силы и средства.

13 октября противник начал переправу в районе Никополя. Бои разгорались и на других участках нашего фронта. 15 октября красные по всему фронту перешли в решительное наступление. По получении об этом известия я выехал для руководства операцией в Джанкой.

Последняя ставка

После перегруппировки наши части в десятых числах октября располагались в следующем порядке:

II армия генерала Абрамова — от Азовского моря до Днепровских плавней; штаб армии в Мелитополе; 3-я Донская казачья дивизия — на участке от Азовского моря до Большого Токмака (включительно); от Большого Токмака до плавней — 6-я⁷⁵ и 7-я⁷⁶ пехотные дивизии 3-го армейского корпуса; в резерве Главнокомандующего, в районе Михайловка—Тимашевка — 1-я и 2-я Донские казачьи дивизии.

1-я армия генерала Кутепова — от Днепровских плавней по нижнему течению Днепра до Черного моря; штаб армии на станции Рыково; 42-й Донской стрелковый полк — на участке Балки—Знаменка, в Днепровке — ядро Марковской дивизии, в Верхнем Рогачике — ядро Корниловской дивизии, перед каховским тэт-де-поном — 13-я⁷⁷ и 34-я⁷⁸ пехотная дивизии 2-го армейского корпуса; в Болших Маячках — ядро гвардейского отряда; в Нижних Серагозах—Торгаевке — ударная группа 1-й армии: Дроздовская пехотная дивизия, 1-я конная дивизия, Кубанская казачья дивизия, Терско-Астраханская конная бригада; 2-я конная дивизия⁷⁹ подходила к Нижним Серагозам со стороны Рыкова.

Части противника располагались: на участке от Азовского моря до плавней — IV и XIII советские армии: запасная кавалерийская бригада

Федотова, морская экспедиционная дивизия, 2-я Донская и 3-я, 9-я, 23-я, 30-я, 40-я и 46-я стрелковые дивизии, бригада 29-й стрелковой дивизии, бригада курсантов, 5-я Кубанская кавалерийская дивизия, 7-я и 9-я кавалерийские дивизии и повстанческие отряды, именующие себя «махновцами»; на участке по правому берегу Днепра: в Никопольском районе — II конная армия Миронова, в составе 2-й, 16-й и 21-й кавалерийских дивизий и отдельной кавалерийской бригады с приданными конной армии 3-й и 46-й стрелковыми дивизиями, бригадой курсантов и 85-й бригадой 29-й стрелковой дивизии, далее от Ново-Воронцовки до Алешек и в каховском тэт-де-поне — части VI армии в составе латышской, 1-й, 13-й, 15-й, 51-й и 52-й стрелковых дивизий, огневой ударной бригады, отдельной стрелковой бригады в районе Херсона и кавалерийской бригады Гофа.

К 14 октября в районе Бериславля сконцентрировалась I Конная армия Буденного, в составе 4-й, 6-й, 11-й и 14-й кавалерийских дивизий и отдельной кавалерийской бригады. Таким образом, против Русской Армии во второй половине октября 1920 года развернулись IV, VI и XIII советские армии, I и II конные армии и повстанческие отряды, именовавшиеся повстанческой армией Махно; в составе армии Южного фронта действовало не менее четырнадцати пехотных и двенадцати кавалерийских дивизий: 1-я, 2-я Донская, 3-я, 9-я, 13-я, 15-я, 23-я, 30-я, 40-я, 42-я, 46-я, 51-я, 52-я, латышские стрелковые дивизии, отдельные бригады и отряды и 2-я, 4-я, 5-я Кубанская, 6-я, 7-я, 9-я, 11-я, 16-я, 21-я кавалерийские дивизии, сводная кавалерийская дивизия Гофа и несколько отдельных кавалерийских бригад.

Общая численность красных войск на Южном фронте должна была быть исчислена в 55—60 тысяч штыков и 22—25 тысяч сабель, имея в виду только бойцов на фронте. Численность всех войск красного Южного фронта вместе с тыловыми частями была, конечно, значительно больше. Соотношение сил было не в пользу Русской Армии не менее как в три — три с половиной раза.

План красного командования сводился к захвату в клещи на полях Северной Таврии живой силы Русской Армии и к стремительному прорыву через перешейки в Крым. С этой целью по красному Южному фронту была дана следующая директива: II конная армия должна 13 октября старого стиля форсировать течение Днепра в Никопольском районе. Части VI советской армии получили задачу расширить каховский плацдарм и обеспечить за собой все нижнее течение Днепра от Ново-Воронцовки до устья. Одновременно IV и XII советские армии с севера и с востока должны были выдвинуться на линию Ногайск—Большой Токмак—Васильевка, для занятия более выгодного для маневра

положения. После этих подготовительных операций IV, VI XIII, I и II конные армии должны были нанести решительный удар для разгрома Русской Армии и прорыва в Крым.

Я своевременно учел планы красного командования и, стянув ударную группу генерала Кутепова в район Серагоз, предпринял операцию последовательных, по внутренним операционным линиям, ударов частями ударной группы по главным силам противника, наступающим из Никопольского района и каховского плацдарма; на восточном участке нашего фронта предполагалась активная оборона.

Согласно директивы красного командования, противник 13 октября переправился в Никопольском районе частями II конной армии, с временно приданными ей пехотными дивизиями. В дальнейшем II конной армии Миронова была поставлена задача стремительно ударить на юг в направлении станции Сальково. IV армия из района Орехов—Александровск двинулась всей массой пехоты в направлении Васильевка—Тимашевка для нанесения удара главным силам Русской Армии с северо-востока. XIII армии, занимавшей линию Бердянск—Пологи ставилась задача овладеть Мелитополем. Главный удар должен был быть нанесен из каховского плацдарма частями I Конной и VI советских армий, причем в то время, как VI армия должна была наступать на юг в общем направлении на Перекоп, 1-я Конная должна была бить по нашим главным силам в районе Серагоз, стремясь прорваться к Салькову и Геническу. Закончив сосредоточение, противник 15 октября перешел по всему фронту в решительное наступление.

Ко времени моего прибытия в Джанкой части генерала Кутепова и генерала Абрамова уже третий день вели бой. Мороз все крепчал, десятилетиями Крым не видал в это время года таких холодов. Количество обмороженных беспрерывно росло. Люди кутались в первое попавшееся тряпье, некоторые набивали под рубахи солому... Несмотря на всю доблесть войск, Корниловская дивизия была оттеснена от Нижнего Рогачека, противник прочно закрепился на левом берегу реки и стал распространяться на юг. Потеснены были 15 октября и части 2-го корпуса наступавшим из каховского плацдарма противником. Отсюда должно было ожидать главного удара красных.

Я передал в распоряжение генерала Абрамова бывшие в моем резерве 1-ю и 2-ю Донские казачьи дивизии, приказав им ударить в тыл действовавшей со стороны Нижнего Рогачека II конной армии красных, стремясь отрезать ее от переправ. Одновременно я приказал генералу Кутепову, заслонившись с севера Корниловской дивизией, всеми силами ударной группы, сосредоточенной в районе Серагоз, обрушиться на каховскую группу красных.

16 октября мороз с утра достиг 14 градусов. Спустился густой туман. В нескольких шагах ничего не было видно. К вечеру поступило донесение от 2-го корпуса, что части последнего, теснимые противником, продолжают отходить к Перекопу. Крупные массы конницы красных, обтекая правый фланг 2-го корпуса, быстро продвигались на восток. I Конная армия красных всей своей массой двинулась в тыл нашим армиям, стремясь отрезать их от Крыма. Между тем генерал Кутепов медлил. В течение целого дня 16-го он продолжал оставаться в районе Серагоз. Я по радио передал ему приказание спешно двигаться к Салькову, стремясь прижать прорвавшегося противника к Сивашу. Однако было ясно, что противник успеет подойти к перешейку прежде, нежели части генерала Кутепова туда прибдут. Противник двигался беспрепятственно, и ожидать его в районе Салькова можно было к вечеру 17-го. Укрепленная позиция, прикрывшая выходы из Крыма, была занята лишь слабыми караульными командами. Красные части с налета легко могли захватить сальковское дефиле, прервав всякую связь Крыма с армией. Необходимо было спешно занять дефиле войсками.

Генералу Абрамову я послал приказание в ночь с 16-го на 17-е направить к Салькову под прикрытием бронепоездов сосредоточенную в Мелитополе 7-ю пехотную дивизию. В течение ночи эшелоны с войсками двинулись по железной дороге. Однако вследствие забитости пути движение шло крайне медленно. Мороз достиг 20 градусов. Непригодные к таким холодам станционные водокачки замерзли. Эшелоны с войсками застряли в пути. Наступили жуткие часы. Под рукой у меня войск не было — доступ в Крым для противника был открыт. В течение всего дня 17-го все, что только можно было собрать из способного носить оружие, направлялось к Салькову: юнкерское училище из Симферополя, артиллерийская школа, мой конвой; из Феодосии были вытребованы не успевшие закончить формирование кубанские части генерала Фостикова.

В сумерки передовые части красной конницы подошли к Салькову и завязали перестрелку с нашими слабыми частями. К ночи спешенная красная кавалерия пыталась наступать, однако ружейным огнем и артиллерией была отбита. Среди ночи удалось связаться по радио с генералом Кутеповым. Он занимал район села Агайман и на утро 18-го предполагал двигаться на Отраду — Рождественское. Я приказал ему возможно ускорить движение, войти в связь с частями II армии, отходящими по железной дороге, и, объединив командование, ударить на противника с севера, прижимая его к Сивашу.

Утром 18-го части генерала Абрамова стали подходить к станции Рыково. 3-я Донская дивизия доблестного генерала Гусельщикова⁸⁰ завязала

ла бой с противником в районе Ново-Алексеевки. К полудню части генерала Кутепова подходили к Рождественскому и Отраде, имея в правой, западной, колонне Кубанскую казачью, 2-ю конную дивизии и Терско-Астраханскую бригаду, в левой, восточной, — 1-ю конную и Дроздовскую дивизии, в арьергарде — Корниловскую дивизию.

Противник, видимо плохо осведомленный в обстановке, продолжал всей массой своей конницы оставаться в районе Ново-Алексеевка—Сальково—Геническ. Положение конницы «товарища» Буденного, прижатой с северо-востока и с севера нашими частями к болотистому, солячаковому, еще плохо замерзшему Сивашу, могло оказаться бесконечно тяжелым. Части пешей 3-й Донской дивизии генерала Гусельщикова, совместно с подошедшей 7-й пехотной дивизией, поддержанные бронепоездами, решительно обрушились на, видимо, не ожидавшего удара с этой стороны врага. Конница Буденного была застигнута врасплох; полки стояли по дворам расседанными. Беспорядочно металась красная кавалерия. Врассыпную выскакивали наспех собранные эскадроны, прорываясь между нашей пехотой. Одна батарея противника в полной запряжке и большая часть его обозов попали в руки генерала Гусельщикова. Выход в Крым для армии был открыт.

Действуй генерал Кутепов более решительно, цвет красной кавалерии, конницу «товарища» Буденного, постигла бы участь конницы Жлобы. К сожалению, наступательный порыв войск был уже в значительной степени утерян. Не имея тыла, окруженные врагом со всех сторон, потрясенные жестокими испытаниями, войска дрались вяло. Сами начальники не проявляли уже должной уверенности. Главная масса красной конницы почти беспрепятственно успела проскочить перед фронтом конницы генерала Кутепова на восток. К ночи части генерала Кутепова сосредоточились в район Отрада—Рождественское, где и удерживались, отбивая атаки красных в течение 19 октября. Части генерала Абрамова медленно отходили, ведя тяжелые бои, к Геническу и Салькову.

20 октября генерал Абрамов стал втягиваться в дефиле. За частями генерала Абрамова стали подходить части генерала Кутепова, преследуемые по пятам конницей красных. II конная красная армия к этому времени сосредоточилась в Петровском, туда же подтягивались латышские, 9-я, 30-я и 52-я стрелковые дивизии. Восточнее, вдоль линии железной дороги, наступали 5-я и 9-я кавалерийские дивизии и части «бабки» Махно. Западнее действовали части I Конной армии красных. К вечеру 20 октября сальковскую позицию заняла Дроздовская дивизия. Остальные части генералов Кутепова и Абрамова (1-я и 2-я Донские дивизии, 1-я и 2-я конные дивизии, Кубанская казачья дивизия, Терско-Астраханская бригада и Корниловская дивизия) проходили на

Чонгарский полуостров. Марковская дивизия с частями 7-й пехотной и 3-й Донской дивизий прошли на Геническ.

В ночь на 21 октября красные обрушились на сальковскую позицию, прорвали было фронт Дроздовской дивизии и на плечах ее ворвались на Чонгарский полуостров, но контратакой были отбиты, и положение было восстановлено. Части 2-го корпуса заняли перекопскую позицию.

Решительная битва в Северной Таврии закончилась. Противник овладел всей территорией, захваченной у него в течение лета. В его руки досталась большая военная добыча: 5 бронепоездов, 18 орудий, около 100 вагонов со снарядами, 10 миллионов патронов, 25 паровозов, составы с продовольствием и интендантским имуществом и около 2 миллионов пудов хлеба в Мелитополе и Геническе. Наши части понесли жестокие потери убитыми, ранеными и обмороженными. Значительное число было оставлено пленными и отставшими, главным образом из числа бывших красноармейцев, поставленных разновременно в строй. Были отдельные случаи и массовых сдач в плен. Так сдался целиком один из батальонов Дроздовской дивизии. Однако армия осталась цела, и наши части, в свою очередь, захватили 15 орудий, около 2000 пленных, много оружия и пулеметов.

Армия осталась цела, однако боеспособность ее не была уже прежней. Могла ли эта армия, опираясь на укрепленную позицию, устоять под ударами врага? За шесть месяцев напряженной работы были созданы укрепления, делающие доступ врагу в Крым чрезвычайно трудным: рылись окопы, плелась проволока, устанавливались тяжелые орудия, строились пулеметные гнезда. Все технические средства Севастопольской крепости были использованы. Законченная железнодорожная ветка на Юшунь давала возможность обстреливать подступы бронепоездами. Не были закончены лишь блиндажи, укрытия и землянки для войск. Недостаток рабочих рук и отсутствие лесных материалов тормозили работу. Наступившие небывало рано морозы создавали особенно неблагоприятные условия, так как линия обороны лежала в местности малонаселенной и жилищный вопрос для войск становился особенно острым.

Еще в первые дни по заключении мира поляками, решив принять бой в Северной Таврии, я учитывал возможность его неблагоприятного для нас исхода и того, что противник, одержав победу, на плечах наших войск ворвется в Крым. Как бы сильна ни была позиция, но она неминуемо падет, если дух обороняющих ее войск подорван. Я тогда же приказал генералу Шатилову проверить составленный штабом, совместно с командующим флотом, план эвакуации. Последний был рассчитан на эвакуацию 60 000 человек. Я отдал распоряжение, чтобы

расчеты были сделаны на 75 000; распорядился о срочной доставке из Константинополя недостающего запаса угля и масла.

Как только выяснилась неизбежность отхода нашего в Крым, я отдал распоряжение о срочной подготовке судов в портах Керчи, Феодосии и Ялте на 13 000 человек и 4000 коней. Задание объяснялось предполагаемым десантом в районе Одессы для установления связи с действовавшими на Украине русскими частями. Дабы полнее скрыть мои предположения, были приняты все меры, чтобы в версию о подготовке судов для будущей десантной операции поверили. Так, штабу было приказано распространять слухи, что десант намечается на Кубань. Сама численность отряда была намечена в соответствии с общей численностью войск, так что не могла возбудить в лицах даже осведомленных о численности армии особого сомнения. На суда было приказано грузить запасы продовольствия и боевые.

Таким образом, имея в Севастопольском порту некоторое число свободного тоннажа, я мог, в случае несчастья, быстро погрузить в главнейших портах, Севастополе, Ялте, Феодосии и Керчи, 40—50 тысяч человек и, под прикрытием отходящих войск, спасти находящихся под их защитой женщин, детей, раненых и больных.

20-го вечером прибыл в Джанкой генерал Кутепов. Он выглядел наружно спокойным, однако в словах его проскальзывала тревога. Он между прочим осведомился, приняты ли меры на случай несчастья. Мой ответ его, видимо, успокоил. 21-го прибыл генерал Абрамов. Переговорив с обоими командующими армиями, я 22 октября отдал войскам директиву: оборона Крыма возлагалась на генерала Кутепова, в руках которого объединялись войска; от Азовского моря до Чувашского полуострова включительно, располагалась 3-я Донская дивизия, до смены ее на этом участке 34-й пехотной дивизией, которая, в свою очередь, подлежала смене на правом участке перекопского вала 1-й бригадой 2-й Кубанской дивизии 24 октября; 1-я и 2-я Донские дивизии должны были сосредоточиться в резерве в районе к северу от Богемки; на этот же участок должна была оттянуться после смены 3-я Донская дивизия; средний участок Сиваша оборонялся Донским офицерским полком, Атаманским юнкерским училищем и стрелковыми спешенными эскадронами конного корпуса; конному корпусу с Кубанской дивизией приказано было сосредоточиться в резерве в районе к югу от Чирика; Корниловская дивизия к 26 октября должна была сменить на левом участке перекопского вала 13-ю пехотную дивизию; последняя временно, до подхода Марковской дивизии, оставалась в резерве 1-го армейского корпуса в район Воинки; Дроздовская дивизия должна была сосредоточиться к 26 октября в Армянском Базаре; Марковская дивизия, от-

ходившая по Арабатской Стрелке к Акманая, подлежала перевозке по железной дороге в район Юшуни.

По завершении перегруппировки всех частей I армии к 29 октября, правый боевой участок от Азовского моря до Чувашского полуострова включительно должен был обороняться частями 2-го армейского корпуса генерала Витковского; левый участок, от Чувашского полуострова до Перекопского залива, передавался 1-му корпусу генерала Писарева⁸¹.

В ночь на 22-е я выехал в Севастополь. Малейшая паника в тылу могла передаться в войска. Необходимо было сделать все, чтобы этого избежать. Немедленно по приезде я вызвал представителей прессы и ознакомил их с общим положением. Последнее было обрисовано мною как не внушающее особых опасений.

Одновременно появилось сообщение штаба:

«ОФИЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ
ШТАБА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ АРМИЕЙ
№ 661

Ставка.

21-го октября / 3-го ноября 1920 года.

Заклучив мир с Польшей и освободив тем свои войска, большевики сосредоточили против нас пять армий, расположив их в трех группах у Каховки, Никополя и Полог. К началу наступления общая численность их достигла свыше ста тысяч бойцов, из коих четверть состава — кавалерия.

Сковывая нашу армию с севера и северо-востока, красное командование решило главными силами обрушиться на наш левый фланг и бросить со стороны Каховки массу конницы в направлении на Громовку и Сальково, чтобы отрезать Русскую Армию от перешейков, прижав ее к Азовскому морю и открыв себе свободный доступ в Крым.

Учтя создавшуюся обстановку, Русская Армия произвела соответствующую перегруппировку. Главная конная масса противника, I конная армия с латышскими и другими пехотными частями, численностью более 10 000 сабель и 10 000 штыков, обрушилась с каховского плацдарма на восток и юго-восток, направив до 6000 конницы на Сальково. Заслонившись с севера частью сил, мы сосредоточили ударную группу и, обрушившись на прорвавшуюся конницу красных, прижали ее к Сивашу. При этом славными частями генерала Кутепова уничтожены полностью два полка латышской дивизии, захвачено 16 орудий и масса пулеметов, а донцами взято в плен четыре полка и захвачено 15 орудий, много оружия и пулеметов. Однако подавляющее превосходство сил, в особенности конницы, подтянутой противником к полю сражения в количестве до

25 000 коней, в течение пяти дней атаковавшей армию с трех сторон, заставили Главнокомандующего принять решение отвести армию на заблаговременно укрепленную Сиваш-Перекопскую позицию, дающую все выгоды обороны. Непрерывные удары, наносимые нашей армией в истекших боях, сопровождавшиеся уничтожением значительной части прорвавшейся в наш тыл конницы Буденного, дали армии возможность почти без потерь отойти на укрепленную позицию.

Начальник штаба, генерального штаба
генерал-лейтенант *Шатилов*.

Генерал-квартирмейстер, генерального штаба
генерал-майор *Коновалов*⁸².

Начальник оперативного отделения, генерального штаба
полковник *Шкеленко*⁸³».

Вечером 22-го состоялось под моим председательством заседание правительства Юга России, на котором я подробно ознакомил участников совещания с последними боями, указал на тяжелое положение войск, на большое превосходство сил противника. Остановившись на том исключительно тяжелом положении, в котором окажутся армия и население в осажденном Крыму, и на той напряженной работе, которая от всех потребуется, я выразил уверенность, что мы отстоим последнюю пядь родной земли и, оправившись, отдохнув и пополнившись, вырвем победу из рук врага.

Создавшиеся условия требовали в тылу сильной руки. Эту сильную руку, конечно, не мог представлять собой мягкий, гуманный С.Д. Тверской. Последний был назначен товарищем председателя высшей комиссии правительственного надзора. 25 октября последовал приказ об объявлении Крыма на осадном положении. В тот же день я отдал приказ о назначении исполняющим обязанности таврического губернатора, начальника гражданского управления и командующим войсками армейского тылового района командира 3-го корпуса генерал-лейтенанта Скалона.

Принятыми мерами удалось рассеять начинавшуюся тревогу. Тыл оставался спокойным, веря в неприступность перекопских твердынь. 26 октября открылся в Симферополе съезд представителей городов, в резолюции своей приветствовавший политику правительства Юга России и выразивший готовность всеми силами правительству помочь. На 30 октября в Севастополе готовился съезд представителей печати. Жизнь текла своим чередом. Бойко торговали магазины. Театры и кинематографы были полны.

25 октября Корниловский союз устраивал благотворительный концерт и вечер. Заглушив в сердце мучительное беспокойство, принял я

приглашение. Мое отсутствие на вечере, устроенном союзом полка, в списках которого я состоял, могло бы дать пищу тревожным объяснениям. Я пробыл на вечере до 11 часов, слушая и не слыша музыкальных номеров, напрягая все усилия, чтобы найти ласковое слово раненому офицеру, любезность даме-распорядительнице...

17 октября скончался в Ялте адмирал Саблин, и последовал мой приказ об утверждении адмирала Кедрова в должности. Последний с первых же шагов проявил кипучую деятельность, требуя такой же от своих ближайших помощников. В качестве таковых он привлек ряд новых лиц. Помощник начальника морского управления контр-адмирал Евдокимов был заменен контр-адмиралом Тихменевым⁸⁴, а начальник штаба командующего флотом контр-адмирал Николая — капитаном 1-го ранга Машуковым⁸⁵.

К 25 октября группировка противника была следующая: в районе Геническа и на Чонгарском полуострове последовательно части XIII и IV советских армий: за правым флангом IV армии — на Чонгарском полуострове — II конная армия; на среднем участке северного побережья Сиваша — I конная армия, 7-я кавалерийская дивизия и повстанческая армия Махно; на Перекопском перешейке — VI советская армия.

В течение 23, 24 и 25 октября противник безуспешно атаковал наши части в районе Чонгарского моста. Наши войска заканчивали перегруппировку. Жестокий мороз сковал болотистый соленый Сиваш льдом, наша линия обороны значительно удлинилась; благодаря отсутствию жилья и недостатка топлива, количество обмороженных росло. Я приказал выдать весь имеющийся в складе запас обмундирования. В эти дни прибыл наконец большой транспорт «Рион» с зимней одеждой для войск, но было уже поздно...

У последней черты

26 октября вечером я присутствовал на заседании правительства, когда вошедший ординарец вручил генералу Шатилову переданную по юзу телеграмму генерала Кутепова. Пробежав телеграмму, генерал Шатилов передал ее мне. Генерал Кутепов доносил, что, ввиду создавшейся обстановки, прорыва противником позиций на Перекопе и угрозы обхода, он отдал приказ в ночь на 27-е войскам отходить на укрепленную позицию к озерам Киянское—Красное—Старое—Карт-казак. Как содержание, так и самый тон донесения не оставляли сомнения, что мы накануне несчастья. Сославшись на необходимость переговорить по

прямому проводу с генералом Кутеповым, я передал председательствовавшие А.В. Кривошеину и вышел в соседнюю комнату. За мной последовал генерал Шатилов. Для него, как и для меня, было ясно, что рассчитывать на дальнейшее сопротивление войск уже нельзя, что предел сопротивляемости армии уже превзойден и что никакие укрепления врага уже не остановят.

Необходимо было срочно принимать меры к спасению армии и населения. Я вызвал из зала заседания адмирала Кедрова и вкратце ознакомил его с обстановкой.

«Боже, зачем я согласился принять этот крест», — вырвалось у адмирала. Однако он быстро овладел собой. Он имел тоннаж на 60 000 человек. Высланный из Константинополя дополнительный запас угля и масла только что прибыл; это давало возможность использовать еще некоторый тоннаж и рассчитывать принять 70—75 тысяч человек. На большее количество тоннажа не имелось. Я отдал распоряжение принять меры, чтобы все суда, могущие держаться на воде, были использованы. Из Константинополя приказал срочно вытребовать количество судов, какое только представится возможным. Наконец, задержать в портах Крыма все коммерческие суда, в том числе и иностранные, для использования их тоннажа.

Предчувствуя недоброе, вышел из зала заседания А.В. Кривошеин. Он сильно волновался. Мы постарались успокоить его, заверив, что все меры на случай несчастья уже приняты. Я просил его со своей стороны всячески успокоить членов правительства. Сам я решил ехать на фронт, дабы на месте отдать себе отчет в обстановке.

27-го в три часа дня я выехал в Джанкой, куда и прибыл уже в темноте. В Симферополе сели в мой вагон командующий II армией генерал Абрамов и его начальник штаба генерал Кусонский; с объединением командования войсками, обороняющими Крым, в руках генерала Кутепова, штаб II армии расположился в Симферополе. Немедленно по приезде в Джанкой я принял генерала Кутепова, доложившего мне общую обстановку.

В ночь на 26 октября пехота красных атаковала северную оконечность Чувашского полуострова («Турецкие батареи»), но была остановлена огнем у проволоки. Пользуясь туманом, противник большими силами пехоты, поддержанной конницей, обошел «Турецкие батареи» с запада и повел наступление на Старый Чуваш. С утра 26 октября обнаружилось наступление противника против Перекопского вала, особенно интенсивное на флангах. Сосредоточив на Чувашском полуострове до двух пехотных дивизий с конницей, красные 26 октября продолжали движение от Старого Чуваша на юго-запад.

1-я бригада 2-й Кубанской дивизии под давлением противника отошла на укрепленную позицию к северу от Карповой балки. 2-й⁸⁶ и 3-й⁸⁷ дроздовские полки, двинутые в атаку (из Армянского Базара) в район Караджаная против красных, распространившихся от Чувашского полуострова, успеха не имели. Понеся большие потери, главным образом в командном составе, Дроздовская дивизия к вечеру 26 октября сосредоточилась в Армянском Базаре. 13-я пехотная дивизия, отходившая после смены на Воинку, была задержана в районе Карповой балки для усиления 1-й бригады 2-й Кубанской дивизии. Красные распространялись до Тупого полуострова, занимая основание Чувашского.

Ввиду создавшейся обстановки, угрожавшей обходом перекопского вала и прорывом позиции на перекопском валу, вследствие разрушений проволочных заграждений, частям 1-го армейского корпуса приказано было в ночь на 27 октября отойти на укрепленную позицию по северо-западным окраинам озер Киянское—Красное—Старое—Карт-казак. Отход был совершен без особого давления со стороны противника. Одновременно к Карповой балке был подтянут для контрудара конный корпус генерала Барбовича (1-я и 2-я кавалерийские и Кубанская казачья дивизии); 1-я и 2-я Донские дивизии были направлены из района Богемки на Чирик.

На рассвете 27 октября 1-я кавалерийская дивизия произвела успешную атаку и отбросила красных к Чувашскому полуострову, но вследствие тяжелых потерь от мощного артиллерийского огня развить успеха не смогла, и красные вновь распространились к хутору Тихоновка. Для восстановления положения были двинуты 2-я кавалерийская и 1-я Кубанская казачья дивизии. В дальнейшем обнаружилось наступление больших сил красных на перешеек между озерами Красным и Старым. Наши части были вынуждены отходить на последнюю укрепленную позицию — юшуньскую.

Генерал Кутепов предполагал с утра перейти в наступление с целью обратного захвата утерянных позиций, однако сам мало надеялся на успех. По его словам, дух войск был значительно подорван. Лучшие старшие начальники выбыли из строя, и рассчитывать на удачу было трудно. Я сам это прекрасно понимал, однако настаивал на необходимости удерживать позиции во что бы то ни стало, дабы выиграть по крайней мере пять-шесть дней, необходимых для погрузки угля, распределения судов по портам и погрузки на суда тыловых учреждений, раненых, больных из лазаретов и т. п. Генерал Кутепов обещал сделать все возможное, но по ответам его мне было ясно, что он сам не надеется удержать позиции своими войсками.

Гроза надвигалась, наша участь висела на волоске, необходимо было напряжение всех душевных и умственных сил. Малейшее колебание или оглошность могли погубить все. Прежде всего необходимо было обеспечить порядок в Севастополе. Войск там почти не было. Несущий охранную службу мой конвой был незадолго перед тем выслан в район Ялты для окончательного разгрома загнанных в горы зеленых — «товарища» Мокроусова. Я приказал по телеграфу вызвать на вокзал в Симферополь к приходу моего поезда роту юнкеров Алексеевского военного училища и подготовить нужное число вагонов, дабы рота могла с моим поездом следовать в Севастополь. В Симферополе я принял и. д. губернатора А. А. Лодыженского и ознакомил его с обстановкой. Приказал генералу Абрамову принять все подготовительные меры к эвакуации военных и гражданских учреждений Симферополя, раненых и больных офицеров и юнкеров, семей служащих и лиц, коим в случае прихода большевиков грозила бы особая опасность. Все подготовительные меры должны были быть приняты по возможности скрытно, дабы преждевременно не возбудить тревоги. Я обещал, что приказ о начале эвакуации будет своевременно прислан и необходимое число подвижного состава предоставлено.

В девять часов утра 28 октября я, в сопровождении юнкеров, прибыл в Севастополь. С вокзала я проехал во дворец, пригласил А. В. Кривошеина, генерала Шатилова, адмирала Кедрова и генерала Скалона и отдал последние распоряжения: приказал занять войсками главнейшие учреждения, почту и телеграф, выставить караулы на пристанях и вокзале. Окончательно распределил по портам тоннаж, по расчету: Керчь — 20 000, Феодосия — 13 000, Ялта — 10 000, Севастополь — 20 000, Евпатория — 4000. Дал указания разработать порядок погрузки тыловых учреждений, раненых, больных, продовольственных запасов, наиболее ценного имущества, дабы, по отдаче приказа, погрузка могла начаться немедленно. В десять часов я принял французского верховного комиссара графа де Мартеля, представителей иностранных миссий, адмирала Мак-Колли, полковника Уольша, майора Токахасси, коих просил снестись с представителями их правительств в Константинополе на предмет оказания возможного содействия иностранными судами на случай необходимости для нас оставить Крым. Днем я пригласил представителей русской и иностранной печати, которых ознакомил с создавшимся положением: армия, сражавшаяся не только за честь и свободу своей родины, но и за общее дело мировой культуры и цивилизации, армия, только что остановившая занесенную над Европой кровавую руку московских палачей, оставленная всем миром, истекала кровью. Горсть раздетых, голодных, выбившихся из сил героев продолжает отстаивать последнюю пядь родной

земли. Их силы подходят к концу и не сегодня завтра они могут быть сброшены в море. Они будут держаться до конца, спасая тех, кто искал защиты за их штыками. Мною приняты все меры, чтобы на случай несчастья вывезти всех, кому грозит кровавая расправа. Я вправе надеяться, что те государства, за общее дело которых сражалась моя армия, окажут гостеприимство несчастным изгнанникам.

С быстротой молнии тревожные вести распространились по городу. Бесперывно звонили по телефону, приходили справляться о положении. Среди тревожной, болезненной обстановки неожиданно всплыла фигура генерала Слащева⁸⁸. На его большое, расстроенное воображение опьяняюще подействовала нездоровая атмосфера тревоги и смутных слухов. В своем фантастическом костюме он появлялся на улицах, беседовал с толпой, собравшейся перед витриной телеграфного агентства, давал интервью представителям печати, давая понять, что в создавшемся положении виновны те, кто не слушал его, генерала Слащева, что и теперь еще не все потеряно и что если ему, генералу Слащеву, поручить разбить врага, то он так же, как и несколько месяцев тому назад, это сделает.

По совету А.В. Кривошеина и генерала Шатилова, я послал предписание генералу Слащеву выехать немедленно на фронт в распоряжение генерала Кутепова; последнему приказал передать, чтобы он задержал генерала Слащева при себе, не допуская возвращения его в Севастополь. Генерал Слащев на автомобиле выехал в Джанкой.

Поздно вечером были получены сведения с фронта: наши части с утра перешли в контратаку, временно овладели оставленной накануне укрепленной позицией, но удержаться на ней не могли и, под натиском превосходящих сил противника, откатились на прежнюю позицию. Правый участок последней заняли спешенные части подошедших донцов. Наши резервы были исчерпаны. Красные в течение дня, вводя свежие силы, продолжали наступление и к вечеру сбили наши части с последней укрепленной позиции у Юшуни.

На утро 29 октября коннице генерала Барбовича, при поддержке донцов, была дана задача: ударом во фланг опрокинуть дебушировавшие из Перекопского перешейка части противника, но наша конная группа сама была атакована крупными силами красной кавалерии с севера, в районе Воинки, и контрманевр нашей конницы не удался. Одновременно противник продвинулся по Арабатской Стрелке южнее хутора Счастливецова. На Тюп-Джанкойском полуострове (юго-восточнее Чонгарского) шли бои в районе Абуз—Крка. У Сивашского моста противник готовял переправу.

Положение становилось грозным, оставшиеся в нашем распоряжении часы для завершения подготовки к эвакуации были сочтены.

Работа кипела. Днем и ночью шла погрузка угля; в помощь рабочим грузчикам были сформированы команды из чинов нестроевых частей, тыловых управлений и т. п. Спешно грузились провиант и вода. Транспорты разводились по портам. Кипела работа в штабе и управлениях, разбирались архивы, упаковывались дела.

В два часа дня прибыл из Константинополя французский крейсер «Waldeck-Rousseau», в сопровождении миноносца, имея на своем борту временно командующего французской средиземной эскадрой адмирала Дюмениля. Адмирал Дюмениль был с графом де Мартемом у меня и произвел на меня чарующее впечатление человека выдающегося ума и исключительного благородства. Мы беседовали около двух часов, итоги нашей беседы были изложены в письме адмирала ко мне от 29 октября (11 ноября).

«Командующий Легкой эскадрой № 9 — АМ.

Крейсер «Вальдекомандируссо» 11-го ноября 1920 г.

Контр-адмирал Дюмениль, командующий легкой эскадрой.

Его Превосходительству генералу Врангелю,

Главнокомандующему Вооруженными силами на юге России.

Ваше Превосходительство,

при сем имею честь препроводить Вашему Превосходительству резюме нашего сегодняшнего разговора и просить не отказать подтвердить мне правильность такового резюме, прежде нежели я поставлю о нем в известность французское правительство:

«Ваше Превосходительство, полагая положение на фронте безнадежным, не видите ныне иного исхода, как эвакуацию всего гражданского населения, желающего избежать расправы большевиков, вместе с остатками белой армии, как ранеными, так и здоровыми. Для осуществления таковой эвакуации необходима моя помощь, так как она не может быть осуществлена полностью без прикрытия подчиненными мне судами и помощи некоторых французских транспортов и буксиров.

Ваше Превосходительство, в случае, если Франция не обеспечит перевозку армии на соединение с армией русско-польского фронта, в каком случае армия была бы готова продолжать борьбу на этом театре, полагаете, что ваши войска прекратят играть роль воинской силы. Вы просите для них, как и для всех гражданских беженцев, помощи со стороны Франции, так как продовольствия, взятого с собой из Крыма, хватит лишь на десяток дней, громадное же большинство беженцев окажутся без всяких средств к существованию.

Актив крымского правительства, могущий быть употребленным на расходы по эвакуации беженцев, их содержание и последующее устройство, составляет боевая эскадра и коммерческий флот.

На них не лежит никаких обязательств финансового характера, и Ваше Превосходительство предлагаете немедленно передать их Франции в залог».

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в моем глубоком уважении и преданности. *Дюмениль*».

Теснимые противником, наши части продолжали отходить. К вечеру части конного и Донского корпусов с Дроздовской дивизией отошли в район Богемки. Прочие части 1-го армейского корпуса сосредоточились на ночлег в районе села Тукулчак.

Я отдал директиву: войскам приказывалось, оторвавшись от противника, идти к портам для погрузки. 1-му и 2-му армейским корпусам — на Евпаторию, Севастополь; конному корпусу генерала Барбовича — на Ялту; кубанцам генерала Фостикова — на Феодосию; донцам и Терско-Астраханской бригаде, во главе с генералом Абрамовым, — на Керчь. Тяжести оставить. Пехоту посадить на повозки, коннице прикрывать отход.

Вместе с тем мною был подписан приказ, предупреждающий население об оставлении нами родной земли.

«ПРИКАЗ ПРАВИТЕЛЯ ЮГА РОССИИ И ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ АРМИЕЙ

Севастополь.

29-го октября 1920 года.

Русские люди. Оставшаяся одна в борьбе с насильниками, Русская Армия ведет неравный бой, защищая последний клочок русской земли, где существует право и правда.

В сознании лежащей на мне ответственности, я обязан заблаговременно предвидеть все случайности.

По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделял с армией ее крестный путь, семей военнослужащих, чинов гражданского ведомства, с их семьями, и отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага.

Армия прикрывает посадку, памятуя, что необходимые для ее эвакуации суда также стоят в полной готовности в портах, согласно установленному расписанию. Для выполнения долга перед армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих.

Дальнейшие наши пути полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает. Да ниспошлет Господь всем силы и разума одолеть и пережить русское лихолетье.

Генерал *Врангель*.

Одновременно было выпущено сообщение правительства: «Ввиду объявления эвакуации для желающих офицеров, других служащих и их семейств, правительство Юга России считает своим долгом предупредить всех о тех тяжелых испытаниях, какие ожидают приезжающих из пределов России. Недостаток топлива приведет к большой скученности на пароходах, причем неизбежно длительное пребывание на рейде и в море. Кроме того, совершенно неизвестна дальнейшая судьба отъезжающих, так как ни одна из иностранных держав не дала своего согласия на принятие эвакуированных. Правительство Юга России не имеет никаких средств для оказания какой-либо помощи как в пути, так и в дальнейшем. Все заставляет правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственной опасности от насилия врага, — остаться в Крыму».

Приказ и сообщение разосланы были по телеграфу для широкого оповещения населения городов.

29-го поздно вечером состоялось, под председательством А.В. Кривошеина, последнее заседание правительства. С утра 30-го должна была начаться погрузка многочисленных отделов военного и гражданского управлений. Отдав последние распоряжения, А.В. Кривошеин выехал в Константинополь на отходящем английском крейсере «Centaur». Я просил его переговорить с французским верховным комиссаром в Константинополе г-ном де Франсом и заручиться содействием его, на случай прибытия нашего в Босфор. Вместе с тем я поручил Александру Васильевичу принять меры к организации помощи имеющим прибыть беженцам, привлекая к работе русские и, если представится возможность, иностранные общественные силы. Особенно надеялся я на помощь американского Красного Креста.

Поздно ночью, закончив работу, я лег отдохнуть, однако вскоре был разбужен. От командующего флотом прибыл начальник его штаба капитан 1-го ранга Машуков. Наша радиостанция приняла советское радио. Красное командование предлагало мне сдачу, гарантируя жизнь и неприкосновенность всему высшему составу армии и всем положившим оружие. Я приказал закрыть все радиостанции за исключением одной, обслуживаемой офицерами.

Отпечатанный в течение ночи мой приказ и сообщение правительства утром 30-го были расклеены на улицах Севастополя. Охватившее население в первые часы волнение вскоре улеглось. Население почувствовало, что власть остается в твердых руках, что представители ее не растерялись, что распоряжения их планомерны и сознательны, что каждый сможет рассчитывать на помощь, что всякий произвол будет в корне пресечен. Несколько лиц, пытавшихся самоуправными действиями внести беспорядок, были тут же схвачены, и один из них, солдат автомобильной команды, по приговору военно-полевого суда через два часа расстрелян.

Погрузка лазаретов и многочисленных управлений шла в полном порядке. По улицам тянулись длинные вереницы подвод, шли нагруженные скарбом обыватели. Чины комендатуры, в сопровождении патрулей юнкеров и моего конвоя, ходили по улицам, поддерживая порядок движения обозов и наблюдая за погрузкой. Желавшие выехать записывались в штабе генерала Скалона. Количество таковых оказалось необыкновенно велико. Становилось ясным, что расчеты наши будут значительно превзойдены и тоннажа может оказаться недостаточным.

Мороз стал спадать. На море был штиль, и адмирал Кедров решил использовать все суда и баржи, могущие держаться на воде, взяв их на буксиры. В эти тяжелые часы, среди лихорадочной, напряженной работы, он проявил редкую распорядительность, не отдыхая ни днем, ни ночью, поспевая всюду, требуя от подчиненных того же. Огромная работа выпала на долю и начальника штаба. Он также не знал ни минуты покоя. И адмирал Кедров, и генерал Шатилов, и генерал Скалон, и помощник его генерал Стогов, — все оказались на высоте положения, с полным самообладанием, неослабевающим напряжением сил, выполняя свое дело.

Около полудня я прошел в штаб и вызвал к аппарату генерала Кутепова; последний находился на станции Сарабуз (15 верст к северу от Симферополя). Войска продолжали отход. Линия фронта проходила южнее станции Юшунь, отход производился в полном порядке. В конце разговора генерал Кутепов доложил, что со мной желает говорить генерал Слащев. Я уклонился от разговора под предлогом недостатка времени. Вскоре мне была доставлена телеграмма генерала Слащева:

«Главкому. Лично видел части на фронте. Вывод — полное разложение. Последний приказ о неприеме нас союзниками окончательно подрывает дух. Выход следующий: из тех, кто не желает быть рабом большевиков, из тех, кто не желает бросить свою родину, — сформировать кадры Русской Армии, посадить их на отдельные суда и произвести десант в направлении, доложенном вам мною еще в июле месяце и по-

вторенном в моих докладах несколько раз. Колебанию и колеблющимся не должно быть места — должны идти только решившиеся победить или умереть. С подробным докладом выезжаю к вам в поезде юнкеров и прошу по моем приезде немедленно принять меня, хотя бы ночью. Жду ответа в штарме один (т. е. в штабе 1-й армии). № 10285, 12 часов 20 минут 30-10-20. *Слащев-Крымский*».

В ответе я просил генерала Кутепова передать генералу Слащеву:

«Желающим продолжать борьбу предоставляю полную свободу. Никакие десанты сейчас, за неимением средств, невыполнимы. Единственный способ — оставаться в тылу противника, формируя партизанские отряды. Если генерал Слащев решится на это — благословляю его на дальнейшую работу. Предлагаю вам задержать генерала Слащева на фронте, где присутствие его несравненно нужнее, нежели здесь. Севастополь, 30-10-20. № 417. *Врангель*».

Однако генерал Слащев не успокаивался. Через несколько часов я получил новую его телеграмму, в которой он заявил, что глубоко оскорблен нежеланием моим с ним говорить. «Прошу либо доверия, либо военно-полевого суда. Я же буду спасать родину или умирать», и неожиданно кончал: «Прошу вас не отказать дать срочный ответ и сообщение ответной телеграммой. Пока всего хорошего». Я, конечно, ничего не отвечал. Ночью генерал Слащев прибыл в Севастополь, пытался меня видеть, однако я его не принял. «Спасать родину или умирать» он, видимо, уже раздумал и поспешил погрузиться на ледокол «Илья Муромец».

Вечером посетили меня представители городского самоуправления. Последние просили заблаговременно принять меры к охране города, портового завода и артиллерийских складов после нашего ухода. Они предлагали охрану эту принять на себя, организовать ее из рабочих. Я охотно дал свое согласие, обещал выдать своевременно рабочим оружие. Это впоследствии и было сделано.

Прибыли граф де Мартель и адмирал Дюмениль. Граф де Мартель выражал согласие принять под покровительство Франции всех оставляющих Крым. Для покрытия расходов по содержанию этих лиц французское правительство брало в залог русский тоннаж. 31 октября состоялся обмен официальными письмами.

«Севастополь, 31-го октября (13 ноября) 1920 года.

В тот момент, когда события заставляют меня покинуть Крым, я должен иметь в виду использование моей армии на территориях еще занятых русскими силами, признавшими мою власть. Оставляя за моими войсками их свободу действий в будущем, согласно тем возможностям, каковые мне будут даны в деле достижения национальных терри-

торий, а равно принимая во внимание, что Франция явилась единственной державой, признавшей правительство Юга России и оказавшей ему материальную и моральную поддержку, — я ставлю мою армию, мой флот и всех тех, кто за мной последовали, под ее защиту.

Вследствие сего я отдал приказ, каковой я Вам при сем препровождаю, различным частям, входящим в состав русского военного и торгового флотов.

С другой стороны, я считаю, что эти суда должны служить залогом оплаты тех расходов, каковые уже произведены Францией или могут ей предстоять, по оказанию первой помощи, вызванной обстоятельствами настоящего времени. Генерал П. Врангель».

«Севастополь, 13 ноября 1920.

Имею честь уведомить вас о получении вашего сообщения сего дня, каковым вы меня уведомляете, что, покидая Крым под давлением событий, вы должны иметь в виду использование в будущем вашей армии на территориях, еще занятых русскими силами, признавшими вашу власть. <...>Принимая во внимание, что Франция явилась единственной державой, признавшей правительство Юга России и оказавшей ему материальную и моральную поддержку, вы ставите вашу армию, ваш флот и всех тех, кто за вами последовали, под ее покровительство.

Кроме того, вы сообщили мне приказ, отданный по сему поводу различным частям, входящим в состав русского военного и торгового флотов, добавив, что вы считаете, что эти суда должны служить залогом оплаты тех расходов, каковые уже произведены Францией, или будут ей предстоять, по оказании первой помощи, вызванной обстоятельствами настоящего времени.

В согласии с адмиралом Дюменилем, командующим французским флотом в Севастополе, имею честь уведомить вас, что при условии последующего одобрения (таковое одобрение вскоре последовало, о чем граф де Мартель уведомил меня письмом от 4/17 ноября 1920 г.) я принимаю от имени своего правительства решение и обязательства, изложенные выше. Граф *де Мартель. Дюмениль*».

Я решил в ночь на 31-е перейти в гостиницу «Кист» у графской пристани, где помещалась оперативная часть моего штаба; там же уже находился штаб генерала Скалона. Я собирался оставить дворец, когда мне доложили, что меня просит к прямому проводу «революционный комитет города Евпатории». Комитет желал доложить мне о положении в городе. Я подошел к аппарату, говорил председатель революционного комитета.

— В городе полное спокойствие. Власть принял образовавшийся революционный комитет. Войска и все желающие граждане погружены на суда. Суда вышли в море.

— Известно ли вам что-либо о войсках красных?

— Ничего неизвестно. Войск в городе никаких нет.

— Благодарю вас за сообщение. Желаю всего хорошего.

— Всего хорошего.

Около полуночи вспыхнул пожар американских складов Красного Креста. Толпа черни начала грабить склады, однако прибывшая полусотня моего конвоя быстро восстановила порядок. Ночь прошла спокойно.

С утра 31 октября начали погрузку прибывшие из Симферополя эшелоны. Раненые грузились на оборудованный под госпитальное судно транспорт «Ялта». Начальник санитарной части С.Н. Ильин⁸⁹, сам совершенно больной, с трудом державшийся на ногах, лично распоряжался всем, принимая прибывающих раненых и наблюдая за их размещением.

Суда, принявшие накануне севастопольские учреждения, перегруженные до последних пределов, выходили в море. К счастью, последнее было совершенно спокойно. В бухте продолжали оставаться транспорты, предназначенные для частей I армии. Транспорты, по моему приказанию, были заняты караулами от частей. Наши войска продолжали отходить согласно директиве. К десяти часам утра фронт проходил около Сарабуза. Отступление шло почти без соприкосновения с противником. Около полудня я с адъютантом ходил по городу. Улицы были почти пусты, большинство магазинов закрыто, изредка встречались запоздавшие повозки обозов, спешившие к пристани одинокие прохожие. При встрече, как всегда, приветливо кланялись. Крепла уверенность, что погрузка пройдет благополучно, что всех удастся погрузить.

В сумерки прибыл генерал Кутепов со своим штабом. Войска отходили в полном порядке. Всем желающим остаться была предоставлена полная свобода, однако таковых оказалось немного. Генерал Кутепов рассчитывал закончить погрузку к десяти часам утра.

Я отдал директиву: для прикрытия погрузки войскам приказывалось занять линию примерно укреплений 1855 года. На генерала Скалона, в распоряжение которого были переданы Алексеевское⁹⁰, Сергиевское артиллерийское⁹¹ и Донское атаманское училища⁹², возложено было прикрытие северной стороны, от моря до линии железной дороги. Далее, от линии железной дороги до вокзала и дальше к морю, выставлялись заставы от частей генерала Кутепова. Командующему флотом было указано закончить всю погрузку к 12 часам 1 ноября. В час дня вывести суда на рейд.

В десять часов утра 1 ноября я с командующим флотом объехал на катере грузящиеся суда. Погрузка почти закончилась. На пристани оставалось несколько сот человек, ожидавших своей очереди. При проходе катера с усеянных людьми кораблей и пристани несло несмолкаемое «Ура!». Махали платками, фуражками... Больно сжималось сердце, и горячее чувство сострадания, умиления и любви ко всем этим близким сердцу моему людям наполняли душу...

Снялись последние заставы, юнкера выстроились на площади. У гостиницы стояла толпа обывателей. Я поздоровался с юнкерами и благодарил их за славную службу.

— Оставленная всем миром, обескровленная армия, боровшаяся не только за наше русское дело, но и за дело всего мира, оставляет родную землю. Мы идем на чужбину, идем не как нищие с протянутой рукой, а с высоко поднятой головой, в сознании выполненного до конца долга. Мы вправе требовать помощи от тех, за общее дело которых мы принесли столько жертв, от тех, кто своей свободой и самой жизнью обязан этим жертвам...

Отдав приказание юнкерам грузиться, я направился к катеру. В толпе махали платками, многие плакали. Вот подошла молодая девушка. Она, всхлипывая, прижимала платок к губам:

- Дай Бог вам счастья, ваше превосходительство. Господь вас храни.
- Спасибо вам, а вы что же остаетесь?
- Да у меня больная мать, я не могу ее оставить.
- Дай Бог и вам счастья.

Подошла группа представителей городского управления; с удивлением узнал я некоторых наиболее ярких представители оппозиционной общественности.

— Вы правильно сказали, ваше превосходительство, вы можете идти с высоко поднятой головой, в сознании выполненного долга. Позвольте пожелать вам счастливого пути.

Я жал руки, благодарил... Неожиданно подошел присутствовавший тут же глава американской миссии адмирал Мак-Колли. Он долго тряс мою руку: «Я всегда был поклонником вашего дела и более чем когда-либо являюсь таковым сегодня».

Заставы погрузились. В 2 часа 40 минут мой катер отвалил от пристани и направился к крейсеру «Генерал Корнилов», на котором взвился мой флаг. С нагруженных судов несло «Ура!». «Генерал Корнилов» снялся с якоря.

Суда, одно за другим, выходили в море. Все, что только мало-мальски держалось на воде, оставило берега Крыма. В Севастополе осталось несколько негодных судов, две старые канонерские лодки «Терец» и

«Кубанец», старый транспорт «Дунай», подорванные на минах в Азовском море паровые шхуны «Алтай» и «Волга» и старые военные суда с испорченными механизмами, не годные даже для перевозки людей. Все остальное было использовано. Мы стали на якорь у Стрелецкой бухты и оставались здесь до двух с половиной часов ночи, ожидая погрузку последних людей в Стрелецкой бухте и выхода в море всех кораблей, после чего, снявшись с якоря, пошли в Ялту, куда и прибыли 2 ноября в девять часов утра.

Погрузка уже закончилась. Тоннажа оказалось достаточно, и все желающие были погружены. В городе было полное спокойствие, улицы почти пусты. Я с начальником штаба флота капитаном 1-го ранга Машуковым съехал на берег и обошел суда, беседуя с офицерами и солдатами. Прикрывая отход пехоты, наша конница сдерживала врага, а затем, быстро оторвавшись, усиленными переходами отошла к Ялте. Красные войска значительно отстали, и ожидать их прихода можно было не ранее следующего дня. Я вернулся на крейсер «Генерал Корнилов».

Около полудня транспорты с войсками снялись. Облепленные людьми проходили суда, гремело «Ура!». Велик русский дух, и необъятна русская душа... В два часа дня мы снялись и пошли на Феодосию. За нами следовал адмирал Дюмениль на крейсере «Waldeck-Rousseau», в сопровождении миноносца. Вскоре встретили мы огромный транспорт «Дон», оттуда долетало «Ура!». Мелькали папахи. На транспорте шел генерал Фостиков со своими кубанцами. Я приказал спустить шлюпку и прошел к «Дону». В Феодосии погрузка прошла менее удачно. По словам генерала Фостикова, тоннажа не хватило и 1-я Кубанская дивизия генерала Дейнеги, не успев погрузиться, пошла на Керчь. Доклад генерала Фостикова внушал сомнение в проявленной им распорядительности. Вернувшись на крейсер «Генерал Корнилов», я послал радиотелеграмму в Керчь генералу Абрамову, приказывая во что бы то ни стало дожидаться и погрузить кубанцев.

3 ноября в девять часов утра мы стали на якорь в Феодосийском заливе. Приняли радио генерала Абрамова: «Кубанцы и терцы прибыли в Керчь, погрузка идет успешно». Начальник штаба флота капитан 1-го ранга Машуков пошел в Керчь на ледоколе «Гайдамак», с ним только что прибывший из Константинополя транспорт «Россия» для принятия части войск с барж, перегруженных до крайности.

После недавних жестоких морозов вновь наступило тепло, на солнце было жарко. Море, как зеркало, отражало прозрачное голубое небо. Стаи белоснежных чаек кружились в воздухе. Розовой дымкой окутан был берег. В два часа дня «Waldeck-Rousseau» снялся с якоря, произ-

ведя салют в 21 выстрел — последний салют русскому флагу в русских водах... «Генерал Корнилов» отвечал.

Вскоре было получено радио от капитана 1-го ранга Машукова: «Посадка закончена, взяты все до последнего солдата. Для доклада главкому везу генерала Кусонского. Иду на соединение. Наштафлот». В 3 часа 40 минут «Гайдамак» возвратился. Посадка прошла блестяще. Войска с барж были перегружены на «Россию». Корабли вышли в море. (На 126 судах вывезено было 145 693 человека, не считая судовых команд. За исключением погибшего от шторма эскадренного миноносца «Живой», все суда благополучно пришли в Царьград.)

Огромная тяжесть свалилась с души. Невольно на несколько мгновений мысль оторвалась от горестного настоящего, неизвестного будущего. Господь помог исполнить долг. Да благословит Он наш путь в неизвестность... Я отдал приказ идти в Константинополь. «Генерал Корнилов» принял радио «Waldeck-Rousseau»:

«Генералу Врангелю от адмирала Дюмениля.

В продолжение семи месяцев офицеры и солдаты армии Юга России под Вашим командованием дали блестящий пример. Они сражались против в десять раз сильнее врага, стремясь освободить Россию от постыдной тирании. Борьба эта была чересчур неравной, и Вам пришлось покинуть Вашу родину — я знаю, с каким горем. Но Вы имеете удовлетворение в сознании образцово проведенной эвакуации, которую французский флот, Вам оказавший от всего сердца содействие, счастлив видеть столь блестяще законченной. Ваше дело не будет бесплодным: население Юга России быстро сумеет сравнить Вашу справедливую и благожелательную власть с мерзким режимом советов. Вы тем самым окажете содействие прозрению и возрождению Вашей страны. Горячо желаю, чтобы это произошло в скором времени. Адмирал, офицеры и матросы французского флота низко склоняются перед генералом Врангелем, отдавая дань его доблести».

Вскоре было принято другое радио из Севастополя в Москву, с требованием выслать срочно «ответственных работников, так как таковых в Крыму не осталось». Блестящая аттестация генералу Климовичу.

Спустилась ночь. В темном небе ярко блистали звезды, искрилось море.

Раздел 1

МАРКОВЦЫ В ПОСЛЕДНИХ БОЯХ⁹³

Марковцы отдыхали. Даже быть в дозорах, на постах, в окопах для них не было в тягость. В огромном селе были книги, всевозможные игры, было и общество, отвлекавшее внимание от войны. В театре ставились спектакли, концерты. Выступал «Хор братьев Зайцевых» со своими веселыми, остроумными песенками, в котором принимали участие чины конного дивизиона черноморцев. Выступал и известный конфетансье и исполнитель комических куплетов Троицкий, который «укладывал всех под стол» своим юмором. Радовало всех и то, что их верные помощники по походам и боям — лошади — отдыхали, полностью освобожденные от своей амуниции.

Село огромное, и по количеству населения, и по занимаемой территории, богатое. Дивизия буквально растворилась в нем. Марковцам не требовалось много времени, чтобы отдохнуть физически и быть снова готовыми к бою. Их же мораль стояла высоко и не только среди офицеров, но и солдат, почти исключительно из бывших красных. Последние в боях показали себя верными боевыми соратниками, связанными с офицерами вместе пролитой кровью, верой в крепость своих частей, уверенностью, что и малыми силами можно бить врага и одерживать победы.

Конечно, всем было ясно — на стороне красных огромная численная сила. Последние бои это наглядно показали: дивизии пришлось биться не меньше как с 15 полками красных, причем каждый из этих полков был численностью не меньше каждого из трех ее полков; и это не считая их кавалерийских частей. Бились и остановили красных, взяв до 2500 в плен и нанеся при этом им большие кровавые потери.

Но... дивизия всего лишь часть армии и ее фронт — часть фронта армии. И вот тут-то представлялась общая слабость, и не столько в обороне, сколько для решения основной задачи — освобождения Родины. Наступление поведет к удлинению фронта, что требует увеличения численности армии. Марковцы видели это не в увеличении численности своих полков, а в увеличении числа полков и дивизий. И они с радостью узнали

о формировании двух пехотных дивизий — 6-й и 7-й. С радостью узнали и о возвращении с Кубани Кубанской казачьей дивизии. Они что-то не слышали о неудаче десанта на Кубань, и придавали ему не цель установления другого фронта, а чисто демонстративную, с задачей добиться пополнения в армию. И эта предполагаемая задача была выполнена — Кубанская дивизия значительно пополнилась конными казаками и с нею прибыло немало безлошадных казаков.

Все это усиливало дух марковцев, а тот побуждал к переходу в наступление. Значительно усиливали надежды на победу события на фронте советско-польской войны. Польская армия была у Киева, а теперь отброшена к самой Варшаве, и будто бы Варшава взята. Марковцы отнеслись к этому слуху, который им казался вполне достоверным, с одной стороны, с удовлетворением, с другой — с тревогой, так как победа Красной армии говорила об ее силе. Но ведь это победа над внешним врагом, дающая радость национальному чувству, но... будут ли люди в красноармейской форме бороться против Русской Армии, цель которой Великая Россия? И вообще, пролив много крови на Польском фронте, будут ли русские люди проливать свою кровь на внутреннем?

Но неожиданно за слухом о взятии Варшавы — слух об огромной победе поляков. Его приняли с радостью; решили, что поражение окончательно подорвет дух красноармейцев и те если не закричат «Довольно воевать!», то разными способами воевать перестанут, и тогда легче будет Русской Армии справиться со своим врагом. Что же касается вожделений Польши, то этот вопрос разрешит генерал Врангель. Прежде всего — победить большевиков.

Надежды крепили. В некоторой степени им содействовало признание Францией правительства Юга России, хотя было ясно, что оно было сделано с исключительной целью — поддержать Польшу. Первое следствие этого признания — командировка офицеров-артиллеристов в Севастополь для изучения материальной части французских орудий и правил стрельбы из них.

Но было нечто вызывающее в дивизии беспокойство. Оно не всеми сознавалось. В массе оно чувствовалось скорее как нерешительность, но среди комсостава — уже как слабость руководства дивизией, неиспользование им благоприятных моментов в обстановке и, главное, недостаточное внимание к взаимодействию в бою между частями. Для рядовых бойцов проходили незамеченными столкновения командиров полков со штабом дивизии, как проходили незамеченными и неудачи в масштабе дивизии. Для марковцев, вероятно, как ни в какой иной дивизии, остро выдвигался вопрос сочетания дисциплины и способов ведения боя; подчинения и стремления к наибольшему успеху в бою.

«Война носила партизанский характер, и генералу Третьякову⁹⁴, как артиллеристу, любившему точность и закономерность, такой образ ведения был чужд. К командованию пехотной дивизии он не был подготовлен. Это создавало трения. Например, принимается решение, пишется приказ, все в порядке. Один из командиров вызывает генерала к телефону и критикует приказ по дивизии, предлагая свой план действия. Генерал соглашается с ним. Приказ меняется. Командиры полков зачастую не выполняли приказаний генерала». Это записал полковник Битенбиндер⁹⁵. Но вот запись командира корпуса, генерала Писарева: «Началась неудача за неудачей, и я даже хотел по одному случаю странных распоряжений начальника Марковской дивизии говорить об этом с генералом Кутеповым».

В общем, в руководстве дивизией был большой изъян, устранить который своими средствами она не могла. Генерал Кутепов это знал. Но что оставалось делать марковцам? «Я знал, — пишет генерал Писарев, — генерал Третьякова еще по 1-му походу. Это был доблестный офицер, георгиевский кавалер, беспредельно преданный долгу, выдающейся храбрости. Но к сожалению, немного суетливый и неудачливый. Отзыв генерала Кутепова произвел на меня тяжелое впечатление и, конечно, оставил след, вследствие которого я становился в предубеждении начальника в отношении своего подчиненного. Наблюдая в дальнейшем генерала Третьякова, я видел, как он гордится, что командует дивизией. Его горение, как чистого добровольца, было прямо трогательно».

* * *

В Михайловке для марковцев было время залечить свои раны. В полках оставалось едва по 500 штыков и по 20 пулеметов. 30—40 человек в роте. Тем не менее с пополнением не торопились, хотя в запасных батальонах было по 1000 человек. Долгий опыт показал — умением бить врага легче, чем числом. Для рот большой численности нужен был опытный командный состав — средний и младший, но его не хватало. Было 3—5 офицеров на роту. Марковской дивизии дорого стоили два ее поражения — у станции Чистяково и у станции Ольгинская, не говоря уже об убыли офицеров в каждом бою.

Надежды на переход офицеров со стороны красных определенно рухнули. Сдавались и брались в плен сотни красноармейцев, но среди них офицеров были единицы. Были и такие, которые оказывали сопротивление, ссылаясь на воззвание прославленного по Великой войне генерала Брусилова — служить честно в Красной армии, защища-

ющей неприкосновенность родной территории. Были записавшиеся в партию.

В настоящем своем составе и качестве дивизия представлялась генералу Врангелю.

Смотр

Сообщение об его приезде всех очень обрадовало. Увидеть еще раз своего вождя, с огромным успехом ведущего с небольшой армией победные бои и, кроме того, производящего реформы в плане политическом и социальном, было желанием каждого. Однако дивизия стоит на боевом участке, поэтому только один полк может быть представлен Главнокомандующему. Но какой? Генерал Третьяков решил — 3-й⁹⁶, как якобы наиболее отличившийся в последних боях. Артиллеристы думали, что из батарей на смотр будут выведены 4-я и 7-я батареи, всегдашние спутницы 3-го полка. Но решение начальника дивизии было иное: выйдет 1-я батарея, как имеющая лучший конский состав.

Проведя предварительный смотр 3-му полку, генерал Третьяков пришел к заключению, что представить его в «боевом» виде, т. е. в самом разношерстном одеянии и обуви (обычно носившие ботинки не имели обмоток), при разнообразном снаряжении и пр., невысказано, а поэтому решено полк представить в составе трех сводных рот, по 60 рядов в каждой. С начальствующими лицами, таким образом, в каждой роте должно быть по 140 человек. Пулеметная команда — в 12 пулеметов — при возможном однообразии материальной части.

Приезд ожидался 1 сентября, поэтому для подготовки к смотру имелось два дня. Выбор людей был прост, но, чтобы одеть их, пришлось с одних снимать шаровары, гимнастерки, обувь и передавать другим. После этой комбинации оказалась нехватка людей; для пополнения срочно вытребовали из учебной команды запасного батальона. Шла мобилизация снаряжения, ружейных ремней, штыков, но оказалось, что не хватает патронташей; пришлось от них отказаться. Чистка обуви, винтовок. Затем необходимо подготовиться к церемониальному маршу и, главное, к показательному учению, т. к. генерал Врангель мог вызвать одну роту для производства боевых построений. Для большего эффекта начальник дивизии разрешил головной роте пройти в церемониальном марше с винтовками «на руку», что не так просто. Подъем настроения у всех был такой, что подготовка проходила блестяще.

Сообщили, что приедут военные представители разных стран и корреспонденты иностранных и русских газет. «Отлично. Покажем им, кто мы! Не помогут, потом сами будут иметь дело с большевиками», — говорили марковцы.

* * *

1 сентября. На фронте спокойно. Утром пролетел над Михайловкой «Илья Муромец» и сбросил несколько бомб. В 10 часов на огромной площади села стали выстраиваться 3-й полк и батарея в 4 орудия. На правом фланге блистал своими трубами полковой оркестр. Около 11 часов подъехало девять машин, из которых вышли: генерал Врангель, генерал Кутепов, генерал Писарев, чины штабов, военные представители Франции, Англии, Америки, Польши, Японии, Сербии и несколько корреспондентов.

Главкомандующий в форме марковцев, которая была преподнесена еще в Крыму, подходит к полку. Оркестр играет встречный марш. Генерал Врангель обходит фронт полка, громким голосом здороваясь с ротами, командами, батареями:

— Здравствуйте, дорогие орлы марковцы!

Громкие четкие ответы и могучее «Ура!». Он благодарит за боевую службу.

Став перед фронтом полка, генерал Врангель провозгласил «Ура!» за Честь и Славу Родины. Оркестр играл Преображенский марш и могучее «Ура!» пятисот марковцев разнеслось по селу. Затем он выразил свой восторг «небольшой числом, но сильной духом» дивизии, которую он знает давно, в крепости которой он не сомневается и в которую верит. Он сказал, что, борясь за Россию, Русская Армия борется и за все человечество, за его культуру, за подлинный и полный мир. «Большевики — враги не только наши, но и всего мира. Нас понимают наши друзья, иностранные государства, и оказывают нам поддержку, но настоятельно необходимо для их же блага эту поддержку и помощь усилить». И он верит, что так и будет. Гремело «Ура!» за друзей России и Русской Армии в лице присутствующих представителей. Генерал Кутепов провозгласил «Ура!» в честь Главкомандующего, громко подхваченное и долго не смолкавшее.

Потом церемониальный марш. Легким четким шагом с винтовками «на плечо» идет 1-я рота. Командир салютует шашкой, взяв ее «подвысь». Рота дает твердый шаг. Он опустил шашку в положение «к бою» острием вниз, и вся рота опускает винтовки с плеча в положение «на руку» и поворачивает лица в сторону вождя. Четкий ответ. Четкое об-

ратно с «на руку» на плечо. Генерал Врангель смотрит своим орлиным взором на роту. Он явно доволен, улыбается. Иностранцы, держа руку «под козырек», иные восторженно, другие чрезвычайно серьезно смотрят на проходящую роту. Эффект огромный.

Проходят другие роты, команды — пулеметная и ординарцев, и батарея на рысях. Раздается команда командира полка: «1-я рота на учение!» Рота с большим успехом провела несколько построений, иные, по приказу генерала Кутепова, бегом. Бегом закончила она свои показательные занятия, выстроившись перед Главнокомандующим. Получив благодарность, стала на свое место в строю полка. Генерал Врангель еще раз поблагодарил в лице полка всю дивизию. У всех подъем духа и удовлетворение прошедшим парадом и встречей с вождем.

* * *

После смотра генерал Врангель поехал в сельское правление, где ему была поднесена крестьянами «хлеб-соль» и где он вел с ними беседу. Оттуда, со всеми с ним приехавшими, прибыл в дом богатого мельника, где 3-м полком был организован завтрак. В доме уже собрались все старшие начальники дивизии, а от 3-го полка до командиров рот включительно. Было торжественно, но в то же время сердечно и просто. Генерал сказал небольшую речь о положении «Русского вопроса» в мире, о состоянии армии, о возможностях. «Большевизм должен быть уничтожен теперь, или он принесет много зла всем государствам, а для победителей в Великую войну обернет их победу в поражение».

Пили за успехи армии, за вождя, за старших начальников; пили за друзей, союзников... У всех отличное настроение. Оживлены были и иностранные гости, даже те, которые так серьезно смотрели на проходившие на параде роты, теперь восторженно отзывались о марковцах. И действительно, было чему восторгаться. До марковцев они видели корниловцев и увидят дроздовцев. Теперь они имеют представление о 1-м корпусе Русской Армии. За завтраком играл оркестр и пел хор песенников. Особенное впечатление произвело исполнение хором «Не плачьте над трупами павших бойцов, погибших с оружием в руках».

Почти три часа, до наступления темноты, оставался с марковцами генерал Врангель. Поблагодарив за радушный прием, пожелав всем и дивизии боевого счастья в предстоящих боях, он обещал, если у него будет время, снова приехать 4 сентября на праздник 3-го полка и, провожаемый громким «Ура!» и приветствиями, уехал на станцию Пришиб, взяв в свою машину двух крестьян проводников. Не хотелось уезжать иностранным гостям. Было видно, что они понимали

русских солдат, их жертвенность, их тяжкую героическую борьбу. Они обещали своим правительствам сообщить правду об армии и ходатайствовать об оказании ей надлежащей помощи. Но были ли они вольны в реальном ее осуществлении?

* * *

Во время завтрака произошел случай, произведший на всех, кто был его свидетелем, большое впечатление. К дому подошел старик, большой, грузный, опиравшийся на палку и попросил свидания с генералом Врангелем.

— Кто вы? — спросили его.

— Я Небогатов.

Все сразу же поняли. Адмирал Небогатов... Командующий эскадрой... Цусима. Все почтительно отошли, а один офицер доложил генералу Третьякову. Старик стоял молча, с грустным, потупленным в землю взором. Генерал Третьяков выслушал пришедшего и... отказал ему в личном свидании с генералом Врангелем, но обещал написать Главнокомандующему о его просьбе. Он просил о выдаче ему пенсии, которой он лишился с начала революции, и вынужден жить на средства своей дочери, учительствующей в местной школе. Старик медленной походкой ушел...

* * *

После отъезда генерала Врангеля генерал Третьяков и марковцы сидели еще долго, разговаривая о впечатлениях дня и... о старике. «Судьба играет человеком», «Лучше смерть, чем позорная сдача врагу», «Лучше смерть, чем позорное существование в униженной и оплеванной Родине». И неслась песня:

Пусть свищут пули, льется кровь,
Пусть смерть несут гранаты,
Мы смело двинемся вперед.
Мы, Русские солдаты.

Генерал Третьяков был весел, очень доволен и благодарил 3-й полк за блестящий смотр.

* * *

2—3 сентября на участке дивизии спокойно, но стало известно о переходе в наступление Донского корпуса, развивающемся весьма успешно. Вывод: очередь за нами. Вот отпразднуем праздник 3-го полка и прямо в бой.

Было сообщено, что Русская Армия разделена на две: I, во главе с генералом Кутеповым, состоящую из 1-го, Донского корпусов и Кубанской казачьей дивизии — на участках фронта восточном и северном; и II, генерала Драценко, из 2-го корпуса, 6-й дивизии, кавдивизии, Терско-Астраханской бригады и Гвардейского отряда, на фронте — по Днепру. Стратегические рассуждения марковцев приводили к выводу: I армии предназначена активная роль; II — пассивная. Донцы уже наступают. Выкинутый красными клич «Все на Врангеля!» не смущал; не смущало и то, что красные серьезно укрепляются и опутывают свои позиции проволокой.

В 3-м полку эти разговоры перемежались с мыслями о полковом празднике — 4 сентября, в Богородицын день «Неопалимой Купины», и одновременно о годовщине его основания. Тем более, что обещал приехать генерал Врангель. Что этот день будет проведен в Михайловке, не сомневались: никаких приготовлений к выступлению не было. Так было накануне праздника. Вечером объявлено: «Желающие в церковь». В церкви торжественная архиерейская служба, поет Марковский хор. Раздача ужина. Тихо, мирно... и вдруг — около 21 часа:

— Третьему полку приготовиться к выступлению. Первому батальону немедленно!

— Ну что же! Отпразднуем в бою. Сборы короткие.

Снова вперед!

Через час батальон с одним орудием выступил в Фридрихсфельд сменить дроздовцев, но там застал лишь конный пост в 5—6 коней. Через колонию к дроздовцам прошел Конный дивизион. Затем пришел весь 3-й полк. С рассветом в наступление: 3-й полк — восточнее железной дороги. 2-й⁹⁷ — на Бурчатск, 1-й⁹⁸ — на село Васильевка. Фронт наступления дивизии 10 верст. Вправо на Андреебург — дроздовцы.

4 сентября. Едва стало светать, марковцы, подошедшие возможно ближе к позициям красных, с одновременно начатой армейской подготовкой 6 батарей и двумя бронепоездами, ринулись в атаку. Их не сдержали ни огонь орудий и броневиков, ни пулеметный. Позиция была взята с налета. Контратаки резервов красных отбивались на ходу. Конный дивизион, высланный со стороны дроздовцев по Карачекракской ложине в тыл красным, захватил 4-орудийную батарею. К вечеру 1-й и 2-й полки уже были на высотах за ложинной. 3-й, в резерве у Васильевки, где отметил День своего праздника отличным обедом, подвезенным кухнями, да в штабе полка распитой бутылкой-другой самогона в при-

сутствии генералов Писарева и Третьякова. Потери дивизии были весьма малы.

5 сентября — короткое продвижение вперед и занятие почти без боя села Янчекрак.

6 сентября — дальнейшее наступление встретило слабое сопротивление. Аэроплан сбросил ориентировку: вправо дроздовцы и Кубанская казачья дивизия успешно продвигаются вперед. Около 15 часов марковцы, выйдя на бугры, увидели Александровск с его двумя железнодорожными станциями с эшелонами на путях и уходящими в направлении станции Синельниково и на мост через Днепр у колонии Кичкас. Вперед выехали Конный дивизион, сотни, батареи. Загремели орудия. На южной окраине города разворачивалась пехота красных. Полки, прошедшие уже 25 верст, спешили вперед и атакой смяли красных. К грому орудий присоединились сильные взрывы складов снарядов, вагонов с ними... Резервный 3-й полк вступил в город в колонне. Его встретили толпы народа. У марковцев в руках появились цветы.

Смеркалось. 1-й полк, наступавший вдоль железной дороги, идущей к Днепру, за городом, перед селом Вознесенским, встретил упорное сопротивление и, потеряв 70 человек, остановился. 3-му полку приказано взять село, выйти к понтонному мосту и захватить переправу. Полк, уже в темноте, атаковал красных на крутом подъеме балки Гадючьей, сбил их, но за селом на буграх встретил сопротивление, задержавшее наступление на некоторое время. Атакой бугры были взяты, и с них открылась темная низина, пересекаемая с севера на юг серой полосой Днепра. Сильный взрыв и грохот врезались в звуки затихавшего боя. Полк спустился в низину. Масса повозок, но ни лошадей, ни людей. Еще немного, и виден отводимый на ту сторону Днепра понтонный мост. Вправо, на возвышенности, гребень железнодорожных вагонов, а еще впереди — силуэт высокого железнодорожного моста. В резерве наступавшего полка было две роты. Когда полк вошел в село, они пошли вправо и натолкнулись на сидящих в окопах красных. Около 180 человек сдались без выстрела, другие скрылись в темноте. Несколько из них были пойманы, и среди них командир батальона, бывший офицер. Высланные от рот дозоры, шедшие вдоль железной дороги, дошли до разъезда, все время забирая пленных. Привели и двух санитарок — сестер милосердия. Рассказ их ужаснул марковцев.

Утром в Александровск прибыл эшелон кавалерии с обозом и стал разгружаться. Неожиданно разгрузка была прервана, а в освобожденные вагоны началась погрузка раненых. Обе санитарки были назначены сопровождать их. Погрузили до 200 человек. Через некоторое время длинный эшелон тронулся по линии на Кичкасский мост.

В нем, кроме раненых, оставались еще подводы, фураж. На разъезде эшелон остановился. Наступила ночь. Бой шел уже вблизи. Вдруг впереди сильный взрыв.

— Мост взорван! — раздались крики, но состав медленно двинулся вперед.

— Остановите поезд! Пощадите раненых! — кричали кругом, а в ответ:

— Белые все равно перебьют всех.

Кто мог, стал выпрыгивать из поезда. «Выпрыгнули и мы», — с рыданиями говорили санитарки.

От взрыва центральная часть моста обрушилась, и вагоны эшелона один за другим падали с высоты десятков аршин, производя зловещий грохот. На самом краю обрыва остался лишь паровоз-толкач, сошедший с расшатанных рельс. Так погибли «во славу социалистической революции» около 200 раненых. На следующий день еще видны были в Днепре красные вагоны, сносимые все дальше и дальше сильным течением узкой здесь реки.

7—9 сентября. На фронте дивизии лишь редкая стрельба. Ее фронт к северу от города в 20 верстах. Там Конный дивизион; от него вдоль Днепра к югу в село Павлокичкас — 1-я батарея, как имеющая команду конных разведчиков и пулеметную; в село Вознесенское — 3-й полк; 1-й — на западной окраине города против острова Хортица; 2-й — в резерве, в городе; южнее города вдоль плавней — Инженерная рота⁹⁹. К северо-востоку от дивизии, в 25 верстах в селах Новогуполовка, Дроздовская, а еще восточнее — Кубанская дивизии.

В результате наступления дивизия взяла до 2000 пленных 3-й и 46-й стрелковых дивизий, бронепоезд, массу подвод с военным имуществом, походные кухни, походные кузницы, прожектора, массу фуража и продовольствия. Захвачен и эшелон эвакуационного пункта со всем медицинским персоналом и даже состав с комиссарскими семьями, главы которых предназначались к занятию соответствующих постов в Северной Таврии и Крыму. Дивизия понесла потери в 150 человек.

* * *

Пленные, 180 человек, захваченные резервными ротами 3-го полка, принадлежали к карательному отряду, ведущему борьбу с восставшими против советской власти в районе Чугуева. Отряд в 600 человек был набран из мобилизованных. Им командовал бывший офицер, ротами — также бывшие офицеры и бывший старший унтер-офицер. При каждой роте были комиссары. Каратели! Вид всех был отличный. Среди них сра-

зу сам представился командир роты, старший унтер-офицер, заявивший: «Мы сдаемся добровольно». Действительно, так и было. Вот его ответы на опросе:

— Мы не хотели идти против белых, потому и записались в отряд. Мы вообще не хотели воевать. Мы не любим красных, но выхода не было. Когда мы стреляли, то стреляли в воздух; отпускали крестьян, когда не было с нами комиссаров и офицеров. Они звери!

— Когда нас послали против Врангеля, мы, моя рота, решили сдаться и уже биться против красных.

На возражение, что вечером они же отбили атаку белых, он ответил:

— Это левый фланг отряда. Там ротами командовали офицеры.

На вопрос, знали ли они, что белые расстреливают красных, ответил:

— Да! Нам об этом говорили. Но мы не верили: тогда бы пришлось расстрелять всю Россию. Я и говорил своим — не расстреляют, а если и так, то прежде всего меня.

На много вопросов отвечал этот храбрый унтер, и его ответы и рассказы звучали искренностью и правдой. Он ручался за всех своих. Он не обвинял красноармейскую массу, но коммунистов, комиссаров... и офицеров считал «собаками», достойными «собачьей смерти».

Решение командира батальона — влить сдавшихся в роты — унтер и все приняли с искренней радостью. Батальон сразу увеличился вдвое. В ротках стало по 70—80 штыков. Все унтер-офицеры из сдавшихся, в числе 12 человек, были назначены помощниками командиров взводов — офицеров. Пополнение оказалось блестящим во всех отношениях.

* * *

Приказ 3-му полку — ввиду того, что им не была взята Кичкасская переправа, приступить к подготовке к переправе за Днепр и закреплению там плацдарма; 1-му полку — вести подготовку для захвата острова Хортица. Начались разведки, изыскания способов и средств, изучение течения Днепра. Приезжал генерал Кутепов и подтвердил поставленные задачи.

Александровск оживал. Этому не мешал даже обстрел красных. Главной мишенью для стрельбы было высокое белое здание Земской управы, где помещался штаб корпуса. Торжественны были похороны начальника железнодорожного участка, инженера Иванова, убитого «при исполнении службы» в день взятия города. Он со своими тушил подожженные красными вагоны со снарядами и был убит взрывом. От марковцев на похоронах присутствовали чины, лично знавшие убитого.

10 сентября, перед рассветом, команда пеших разведчиков 1-го полка на лодках переправилась на остров и закрепилась на краю его. Немедленно был переброшен туда батальон. Отбита атака. А к вечеру на острове был уже весь полк, заняв возвышенную его половину.

Запорожская Сечь

Остров Хортица — самый большой из островов на Днестре. Его длина до 10 верст, ширина 2 версты. Он находится на том рубеже Днестра, где река, вырвавшись из 80-верстного порожистого русла со многими скалистыми маленькими островами и пройдя через узкие каменные ворота, над которыми проходила железная дорога, обретала, наконец, свое спокойное течение, делясь на многие рукава, протоки, между которыми находились известные днепровские плавни. Самый рубеж между каменной грядой, которую пересекал Днепр, и начинавшимися к югу плавнями, проходил по острову, деля его почти на две равные половины, северную — возвышенную и южную — низменную. Северный конец острова — огромный каменный мыс, имеющий форму кресла, называемый «Креслом Екатерины». По преданию, на нем сидела и пила чай Екатерина II с князем Потемкиным, любуясь красотой Днестра. Южная оконечность терялась в плавнях.

Лет двести тому назад на Хортице находилась знаменитая Запорожская Сечь. Следы ее уцелели до 1920 года. На возвышенной части сохранились фундаменты церкви и зданий, вал, окружавший центр Сечи, могилы-курганы среди небольшого соснового леса. На этой части острова находилась лишь небольшая, с десяток дворов, немецкая колония, приютившаяся на уступе скалы.

Много интересного рассказали марковцам местные уроженцы, которые, будучи учениками, совершали экскурсии на остров, производили там раскопки и составляли свои училищные музеи. Они говорили, что Сечь базировалась на восточный берег Днестра, где на месте села Вознесенского в то время был торговый поселок. Расположение его на возвышенности, окруженной с двух сторон течением Днестра и с двух — глубокими балками, одна из них Гадючья, и, кроме того, защищенного глиняной стеной, обеспечивало связь запорожцев с внешним миром.

Запорожская Сечь была почти недоступна в те далекие времена, и ее история — целая легенда. Теперь наступили новые времена с невероятной для того времени техникой, когда неуязвимость старой Сечи отпала совершенно. Новым запорожцам, как стали называть себя мар-

ковцы, пришлось вести борьбу на старых местах новыми средствами и такие же новые средства испытывать на себе.

Остров обтекали два рукава: с восточной стороны — Новый Днепр, шириною до 150 шагов, глубокий и с быстрым течением; с западной — Старый Днепр, шириною шагов в сто, имевший пять бродов по грудь и один по пояс. Чтобы удерживать остров, нужно было прежде всего обладать им полностью и затем иметь на нем орудия, так как три брода не могут наблюдаться с восточного берега Днепра; попытки установить телефонную связь с батареями через широкий и быстротекущий Днепр не удалось; чтобы перевезти часть батарей на остров, и для этого есть средства — пароход, оказавшийся в полной исправности, и баржи, мешал скалистый берег острова и наблюдение противника, у которого с высокого западного берега тот был как на ладони. К острову можно подплыть только в одном месте от пристани. И конечно, только ночью.

12 сентября противник с сильной поддержкой своей артиллерии перешел в наступление. 1-й полк, ища спасение от сыпавшихся на него снарядов, с такой стремительностью перешел в контратаку, что моментально смял красных, нанеся им, спасавшимся по бродам, большие потери, и занял весь остров. Но одному полку удерживать остров в десять верст длиною было не по силам, и туда были переброшены два батальона 2-го полка, ставшие на северной его части. В последующие дни красные ежедневно пытались ворваться на остров; иногда это им удавалось, но всегда они были сбрасываемы в Днепр. Особенно сильное наступление они повели 17 сентября, навалившись на 1-й полк, два батальона которого вынуждены были отходить от бродов под сильным обстрелом легких, гаубичных и 42-линейных батарей. Разрывы снарядов производили страшное впечатление: «Будто в воздух взлетали огромные подсолнухи, вырванные с корнем». Красные уже поднимались и на возвышенную часть острова, тесня 2-й полк.

Положение создавалось критическое, но в контр наступление перешел резервный батальон 1-го полка, и вместе с отходившими ротами он прорвался через заградительный огонь и ударил «в штыки». В лесу шли отчаянные схватки. Красные спасались по бродам, и их уносило течение. У одного брода они были задержались благодаря поддержке своих батарей, но их скопление разнесло огнем единственное стоявшее на острове орудие. Красным дорого стоила эта попытка, но и 1-й и 2-й полки потеряли свыше 150 человек.

Орудие, стоявшее на острове, было втянуто туда с огромным трудом с помощью трех пар волов, и то после сложной подготовки. Чтобы переправить следующие орудия, требовались сутки. Когда шел послед-

ний жестокий бой, они, как ни торопились стать на позицию, так и не успели сделать ни одного выстрела.

С 18 сентября на острове было сравнительно спокойно, если не считать непрерывный обстрел и нащупывания места переправы на Хортицу. Зато резко похолодало и падал осенний дождь, усиливая сырость, в которой приходилось стоять 1-му полку. Бойцы, конечно, находили цель и смысл стояния на острове: не просто удержать остров, но и быть готовыми для какой-то задачи на западном берегу Днепра. Не напрасно же на острове собраны пять батальонов, не напрасно ведется пристрелка, и даже стреляют новые батареи из колонии Шепвиз (две Дроздовские гаубичные батареи германских орудий, которые прислала Болгария). Наконец на остров стал наводиться мост.

Постройка его была поручена полковнику Чибирнову¹⁰⁰, командиру Марковской инженерной роты. «Мост должен быть построен с расчетом, чтобы по нему могли проходить тяжелые орудия, — сказал генерал Кутепов. — Найти и использовать все, что возможно». Затем было дано добавочное задание — приготовить все для наведения моста с Хортицы на неприятельский берег. Если второй мост через неглубокий рукав можно было поставить на козлах, то для первого, во всю его длину, при большой глубине, это было невозможно. Есть три баржи, есть устаревшие три парных цилиндра, когда-то служившие на понтонной переправе Кичкаса, но их недостаточно. Оставалось идти на риск и ставить баржи не вдоль течения, а поперек. Риск огромный: нужны крепкие якоря, цепи и подходящее дно реки. Нужно было подготовить подъездной путь и, главное, путь на острове, где без взрывов каменного берега не обойтись.

И еще — противник не должен пристреляться к месту наводки моста, скрытой возвышенной частью острова. Работа днем должна немедленно прекращаться, когда появлялись неприятельские аэропланы; никакого движения от города к мосту днем; склад материалов должен быть далеко в стороне. Работу приходилось вести только по ночам. Вторично приезжал генерал Кутепов и сказал полковнику Чибирнову и его помощнику по понтонной части, капитану Носовичу¹⁰¹: «Через двое суток мост должен быть готов».

* * *

Тоскливо протекало время на острове, особенно в 1-м полку. Холод и сырость. Разложить костры можно было лишь с риском навлечь огонь артиллерии. Никаких отпусков в город. Лишь вечерами, когда не было ветра, до них доносилась игра полкового оркестра, располагавшегося где-то под скалой в восточной части острова.

«Запорожцы XX века» сравнивали свое положение с прежними запорожцами, и конечно не в свою пользу. Пусть те тоже питались из общего котла, но у них было вино. А теперь? Можно было сколько угодно набрать ковшей для вина из черепов врагов, но — увы! — нет вина. А как бы оно согрело и развеселило. Немного отвлекло от тяжелой обстановки влитое в роты пополнение. «Уже в ротах по 40—45 штыков. Приличные роты. Можно воевать!» — записал на острове один из командиров.

Отличные стоянки выпали для батальона 2-го полка в Александровске и 3-му полку в Вознесенском. Какая красота это село; точь-точь как в описаниях Гоголя: вишневые сады, пирамидальные тополя, типичные хохлы и хохлушки с их языком и песнями, с их галушками и даже вишневой наливкой. А там, внизу, — Днепр. Сами по себе пелись песни — «Гой, ты Днепр, там наш широкий...», декламации из Пушкина и Гоголя... «Редкая птица долетит до середины Днепра...»

«А вот мы не полетим, а через Днепр переберемся», — размечтались марковцы, уже имея основания, что их дальнейший путь через Днепр.

Как нельзя лучше сложились взаимоотношения с населением, и они оставались такими же после одного смутившего марковцев случая. В сельском театре 3-й полк организовал концерт с выступлением полкового хора, солистов, жонглеров. Когда хор запел «Як умру, то поховайте», все местные жители встали, а марковцы продолжали сидеть. Но концерт прошел спокойно, и добрые взаимоотношения продолжали оставаться. Оказалось, что никакого самостийничества здесь не было.

Чинам 3-го полка доступен был и город. Каждый день туда ходили группы отпускников: в хозчасть — для приведения в порядок обуви или обмундирования и одновременно — походить по городу, зайти в кофейную выпить кофе с пирожными, завести знакомства, побывать у знакомых. Каждый такой выход сильно радовал и развлекал. В Александровске о Петлюре, о махновцах отзывались недоброжелательно; при упоминании о «незалежной» Украине пожимали плечами. В городе все дышало «Русью». Особенно радовалась молодежь. Но была война, и снаряды рвались по городу. Это единственное, что беспокоило. Марковцам приходилось удивляться вопросу зрелых людей: «И зачем эта война?» Утверждение же всех было одно: «Лучше пусть красные не приходят».

3-й полк устроил концерт и в Александровске в пользу больных и раненых, лежавших в разных городах и находившихся в разных условиях. В Мелитополе, в Симферополе уход был сравнительно хорошим,

но, например, в Евпатории, в госпитале Донского корпуса, условия были отчаянные: не хватало не только постельного белья, не только нательного, но не хватало медикаментов, перевязочных средств и даже медицинского и санитарного персонала. Раненые подолгу оставались без перевязок. Один марковец писал своей «семье» — в полк: «Поразительная картина у нас в госпитале: раненые марковцы ухаживают за ранеными; более — врачуют их и свои раны. Если бы не капитан Цымбалов¹⁰² (медик 3-го курса, служивший в 3-м полку оперативным адъютантом), мы бы все сгнили от своих ран. У нас раненые кормят раненых. Не хватает посуды, ложек, едим по очереди. Пища невкусная, полуголодная...» Нужна была помощь. Одних отчислений от скудного жалования, посылок продуктовых, бельевых было недостаточно.

Концерт прошел блестяще во всех отношениях. Поразило, как восторженно жители города приветствовали на концерте генералов Кутепова, Писарева, Бабиева и молодого генерала Туркула, о котором только что узнали, что он с дивизией буквально разгромил красных и с кубанцами даже занимал станцию Синельниково.

* * *

Конечно, главной темой разговоров марковцев было — «Куда пойдём?». Ясно — за Днепр. Но что там может сделать одна дивизия? А затем — уйдет дивизия на тот берег, кто же останется на этом? Правда, сообщили о больших успехах Донского корпуса, который занял Мариуполь, почти дошел до Дона, в Донбассе дошел до Юзовки; взял тысячи пленных, бронепоезда. Но какой теперь фронт?

Цель наступления марковцам представлялась одна — принудить противника очистить Каховский тет-де-пон. Допускали такую комбинацию: их дивизия перейдет Днепр, завяжет там бои, привлечет на себя силы красных, а II армия тем временем примет непосредственное участие в «ликвидации Каховки». Однако как это маловероятно, ведь до Каховки полтора ста верст...

И вот «солдатское радио» сообщило о подходе к Александровску Корниловской, а затем Кубанской казачьей дивизий. Ну, с такими силами задача представлялась вполне разрешимой. Итак — за Днепр!

О том, какие силы красных стояли за Днепром, разговора не было. Но они, конечно, командованию известны: о них дают сведения партизанские отряды, сидящие в плавнях. Самый большой из них, в несколько сот, атамана Володина, и другой, едва в сотню человек, атамана Прачана, к северу от города. Первый был в ведении командира 1-го полка, второй — командира 3-го полка. Однако первый не вну-

шал доверия и определенно отказывался уходить из плавней даже тогда, когда боевые действия отодвинутся далеко от них, тогда как второй выразил полное согласие продолжать борьбу с 3-м полком, включившись в него как команда разведчиков.

На правом берегу Днепра

Рассуждения марковцев относительно действий Русской Армии в ближайшем будущем были правильны, но они относились лишь к первому этапу плана, который решил выполнить генерал Врангель. План его заключался в следующем: II армия переходит Днепр у Никополя и с поддержкой частей I армии, которые перейдут Днепр с Хортицы, прежде всего принуждает противника очистить Каховский плацдарм, а затем ведет наступление в западном направлении вплоть до польской границы, откуда начнет боевые действия 3-я армия, сформированная в Польше из интернированных там русских, в числе 80 000 человек. Будет очищен юго-запад России и образован заднепровский фронт. Расчет был на продолжение войны между Польшей и Советами. Этот план генерала Врангеля, во второй его половине, марковцам, конечно, известен не был.

Согласно плану, Марковская дивизия должна перейти Днепр и укрепить там за собой тет-де-пон. С него начнется наступление двух пехотных и одной конной дивизий. Но этот план был изменен — никаких тет-де-понтов, а наступать прямо с острова.

22 сентября. Мост через Новый Днепр готов. Переехали на остров несколько батарей. Ночами туда перевозились козлы, настил для малого моста, лодки. Все складывалось скрытно в лесу. 23 и 24 сентября командиры батальонов 3-го полка вызывались на остров и изучали местность у второго с юга брода, названного Бурвальдовским, т. к. к нему с запада подходила лощина от колонии Бурвальд, в двух верстах от него. Им было сказано: здесь будут проходить 1-й и 3-й полки; 2-й — по более северным бродам; через южный, где будет мост, — корниловцы и кубанцы. Переход Днепра после короткой артподготовки.

Как выглядело место переправы? На опушке леса — валик нанесенного песка, затем шагов 30—40 — песчаный берег; дальше — русло Днепра в 100 шагов, снова песчаный берег в 50 шагов, валик песка, полоса кустарников и деревьев и круто подымающийся высокий край реки. Позиция противника по валику наносного песка, перед ней устанавливается проволочное ограждение; по высокому краю берега также окопы. В окопах много пулеметов. Несколько батарей их пристреляно к броду. Брод? Ясно виден — песчаный, глубиной по пояс, но только в своей наи-

более мелкой части; влево он круто обрывается и вода совершенно темная; вправо глубина увеличивается постепенно; течение быстро.

Объявлено: переходить Днепр полки будут побатальонно и неизбежно, ввиду узкости брода, не только поротно, но и каждая рота змейкой. Объявлено еще — наступление в 5 часов 25 сентября после короткой артподготовки. Обсуждался вопрос, когда можно ожидать наиболее сильного сопротивления противника — в момент переправы или потом, когда он направит в бой свои резервы.

В ночь на 24-е все Марковские батареи переправились на остров. Не могла оставить свой участок лишь 1-я батарея. Накануне к старосте колонии Павлокичкас пришли красные и приказали ему к 28 сентября приготовить возможно большее число подвод. В батарее переполох. Как смогли красные, не замеченные охранением, перейти Днепр, быть у старосты и также незамеченными уйти обратно? Пришлось батареею оставить на месте.

В ночь на 25 сентября, с наступлением темноты началось непрерывное движение частей по мосту на остров. Строго соблюдая расписание, шли части Корниловской дивизии, Кубанская казачья, Конный дивизион Марковской дивизии, 3-й полк. Вся эта масса, соблюдая полную тишину, растворялась в темноте в лесу южной части острова.

3-й полк перед выступлением построился в каре и выслушал молебен. Оказалось, что молебен был не просто перед боем, но и по случаю наступающего дня святого Сергия Радонежского, дня памяти Шефа, генерала Маркова, Обще-Марковского праздника, он же и праздник 1-го полка. Итак, этот день начнется весьма серьезным боем. Его нельзя не отметить крупным успехом. Тихо разговаривая, шли марковцы. Вспомнили, что и день своего праздника начали боем; в бою провел свой праздник и 2-й полк. Разговоры прекратились, когда подошли к мосту; прошли по нему сильно разреженным строем. Скрипел и качался мост, бурлила под ним темная вода. На баржах у якорей дежурили понтонеры. Было несколько жутко. Наконец полк подошел к месту, с которого начнет атаку.

25 сентября. Тишина. Ни одного выстрела. Ни в одну из предыдущих ночей красные не вели себя так спокойно. Ждали атаку? Но если бы ждали, то, наверно, артогнем обстреливали бы лес, в котором сосредоточились тысячи три штыков, десятки батарей и до 1500 сабель, и ни один из их снарядов не был бы выпущен впустую.

Холодная ночь. Никаких костров. На берегу никакого движения. И только в кустарнике тихо разговаривают группы начальников. Но вот к воде подошли трое разведчиков 1-го полка. Один из них, поручик Задера, вошел в воду с пучком вешек; через 10 шагов за ним — дру-

гой, затем третий. Между ними тянулась веревка. Поручик Задера шел по краю, где кончалась отмель и начиналась глубина, и втыкал вешки. И так вешки были воткнуты почти до середины реки. Ни выстрела. Четвертый час. На валике песка встречаются командиры головных батальонов 1-го и 3-го полков, капитан Шевченко¹⁰³ и капитан Павлов¹⁰⁴. Им начинать, и им нужно переговорить.

— С полковым праздником!

— Спасибо! А я за всю ночь и не вспомнил о нем.

Разговор их был недолгим.

«Быстрота, глазомер и натиск». Этого мало — нужна и внезапность. Начнется артподготовка — отпадает внезапность: артиллерия противника откроет огонь по броду. Лучше, чтобы этого не было. Ружейный и пулеметный огонь? Но благодаря внезапности атаки он вряд ли очень помешает. Проволока? Она на песке, и, вероятно, ее легко свалить. И единодушное решение — атака без артподготовки, о чем настоятельно [решают] просить командиров полков.

Полковник Марченко¹⁰⁵ и подполковник Никитин¹⁰⁶ сразу же согласились и пошли к начальнику дивизии. Генерал Третьяков вначале отказал, а потом согласился и пошел переговорить с начальником Корниловской дивизии. Решено — марковцы атакуют без артподготовки, и так как корниловцы все же проведут ее, то марковцам атаковать не в 5 часов, а на полчаса раньше, в 4.30.

* * *

Марковской дивизии давалась задача обеспечить переправы, в то время как Корниловской и Кубанской — идти к югу на помощь частям II армии при переправе их через Днепр у Никополя и дальнейшее вступление к югу в тыл Каховской группе противника. Но пассивная задача дивизии должна иметь и активный характер — привлечь на себя силы противника и не допустить их следовать за корниловцами и кубанцами.

Время 4.30. Из леса и кустарника выходят рядом две густые змейки. Идут по песку к воде. Песок хрустит, и в воздухе несется какой-то глухой гул. Первые всплески воды под ногами идущих впереди головных рот их командиров. Затем тихое бурление воды от все большего числа людей, входящих в нее. Идут неволью замедленным шагом и в неудобном для движения положении — с вытянутыми вверх руками, держащими винтовки и патроны. Людям приходится идти очень осторожно, чтобы не быть сбитыми с ног сильным течением.

Раздался встречный выстрел, другой, третий... Затрещали пулеметы. У кого-то сбита фуражка, у другого пуля попадает в патронную сумку

над головой; он теряет равновесие, погружается в воду; его поддерживают. У всех инстинктивный порыв вперед и стибание «к земле». Головы змеек, выйдя из воды, бросаются вперед с криком «Ура!»; раздается несколько разрывов ручных гранат; стрельба постепенно смолкает; стреляют лишь сверху и с флангов. Легко ударами прикладов сваливаются колья проволочного заграждения.

И только когда головные роты были в окопах противника, открыла огонь красная артиллерия. Все снаряды бухали в воду вправо и влево от идущих змеек, не причиняя вреда и лишь заставляя бойцов окунаться с головой. Одного «выловили» и ведут под руку; другой, остановившись на месте, стал нырять; его подхватили. «Винтовка!» — кричит он и, еще раз нырнув, объявил: «Поймал!»

Окопы взяты. После нескольких выстрелов прекратилась стрельба сверху и с флангов. Батальон 1-го полка распространяется вдоль окопов вправо и затем выходит на северный край ложины. Батальон 3-го полка, перемешавшись в темноте в кустарнике, выполняя одно приказание: «Вперед», натывается на крутой берег. Бойцы падают, но ползут наверх. Один, не удержавшись, скользит вниз и натывается на штык ползущего за ним.

На высоком краю роты собираются, стреляют по отходящей цепи. «Вперед!» Батальон вдоль южного края ложины подымается на возвышенность. Взлетает пущенная командиром батальона ракета, и на другой стороне ложины взвивается другая: сигналы, что батальонами достигнуты условленные рубежи. Впереди вспышки бегло стреляющих красных батарей.

И вдруг слева сзади загремели орудия. Пять часов! Корниловцы начали подготовку. Марковцы уже на высоте 50.9. Батальон врывается в Бурвальд, преодолев пулеметный огонь. Стоявшая за колонией красная батарея снимается с позиции: в темноте не нашли дороги к ней. Часть батальона, оставленная на высоте 50.9, вела стрельбу по отходящим перед корниловцами красным. Никакой контратаки те провести не могли. Их батареи замолкли; стрельба прекратилась.

Светало. 3-й полк без боя занял следующую колонию Розенгарт. Едва головными батальонами были заняты позиции красных, на лодках, в стороне от обстреливаемого артогнем брода, стали переправляться другие батальоны, а севернее — батальоны 2-го полка. А когда обстрел брода стал слабеть, по нему начали переходить конные сотни и дивизион, а затем — пулеметы, боевой обоз и батарея.

Поразительная картина развернулась на месте переправы. Во всю ширину брода барахтались в воде кони, люди, стремясь переправить на тот берег свои груженные двуколки, подводы, орудия. Песчаное дно тор-

мозило движение: колеса, ноги лошадей и даже людей глубоко проваливались в песок. Неслись крики: «Ну, ну! Гпру!» Кони шарахались в стороны, перепуганные криками, брызгами воды. Передние пулеметные двуколки проскочили довольно быстро, но другие задерживались надолго, особенно батарея. Приходилось тянуть повозки двоинной тягой, орудия двумя уносами. Но и это мало помогало. Впряглись люди. Добросовестно помогали пленные.

К переправе подошел генерал Кутепов с генералом Писаревым. Он своим громким голосом кого-то разносит. При нем водворился порядок, и работа пошла более спокойно.

Переправа корниловцев и кубанцев проходила быстрее и гораздо удобнее. Хотя брод был несколько глубже, но его каменистое дно не создавало препятствий даже для тяжелых батарей. По этому броду переправлялась часть Марковских батарей. Две батареи переходили по северному броду вслед за 2-м полком, где одна гаубица так застряла, что ее вытащили лишь к вечеру. Немедленно на южном броде Инженерная рота приступила к постройке моста на козлах.

Сбивая противника с рубежей, при поддержке у Павлокичкаса переправившейся через Днепр группы разведчиков 1-й батарее с пулеметами, дивизия к вечеру выдвинулась до деревни Веселая в 25 верстах к северу от места переправы и в 10 верстах к западу от Днепра. За этот день Кубанская и Корниловская дивизии продвинулись к западу также на 25 верст. Дивизии разошлись; между ними образовался разрыв до десяти верст, что сразу же и сказалось: за левым флангом Марковской кавалерийские части красных грозили ее тылу. От дивизии пришлось оставить один батальон с батареей в тылу, в колонию Розенталя.

Итог первого дня наступления был отрадным. Потери — едва 150 человек; взято до 500 пленных и много пулеметов; на одной только переправе — 12. Положение дивизии крайне опасное. Она занимает небольшой треугольник — деревня Веселая, колония Нейенбург и колония Нейендорф с центром в деревне Лукашевка. Кубанская и Корниловская дивизии должны идти к югу.

26 сентября красные повели наступление вдоль Днепра и взяли колонию Нейенбург. 2-й полк (два батальона) днем не мог восстановить положения, но наступившей ночью взял колонию. 3-й полк в деревне Веселой отбил противника и взял до 400 пленных. Отчаянную атаку провела конная сотня полка, в которой были партизаны, потерявшие при этом убитым своего атамана.

27 сентября красные наступали снова, теперь с охватом дивизии слева. Дивизия оставляет колонию Нейенбург, Веселую, Лукашевку и, слева, колонию Нейендорф. 1-й полк контратакует и берет Нейендорф, а

ночью переходит в наступление вся дивизия. Атаки с фронта неудачны, но 1-й полк заходит в тыл Лукашевке; 3-й, наступая на Лукашевку, одновременно заходит частью сил в тыл Нейенбургу. 1-й полк берет до 300 человек в плен, но подходят резервы красных, и он отходит. Коммунистический полк петроградских рабочих выбит из Нейенбурга 2-м полком. Но Лукашевку взять не удалось, однако к утру противник ее очистил, бросив одно орудие.

* * *

Минувшие два дня красные не оставляли в покое тыл дивизии. Там они подошли бы к самой переправе, но подошел 4-й Дроздовский полк¹⁰⁷ с 1-й Марковской батареей. Дроздовцы и батальон марковцев отбросили красных до станции Арбузовка (15 верст от переправы), нанеся им большие потери. 1-я батарея подбила два орудия и сожгла зарядный ящик со снарядами. Однако после боя Дроздовский полк был вызван в Александровск. На обороне переправы остаются — Марковская инженерная рота и 1-я батарея, ведущая своими конными разведчиками наблюдение. Теперь оборона переправы ложилась целиком на дивизию, и это накладывало на нее непосильную задачу.

28 сентября, едва окончился ночной бой, с рассветом красные снова наступали. Их кавалерийский полк атаковал батальон 1-го полка, стоявший на буграх к северу от Нейендорфа. Кавалерия врубилась в одну из рот; соседние роты и взвод артиллерии отбили ее. За кавалерией наступала пехота; орудия засыпали батальон снарядами. В артвзводе два убитых и 7 раненых. Но подошли остальные батальоны, и полк перешел в наступление с Конным дивизионом на левом фланге. Направо от 1-го полка перешел в наступление 3-й, только что отбив атаки красных; еще правее — 2-й полк. Красные были обращены в бегство по всему фронту. Особенно безудержным было оно на правом фланге дивизии, где им угрожало быть прижатыми к Днепру.

Дивизия заняла Веселую и дошла до хутора Петерса, в 5 верстах к северу. Конный дивизион взял колонию Нейнгорст, в 6 верстах к западу от Лукашевки. Ночью дивизия сжалась: 2-й и 3-й полки перешли в Лукашевку; 1-й полк остался в Веселой; Конный дивизион — в колонию Нейнгорст, из которой под утро он был, однако, выбит.

«...Но сон бежал от меня. Инстинкт подсказывал, что дивизии угрожает какая-то опасность. Я начал ломать себе голову — что бы такое предпринять, дабы приковать красных к фронту, отвлечь их внимание от нашего открытого левого фланга и тыла с переправой у Хортицы. В это время дверь открылась и на пороге появился офицер, а за ним стройная

фигура щегольски одетого сов. офицера в шишаке «буденновке», который вытянулся в струнку и отчетливо отрапортовал: «Начальник службы связи Московской школы красных курсантов». Мурашки пробежали у меня по спине: этого еще не хватало!» (Из записок полковника Битенбиндера.) Из расспроса выяснилось: за Московской школой идет другая: их задача — выйти в тыл дивизии и отрезать ее от переправы; им известно, что переправа охраняется слабо.

29 сентября, чуть стало светать, красные перешли в наступление, главным образом с запада, со стороны Нейнгорста. Они наступали на Веселую, Лукашевку и вдоль Днепра. 1-й полк отбивается и снова доходит до хутора Петерса. Против наступающих на Лукашевку высылается 2-й полк. Изрезанная местность не дает ему возможности видеть, что творилось влево от него, и неожиданно он попадает под огонь слева, с гребня. Головной батальон мгновенно рванулся на этот гребень; туда помчались пулеметы и батарея. На гребень с противоположной стороны быстро подымались цепи противника. Они были скошены пулеметным огнем. Но шли другие, подставлявшие свой фланг. Пулеметы вырвались вперед, а батарея стреляла беглым огнем по отличным целям. Красные стали отходить. Поле и лощины были усеяны убитыми и ранеными. До 400 человек было взято в плен, но полк понес большие потери — 20 убитыми и до 100 ранеными; пулеметная команда и батарея лишились до половины конского состава.

Еще шел бой, когда 2-му полку, так же как и 1-му, было приказано срочно отходить, и не к Лукашевке, а далее — к Верхней Хортице. Причина: красные заняли Нейндорф и ведут наступление в тыл дивизии. Против них развернулся 3-й полк, которому приказано сдерживать их, чтобы пропустить 1-й и 2-й полки.

Полк решил эту задачу активно. Он повел наступление на Нейндорф и перед самой колонией остановился: он не рискнул атаковать красных, не только бывших в большом числе, но и поразивших своим порядком и дисциплиною огня. Положение создалось такое, что перейдя красные в наступление, полку не сдерживать их, хотя к нему и подошел полуброневику. На голом поле не укрыться ни броневику, ни цепям полка. Подполковник Никитин направляет полным ходом в колонию броневику и сам со штабом полка в 15 конных мчится за ним.

Броневику и конные врываются в колонию, а оставший штаб, влетев в колонию, сворачивает по первой улице влево и оказывается в тылу красных цепей, наскочив на резерв. Красные встретили его огнем, быстро собравшись за изгородами. Штабные могли стрелять лишь из револьверов и, конечно, моментально отскочили в колонию. Штаб весь погиб бы в ней, но его атака была сигналом к переходу в наступление

всего полка. Красные уже в беспорядке бежали через сады и огороды. По улице носился броневик. Они бежали на возвышенность за колонией под жестоким обстрелом двух батарей. И только наступившая ночь помешала пулеметам и батареям развить успех. Оказалось — 3-му полку пришлось столкнуться со школой красных курсантов.

«Красные сделали ошибку. Вместо дальнего обхода дивизии, они вершили ближний обход. План их — взять марковцев в тиски между Днепром и частями 3-й и 46-й стрелковых дивизий, с одной стороны, и бригадой курсантов — с другой, вполне отвечал обстановке и соотношению сил. Но этот план не удался», — записал начальник штаба дивизии. 1-й и 2-й полки к вечеру отошли к Верхней Хортице и выставили охранение. 3-й полк пришел туда уже поздно ночью.

В штабе дивизии... Большая комната, набитая людьми, спавшими на полу. В углу за столом, освещенным лампой, начальник штаба, полковник Битенбиндер, ведет по телефону разговор со штабом корпуса. Он говорит о тяжелом положении дивизии; только что сообщили о налете красной кавалерии на станцию Канцеровка, где погибло несколько человек конно-подрывной команды, во главе с поручиков Бухгольцем. Из разговора можно понять, что от дивизии требуется удерживаться за Днепром еще не менее двух суток. Внезапно разговор был прерван вошедшим в комнату командиром 1-го полка полковником Марченко.

— Господин полковник. Красные подошли к колонии. Вот крестьянин, который их вел.

— Что? У колонии? — тревожно спросил полковник Битенбиндер.

Короткий опрос крестьянина. Он провел большую колонну красных к железной дороге. Командир этой колонны сразу стал отдавать приказания, а он, крестьянин, воспользовавшись, что на него не обращают внимания, бежал.

— Разбудите начальника дивизии, — приказал полковник Битенбиндер.

Вошел генерал Третьяков.

— А где же было ваше охранение? — строго спросил генерал Третьяков полковника Марченко. Последовал приказ:

— Снять охранение! Передать в части о немедленном выступлении в колонию Розенталя.

Холодная ночь. Части выступают. В охранении уже стрельба. Оказалось, назначенный в охранение батальон 1-го полка не обратил внимания на небольшую дорогу и не выставил на ней постов, а по ней-то и прошли красные. Этот случай послужил поводом к отрешению полковника Марченко; причины же крылись в давно уже натянутых взаимоотношениях между ним и генералом. 1-й полк принял полковник Слоновский¹⁰⁸.

30 сентября к утру дивизия заняла участок: 1-й полк на буграх перед колонией Розенгарт; вправо, у берега Днепра, — батальон 2-го полка; влево, 3-й, — у колонии Кронсталь, с загибом левого фланга через колонию; в резерве — два батальона 2-го полка и Конный дивизион. Позиции 1-го и 2-го полков были отличные, но 3-го — отчаянная: без наблюдения, без обстрела, и только вправо, до 1-го полка, на три версты ровная и открытая, как и влево, к югу от колонии. К дивизии подошли 1-я ее батарея и Дроздовская гаубичная.

31 сентября. Отдохнуть дивизии не пришлось: в три часа красные перешли в наступление на всем фронте. Они были легко отбиты на открытой местности 1-м и 2-м полками, но 3-му пришлось вести затяжной бой на короткой дистанции и в самой колонии, и особенно за обладание кладбищем, которое все же оставалось за ним. Красные обходили колонию с юга, но открытая местность и свобода для огня пулеметов помогли остановить их и заставить отойти. Наступали курсанты, что сразу было определено по образцовому порядку, но тактика их наступления, в рост без остановок, уже «устарела» и для марковцев. В 17 часов наступление повторилось, но только на 1-й и 2-й полки и атакой конной бригады в прорыв между 1-м и 3-м полками. Картина конной атаки была поразительной, но она завершилась полным расстройством атакующих под огнем батарей с участков 1-го и 3-го полков и особенно под разрывами бризантных снарядов французских орудий 1-й батареи. Красные снова потерпели неудачу.

Наступила ночь. Тревожная ночь для 3-го полка: противник в 200—300 шагах. Короткая тревога: партию разведчиков чуть не приняли за красных. А через полчаса стрельба: красные, пройдя в разрыв между 1-м и 3-м полками, ворвались в северо-восточную часть колонии; их кавалерия охватила ее с востока. Неатакованные центральный и левый участок полка оставались на месте. Стоящие в юго-восточной части колонии обозы помчались по двум дорогам на восток. Образовалась пробка. У одного орудия сломалось дышло, и его оставили.

Резервный батальон, отбросив налегавших кавалеристов, с батареей отошел на некоторое расстояние от колонии. Дав несколько залпов и орудийных выстрелов, он подошел к колонии, разметывая группы всадников. Красные отошли и скрылись. Потребовались часы, чтобы восстановить положение на северо-восточной части колонии в то время, как центр и левый фланг полка по-прежнему оставались на своих позициях. Атакованный батальон потерял около 50 человек и «льюис»; несколько пехотинцев и артиллеристов было зарублено; подобрано брошенное орудие; пропало 2—3 подводы. В течение боя к колонии подошли два батальона 2-го полка и Конный дивизион, но их помощь не

потребовалась. Подошла с юга и Корниловская дивизия, остановившаяся в колонии Шернберг.

1 октября с утра красные снова наступали на всем фронте. Курсанты глубоко обходили 3-й полк, но неожиданно стали отходить. Показались цепи, охватывающие курсантов с юга. Корниловцы? Это были они. Корниловцы наступали быстро. Они прошли колонию Нейстервик, привыкающую с запада к колонии Кронсталь, и шли дальше. На их правом фланге перешли в наступление и марковцы. Уже охватывались части красных, стоявшие перед 1-м полком; уже начался их общий отход под угрозой быть прижатыми к Днепру, как пролетевший аэроплан сбросил корниловцам приказание срочно идти в Александровск. Наступление остановлено. Марковцам приказано отойти в исходное положение. Столь спешный уход корниловцев заставлял думать о неблагополучии в тылу.

Наступила ночь. Приказание — отослать на Хортицу все подводы, оставив самое необходимое. Затем другое — дивизия начнет планомерный отход; всем частям упорно удерживать указанные им рубежи. Тревожная ночь. Все, и в особенности 3-й полк, утомлены до предела; сон валит с ног. Всю ночь на 2 октября по мосту на остров переходили части дивизии.

Перед рассветом 3-й полк оставил колонию и отошел на бугры перед колонией Бурвальд. На буграх атака красных была отбита. В штыковой схватке с курсантами одна команда разведчиков потеряла до 40 человек, половину своего состава. Атака Конного дивизиона, развивающаяся успешно, остановилась под угрозой атаки красной кавалерии. Все атаки красных на 1-й и 2-й полки были отбиты. На остров уже отошли все батареи, за исключением двух орудий, оттягиваются последовательно батальоны.

3-й полк отводится на последнюю позицию между колониями Нижняя Хортица и Бурвальд. Атака курсантов снова отбита. Красные атакуют прикрытие 1-го полка и доходят до Бурвальдовской ложины. Прикрытие и успевшие подойти две роты 2-го полка переходят на остров по броду. Но отрезаны две роты; им путь лишь один — через средний брод. Подойдя к Бурвальдовскому броду, красные хотели «на плечах» отступавших перейти его, но были отбиты ранее ставшим здесь батальоном 2-го полка. Около 17 часов 3-й полк получил приказание отходить и с ним два орудия и Конный дивизион. Остается в прикрытии команда разведчиков. Полк, Конный дивизион и орудия отходят благополучно, хотя уже под орудийным огнем. Под ружейным огнем следовавших за ней красных подходит команда разведчиков. Но Инженерная рота поторопилась разобрать мост и поджечь его. Команде оставалось одно — переходить вброд. Не все решились; до 20 человек остались на берегу.

А тем временем на острове шел бой, красные перешли на него по северным бродам. Там стояла одна лишь батарея. Она уже не могла стрелять под близким огнем красных; ей оставалось одно — всеми своими силами принять пехотный бой. Она задержала противника до прихода батальона 2-го полка, который и сбросил его в Днепр. И тут произошел последний эпизод отхода дивизии. С того берега по броду шли отрезанные две роты 2-го полка, а им навстречу — сбитые с острова красные. И только взаимное незнание и теми и другими обстановки позволило им благополучно разойтись в воде. Уже ночь. 1-й и 2-й полки и две батареи заняли свои старые позиции, а остальные части переходили понтонный мост и также шли по старым местам. Две Дроздовские гаубичные батареи ушли к своим частям.

После заднепровских боев

С 3-го по 6 октября медленно, скучно, в сырости и холоде тянулись дни. Тревожно. Красные не производят серьезных попыток захватить остров, но не оставляют его без внимания своим артогнем. Они нащупали на острове колонию и попаданием в дом убили 8 телефонистов; нащупывают понтонный мост, и снаряды рвутся вблизи его. Было лишь одно развлечение — переговариваться с красными.

— Кончай войну! — кричали им.

— Теперь поздно! Скоро мы вами будем кормить рыбу в Черном море.

— Когда это — скоро? Еще попробуете наших пуль и снарядов.

С бранью, но откровенно признавались: «Ваша артиллерия здорово бьет».

— За кого ты бьешься? За комиссаров? — спрашивали.

— А ты почему за врангелевскую сволочь?

— Да я за то, чтобы, когда вернусь домой, спокойно бы жилось и тебе и мне без комиссаров.

Красные не находили, что на это ответить. Над ними смеялись, когда они моментально смолкали и скрывались при появлении своего начальства.

Шли разговоры о минувших боях. В них была особенность: чувство одиночества, сознание, что сзади Днепр, ощущение непосредственной силы врага, прикрепленность к месту без того чтобы бить, преследовать. Но все же бои провели хорошо. Восемь суток почти без отдыха и сна; трое суток без подвоза пищи; питались мясом убитых коров, в небольшой степени картофелем, но без соли и хлеба. Кашевары рассказыва-

ли, как они метались то к переправе, то обратно. Дивизия потеряла до 500 человек, почти четверть состава. Взяли до 1500 пленных, орудие, много пулеметов. Наглядно видели, какие большие потери нанесены красным и их курсантам.

Разговор, естественно, переходил на большие масштабы. Дивизия выполнила определенную задачу в операции крупного размаха, цель которой — ликвидация Каховского плацдарма красных. Корниловцы говорили, что до него они не дошли, а чем завершилась эта операция, они не знали. Потом сообщили, что II армия из-за Днепра тоже вернулась в исходное положение.

Стали известны и подробности. Было взято 10 000 пленных, бронепоезд, 6 броневиков, 27 орудий, но армия не смогла принудить противника очистить Каховку, столкнувшись с огромными силами, и в боях потеряла убитым лучшего кавалерийского начальника, генерала Бабиева. Затем дошли и другие сведения. Корниловская дивизия была выведена из боев в самый их разгар, и причина тому — неожиданный поворот событий на восточном фронте, где красные перешли в наступление, прорвавшись кавалерийской дивизией в тыл Донскому корпусу, захватив Большой Токмак, опорный пункт, который до сего времени крепко удерживался. В бой были введены все наличные силы. В Орехово прикрывала железную дорогу Александровск—Крым Марковская железнодорожная полурота в 150 штыков, и она принуждена была отходить. Спасать положение ушла от Александровска Дроздовская дивизия, которую сменил 4-й Дроздовский полк с двумя батареями. Северный участок фронта оказался почти обнаженным, почему и отозвана была Корниловская дивизия, но и она не остановилась у Александровска и перебрасывалась к югу.

Сказался большой недостаток сил у Русской Армии, что привело в конце концов к возвращению положения в начале сентября, с той разницей, что северный участок ее был у Александровска и занимался всего лишь Марковской дивизией и 4-й Дроздовским полком, а не тремя дивизиями, как это было до наступления за Днепр.

«Нужна ли была операция за Днепром?» — ставился вопрос. Ответ — нужна, чтобы очистить Каховский плацдарм. Ясно было — при ограниченных силах армии она сопряжена с риском, но не на рискованных ли решениях до сего времени генерал Врангель довел армию до занятия большой территории, к победам над огромными силами противника? Не было ли риском перейти в наступление из Крыма без всякой поддержки и вопреки воле Англии? У марковцев доверие к генералу Врангелю было полное. Неудача за Днепром? Но это всего лишь неудача, однако дорого обошедшаяся красным. Армия снова заняла свои позиции, сосредоточилась и снова начнет активные действия.

Но носились слухи, доходили сообщения. Изменил Махно, передавшись на сторону красных. Это — «булавочный укол». Однако как поведут себя партизаны в плавнях? Если они будут с красными, то фронт армии будет тянуться еще на сотни верст вдоль них. Затем слух о перемирии между Польшей и Советами. Он заставил марковцев серьезно забеспокоиться. Теперь красные все свои резервы могут бросить на Южный фронт и, весьма возможно, перебрасывают части с Польского. В борьбе Русская Армия осталась одна, и не сочтены ли ее дни? На кого надеяться? На французов? Одна надежда бесспорна: на генерала Врангеля. Он сказал: «Я сделаю все, чтобы вывести армию и флот с честью из создавшегося положения».

Но была в Марковских частях солдатская масса; с ней жили, с ней разговаривали. Она слушала внимательно, горящими глазами глядя на своих офицеров, и в глазах и словах их не находила ли что-то успокоительное? Офицеры, кадры частей, проверили настроение своих солдат по минувшим боям. Достоинo держались они, хотя были в большинстве из пленных. Была лишь одна попытка перехода к красным.

В июльских боях были взяты в плен курсанты. Шесть из них отказались добровольно вступить в ряды полка и были вместе отправлены в запасный батальон. Через полтора месяца исправной службы их, опять же вместе, перевели в полк в одну из рот, где в боях вели себя хорошо. Но однажды ночью, будучи назначены под командой одного из них с двумя солдатами из пленных в заставу, они приводят свое затаенное желание в исполнение. Двух воспротивившихся солдат связывают и ведут с собой.

— Стой! Кто идет? — окликнули их спереди.

— Свои, товарищи! Мы бежим от белых.

— Бросай оружие! Подходи!

Курсанты попали в руки предусмотрительно высланных вперед разведчиков.

Было совершенно очевидно, что красноармейскую массу гнали в бой силой; воевать она не хотела. Даже полк петроградских рабочих — опора коммунистической власти, привилегированная часть, отлично обмундированная и снабженная, — быстро разложился.

Не такими были курсанты и красные командиры из бывших офицеров. Интеллигентные и, во всяком случае, более развитые, были преданы советской власти и, раз дав свое слово или подпись, уже не изменяли им. Командир карательного отряда, бывший офицер, не сдался, когда сдавалась часть его отряда; он был захвачен в плен, когда хотел эту часть привести к повиновению. Но был и такой...

Захвачена в плен рота красных с командиром, бывшим офицером. Его отправляют на допрос в штаб полка. Полная откровенность и до-

верие к нему. Командир полка даже оставил его поужинать. Потом его должны отвести в ту роту, которая его захватила. И вдруг только что вошедший для этого ординарец кричит:

— Стой! К командиру полка! Господин полковник! Это — чекист. Он не одного офицера отправил на тот свет. Он избил меня.

— Это правда?

— Это так. Немало вашего брата я отправил в штаб Духонина, — сразу же ответил он, и зверский блеск появился в его глазах. Его вывели...

Между прочим, этот чекист, во время первоначальных разговоров с командиром полка, говорил о скверном моральном положении бывших офицеров в Красной армии, об их, конечно, скрытом недовольстве и желании перейти к белым, о непрерывном им напоминании о расстрелах белыми сдавшихся в плен, о расстреле сына генерала Брусилова. (На самом же деле ротмистр Брусилов расстрелян не был, как и бывшие с ним офицеры — Спонтий, Жаковский, Вонсович и др., а сразу же были назначены в конную сотню. Из них сбежал лишь Жаковский, которого сам Брусилов отрекомендовал как ненадежного. Брусилов же первое время оставался в конной сотне, посылался в разъезды как начальник, но заболел сначала ногами, а потом тифом. Больным он был перевезен в Новороссийск, где его взял на свое попечение какой-то полковник Генштаба, друг семьи Брусилова. И... ни в Крыму, ни в эмиграции следов Брусилова не оказалось.)

В эти дни раздумий марковцы не знали, что уже 1 октября в Мелитополе состоялось совещание генерала Врангеля со старшими начальниками, на котором был поднят вопрос — принимать ли нам бой впереди Крымского дефиле или, очистив Северную Таврию, отойти за перешеек. Если бы марковцы знали об этом решении, уже допуская, что с Польского фронта придут новые части красных и конница Буденного, оно бы подтвердило их мысли и решения. Было жутко. Но сражение дать!

Ввиду предстоящих решительных боев, проведена была реорганизация: I армия теперь становилась вдоль Днепра и ее возглавлял генерал Кутепов; II — на остальном фронте во главе с генералом Абрамовым. В I армию вошли 1-й и 2-й армейские корпуса, Гвардейский отряд, 42-й стрелковый Донской полк, кавалерийский корпус генерала Барбовича, Кубанская дивизия и Терско-Астраханская бригада; во II — 3-й армейский корпус (6-я и 7-я пехотные дивизии) и Донской корпус. Эта реорганизация сама по себе вскрывала близкое будущее: главные операции предстоят на линии Днепра, где исходным пунктом для наступления красных будет злополучная Каховка.

* * *

Становится совсем неважно для «запорожцев» — дает себя чувствовать приближение зимы. Дули ветры, оголялись деревья, все вокруг желтело. Днепр, «чудный Днепр», покрыт серыми волнами и пронизывающей холодной сыростью несет от него. Ополчается на бойцов зима, «союзник красных». Закутываются все в свое ветхое потрепанное одеяние; ждать теплого не приходится. «И почему мы сидим на этом острове?» — задавали вопрос. И в самом деле — зачем? В 3-м полку, стоявшем в селе, этого вопроса не было бы, если бы не сочувствие положению 1-го и 2-го. В таком положении даже о пополнении в полки не думали. В ротах по 30—40 человек, уже более или менее проверенных; по 4—5 офицеров и столько же солдат, определенно могущих и готовых выдержать все испытания. А будет пополнение — сколько нужно забот и, главное, внимания, и какого внимания...

А тут еще произошли перемены в комсоставе: 1-й полк принял один из его командиров батальонов, подполковник Лебедев, и заболевшего командира 3-го полка заменил командир батальона, подполковник Сагайдачный¹⁰⁹. Несколько старших офицеров было отправлено на командные должности в 4-й Марковский полк¹¹⁰. Перед серьезными событиями это тревожит. Утешение — будет 4-й полк в дивизии, но когда?

Запасные части Марковской дивизии

Было четыре запасных батальона — один общий и три у каждого полка. В каждом чуть ли не по 1000 человек. Общий для дивизии батальон назначался к разворачиванию в 4-й полк. В нем были учебная и пулеметная команды; из него не шло пополнение в полки, отчего его части были более сколочены, обучены.

Первым командиром его был полковник Бржезицкий, командовавший запасным батальоном в конце 1919 года, к которому еще тогда среди марковцев зародилось недоверие. Оказался он командиром запасного батальона и в Северной Таврии. Его ненавидели за бездушие, формальное отношение к службе. Его перевели и назначили командиром 7-го запасного батальона в Симферополе. В день сдачи батальона полковник Бржезицкий возымел желание проститься с батальоном, но, когда подошел к строю, не последовало никакой команды и ему осталось повернуться назад. Батальон принял полковник Фриде¹¹¹, при котором началась дружная, должная работа, тем более что сказано было самим генералом Кутеповым о формировании из него

4-го Марковского полка. Батальон получал все необходимое, был хорошо одет и вооружен.

В запасных батальонах полков было значительно хуже. В них была большая текучесть состава из-за отправки пополнений в полки. Кадровый состав был ничтожный; если еще можно было кое-как обучать солдат, то совершенно невозможно было их воспитать и даже вести за ними наблюдение. Батальоны стояли у Днепровских плавней, что облегчало дезертирство и, с другой стороны, облегчало и связь с красными. Знали об этом, но нужны были чрезвычайные меры предосторожности. Однажды узнали о готовящемся в одном из батальонов восстании, первый акт которого — убийство всех офицеров. Были известны заговорщики, будущие командиры во время восстания. Вечером, в канун восстания, после поверки и отдачи распоряжений, арестовано было 23 человека и тотчас же расстреляны. Марковцам приходилось быть на чеку и в запасных батальонах, и в полках. Приходилось иногда быть злее, нежели они хотели.

В связи с наступлением холодов партизанам, сидевшим в плавнях, было разрешено расположиться в населенных пунктах. Ими были заняты все поселки вдоль южного края плавней. По условию они не могли выходить из района иначе, как имея соответственные разрешения. В этом районе наблюдение за ними было поручено запасному батальону полковника Фриде, стоявшему в Васильевке, и гарнизону Михайловки, состоящему из учебных команд Марковской, Корниловской и Дроздовской дивизий. С отходом армии с западного берега Днепра стали выявляться определенно враждебные настроения партизан. В Александровске ими были убиты два еврея с целью грабежа. Разнесся слух — грабят белые. Неприятное дело. Строгое следствие показало, что убийство было совершено партизанами. Обращение к атаману Володину не дало результатов. Однако грабители были захвачены и расстреляны.

Партизаны, проникавшие в населенные пункты, где не было воинских частей, действовали вызывающе. От них страдали те крестьяне, которые держали себя лояльно в отношении к армии. Пострадавшие обращались за помощью. Но что можно было предпринять? Атаманы всячески отговаривались содействовать устранению самовольства своих партизан. Наконец были раскрыты планы партизан. Однажды патруль от учебной команды марковцев встретил четырех партизан без документов, державших себя очень нахально, избил их и выгнал из села. Другой раз патруль задержал двух великолепных военных, типа офицеров-кавалеристов, и потребовал документы. Те отказались их предъявить. Они были арестованы и приведены к начальнику команды, капитану Махнушке¹¹². Ему они предъявили вполне исправные документы и от-

рекомендовались ротмистром и поручиком каких-то гвардейских полков; один — начальником штаба отряда атамана Володина, другой — адъютантом отряда. Мило разговорились.

— У вас все такие солдаты, как патруль, нас задержавший? — спросили они.

— Конечно все, — был ответ.

— Мы еще задержимся здесь на день-два, — сказали они и пригласили капитана Махнушку к себе в гости. Согласие было дано.

«В гости» капитан Махнушка, однако, пошел не один, а с офицером и на всякий случай приказал своему заместителю через час выслать к нему патруль.

Накрытый стол, самогон, закуски и не двое партизан, а восемь; оживленный разговор. Партизаны говорили, что у Русской Армии и у них один «общий враг», что у них большие силы и огромные возможности громить красных, не хватает лишь боевых офицеров, и предложили капитану Махнушке перейти к Володину на пост «начальника всей пехоты» с большим денежным содержанием и разными благами. От этого предложения оба офицера отказались. Дальнейший разговор уже был натянутым, и вдруг ротмистр быстро вышел из комнаты. Почувствовав недоброе, капитан Махнушка оглянулся в окно и увидел кого-то в черкеске с кинжалом на поясе. «В ловушке!» — возникла мысль. Но в этот момент за окном громкий разговор, и в комнату вошел начальник патруля от команды и отрапортовал: «Патруль для связи». «Гости» расстались с «хозяевами». Через некоторое время партизан в этом доме уже не было.

Весь проведенный разговор и обстановка говорили капитану Махнушке, что партизаны замышляют что-то серьезное. Но что? Как узнать? И тут он вспомнил о своем писаре. Толковый, разбитной, хорошо знающий свое дело и внушавший доверие, писарь не раз предлагал капитану Махнушку «дезертировать» к партизанам и там узнать об их намерениях. Не соглашаясь раньше, теперь он за предложение ухватился. Ночью писарь «дезертировал».

Через трое суток писарь вернулся и рассказал: его встретили с полным доверием; он выдал удовлетворившие партизан «секреты», и, как знающего канцелярское дело, его назначили в штаб отряда. Там навел порядок, писал под диктовку распоряжения, слушал, что говорят. Он принес ценные сведения: во-первых, партизанский отряд Володина теперь именуется «имени батьки Махно»; во-вторых, он имеет задание ударить в тыл частям Русской Армии, когда красные и Махно будут наступать; в-третьих, в отряде около 1000 человек пехоты и конницы. Эти сведения были немедленно сообщены в штаб дивизии, откуда последовало приказание обезоружить партизан.

Как раз в это время от «дезертировавших» из 1-го полка к Володину поручика Полтавского¹¹³ и двух братьев Минаевых стало известно, что Володин находится в колонии Шепвиз близ Александровска. В назначенный день конной сотней 1-го полка, во главе с капитаном Касьяновым¹¹⁴, были захвачены Володин, его помощники, двести партизан, пулеметы. Жизнью поплатилась вся головка отряда.

Вдоль южного берега плавней операцию против партизан провел батальон полковника Фриде, применив хитрость: батальон выступил из Васильевки в колонне, с песнями, будто шел на прогулку. Войдя в Скельки, его встретили ничего не подозревавшие партизаны. Было взято до 300 человек. При опросе выяснилось, что партизаны знали о готовящемся наступлении красных, о подходе конницы Буденного, о численной слабости Русской Армии, но не знали, что Володин и Махно заключили союз с красными и готовятся вместе с ними перейти в наступление. Они говорили, что воевать они не хотели бы, но если это неизбежно, то лучше быть с белыми. Свыше сотни их сразу же вступило в ряды дивизии и небольшой отряд Савченко целиком. И воевали они честно и отлично. Остальные были отосланы в плавни.

Последняя схватка в Северной Таврии

Марковцам кое-что было известно о происходящем, главным образом по слухам. Ясно лишь одно: предстоит жестокая схватка, и к ней они готовы. Подсчитывать силы врага не приходится. Между тем предстояло сразиться с врагом вчетверо сильнеешим, готовящим удар с трех сторон — с востока, севера и запада — ударными группами с одновременным давлением на всем трехсотверстном фронте. В наступление готовились пять красных армий. Ударные силы их имели кавалерию: у Каховки — конную армию Буденного в 4¹/₂ кавалерийских дивизий, у Никополя — 2-ю конную в 3¹/₂ дивизии и у берега Азовского моря — конный корпус в 3 дивизии.

В первый раз, учитывая свои силы и силы Русской Армии, источники красных дали точные данные о численности пехоты Русской Армии, но преувеличили численность ее кавалерии с 8000 сабель до 11 795 сабель, видимо включив в это число конные части, входившие в состав пехотных дивизий.

К началу боя, по советским данным, силы обеих сторон были таковы: против 6-й и 1-й конной армий красных, силою в 49 000 штыков и сабель, стояло 14 000 штыков и сабель. Против 2-й конной армии, силою в 28 000 штыков и сабель, — 10 000. Против 4-й и 13-й красных армий,

в 55 000 штыков и сабель, — 10 800. Итого — 132 000 против 34 800. Красные источники, кроме того, указывали на более чем двойное превосходство у Красной армии в артиллерии, полуторное — в пулеметах и значительное превосходство в бронемашинах, бронепоездах и самолетах.

На 3-й день боя на стороне Русской Армии были произведены перемещения: с участка против 2-й конной армии была снята Корниловская дивизия, ушедшая к югу на фронт против 1-й конной и 6-й армий красных. Красное командование назначило общее наступление на 15 октября, но предварительные действия на всех участках начались 13-го.

До этого у марковцев...

7 октября — приказ об оставлении Хортицы. Все облегченно вздохнули. Ночью части перешли мост, и было приступлено к его разборке. Под утро переправились, уже на лодках, прикрывающие взводы.

8 октября дивизия расположилась в городе и его окрестностях. В этот день в Александровске был смотр законченному формированием конному артвзводу, предназначенному для действий с Конным дивизионом. Отличный вид имел он. «Мы еще поборемся!» — будто бросал он вызов. Но у смотревших его жителей текли слезы.

В частях приказано быть внимательными: всюду вели работу советские агенты, агитаторы; возможно восстание. Агентов вылавливали; их находили в обозах и среди вестовых. Один из солдат, бежавший из плена от красных, опознал женщину-чекистку, которая его допрашивала. Она призналась, с какой целью пробралась в Александровск. Разговор с узнавшим ее солдатом закончился ее словами: «Я сожалею об одном, что не покончила тогда с тобой».

9 октября. Артиллерийская и ружейная перестрелка. В тылу построивали партизаны. В частях порядок и дисциплина. Частые смены постов. Вечер. Подъехали кухни с ужином. И приказание: в 23 часа быть на сборном пункте. Время еще есть. Хозяева домов волнуются, угощают своих постояльцев в последний раз. Наконец снимается охранение. Еще немного, и команда — «Строиться». Оставляются теплые, радушные дома. Прощание с хозяевами, взаимные добрые пожелания. Тихо, спокойно выстроились колонны и тронулись, оставляя в слезах жителей, которые сейчас же скрывались в домах; и быстро в них тухли огни.

Сборный пункт на южной окраине города; полки со своими батареями, но в городе еще усиленные патрули и разъезды. Около колонн большие группы горожан. «Возвращайтесь скорее! Вернетесь ли?» «Иди-

те домой», — говорят им, но они не уходят. А подальше также группы, где слышен смех, громкие разговоры, выкрики...

10 октября. В полночь колонна тронулась на юг. Холодный, зимний ветер. Утром, пройдя лишь 18 верст, дивизия остановилась и расположилась по квартирам. Оказалось, что она заночует здесь. Вывод — на фронтах спокойно и нет нужды в присутствии дивизии. Кашевары сказали, что им велено ехать в Михайловку. Ну значит, и дивизия пойдет туда.

11 октября утром в поход. В селе Янчекрак привал для 1-го и 2-го полков и остановка на ночь для 3-го с Конным дивизионом. Все идет спокойно без спешки. 1-й и 2-й полки пересекли так хорошо известную им по большим боям Карачекракскую ложину и позицию. Но разницу нашли огромную. Вместо редких окопчиков, окопы полной профили с проволочным ограждением в два кола. Оказались здесь части 6-й пехотной дивизии. 3-й армейский корпус занял позицию, раньше занимаемую первым. Марковцы поинтересовались численностью полков, оказавшейся не меньше, чем у них.

2-й полк остановился на ночлег в Васильевке, а 1-й пошел дальше. «Если не прямо в Михайловку, то с ночевкой в Бурчатске» — так думали. Но полк свернул вправо и к вечеру пришел в Скульки. Все предположения расстроены, но главное в том, что в пути в полки влитое пополнение из запасных батальонов, доведшее роты до 80 штыков, а в 3-м даже до 100 штыков, и была надежда, что в Михайловке это пополнение удастся обработать. А было оно с весьма низким настроением, неблагонадежное...

12 октября дивизия продолжала свой марш. Когда 3-й полк прошел проволочное ограждение у Васильевки, за ним сейчас же проход был завален рогатками. «Счастливо держаться!» — говорили чинам 6-й дивизии. 2-й и 3-й полки также были удивлены изменением предполагаемого направления и ускоренным движением.

В течение дня части пришли и расположились в селах в непосредственной близости плавней. Жители говорили, что через Днепр навешено два моста и в плавни переходят части красных. Создавалось напряженное состояние, и оно увеличивалось и тем, что уже два дня как не выдавалась пища. «Неужели кухни ждут нас в Михайловке?» Жители мало чем могли поделиться с пришельцами — их обобрали стоявшие здесь партизаны. Начавший давать себя чувствовать голод особенно отразился на пополнении — началось дезертирство десятками, но оно не понижало настроения — уходил наиболее слабый, ненужный элемент; облегчались заботы ответственным лицам.

13 октября. Ночь прошла беспокойно, в иных местах со стрельбой, а утром дивизия, согласно приказанию, двинулась в Большую Белозер-

ку, где должна была связаться с корниловцами, штаб которых стоял в селе Верхний Рогачик, в 20 верстах к западу, и 42-м Донским полком в Днепровке, в 15 верстах к северу. Но головной, 1-й полк прошел лишь 7—8 верст и свернул на Днепровку. Туда же были направлены 2-й и 3-й полки, пошедшие уже прямой дорогой. И в спокойный марш полков врывается неожиданность: прикрывавший хвост растянувшихся частей, Конный дивизион вынужден был вступить в бой с вышедшими из плавней красными, которых он быстро отбросил; центр колонны, 3-й полк, был обстрелян, правда с предельной дистанции, артогнем; 2-й полк оказался в тылу 42-го Донского полка, отходившего под давлением от села Ивановского. Полная неожиданность: красные уже перешли Днепр, они на этом берегу. «Опоздали!» — вырвался крик.

3-й полк продолжал свой марш. Он проходит по тылу того места, где наступали красные со стороны Ивановского и где 42-й полк, с поддержкой двух батальонов 2-го полка. Уже перешел в наступление, и красные отходили. Облегченный вздох: противник будет отброшен в плавни.

В Днепровке

Около 16 часов, когда 1-й полк подходил к селу, на северо-западной окраине его шел бой. Части 42-го Донского полка отступали под давлением наступавшего со стороны села Водяного противника. Полк развернулся и, пропустив донцов, перешел в наступление и вел преследование до пяти верст, взяв сто пленных и командира полка из бывших офицеров. Хотя уже была ночь, но остановка преследования и приказание отойти в село удивило марковцев: противник на этом берегу, его следовало сбросить в плавни; до Водяного оставалось тоже пять верст; и почему делать их назад, а не вперед?.. Утомленный 30-верстным переходом и какой-то незавершенностью действий, полк стал располагаться по квартирам.

Когда он был в бою, пришел не задержанный в пути батальон 2-го полка и подходил 3-й. Батареи торопились и, обогнав пехотную колонну, стали располагаться в указанных районах на западной окраине села. И вдруг, уже в темноте, в село врывается кавалерия и за ней пехота красных. Батареицы бросились к орудиям впрягать лошадей, прикрывшись пулеметами. В одном орудии убит корень, в другом ранено две лошади. Но батареи успевают ускакать. Развернувшийся батальон 2-го полка и прямо из колонны 3-й полк в короткой схватке отбросили красных, захватив 30 пленных, 2 пулемета и несколько верховых лошадей.

Среди попавших в плен оказался и командир батальона, поручик Шкурин, служивший раньше в Симферопольском офицерском полку и захваченный красными, будучи больным тифом. От него узнали, что через Днепр уже переправились две бригады 46-й стрелковой дивизии и 21-я кавалерийская, занявшая село Большая Знаменка на участке Корниловской дивизии. Он сказал, что его бригада должна была занять Днепровку, наступая двумя полками с фронта, а одним с кавалерийским полком, обходя село с запада. О составе 46-й дивизии он заявил: она пополнена сверх штата бойцами, прибывшими с Сибирского фронта, и коммунистами.

Ночью пришли в Днепровку задержанные боем два батальона 2-го полка, усталые и неудовлетворенные. Они с донцами 42-го полка успешно теснили большие силы противника и уже дошли почти до Ивановского, как были остановлены и направлены в Днепровку. Оставшиеся донцы не смогли одни взять село и сбросить красных в плавни. В двух местах марковцы не довели успешно начатого боя и оставили противника на этой стороне Днепра.

Темная ночь. Легкий мороз. Марковцы спешат отдохнуть, предполагая отоспаться за ночь. Спешат, первый раз за трое суток, утолить голод: село большое, богатое, радушное; есть все и в изобилии рыба. Отдых, конечно, относительный: выставлено сильное охранение и полная боевая готовность. Нет и морального спокойствия: сверлит тревожная мысль о красных, перешедших уже Днепр. «Опоздали! Упустили благоприятные случаи сбросить красных. Придется расплачиваться завтра с утра».

Обстановка для офицеров, которые всегда стремились ее понять, была ясна: с северо-запада и запада дивизия находится под ударом 46-й стрелковой и 21-й кавалерийской дивизий противника; с северо-восточной и, может быть, и с востока возможна угроза, хотя там и собрался весь 42-й Донской полк в 1000 штыков при двух конных сотнях, но против него 3-я стрелковая и 2-я кавалерийская дивизии. Соседние к дивизии наши части... известно лишь, что слева и южнее — корниловцы.

Однако и физический отдых оказался весьма коротким: в 23 часа части, за исключением одного батальона 2-го полка, получили приказание собраться на северо-западной окраине у дороги на Водяное. Тяжело было подыматься... В полночь дивизия в сборе. Объявлена задача — выбить противника из сел Водяное и Малая Знаменка, удерживать их частью сил, а другой частью на следующий день, совместно с 42-м полком, выбить противника из сел Ивановского и Благовещенского. Стало ясно: решено исправить двойную ошибку минувшего дня.

14 октября. До Водяного 10 верст, до Малой Знаменки — 13. Дивизия выступила в колонне. Прикрывать ее слева пошли конные сотни;

еще левее — Конный дивизион. Пройдя половину пути, дивизия стала разворачиваться. 2-й полк (два батальона) — по дороге; 3-й — вправо; 1-й — влево. Тяжелый марш по песчаному грунту, по полям снятого урожая картофеля и кукурузы. Пулеметные лошади стали приставать; часть пулеметов пришлось тащить на катках. Сквозь туман видны у противника огни костров. Они вправо и вдоль дороги. Село оказалось правее. 2-й полк меняет направление в пол-оборота направо. Меняет направление и 3-й полк. Влево с 1-м полком получается все увеличивающийся разрыв.

Батальоны 2-го полка сбивают охранение красных; у села сбивают разворачивающиеся резервы и врываются в село. По улицам мечется противник, расстреливаемый в упор. Он бежит по улицам вправо и влево и куда-то в глубь села. Две роты, углубившись в село, переходят мост через речку. Стрельба почти прекратилась, но она слышна в тылу. Там, на дороге, по которой шел полк, остался резерв — команда разведчиков, и на нее вышла цепь противника, а слева наскочила лава конных. Команда отскочила вправо, но приведенная в порядок начальником, капитаном Керном, ринулась обратно и, напад на фланг наступающей цепи красных, быстро смяла ее. Налетевшая красная кавалерия была отбита. Команда захватила до 60 пленных, пулемет и 6 верховых лошадей.

Батальоны 2-го полка, не имея связи ни вправо, ни влево и слыша стрельбу в тылу, стали оставлять село и многочисленных пленных, выводя лишь захваченные подводы, и скоро получили приказание отходить в Днепровку. Наступление 3-го полка оказалось впустую. Переменив направление, в связи с переменной такового 2-м полком, полк шел и не находил села. Оказалось, он шел вдоль восточной его окраины и только своим левым флангом едва коснулся его; но пришло приказание отходить.

1-й полк держал свое направление влево от дороги. Прервалась связь со 2-м полком, свернувшим с дороги вправо. Он слышит стрельбу вправо и сзади себя, принимает вправо и подходит к селу, из которого его встречают огнем. Противник на фланге. А в это время с фронта и на левом фланге появляются лавы. Посланная конная связь в штаб дивизии не возвращается, и, наконец, два ординарца прискакали назад: они нарвались на красных кавалеристов. Полк начал отходить и только спустя некоторое время получил приказ отходить в Днепровку.

Дивизия, начавшая наступление по одной дороге, отходила разобщенно и разными дорогами. 3-й полк попал на дорогу в Ивановское и шел по ней, пока не обнаружилась ошибка. Уже рассветало и рассеялся туман, когда полки вернулись в Днепровку и заняли те окраины села, на которые вышли. На этом можно было бы закончить описание ночного боя у села Водяного, но должно сказать о его последствиях.

Накануне полки совершили более чем 25-верстный переход, затем вели вечерние и ночные бои с переходом на село Водяное и обратно — не менее 20 верст. Они были измотаны вконец и, когда вернулись в Днепровку, заснули как убитые. Едва пересиливали усталость стоящие в охране и начальники, несущие ответственность. Они видели, в каком состоянии все, почему, когда получили приказание, а это было в 9 часов утра, быть в полной готовности, они отнеслись к нему с полным равнодушием: пусть люди снят, кроме охранения, пока еще можно.

Физическая усталость усугубляется моральным состоянием. Дивизия расплачивается за неиспользование благоприятных моментов и возможностей минувшего дня и за плохо организованное наступление на Водяное, в котором два полка почти не принимали никакого участия, а батареи не произвели ни одного выстрела. Даже 2-й полк, проведя успешно бой, нанесяший противнику серьезные потери, взявший пулеметы и десятки подвод, не мог испытывать удовлетворения. Дивизия потеряла до 200 человек, но, главное, она напрасно растратила свои силы. Об этом печальном боевом эпизоде помощник начальника дивизии, полковник Докукин¹¹⁵, потом отзываясь так: «Дивизия произвела удачный налет на село Водяное». Отзыв, превративший задачу серьезного наступления в «налет», и, оказывается, «удачный». Марковцы судили иначе...

Светлый день. С утра слышна артиллерийская стрельба к востоку. Там красные наступали на 42-й Донской полк. По звуку можно судить, что полк отходит. 9 часов. Показались цепи красных со стороны Водяного. Они охватывали село с севера; сплошными цепями шли с запада, а на юго-западную окраину двигалась лава. Противник наступал быстрым маршем, уверенно. Марковцы подняты и заняли позиции. Полдень.

«Завязался ожесточенный бой. Батареи открыли беглый огонь. Все поле покрыто густыми цепями красных, которые буквально скрывались в облаках разрывов гранат и шрапнелей наших батарей. Но, несмотря на это, они двигались вперед, подпираемые резервами. Когда расстояние значительно сократилось и батареи уже стреляли на пределе 25—30, марковцы 1-го и 2-го полков встали и бросились в контратаку. Наконец цепи сошлись почти вплотную, и в ход пошли штыки, а у красных и ручные гранаты. Обе стороны несут большие потери, и в конце концов марковцы, под давлением вновь подошедших красных резервов, принуждены отходить к селу».

Ринувшие за ними массы были скошены пулеметным огнем с окраины села. Красные отошли на 1000 шагов и готовились к новой атаке. Огневой бой. Напряжение бойцов достигает предельной степени. Офицеры едва успокаивают своих: «Держаться на месте!» Но они знают, будет какой-то момент, и не выдержат их люди. Они подбегают к своим

начальникам, говоря им: «Нужно в контрнаступление!» — видя только в этом шанс избежать худшего.

А в это время 42-й полк отходил, и противник уже охватывал село с востока. Около 14 часов 3-му полку, до сего времени не принимавшему участия в бою, приказано быстро выйти на бугры к юго-востоку от села и поддержать 42-й полк. Батареи, бывшие при 3-м полку, карьером помчались туда и открыли огонь как раз в тот момент, когда кавалерия красных охватила донцов с юга. Она была рассеяна, но одновременно пострадал от огня и полк, отбившись от противника.

Приказано отходить 1-му и 2-му полкам, причем 1-й должен пропустить 2-й. Красные атаквали. 2-й полк с боем отходит по селу. 1-й отбивает атаки на западной окраине. По селу красные обходят 1-й полк; спасает его резервная рота поручика Петрова, ценой потери половины состава и гибели командира роты. На одном участке красные едва не захватывают батарею, но их задерживает атака конной сотни. 1-й полк отходит с боем, постепенно снимая свои части начиная с правого фланга. Разлетевшиеся за ним и 2-м полком красные отбрасываются контрударом. Левый фланг 1-го полка выходит из села последним, и с ним батарея. Батарея вынуждена ехать по дороге. Ее атакует кавалерия, но огнем своих пулеметов она останавливает прямой на нее удар, а обскакивающие ее лавы отбрасываются огнем других батарей и атакой Конного дивизиона.

Полк отходит на бугры под прикрытием 2-го полка. Пехота красных не смогла двинуться дальше и задержалась на окраине села. Дивизия и 42-й Донской полк отходили в Большую Белозерку. Марковцы шли как тени, едва держась на ногах от усталости. Иногда кто-нибудь бросал слово, фразу. Слышат или не слышат другие? Но одна фраза дошла до сознания всех: «Генерал Третьяков застрелился». На нее отзывались вяло, машинально: «Застрелился?»

Перед полуночью дивизия втянулась в Большую Белозерку. Некоторое оживление: наконец-то подъехали кухни. Быстро поели, быстро заснули, выставив тут же, у деревни, охранение. Тяжелые, очень тяжелые были для марковцев последние двое суток.

* * *

Но донесся слух до Севастополя, до Феодосии — «Марковская дивизия разбита». Он много лет спустя будет утверждаться как факт в книге «Корниловский ударный полк». Марковцы твердо опровергают это. Дивизия их разбита не была, и не она вызвала оставление Корниловской дивизией ее участка. События же протекали так.

13 октября корниловцы на своем левом фланге оставили Нижний Рогачек, а на правом — село Большая Знаменка, и это в день, когда только к вечеру Марковская дивизия пришла в село Днепровка. Марковская дивизия стала в положение, имея более серьезную опасность своему левому флангу, нежели корниловцы своему правому. 14 октября корниловцы сдерживали наступление противника на село Верхний Рогачек, в то время как марковцы целый день вели бой у села Днепровка, имея под угрозой слева свой тыл со стороны наступающей на корниловцев 21-й кавалерийской дивизии красных. В ночь на 15 октября марковцы отошли в село Большая Белозерка, став на линии корниловцев. Но в эту ночь Корниловская дивизия ушла на юг в ударную группу генерала Кутепова. Вывод ясный: Марковская дивизия ни на минуту не ставила Корниловскую под удар. Вернее, наоборот.

Была ли Марковская дивизия разбита? В опровержение достаточно привести выдержку из советской книги «Разгром Врангеля»: «46-я и 3-я стрелковые дивизии, подчиненные командующему 2-й конной армией, [наступали] на Елизаветовку и Днепровку. Здесь же наступала и 2-я кавалерийская дивизия, получившая задачу содействовать пехоте. Этим частям удалось выбить части Марковской пехотной дивизии из Днепровки и Елизаветовки и нанести ей частичное поражение, взяв в плен до 1000 человек». «Удалось... нанести ей частичное поражение» — и только.

В чем же выразилось «частичное поражение»? В оставлении Днепровки и в больших потерях, достигающих за два дня до 800 человек, около четверти состава дивизии. Из этого числа около 300 раненых было эвакуировано; много убитых и раненых, которых не успели вынести; но больше всего сдавшихся в плен из числа последнего пополнения. Но вопрос — откуда же указанная красными цифра в 1000 пленных? Очевидно, раз они указывают на бой у села Елизаветовка, то какое-то число пленными понес и 42-й Донской полк. Второе доказательство противного покажут последующие бои Марковской дивизии.

В Большой Белозерке

15 октября — день, назначенный красным командованием для перехода в наступление по всему фронту Русской Армии. Об этом известно. Ночь проходила совершенно спокойно. Все спали крепким сном, и только командный состав всех степеней не мог воспользоваться ни часом сна. Под утро он уже на ногах — нужно осмотреться на незнакомой местности, приготовиться к наступлению врага. Новая забота: 42-й Дон-

ской полк ушел на присоединение к своим частям, и нужно занять его место. Село в ложине. Оно растянулось по ней двумя-тремя улицами на 10 верст. Дивизия могла занять только восточную часть его, на три версты протяжением. Ей нужно выставить охранение по крайней мере на три стороны: на север — на бугры, не ближе как в версте; на восток, где лощина идет в сторону противника, не ближе как в двух верстах (донские части — две конные дивизии в селе Малая Белозерка, в 15 верстах); и на запад, где корниловцев уже нет и вообще нет никаких частей. Дивизия, в сущности, в отрыве от всех; она одинока.

Во время утренних перестановок подъехали кухни; пришлось есть наспех и кое-как; кашевары объясняли свое раннее прибытие тем, «чтобы вы могли спокойно пообедать, пока красные не наступают». Наконец все как будто утряслось. Оживленные разговоры и главная тема — смерть генерала Третьякова. Но как она сложна и тревожна. Каковы причины, побудившие генерала к самоубийству? Кто его заместил? Что же дальше? Самое тревожное было в том, что в дивизии не находили лица, которому бы верили в полной степени.

Вот что писал полковник Докукин, помощник начальника дивизии: «В действиях Марковской дивизии в Крыму и Таврии генералу Третьякову не везло. Малый состав дивизии, отсутствие пополнения, большие участки, постоянные бои изматывали дивизию и не давали ей возможности вполне развить свой успех. Все это создавало трения с высшим командным составом, и генералу Третьякову начали предлагать места в тылу. Генерал Третьяков, после похода на Водяное, усталый физически и морально, придя к себе, лег отдохнуть. Вскоре он проснулся и вышел на крыльцо своего дома, прислушиваясь к стрельбе, раздававшейся за селом. Поговорив со мной, с кем-то поздоровавшись, вернулся к себе. В его комнате раздался выстрел. Под звуки все разгоравшегося боя завернутое в бурку тело генерала Третьякова было погружено на подводу и в сопровождении офицера и конвоя отправлено в тыл. О смерти начальника дивизии не было сообщено в части».

Из записок полковника Битенбиндера, начальника штаба дивизии: «С некоторых пор я стал замечать перемену в образе мышления генерала и манере держать себя; перемены, которые наводили на размышления.

...Генерал прервал молчание: «Да! Для одних гражданская война — пикник, а для других — ад крошечный». Я заерзал на своем стуле. Ход мысли его мне не понравился. Это был человек, который не допускал никакой критики начальствующих лиц и всего того, что происходило вокруг нас. Он обрывал всякого зарвавшегося. И вдруг такое заявление, похожее на критику. Странно. Я посмотрел на нахмуренное лицо генерала и не ответил ничего.

В результате последнего ночного боя мы снова пережили бессонную нервную ночь. Опять утомились, опять все готовились прилечь. Я предварительно зашел в комнату службы связи. Дежурный телеграфист подал мне кипу телеграмм, поступивших в течение ночи. Первая телеграмма гласила, что генерал Третьяков назначается комендантом крепости Керчь, а начальником Марковской дивизии — генерал Пешня, командир бригады Корниловской дивизии. Человек на войне привыкает ко всякого рода неожиданностям, но это было сверх всякого ожидания. Не было никаких причин отчислять генерала от командования дивизией. Дивизия в последнее время вела целый ряд удачных боев. Генерал был представлен к ордену Святого Николая Чудотворца. И вдруг — отчисление. Я ровно ничего не понимал. Как генерал будет реагировать на это отчисление? Как он, старый марковец, сдаст дивизию генералу Пешне¹¹⁶, приезда которого можно было ожидать с минуты на минуту? Я был неспокоен. Я решил пойти в столовую и выпить чашку чая. Как бомба влетел в столовую один из офицеров штаба и доложил: «Начальник дивизии застрелился».

...Кровь медленно текла у него изо рта. На полу валялся револьвер. На столе телеграмма об отчислении, и на ней листок — предсмертная записка генерала: «В смерти моей обвиняю генерала... и окружающую его свору». Добавлю еще, что впоследствии выяснилось: один из этой группы людей был красный. С этой запиской полковник Докукин немедленно выехал в штаб армии».

* * *

Приблизительно в полдень по всем частям марковцев распространилась новость: приехал генерал Манштейн¹¹⁷ принимать дивизию. Все оживились, спадало беспокойство, росла уверенность. Марковцы не знали лично генерала Манштейна, но о нем много слышали, и не только как о «безруком черте», как его называли, но и как о помощнике начальника славной Дроздовской дивизии.

Едва генерал пришел в штаб, туда по вызову спешили все старшие начальники частей. К делу было приступлено немедленно. Генерал Манштейн прежде всего заявил, что он назначен временно командующим дивизией вместо генерала Пешни, принявшего Корниловскую дивизию, так как ее начальник ранен. Затем он осветил обстановку на фронте. Сегодня, 15 октября, армии красных на всех участках перешли в решительное наступление. 2-й армейский корпус оттягивается к Перекопу и будет защищать его. Ударная группа, к которой подходит Корниловская дивизия, должна не дать 1-й Конной армии противника отрезать

Русскую Армию от Крыма. 3-й армейский корпус еще удерживает свои позиции, но конный корпус красных ведет наступление вдоль Азовского моря на Мелитополь.

Марковской дивизии дана задача сдерживать наступление 2-й конной армии противника и не дать ей возможность быстро продвинуться на юг и охватить фланг и тыл ударной группы генерала Кутепова. Дивизии придется иметь дело на первое время по крайней мере с двумя кавалерийскими и одной стрелковой дивизиями красных. Наступление их нужно ожидать с часу на час.

Расспросив о расположении частей и о выставленном охранении, генерал Манштейн приказал занять более тесное расположение; штабам быть ближе к штабу дивизии; обозам и батареям быть ближе к выходу из села на деревню Пескошино; Конному дивизиону усилить разведку и наблюдать в западном направлении. Затем он расспросил о численности полков и степени их надежности. В ротах 1-го и 2-го полков по 50—70 штыков; 3-го — до ста. Сомнение в благонадежности высказал лишь командир 3-го полка, и то только относительно последнего пополнения. «Сколько его?» — «До 400 человек». Без колебания генерал Манштейн приказал отправить его в тыл в запасной батальон.

Затем он перешел к теме ведения боя. Он говорил коротко, кратко; ясно. Дивизия примет бой на возвышенности к югу от села, в строю — каре: передний фас — 2-й полк, правый — 3-й, левый — 1-й; в тылу — Конный дивизион. Полки, батальоны, роты, команды в руках своих командиров. Спокойствие, выдержка. При отбитии кавалерии — роты в густых цепях и даже в двухшереножном строю. Пулеметные команды не должны дробиться, их место в интервалах пехотных частей; они — летучие резервы. В бою — короткие решительные удары. Не увлекаться местным успехом без оценки общего положения. Сказав: «Мой заместитель генерал Гравицкий¹¹⁸», генерал Манштейн отпустил начальников.

Всего около часа с небольшим ушло на это совещание. Начальники расходились с чувством — все ясно. Придя в свои части, они приступили к делу. И уже по тому, как передавались распоряжения, все марковцы почувствовали: теперь мы — сила. Все беспокойство отпало. В записной книжке одного из них в этот день было внесено: «У меня настроение праздничное». Дивизия переродилась в короткое время: к 15 часам молодой генерал чудесно превратил ее в боевой организм высокого духа; он, дух ее отдельных закаленных в испытаниях чинов, вдохнул в дивизию в целом.

¹ О генерале Манштейне начальник штаба дивизии, полковник Битенбиндер записал так: «Тяжелый инвалид, левая рука у него была от-

нята до плеча, он был дитя гражданской войны, но на ее полях он стал на ноги, сделал себе имя. Гражданская война для него была открытая книга, и он читал ее с закрытыми глазами. Обстановку он схватывал на лету, реагировал на нее мгновенно и, можно сказать, безошибочно. Молодой генерал, но старый боевой практик. Приехал он в Марковскую дивизию как к себе домой и быстро акклиматизировался на новом месте. Это понятно: все мы были мазаны одним миром». Счастливая случайность — день принятия дивизии генералом Манштейном прошел совершенно спокойно.

16 октября. Ночь была тоже спокойной, но ожидание утра заставило всех напрячь свои нервы. Еще вечером передавали, что красная кавалерия вошла в западную часть села. Быстро менялась погода: накануне выпавший снег растаял, вызвал грязь, но ночью похолодало снова, стал падать снег. К утру уже был настоящий мороз. Лучше мороз, чем тепло и грязь. Однако выпал туман — самое неприятное явление.

Начало светать. Верхний слой тумана все более и более белел, но внизу видимость увеличивалась слабо и едва достигала 30—50 шагов. Ничего не слышно. Туман слился с пеленой снега, и оба они скрадывали звуки. Неожиданно на восточную окраину карьером из тумана выскочили всадники, подводы, пулеметные двуколки, нагруженные людьми. Оказалось, кавалерия внезапно налетела на хутор, в котором стояла застава 3-го полка — рота в 60 штыков, 20 всадников от конной сотни и 4 пулемета, — и смяла ее. Около 25 человек из роты успели спастись на подводах и двуколках. Выскочили все пулеметы и всадники. Остальные были захвачены красными. Командир роты застрелился.

Немедленно поднята тревога. Но не успела она дойти до всех, как послышалась стрельба в охранении 1-го и 2-го полков. Полки стали быстро выходить на южные бугры, туда же мчались обоз и батареи. Что происходило перед селом, с бугров видно не было, а между тем из охранения донесли о наступлении пехоты и кавалерии. Через короткое время стрельба уже шла в самом селе, куда с востока и запада ворвалась кавалерия, захватив там часть обоза. Из-за тумана батальоны и батареи были совершенно слепы и молчали. Из села выскакивали кучки пробившегося охранения, отдельные подводы. На правый фланг 3-го полка наскочила кавалерия, моментально рассеянная огнем.

Дивизия остановилась верстах в полутора от села, приняв боевое расположение. Уже видны контуры южной окраины; батареи стали на позиции. В это время из села показались густые цепи пехоты перед всем фронтом дивизии. Они шли быстрым шагом. Батареи, а за ними пулеметы и батальоны открыли огонь. В 1000 шагах красные вынуждены

были залечь. На левый фланг 2-го полка и правый 1-го мчалась кавалерия. Ее атаку отбили.

Стало совершенно светло. Туман быстро рассеивался. Поражаемая огнем красная пехота отползала назад. Огонь стихал. И вдруг стоявшая за правым флангом полка батарея открыла беглый огонь. Она стреляла не в северном и даже не в восточном направлении, а в южном. Там лава противника атаковала отходивший обоз. Она налетела на него, но меткий огонь батареи, сопротивление находившихся в обозе чинов и атака Конного дивизиона отбросили лаву. Она скрылась в лощину, уводя с собой с десятков подвод. Несколько марковцев было зарублено.

Глубоко на флангах висели разъезды красных. Охватывающие ее расположение лощины давали красным возможность атак на фланги и тыл. Генерал Манштейн стал отводить дивизию, принявшую построение каре. Оно было на виду у всех. В центре его, на дороге, развевался флажок дивизии. Вправо и влево от него, на версту-две, местность отлично наблюдалась.

Едва дивизия прошла полторы версты, как на ее флангах появились лавы, шедшие рысью на сближение; поднялась и пехота красных. Каре марковцев остановилось. Батареи стали на позиции веером. Атака. Но лавы, встреченные огнем батарей и пулеметов, а местами и залпами рот, потеряли порядок и повернули назад. Отойдя на две версты, остановились и стали приводить себя в порядок. Остановилась и пехота. Белоснежное чистое поле покрылось темными точками, ползущими, лежащими без движения, пятнами от разрывов снарядов.

Каре марковцев снова начало отходить под прикрытием артиллерии и пулеметных взводов, становившихся по очереди на позицию. Так дивизия отходила еще версты две-три, когда снова лавы красных приблизились к ней и стали угрожать новой атакой. В это время со стороны красных уже стреляло несколько батарей как с фронта, так и с флангов. Главным образом, они били по центру каре, по дорогам и по батареям.

Наконец красные атакуют. На этот раз их атака не была одновременной на всем фронте. Бой оказался более длительным и более напряженным, но всюду они отбиты. Дивизия снова отходит и вскоре снова останавливается. С фронта вместо отставшей пехоты разворачиваются новые лавы; на флангах их пулеметы, непрерывно ведущие огонь по каре. Две батареи бьют по левому флангу 2-го полка.

Лавы атакуют 2-й полк. Отброшенные, они снова летят на полк. На 1-й и 3-й полки — более слабые атаки. 2-му полку очень тяжело. Убит командир батальона, полковник Грекалов, смертельно ранен командир другого, полковник Замаруев. В рядах замешательство. Туда скачет генерал Манштейн. Карьером туда несется пулеметная команда 1-го пол-

ка. 2-й полк донес, что у него на исходе пулеметные ленты. Увидев начальника дивизии, полк пришел в порядок. Атака отбита.

Дивизия быстро отходит все в том же трехстороннем окружении, усугубляющемся более глубоким и более сильным охватом лав. Стрельба с обеих сторон непрерывная. Так она подходит к деревне Пескошино. Деревня в низине, за ней бугры. Единственный путь для обозов, батарей, пулеметных двуколок — через деревню. Дивизия вынуждена проходить ее по частям, вынуждена сжаться. Красным видно ее тяжелое положение. И вот в то время, когда батареи карьером мчались через деревню, чтобы занять позиции за ней и поддержать огнем задержанные для прикрытия 2-й и 3-й полки; в то время, когда 1-й полк чуть ли не бегом спешил выйти за деревню, красные перешли в атаку. Полки отбили атаку лав, в иных местах в 200 шагах от них.

Дивизия прошла Пескошино и приготовилась к продолжению боя на буграх, но, к удивлению всех, кавалерия строится в колонны и уходит назад по дороге на Большую Белозерку. Причина стала известна на следующий день: донцы налетели на Большую Белозерку и разгромили там 46-ю стрелковую дивизию.

Приближался вечер. Дивизия, согласно сброшенному с аэроплана приказанию, направилась быстрым маршем в село Веселое, куда и пришла поздно ночью. Выставив охранение, расположилась по квартирам. Несмотря на 35-верстный переход и сильную усталость, несмотря на то что в течение дня все оставались без пищи и на морозе в 10 градусов, марковцы далеко не сразу поддались усталости. Они находились в сильном возбуждении от только что проведенного боя с пехотой и особенно с кавалерией. 18 верст в течение 8 часов они отбивались от двух кавалерийских дивизий — 2-й и 21-й.

Имя генерала Манштейна с восторгом повторялось всеми.

— Давно нам нужен был такой начальник! Другого начальника нам не надо.

А молодой генерал, не сдерживая тоже своего восторга, повторял:

— Как на инспекторском смотре! Бой — как не провести и на учебном поле!

За день дивизия потеряла немногим более 200 человек, из которых половина приходилась на погибших утром в заставах.

* * *

Минувший день, 16 октября, был вторым днем наступления всех армий Южного фронта красных. С востока кавалерия подходила к Мелитополю, на севере красные заняли Михайловку, на северо-западе их

постигла неудача: части 2-й конной армии сдержаны Марковской и Донскими дивизиями. До перешейков Крыма с этих участков красным оставалось до ста верст.

Но грозное положение создалось на южном участке фронта. Предполагалось заранее, что 1-я Конная армия красных сразу же прорвется к Сивашу и вдоль него к восточным перешейкам Крыма, чтобы отрезать от них находящиеся к северу войска Русской Армии. А поэтому были приняты следующие меры. В Ново-Дмитриевке, у Сиваша, в 10 верстах к западу от станции Ново-Алексеевка, стал запасный Корниловский полк; в Рождественском, в 15 верстах от станции Рыжково — отряд пеших дроздовцев 3-го конного полка и терско-астраханцев, к которому подошел запасный батальон 3-го Марковского полка с 6 пулеметами учебных курсов 2-й армии. Между этими выдвинутыми частями было до 20 верст.

На непосредственной охране железной дороги стали: на станции Ново-Алексеевка — запасные батальоны 1-го и 2-го Марковских полков с бронепоездом и конной сотней штаба 1-й армии; на станции Рыково — Марковская инженерная рота и другие части, под командой полковника Марченко, назначенного снова командиром 1-го полка, но ввиду начавшихся боев задержанного на станции Рыково. Для обороны перешейков на Чангар — части из Крыма и запасной полк Марковской дивизии у деревни Ярошик; в Геническе — небольшой сборный отряд.

По плану генерала Врангеля, части 1-й конной армии красных, устремившиеся на восток, должны быть сдерживаемы указанными частями, а ударная группа армии генерала Кутепова быстрым маршем к югу прижмет их к Сивашу и нанесет им поражение.

К вечеру 16 октября две кавалерийские дивизии противника находились уже в 35 верстах от восточных перешейков.

17 октября. Окружение армии. Красная кавалерия сметает запасный полк корниловцев, подходит к Сальковскому перешейку на Чангар, пересекает железную дорогу и обходит с востока в тыл занимающие станцию Ново-Алексеевка запасные батальоны 1-го и 2-го Марковских полков, разбивает их, уничтожив последний очаг сопротивления — роты капитана Тарковского, офицера из фельдфебелей, первоходника. Красные действовали смело и, где нужно, — в пешем строю. Они захватили и сошедший с рельс бронепоезд.

На Рождественское бригада кавалерии повела наступление во второй половине дня. Запасный батальон марковцев занимал средний участок между дроздовцами и терско-астраханцами. Первый налет красных был отбит, но затем они пустили в ход свою артиллерию, которая с открытой позиции (в отряде орудий не было) обрушилась беглым огнем по стыку между дроздовцами и марковцами. Атакой в этом

месте красные ворвались в село, но не могли развить успеха. Однако было приказано село оставить и отходить. Батальон марковцев потерял до 200 человек.

Атаки красных продолжались. Были моменты, когда казалось, сомнут они дроздовцев, грома их орудийным огнем. Отбивались на левом фланге и терско-астраханцы, угрожаемые ударом во фланг. Марковцы отбивались на две стороны. Но атаки красных слабели и, наконец, прекратились. Они собрались в колонны и ушли в село.

Наступила ночь. Запасный батальон 3-го полка потерял связь и с дроздовцами, и с терско-астраханцами. За отсутствием верховых установить ее не удалось. Попав на какую-то дорогу, батальон пошел по ней. Впереди зарево, и вдруг сильный взрыв. Колонна остановилась, и через некоторое время ее голова поворачивает назад.

— В чем дело? — спрашивает идущего обратно командира батальона командир арьергардных рот.

Ответ показал, что командир батальона не отдает себе отчета ни в чем, и начальник арьергарда решает действовать самостоятельно. Инстинкт подсказывает: зарево, вероятно, на станции Ново-Алексеевка — там красные; взрыв влево — красные подорвали железнодорожное полотно. Но может быть, они еще не дошли до Геническа? Идти туда.

У дороги хутор. «Был ли кто здесь?» — «Были конные. Много. И ушли на Рыково». Взяв проводника, две роты и два пулемета, быстрым маршем шли в Геническ, до которого 15 верст. Зарево пожара остается вправо. «Это на Ново-Алексеевке», — говорит проводник. Влево всходит луна, и видимость 1000 шагов. Нагоняет командир батальона с двумя ротами и 4 пулеметами. На фоне восходящей луны показывается лава и открывает огонь. Момент, и опять остаются только две роты. Два пулемета залились огнем. Красные отстали. Через некоторое время роты подошли к Геническу, в котором оказались свои, и заняли позиции в окопах с проволочным ограждением, к великой радости подъехавшего полковника, начальника обороны города. Командира батальона и его рот с этого времени не видели, и о них ничего не мог сообщить начальник обороны. (Для того чтобы правильно судить о происшедшем, нужно иметь в виду, что командир батальона прибыл в Марковскую дивизию только в Северной Таврии.)

Часа через два влево от Марковских рот поднялась сильная ружейная стрельба, и вскоре прискакал начальник обороны и приказал: «Немедленно на переправу». Где найти, как дойти до нее, неизвестно. Случайно на пороге одного дома оказался человек, который указал дорогу. Когда роты около церкви сворачивали к мосту, они попали под обстрел красных с расстояния в несколько десятков шагов. Через мост от рот

перешло лишь человек 50—60 с пулеметами. В версте за переправой на укрепленной позиции стояла какая-то часть.

Геническ был взят спешенной кавалерией. Главная масса Русской Армии оказалась отрезанной от Крыма. Красные, однако, не смогли взять предместные укрепления на Чонгарском полуострове.

* * *

В этот день, 17 октября, Марковская дивизия перед рассветом выступила из села Веселого и, пройдя 30 верст, остановилась в 30 верстах к юго-западу от Мелитополя в трех немецких колониях, войдя в подчинение командиру 3-го армейского корпуса, генералу Скалону, с задачей обеспечивать левый фланг II армии. Донцы прогнали колонну пленных в 3000 человек. Мороз трескучий. Несмотря ни на что, марковцы не могли не ввести в сараи и конюшни своих лошадей. Они рисковали многим, имея охранение тут же у самых колоний. Трудно попятить овладевшее ими спокойствие; оно не нарушилось даже вестью, что армия отрезана от Крыма.

18 октября. Внезапный подъем в 2—3 часа ночи и дальнейший поход форсированным маршем. Далеко впереди видны вспышки орудий и доносится гул артиллерийской стрельбы. Ясно: армия отрезана. Решение: «Будем пробиваться!» Светает. Влево видны железнодорожные составы. Дивизия шла, а составы продолжали стоять: железная дорога перехвачена противником.

* * *

В течение 15 и 16 октября в Мелитополь прибыли сотни марковцев, раненных в последних боях. Госпиталя были переполнены, и раненым, могущим ходить, предлагалось любыми способами направляться в Крым. Говорилось — красные приближаются, а когда будет подан состав для эвакуации госпиталя, неизвестно. Марковцы направились на станцию, в надежде погрузиться в какой-либо состав. Как раз отходил санитарный поезд II армии, и в него втиснулось до 50 марковцев и корниловцев. Стоять пришлось на площадках вагонов. Мороз побудил их «оккупировать» вагон медицинского персонала.

Не доезжая верст двух до станции Акимовка, поезд остановился, упершись в впереди стоявший состав. Стоит час, другой, третий... Разнесся слух: путь взорван и перерезан красными. Началась паника — срывание погон; кто мог, оставлял состав и уходил. Но марковцы и корниловцы не потеряли хладнокровия. Они решили выслать на стан-

цию разведку, чтобы узнать о действительном положении и, во всяком случае, без сопротивления не сдаваться. На разведку пошло четверо, а остальные стали вооружаться, собирая в поезде оружие. Их выдержка успокаивала многих. На станции, среди других, стоял поезд штаба II армии. В нем полное отчаяние: связь со следующей к югу станцией есть, но у перешейков — противник. Однако говорят о какой-то надежде. 10—15 минут ожидания «надежды» показались вечностью. Доколе ждать? Марковец входит в комнату, где телефоны, и обращается к сидящему у аппарата офицеру:

— Разрешите поговорить по телефону.

Следует отказ. Тогда повторяется просьба уже властным тоном и от имени группы марковцев и корниловцев, и телефонист уступает.

— У телефона марковцы...

И, не успев сказать дальше и слова, марковец слышит:

— Передаю трубку генералу Кутепову.

Три-четыре фразы, и марковец отходит от телефона с сияющим лицом. Генерал Кутепов сказал:

— Будьте спокойны! Все будут вывезены.

С такой радостной вестью «разведчики» вернулись в свой состав, где терпеливо и с полным доверием в течение почти трех часов их ждали однополчане. И действительно, этот санитарный поезд через несколько часов тронулся и, хотя с длительными остановками, прошел в Крым.

* * *

Дивизия подходила к станции Сокологорная. Вправо, на запад, видны разъезды. Красные! Юго-западнее слышна артстрельба, теперь уже не столь отдаленная. Это не так волнует марковцев, как то, что видят влево на железной дороге, к которой они приближаются: составы с мертвыми паровозами — эвакуация, задержанная противником, — замерзшая на 15-градусном морозе.

Около 16 часов дивизия остановилась на станции Сокологорная. Все постройки забиты промерзшими и уставшими после 30-верстного перехода бойцами. Согревались чаем и с волчьим аппетитом ели выданную из кухонь горячую пищу. Им ничего не сообщают об обстановке. Некоторые пошли в здание вокзала в надежде узнать «кое-что». Там у телефона сидел начальник штаба дивизии, полковник Батенбиндер, и вел с кем-то разговор, И вот он отрывается от телефона и сообщает: 3-я Донская и 7-я пехотная дивизии очистили путь в Крым. Этого было достаточно, чтобы спокойно пойти к своим. «Иначе и не могло быть!» — так решили все.

Часа через три, уже надвигающейся ночью, дивизия тронулась, взяв направление на юго-запад, удаляясь от железной дороги и пройдя верст 15, остановилась побатальонно в группе хуторов, в 7—8 верстах от станции Юрицыно, в полной боевой готовности. Она находилась теперь всего лишь в 15 верстах от своего 1-го корпуса. Мороз. Батареи, пулеметы на позициях. Каждые полчаса смена пулеметов для согревания воды в них и смена постов. Дома забиты. Совершенно не до сна. Все устали, многие натерли ноги. Заметно поредели ряды. Конечно, многие решили отстать, а часть, будучи не в силах следовать с дивизией, шла самостоятельно вдоль железной дороги. Начальники уже ничего не могли предпринять; у них была одна мысль: как-нибудь сохранить кадр своих частей. В полках не было внешнего порядка, но дисциплина сохранялась в полной мере.

Где-то стороной, чтобы не попасть в руки красных, и впереди шли обозы дивизии. Они взяли направление на Геническ, прибыли туда и были поражены: Геническ только что освобожден от красных. Видны следы бывшего здесь боя. Узнали и более утешительные новости: красные отброшены от перешейков; свободны пути в Крым. Город настолько забит отходившими обозами, что марковцам пришлось бы ждать долгие часы, чтобы уйти за переправу, и они решили отправиться к переправам на Чонгар. Там, у деревни Ярошик, охраняемой Марковским запасным полком, обозы вышли на Чонгарский полуостров, видя забранные у красных трофеи: 4 орудия с зарядными ящиками, пулеметы... Здесь же узнали, что красная кавалерия отскочила верст на 30 к западу от железной дороги.

19 октября. Ночь для дивизии прошла без тревог. Она «отдыхала», поскольку не «отмеривала версты» и не вела бой. Два дня она не вела боя, и он ожидался с утра. Рассвет. К западу загремели орудия, но перед дивизией лишь разъезды красных. Все готовы. И вот батальоны строятся и... идут в обратном направлении, к железной дороге. У Юрицына полки переходят ее, идут в том же восточном направлении и, пройдя 15 верст, приходят в большое село Ново-Григорьевка. Где-то слышны раскаты артстрельбы, а здесь спокойно и, к огромному удивлению и удовлетворению, все располагаются свободно по квартирам, но в «полной боевой готовности». В селе оказался батальон немцев-колонистов, несший наблюдение в северо-восточном направлении. Дивизия выставила охранение на север и северо-запад. Отличное наблюдение гарантировало от всяких неожиданностей.

Марковцы решили использовать удобную стоянку как для себя, так и для лошадей. Сами не только освободились от снаряжения и обмундирования, но и готовились к омовению тел: ведь с Александровска ничего не снималось с них. Лошадей не только выпрягли и сняли с них сбрую, но и ввели в теплые помещения, задав хороший корм. Готови-

лись и сами хорошо поесть благодаря добрым хозяйкам богатого села. Не терялось ни одной минуты. Заработало «солдатское радио». Оно говорило о нанесении противнику огромных потерь за попытку отрезать армию от Крыма и о том, что теперь армия готовится перейти в наступление. Но почему-то Марковскую дивизию снова оторвали от корпуса и поставили на самый правый фланг.

Принесло «радио» и тревожную весть: генерал Манштейн заболел, хотя и не оставил еще штаба. «Не везет дивизии. В прошлом году в критический момент заболел генерал Тимановский¹¹⁹, а теперь, в такой же момент, генерал Манштейн». Но отдых оказался весьма коротким. Не прошло и трех часов, как батареи открыли огонь. Из ложины, в 2—3 верстах к северу, на село рысью наступали густые лавы. Показались лавы и с востока. За ними — цепи пехоты. К ротам в охранение поскакали пулеметы. Приказание: частям дивизии выйти на бугры к югу от села.

Загremели батареи красных по селу, и очень удачно. Образовались пробки. Лавы охватили село и ворвались в него. Отходившие роты охранения отбивались с трех сторон; с трудом отошла рота штабс-капитана Карнышева¹²⁰. Но полки уже разворачивались на буграх, и батареи открыли огонь. По ним били красные батареи. Кавалерия, охватив село и заняв его, стала обходить дивизию с флангов. Но дивизия в каре отбивает наскоки и переходит в наступление. Кавалерия, сильно расстроенная пулеметным и орудийным огнем, отходит. В центре села встреча с красной пехотой, которая также вынуждена отходить, а против левого фланга и бежать; их лавы карьером летели назад. Село занято. Выяснилось, в тыл наступавшим красным ударила конная бригада донцов и взяла 500 пленных и 3 орудия. Выяснилось, что наступление вели две кавалерийские дивизии и одна стрелковая.

Не больше трех часов продолжался бой. Поразил он марковцев всем: и массой наступавшего противника, и быстротой наступления, и силой артогня; поразил их и тем, как они сами, совершенно не готовые к бою, с поразительной быстротой... выскочили из села и перешли в наступление. И потеряли они всего 50 человек и несколько подвод. И только по окончании боя поняли, почему их дивизию перевели к востоку. Красные, заняв Мелитополь, бросили кавалерийские дивизии вдоль Азовского моря в обход Русской Армии справа. Это им не удалось.

Теперь марковцы расположились скученно в южной части села; в нем остановилась и бригада донцов.

20 октября. Ночь прошла спокойно. Ушел батальон немцев, а под утро и донцы. Дивизия одна. Часов в 6 утра — приготовиться к наступлению. Говорили — к наступлению. Все готово. Хорошо отдохнули. Едва рассвело, как показались лавы и цепи красных, идущие на село с

охватом его с двух сторон, но без прежней быстроты и уверенности. Дивизия опять вышла на бугры к югу. Атаку красные начали пехотой, а затем и кавалерией с флангов. Но рассеянные огнем, цепи и лавы откатились назад. Центр дивизии контратакой вошел в село, взял пленных и пулеметы, но был отозван обратно.

Дивизии приказано спешно отходить в Геническ. Ей предстояло пройти 30 верст. Быстро свернувшись под прикрытием 1-го полка, она тронулась форсированным маршем. Пехота красных отстала, но кавалерия повела параллельное преследование на флангах. Все ее попытки атаковать отбрасывались огнем. Так пройдено было 20 верст до села Юзкуй. За селом давление кавалерии усилилось. 1-й полк и вся дивизия временами должны были останавливаться, чтобы отбивать атаки. Одна остановка была особенно длительной, когда атаку пришлось отбивать с трех сторон. Батарея красных била по каре. Среди него стали рваться тяжелые снаряды, выводившие из строя людей и лошадей. Оказалось, стреляла своя Азовская флотилия.

До Геническа уже оставалось немного. Близость моря не позволяла красным охватить дивизию с востока, но усилилось их давление с тыла и с запада. Батареи и пулеметы вынуждены передвигаться по очереди, непрерывно ведя огонь. Противник задался целью не пропустить дивизию в город. Ей оставалось пройти всего лишь три версты. Атаки теперь были направлены в голову колонны новыми конными силами, подошедшими с запада. Их отбивали залпами, пулеметным огнем, в цепях стоящими батареями, Конным дивизионом. Преждевременный разрыв снаряда своего орудия вывел из строя несколько человек. Но колонна все же приближается к городу. Дорога свободна, но до города с версту. Там, на северной окраине, никого, кто бы поддержал дивизию. Последняя схватка: две батареи и несколько пулеметов карьером мчатся к городу, красные атакуют, но не успевают преградить им дорогу. Батареи и пулеметы, проскочив за проволоку, открывают огонь. Красные отскакивают, и дивизия постепенно проходит за проволоку. Лавы рассеиваются огнем батарей и Азовской флотилии.

В Геническе

Только с наступлением ночи вошла дивизия в город и сразу же стала на позиции, заняв 2-м полком восточную половину их, 3-м — западную, имея на своем левом фланге Марковскую инженерную роту, накануне пришедшую сюда со станции Рыково и до прихода дивизии занявшую окопы; 1-й полк — в резерве.

Ночь. Ветер. Мороз. Но есть спасение в теплых домах, тут же за окопами. Марковцы провели день в огромном напряжении, теперь успокоились. Тишина. И вдруг, около 22 часов, на участке 2-го полка красные подошли к проволоке и стали метать ручные гранаты, стрелять из пулеметов, резать проволоку. Неслось их «Ура!». Момент-другой, и все это было заглушено огнем орудий и пулеметов. Через полчаса наступила снова тишина, нарушаемая лишь стонами и криками за проволокой. Туда марковцы не выходили; видны были лишь висящие на проволоке люди... Но стихали на морозе и эти жуткие звуки. Слышна была и отдаленная орудийная стрельба. Этой ночью туда, на Чонгарский полуостров, отойдут части Русской Армии. Марковской железнодорожной роты штабс-капитан Залевский¹²¹ записал, что в 4.30 он взорвал железнодорожный мост у станции Сальково, после того, как прошла последняя часть дроздовцев.

* * *

Ночью получен приказ, по которому на следующий день, 21 октября, дивизия должна оставить Геничesk и через двое суток быть в районе станции Владиславовка, на линии Джанкой—Керчь, откуда будет перебросена на Перекоп. В приказе указывался порядок выхода частей из города по единственному мосту через канал, соединявший Сиваш с Азовским морем: с утра — тяжелые батареи и обозы, в 9 часов — 1-й полк со своими батареями, затем — 2-й и, наконец, 3-й, который прикроет отход.

Еще с приходом в Геничesk командиры тяжелых батарей и начальники обозов говорили о необходимости вывезти часть батарей и обозы из города за канал, объясняя это тем, что с утра противник безусловно атакует город, но уже с участием своей артиллерии, которая будет обстреливать переправу, дамбу и мост, и тогда могут возникнуть задержки. Когда был отдан приказ, этот вопрос встал снова. Генерал Гравицкий, принимавший из-за болезни генерала Манштейна большое участие в руководстве дивизией, «в категорической форме запретил эту переправу».

21 октября. Светало. Дамба с полверсты длиной, старый, ненадежный мост, могущий пропускать лишь одну подводку или одно орудие, и опять дамба. И... колеса первой же гаубицы провалили настил моста. Кое-как пропустили ее. Нужно чинить мост и принимать какие-то меры, чтобы перевезти следующие.

В это время на передовой позиции... Туман. Видимость не далее чем на 1000 шагов. Открылась картина последней ночной атаки. На проволоке, за ней и дальше, насколько позволял видеть туман, лежали трупы людей и лошадей, разбитые и целые тачанки с пулеметами, оружие. Из

взятых с убитых документов явствовало — наступали курсанты. Одеты они были в длинные щегольские шинели, папахи; поясные ремни и ремни патронташей белой кожи. Но рассматривать эту картину и даже подбирать пулеметы не пришлось: из тумана показались цепи. По ним открыт огонь, но они двигались перебежками. По окопам начали бить батареи; одна из них была в тыл по переправе. Бой разгорался на всем фронте Геническа. Только в одном месте красные ринулись было в атаку: и добежали до уже достаточно разбитой проволоки, но этот скачок стоил им дорого.

К переправе выступил 1-й полк. Он шел кратчайшими дорожками и по льду канала, а его пулеметы и батареи дорогой по дамбе. Но на дамбе без движения стояли подводы. Провалилась на мосту и вторая гаубица. Для переправы дивизии не было исследовано состояние моста, уже сильно пострадавшего при переправе обозов и батарей ранее прошедших частей. И только теперь к мосту вызывается часть Инженерной роты, которая и приступила к починке, используя материалы из ближайших построек. Время шло. Уже вправо и влево от дамбы и моста ложились снаряды; лошади шарахались в стороны; сцеплялись подводы.

Наконец мост починен, и подводы ринулись на него. Задержка за задержкой. Никакого порядка. Штаб дивизии не назначил коменданта на переправу. Командир 1-й батареи, стоявшей на дамбе, поручил это капитану Иегулову¹²² с разведчиками... Разведчики действовали круто.

Около 11 часов 2-й полк получает приказание начать отход. Снимается батальон, стоявший на правом фланге, у Азовского моря. Курсанты моментально прошли проволоку, стали распространяться по городу вдоль берега моря и вскоре дошли до канала, откуда им стала видна переправа и все творящееся на ней. Они открыли по ней ружейный и пулеметный огонь.

В первом вошедшем на мост орудии перебиты все лошади; их сбрасывают с моста, а орудие перекачивают на руках. Счастливы переезжают мост остальные орудия батареи. Но в следующей батарее в одном орудии падают две лошади, а в другом — все шесть. Орудие катят на руках и скатывают с насыпи. Падают лошади всадников, падают люди; благополучно переходят канал те, кто рискнул идти по его льду. К счастью, лед был крепкий. Так перешел 1-й полк и развернулся вправо вдоль канала. Он на виду у красных, стреляющих из-за зданий всего с 500 шагов.

Неся потери с остановками для перемены лошадей, одна за другой двигались батареи, и, по мере перехода через мост, орудия неслись по высокой дамбе и, пройдя с полверсты, спускались вниз на песок и не-

медленно открывали беглый огонь по юго-восточной окраине города, откуда из-за заборов и домов стреляли красные пулеметы.

А в городе? Временно командующий 2-м полком, полковник Кудревич¹²³, узнав, что творится на переправе, останавливает полк и ведет батальоны в контратаку. Они продвигаются квартала на два... Они под огнем из улиц справа, от канала. Курсанты атакуют. Полк несет потери; его люди распыляются. Ранен полковник Кудревич. Полк не может исправить положение, как не смог его изменить и 1-й полк своей атакой через канал. 2-й полк держится. Для курсантов переправа по-прежнему на виду, хотя приблизиться к ней они не могут.

Около 15 часов. 2-му полку приказано отходить, 3-му — держаться, пока не отойдут все. Он постепенно отходит, оставляя квартал за кварталом. Красные наседают. Атака их задерживает отход двух рот 2-го полка. Роты и 3-й полк отбивают атаки. Батальоны подполковника Чибиринова¹²⁴ и капитана Стрелина¹²⁵ бросаются в штыки и гонят красных; разметывают эскадроны кавалерии, готовящиеся к преследованию. Командир 3-го полка, подполковник Сагайдачный, постепенно отводит свои части и роты 2-го полка к переправе; отправляет пулеметные двуколки на мост.

— Стой! Мост взрывается! — кричат.

Сильный взрыв, клубы пыли, летят доски, бревна.

— Переправляться через канал, — приказывает пулеметчикам подполковник Сагайдачный.

Взрыв был сигналом для красных к новой атаке, но она замерзла под огнем. Канал в мертвом пространстве. Выпрыгались из двуколок лошади, спускались с кручи двуколки, перекатывались по льду. Подпоручик Шаблинский хотел переехать канал верхом, но неосмотрительно оказался вблизи разбитой снарядом проруби и пошел ко дну вместе с лошастью. Потери начались при подъеме из канала. Снова красные ринулись вперед, но залегли под огнем орудий и перешедших ранее рот. Вся южная окраина Геническа в огне, дыму и пыли от разрывов снарядов батарей и Азовской флотилии.

Наступала ночь; бой стихал. Выносятся и вывозятся раненые и убитые с берега канала. Смертельно ранен командир 1-го полка, подполковник Лебедев. Смертельно ранена сестра милосердия София Кирнос, перевязывавшая у моста раненых. Вывозится сброшенное с дамбы орудие. 1-й полк отходит и занимает укрепленную позицию в двух верстах к югу от канала. 2-й и 3-й располагаются за ним в хуторах, забив все помещения.

У марковцев отчаянное настроение. Все, что было героического и славного в бою, проведено помимо и вопреки «воли» штаба дивизии;

все; что они испытали тяжелого, произошло по «воле» штаба. Начальник дивизии болен, и руководили ею другие. Заместителем был генерал Гравицкий. Его обвиняли прежде всего. Потери огромны. 1-й полк потерял до 150 человек и остался в составе 400 штыков; полк принял капитан Коломацкий¹²⁶. 2-й полк потерял до 400 человек, и в нем осталось едва 200 штыков. 3-й потерял до 200 человек — осталось до 300 штыков. Полками потеряно 10 пулеметов, много лошадей. Много лошадей выбыло в обозах. Особенно тяжелые потери в батареях: 30 человек убитых и раненых; убито 36 лошадей и 46 ранено.

* * *

«Не везет дивизии!» — снова и снова говорили марковцы. И это «невезение» покрывало горечь общей для армии неудачи — оставление Северной Таврии. Последние бои в Северной Таврии дивизия начала 14 октября у Днепровки и окончила 21-го у Геническа — 8 дней; из них в боях — 6 дней и 2 ночи. Она прошла свыше 200 верст при лютом морозе. И из состава в 3500 штыков в ней осталось едва 1000 штыков.

Потери распределялись приблизительно так: у села Днепровка — 800 человек; у села Большая Белозерка — 200 человек; у села Ново-Григорьевка — 100 человек; в Геническе — 750 человек. Всего — до 1850 человек. Кроме этих потерь, 400 человек, отправленных из Большой Белозерки в тыл, были перехвачены красной кавалерией и рассеялись. Запасные батальоны дивизии потеряли до 1500 человек. В Крым отошел лишь запасный полк с присоединившимися к нему чинами других запасных батальонов — до 2000 человек.

* * *

Сводка Главнокомандующего приводит потери армии: 5 бронепоездов, 18 орудий, около 100 вагонов со снарядами и 10 миллионов патронов, 25 паровозов, составы с продовольствием и интендантским имуществом и около 2 миллионов пудов хлеба в Мелитополе и Геническе. Трофеи армии — 2000 пленных, 15 орудий.

Красные источники дают следующие цифры трофеев: 20 000 пленных, свыше 100 орудий, масса пулеметов, до 100 паровозов и почти все обозы с огромными запасами снабжения. «Лишь отдельные части армии противника прорвались в Крым по Сальскому перешейку, да небольшая группа укрылась за Перекопским валом».

Если судить по такому подсчету, то от Русской Армии, начавшей бои по их же данным, в числе 35 000 штыков и сабель, в Крым отошло

всего 15 000 человек, включая сюда эвакуированных раненых и больных и не вычитая потерь убитыми. Но красные приводят силы некоторых частей, отошедших в Крым:

Св. Гвардейский полк	400 штыков и сабель,	3 орудия
13-я пех. дивизия	1530 штыков и сабель,	20 орудий
34-я пех. дивизия	750 штыков и сабель,	25 орудий
Корниловская дивизия	1860 штыков и сабель,	23 орудия
Дроздовская дивизия	3260 штыков и сабель,	36 орудий
Марковская дивизия («точно»)	1000 штыков и сабель,	21 орудие

В с е г о — 8800 штыков и сабель, 128 орудий, 487 пулеметов.

Приняв эти цифры, приходится считать, что остальные части Русской Армии (включая убитых и раненых) отошли в Крым в числе 7000 человек. А в эти остальные части входят: 6-я и 7-я пехотные дивизии, три — Донского корпуса, две — кавалерийского, Кубанская и другие мелкие части. Приходится признать — красные уж слишком обескровили Русскую Армию, уж слишком много взяли в плен. Не приходится отрицать, что пленными потеряны многие тысячи и в их числе невывезенные из мелитопольских госпиталей раненые (Марковский госпиталь не успели эвакуировать), но «кровавые» ее потери были не столь значительны для грозной схватки.

Потери красных? Они сами определяют их в 25 процентов, т. е. 33 000 человек. В Крым уведено было только 2000 пленных (тысячи их были распущены за невозможностью вывезти) — следовательно, на «кровавые» их потери приходится до 31 000. Цифра, почти равная силам Русской Армии, вступившим в бой; цифра, позволяющая считать, что «кровавые» потери красных раз в десять превышали таковые Русской Армии.

Снова в Крыму

Красное командование стремилось развить свой успех и с налета ворваться в Крым. Но ему удалось лишь на центральном участке захватить Чонгарский полуостров. 23 октября марковские железнодорожники взорвали мосты на южном его краю. С этого времени оборона Крыма установилась вдоль южного берега Сиваша.

Начальником обороны был назначен генерал Кутепов, штаб которого стоял на станции Джанкой. К 29 октября должна была быть проведена перегруппировка частей армии: 1-й корпус — стать на Перекопе,

а 2-й — перейти к Чонгарскому полуострову. На фронт выдвигались почти все наличные в Крыму силы, за исключением 1—2 запасных батальонов, военных училищ и мелких гарнизонов для поддержки порядка и борьбы с зелеными, развившими деятельность в горах, с поддержкой десантов, высаживаемых красными с Кавказа.

Среди ставших на позиции вдоль Сиваша наиболее крупными соединениями были Кубанская бригада генерала Фостикова в 1200 штыков, не так давно перевезенная с Кавказа; только что сформированный сводный батальон в 300—400 штыков, главным образом из чинов армии, ранеными и больными эвакуированных за границу из Новороссийска и вернувшихся для продолжения борьбы (одна из его рот состояла из марковцев) и Сводно-Гренадерский полк, также в 300—400 штыков, недавно сформированный из остатков гренадер и прибывших чинов Северной армии генерала Миллера.

Оборона Крыма осложнялась небывало суровой ранней зимой, вследствие чего занятие укрепленных позиций, за отсутствием теплых укрытий для защитников, не могло быть проведено в должной мере: населенные пункты находились далеко сзади; затем — в зимнее время Сиваш всегда мельчал настолько, что открывались броды по пояс глубиной, и как раз на Чувашский полуостров, где до северного берега было всего 5—6 верст. Здесь на позиции стала бригада генерала Фостикова, а в резерве — Сводный батальон.

* * *

Запасный полк Марковской дивизии стоял в Джанкоке. Он продолжал формирование и нес караульную службу. Тяжело было малочисленному офицерскому и унтер-офицерскому кадру, имевшему в своем подчинении 2000 штыков. Ожидаемое пополнение офицерами не поступало. О том, каково оно и в каком количестве предназначено, в полку узнали случайно. В штаб к полковнику Фриде пришли два офицера, отрекомендовавшиеся «миллеровцами», и заявили, что они пришли по желанию миллеровцев, в числе 50—60 человек, в данное время состоявших в Сводно-Гренадерском полку, познакомиться с полком, в который они и гренадеры будут влиты. С ними был долгий разговор. Конечно, их расспрашивали об армии, о которой только и знали, что она была на севере России.

Малочисленная, занимавшая большой фронт, чуть ли не от Урала до границы с Финляндией, армия генерала Миллера, покинутая англичанами осенью 1919 года, эвакуировалась в феврале 1920 года в Норвегию и Финляндию, где была размещена по лагерям. Узнав, что борьба

с красными продолжается в Крыму, около 400 человек добрались сюда, но уже когда положение Крыма было критическим. «Мы знали — борьба почти безнадежна, но отказаться от нее нам не позволял долг», — говорили они. Миллеровцы произвели отличное впечатление, и не только высоким и крепким духом, но и внешним видом. Какими серыми, изможденными были в сравнении с ними их собеседники.

Офицеров-гренадеров, по словам миллеровцев, немного. Для марковцев они почти «свои»: в Екатеринодаре они были выделены из полка генерала Маркова. В боях им не везло, и возвращение в свой полк — естественно. Но запасный полк так и не дождался ожидаемого отличного пополнения.

* * *

Находясь в Джанкое, марковцы были в курсе всех событий, происходящих в Крыму. Они наблюдали тяжелые картины эвакуации раненых и больных в неотопливаемых вагонах и лишенных всякой помощи; видели растерявшихся, почти панически настроенных офицеров, почему-то оказавшихся вне своих частей; знали, что тыл «упаковывает чемоданы» и готовится устремиться к портам; читали газеты, успокаивающие тыл сохранением боеспособности армии и неприступностью возведенных позиций, но не призывающих и не требующих от тыла мобилизации всех сил для обороны, для поддержки армии. Каковы были газеты раньше, таковыми они и оставались.

Полк нес свою службу в полном порядке и напряжении, видя деятельность генерала Кутепова, испытывая его волю, и однажды приехавшего в Джанкой генерала Врангеля. Из газет узнали подробности признания Францией правительства генерала Врангеля. По словам ее представителя, «Франция — противник всякой тирании», она «не колеблясь сделала выбор», а сделав его, «окажет полную нравственную поддержку и всю материальную помощь, которую вправе от нее ожидать». Обнадеживающие слова, но марковцы ставили вопрос: а где же Франция была раньше?

Единственная надежда возлагалась на генерала Врангеля. Находящиеся в Джанкое читали его приказы, распоряжения. Крайне сильное впечатление на них произвел «Приказ Правителя и Главнокомандующего» за № 179, изданный всего лишь 12 октября, т. е. в дни, когда началась битва в Северной Таврии. Этот приказ, как показывало его заглавие, относился к армии и народу. Вот выдержки из него: «Программу свою объявил и от проведения ее не отступлю. Благо и свобода народа, внесение в русскую жизнь оздоравливающих начал гражданского строя, чуж-

дого классовой и племенной ненависти, объединение всех живых сил России и доведение военной и народной борьбы до желанного часа, когда русский народ властно выразит свою волю, как быть России».

«Для проведения этой программы мне нужны люди сильные духом, знающие народную жизнь и умеющие ее строить. Партийная или политическая окраска их для меня безразлична. Были бы преданы Родине и умели бы разбираться в новых условиях. Подбору таких стойких и умелых людей на всех ступенях государственной лестницы я придаю коренное значение. В правительственной работе, как и на фронте, вся суть в людях». Перечислив все, что было сделано за полгода, генерал Врангель говорит: «Конечно, во всей полноте задача эта будет разрешена не нами, а временем и народом. Но и нам надо не ждать, а действовать». Далее генерал Врангель перечисляет вопросы, требующие дальнейшего разрешения: денежный, крестьянский, рабочий, транспорта, безопасности и др. «Наша цель — дать населению хлеб и порядок». «В заботах материальных не забудем, что не менее хлеба насущного России нужна здоровая жизненная энергия. Будем беречь ее источники — религию, культуру, школу. Будем готовить для России деятельную, знающую молодежь и ревниво оберегать святыню народных надежд — Церковь».

Этот приказ перечитывался не раз. Во всех его строках, в каждом слове чувствовалась великая Правда — раскрытая Белая Идея. Правда, которая так нужна для Родины. «Вся суть в людях», «Не ждать, а действовать», и действовать «революционными» темпами, — говорил генерал Врангель. «Не поздно ли?» — высказывались иные. Сколько за годы войны упущено возможностей! Но впечатление от этого приказа было настолько сильным, что покрывало все неудачи и вызывало напряжение воли к продолжению борьбы при всяких условиях. Приказ вождя принимался как его Завет, как призыв к борьбе вплоть до достижения цели и восстановления Родины.

23 октября запасный полк выступил в район к северу от Евпатории, где он должен был срочно закончить свое формирование и подготовить пополнение в Марковские полки. Переход почти в сто верст. Вправо к северу слышалась канонада.

— Опять придут большевики? — спрашивали крестьяне.

— Будем отстаивать Крым, а там видно будет.

— На что же вы рассчитываете? Их такая масса.

Что ответить? Крестьяне говорили, как налаживалась их жизнь, как довольны были они новыми порядками... И что теперь будет?

Волновались и марковцы. Но у них было и еще одно, главное беспокойство — за свою дивизию. Знали — она отошла через Геническ, должна прибыть на Перекоп, но в каком состоянии?

* * *

Дивизия вышла на Арабатскую Стрелку. В тесноте стала по хуторам. 1-й полк на позиции. Ночь. Эвакуация раненых и больных. Увезен и генерал Манштейн; его заместил начальник штаба дивизии, полковник Битенбиндер, а не генерал Гравицкий.

Дивизии приказано срочно выйти к станции Владиславовка, на линии Керчь—Джанкой, для переброски на Перекоп. Говорили — переход в сто верст по Арабатской Стрелке. Что за Стрелка? О ней мало кто знал или помнил по урокам географии. Это узкая полоса земли, тянувшаяся на сто верст между Азовским морем и заливом Сиваша. Только в северной части она имела ширину около пяти верст, и на ней находились хутора, но южная, на 75 верст, местами шириной в 30—40 шагов, была голой, песчаной, без каких-либо жилых строений. В холод и при сильном ветре нельзя было и думать пройти эти 75 верст в два перехода. Требовался один. Сразу же, как только дивизия вышла на Стрелку, дал себя остро почувствовать недостаток во всем: не стало хлеба, овощей для приготовления обедов, даже дров для кухонь; для лошадей — фуража; кормили их небольшим запасом зерна, вывезенным из Геническа.

На следующий день, 22 октября, дивизия стала продвигаться к югу по населенной части Стрелки. 6-й Донской пластунский полк должен был сменить 1-й полк; он пришел лишь к вечеру. В течение всего дня на позиции оставалась лишь 1-я батарея со своими конными разведчиками и двумя пулеметами, с приданной ей сотней штаба дивизии и полусотней калмыков Дзюнгарского полка. Всего с батареей — 150 всадников. Командир батареи, капитан Каменский, — начальник боевого участка; начальник всей конницы — штабс-капитан Иегулов.

С рассветом красные повели боевую разведку пешими и конными частями, но были рассеяны орудийным и пулеметным огнем. Вечером подошел Донской полк в 400 штыков Его командир, генерал Курбатов, ознакомившись с местностью, отвел отряд к югу на 7 верст, на другую, более узкую линию обороны. 1-я батарея была оставлена в его распоряжении.

23 октября дивизия шла по узкой голой полосе Стрелки. Мороз до 5 градусов, сильный ветер. Глухой шум моря и Сиваша, звон разбиваемого волнами у берега льда. Мелкие брызги воды обдают идущих. Тяжелый путь по песчаной дороге. Колонны идут день, затем ночь с короткими остановками. Подгоняет холод. Кругом серо. Все чаще и чаще попадаются трупы лошадей, брошенные повозки. Падают выбившиеся из сил лошади, они обречены. Никакого корма для бедных животных,

никакой пищи для людей. Всех мучает жажда; вода рядом, но она горько-соленая.

Несколько суток назад здесь проходили, кроме обозов и частей, остатки запасного батальона 3-го полка — человек 10 офицеров и 40 солдат. Их поход был ужасен: они без отдыха и пищи отходили от села Рождественского. Ими овладело полное отчаяние, и вдруг ночью впереди показался огонек. Напрягли последние силы. Подошли. Домик, два-три сарая. Пустое помещение с казенной мебелью. В нем некто в военной форме.

— Что здесь? — спросили его.

— Таможня, — ответил он.

Недоумение. Никто не может понять, на какую границу они пришли. Оказалось — здесь соляные промыслы, ведется учет добывания соли. Набившиеся в дом, видя, что здесь, кроме укрытия от ветра, не получишь даже воды, с отчаянием спрашивают:

— Скоро ли конец этой Стрелке?

Ответ утешительный.

Теперь, когда мимо этого дома проходила дивизия, в нем не было ни огня, ни таможенника.

24 октября с утра части дивизии наконец выходили в Крым. Первое село Ак-Манай, населенное татарами. Марковцы, совершенно обесиленные, входили в первые же свободные дома и засыпали как убитые. В селе стояла рота Константиновского военного училища¹²⁷. Отдохнув несколько часов, тронулись дальше и к вечеру пришли в назначенные для них районы у станции Владиславовка.

25 октября. Тяжелое и долгое пробуждение. Хотя, как никогда раньше, спали решительно все без охранения и внутренних нарядов, но все предыдущее парализовало не только тела, но и мысли. Есть, курить — первая потребность. Хозяева домов кое-чем угостили. Потом выдали обед походные кухни. Хлеба мало, достать нечего, а что и есть — продается за большие деньги, которых нет. Заботы о лошадях упираются в дороговизну сена в 300—400 тысяч рублей за небольшой воз. Кое-кто, собрав все силы и получив разрешение, поехал в Феодосию, до которой 10 верст. Им дают последние деньги на табак.

В этот день красные вели наступление на Арабатской Стрелке. О готовящемся наступлении генерал Курбатов узнал накануне от перебежавшего с той стороны крестьянина. Он собрал своих сотенных командиров и батарейных начальников, сообщил им о готовящемся наступлении и своем решении предупредить его контрударом. Сотенные командиры были смущены решением генерала, возражали, ссылаясь на многочисленность красных и малочисленность отряда, и заявили: «Казачки не пойдут

в наступление, но обороняться будут». Генерала Курбатова поддержали лишь офицеры 1-й Марковской батареи, доложив, что батарея пойдет в наступление даже в том случае, если казаки не пойдут. Четыре орудия и 2 пулемета — немалая огненная сила. Сотенных командиров решение офицеров смутило. Генерал Курбатов отдал распоряжение о подготовке к выступлению.

Рано утром, за полчаса до указанного срока, батарея прибыла прямо к пластунским заставам. Недружелюбие пластунов не только улеглось, но со всех сторон слышались одобрительные возгласы. Генерал Курбатов, подскакав к батарее, взволнованно громко поздоровался с ней. «Спасибо за прекрасный вид. В бой как на парад. Великое, батареицы, спасибо», — сказал он.

Красные, однако, перешли в наступление первыми. Батарея беглым огнем покрывала то одну, то другую цепь, приведя их в полное расстройство. Повзводно она продвигалась вперед со своими пулеметами. Пластуны уже спешили догнать и обогнать батарею. А в это время спало утреннее марево и открыла огонь Азовская флотилия. Красные обратились в бегство. Их настигли пластуны, ворвались в Геническое урочище. Противник отошел в город. «Более тысячи человек пленных были раздеты догола и оставлены в хатах. Одежда и винтовки их были сожжены, после чего отряд уже в темноте возвратился в исходное положение». Красных постигла неудача, после которой они уже не пытались наступать на этом участке.

26 октября. Второй день у Владиславовки. Марковцы уже пришли в себя, вели более оживленные разговоры. Тема — последние бои их дивизии; предположения о боях других частей. Судя по тому, что ничего тревожного не сообщают и их не тревожат, делают вывод: армия благополучно отошла в Крым. Действиями своих частей они довольны. При хорошем руководстве они могут выполнять большие задания и отбиваться от жутких атак кавалерии. Кто-то вернулся из Феодосии и привез табак. Оживление. А когда он сообщил, что там говорят о разгроме Марковской дивизии, все возмутились. «Мы еще повоюем!»

Да, силы дивизии слабы. Но она пополнится. Много ли нужно? По 30—40 человек на роту. И все радовались каждому возвращающемуся в полк. А таких, едва услышавших о их местонахождении, были десятки. Среди других был поручик Дементьев¹²⁸. Его встретили чрезвычайно бурно и радостно, так как давно уже «списали со счета», как оставленного в тифу в Новороссийске. Поручик Дементьев рассказал свою эпопею. Неопознанный красными как офицер, по выздоровлении был отправлен в железнодорожный батальон на Кубани. Из ба-

тальона он с несколькими казаками бежал к продолжавшим борьбу кубанцам во главе с полковником Фостиковым. Недостаток патронов и снарядов принудил большой отряд, чуть ли не в 10 000 человек, отойти в горы. Недостаток продовольствия и холод расплыли отряд, и только около 2000 человек дошли до Черного моря, где, погрузившись на присланные из Крыма корабли, в начале октября прибыли в Крым. Поручик Дементьев и несколько других, узнав о дивизии, сразу же вернулись к своим.

Вот уже и 27 октября, третий день у Владиславовки, а дивизия стоит. Говорят — из-за забитости линии составами. Возможно, и так. Но все же? Но вот сообщают, будто бы красные ведут атаки на Крымские перешейки. У марковцев возбуждение. «Не опоздать бы опять, как было у Днепровки». А когда во второй половине дня пришло приказание о погрузке, все были быстро готовы.

* * *

Первый эшелон со 2-м полком, в составе уже свыше 250 штыков, с 25 пулеметами, Инженерной ротой в 120 штыков, двумя батареями, Конным дивизионом и штабом дивизии вечером тронулся на станции Джанкой. Вагоны набиты до отказа. Люди кое-как расположились, уснули. Ночь. Сквозь сон слышал гул голосов, слово «Джанкой», фразу: «Кажется, будем выгружаться», а затем вдруг другую: «Перекоп оставлен нашими частями». Эта фраза сразу разбудила всех.

Появился и живой свидетель этой встревожившей всех новости, поручик Соляник, вызвавший своим появлением в то же время и радость. Он в Новороссийске был болен тифом, и какая постигла его судьба, не знали и тоже «списали со счета». Оказалось, он попал на остров Лемнос, откуда, поправившись, в числе 250 человек вернулся в Крым. Ввиду начавшихся в Северной Таврии боев, из вернувшихся был сформирован батальон, в котором одна из рот почти целиком состояла из марковцев и направлена на Перекоп в распоряжение генерала Фостикова.

Он рассказал, что в ночь на 26 октября красные на участке генерала Фостикова переправились через Сиваш и к рассвету заняли целиком Чувашский полуостров. Не останавливаясь, они повели наступление в тыл Перекопского вала. Их сдержал батальон с подошедшими из Армянска двумя полками дроздовцев. Контрнаступление этих частей было неудачно. В этом бою поручик Соляник был ранен, а вечером узнал об оставлении вала и отхода на Юшуньские позиции. Прибыв в Джанкой и встретив своих, он и сообщил эту новость. «Новость невеселая, и все

же не верилось, что это конец нашему Белому движению. Наоборот, казалось, что выход будет найден», — писал один.

28 октября рано утром эшелон тронулся на Перекоп по недавно построенной железной дороге. Марковская железнодорожная рота продолжала еще работать на ней. На разъезде Чирик пришлось сгрузить батареи, которые пошли в Юшунь походным порядком, а остальные части выгрузились на станции Воинка и также направились туда же.

Около 15 часов, под гул близкой канонады, пришли в село Юшунь, где стоял штаб корпуса. Тут марковцы узнали совсем печальные новости: 1-я, 2-я и, может быть, и 3-я линия Юшуньских позиций уже заняты красными. Корниловцы стояли на 4-й линии. Тем не менее — решение: «Вот подойдут все наши полки, и тогда с корниловцами ударим контратакой». В сумерках 2-му полку приказано сменить 2-й Корниловский, и полк в 250 штыков сменяет полк меньшего состава. Но в каком отчаянном состоянии были корниловцы. Их дивизия понесла огромные потери; ранен командующий дивизией, генерал Пешня; во 2-м их полку выбыл из строя командир полка и почти весь командный состав. Однако корниловцы держались.

Участок, который занял 2-й полк, протяжением до двух верст, седлал железную дорогу. «Найдя в полной уже темноте три кольцевых окопа, до этого никем не занятых, я произвел осмотр проволочного заграждения. Во многих местах колья повалены, в других совсем отсутствовали. Окопы хорошие, полной профили, но без землянок. Пришлось самим спешно заделывать проходы в проволоке, в местах же ее отсутствия выставить легкие пулеметы. Участок, только этот, был по фронту более версты». На левом фланге полка положение такое же. «Позиция была в крайне жалком состоянии. Часть окопов завалена, проволоки очень мало и колья повалены».

Часа через два полку приказано выдвинуться на полверсты вперед на 3-ю линию обороны, которая не занята противником. Она была в несколько лучшем состоянии. На этой линии полк установил связь влево с 1-м Корниловским полком, но вправо, где должны быть дроздовцы, это не удалось. Пошедшие с этой целью командир батальона и начальник пулеметной команды набрали в маленькой котловине на группу красных, сидевших у костра. Офицеры, бросив ручную гранату, бежали назад. Где же могут быть дроздовцы? Вероятно — за озером Красное.

Полная тишина. Какое расстояние до противника, неизвестно. Впрочем, зачем это знать? Марковцы заняты организацией обороны, рассчитанной на перекрестный пулеметный огонь. Стало известно, что левее марковцев и корниловцев стоит 3-й Дроздовский полк.

29 октября около 3 часов ночи в нескольких верстах вправо началась сильная ружейная и пулеметная стрельба, а через несколько минут заговорили все пулеметы и винтовки марковцев: красные шли с криком «Ура!». Еще минута, и стрельба стала стихать. Перед проволокой остались лежать лишь убитые и раненые. Часа через два красные повторили атаку, и опять с полной неудачей. Но вскоре полку было приказано отойти на 4-ю линию, причем удлинить фронт влево, заняв участок 1-го Корниловского полка. Участок огромный; надежда на пулеметы и на резерв — Инженерную роту.

Остаток ночи прошел в расстановке рот, взводов, пулеметов. Утро сулило атаку противника, но уже с артподготовкой. Никакой суеты. Каждый знал «свой маневр». Может быть, волнение можно было бы читать на лицах, но темно. Копшатся группы на своих местах, каждый выкладывает перед собой кучки обойм. Ясно: молчаливое решение всех — держаться. Светает. Ухнуло орудие красных... другое... ряд батарей. Пристрелка. Огонь на поражение. Снаряды рвутся по проволоке и по окопам. Кругом фонтаны мерзлой земли. Марковцы прижались к стенкам окопов. Загрохотала своя артиллерия.

Ждать атаки долго не пришлось: из окопов 3-й линии поднялись цепи и чуть ли не бегом шли вперед. Еще сильнее загрохотало сзади: открыли огонь два бронепоезда — «Георгий Победоносец» и «Генерал Марков». В первый раз бронепоезд и часть, носящие одно имя, были вместе в бою. Вокруг бронепоездов рвутся снаряды; они маневрируют, подаются назад. Разносится «Ура» красных и смолкает под огнем пулеметов и орудий. В иных местах они добегают на 100—200 шагов, падают. Залегают их вторые цепи. Марковцы стреляют более спокойно и более прицельным огнем. Красные не выдерживают и бегут назад. Момент в бою, когда марковцы обычно переходили в контратаку, но теперь — это безумие. Десятки против сотен. Не выдерживают, однако, на левом фланге: батальон полковника Агабекова ринулся вперед; он настигает бегущих, но, увидев поднявшуюся навстречу из 3-й линии массу, бежит обратно в свои окопы. Ранен полковник Агабеков. Красные сейчас же начали вторую атаку, но и она кончилась для них неудачей.

Инженерная рота, лежавшая в нескольких стах шагах сзади, подверглась сильному обстрелу и потеряла 8 убитыми и десятки ранеными. Атаки отбиты. Командиры могут подняться из окопов, чтобы лучше наблюдать за противником. Но что это? Пули летят справа и в тыл. Стреляет какая-то цепь с дистанции шагов 1200.

«Дроздовцы стреляют по своим!» — кричат в окопах. Навстречу цепи скачут конные, размахивая марковскими фуражками. Стрельба

продолжается. Правофланговый батальон выставляет против нее пулеметы. Но прискакал ординарец: «Приказано отходить».

2-й полк оставляет последнюю линию Юшуньских позиций. За ним поднялись цепи противника. Вылетели два броневедомоци, но, обстрелянные батареями, ушли назад. Против левого фланга появилась лава, но остановилась под огнем пулеметов. Обход справа сдерживается пулеметами. Бронепоезда уже ушли на Джанкой, проскочив место, где красные кавалеристы готовились подорвать полотно. Полк быстро отходил под прикрытием своих пулеметов и двух батарей. С полным отчаянием, не думая ни о чем, как только спасти своих, пулеметчики, отходя перекатами, вели огонь. Падали убитыми лошади и сами они. Начальник команды скачет к одному из своих пулеметов, у которого обе лошади убиты; два пулеметчика стреляют.

— Бросай пулемет! Убегай! — кричит он.

Только приказ начальника побудил их бежать, но у убитых коней возился ездовой, снимая с них сбрую. Кругом свищут пули.

— Ты что? Бросай все! Уходи скорей!

Ездовой — китаец, Ходя, взятый в плен еще под Екатеринодаром, служивший «верой и правдой», любивший вверенных ему лошадей, вдруг, заливаясь слезами, залепетал:

— Гаспадина капитана. Буланчика убивала. Война кончайла...

Ходя побежал. И только теперь его слова, «война кончайла», вернули капитана к сознанию происходящего. Он скакал от пулемета к пулемету. Наконец замолк последний... последней пулеметной очередью 2-го полка. Но где же 1-й и 3-й полки? Опять опоздали...

* * *

Полк быстро отходил с батареями и присоединившимся Конным дивизионом прямо на юг, без связи с кем бы то ни было. Он потерял почти половину состава. Но в пути он сошелся на короткое время со Сводным батальоном, и 35 марковцев, бывших в нем, присоединились к своим. В полку стало 180 штыков при 15 пулеметах. За день им пройдено до 40 верст. Он оторвался от противника.

Прибытие 1-го и 3-го полков в Джанкой

Только на следующий день, после отъезда 2-го полка со штабом дивизии, были поданы составы, и то весьма короткие, для 1-го и 3-го полков с батареей при каждом. Первым погрузился 3-й полк, но смог тро-

нуться лишь ночью. Состав для 1-го полка оказался настолько малым, что его пулеметная и комендантская команды и конная сотня вынуждены были отправиться походным порядком. Остальные батареи еще раньше ушли в район станции Курман-Кемельчи для перевооружения на французские орудия.

Марковцы уже знали об оставлении Перекопа и поражались долгим останковкам на станциях и медленному движению эшелонов. 29 октября утром 3-й полк прибыл в Джанкой, и ему приказано выгрузиться. Но состав не подают к платформе. Подполковник Сагайдачный идет к генералу Кутепову, и тот приказывает:

— Выгрузиться в два счета. Поняли? Распоряжение о дальнейшем получите от генерала Достовалова.

От генерала Достовалова:

— Разгружайтесь немедленно и следуйте в село Дюрмен в распоряжение командира 2-го корпуса, генерала Витковского.

Подполковник Сагайдачный идет к начальнику станции и говорит ему:

— Подать мой эшелон к платформе в два счета. Поняли?

Начальник станции ответил по-военному:

— Так точно!

Через 10 минут эшелон был у платформы, и через полчаса полк выступил в Дюрмен. Батарея пошла туда рысью. Навстречу шли обозы, подводы с ранеными. Раненые говорили о безнадежности положения и в то же время бодрились: «Теперь наша возьмет! Марковцы не сдадут!»

Первой в штаб корпуса прибыла батарея, командиру которой начальник штаба, полковник Бредов¹²⁹, сказал: «Юшуньские позиции сда ны; наши части контратакуют; на участке 2-го корпуса противник занял Чонгарский мост и продвигается к югу; все наши атаки успеха не имели; готовится новая; батарее немедленно идти к селу Осман-Букеш в распоряжение командира Самурского полка». Подошел к штабу 3-й полк, и от полковника Бредова подполковник Сагайдачный получил ту же ориентировку и приказал идти в хутор Копань, в 8 верстах к северу, войти в связь со штабом 6-й пехотной дивизии и от него получить приказания.

Темная ночь. Моросил мелкий дождь. Батарея прибыла к штабу Самурского полка и стала на позицию. 3-й полк в хуторе Копань. В хуторе не нашел никого. Высланы разъезды для установления связи. Проходят часы, связи нет. Случайно в хутор приезжает офицер 6-й дивизии: у него нет распоряжений для передачи полку, но ему известно, что 6-й дивизии приказано ночью начать отход к Джанкою. От себя он советует полку не задерживаться ни на минуту и отходить. Подполковник Сагайдачный ведет свой полк обратно в Дюрмен. В селе уже

нет штаба 2-го корпуса; находившиеся здесь мелкие части подтверждают приказ об отходе. Случайная встреча со своей батареей. Она получила приказание идти к Джанкою. Бесцельно проехав за минувший день и ночь до 30 верст, перед рассветом полк с батареей вернулись в Джанкою.

Высланный раньше в штаб корпуса адъютант полка вручил приказ: «Командующему 3-м Марковским полком, подполковнику Сагайдачному, вступить в командование бригадой Марковской дивизии. Бригаде выставить на север и запад от Джанкою охранение и ждать дальнейших письменных приказаний». Первое чувство — радость: оба полка вместе.

1-й полк, оказывается, выгрузился, не доезжая Джанкою, на станции Калай и вечером минувшего дня пришел сюда. В пути ему встречались набитые людьми поезда, пешие и конные группы и даже целые части казаков. Картина полного поражения и стремительного отступления. Отходившие кричали: «Ура марковцам!» — и говорили: «Идем грузиться на пароходы». А марковцы шли на фронт...

В Джанкое полк получил от генерала Кутепова приказание поддерживать порядок на станции. Всю ночь шла эвакуация по двум направлениям — на Симферополь и на Керчь; всю ночь ходили патрули, разгоняя людей в военной форме уже без погон, частично вооруженных, возбужденных, кричащих, в иных местах слушавших какие-то зажигательные речи.

30 октября, вызвав к себе старших начальников полков и командиров батарей, подполковник Сагайдачный объявил задачу и указал участки полкам, приказав немедленно их занять. На вопрос об отступлении и эвакуации ответил, что никаких распоряжений об этом он не получил, хотя он и решительно все знали со слов чинов других частей о приказах об оставлении Крыма, о посадке на суда тех, кто не желает оставаться на милость красных.

И вот, несмотря на удручающую обстановку, Марковские полки в полном порядке выступали занять свои участки: 1-й в северном от Джанкою направлении — на Чонгар, 3-й в западном — Перекопском. Светало. С севера проезжали подводы с чинами разных частей, лошади с ездоками на них, пулеметные двуколки с пулеметами; быстрым маршем шли мелкие части; в порядке прошел отряд в 300—400 штыков — остатки Самурского и Смоленского¹³⁰ полков, под командой полковника Новикова¹³¹; полным ходом проехали два броневедомоцикла. И никто не остановился, никто не сказал марковцам ни слова. Прошли все, но противника за ними видно не было.

Иная картина на западе. Там, верстах в десяти, шел бой и доносились пулеметная и ружейная стрельба; был там и бронепоезд, видны

были отходившие жидкие лавы, а за ними наступающие туевые. Все пространство от линии боя до Джанкоя было покрыто группами всадников, подводами. И все это двигалось к юго-востоку в обход Джанкоя. Туда же передвигался и бой. А марковцы — 800 штыков с 8 орудиями, с тремя десятками пулеметов — стояли. «Часов в 10 утра мимо нас прошел бронепоезд в направлении Симферополя. При виде отходящего бронепоезда у меня екнуло сердце... Почему он уходит, а не остается в прикрытии?» — записал один.

Марковцы оставлены прикрывать всех, даже бронеавтомобили, кавалерию и бронепоезда. Что-то зловещее творилось у них сзади на станции, оставленной составами, с валяющимися на путях авиационными бомбами, сотнями блуждающих людей. Невольно каждый думал о своей судьбе. Бывало, некоторое утешение давали всегда бывшие при частях подводы, а теперь не было и их. «На меня были обращены все взоры моих офицеров, в которых читал желание присоединиться к отходящим частям. Я же, в ожидании обещанного распоряжения, продолжал находиться на станции», — записал подполковник Сагайдачный.

Настаивает на отходе один из командиров батарей. «Подполковник Сагайдачный колеблется, что вполне естественно, ибо боится ответственности: оставить участок, да еще без боя». «В 10.15 я решил, — пишет дальше подполковник Сагайдачный, — больше не ждать распоряжений и приказал полкам снять охранение и собраться у вокзала. С прибытием их, я начал отходить вдоль железной дороги на юг».

Идут вдоль полотна с его западной стороны 3-й полк, две батареи, 1-й полк. Идут быстро. Батарейцы, однако, не могут равнодушно пройти мимо валяющихся ящиков со снарядами, подбирают их. Переваливая через возвышенность, видят к западу идущие параллельно большие колонны кавалерии. Чьи? Для наблюдения высланы конные. Пройдено верст десять. Донесения конных говорят определенно, что это красные и головные части их значительно впереди головы бригады. Бой неизбежен. Быстрым ходом колонну опять обогнал бронепоезд, задержавшийся к югу от станции. Опять екнули сердца...

Было за полдень. Прискакали казаки из штаба 2-го корпуса, передают подполковнику Сагайдачному пакет. Бригаду, оказывается, да забыли. Письменное приказание: в 9 часов оставить Джанкой и следовать в Севастополь для погрузки на пароходы. Подполковник Сагайдачный и офицеры ошеломлены — приказание получено с трехчасовым запозданием; получив его своевременно, бригада выступила бы в 9 часов, а не в 10 с лишним и находилась бы значительно ближе к станции Курман-Кемельчи. А теперь для нее неизбежен бой без надежды на какую-либо поддержку.

Однако впереди виден хвост колонны, тянущейся к станции Курман; видна и другая колонна к востоку. И подполковник Сагайдачный решает связаться с этими частями и, в случае необходимости, совместно принять бой. Он высылает офицеров с предложением их начальникам прибыть к бригаде и принять общее решение.

Вместе с приказанием об отходе был вручен и приказ генерала Врангеля, по которому следовало объявить всем — армия покидает Крым, идет в неизвестность, и желающие могут остаться на Родине. Как быть с этим приказом в сложившейся обстановке? Решено не объявлять его теперь, а сделать это позже — неизбежный бой лучше принять сохранными силами. Конечно, этот приказ известен всем до последнего рядового, но... части еще крепки и внутренней спайкой и дисциплиной.

Бригада уже нагоняла хвост впереди идущей колонны. Через некоторое время к ней подъехали командир Гвардейского саперного батальона, в 150 штыков при двух орудиях, командиры 4—5 батарей и, наконец, полковник Новиков, командир отряда, шедшего восточнее.

Подполковник Сагайдачный предложил, ввиду назревавшего столкновения с кавалерией, встретить ее объединенными под командой старшего. Старший из присутствовавших, полковник Новиков, временно командующий 6-й пехотной дивизией, сначала отказался, но после того, как подполковник Сагайдачный заявил, что тогда примет он, как командующий бригадой, согласился и тут же отдал распоряжение: Гвардейский батальон с батареями, как идущий впереди, прикрывает с запада дорогу, по которой бригада марковцев проходит и занимает станцию Курман, пропуская затем за собой все части.

Марковцы обеспечивают отход с севера; части полковника Новикова обеспечивают отряд с востока, где красная кавалерия, занявшая Джанкой, преследует отходящих. Начальники разбежались. Уехал к своей группе и полковник Новиков, в дальнейшем не принимавший никакого участия в руководстве боем.

Последний бой

Около 15 часов. Лавы красных приближаются к идущему последним 1-му полку. Артиллерийский и пулеметный огонь их сдерживает. Загремели орудия в голове: Гвардейский батальон с батареями рассеял лавы. До станции Курман оставалось 6 верст. И вдруг: «Едва только колонна 3-го полка поднялась на последний бугор, с которого открывался вид на станцию, перед глазами всех развернулась непонятная кар-

тина: все пространство от железной дороги покрылось скачущими точками, оказавшимися сотнями повозок, бросившимися врассыпную со станции. Как бы в пояснение поднялась сильная ружейная и пулеметная стрельба и над станцией появились разрывы шрапнелей. Во всем бесконечном обозе началась паника. Почти одновременно со станции вылетели два наших бронепоезда и, открыв огонь из орудий и пулеметов, стали отходить на юг».

Станция Курман занята красными. Путь отхода перерезан. С запада, севера и северо-востока насаждают лавы. Полковник Новиков, не оказывая сопротивления, быстро отходит к юго-востоку, удаляясь от отряда. Оставляют его и присоединившиеся батареи, бросив орудия. Марковская батарея открывает огонь по станции. Подполковник Сагайдачный приказывает обходить станцию с востока. В порядке переходит железную дорогу Гвардейский батальон с двумя орудиями; за ним 3-й полк и 1-й. Налетевшая лава отбита батареями при 3-м полку.

Первая атака со станции отбита Гвардейским батальоном и 3-м полком. Но путь на юг пересекается новыми лавами. Отряд вынужден отходить к востоку. Его охватывают с обоих флангов. Гвардейский батальон не выдержал одновременной атаки с запада и юга. Марковские полки сжимаются. Их со станции на голом поле начинают громить батареи красных. Лавы атакуют, местами врываются в тесные цепи. Батареи вынуждены менять позиции. Одну из них накрывают снаряды, и она оставляет орудие, застрявшее в топкой низине. На поле перемешались всадники, марковцы... Пулеметы и орудия бьют и по красным и по своим. Остается небольшой проход на возвышенность, к которой спешат батареи, пулеметы, группы. С возвышенности батареи расстреливают свои последние снаряды; пулеметы не позволяют лавам замкнуть круг. Бросаются орудия. Уже темнеет. Ночь скрывает спешивших оторваться от противника.

* * *

Свидетельства о бое. «Красная кавалерия несколькими лавами несколько раз неслась в атаку на наш полк (1-й). Ее отбили. А в это время мы видели, что красные охватывают полк справа, видели, что охватывается и левый фланг 3-го полка. Некоторые из нас кричали: «Кавалерия справа!», «Кавалерия слева!». Порядок стал нарушаться, стали отбегать без команды. Красные атакуют и врываются в наши ряды. Отбивались уже небольшими группами. По нас и красным стреляли и наши пулеметы, и наши батареи. Так все перемешалось. Выхода не было... стали срывать с себя погоны, сдаваться».

А вот другое, попавшего в плен капитан Дудкина: «Перейдя железную дорогу, наш батальон сразу же перестроился в боевой порядок поротно, с пулеметами на флангах. Трудно было разобраться, что делалось в голове колонны, так как было далеко. Были видны только разрывы шрапнелей и слышен беглый огонь артиллерии. Развернувшись лавы красной конницы повели атаку на наш батальон с запада и юго-запада, отрезая его от других частей. Батальон остановился. Подпустив конницу на 200 шагов, он залпами и изо всех пулеметов открыл огонь. Кони сбитых кавалеристов не носились по полю, а оставались на месте или медленно отходили назад. Атака была отбита, но слева из-за бугра показалась конная масса, которая двигалась на нас грозной тучей. Подпустив ее на близкое расстояние, роты открыли огонь. Середина ее замялась и как бы повернулась налево и направо, обтекая батальон. В это время справа появились лавы свежих красных конных частей. Несмотря на наш огонь, неся большие потери, красные врезались в батальон и началась рубка... Картина была жуткая. Залпы прекратились, но еще раздавались одиночные выстрелы: это марковцы в упор расстреливали конников. Спасения не было. Весь батальон погиб там с командирами рот. Никто не сдался. Все было повалено в последнем бою».

* * *

В 18 часов 30 октября окончился бой, последний бой частей Русской Армии — двух полков марковцев и батальона гвардейцев. Ровно три года без месяца назад первые Добровольческие части, ставшие впоследствии Марковскими, начали бой у Ростова, и теперь они их закончили. Начали успешно, закончили... по всем внешним признакам — поражением.

К ряду крупных неудач за три года у марковцев прибавилась еще одна. Но должна же быть отдана им справедливость в оценке. Отбросив обстановку, малочисленность, моральное состояние вообще в этот день, в частности, в часы отхода от Джанкоя, когда марковцы прикрывали даже отход броневым автомобилям и бронепоезду, следует помнить о грозном приказе красного командования: «Самое энергичное преследование, ни в коем случае не допуская его [противника] посадки на суда». Конница красных выполняла этот приказ с полной энергией, огромным порывом и огромным фронтом от Курмана до Джанкоя в трехчасовом бою.

С другой стороны, генерал Врангель в своем приказе обещал: «Армия прикроет посадку». На главном направлении эта тягчайшая задача

выпала на долю Марковской бригады и Гвардейского батальона, и они помешали стремительному преследованию: красная кавалерия была вынуждена остановить прямое движение на Симферополь, стянуть свои части к станции Курман-Кемельчи, вступить в бой, нести потери.

* * *

Но что случилось с марковцами в этом бою? Часть их погибла под ударами шашек, другие выбрались, но были и те, для которых ад боя продолжался — это попавшие в плен.

— Где офицеры? — кричали красные, мечась среди нас. Кого-то рублили. Зарублили одного солдата, который не указал офицеров.

— Строиться! Бегом!

Мы быстро сжались толпой и почти бежали в направлении на Джанкой. Нас собралось до 150 человек. Кавалеристы осыпали нас бранью, размахивали над нашими головами саблями. В нашей группе я заметил человек 6—7 офицеров, но наши солдаты, бывшие красноармейцы, не выдали никого из нас, а внешностью мы ведь ничем не отличались от солдат. Я видел другие группы наших пленных меньшей численности, которых гнали на станцию Курман.

Нас пригнали в Джанкой. Там опять блистали шашки над нашими головами и неслись крики: «Даешь офицеров», но и здесь никто не был выдан. Наконец нас оставили более или менее в покое, но мы все же ждали печальной участи. Целый день и ночь мы пробыли под открытым небом совершенно голодными. Красные всячески издевались над нами. Наша группа увеличилась, может быть, до 400—500 человек, но не марковцами. Время от времени из нашей среды кого-то куда-то уводили. Слышались одиночные выстрелы... На следующий день нас погнали на север. Прошли Чонгарский полуостров и вышли в Северную Таврию. Разместили в каком-то селе, где мы простояли немало дней. Что случилось с теми из наших, которых из боя угнали на станцию Курман-Кемельчи, не знаю.

Отношение к нам красноармейцев было двоякое.

— Кончили войну! Ну, теперь и мы, и вы — все по домам, — говорили доброжелательно одни. Другие со злобой и руганью набрасывались на нас и заявляли, что всех нас следовало бы порубить, как порубили всех в Крыму.

Потом нас распустили по домам. Я, конечно, к себе не вернулся и стал пробиваться работой у крестьян. Они были рады окончанию войны и думали, что теперь, наконец, наступит нормальная, спокойная жизнь. О коммунизме не говорили ни слова, будто его не существует.

Через несколько месяцев я стал продвигаться к западу, к румынской границе, опять же на месяца задерживаясь и работая у крестьян. Наконец перешел границу и устроился в Румынии.

Из Румынии этот офицер и писал во Францию, а затем и переехал туда. В судьбе этого офицера-марковца ясно видны темные пятна: сдавание погон, сдача в плен... Но можно ли в него «бросить камень»? Можно ли его поступки считать оскорблением чести офицера и имени «марковцы»? Он не предатель, не изменник. Рядовые солдаты в большинстве сдались в этом бою. Но не покрывает ли все отрицательные поступки уже одно то, что они, попав в плен, не выдали ни одного из своих офицеров. Они не были предателями. Они тоже не запятнали чести марковца. Но может быть, запятнал честь тот, кто с обрывками черных погон на плечах, изголодавшийся, просил у красного кусок хлеба?

Отход к портам

В трагические для армии дни Марковская дивизия оказалась разбросанной по всем участкам фронта: 1-я батарея — на Арабатской Стрелке; 1-й и 3-й полки — на центральном участке; 2-й с Инженерной ротой, Конным дивизионом и штабом дивизии — на левом, Юшуньском; пулеметная команда и конные сотни 1-го полка — в пути со станции Владиславовка на станцию Джанкой; запасной полк — у Евпатории; часть батарей на базах у станции Курман-Кемельчи. Приказ об отступлении к портам не всеми частями был получен своевременно. Место погрузки дивизии — Севастополь, но разбросанность ее частей не позволила всем идти туда.

* * *

2-й полк быстрым маршем отступал: он еще не получил приказа о погрузке на пароходы. В ночь на 30 октября, связавшись со штабом генерала Кутепова, ему приказ: идти к станции Сарабузы и там сдерживать противника. Но вскоре другой — идти на Северную сторону Севастопольской бухты для погрузки и добавлялось об отпуске пожелавших остаться. Только с получением этого приказа приходится считать, что 2-й полк закончил свои бои. Ушло из полка человек двадцать, одни со слезами и объятиями, другие — молча. Сбросив в пруд орудия, батареи и полк тронулись к Севастополю.

Едва не был забыт запасной полк: он получил приказание идти в Севастополь в ночь на 30-е. Днем он видел впереди к востоку двигаю-

шися в южном направлении колонны кавалерии, по всем признакам красной. Полк рискует и сворачивает в Евпаторию, куда приходит вечером. Поздно узнали об отходе на погрузку и батареи, стоявшие в колониях к западу от станции Курман-Кемельчи.

В ночь на 31 октября остатки 1-го и 3-го полков и батарея остановились на 2—3 часа на отдых в татарской деревушке. Здесь только и был объявлен приказ. Пожелало остаться два-три десятка человек. Остальные, разместившись кое-как на пулеметных двуколках, зарядных ящиках, верхом, тронулись дальше. На линии станции Сарабузы их встретил небольшой отряд новеньких полуброневицков, который и прикрыл их дальнейший отход.

Части 1-го полка, шедшие походным порядком от Владиславовки на Джанкой, пройдя половину пути, стали встречать не только отходившие обозы, но и целые войсковые части. От генерала Фостикова капитан Месняев, ведущий эти части, узнал об эвакуации и что марковцы должны грузиться в Севастополе. Ввиду дальности расстояния до этого порта, он решил идти или в Феодосию, или в Керчь. 1-я батарея вместе с донцами, которым она была придана, направилась в Керчь. Железнодорожная рота в Феодосию.

В Симферополе. От всех частей дивизии были высланы в Симферополь команды для эвакуации своих раненых и больных. На вокзале — поезд генерала Кутепова. Расклеен приказ генерала Врангеля и сообщение правительства; в последнем говорилось: «Совершенно неизвестна дальнейшая судьба отъезжающих, так как ни одна из иностранных держав не дала своего согласия на принятие эвакуированных. Правительство Юга России не имеет никаких средств для оказания какой-либо помощи в пути, так и в дальнейшем. Все заставляет Правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственная опасность от насилия врага, остаться в Крыму».

В городе похозяничали чернь и отпущенные из тюрем заключенные, пока не были разогнаны. Госпиталь, в котором лежало большинство марковцев, оказался пустым. Спала тяжелая забота с посланных за ними. Теперь оставалось ждать прохода своих частей. Но в штабе сказали, части направлены прямо в Севастополь. Кто знал о находящейся еще в городе группе артиллеристов, присоединился к ней, а кто не знал, пришлось действовать самостоятельно, так как поезд штаба был уже переполнен. Сказано — к утру 31 октября город оставляется.

Лошади, на которых приехали в Симферополь, загнаны. Идти пешком или искать лошадей? В городе их не найти, но можно достать в прилегающих к городу деревнях, предложив за каждую лошадь своих две. Конечно, такое предприятие сопряжено с риском попасть в руки

людей, уже перешедших на сторону красных, которые являются полными хозяевами на окраинах города. Но капитан Стаценко решил рискнуть. И вот что он записал в свой дневник:

«Думая пройти в Татарскую слободку в самом конце Конторской улицы, я со своими двумя солдатами был вдруг остановлен окриком:

— Стой! Ни с места. Кто идет? — и послышался лязг затвора винтовки. Спокойным голосом я ответил:

— Свои. А вы кто такие?

— Части революционного гарнизона, — был ответ.

Из темноты к нам подошло человек шесть, вооруженных винтовками, без погон, но по виду офицеров.

— Если вы решили остаться и присоединиться к нам, мы вас пропустим. В противном случае вам придется повернуть обратно, — сказал один из них. Заметив на мне марковские погоны, он добавил: — Во главе военно-революционного комитета стоит ваш бывший марковец, полковник Бржезицкий.

Услышав это, я не мог не рассмеяться и сказал:

— Вот только когда полковник Бржезицкий открыл свое лицо. Желания у меня пока что оставаться нет, в особенности с полковником Бржезицким, а все же прошу вас передать ему привет от капитана Стаценко¹³². Он меня хорошо знает.

Нас всячески стали уговаривать остаться, говоря, что штабы наши давно уже на пароходах, а нам пароходов не приготовлено; что среди моряков забастовка, и потому все равно ни один пароход в море не выйдет, а если который и выйдет, то будет потоплен подводной лодкой — их целый отряд выйдет из Одессы; красное командование объявило по радио амнистию всем белым, которые останутся в городах и селах, исключая портовые города.

— Уверены ли вы, что это правда? — задал я им вопрос.

— Да, мы уверены и поэтому решили остаться.

— Ну что же? Оставайтесь, а мы попытаемся все же уехать.

На прощание нам дали несколько экземпляров воззвания военно-революционного комитета за подписью полковника Бржезицкого. Это воззвание позднее, уже за рубежом Родины, я вручил генералу Кутепову, который, оказалось, был уже знаком с ним, но сказал: «Вижу, как я был не прав». Лошадей достать не удалось».

Всю ночь и утром 31 октября вблизи Симферополя проходили группы, направляясь в Севастополь. Часов в 8 утра из города вышел отряд, чуть ли не в 200 марковцев, собравшийся с командиром Марковской артбригады, генералом Машиним¹³³. Уходили из города, проходили около него без всякого давления и препятствий с чьей бы то ни было стороны.

* * *

Всем нужно было решить: покинуть Родину или остаться, еще не сделав первый шаг к портам. Когда он сделан, перестают влиять рассудок и чувства. Дальше ведут или принятое твердое решение, или некая стихия, стадный инстинкт. И вот:

— Мы боимся неизвестности и боимся, что никогда не увидим своих семей, — говорили одни.

— Дело проиграно теперь окончательно. Продолжать борьбу не придется, а жить за границей не хочу, — говорили другие.

— Я остаюсь. Хотите, верьте, хотите, не верьте, но я не изменник тому, чему служил, — говорили третьи.

Тянуло забежать попрощаться с добрыми знакомыми, которые радушно принимали у себя. В одном доме неожиданная встреча с ранеными соратниками, оставившими госпиталь, но уже со снятыми погонами.

— Как? Вы остаетесь?

— Остаемся, — смущенно и в то же время твердо отвечали те. Дальше говорить на эту тему нечего. Но они задали несколько вопросов о последних боях дивизии, о ряде лиц, их судьбе.

— Ну, надо уходить. Спешим в Севастополь. Будьте здоровы. Будьте живы.

И... оставшиеся ничего не ответили на последнее приветствие, но смущенно и с надрывом быстро бросали фразы:

— Мы честно воевали... Верили... Ну а теперь что?

— Прощай, Семенюшкин. Прощай, Раков, Хомяков...

Спокойный, бесстрашный, отличный пулеметчик, капитан Таврид. Он мрачен и молчалив; слушает, что говорят; всматривается в лица. Только что посланные в Феодосию люди сообщили: корабли не могут взять всех, а кубанцы заявляют — марковцам в Севастополь.

— Идем в Керчь, — заявляет капитан Месняев¹³⁴.

— Чтобы и там услышать то же? — твердо заявляет капитан Таврид. — Я ухожу в горы. Кто со мной?

Набирается человек 25. Они берут два пулемета, винтовки, возможно больше патронов. Крепко с объятиями прощаются. Прощаются с жителями. Взаимные добрые пожелания, со слезами объятия...

Семья рабочего. Попали марковцы в дом случайно, на ходу, чтобы немного отдохнуть и утолить голод. Кое-какие продукты у них были. Семья приняла их участливо. Разговор об эвакуации. Хозяевам это кажется чудовищным; уговаривают остаться. Они понимают, что белых может постигнуть ужасная участь, но думают — это только в первые дни. «Мы вас скроем на первое время. Мы рабочие, мы коммунисты, и у нас не

будет обысков. А потом все устроится», — говорили они, умоляли. Пришел момент расставания: хозяйева расстроены до конца. Хозяйка благословляет, хозяин обнимает, желает благополучия и просит принять от него две царские десятирублевки. «Нет больше, а отдал бы вам все». Марковцы отблагодарили, чем могли, и ушли с глубоким чувством уважения к этой семье рабочего; были неопишимо растроганы отношением родных русских людей, какими-то судьбами ставшими коммунистами.

В Севастополе. Что творилось в Севастополе в последние дни, свидетельств марковцев нет. Очевидно, их в городе не было, а пришли они в последний момент и прямо на пароходы. Нет свидетельств и от тех, которые служили в штабе генерала Кутепова и, по всей видимости, принимали участие при вручении полкам заслуженных ими Николаевских знамен. Об этом марковцы не знали ни когда грузились, ни плывя по морю, и только на чужой земле, в Галлиполи, их знамена неожиданно появились перед остатками полков.

31 октября и 1 ноября марковцы большими и малыми группами текли в Севастополь, переживая тревогу: что в Севастополе? «Почти с первых же шагов на шоссе стали встречаться возвращающиеся обратно панически настроенные люди. По их словам, пароходы все ушли, а на шоссе нападают с гор зеленые. Отряд продолжал свой путь, приняв все меры на случай боя с зелеными. При приближении к Севастополю навстречу стали попадаться крестьяне-подводчики, которые сказали, что в Севастополе полный порядок и совершенно спокойно производится погрузка на пароходы».

Уже на самой окраине города от жителей узнали, что в городе существует военно-революционный комитет, вооруженная охрана, но отношение к эвакуирующейся армии не только лояльное, но и глубоко сочувственное. Был какой-то пожар, немного где-то постреляли, и только.

Погрузка на пароходы

В Евпатории. Вечер, темнеет. У пристани два парохода, тральщик «412» и две большие баржи. Уже закончена погрузка раненых, больных и тыловых частей Донского корпуса. Ожидаются корниловцы, но по набережной с песнями пришла большая колонна запасного полка Марковской дивизии и остановилась у пристани. Только здесь командир полка, полковник Фриде, узнал о приказе генерала Врангеля и объявил его полку. Дав минут десять на размышление, он скомандовал: «Желающие ехать с армией 10 шагов вперед». Вышло до 200 человек, в большинстве чины учебной команды и пулеметчики. Вышедшие, сом-

кнув ряды, пошли грузиться на тральщик «412», взяв пулеметы и часть продовольствия из обоза.

Построив вокруг себя оставшихся, полковник Фриде поблагодарил их за службу на благо Родины, пожелал полного благополучия в жизни и предложил им в порядке, поротно, разойтись по городу, где-нибудь сложить оружие и спокойно ожидать прихода красных. Все имущество и продовольствие он отдал в их распоряжение.

—частливого пути, господин полковник! — было в ответ.

Шла погрузка одних, и без шума расходились другие.

Тяжело на душе. Вблизи на набережной церковь. Несколько офицеров поспешили туда. Где, как не у Бога, найти успокоение! Полумрак. Горят свечи. Всюду коленопреклоненные фигуры жителей. Приходят, уходят. Марковцы молились, и из глаз их текли слезы, как и у жителей: «Спаси и сохрани», — слышались слова. «Спаси и сохрани», — просили у Господа марковцы. Вышли. Уже ночь. Направились к пристани. Навстречу — мужчина и женщина.

— Дорогие! Да даст вам Господь благополучия, — сказал, остановившись, мужчина. А женщина, широко осенив их крестным знаменем, рыдая, могла только сказать: «Храни вас Всевышний». Так же трогательно желали им счастливого пути и другие. Глубоко растроганные, шли марковцы последнюю сотню-другую шагов по родной земле. Увидят ли они ее? Но оставляли они свою землю, свои храмы с твердым сознанием полной любви к народу, даже к встретившим их красногвардейцам военно-революционной охраны. Русские люди в конце 1920 года уже были не те, какими они были раньше: они поняли, что белые отнюдь не их враги.

До свидания, Родина! До свидания, русские люди!

В 23 часа, 30 октября, корабли вышли далеко в море, взяв две пустые баржи, и стали на якоря. С земли ни одного выстрела, хотя и провозжали корабли патрули военно-революционного комитета.

В Севастополе, 1 ноября. Для марковцев и дроздовцев, для штаба 1-го корпуса и мелких частей предоставлен транспорт «Херсон», стоящий в Килен-бухте. На пристани порядок. Стоящие караулы направляют части к назначенным для них судам. Наконец, около 9—10 часов «Херсон», переполненный до крайности, отошел на внутренний рейд. Но к пристани непрерывно подходили новые группы. Собралась огромная толпа в тысячи человек; одних марковцев до 300.

Что же происходит дальше? В дневнике капитана Стаценко читаем: «Собравшись все вместе на пристани, решили достать лодку и на ней переправляться на пароходы, которые стояли уже на внутреннем рейде. С большим трудом достали рыбацью лодку, на которой отправился

первый десяток человек. Но мы лодки так больше и не увидели. Попытались было пробраться на другие пароходы, но и там было полно. Не оставалось больше ничего, как ждать. Но чего ждать? Вопрос всем казался неразрешимым. «Авось», кто-нибудь возьмет, «авось», что-нибудь подвернется. Но находились все же такие, которые не выдерживали «игры нервов»: с проклятиями уходили от пристани. Были другие. Они окончательно расставались со всем — стрелялись. Был момент, когда отовсюду раздавались выстрелы один за другим. Нашел психоз. Только крики более стойких: «Господа! Что вы делаете? Не стреляйтесь! Пароходы еще будут. Все сможем погрузиться и уехать!» — смогли остановить малодушных. На моих глазах офицер нашего 1-го полка застрелил сперва своего верхового коня, а затем пустил себе пулю в голову. Поручик Дементьев, бывший со мною, стал просить меня дать ему мой револьвер. «Обожди еще. Стреляться рано, — ответил я ему. — Подожди прихода красных, тогда я и тебе, и себе пушу пулю в лоб».

«Около 12 часов дня со стороны Графской пристани раздались крики «Ура!», постепенно все увеличивающиеся. Оказалось, что это генерал Врангель на моторном катере объезжает пристани. Около каждой он останавливался, держал речь и под громовые крики «Ура!» следовал дальше. Подъехал, наконец, и к нашей пристани.

— Здравствуйте, мои дорогие соратники! — отчеканивая каждый слог громким голосом, поздоровался с нами генерал Врангель.

Никогда ему еще никто не отвечал на приветствие так громко и стройно, как ответила масса людей в несколько тысяч в этот раз.

— Куда вы едете? Знаете ли вы, что ждет вас на чужбине? Я вам ничего не обещаю, так как сам ничего не знаю. Обещаю только одно, что как бы плохо ни было — вывести вас с честью. Обещаю вам, кто решит окончательно за мной следовать, вывезти с родной земли... Распоряжения уже даны, и сейчас должны подойти пароходы и забрать вас всех.

— Ура, ура!

Нескончаемое «Ура!» последовало в ответ. «И действительно, минут через 20 стали подходить пароходы. К нашей пристани подошел маленький пароходик-угольщик «Бештау», имевший распоряжение в первую очередь погрузить нас и лейб-казаков. Погрузили сначала раненых, затем в полном порядке, без всякой спешки стали грузиться здоровые. Пароход «Бештау» принял до 800 человек, не считая тех, которые были погружены раньше».

В другом месте... Небольшой пароход «Дооб» уже отчаливал, как к пристани подбегали люди, крича: «Остановите! Остановите!» Пароход снова причалил. На него, среди других, погрузились 15 марковцев. Один юноша-марковец, канонир де Тиллот¹³⁵, услышал знакомый зовущий его

голос. Мать! Она умоляла сына остаться, и он, не отдавая себе отчета, прыгнул с парохода. (В мае 1925 г. канонир де Тиллот с группой заговорщиков повернули идущий из Севастополя в Одессу пароход «Утриш» в Болгарию, куда и прибыли благополучно.) Утром того же дня на Северной стороне на небольшой «Маяк» погрузился 2-й полк с батареями, взяв с собой винтовки и пулеметы.

В Севастополе были погружены все чины армии, кто не поколебался в решении разделить свою судьбу с нею. Не успели погрузиться лишь те, кто пришел с большим запозданием. Отряд полковника Новикова, не поддержавший марковцев в последнем бою у станции Курман-Кемельчи и отступавший, взяв более восточное направление, опоздал на погрузку и ушел в горы. По дошедшим сведениям, он сумел потом уйти в Северную Таврию, откуда взял направление на запад к румынской или польской границе, но у Днепра был настигнут кавалерией и погиб.

К вечеру последние корабли ушли на внешний рейд. Несколько пуль просвистели над ними.

В Феодосии грузились кубанцы, но погрузилась и Марковская железнодорожная рота, принята командирами кораблей как технические команды. Удалось поодиночке пробраться на пароходы и чинам Конной сотни 1-го полка. Части кубанцев пришлось идти в Керчь.

В Керчи грузились донцы и подошедшие из Феодосии кубанцы. Погрузилась и пришедшая от станции Владиславовка несшая до погрузки охрану Керчи пулеметная команда 1-го полка. Несмотря на то что им досталось место в угольном трюме парохода «Дыхтау», их соседи, донцы, припомнили новороссийскую эвакуацию. Марковцам пришлось даже взяться за оружие.

Хуже обернулось дело с погрузкой 1-й батареи, пришедшей с Донскими частями. Ей было категорически заявлено одним из полковников Донского корпуса, что она, как принадлежащая к 1-му корпусу, должна идти в Севастополь. Несмотря на напоминание, что батарея была приказом прикомандирована к Донскому корпусу, и на указание, что погрузка батареи не только обязанность для донцов, а и вопрос чести, в штабе было коротко и ясно сказано: «В Новороссийске вашему корпусу не было дела до донских казаков, а теперь — нам до вас».

«К счастью, в батарее узнали, что среди военно-морских властей, ведавших погрузкой, находился капитан 1-го ранга Потемкин¹³⁶, который, командуя морским отрядом, вместе со взводом батареи в феврале 1918 года оборонял Батайск. Капитан Потемкин дал ответ: «Прошу передать г-дам офицерам и солдатам старшей Добровольческой части, что для нее во всех случаях место найдется». И место нашлось на железной барже — плавучем маяке. Ей не разрешили только взять орудия и

лошадей. Вместе с ней были погружены команды двух бронепоездов и много других чинов и их семьи.

«В темноте подошла батарея. Орудия остановились на молу у самой баржи. Распрягли лошадей, вынесли седла, замки и панорамы, погрузили пулеметы. Лошадей вывели за ворота во внутренний двор пристани. Трубач сыграл сбор, после чего орудийная прислуга столкнула в море одну за другой все пушки и зарядные ящики. Около 22 часов миноносец вытянул баржу на внешний рейд, где ее взял на буксир колесный пароход «Веха».

В море

В ночь на 31 октября в Евпатории, на 2 ноября в Севастополе, на 3-е в других портах все суда, могущие вынести морское плавание с чрезмерной нагрузкой людьми, стояли на внешних рейдах и ждали сигнала об отплытии. Куда? В неизвестность. Все надежды обращались на генерала Врангеля.

* * *

На тральщике «412» утром бьют склянки с соблюдением уставного порядка — подъем Андреевского флага. На баке выстраивается Марковская учебная команда. «Смирно!» За кормой трепещет поднятый Андреевский флаг. Команда поет утренние молитвы. На палубе все стоят и крестятся.

Взоры всех направляются к родному берегу, уже отстоящему на 6—7 верст. В утренней дымке видна полоса земли, низменная, гладкая. Видны очертания Евпатории. «Красный флаг!» — кричит кто-то. Над каким-то зданием развеивается победный флаг красных. Тяжелые невольные вздохи. Томительно протекает день. Сотни человек, может быть, до тысячи и больше, набившиеся во всех углах тральщика, старались как-то устроиться. Стали выбрасывать за борт длинные ящики со снарядами для морских орудий. Было больно...

К единственному орудию на тральщике подошла команда и... раздался выстрел, другой, третий. Орудие било по пустым баржам, топило их. Они оказались ненужными и обременительными. Марковцы в первый раз наблюдали, как тонут в море суда. Не далее как в версте от судов поднялось несколько фонтанов воды. Что это? Поняли не сразу. Это артиллерия красных пыталась обстрелять корабли, но снаряды не долетали. Это были последние снаряды красных по белым.

Вечер. На тральщике засвистали свистки, раздались команды. Опять выстроилась учебная команда. «Смирно!» Все встали. Одни сняли фуражки, другие взяли под козырек. Прошла церемония спуска Андреевского флага. Учебная команда спела вечерние молитвы, а затем, собравшись в круг, запела добровольческие песни: «Пусть свищут пули», «Вскормили вы нас и вспоили Отчизны родные поля». Наступила ночь, и все стали укладываться спать. Тяжелые думы... Отрывочные разговоры...

В указанные часы корабли стали уходить в море, взяв направление на Босфор. Всего 126 судов с 145 693 человеками, не считая судовых команд. На многих из них марковцы. Сколько их, никто не знал, так как грузились они в разных портах и на разные пароходы. Всюду их было немного в сравнении с людьми других частей. Беспокойство о своих: погрузились ли? Все, кто мог, старались выбраться на палубы, чтобы видеть удаляющиеся берега.

— До свидания, Родина! — говорили одни.

— Прощай! — говорили другие.

Кругом безбрежное море, к счастью не слишком бурное. Однообразная картина. На кораблях теснота. Некоторые плывут с креном то на один, то на другой бок. Постепенно как-то разместились равномерно, отвоевывая места у ранее погрузившихся, расположившимися «с удобствами» и даже с большим багажом. Происходили крайне неприятные столкновения между бойцами и гражданскими и тыловыми лицами, заботившимися лишь о себе и о своих вещах.

Сразу же возник вопрос о питании. Бойцы погрузились почти ничего не имея, в то время как остальные имели мешки со всякого рода продуктами. И опять борьба, окончившаяся реквизицией провизии. Нужно было наладить приготовление и выдачу пищи и запаса питьевой воды, бывшего на пароходах. На тральщике «412», на «Бештау» взяли власть в свои руки марковцы. Назначенные от них коменданты трюмов вели учет людям, наблюдали за порядком. Была объявлена мера пресечения беспорядков — выброска за борт.

1-я батарея плыла на плавучем маяке, взятом на буксир колесным пароходом «Вега» и, в свою очередь, взявшем на буксир небольшой испортившийся пароход. Вахты для наблюдения за буксирными тросами и у штурвального колеса несли чины батареи и команда бронепоездов. Дважды рвались тросы, вызывая панику среди пассажиров. Чтобы дать знать на «Веху», батарейцы открыли огонь из пулемета, а для подбодрения пассажиров запели бравурные песни. «Вега» сама почувствовала, что трос порвался, остановилась и скрепила его. Пассажиры, однако, не успокоились от возмущения «неуместными» песнями марковцев.

Новая беда — маленький пароходик дал течь. Пришлось его пассажиров перегружать на плавучий маяк, всего 36 человек. Переполненное суденышко могло принять их, но не их багаж, оказавшийся огромным. Это вызвало возмущение его обладателей; они даже угрожали револьверами. Но караул 1-й батареи допустил к посадке лишь лиц с ручным багажом. Первый же огромный чемодан какого-то генерала полетел обратно на тонущий пароход. Стрелять не пришлось, но приклады все же были пущены в ход. Против пассажиров этого пароходика было уже огромное возмущение: они имели значительный запас питьевой воды, но отказались дать какую-нибудь часть хотя бы для детей, страдавших от жажды на плавучем маяке. И возмущение стало еще большим, когда узнали, что пассажиры — чины штаба одного из корпусов.

А на «Херсоне», на который погрузился 1-й корпус, один из старших начальников вдруг громогласно объявил, что слагает с себя обязанности и становится обыкновенным пассажиром, как и все остальные. Но его слова попали не на ту почву, на которую он рассчитывал. Они произвели тяжелое впечатление. Ответил за всех генерал Туркул. «Вся внешность этого мужественного воина и волевого человека открыто выражала возмущение». Он в коротких словах заставил генерала не только замолчать, но и уединиться.

*А. Леонтьев*¹³⁷

МАРКОВСКАЯ АРТИЛЛЕРИЯ В ОСЕННИХ БОЯХ¹³⁸

Предстояло перевооружение артиллерии, и от каждой батареи были командированы в город Севастополь, в Артиллерийскую школу, по одному офицеру для ознакомления с 75-мм французской пушкой. Непрерывные 45-дневные бои временно закончились. Все нуждалось в отдыхе. До 3—9 сентября батареи стояли на своих местах, имея на позиции дежурные взводы, которые изредка вели огонь. Центр тяжести боев был перенесен на Каховский плацдарм, где атаки наши 21-го и 23-го кончились неудачей, ибо не хватало у нас технических средств подавить сильные укрепления.

Обстановка на Польском фронте резко изменилась, советские армии поспешно и в беспорядке отходили. Большевики усиленно предлагали начать немедленно мирные переговоры, на чем особенно настаивали англичане. переброска с Польского фронта на Южный нескольких советских армий предreshала исход борьбы. Уже теперь красное коман-

дование бросало на юг все свободные резервы. Пополнений у нас же не было, кроме отдельных офицеров, из числа эвакуированных, в начале 1920 года, в разные страны. Все местные средства были использованы и приходилось рассчитывать на свои силы и на какие-то отдельные возможности сформировать что-то в Польше из числа советских пленных и остатков Северо-Западной армии генерала Юденича.

29 августа 3-я батарея сменила Г.М.* батарею, которая была отведена в резерв. 1 сентября в село Михайловка приехал генерал Врангель с представителями Союзных держав. На смотре участвовали 3-й Марковский полк и Г.М. батарея.

Город Александровск. Остров Хортица. На правом берегу Днепра

1 сентября части Донского корпуса перешли в наступление. К 4-му донцы наголову разбили Верхнетокмакскую и Пологскую группы красных. Продолжая операцию, генерал Кутепов с 1-м армейским и Донским корпусами и 1-й Кубанской казачьей дивизией разбил Ореховскую и Александровскую группы противника и к 7-му вышел на линию Пологи—Кичкас. Было взято более 10 тысяч пленных, 30 орудий, 6 бронепоездов, 3 бронеавтомобиля, пулеметы и большие склады огнеприпасов.

4-го марковцы двинулись вперед на село Бурчатск, взятое после непродолжительного, но упорного боя, и на ночь расположились в районе села Васильевка. 5-го наступление продолжалось и колонны дивизии были атакованы авиацией красных, среди которой было два самолета типа «Илья Муромец». Сброшенные бомбы вреда не причинили. К ночи, после небольшого боя, заняли село Янчокрак.

6-го вечером был взят город Александровск, эшелоны красных спешно уходили на Синельниково. Железнодорожный мост у Кичкаса был взорван до подхода наших частей. Толпы красноармейцев без всякого конвоя двигались к нам в тыл. Захвачена большая добыча. Г.М., 2-я, 3-я и 7-я батареи ночевали в городе, а 4-я и 8-я батареи заняли село Вознесенка, около Кичкаса.

8-го Г.М., 2-я и 3-я батареи перешли к селу Вознесенка, где на позициях стояли 4-я и 8-я, охраняя Кичкасскую переправу. Противник с правого берега обстреливал наше расположение и позиции батарей, пулеметным и артогнем.

* Здесь и далее Г.М. — Генерала Маркова. (Примеч. ред.)

10-го все батареи стали на позиции в районе села Вознесенка для обороны переправ через Днепр. 1-й полк занял возвышенную часть острова Хортица. Остров, где в свое время находилась знаменитая Запорожская Сечь, имеет около 10 верст в длину и около 2 в ширину и делится на северную возвышенную и южную — низменную части. Приданная полку 3-я батарея стала на позиции у самого берега Днепра, против центра острова, а наблюдательный пункт был на острове; сообщение поддерживалось лодками и толстый телефонный провод лежал по дну реки. К середине сентября на остров переправился 2-й полк, который с 1-м полком составили отряд генерала Гравицкого. За участком 2-го полка, на западной окраине села Вознесенка, заняли позицию 2-я и 7-я батареи. Г.М. батарея находилась в селе Павлокичкас, где своими силами обороняла переправу. Одно орудие батареи было придано Марковскому конному дивизиону, который находился на правом фланге дивизии у хутора Абазина. Один взвод 8-й стоял против Кичкасской переправы, а другой на окраине города, для обстрела южной оконечности острова. До окончательного очищения острова от красных приходилось считаться с возможностью неожиданной атаки, как днем, так и ночью. Оба полка стояли на возвышенной части, а низменная, густо покрытая всевозможной растительностью, лишь только наблюдалась нашими заставами и поисками разведчиков.

Попытки красных переправиться и занять остров происходили неоднократно. Обыкновенно это было ночью и вброд, через «Старое русло», и иногда им удавалось занять нижнюю часть острова значительными силами, но с рассветом они были выбиваемы. Все броды, а их было 6, точно пристреляны, и в самое короткое время по ним открывался заградительный огонь всех батарей. Противник часто обстреливал город Александровск, где находились штабы и хозяйственные части. Были потери. С рассветом 17-го 4-я батарея на баржах и буксире переправилась на остров, а затем и резервное орудие Г.М. батареи без лошадей. 19-го открылось движение по понтонному мосту, построенному Марковской инженерной ротой, чем установилась прочная связь с тылом.

До 24-го на фронте происходила обычная артперестрелка и усиленная разведка бродов, а в городе сосредотачивались корниловцы и кубанцы генерала Бабиева. При нашей бригаде начал формироваться запасный взвод, командиром которого назначен штабс-капитан Мино¹³⁹. Ввиду недостатка английских снарядов, все батареи должны были перевооружаться на французские орудия или русскими образца 1902 года.

Генералу Кутепову приказывалось в ночь на 25 сентября переправиться в районе города Александровска на правый берег Днепра и, выставив заслон на Екатеринославском направлении, ударной группой из

корниловцев и 1-й Кубанской казачьей дивизии наступать на фронт Долгинцево—Апостолово. Генерал Драценко — частями 2-й армии форсировать Днепр на участке Никополь—Софиевка и направить конницу для захвата станции Апостолово; генералу Витковскому — овладеть Каховским плацдармом. Фактически части 1-й армии переправлялись лишь через правый рукав Днепра, «Старое русло» или «Речище». На южной части Хортицы переправлялась ударная группа, а полки-батареи наши шли вброд с участка 1-го и 2-го полков.

24-го на остров перешли 3-й полк, 2-й и 3-й и взвод 8-й батареи и поздно вечером Марковский конной дивизион с орудием Г.М. батареи, три орудия которой оставались у села Павлокичкас.

25 сентября, в 4 часа 30 минут, головные батальоны марковцев без выстрела бросились в холодную воду, доходившую местами выше пояса. И только когда начали выходить на берег, противник открыл ружейный и пулеметный огонь. Ударная группа начала переправляться на полчаса позже, после короткой артподготовки. На острове оставалось лишь резервное орудие, а взвод 2-й ушел в Александровск на перевооружение. Батареи переправлялись с трудом, и отдельные орудия застряли. Песчаное дно затрудняло движение: колеса орудий и ноги лошадей глубоко уходили в песок. Лошади волновались. Для вытягивания орудий пришлось использовать пленных. К 8 часам часть батарей начала догонять ушедшие вперед полки. К вечеру противник был разбит на всем участке дивизии. Нами взята деревня Лукашевка, где стали Г.М. и 2-й полки с 3-й и взводами 2-й, 4-й и 7-й батарей, и деревня Веселая, где расположились 3-й полк, Конный дивизион со взводами 4-й и 8-й батарей. Поздно вечером Конный дивизион перешел в село Лукашевка, где к нему подошло орудие Г.М. батареи, застрявшее при переправе.

Вечером 25-го Г.М. батарея спешно перешла из села Павлокичкас в село Вознесенка, ибо еще днем были обнаружены части красной конницы, для ликвидации которой ожидался 4-й Дроздовский стрелковый полк. В ночь на 26-е Г.М. батарея перешла на остров, а днем на другом берегу вместе с дроздовцами имела весь день ряд мелких столкновений с противником.

На участке марковцев с утра было спокойно, на дивизию была возложена задача активно оборонять переправы у Хортицы. Началась перегруппировка батарей, а около 13 часов красные атаковали деревню Веселая. 3-й полк при самой энергичной поддержке батарей и нашей лихой конной атаке принудил противника к беспорядочному отступлению. Батареи понесли потери.

К ночи дивизия занимала деревни Веселая и Лукашевка и колонию Канцеровка. С утра 27-го красные угрозой нашему левому флангу за-

ставили дивизию отойти на линию бугров у могилы Раскопана, что у дороги Лукашевка—Хортица. Части наши, с 8-й батареей, взводами 2-м и 4-м и орудием Г.М. батареи, с трех сторон атаковали колонию Нейенбург (Широкая). Расстреливаемый огнем орудий с открытых позиций противник поспешно отступил к колонии Нейгорст. В колонии остался конный дивизион с Г.М. орудием, а батальоны 1-го и 3-го полков с остальной артиллерией выступили на Лукашевку с целью ее захватить ночной атакой. Двигались в полной боевой готовности. Неожиданно захватили полевой караул, потом отдельных красноармейцев и батальон 3-го полка атаковал во фланг позицию перед деревней, а Г.М. полк ворвался в деревню, где после очень упорного боя занял южную часть деревни, послав об этом донесение.

Тем временем противник подтянул резервы, и наш отряд отошел обратно в колонию Нейенбург. Не зная об отходе, части дивизии, находившиеся у могилы Раскопана, двинулись в Лукашевку и неожиданно попали под огонь красных и после тяжелого боя выбили противника к утру 28-го. Г.М. батарея вернулась на остров Хортица и заняла позицию для обороны севернее Брода. 4-й Дроздовский полк спешно ушел в Александровск. Противник перешел в наступление в районе города Мелитополя. Операция 2-й армии у города Никополя развивалась успешно.

Утром 28-го красные вновь перешли в наступление на деревню Лукашевку. Завязался упорный бой, на помощь батальону 3-го полка и взводам 4-й и 7-й батарей из колонии Нейенбург спешно шел батальон 1-го полка с 8-й батареей. Красные бросили конницу, которая, пользуясь складками местности, неожиданно бросилась на пехоту и смяла одну роту. 8-я батарея с открытой позиции открыла беглый огонь по лавам, противник обрушился на нее ураганным огнем своей батареи. Несмотря на большие потери, 8-я батарея не прекратила огня, будучи вся окутана разрывами снарядов, она разметала конницу: от лав остались лишь трупы людей и лошадей и все поле было покрыто скачущими лошадьми без всадников и бегущими кавалеристами без лошадей. В батарее убиты: бомбардиры Марков и Ершов; ранены: штабс-капитан Ильинский, подпоручик Церель¹⁴⁰, младший фейерверкер Кубов, канониры Кутовенко, Лебедев, Воскобойников и еще один.

Другие части дивизии имели тоже успешные бои за этот день. Никопольская группа красных была разбита. Конница генерала Бабиева начала выходить в их тылы. Части 1-й армии, находившиеся на правом берегу Днепра, получили приказ начать постепенный отход в исходное положение.

Утром 29-го вся Марковская дивизия сосредоточилась в деревне Лукашевке и выступила на колонию Большая Хортица, в арьергарде

3-го полка с 4-й и 7-й батареями. Противник «следовал по пятам», и большие колонны были замечены между колониями Нейгорст и Шенгорст. Арьергарду приказано атаковать колонию Шенгорст, а конному дивизиону с орудием Г.М. батареи прикрыть атаку с севера. Завязался упорный бой. Командир полка подполковник Никитин лично повел в конную атаку свою конную сотню и разведчиков 4-й батареи на петроградских курсантов. Уже в темноте полк занял колонию, но ночью отошел в колонию Большая Хортица. Во время конной атаки в 4-й батарее ранены юнкер Иванов и младший фейерверкер Рейцлер, две лошади, а у начальника команды поручика Маевского убита лошадь.

30 сентября в два часа ночи вся дивизия поднята по тревоге, т. к. разведка донесла, что красные заняли остров Хортица и продвигаются вдоль Днепра на колонию Розенгарт. Двинулись на юг 3 колоннами: левая — 4-я и 7-я батареи с 3-м полком в колонию Ново-Павловка (Кронсталь), средняя — взвод 2-й и 8-я батареи с 1-м полком и 4-м орудием Г.М. батареи с Конным дивизионом в колонию Новая Слобода (Розенгарт) и правая — 3-я батарея и 8-я Дроздовская со 2-м полком, туда же. Перед рассветом колонны прибыли на свои места, став по квартирам, но ненадолго, ибо с утра красные перешли в наступление.

Весь день у колонии Новая Слобода и Ново-Павловка шли бои, противник стремился прорваться вдоль берега, но у Ново-Павловки бой принял очень упорный характер. На помощь пришел Конный дивизион с орудием Г.М. батареи, и к вечеру контратакой противник был отброшен и части стали располагаться по квартирам. Темнело. Вдруг затрещали ружейные выстрелы; батареи двинулись к выходу из колонии и в пути 4-ю батарею атаковала конница, отбитая батарейными пулеметами. За колонией батарея оказалась на участке другого батальона 3-го полка, связь с другим была потеряна, ибо он отошел через огороды. По дороге в колонию Новая Слобода нашли убитого начальника обоза поручика Коробкина и тяжело раненного подпоручика Акимова. Обоз был атакован кавалерией. На ночь батарея и батальон расположились на бугре, выставив круговое охранение.

На участке 2-й армии произошла резкая перемена. Убит генерал Бабиев, с его смертью исчез порыв и вера в свои силы. Наши конные части начали отходить к переправам. С утра 1 октября у колонии Ново-Павловка сосредоточились 3-й полк с 3-й батареей и позже подошли 2-й с 4-й и 7-й батареями. Шел упорный бой. После обеда из района Никополя к колонии Шенеберг подошла Корниловская ударная дивизия, сделавшая переход в 60 верст и немедленно атаковавшая красных во фланг. 1-й полк с конным дивизионом, 8-й, взводом 2-й и орудием Г.М. батарей сдерживали красных между Днепром и колонией Новая Слобода.

Г.М. батарея продолжала стоять на острове Хортица, наблюдая северные переправы. К вечеру корниловцы были оттянуты в Александровск.

Части 2-й армии закончили переправы на левый берег и уничтожили мосты. Марковцы оставались в районе Ново-Павловка—Новая Слобода. 2 октября в 16 часов дивизия начала отход к своей мостовой переправе у колонии Нижняя Хортица. Противник сильно наседал и сдерживался арт- и пулеметным огнем. К вечеру переправа была закончена и мост уничтожен. На острове Хортица оставались 1-й и 2-й полки и взводы 2-й и 7-й батарей; 3-я и 8-я стали на свои старые позиции, 4-я заняла позицию 2-й, один взвод Г.М. в селе Павлокичкас, а другой в городе, на позиции у кладбища. Для марковцев закончился крайне тяжелый восьмидневный период боев. Малочисленная дивизия показала свою стойкость, доблесть и упорство.

Все на Врангеля

26 сентября было подписано перемирие между большевиками и поляками, а 2 октября заключен мир. Русская Армия осталась одна. После совещания с генералами Кутеповым и Шатиловым Главнокомандующий принял решение за Крымские перешейки не отходить, а принять неравный бой в Северной Таврии.

Началась необходимая перегруппировка. Утром 5 октября взвод 2-й батареи, перевооружившийся русскими орудиями 1902 года, прибыл на остров и сменил взвод 7-й, который перешел в город. Ввиду полного износа гаубиц и израсходования гаубичных снарядов, батарея оставила две самые лучшие гаубицы до окончательного расстрела имеющегося запаса бомб. Взамен двух других было получено два 18-фунтовых английских орудия. 4-я батарея также сменила свои английские орудия на русские образца 1902 года.

7 октября дивизия приступила к оставлению острова. С наступлением темноты последнее сторожевое охранение отошло на восточный берег, а мост сожгли. Следующие дни происходила ружейная и артпестрелка с красными, занявшими остров. К этому времени «союзные бандиты» начали переходить на сторону противника и нападать на отдельных чинов армии и обозы. Запасный взвод закончил свое формирование и перешел в село Мокрая, где присоединился к Марковскому конному дивизиону. К моменту оставления нами города, наша бригада имела 24 легких орудия и две гаубицы.

В ночь с 9-го на 10-е дивизия покинула город Александровск и, будучи временно приданной Донскому корпусу, несколькими колоннами

направилась на юг. Погода испортилась, дул сильный холодный ветер. На привалах приходилось разжигать костры. 12-го части заняли села Маячки, Павловка и Балки. 13-го — приказано форсированным маршем перейти в село Большие Белозерки.

Утром 13-го наша дивизия выступила, но в пути получила приказание повернуть на село Днепровка, на помощь 42-й Донскому полку, на который наступали переправившиеся через Днепр красные. Колонны 1-го и 3-го полков со 2-й, 4-й, 7-й и 8-й батареями вошли в село Днепровка и стали по квартирам, но с наступлением темноты были атакованы. Атака отбита пулеметным и артогнем, а перешедшие в контратаку батальоны отбросили противника. Из захваченного приказа выяснилось, что село Водяное занято красными. Только что подошедшему к селу Днепровка арьергарду дивизии 2-му полку, Конному дивизиону, Г.М. и 3 батареям и западному взводу приказано немедленно выступить и занять Водяное. Отряд в ночь на 14-е атаковал селение, но был обойден и атакован с тыла, что заставило начать отход к Днепровке.

С утра 14-го дивизия заняла оборонительные позиции перед селением. Красные наступали густыми цепями, и батареи вели непрерывный огонь, стараясь задержать наступление, и препятствовали подходу резервов. Г.М. и 2-й полки перешли в контратаку, и некоторое время цепи перемешались, а в ход были пущены штыки и гранаты. Обе стороны несли большие потери, к противнику подходили резервы, и маршквцы начали отход к селу.

Вправо шел бой на участке 42-го Донского полка. Одновременно стало известно, что начдив генерал-майор Третьяков застрелился. Как выяснилось позднее, генерал еще ночью получил приказ об отчислении от командования дивизией, с назначением комендантом крепости Керчь. Дивизия после уличного боя в селении начала отходить на село Большая Белозерка (35 000 населения). Начальником дивизии назначался корниловец, генерал-майор Пешня, но в силу боевой обстановки не имевший возможности немедленно вступить в командование, а посему дивизию временно принял дроздовец, генерал-майор Манштейн 2-й, прибывший в село Большие Белозерки 15-го утром.

15-го с утра все советские армии перешли в наступление с задачей уничтожить Русскую Армию в Северной Таврии. На нашем участке день прошел спокойно. От 3-й и 8-й батарей ушло по одному взводу в тыл для перевооружения. С утра выпал первый снег, но сейчас же стаял. Образовалась непролазная грязь. С наступлением темноты были приняты усиленные меры охранения.

В ночь на 16-е температура упала до —10 градусов. К утру спустился густой туман. Этим воспользовалась 46-я советская стрелковая ди-

дивизия и, подойдя ночью к Большим Белозеркам, развернулась и перешла в наступление, охватывая оба фланга нашего расположения. Под сильным ружейным огнем противника дивизия оставила селение, сосредоточилась на буграх к югу и начала отходить на село Пескошно. Через некоторое время показались лавы красной конницы, это 16-я их дивизия, 2-й конной армии. Западнее дороги выдвинулся 2-й полк с 3-й и 8-й батареями, восточнее — 1-й полк с Г.М. и 2 батареями. Конный дивизион и запасный взвод на левом фланге 2-го полка. Батальоны сомкнули ряды, в интервалах пулеметы. Все батареи немного сзади, каждая по возможности открыть заградительный огонь на любом участке фронта дивизии. Часть конницы начала обтекать оба фланга, в центре, усиленная подошедшими главными силами, продолжала идти вперед. Расстояние сокращалось... Команды. И одновременно — ружейные залпы, стук пулеметов и беглый огонь батарей. Красная кавалерия бросилась назад, и, как всегда, всадники без лошадей, лошади без всадников и на поле раненые и убитые люди и лошади.

Дивизия продолжала отход. Снова атака конницы... И так 18 верст. Под конец красные подтянули свои батареи. У нас потери, но колонны в порядке продолжали свое движение. При приближении к селу Пескошно противник прекратил свои атаки: донцы со стороны села Михайловка с успехом атаквали красных во фланг и тыл. К вечеру дивизия прибыла в село Веселое. Шел снег. Мороз все крепчал.

17-го тремя колоннами перешли в колонии: Эйгенфельд, Марианфельд и Кайзерталь, к западу от города Мелитополя. Переход около 40 верст. Здесь были получены первые сведения, что 1-я Конная армия прорвалась к нам в тыл и захватила станцию Сальково и город Геническ.

18-го, в три часа, дивизия поднята по тревоге. Опять резкий ветер и мороз. Со стороны станции Сальково слышна артстрельба. Это донцы генерала Гусельщикова успешно атаквали прорвавшуюся конницу красных. К полудню дивизия, пройдя село Терново, подошла к железнодорожной линии и продолжала движение к станции Сокологорное. Все пути были забиты брошенными эшелонами. Большинство паровозов стояло замерзшими или совсем без воды. К ночи, после 20 часов марша, сделав около 65 верст, батареи и полки расположились в районе станции Юрицыно. Разместились исключительно тесно, и сторожевое охранение было выставлено на все четыре стороны. Хозяйственные части батарей и взводы 3-й и 8-й, отправленные для перевооружения, прошли в Крым через село Сальково.

19-го с утра марковцы перешли в село Ново-Григорьевка, где были атакваны красными. Завязался упорный бой, 2-я батарея и запасный

взвод попали под сильный огонь красных батарей и понесли потери. Другие батареи своим огнем заставили замолчать красную батарею и поддержали контратаку наших полков. Противник отошел. На ночь остались в селении. Ранены штабс-капитан Афендульев¹⁴¹ и канонир Григоренко.

20-го продолжали отход и через село Юзкуя, после полудня, вошли в город Геническ. Противник все время пытался крупными силами атаковать на походе, но отбивался ружейным, пулеметным и артогнем. Перед городом с северной и северо-западной стороны вырыты окопы и сделаны проволочные заграждения в три кола. Сторожевые охранения полков заняли окопы, а все остальные расположились в ближайших домах. Батареи заняли позиции на участках своих полков. Ночью разведка противника подошла к проволоке, но была отбита. К вечеру 20-го все части Русской Армии отошли в Крым, понеся большие потери и оставив военную добычу противнику.

21-го дивизия должна оставить Геническ и через двое суток прибыть на станцию Владиславовка. Весь наш корпус перебрасывался к Перекопу. В Геническе находились обозы различных частей и тяжелая батарея. Через пролив, соединяющий Сиваш с Азовским морем, узкий мост с дощатым настилом и дальше — дамба. Своевременно обозы и тяжелую батарею не перевели на Арабатскую Стрелку и утром, при проходе 6" гаубица провалила настил и остановила все движение.

К полудню начали отход полки с батареями, кроме арьергарда. У моста образовалась пробка. Чинили мост. Тем временем противник перешел в наступление и проник в город. Красные батареи начали обстрел. С большим трудом удалось навести порядок у моста, и батареи начали переправу под ружейным и пулеметным огнем противника из крайних южных домов города. Батареи понесли большие потери: 3 убитых, 23 раненых, среди них командир 4-й батареи полковник Изенбек¹⁴² и 80 лошадей и мулов. Арьергардные батальоны доблестно прикрывали переправу и отошли по льду через пролив, причем смертельно был ранен командир 1-го полка подполковник Лебедев. Во всех 3 полках оставалось около 1000 штыков.

Дивизия вышла на Арабатскую Стрелку. Заболел и эвакуирован генерал Манштейн 2-й, дивизию принял генерал Гравицкий. Батареи собрались на станции Водоснабжение. Г.М. батарея временно оставалась для обороны Арабатской Стрелки вместе с одним из Донских пластунских полков, который должен был подойти из Ак-Маная. Остальные батареи перешли в село Большой Чокрак.

22-го дневка, и утром 23-го все выступили по стрелке на Ак-Манай и станции Владиславовка. Целый день и всю ночь шли походом, сделав за

75-верстный переход один 3-часовой привал и несколько малых. Почти 24 часа — под ногами узкая полоса песка, вправо и влево — вода. Мороз и сильный ветер. К рассвету 24 октября 2-я, 3-я, 4-я, 7-я и 8-я батареи и запасный взвод пришли в Ак-Манай и после короткого отдыха перешли в район станции Владиславовка, где стали по квартирам. Отошедшие в Крым части производили перегруппировку. Крым был объявлен на военном положении.

Последние дни и бои

Наша перегруппировка еще не была закончена, когда противник начал атаку Перекопского вала и Чувашского полуострова. Жестокий мороз сковал соленый Сиваш льдом, удлинив нашу оборонительную линию. Отсутствие жилья и топлива увеличивало количество обмороженных.

На Перекопском перешейке наступала 6-я советская армия. 1-я Конная в резерве. В ночь на 27-е вал был оставлен и наши части отошли на линию озер Киянское—Красное—Старое и село Карт-Казак. На Чонгарском полуострове и на Арабатской Стрелке, где находились части 4-й, 13-й и 2-й конных армий, противник особенной активности не проявлял.

Бригада оказалась разбросанной: Г.М. батарея — на Арабатской Стрелке; взводы 3-й и 8-й и 7-я батарея — на своих базах у станции Курман-Кемельчи, в ожидании перевооружения; 2-я и 4-я батареи и взводы 3-й и 8-й запасный, в районе станции Владиславовка.

В ночь на 27-е на станцию Владиславовка прибыли вагоны для погрузки первого эшелона дивизии. Погрузку начали взводы 3-й, 8-й батарей и запасный. 2-й полк (около 300 штыков), Марковская инженерная рота и штаб дивизии. Разместились очень тесно. После полудня эшелон двинулся в путь и ночью прибыл на станцию Джанкой, где провели ночь. Утром 28-го двинулись на Юшунь. На разъезде Чирик артиллерия выгрузилась и двинулась дальше походным порядком. Со стороны села Юшунь доносилась сильная артиллерийская канонада и тянулись одиночные пешие и конные кубанцы, частей генерала Фостикова и распроры которых не оставляли никакого сомнения в неблагоприятном исходе боя на их участке.

К вечеру квартиреры батарей прибыли к почтовой станции Юшунь, где находился комкор-1 генерал Писарев со своим начштаба и генерал Гравицкий. «Все кончено», — заявил комкор. Несмотря на доблесть войск, наши контратаки не увенчались успехом, и противник, неся большие потери, вводил в бой все новые и новые резервы. Наши части ото-

шли на последнюю линию окопов перед селом Юшунь. Ночью подошли батареи и запасный взвод и с трудом разместились в 6 халупах. Остаток ночи прошел тревожно. 2-й наш полк сменил 2-й Корниловский. Участок полка седлал железную дорогу на Армянский Базар.

С утра 29 октября батареи заняли позиции на участке полка. Противник при поддержке мощного огня своей артиллерии перешел в наступление. Наши батареи, запасный взвод и 2 бронепоезда открыли заградительный огонь. Бой начал распространяться вправо, где должна была атаковать группа генерала Барбовича, но красные предупредили и сами перешли в наступление. Прискакавший конный с правого фланга нашего участка сообщил о прорыве красной конницы. Юшуньские позиции оставались. С последними цепями вытягивалась в Юшунь и наша артиллерия. Противник открыл артиллерийский огонь по селению, и разорвавшейся гранатой ранены тяжело в 3-й батарее штабс-капитан Жеромский¹⁴³ и солдат, в 8-й — пулей подпоручик Щербина-Крамаренко¹⁴⁴.

Отряд генерала Гравицкого начал отход на Симферополь. Поднявшись на плато, с которого открывался вид далеко во все стороны, можно было видеть массы красной конницы, которые двигались вдоль железной дороги на Джанкой. Отряд преследовали бронеемобили и конная группа. Пытались атаковать, но были отбиты огнем батарей и запасного взвода. Это были последние выстрелы наших орудий.

Глубокой ночью отряд расположился в селе Токульчак. Было приказано, оторвавшись от противника, быстрыми переходами отойти в район Симферополя. 30-го в колонии Джума-Аблам 3-я и 8-я батареи сбросили по одному орудию в пруд и оставшиеся два орудия составили батарею под командой полковника Песчанникова¹⁴⁵. Все же конные управления бригады и дивизиона полковника Михайлова¹⁴⁶, 3-й батареи подполковника Стадницкого-Колендо¹⁴⁷ и запасный взвод штабс-капитана Мино, 2 орудия под командой генерала Машина переменным аллюром пошли на Симферополь, куда прибыли на рассвете 31 октября.

Отряд генерала Гравицкого в составе 2-го полка, Марковской инженерной роты и батареи полковника Песчанникова двинулся по горным дорогам, минуя Симферополь и Бахчисарай, прямо на Севастополь. Лишь только 28-го к вечеру было подано 2 эшелона для погрузки и переброски к Перекопскому валу 3-го полка с 4-й батареей и Г.М. полка со 2-й. Вагонов мало. Теснота, и 1-й полк отправил конную сотню и полковую пулеметную команду походным порядком. Не было места.

29-го на рассвете эшелон 3-го полка и 4-й батареи прибыли на станцию Джанкой. После немедленной разгрузки двинулись вдоль железнодорожной линии на село Дюрмен, где находился штаб 2-го армейского корпуса. По дороге батарея получила приказание самостоятельно и бы-

стро двигаться к штабу корпуса, а командующему батареей подполковнику Щавинскому¹⁴⁸ выехать вперед и явиться к начштабу корпуса. По словам полковника Бредова, обстановка складывалась для нас неблагоприятно: на участке 1-го корпуса противник подошел к селу Юшунь — нашей последней линии обороны; на участке 2-го корпуса красными занят Чонгарский мост, и они двигаются на юг. Батарея должна немедленно выступить на участок 6-й пехотной дивизии, севернее села Осман-Букеш, в распоряжение командира Самурского полка. Темнело, бой закончился, и под вечер только подошедшая батарея вместе с полком отошла в село Осман-Букеш.

В ночь на 30-е начался общий отход к Джанкою. Батарея самостоятельно дошла до села Дюрмен, откуда продолжала совместно с 3-м Марковским полком свое движение. Шел мелкий дождь, очень темная ночь затрудняла движение. Эшелон 1-го полка — капитан Коломацкий и 2-я батарея капитана Боголюбского¹⁴⁹ — дошел до станции Колай к вечеру 29-го. Приказано разгрузиться и продолжать движение на Джанкой. Навстречу попадались обозы частей генерала Барбовича, отходившие на Феодосию. Весь день слышалась артиллерийская стрельба со стороны Чонгара. Ночью батарея и 1-й полк расположились в поселке Джанкой.

К утру 30 октября в район, занимаемый 1-м полком, подошли 3-й полк и 4-я батарея. Стало ясно, что наше дело проиграно. Решено было крепко держаться друг друга и считать себя за бригаду, под командой командующего 3-м полком подполковника Сагайдачного. На марковцев, приданных 2-му корпусу, возложена задача оборонять станцию Джанкой.

На станции царил полный хаос. Бросили интендантские склады, которые растаскивали местные жители и дезертиры. Полки, батареи заняли позиции на северной и северо-западной окраинах поселка. Со стороны села Богемка слышен приближающийся бой. Появились сперва отдельные всадники, а потом батареи, пулеметные тачанки и большие отдельные конные части. Все шло на крупных аллюрах на Феодосию, смотря с удивлением на лежащую пехоту. Только к полудню марковцы оставили Джанкой и двинулись вдоль железной дороги на Симферополь. Вскоре справа, сначала далеко, была замечена большая колонна конницы, идущая от Юшуни. Полным ходом пронесся наш последний бронепоезд, и едва только колонна поднялась на последний бугор, с которого открывался вид на станцию Курман-Кемельчи, как над ней стали рваться снаряды и она была захвачена красной конницей, которая виднелась справа и шла от Юшуни.

Колонна, перейдя с правой стороны железной дороги на левую, принуждена была вступить в бой, пытаясь обойти станцию с востока.

Среди массы повозок оказались, кроме марковцев, части 6-й пехотной дивизии, Гвардейский отряд, какие-то батареи и Симферопольский конный дивизион. Отход совершался откатами с бугра на бугор под прикрытием огня орудий. Наши части постепенно окружались, и все время пришлось менять направление, ибо к противнику подходили подкрепления и появилась артиллерия. Лошади еле-еле тянули пушки по пахоте, и командиры батарей приказали орудиям по очереди, расстреляв все снаряды и сняв стреляющие приспособления, с номерами на передках и на подручных, отходить в тыл. В цепях последние стойкие марковцы и гвардейцы встречали всадников в упор, погибая.

В батареях погибла часть номеров и пропал без вести подпоручик Разоренов, 4-й батареи. В одной из неизвестных деревень собрались оставшиеся, и 4-я батарея с подполковником Сагайдачным двинулась на Симферополь по дороге, которую хорошо знал командир Симферопольского конного дивизиона¹⁵⁰, житель Крыма. К рассвету 31-го конная группа 4-й батареи в Симферополе присоединилась к колонне генерала Машина, а капитан Боголюбский двигался другой дорогой.

7-я батарея, шедшая походным порядком для перевооружения на свою базу, вечером 29-го на станции Грамматиково получила сведения об общем отходе к пароходам и повернула на Феодосию.

Отряд генерала Машина выступил из Симферополя утром и через Бахчисарай в ночь с 31 октября на 1 ноября прибыл в Севастополь, где погрузился на «Херсон». Конная группа капитана Боголюбского прибыла в Симферополь после ухода наших войск и немедленно выступила в Севастополь, куда прибыла утром 1 ноября и едва успела погрузиться на «Херсон», готовый отходить на внутренний рейд. 8-я батарея грузилась на «Херсон», который стоял уже на рейде, при помощи лодок, которые удалось достать на берегу. Погрузка в Севастополе закончилась, и пароходы выходили на внешний рейд. Последние заставы юнкеров отходили к Графской пристани.

В 14 часов 40 минут 1 ноября 1920 года генерал Врангель последним оставил родную землю, и его катер быстрым ходом пошел к крейсеру «Генерал Корнилов», где взвился флаг Главнокомандующего. Со всех пароходов несло несмолкаемое «Ура!».

* * *

После ухода дивизии генерала Маркова батарея расположилась в урочище Геническая Балка. Командир батареи заболел и отправился в тыл. В командование вступил штабс-капитан Каменский¹⁵¹. До прихода 6-го Донского пластунского полка отряд состоял из полусотни Дзюн-

гарского полка и взвода конных разведчиков штаба нашей дивизии, который уходил на следующий день. Всего 67 шашек и Г.М. батарея. 22-го разведывательные группы красных пытались приблизиться к урочищу, но были отбиты орудийным и пулеметным огнем. К вечеру прибыли пластуны, и в командование отрядом вступил генерал-майор Курбатов¹⁵². Отряд отошел на полустанок Водоснабжение. Новая позиция была очень хорошо оборудована, и правый фланг обеспечивался 2-м отрядом мелких судов нашего флота.

25 октября противник перешел в наступление. Батарея едва успевала менять направление огня, чтобы сдерживать красных. В это время открыл огонь отряд мелких судов. Красные бежали. Пластуны, первоначально предполагавшие лишь обороняться, бросились вперед и ворвались в урочище Геническая Балка. Захвачено около 1000 пленных, которых раздели и оставили в хатах. Одежда и оружие сложены в костры и сожжены.

29-го вечером получен приказ об отходе, и в ночь на 30-е двинулись к Ак-Манаю, а оттуда на оборонительные позиции для прикрытия города Керчи. Для приема парохода туда же были отправлены квартирьеры. С посадкой произошли недоразумения, и в конце концов батарея погрузилась на плавучий маяк № 5.

1 ноября ночью подошедший миноносец вытянул маяк на внешний рейд, где он был взят на буксир колесным пароходом «Веха». В ночь на 2-е пароход снялся с якоря и взял направление на Константинополь.

* * *

7-й батарее погрузиться в Феодосии в полном составе не удалось, и пришлось пробиваться на пароходы поодиночке, вплоть до подъема по канату.

Из Евпатории, Севастополя, Ялты, Феодосии и Керчи по направлению к Босфору двинулась армада из 126 судов. После недавних жестоких морозов вновь наступило тепло. Море было спокойно. Все кто мог поднялись на палубу, чтобы взглянуть на оставляемую родную землю... Постепенно скрывались берега Крыма...

Закончился еще один героический период Белой борьбы — последний на родной земле. В течение 7 месяцев небольшая, но сильная духом Русская Армия вела неравную борьбу. Выдвигались молодые, талантливые и энергичные начальники. На каждый маневр противника командование отвечало контрманевром и било «кулаком, а не растопыренными пальцами». Воля вождя чувствовалась во всем...

По берегам Днепра, на городских и сельских кладбищах, полях Северной Таврии и Крымских перешейков, у Курман-Кемельчи оставле-

ны сотни могил — немые свидетели доблести и мужества погибших в неравных боях. Многочисленный враг восторжествовал, но духа армии не победил. Громадное большинство чинов строевых частей уходило в неизвестность с единственным багажом — чувством исполненного долга до конца и верой в возрождение России.

Главным палачом оставленного белыми Крыма советская власть назначила венгерского еврея Белу Куна. Палач со своими подручными жестоко расправился с оставшимися российскими патриотами и всеми, кто имел отношение к Русской Армии. Жертвы карательных и истребительных отрядов исчислены десятками тысяч. Спаслись немногие. Единственное удовлетворение для нас — этот палач русских людей потом сам погиб «псом» после ряда «допросов с пристрастием» в сталинских застенках.

В. Ларионов¹⁵³

КРЫМ И ТАВРИЯ¹⁵⁴

Понемногу и мы, марковцы-артиллеристы, до того знавшие лишь бои и походы, начали привыкать к рыдающим скрипкам, терпкому болгарскому вину и запретному флирту с женами офицеров конвоя и штаба.

К тому времени кончилась польско-советская война, и колонны конной армии Буденного, воевавшие против польской армии в Галиции, спешно перебрасывались к Днепру против армии Врангеля. Генерал Врангель решил, еще до подхода советской конной армии, разделаться с Каховским плацдармом, для чего использовать сильную кубанскую конную группу генерала Бабиева. Около исторического острова Хортица, где когда-то была Запорожская Сечь, корниловцы переправились через Днепр и построили понтонную переправу (8 октября). По понтонам переправилась Марковская дивизия и конная группа генерала Бабиева. Однако данные нашей разведки о движении красной конной армии были неправильны: наши войска, повернувшие в направлении Каховки по правому берегу Днепра, внезапно были атакованы сильными конными частями 1-й и 2-й советских армий Буденного и Думенко. В одном из первых же боев случайная советская граната сразила кубанского героя, популярного генерала Бабиева. Кубанцы, составлявшие основной центр стратегического маневра Белой армии, потеряли после этой внезапной смерти сердце и не смогли успешно сопротивляться нажиму советской конной армии. Успешно начатая Заднепровская операция была сорвана. 14 октября кубанцы и Марковская дивизия переправлялись обратно у Хортицы.

В это время красные крупными силами обрушились на тыл нашего левого фланга со стороны Каховки и Серагоз. Под сильным нажимом противника генералу Кутепову пришлось проводить общую перегруппировку для отражения главного удара. Главные силы донской конницы, ликвидировавшие наступление красных на нашем правом фланге в районе Токмака, не могли подойти к району тыла и левого фланга ранее нескольких дней. В Крыму не было никаких резервов, за исключением военных училищ. В воздухе запахло катастрофой...

В Мелитополе опустели улицы. Немногие прохожие словно куда-то торопились. Через город непрерывно, днем и ночью, тянулись обозы тылов и каких-то учреждений. Наступили внезапные холода. Ветер гнал разорванные тучи. В городском саду больше не было ни белых платьев, ни музыки, лишь звуки «Сильвы» доносились из еще не закрытого кафе на главной улице. Тылы уходили прямо в Крым.

В штабе армии пока делали вид, что все обстоит благополучно. Генерал Кутепов уехал не в Крым, а в Дроздовскую дивизию к Серагозам. Конвой генерала Кутепова с только что получившим пушки конно-артиллерийским взводом был спешно двинут на юг с каким-то оперативным заданием. Ночью началась метель, а мы шли дальше на юг вдоль железной дороги Мелитополь—Крым. Дорогу заметало, и мы ориентировались по телеграфным столбам. Холодный ветер валил с ног, снежинки хлестали по лицу и по глазам. Чтобы как-то согреться, мы все время пили болгарское крепкое красное вино, наполняя большую железную кружку из бочки с повозки в хвосте конвоя.

На рассвете метель прекратилась, и мы вышли на полустанок на железной дороге к Чонгару и к мосту в Крым. У полустанка горели костры, вокруг них грелись, переминаясь с ноги на ногу от холода, несколько сотен солдат. Солдаты были из Запасного Корниловского полка, в рваных штанах, дырявых опорках или валенках, но все как один в новеньких канадских кожаных безрукавках... Свет костров падал на блестящие штыки собранных в козлы винтовок. Мы вошли в здание станции. Там при тусклом свете керосиновой лампы мы увидели командира полка, молодого корниловского офицера, сидевшего, обнявшись, с красивой сестрой милосердия. Тут же, опустив голову на руки, дремал другой высокий офицер, оказавшийся адъютантом командира полка. Командир полка с орденом Святого Георгия и знаком Кубанского похода поднял на нас глаза и, видимо, обрадовался: «А, артиллеристы... Ну, слава Богу, теперь мы не одни». Мы узнали, что командир полка только что женился на сестре полка и проводил теперь «свадебное путешествие» в виде похода против армии Буденного! Кто-то принес болгарского вина, и мы угостили корниловских офицеров и выпили за здоровье

и за счастье молодоженов. Вино немного подняло настроение, и так не хотелось выходить на холод...

Офицер конвоя, поручик Максимов, еще в Мелитополе получил поручение отвезти всех жен и подруг офицеров конвоя в Крым. На платформе станции остались: офицер конвоя — капитан Виденьев, — командир пулеметного взвода, несколько офицеров из вновь сформированного Запасного Корниловского полка и мы — артиллеристы конного взвода. Командир конвоя — капитан Белевич, — вскакивая в поезд, кричал, что он «тотчас же вышлет нам подкрепление»... Было неудобно, даже стыдно: ведь все это бегство начальства происходило на глазах солдат конвоя и артиллерийского взвода.

Общее положение понемногу выяснялось: Конная армия Буденного дебуширует (выходит на открытую местность) с Каховского плацдарма на восток к Сивашу, к железной дороге на Чонгар и на северо-восток, в тылы Первой армии и всего нашего фронта в Северной Таврии. Наши главные силы уже оставили участки фронта на севере Таврии. Генерал Кутепов где-то в районе Серагоз составил ударную группу из дроздовцев, корниловцев, марковцев и конницы генерала Барбовича и постепенно отходит на юг к Сивашу и к Крымскому перешейку. Чтобы защитить отходящие из Мелитополя в Крым поезда, в направлении Каховки был брошен конвой генерала Кутепова с нашим конно-артиллерийским взводом и не закончивший формирование Запасный Корниловский полк, составленный из нескольких сот советских военнопленных под начальством корниловских офицеров и унтер-офицеров.

От бессонной ночи и выпитого вина стало еще холоднее, когда мы вышли к батарее. С глухим ворчанием толпы корниловцев строились в походную колонну. Капитан Виденьев с конным конвоем подчинялся теперь командиру конно-артиллерийского взвода, как его прикрытие; но капитан Соломон¹⁵⁵ был этому, видимо, не рад и ежился от холода и нервного состояния.

Пехотная колонна и наш конно-артиллерийский взвод под прикрытием конвоя медленно двинулись на запад, к Аскании-Нова, навстречу Конной армии Буденного. Степь промерзла, колеса и щиты орудий дребезжали. Издалека с северо-востока доносилась орудийная стрельба. За гребнем показалась церковная колокольня села Михайловка. Через час мы были уже в селе, за домами слышалась редкая, но близкая стрельба.

Когда мы доехали до церковной площади, Березовский¹⁵⁶ снял орудия с передков и собирался было тянуть телефон на колокольню, но потом влез на ящик, дал орудиям приблизительное направление, так как за домами ничего не было видно, и начал командовать прицелы. Было ясно, что он стреляет наугад. Наши передки стояли на «ближнем отъезде», тут

же стояли и наши поседеланные кони. После нескольких наших очередей гранатами советская батарея дала очередь гранат прямо по церкви, и эта очередь роковым образом разорвалась на нашей батарее. Капитан Березовский упал с ящика на землю и застонал, раненный осколком в бедро. Несколько лошадей было ранено. Пока перепрягали раненых лошадей и Златковский¹⁵⁷ грузил Березовского на подводу и направлял ее назад, в тыл, на Чонгар, я стал на место командира и продолжал стрельбу по невидимому противнику.

В это время командир Запасного Корниловского полка подъехал к батарее и приказал немедленно сниматься и отходить к мельницам. Наши ездовые, чувствуя беду, подали передки, как черти, в галоп. Стрельба продолжалась и слышалась то справа, то слева, за домами. Когда мы поднялись на косогор к мельницам, картина стала ясной: широкие лавы Конармии Буденного обогнули Михайловку с трех сторон и двигались для решительного сабельного удара. За первыми лавами видны были колонны советской конницы, конные батареи и пулеметные тачанки. Это была какая-то «мамаева орда», растянутая по всему горизонту...

Около мельниц, на косогоре, в шеренгу вытянулся наш конвой в белых бескозырках, пулеметная команда и командир 4-го Запасного Корниловского полка с молодой женой и двумя ординарцами. Капитан Соломон и капитан Виденьев были в седлах. Мы со Златковским, не дожидаясь распоряжений, сняли орудия с передков и сами сели за панорамы. Из номеров остались при орудии 3—4 человека, остальные разбежались по хатам. Мы открыли огонь и били по первой конной лаве настолько быстро и точно, что сбивали уже начинавшуюся конную атаку. Но в это же время наше прикрытие, цепи 4-го Запасного Корниловского полка, частью разбежались, частью втыкали штыки в землю и поднимали руки.

Советская конная лавы пошла влево в балку и оттуда готовилась в атаку на батарею. Наши пушки подпрыгивали все чаще и сбивали порыв красных. Красные лавы открыли оружейный и пулеметный огонь. Капитан Соломон подскочил к орудиям на своей английской кобыле и закричал с искаженным лицом: «Уходите назад! Быстро!» Я обернулся — командира полка уже нет. Кутеповский конвой, под командой капитана Виденьева, через наши головы дает нестройные залпы по красной коннице, затем поворачивается и галопом уходит назад. Мы остаемся одни. Я вызываю передки. Оставшиеся пушки уходят галопом. Подбегаю к своей лошади, ставлю ногу в стремя, и вдруг седло с неподтянутой подпругой скользит под брюхо лошади. А красные конники уже близко. Конь горячится и рвется за своими. Пальба идет со всех сторон. Конвойные пулеметчики, уходя, садят из своих пулеметов по красным, не считаясь с

нами впереди. Я не могу одной рукой надеть седло, а другой удерживать рвущуюся изо всех сил лошадь. «Пропал!» — мелькает мысль... Тут мой ординарец, из мелитопольских рабочих, увидев мое положение, подбегает, не обращая внимания на град пуль. Он мне кричит: «Мне ничего не будет... я укроюсь... а вам...» — и помогает мне сесть в седло, а сам, пригнувшись, бежит к ближайшим домам. Я хочу поднять коня в галоп, но конь ранен и еле идет рысью, припадая на заднюю ногу. Я все же догоняю орудие. Оно облеплено нашими пулеметчиками и корниловцами и еле движется. Отставшие пулеметчики кричат отступающим: «Не бросайте нас!» Но что мы можем сделать?

Когда я выскочил из сферы оружейного и пулеметного огня, я оглянулся: части Конармии у Михайловки перестраивались в колонны и поворачивали на север. Я хотел пустить по колоннам несколько гранат, но передумал и поскакал дальше на восток. Как-то машинально я снял с передка зарядного ящика кем-то брошенную драгунскую винтовку и сунул в карман пачку патронов.

Не прошло и нескольких минут, как чуть правее, впереди нас, выскочила обошедшая нас конная группа красных, так близко, что были видны их лица и клинки выхваченных шашек. Они скакали на нас с криком, наскочили на повозки, на пулеметчиков, на бегущих обезумевших пехотинцев. Я повернул полуоборотом на север, орудие неслось сразу за мной. Я видел, что орудие Златковского тоже уходит, параллельно со мной, левее.

Несмотря на холод, мне стало жарко, пот выступил на лбу. Я вспомнил свои марковские капитанские погоны — черного бархата с золотыми буквами «Г.М.». Мозг работал отчетливо и логично: «Погоны вшиты и их нельзя сорвать... Сейчас прискачут вплотную, и если не убьют сразу, то заберут в плен и после издевательств расстреляют. Что делать? Конечно, надо застрелиться... Попробуй, можешь ли упереть винтовку в подбородок». Я беру драгунку. Слава богу, рука достаточно длинна, чтобы спустить курок, если ствол упирается в подбородок. Но надо еще попробовать, действует ли боек, стреляет ли винтовка... Целю в ближайшего советского всадника. Выстрел и отдача в плечо. Стреляет. Все в порядке. Орудие меня уже догоняет... Мой раненый конь шатается и еле движется дальше. Советские насакивают на орудие прямо к первому уносу. Ездовой-фейерверкер Винников стреляет из своего «бульдога» в первого всадника. Другие налетевшие его рубят. Параллельно со мной, в десятке метров, скачет советский конник, стреляет в меня из нагана и что-то хрипло кричит... Вероятно: «Сдавайся, офицерская белогвардейская сволочь!» В это же время приближаются ко мне двое других. Один — черный, усатый, в красном башлыке, все время бьет из нагана, другой — с

обнаженной шашкой... Теперь работает уже не мозг, а только инстинкт: «Подпусти их ближе». Башлык и черные усы уже в нескольких метрах... Снова отдача в плечо, и красный башлык виден уже под ногами скачущей лошади. Поворачиваюсь в другую сторону, придерживаю коня, целю в другого конника и стреляю, как по мишени. Его нет, лошадь стоит одна, свалился... В стволе драгунки больше нет патрона, я вспоминаю пачку, засунутую в карман. Успеваю вынуть обойму, вгоняю патрон в ствол драгунки и поднимаю ее на третьего противника. Он близко, совсем близко от меня, но не пытается ни стрелять, ни рубить, а кричит: «Не стреляй, не стреляй!» Я не стреляю. Он поворачивает и скачет в сторону. Очевидно, как я потом думал, он видел, повернувшись ко мне и расстреляв на скаку весь барабан своего нагана, как я сбил из винтовки двух его товарищей, и хотел спасти свою жизнь, поняв неравенство боя с наганом против винтовки.

В это время лошадь усатого конника, сбитого мною, выбежала на узкую межу и пошла рядом. Как это было вовремя! Мне осталось только бросить свои стремяна, схватить ее повод и перекинуться на красноармейское седло. Лошадь после погони была в мыле, но отлично скакала дальше. Красные всадники преследовали меня и что-то кричали. Но теперь расстояние между нами все увеличивалось.

Скоро впереди показалась далекая железная дорога, по которой один за другим катили поезда от Мелитополя к Чонгару — в Крым... Ужас! Беженцы и не подозревали, что эскадроны Буденного режут дорогу к Чонгарскому мосту. Мне навстречу шли сотни людей в военных шинелях, без оружия, группами и в одиночку. Очевидно, это были солдаты наших запасных частей, шедшие теперь сдаваться в плен красным. На вопросы они не отвечали.

Через полчаса я переехал полотно железной дороги и ехал уже спокойной рысью в направлении Арабатской Стрелки. Вскоре показался Сиваш. Вокруг все было тихо. Солнце уже садилось, и воды Сиваша, мертвые и холодные, блистали в косых лучах заката, как гигантское зеркало. Трудно передать охватившее тогда мою душу чувство. Какой прекрасной казалась жизнь — прошедшая и будущая...

Уже в районе Геническа мне удалось догнать конвой и уцелевших артиллеристов. Все, особенно капитаны Виденьев и Соломон, были рады меня видеть, ведь они были уверены, что буденновцы меня зарубили. Им было трудно поверить моему рассказу о схватке с буденновцами — настолько она казалась фантастичной. Однако красноармейский конь подо мной с переметными сумками советского драгунского седла был негласным свидетелем и доказательством моей схватки с советскими кавалеристами. На фоне паники, отступления и даже бегства начальство

конвоя раздуло перед генералом Кутеповым этот эпизод схватки с Кон-армией Буденного. Командир конвоя капитан Виденьев выделил меня среди других офицеров конвоя и позже, в Галлиполи, принудил меня принять пост командира офицерского взвода конвоя генерала Кутепова, хотя я там был самым молодым.

В Чонгаре мы переночевали, и на следующий день уцелевшие конвойцы, под командой капитана Виденьева, двинулись в направлении Джанкоя, где надеялись узнать всю обстановку. Эти дни вся Первая армия была отрезана в Таврии от Крыма. На Перекопском валу укрепился отступивший от Чаплинки генерал Витковский, а на Чонгаре, у моста, находился сам генерал Врангель с бронепоездом и с юнкерами, корниловцами¹⁵⁸ и константиновцами. Только после упорных двухдневных боев части Первой армии, под командой генерала Кутепова, прорвались к Чонгару, а генерал Пешня привел остатки Марковской дивизии и другие уцелевшие части к Арабатской Стрелке.

Через несколько дней конница генералов Абрамова и Гусельщикова (Донская дивизия) подошла с Бердянского направления к Чонгару, опрокинула Конную армию Буденного, прижав ее к Сивашу, и захватила десятки орудий. Но эта блестящая победа не могла изменить положения, а только давала белым возможность выиграть время... Дух Белой армии был подорван непрерывными тяжелыми боями и отступлением на исходные позиции — за Перекопский вал и за Сиваш. Слухи о погрузке на пароходы начинали преобладать, окончательно подрывая боевой дух. Даже генерал Туркул с Дроздовской дивизией не удержался на западной части Сиваша у Перекопа.

Подготовленные специально для штурма Перекопа красные дивизии: 51-я Московская, имени Ленина, 15-я и 52-я, имея в резерве Латышскую дивизию и конную группу, после сильной артиллерийской подготовки штурмовали Перекопский вал. Однако наша артиллерия отбила все атаки на вал. Красные понесли большие потери при этом штурме, и главковерх Фрунзе, произведя перегруппировку, бросил главную массу своей пехоты в обход, в брод через маловодный тогда Сиваш — на Татарский мыс, на хутор Караджанай. На Татарском мысе сидели кубанцы — старики из отряда генерала Фостикова, недавно эвакуированные из Грузии, почти без пулеметов и без артиллерии.

В ночь на 3 ноября красные части атаковали Татарский мыс, потеснили кубанцев и начали продвигаться вдоль Сиваша в тыл Перекопского вала. Генерал Кутепов поручил генералу Туркулу собрать дроздовцев у восточной части Перекопского вала и начать контратаку вдоль берега Сиваша к Татарскому мысу. Главковерх Фрунзе бросил на Татарский мыс все резервы фронта.

Дроздовцы — изможденные, голодные, промерзшие — три дня удерживали красных у Караджаная, но потом начали сдавать. Марковская дивизия не поспевала к месту боя с Арабатской Стрелки. Конный корпус Барбовича не смог развернуться на узком фронте и понес большие потери от пулеметного огня. У генерала Врангеля в резерве были еще казачья конница, переправившаяся через Чонгарский мост, и юнкерские училища, но он не хотел рисковать этими последними резервами, необходимыми для прикрытия отхода.

Исчезла вера в победу. Все, кто мог, отступали теперь на юг — на Севастополь, на Керчь, на Балаклаву. Мы, уцелевшие артиллеристы и конвой, сопровождали поезд генерала Кутепова до Бахчисарая. Симферополь проходили ночью. В городе слышалась стрельба, и из боковых улиц доносились крики о помощи: кто-то грабил жителей. Ночью мы в конном строю прошли перевал и проехали Долину роз. Рядом со мной всю дорогу скакала молоденькая жена капитана Виденьева — стройная, лихая наездница, одетая в черкеску.

Утром мы достигли Бахчисарая. Там получили приказ садиться в поезд генерала Кутепова и провожать его на Севастополь. Надо было бросать коней. Я привязал свою красноармейскую лошадку к изгороди, насыпал ей полную торбу овса и поцеловал ее, спасшую меня от верной гибели, в морду: «Прощай...»

В Севастополе, 14 ноября, мы проводили генерала Кутепова на пароход «Херсон». Марковская бригада грузилась рядом на «Саратов». Уже с парохода мы в последний раз кричали «Ура» генералу Врангелю, отъезжавшему от Графской пристани. Так закрывалась последняя страница ныне полузабытой эпохи начала борьбы с большевизмом, в коей нам, последним юнкерам Российской Империи, довелось принять участие.

Прошло много лет, но мы, старые первопоходники-корниловцы, бывшие михайловцы и константиновцы, будем всегда с благодарностью помнить все пережитое тогда. И мы ни о чем не жалеем: ни о нашей пролитой крови, ни о бесчисленных жертвах, принесенных Родине... Так повелела судьба.

*Э. Гуацинтов*¹⁵⁹

В КРЫМУ ПРИ ВРАНГЕЛЕ¹⁶⁰

Наконец настал октябрь месяц 1920 года, и было предрешено, что мы должны опять отступать. После переходов мы очутились в городе Геническе. Это небольшой город, который расположен на севере Арабатской Стрелки (узкая полоска дорог между двумя морскими залива-

ми, я думаю, что не больше чем с полверсты шириной, ничем не занимаемая и предоставленная ветрам и всяким действиям природы).

Мы расположились в Геническе и, кажется, оказались единственной воинской частью, находящейся в этом городке. Не помню точно, сколько нас было человек, но в общем довольно-таки мало. Красные в один далеко не прекрасный день подошли к Геническу, и нас послали в пехотную цепь. Мне дали какой-то участок (не помню уже какой), и было в моем подчинении человек, наверное, двадцать—двадцать пять, по большей части офицеры. Красные подошли поздно вечером к самому Геническу и открыли огонь. Мы отвечали им слабым ружейным огнем, так как орудий у нас никаких не было. К утру нам было приказано по Арабатской Стрелке идти обратно в Крым. Это был ужасный переход: много повозок, беженцы, погода, можно сказать, морозная. Долгое путешествие по этой Арабатской Стрелке пешком, около телег, на которых находился наш скудный скарб. Нас сменила какая-то пехотная часть Белой армии, и мы двинулись в путь. Этот путь был ужасен: ветер дул со всех сторон, изредка попадались дома, которые были наполнены беженцами и отступающими войсками, так что редко удавалось протиснуться внутрь, чтобы хоть как-нибудь согреться. Этот бой у Геническа был последний в моей жизни. Больше мне уже не приходилось активно участвовать в боях.

Шли мы по этой ненавистной Арабатской Стрелке четверо суток и, наконец, добрались до Крыма и вступили в город Симферополь, откуда начали свое наступление к Перекопскому валу. Надо упомянуть, что, когда нами командовал генерал Врангель, он предпринял высадку на Кавказ. Туда были посланы некоторые войска, в том числе и юнкера Кубанского военного училища (бывшего Киевского пехотного), в котором курсовым офицером был муж моей сестры Лоссков. Они благополучно высадились на Тамани — это окраина Кубани или, вернее, Новороссийского края, которая выходит к Черному морю, и начали наступление. Но не были поддержаны казаками, на что рассчитывал барон Врангель, послав этот экспедиционный корпус, понесли большие потери и вернулись в Крым. Полковник Лоссков был тяжело ранен, и, когда его привезли обратно в Крым, он в Крыму умер. А в это время Катя, моя сестра, приехала его навестить из Белграда, то есть из Сербии. И ей сказали, что напрасно она приехала, но, слава богу, она очень скоро уехала обратно в Белград и не попала в нашу общую эвакуацию, когда мы вообще покинули Россию.

Раздел 2

М. Левитов¹⁶¹

КОРНИЛОВЦЫ В ПОСЛЕДНИХ БОЯХ¹⁶²

2, 3 и 4 сентября (ст. ст.). Строевые занятия и лекции митрополита Антония.

Состав 2-го Корниловского ударного полка¹⁶³ после пополнения: офицеров и солдат в строю — 1303. В хозяйственной части — 158. Всего 1461. Казенных лошадей в строю — 107, в хозяйственной части — 20. Повозок в строю — 17, в хозяйственной части — 10. Без чего полк не может тронуться. Обывательских лошадей в строю — 220, в хозяйственной части — 48. Обывательских повозок в строю — 110, в хозяйственной части — 20. Подводчиков на довольствии — 130 человек. Рогатого скота — 50 голов.

С 5 по 20 сентября. Строевые и тактические занятия, стрельба боевыми патронами по мишеням. Лекции армейского проповедника и приезд труппы артистов во главе с Павлом Троицким. 3-й Корниловский ударный полк¹⁶⁴ из самого слабого превратился в самый многочисленный благодаря широкому гостеприимству пленных. Его состав определялся числом гораздо больше 2 тысяч штыков, 1-й Корниловский ударный полк тоже имел более 3500 штыков. Самым трудным было пополнение пулеметных команд: пулеметов было достаточно, но выдавались они хорошо подготовленным командам. В противном случае они были только обузой, лишним грузом.

* * *

Итак, Корниловская ударная дивизия свои громадные потери под Каховкой пополнила, но по качеству она была уже не той, $\frac{3}{4}$ ее состава были бывшие красноармейцы. Своим поведением во время занятий и несения служебных обязанностей они внушали доверие, но среди них были и такие, что всюду шли просто за сильным, не вдаваясь в оценку общей обстановки. В дальнейшем при оценке боевых качеств Корниловской ударной дивизии необходимо принимать все это во внимание.

Общая обстановка дела нашей борьбы, по-видимому, отвлекла Главное командование Русской Армии от контроля над крупными операциями, а потому атаки Любимовки и Каховки превратили Корниловские ударные полки в роты. Но, несмотря на это, значение пролитой здесь русской крови было велико. С окончания атаки на Каховку, 24 августа и до 14 октября, когда началось общее наступление красных, гарнизон Каховки сидел довольно смирно и все укреплял плацдарм. Это дало командованию Русской Армии возможность произвести заднепровскую операцию и с достоинством покинуть Родину перед во много раз превосходящими нас силами красных. В дальнейшем, при отступлении из Таврии в Крым, Корниловская ударная дивизия встретится с 51-й стрелковой дивизией только на Перекопе, где характер наших арьергардных боев уже находился под впечатлением приказа об эвакуации.

Заднепровская операция

Для более объективной оценки действий Корниловской ударной дивизии в этой операции я буду чередовать тексты из книги «Корниловский ударный полк» и из журнала боевых действий 2-го Корниловского ударного полка, добавляя и уточняя со своей точки зрения командира полка кажущиеся недочеты.

Каховский плацдарм создавал постоянную угрозу всему тылу Русской Армии. Генерал Врангель решил форсировать Днепр и, очистив от красных его правый берег, закрепиться на нем. Но для того чтобы приступить к заднепровской операции, необходимо было предварительно обезопасить северный и восточный участки своего фронта. Для этого генерал Врангель разделил всю Русскую Армию, общей численностью в 25 тысяч штыков и 8 тысяч шашек, на две армии. Во главе 1-й армии остался генерал Кутепов, а 2-ю был назначен возглавлять генерал Драценко. Генералу Кутепову было приказано разбить восточную и северную группы красных, после чего генералу Драценко — произвести заднепровскую операцию. В течение сентября 1-й и Донской корпуса, входившие в состав 1-й армии, свою задачу выполнили блестяще. Они не только разгромили противника, но и выпрямили свой фронт от Мариуполя до Кичкасской переправы. Для заднепровской переправы руки были развязаны. Форсировать Днепр было решено в двух местах: в районе Никополя и в районе Александровска. Для переправы у Александровска были выделены из 1-й армии Корниловская ударная дивизия. Марковская пехотная и Кубанская казачья генерала Бабиева дивизии. 21 сентября 1-й и 2-й Корниловские ударные полки были погружены в эшелоны и направлены в город Алек-

сандровск. 3-й полк со всеми обозами дивизии двинулся туда же походным порядком. Александровск жил нервной, напряженной жизнью. Он постоянно обстреливался тяжелыми снарядами, летевшими с правого берега Днепра. Глубокой ночью Корниловские полки выгрузились на городской станции и разошлись по квартирам. Против города, посередине Днепра, тянется верст на десять остров Хортица, покрытый густым кустарником и лесом и отделенный от правого берега Днепра неглубоким рукавом Речище, шириной в 40—50 метров. Остров обороняли марковцы, неоднократно отбивая атаки красных. 23 сентября на острове собрали начальствующих лиц Корниловской ударной дивизии, чтобы на месте разобрать план переправы через Речище. Рассмотрев через кусты характер берега, все уселись на одной полянке и уткнулись в карты, выбирая места для батарей и батальонов перед атакой. Ветер подхватил у кого-то разворачиваемую карту, и белый лист мелькнул над кустами. Сразу же у красных затрещал пулемет и на головы посыпались срезанные ветки. Все убедились в бдительности противника днем. Было решено с наступлением темноты перевести на Хортицу по понтонному мосту всю Корниловскую ударную дивизию и артиллерийскую бригаду и в ту же ночь разведчикам отыскать брод и отметить его вехами, чтобы по ним вести штурмующие колонны. Перед намеченным бродом поставить две батареи так, чтобы можно было бить по неприятельским окопам. Начало атаки было назначено на 5 часов утра.

О том же по журналу боевых действий 2-го Корниловского ударного полка.

В 14 часов 21 сентября полк выступил со станции Федоровка и погрузился в эшелон. В 20 часов эшелон отошел в город Александровск. Боевой обоз направлен походным порядком.

22 сентября. В 2 часа полк прибыл на вокзал города Александровска. В 12 часов выгрузился и разместился по квартирам в южном поселке, что возле вокзала и к востоку от него. В 18 часов смотр полка корпусным интендантом.

23 сентября. Ночь прошла спокойно. В 18 часов был отслужен молебен, на котором присутствовал командир корпуса генерал Писарев. Молебен был перед иконой Божией Матери Курской-Коренной. С этой иконой, очень чтимой в России, у корниловцев связано много радостных и тревожных воспоминаний. Эта икона поочередно пребывала полгода в городе Курске и полгода в монастыре Коренная Пустынь. Оба эти пункта Корниловская ударная дивизия проходила при наступлении на Орел и при отступлении, в последнем случае сначала через монастырь, а потом

через город. До сего времени неизвестно, почему при нашем отступлении икона не была вывезена и осталась в монастыре. Но после нашей новороссийской эвакуации два монаха доставили ее через красный фронт в Крым, и поэтому теперь корниловцы молились перед ней. Состав дивизии на $\frac{2}{3}$ был из пленных, и меня поразило, с каким религиозным подъемом они молились. Их поведение в заднепровской операции показало, что молитва их была за дарование победы нашему христолюбивому воинству, доказав это в последующих боях. Вечером командный состав дивизии был приглашен на чашку чая генералом Писаревым, где мы ближе познакомились с ним.

24 сентября. Рекогносцировка острова Хортица ввиду предстоящего форсирования рукава Днепра — Речица начальствующими лицами до командиров рот включительно.

Продолжение по книге «Корниловский ударный полк».

Ночью остров Хортица оживился. Разговоры вертелись вокруг предстоящего купания. В одной яме собрались Скоблин¹⁶⁵, Гордеенко¹⁶⁶, Челядинов¹⁶⁷ и поручик Федоров¹⁶⁸, командир 3-го батальона, на которого пал жребий переправляться первым. Все изощрались в острогах над Федоровым, давая ему счастливые советы, как делать по воде перебежки и чем укрываться от пуль. Около деревьев понуро дремали оседланные лошади. Стояли тачанки с пулеметами, за обрывом длинной лентой тянулись пушки и зарядные ящики. Мулы уткнулись в торбы, раздавался мерный хруст. «Ваше Превосходительство, — доложили Скоблину, — орудия у переправы готовы: наведены и заряжены». Скоблин посмотрел на часы — время тянулось медленно... В 4 часа 30 минут Скоблин приказал приготовить людей и разбудить всех, кто спит. Корниловцы вставали, потягивались, по телу пробегала мелкая дрожь. К 5 часам густой колонной, без кашля и стука винтовками, 3-й батальон подошел к реке. «Ну, ребята, вперед!» — сказал Федоров, и одновременно по цепочке побежала команда к батареям: «Огонь!» Пушки заревели. Батальон пробежал песчаную отмель и около самой воды вдруг остановился: не было никакой вехи. Разведчик ошибся и повел батальон не к тому месту. Командир полка полковник Гордеенко выругался и приказал тут же бросаться в воду. Через короткое время весь 1-й полк был уже на правом берегу Днепра. Оттуда уже доносились голоса: «Батарея — влево и дальше...» 3-й и 1-й батальоны с двух сторон ворвались в колонию Нижне-Хортица и без боя забрали в плен полк красноармейцев, беззаботно спавших по избам. С такой же легкостью пешие разведчики взяли в плен роту красных, стоявшую в заставе на кургане. Беспорядочные выстрелы красных

прекратились, батарея, по-видимому, снялась с позиции, 1-й полк, выставив сторожевое охранение, стал поджидать переправы остальных полков. Чины 2-го полка перешли вброд, навесив свои брюки и сапоги на штыки, а 3-й полк вышел из воды совсем сухим, ему было разрешено переправиться на крупах лошадей Кубанской дивизии генерала Бабиева. К переправе подъехал генерал Кутепов. Узнав, что 1-й полк уже занял Нижнюю Хортицу, генерал Кутепов верхом переправился через брод и поблагодарил выстроившихся корниловцев за их лихую переправу.

Тремя колоннами потянулись корниловцы на запад. На рысях их обогнала Кубанская дивизия и скрылась из вида. Когда вечером корниловцы подходили к селу Орловка, севернее его, за селом Томаковка, были видны разрывы шрапнелей: генерал Бабиев отбивал тринадцатую атаку конницы Гая (2-я советская конная армия).

Продолжение о том же по журналу боевых действий 2-го Корниловского ударного полка.

25 сентября. В 20 часов 24 сентября был получен приказ по Корниловской ударной дивизии за № 030, от 24 сентября, 17 часов. В ночь на 25 сентября Корниловской ударной дивизии приказано форсировать реку Речище и атаковать красных, обороняющих колонию Нижне-Хортица, Разумовка, колонию Блюменгардт и развивать наступление далее в направлении деревни Томаковки, имея конечной целью занятие района деревень Томаковка и Анастасиевка. Задача: полку с 3-м Корниловским артиллерийским дивизионом приказано выступить из Александровска в 22 часа 24 сентября. К 4 часам 25 минутам сосредоточиться на острове Хортица, в затылок 1-му полку. С началом форсирования 1-м полком реки двинуться вслед за ним через реку Речища и быстро выйти на бугор с курганами, что над словом «Нижне» надписи колонии Нижне-Хортица (на 3-верстной карте), после чего наступать на колонию Блюменгардт (Капустяны) с целью обеспечить фланг 1-го Корниловского ударного полка во время его действий против колонии Нижне-Хортица и разбить противника, занимающего район колонии Блюменгардт (Капустяны), колонии Шенеберг. Сведения о противнике: на правом берегу Днепра, на участке против Кичкасской переправы и острова Хортица, расположена 3-я советская стрелковая дивизия. Ниже по течению реки — 85-я советская стрелковая бригада, части 2-й конной армии двигались из города Никополя на село Томаковка. Бригада курсантов находилась в резерве 3-й советской стрелковой дивизии, — ее положение не выяснено. Описание брода реки Речища: брод для переправы через реку Речища находился в юго-восточной оконечности острова Хортица. Глубина брода от

полутора метров до двух с половиной. Ширина 15—20 сажен, длина по фарватеру 20 сажен. Берега пологие и песчаные. Течение 2—3 версты в час. Ветер восточный, холодный. Переправляться пешим путем.

В 23 часа 24 сентября полк построился в южном поселке Александровска и двинулся по назначению, за 1-м Корниловским ударным полком. В 4 часа 25 минут полк подошел к месту переправы и, встав в затылок 1-му полку, залег. В 5 часов 3-й Корниловский артиллерийский дивизион, заранее выдвинутый к самой переправе, открыл очередями бешеный огонь по противнику. Сосредоточение полка на вышеозначенном месте и установка артиллерии на свои позиции противником обнаружены не были. Затем 1-й полк переправился на другой берег. Вслед за 1-м полком перешел вброд и наш 2-й полк и тут же, выйдя на берег с курганами, что в 2—3 верстах от колонии Нижне-Хортица, двинулся вправо от балки Капустяна. Колония Блюменгардт занята без боя. Противник быстро отступил на юг и запад. В 10 часов полк вошел в Блюменгардт и, подождав боевые обозы, двинулся на Шенеберг. По ранее полученным сведениям, колония Шенеберг была оставлена большевиками, и полк вошел в нее без боя. В 15 часов полк выступил в дивизионном резерве за 1-м полком на село Томаковка, которое занималось противником. В 20 часов полк прибыл в хутор Котельник и остановился на ночлег в восточной части, а западную занял 1-й полк и штаб дивизии. Потери 2-го полка: при переправе утонул один ударник. Переход — 40 верст.

Продолжение по книге «Корниловский ударный полк».

От перехваченных по дороге красноармейцев генерал Скоблин узнал, что из города Никополя навстречу корниловцам двигается 1-я советская стрелковая дивизия. Оставив в Орловке 2-й Корниловский ударный полк для заслона Кубанской дивизии, 3-й Корниловский ударный полк отправил в Томаковку и поехал туда сам. Генералы Скоблин и Бабиев решили завтра, 26 сентября, совместными силами атаковать конницу Гая, отходившую главными силами к югу, в село Анастасиевка. Красные предупредили атаку. С утра со всех сторон начался ружейный обстрел Орловки. Небольшие конные разъезды маячили по буграм, то подскакивая к селу, то быстро скрываясь из вида. От одного захваченного разъезда была выяснена обстановка: Корниловская дивизия была окружена конницей Гая, ее разъезды перехватили часть корниловских обозов и порубили телеграфный взвод штаба дивизии. День прошел в неопределенном положении. Из Томаковки доносилась стрельба, Гай продолжал атаковать кубанцев. Когда день уже клонился к вечеру, из-за бугра выскочили три эскадрона красных и поскакали вниз, к селу, на отдельно стоявший в сторожевом

охранении 1-й батальон 2-го Корниловского ударного полка. Одновременно из балки выехали в тыл батальону три броневика и начали из пулеметов косить корниловцев. Из резерва бросились на выручку остальные батальоны полка, а Корниловские батареи сосредоточили огонь по красным, но кавалеристы все же успели врубиться в сомкнувшиеся роты. Командир батальона капитан Трофимюк¹⁶⁹, обливаясь кровью от сабельных ударов, с револьвером в руках пробился сквозь всадников, но 68 корниловцев было зарублено или уведено в плен. На поле боя осталось убитыми до 200 красных. У многих кавалеристов в застывших руках были зажаты трофеи: черно-красные корниловские фуражки. На выстрелы из Томаковки примчался на тачанке генерал Бабиев, за ним шла на помощь вся его дивизия. Принцип взаимной выручки генерал Бабиев соблюдал свято. Оба начальника дивизий, генерал Скоблин и генерал Бабиев, совместную атаку села Анастасиевка отложили на следующую ночь. В Анастасиевку втянулись две дивизии Гая. Корниловцы должны были атаковать село, а кубанцы — отрезать красным путь отступления.

Продолжение о том же по журналу боевых действий 2-го Корниловского ударного полка.

26 сентября. Ночь прошла спокойно. На рассвете авангард конницы противника стремился сбить наши сторожевые заставы 4-го батальона с высот, что восточнее разъезда Орловка и к югу от железной дороги. Огнем застав батальон отбросил противника. К 10 часам полк был подтянут к разъезду Орловка и занял позицию по высотам, 3-й батальон фронтом на юг. Весь день противник большими силами вел атаки на участок полка, стараясь охватить нас с флангов, но удачными маневрами батальонов и энергичными действиями артиллерии противник бывал вынужден с потерями отходить назад.

В 18 часов противник перешел в решительное наступление по всему фронту полка и одновременно с этим три броневика скрытно спустились по балке почти к полотну железной дороги и, зайдя в тыл 1-му батальону, открыли по нему ураганный огонь, а три эскадрона кавалерии, внезапно выскочившие из балки, повели быструю атаку во фланг. Батальон, ясно сознавая безвыходность своего положения, стал упорно защищаться. Но назойливый противник, невзирая на наш огонь, врзался в ряды батальона, и начался рукопашный бой. Наша артиллерия была сосредоточенным огнем по броневикам, подбила один из них и заставила скрыться два других. Подошедшие на выручку 4-й, 3-й, 2-й и офицерский батальоны своими решительными действиями быстро опрокинули противника и, преследуя его артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем,

обратили его в бегство на юг. Около 20 часов, оставив 3-й батальон с одним орудием в сторожевом охранении, полк отошел в село Катешино на ночлег. В этом бою необыкновенное мужество и храбрость проявил помощник командира 1-го батальона есаул Колесников, который с револьвером в руках отбивался от красных до подхода наших резервов, получив 18 шашечных ударов. Потери 1-го батальона: 21 убитый, 15 раненых и 35 пленных. Ввиду ожесточенности противника, в плен красных не брали. Потери же полка, включая и вышеуказанные потери 1-го батальона, были около ста человек. Трофеи: один броневик и около 20 коней с седлами.

Мои впечатления о бое у разъезда Орловка. Участок, отведенный 2-му Корниловскому ударному полку для обороны в окружении нас 2-й конной армией Гая, охранялся 1-м батальоном, фронтом на восток, и 3-м батальоном, фронтом на юг. Промежуток между ними был в полторы версты. Три батальона были в резерве. Попытки противника с самого утра атаковать участок полка в разных местах заставили меня подтянуть мой резерв в три батальона с артиллерией к железной дороге, к переезду Орловка, и держать его, не переходя полотна линии железной дороги. Сам же я со своими ординарцами направился посмотреть на 1-й батальон, главное — на его настроение, так как после пополнения в Федоровке он на $\frac{3}{4}$ состоял из взятых в плен красноармейцев. Нажим красных на этот участок совпал с моим приездом туда. Красные усилили артиллерийский огонь по батальону, быть может, увидев мою группу в 10 коней, а потому я приказал отвести их за бугры. Огонь стал переходить в беглый. Настроение всех ударников было бодрым. Я тогда решил прервать свое наблюдение и отправился к резерву для выполнения своих обязанностей. Однако это было уже не так просто, беглый огонь красных по-кавалерийски сосредоточился как раз там, где были кони конвоя, и мой ординарец лишь с большим трудом смог подъехать ко мне. По дороге я увидел начало атаки трех красных броневиков и трех эскадронов в тыл и левый фланг 1-го батальона. Здесь наша артиллерия открыла огонь, и резерв полка под командой моего помощника полковника Бржезицкого уже выходил через полотно железной дороги на поле боя.

Несчастье 1-го батальона состояло в том, что мы за неимением при полках достаточно конных не могли освещать все скрытые подступы к нему, и противник удачно воспользовался этим. Три красных броневика заехали почти в тыл 1-му батальону, осыпая его градом пуль, а три эскадрона под их прикрытием шли в атаку на карьере прямо во фланг. Огонь красной артиллерии и броневиков был сконцентрирован на участке 1-го батальона и наносил сильное поражение собиравшимся в груп-

пы. Атаки кавалерии скоротечны и не представляют из себя затруднений, если поддерживаются таким огнем, как в данном случае. Не прошло и пяти минут, как все смешалось в общей схватке. Кавалерия рубила, а наши отбивались, пробиваясь навстречу нашему резерву. Полного успеха у красных не было, так как один броневик был подбит нашей артиллерией, а другой, тоже подбитый, был взят третьим на буксир, и таким образом они уже не могли помочь своей кавалерии уничтожить крупные группы наших отступавших. Красные рубили только тех, кто до этого был ранен или не успел присоединиться к большим группам. Но и из таких одиночек были исключительные герои, и первое место среди них принадлежит есаулу Кубанского войска Колесникову, помощнику командира 1-го батальона. Пока у него были патроны для нагана, он отбивался выстрелами, получая все же легкие шашечные удары, но когда патроны кончились и охотники за ним это подметили, тогда дело пошло хуже. Сначала кто-то ранил его выстрелом, и он упал, потеряв сознание. Придя в себя, он видит такую сцену: стоят перед ним два кавалериста, один собирается вскочить на коня, а другой хочет его «рубануть». Есаул Колесников напрягает все свои силы и правой рукой хватает шашку красного прямо за клинок, а тот спокойно крутит ее и еще приговаривает: «Отпусти, сволочь, все равно зарублю». Но на все воля Божия, которая чудесным образом решила здесь судьбу двух бойцов. Получилось так, что красный кавалерист не обратил внимание на то, почему его товарищ удрал, и спокойно разворачивал клинком ладонь мужественному есаулу Колесникову. Эта семнадцатая рана, нанесенная есаулу, повернула боевое счастье в другую сторону: перед идущими в контратаку нашими тремя батальонами неслись на тачанках наши пулеметы и впереди них — команда конных телефонистов с ее начальником капитаном Бешеновым¹⁷⁰, которая как раз подлетела к месту казни есаула Колесникова. Красный стрелой вскочил на коня и бросился в первый свободный проход, но он оказался для него западней: он скакал между нашими идущими резервами и навстречу головной части конной дивизии генерала Бабиева. Наши лихие конные телефонисты преследовали его, около полотна железной дороги он почему-то бросил коня и думал было укрыться среди шпал, наложенных здесь в большом количестве, но оказался близко около полковника Бржезицкого¹⁷¹, который и уложил его выстрелом. Есаул Колесников поправился, в эмиграции отработал 25 лет на заводе Рено в Париже, имеет сына, инженера-химика. Скончался 27 марта 1972 года в Париже. Мой внук, глядя на его изуродованную ладонь и на следы шашечных ударов, спрашивал, как он не умер от такой боли? В ответ на это я рассказал внуку историю ранения есаула Колесникова в первую Великую войну на турецком фронте, когда турок загнал ему в мягкие части тела

свой штык и там его оставил, и как при общем сочувствии казаков этот штык тут же вытянули. Сам же есаул Колесников все время был здоров и только в глубокой старости стал прихварывать. Его спаситель, капитан Бешенов, тоже жив и под старость купил себе дом недалеко от Парижа и занимается небольшим хозяйством и рыбной ловлей. Полковник Бржезицкий, достойно наказавший современного защитника «равенства, братства и свободы своей интернациональной диктатуры пролетариата», до глубокой старости жил в старческом доме на юге Франции, где и скончался.

Что касается всего состава 1-го батальона, включая и его молодых ударников из пленных, то они, во главе со своим командиром батальона капитаном Трофимюком, выполнили свой воинский долг. Это относится и к попавшим в плен, которых мы на следующий день отбили, всех 35 человек, и я не поставил им это в вину, так как этот короткий своеобразный бой, где они храбро защищались, ошеломил их, а сила огня машин и ужас рубки обезоружили их. В следующих боях они вели себя как старые корниловцы. Ни с чьей стороны в этом бою я не видел упущений, в пределах наших возможностей и здесь мы сделали все от нас зависящее. От Буденного, под Ростовом-на-Дону, и до Жлобы, — все были жестоко наказаны нами за дерзость упорных атак на корниловцев. Данный бой я считаю простым лихим налетом противника, обошедшимся красным дорожке, чем нам. Жаль только было, что этот бой потревожил конную дивизию генерала Бабиева, который и на этот раз показал, что он по-старому свято хранит чувство взаимной выручки в бою.

Привожу выдержки из письма командира 6-й батареи Корниловской артиллерийской бригады, стоявшей в момент атаки на позиции за левым флангом 1-го батальона 2-го Корниловского ударного полка. Командиром 6-й батареи тогда был доблестный полковник Гетц Викентий Иванович¹⁷², мой однокашник по Виленскому военному училищу, по окончании которого он вышел в артиллерию. Его батарея была дежурной и стояла на позиции. Противник и ее не оставил в покое и открыл по ней ураганный огонь. По словам полковника Гетца, столбы дыма и земли от взрывов прямо на батарею сначала лишили ее возможности открыть огонь, но потом она могла все же полностью разбить один броневик красных, а другой только подбить, и его увез третий броневик на буксире. На батарее были значительные потери.

27 сентября. По журналу боевых действий 2-го Корниловского ударного полка. Ночь прошла спокойно. Обстановка на фронте: разбитый противник отступил на юг и силой не менее 1500 коней, с одним бронепоездом и двумя броневыми автомобилями, остановился на ночлег в селе Анастасиевка.

По книге «Корниловский ударный полк».

Окружение конницы Гая началось еще до рассвета. Пять верст до Анастасиевки прошли быстро. На востоке уже розовел горизонт и светлые полосы потянулись по небу. 2-й и 3-й полки построились густой резервной колонной, а 1-й полк развернулся для атаки. Батареи стали на позицию. Каждый батальон 1-го полка наметил для себя участок села, и корниловцы двинулись широким шагом. Сторожевого охранения у красных не было, их заставы всполошились, когда корниловцы были уже около крайних хат. Где-то затрещал пулемет, трубы заиграли тревогу. По улице понеслись отдельные всадники, затарахтели грузовики. Из переулка выскочил броневик и наткнулся прямо на корниловцев. В нем открылась дверца, из нее высунулся по пояс грозный усатый человек и разразился площадной руганью. Он был тут же пристрелен. Пока корниловцы атаковали село, кубанцы рубились с красными эскадронами, выскакивавшими из села. Один всадник схватил Бабиева за конец его красного кубанского башлыка и с криком: «Ага, попался?» уже замахнулся шашкой, но свалился сам от удара Бабиева. Генерал Бабиев при атаке держал поводья в зубах, а шашку в левой руке, правая была у него отнята. Добыча победителя была большая: 6 орудий, 3 броневика, грузовые машины, тачанки с пулеметами, кони, пленные. Были отбиты и взяты накануне в плен корниловцы. Все они были в одном белье. Конница Гая отошла на Никополь.

В Анастасиевку прилетел летчик и передал приказание: Кубанской и Корниловской дивизиям двигаться безостановочно на Никополь. Корниловская дивизия пошла вдоль полотна железной дороги, а Кубанская левее ее, по плавням. Верстах в шести от села Чернышевка произошел встречный бой с 1-й советской стрелковой дивизией, спешившей из Никополя на помощь коннице Гая. Корниловцы, хотя и выиграли бой без особого напряжения, понесли потери до 250 человек, среди которых были подполковник Челядинов и поручик Федоров. Перед самой Чернышевкой красные еще раз пытались оказать сопротивление. Пока головной полк вел бой, остальные два полка остановились около насыпи. Вдруг по полотну стали рваться гранаты, а над колонной — шрапнели. С хвоста колонны передали, что в тылу показалась конница. Генерал Скоблин поднял 2-й полк и повел его на выстрелы, выслав вперед свой конвой. Вскоре подскочил офицер конвоя и доложил, что какая-то конница с пышными хвостами на пиках разворачивается на лугу за ручьем. Корниловцы побежали к ручью и уже приготовились дать залп, но конница повернулась и ускочала на широком галопе. Тут только Скоблин опознал в скакавших один из полков Бабиева. Генерал Бабиев потом рассказывал, что он никак не мог предположить, что корниловцы

в такой короткий срок прошли с боем 15 верст и очутились перед Чернышевкой, но, увидев такую решительность пехоты начать бой с кавалерией, он сообразил, что перед ним, наверное, корниловцы и потому вывел полк из-под обстрела. В полночь обе дивизии, Корниловская и Кубанская, втянулись на ночлег в Чернышевку. Генерал Скоблин пропускал мимо себя входившие в село полки. Около него и офицеров штаба собрались старые и пожилые крестьяне. «Видно, что солдаты!» — одобрительно говорил один старик. Всем хотелось выяснить, каково отношение крестьян к Русской Армии. Крестьяне отвечали уклончиво. Закона о земле, опубликованного генералом Врангелем, никто из крестьян не знал, и они ничего о нем не слышали. Когда офицеры стали излагать содержание этого закона, то услышали в ответ: «Закон хороший, сходный, а кто его знает, каков он будет на деле...» В прочность и силу Русской Армии крестьянин не верил, а потому и не придавал значения никаким словам и хорошим законам. Не задумывался он и о том, кто и каким образом может упрочить нужный для него порядок. Для деревни все имевшие власть были «паны», и на гражданскую войну они смотрели как на драку «панов», и при комиссарах и при генералах у мужиков одинаково трещали зубы.

На рассвете Корниловская ударная дивизия с конной дивизией генерала Бабиева атаковала конницу Гая в Анастасиевке, выбив ее, и тут же двинулась преследовать ее. Подойдя к Трем Могилам, что к югу от балки Оленева, 2-й полк получил приказание вести наступление на Чернышевку. Вправо наступал 1-й Корниловский ударный полк, влево — конница генерала Бабиева. К 10 часам полк подошел к Могилам, что к югу от устья балки Оленева, в ожидании момента выступления 1-го полка. По приходе на Могилки конница красных, 3—4 эскадрона с одним броневиком, перешла в наступление. Огонь пулеметов и артиллерии разогнал противника, оставившего в одиночестве совершенно новенький броневик, только что прибывший из Москвы как подарок от рабочих какого-то завода, с запасом динамита на случай его уничтожения.

Это происходило на моих глазах. Отступающая конница отскочила по прямой от нас, броневик же почему-то, очевидно плохо ориентируясь на местности, спокойно спустился в широкую балку с высоким берегом с нашей стороны и с топким ручьем посередине и направился, как нам казалось, в обход нашего фланга. Я в это время со своими ординарцами выехал как раз на высокий берег балки и, видя эту картину, отдал приказание, чтобы одно орудие на карьере было здесь. Но орудию действовать не пришлось: увидев нас, броневик стал искать, где бы ему переправиться. Видно было, как он торопился, быстро меняя места, потом выехал на параллельную ручью дорогу, команда его выскочила и побежала через

болотистый ручей. Как-то получилось, что восторгу нашему не было конца от такого прекрасного подарка, именовавшегося «Калиныч», и мы даже не стреляли по его хозяевам.

После этого 2-й полк повел безостановочное наступление на Чернышевку, громя противника огнем. У балки Успенкова противник задержался, открыл сильный огонь и бросился на нас в контратаку. Батареи, выдвинутые на линию цепей, открыли по красным огонь на картечь, а 4-й батальон перешел в наступление. Противник был отброшен на конницу генерала Бабиева и потерпел полное поражение. Самое село Чернышевка было занято без боя.

Перед самым Никоподем красные оказали сопротивление только у села Красногригорьевка. Сбитые со своих позиций корниловцами, они попали под удары кубанцев и потеряли пленными до двух с половиной тысяч человек и все свои обозы. Никополь был занят без боя. Корниловцы и кубанцы расположились в городе со своими трофеями. Одних только пленных было до четырех тысяч человек. В тот же день к Никополю подошла конница генерала Науменко, переправившаяся через Днепр южнее Никополя, у села Ушкалка. Там же переправилась и пехота генерала Скалона. По словам генерала Науменко, красные атаковали пехоту и препятствовали ее продвижению вперед, сам же генерал Науменко сразу оторвался от своей пехоты и пошел к Никополю.

29 сентября из штаба 2-й армии прилетел летчик и передал приказание: генералу Науменко объединить всю конницу и идти с ней на узловую станцию Апостолово, где разбить красных, после чего повернуть на Бериславль и Каховку; генералу Скоблину спешно идти назад к Александровску, так как красные теснят марковцев и угрожают переправам на Хортицу. С грустью расстался генерал Бабиев с корниловцами, осиротелыми почувствовали себя и они. Перед Скоблиным встал мучительный вопрос, какой дорогой идти на Александровск? Если перейти на левый берег Днепра здесь, у Никополя, то одна переправа займет двое суток: был всего один небольшой паром и несколько лодок. Кроме того, переправа тотчас будет обнаружена красными, и они перейдут в наступление. Полк, который был бы назначен для защиты переправы, оказался бы в исключительно невыгодных условиях: переправа внизу, а над нею возвышается гора. Если идти к Александровску старой дорогой, то придется пробиваться через всю 2-ю конную советскую армию, сомкнувшуюся за Никоподем. В случае затяжных боев красные за это время смогут овладеть переправами у Хортицы, и тогда корниловцы рискуют потерять всю свою артиллерию и обозы. Генерал Скоблин остановился на таком решении: под прикрытием дивизии немедленно переправить через Днепр пленных, раненых и обозы, а самой дивизии с наступле-

нием темноты выступить из Никополя по старой дороге, налетом сбить конницу противника и открыть себе путь на Александровск. Сплошной колонной двинулись корниловцы из Никополя. Люди шли в строю без обычной на походе растяжки, не было и отстававших, — все понимали грозную опасность. Корниловская конная сотня, выбросив от себя разъезды, на рысях пошла вперед. Показались огни Красногигорьевки, колонна задержалась, поджидая донесения от конного разъезда. Вдруг слева в поле показался какой-то конный. Он выехал на дорогу, повернул к селу и поскакал. Ординарцы начальника дивизии быстро догнали всадника. Перепуганный крестьянин, верхом на лошаденке без седла и с веревочным недоуздом, рассказал, что он местный житель и что красные взяли его проводником и велели ему указать дорогу на станцию Апостолово. В Чернышевке конницы Гая тоже не было, она выступила из этого села часа за три до прихода корниловцев. На улице еще тлели в кострах головни, валялось разбросанное сено, пахло свежим навозом. Гай, по-видимому, обнаружил движение генерала Науменко на Апостолово и двинулся со своей дивизией туда же. Дорога на Александровск была свободна. Остаток ночи корниловцы провели беззаботно. Многие поджигали «перекати-поле», и подхваченные ветром круглые горящие шары носились над степью. На заре после 40-верстного марша был сделан привал около развалин сгоревшей и разграбленной усадьбы. Почерневшие дымоходы торчали памятниками среди груд мусора и обвалившихся стен, дорожки и клумбы заросли травой. С оголенных деревьев тихо падали листья. Среди безмолвной тишины вскоре затрещали костры, и люди в полном изнеможении валялись около них. Через два часа отдыха Корниловская дивизия уже снова шла. Второй привал и обед были назначены через двадцать верст, в Строгановских хуторах. Из высоты донесся шум мотора, и на ясной синеве осеннего неба четко обозначился аэроплан. Он сделал несколько кругов над колонной и опустился. Летчик передал приказание генералу Скоблину двигаться как можно скорее на Александровск. Летчика обступили офицеры. На их вопросы, почему он так смело и решительно опустился на землю, он ответил, улыбаясь, что распознает красных и белых не столько по коду, сколько по тому, как относятся к аэропланам проходящие колонны: белые в большинстве случаев сохраняют порядок и свое движение, а красные расползаются во все стороны.

В Строгановских хуторах сорок дворов были поделены между всей Корниловской дивизией. Жители, переселенные сюда из Великороссии еще во время крепостного права, оказали полное радушие. Хозяин дома, степенный старик, бывший солдат, осведомился у Скоблина, сколько человек будут обедать. «Вы не беспокойтесь, ничего не готовьте. Мы сами

справимся», — сказал ему Скоблин, но старик решительно запротестовал и угостил на славу офицеров и ударников на разных половинах своей хаты. «Среди всеобщей ненависти и озлобления, неизбежных спутников междоусобной войны, — вспоминал генерал Скоблин, — радушие и ласка нашего хозяина были совершенно необычны, тем более что у него не было никакого противного подлаживания к нам. Он не поносил красных, не восхищался белыми. Отнесся к нам просто, по-человечески, как к усталым, измученным людям.

30 сентября в 11 часов корниловцы подошли к позициям марковцев. После 70-верстного похода все заснули как убитые. 1 октября рано утром корниловцы и марковцы получили приказ отбросить красных на север, как можно дальше от переправ. Красных отогнали верст на пятнадцать. Летчик привез приказание — продолжать энергичное наступление, но уже в 3 часа дня было получено новое приказание: с наступлением сумерек идти в Александровск с таким расчетом, чтобы закончить переправу через Днепр до рассвета. Корниловцы ничего не понимали и, угрюмые и печальные, потянулись назад к переправам. В первую очередь были пущены обозы и часть артиллерии. Полки расположились в немецкой колонии, верстах в трех от Речища. Колонисты недоумевали, почему белые, так успешно дравшиеся с красными, теперь отступают.

Искренно сожалели об уходе корниловцев и в очень сдержанных выражениях говорили о грядущих неприятностях.

Генерала Скоблина отыскал немец-колонист, у которого Скоблин останавливался прошлый раз, и повел его к себе. Немец поставил на ноги весь дом, желая оказать своим гостям полное внимание. Хозяйка-старуха ласково уговаривала их остаться до утра и выспаться.

— Куда же вам идти в такую темень и поздноту, — сокрушенно вздыхала она.

Огромный костер на берегу освещал наскоро сколоченный мост. Лошади боязливо ступали на шатавшиеся, скрипевшие бревна. Черные воды Днепра колыхали среди отраженных языков костра силуэты лошадей, повозок, людей...

К назначенному времени переправа на левый берег Днепра была закончена. В городе к генералу Скоблину явился временно исполняющий должность начальника штаба дивизии капитан Месснер¹⁷³. Вместо обычного вороха оперативных телеграмм он молча протянул всего три.

Первая гласила: «Поляки заключили мир с Советами. Красные начали переброску сил на фронт Русской Армии. Головные части конницы Буденного и две пехотные дивизии уже подошли к станции Апостолово». Вторая телеграмма: «Снарядом в бою под Апостоловом смертельно ранен генерал Бабиев. Не приходя в себя, он скончался. Части

2-й армии с большими потерями в людях и в материальной части переправились обратно на левый берег Днепра, не успев даже разрушить свой мост». Третья телеграмма: «Красная Кубанская дивизия численностью до 5 тысяч сабель на северо-восточном участке фронта проникла глубоко в наш тыл и с налета овладела Большим Токмаком, где захватила и уничтожила все наши интендантские и артиллерийские склады. Противник продолжает свой рейд по тылам».

Продолжение по журналу боевых действий 2-го Корниловского ударного полка.

Боевые записи 2-го Корниловского ударного полка за время заднепровской операции почти тождественны с вышеизложенными данными из книги «Корниловский ударный полк», а потому из них берутся только отдельные эпизоды. После отражения атаки красной кавалерии на 1-й батальон 2-го полка он до самого Никополя не имел больших потерь, и только при отходе из него для конвоирования больше чем четырех тысяч пленных был назначен 1-й батальон, что значительно уменьшило боеспособность полка.

30 сентября 2-й Корниловский ударный полк прибыл в 19 часов в Ново-Николаевку, где и заночевал.

1 октября. Дивизии поставлена задача: овладеть колонией Кронсталь, Арбузовкой, Михайловкой и Шенгорст. Около 9 часов 2-й Корниловский ударный полк повел наступление на Кронсталь, выбил оттуда противника, двинулся на Арбузовку и после упорного сопротивления противника овладел ею. У высоты, что к северо-востоку верст на четыре-пять, полк по приказанию остановился для обеспечения левого фланга 1-го Корниловского ударного полка и для этого около 14 часов офицерский и 3-й батальоны были выдвинуты к западу от Арбузовки для отражения атак конницы и пехоты противника, наступавшего в тыл дивизии со стороны Томаковки. Других два батальона, 2-й и 4-й, оставались на прежних высотах и сдерживали сильнейший натиск красных, наступавших со стороны севернее Томаковки. С наступлением темноты полк в составе дивизии выступил в Александровск. В этом бою было ранено 95 и убито 5 человек. Среди убитых были доблестный командир 3-го батальона поручик Нашивочников и его адъютант, подпоручик Честной.

2 октября в 8 часов полк прибыл в Александровск и расположился на старых квартирах. Переход был в 55 верст: Шенеберг—Арбузовка—Александровск, и ударники были сильно утомлены. Этим числом заканчивается заднепровская операция, обнаружившая прибытие частей Красной

армии с Польского фронта после подписания теперь уже мира. Ненависть Пилсудского к национальной России была настолько велика, что он решил развязать руки Ленину, чтобы он имел возможность разбить Русскую Армию генерала Врангеля, рискуя впоследствии отдать ему и Польшу, что и случилось при Сталине во Вторую мировую войну. Перевес Красной армии в силах, как и в боях под Орлом, теперь решил участь Русской Армии определенно: она должна была покинуть родную землю. С этого числа начались арьергардные бои с целью дать возможность провести эвакуацию в обстановке, исключающей катастрофу.

3 октября. В 8 часов 2-й Корниловский ударный полк прибыл в город Александровск и погрузился в эшелоны для следования на станцию Пришиб. Обозы были направлены походным порядком в село Михайловка. В 12 часов получено приказание разгрузиться и отправляться походным порядком в Камышеватку. В 15 часов обозы прибыли обратно, и полк по их прибытии выступил по назначению. В 23 часа полк прибыл в Камышеватку и занял позицию. Сторожевое охранение выставили на Жеребец и Внуково. Противник силой до тысячи сабель находился в районе сел Яковлевка—Щербаковка, но, заметив наш приход в Камышеватку, под прикрытием ночной темноты быстро проскользнул на север и увел с собой большие обозы, захваченные им в Большом Токмаке. Переход — 28 верст.

4 октября. День и ночь прошли спокойно.

5 октября. В 8 часов полк в составе дивизии выступил в Васильевку. В Янчекрак — большой привал. В 24 часа батальоны разошлись по квартирам в Васильевке. Обозы прибыли на рассвете. Дорога была тяжелая и грязная. Люди пришли сильно уставшими и промокшими от дождя. Переход — 34 версты. Всего в строю: 138 офицеров, 43 пулемета и 392 ударника (это без 1-го батальона).

6 октября. В 9 часов полк вышел из Васильевки и в 18 часов прибыл в Балки. Ночлег. Переход — 24 версты.

7 октября. В 9 часов полк вышел из Балки и в 18 часов разместился по квартирам в селе Белозерки. На переходах пища выдавалась два раза в сутки. Переход — 24 версты. Здесь к полку присоединились 21 ударник, бежавшие от красных. Оказывается, когда 1-й батальон конвоировал из Никополя более 4 тысяч пленных по плавням Днепра, то шествие такой большой колонны растянулось на много верст, и наш малочисленный батальон растворился по зарослям плавней среди нескольких тысяч конвоируемых им пленных. Несмотря на такую обстановку, пленные шли спокойно, но на хвост этого шествия красные партизаны или же их регулярные части сделали нападение и отрезали небольшую часть пленных, среди которых оказались и наши конвоиры. В свою очередь, и наши учили

спасительность плавней и бежали в сторону нашего движения до соединения с полком.

8 октября. В 9 часов 2-й полк выступил из Белозерок и в 17 часов прибыл в Верхний Рогачик, где поступил в дивизионный резерв.

«ПРИКАЗ КОРНИЛОВСКОЙ УДАРНОЙ ДИВИЗИИ.
ВЕРХНИЙ РОГАЧИК
№ 031

8 октября 1920 г. 18 час.
Карта — 3 версты.

Согласно директиве штакаора 1-го, вверенная мне дивизия 8 октября с. г. в 18 часов прибыла в Верхний Рогачик. Дивизии приказано занять и упорно оборонять участок от села Большая Знаменка до Малой Лепетихи (оба включительно). Правее — 42-й Донской стрелковый полк, занимающий участок Малая Знаменка (Каменка) — Балки (оба включительно); левее — временно части 6-й пехотной дивизии, которая 9 октября будет сменена Дроздовской стрелковой дивизией. Сведения о противнике будут сообщены дополнительно. Во всяком случае иметь в виду, что со стороны противника на участке Нижний Рогачик—Ушкалка заметно оживление.

Приказываю: 1) Полковнику Щеглову¹⁷⁴ (3-й Корниловский ударный полк, 4-й артиллерийский дивизион, отдельный Корниловский конный дивизион), сменив части 6-й и 7-й пехотных дивизий, 8 октября занять и упорно оборонять участок Большая Знаменка—Малая Лепетиха, оба включительно, ни в коем случае не допуская переправы противника на левый берег Днепра. Поддерживать самую тесную связь с соседями вправо и влево. Разбить для обороны участок на три сектора. Схему расположения частей на участке и схему обороны участка представить мне не позже 10-го сего октября. Штаб полка и участковый резерв — колония Ольгофельд.

2) Полковнику Гордеенко (3-й Корниловский ударный полк и 1-й дивизион артиллерийской бригады), оставаясь в Верхнем Рогачике, составлять мой резерв. Командам конных и пеших разведчиков полка в течение 9 и 10 октября познакомиться с боевыми участками дивизии в таком порядке: 9-го разведать участок и подступы к нему от Большой Знаменки до Ушкалки (оба включительно), 10-го — от Ушкалки до Малой Лепетихи (включительно). Отчет о разведке участка и подступов к нему на случай боя полковник Гордеенко представит мне не позже 14 часов 11 октября.

3) Полковнику Левитову (2-й Корниловский ударный полк и 3-й артиллерийский дивизион), оставаясь в Верхнем Рогачике, составить мой

резерв. Командам конных и пеших разведчиков полка в течение 9 и 10 октября познакомиться с боевым участком дивизии с таким расчетом: 9-го — Малая Лепетиха—Ушкалка (оба включительно), 10-го — Ушкалка (исключительно) — Большая Знаменка (включительно). Отчет о разведке участка и подступов к нему представить мне не позже 14 часов 11 октября.

4) Генералу Ерогину¹⁷⁵ — организовать артиллерийскую оборону участка, наладить правильное и своевременное питание патронами и снарядами частей дивизии. Свои соображения по этим вопросам представить мне к 12 часам 10 октября.

5) Дивврачу — организовать в Верхнем Рогачике перевязочный пункт и наладить дальнейшую эвакуацию больных и раненых на Мелитополь. Совместно с комендантом штаба озаботиться устройством в расположении полков бани. Последняя должна быть налажена в самый кратчайший срок.

6) Все запасные батальоны и хозяйственные части полков перевести в село Веселое, с которым будет установлена телефонная связь.

7) Дивинту, оставаясь в Мелитополе, организовать подвоз продуктов и хлеба своими средствами до расположения хозяйственных частей полков, до села Веселое, где открыть полевой расходный склад. Каждый три дня по телефону или по телеграфу доносить мне, что выдано частям дивизии и какова наличность на складе. Принять все меры к своевременному снабжению частей продуктами. В селе Веселом организовать хлебопечение.

8) Начальнику связи штадива принять в свое ведение телефонную сеть на участке дивизии; кроме того, немедленно установить связь с селом Веселое, 42-м Донским полком и дроздовцами, а также наладить самую прочную связь с полками.

9) Штадив — в Верхнем Рогачике.

Подлинный подписали: Генерал-майор *Скоблин*

Вр. и д. начальника Штаба Генерального штаба капитан *Месснер*.

Верно: Капитан *Полянин*».

* * *

Бои за Нижний Рогачик представляют из себя один из самых тяжелых периодов боевой жизни Корниловской ударной дивизии, а потому описание их сначала помещается по книге «Корниловский ударный полк».

Заднепровская операция оставила в душе корниловцев горький осадок: опять все усилия, жертвы и победы оказались бесплодными. Энер-

гия иссякала. Воля к победе надламывалась. Душа и тело требовали хоть кратковременного отдыха. Вместо этого, Корниловская дивизия из Александровска сразу была послана для ликвидации налета неприятельской кавалерии на Большой Токмак. Только что дивизия пришла походным порядком в село Камышево, как было получено новое приказание — изменить направление и перейти в район Большой Знаменки для смены частей 2-й армии. В дождь, снег, по непролазным дорогам потянулись корниловцы снова к Днепру. 8 октября 1-й и 2-й полки были сосредоточены в селе Верхний Рогачик, а 3-й полк, сменив 6-ю и 7-ю пехотные дивизии, стал на позиции около деревень Ушкалки и Бабины. В Знаменку был послан сводный отряд из нескольких рот, под командой полковника Пуха¹⁷⁶. Настроение у корниловцев было тревожное, все чувствовали нарастание событий. По дивизии был отдан приказ к неуклонному исполнению: полковых дам и сестер милосердия отправить в тыл. Не поднял настроения и отряд генерала Бредова, прибывший из Польши на пополнение Русской Армии. Состоявший в этом отряде 75-й Севастопольский полк, под командой полковника Силина, был влит во 2-й Корниловский полк отдельным батальоном.

13 октября 1-й полк получил срочно приказание немедленно выступить на помощь 3-му полку, в районе которого противник, накопив большие силы, переправился на левый берег Днепра, 1-й полк встретился с красными, уже сильно продвинувшимися за Днепр, 1-й батальон погнал одну группу красных на село Нижний Рогачик, а 2-й батальон оттеснил другую группу на деревню Ушкалку. Остатки 3-го полка были спасены. К вечеру было получено приказание — совместными действиями 1-го и 3-го полков произвести ночное наступление на Нижний Рогачик и овладеть им. 1-й полк пошел по левому берегу реки Рогачик, а 3-й полк должен был идти по правому. 1-й батальон не прошел и версты, как заметил колонну противника,двигающуюся навстречу ему по соседней дороге. Корниловцы притаились. Когда красные поравнялись с ними, две роты ударили в тыл красных, а две — во фланг. Ошеломленные красные частью сдались, частью бежали назад. Преследуя их, корниловцы вошли в Нижний Рогачик, но были вынуждены сразу остановиться на южной окраине села: их встретили крупные силы противника. Всю ночь к красным прибывали свежие части с правого берега Днепра и накапливались в ста шагах от корниловцев.

14 октября. Атаковать красных без 3-го полка полковник Гордеенко не решался, между тем противник сам повел атаки. До 5 часов корниловцы отбивались и уже понесли большие потери, а 3-го полка все

не было. Красные стали охватывать левый фланг полка, и полковник Гордеенко приказал отступить на бугры около села.

Командир 5-й роты подпоручик Пинский¹⁷⁷, желая избежать артиллерийского обстрела, уклонился от указанного пути отступления и повел свою роту другой дорогой. Внезапно налетела неприятельская кавалерия, и рота была изрублена. К Пинскому подскакал кавалерист и выстрелом из нагана прострелил ему голову и левый глаз, причем пуля осталась во рту. Пинский очнулся, когда два кавалериста, ругаясь и чертыхаясь, отрезали ему шашкой палец руки, чтобы снять с него обручальное кольцо, и такова была сила воли у этого офицера, что он не издал ни одного стога, притворясь мертвым. После того как красные ускакали, он нашел в себе силы доползти до полка. Поручик Пинский, хотя и поправился от ранений уже в Константинополе, прожил не долго и скончался в Белграде, завещав свою фуражку и шашку Корниловскому ударному полку. При переезде к брату в Польшу подпоручик Пинский был у меня в Болгарии, чтобы попрощаться, и тогда тоже поделился со мною подробностями его собственной трагической судьбы и его роты. Я, в свою очередь, рассказал ему, что мне пришлось увидеть, когда я взял Нижний Рогачик. Судьба и здесь нас не баловала: противник просто давил нас своим превосходством в числе, а мы были измотаны до предела и вели последние арьергардные бои.

Спасся еще один офицер. Он шел в дозоре, когда на него наскочили два кавалериста. От первого удара шашкой он упал. Кавалеристы продолжали бить и колоть его, лежащего, потом соскочили с коней и принялись раздевать его. Сняли с него сапоги, галифе, стали стаскивать гимнастерку. «Ишь как разукрасился золотопогонник!» — сказал один, рассматривая офицерские отличия. «Жаль только, — промолвил другой, — что перемазали в крови новенькую одежду. Надо было бы сначала раздеть, а уж потом рубить». Офицер потерял сознание. Пришел он в себя, когда около него хлопотали два пехотных красноармейца. Они поддерживали его за плечи и лили из фляжки воду ему на голову. «Ну и изуродовали тебя эти сволочи кавалеристы, — сказал один красноармеец. — На, испей воды! — а потом спросил: — Хочешь идти к своим?» Офицер кивнул. Красноармейцы подняли его, поставили на ноги и сказали: «Иди вот в эту сторону, ваши там, недалеко. Авось как-нибудь доползешь». Офицер молча пожал руки своим врагам-спасителям и побрел, шатаясь и опираясь на винтовку. В околотке у него насчитали двадцать ран.

В ночном бою в селе Рогачике 1-й полк потерял половину своего состава. Генерал Скоблин выехал к месту боя, приказав 2-му полку немедленно идти туда же.

* * *

Привожу показания полковника Бояринцева¹⁷⁸, бывшего в этом бою в должности командира 3-го батальона 1-го полка: «13 октября поздно вечером все командиры батальонов 1-го полка были вызваны в штаб полка. Ознакомив нас с положением на фронте, где наш 3-й полк с трудом сдерживал давление красных, переправлявшихся через Днепр, полковник Гордеенко прочел директиву штаба дивизии. По диспозиции, 2-й полк должен был оставаться в резерве в Верхнем Рогачике, а 1-му полку приказывалось выступить на рассвете следующего дня на помощь 3-му полку. Оперативный план предусматривал обходное движение на Нижний Рогачик, заключительной фазой которого должен быть прорыв к переправе через Днепр, отрезая от нее красные полки. Одновременно 3-й полк должен атаковать Нижний Рогачик с фронта, гоня красных в мешок между собой и 1-м полком. Марш последнего был сделан с таким расчетом, чтобы захождение в тыл Нижнего Рогачика можно было начать с приближением сумерек. Полк в походной колонне, не встречая сопротивления, скрытно занял исходную позицию на буграх южнее Нижнего Рогачика. Впереди простиралась ровная как стол местность, упиравшаяся в деревню. Слева были видны темные заросли плавней на Днепре, поросшие камышом и кустарником. Где-то справа была слышна редкая стрельба, не то на участке 3-го полка или отряда полковника Пуха, не то даже дальше, у марковцев. Равнину пересекал ручей, уходя в плавни, 5-я рота капитана Пинского получает приказание рассыпаться вдоль этого ручья. Сумерки сгущаются. В направлении плавней маячат наши конные дозоры связи. Перевязочный пункт готовится к приему «гостей». Наконец, 1-й батальон полковника Ширковского¹⁷⁹ получает приказание атаковать Нижний Рогачик и захватить переправу через Днепр. Как на параде, разворачивается батальон. Спускаясь с бугров, его роты растворяются в сумерках. В напряженной тишине мы ждем. Внезапно эту тишину разрывает бешеная стрельба и крики «Ура!»: роты бросились в атаку. На фронте 3-го полка по-прежнему тишина. По интенсивности огня можно судить, что атака 1-го батальона не была неожиданностью для красных. Вместе с тем огонь не приближался и не удалялся. Было ясно, что Ширковский напоролся на крупные силы, продвигаться к переправе не может, но за деревню зацепился. Тот факт, что артиллерия обеих сторон молчит, но время от времени слышны разрывы ручных гранат, тоже был показателен: идет бой на короткой дистанции. «Видно, Ширковскому жарко», — говорит полковник Лебедев, командир 2-го батальона. «Надо выручать» — отвечаю я. В это время подходит к нам полковник Гордеенко и, обращаясь

ко мне, говорит: «Бери-ка свой батальон и на рысях на помощь Ширковскому». Сгустившаяся темнота дает возможность вести батальон развернутым фронтом. Выйдя на линию огня и левого фланга 1-го батальона (он висел в воздухе), нам представилась жуткая картина: идет не бой, а свалка. Корниловцы и красные перемешались так, что был трагикомический случай: командир 2-й роты капитан Редько¹⁸⁰ вскочил в какой-то двор, полный солдат. «Какая рота?» — спрашивает он. «Вторая», — отвечают ему, и Редько, в полном сознании своего права, начинает командовать этой ротой, пока не выяснили, что рота красная. Одну сторону занимали роты 1-го батальона, а противоположную красные. Не только стреляли почти в упор, но и ругались витиевато. В этом кромешном аду нахожу Ширковского. Увидев меня, этот бесстрашный человек с железными нервами почти заплакал, обнимая меня, — мы были с ним очень дружны. «Ах как хорошо, что тебя прислал Карпуша!» — несколько раз повторил он. «Выкрутимся, Митя», — старался я его подбодрить.

В это время какой-то ударник подвел к нам старика, местного жителя. По его словам, пехота красных целый день переправлялась через Днепр и ею набита вся деревня. Конница же уходила в плавни. Пробиваться к переправе было безрассудно. Условились с Ширковским оставаться на месте до тех пор, пока 3-й полк не начнет атаку с фронта. Угрозу с фланга и со стороны плавней я закрою своим батальоном.

Перевалило за полночь. Перекатами шла стрельба, 3-й полк все молчал, а наши потери росли. Часа в два ночи увели раненым моего помощника, штабс-капитана Миловидова¹⁸¹. Спустя еще некоторое время повисла плетью и моя раненая рука. Фельдшер наложил повязку, а батальон принял старший из ротных командиров подпоручик Новицкий. Предупредил его: на случай отхода не прижиматься к плавням, а идти открытым местом, не отрываясь от 1-го батальона, так как в плавнях, возможно, спрячется красная конница. Найдя еще раз Ширковского, я пообещал ему доложить подробно командиру полка об обстановке и настоять или на отводе наших батальона из Нижнего Рогачика до рассвета, когда они попадут в ловушку, или на необходимости атаки 3-м полком с фронта, согласно диспозиции. Выслушав мой доклад, полковник Гордеенко посылает распоряжение: 1-му и 3-му батальонам отойти в исходное положение. Примерно через полчаса в штаб полка прибыл со своим адъютантом генерал Пешня. Ознакомившись с обстановкой, он карьером полетел в 3-й полк. Произошло драматическое объяснение между ним и полковником Щегловым. Мораль 3-го полка была сильно поколеблена неудачными попытками еще днем овладеть Нижним Рогачиком (почти целиком погиб батальон капитана Андрианова¹⁸²). Между тем 1-й и 3-й ба-

бatalьоны 1-го полка, оторвавшись от Нижнего Рогачика, начали отходить на бугры, к исходному положению. С фронта 3-го полка послышалось «Ура!». Полковник Гордеенко бросился навстречу своим батальонам и закричал: «Батальоны, назад, в деревню, 3-й полк наступает (атакует)!» Налево кругом, и батальоны вновь бросились в деревню, а меня увезли на санитарной повозке в Верхний Рогачик, где оставались наши обозы. О дальнейшем развитии боя за Нижний Рогачик я знаю от уцелевших его участников, 1-й и 3-й батальоны снова зацепились за окраину деревни и снова попали на стальную стену пулеметов. Надвигался рассвет. На фронте 3-го полка прекратились не только крики «Ура!», но и не было слышно даже стрельбы. Положение батальонов 1-го полка стало трагическим. Спасительная ночь уходила. Наступил полный рассвет. Батальоны стали отходить, расстреливаемые на ровном месте перекрестным огнем пулеметов. Ширковского это не смущало, и он продолжал отходить по равнине, хотя и нес тяжелые потери, но поручик Новицкий с 3-м батальоном, оторвавшись от 1-го батальона, стал инстинктивно искать укрытия прижимаясь к плавням, забыв мое предупреждение. Когда его батальон отошел на некоторое расстояние от деревни, из плавней вырвалась красная конница и началась рубка. Часть попала в плен, спаслись единицы. Та же конница заскакала в тыл 5-й роте, тоже погибшей почти целиком. Полк, меньше чем в половинном составе, был оттянут в резерв, а на его место был выдвинут 2-й полк. Бой за Нижний Рогачик закипел снова, но уже днем».

По журналу боевых действий 2-го Корниловского ударного полка. С 9 по 12 октября на фронте спокойно.

13 октября. Противник переходит в наступление. В 4 часа 1-я рота офицерского батальона поступила в распоряжение командира 3-го полка и была отправлена в Большую Знаменку, в группу полковника Пуха. С 18 часов полк принял полную боевую готовность. В 20 часов полк перешел на северо-западную окраину села Верхний Рогачик и разместился по квартирам.

14 октября. В 4 часа 3-й и 4-й батальоны под командой полковника Силина отправлены в колонию Ольгофельд для усиления 3-го Корниловского ударного полка. В 8 часов полк в составе двух батальонов, 1-го и 2-го, с 5-й и 6-й батареями выступил в колонию Ольгофельд. В 12 часов полк прибыл в колонию и получил задачу овладеть Нижним Рогачиком.

2-й Корниловский ударный полк в полном составе, кроме 1-й офицерской роты, находившейся в отряде полковника Пуха, двинулся согласно приказу на Нижний Рогачик. Холодный октябрьский ветер бился в

коротких полах английских шинелей, надувал однобокими пузырями фуражки и посвистывал на кончиках острых щтыков. Вокруг шелестели засохшие листья обезглавленных подсолнухов. Перед самым наступлением сделали привал. Ударники, заправляя полы шинелей под колени, уселись в котловинках спиной к ветру. Все потирали глаза, покрасневшие и распухшие от бессонной ночи, ветра и пыли. Вяло принялись за скромный завтрак из хлеба и сала. Офицеры ушли на рекогносцировку. Начальство вернулось. По лощинам, овражкам и балочкам ударники потянулись гуськом за своими командирами. В стороны, на пригорки, были высланы дозоры. Оттуда сразу открылся вид: впереди — почерневшие избы, белая колокольня, ветряные мельницы упираются в днепровские плавни, вокруг — обнаженные поля, по серому небу низко ползут свинцовые тучи. Беспросветно было и на душе. Коченея от холода, дозоры всматривались в серую мглу. Раскачиваемые ветром стволы подсолнухов казались наступающей пехотой, скачками пронесшаяся на горизонте стая собак померещилась кавалерией. Охватывала жуть. Дозоры объехал полковник Левитов, не отрывая глаз от бинокля. Наконец из одного овражка показался весь полк, он рассыпался веером и побежал в гору. Бой начался. Красных сбили с горы. Над наступающими низко стлались белые облачка шрапнелей, быстро разгоняемые ветром. Оторвавшись от корниловцев, красные, подкрепленные резервами, перешли в контратаку. Из-за Днепра полетели тяжелые снаряды. Широкие столбы черного дыма с землей вздымались к свинцовым тучам, и тогда многие крестились мелкими частыми крестиками. Левый фланг полка стал отступать, рота, стоявшая на правом фланге, заметила это, когда она осталась в одиночестве. Ударники бросились наутек. То и дело падали раненые, они кричали и хватались за развевавшиеся полы шинелей и мелькавшие сапоги... Сзади неслось улюлюканье. Корниловцы остановились, как только увидели показавшуюся из-за холма резервную офицерскую роту... Сердце еще колотилось, но у всех точно камень свалился с души. Офицерская рота шла стройной цепью, со штыками наперевес. Застрекотал «льюис». Только что бежавшие корниловцы закричали «Ура!» и теперь покатались обратно красные, а за ними корниловцы. Из плавней забила беглым огнем батарея красных, 13-я рота дала несколько залпов по плавням и залегла. Люди отдыхали. Где-то недалеко залегли и красные. Началась перестрелка. Легко раненные корниловцы, точно пустые зерна, относимые на току ветром, скрывались из глаз за пригорком. Один ударник только что обернулся к соседу, как увидел его лежащим уже неподвижно — на его смуглом виске виднелось черное пятнышко. К убитому подошел его земляк, сокрушенно покачал головой, перекрестился и сказал: «Царство ему небесное», а потом обшарил карманы убитого и вытащил бумажник и хлеб,

который тут же стал есть. Стрельба у красных усилилась. Над стеблями кукурузы стали видны тонкие струйки пара, поднимавшиеся от клочковатых пулеметов. Красные поднялись и цепями, одна за другой, пошли на корниловцев, 13-я рота стала отходить, но уже в полном порядке, непрерывно отстреливаясь. Следом за корниловцами ползли на локтях раненые. Один из них все время кричал: «Братцы, не оставляйте», а потом оглянулся назад и начал срывать погоны.

Какой-то красноармеец выбежал из своей цепи, снял фуражку и стал ею махать, что-то крича. Корниловцы прекратили стрельбу, и до них донеслось:

— Кадеты, сдавайтесь, а то, так вашу так, все равно всех перебьем.

Ему ответили еще большей руганью и усиленными залпами. Красноармеец стал стрелять с колена.

Вспоминая этот бой, ударник Дегтярев записал свои впечатления о том, как воевали отдельные ударники из бывших красноармейцев: «Был и у нас один ударник из пленных, который все время выбегал вперед и становился стрелять с колена. А история этого ударника такова: в 19-м году он попадает в плен к белым и назначается во 2-й Корниловский ударный полк, участвует в походе на Орел, но при отступлении заболевает тифом и остается в г. Харькове. По выздоровлении он отправляется к себе на родину, в Пензенскую губернию, где долго скрывается от повторных мобилизаций и от налетов заградительных отрядов, но в конце концов был вынужден идти служить. Его отправляют на Южный фронт, он снова попадает в плен и опять оказывается во 2-м Корниловском полку, но уже со своим меньшим братом и несколькими земляками». А вот был и еще ударник, бывший пленный, мой земляк — Тихомиров. Получил он некоторое образование, слыл за белоручку и имел склонность тереться около штаба, но вот попал на позицию и показал себя примерным героем. Последний раз я его видел уже к концу боя — он бежал впереди меня, заряжая на ходу винтовку, а за несколько дней до того он вытащил из кармана сторублевую царскую бумажку и говорит: «Если меня убьют, обязательно заведи деньги, не хочу, чтобы они доставались красным»..

Бой под Рогачиком длился до самого вечера. Много раз противники сходились вплотную, и корниловцы даже врывались в село. Офицеры-пулеметчики даже вскочили в один двор и со своими лопатками набросились на красных. Хозяин двора стоял около клетки, глядел на свалку и только приговаривал: «Чи красные, чи белые?» Корниловцы захватили все село, когда уже стемнело. Посреди села, на площади около церкви, были положены трупы всех взятых в плен корниловцев, раздетых и перебитых. Холодным светом освещала луна искаженные лица. Корни-

ловцы прошли село и остановились перед плавнями, полосой в несколько верст перед Днепром, заросшей кустарником и лесом. Никто не знал, ушли ли красные за Днепр или же притаились где-нибудь здесь. Корниловцы дали несколько залпов по плавням и разошлись по избам. Не раздеваясь, с винтовками под боком, все сразу завалились спать. Даже когда подъехали кухни, редко кто зазвенел своим котелком. Поставленные посередине улицы снятые с передков пушки охраняли тяжелей сон корниловцев.

В этом бою и 2-й Корниловский ударный полк понес большие потери убитыми и ранеными, около 200 человек. Трофеями полк тоже не мог похвалиться, так как в плен здесь не брали из-за жестокости со стороны красных, а собирать брошенное противником из-за усталости и ночного времени просто не было сил. Большое количество убитых и раненых, брошенных красными на поле боя, свидетельствовало о силе нашего огня, особенно пулеметного, и нашей превосходной артиллерии.

15 октября. На рассвете кавалерия противника сделала налет на Нижний Рогачик. О присутствии таковой 2-й полк знал от 1-го полка и к тому же воочию убедился в ее работе по многочисленным трупам как в самом селе, так и в поле. Поэтому, несмотря на полное переутомление от пережитого в бою 14-го, все были начеку. Артиллерия с вечера заняла соответствующие позиции на этот случай, а за ней наши 64 пулемета тоже устроились поудобней для боя с кавалерией. Передвижение в большом количестве кавалерии в условиях, для нее весьма неподходящих, по кустам и зарослям плавней, дало нам возможность обнаружить ее намерения и принять соответствующие меры. К ее подходу к селу почти все были на своих местах и потому красные были встречены нами всей мощью нашего огня с близкой дистанции. От пленных узнали, что вслед за кавалерией переправились две стрелковые дивизии, которые, услышав начало боя, спешили к селу. Уверен, что передвижения по плавням были затруднительны, и потому все это двигалось по центральной дороге от переправы к селу и благодаря этому само попадало под действие приготовленного нами здесь огня. Пока артиллерия красных вела пристрелку по нашим батареям и пулеметам, мы уже свое дело сделали, смешав передовые части красной пехоты. Ее повторные попытки наступать успеха не имели, мы загнали ее в заросли и громили артиллерией переправу. В это время был получен приказ начальника дивизии об оставлении Нижнего Рогачика и переходе в колонию Ольгофельд.

«Значит, опять где-нибудь неувязка», — думали корниловцы 2-го полка, покидая Нижний Рогачик, так дорого им доставшийся.

Когда 2-й полк подходил к колонии, все удивились, что полковник Щеглов со своим 3-м полком уезжает на подводах в тыл по направле-

нию к Верхнему Рогачику. Туда же умчался генерал Скоблин с Конным дивизионом.

Отходом нашим противник не воспользовался, и полк выступил из села, имея нормальное распределение огня в ожидании налета больших сил кавалерии противника. По прибытии в колонию Николайсберг в 17 часов он тут же был вынужден в Верхний Рогачик. Не доходя версты до села, полк, к своему удивлению, увидел, как к югу от него разворачивается полк кавалерии и идет на нас в атаку. Моему удивлению не было предела, и я срочно, через конных, отдал приказание колонне строиться к отражению атаки со стороны Верхнего Рогачика. Противник артиллерии не имел, а потому шаблонное построение полка прошло быстро и красные были встречены огнем в упор и просто сметены с поля боя. Профессор, Генерального штаба полковник Е.Э. Месснер в своей статье «Немного о тактике» высказывает сожаление о том, что корниловцы мало описывают в своем бюллетене эпизоды, создавшие славу Корниловских ударных полков и дивизии, и к таковым он относит переход колонной 1-й Корниловским ударным полком с острова Хортица на правый берег Днепра и... «как полковник Левитов построил свой полк в каре для отбития конницы подле Верхнего Рогачика. Все это и многое другое чрезвычайно важно для прославления Корниловской ударной дивизии и чрезвычайно поучительно для учебников тактики в будущем».

В этих боях был и сам полковник Месснер, тогда временно замещавший нашего начальника штаба дивизии полковника Капнина.

Эта вторая кавалерийская атака за день на полк была довольно легко нами отбита. Первая — ранним утром, из плавней, — была встречена дружным пулеметным и артиллерийским огнем, потому что полк еще не двинулся, и все стояли на своих местах в ожидании этой атаки. Успех же отражения второй атаки заключался в обычном для 2-го полка распределении пулеметов и артиллерии в походной колонне, что часто и совершенно справедливо отмечается в нашем журнале боевых действий. Особенно строго это соблюдалось при наличии у противника кавалерии. Каждая пулеметная команда шла со своим батальоном, а батареи — через один или два батальона. Такое распределение огня легко и на все сто процентов могло быть использовано в любом направлении, до каре включительно, избегая в то же время опасного скопления от огня противника. Растянувшаяся походная колонна всегда имела при себе заранее приданные средства огня, а потому, смотря по обстановке, занимала свои места с подходом батальонов или же на линии, где их застала тревога.

Вот что теперь, в Париже, в 1965 году, дополнил к описанию этого боя 2-го полка капитан Кривошеев¹⁸³, бывший тогда при штабе дивизи-

зии и как раз передававший мне от начальника дивизии приказание отходить из Нижнего Рогачика в Верхний Рогачик через колонию Николайсберг, где 1-й Корниловский ударный полк должен был остаться в арьергарде (это определение места полку тогда не отвечало назначению, так как положение почти полного окружения дивизии обязывало ждать ударов противника отовсюду). Дополнительно к этому тот же капитан Кривошеев сообщает и то, почему 2-й Корниловский ударный полк по выходе из колонии Николайсберг был атакован с юга, от Верхнего Рогачика, где должны были находиться штаб дивизии, лазареты и обозы. Капитан Кривошеев еще до начала атаки привез мне в колонию Николайсберг приказание изменить движение по выходе из колонии, взяв направление на восток, по полевой дороге, на указанную высоту, куда отступала сводная группа полковника Пуха, окруженная кавалерией, и куда выехал сам начальник дивизии со своим конным дивизионом. Когда, после передачи мне приказа, капитан Кривошеев возвращался, то он видел, как красная конница пошла в атаку на 2-й Корниловский ударный полк, то есть прямо в лоб полку, а в это время помощник начальника дивизии генерал Пешня «удирал» с группой конных из Верхнего Рогачика, а сам капитан Кривошеев едва не попал под удар атаки красных. Оказывается, что отступавшая к Верхнему Рогачику сводная группа полковника Пуха была полностью окружена конницей, часть которой подошла к самому Верхнему Рогачику, но, увидев идущий туда же с севера 2-й Корниловский ударный полк, она лихо его атаковала и так же лихо от него и отскочила, будучи встречена сильным пулеметным и артиллерийским огнем. В данном случае части дивизии знали, что действует конница в больших соединениях, а потому применяли на походе распределение пулеметов и артиллерий побатальонно. Даже такая неожиданная атака противника имела дело с нашим моментально построенным каре, углы которого были заполнены по батальону пехоты со своими пулеметами и артиллерией. Таким образом атака противника в любом направлении всегда имела против себя $\frac{2}{3}$ всего огня полка, если не больше.

В этот день, около 18 часов, по дороге на село Большая Знаменка и недалеко от той высоты, куда с похода был направлен 2-й Корниловский ударный полк, был ранен начальник дивизии генерал Скоблин, и во временное командование дивизией вступил генерал Пешня. В этот исключительно тяжелый для Корниловской ударной дивизии день даже ранение начальника дивизии было отмечено короткой фразой, хотя управление его дивизией в этом бою, при колоссальном превосходстве сил противника, не могло дать лучшего, и мы с достоинством отходили. Если где человеческие силы и сдавали, то только потому, что, не забудьте,

с момента пополнения после штурма Каховки бывшее упорство корниловцев ушло в прошлое. Несмотря на это, нужно удивляться тому, как вчерашние красноармейцы жертвенно умирали за честь национальной России.

Описание ранения генерала Скоблина привожу с точки зрения трех лиц, где общим является только факт ранения, но обстановка обрисовывается в зависимости от места их наблюдения. По традиции опрос мнений в военной среде начинают с младшего, а потому я и привожу копию записи по затронутому вопросу офицера 1-й офицерской роты 2-го Корниловского ударного полка поручика Дудниченко¹⁸⁴, роты, переданной в эти дни в отряд полковника Пуха. «1-я офицерская рота 2-го Корниловского ударного полка была назначена в распоряжение полковника Пуха, командовавшего группой из трех рот 3-го Корниловского ударного полка, одной Инженерной роты под командой полковника Добровольского и одной 4-орудийной батареи, охранявших село Знаменка на Днепре. В первую ночь по нашем прибытии в Знаменку мы испытали очередной набег местных коммунистов, скрывавшихся в днепровских плавнях, и в ту же ночь нам пришлось оставить село и расположиться на ночлег в огромном разрытом кургане (могиле), отстоявшем от села в двух верстах. Спать мы могли под открытым небом только тесно прижавшись спиной к спине и с винтовками в руках. Несмотря на то что был октябрь месяц, спать нам было тепло, потому что (о чем мы узнали, когда проснулись) мы были изрядно притрушены снегом. Рано утром мы были разбужены кавалерийским сигналом: «В атаку!» То был сигнал красной конницы, этой ночью перешедшей Днепр. Был страшный туман, и до приближения к нам противника ближе, чем на ружейный выстрел, мы ничего не предпринимали, так как не знали, да и не ждали ничего подобного. Когда мы спустились с кургана, туман оказался менее густым, чем он был наверху, и тем явственней представилась нам действительность нашего положения. По всему фронту нашего участка, от края до края, мы увидели несметные силы красной кавалерии, которая подходила к нам все ближе и ближе. Наконец дистанция между нами уменьшилась до того, что мы стали ясно слышать их крики и брань по нашему адресу. В ответ на это мы на минуту останавливались, давали два-три залпа то в одну, то в другую сторону, и продолжали отступать. Мы несли огромные потери убитыми и ранеными. Всех раненых нашей роты мы подбирали на пулеметные тачанки и нагружали их столько, что нельзя было уже и стрелять из пулеметов. У всех пулеметчиков, сидевших на конях, было по два-три человека раненых. Наша артиллерия при безостановочном отходе пехоты не могла стать на позицию всей батареей сразу и стреляла од-

ним орудием, меняя позицию каждые пять минут. Красные обнаглели до того, что покушались идти на нас в атаку. Мы тоже пытались применить строй, принятый для отражения кавалерии, но нам это не удалось, так как составлявшие группу части 3-го полка были деморализованы тем обстоятельством, что первый из храбрейших и храбрых не выдержал и на тачанке исчез. Через несколько минут был ранен и заместитель полковника Пуха полковник Удовицкий¹⁸⁵, который тоже оставил нас. Все солдатские части, составлявшие группу, прильнули к офицерам, ища у них защиты и спасения, но увы, многими из нас овладела паника. Даже такой огромной воли человек, как штабс-капитан Малик вынул револьвер и приготовился. Начальник пулеметной команды офицерского батальона 2-го Корниловского ударного полка бесстрашный подпоручик А.П. Бондарь 1-й¹⁸⁶, который тоже вез на своем коне двух раненых офицеров, приказал для прикрытия отхода всей группы к селу выставить пулеметы на мельницу, но напрасно... На нашем правом фланге Инженерная рота, оставленная своим командиром, обращается в бегство... Фланги кавалерии противника все больше и больше смыкаются и грозят отрезать нас от села. В этот поистине страшный момент на нашем левом фланге появляется наш Корниловский конный дивизион с начальником дивизии во главе и с криком «Ура!» бросается на правый фланг противника, а в это же время на нашем правом фланге командир 1-го батальона 3-го полка капитан Марченко с револьвером в руках останавливает бегущую Инженерную роту. Во всем наступлении красных происходит замешательство, и мы входим в село. Мы спасены, но ранен генерал Скоблин, начальник нашей дивизии, который в этом бою в последний раз поддал нам пример беззаветной храбрости и тем спас многие, многие жизни для того, чтобы продолжать еще неоконченную борьбу за освобождение великой России».

Теперь я кратко приведу свое впечатление о ранении генерала Скоблина с точки зрения командира 2-го Корниловского ударного полка. После отражения 2-м полком атак кавалерии и пехоты у Нижнего Рогачика полк оттягивается начальником дивизии в Верхний Рогачик. 1-й полк, бывший в это время в резерве дивизии, был оставлен в колонии Ольгофельда, в арьергарде. Не доходя до Верхнего Рогачика, 2-й полк был атакован со стороны этого селения кавалерийским полком красных. Создавалось впечатление, что Верхний Рогачик уже занят красными, но потом узнали, что красные скорее всего были из группы, атаковавшей отряд полковника Пуха. Нашим огнем противник был разбросан во все стороны и исчез. В этот момент мной и было получено приказание выдвинуть полк на высоты к северо-востоку от Николайсберга. Полевой дорогой полк подходил к месту назначения, прикрываясь с севера лег-

кой, параллельной движению возвышенностью. Я с командой конных разведчиков ехал по северному склону ее на уровне головы своего полка и хорошо видел впереди себя, в верстах, может быть, двух, генерала Скоблина со своим начальником штаба тогда капитаном Месснером в сопровождении своего конного дивизиона. С севера всюду маячили разезды красных и слышались редкие артиллерийские выстрелы. Об отходе группы полковника Пуха я тогда еще не знал. Остановившись для осмотра местности в бинокль, я увидел такую картину: наш конный дивизион в походной колонне как будто смешался и часть его отскочила в сторону красных. Минут через десять узнали, что начальник дивизии ранен, но отступавшей группы полковника Пуха еще не было видно от меня.

Полагаю, что разгром моим полком красной кавалерии под Верхним Рогачиком и наше движение на высоты в сторону отступавшей группы полковника Пуха красные заметили и отказались от общей атаки подобно тому, как и разбитая нами этим утром под Нижним Рогачиком их стрелковая дивизия. По данным того времени, поведение полковника Пуха, начальника горячего, часто игравшего по пустыкам со смертью, объяснялось тем, что он, видя неминуемую гибель отряда, — ведь он был окружен кавалерией красных в расстоянии не менее десяти верст от резерва дивизии и потому, не получая ответа на свои просьбы о помощи, он решил сам воздействовать на начальника дивизии. А может быть, еще и потому, что у отступающих тогда не было ни телефона, ни конной связи, так как все было занято под раненых. Вообще же здесь противник навалился на нас основными своими силами в колоссальном перевесе в его пользу и нам оставалось только почетное отступление. Нелегко был путь корниловца при наступлении, но при отступлении тяжесть его увеличивалась в несколько раз, особенно с моральной стороны, и не каждому, измученному и измотанному в ежедневных боях дано природой побороть в себе это чувство в нужный момент. К тому же полковник Пух только в Крыму вернулся к нам после тяжелого ранения в бою под Ставрополем в сентябре 1918 года с раздроблением пятки, перенеся несколько операций, но, несмотря на это, от ходьбы он страдал.

Взгляд рядового бойца на роль его начальника не всегда совпадает с требованиями обстановки. В данном случае порыв полковника Пуха для спасения своего отряда был рассчитан правильно, и его отряд движением моего 2-го полка был спасен. Мнение о том же временно исполнявшего обязанности нашего начальника штаба дивизии тогда капитана, а ныне профессора. Генерального штаба полковника Евгения Эдуардовича Месснера. В частном письме ко мне он так освещает это: «Гене-

рал Скоблин предполагал с высоты стоявшей перед нами мельницы осветить картину происходящего, но был ранен разездами противника». Вывод: появление начальника дивизии со своим Конным дивизионом и 2-го Корниловского ударного полка в направлении отступления отряда полковника Пуха оказало своим маневром с отбитием атак красных благотворное влияние на исход боя, и полагаю, что это согласованное появление в нужное время и в определенном месте было не без участия начальника отступавшей в окружении группы корниловцев полковника Пуха.

* * *

16 октября. В 4 часа 2-й Корниловский ударный полк в составе дивизии прибыл в Ново-Екатериновку. Сторожевое охранение от полка выставлено на северо-запад и северо-восток.

17 октября. В 13 часов полк с боем перешел в село Рубановка. Переход — 12 верст.

18 октября. Из Рубановки Корниловская ударная дивизия идет на Нижние Серагозы, откуда после часового привала — в село Агайман. От себя добавлю, что переход Нижние Серагозы—Агайман прошел для нас без боя, но мы были свидетелями блестящего для нас боя наших частей с пехотой и особенно с кавалерией красных. По пути на Агайман, когда стало едва светать, пехотная часть красных спешила в колонне опередить нас. Двигалась она быстро и, по-видимому, ворвалась в интервал между нами и нашими соседями. Мы готовились отбросить их, но в это время с запада от нас по красным был открыт сильный артиллерийский и пулеметный огонь, красные смешались, и в это же время с севера какая-то наша кавалерийская часть понеслась на них в атаку. В десять минут все было кончено, и мы продолжали наше движение спокойно. После мы узнали, что это были наши старые знакомые — латыши.

Днем же перед нами разыгралась картина другого масштаба. Обстановка к этому дню сложилась так, что на участке нашего движения 1-я Конная армия Буденного опередила нас и едва не ворвалась в Крым, но, получив отпор на перешейках, сама оказалась прижатой нами к Сивашам и должна была прорываться через отступающую 1-ю армию генерала Кутепова. Перед нами, прямо на Агайман, сам генерал Кутепов вел всю подчиненную ему конницу и Дроздовскую дивизию, составлявшие его ударную группу. Я мог наблюдать верст на пять все поле боя. Полки красной конницы развернулись раньше наших, и их излюбленный прием — устрашать врага блеском своих шашек, задолго до

шока извлеченных из ножен, действительно производил довольно мрачное впечатление. Стальное громадное поле, зловеще сверкая, катилось в нашу сторону с юга. Наши шли «ящиками». Как после выяснилось, за этими «ящиками» маскировались 8 настоящих бронев автомобилей и 22 «форда» с пулеметами. Когда расстояние между противниками сократилось до нормального перехода в атаку, наши кавалерийские «ящики» стали разворачиваться, как бы выбрасывая вперед свое содержимое, — броневики. Эффект был поразителен, красные смешались на близкой дистанции перед нашей кавалерией и, поливаемые огнем пулеметов и артиллерии, обратились в бегство. В этом бою одна из дивизий 1-й Конной армии Буденного сильно пострадала. Сам же Буденный не был захвачен дроздовцами только потому, что автомобиль, на котором он удирает, был принят за броневик. Его брошенным нетронутым обедом воспользовались наши артиллеристы, отдав должное гусям с яблоками и прочему.

Этот бой показал, что 1-ю армию генерала Кутепова, пока она в кулаке, красным не разгромить. Хотя общее положение от этого не менялось, но сознания наличия у нас данных для почетного выхода из критического положения возросло, и все приободрились. Я опять должен отметить здесь поражавшее меня в последних боях явление: это упорство бывших красноармейцев драться на нашей стороне. Они часто шли без шинелей, с соломой под рубахой, но с винтовкой в руках. В этом для меня открывалась вся трагедия русского народа, подавлявшегося сначала разложению нашей милой так называемой «интеллигенции», а потом силой чекистов Дзержинского и обманом агента Германии Ленина, загнанного в Красную армию для борьбы с нами.

19 октября. В 20 часов Корниловская ударная дивизия через село Отрада шла на село Рождественское, которое занималось 14-й кавалерийской дивизией красных, тоже выходившей из-под нашего удара с тыла. В селе Отрада для Корниловской ударной дивизии квартир для ночлега не оказалось. Назначенная для освобождения села Рождественского конница из-за переутомления просто не могла двигаться, и потому корниловцам было приказано продолжать движение и занять квартиры 14-й советской кавалерийской дивизии. В авангарде шел 2-й Корниловский ударный полк. О том, кто и какими силами занимает село Рождественское, командир полка при выходе из села Отрада не знал. Только в пути, от подводчиков и наших конных разведчиков, было установлено наличие в селе 14-й кавалерийской дивизии Буденного. Застигнутый врасплох противник в панике бежал, обозначив попытку несколькими эскадронами отбросить нас. Конечно, кавалерию корниловцы переловить не могли, но трофеи были приятные: только

нами было взято более 250 коней с седлами, одна батарея в полной запряжке, остальные орудия были брошены перед незначительными препятствиями, были захвачены офицеры-артиллеристы, много раненых, повозки с провизией и разным полезным для нас грузом. Переход — 42 версты.

Благодарность командующего 1-й армией генерала от инфантерии Кутепова за взятие села Рождественка (копия с собственноручно написанной им): «Несмотря на 80-верстный переход при тяжелых условиях, все время ведя бои, доблестные корниловцы блестяще выполнили возложенную на них задачу, чем дали возможность конкорпусу расположиться на ночлег. Благодарю родных корниловцев за блестящие действия, еще раз подтверждающие их доблесть. Командарм 1-й генерал *Кутепов*».

Этот ночной бой пехоты с кавалерией настолько интересен, что я приведу отзыв о нем начальника штаба нашей дивизии, ныне профессора Генерального штаба полковника Евгения Эдуардовича Месснера и свой. В информационном бюллетене «Корниловцы» № 49 за октябрь—декабрь 1961 года, в статье «Нападение с налета», после общего освещения положения прорвавшейся конницы 1-й Конной армии Буденного через 1-ю армию генерала Кутепова полковник Месснер пишет: «В селе Отрада генерал Кутепов сказал, что селение не может вместить всех войск, но пока что Рождественка занята одной из дивизий Буденного, а потому Корниловской ударной дивизии ставится задача выгнать оттуда красных, чтобы там мог стать на ночлег конный корпус. Корниловцам ночевать тоже там же, в Рождественке. Утомленные за сутки переходом, пошли корниловцы «застилать постели» кавалерии. Когда мы подходили к Рождественке, исполняющий обязанности начальника дивизии (раненого) генерал Пешня сказал мне: «Устали мы, чтобы драться... Давайте спугнем красных. Несколько выстрелов по селу из пушек, и красные зададут лататы». Я поехал распорядиться, чтобы одна из батарей открыла бы огонь. Но лишь только я возвратился к генералу Пешне, как к нему приехал офицер из головной заставы и доложил: «Красные не выставили сторожевого охранения, не имеют даже постов у входа в село. Головная застава остановилась в ожидании приказа, входить ли ей в село». Выслушав это, полусонный генерал быстро пришел в себя, в нем проснулся охотничий азарт. «Прикажите батарее огня не открывать! 2-й полк, вперед! Быстро!.. Захватим их спящими». И он поспешил к головной заставе. Я послал штабного офицера на батарею и со штабом нагнал начальника дивизии. Когда мы уже были у входа в село, раздался артиллерийский выстрел, посланный офицер опоздал на несколько секунд. Дальнейших выстрелов не последовало, 2-й полк вор-

вался в село, вытаскивая из хат сонных буденновцев, захватывая посаженных лошадей. Начальник дивизии и командир полка принимали деятельное участие в этой чистке села. К сожалению, артиллерийский выстрел разбудил часть красной дивизии, и ее полки, ночевавшие подалее от входа в село, куда мы ворвались, успели улепетнуть. Но нам все же достались сотни пленных и множество лошадей. Если бы генерала Пешню не соблазнила мысль накрыть сонного противника, если бы мы не взяли село с налета, то, вероятно, завязался бы бой. Мы понесли бы потери, мы бы не нанесли противнику столько урона и, может быть, до утра не очистили бы село для ночлега в нем конницы и для собственного отдыха. Неожиданность нападения и скорость нашего удара дали нам быструю победу без малейших потерь».

Теперь позволю себе и я привести свое, тогда записанное впечатление об этом лихом налете моего 2-го Корниловского ударного полка на село Рождественка после ряда тяжелых боев и больших форсированных переходов. В селе Отрада около полуночи мной был получен приказ от начальника дивизии занять село Рождественка. Предполагалось, что мы оставались в окружении конницы противника, но в пунктах неопределенных. Люди и лошади едва волочили ноги. До села было около 8 верст. С головным батальоном был мой помощник по строевой части полковник Лысань Антон Евтихиевич¹⁸⁷, я же был с главными силами полка. Не доходя до села двух верст, мы получили донесение от наших конных разведчиков и от побывавших в селе наших каких-то квартирмейстеров, посланных, по-видимому, кавалерией по первоначальному распоряжению, и от них узнали, что в селе стоит 14-я кавалерийская дивизия красных и части ее собираются в поход на север. В это время подскакивает ко мне и полковник Лысань с аналогичным докладом, дополненным тем, что головной батальон полка теперь уже в огородах села и что движение противника началось. Получив от меня приказание наступать не останавливаясь, он ускакал. В это время раздается артиллерийский выстрел. Меня это так удивило, что я сам решил узнать, почему мои батареи вдруг открыли огонь. Минут через пять, по пути, я встретил группу всадников и, приняв их за наших артиллеристов, спрашиваю довольно резко: «Кто приказал вам открывать огонь?» — «Это я», — отвечает мне генерал Пешня. Я был очень удивлен его присутствием здесь и его вмешательством в мои обязанности, не сдержался и ответил ему: «Ваше Превосходительство, может быть, разрешите мне исполнение полученного приказа мне и закончить?» Генерал что-то мне ответил, но я уже ехал на место начавшегося боя. После об этом генерал Пешня мне не напоминал, и я отношу это к тому, что я с ним был однокашником по Виленскому военному училищу. Несмотря на то что

противник был хорошо покрыт почти в упор ружейным и пулеметным огнем, он все же сделал попытку двумя эскадронами атаковать полк в левый наш фланг. Это ему не удалось, так как к этому месту и подходил центр полка, наперерез красным. Отрезанная от своего пути следования масса красных бросилась все же на север через дворы и огороды, но это было не так просто сделать коннице и особенно артиллерии с обозами. Наступал рассвет, и мы воочию могли убедиться в успехе нашего налета. Неудачный артиллерийский выстрел у нас, в шутку и сгоряча, называли «предательским». С ним все село зашумело, как муравейник. Не будь его — это было бы вторым номером разгрома нами конного корпуса Жлобы. Происшедший здесь со мной случай характеризует, насколько красные были ошеломлены. Наступивший рассвет застал меня посередине довольно широкой улицы, передо мной группа ударников кому-то указывает руками в моем направлении. Я подъезжаю к ним и вижу: несколько красных офицеров ищут старшего начальника, ведшего этот бой. Отвечаю, что это я, и тут же спрашиваю их, какой они дивизии и где их начальник дивизии. Ответ: «Здесь была 14-я кавалерийская дивизия Буденного, а ее начальник только что убежал через огороды». Один из них вдруг говорит мне: «Разрешите в память блестящего для вас боя преподнести вам ценную для нас плетку». Чтобы прекратить ненужный разговор, я, не спрашивая даже, почему она была ценной для них, взял ее, а им отдал свою, калмыцкую.

Плетка оказалась самой простой и до сего времени хранится у меня, как память о действительно блестящем деле 2-го Корниловского ударного полка в особо критический для него момент. Я только напомнил красным офицерам о том, что некоторые полки 14-й кавалерийской дивизии совместно с 45-й пехотной дивизией, где я служил в первую Великую войну, ведь усмиряли первое восстание большевиков в Петрограде, и спросил, как теперь они дошли до жизни такой? Ответ одного из них был таким: «Да так, все слушались приказов». Отъезжая, я сказал им, что наше положение им известно, а потому нам пленные не нужны и поэтому лучше было бы с места боя им зайти в первую попавшуюся избу.

Трофеи превзошли все наши ожидания: только нами было взято согласно записи в журнале боевых действий полка 250 лошадей с седлами (с тем, что взяли другие наши полки и кавалерия, доходило до 600), батарея в запряжке, остальные орудия тоже были брошены перед незначительными препятствиями, и много повозок с ценным для нас грузом провианта. Досадным было только то, что мы не устроили погони за начальником 14-й советской кавалерийской дивизии, но виной тому было полное истощение физических сил корниловцев. Мой

помощник — полковник Лысань — после подтвердил слова красных офицеров: по его словам, когда он с цепями головного батальона был около середины села, прямо на него на карьере в тумане налетели два красных кавалериста с заводным шикарным конем. Выхватив свой маленький испорченный револьвер, он закричал им: «Стой!» — и красные кубарем спешили. На вопрос, куда они скакали, ответили, что ищут начальника 14-й кавалерийской дивизии и что вот его конь. Конь был действительно красавцем.

Пусть не смущают читателя небольшие расхождения в описании боя нашим начальником штаба дивизии Генерального штаба полковником Месснером и моим, — оба отвечают действительности, но только наблюдения наши велись с разных занимаемых нами должностей. Генерал Пешня, как начальник дивизии, имел, конечно, право вмешаться, я же вести детали боя согласно полученному от него же приказу, что считал своей привилегией, о чем и осмелился напомнить своему начальнику.

* * *

Вечером 17 октября войска Кутепова подошли к хутору Отрада. Полки стали постепенно расходиться на ночлег, а для корниловцев места не хватило. Генерал Пешня вызвал к себе командиров полков и объявил, что Корниловской дивизии предложено переночевать в селе Рождественском, но предварительно необходимо выбить оттуда 14-ю советскую кавалерийскую дивизию.

Огромное село было расположено в лощине. Корниловцы подкрались к нему шагов на триста и открыли огонь залпами. Забили пушки и пулеметы. Когда Корниловские цепи подошли к хатам вплотную, в селе была полная паника. Через полчаса корниловцы сидели по теплым хатам и кончали прерванный ужин красных. Борщ, баранина, птица, яичница с салом дымились на столах. Сразу прошла усталость, все стали веселы, разговорчивы. Два перевернутых орудия, кухни, оседланные лошади, целые подводы с мукой, свиньями тушами и всяким добром были добычей корниловцев. Красные кавалеристы отошли версты на три от села, зажгли сначала костры, а потом, видно, не выдержали холода и ушли искать для себя новый ночлег.

Одновременно с группой генерала Кутепова к Салькову со стороны Мелитополя приближались войска генерала Абрамова, заменившего отрешенного от командования армией генерала Драценко. Передовые части красной конницы пытались ворваться в Чонгарский полуостров, но были отбиты.

* * *

20 октября. Начиная с утра красная кавалерия повела яростные атаки на села Рождественское и Отрада. У нас отбивала атаки наша кавалерия, принимала участие и Корниловская артиллерийская бригада, а мы имели на окраине села дежурные батальоны. А в Отраде, как сообщалось, дроздовцы отбили до 11 кавалерийских атак. Надо полагать, что товарищ Буденный был сильно обижен на нас за Агайман и Рождественку.

В 10 часов Корниловская ударная дивизия выступила из села Рождественского в имение Струково, в Крыму. Остаток дня, ночь и следующий день корниловцы были в походе, останавливаясь только на небольшие привалы. Большинство ударников 2-го Корниловского полка были на повозках, очередь на повозки соблюдалась строго, но часто, в критические минуты, когда противник наседал, приходилось спешиваться, артиллерия поорудийно отстреливалась. Повозки шли в 5—6 рядов. С наступлением ночи, когда подобного рода движение «выматывало душу», прикрывавшая нас конная застава на карьере, молчком, пересекая наше движение, пронеслась куда-то к своим. Полк спешился, пулеметы выдвинулись вперед, подравнялась и артиллерия, обозы строго держались в порядке, движение почти приостановилось. Действительно, навстречу нам в темноте двигалась масса чьей-то кавалерии. Я со своим ординарцем, поручиком Дяйкиным¹⁸⁸, выехал немного вперед. Ясно стали доноситься слова: «Спокойно, товарищи, спокойно!» Расстояние настолько сократилось, что я крикнул ближайшим всадникам: «Какого полка?» Ответ: «Такого-то советского кавалерийского полка!» Рев нашего ружейного, пулеметного и артиллерийского огня был ответом на это. Кого я спрашивал — лежали вместе с конями. Минута, когда я в гробовой тишине кричал: «Какого полка?» — действительно была торжественной по своей трагичности. Ее и теперь, в 1963 году, в Париже, поручик Дудниченко вспоминал так: «Когда полк выстроился и шум кавалерии все нарастал, нервы у всех напряглись до предела, мой вопрос произвел такое впечатление, что один старый ударник, физически крепкий, — упал в обморок».

Сила нашего огня все смела. Сопровождавший меня поручик Дякин хотел по моему приказанию узнать у ближайшего лежавшего красного подробности, но он был уже мертв, пришлось взять его огромную кожаную сумку. Оказалось, что ее владелец был интендантом какой-то красной кавалерийской дивизии и что они, как сказали раненые красные, шли на прорыв из нашего окружения. Дальше ночной поход продолжался нормально, но по-старому, в несколько рядов.

20 октября войска генерала Абрамова под прикрытием группы генерала Кутепова стали втягиваться в сальковское дефиле. Корниловская

дивизия в это время, на походе от села Ново-Михайловка до села Ново-Алексеевка, отбивалась от атак красной конницы. Врезаться в колонну корниловцев противнику не удалось ни разу. В одном хуторе около Ново-Алексеевки корниловцы нашли несколько повозок своей хозяйственной части, отосланной прежде из Верхнего Рогачика. Застигнутые на этих повозках сестры милосердия были зарублены, предварительно изнасилованы и изуродованы.

Когда Корниловская дивизии подошла к станции Сальково, она была занята красными. После большого и тяжелого боя корниловцы ее взяли. Целые составы поездов, груженных интендантским имуществом, стояли брошенными на подъездных путях. Это имущество разбирали проходившие части и местные жители. В один вагон влез казак и выбрасывал из него пачки кожаных безрукавок, приговаривая: «Хватай Гаврилыч!», перебрасывал их дальше оживленной хохочущей толпе казаков.

21 октября. День принес с собой опять массу неприятностей: кавалерия противника все время нас преследовала, и наша артиллерия снова поорудийно становилась перекатами на позиции и отгоняла красных. По ровной степи мы подходили с северо-запада к станции Алексеевка, и казалось, что мы скоро укроемся от противника обещанными укреплениями Чонгарского перешейка. Однако и красные учли это положение и их пехота спешила наперерез нам с севера с целью закупорить узкий проход на полуостров и прижать нас к водам лимана. В этот критический момент казавшаяся до этого мертвой станция Ново-Алексеевка ожила: беглый огонь нашего бронепоезда без промаха косил красных, сметая передовые их цепи, но их заполняли бегущие за ними. Стрелковой части полка пришлось остановиться, пропуская вперед, к Чонгарскому перешейку, наш обоз. Наша артиллерия тоже открыла огонь, затрещали пулеметы, и противник сначала смешался, а потом стал бежать назад, преследуемый артиллерийским огнем. Не скажу, чтобы с радостью корниловцы проходили за окопы с жидкой проволокой так называемых «Чонгарских укреплений», они их мало интересовали, а давила их горечь неудачи выхода на просторы Северной Таврии и приближавшийся конец Белого движения юга России. Это проклятое настроение усиливалось тяжестью перехода по Чонгарскому перешейку: сильно морозило, и пронизывающий до костей морской ветер убивал в человеке все живое, превращая его просто в автомат, да еще плохого качества. К моей группе всадников присоединился полковник Роппонет, командир нашего 3-го артиллерийского дивизиона, всегда тонный и подтянутый, а теперь, от холода, мороза и истощения представлявший из себя сосульку. Моя жена, сестра милосердия Корниловского ударного полка, вручила ему из своей запасной сумки теплое белье с требова-

нием срочно добавить к тому, что у него было, для избежания рокового исхода. В этой ужасной обстановке меня более всего удивляли все те же ударники из недавних пленных красноармейцев. Полураздетые, с набитой под рубахами соломой, они не отставали от нас и гордо несли свои винтовки.

Во время перехода командиры полков и артиллерийских дивизионов направились, согласно приказу, на рекогносцировку района действий Корниловской ударной дивизии на своих старых позициях на Перекопском перешейке. 2-й полк продолжал движение на имение Струково, и 21 октября старшие начальники здесь узнали о неизбежности эвакуации Русской Армии. Оборона была теперь необходима только для нормальной посадки на суда. Днем 2-й Корниловский ударный полк прибыл в имение Струково. Переход — 105 верст (Агайман—Струково).

22 октября. Дневка.

23 октября. Корниловская ударная дивизия выступила в село Воинка.

24 октября. В 8 часов 2-й Корниловский ударный полк прибыл в Воинку и разместился по квартирам. Дневка. Переход — 25 верст.

25 октября. В 8 часов 2-й Корниловский ударный полк выступил из Воинки и в 15 часов прибыл в город Армянск. За неимением мест полк на ночлег расположился в лазарете и около него. Переход — 35 верст.

В полк прибыл из Египта, по выздоровлении, взвод офицеров. Получено приказание Корниловской ударной дивизии занять старые свои позиции по Перекопскому валу, сменив там гвардейские части. На правом фланге дивизии, по Сивашам, фронтом на восток стал 3-й Корниловский ударный полк. Правую половину Перекопского вала, фронтом на север, — 1-й полк и левую часть вала — 2-й полк.

Из-за сильного артиллерийского огня 2-й Корниловский ударный полк мог сменить гвардейцев только с наступлением темноты. При смене выяснилось, что красные режут наше проволочное ограждение. Ввиду этого, сменяемому гвардейскому полку было приказано с его 14 пулеметами занять наш правый фланг, а 2-му полку с его 60 пулеметами все остальное, влево от него, очистить район ограждений от противника и только тогда освободить задержанный гвардейский полк. Еще до утра гвардейцы отошли в резерв.

* * *

Перед общим наступлением Красной армии создаются 4-я и 6-я советские армии и образуется Южный фронт, во главе которого поставлен М.В. Фрунзе. План наступления Фрунзе сводился к тому, чтобы окружить и уничтожить Русскую Армию в Северной Таврии, не дав ей возмож-

ности уйти в Крым через перешейки Перекопский и Чонгарский. В общем наступлении на Крым принимали участие: 6-я, 13-я и 4-я армии, 1-я Конная армия Буденного, 2-я Конная армия Гая и банды Махно. Для атаки Перекопа назначается известная уже нам 51-я стрелковая дивизия Блюхера, которая для этого усиливается ударно-огневой бригадой, отдельной кавалерийской бригадой, кавалерийскими полками 15-й и латышской дивизий и автоброневой группой.

25 октября/7 ноября. Фрунзе приказал взять Перекопский вал. Для этого Блюхер, объединявший на Перекопе всю ударную группу, разделяет ее: 1) Ударно-огневой и 152-й стрелковой бригадам штурмовать Турецкий вал; 2) 153-ю стрелковую и две кавалерийские бригады он выделяет в ударную группу для наступления через Сиваши на Литовский полуостров и для выхода в тыл Перекопских укреплений. Для подготовки штурма Перекопа вели огонь 55 орудий и 8 орудий сопровождения. Начало операции 7 ноября в 22 часа.

26 октября/8 ноября. С утра противник в течение трех часов вел из двадцати батарей разного калибра настоящую подготовку к штурму вала. Наши старые окопы не только не были улучшены, но частично уже развалились или их теперь разбили красные. Линия окопов шла по самому гребню вала, а убежища были на нашем склоне его, таким образом, снаряды противника попадали в обращенный к нему скат вала или перелезали через вал и рвались уже за валом, что и спасало нас. Но беда была с подвозом — десятки лошадей были разорваны в клочья. Часов с десяти — насколько хватало глаз, цепей двенадцать красной пехоты покрыли все поле перед нами — штурм начался.

На участок приехал временно командующий дивизией генерал Пешня и отдал приказание не стрелять до подхода красных до самого рва. Перекопские укрепления состояли из громадного, массивного старого Турецкого вала и глубокого рва перед ним, когда-то наполнявшегося водой из залива, но теперь сухого, укрепленного проволочными заграждениями по обоим его скатам и расположенного на север от вала, то есть в сторону противника. С подходом пехоты красных их артиллерия всю силу своего огня переносит на наш тыл. Используя это, ударники заполняют собой окопы по гребню вала и подносят боеприпасы. Красные, по-видимому, были уверены в силе своего артиллерийского огня и быстро катились на нас. Явный громадный перевес в силах и наше отступление воодушевляли их. Быть может, и наше гробовое молчание создало у них иллюзию того, что мы уже перебиты, а поэтому «перли» они веселые, с воинственными криками. Я даже простым глазом видел, что первые цепи были в зипунах, подтянуты и, как после говорили оставшиеся на нашей проволоке, это была какая-то лучшая дивизия име-

ни товарища Фрунзе. Первая цепь была уже на расстоянии 300 шагов от нас, у пулеметчиков уже чесались руки, но приказания стрелять не было. Красные совершенно осмелели, и некоторые подбегали ко рву. Хотя мы и были уверены в себе, но все же нервы были сильно напряжены, и первым нарушил наше молчание начальник дивизии генерал Пешня, отлично знавший пулемет и взявшийся за него. Эффект огня не менее 60 пулеметов и четырех батальонов, это только на участке 2-го полка, был поразителен: сраженные падали, задние цепи напирали и тем подбадривали остатки передовых цепей, которые местами добегали до рва. Наше преимущество, несмотря на нашу малочисленность, было в том, что артиллерия красных не могла бить по нам из-за близости к нам их стрелков, а пулеметы противника могли бы отлично поражать нас, но они почему-то только тянули их, а не стреляли через головы своих. Может быть, они не имели опыта в подобного рода применении своего оружия? Нам повезло и в том отношении, что с подходом красных ближе ко рву и валу они ясно себе представили все значение для них такого препятствия, которое, как они убедились, не могла разрушить даже их многочисленная артиллерия. Через четверть часа вся атакующая масса смешалась и залегла. Худшего положения для красных нельзя было придумать и нарочно: для нас, с высоты вала, они представляли отличные цели, без возможности где-либо укрыться, и вот здесь-то они и понесли самые большие потери. Наша артиллерия тоже била по ним, но не так, как всегда. Оказывается, что, помимо повреждений от огня артиллерии противника, она частично была отозвана вправо, на участок Дроздовской дивизии, где красные прорвались через лиман. До самого вечера вся эта масса не двигалась под нашим огнем, наполняя воздух криками раненых. Мне довелось читать в изданной в СССР истории Гражданской войны описание атак на Крым, где сообщалось, что их потери в это время были до 25 тысяч человек и что Перекопский вал они взяли штурмом и бомбами уничтожали нашего брата в железобетонных убежищах, которых мы там не имели, а были у нас простые землянки, прикрытые досками с землей. Но, несмотря на это, все поле было покрыто убитыми и ранеными во имя интернационала пролетарской революции Ленина и Троцкого, наше же положение все ухудшалось.

В книге «Блюхер» так описывается это наступление: «Около 18 часов вновь атакуем Турецкий вал. В первых рядах идут броневики. У самого рва, встретив неожиданно проволоку, пехота вновь остановилась. Целый день беспримерного боя не принес еще победы, но цель была уже близка. Около 200 орудий белых и до 400 пулеметов поражали наши части». Число орудий на нашем участке преувеличено в десять раз, а число пу-

леметов — в четыре раза. Перекопский вал занимали только два Корниловских ударных полка, а третий полк стоял лицом на восток, к Сивашам, для обеспечения от удара оттуда. За бой 26 октября/8 ноября 2-й Корниловский ударный полк потерял убитыми 8 человек и ранеными 40 человек. Было убито 35 лошадей. Все ранения были от артиллерийского огня.

27 октября/9 ноября. Корниловская ударная дивизия к часу покинула Перекопский вал и отступила на Юшуньские позиции. Ночь была темная и беззвездная. В арьергарде дивизии был оставлен батальон полковника Трошина, который к часу тоже оставил Перекопский вал. Об этом так написано в книге «Корниловский ударный полк»: «Вечером 26 октября (ст. ст.) полковник Левитов вызвал к себе полковника Трошина и передал ему, что с наступлением темноты вся Корниловская ударная дивизия получила приказание отойти на Юшуньские позиции, а его 2-й батальон назначается в арьергард. Чтобы не обнаружить перед противником своего отхода, необходимо до последнего момента постреливать из винтовок. Непреступный Перекопский вал стал пустеть. Увозят пулеметы, уходят роты одна за другой. Полковник Трошин растянул свой батальон по окопам. Зловещую тишину изредка нарушал одиночный выстрел. Наконец снялся и 2-й батальон. Без одного огонька папиросы корниловцы прошли через Армянский Базар и глубокой ночью втянулись в первую линию Юшуньских укреплений». В журналах боевых действий всех трех полков Корниловской ударной дивизии отмечено, что эти укрепления были плохо приспособлены для обороны.

Посмотрим, как этот штурм Перекопских позиций освещает штаб Блюхера: «Ночью, около 24 часов (26 октября/8 ноября), Фрунзе приказывает возобновить атаку и требует захватить вал во что бы то ни стало. Вновь бросаем изнуренные части на штурм, и около 3 часов 27 октября/9 ноября непреступный Перекоп пал». На самом же деле Перекоп был оставлен корниловцами без боя и еще до подхода красных, согласно приказу от 26 октября/8 ноября, в 24 часа. В одной шикарно изданной истории СССР я читал такое же измышление о штурме Перекопских укреплений, где красные будто бы выкуривали офицеров бомбами и огнеметами из бетонных укреплений, каковых на самом деле на Перекопском валу не было, так же как не было и «легендарного штурма Перекопского вала красными» в 3 часа 27 октября/9 ноября.

28 октября. На рассвете противник крупными силами, при поддержке сильного артиллерийского огня, перешел в наступление на фронте дивизии. Несмотря на малочисленность полка и усталость людей от продолжительных и тяжелых переходов, сопровождавшихся непрерывными и непосильными боями, полк с мужеством сдерживал натиск. Од-

нако правофланговый 1-й полк атакой красных со стороны Дроздовской стрелковой дивизии был выбит из первой линии, 3-й полк оказался под угрозой удара с тыла. В это время временно командующий дивизией генерал Пешня берет от 2-го полка броневик и приказывает по телефону 3-му и 2-му полкам переходить в контратаку. Я, командир 2-го полка, осмелился было указать на опасность неустойки слабого 3-го полка, и тогда 2-й полк будет прижат к заливу, но в это время мне доложили, что 3-й полк уже выходит за проволоку для атаки.

Я тогда считал атаку ненужной и рискованной, но неуместной поспешностью командира 3-го полка был поставлен в необходимость подставлять и свой полк под пули красных, а не отбросить их еще раз силой своего огня. Когда 2-й полк выходил за проволоку, 3-й полк жиденькой цепочкой, во главе со своим командиром полка полковником Щегловым, на коне, уже двигался на окопы красных под вой пулеметов противника. Бесполезность контратаки в создавшихся для нас условиях тяготила меня. Снаряды и пули градом обрушились и на 2-й полк, который спокойно и дружно шел в контратаку. Занятый судьбой своего полка, я не обращал внимания на действия 3-го полка, но когда посмотрел на его участок, то увидел печальную картину отступления его, теперь уже без командира полка, раненного в этой вылазке. Тут и я приказал отходить под прикрытием пулеметов в свои окопы.

Проходя через проволочное ограждение, я остановился, чтобы еще раз взглянуть на обстановку на участке 3-го полка, но здесь пришел конец и моему командованию доблестным 2-м Корниловским ударным полком. Пуля попала мне в левый пах, пробив толстую сумку с картами, и остановилась в позвоночнике спинного хребта. Она сбила меня с коня, почти мгновенно парализовав обе ноги. Через 8 лет, в Болгарии, доктор Берзин сделал мне операцию и преподнес мне на память о Родине русскую остроконечную пулю с погнутым концом, нанесшую мне тринадцатую рану в борьбе за честь и достоинство национальной России. Одновременно со мной был тогда ранен и мой помощник, полковник Лысань Антон Евтихиевич, тоже в пах, но навывлет. В командование полком вступил полковник Трошин¹⁸⁹, его помощником стал капитан Возовик¹⁹⁰.

В этом бою из лиц командного состава были ранены: временно командовавший дивизией генерал Пешня, и во временное командование дивизией вступил командир Корниловской артиллерийской бригады генерал Ерогин; командир 1-го Корниловского ударного полка полковник Горденко, и полк принял подполковник Ширковский; командир 3-го Корниловского ударного полка полковник Щеглов и его помощник полковник Пух, и полк принял полковник Минервин¹⁹¹. Несмотря на неудачу, ди-

визия все же удержалась на своем участке. В книге «Марковцы в боях и походах за Россию» они рисуют картину их подхода к правому флангу нашей дивизии для смены нас и неправильно указывают распределение полков, которые на самом деле занимали участки так: на правом фланге дивизии, до озера Соленого, стоял 1-й полк, левее — 3-й полк, и на самом левом фланге стоял 2-й полк, до самого Перекопского залива.

29 октября, на рассвете, под сильным нажимом противника Корниловская ударная дивизия согласно приказу стала отходить на Юшунь. Оттуда, в связи с осложнившейся обстановкой, дивизия отходит далее на юг, по дороге Юшунь—Симферополь—Севастополь.

* * *

По книге «Корниловский ударный полк».

Вечером 26 октября полковник Левитов вызвал к себе капитана Трошина и передал ему, что с наступлением темноты вся Корниловская дивизия получила приказание отойти на Юшуньские позиции, а его 2-й батальон назначается в арьергард. Чтобы не обнаружить перед противником своего отхода, необходимо до последнего момента постреливать из винтовок.

Неприступный Перекопский вал начал пустеть. Увозят пулеметы, уходит одна рота за другой. Трошин растянул по окопам весь свой батальон. Зловещую тишину изредка нарушал одиночный выстрел. Наконец снялся и 2-й батальон. В полном молчании, без одного огонька папиросы, корниловцы прошли через Армянский Базар и глубокой ночью втянулись в первую линию Юшуньских укреплений. 1-й полк занял правый фланг около Соленого озера, в центр стал 3-й полк, а на левом фланге до моря — 2-й полк.

В журнале боевых действий 1-го полка было занесено: «Позиция, занимаемая полком, была мало пригодна для обороны и во многих местах не имела обстрела; на некоторых участках противник мог скрытно подойти к самой проволоке. Окопы не были сплошными и не имели между собою ходов сообщения. Между 1-м и 3-м полком был прорыв в 500 шагов, не занятый никем». Так же записи и 2-го полка: «...Для пулеметов сделаны гнезда-капониры, но с очень малым кругозором и обстрелом...»

На другой день около 10 часов утра красные перешли в наступление, направляя главный удар в стыке 1-го и 3-го Корниловских полков. Вначале корниловцы отражали атаки успешно, но к полудню противник ввел более крупные силы и всю свою артиллерию. Пулеметчики вытащили из укрепленных гнезд пулеметы и стреляли прямо с бруствер-

ра. Пулеметная тачанка капитана Бурьяна¹⁹² выскочила перед окопами на открытую позицию. Словно маяк, заалела между проволокой красная фуражка Бурьяна. Вой и взрывы снарядов усилились. Около тачанки падают лошади. Пулемет еще надрывается, но вот по корниловской цепи пробежал взволнованный вздох: «Капитан Бурьян, капитан Бурьян...» Доблестный капитан был убит.

Красные ворвались в стыки между 1-м и 3-м полком и начали распространяться по окопам влево и вправо. Под сильнейшим обстрелом корниловцы стали отходить. В ногу был ранен полковник Левитов. Его поднимают и уносят. Он кричит: «Бейте их... бейте их...»

В этом бою был переранен почти весь командный состав Корниловской дивизии: генерал Пешня, полковник Щеглов, подполковник Лысань, подполковник Пух. В командование дивизией вступил командир Корниловской артиллерийской бригады генерал Ерогин, в командование 2-м полком — капитан Трошин, 3-м полком — полковник Минервин.

27 октября генерал Врангель по прямому проводу сообщил генералу Кутепову всю сложившуюся обстановку в Крыму и настаивал на необходимости продержаться на Юшуньских позициях хотя бы еще несколько дней, чтобы выиграть время для погрузки на суда тыловых учреждений, лазаретов и населения.

На последних Юшуньских позициях ночью 28 октября 1-й Корниловский полк был сменен. Не прошли корниловцы и полторы версты от своих позиций, как услышали сзади себя сильнейшую стрельбу. Полк приостановился. Уже стало рассветать. Перед 3-м батальоном показались густые цепи. Разобрать, кто идет, — свои или красные, — было трудно. Под прикрытием бронепоезда «Георгий Победоносец» корниловцы двинулись навстречу. Только когда цепи сблизались шагов на двадцать, враги узнали друг друга. С той и другой стороны раздались залпы. «Георгий Победоносец» подкатил вплотную к красным и в упор стал их расстреливать из всех своих орудий и пулеметов. Красные побежали, корниловцы за ними. Бронепоезд ускорил ход и разогнал подоспевшие резервы красных.

Корниловцы огляделись — одни, совершенно одни... Вокруг притаившиеся красные... Под прикрытием «Георгия Победоносца» 1-й полк отошел за Юшунь. Когда командир подсчитал свои силы, в полку было всего 120 штыков.

29 октября генерал Врангель отдал приказ: войскам, оторвавшись от противника, идти к портам для погрузки. Главнокомандующий вызвал к себе еще хромавшего генерала Скоблина и сказал ему, что он назначается комендантом по погрузке войск в Севастополь и что здесь грузиться будут войска 1-й армии, за исключением Корниловской дивизии,

для которой дан маршрут на Евпаторию. Скоблин запротестовал: «Корниловская дивизия должна грузиться в Севастополь. Если, ваше превосходительство, вы не измените своего решения, я немедленно выезжаю к дивизии, иначе казаки ототрут корниловцев от кораблей». Врангель изменил свое решение. Корниловцы пошли на Севастополь. Когда они вошли в город, около полутора ста тысяч людей уже были посажены на пароходы.

Корниловцы были погружены на «Саратов». 2 ноября с наступлением сумерек «Саратов» поплыл. Корниловцы не отрывали глаз от берега. Еще виднеется узкая полоска земли и прибрежные огоньки. Огни исчезли, и тьма окутала родную землю.

Эвакуация

Корниловская ударная дивизия, под командой командира артиллерийской бригады генерала Ерогина, 2(15) ноября прибыла в Севастополь и приступила к погрузке на транспорт «Саратов».

В этот же день к генералу Врангелю в гостиницу «Киста» явились представители от полков 1-го армейского корпуса во главе с генералом Манштейном для принятия Знамен этих полков, стоявших в помещении Главкомандующего. Генерал Врангель вышел к ним, бледный, в черной черкеске, и сказал собравшимся: «Я сожалею, что не могу сказать этого всем, и прошу вас передать всем то, что я скажу. Сейчас я убедился в том, что Европа и Америка нас предали. Результаты налицо: в моем распоряжении кораблей настолько мало, что я не могу на них посадить даже все остатки славной армии, которая, истекая кровью, подходит к Севастополю. Куда мы идем, я не знаю, так как на мои вопросы, которые я рассылал в течение двух дней со дня юшуньской катастрофы, ответов нет. Я продолжаю по радио вести переговоры и думаю, что они увенчаются успехом. Где мы пристанем, я не знаю, но где бы это ни было, я прошу передать эту просьбу частям: сохранять безусловный порядок, дисциплину и, самое главное, уважение друг к другу. Потому что я в состоянии говорить за вас только тогда, когда буду уверен, что мы и там останемся такими же, как и здесь, твердо веря в нашу идею и в то, что вина в нашей катастрофе не в нас самих».

К утру 13 ноября стали подходить к городу части 1-й армии генерала Кутепова, и погрузка началась. Утром 14 ноября в Севастополе было совершенно спокойно, по городу ходили патрули юнкеров. На рейде стоял крейсер «Генерал Корнилов». Днем караулы и заставы стали стягиваться к Графской пристани. Около 2 часов дня туда подошел генерал Врангель

и поблагодарил юнкеров за службу. Затем он снял корниловскую фуражку, перекрестился, низко поклонился родной земле и на катере отбыл на крейсер «Генерал Корнилов». За ним на «Херсон» погрузились юнкера. Последним сошел с берега начальник обороны Севастопольского района генерал Стогов¹⁹³. Он остановился, перекрестился и заплакал. На берегу была масса народа. Люди благословляли и плакали. Это было около 3 часов дня, а в 4 часа 45 минут большевики вошли в город.

По данным штаба Главнокомандующего, из Крыма ушли все морские транспортные средства и боевые корабли — всего 126 судов. На них было погружено около 135 тысяч человек, и среди них до 70 тысяч бойцов с пулеметами и винтовками. Пароходы вышли в море переполненными до крайности, все трюмы, палубы, мостики, решетки у труб, все было буквально забито и наполнено людьми. Слава богу, море было совершенно спокойно. С тяжелым чувством покидали Белые войны русскую землю, на которой они три года боролись с врагами России — коммунистами и большевиками. Там оставались дорогие могилы, многие оставили там свои семьи, не зная, какая участь их постигнет, но отчаяния не было. Пароходы отходили, взоры всех были обращены на удаляющийся берег родной земли, не зная, увидят ли они ее когда-нибудь опять. Начало смеркаться, на далеком берегу кое-где зажглись огни, все туманнее становились очертания берега. Вот погас и последний огонек. Прощай, Россия!..

*В. Гетц*¹⁹⁴

6-Я КОРНИЛОВСКАЯ¹⁹⁵

Закончилась сказка счастливых дней отдыха, и опять начались тяжелые будни. В то время когда мы представлялись своему Главнокомандующему, в его штабе разрабатывалась сложная операция по разгрому Заднепровского фронта большевиков, имевших свое предместное укрепление у Любимовки и Алешек. К операции привлекалась и наша соседка — Польша, изнывающая под ударами советских армий. Обе заинтересованные стороны, вопреки отсутствующему взаимному доверию, объединились в стратегически выгодной комбинации совместных действий.

Опять Корниловская дивизия направляется к месту удара с переправой через Днепр в районе города Александровска у острова Хортица, где некогда славное запорожское войско вело эпическую борьбу с грозной Оттоманской империей. С суворовской быстротой мы сосредоточились в городе Александровске и после тщательной рекогносцировки,

с участием всех начальников, ночью этого же дня вся дивизия по понтонному мосту перешла на остров и заняла исходное для атаки противоположного берега положение. 6-я батарея заняла позицию на самом берегу, куда орудия выведены были на руках на обмотанных колесах соломой, во избежание шума. Прикрывшись ветками, люди улеглись у лафетов, а противник «ликовал» в своем безмолвии, не подозревая, что наши орудия наведены на его окопы.

Тихо переливались струи остывшей за ночь воды, от нее шла бодрящая свежесть и влага. Зорко смотрели мы на притаившегося врага и с волнением поджидали уже близкого рассвета. Вот-вот первые выстрелы оживят окрестности, и проснется глубоко уснувший лес, зашевелится, задвигается боевой порядок, и по слову поэта — «строй на строй пойдет штыками»...

Проходила томительная ночь. Появились предвестники утра — с высоты какого-то дерева зачирикала вещунья, ожидавшая теплых лучей, чтобы согреться после зябкой ночи, понемногу стали обрисовываться силуэты предметов, и на востоке чуть заалела заря, с каждым мгновением она становилась ярче, берег противника обозначился, но там все было спокойно. Спешно подошедший командир дивизиона полковник Роппанет¹⁹⁶ приказал немедленно открыть огонь.

Оглушительный залп батареи пронизал тишину, и на окопах врага разорвались гранаты. Все пришло в движение, на берег вышел первый атакующий батальон. Энергичный голос командира батальона: «Батальон за мной!» — огласил начало переправы. Вслед за командой весь брод покрылся двигающимися людьми, а командир батальона впереди. Наш комбинированный огонь парализовал противника, который от перепуга и огня ни одним выстрелом не помешал нашей переправе. Вышедший на берег батальон ударников взял около 300 человек в плен.

В то время как все у деревни Хортица было кончено, с ближайших бугров открыла огонь неприятельская артиллерия, но ее стрельба была и кратковременной, и безрезультатной — одна из гранат легла вблизи батареи, не причинив ущерба. Батальон за батальоном, батарея за батареей переходили на другой берег и двигались вперед. Противник бежал, до вечера связь с ним была потеряна. На месте переправы саперы стали возводить мост.

К вечеру этого дня мы достигли села Орловка, где и заночевали. Еще приближаясь к селу, командир батареи обратил внимание командира полка (второго) на густое облако пыли, поднимавшееся на фоне заходящего солнца, определяя движение конных масс, но на это не было обращено внимание, только ночью мы получили подтверждение от чинов обоза, что 2-я конная дивизия Думенко вышла в наш тыл и произ-

вела разгром обозов в районе нашей переправы. Таким образом, «облако», замеченное командиром батареи, не оказалось миражем.

Следующий день принес нам много неприятностей и сюрпризов: с самого утра на ближайших буграх начались столкновения с передовыми частями красной конницы. До выяснения обстановки с нашей стороны никаких активных действий не производилось. 2-й ударный полк занимал село Орловка и выставил сторожевое охранение в сторону возможного появления противника.

6-я батарея заняла позицию на западной стороне села, наблюдая за полем, на котором все чаще и чаще, и каждый раз в более крупных группах, стал появляться неприятель. Время приближалось к обеду, на батарею прибыли кухни. Командир батареи, оставив наблюдателя на наблюдательном пункте, спустился на позицию, и вдруг противник как бы из-под земли вырос перед нами, в то же время слева сзади по нашему тылу открыла огонь неприятельская батарея; ее выстрелы удачно легли на нашей позиции. Командир, поднявшийся на наблюдательный пункт, увидел перед собой конные лавы уже идущего на батарею противника, нас прикрывающая пехотная застава стала сниматься и отходить...

Таким образом, батарея становилась непосредственным объектом атаки. Немедленно открытый по коннице огонь задержал ее, но в это время на прикрывавшем нас гребне появились два броневика красных. Они не успели опомниться, как по ним был открыт огонь из всех 4 орудий, прямой наводкой. Все потонуло в облаках пыли и дыма, и когда рассеялось, то перед нами оказались разбитые башни, а конница повернула обратно от смертоносной картечи. Батарея выдержала напор врага.

Картину этой батальной схватки наблюдал наш прославленный герой генерал Бабиев, который со своей дивизией спешил к нам на помощь, двигаясь по возвышенному плато, откуда вся картина была ясно видна. Генерал Бабиев дал свой похвальный отзыв о действии батареи.

Соединенными усилиями корниловцев и генерала Бабиева конная армия Думенко была отброшена, и затем началось наше наступление на Правобережную Украину. Пал город Никополь. Все оборонявшие его части попали в плен, в числе их 85-я бригада.

После дневки в Никополе началось наше наступление на Апостолово, но неожиданно ночью на марше мы были остановлены и утром на рассвете повернуты на восток. Полное недоумение, которое разъяснилось позже. Оказалось, что наша «поневоле союзница» — легковерная Польша — заключила в Риге мирный договор с большевиками. Ею руководило отнюдь не благородное чувство братской помощи, а чистокровная спекуляция — отдалить, а то и устранить будущее возрождение национальной России, за которое мы боролись, т. е. предать нас большевикам,

обеспечив себе мирное житие. Острый момент бытия советской власти, по признанию самого Ленина, умышленно был упущен. Но купленная победа за тридцать сребреников оказалась для нашей соседки недолговечной; за ошибки своих правителей Польша дорого заплатила.

Итак, прекрасно разработанная операция по ликвидации укреплений красных на Днестре и выход на большую дорогу, после блестящего начала, должна была оборваться. Теперь мы стояли лицом к лицу со всеми освободившимися силами Польского фронта и уже направленной в наш тыл конницей Буденного. Сложилась грозная для нас обстановка. Назревал финал борьбы за Крым и нашу участь.

Повернутые с направления на Апостолово и Александровск, мы на рассвете подверглись фланговому удару красных со стороны Екатеринослава. Наша колонна спешно разворачивалась и вливалась в бой. Красные стойко держались, но все же принуждены были отойти и открыть дорогу к понтонным мостам у Хортицы, куда мы прибыли ночью и переправились на восточный берег Днестра, это совпало с неуспехом 2-й армии генерала Драценко, потерпевшей его в бою на переправах, и со смертью генерала Бабиева, вдохновителя всей операции и кумира кубанских казаков.

Сильный противник глубоко вклинился в нашу территорию и перешел в наступление на перешейки Чонгар и Перекоп. Корниловская дивизия спешно была переброшена в район Верхнего Рогачека. Здесь разыгрались упорные бои; мощную поддержку оказывала 6-я батарея, двигаясь непосредственно за цепями своих ударников. Без похвальбы можно сказать, что малые потери и быстрота наступления достигались работой батареи на своем участке. 52-я дивизия красных опять была отброшена, но нам не удалось занять мост на переправе ввиду движения противника в нашем тылу, отрезавшего нас от перешейков. Теперь уже Буденный, со своей многочисленной конницей, развернул свои силы против нас. Двое суток мы под натиском красных отходили к перешейкам, и чем ближе мы были к перешейкам, тем все напряженнее становились бои, уже в районе Аскания-Нова, и движение противника обозначилось с тыла, где красные успели захватить Чонгар и подойти к Перекопу.

Мы находились в полном окружении, однако дух наш не был сломлен и особенно проявился под селениями Михайловка и Отрадная. Здесь закончилось наше тактическое окружение. Стоя всю ночь в цепи своих ударников, батарея наблюдала конницу врага, обозначавшую себя многочисленными кострами на всем многоверстном фронте. Мы с нетерпением поджидали красных, готовые принять их на картечь, а пехота — пулеметным огнем, но так до утра и не дождалась. Предчувствовали красные, что их ждало в такой попытке...

Утром мы начали отход и здесь соединились с могучей дивизией дроздовцев. Двумя мощными колоннами по целине мы двигались к Чонгару. Этой картины забыть нельзя: спокойно идут в сомкнутых колоннах Добровольческие полки, а параллельно идут развернутые лавы красных, они даже не пытаются атаковать с близкого, около полутора километров, расстояния, только их станковые пулеметы на тачанках и одиночные орудия обстреливают наши колонны, но стрельба малодействительна и сразу прекращается огнем наших, перекатами действующих батарей. Наш огонь губительный. К обеду преследующая нас конница исчезает, и мы свободно продолжаем свое движение.

Ночью в селении Ново-Михайловка мы неожиданно для красных атаковали их на ночлеге. Почти полностью буденновская бригада 1-й конной дивизии была уничтожена. Батарея приобрела около 30 лошадей, отбитых у бежавших в панике красных. Этим ударом мы открыли себе дорогу на Чонгар, куда к ночи следующего дня прибыли и вошли в Крым. Мало хорошо задумать план нашего уничтожения, но надо было проявить исключительную доблесть, а ее не хватало перед противником, не знавшим тактического поражения. Русская Армия отошла, вполне сохранив свою боеспособность и готовая устоять в обороне Крыма, но обстоятельства складывались не в ее пользу, и, уступая року, пришлось испытать горькую чашу изгнанничества.

События развивались так: Корниловская дивизия спешно была направлена вдоль Сиваша на Перекоп, для смены частей 2-го корпуса генерала Слащева. Ветреная, морозная стояла погода во время перехода, и она стала грустной прелюдией ко всей дальнейшей трагической борьбе за Крым. Днем спешно происходила смена частей, а к вечеру дня смены Дроздовская дивизия, оборонявшая Сиваш, была атакована значительно превосходящими силами противником. Для ее поддержки Корниловская бригада отправила четыре батареи под командой командира 6-й батареи. Помощь наша пришла поздно, когда враг на замерзшем Сиваше развернул свои силы и обошел дивизию с правого фланга. Наш огонь с фронта остановил противника, но не повлиял на общую обстановку, и ночью нам пришлось отойти на Юшуньские позиции.

Горсточки корниловцев заняли свои позиции, поджидая спешившие пополнения, отставшие и задержанные общим сдвигом фронта. 6-я батарея заняла позицию в центре боевого расположения, между 1-й и 2-й линиями укреплений. Стояла пасмурная погода конца октября. Красные долго не появлялись, и только к 12 часам дня обозначилось их наступление. Фронтальная атака была легко отбита. Тогда, сковывая нас с фронта, красные начали обходить с левого фланга, около 2 рот их вышло на лед залива, батарея на прицеле 20 смела наступающие цепи. До самой

темноты батарея вела столь интенсивный огонь, направляя ее по видимым участкам боя, что к концу дня осталась с одним орудием, остальные три были отправлены в починку, так как все оттяжки или поломались, или погнулись, чего не могло случиться с нашей материальной частью, а французская, и к тому же старого образца, каковой была вооружена батарея, не могла выдержать такого напряжения огня. Горы расстрелянных гильз свидетельствовали о колоссальной работе и интенсивности стрельбы.

К сожалению, в самые решительные моменты боя отсутствовали все орудия, и без преувеличения можно сказать, что противник в этом случае был бы обескровлен. Усилия противника все же увенчались успехом на правом фланге, где ему удалось овладеть окопами, которые, за неимением резервов, остались в руках красных. Пополнение не успело подойти. Отдан был приказ об отходе, и в момент взятия «посадки» неприятельская граната упала рядом с орудием и оторвала ноги старшему фейерверкеру Кудрявченко. В этот трагический момент умиравший воин просил подойти командира и напутствовать его. Командир его обнял и прочел над ним молитву. Ушел христоробивый воин в селения праведных, а батарея влилась в отходящую колонну. Опять судьба обратилась против нас, но в этот раз — фатально, приведя нас к исходу...

Дорога на Севастополь сопровождалась горьким раздумьем, надо было призвать духовные силы, чтобы не потерять воли к перенесению новых испытаний, покрытых мраком неизвестности. В тяжком размышлении мы подошли к Трем Обломам и остановились на ночлег. Здесь были собраны все остатки дивизии со своей артиллерией. Усталые и морально разбитые, после короткого ужина стали укладываться на полу избы, причем командир батареи отдал приказание дежурному офицеру, поручику Борскову, быть особенно бдительным. На этого офицера командир вполне рассчитывал, но максимальная усталость сломила последние надорванные силы и офицер не устоял.

Тревожный сон командира продолжался не долго. Когда он проснулся, перед ним на стуле сидел дежурный офицер и крепко спал. «Проснитесь, — сказал командир, — немедленно выйдите во двор и узнайте, что делается в селе».

Вскочивший и смущенный офицер быстро вышел и через несколько минут вернулся бледным и с волнением произнес: «Г-н полковник, все ушли, наш дивизион оставлен». Положение создалось крайне тревожное. В самый короткий срок дивизион выступил. Можно было предполагать, что исключительная обстановка вынудила к столь спешному отходу и даже без отдачи нужных приказаний. Дивизион вышел на околицу села и в недоумении остановился, чтобы решить, по какой из двух дорог на Севастополь ушли главные силы.

Никаких следов этого движения не имелось, а время было далеко за полночь. Решено было двинуться по главному пути на Симферополь, а для проверки направления и установления связи был послан офицерский разъезд под командой поручика батареи Владимира Шлидта. Ночь темная — ни зги не видно, еле-еле виднеется полотно шоссе, но оно мертвое, нигде никакого движения, нигде никого...

После часа движения нам встретила обывательская подвода. На вопрос — как долго он ехал и не встречал ли войск, подводчик сказал, что никаких войск не встречал, а ехал более 2 часов. Таким образом, нам стало ясно, что идем по другой дороге, к тому же наш разъезд не возвращался. Несмотря на очевидность нашей ошибки, мы все же решили продолжать свой путь, некогда было раздумывать. Осенив себя крестным знаменем, мы двинулись.

Командир дивизиона, полковник Роппанет, с командирами батарей и небольшой группой разведчиков выехали на полкилометра вперед, и колонна продолжала движение. Так мы прошли более часа, пересекли дорогу от Сарагуз на Евпаторию. Беспокойство за свою участь все же не улеглось, его вызывало зарево пожаров, дугой охватившее нас с востока, оно то удалялось, то приближалось, что показывало присутствие там врага.

Вдруг, из глубины темноты, раздался громкий голос: «Стой! Кто идет?» Назвать себя было опасно. Последовал «дипломатический» разговор, начатый ответом: «Свои!» В это время наши руки вынимали из кобур револьверы, а противоположная сторона щелкала затворами. К счастью, кончилось все благополучно. Оказалось, что мы наткнулись на конную заставу 2 дивизий генерала Барбовича, выставленную на окраине города Сарагуз. Начальник заставы нас информировал о крайне серьезной обстановке и предложил нам скорее двигаться на Симферополь, так как конница спешно отходит, а красные совсем близко.

Что же произошло? Почему нас забыли в Трех Обломах? Всему виновата усталость. Посланный разведчик с приказанием выступать дважды побывал в 1-м дивизионе, а адъютант бригады штабс-капитан Шереметов¹⁹⁷ не обратил внимания на отсутствие подписи командира 3-го дивизиона полковника Роппанета или его адъютанта, а удовлетворился количеством этих подписей. Командир нашей бригады, генерал Ерогин, в это время исполнял должность начальника дивизии, потерявшей в боях свой генералитет, и, конечно, занят был более ответственным делом, когда ему доложили, что в колонне нет нашего дивизиона, мы шли по другой дороге в сторону от бахчисарайского направления. После возвращения разъезда штаба дивизии, не обнаружившего нас на месте ночлега, 3-й дивизион считался пропавшим без вести, а последний, предоставленный собственной участи, преодолевая все многогранные трудности своего пути,

достиг Севастополя, когда погрузка на корабли была закончена и армада судов, готовых к отплытию, стояла на рейде.

Сколько надо было иметь душевных и физических сил, чтобы преодолеть неожиданно встретившиеся трудности; на полдороге из Бахчисарая до Севастополя шоссе буквально было забито подводами встречного движения. Теперь оно окончательно замерло, сцепившись колесами и оставленное людьми... только понурые лошади еще подавали признаки жизни. Чтобы двигаться, пришлось приказать чинам батареи распрягать лошадей, а повозки сбрасывать в канавы. На встречавшихся мостах работа была еще более сложной: здесь подводы перебрасывались через перила, но сил все же хватило, чтобы пробиться к пристани.

Тут повторилось пережитое в Новороссийске, но ко всему прибавилась жгучая душевная боль предстоящей разлуки с Родиной, и не одному из нас приходила мысль о самоубийстве. Потерять все и не знать, что впереди, стучало в сознание мертвым заступом, но более всего колола мысль о гибели нашего дела, в святость которого мы так верили и проявили столько энтузиазма.

Стояли мы на берегу и смотрели на готовые к отплытию корабли, занятые собой и безучастные к нам. Мы могли взывать к ним, и они не слышали бы, сигналы наши им были не понятны; на пристани не было ни одной лодки; время проходило, солнце склонялось к западу, люди стали нервничать и считать себя брошенными. Пришлось их успокаивать обещанием разделить участь с ними в ближайших горах, если нам не удастся связаться до ночи с кораблями.

Все же в этот раз рок не оказался жестоким — неожиданно с Графской пристани отчалила лодка, вел ее один человек. На наши крики повернуть к нам лодочник стал заметно удаляться, тогда был поставлен пулемет, огонь которого заставил лодку причалить к нам. Спасение пришло. Командир батареи назначил несколько солдат батареи с фейерверкером сесть в лодку и подойти к ближайшему вымпелу и доложить о нас. От этих людей, покоровшихся своей участи, вырвался нелепый протест. «Мы верим своему начальству, только командир может добиться нас подобрать», — повторяли они и на руках внесли командира в лодку. Правы были солдаты, но прав был и командный состав в этой обстановке, устранявшей подозрения к собственному спасению. Связь с кораблем, и именно с «Генералом Корниловым», была установлена. На этом корабле оказалась и наша бригада. Спущенные с бортов лодки в несколько рейсов перевезли всех ожидавших на берегу.

Закончен путь. Исполнен долг. Размышления о превратностях судьбы каждый из нас унес на корабль и там, где-то под лодкой, спасаясь от докучливого дождя, передумывал о случившемся и старался немного

приподнять завесу будущего, но бессилён был каждый участник трагедии разобраться в душевном хаосе, и невольно он пришел к покорности фатуму — так, значит, суждено! И унесли нас корабли за неведомые горизонты, в чужие страны. Скрылась от нас дорогая Родина, но остался священный огонь в сердце, и будет он гореть, пока мы живы будем.

Дорогие соратники по батарее, думаю, что своим скромным трудом я не удовлетворил вас. Мое описание того периода, во время которого я имел честь командовать батареей, делает его односторонним и далеко не полным, но, к сожалению, в моем распоряжении не было никаких документов — они захвачены конницей красных с обозом; никто из сослуживцев не прислал мне своих заметок; все излагаю по памяти и не в строгой хронологии. Несомненно, много пропущено интересных моментов, а удержать их в памяти не по силам в жизни, преисполненной событиями, пронесившимися перед нашими глазами с кинематографической быстротой и разнообразием.

Я сохранил добрую память о вас за самоотверженность и добросовестность, с которыми вы служили России. Крепко вы стояли за честь корниловца, чья в своей душе память великого патриота, каковым был наш Шеф, генерал Корнилов, и останетесь ему верны, вопреки хуле его врагов. Мы не сомневаемся, что возродившаяся Россия, наша Родина, воздаст нам похвалу за честную службу ей. Будем же нести свой крест до конца, с верой в правоту нашего дела.

*Е. Месснер*¹⁹⁸

ГЕНЕРАЛ БАБИЕВ

(несколько дней его участия в Заднепровской операции)¹⁹⁹

В сентябре 1920 года генерал Врангель задумал Заднепровскую операцию: 2-я армия (генерал Драценко), переправившись через Днепр у Ушкалки пехотой и конницей, шлет свою конницу по правому берегу реки, чтобы с тыла взять советское предместное укрепление у Каховки; 1-я армия (генерал Кутепов), удерживая фронт от Мариуполя до Синельникова, перебрасывает часть своих сил за Днепр, чтобы связать противника на пространстве от Екатеринослава до Николаева и тем облегчить 2-й армии выполнение ее оперативной задачи.

От города Александровска через остров Хортица генерал Кутепов направил Корниловскую ударную, Марковскую дивизию и Кубанскую конную дивизию генерала Бабиева, причем корниловцы и бабиевцы должны были идти к Никополю, пробиваясь через 2-ю Советскую конную армию

(командарм Гай, имевший 2-ю, 16-ю и 21-ю конные дивизии); марковцам же было дано задачей прикрывать бабиевцев и корниловцев от советских резервов, которые могли бы подходить от Екатеринослава.

Неся обязанности начальника штаба Корниловской ударной дивизии, я ежедневно соприкасался с генералом Бабиевым и видел отличную работу его дивизии.

23 сентября 1-й Корниловский полк, прикрываемый огнем батарей, в упор стрелявших по вражеской позиции на правом берегу реки, вброд перешел через рукав Днепра, и в деревне Нижне-Хортицкая взял в плен полк 3-й советской стрелковой дивизии. Чтобы не мокнуть 2-му Корниловскому полку в студеной воде, генерал Бабиев посадил его на крупы коней своих казаков. 3-й полк перешел по мосту, который навели саперы.

Корниловская дивизия пошла к Орловке (в 30 км от переправы), а генерал Бабиев, сказав: «Пойду искать противника», рысью удалился от нас со своей дивизией. После небольших столкновений с конными частями красных он заночевал в деревне Токмаковке, в 5 км от Орловки, где мы стали на ночлег. Под вечер было совещание: начальники дивизий Бабиев и Скоблин, начальники штабов Гришин²⁰⁰ и я. Решено было не торопиться к Никополю: находясь у Орловки, Корниловская дивизия привлечет на себя 2-ю конную армию красных на значительном удалении от армии генерала Драценко; генерал Бабиев решил продолжать искать встречи с одной из дивизий вражеской конной армии: не в характере Бабиева было стоять пассивно в ожидании врага, — во мне зародилось почтение к этому казачьему генералу.

24 сентября корниловцев, стоявших у Орловки фронтом на юг, атаковали две конные дивизии; на наш 3-й полк, прикрывавший наш тыл, наступали с запада полки 3-й стрелковой дивизии (советские дивизии были 9-полковыми, а в трех Корниловских полках было 4000 штыков).

Огневой бой длился у нас весь день. Незадолго перед сумерками к нам спустился аэроплан с боевым приказом командира корпуса (генерала Писарева). Из Токмаковки, где снова стал на ночлег генерал Бабиев, прискакал за приказом полковник Гришин. В этот момент красная конница врубилась в левый фланг 2-го полка и достигла наших батарей. Авиатор стал просить поскорее его отпустить с нашим донесением командиру корпуса. Полковник Гришин поскакал в Токмаковку за подмогой. Через четверть часа сам генерал Бабиев привел одну свою бригаду, чтобы нам помочь в опасный момент. Но 2-й Корниловский полк уже отбросил врага, восстановил положение, но красные увели пленными около 100 наших артиллеристов.

Опять, как и накануне, состоялось совещание. Приказ генерала Писарева требовал спешного движения ударной группы (Корниловская и

Бабиевская дивизии) к Никополю. Скоблин, узнав, что артиллерия расстреляла все свои запасы снарядов, предлагал идти к Хортицкой переправе, чтобы снабдить батареи огнеприпасами. Я возразил, что мы можем снабдиться в деревне Анастасиевке, куда отошли на ночлег две конные дивизии красных, атаковавшие сегодня нас: надо их атаковать до рассвета, и их артиллерийский парк будет нашим. Бабиеву это понравилось: «Пусть корниловцы атакуют с юга, а я ударю с севера, и обе конные дивизии будут в западне». Так и порешили.

Мы тихонько подошли к Анастасиевке. Красные не выдвинули сторожевого охранения — охранялись лишь на околице. Наши полки ворвались в село. Красные, кто поседал, кто на неоседланной лошади, кинулись наутек. К сожалению, проводник плохо вывел Кубанскую дивизию: она только частично захопнула западню. Генерал Бабиев, отделившийся от своего штаба, едва не попал в плен: вражеский всадник схватил его за башлык, но, хотя Бабиев владел лишь одной рукой (другая была ранена), ему удалось выхватить шашку и раскроить череп противнику.

В Анастасиевке мы захватили две батареи противника, все его обозы, а на железнодорожной станции у деревни — два вагона с огнеприпасами; освободили мы и наших пушкарей, взятых в плен вчера. Корниловцы пошли на Никополь, а генерал Бабиев сказал: «Пойду пошарить у берега Днепра» — и ушел на юго-запад. Там он захватил один «полчек», который красное командование забыло оттянуть с излучины Днепра южнее Хортицы.

Сбивая части 46-й стрелковой дивизии красных, которые пытались преградить нам путь к Никополю, мы к полудню пришли в большое село Чернышевка, подковообразно охватывающее огромный пустырь, покрываемый водой при разливах Днепра; сейчас пустырь был сух. 1-й Корниловский полк вел бой за северный выход из села, где красная пехота преграждала нам путь к Никополю; прочие наши полки стали, присели, прилегли на улицах села.

Вдруг на холмах к югу от Чернышевки показалась конница силою в дивизию; она быстро шла к селу. Генерал Скоблин поднял 2-й полк и улицами повел его бегом наперерез коннице. На пустырь с двух улиц одновременно выскочили: Бабиев со штабом, а за ним головная сотня дивизии и Скоблин со штабом и за ним головная рота 2-го полка. На момент все остановились, но Бабиев узнал нас, приветливо помахал нам рукой и наметом повел колонну своей дивизии через пустырь, намереваясь, очевидно, атаковать противника в северной части села, откуда доносилось стрекотание его пулеметов.

Я с криком: «Стой! Передать по колонне генералу Бабиеву: Стой!» — поскакал догонять кубанского генерала. Догнал и доложил: «Ваше Пре-

восходительство, вы атакуете 1-й Корниловский полк». — «А почему же он на меня выставляет свои пулеметы?» — «Потому что принимает вас за красную конницу». — «Вы уверены, что там — корниловцы?» — «До-кладываю совершенно уверенно». Бабиев подал команду «Стой!», видимо раздосадованный, что надо отказаться от атаки. Таков был генерал Бабиев! Не в обиду будет сказано о коннице всякого рода и всех наций, что она склонна беречь себя, памятуя, как трудно ей восстанавливать понесенные в бою потери; Бабиев же был со своей дивизией в непрерывной активности и в поисках врага для боевой встречи.

1-й Корниловский полк сломал сопротивление 46-й советской дивизии. Гай, после разгрома у Анастасиевки, не следовал за нами, не мешал нашему движению, и мы — обе дивизии — утром 26 сентября вошли в Никополь. Корниловцы стали поспешно переправлять за Днепр трофейный обоз, загружавший дивизию, как вдруг сторожевое охранение донесло, что с севера к Никополю приближается кавалерийская масса. Генерал Бабиев немедленно пошел ей навстречу, Корниловские полки стали на позицию. Оказалось, что это была конница генерала Науменко, посланная генералом Драценко, чтобы, согласно оперативному плану генерала Врангеля, прихватить с собою Кубанскую дивизию. Прежде чем мы могли усомниться в праве генерала Драценко подчинить себе Кубанскую дивизию, подчиненную генералу Кутепову, прилетел из Александровска летчик с приказом: кубанцам идти во 2-ю армию, а корниловцам возвращаться к Хортицкой переправе, где марковцы едва сдерживают натиск красных юнкерских бригад (красных курсантов).

С огорчением расстались мы с генералом Бабиевым, великолепным боевым сотрудником, а через несколько дней узнали, что расстались навеки: в составе Конного корпуса генерала Науменко генерал Бабиев участвовал 27 сентября в бою у Апостолова и был убит. Дошли слухи, что смерть его привела в расстройство не только его дивизию, но и прочие дивизии генерала Науменко, и вся конница пошла к переправе у Ушкалки, вместо следования к Каховке. Заднепровская операция была сорвана.

Многих генералов пришлось мне видеть на театрах Великой и Гражданской войн, но равного в боевой энергии генералу Бабиеву не встречал. Им должно вечно гордиться Кубанское казачье войско.

Раздел 3

В. Кравченко²⁰¹

ДРОЗДОВЦЫ В ПОСЛЕДНИХ БОЯХ²⁰²

1 сентября ожидался приезд генерала Врангеля в район Дроздовской дивизии, а в ночь на 1 сентября из 2-го Дроздовского стрелкового полка к красным перебежало несколько стрелков с офицером. Были вызваны все полки, и устроена репетиция смотра и парада. В 14 часов над Фридрихсфельдом появились семь советских истребителей и «Илья Муромец», сбросившие много бомб и листовок, приблизительно такого содержания: «Сегодня у вас будет Врангель. Не верьте ему, что он будет вам говорить». В это же время бронепоезда красных обстреляли колонию из тяжелых орудий. Вышло очень удачно, что налет и обстрел были после репетиции парада и перед приездом генерала Врангеля. Но все же было ранено около 20 стрелков.

В 17 часов дивизия, кроме 3-го полка, находившегося в Пришибе, выстроилась у мельницы для встречи генерала Врангеля, который около 18 часов прибыл на автомобиле, в сопровождении большой свиты. С ним прибыли генерал Кутепов, командующий 1-й армией; генерал Писарев, командир 1-го армейского корпуса; от правительства — Кривошеин и представители иностранных держав — адмирал американской службы Мак-Кели; полковник английской армии Уэльш; французский майор Этьеван; американский полковник Нокс; капитан 2-го ранга британского военного флота Будварт; майор сербской армии Стефанович; майор японской армии Такахеси и поручик польской армии Михальский — в сопровождении семи корреспондентов наиболее распространенных зарубежных газет. Генерал Врангель был в дроздовских погонах, а генерал Кутепов в полной дроздовской форме. Во время смотра дивизии красные обстреляли район мельницы тяжелой артиллерией, но, к счастью, разрывов ближе 30 саженей от стоящих частей не было, не было также и потерь. Все время, пока генерал Врангель находился в районе дивизии, над колонией Фридрихсфельд кружились наши аэропланы.

Генерал Врангель обошел все построенные части, благодарил доблестных дроздовцев — стрелков и артиллеристов — за славную боевую работу, лично сам приколот ордена Святого Николая Чудотворца на-

чальнику дивизии генералу Туркулу и его помощнику генералу Манштейну (теперь 3-м полком командовал полковник Дрон), 1-й, 2-й, 3-й и 7-й батареям выдал серебряные трубы с лентами ордена Святого Николая Чудотворца, в хороших футлярах, с надписями на серебряных дощечках. На этих дощечках были соответствующие надписи, например для 3-й батареи: «3-й батарее Дроздовской артиллерийской бригады — 24/6 1920». Выдавая трубы, генерал Врангель сказал: «Даю вам трубы. Пусть они протрубят атаку, а атака — это победа».

От каждой батареи на смотре было представлено по взводу, причем 7-я батарея успела к этому времени перевооружиться, получив вместо французских 75-мм пушек 10-см немецкие гаубицы. Эти гаубицы были в очень хорошем виде и отличные, но, к сожалению, к ним прибыл ограниченный запас снарядов. В это время в Крыму вообще было весьма мало артиллерийских снарядов, и за каждый выпущенный снаряд приходилось отчитываться перед командиром артиллерийской бригады. Уже в июле месяце совершенно не стало снарядов к 45-линейным английским гаубицам, и 7-я и 8-я Дроздовские гаубичные батареи были перевооружены 3-дюймовыми русскими пушками, которые были в очень плохом состоянии. Через месяц эти батареи взамен получили 75-мм французские орудия старого образца — без щитов. Когда и к ним не стало снарядов, гаубичный дивизион получил прибывшие из Болгарии 10-см немецкие гаубицы.

После смотра, церемониальным маршем, стройно, рота за ротой, проходили мимо Главнокомандующего и всей его свиты дроздовские стрелки, а после них рысью прошли батареи и конный эскадрон. После парада генерал Врангель и все прибывшие с ним были на обеде в штабе дивизии. Генерал Врангель был в отличном настроении. Ясно, что после посещения Главнокомандующего и смотра дивизии начались разговоры о предполагаемом в скором времени наступлении.

В район Большого Токмака прошли два полка Донской конницы, и правее дроздовского участка фронта донцы уже зашевелились, нарушив бывшую до того на фронте тишину. На Пологском направлении ими были захвачены пленные и взято несколько орудий и пулеметов, а южнее перерезана железная дорога Большой Токмак—Бердянск. Всего было взято в плен свыше 2000 красных, причем 357-й советский полк — в полном составе, орудия, пулеметы и три бронепоезда, отрезанные на станции Верхний Токмак. От Дроздовской дивизии в усиленную разведку ходила 2 сентября из Фридрихсфельда в Андребург 2-я рота 1-го полка²⁰³ с одним орудием. В Карлсруэ, где в резерве находилась 3-я батарея, перед заходом солнца произошел довольно комический переполох. Недалеко от селения в поле ездвые батареи рвали кукурузу для кормления лошадей,

и в том районе, вследствие порчи мотора, спустился аэроплан красных. Один из ездовых прискакал в Карлсруэ и сообщил, что упал аэроплан красных, а к нему спустились еще два аэроплана, которые обстреляли из пулеметов ездовых, когда те хотели приблизиться к упавшему аэроплану. Все, кто только мог, услышав об этом, устремились в указанном направлении — верхом и даже пешком, — некоторые даже без оружия, но тащили с собой пулемет. Стало уже темнеть, но к месту, где упал аэроплан, не добрались, так как дополнительно стало известно, что аэроплан красных уже захвачен, что летчик успел скрыться в направлении Карлсруэ, предварительно поджегши свой аэроплан. Два других аэроплана оказались нашими, и они стреляли не по ездовым, а по удирающему красному летчику.

В ночь на 3 сентября вновь ходила от Дроздовской дивизии усиленная разведка с одним орудием на Гейдельберг и наделала там приличный переполох. 3 сентября 3-й полк и 3-я батарея прибыли в Фридрихсфельд, и тогда там собралась вся дивизия. Было получено приказание быть готовыми к выступлению.

В ночь на 4 сентября вся дивизия выступила в поход. Во главе шел в пешем строю 2-й конный Дроздовский полк²⁰⁴. Дивизия прошла нейтральные колонии Розенталя и Ново-Монталь, а на рассвете ее передовые части подошли к Гейдельбергу, под которым завязался бой. На Гейдельберг наступали части дивизии без 1-го Дроздовского полка, который шел в резерве, чтобы, после взятия Гейдельберга, наступать на Андребург, защищенный на большом протяжении укреплениями в сторону Розенталя и Ново-Монталья. Красные успели вырыть окопы и поставить в два ряда колья с колючей проволокой. После весьма приличной, но недолгой перестрелки, во время которой наши батареи стреляли не умолкая, цепи 2-го и 3-го стрелковых полков подошли к окраине Гейдельберга, а в обход колонии двинулись 150 сабель 2-го Дроздовского полка. Появление нашей конницы вызвало такую панику у красных, что они, бросив 4-орудийную батарею с 4-зарядными ящиками, телефонной двуколкой при всех номерах и с ездовыми при полной упряжке, пытались бежать из колонии, но до 600 человек попало в плен. 5-я батарея выскочила за колонию вместе с нашими конными дроздовцами прежде, чем наша пехота успела пройти Гейдельберг. Красные, бывшие в селе Коробочка, перешли в контрнаступление и стали насесть. Наши конники ускакали, а батарею пришлось минут 20 отбиваться даже на картечь, пока наша пехота вышла из Гейдельберга и отбросила красных за Коробочку. Дивизия продолжала движение. К 10 часам наши цепи выдвинулись вперед Коробочки на бугры и, круто повернув влево, двинулись по хребту ложины на Эристовку. Перед этим у Андребурга

была полная тишина, и было предположение, что красные уже оставили колонию. Вдруг поднялась стрельба и возле Андреебурга. Наши легкие и гаубичные батареи открыли небывалый по интенсивности огонь, и вскоре 1-й Дроздовский полк занял колонию Андреебург, захватив там пленных. Дальше дивизия продвигалась вдоль основной, бывшей прежде линии фронта, причем 1-й полк продвигался южнее ложины, а все остальные части дивизии — севернее, на Эристовку. У самой колонии 3-я батарея прямой наводкой сбила с открытой позиции взвод красной батареи. Была занята и Эристовка, и дальнейшее продвижение происходило безостановочно. К 17 часам были заняты село Карачекрак и лес севернее его. Таким продвижением Дроздовской дивизии была отрезана левая группа красных, действовавшая против Марковской дивизии. Отсюда артиллерийским огнем были рассеяны удирающие кавалеристы красных. Дивизия остановилась в этом районе, заняла позиции и успокоилась, выжидая сообщение о продвижении других частей корпуса. Около 18 часов на позиции 2-го Дроздовского полка прибыл командир корпуса генерал Писарев. Посетив 3-ю батарею и увидев стоявшего там командира полка, полковника Харжевского²⁰⁵, указал ему, что полк рано остановился и что лучше было бы резать красных севернее Янчекрака. Полковник Харжевский в ответ доложил командиру корпуса, что левая группа красных уже отрезана и не имеет значения, в каком месте их нужно было прижать к Днепру, что главное то, что на север красные уже отступить не смогут. Если бы полк двигался севернее, ему пришлось бы продвигаться по открытому и ровному полю под огнем бронепоездов противника и понести ненужные потери. Этот ответ вполне удовлетворил командира корпуса.

До вечера красные обстреливали Карачекрак тяжелыми орудиями и потом успокоились. За день дивизия взяла 1200 пленных, 4 орудия с зарядными ящиками с полной упряжкой и пулеметы. Марковцы вышли к Васильевке. Конница генерала Бабиева вышла на линию Ольгополь, недалеко от железной дороги Орехов—Пологи—Копани, а донцы заняли станцию Пологи и Гуляй-Поле. Захвачено было еще свыше 1200 пленных и 15 пулеметов. Всего с 1 сентября на центральном участке фронта было взято в плен свыше 4100 красных, захвачено около 100 пулеметов, 11 орудий, 3 бронепоезда, много обозов и другого разного имущества. В этот день произошел с Марковским полком довольно интересный случай. Из села Васильевка красные были выбиты 1-м Дроздовским полком, который оставался в селе до подхода марковцев. Командир корпуса поехал на автомобиле с позиции 3-й батареи в 1-й Дроздовский полк и прибыл в Васильевку как раз в тот момент, когда туда втягивался Марковский полк, командир которого, полковник Гравицкий, не замедлил от-

править донесение, что «вверенный ему полк ворвался в Васильевку». Потом говорили, что, получив такое донесение, генерал Писарев, усмехнувшись, сказал: «Странно, странно ворвались». Продвигаясь, марковцы в тот же день взяли Янчекрак. Потери в Дроздовской дивизии в этот день были совсем небольшие, но был ранен начальник дивизии, генерал Туркул.

5 сентября Дроздовская дивизия оставалась в резерве. Ночью красные подходили и Карачекраку, но огнем застав были отброшены. Часов около десяти пролетали над Карачекраком два «Ильи Муромца» красных и сбросили на село 15 бомб. Перед этим пролетали наши пять аэропланов, и спустя часа полтора — еще семь наших. Наша конница пошла на город Орехов. Распространился вдруг слух, что Гейдельберг занят противником. Для проверки туда была послана разведка, которая выяснила, что ничего похожего нет. В действительности же оказалось, что при нашем поспешном продвижении красные, отступая, в панике побросали в поля много винтовок, собрать которые сразу не было времени. Было приказано жителям колонии собрать их и снести к старосте. Группа мальчишек, подобрав несколько винтовок, решила пострелять в цель. Они открыли стрельбу как раз в то время, когда возле колонии проходили повозки обоза. Услышав стрельбу, обозники драпанули и донесли, что их из Гейдельберга обстреляли. Около 13 часов по улице Карачекрака, желая скрыться, бежал ординарец комиссара — коммунист, а за ним гнался комендант 2-го полка, стреляя из револьвера. Бежавший коммунист вскочил в дом, где располагались ездвые, влез на чердак и там забаррикадировался. Перед домом собралась большая толпа. 3-й номер батареи, Заваруев, полез наверх и выстрелом из винтовки в упор раздробил ногу беглецу, которого потом извлекли из чердака. Он кричал: «Я, братцы, не виноват, я также не терплю жидов». После допроса он был расстрелян.

В 16 часов Дроздовская дивизия выступила на Щербаковку, что в двадцати верстах к северо-западу от Карачекрака, и прибыла туда в 22 часа. Жители рассказывали, что красные ушли уже в 15 часов и у них была сильная паника. Один из начальников обоза хотел остаться с обозниками и все оттягивал выступление обоза, ожидая появления наших конных, но все-таки был принужден отступить с остальными. Из Карачекрака с дивизией двигалась группа артистов Павла Троицкого. Комично выглядели, верхом на импровизированных седлах трое штатских — Троицкий, Кубанский и Дудин. Их жены и выступавшая с ними девочка Женечка ехали сзади на повозках. Они приехали в дивизию в Фридрихсфельд, чтобы устроить представление. Поздно вечером, накануне нашего выступления, присоединились к дивизии и стали с нами путешествовать.

Наша конница 5 сентября заняла Орехов, Жеребец, Ново-Павловку и уже вела бой у Камышеватки. Было взято около 1000 пленных пеших

и 150 конных, 5 орудий, 3 зарядных ящика, 2 броневика, пулеметы и большие обозы. Кубанцы влетели в город Орехов со стороны Омельника, то есть почти с севера. Их там не ожидали. Произведя среди красных огромный переполох, захватили городской совдеп и всех комиссаров.

На рассвете 6 сентября дивизия двинулась дальше, так как было получено приказание выйти на линию Лежина—Трудолюбовка. Это первая станция железной дороги Александровск—Пологи. Дивизия вскоре прошла через колонию Ней-Базель, в которой уцелело только два дома, а остальные были сожжены еще в 1919 году отрядом Махно, в знак мести за то, что вся молодежь из колонии поступила в ряды конницы Добровольческой армии. Двигаясь дальше, дивизия прошла села Ново-Яковлевку, Хитровку и Камышеватку, не встречая красных. Камышеватку кубанцы генерала Бабиева, в составе которых были 1-я и 5-я конные батареи (2-й конно-артиллерийский дивизион), прошли еще рано утром и двинулись на Александровск. В Камышеватке был большой привал и обед для дивизии. Пройдя за день 40 верст, дивизия остановилась в селе Степном, в трех верстах от станции Лежина. Еще в дороге было получено извещение о том, что Александровск занят нашими войсками. Вечером из города все время освещал местность захваченный там у красных большой прожектор. В городе была захвачена нашими войсками громадная добыча, в том числе 5 бронепоездов, аэропланы и много эшелонов. За шесть дней операции были последовательно разгромлены Верхне-Токмакская, Полотская, Ореховская и Александровская группы красных войск. На фронте в 200 верст за это время было взято в плен свыше 10 000 красных, 35 орудий, из которых 9 тяжелых, 8 бронепоездов, несколько сот пулеметов, автомобильно-инженерная станция с прожектором, 7 аэропланов, 5000 пудов колючей проволоки, 7 исправных, под парами, паровозов и прочая добыча. Часть нашей конницы вышла к станции Софиевка, 25 верст севернее Александровска. Подрывники нашей конницы в нескольких верстах севернее этой станции взорвали в нескольких местах полотно железной дороги, благодаря чему сошел с рельс один бронепоезд красных и закрыл дорогу двум другим, шедшим за ним, и 16 эшелонам, вышедшим из Александровска. Так как в этот район проскочили только развозы численностью в 16 конных, то красные продолжали и дальше оставаться в вагонах и сидели в них до тех пор, пока не налетели наши аэропланы и не начали забрасывать эшелоны бомбами. От взрывов бомб на станции Софиевка стали гореть эшелоны и взрываться снаряды в них. Тогда у красных началась огромная паника. Они стали выскакивать в чем попало из вагонов — одни с вещами, другие без них, — и все устремились на запад, удирая в сторону Днепра. Снизившиеся аэропланы ста-

ли поливать бегущих пулеметным огнем, заставив их на бегу расстаться с последними вещами. В этих эшелонах удирали из Александровска разные политработники, хозяйственные чины, семьи советских деятелей и вообще публика, мало привыкшая к обстрелу. Было среди нее и немало евреев. Потом жители рассказывали, что еврейки умоляли спрятать их, так как они были в страшной панике, ввиду слухов о появлении нашей конницы, наступающей с севера.

Недалеко от города Александровска попало в плен 75 сестер милосердия, свыше 100 молодых евреев-политработников, канцелярия одного отдела 13-й советской армии. В отрезанных эшелонах в районе Софиевки было много всего оставлено, но эти эшелоны всю ночь оставались без охраны, так как наша конница подтянулась к Александровску. Там же остались и три бронепоезда красных — без охраны. Этим воспользовались красные и, сделав на маленьком отрезке пути обводный путь, ночью увели два бронепоезда, а третий, который сошел с рельс, взорвали. Жители из окрестных сел целую ночь грабили и тащили вещи из вагонов.

На другой день, 7 сентября, Дроздовская дивизия выступила в направлении на станцию Софиевка, пройдя станцию Лежина, хутор Скелеватый и село Наталино. На станции Софиевка остался 3-й Дроздовский стрелковый полк, 1-й Дроздовский полк ушел в село Софиевка со штабом дивизии, а остальные части расположились в селе Сергеевка. Возле станции Софиевка происходила еще настоящая вакханалия. На протяжении нескольких верст в сторону Александровска стояли эшелоны, около которых шныряли толпы людей. За две-три версты от полотна железной дороги валялись по полям стулья, корзины, чемоданы, различная бумага, вещи и всевозможные тряпки. Из вагонов выскакивали все время люди со всякими нужными и ненужными для них вещами. Во многих вагонах было полное оборудование для жилья, и теперь все это растаскивалось и грабилось жителями сел. Перевезти батареи, обозы 1-го разряда и даже перейти на другую сторону железной дороги, сплошь занятой эшелонами, даже на переездах, было не так-то просто. Приходилось людской силой расталкивать вагоны, чтобы образовать проходы между ними. Проходя мимо, командир 2-го батальона 2-го полка вспомнил, как были забиты застрявшими составами все пути у станции Гниловская, когда Дроздовская дивизия, оставляя Ростов в декабре 1919 года, переходила 27 декабря по льду Дон, и вслух выразился: «Это Гниловская номер 2, но на этот раз у красных».

День 8 сентября наши части оставались на своих местах расположения. На аэродром в Александровске спустился аэроплан красных, прилетевший из Каховки в штаб 13-й советской армии. Летчик не имел

представления, что город уже занят частями Русской Армии, и был страшно поражен, когда его на месте арестовали. На вечер в Софиевке, наконец, был назначен концерт группы Павла Троицкого для чинов Дроздовской дивизии, но в самый последний момент был отменен, так как дивизии было неожиданно приказано приготовиться к наступлению на Синельниково. 1-й и 2-й Дроздовские стрелковые полки получили приказание перерезать железную дорогу Синельниково—Екатеринослав, а 3-й Дроздовский полк должен был, после занятия Синельникова, вместе с бригадой Конной дивизии генерала Бабиева перерезать дорогу Синельниково—Павлоград. Дроздовская дивизия выступила в поход в 21 час 8 сентября. Со 2-м полком пошли и три эскадрона 2-го Дроздовского конного полка. Остальные эскадроны были еще в пешем строю. Дивизия целую ночь двигалась по отвратительной дороге, с большими задержками у бесчисленного числа лощин и оврагов и без единого привала. На рассвете, пройдя село Ново-Гуполовка, 1-й полк подошел к селу Михайловка, а 2-й полк — к селу Васильевка. После нескольких коротких очередей конные эскадроны 2-го полка атаковали и заняли Васильевку, зарубив несколько красных на улице. Оба села были заняты дроздовцами, дальнейшее продвижение их было стремительным, и красные не смогли нигде задержаться. Возле Васильевки была захвачена кавалеристами повозка с сестрой милосердия и громадным красным флагом с надписью: «Да здравствует непобедимая Рабоче-Крестьянская Красная Армия!» В районе села Афанасьевка Конным полком Дроздовской дивизии было захвачено одно орудие и 2 зарядных ящика. Орудие было с замком, панорамой и в запряжке, но только при трех лошадях. Расстояние от Михайловки до Синельникова, 18 верст, дивизия прошла очень быстро и в четырех верстах от станции 3-я батарея обстреляла цепи красных, а 2-й полк двинулся к железной дороге Синельниково—Екатеринослав. 3-й Дроздовский полк в это время вел бой правее. Выйдя к железной дороге, дроздовцы увидели дымки успевших выскочить из Синельникова двух броневиков красных и мчавшийся на всех парах поезда, увозивший станционное начальство и обстреливаемый 7-й гаубичной батареей. Один батальон 2-го полка со взводом 3-й батареи двинулся на разъезд железной дороги на Екатеринослав, а остальные части полка свернулись и пошли в Синельниково. У разъезда произошел небольшой бой с отступавшими конными и пешими красными, и разъезд был занят дроздовцами. Красные поспешили отступить, а батальон, простояв возле разъезда около трех часов, также свернулся и отошел на Синельниково. Пройдя станцию Синельниково-Малое, батальон в колонии Гейденфельда, что в полутора верстах севернее Синельникова, присоединился к своему полку. Кубанская

бригада прибыла к шапочному разбору и в бою под Синельниковом не участвовала. Как потом выяснилось, причиной их опоздания было их веселье в Александровске, накануне в городском саду, во время которого их командир скомандовал: «По коням». Их опоздание во многом уменьшило успех проведенной операции, так как успели ударить бронепоезда, меньше попало в плен, даже те красноармейцы, которые бросили винтовки в окопах, сами спокойно ушли. Не было кому их преследовать.

В этой операции дроздовцами было взято в плен свыше 3500 красных, захвачено орудие с панорамой, замком и передком, с тремя лошадьми, два зарядных ящика, пулеметы, много оружия и обозы красных. Дальнейшего продвижения и закрепления за Русской Армией Синельникова не предвиделось. Части Дроздовской дивизии, согласно полученному приказу, в 21 час двинулись в обратный марш, вдоль железной дороги, на Александровск. В 7 часов 10 сентября дивизия прибыла в Ново-Гуполовку, где и разместилась по квартирам. Линия железной дороги была по-прежнему в хаотическом состоянии, а брошенные эшелоны еще не убраны. Пакгаузы и вагоны на станции Софиевка все сгорели. Кругом была полная картина войны и разрушения. Масса брошенного большевиками ценного имущества была растащена, потоптана и попорчена рыскавшими по вагонам людьми, и особенно медикаменты в брошенных двух летучках, в которых чины дивизионного перевязочного отряда почти ничего уже не нашли. В основном все было попорчено.

Следующие дни дивизия простояла в Ново-Гуполовке. Наши бронепоезда прибыть в Александровск не могли, так как мосты еще не были починены. Сам город красные стали обстреливать с другой стороны Днепра артиллерийским огнем. 12 сентября, для усиления Марковской дивизии, ушли 7-я и 8-я Дроздовские гаубичные батареи. Ночью 14 сентября ушли в короткий рейд на Славгород 1-й и 3-й Дроздовские полки, а 3-й батальон 2-го Дроздовского полка на рассвете перешел на разезд Ново-Гуполовку, где и оставался во все время рейда на Славгород. Уже на рассвете части 2-го полка слышали доносившуюся со стороны Славгорода сильную артиллерийскую стрельбу, но она скоро прекратилась. Рейд был быстро закончен с полным успехом. Красных там разгромили, захватив свыше 700 пленных и пулеметы. Бывшие правее Славгорода красные части, услышав бой в районе Славгорода, поспешно отступили. В 15 часов дроздовцы, бывшие в рейде, уже вернулись в Ново-Гуполовку.

Только 14 сентября группе Павла Троицкого удалось, наконец, устроить концерт для Дроздовской дивизии — в два сеанса, — чтобы на нем могло побывать как можно большее число чинов дивизии. Все по-

бывавшие на нем остались очень довольны доставленным развлечением. Во время концерта смех не умолкал.

Наши разведчики побывали в районе Днепра и рассказали, что видели там заставы марковцев и что там действует также отряд партизан «бабки Махно» — на нашей стороне. Эти партизаны, по рассказам марковцев, время от времени перебирались на другую сторону Днепра и тревожили красных. Во время отступления красных 6 и 7 сентября эти махновцы переловили много комиссаров и коммунистов и всех их расстреляли, а бегущих красноармейцев разоруживали и, раздев догола, отпускали на все четыре стороны.

Бросилось в глаза, что только с приходом частей Русской Армии в район Александровска крестьяне приступили к уборке хлеба на полях, и на вопрос — почему они раньше это не сделали, был общий ответ: «Мы вас ждали. Ваши еропланы сбрасывали нам бумажки, чтобы мы не поспешали с уборкой».

Население этого района было настроено явно враждебно к красным, так как они его ограбили, отбирая все и вся. Красные отдавали просто невыполнимые приказания о поставках или сдаче того или другого. Для примера одно из приказаний селу Сергеевка: «Доставить немедленно 40 пудов кур и по 15 яиц с курицы». Отбирая скот и свиней, платили гроши или просто давали только расписки. Нам крестьяне все охотно давали и продавали. Вообще, просто говоря, были очень рады нашему приходу. На полях сразу закипела работа по уборке хлеба, и наши солдаты в этом помогали.

15 сентября на участке Дроздовской дивизии было спокойно. Получено было сообщение о крупном успехе донцов, занявших город Мариуполь, где была захвачена богатая добыча. На острове Хортица марковцы отбили наступление девяти красных полков. Так как появились слухи о сосредоточении против дроздовцев крупных сил в районе Тернового, лежащего в двенадцати верстах к северо-западу от села Ново-Гуполовка, последовал приказ дивизии отправиться в рейд в этот район. В первом часу 16 сентября дивизия выступила, имея в голове колонны 2-й стрелковый полк. 3-я батарея шла с головным батальоном. Ночь была холодная, но светлая — полная луна. К рассвету головной батальон подошел к селу Александрополь, находящемуся в трех верстах севернее села Тернового. Была полная тишина в селе. Батальон остановился, через пять минут развернулся к бою и двинулся дальше. Красные молчали, и, только когда наши цепи уже подошли к первым домам, со стороны красных заработали два пулемета, но стреляли недолго и пули летели высоко вверх. Один взвод батареи снялся с передков и послал в сторону стрелявших пулеметов несколько гранат, а наша пехота с криками «Ура!» устреми-

лась в село. Конный полк и конный дивизион 1-го полка помчались вперед в обход села. Генерал Туркул находился при головном батальоне, впереди. Красные бросились удирать и из Александрополя, и из Тернового по балке, которую в то время уже перерезали конный полк и дивизион 1-го полка. Все бывшие в этих поселениях красные попали в плен. Захвачены — 2 орудия, 2 зарядных ящика в полной исправности (с ездовыми, номерами и всеми лошадьми), пулеметы, вся пехота и обозы. В селе Терновом конники зарубили командира 69-й советской бригады. Согласно найденного боевого приказа в штабе бригады, группа «товарища» Нестерова, состоявшая из девяти полков, должна была в этот день «ликвидировать» Дроздовский отряд, расположенный в селе Ново-Гуполовке, при 12 орудиях. Красное командование дало неточные данные о числе орудий, так как в то время в дивизии было 20 орудий. 68-й советской бригаде было приказано, совместно с бронепоездами, на рассвете 16 сентября завязать бой у восточной окраины села Ново-Гуполовка, а рано утром из села Терновое должна была выступить захваченная уже в плен 69-я советская бригада, чтобы, обойдя Ново-Гуполовку слева, атаковать с запада. За центром должна была наступать резервная советская бригада, по расписанию выходявшая с ночлега позже 69-й бригады. Уже совсем рассветало, когда части дивизии выдвинулись севернее балки, в которой расположены села Терновое и Славгород, и дивизия, повернув круто направо, пошла на Славгород.

В это время в районе Ново-Гуполовки, в которой остался 3-й Дроздовский полк и куда накануне вечером прибыло 5 броневиков, шел бой. 3-й полк был атакован красными, но с помощью броневиков их быстро отбросил от Ново-Гуполовки и стал преследовать.

Наступая на Славгород, 2-й Дроздовский полк вскоре вышел в тыл красных. 1-й Дроздовский полк двигался за ним. Колонну дроздовцев красные вначале приняли за свою, подход которой они ожидали, бригаду, и не проявляли беспокойства. 3-я и 4-я Дроздовские батареи выехали вперед и стали на открытых позициях, открыв беглый огонь по красным. В это же время конные части дивизии, проскочив незаметно между домами и деревьями хутора Ремнева и Рита, быстро развернулись в лаву. Атаковав красных, подавленных уже огнем восьми орудий, наши конники своим внезапным появлением вызвали среди них такую панику, что те, несмотря на то что они во много раз численно превышали атакующих, все, без единого выстрела, бросив оружие; сдались. Это был редкий по красоте бой, и он произошел на глазах артиллеристов — на очень небольшом расстоянии.

Пока собирались пленные, Дроздовская конница со взводом 3-й батареи подскочила к вокзалу Славгорода, от которого на всех парах ухо-

дили два красных бронепоезда в такой панической суматохе, что даже не стреляли. Бронепоезда успели ускользнуть, и коннице уже больше ничего не оставалось, как свернуться и двинуться на присоединение к своей пехоте. Части дивизии уже также свернулись и стали вытягиваться на дорогу в направлении на Ново-Гуполовку. На хвост 1-го полка в это время вышла подоспевшая советская резервная бригада. Без особого труда 1-й Дроздовский полк отбросил красных, которые поспешили быстро отступить. Части дивизии продолжали свой обратный путь на Ново-Гуполовку совершенно открыто. Батареи двигались по дороге приблизительно верстах в четырех от железной дороги. Бронепоезда красных, видя, что дроздовцы уходят, вернулись и начали обстреливать колонну дроздовцев. К счастью, они стреляли очень вяло и неточно, но потери в батареях все-таки были. Были убиты младший фейерверкер Беляев и канонир Геллер, тяжело ранены подпоручик Куладин, младший фейерверкер Хохлов и канонир Обухов, контужены штабс-капитан Орлов, штабс-капитан Люш и младший фейерверкер Бочаров. Разорвавшимся под орудием снарядом были попорчены тормоз и две спицы в колесе. Эти потери были совсем излишние, и их можно было избежать, если бы батареи двигались по другой дороге, невидимой с бронепоездов красных. В полках за весь день потерь было очень мало.

На этом операция была закончена. За время ее было взято в плен 1100 красноармейцев, захвачены 2 орудия и 2 зарядных ящика в полной упряжке, свыше 20 пулеметов и многочисленные обозы красных. В числе пленных оказался весь командный состав 205-го советского полка во главе с его командиром. Было зарублено много красных, и в их числе командир 69-й советской бригады. Этим рейдом дивизии планы красных были серьезно расстроены.

17 сентября на участке Дроздовской дивизии было спокойно. Стало известно, что красные усиленным темпом окапывались на линии разъезда Ивковка, которая верстах в пятнадцати севернее станции Славгород. Бронепоезда красных за целый день не появлялись. Наши поезда стали ходить до станции Софиевка; все эшелоны были с пути убраны. Теперь выяснилось, что при взятии Александровска было захвачено свыше 1000 вагонов, 20 цистерн и 33 исправных паровоза. О рейде на Синельниково было сообщено официально очень коротко: «Севернее Александровска в боях взято много пленных и другие трофеи».

18 сентября появились опять бронепоезда красных и, выйдя за станцию Славгород, постреливали. По этому поводу один из жителей Ново-Гуполовки так выразился: «Наверно, вы сегодня ночью пойдете, а то они опять днем дразнились». Видимо, теперь у жителей было определенное

предположение о способе наших действий, и для них не являлись неожиданными и тайной все наши предполагаемые рейды.

За эти дни, во время боев в районе Мариуполя (15 и 16 сентября), попало в плен до 3500 красных, в районе Волновахи — до 2000 красных, взято 7 орудий и 12 пулеметов. Красная конница, прошедшая налет на Ольгинскую, была рассеяна, бежала на восток и оставила в наших руках пленных и пулеметы. Всего за это время донцами было взято свыше 5500 пленных, много пулеметов, орудий, 1 бронепоезд, 5 паровозов, свыше 100 вагонов, обозы красных и разное имущество. Донцы, преследуя красных, заняв станции Караванная и Мандриково, уничтожив там громадные склады красных, к вечеру уже были в Юзовке. Там они обнаружили, что в каменноугольном районе отношение рабочих к большевикам отрицательное.

Вечером было получено приказание Дроздовской дивизии быть готовой к походу. Наш житель оказался прав в своем предположении. Предстояло ночью выступить для ликвидации группы красных в районе Варваровки — совместно с Кубанской дивизией генерала Бабиева.

Немного раньше полуночи на 19 сентября Дроздовская дивизия выступила в очередной рейд. Кубанцы ушли еще раньше, так как им предстояло пройти прямо умопомрачительный путь за один день. Они должны были выступить из Глебовки, что верстах в 30 восточнее Ново-Гуполовки, перерезав железную дорогу Синельниково—Чаплино, выйти севернее Синельникова. Дальше им нужно было, перерезав линию железной дороги Синельниково—Павлоград, занять Синельниково. После этого кубанцы должны были прогуляться до станции Игрель и уничтожить там мост.

Дроздовской дивизии была дана задача: из Ново-Гуполовки пройти на Александровку, Богдановку, Бочары, Николаевку (местное название — Рудино), разъезд Ивковку, Варваровку, Васильевку № 1 на Днестре и на Варваровку у реки Днестра. Занимая по очереди эти населенные пункты, дивизии было предписано уничтожить там части противника. Впереди шел 1-й Дроздовский полк, за ним должен был двигаться 3-й Дроздовский полк, 2-й конный полк и конный дивизион дивизии, между ними броневика, а в заключение — 2-й Дроздовский стрелковый полк. Батареи дивизии находились при полках.

1-й Дроздовский полк выступил в рейд значительно раньше всех остальных частей дивизии. Было еще темно, и 2-й Дроздовский стрелковый полк еще не успел подойти к селу Бочары, когда в это время 1-й Дроздовский полк уже был у села Николаевка. Находившиеся в селе красные проспали, и их всех дроздовцы захватили в плен. На рассвете 2-й Дроздовский стрелковый полк подошел к железной дороге у разъезда Ивков-

ка. В это время к разъезду двигались из Славгорода на Синельниково два бронепоезда красных. На их глазах подрывники полка взорвали железнодорожное полотно, и, таким образом, для них был отрезан путь отхода на Синельниково. Артиллерийским огнем бронепоезда были отброшены назад в сторону Славгорода. После этого 2-й полк, выделив 3-й батальон со взводом 3-й батареи для ликвидации бронепоездов, продолжал движение дальше.

Вернемся теперь ко 2-му стрелковому полку. Колонна полка двинулась в направлении на Варваровку, 3-й батальон полка со взводом 3-й батареи направился вдоль железной дороги на Славгород для ликвидации отрезанных бронепоездов красных, которые в это время вели бой с оставленным в Ново-Гуполовке дивизией батальоном. В это время правее и севернее Синельникова слышна была сильная артиллерийская стрельба. Там наступала Кубанская дивизия генерала Бабиева и в составе ее 1-я и 5-я конные батареи. На сей раз кубанцы выступили в рейд вовремя, а не так, как это было 9 сентября. Бронепоезда красных два раза пытались подойти к разъезду Ивковка, но их отгоняли артиллерийским огнем обратно на Славгород. Нашим артиллерийским солдатам эта операция почему-то очень не нравилась, так как местность была открытая и, кроме того, они предполагали, что красные без упорного сопротивления своих бронепоездов не сдадут и поэтому у нас будут большие потери. Наступал 3-й батальон с большой осторожностью, и, когда цепи стали подходить к станции Славгород, тогда вправо от нее показалась небольшая цепь пехи при четырех конных, двигающаяся с юга на север. Справа, в районе села Тернового, что было севернее этой цепи, шел в это время сильный бой. Пока командиры батальона и артиллерийского взвода решили, кто это может быть, цепь уже стала спускаться в лощину. Тогда стало ясно всем, что цепь красных. Штабс-капитан Орлов выкатил орудие на открытую позицию и обстрелял отступавшую цепь красных, но уже на больших прицелах, гранатами. Было видно, как после нескольких выстрелов были сбиты с коней всадники, при разрыве гранаты, и упало несколько пехи. Красные очень быстро вышли из предела обстрела, и за дальностью расстояния дальнейшая стрельба была бесцельна. После оказалось, что это была цепь отступавших команд красных бронепоездов, к которым подошли уже цепи 3-го батальона. Красные бросили свои два бронепоезда, из которых один, «Атаман Чуркин», был тяжелый и вооруженный 6-дюймовыми и 45-миллиметровыми орудиями, а другой, «Ермак Тимофеевич», с четырьмя русскими легкими пушками во вращающихся башнях. При поездах паровозы, защищенные броней, в полной исправности и под парами. Замки с орудий и часть замков с пулеметов красные побросали в паровозные топки, но все остальное на бронепоездах

было в полной исправности. Было захвачено больше 700 снарядов для русских орудий, около 60 крупных калибров для морских орудий бронепоезда «Атаман Чуркин», свыше 20 пулеметов и к ним лент — без числа. Бывшее на бронепоездах другое имущество братски поделили между собой пехотинцы и артиллеристы, а бронепоезда были немедленно же, с их паровозами, отправлены на разъезд Ново-Гуполовку, и затребован из Александровска ремонтный поезд для исправления взорванного у разъезда Ново-Гуполовка железнодорожного полотна. Так как в этом районе 3-му батальону больше нечего было делать, он свернулся и двинулся на присоединение к своему полку, который нашел уже в селе Михайловка располагавшимся по квартирам. Оставим отдыхать 2-й полк и посмотрим, что сообщил в своей книге генерал Туркул о действиях остальных частей дивизии в этот день. [См. в этой же книге с. 306—308. — *Примеч. ред.*]

Пролетавший над Михайловкой, где расположился на отдых 2-й Дроздовский стрелковый полк, наш летчик сбросил сообщение о том, что кубанцами взято много пленных, в полной исправности бронепоезд «Свердлов», поездные составы, все штабы, зарублен начальник группы красных Нестерович и захвачено много разного имущества.

Дроздовская дивизии, согласно первоначальному приказу, должна была к вечеру 19 сентября занять линию фронта Петровское—Синельниково, но, вследствие большого боевого марша, совершенного за сутки, и потому что дальше продвигаться уже не имело смысла, так как красных сил перед дивизией уже не было (все было разгромлено и взято в плен), 2-й Дроздовский стрелковый полк остановился на отдых в селе Михайловка, а остальные части дивизии в селе Варваровка у Днепра. Кубанская дивизия в 13 часов выступила из Синельникова в направлении на город Екатеринослав. За эту операцию только Дроздовской дивизией взято много пленных, 2 бронепоезда, один сгоревший броневик, орудия, из которых 6 в полной упряжке с зарядными ящиками, ездовыми и номерами, много пулеметов и обозы красных.

Под утро 20 сентября прошел сильный дождь с грозой. Днем сразу стало холодно и сыро. В 14 часов 2-й Дроздовский стрелковый полк выступил обратно в Ново-Гуполовку. Еще раньше туда же выступили из Варваровки и все остальные части дивизии, кроме 3-го стрелкового полка, который ушел в Синельниково, чтобы оттуда вывести броневик «Свердлов», взятые составы и захваченное имущество. Кубанцам же предстояло, согласно полученному приказу, за день прогуляться со станции Игрень на станцию Чаплино и разрушить там железнодорожный узел. Путешествие в общем верст восемьдесят.

Когда 2-й Дроздовский стрелковый полк подошел к Ново-Гуполовке, а это было около 18 часов, перед взорами всех предстала картина: перед

селом была выстроена и окружена пулеметами вся масса захваченных в плен красных, из которой выбирали коммунистов, лиц командного состава и разного рода политруков и военкомов. Судьба коммунистов и большинства отобранных была незавидная — расстрел. Печально это, и тяжелое и неприятное впечатление оставляют подобные массовые расстрелы, но ничего не поделаешь, иначе нельзя было. В Синельниково были отправлены наши бронепоезд и ремонтный поезд, и к следующему утру оттуда удалось все вывести и доставить в Александровск.

21 сентября в Ново-Гуполовку прибыл запасный батальон Дроздовской дивизии, в составе около 600 штыков, под командой полковника Тихменева. Этот батальон был отправлен в распоряжение Марковской дивизии. В это время в 1-м Дроздовском полку было свыше 1500 штыков, во 2-м Дроздовском — около 900 штыков, в 3-м полку — свыше 700 штыков. 2-й Дроздовский конный полк уже полностью сел на коней и насчитывал в строю до 600 сабель. Кроме того, при каждом полку были многочисленные команды конных разведчиков. Артиллерия Дроздовской дивизии: в 1-м и во 2-м дивизионах все орудия были в полной упряжке и батареи 4-орудийные, но в 3-м дивизионе не хватало лошадей и некоторые орудия не были в строю. 4-й гаубичный дивизион — в полном строю, но не был при дивизии, а батареи стояли в немецкой колонии Шенвиз, южнее города Александровска, временно находясь при Марковской дивизии.

Настроение во всех Дроздовских частях было отличное. Население деревень и города Александровска особенно хорошо относилось к нашим частям. Про красных рассказывали прямо невероятные вещи. Надоели они им и насолили весьма солидно.

— Уж они нам так обрыдли, так обрыдли, — жаловались всюду и везде жители, все в один голос и вполне искренно.

С нашим приходом у всех настроение стало бодрое, и крестьяне без боязни приступили к молотье. Почти в каждом дворе шумели и гудели разные машины, а наши солдаты в свободное время крестьянам помогали. Как-то особенно успокаивающе действовал на нервы весь этот шум разных молотилок.

22 сентября Дроздовскую дивизию посетил протопресвитер военного и морского ведомства — епископ Вениамин, прибыв в расположение дивизии с чудотворной иконой Курской Коренной Божией Матери. Эта чудотворная икона в настоящее время постоянно пребывает в США. В 12 часов дивизия была построена на церковной площади в Ново-Гуполовке. Епископ Вениамин сказал короткое слово и призвал всех помолиться за успех нашего дела. После отслуженного молебна довольно долго говорил один священник — из сопровождавших епископа. Он

назвал дроздовцев «орлами» (по примеру генерала Врангеля), «доблестными, христолюбивыми воинами, бессмертными чудо-богатырями». Говорил о том, что на нашу долю выпала чрезвычайно тяжелая задача — освобождение от красного ига России — и призвал нас твердо творить свое дело со Христом и во Христе идти к великой заветной цели. После этого все ряды дивизии были обнесены чудотворной иконой и епископ Вениамин окропил всех святой водой. Обойдя все ряды дивизии, епископ Вениамин на прощание обратился к дроздовцам и сказал, что за последнее время ему не приходилось вообще слышать жалобы на наши части, и предложил всем вместе пропеть молитву «Спаси, Господи...» и лично управлял всеми певшими.

В районе острова Хортица был редкий артиллерийский огонь с обеих сторон. 23 сентября на участке Дроздовской дивизии полная тишина и о противнике ни слуху ни духу. Высланный в 10 часов разъезда в район Терновое—Варваровка противника там не обнаружил. На этот раз дроздовцы основательно «слизнули» фронт перед собой. К 17 часам полки и батареи были построены на церковной площади для встречи командующего 1-й армией генерала Кутепова, который прибыл в 18 часов в сопровождении командира 1-го армейского корпуса генерала Писарева. Генерал Кутепов был в дроздовской форме. Обойдя части, генерал Кутепов благодарил их за лихую работу и провозгласил «Ура» в честь начальника дивизии, генерала Туркула. После этого дивизия отлично прошла церемониальным маршем мимо командующего армией. Конный полк и артиллерия прошли рысью. Генерал Кутепов сообщил последние новости, и стало известно, что части генерала Фостикова сосредоточились в районе Адлера и будут перевезены в Крым. В Польше, из кадров бывшей армии генерала Юденича²⁰⁶ и пленных красноармейцев, формировалась армия под командой генерала Глазенапа²⁰⁷, который вошел в подчинение генералу Врангелю. Командиром 1-го Дроздовского полка был назначен командир 1-й батареи полковник Чесноков²⁰⁸. Полковник Мельников²⁰⁹ сам просил о назначении ему преемника, так как по болезни он не мог руководить полком. Полковник Чесноков хотя и артиллерист, но все его считали идеальным командиром какой угодно части. Стало известно, что красные стали перебрасывать на центральный участок фронта свою 9-ю армию, так как на фронте осталось только около 15 000 штыков и 3500 сабель при 120 орудиях.

Весь день 24 сентября на участке Дроздовской дивизии полная тишина. Ночью на 25 сентября в районе города Александровска была слышна сильная артиллерийская стрельба. Днем стало известно, что наши части переправились на рассвете в районе острова Хортица на правый берег Днепра.

На участке Дроздовской дивизии 26 сентября противника ближе 40 верст обнаружено не было. Наши бронепоезда «Волк» и «Севастополь» целый день, не произведя ни одного выстрела, находились на станции Славгород. Согласно сводке за № 01135 в ночь на 26 сентября, прорвавшаяся между нашими частями конница красных на правом берегу Днепра налетела на колонию Шенеберг, где захватила часть обоза Корниловской дивизии и после этого стала угрожать району Бурвальдской переправы, колонии Розенталь и Хортице. Запасный батальон Дроздовской дивизии с 1-й Марковской батареей лихо атаковал 27 сентября подошедших к переправе красных и отбросил их на 15 верст к станции Абрузовка, нанеся им большие потери. В этот район прибыли затем марковцы, а Дроздовский батальон был оттянут в Александровск. За блестящие действия батальона генерал Врангель переименовал его в 4-й Дроздовский стрелковый полк. Этот полк сплошь состоял из бывших пленных красноармейцев. Офицеры в ротах были только на командных должностях, и то в очень ограниченном числе. Можно было ожидать, что при неудаче вчерашние красные перебегут назад к большевикам, но получилось обратное, и полк доблестно дрался до самой эвакуации из Крыма. Его остатки покинули Крым в рядах Русской Армии.

27 сентября наступление на правом берегу Днепра успешно продолжалось, и были разбиты 16-я и 21-я кавалерийские и 3-я стрелковая дивизии красных. Захвачен полк 3-й дивизии — целиком, взято 6 орудий, броневики, 4 грузовика, много обозов и запасы патронов и снарядов. На участке Дроздовской дивизии появившиеся были цепи красных, пытавшиеся продвигаться вдоль железной дороги в сторону Славгорода, были отогнаны огнем наших бронепоездов. В район штаба Дроздовской дивизии приехали иностранные корреспонденты: англичане, итальянцы, французы и с ними двое русских, издававших газету в Берлине, — Горелов и Ксюнин. Снимали в различных позах генерала Туркула, артиллерию, конницу и пехоту Дроздовской дивизии. Обещали осветить в печати, под правдивым углом зрения, положение дел на Юге России. Около 21 часа 27 сентября дивизия ушла в рейд. Корреспонденты также двинулись со штабом дивизии. По ночам стало уже холодно, и даже вода в лужах покрывалась тоненьким льдом, а земля белела от инея.

* * *

Все части дивизии, кроме 3-го Дроздовского полка, двинулись в Ново-Гуполовку вдоль железной дороги на Славгород. 3-й Дроздовский полк возвращался на свои квартиры через Варваровку. Когда дивизия уже была вблизи Ново-Гуполовки, встретила целая компания беженцев, крестьян-

ян из Калужской губернии, которые, спасаясь от голода, царившего в их краях, с семьями пробирались на юг, в Таврическую губернию. Красные их не пропускали, но сегодня, благодаря разгрому красных Дроздовской дивизией, беженцам удалось проскочить на юг, в наши края.

Большевики были сильно напуганы действиями Дроздовской дивизии, что можно было заключить из простого разговора между командиром советского полка и комиссаром, переданного одним крестьянином, бывшим свидетелем их разговора. Крестьянин хутора Тредьякова рассказал, что перед нашим последним, описанным выше, рейдом, накануне, комиссар сильно нажимал на командира одного советского полка, чтобы тот быстрее и смелее действовал против дроздовцев и увереннее продвигался вперед, на что командир советского полка ответил комиссару: «Вот подожди, подожди, они тебе покажут как воевать здесь». Ждать, как мы видели, комиссару долго не пришлось — всего пару часов. В это же время стало известно, что наше наступление на правом берегу Днепра успешно развивалось и был освобожден от красных город Никополь, а в районе Каховки продолжались бои местного значения.

Вернувшись из рейда, Дроздовская дивизия вместо отдыха получила новую задачу и уже в ночь на 29 сентября выступила на юго-восток с целью ликвидации ударной группы красных в районе Ново-Николаевки. В голове колонны шел 2-й Дроздовский стрелковый полк. Двигались довольно быстро, и было уже довольно холодно. Пройдя еще до рассвета 20 с лишним верст, голова колонны подошла к селу Ново-Миргородовке, но там красных не оказалось. Последнее время в этом селе располагался отряд партизан «бабки Махно», под командой некоего Чалого, силой в 200 сабель. В соседней деревне Антоновке было захвачено несколько конных красных, после чего движение дивизии продолжалось беспрепятственно до хуторов, лежащих верстах в семи от Антоновки. Вдруг, неожиданно, на буграх появились солидные и густые цепи красных. Генерал Туркул во главе 2-го конного полка атаковал красных в лоб, а левый фланг красных был атакован разведчиками 2-го стрелкового полка. Красные могли бы снести огнем атакующих всадников 2-го конного полка, а поэтому командир 3-й батареи, полковник Слесаревский, приказал обстрелять цепи красных беглым огнем. Красные бросились за бугры, и только отдельные их стрелки поддерживали коротко редкий огонь да один пулемет красных пустил две три очереди. Все, что были за бугром, за исключением конных, попали в плен. Целым лесом стояли винтовки, воткнутые в землю. Слева отстреливалась группа красных человек в 12, и туда подскочил разведчик 2-го полка. Под ним убили лошадь, а когда он упал, тогда прикололи

его штыками. Эту «лихую» компанию наши конники всю зарубили за их «лихое» дело. Здесь попало в плен свыше 600 красноармейцев.

После этого дивизия продолжала свой путь на Ново-Николаевку. Появившаяся было конница красных, видя колонну дроздовцев, быстро испарилась, бросив свою пехоту на произвол судьбы, и пехота попала в плен. Около 14 часов дивизия прошла Ново-Николаевку, и цепи головных частей заняли бугры к востоку от нее, сделав уже переход свыше 50 верст и захватив в плен более 2000 красных. 1-й и 3-й Дроздовские полки были лишь свидетелями этого, в боях не участвовали и не разворачивались. Все было сделано без их участия. Теперь Дроздовская дивизия уже была в тылу ударной группы красных, которую ей, совместно с донцами, предстояло ликвидировать.

Располагаясь в Ново-Гуполовке, Дроздовская дивизия имела разрыв фронта перед собой и между соседними частями донцов почти в 70 верст, в котором в то время бродил лишь партизанский отряд Чалого. Взятые в бою у Ново-Николаевки в плен красные принадлежали воскресшей 42-й советской дивизии. Красные развернули свой запасный полк в 4 полка, выдали накануне боя им оружие, пригнали в Ново-Николаевку, где они сразу же попали в плен. В бою был зарублен командир 125-й советской бригады. В этот день генерал Туркул вновь принимал участие в конной атаке. Он в последнее время уж очень много стал рисковать собой — почти в каждом бою.

Около 15 часов в район расположения Дроздовской дивизии спустился наш аэроплан, летчик которого привез приказ о дальнейшем движении дивизии, еще в тот же день, на юг. Он сообщил также о занятии нашими частями станции Апостолово и что по всему фронту идут упорные, но успешные для нас бои. На северо-восточном участке Северной Таврии наши войска сильными ударами нанесли красным крупное поражение. Кроме плененной 42-й советской дивизии, были разбиты морская экспедиционная, 2-я Донская и 9-я стрелковая советские дивизии. Взято в плен свыше 5000 красных, захвачено 12 орудий, много пулеметов и обозов. На правом берегу Днепра также взято в плен свыше 3000 красноармейцев и захвачено 8 орудий, 6 броневых автомобилей, зенитная батарея, понтонная рота — полностью, с моторными понтонами. В районе Каховки попытки красных перейти в наступление были ликвидированы. Как видим, красные не особенно терялись уже и тогда, когда их били на правом берегу Днепра, а у Каховки, в свою очередь, продолжали попытки наступления. В полночь на 30 сентября Дроздовская дивизия выступила в дальнейший поход на юг. Головным полком шел 1-й Дроздовский полк, а замыкал колонну 2-й Дроздовский стрелковый полк. При выступлении было приказано

быть готовыми к отражению атак конницы, так как, по имеющимся сведениям, в том районе было до 2500 сабель красной конницы. Было запрещено курить во время похода. Дивизия имела направление на станцию Гайчур на линии железной дороги Чаплино—Пологи. Ночью верстах в двенадцати от Ново-Николаевки 1-м полком был захвачен в плен целиком — с санитарями, сестрами и обозами — советский стрелковый полк. Жители хутора, где был захвачен этот полк, были страшно удивлены появлением дроздовцев со стороны Ново-Николаевки.

— Откуда это вы взяли? — говорили крестьяне. — Фронт аж под Ореховом, а вы сзади идете.

Как потом выяснилось, взятый в плен полк только накануне сменился и под вечер пришел в хутор Самойловский — в резерв, где и попал в руки 1-го Дроздовского полка. Для красных появление дроздовцев ночью оказалось весьма неприятным сюрпризом.

Когда стало светать, сделалось очень холодно. Все стали прямо замерзать и, чтобы согреться, стали при всяком удобном случае разводить костры из соломы; и это делали не только главные части, но даже дозоры и разъезды. Надо предполагать, что дым мог быть виден на много верст вперед. Получилось здорово смешно, скрыто шли — курить нельзя, — а костры все-таки зажигали.

Утром дивизия прошла хутор Самойловский, и вскоре сзади красные начали обстреливать артиллерийским огнем хвост нашей колонны. Так как предполагалось захлопнуть красную конницу, дивизия двигалась очень быстро, и приказано было не особенно обращать внимание на то, что творится по сторонам и сзади. Впереди продвигался 1-й Дроздовский полк, ведя бой со встречными частями красных, а шедший последним в колонне Дроздовской дивизии 2-й стрелковый полк вообще не разворачивался, и только изредка обстреливались артиллерийским огнем его батарей удиравшие по сторонам движения — слева и справа — группы красных. В районе мелких селений (Тонеты, Кушевы и др.) отступали отдельные группы красных, которые можно было легко забрать в плен, если бы 2-й полк развернулся, но дивизия получила особую задачу, связанную со временем, а поэтому и не пришлось заняться этими группами. В районе Рождественской 1-й Дроздовский полк (разворачивался только один батальон) совместно со 2-м конным полком захватил много пленных и потом сразу продвинулся дальше к югу. Вся дивизия двигалась узким фронтом с севера на юг. Когда 2-й Дроздовский стрелковый полк подошел к Рождественской, на нашем пути увернулась группа красных — довольно внушительных размеров. Приняв 2-й полк за обозы, так как наша пехота передвигалась на повозках, эта группа красных решила обрезать хвост колонны. Обо-

зы же дивизии шли в середине колонны, а не в хвосте. Эта группа красных, среди которых были курсанты, неожиданно встретила колонну полка, когда она подошла к Рождественской, с близкой дистанции огнем и атаковала ее. 1-й батальон сейчас же соскочил с повозок и со своей стороны контратаковал красных. 3-я батарея с места открыла огонь на прицеле 10, а 4-я выехала еще несколько вперед, причем конные разведчики, во главе с полковником Самуэловым, бросились в атаку. Такой оборот для красных был совершенно неожиданным, но, несмотря на это, они на окраине села оказали упорное сопротивление и среди стрелков 2-го полка были раненные штыками. Наш броневик, выйдя во фланг красных, ускорил решение боя в нашу пользу. Красные бежали, оставив убитыми, ранеными и пленными 112 курсантов.

Во время этого марша постоянно поддерживалась связь с донцами аэропланом, летчик которого все время освещал обстановку. Когда же была взята и Воздвиженка, то перед дроздовцами не было больше красных частей на юг. После того как 2-й стрелковый полк отошел от Рождественской, ее вновь заняли красные и начали артиллерийским огнем прикрывать отход на север, к железной дороге, уцелевшей колонне красной пехоты. К станции Гайчур подошел бронепоезд красных, открывший огонь по 2-му стрелковому полку, но, когда взвод 4-й батареи специально занялся бронепоездом, последний поспешно исчез в северном направлении. После этого 3-я и 4-я батареи беглым огнем обстреливали поспешно отходившую группу тысячи в две красных. Оставив на буграх 2-й батальон и 4-ю батарею, 2-й стрелковый полк ушел в село на ночевку. Никакой конницы в этом районе не оказалось. Силы красных были разбиты, и за два дня из состава 42-й и 9-й советских дивизий дроздовцы взяли в плен свыше 5000 красных. На долю донцов также пришлось большое количество пленных.

Генерал Туркул остался недоволен результатом рейда и считал, что только из-за ненужной спешки не была захвачена вся артиллерия красных и на две-три тысячи меньше попало в плен красных. Но успех, конечно, был большой, хотя и не удалось полностью снять всех красных с этого участка фронта. Красные же были совсем деморализованы. Разворачивался в 1-м полку всего лишь один батальон, а во 2-м полку, на другой день, два, а пленных взято уйма. Наши же потери маленькие и исчисляются единицами, но среди раненых генерал Субботин, командир бригады, получивший тяжелое ранение в живот. Переходы же в последнее время Дроздовская дивизия совершала прямо кавалерийские — по 50 и больше верст в сутки, и притом с боями. Уставали все здорово, так как переходы совершались ночью, и благодаря этому для сна и отдыха оставалось мало времени. Кроме того, уже наступили

холодные ночи и приходилось, чтобы согреться, больше передвигаться пешим порядком, а не на повозках. Зато все это окупалось громадными успехами, которые сопутствовали дроздовцам.

Целый день 1 октября Дроздовская дивизия простояла в Воздвиженке. Донцы ушли в район Царе-Константиновки, чтобы ликвидировать еще одну ударную группу красных. На правом берегу Днепра красные, стянув превосходящие во многом силы, вынудили наши части отойти за Днепр. Вообще в последнее время стало заметно усиление красных по всему фронту и ясно обозначился их нажим во всех направлениях. С одной ударной группой основательно разделалась Дроздовская дивизия, с другой успешно справились донцы. Некоторый успех имели красные у Каховки, Алешек и на правом берегу Днепра. За Днепром, у села Шелохова, возле мельницы, 20 сентября разрывом снаряда был убит генерал Бабиев, командовавший нашей конной группой. Это произошло в самый решительный момент боя, и кубанцы, а также части нашей 2-й армии понесли значительные потери, что объясняется тем, что было, в связи со смертью генерала Бабиева, нарушено управление частями. Донцам же повезло, и они разделали «под орех» всю группу красных у Царе-Константиновки. Захвачено было до 9000 пленных, 12 орудий и много пулеметов. Разбитые красные части принадлежали к подошедшей на южный фронт 9-й советской армии.

2 и 3 октября Дроздовская дивизия оставалась в Воздвиженке. Были получены официальные сведения о заключении перемирия между Польшей и Советами и о грандиозной манифестации в Москве по этому поводу. В Александровке был арестован за грабежи партизанский атаман Володин. Прорвавшаяся у Бердянска красная конница дошла до Большого Токмака и несколько часов занимала его. Там красные зарубили коменданта, несколько генералов, захватили бронепоезд «Святогор», поезд генерала Богаевского, взорвали 6 вагонов со снарядами и вагоны с обмундированием. Вообще там красные наделали немало бед. Сам генерал Богаевский едва успел ускакать.

В 22 часа 3 октября Дроздовская дивизия двинулась на Орехов, а Корниловская — на Жеребец, чтобы закрыть выход прорвавшейся красной коннице, численностью свыше 2500 сабель. Дроздовская дивизия двигалась целую ночь и на рассвете прошла село Омельник. Около 10 часов, сделав переход в 35 верст, пришла в Орехов. После небольшого привала дивизия двинулась дальше, в направлении на Щербаковку. Первым шел 3-й Дроздовский полк, за ним двинулся 2-й стрелковый, а последним, замыкающим, был 1-й стрелковый полк. При выходе из города генерал Туркул неожиданно остановил дивизию. Третьему полку было приказано отправиться в село Ново-Андреевку, а остальным частям дивизии вер-

нуться в город Орехов. Дальнейшее движение дивизии отменялось, так как было получено сообщение, что конница красных уже успела проскочить верст 10 восточнее. Красные еще 3 октября ушли из Большого Токмака, прошли Гохгейм и в Щербакове ночевали, а под утро двинулись назад в Копани, хутор Работин, и перешли железную дорогу между Большим Токмаком и Ново-Карловкой. В это время в Александровске были марковцы, в Жеребце — корниловцы, а дроздовцы, по расписанию, двигались на Щербаковку. Наши аэропланы все время висели над колонной красной конницы и сбросили на нее около 200 пудов бомб. Потери красной конницы, по свидетельству жителей, были огромные. Жаль, что она успела проскочить восточнее дроздовцев!

Дивизия до пяти часов утра 5 октября оставалась в Орехове, откуда выступила в направлении Рубановки. Во главе шел 2-й Дроздовский стрелковый полк. Весь 1-й армейский корпус перемещался влево по фронту к линии Днепра. На остальном участке центрального фронта и до Азовского моря оставались части 2-й армии и донцы. Почти до 12 часов дня стоял густой туман и на расстоянии 200—300 шагов ничего не было видно. Дивизия шла через Ново-Андреевку, колонию Юренталь, мимо колонии Розенталь на Эрстовку и, наконец, в 22 часа прибыла в большое селение Михайловка. К вечеру после дождя пошел мокрый снег и дороги испортились. Дивизия сделала переход больше чем в 60 верст. К 9 октября дивизия должна была сосредоточиться в селе Рубановка. Подтвердилось, что наступление красных у Каховки остановлено. При переправе обратно наших частей с правого берега Днепра больше всего пострадали части 2-й армии. Были подбиты семь танков, и два танка остались на правом берегу Днепра.

6 октября Дроздовская дивизия простояла в Михайловке. Михайловка — большое село с населением около 45 000 человек, длиной до 9 верст и в ширину около 6 верст и находится в 10 верстах от станции Бурчацк. Имелась даже смешанная гимназия.

Когда Дроздовская дивизия ушла из Ново-Гуполовки в рейд на юг, там остался один батальон 3-го стрелкового полка, бронепоезд, броневик, а 2 октября туда пришли обе гаубичные Дроздовские батареи, бывшие до того в распоряжении Марковской дивизии. Вскоре все части, согласно приказу, покинули Ново-Гуполовку, уйдя на присоединение к своей дивизии, и уже 6 октября в Ново-Гуполовке дроздовцев не было. 4-й Дроздовский полк со взводом 5-й Дроздовской батареи и 7-й гаубичной, согласно приказу, перешел в село Михайловка-Лукашевка, что 25 верст на северо-восток от города Александровска, и, таким образом, эти Дроздовские части оказались выдвинутыми далеко на север, не имея связи ни с марковцами, занимавшими еще в то время Александровск, ни с Дроздов-

ской дивизией, ушедшей в рейд на Орехов. Соседние села занимались в то время отрядами партизан «бацьки Махно», которые были в союзе с нами, но скоро события показали, что доверять этим махновцам было никак нельзя.

8 октября махновцы внезапно напали на сторожевое охранение 4-го Дроздовского полка, прикрывавшее село с востока, и ворвались в Михайловку-Лукашевку. Полк со взводом 5-й батареи отбился от махновцев и стал отходить на юг, но 7-я гаубичная батарея, расположенная на северном конце села, была от полка отрезана. Отбиваясь пулеметным огнем своих тачанок и «крякалками» — бризантными гранатами, наводившими на махновцев панику, — 7-я гаубичная до наступления темноты отходила на север, на Синельниково, а затем, круто повернув на восток, оторвалась от махновцев. Через несколько верст батарея вновь повернула, но уже на юг и, пройдя село Ново-Воскресенское, занятое спящими махновцами, добралась до села Ново-Григорьевка, где в то время находился 4-й Дроздовский полк. Отбиваясь от махновцев, 7-я гаубичная, во время отхода, имела большие потери, но всех своих раненых вывезла. Через Янчекрак, куда отошла, согласно приказу, из Александровска Марковская дивизия, 4-й Дроздовский полк с батареями отошел в колонию Новый Мунталь, где поступил в распоряжение начальника 6-й пехотной дивизии, занимавшей в то время фронт от Куркулака до Васильевки. Генерал Канцеров²¹⁰, начальник 6-й пехотной дивизии, потребовал, чтобы 4-й Дроздовский полк занял фронт от Эристовки до Куркулака включительно, то есть протяжением в 7 верст. Полковник Тихменев, получив такой приказ, попросил командира 7-й гаубичной батареи, полковника Нилова²¹¹, поехать к генералу Канцерову и объяснить ему, что бессмысленно растягивать ночью на 7 верст 4-й полк, состоящий из 500 вчерашних красноармейцев, и что дроздовцы всегда воюют, только держась в кулаке. Генерал Канцеров отменил свое приказание, а 4-й полк с батареями не задержался и уже 13 октября продолжил свой путь на присоединение к своей дивизии и прибыл в село Ново-Михайловку, а 14 октября двинулся в направлении на села Тимошевская и Менчикур, прикрываясь разъездами с севера, ввиду появления красных в Орлянке. 15 октября 4-й полк прибыл в хутор, что в 15 верстах от села Ново-Александровка, где в то время находилась Дроздовская дивизия. Взвод 5-й батареи в тот же вечер ушел на присоединение к своей батарее, бывшей при 3-м Дроздовском полку. 16 октября 4-й Дроздовский полк был уже в селе Рубановка, куда перешла вся Дроздовская дивизия.

Наконец вся Дроздовская дивизия была в сборе, имея в своем составе все 4 стрелковых полка, конный полк и свою артиллерийскую бригаду. В строю было свыше 3000 штыков, 500 сабель только в кон-

ном полку, 20 орудий и 350 пулеметов. Во время своего мытарства, после нападения махновцев, 4-й полк потерял около 200 стрелков убитыми, ранеными и попавшими в плен к махновцам, а 7-я гаубичная имела 17 раненых.

Дроздовская дивизия, во исполнение полученного приказа, с 7 октября по 14 октября из Михайловки, в несколько переходов, прибыла в Рубановку, где и сосредоточилась, оставаясь там в армейском резерве. Корниловская дивизия 9 октября перешла в район Верхнего Рогачика. Марковцы перемещались в район Днепровки. Район против города Никополя (Водяное и Большая Знаменка) заняли донцы и несколько партизанских отрядов, оставшиеся верными Русской Армии. На берегу Днепра, против Рубановки, были части Терско-Астраханской бригады генерала Агоева. От Каховки и южнее, вплоть до моря, стояли части 2-го армейского корпуса. Корниловцы 10 октября заняли участок фронта около Днепра от Большой Знаменки до Большой Лепетихи и прибрежные селения Малую Лепетиху и Нижний Рогачик. Положение на участке частей 2-го армейского корпуса было весьма неустойчивое, и части его во многом отставали от частей 1-го армейского корпуса. В то время, взять хотя бы для примера, в 1-м Дроздовском полку было 130 пулеметов, во 2-м и 3-м полках — по 100; в полках же 2-го корпуса число пулеметов даже колебалось от 15 до 20 на полк; с артиллерией также было слабовато, так как она была, еще при переходе за Днепр, под командой генерала Слащева, потеряна в большом количестве.

Ни 14-го, ни 15 октября в штабе Дроздовской дивизии официальных сведений о положении на фронте и об отходе частей 2-го корпуса, о боях на участках донцов, и корниловцев, и марковцев получено не было. Также вообще не было слышно какой-либо стрельбы. Днем 15 октября в частях происходила раздача полученного в довольно большом количестве обмундирования — кожаных курток, теплого и холодного белья, френчей, брюк, шинелей, носков, но обуви было мало. В общем все-таки все приоделись, и теперь уже морозы не были так страшны. Между тем положение на фронте не было таким благополучным, как это предполагали, вследствие полной неосведомленности, находящиеся в армейском резерве части Дроздовской дивизии.

В расположение Дроздовской дивизии стали прибывать еще ночью повозки обозов Корниловской ударной дивизии, и сопровождавшие их ударники сообщили некоторые сведения о катастрофе у корниловцев. Дроздовская же дивизия продолжала стоять в Рубановке — в ожидании распоряжений. Туда же подошла и Терско-Астраханская бригада генерала Агоева. Неожиданно пришло распоряжение из штаба, и генерал Туркул, у которого был приступ тифа, полулежа объяснил собравшимся началь-

никам частей обстановку и приказал немедленно приготовиться к выступлению на Константиновку— Антоновку — в тыл прорвавшейся конницы Буденного. Еще не успели приготовиться к выступлению, как пришло новое приказание: двинуться на село Вознесенка, так как там ночует около двух дивизий красной конницы и около дивизии пехоты. С наступлением темноты Рубановку атаковали передовые части красной пехоты, но были отброшены 2-м батальоном 2-го Дроздовского полка. При выступлении из Рубановки встретились конные корниловцы, которые сообщили, что Корниловская дивизия должна пройти через Рубановку на Серагозы. Через несколько часов, еще до рассвета, красные заняли Рубановку без боя.

Дроздовская дивизия двигалась двумя колоннами. 1-й и 2-й стрелковые полки и 2-й Дроздовский конный полк — правой колонной, а 3-й и 4-й стрелковые полки с Терско-Астраханской конной бригадой — левой колонной, так как было получено приказание атаковать село Вознесенка с двух сторон. Ночь была холодная, мороз дошел до 10 градусов. Хотя и было запрещено курить, но, чтобы согреться, наступающие колонны стали всюду разжигать костры из сухой травы — перекасти-поле, — и ясно, что эти огни должны были указать противнику путь движения Дроздовской дивизии. На рассвете 17 октября подошедший к селу Вознесенка 1-й Дроздовский полк атаковал красных, и в то же самое время красных атаковали и подошедшие в левой колонне дроздовцы. Через два часа боя красные оставили Вознесенку и стали отходить. Было захвачено в плен несколько красных кавалеристов. Вознесенку занимали части красной конницы и латышская пехота уже с 16 октября и говорили жителям, что теперь они, наверно, Крым возьмут и что только через Днепр переправилось свыше 50 000 конницы и пехоты. Как потом стало известно, 16 октября один наш летчик, несмотря на сильную облачность, рискнул полететь и вернулся с грандиозным для нашего штаба открытием, от которого у всех штабных рты пораскрывались: в 40 верстах от Ново-Алексеевки, то есть в самом центре нашего тыла, у единственной железнодорожной магистрали свободно передвигалась конница красных, силою свыше 10 000 сабель с артиллерией. Дроздовская дивизия получила приказание после занятия Вознесенки двинуться на Агайман. После короткого отдыха дроздовцы и Терско-Астраханская конная бригада двинулись на Агайман, опять двумя колоннами, на расстоянии одна от другой приблизительно версты в полторы, то есть почти рядом, и параллельно. Колонны растянулись верст на десять—пятнадцать. В них было не столько строевых частей, сколько обозов, причем повозки двигались в несколько рядов, но колонны имели очень внушительный вид. Хотя движение происходило по открытой местности и колонны часто были под обстрелом

артиллерии красных, но она была больше по пустому пространству между двигавшимися колоннами (видимость благодаря «куре» и падающему мокрому снегу была отвратительная), и потерь у дроздовцев было очень мало. При движении приходилось сбивать противника спереди, отбиваться сзади и зорко следить за конницей справа. Потери были главным образом в правой колонне.

Весь 40-верстный путь до Агаймана дивизия шла, сопровождаемая противником. В хвосте правой колонны шел 4-й Дроздовский полк с 7-й гаубичной батареей. В районе Ново-Репьевки, что верстах в 15 от Агаймана, конница красных пробовала отрезать 4-й Дроздовский полк. Их конная батарея вынеслась близко на открытую позицию и открыла огонь, но немедленно же была покрыта разрывами бризантных гранат 7-й гаубичной батареи. Большевики решительно не выносили оглушительных разрывов 10-сантиметровых немецких гаубиц. Красные артиллеристы ускакали, бросив свои орудия и конницу. Так как орудия не на чем было вывезти, пришлось удовлетвориться тем, что с них были сняты затворы и панорамы. Ночью обе колонны подошли к Агайману, сделав с боем за 36 часов переход почти в 100 верст. В Агаймане уже находились части Конного корпуса генерала Барбовича, состоящего из 3 кавалерийских дивизий.

На рассвете 18 октября все части, сосредоточенные в Агаймане, выступили в направлении на Сальково четырьмя колоннами, одна за другой, на расстоянии двух или трех верст. Порой расстояния почти и не было. Слева и справа двигались конные части, а между ними шли двумя колоннами дроздовцы. В арьергарде шли остатки Корниловской дивизии, имевшие в своем составе до 1000 ударников. Около 11 часов колонны подошли к линии Салбруна, где был привал для весьма скудного обеда, так как продуктов в обозах было мало, от местного же населения было просто невозможно приобрести что-либо по той причине, что вся масса войск двигалась в одном направлении. Также нельзя было выпечь хлеб, из-за отсутствия времени. После полуторачасового отдыха и обеда все колонны продолжили путь. 2-й и 3-й Дроздовские стрелковые полки двигались в направлении на Отраду, к которой подошли на расстояние артиллерийского огня к 17 часам, пройдя район Кучкогуса и хуторов Кутузова и Сорокона. Когда колонны покидали район Салбруна, верстах в шести сзади, корниловцы вели бой с преследовавшей колонны красной конницей, шедшей весьма энергично по нашим пятам. Подход к селению Отрада совсем открытый — по чистому и ровному полю. Все части высыпали целой кучей и, не разворачиваясь, двинулись вперед. Красные сразу же открыли артиллерийский огонь по колонне 2-го полка тремя батареями, но стреляли страшно

разбрасываясь, видя такое множество великолепных целей, и благодаря этому не нанесли полку существенных потерь. Сначала 4-я, а затем и 3-я Дроздовские батареи, став на открытые позиции, открыли беглый огонь по Отраде. Через полчаса красная конница стала быстро покидать район Отрады, и разъезды 2-го конного полка Дроздовской дивизии уже были на окраине Отрады. Попало сильно от генерала Туркула 3-й батарее за то, что она, по его мнению, слишком медленно меняла свои позиции. Но картина все же была очень внушительная и редкая по своей красоте: почти все батареи Дроздовской дивизии с открытых позиций беглым огнем стреляли по удирающей красной коннице вправо, а густые лавы ее были все в дыму от разрывов. Наша пехота старалась выйти наперерез отходившей в сторону Ново-Троицкой коннице красных, открывала залпами и из пулеметов огонь, который, к сожалению, из-за большой дистанции, особого вреда коннице не мог принести. К тому же мороз был довольно большой, и у стрелков кочнели пальцы, и часто пули ложились вблизи стрелявших. Через полчаса все здесь было кончено. Артиллерию спешно отправили на левый фланг, так как там 1-й Дроздовский полк открыл сильный ружейный и пулеметный огонь, но за короткое время и там бой прекратился. Части в сумерках вошли в Отраду. Красные не успокоились и уже в темноте вновь подошли с северо-запада близко к селу и пытались атаковать, но с места же были с треском отброшены.

Выяснилось, что дроздовцы будут ночевать в Отраде, хотя вначале генерал Кутепов хотел послать дроздовцев еще ночью брать село Ново-Рождественское, но этому категорически воспротивился генерал Туркул, и туда были посланы корниловцы, которые ночью атаковали красных в селе и захватили там в плен 270 конных и взяли 8 орудий. В тот же день Конный корпус генерала Барбовича, ведя бой северо-восточнее Отрады, захватил в плен свыше 1000 красноармейцев-пехотинцев, но красные пулями подбили 7 «фордов» и вывели их из строя. Дело в том, что так называемая броня на этих «фордах», в виде досок, не защищала мотор и колеса и подбить их пулей было совсем легко. Эти «форды» оказались непрактичными и дорогостоящими, а в бою с пехотой неприменимы. О Буденном в Отраде узнали, что он был в селе и только во время боя покинул его, в спешке даже не успев пообедать. В доме, где он располагался, на столе остался приготовленный для него обед. Там же, в Отраде, из штаба Буденного попал в плен офицер, раньше служивший в Дроздовском полку. Буденный успел выскочить из мешка и удрать со своей конницей потому, что не успела вовремя выйти наперерез отступающим красным шедшая справа 1-я Кубанская конная дивизия. Слева в этот день красная конница и две кавалерийские ди-

визии генерала Барбовича танцевали своего рода кадрили: полверсты вперед, полверсты назад, выносились лихо вперед наши конные батареи, но до рубки дело не дошло.

Три Дроздовских стрелковых полка и Дроздовский конный полк заночевали в Отраде, а 4-й Дроздовский стрелковый полк с 7-й гаубичной батареей и Терско-Астраханская бригада генерала Агоева заночевали в полуверсте от Отрады к югу — в хуторе Ново-Александровка. Корниловцы же, как уже было сказано, ушли в село Ново-Рождественское.

На рассвете 19 октября около селений началась ружейная стрельба и Терско-Астраханская бригада ушла из хутора Ново-Алексеевского к Отраде. Вскоре появились красные, и пули стали лететь вдоль улицы хутора, и показались наступавшие на хутор лавы красных. Командир 4-го полка, полковник Тихменев, попросил командира 7-й гаубичной батареи, полковника Нилова, занять позицию на окраине хутора и прикрыть огнем разворачивание его полка. Батарея встретила, на близкой дистанции и даже на картечь, подошедшую почти вплотную к хутору лаву красных, а два батарейных пулемета нанесли ей большие потери. Лава красных смешалась, круто повернула и отскочила назад, за бугры. Тотчас же оттуда две батареи красных, с закрытых позиций, покрыли 7-ю гаубичную пеленой низких разрывов. Красные стреляли прекрасно, и немедленно в 7-й гаубичной появились потери среди номеров и было убито несколько мулов. Красные лавы стали вновь приближаться к хутору. Вскоре был тяжело ранен командир батареи, полковник Нилов. Старший офицер батареи, капитан Твербус-Твердый, увел батарею из хутора на север, где между хутором и Отрадой стояла Терско-Астраханская бригада. 4-й Дроздовский полк в то время тоже уже отходил, и красные кавалеристы, ворвавшись в хутор, начали рубить стрелков. Последние внезапно озверели, повернули обратно, бросились в штыки на красных. В обход правого фланга красных вынеслась Терско-Астраханская бригада, и 4-й Дроздовский полк вновь полностью занял хутор. Красные бежали за бугры.

* * *

Что делал в это время 4-й Дроздовский полк, бывший в хуторе Ново-Александровском, описано было раньше. Красные в течение дня повторяли свои безуспешные атаки, но даже приблизиться к нашим цепям ни разу не смогли и, понеся огромные потери, только к вечеру их прекратили. Кругом от Рождественской до Александровки в различные моменты в этот день поднималась отчаянная стрельба. Потери же Дроздовской дивизии были незначительны, и выбыло из строя 46 человек и

100 коней, главным образом только от артиллерийского огня. В 22 часа части Дроздовской дивизии перешли в Рождественское, где находились уже Конный корпус генерала Барбовича и отошедшая из района Ново-Александровского хутора Терско-Астраханская бригада. Конный корпус генерала Барбовича также, почти целиком разворачиваясь, целый день вел бой, отвечая на атаки красных контратаками. Доходило до рубки. Лихо работали все конные батареи и между ними 1-я конная и 5-я конная батареи дивизиона полковника Москаленко²¹² и Дроздовские конно-горная и 7-я конная батареи дивизиона полковника Колзакова²¹³. Красная конница также и здесь понесла большие потери. Донцы в районе Рубановки изрядно потрепали 2-ю конную армию, разгромив 30-ю конную дивизию.

Наше командование уже считало этот день поворотным в лучшую для нас сторону. Неожиданно в штабе Главнокомандующего были получены сведения о появлении на Бердянском направлении большой новой группы конницы красных и об обнаружении второй группы конницы их в районе Мелитополя. На севере подтягивались все части 2-й конной армии красных и подходила громадная масса их пехоты, которая до этого еще не принимала участия в боях. Против всей этой массы красных войск командование Русской Армии могло противопоставить, кроме сильно потрепанного 2-го корпуса, уже стоящего на позиции у Перекопа, также понесшие значительные потери 1-й армейский и Донской корпуса, численностью около 15 000 штыков и сабель, части 2-й армии, отошедшие на Перекоп и понесшие большие потери за Днепром и при отступлении. По советским данным, только в ударных группах красных войск было свыше 50 000 штыков и 20 000 сабель, и они имели при себе огромное количество пулеметов, артиллерию, превышающую имевшуюся в Русской Армии в три раза, а также броневые машины и танки. В 1-м армейском корпусе в лучшем состоянии и по духу, и по количеству была Дроздовская дивизия в составе четырех стрелковых и одного конного полков, при нескольких сотнях пулеметов и сохранившейся всей ее артиллерии. Полки Корниловской и Марковской дивизий сильно пострадали в боях, и каждая дивизия имела в своем составе только до 1000 штыков. Алексеевская²¹⁴ дивизия была еще меньшего состава. Конный корпус генерала Барбовича и Донской более-менее еще сохранились. Кроме того, в Северной Таврии Русская Армия потеряла две трети своих аэропланов, большие запасы снарядов и патронов, бронепоезда. Учитывая все это, командование Русской Армии не имело другого выхода, как отдать приказ об отходе всей армии в Крым. Об этом приказе вначале знали только в штабах, но уже 20 октября 3-я Донская дивизия прошла в направлении на Сальково — Таганаш.

Около 2 часов ночи на 21 октября части Дроздовской дивизии втянулись в большое село Рождественское, забитое до отказа частями Русской Армии. Там уже находились части Конного корпуса генерала Барбовича, Терско-Астраханская бригада, Корниловская ударная дивизия и многочисленные обозы. Долго пришлось стоять при морозе свыше 10 градусов на улицах села, и только под утро все смогли разместиться по квартирам, чтобы согреться и хотя бы немного отдохнуть. С едой было совсем плохо, и не многие могли похвастаться, что им удалось утолить свой голод. Не долго длился и отдых, так как уже в 8 часов Дроздовская дивизия выступила на Ново-Дмитриевку. Хотя об отходе в Крым еще не было официального приказа, но уже само движение на Ново-Дмитриевку вызвало толки об отходе в Крым. Стали говорить — идем «домой», где отдохнем после бесконечных боев, а потом с новыми силами продолжим борьбу.

Вскоре красные стали наступать на Рождественское с востока, но с севера и запада пока все было спокойно. Наши войска двигались четырьмя колоннами под фланговым ударом слева. Для сокращения длины колонны было приказано построиться в два ряда. Артиллерия шла в резервной колонне. Только одна колонна шла по дороге, а остальные — прямо по полю. Красные сильно наседали слева, и с этой стороны отступавшие части прикрывала наша артиллерия. Атаковать же отходившие колонны красные все же не решались. Прошло немного времени. Появилась конница красных также и сзади и стала нажимать на хвост наших колонн. Был момент, когда конная батарея красных, став на открытую позицию, начала щелкать по отходящим колоннам, но это ее занятие сразу же прекратила 4-я Дроздовская батарея, удачно обстреляв красную батарею, поспешившую после этого ретироваться.

Красные артиллеристы не любили артиллерийского обстрела и обычно после двух-трех близких разрывов моментально снимались с позиции. Наконец, провожаемые артиллерийским обстрелом, колонны подошли к Ново-Михайловке. Тут на поле лежало много раздетых и неубранных трупов, валялось много винтовок и погон корниловцев — следы боя 4-го Корниловского полка с красной конницей 17 октября. Около 14 часов части Дроздовской дивизии пришли в Ново-Дмитриевку, и было приказано выслать квартирьеров. Всем стало ясно, что дело клонится к тому, что придется отойти в Крым, где, наверно, будет зимовка, так как все считали укрепленные позиции на перешейках непреступными. За дальнейшее все были спокойны, и, даже больше, приятно было думать, что после предстоящих тяжелых боев в скором будущем, так как красные, несомненно, захотят с налета овладеть Крымом, наступит на некоторое время спокойная позиционная война — без уто-

мительных переходов, столь неприятных особенно зимой. В Ново-Дмитриевке были большие склады с зерном, и все стали запасаться им. Неожиданно у западной окраины села начался бой, и было приказано на рысях вытягиваться из села. В это время наша конница на буграх уже вела приличный бой. Хорошо были видны разрывы снарядов. Колонна Дроздовской дивизии не задерживаясь двинулась на Сальково, куда и прибыла в 16 с половиной часов. Возле Салькова были передовые окопы укрепленной позиции в виде одного ряда окопов с проволочным заграждением. 2-му и 3-му Дроздовским стрелковым полкам было приказано занять эти окопы. Было очень холодно. Хотелось отдохнуть, и всех мучил голод, но достать в Салькове ничего съедобного было нельзя. 1-й Дроздовский полк оставался в резерве. Вскоре мимо расположившихся в окопах дроздовцев стали проходить отходившие в Крым части Русской Армии. В сумерках прошли и конные части. Тогда у многих невольно появилась мысль: «Теперь их работа окончилась, до нашего нового наступления или до серьезного прорыва, и они идут домой».

Крым мы все считали теперь своим «домом» или «гнездом» и верили, что этот наш дом неприступен и что там будет, во всяком случае, неплохо. Вскоре ушли со станции также и последние эшелоны, и остались лишь два бронепоезда. В этот день, в последний момент, было вывезено со станции Ново-Алексеевка, при непосредственном старании и участии инспектора артиллерии Русской Армии генерала Репьева, 87 вагонов со снарядами. Около 30 вагонов все же осталось там. При отходе из Северной Таврии удалось вывезти только половину всех снарядов, бывших там на складах, а остальные достались красным. Так, например, на станции Сокологорное полностью остался склад снарядов Конного корпуса — около 25 вагонов. Большие склады снарядов остались в Петровском и Каме. На путях у станции Рыково пришлось оставить два бронепоезда — «Севастополь» и «Волк».

Как только полки заняли окопы у Салькова, которые тянулись всего версты полторы кругом, было приказано приступить к рытью землянок, так как здесь, кроме двух-трех возле станции Сальково, их не было, но это приказание вскоре было отменено. Окопы от Сиваша до железной дороги занял 2-й Дроздовский полк, а от железной дороги до моря — 3-й Дроздовский полк. 1-й Дроздовский полк отошел назад и стал в резерве. Остальные части Дроздовской дивизии и обозы прошли через мост в тыл. У самой железной дороги был участок незанятого пространства, где отсутствовали проволочные заграждения. На этом участке должны были стоять бронепоезда.

Около 22 часов красные повели наступление, и по всему участку началась стрельба. Ничего нельзя было увидеть и разобрать. Батареи от-

крыли заградительный огонь на прицеле от 20 до 30. Бронепоезда стали на позиции немного позади, а не на линии окопов, и красные благодаря этому в полной темноте прошли мимо проволоки по железной дороге и вышли в тыл 2-го полка и во фланг 3-го полка. Артиллерии 3-го полка почему-то не оказалось на позиции. Часть 3-го полка попала в плен, но большинство его успело отойти, благодаря чему 2-й полк оказался в очень тяжелом положении, особенно когда бронепоезда, видимо отчасти и по ошибке, открыли огонь на очень близком расстоянии, и нанесли большие потери 1-му батальону 2-го полка.

Этот бой описал в своем дневнике капитан Г.А. Орлов²¹⁵ так: «На батарее (3-й Дроздовской) трудно было понять, что происходит в действительности. Стрельба то затихала, то снова возобновлялась, и тогда доносились крики «Ура!». Бронепоезда отошли на линию батарей. Пуль летело в нашу сторону много и с очень близкого расстояния. Видимости никакой, и что-либо понять было трудно. Батарея же продолжала стрелять, а после приказа открыть беглый огонь последовал приказ сняться с позиции и отходить на перешеек. Моя верховая лошадь Вандея, обычно относившаяся спокойно к ружейному огню, в эту ночь как-то особенно нервничала и жалась от каждой пролетавшей мимо пули. Мы отъехали саженой сто от позиции батареи, когда вдруг слева поднялась снова здоровая стрельба. Я отчетливо слышал, как мимо моей левой руки прошипела пуля и хлопнула в мою Вандею. Та как подкошенная упала, будучи убитой наповал. Такой мгновенной смерти у лошадей я не наблюдал еще. Вместе с лошадью полетел и я и расшиб себе ногу. После поднялся, снял седло и пытался снять и оголовье, но, сколько ни возился, этого не мог сделать, так как при падении голова лошади подвернулась под круп, а вытащить ее я не смог. Когда позади у меня почти никого уже не осталось, я решил бросить все мои попытки снять оголовье и, захватив седло, пошел пешком догонять свою батарею, ушедшую уже далеко. Только в полночь мне удалось ее догнать. В эту ночь нам, усталым, голодным и промерзшим, предстояло проделать еще около 30 верст похода. Все были измучены до последнего. Было страшно холодно, и идти было очень тяжело. Во время этого ночного боя были ранены два офицера 1-го Дроздовского полка, стоявшего в резерве, сразу же позади нашей батареи. Их положили на повозку и повезли. Холодно было настолько, что ехать верхом, или на повозке, или на орудии больше 10 минут было невозможно: все коченело и застывало. Согреться было можно только во время ходьбы. Эти два раненых идти не могли, раны у обоих были легкие, но в ноги. Проходя мимо, я слышал их стоны: «Ой! Накройте же чем-нибудь, мы замерзаем». Но у санитаров нечем было их накрыть. Верст через 10, около станции Джимбулук, я подошел к их повозке, но они уже не стонали, они

замерзли. Вот и смерть от пустячной раны. Летом все было бы благополучно, а при морозе такой концею».

Шли всю ночь без остановки. Прошли Джимбулук, станцию Чонгар, Сиваш, двигаясь по линии железной дороги, и пришли в Таганаш. Расстояние верст около 30. Невероятно хотелось пить, есть и спать. Только около 9 часов утра 21 октября Дроздовская дивизия пришла к назначенной точке отхода — станции Таганаш. Там все было забито отступающими частями, квартир не было довольно и большинство людей находилось при большом морозе на открытом месте — там, куда пришли.

22 октября уже было отчасти известно о наших потерях во время столь молниеносного отступления из Северной Таврии. Дроздовская дивизия, единственная, вышла из всей этой передраги благополучно, понесла совсем незначительные потери. Как и в прошлой своей встрече с дроздовцами, при отходе на Новороссийск, Буденный и на этот раз ничего не мог сделать с дроздовцами и поломал на них свои зубы. Что же касается потерь вообще всей русской армии, то они были огромными. Почти все части, кроме дроздовцев и отчасти конницы, понесли большие потери.

Во время перехода из Таганаша на Перекоп в Дроздовской дивизии было очень плохо с питанием, в лучшем случае на обед был реденький суп с галушками и волокнами мясных консервов, а на целый день выдавался 1 фунт хлеба, доставлявшегося из пекарен Севастополя. 23 октября дивизия, пройдя Ново-Алексеевку и Магазинку, в 12 часов ночи прибыла на ночлег в Ново-Ивановку, а в 8 часов 24 октября продолжила свой марш дальше на Армянск. Пройдя Воинку, забитую обозами и хозяйственными частями разных полков и дивизий, в 13 часов была уже в Юшуну. Всюду по дороге можно было наблюдать царивший везде ужасный беспорядок. Достать что-либо съестное было невозможно. В Юшуну был привал на обед и двухчасовой отдых, после чего дивизия продолжила марш, проходя мимо основных укрепленных позиций. Капитан Орлов, видевший все во время марша, пишет в своем дневнике, что эти укрепленные основные позиции представляли в тот момент окопы в три ряда, но не сплошные, без землянок и блиндажей. Были проволочные заграждения, местами в несколько рядов, но не законченные полностью, но однако нигде не было видно ни досок, ни леса, ни кольев для окончания заграждений, ни даже запасной колючей проволоки. Бросились в глаза лишь несколько оборудованных землянок у позиционной тяжелой, вооруженной 8-дюймовыми орудиями, батареи, которая сама их для себя выстроила в июле и августе 1920 года. У капитана Орлова невольно создалось впечатление, что господа строители укрепленной позиции упустили из виду, что пехота и легкая ар-

тиллерия, воюя в Северной Таврии, конечно, не имела возможности позаботиться об устройстве для себя жилищ и землянок в районе Юшунни, а также до конца привести в надлежащий вид и самую укрепленную позицию. Были ли все эти упущения когда-либо поставлены в вину начальнику укрепленного района, генералу Макееву²¹⁶, или нет — неизвестно, но это было больше чем упущение. Железная дорога Джанкой—Армянский Базар только после категорического приказа генерала Врангеля была закончена к 1 сентября, и после этого поезда могли доходить до Армянского Базара.

Сумерки застали Дроздовскую дивизию возле хутора Булгакова, и, наконец, около 20 часов ее части стали втягиваться в Армянский Базар. Там оказалось очень мало помещений для размещения частей, и большая часть людей принуждена была разместиться прямо на улицах, у костров. Не особенно приятная перспектива была бросить в бой всех этих плохо одетых, изголодавшихся и промерзших людей.

О настроениях, которые в то время царили в частях, очень наглядно сказано в дневнике капитана Г.А. Орлова, офицера 3-й Дроздовской батареи: «Все ожидают, что сегодня ночью, завтра или, во всяком случае, послезавтра красные должны будут всеми имеющимися в их распоряжении силами и средствами попробовать опрокинуть наш фронт. Совершенно ясно, что 2—3 основательных натиска со стороны красных нам придется выдержать раньше, чем мы успеем привести себя в порядок, оправиться и хотя бы немного отдохнуть, главным образом, от этих холодов, недоедания и скученности помещений. Трудно в настоящее время подытожить и определить настроения в смысле взглядов и надежд на ближайшее будущее и на успех борьбы у рядовой массы бойцов. Настроение в общем невеселое. Большинство — молчаливо, раздражено, ругается на сегодняшние условия жизни (теснота, холод, отсутствие пищи в надлежащих размерах, главным образом хлеба). Одни качают головой, утверждая, что один-два серьезных боя и наши надломленные силы должны будут уступить напору противника и с началом этих, ожидающихся боев, отождествляют наступление катастрофы на нашем театре Белой борьбы. Другие же считают, что в данный момент сразу, «с налета», красным не удастся ворваться в Крым, что, понеся при этой попытке на нашем участке значительные потери, красные должны будут временно держаться пассивно, а за это время мы сможем оправиться, отдохнем и, тогда снова имеет шансы борьба принять затяжной характер. Во всяком случае подходили решающие, тревожные дни. И днем, и вечером, и ночью на улицах и площадях Армянского Базара горят костры, и вокруг них группами стоят, поколачивая ногой о ногу, солдаты и офицеры, главным образом пехот-

ных частей. Жуткая картина, если указать, что в таком состоянии и при таких условиях наши части находились накануне решающих боев. Когда я проходил мимо одного из костров, один пехотный солдат, обращая ко мне, спросил, долго ли все это будет продолжаться, а другой тут же на это ответил: «Скоро конец». Разговорился с офицером 2-го Дроздовского стрелкового полка. Он мне указал на то, что благодаря тому что люди не располагают даже помещениями, где можно было бы отдохнуть и согреться, настроение солдат таково, что он просто боится идти с ними в бой».

25 октября 1-й и 3-й полки Дроздовской дивизии были двинуты на Перекопские позиции. Ночью усиленная разведывательная группа в районе города Перекопа, от которого сохранилось только одно название, так как там уже не было и следов построек, захватила оружейный ящик красных в полной упряжке, по-видимому заблудившийся в темноте. Ночь же была на всем этом участке фронта сравнительно спокойной.

Рано утром 27 октября в Армянском Базаре было тихо и никакой суматохи не наблюдалось. Неожиданно около 9 часов пришло приказание 2-му Дроздовскому полку с 3-й и 4-й батареями немедленно выступить в направлении к Чувашскому полуострову. Капитан Орлов в своем дневнике так описал события этого дня: «Сначала говорили, что, вследствие того, что замерз Сиваш и теперь он стал проходим даже для артиллерии, решено усилить охрану берегов и поэтому полк идет в один из хуторов на побережье Сиваша. В природе было совершенно тихо, а со стороны позиций не доносилось вообще звуков выстрелов. Когда мы отошли версты две от Армянского Базара, я подъехал к командиру батареи и спросил его относительно обстановки. Ему только что перед этим было сообщено, что красные переправились через Сиваш в двух местах и что утром они сняли заставу кубанцев на Чувашском полуострове и теперь собираются распространяться на юг. Через некоторое время, слева от нас, начала редко и куда-то очень далеко стрелять пушка школьной батареи. Ружейного же огня вообще не было слышно. В районе Караджанаи полк подошел к последнему перевалу перед скачком к Чувашскому полуострову. Батареи остановились и затем стали на позиции по сторонам дороги. 2-й батальон начал тотчас же рассыпаться в цепь, а затем стал переваливать через бугор, 3-й батальон, рассыпавшись в цепь, двинулся скорым маршем в обход вправо. Став в 40 саженой от перевала, батареи с места открыли интенсивный огонь из 8-ми орудий. Начавшаяся было ружейная стрельба почти прекратилась. По силе артиллерийского огня, так как батареи сразу стали вести беглый огонь, можно было судить, что цели перед нами были очень серьезные. Несколько усложняло стрельбу то обстоятельство, что 1-й взвод

3-й батареи стрелял из французских орудий, а 2-й — из английских, 4-я же батарея — из русских орудий, а поэтому одновременно подавались три разные команды с наблюдательных пунктов. После первых очередей прицел стал уже увеличиваться и на батареях создавалось впечатление, что наш огонь внес основательное расстройство в ряды красных. Генерал Туркул, появившийся незадолго перед этим, проехал за гребень. В самый разгар беглого огня, как я потом узнал, когда противник, находившийся на льду Сиваша, метался и бросался в разные стороны, не имея возможности найти никакого укрытия от нашего огня и которого мы могли преследовать артиллерийским огнем, расстроенного, на расстоянии четырех-пяти верст своего отхода, неожиданно для батарей, спереди, раздался крик: «Артиллерия вперед!» Подобного рода крики нам, особенно в Крымский период войны, были хорошо знакомы, и они появлялись в тех случаях, когда наша пехота неожиданно оказывалась в большой опасности при атаке конницей противника или при появлении броневиков противника, либо артиллерия с закрытых позиций не замечала заманчивых и исчезающих целей. Многим, и мне в частности, странным показался этот крик в самый разгар беглого огня и на этот раз он оказался роковым для исхода боя и гибельным для 2-го полка».

Не ожидая приказаний с наблюдательных пунктов, которые были в нескольких десятках саженей от батарей впереди и команды с которых подавались голосом и передавались по цепочке, орудия моментально снялись с позиции и ринулись вперед. Последовавшие за тем крики: «Огонь!», «Куда?», «Кто приказал?», «Назад!», «С передков!» — остались без впечатления. Через минуту орудия уже на рысях переваляли через бугор вперед. Перед нашими глазами открылась потрясающая картина: реденькая цепь 2-го батальона полковника Рязанцева двигалась вперед, приближаясь к красным, которые отдельными, весьма солидными по численности, но расстроенными нашим огнем, группами и находившиеся еще в беспорядке, почти полукольцом окружали нашу цепь, насчитывающую около 130 стрелков, в то время как силы противника, бывшего на льду Сиваша, исчислялись около 2000 штыков. До сих пор, при стрельбе с закрытых позиций беглым огнем, была возможность избежать катастрофы единственно потому, что противник был расстроен нашим непрерывным огнем из восьми орудий по противнику, метавшемуся по льду и не находящему себе укрытия от поражающего его огня. С юга в это время к красным приближались цепи 3-го батальона полковника Потапова²¹⁷. Вдруг мы увидели, как отдельные люди из 2-го батальона бросились внезапно назад, но остальная цепь продолжала двигаться к красным, которые бегом, выравниваясь на ходу, в момент, когда наши батареи прекратили огонь и вылетали на бугор, привели себя в порядок и, при пол-

ном нашем молчании, еще не успевших снять орудия с передков, на наших глазах стали окружать цепь 2-го батальона. Среди артиллеристов раздались несколько возгласов: «Смотрите — наши сдаются!» К своему ужасу, я увидел, как стрелки 2-го батальона бросили свои винтовки, а по батареям сразу же красные открыли весьма солидный ружейный огонь. Раздалась команда «С передков!», и с дистанции полутора версты батареи открыли с открытой позиции огонь по красным. Каждый снаряд, попадая в группы красных стрелков, заставлял их бросаться в разные стороны, а на льду оставались лежать по нескольку человек убитых и раненых. В это время часть красных устремила на цепи 3-го батальона, подошедшего к ним уже на полверсты, и стала их теснить. Остальные группы красных, бывшие перед батареями, метались по льду. Интересно то, что я ни разу не заметил, чтобы наш снаряд, попавший на лед, оставил бы после взрыва воронку с водой, так сильно промерз Сиваш. Красные открыли очень сильный огонь по батареям, от которого не замедлили появиться потери. Вскоре к этому обстрелу батареей прибавился и артиллерийский. Стала стрелять красная батарея с закрытой позиции, и показались густые колонны красной пехоты, приблизительно верстах в шести,двигающиеся облическим движением с северо-запада на юго-восток. Батареям было приказано отойти за бугор. В то время, когда 3-я батарея снималась с позиции, были ранены юнкер Негров, ездовой Сяляник и две лошади, 4-я же батарея свое одно орудие вывезла только на корне, так как остальные лошади были убиты.

Возле хутора Тимохина 3-й батальон полка попал в очень тяжелое положение. Он отбивался, переходя в контратаки. Все офицеры были или убиты, или ранены. Командира батальона, полковника Потапова, тяжело раненного, стрелки с трудом вынесли из боя. Небольшая часть батальона попала в плен, а остальные, расстреливаемые огнем, устремились в нашу сторону, неся сильные потери. Теперь получилось так, что мы остались почти без пехоты. Сохранился еще только 1-й батальон полка, тоже уже понесший потери, и пулеметные команды. На Переконской позиции также в этот день шел сильный бой и прислать нам оттуда в помощь пехоту не могли. Только часа через полтора подошла еще одна батарея, бывшая при 1-м полку. Остатки 2-го полка, пехотные и батарейные пулеметы, своим интенсивным огнем при поддержке огня батареей остановили наступление красных в сторону Армянского Базара и хребет на линии Караджанай — хутор Тимохина был удержан полностью. К сожалению, не имея пехотных резервов, только огнем артиллерии остановить продвижение красных на юг было нельзя.

В течение дня небольшие группы красной конницы несколько раз пытались нас атаковать на этом участке, но безуспешно и были каж-

дый раз с потерями отброшены. Нас всех в эти моменты тревожил вопрос: а где конница Буденного? За время боя была ранена наша сестра милосердия Колюбакина и были солидные потери в конском составе батарей. Уже в темноте отошли на восточную окраину Армянского Базара. Здесь разнеслись слухи, что наш 1-й полк должен выйти с Перекопского вала и совместно, с должествующей подойти сюда конницей генерала Барбовича, в течение ночи к утру отрезать и ликвидировать Чувашскую группу красных. Батареи простояли часа два у крайних домов Армянского Базара, но конница не прибыла, а от 1-го полка в сторону Чувашского полуострова была выслана только усиленная разведывательная группа. Так как в сторону Чувашского полуострова Армянский Базар остался почти без наших войск открытым, а намерения красных было трудно предугадать, было выставлено, по почину артиллерии, из батарейных номеров с пулеметами несколько застав, а сами батареи оставались с частью номеров все время на улице. Чтобы узнать обстановку, я зашел в управление нашей бригады, но и там ничего нового узнать не мог. До двух часов ночи на 27 октября простояли на месте и тогда, совсем неожиданно для всех, получили приказ отходить на Юшунь. Со всех сторон заскрипели повозки, и все части и обозы начали вытягиваться на дорогу в Юшунь. Какой-то летчик умудрился двигать свой аэроплан прямо по дороге с помощью пропеллера, то включая, то выключая мотор. Еще издали неслись крики: «В сторону, дорогу аэроплану». Беда же была в том, что он двигался со скоростью крупного шага лошади и все время останавливался. Орудийные лошади шарахались в сторону, повозки чуть не переворачивались, и это продолжалось довольно долго. Наконец, всем такое движение аэроплана надоело, летчика выругали и перестали на него обращать внимание. Раз пять до Юшуни летчик то останавливал нас, то обгонял, тормозя движение всей колонны.

Перед рассветом части Дроздовской дивизии подошли к Юшуню. Батареи остановились около единственной землянки, где и простояли довольно долго, ожидая приказаний. В это время каждый норвил, хотя бы на короткое время, забежать в землянку, из которой весьма заманчиво поднимался вверх из трубы дымок. Наконец выяснилось, что позиции 3-й и 4-й батареи будут тут же у дороги Армянский Базар—Юшунь. 3-я Дроздовская батарея стала на позицию немного позади позиций позиционной батареи восьмидюймовых орудий, возле небольшого озерца, что очень не понравилось офицерам позиционной батареи, которые стали приговаривать, что в случае боя наша батарея своей частой стрельбой навлечет на их батарею огонь орудий противника. Недалеко от 3-й батареи была позиция и 4-й Дроздовской батареи.

Командиры батарей остались очень недовольны позициями их батарей и отсутствием хороших наблюдательных пунктов.

Вскоре появился из Воинки наш бронепоезд «Георгий Победоносец», получивший приказание продвинуться к Армянскому Базару, там узнать, занят ли уже Перекопский вал красными, на вокзале в Армянском Базаре погрузить оставленные там при отходе ящики со снарядами и потом прикрыть отход наших частей и застав на укрепленные Юшуньские позиции. Не прошло и двух часов после этого, как наш бронепоезд уже вернулся, став на уровне батарей. Оказалось, что в Армянском Базаре, в одной из улиц, появилась группа кавалеристов, которая довольно спокойно приблизилась к бронепоезду, и тогда один из всадников крикнул: «Начдив требует к себе комброда». Командир бронепоезда, подполковник Сохранский, надел шинель и поспешно, соскочив с бронепоезда, направился к ним. Приблизившись к конным, он заметил что-то странное, повернул и пытался бежать обратно, но ему кавалеристы преградили дорогу, в тот же момент в тендер паровоза попал снаряд, выстреленный из где-то неподалеку стоящего орудия. Кавалеристы оказались красными, вошедшими в Армянский Базар вслед за нашими заставами, покинувшими город. Бронепоезд, не дав даже пулеметной очереди по на его глазах пленившим подполковника Сохранского, немедленно дал полный ход и, сопровождаемый огнем красного орудия, благополучно отошел к укрепленной позиции. Команда бронепоезда чувствовала себя весьма сконфуженно и все время оправдывалась на течь воды в тендере и указывала на слабое давление пара. 1-й Дроздовский полк и остатки 2-го ушли в резерв в Юшунь, а 3-й и 4-й Дроздовские полки остались на позиции и заняли отведенные им окопы. Перед позициями 3-й и 4-й Дроздовских батарей окопы заняли корниловцы.

Еще до полудня перед позициями стали маячить конные разъезды красных, а после полудня перед укрепленной Юшуньской позицией на горизонте появились большие колонны красной пехоты, которые стали разворачиваться, чтобы атаковать позиции укрепленной полосы. Через час уже закипел бой по целому фронту. Красные, не щадя своих пехотинцев, неудержимой лавиной двинулись в атаку укрепленной линии под сильным заградительным огнем массовой своей артиллерии, встреченные ружейными залпами, пулеметными очередями и нашим заградительным огнем батарей. Довольно сильное впечатление на атакующих производили разрывы снарядов наших позиционных тяжелых орудий, которые густой шапкой покрывали разрывы снарядов наших легких батарей.

Интересно было отметить следующее: как только красные стали приближаться к укрепленной позиции, бывшие в окопах корниловцы на-

чали вылезать из них и ложиться непосредственно перед окопами либо сейчас же сзади них. На вопрос, почему они вылезают из окопов, нам корниловцы ответили, что, во-первых, из окопов плохо видно вперед, а во-вторых, из них очень неудобно вылезать, а посему, если бы красные подошли бы вплотную, то просто невозможно выскочить из них и можно влопаться. До самой темноты продолжался бой у укрепленной линии окопов. Красные несколько раз повторяли свои атаки и в некоторых местах подходили вплотную к проволоке, но каждый раз их отбрасывали с большими потерями обратно. Только наступившая темнота прекратила бой, и красные отошли назад...

Вечером был получен приказ от Главнокомандующего о сосредоточении ударной группы. Дроздовской дивизии было приказано сосредоточиться немедленно, еще ночью, в районе Карповой Балки, куда должна подойти наша конница генерала Барбовича и донские части генерала Гусельщикова. Задача ударной группы была прорвать фронт, выйти в тыл, заняв Армянск и Перекоп, отрезать и уничтожить силы красных, которые уже успели втянуться в перешейки. Генерал Туркул, ссылаясь на переутомление частей дивизии, донес, что ночью дивизия не сможет выступить, и отложил переход под утро. Генерал Туркул вновь имел приступ возвратного тифа, и дивизию принял генерал Харжевский. Дивизия в составе 1-го и 2-го Дроздовских полков, с приданными ей частями дивизии генерала Ангулядзе, сосредоточилась к рассвету в районе Карповой Балки. С утра 28 октября загорелся упорный бой впереди Юшуньских позиций. Ружейный и пулеметный огонь слились в одно сплошное клочкотание. Легкие орудия стреляли почти непрерывно. Огонь, по своей силе и интенсивности, как утверждали участники Первой мировой войны, не уступал огню в боях на театре военных действий мировой войны. Приблизительно около 6 часов утра началось наступление ударной группы под командой генерала Харжевского. Главный удар наносился 3-м батальоном 1-го Дроздовского полка и был вначале очень успешным, хотя очень немногие уже верили в возможность нанесения с нашей стороны стремительного удара, так как части были значительно потрепаны в предыдущих боях и дух их уже пошатнулся. И вот, несмотря на все это, дроздовцы стали энергично рвать красный фронт и очень быстро погнались красных.

Прорыв удался. Уже было взято около 1000 пленных, 2 орудия, но нашей конницы не было видно на горизонте. Она опоздала и появилась только около девяти часов. Наше стремительное наступление, не имея поддержки, скоро стало захлебываться, так как красные подтянули большие резервы и начали нажимать на дроздовцев с двух сторон. Части полка стали отходить, и местами очень стремительно. Участники

этого боя после говорили, что за все время войны они ни разу не видели, чтобы 1-й Дроздовский полк так стремительно отходил. 1-я батарея даже бросила одно орудие, попав в очень тяжелое положение. Захваченные пленные стали разбегаться. Два броневедомола красных проскочили в наш тыл. Одно время они двигались без выстрела, и их приняли за своих, и только когда они приблизились настолько к 3-й батарее, что на одном из них можно было прочесть «Красный Крым», поняли, что они неприятельские. Тогда открыли по ним огонь. В тот момент, когда наши отступавшие части, будучи прижаты к проволоке, в некоторых местах начали оставлять окопы, сзади появилась наша конница, опоздавшая ровно на два с половиной часа. С ее помощью положение было полностью восстановлено, но думать о прорыве уже не приходилось, так как момент для этого был уже упущен. Опоздание же конницы произошло потому, что многие старшие начальники уже знали, что вопрос об оставлении Крыма уже решен и это обстоятельство сыграло психологическую роль. Красные в течение всего дня вели энергичное наступление громадными силами по всему фронту, и им удалось днем овладеть Юшуньской и Чонгарской позициями, покрыв трупами проволочные заграждения, но на участке Карповой Балки красные не смогли продвинуться.

Во время боев на перешейках Дроздовская дивизия понесла большие потери, но разбита не была. Меньше других пострадал 1-й стрелковый полк. Остальные полки и артиллерия пострадали сильно. В последнем бою на Юшуньской позиции был смертельно ранен командир 3-го полка, полковник Владимир Степанович Дрон²¹⁸. Во 2-м, 3-м и 4-м полках большинство командиров батальонов и офицеров было убито или ранено. Среди убитых во 2-м полку командиры батальонов полковники Рязанцев и Потапов. В бою под Карповой Балкой был ранен командир 1-го полка генерал Чесноков, убито и ранено много офицеров и стрелков, но полк вынес из боя всех своих убитых и раненых. Среди убитых был и начальник пеших разведчиков, капитан Ковалев.

После овладения красными Юшуньской и Чонгарской позициями в штабе Главнокомандующего было решено прекратить дальнейшее сопротивление красным и приступить к эвакуации армии. В 17 часов 29 октября всеми частями Русской Армии был получен боевой приказ оторваться от противника и без остановок двинуться в назначенные для каждой дивизии порты на погрузку. Дроздовская дивизия, оторвавшись от противника, двинулась на юг, в направлении на Севастополь.

Получив приказ, все части устремились к назначенным портам. На всех дорогах, со всех мест, отовсюду и везде, даже без дорог, колонны отходящих частей и бесконечные обозы. Чем ближе приближались от-

ходившие к портам, тем чаще стали встречаться уже испорченные и брошенные орудия, повозки и другое. Согласно приказу генерала Врангеля, все, кто не хотел добровольно разделить свою судьбу с армией, могли остаться в Крыму, но даже среди бывших военнопленных красных, теперь служивших в частях Русской Армии, нашлось очень мало желающих и большинство ушло в рядах армии в неизвестность.

Приближаясь к Севастополю и другим портам, все со страхом ожидали повторения новороссийской драмы. Но этого не случилось. Еще верстах в четырех от Севастопольской бухты, подходящие Дроздовские части встречал офицер из конвоя начальника дивизии и говорил: «Дроздовцы — в Килен бухту». Когда же подходили к пристани, всех поразила царившая там порядком. Пристань была совсем свободна от повозок. На трапе транспорта «Херсон», на который должны были грузиться части Дроздовской дивизии, стоял караул и, справившись, какая прибыла часть, пропускал ее на транспорт, указывая, в какой его части место для прибывших. Разница между погрузкой здесь и бывшей в Новороссийске была колоссальная.

Над городом виднелось зарево потухающего пожара. По пути к бухте встречались табуны брошенных коней, перевернутые автомобили, испорченные орудия, бесконечные догорающие костры. На полотне железной дороги, забитом до отказа, стояли вереницы вагонов, взорванные бронепоезда. Проходили мимо разбитых интендантских складов. Все это — зрелище эвакуации. Между подводами пробирались отдельные люди, спешившие на погрузку. Все, кто не опоздал на погрузку и хотел покинуть Крым, могли погрузиться, всем была предоставлена эта возможность. По приказу генерала Врангеля, дополнительно был послан в Севастополь пароход-угольщик «Бештау», на который погрузились опоздавшие на погрузку марковцы и лейб-казаки. Также дополнительно там же была погрузка на небольшие пароходы «Добр» и «Маяк». На последний погрузился 2-й Марковский полк с батареей. Полковник Новиков с остатками 6-й дивизии опоздал и прибыл в Севастополь, когда уже никаких транспортов там не было, и пошел со своим отрядом в направлении Ялты. Опоздание произошло отчасти по его вине, так как он, подойдя к станции Курман, не присоединился к марковцам, а видя приближавшуюся конницу красных, уклонился намного в сторону и из-за этого и не прибыл вовремя на погрузку.

В 2 часа ночи на 1 ноября транспорт «Херсон» снялся с якоря и вышел на внешний рейд Севастопольской бухты. День был воскресный. Нужно все же отметить, что, хотя суда для эвакуации начали подготавливать для погрузки на них частей дня за четыре, было сделано одно упущение, которое можно было легко избежать, а именно: забыли по-

грузить в достаточном количестве продукты и необходимые предметы, а их на складах в Севастополе было много, тем более что в городе до последнего момента сохранялся полный порядок.

Но можно сказать категорически, что если бы в момент эвакуации из Крыма был бы не генерал Врангель, а кто-нибудь другой, то, вероятно, в Крыму произошла бы катастрофа подобная новороссийской, а может быть, и похуже. Исключительно генералу Врангелю все обязаны за тот образцовый порядок, который сохранялся до последнего момента во всех портах, где совершалась погрузка. Генерал Врангель сам следил за всем и лично объезжал все порты. Но совершенно ясно каждому, что он не мог разорваться на все стороны — для наблюдения за всем одного человека было мало, — а многие в создавшихся условиях заботились все-таки прежде всего о себе, и, наверное, поэтому и остались пароходы без достаточного количества продуктов и другого. В приказе же Главнокомандующего было сказано, что транспорты будут некоторое время вне суши, и поэтому было приказано запастись продуктами. На транспорт «Херсон» для чего-то погрузили большое количество старых и неисправных винтовок, различных ненужный хлам, а о продуктах, склады которых были поблизости и потом расхищались всеми кому не лень, не позаботились. Для примера можно привести такой случай. Несколько офицеров 4-й Дроздовской батареи наняли ялик еще до отчаливания транспорта от пристани на внешний рейд, съездили в таможенную и привезли оттуда большое количество различных консервов (мясных, молочных, с вареньем и пикулями), шоколад, табак и прочее.

В 12 часов к транспорту, стоявшему на внешнем рейде, причалила баржа, на которой находились офицеры и солдаты разных частей, не успевшие по разным причинам погрузиться накануне. На эту баржу сошло около 100 человек, заявивших о своем желании остаться в Крыму. Приехавшие на барже рассказывали, что в Севастополе уже организовалась местная большевистская власть, которая сохраняет в городе порядок. Часов около 15 генерал Врангель объехал все суда, стоявшие на внешнем рейде, и потом направился к городу и причалил к пристани. Там собралась большая толпа решивших остаться в Крыму. Генерал Врангель, стоя во весь рост, обратился к собравшимся на пристани, поблагодарил их за службу и пожелал им счастливую жизнь. Его слова были покрыты «Ура!».

Когда генерал Врангель объезжал транспорты, его всюду приветствовали восторженными криками «Ура!». Видно было, что, несмотря на постигшую нас катастрофу, все продолжали его обожать, боготворить и верить в него. На него единого возлагались тогда все надежды, только на него рассчитывали. Крым не был повторением Новороссийска,

после которого престиж генерала Деникина сразу упал и по его адресу можно было слышать насмешливые эпитеты и даже ругательства. Ничего подобного про генерала Врангеля никто не только не осмеливался сказать, но даже и подумать. У всех было о нем одно мнение как о действительно храбром, бесстрашном воине, отличном вожде и полководце, имевшем талант как-то особенно действовать на войска, и как о высоко порядочном и честном гражданине.

После объезда транспортов генералом Врангелем последовал приказ о выходе в открытое море. Все суда двинулись, кроме «Херсона», который задержали, так как на него, несмотря на протест капитана парохода, так как на нем уже было свыше 7000 человек, не считая команды, хотели погрузить еще около 500 человек с баржи. На «Херсон» были погружены чины Дроздовской и часть Марковской дивизий, штаб корпуса, часть Самурского полка и Кубанского²¹⁹, позиционные батареи, чины бронепоездов и разных команд, а также семьи офицеров. От фронта многие спасались в разных хозяйственных частях и тыловых учреждениях, а теперь такие вспомнили свою принадлежность к Дроздовской или иной дивизии и присоединились к строевым частям. Так, по предварительному подсчету, на «Херсоне» оказалось в составе Дроздовской дивизии до 3500 человек.

«Херсон» вышел в море, имея на буксире баржу и пароход «Тайфун», до отказа загруженные чинами разных частей. Около ста алексеевцев не могли погрузиться, им всюду отказывали, ссылаясь на то, что все уже было заполнено до отказа. Это продолжалось до тех пор, пока сам генерал Врангель лично не приказал генералу Кутепову принять их на «Саратов». Прибывший в самый последний момент из города на лодке офицер-дроздовец рассказал, что в город уже вошла конница красных и что пьяные кавалеристы стали расстреливать оставшихся на пристани. Наконец, около 20 часов 1 ноября «Херсон», имея большой крен, снялся окончательно с якоря. Постепенно стали исчезать огни Севастополя. Мы уходили... Прощай, Крым! Прощай, Россия!..

В то время усталость и нервное потрясение как-то обесчувствовали людей, и мало кто думал, что разлука с Родиной будет навсегда.

Транспорты вышли в море под Андреевским и французскими флагами. Вначале французы требовали спустить Андреевский флаг, но этому категорически воспротивился генерал Врангель, заявив, что, пока существует Русская Армия, он не позволит спустить свой Андреевский Русский флаг, что у нас есть своя честь и поэтому мы Андреевского флага не снимем.

Чтобы иметь представление о том, что происходило во время эвакуации в других портах, вспомним рассказы очевидцев-дроздовцев, случай-

но попавших в те порты и участников погрузки в Ялте, Феодосии и Керчи. Как известно уже читателю, в Севастополе были погружены пехотные дивизии, штабы, тыловые учреждения, технические войска, отдельные команды и отдельные чины Русской Армии, случайно и по разным причинам оказавшиеся в Севастополе, а также гражданские чины и семьи офицеров.

Кавалерия грузилась в Ялте, и там погрузка началась только 1 ноября. Прибыв в Ялту, наши кавалеристы изрядно почистили винные погреба, не забыли побывать и в магазинах, памятуя, что все равно их разграбят по приходе красные. Генерал Врангель прибыл в Ялту из Севастополя на крейсере «Генерал Корнилов» утром 2 ноября, когда транспорты уже закончили погрузку и стояли на рейде, ожидая его приезда. Он объехал их и говорил в общем то же, что и в Севастополе: благодарил за лихую службу, указал на то, что мы уходим в неизвестное, но что унывать не следует, так как государства Запада должны помочь Русской Армии и предоставить ей место у себя, ибо Русская Армия сражалась против общего зла, и поэтому мы вправе от них требовать, чтобы они позаботились о нас в нашем несчастье. Под конец генерал Врангель предложил прокричать в последний раз на русской территории «Ура!» в честь растерзанной и измученной России. Очевидцы говорили, что, когда генерал Врангель покидал транспорт «Крым», на последнем запели «Боже, Царя храни».

В то время когда транспорты, загруженные нашими кавалеристами, снимались с якорей и уже уходили в море, в опустевшую и замерзшую Ялту прибыл со своим отрядом полковник Новиков, с остатками 6-й пехотной дивизии. Мест на транспортах абсолютно не было, а генерал Врангель мог погрузить на крейсер «Генерал Корнилов» в лучшем случае только человек 30 и в первую очередь офицеров. Полковник Новиков отказался грузиться без чинов своего отряда и решил уходить в горы. Прощаясь с ним, генерал Врангель (пишу со слов проживающего в Германии офицера из отряда полковника Новикова) произвел полковника Новикова в генералы, сердечно попрощался со всем отрядом, пожелал счастливо выйти из создавшегося положения. Этот отряд в общей суматохе и неразберихе уйдя сначала в горы, вскоре спустился с них и в виде отряда красной конницы через Перекопский перешеек пробрался в Таврию. Партизаня, отряд направился к румынской границе, по дороге уничтожая советы и расстреливая комиссаров, в надежде перейти через границу в Румынию. Румыны не пропустили отряд через границу, и тогда отряд Новикова бросился на север, в сторону Польши. Возле польской границы отряд был настигнут частями красной конницы, которая была послана против него, и после небольшого сопротивления взят в плен. Только несколькими счастливицам удалось

проскочить в Польшу. Попал в плен и генерал Новиков, имевший приступ тифа, а с ним и его жена. Всех взятых в плен судили и приговорили к расстрелу, но потом смертная казнь была заменена многолетними каторжными работами. Генералу Новикову и нескольким его офицерам, когда их везли на каторжные работы, посчастливилось бежать ночью из Жмеринки. Они проблуждали больше пятнадцати дней, дошли до польской границы и перешли ее. Позже генерал Новиков несколько раз ходил из Польши в Советский Союз партизанить, желая вывезти из Советского Союза жену. По слухам, он погиб там.

Из Ялты генерал Врангель отправился в Феодосию, куда к тому времени подошли части Кубанского казачьего войска и стали там грузиться на транспорты «Владимир» и «Дон», на которых не оказалось достаточно места для всех, и часть кубанцев ушла на погрузку в Керчь, где была назначена погрузка частей Всевеликого Войска Донского. Небольшая группа казаков-кубанцев не захотела отправиться на погрузку в Керчь и, сохраняя оружие, ушла в местные казармы, подчинившись новообразовавшемуся в Феодосии местному большевистскому комитету. 1-я и 5-я конные батареи, бывшие в составе 1-й конной Кубанской дивизии (бывшая дивизия генерала Бабиева), грузились в Феодосии, и по прибытии после с острова Лемнос в состав 2-й Дроздовской конной батареи в Галлиполи их офицеры рассказывали, что перешедшие в распоряжение местного большевистского комитета в Феодосии казаки-кубанцы ходили по улицам с красными флагами, но к отъезжающим не были настроены враждебно и не мешали их погрузке. Транспорты в Феодосии были загружены до отказа так, что если кто-нибудь вставал с своего места, то уж больше сесть не мог. Грузившиеся части старались запастись продуктами из складов, так как и здесь продукты не были погружены в достаточном количестве. Вода выдавалась только для питья и в очень ограниченном количестве. Всюду были очереди — за водой, в уборные. На транспорты были погружены и раненные в последних боях. 3 ноября погрузка была закончена, и транспорты выходили из Феодосии по очереди в море и становились на якоря в ожидании транспортов из Керчи. И здесь побывал генерал Врангель. Когда покидали Феодосию, на транспорте «Владимир» песельники 1-й Кубанской казачьей дивизии запели молитву «Спаси, Господи...», подхваченную всеми бывшими на палубе. Многие плакали.

4 ноября закончилась погрузка частей в Керчи, и был оставлен последний клочок русской земли. Там тоже до последнего момента присутствовал генерал Врангель и сам лично руководил эвакуацией. Благодаря этому и в Керчи было сделано больше, чем можно было ожидать в подобном случае. Погрузка прошла довольно гладко, кроме того, что,

по вине погруженных, перевернулась одна баржа. Нагруженные транспорты отчаливали из Керчи и уходили в море, где становились на якоря в ожидании окончания погрузки других транспортов. Погрузка шла в присутствии военного флота. Когда из Керчи отчаливал последний транспорт, красные уже входили в город и их броневик появился на набережной, но огня по транспорту красные не открыли. До сих пор причина этого не выяснена. Может быть, они не хотели, а может быть, боялись ответного огня судовой артиллерии. Во всяком случае, получилось так, что враги расстались без единого выстрела, без последнего салюта, тихо, мирно, торжественно.

Все вышедшие из Керчи транспорты присоединились к ожидавшим их транспортам из Феодосии, и целая флотилия в 30 транспортов, под охраной военного флота, оставила воды России и отплыла в Константинополь.

А. Туркул²²⁰

ДРОЗДОВЦЫ В ОГНЕ²²¹

23-я советская

До сентября 1920 года Дроздовская дивизия стояла в Новогуполовке. В Александровске, в Северной Таврии, был с Кубанской кавалерийской дивизией генерал Бабиев.

Мы, белогвардейцы, были последними представителями Российской нации, взявшимися за винтовку ради чести и свободы России, молодым русским отбором, вышедшим из войны и революции. Русская романтика и вера, русское вдохновение были в Белой армии. Потому-то так много среди нашей молодежи, вчерашних студентов или армейских поручиков, было сильных, твердых и совершенно бесстрашных людей, удивительных смельчаков. В Белой армии были настоящие люди, настоящие души.

Последней опорой России была ее героическая молодежь, с винтовками и в походных шинелях. У красных число, там серое, валом валящее Всех-Давишь — у нас отдельные люди, отдельные смельчаки. Число никогда не было за нас. За нас всегда было качество, единицы, личности, отдельные герои. В этом была наша сила, но и наша слабость. Большевики как ползли тогда, так ползут и теперь — на черни, на бессмысленной громаде двуногих. А мы, белые, против человеческой икры, против ползучего безличного числа всегда выставляли живую человеческую грудь, живое вдохновение, отдельные человеческие личности.

· Таким героическим представителем Белой армии был и генерал Баби-ев, сухопарый, черноволосый, с кавалерийскими ногами немного колесом, с перерубленной правой рукой. В конных атаках генерал рубился левой. Этот веселый и простой человек был обаятелен. В нем все привлекало: и голос с хрипотцой, и как он ходил, немного перегнувшись вперед. Привлекала его нераздумывающая, какая-то ликующая храбрость. Такие, как Бабиев, а как много было их среди белогвардейцев, сильнее самой смерти. И останутся они сильнее смерти на вечные русские времена.

Привлекала порода Бабиева, проявлявшаяся в нем с головы до ног. Он был настоящим кавалеристом, особым существом, которое вряд ли не сродни мифическому кентавру. Казаки особенно чувствовали Бабиева. Вольная Кубань с легким сердцем прощала ему не то что горячность, но и непохвальную привычку рукоприкладничать.

Я приехал к Бабиеву условиться о боевом рейде на Синельниково. В Александровске трубят трубачи, поют песельники: генерал Бабиев обедает с трубными гласами. За обедом мы уговорились о совместном марше:

— Только давай без опоздания.

— Хорошо...

Ночью вся Дроздовская дивизия, которой я в то время командовал, выступила левее железной дороги, а правее, впотьмах, с озябшим ржанием поцокивая копытами, потянулась кубанская конница Бабиева. В голове шел Первый полк, а в голове Первого полка вторая рота под командой маленького поручика Бураковского²²², почти мальчишка: худенький, голубоглазый, с ослепительной улыбкой, легкий, как ветерок, всегда веселый, как зяблик.

В темноте наши головные атаковали хутор. Красную конницу мгновенно выбили и, к рассвету, стремительно двинулись в атаку на Синельниково. Наша голова, как щит, передовая вторая рота с Бураковским в порыве атаки далеко оторвалась от полка. Она приняла весь удар контратаки противника. Вот когда можно было видеть отвратительную ползучую силу числа. Валами, вал за валом, большевистские цепи, колышась, с невнятным гулом, накатывали на роту.

За головной ротой шел штаб Дроздовской дивизии. Мой помощник, генерал Манштейн, скакал рядом, его конь терся бок о бок с моим конем. Светилось тонкое лицо Манштейна, рыжеватые волосы были влажны от росы; я помню, как он придержал коня, следя за серыми валами большевиков, затоплявшими редкую цепь малиновых фуражек. Наша цепь подалась, точно вогнулась, покатила назад.

— Отступают! — крикнул Манштейн и вдруг замер, приподнявшись на стременах.

Цепь выгнулась назад, точно тетива натянутого лука, и вдруг кинулась вперед, в колыхающиеся волны большевиков. У тех был перевес раз в двадцать пять. Затопят все. С правого фланга, без фуражки — русые волосы бил утренний ветер — шел с наганом маленький Бураковский. Он ослепительно улыбался под огнем, как в странном очаровании.

— Смотри, смотри...

Манштейн сильно схватил меня за руку, побледнел, и та же улыбка вдохновенного бесстрашия осветила его худое лицо.

— Как они идут. Боже мой, но это прекрасно. Что за рота?

— Вторая, — обернулся я и дал шпоры коню.

Замечательная атака Бураковского, как мгновенный удар огненной стрелы, сбила большевиков. Они откатились. Второй конный помчался в атаку. Синельниково взяли, захватили до двух тысяч пленных.

Я сошел с коня у вокзала. Зал первого класса, с огромными окнами. После товарищей, правда как всюду, мерзость, разгром, отвратительный мусор и пакость. Обычный след советской черни, числа: все пожрано, изгваздано, бессмысленно изодрано и точно бы выблевано. На стене я увидел большой плакат. На нем, в военной форме царского времени, при генеральских погонах и регалиях, недурно изображен генерал Николаев. Плакат советский, пропагандный, под ним крупно напечатано: «Красный генерал Николаев, расстрелянный под Петербургом Юденичем за то, что отказался служить у белых и объявил, что служит советам по убеждению». Может быть, там было понаписано и еще что, но смысл я передаю точно.

Я остановился перед красным генералом Николаевым и свистнул. Вот так встреча! Николаев был командиром бригады в той самой 19-й пехотной дивизии, в которой я тянул ляжку штабс-капитаном во время Великой войны. Как мне не знать генерала Николаева, кто его не знал в нашей дивизии! В царские времена это был самый зверь, беспощадный к солдату, грубый с офицером, подхалим перед начальством. Кто знал генерала Николаева, тот помнит его подлую грубость, низость, жестокость. А теперь, оказывается, он угодил в советские герои, в красные генералы: шкурный карьеризм укатал Николаева до большевистского плаката, Юденич расстрелял его за дело.

В Синельникове стали дроздовцы. А куда девался с казачьей конницей Бабиев? Бабиев в это время протек с Кубанской дивизией за Синельниково, на восток, и занял станцию на ветке Мариуполь—Пологи. Со станции Бабиев не выпустил ни одного красного. К аппаратам посадил своих телеграфистов и немедленно вызвал Пологи, где были большевики. Красный комендант в полной уверенности, что толкует по телефону со своими, наши телеграфисты не скупятся величать его това-

рищем. Наконец сам Бабиев, приволакивая ногу, подошел к аппарату и завел беседу с красным.

— Слушайте, вы, товарищ, — презрительно и весело кричал в аппарат Бабиев. — Какого черта вы спите? Дроздовцы уже заняли Синельниково, белогвардейцы наступают на меня, вы меня бросили, что ли... Немедленно прислать на помощь бронепоезда.

Через несколько мгновений — в Пологах, вероятно, посовещались — красный комендант прокричал в аппарат Бабиеву:

— Товарищ, вы слушаете? Слушайте, товарищ, мы высылаем вам бронепоезд.

Бабиев поблагодарил и повесил трубку. На него нашел стих того веселого и дерзкого вдохновения, за которое все его так любили: в боевой игре Бабиев точно всегда подшучивал над смертью. Он приказал вкатить в станционное зальце две пушки. Все было нелепо и необыкновенно весело. Опрокидывая пыльные фальшивые пальмы и потертые кожаные кресла, в буфет первого класса вкатили на руках две пушки. Бабиев поскреб ногтем под коротко остриженным усом — кажется, он сам не знал толком, что делать дальше, — приказал открыть окна на перрон. Все слушали, идет или не идет красный бронепоезд.

И вот, сначала далеко, потом ближе, ближе, застучал, заскрежетал бронепоезд. Он подкатил, от его броневых площадок на перроне потемнело, он начал замедлять ход под вокзальным навесом, уже мелькнул у паровоза трепещущий красный флажок. Тогда Бабиев махнул артиллеристам стеклом. И обе пушки открыли пальбу гранатами прямо через перрон. Паровоз разворотили в одно мгновение, завизжали куски железа, рухнул от стрельбы навес вокзала, осыпалась стена. Бабиев помахивал стеклом с той же полуулыбкой, как маленький Бураковский или однорукий Манштейн.

Бронепоезд, в грохоте и визге разрывов, с пробитыми железными боками, из которых вырывался огонь, попятился, сотрясаясь, назад, но его накрыла новая очередь гранат. В отверстие броневой башни, под красным флажком, просунулась чья-то скорченная рука, машущая белой тряпкой — куском полотенца или рубахи. Бабиев взял бронепоезд со всей его матросской командой.

После рейда на Синельниково мы вернулись в нашу Сечь и 17 сентября утром, в день ангела моей матери, я уехал к ней на именины в хозяйственную часть Первого полка. Только добрался я у матери до именинного пирога с яблоками, как затрещал телефон — немедленно требуют моего возвращения. Вечером я уже был в штабе корпуса, в Александровске. Начальник штаба быстро рассказал о боевой обстановке: большевики, двумя колоннами, правее и левее железной дороги,

наступают от Синельникова на Александровск. Командир корпуса приказал моей дивизии с утра перейти в контрнаступление.

— Разрешите начать ночью.

— Хорошо, Антон Васильевич, начинайте ночью, с Богом...

В Новогуполовке я оставил один батальон, все лишние обозы переправил спешно в Александровск и после полуночи, в самую темень, двинулся с дивизией на восток, потом круто повернул на север. На исходе второго часа ночи наш головной Третий полк атаковал деревню, занятую красными. Атака была такой внезапной, без выстрела, что у нас оказался всего один раненый. В деревне захватили до тысячи пленных. Это были человеческие стада, ошалевшие со сна и ничего не понимающие. От деревни я повернул Дроздовскую дивизию на запад. Мы действительно летели впотьмах внезапными изломами, как ночная зарница.

Конный полк, штаб дивизии и конные разведчики ушли вперед, подрывная команда Второго конного полка добралась до железной дороги и взорвала рельсы. Мы заскакали на стенной полустанок. Так неожиданно выросли из тьмы наши всадники, так внезапно был окружен полустанок, что большевик-комендант с красноармейцами не успел повернуть ручки телефонного аппарата, чтобы дать знать своим. Конница взорвала путь, а за нами, в тылу, уже отрезанные взорванным полотном, еще не чуя своей судьбы, два красных бронепоезда громили Новогуполовку, поддерживая наступление красных. Зарево канонады освещало потемки.

Когда рассвело, я приказал генералу Харжевскому со 2-м стрелковым полком начать с тыла наступление на бронепоезда, гремевшие под Славгородом. Мы были у них в тылу. Бронепоезда наступают на Новогуполовку, Харжевский сзади наступает на бронепоезда, а я с дивизией вклиниваюсь все глубже в красные тылы. В голове идет Первый полк. Атака сменяет атаку. В непрерывном бою, не давая противнику опомниться, поражая внезапностью, мы гнали его все дальше на запад, отесняя к Днепру.

Большевики отбивались контратаками. На последних холмах, когда широко и свинцово блеснул в зарослях утренний Днепр, головной первый батальон Первого полка не сдержал тяжелой контратаки противника. Цепи батальона подались назад. На стороне красных перевес потрясающий; ползут, можно сказать, какой-то кишашей икрой. Комиссары вовсе не жалели своего пушечного мяса. Командиру отступающего батальона я приказал во что бы то ни стало повернуть цепи в контратаку. Батальон неуклюже покачался, как бы переминаясь с ноги на ногу. Наша артиллерия открыла беглый огонь. Батальон точно отдышался и с ярым «Ура!» повернул обратно.

Тогда же повел в атаку свой подоспевший Второй конный полк полковник Кабаров²²³. В ту ночь и в то утро Второй конный уже раз пять бросался в атаки. Вымотались покрытые пеной и грязью, с мокрыми боками, храпящие кони; никакими силами нельзя их понудить к быстрым аллюрам, поднять в галоп или карьер. Измученный полк двинулся в атаку мелкой рысью. Необыкновенно грозным было это медленное и плотное конское движение, злобный храп, ржание, ляг. Конная атака сбила большевиков. Кабаров взял много сотен пленных, пушки, пулеметы.

Смятые, потоптанные толпы противника кинулись к Днепру. Это было не только бегство — это был маневр: добраться раньше нас до берега и по берегу пробиться на север. Вся кавалерия Дроздовской дивизии погналась за ними — во главе Второй конный полк, а стрелковые полки, Первый и Третий, замешкались, отстали от конницы, задержанные приднепровскими лощинами и оврагами.

Мы выскочили на последние высоты. Поднявшись на стременах, я увидел всю приднепровскую равнину, огромный смутно-светлый амфитеатр, в поволоке утреннего тумана, в реющем солнечном блеске. Вся равнина кишела и шевелилась живьем, ходила ходуном, точно на ней трясся серый студень. Она была забита отступающими, обозами, артиллерией. Мы нагнали их полчища. Я снял фуражку и мгновение вдыхал свежий воздух с Днепра, потом повернулся в седле и приказал взводу конной артиллерии открыть по отступающим огонь. Полковник Кабаров был бледен от усталости, забрызган глиной, как и все его всадники, и конь под ним был мокрый, потемневший, в хлопьях мыла, как во всем доблестном Втором конном полку. Но я приказал полковнику Кабарову атаковать снова. Это была его седьмая атака.

Есть необыкновенно трогательное, женственное в усталом коне, и вместе с тем что-то беспомощно щенячье. Жалко было смотреть на тонкие жилистые ноги коней, изодранные в кровь, или на то, как измотанные вконец жеребцы с потными блестящими задами пятились, оседая без сил. Всадники, точно окостеневшие, в брызгах грязи и глины, понукали их к бегу.

Второй конный двинулся в седьмую атаку, с ним команды конных разведчиков всех трех стрелковых полков. Дон Кихот на его костлявой кляче, вероятно, куда бодрее скакал на ветряные мельницы, чем наш Второй конный. Я думаю, что такой сбитой рысцой, почти шагом, не ходила в атаку ни одна кавалерия в мире. Я думаю также, что ни одна конница никогда не бросалась в атаку семь раз в течение нескольких часов. Наше счастье, что мы спустились с горы; склон ускорял движение, хотя многие кони попросту ползли вниз по песку прямо на брюхе.

Чем круче склон, тем конная атака пошла веселее. Беглая пальба и конница, спускающаяся с холмов, смешали все в долине. Большевики повалили за Днепр. Что только там делалось! Они обезумели, увидев нас на холмах. С тачанками они бросались в воду, топили пушки, дрались между собой, кидались вплавь во всей амуниции. Тонули кони и люди. Мы крыли бегущих огнем. Смели их за Днепр.

Часа в три я приказал Дроздовской дивизии встать на отдых в приднепровском селе. За ту ночь и утро мы шестьдесят верст гнали противника в неутасажущих боях. На отдыхе ко мне прискакал ординарец с донесением от Харжевского: два бронепоезда красных, отрезанные нами, взяты атакой 2-го стрелкового полка. Два бронепоезда, до четырех тысяч пленных, броневики, десятки пулеметов, десять пушек — теплая сентябрьская ночь обернулась для 23-й советской дивизии полным разгромом. А у нас — странно сказать — всего один убитый и двадцать семь раненых. Теперь я могу признаться, что впервые за свою боевую жизнь я соврал в реляции. На вранье меня подбил мой оперативный адъютант.

— Ваше превосходительство, — убеждал он, — если мы не увеличим число потерь, в штабе создастся впечатление, что не успели мы пробиться, как все подняли руки вверх и стали повально сдаваться...

Я подумал, подумал и в донесении в штаб корпуса о трофеях и потерях увеличил наши потери с одного на... сто.

19 сентября мое донесение о разгроме 23-й советской дивизии пришло в Севастополь. Там в то время было празднование, спектакль и сбор на раненых и больных дроздовцев. Наша победа очень помогла сбору.

До конца сентября мы спокойно стояли в Новогуполовке. В первые дни октября большевики крупными силами начали наступать на Орехов. Красной конницей Орехов был взят. Я получил приказ выступить навстречу большевикам. Этот ночной марш был, можно сказать, лебединой песней нашей Сечи.

Дроздовская дивизия глубокой ночью двинулась на север, потом повернула на восток и ударила по тылам красных. В голове шла команда пеших разведчиков Первого полка капитана Ковалева. Разъезды донесли, что впереди видна деревня. Команда разведчиков пошла туда, а я приказал дивизии остановиться, чтобы подтянуть, напрячь для удара батальоны. Не более чем через полчаса дивизия подтянулась. Мы осторожно подходили впотьмах к деревне. Там была тишина, изредка лаяли собаки; ночь черная, глухая. На половине дороги меня встретили разведчики. Шепотом они доложили, что деревня полна неприятеля, но что команда уже в деревне, куда вошла незамеченно.

У нас все смолкло. Мы решили захватить противника врасплох. Ни звука, ни кашля; папиросы погашены; кони, чуя нашу напряженную

немоту, едва ступают; амуниция приглушенно едва погremывает. Капитан Ковалев, всегда спокойный (он был убит вскоре после этого ночного дела), приказал разведчикам без выстрела пробираться в деревню. Я тоже приказал соблюдать полную тишину, Дроздовская дивизия точно замерла на полевой дороге, затаила дыхание. В потемках застывшие в немоте наготове всадники, кони, орудия, пехота с ружьями к ноге — как грозные глухонемые видения. Мы ждали, удастся ли разведчикам их налет или придется открыть ночной бой.

Налет удался. Минут через пятнадцать разведчики стали приводить пленных, еще разогретых сном, в неряшливо сбитом белье, бессмысленно озирающихся. Разведчики без выстрела прокрались через всю деревню от околицы до околицы. Кто пробовал хвататься за винтовку, на тех молча бросались в штыки. Мы захватили семьсот пленных, батарею. У нас ни одного раненого. Еще верст сорок били мы в ту ночь по тылам красных, сметая их мелкие части.

На октябрьском рассвете командир нашей бригады генерал Субботин и я, все еще не слезая с седел, стали закусывать у повозки полкового собрания. Из-за насыпи железной дороги большевики открыли огонь. Генерал Субботин был ранен в живот первой же пулей. Я хорошо помню, как, падая с коня, он быстро-быстро крестился. Артиллерия и атака Второго конного заставили красных отступить. Так два дроздовских рейда и ночные марши по тылам разгромили 23-ю советскую дивизию.

И было это в октябре, накануне нашего последнего отхода из Крыма. Эти бои, как и последний бой на Перекопе, подтверждают, что до самого конца, уже истекая кровью, истерзанные, задавленные страшной грудой числа советского Всех-Давишь, мы, белогвардейцы, ни на одно мгновение не теряли ни своей молниеносной упругости, ни своего героического вдохновения.

Перебежчики

Дроздовская дивизия встала на отдых в селе Воскресенка. На сторожевое охранение, на участке Первого полка, к вечеру перебежал красноармеец с винтовкой и во всей амуниции. О перебежчике мне передали из сторожевого охранения по полевому телефону. Я приказал привести его ко мне в штаб дивизии. Вскоре часовые ввели молодого человека лет двадцати, в долгополой шинели кавалерийского образца, с помятой фуражкой в руках, с сорванной красной звездой, от которой осталась темная метина. Перебежчик был очень светловолос, с прозрачными, какими-то пустыми глазами, лицо бледное и тревожное. Его опрятность, вся

его складка и то, как ладно пригнана на нем кавалерийская шинель, выдавали в нем не простого красноармейца.

— Кто ты такой, фамилия? — сказал я, когда он отчетливо, по-юнкерски, отпечатал шаг к столу.

— Головин, кадет Второго Московского корпуса.

Молодой человек смело и пристально смотрел на меня прозрачными глазами.

В тот день у меня коротал время командир первого артиллерийского дивизиона полковник Протасович²²⁴. До привода перебежчика мы мирно рассматривали с ним старые журналы, найденные в доме, несколько разрозненных номеров «Нивы» благословенных довоенных времен (с каким трогательным чувством находили мы на войне эту старушку «Ниву», особенно рождественские и пасхальные номера, дышавшие домашним миром) и целую грудку «Огонька» в выцветших синеватых обложках, с размашистыми карикатурами Животовского и фотографиями заседаний Государственной думы.

Протасович вполголоса попросил у меня разрешения допрашивать перебежавшего кадета.

— Кто у вас был директором? — спросил Протасович.

Перебежчик ответил точно, потом повернулся ко мне и сказал со слегка покровительственной улыбкой — чего, дескать, допрашивать:

— Да ваше превосходительство, ведь мы с вами сколько вместе стояли.

— Как так?

— Да я же белый... Служил в Белой армии, в Черноморском конном полку. Заболел тифом, в новороссийскую эвакуацию был оставлен, брошен в станице Кубанской. Вот и попал к красным... Теперь словчился перебежать к своим... Ваше превосходительство, разрешите зачислить меня в команду пеших разведчиков Первого полка.

— Почему Первого?

— Я всегда мечтал...

В его ответах не было ни звука, ни тени, которые могли бы вселить подозрение. Черноморский конный полк действительно очень часто плечо к плечу сражался рядом с дроздовцами, я хорошо знал у черноморцев многих офицеров. Может быть, потому, что такая обычная для белой молодежи биография была пересказана как-то слишком торопливо, что-то невнятное показалось мне в ней, неживое, а главное, потому, может быть, что какое-то неприятное глухое чувство вызывали во мне эти прозрачные, немигающие, со странным превосходством смотрящие в упор глаза, но я стал допрашивать кадета дальше.

— Где же черноморцы с нами стояли?

Перебежчик снова улыбнулся — и чего спрашивать такой вздор?

— Ваше превосходительство, да помните Азов...

— Ну, помню, а еще?

— А на хуторах... Вы к нам несколько раз приезжали.

Он вспомнил полковой обед, на котором присутствовал, назвал имена офицеров. Я пристально посмотрел на него: сомнений нет — это наша белая баклажка, кадетенок, попавший к красным и перебежавший к своим, но почему же не проходит невнятное недоверие к его складному, излишне складному, в чем-то мертвому рассказу и к его бледному, без кровинки, лицу, полному скрытой тревоги. «Пустяки», — подумал я и протянул ему портсигар:

— Хотите курить?

— Покорнейше благодарю, ваше превосходительство.

Худая, цепкая рука, с хорошо выхоленными ногтями порылась, чуть дрожа, в портсигаре. И эти несолдатские ногти тоже показались мне неприятными.

— А вы какой Головин? — спросил Протасович.

Тощая рука на мгновение как-то неверно шевельнулась, потом вытащила папиросу. Перебежчик оправил ворот шинели и, глядя на Протасовича с покровительственной и самоуверенной улыбкой, ответил:

— Мой отец был председателем Второй Государственной думы.

Протасович сильно сжал мне под столом колено. Какое странное совпадение: за несколько минут до привода перебежчика, рассматривая «Огонек», мы задержались на снимке президиума Государственной думы, и особенно на большом портрете ее председателя Головина. Полковник Протасович хорошо знал Головина и вспоминал над «Огоньком» свои с ним встречи.

— Какое совпадение, — усмехнулся Протасович, отмахивая от лица табачный дым.

Перебежчик быстро взглянул на него, не понимая значения слов, потом вытянулся передо мной (ко мне он чувствовал больше приязни, чем к полковнику):

— Разрешите закурить?

— Курите.

Он стал раскуривать папиросу, глубоко втягивая щеки. Был освещен его острый подбородок, лоб и прозрачные глаза в тени. «Какие неприятные глаза, — подумал я, — и будто я их где-то видел».

— Так вы Головин, сын председателя Второй Думы, — повторил Протасович как бы рассеянно и небрежно.

— Так точно.

Перебежчик глубоко затянулся папиросой.

— Вы, конечно, помните, какую прическу носил ваш отец.

— Прическу?

Перебежчик темно, тревожно взглянул на полковника, но тут же улынулся с видом презрительного превосходства:

— Но почему же прическу? Я хорошо не помню.

— Ну как же так не помнить прическу своего отца, вспомните хо-рошенько.

— Английский пробор, — сказал перебежчик.

— Так. А усы?

— Коротко подстриженные, по-английски.

— Так.

Наступило молчание. Полковник Протасович потянул к себе грудь «Огонька», перекинул несколько листов и молча показал мне портрет председателя Второй Думы. Как известно, почтенный председатель был лысым, что называется, наголо — ни одного волоска, блистательный бильярдный шар, — усы же носил густые и пышные, не по-английски, а по-вильгельмовски.

— Ты что же, сукин сын, врешь! — крикнул я на перебежчика.

Тот выронил папиросу.

— Говори, почему к нам перебежал. Кто ты такой?

— Я же сказал, что Головин, служил в Черноморском полку, белый, перешел к своим...

Он дерзко смотрел на меня, и я понял, кого напоминают эти пустые прозрачные глаза, эта трупная бледность, наглая усмешка превосходства. «Чекист», — мелькнуло у меня.

— Молчать, сукин сын, чекист! — крикнул я. — Довольно вертеть волюнку, подойди сюда, смотри.

Я показал ему «Огонек» с портретом Головина.

— Где английский пробор, где подстриженные усы... Открывайся, кто ты такой. Не скажешь — заporю до смерти.

— Я Головин, сказано — Головин...

— Если не хотите испытать худшего, — сказал я спокойно, — бросьте валять дурака и говорите дело. Кто вы такой?

— Разведчик штаба 13-й советской армии, — тихо отвечал перебежчик.

— Зачем пожаловали к нам?

— Получил задание перебежать на фронте Дроздовской дивизии и постараться попасть в команду пеших разведчиков Первого полка.

— Почему?

— Наша разведка считает команду пеших разведчиков одной из самых верных и надежных частей вашего Первого полка.

— Ну так что же?

Он замялся, умолк.

— Не дурите, — сказал я. — Теперь вы все равно раскрыты. Или рассказывайте сами, или все придется из вас выколачивать.

— Команда пеших разведчиков взята нашей разведкой на особый учет. При ее посредстве решено разложить ваш Первый полк.

— Каким образом?

— У вас есть наши агенты.

— Кто?

Молчание, и потом тихо, почти шепотом:

— В офицерской роте Первого полка поручик Селезнев, потом в ротах третьего и второго батальона несколько наших агентов. Имен не знаю, но в лицо узнаю, и есть условные знаки, пароль.

Я вызвал в штаб командиров рот второго и третьего батальонов, просил их взять с собою перебежчика и пустить его в роты под видом нашего нового солдата. Перебежчик вскоре подошел к одному из стрелков, сказал что-то вполголоса, попросил табаку. Солдат удивленно взглянул на него, покраснел, что-то быстро ответил. Офицеры незаметно наблюдали. Перебежчик правой ногой провел на песке полукруг, таким же движением ответил и солдат. Солдата арестовали. Он принес полную повинную и тоже оказался агентом штаба 13-й армии.

Арестовали по их указаниям и другого агента, но поручик Селезнев, точно чуя, что всю тройку раскроют, заранее выбрался из полка, выхлопотал освобождение от строевой службы и отправился в тыл. Я немедленно послал вдогонку за ним в Севастополь трех офицеров, написал о нем в штаб корпуса, а также полковнику Колтышеву, который лечился тогда в Севастополе от ран. Посланным только удалось узнать, что Селезнев сначала служил в нашей контрразведке в Керчи, позже в Феодосии, потом скрылся.

Уже после Галлиполи один из наших офицеров встретил Селезнева в дроздовской форме на улице в Софии. Оказывается, Селезнев как ни в чем не бывало служил в нашей контрразведке при генерале Ронжине²²⁵; я немедленно сообщил о Селезнев в штаб, но он успел скрыться. Снова выплыл он уже в Германии, где его арестовали за подделку паспорта, и, наконец, в Париже, когда после похищения генерала Кутепова он пытался получить 500 000 франков за указание похитителей.

Трое советских агентов были тогда преданы военно-полевому суду, от которого не отвертелся бы, конечно, и Селезнев. Всех троих приговорили к расстрелу. Тот, кого мы прозвали «сыном Головина», не вызвал во мне жалости, хотя и проиграл свою игру со смертью как-то очень уж жалко и ничтожно, зарвавшись на шатком вранье.

В том, что он принял на себя чужое имя, уворовал чужую жизнь — мальчишескую белую жизнь, которую он так складно рассказывал, было нечто зловещее, отталкивающее. Все так и, оказалось, как рассказывал советский агент: был в Черноморском подку кадетик Головин, воспитанник Второго Московского корпуса, был, Головин оставлен в тифозной горячке, во вшах в истопленной хате; красные захватили его, и был запытан насмерть Головин, и чекисты вымучили от него все, что им было надо. И вот пришел к нам некто с мертвым лицом без кровинки, с прозрачными пустыми глазами, чекист, принявший на себя судьбу мертвеца, и чекиста расстреляли без пощады.

Дело о «сыне Головина» оборвало сеть советской агентуры в Дроздовской дивизии. Наш фронт в Крыму не имел устойчивой линии. Дивизия была в подвижных рейдах, уходила, приходила, снова уходила. Этим и пользовалась советская разведка: в деревнях, по которым проходила линия подвижного фронта, большевики оставляли тайные явочные ячейки, куда их агенты передавали сведения о дроздовцах для штаба 13-й советской армии и где получали задания.

Мне хорошо помнится еще один перебежчик. Случилось это задолго до Крыма, после нашего отступления, когда мы стали, зимой 1919 года, под самым Азовом в селе Петрогоровка. Темная, суровая зима. Всегда стужа, злой ветер с Дона. Мы стояли в селе, на холмах, над долиной Дона, над ровной низиной в сугробах, над которыми стелала метель. За равниной тянулись темные, потрескивающие на морозе заросли придонских камышей.

Чтобы отдых наших бойцов был вернее, я выставлял два ряда сторожевых охранений; походные заставы с часовыми и подчасками занимали крайние хаты села, а полурота команды пеших разведчиков, разбитая на дозоры, уходила ночью в камыши к Дону. В каждый дозор назначалось трое-четверо солдат, с ними офицер из офицерской роты. Вечером, в темноте, все дозоры собирались к штабу, я выходил к ним, здоровался и всегда сам объяснял им задачу ночного охранения. Надо сказать, что заросли камышей шли вдоль Дона двумя полосами: одна узкая, в полверсты шириной, за ней обледеневшая голая поляна в сугробах, а после этой поляны мерзлые, черные камыши вплотную подходили к берегу Дона. На поляну, между двух зарослей, я непременно посылал дозор, и этот пост на окраине поляны уже знал каждый наш разведчик.

В ночь на 10 января полурота команды пеших разведчиков, крепко хрустя по снегу, подошла к штабу. Я назначил по числу дозоров двенадцать офицеров из офицерской роты, дал задания, и полурота двинулась в студеную темноту. На рассвете дозоры вернулись в обмерзших шинелях, поседевшие от инея, и начальник команды разведчиков доло-

жил мне, что один дозор из четырех солдат с офицером из ночного охранения не вернулся.

Среди солдат в этом дозоре был унтер-офицер Макаров. Мы ему доверяли вполне, и все уважали и очень любили этого твердого, ладного, широкогрудого солдата Великой войны. Макаров, с его голубыми глазами, с его солдатскими серебряными кольцами на крупных пальцах, можно сказать, дышал силой, покоем и добродушием. Он был из крепкой крестьянской семьи, сметенной большевиками, он был наш верный дроздовец, честный белый солдат. Начальник команды и думать не хотел, чтобы Макаров мог перебежать к красным. Мы решили, что дозор внезапно захвачен в плен, и все же тошно и щемяще шевелилась мысль: «А вдруг...» Это «а вдруг» значило бы, что Макаров с двумя другими стрелками приколол в спину нашего офицера и бежал к большевикам. Все утро я думал о голубоглазом Макарыче и о нашем пропавшем дозоре.

Из Кулешовки, где стоял Второй полк, позвонили по телефону, что туда на рассвете пришли из камышей два наших разведчика, оба раненные, один тяжело в грудь. Я отдал распоряжение обоим после перевязки доставить в штаб. Часа через два двух раненых, обинтованных, прекрасно укрытых шерстяными одеялами и шубами, в широких санях подвезли с санитаром к штабу полка. Один из разведчиков, раненный в грудь, был унтер-офицер Макаров. Он узнал меня, и его голубые глаза наполнились слезами. Покуда я шел рядом с саними до лазарета, Макаров, высвободив руку из-под одеяла, слабо держал в ней мою. В околотке, когда я сел у его койки, Макаров, все не выпуская моей руки, рассказал мне о судьбе дозора.

— Как дозор подошел к концу камышей, — рассказывал Макаров, — к той просеке, где сугробы, офицер приказал нам пройти эту прогалину, идти, значит, дальше, ко вторым камышам, у самого Дона. Я подумал: «Как же так? Поручик, видно, недослышал приказания», — и сказал:

— Господин поручик, мы ходим только до этих камышей, и сегодня я слышал, что нам дана та же задача, дойти сюда, на прогалину, и до первого света охранять здесь полк.

Тогда поручик оглянулся и говорит тихо, шепотом:

— Рассуждать будешь... Командир полка вызвал меня и дал отдельную новую задачу, перейти поляну и камыши за поляной, дойти до самого берега Дона и узнать, занят ли большевиками хутор на нашем берегу, против станицы Елизаветинской. Идем, не рассуждай.

— Виноват, господин поручик.

И двинулись мы за ним; прошли поляну, подошли к камышам, уже видны темные хаты у самого Дона, а я все думаю, как же так полков-

ник Туркул мне ни слова не сказал о новом задании. Все не верится поручику. Ночь ясная, лунная. Вдруг поручик обернулся, в руке наган.

— Срывайте погоны, все идем к красным...

Мы, трое стрелков, прямо сказать, оторопели, и рукой не пошевельнуть. Вот куда он нас за собой привел, а мы ему верили как дети. Я сказал:

— Господин поручик, если хотите идти к красным, идите, а мы, стрелки, тут ни при чем, с какой стати мы к красным пойдём?

Я говорю, а поручик наводит на меня наган, дуло блещет. Стою под дулом своего офицера, и так горько мне стало.

— Не пойду я к красным; моего батьку убили, братанов, Россию как попсовали, я весь поход верно пробивался с Дроздовским полком, не хочу уходить от своих.

Поручик поднял наган и вдруг как жажнет в меня — в грудь ударило. Он, Каин, Иуда Искариот, выстрелил. Я кинулся вбок, кровь на руки ударила, я ползком в камыши. Поручик выпускает заряд за зарядом. Оглянулся, а за мной наш стрелок, Ванюшка, — он нынче со мной тоже на койку залег, — пробирается в камыши, зажимает рукой плечо: «Тварь, сукин сын, меня в плечо пулей саданул».

— А где третий стрелок?

— Поручик его выстрелом сбил. Пропал он. Тогда я пришел в себя и, как ни рвало грудь, залег и по Каину из винтовки хватил. И Ванюшка со мной хватил. Но тут из хат, где были красные, что-то закричат, стали бить по нас залпами. Тогда мы с Ванюшкой в камыши, в камыши и давай ходу. Кровь заскорузла. Камыш проклятый сухой, трещит. Продираемся. Да с бегу оба то в сугробину, то в ямищу угодим, в трясины проклятую, а там незамерзшая грязь...

Так или вроде того рассказывал Макаров. На хмуром рассвете, проплував в камышах верст пятнадцать, оба разведчика пробились в Кулешовку. Выходцы из камышей, в крови и во льду, потемневшие от стужи, наткнулись, наконец, на сторожевую цепь Второго полка. В утешение унтер-офицеру Макарову и его стрелку Ванюшке могу сказать, что тот Каин в офицерских погонах не был дроздовским офицером. Он только что переехал к нам в Мокром Чалтыре, где были влиты в наш полк остатки 9-й дивизии. Этот чужой для нас человек был одним из тех людей, какие попадались и в Белой армии, из тех, кто при первой же неудаче терял веру во все, дрожал в постоянном тайном страхе перед большевиками, запуганный пытками и мучительством их террора. Это был шкурник, смятенный вечным страхом, с холодной тьмой в душе, потерявший веру и совесть до того, что готов был предать слепо верящих ему простых солдат, только бы выудить у большевиков право жить, хотя бы и подло.

Через несколько дней большевики с аэроплана разбросали над Петрогородкой воззвание на противной, точно пожеванной, папиросной бумаге. Этот предатель звал переходить к красным и еще подписался «Дроздовец». Наши стрелки были так оскорблены за Макарова, что, попадись им этот «дроздовец», они подняли бы его на штыки. Каждый наш солдат, каждый стрелок, хотя бы из вчерашних пленных или из матросов, каждый, в ком дышала верная и смелая человеческая душа, вскоре же, можно сказать, преобразался, чувствуя нашу боевую силу, вдохновенную верой в Россию, нашу человеческую правду. Они гордились быть дроздовцами. Они с честью носили в огне наши малиновые погоны, тысячи тысяч их увенчаны венцом страдания в наших доблестных рядах, и все, кто мог, ушли с нами в изгнание. У нас за все шестьсот пятьдесят боев не было перебежчиков и сдач скопом до самого конца. За все время моего командования Дроздовской дивизией только у одного офицера я сорвал погоны и приказал расстрелять двоих, обвиненных в мародерстве.

Макарыч и стрелок Ванюшка оправились от ран. Мы долго вспоминали это Каиново дело. Но тяжелее, но горше всего вспоминаю о третьем перебежчике. Это было в Таврии, после нашего отхода на Васильевку. Мы заняли большое имение Попова, с обширным, слегка обветшалым домом, вернее, дворцом. Имение это уже раз двенадцать переходило из рук в руки. Когда наш первый батальон встал на позицию под Васильевкой, было замечено несколько случаев перехода к красным наших солдат из недавних пленных.

Перебежчики были из четвертой роты, из славной бывшей роты картавого капитана Иванова. В четвертой никогда раньше не было перебежчиков. Я вызвал командира первого батальона Петерса²²⁶ и командира четвертой роты капитана Барабаша. Барабаш принял роту после капитана Иванова, у которого был старшим офицером. В боях Дроздовского полка Барабаш был ранен четыре раза. Это был блестящий, отчетливый офицер, скупой на слова, горячий до бешенства. Он был страстный и сильный человек, храбрец. Капитан Иванов очень любил Барабаша и ценил его как офицера.

Школа Иванова сказывалась у Барабаша во всем: он был превосходен в огне, заботлив в ротном хозяйстве. Барабаш был из татар. В его поджаром теле, в мягкой походке было что-то кошачье, или, если хотите, в этом невысоком, гибком человеке была красивая сила тигра. И его лицо, скуластое, загорелое, с широкими ноздрями, тоже, если хотите, напоминало тигра.

— Евгений Борисович, — сказал я Петерсу, когда он и Барабаш пришли ко мне, — с перебежчиками надо покончить немедленно. Вы

сами знаете, господа, что первый батальон — самая грудь полка, его основа, и перебежчиков из первого батальона не было никогда. Я прошу вас, Евгений Борисович, сделать все. А вам, капитан Барабаш, никогда не следовало бы забывать, что вы приняли роту от капитана Иванова. Вы в четвертой роте более года, и, знаете сами, она всегда была образцовой. Прошу вас принять все меры, и в первую очередь немедленно отослать всех подозрительных солдат в запасный батальон.

Капитан Барабаш слегка привстал и спокойно сказал:

— Слушаюсь, будет исполнено.

Он снова замолчал, стиснув зубы, и по тому, как двигалась кожа на его скулах, я видел, как ему неприятен весь разговор о перебежчиках из его славной роты. А в ту же ночь, к рассвету, Петерс разбудил меня телефонным звонком — капитан Барабаш бесследно исчез; допускают, что перешел к красным. Не скрою, мое сердце от огорчения упало до боли. Для меня было тяжелым ударом одно сомнение в Барабаше, одно предположение, что наш дроздовец, храбрец, великолепный офицер, любимец Иванова, подлинный белый солдат, верный всегда и во всем, мог перекинуться к большевикам.

Но Барабаш исчез; любопытно, что его вестовой остался, уходить не пожелал. Он подтвердил, что капитан Барабаш ушел к красным. Я немедленно приказал сменить четвертую роту с позиции и привести ее в помещичий дом Попова. Открыли огромное двусветлое зало с обветшалой позолотой на стенах, с потускневшим паркетом. Туда я вызвал пулеметную роту и команду пеших разведчиков. Они вошли с четким грохотом. А когда ввели четвертую роту, то были открыты все белые, с орнаментами двери, и в каждой стояли направленные на нее серые пулеметы.

Приведенные ничего не понимали, глухо волновались, все побледнели. Я вышел к роте и приказал старым солдатам и добровольцам выйти из рядов. В зале осталось одно пополнение, человек сорок стрелков. Переходили к красным только из пополнения, из пленных красноармейцев.

— Кто из вас в заговоре? — спросил я в глухой тишине, медленно проходя вдоль выстроенных стрелков.

Все замерло. Молчание.

— Среди вас есть коммунисты, отвечайте.

Мой голос как-то заглох в тугой тишине. Я остановился, медленно оглядел солдатские лица — все глаза смотрят на меня с ужасом. Молчание.

— Лучше выходи сам, кто из вас хочет перебежать.

Ни звука, не шелухнутся. У одного стрелка слегка блеснули желтоватые белки, глаза как будто воровски убегают.

— Выходи сюда, вперед! — скомандовал я стрелку.

Бледный, он выступил из строя. Замер передо мной.

— Знаешь, кто еще хочет перебежать?

— Не могу знать.

— Пороть!

Стрелка увели.

— А вас, если не выдадите заговорщиков, расстреляю сейчас же каждого второго из пулеметов.

Они знали, что мои слова не пустая угроза, что как я сказал, так и сделаю. Но все стояли замертво, смиренно, с бледными лицами, и я никогда не забуду почти неприметного глухого волнения, не в движениях — никто не пошевелился, — а какой-то внутренней дрожи темных, округлившись глаз, обсохших ртов. Должен сказать, что внутренне я страдал, исполняя железный долг начальника. Внезапно в тяжелой тишине, когда я уже думал подать знак пулеметчикам, из строя послышался быстрый, как в лихорадке, голос:

— Выдавайте, чего тут, выдавайте, всем, что ли, из-за сволочей погибать!

Подойдя к заговорившему стрелку, я сильно ударил его рукой по плечу.

— Ты! Говори!

Стрелок содрогнулся, покачнулся.

— Говори! — крикнул я.

Солдат назвал двоих. Те выдали еще пятерых. Так была выдана вся коммунистическая семерка во главе с бывшим красным офицером. Все они под видом простых красноармейцев переходили к нам с заданием разложить дроздовцев изнутри. Они были из того пополнения, которое капитан Барабаш оставил у себя без проверки и чистки. Все семеро были арестованы, преданы военно-полевому суду и повешены.

А побег Барабаша, которого я любил, кому верил до самой глубины, признаюсь, стал для меня мучительным горем. «Барабаш, как же так, Барабаш предал нас, перекинулся к красным», — целыми днями думал я, и сердце болело, точно в нем открылась широкая рана. Через несколько дней в Васильевку пришла на смену нам 34-я дивизия. Потом Васильевку, уже в который раз, захватили красные, и нас двинули ее отбивать. Уже в который раз Васильевку мы отбили. Штаб полка разместился на старых квартирах, в доме мельничихи.

— У меня есть к вам дело, да не знаю, как и быть, — сказала она шепотом, озираясь в потемки.

— Какое дело?

— Да вот, письмо. Красные приказали, когда будете здесь, передать вам тайком.

Я с любопытством взял письмо. Со смешанным чувством горечи и странной жалости узнал я знакомый почерк. Письмо было от капитана Барабаша. Еще большую жалость — и жалость презрительную — почувствовал я, когда стал читать его письмо.

Капитан Барабаш писал, что за фронтом, под Советами, у него осталась невеста, что он больше не мог вынести разлуки с нею. Вместе с тем он уже давно потерял веру в нашу победу, в Белое дело и в белую Россию, которой никогда не будет. Он перешел к красным, и красные ничего ему не сделали, а дали командную должность. Он писал мне, что ему поручено предложить мне перейти на сторону Советов, что он, капитан Барабаш, готов дать любые гарантии не только в том, что жизнь моя будет сохранена, но и что я немедленно получу должность не ниже командира советского армейского корпуса. «Если Вам угодно будет ответить, — заканчивал письмо Барабаш, — то прошу Вас передать Ваше письмо хозяйке этого дома, так как Васильевка еще будет нами, надо думать, занята».

В ту же ночь я устроился за шатким столом и стал писать ответ. Если бы он был шкурником и потому перешел к большевикам, нам не о чем с ним было бы говорить. Но он отдал им сильную, свободную и честную душу. Зачем? Вот этого я не мог понять. Зачем он, верный дроздовец, променял все будущее русского народа, свободное, сильное, честное, на рабство коммунизма? Он-то зачем поддался временному затмению России советской чернью? Он ведь все это понимал, он хорошо понимал и знал, несчастный Барабаш, за что мы деремся против кошмарной советской тьмы со всеми потемками, — чтобы незапятнанным, чистым защитить для будущего образ России; ведь он сам четыре раза был с нами ранен в огне.

«Неужели Вам не стыдно тех жертв, — писал я ему, — какие отдала четвертая рота за наше правое дело? Пусть все ее мертвецы, верные солдаты России, напомнят Вам об этом. И подумайте сами, что сделал бы капитан Иванов, узнав о Вашей измене, если бы был жив. Капитан Иванов верил Вам так же, как я, как мы все».

Я писал ему еще, что позорны и жалки его ссылки на невесту, оставленную у большевиков. Это не оправдание, когда почти у всех нас замучены жены, невесты, матери, отцы, сестры, когда Россия затерзана. Я писал, что не верю в его счастье с невестой, и каким скотским будет это счастье, когда он будет знать, что добивают его боевых товарищей, что добивают Россию, а он добивать помогает. «Не оправдание и то, что Вы не верите в успех Белого дела, — писал я. — В успех не особенно верю и я, но лучше смерть, чем рабская жизнь в советской тьме, чем помощь советским палачам». В таком роде писал я это до-

вольно бессвязное письмо — что другое мог написать белый красным? Писал я с невыносимо тяжелой горечью. Не скрою и теперь, что я любил Барабаша. И странно сказать, что у меня и сегодня хранится его подарок; давно, еще в Крыму, остановившиеся его часы с золотой монограммой.

Когда белые оставили Васильевку, письмо, конечно, было взято, но ответа от Барабаша я не получил. Судьба перебежчика, командира четвертой роты капитана Барабаша, мне неизвестна. Говорили, что в Крыму он был у красных командиром пехотного полка. Вряд ли.

Вряд ли Барабаш увидел и невесту. Может быть, ее замучили в чека, так же как того московского кадета Головина, и та повешенная нами семерка именем покойницы и страдальцы заманила Барабаша. А может быть, я и ошибаюсь. Может быть, Барабаш нашел свою невесту, но он все равно должен был быть несчастен; предательство все равно должно было мучить его неотступно, когда он на самом себе изведal мертвящее советское рабство.

Побег настоящего дроздовца, доблестного офицера, был, может быть, одним из самых тяжелых ударов для Первого полка. Это был удар под сердце, по нашему духу, по нашей незапятнанной белой чистоте и правде, по святыне.

До новой зари

В октябре 1920 года мы стояли в Воскресенке. 9-я советская кавалерийская дивизия пошла у нас по тылам. Летчик, снизившийся у нас в дивизии, передал донесение, что красными уже занят город Орехов, далеко в нашем тылу. Тогда я повернул Дроздовскую дивизию на Орехов, но красных предупредили о нашем марше, и Орехов был ими оставлен.

Мы стали в Орехове. Там 7 октября был получен приказ оставить линию Александровска и отходить на линию Васильевка—Токмак. Тогда же мы узнали о сосредоточении всей Конной армии Буденного в Бориславле и Каховке, на Днепре. Из Орехова Дроздовская дивизия отошла в Фридрихсфельд, где стояли запасные батальоны. Перед нами Верхний Рогачик занимала Корниловская дивизия, в селе Михайловка были донцы.

Первый корпус сосредотачивался для удара по Буденному. К Дроздовской дивизии подтянулся конный корпус генерала Барбовича, прибыл штаб корпуса. По плану Главного командования Корниловская и Дроздовская дивизии с кавалерией Барбовича должны были обрушить-

ся на Буденного с севера. Марковской дивизии было дано задание подойти сменить Корниловскую и стать заслоном на берегу Днепра, чтобы корниловцы могли сомкнуться с нами в ударный таран.

Мы с нетерпением ждали марковцев: на Днепре все наши славные цветные дивизии, черная Марковская, красная Корниловская и белая Дроздовская, должны были сковаться в один стальной меч. Но Марковская дивизия почему-то задержалась. Большевики в это время переправились через Днепр у Знаменки и повели упорные атаки на корниловцев. Весь день корниловцы, застигнутые наступлением, одним полком отбивали все более ярые атаки. На другой день большевикам удалось переправиться подавляющими силами, в бою у Знаменки втянулась вся Корниловская дивизия.

Наши непоколебимые корниловцы одни приняли на свою грудь весь первый удар. Бой их у Знаменки стал тяжким кровопролитием. Советские полчища, то, чем они только и могли нас подавить, — число, — валы цепей, находящиеся друг на друга, двигались на корниловцев. Точно мгла всей советчины поднялась на них из-за Днепра. Они упорно отбиваются; атака за атакой, все жесточее; корниловцы уже истекают кровью. В терзающем огне, в неутихающих атаках корниловцы уже потеряли более двух третей бойцов. На другой день боя был ранен начальник Корниловской дивизии Скоблин. Тогда только подошла запоздавшая Марковская дивизия.

О смене корниловцев марковцами нечего было и думать. Уставшие от марша, еще не готовые к бою, марковцы с первого же мгновения вошли в огонь. Тяжкий напор большевиков усилился. Начала наступать вся Вторая конная армия. Марковцы оказались в самом аду. Они отбивались с отчаянием, но внезапность боя заставила их пошатнуться. В огне, видя свои отступающие цепи, застрелился доблестный начальник их дивизии генерал Третьяков. В огне Марковская дивизия стала содрогаться. В разгар атак туда примчался от нас на моей машине одноручный генерал Манштейн и принял временное командование над ними. Потрясенная Марковская дивизия с ужасающими потерями отбивалась от конных и пеших атак. Большевики двигались как мгла.

В Дроздовской дивизии все еще с ночи были готовы в бой. Люди, бледные от нетерпения и тревоги, кусали губы и почти каждую минуту спрашивали, когда же нас двинут на помощь. Я не отходил от телефонного аппарата. Сначала я настойчиво просил, потом требовал, потом умолял, чтобы мне разрешили двинуть мою свежую дивизию на помощь корниловцам и марковцам. Наконец, я просто бранился со злобой. Все напрасно. Мне было отказано. Вечером, когда совсем потемнело, над нами загудел аэроплан. Зарывшись в темноте носом в землю, снизился

наш летчик. Не знаю, как он не разбился, как летел впотьмах. Из воющего гула боя, из тьмы, озаряемой пушечным огнем, смельчака вынес сам Бог. Летчик прилетел с донесением, что вся Конная армия Буденного перешла Днепр и от Каховки идет по нашим тылам на восток, к Салькову и Геническу.

Вот почему мне не позволили бросить дивизию на помощь нашим истерзанным частям. В штабе уже знали, что Буденный прорвался в тылы. Прорыв 1-й Конной смутил штаб, поразил наше командование, там поколебались. А надо было позволить прорвавшемуся Буденному идти по тылам на восток, а всему 1-му корпусу и донцам броситься к Днепру на подмогу корниловцам. Нам надо было именно здесь зажать кровоточащую рану, сменить разбитую корниловскую грудь, принявшую весь удар, свежей дроздовской грудью. Порыв большевистских атак мог быть разгромлен нашим порывом. Мы отшвырнули бы их за Днепр и, развязав себе руки на севере, могли бы броситься на конницу Буденного. Тогда это было бы не наше отступление, а маневр, и коннице Буденного пришлось бы туго.

Но штаб, пораженный прорывом Буденного в тыл, заколебался, к тому же запоздали марковцы; на Днепре, вместо одного удара одним мечом, мы стали наносить удары растопыренными пальцами. Наш таран, разрозненно отбиваясь, потерял силу. За два дня боя у Знаменки корниловцы понесли такие страшные потери, что состав Корниловской дивизии уже не превышал восьмисот штыков. Грудь всей Белой армии была на Днепре разбита. По приказу командования Первый корпус стал отходить на юг. Это был уже не маневр — это отступление и неизвестное. Как будто бы что-то содрогнулось во всех нас. Белая армия была потрясена. Мы отступали, а за нами зияла тяжкая рана, широкая полоса корниловской и марковской крови.

На правом фланге отходила Дроздовская дивизия, ей была придана Терско-Астраханская бригада, левее конный корпус генерала Барбовича. В арьергарде шли все те же корниловцы, остатки доблестной дивизии. Марковская дивизия, атакованная со всех сторон Второй конной, стойко отбивая конные атаки, пыталась пробиться к нам, но не пробилась и двинулась одна на Геническ.

Вскоре, оторвавшись от противника, мы большими маршами торопились на юг. Командование дало нам боевое задание атаковать Буденного. Ночью завыл и степи лютый зимний ветер, спутник всех удач большевиков, ярая пурга. В первый же день отхода моя дивизия связалась с конным корпусом Барбовича. У села Агайман нам перерезали дорогу передовые части Первой конной. Мы мгновенно вышибли их из Агаймана, там и заночевали.

Ночью выступили снова. От ледяного ветра коченели люди и кони. В стужу все шли пешими, так как на тачанках замерзали. В степи вертела и визжала пурга. Все застыли в подбитых ветром и дымом шинеленках. С рассвета по фланг Дроздовской дивизии, справа, слева, стали наступать передовые конные части буденновцев. Позже с конницей смешалась пехота. Советские лавы и цепи низко курились в степи, как пурга. Мы сомкнулись и, отбрасывая противника огнем, шли на село Отрада.

В степи, верст за пять до Отрады, перед фронтом дивизии снова замаячили густые лавы Буденного. Наши 1-й и 2-й стрелковые полки развернулись в цепи, вперед двинулся лавами Второй конный полк. Полки охватило молниями залпов. Конницу Буденного как бы сдунуло огнем. Дроздовская дивизия двинулась дальше на Отраду. Перед селом опять накопились буденновцы, тронулись и конную атаку. Огонь погнал их, Второй конный поскакал на отступающие лавы; с разгона атаки полк, с командиром, полковником Карабовым, впереди, ворвался в Отраду и, сбивая там красных всадников, вынесся за село в темное поле.

А в поле, охваченная тусклым паром, стоит в тесных колоннах, как зловещее видение, вся кавалерия Буденного. Второй конный нарвался на ее громады и принял бой. Удалым порывом наши кавалеристы атаковали в самой гуще буденновцев хор трубачей. Весь хор конных трубачей армии Буденного был захвачен. Всадников с серебряными трубами, обвитыми обмерзшими красными лентами, быстро погнали в тыл. В разгаре боя наши всадники наскочили на серую машину. Уже темнело, в сумерках машина показалась броневиком, кавалеристы только обстреляли ее и свернули в переулки. А в машине, как мы узнали позже, был сам Буденный; мотор от мороза застрял, и подлети наши всадники ближе, Отрада для пышноусого вахмистра была бы концом его карьеры.

Приходится снова повторить, что если бы мы ударили у Знаменки всем кулаком и повернули бы потом на Буденного, то мы разгромили бы его хваленую конницу так же, как уже разгромили однажды конный корпус Жлобы или конные орды Сорокина (возможно, что тогда Крым не окончился бы Перекопом). В Отраде одним только нашим Вторым конным полком, к которому подоспели и стрелковые полки, мы захватили его трубачей, и сам усач едва благополучно не угодил в плен к золотопогонникам.

Отрада была взята. Часа три подтягивались в село Дроздовская дивизия и наш арьергард, остатки корниловцев. Сторожевые охранения занял Первый полк. Ночь стояла туманная, безветренная. Мороз усилился. Я хорошо помню эту студеную ночь потому, что у меня начался новый приступ возвратного тифа. Весь день в бою меня трясла нестерпимая лихорадка, ночью начался жар — хорошо знакомый этап тифозной горячки.

Помню серое утро в тусклом инее, когда снова поднялась кругом воющая человеческая метель: на нас двинулась в атаку вся 1-я Конная армия, чтобы прикончить, добить нас в Отраде. Аdjутант удивился моему бледному лицу и пожелтевшим глазам, голова звенела, точно плыла от жара. Я приказал подать коня и с конвоем поскакал к Первому полку. Вдалеке гудели лавы Буденного. С холмов у Отрады открылось громадное и зловещее зрелище: насколько хватало глаз, до края неба, в косых столбах морозного дыма, тусклое поле шевелилось живьем от конницы, было залито колыхающимися волнами коней и серых всадников. На нас медленно двигалась вся конная армия Буденного. Впереди, выблискивая оружием, лавы с темными флажками, там и здесь трепещущими в рядах; за ними смутно наплывали, зыблясь в морозном паре, тесные колонны коней.

Я решил не открывать огня до последней возможности и подпустить в полном молчании конные громады как можно ближе. Я знал, что наше молчание в огне действует наиболее грозно. Отрада, побелевшая, тихая, ждала, как бы вымершая или покинутая. Мы все молча слушали тяжкий, точно подземный гул громадного конского движения. Я отправился по окраине села осматривать полки. На южной окраине, на погребенном под снегом кладбище, стояла маленькая цепочка нашей заставы от 2-го стрелкового полка. Я приказал спешно выслать на кладбище эту нашу тыловую позицию, целый батальон и вернулся к Первому полку.

Вся конница Буденного была в движении. Серые лавы сначала шли шагом, точно осматриваясь, нащупывая, потом перешли в рысь. Заколыхалось темное поле и темное небо в вихрях морозной мглы. Но молчала белая Отрада. Такого громадного конского движения мы еще не видели никогда. Нестерпимо, выше человеческих сил, было стоять с ружьем у ноги, не нагибаться к пушке, глядя в самое лицо скачущей смерти.

Первые волны всадников, подгоняемые другими, как будто стали топтаться. Их поразило молчание Отрады. Мы подпустили их еще ближе, еще, и тогда, наконец, я подал команду «Огонь!». Дроздовская артиллерийская бригада, Первый и Третий полки встретили атаку беглым огнем. Красная конница не выдержала и почти мгновенно, с огромными потерями, начала отходить. Так было на северной окраине Отрады. А с южной нас в это время обходила особая кавалерийская бригада красных, под командой товарища Кулакова. На кладбище красная бригада натолкнулась на батальон Второго полка. Огонь батальона отбросил бригаду, она отошла с потерями. Если бы на кладбище осталась только цепочка нашей заставы, то конница Колпакова ворвалась бы в Отраду с тыла и с окруженными дроздовцами могло бы быть все кончено.

Среди груды тел в долгополых серых шинелях, в суконных шлемах с красными звездами был найден у кладбища и товарищ Колпаков. Его изрешетило пулеметами. На груди бляха ордена Красного Знамени, а в подобранных бумагах благодарственный приказ Реввоенсовета за переброску армии Буденного по железным дорогам с Польского на Южный фронт. Колпаков был диктатором переброски, и Реввоенсовет пожаловал его золотыми часами и саблей.

Мы отбились от Буденного с севера и с юга, но на западе, на хуторе под Отрадой, Четвертый полк, только что сформированный из запасного батальона, дрогнул под упорным натиском и оставил хутор. Я прискакал туда совершенно больной, в жару все не мог понять, звенит ли у меня в голове или звенит канонада. Я приказал Второму конному и отступившему 4-му стрелковому выбить красных из хутора.

Второй конный — слава Дроздовской дивизии, можно сказать, крылья наших атак — с дружным воплем сотен молодых грудей, со светлой удалью поскакал на красных левее хутора. Четвертый полк тоже оправился, поднялся в атаку. Красные не выдержали. Хутор остался за нами. Так в Отраде дроздовцы отбились от всей конницы Буденного, отшвырнули ее с юга, с запада и с севера.

На рассвете Дроздовская дивизия выступила на Сальково, через Рождественскую, где ночевали конный корпус и Корниловская дивизия. Едва мы выступили из Рождественской, как с севера и запада снова поднялась на нас конница Буденного. Наша колонна была чудовищно громадной. В темноте двигались обозы корниловцев, дроздовцев, конного корпуса, штаба 1-го корпуса. На дороге начался затор. Под огнем красных, обстреливавших нас сзади и справа, я приказал подводам выстроиться по восьми в ряд. Мы шли по степи. Широкая степная дорога, крепко промерзшая, поселяла такое построение. Колонна, отбиваясь от огня, отступала фалангой.

Верстах в восьми от Салькова дроздовцы остановились на отдых. Корниловцы и конный корпус пошли дальше. Дроздовцы стояли на отдыхе часов пять. Когда мы тронулись, на наш арьергард, на Первый полк, налетела конница. Первый полк отбил атаку, и к сумеркам Дроздовская дивизия подошла к станции Сальково. Там еще был штаб 2-й армии и 3-я Донская дивизия со славным Гундоровским полком. Все стояли впотьмах, в открытой степи, без топлива, без горячего. Бойцы начали страдать от крепкого мороза. Раненых и больных, замерзавших на стуже и ветре, отправили из Салькова в тыл. Дроздовцы получили задачу защищать станцию до десяти часов вечера, а позже отходить на станцию Таганаш.

Перед Сальковым были неглубокие, наспех вырытые окопы с проводочными заграждениями. Окопы заняли Второй и Третий полки, а Вто-

рой конный с Первым и Четвертым полками стали в резерв. На Чонгарских позициях, в тылу Салькова, тоже в окопы, вошли части 3-й Донской дивизии. До самой темноты все подходили и подходили мелкими отрядами и в одиночку полузамерзшие измученные люди. Потом печальный поток иссяк. Замерзла и умолкла перед нами темная степь.

Только часов в восемь вечера показались части большевистской пехоты. Им удалось выбить из окопов батальон Второго полка. Резервы полка двинулись в контратаку. Стужа, темень, усталость, все более нестерпимая тревога у всех, чувство, что творится непоправимое, последнее, было у нас в этом бою. Бой в потемках смешал нас с большевиками. Мы отбили окопы, но наши бронепоезда, не разобрав, где белые, где красные, открыли жестокий пулеметный и пушечный огонь по многострадальному Второму полку. От огня своих полк понес тяжелые потери.

Время было к полуночи, за одиннадцать. Дроздовская дивизия, отбивая повторные атаки, снялась под огнем и медленно стала отходить в Крым. 3-я Донская осталась в арьергарде. Мы двинулись вдоль железной дороги. Голая степь, ни села, ни жилья, лютый ветер. Всю ночь мы шли без огня и без отдыха. На рассвете дивизия подошла к последней станции перед Чонгарским мостом. Там я приказал конвою разжечь из шпал большие костры. В потемках на смутные столбы огня подходили наши батальоны. Люди, сивые от изморози, с лицами, обмотанными платками или рубашками, останавливались у огня и молча грелись. До пятидесяти громадных костров из шпал было разожжено в степи. Это было грозное зрелище. Оно напоминало отступление Великой армии от Москвы. И те же чувства были у нас, последние человеческие чувства: страдание от стужи, голод, тоска по теплу.

Утром подтянувшаяся дивизия двинулась дальше. Черные столбы дыма, как догоравшие жертвенные костры тризны, долго маячили за нами. Мы прошли Чонгарский мост, где стояли часовые немецкого батальона из колонистов, и остановились на станции Таганаш. В общем, мы без пищи и без огня шли целых сорок восемь часов.

Я послал в арьергард мой конвой с приказанием арестовывать тех, кто остается умышленно. Позже один из офицеров конвоя, дымный от мороза, явился ко мне на станцию Таганаш с докладом. В арьергарде конвоем было подобрано только двое отсталых: один стрелок с разбитыми ногами и другой, в горячке, в бреду, у дороги. Ни одного перебежчика, ни одного умышленно отставшего не оказалось. Все шли за нами, не зная куда, может быть, на последнее избиение, но никто не переходил в ту человеческую метель, которая кипела за нами по всей степи.

На станции Таганаш мы вынуждены были взять силой интендантский склад, забитый продуктами. Начальник склада отказался выдать продук-

ты по требовательной ведомости дивизионного интенданта, подписанной мною, он требовал еще и резолюцию корпусного интенданта. Чиновничью китайскую церемонию мы прекратили тотчас же, выставив начальника склада из его крысиных сараев.

На Таганаше дивизия подкрепилась и отдохнула. С утра мы должны были занять позицию Чонгарский мост — Восточная, но к ночи получили приказ немедленно выступить всей дивизией на Перекоп. В темноте, часов в восемь вечера, дивизия тронулась. Был сильный мороз. Мы шли голой степью, точно в обледеневшей пустыне. Крутила колючая крупа, ветер терзал немилосердно. Мы двигались по гололедице и не могли разжечь костров из мерзлого бурьяна. На другой день после ночного перехода дивизия стала сосредотачиваться в селе Юшунь. Теперь, за эти сорок верст, у нас были толпы отсталых. Отход и отчаяние выматывали людей. До самых потемок, весь день, подходили отбившиеся от своих частей люди и некормленные, брошенные кони.

После ночлега в Юшунь, в холодное темное утро Дроздовская дивизия выступила на Перекоп. Первый полк немедленно сменил на Перекопском валу части 2-го корпуса. Второй, Третий и Четвертый полки стали в Армянске. Мы стояли день, ночь, но противник не подходил. Стало заниматься утро, и тогда, в потемках рассвета, выблеснули первые пушечные огни. Большевики подошли к Перекопу. Они начали с ураганного артиллерийского огня. За ночь они подтянули десятки своих батарей.

Часов в десять утра мы узнали, что кубанские части генерала Фостикова не выдержали натиска и спешно оставили Чувашский полуостров. Дроздовской дивизии приказано было восстановить боевой фронт. Тогда, на правом и на левом флангах, поднялись в атаку Второй и Третий полки. Бой сотрясая на месте до темноты. Наши полки то откатывались перед тяжелыми валами большевиков, то снова переходили в контратаки. Потери огромные. Огонь и волны красных атак пробивали в нас страшные бреши. Это был не бой, а жертва крови против неизмеримо превышавших нас сил противника.

Нас точно затопляла серая мгла. Ломило советское Число. Третий полк потерял весь командный состав. Смертельно раненного командира полка, полковника Владимира Степановича Дрона, я вывез из огня на моей машине. Третий полк потерял всех батальонных и ротных командиров. В самом огне временно командующим полком я назначил своего адъютанта, капитана Елецкого. Темнота. Мы отбиваемся. Громит и терзает огонь, не ослабевают упорные красные атаки. Батальон Второго полка, под командой капитана Потапова, в десятый раз переходит в контратаку. В батальоне на ногах, не израненных, не больше трети бойцов.

Капитан Потапов в потемках повел солдат в одиннадцатую атаку. Когда он шел перед остатками батальона, к нему подбежали два стрелка, один из них унтер-офицер. Под убийственным огнем, винтовка у ноги, они стали просить капитана Потапова не ходить с ними в атаку. Потапов не понял, крикнул сквозь гул огня: «Что же вы, одни, что ли, братцы, пойдете?» — и повел остатки батальона на пулеметы. Через мгновение капитан Потапов был тяжело ранен в живот. Несколько стрелков вынесли его из огня на окровавленной шинели, бережно положили на землю и побежали к своим. Батальон шел теперь на красных без офицеров. Одни солдаты, все из пленных красноармейцев, теснились толпой в огонь. Мне казалось, что это бред моей тифозной горячки, как идет в огне без цепей наш второй батальон, как наши стрелки поднимают руки, как вбивают в землю штыками винтовки, как в воздухе качаются приклады. Второй батальон сошелся с красными вплотную. Наш батальон сдался.

Никогда, ни в одном бою у нас не было сдачи скопом. Это был конец. Люди отчаялись, поняли, что наша карта бита, потеряли веру в победу, в себя. Началось все это у Знаменки, когда рухнула в кровопролитном бою не поддержанная вовремя Корниловская дивизия, и закончилось на Перекопе, когда, не веря больше ни во что, вынесся из огня своего белого офицера, сдался в последней, одиннадцатой атаке истекающий кровью Дроздовский батальон.

Я видел винтовки, воткнутые в землю, и не мог дать приказа открыть по сдающимся огонь. Только смутный гул доносился до нас; как онемевшая, молчала наша артиллерия. Точно слушали мы смертельный гул нашего конца. У красных поднялся жадный вопль, беспощадный рев победы, все у них поднялось нас добивать. Мы смели ураганным огнем ревущую атаку, отхлестнули громадную человеческую волну, ударивший девятый вал. Кавалерия красных, заметив, что их пехота наступает, стала переправляться по замерзшим болотам Сиваша. Наш огонь ее разметал.

Как сквозь темный дым бреда вижу я последний бой: к концу дня я едва стоял на ногах от тифа, и ночью, когда мы стали отходить, меня без сознания увезли в дивизионный лазарет. Командование принял генерал Харжевский. Ночью дивизия отошла от Перекопа. Последний бой дивизии был лебединой песней — предсмертным криком — доблестного Первого полка.

Все кончалось. Мы уже отступали толпами — уже текли в Крым Советы. И тогда-то, на нашем последнем рассвете, Первый полк перешел в контратаку. В последний раз, как молния, врезались дроздовцы в груды большевиков. Страшно рассекли их. Белый лебедь с отчаянной силой бил крыльями перед смертью. Контратака была так стремитель-

на, что противник, уже чужавший наш разгром, знавший о своей победе, — а такой противник непобедим, — под ударом дроздовской молнии приостановился, закачался и вдруг покатился назад. Старый страх, непобежденный страх перед дроздовцами охватил их.

Цепи красных, сшибаясь, накатывая друг на друга, отхлынули под нашей атакой, когда мы, белогвардейцы, в нашем последнем бою, как и в первом, винтовки на ремне, с погасшими папиросами в зубах, молча шли во весь рост на пулеметы. Дроздовский полк в последней атаке под Перекопом опрокинул красных, взял до полутора тысяч пленных. Только корниловцы, бывшие на левом фланге атакующего полка, могли помочь ему. На фронте, кроме жестоко потрепанной бригады Кубанской дивизии, не было конницы, чтобы поддержать атаку. В тыл первому полку ворвался броневик, за ним пехота. Под перекрестным огнем, расстреливаемый со всех сторон, 1-й Дроздовский полк должен был отойти.

Полк нес из огня своих раненых. Около семисот убитых и раненых было вынесено из огня. Ранен командир, генерал Чесноков, убит начальник команды пеших разведчиков капитан Ковалев, переранены почти все офицеры и стрелки. В тот же день был получен приказ об общей эвакуации, и Дроздовская дивизия, страшно поредевшая, но твердая, двинулась в Севастополь.

Конец. Это был конец не только белых. Это был конец России. Белые были отбором российской нации и стали жертвой за Россию. Борьба окончилась нашим распятием. «Господи, Господи, за что Ты оставил меня?» — может быть, молилась тогда с нами в смертной тьме вся распятая Россия.

Брошенные кони, бредущие табунами; брошенные пушки, перевернутые автомобили, костры; железнодорожное полотно, забитое на десятки верст вереницами вагонов; разбитые интендантские склады, или взрывы бронепоездов, или беглецы, уходящие с нами; измерзшие дети, обезумевшие женщины, пожары мельниц в Севастополе, или офицер, стрелявшийся на нашем транспорте «Херсон»; или как наши раненые, волоча куски сползших бинтов, набрякших от крови, ползли к нам по канатам на транспорт, пробирались на костылях в толчее подвод; или как сотни наших дроздов, не дождавшись транспорта, повернулись, срывая погоны, из Севастопольской бухты в горы — зрелище эвакуации, зрелище конца мира, Страшного суда. «Господи, Господи, за что Ты оставил меня?» Россия погрузилась во тьму смерти...

«Херсон» уже стоял на внешнем рейде. Я лежал в в углу каюты, забитой нашими офицерами, когда ко мне ввели моего шофера. Генерал Врангель особым приказом разрешил, как известно, всем желающим оставаться в Крыму. Шофер решил остаться. Но мучило его нестерпимо, что он

не попросил моего на то позволения, и вот на шлюпке, уже в темноте, он пристал к «Херсону». Я сказал ему, что он может остаться, если не боится, что его расстреляют.

— Меня не расстреляют.

— Почему?

Он помолчал, потом наклонился ко мне и прошептал, что он сам из большевиков, матрос-механик, и возил в советской армии военных комиссаров.

— Не расстреляют, когда я сам большевик.

Это признание как-то не удивило меня: чему удивиться, когда все сдвинулось, смешалось в России. Не удивило, что мой верный шофер, смелый, суровый, выносивший меня не раз из отчаянного огня, оказался матросом и большевиком и что большевик просит теперь у меня, белогвардейца, разрешения остаться у красных. Я заметил на его суровом лице трудные слезы.

— Чего же ты, полно, — сказал я, — оставайся, когда не расстреляют. А за верную службу, кто бы ты ни был, спасибо. За солдатскую верность спасибо. И не поминай, нас, белогвардейцев, лихом...

Шофер заплакал без стеснения, утирая крепкой рукой лицо.

— Ну и дивизия, вот дивизия, — бормотал он с восхищением. — Сейчас выгружайтесь, опять с вами куда хотите пойдут...

Моего большевика беспрепятственно спустили с «Херсона» по канату в шлюпку.

На другое утро генерал Врангель на катере объезжал транспорты. Дрозды, отдохнувшие за ночь пусть в дикой тесноте, да не в обиде, кричали Главнокомандующему от всей души и во всю молодую глотку «Ура!». Это было 2 ноября 1920 года.

А когда мы пришли в Галлиполи, полковник Колтышев²²⁷, чтобы что-нибудь поесть, «загнал» свои часы — это был первый «загон» в изгнании, — а я, для примера, пусть в горячке, лег на шинель в мокрый снег, потому что мы стали в Галлиполи под открытым небом, на снегу, в голом поле. Так началось железное Галлиполи. Не оно нас, а мы, скованные в одно жертвой и причастием огня и крови двухлетних наших боев, создали Галлиполи. Наше изгнание началось.

И вот теперь, когда бывшие так давно и в то же время, кажется, так недавно, как будто бы еще вчера, встают передо мною картины минувших тяжелых боев и образы наших павших соратников, я невольно задаю себе вопрос: нужна ли была наша белая борьба, не бесплодны ли были все наши жертвы?

Подобный вопрос уже возникал в самом начале борьбы. Когда Добровольческая армия уходила в первый, Ледяной, поход, вопрос этот был

поставлен вождю и основоположнику Белого движения генералу Алексееву. Он ответил на него примерно так: «Куда мы идем — не знаю. Вернемся ли — тоже не знаю. Но мы должны зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьму».

Другой руководитель Белого движения, недавно умерший в Америке генерал Деникин, писал: «Если бы в этот момент величайшего развала не нашлось людей, готовых пойти на смерть ради поруганной родины, — это был бы не народ, а навоз, годный лишь для удобрения полей западного континента. К счастью, мы принадлежим хоть и к умученному, но великому русскому народу».

В то время все мы так верили нашим инстинктом и всем нашим сердцем. Мы верили в то, что рано или поздно русский народ станет на борьбу с большевизмом. Тогда мы могли в это только верить — ныне мы это твердо знаем. Сама жизнь дала нам ответ на этот вопрос.

С того момента, как мы вынуждены были оставить русскую землю, сотни тысяч новых бойцов не переставали восставать против большевизма. Одни, как и мы, — с оружием в руках: революционные кронштадтцы, крестьяне-антоновцы, заговорщики с Тухачевским, другие — пассивным сопротивлением и саботажем против ненавистной советской власти. Минувшая война вызвала новое большое освободительное движение, готовившееся с оружием в руках выступить за освобождение России. Обстоятельства были против него.

История коммунизма есть история его борьбы не на жизнь, а на смерть со всем подъяремным русским народом. И жизнь свидетельствует, что непрерывно растут и будут расти ряды все новых бойцов против коммунизма, как ни свирепствует полицейский аппарат СССР. Им, этим грядущим белым бойцам, и посвящена моя книга. В образах их предшественников, павших белых солдат, души которых продолжают жить в их душах, да почерпнут они тот порыв и ту жертвенность, что помогут им довести до конца дело борьбы за освобождение России.

*В. Орлов*²²⁸

ПОСЛЕДНИЕ БОИ ДРОЗДОВЦЕВ²²⁹

Сосредоточив в десятых числах октября на Крымском фронте против Русской Армии, по своей численности в то время едва доходившей до тридцати тысяч штыков и сабель, пять советских армий (1-я Конная Буденного, 2-я Конная Миронова, 4-я — Лазаревича, 6-я — Корка, 13-я — Уборевича, в составе 13 стрелковых дивизий, 2 отдельных стрелковых

бригад, 10 кавдивизий и 2 отдельных кавбригад, общей численностью в 103 500 штыков, 33 700 шашек при 527 орудиях, 2660 пулеметах, 17 бронепоездах, 31 бронемашине, 29 аэропланах и 6 аэростатах), командование Южного фронта ставит им задачу перейти в общее наступление, «во что бы то ни стало не допустить отхода белых в Крым и согласованным концентрическим ударом уничтожить их главные силы, группирующиеся к северу и северо-востоку от перешейков, отрезать им пути отхода и стремиться на плечах отступивших овладеть перешейками». В частности, 1-й конной армии (14 000 сабель, 2600 штыков) было приказано закончить в ночь с 14-го на 15 октября переправу через Днепр у Каховки и стремительным маршем 16 октября выйти на фронт Аскания-Нова—Громовка, отрезать белых от перешейков и решительным наступлением с юга на Агайман—Серагозы (в районе Торгаевка—Серагозы сосредоточивалась ударная группа генерала Кутепова), «совместно с 4-й и 2-й конной советскими армиями окружить и уничтожить главные силы белых, имея в виду в случае необходимости ударом на Чаплинку оказать содействие коннице 6-й армии в разгроме тыла белых». Особо выделенным боковым отрядом было приказано перехватить железную дорогу в районе станции Ново-Алексеевка.

15 октября 1-я и 2-я конные и 6-я советские армии уже имели на левом берегу Днепра почти все свои части и, развивая 16 октября, согласно директиве, наступление, почти повсюду за исключением 1-й конной армии, глубоко проникшей в наш тыл, находились в тесном соприкосновении с отходящими под их натиском нашими частями. К вечеру главные силы 6-й советской армии, оттеснив 2-й корпус генерала Витковского, подходили уже к району Перекопа. 1-я конная армия вышла в район Аскания-Нова—Громовка, ее левофланговые дивизии были в районе Агайман—Ново-Успенская в десяти—пятнадцати километрах от ударной группы генерала Кутепова. 2-я конная армия вела бои в районе Верхний Рогачик—Белозерка. 6-я советская армия продвигалась к станции Федоровка. 13-я советская армия главными силами выходила на фронт Федоровка—Мелитополь.

Считая маневр удавшимся, красное командование ход действий намеченной операции оценило положительно и, ошибочно полагая, что «разгром главных сил Врангеля вполне определился», подтвердило всем армиям прежние задачи, а 1-й конной приказало ударить вместо Серагоз на Сальково, т. е. вместо севера на юго-восток и восток. Этим предполагалось окончательно отрезать возможность отхода наших частей в Крым через остававшийся единственно свободным путь по узкому Чонгарскому перешейку. С утра 17 октября 1-я конная армия своими правофланговыми частями — 4-й, 14-й кавдивизиями и особой кавбригадой — дви-

нулась дальше на восток; к вечеру 4-я кавдивизия захватила район станции Ново-Алексеевка, Сальково и Геническ и перерезала сообщение с Крымом. 14-я кавдивизия сосредоточилась в селе Рождественском, а особая кавбригада со штабом армии в селе Отрада, в 8 верстах западнее.

Между тем ударная группа генерала Кутепова не сталкивалась еще до этого дня с красными и, имея уже на путях сообщения со своими базами конницу противника, только приступала с утра 17 октября к выполнению намеченного Главкомандующим плана. Не приходится поэтому удивляться, если последующие события для красных сложились в достаточной мере неожиданно, ибо с утра 17 октября на левом фланге армии Буденного создалось положение, которое предопределило дальнейший исход операций, по словам советских исследователей, закончившихся «неуспехом» конармии и ее «тактическим поражением». Один из них указывает даже, что в этот день «обстановка настолько уже изменилась, что едва ли было возможно из того положения, в котором конармия оказалась после своего перехода, что-нибудь предпринять, чтобы избежать катастрофы».

Выдвинутые из резерва Главкомандующего Конный корпус генерала Барбовича, Дроздовская дивизия, составлявшая остов боевого фронта ударной группы генерала Кутепова, и Терско-Астраханская конная бригада ввязывались с этого дня в бой с главными силами красных.

В 23 часа 16 октября Дроздовская дивизия и Терско-Астраханская бригада выступили двумя колоннами из Рубановки, где они согласно приказу сосредоточились после полудня, и двинулись на юг — на Вознесенку, с целью атаковать ее одновременно с северо-запада и востока. Вознесенку занимали 3-й Латышский стрелковый полк и части 6-й кавдивизии т. Городовикова, составлявшие заслон 1-й Конной армии Буденного. Мороз доходил до 14 градусов Реомюра, и недостаточно обмундированные войска страдали от холода. Во время минутных остановок на ночном марше по колоннам зажигались костры из сухой полевой травы, несмотря на запрещение это делать, чтобы не обнаруживать движения.

Перед нашим выдвиганием из Рубановки последняя была атакована с севера пешими красными частями, приданными 2-й конной армии, но 2-м батальоном 2-го Дроздовского полка атака была отбита. На рассвете 17 октября колонны подошли к Вознесенке, выбить красных из которой было приказано батальонам 1-го и 3-го Дроздовских полков. Атака была столь стремительна, что под конец боя, продолжавшегося менее 2 часов, части 3-го полка обстреляли цепи 1-го, уже ворвавшегося в село. Красная конница и пехота были отброшены и в беспорядке отскочили на запад.

После трехчасового отдыха движение возобновилось снова двумя колоннами на Агайман, занятый 11-й кавдивизией 1-й Конной армии. Крас-

ные вели все время параллельное преследование, причем все их попытки к более энергичной атаке дроздовцев во время движения пресекались в корне интенсивным огнем, даже без развертывания шедших в колонне частей. В сумерках в районе Ново-Репьевки недалеко от Агаймана красные перерезали было колонне путь и одновременно атаковали ее справа и сзади, но сосредоточенным огнем были рассеяны впереди, сброшены с нашего пути и отброшены справа и у хвоста колонны. В 19 часов в Агаймани, занятом незадолго перед тем Конным корпусом генерала Барбовича после горячего боя с красной конницей, соединилась вся ударная группа генерала Кутепова. 6-я и 11-я кавдивизии армии Буденного вместе с приданными ей пехотными частями, по советским свидетельствам, были отброшены в этот день «в беспорядке частью на запад, частью на юг». Связь со штабом армии у этих красных дивизий была утеряна.

Утром 18 октября ударная группа двинулась из Агаймана на Рождественское—Отрада, имея Дроздовскую дивизию в левой восточной колонне. Мороз ночью достигал 20 градусов по Реомюру. Люди кутались во все, что попадалось под руку, некоторые набивали под рубаху солому. Почти с момента начала движения во фланг Дроздовской дивизии стали наступать конные части Буденного. Несколько позже на помощь красной коннице подтянулась и внушительная численно пехота. Лавы и цепи противника неотступно двигались по пятам и висели на фланге колонны, все время наседая на нее.

Около 16 часов шедший в голове 2-й полк генерала Харжевского вступил в бой у Отрады с особой кавалерийской бригадой, занимавшей село вместе с полевым штабом 1-й Конной армии, при которой находились Буденный и Ворошилов. 2-й конный Дроздовский полк полковника Хабалова почти сразу же ворвался в село через его восточную окраину. Не больше чем через полчаса красная конница вместе со штабом конной армии в полном беспорядке скакала по ложине из Отрады на Ново-Троицкое под исключительным по интенсивности огнем, который удалось сосредоточить и развить Дроздовской артиллерии. Наши пешие части, стараясь бегом выскочить наперерез красной коннице, покрывали ее ружейными залпами. В Отраде Дроздовский конный полк захватил полностью хор конных трубачей армии Буденного вместе с перевитыми красными лентами серебряными трубами и одного из чинов штаба. Этот бой едва не закончил карьеру нынешних красных маршалов. По нескольким советским описаниям устанавливается, что т. Буденному пришлось скакать «по задворкам села», а Ворошилова спасла бурка, в которой «запуталась пика белого кавалериста».

Почти одновременно с нашей атакой Отрады разыгрался бой и у шедшего в арьергарде дивизии 1-го Дроздовского полка, который был атако-

ван со стороны села Рождественского 14-й кавдивизией армии Буденного. Присутствовавший при отражении этой атаки генерал Кутепов сказал командиру полка генералу Чеснокову, что «никогда не видел раньше, чтобы пехота встречала кавалерийскую атаку с песнями и так спокойно, как на маневрах».

Уже в темноте вся ударная группа снова собралась в Отраде, мест для размещения в которой для подошедших частей не хватало. К наступлению ночи противники располагались: в селе Ново-Троицком и его районе — штаб конной армии и почти все ее части вместе с 4-й кавдивизией, выбитой из района Ново-Алексеевка—Сальниково—Геническ частями 2-й армии генерала Абрамова (3-й Донской дивизией генерала Гусельщикова, которой был придан 1-й взвод 3-й Дроздовской батареи, частями 7-й пехотной дивизии III корпуса генерала Скалона и Кубанским пластунским батальоном), в 8 верстах восточнее в селе Отрада ударная группа генерала Кутепова; в 7—8 верстах еще восточнее по той же линии в селе Рождественском 14-я кавдивизия красных. Таким образом, части конармии оказывались разделенными нашей ударной группой. Пока командование 14-й кавдивизии, учитывая опасность для нее ночевки в Рождественском, обдумывало план соединения дивизии с остальными частями конармии, корниловцы по приказу генерала Кутепова ночью атаковали село и выбили оттуда красных, после чего конный корпус вместе с Корниловской дивизией заночевал в Рождественском. В результате боев 17 и 18 октября главные силы конной армии Буденного, долженствовавшие разбить нашу ударную группу и закрыть возможность отхода почти всех сил Русской Армии в Крым, были сброшены с пути движения группы генерала Кутепова, причем управление красной конницей нередко нарушалось, а некоторые ее части были при этом весьма сильно потрепаны. Так 1-я бригада 11-й и 3-я бригада 6-й кавдивизии утратили связь со штабом армии вечером 17-го при беспорядочном отходе и оказались ночью в Ново-Троицком, т. е. в 30 верстах южнее места боя. 2-я и 3-я бригады 14-й кавдивизии, потеряв связь со штадивом вечером 18 октября, попали в Ново-Троицкое лишь 19 октября, а 1-я бригада той же дивизии соединилась с ними только 20-го.

Говоря о примерах массирования артиллерийского огня в период Гражданской войны и удачного его использования, советский военный исследователь В. Триандафилов приводит действия ударной группы генерала Кутепова при ее движении к перешейкам из Агаймана, когда, по его словам, «была использована вся мощь наличной артиллерии», и указывает, что «огневая линия, которую удалось создать белым при этом отступлении, оказалась для красной конницы непреодолимой». По словам того же автора, к концу дня 18 октября белые уже «расчистили

себе дорогу в Крым, разбив и отбросив в район Ново-Троицкого все части 1-й конармии».

Весь день 19 октября ударной группе генерала Кутепова было приказано задерживать в районе Александровка—Отрада—Рождественское конармию Буденного, сосредоточившуюся полностью на этом участке, и тем дать возможность остальным частям Русской Армии совершить спокойно их дальнейший отход, по приказу, в Крым. Первые два села обороняла Дроздовская дивизия, а третья — конный корпус генерала Барбовича и Корниловская дивизия.

С рассвета начались атаки красной конницы на всем протяжении указанного фронта; вся конная масса Буденного была в движении, стремясь охватить нас со всех сторон и замкнуть кольцо окружения. Дроздовской дивизии пришлось отбиваться с севера, с юга и с запада; защищенным оставалось только восточное направление на Рождественское, где доблестно вели бой, переходивший неоднократно в конные атаки, Конный корпус генерала Барбовича и корниловцы. Волны красных всадников встречались нашим беглым артиллерийским огнем, пачками пулеметного огня и залпами пехоты. Мало кто из рядовых бойцов, участвовавших в этом сражении, мог представить себе, что делается у непосредственных соседей справа и слева, так как ничего, кроме вихря огня и грохота разрывов и выстрелов на собственном участке, слышно не было. Одну из первых и наиболее мощных атак на северную окраину Отрады приняли на себя части 1-го и 3-го полков, в передовых рядах которых находился начальник дивизии генерала Туркул. По его приказу наши части встретили эту атаку сначала полной тишиной и прекращением огня, и только когда красная конница была уже близко, генерал Туркул сам подал команду «Огонь!». С огромными потерями отхлынула эта начальная волна красных. Пулеметы капитана Трофимова²³⁰ останавливали все живое в поле перед околицей села. Был момент, когда красные около 11 часов дня врываются уже было на левом фланге через кладбища в Александровку, угрожая этим и Отраде с тыла. За эту попытку командир особой кавбригады т. Колпаков, скакавший во главе эскадронов уже по улице селения, заплатил своей жизнью.

На мерзлой земле перед селениями после каждой из атак, а они следовали с промежутками примерно в 1—1½ часа, оставались лежать убитые и раненые люди и лошади. По полю бродили и носились кони, потерявшие своих седоков. До самого вечера продолжались атаки конницы, сопровождавшиеся интенсивной артиллерийской подготовкой, но успеха Буденному достигнуть не удалось. Фронт Александровка—Отрада—Рождественское полностью оставался в руках нашей ударной группы. Из захваченной у красного ординарца копии донесения Буденного

выяснилось, что он просит на 20 октября отдыха-дневки для приведения своих частей в порядок и ссылается на то, что они прямо подавлены огнем и стойкостью сопротивления белых и понесли громадные потери вообще и в частности в высшем командном составе. За последние бои были убиты: начальник 2-й кавдивизии т. Морозов, комиссар той же дивизии т. Бахтуров, тяжело ранен и с трудом был вынесен с поля боя начальник 4-й кавдивизии т. Тимошенко, убит командир особой конной бригады т. Колпаков и многие другие чины командного состава. Командюж Фрунзе доносил главкому Каменеву следующее: «Поражаюсь величайшей энергии сопротивления, которую оказал противник. Он дрался так яростно и так упорно, как, несомненно, не могла бы драться никакая другая армия».

Казалось, что успех сражения склоняется в нашу пользу, и в боевых частях на фронте уже ожидали получения приказа об обратном движении на следующий день на север для преследования армии Буденного, как отмечено в сохранившихся боевых записях вечером 19 октября 1920 года у автора этих строк. Но подтягивавшиеся со всех сторон к полю сражения свежие красные части создавали слишком неравные условия борьбы у самых перешейков, несмотря на одержанный над армией Буденного успех, и утром 20 октября ударной группе генерала Кутепова было приказано перейти к станции Сальково. Констатируя, что красные превышали нас численно более чем в четыре раза, советские источники отмечают, что «такого превосходства сил за все время Гражданской войны Красная армия не имела ни на одном из фронтов, ни в одной операции».

Отойдя с боями к Сальково и пропустив через себя отходившие в Крым все наши войска, Дроздовская дивизия заняла фронт севернее перешейка с целью временно на этой линии задержать противника и тем обеспечить возможность медленной переправы наших частей по Чонгарскому мосту на полуостров. Атаковавшие нас в 22 часа 30-я стрелковая дивизия 4-й советской армии и 6-я кавдивизия армии Буденного потеснили было наше расположение, но были остановлены и дальше в эту ночь продвинуться не смогли.

Сражение в Северной Таврии закончилось. Несмотря на прорыв всей конной армии красных в наш глубокий тыл, окружение ударной группы генерала Кутепова значительно численно превосходившими ее войсками, красные не смогли путем боя парализовать волю к сопротивлению наших войск. Их хорошие качества и соблюдение военных принципов дало нашему командованию возможность парировать незначительными частями действия многочисленных красных армий и сосредоточенным кулаком пробиться в Крым, нанеся поражение конной армии Буденного. План

красного командования выполнен не был, ему не удалось добиться ни уничтожения живой силы противника в Северной Таврии, ни занятия «с налета» перешейков, при последовавших штурмах которых были уложены десятки тысяч красноармейцев, погибших за чуждые им и попираемые теперь всем русским народом цели.

Начались непрерывные атаки наших укрепленных позиций. На смену разбитым атакующим красным дивизиям и полкам выдвигались новые из глубоко эшелонированных резервов. Бои по количеству введенной в дело артиллерии напоминали самую напряженную борьбу за укрепленную полосу на фронтах мировой войны. Предел сопротивляемости белых частей и человеческих сил был уже превзойден. Обойденные по замерзшему Сивашу через Литовский полуостров наши части после неудавшейся контратаки в ночь с 26-го на 27 октября оставляют Турецкий вал у Перекоба и отходят на последнюю линию Юшуньских позиций. Дроздовские полки в боях теряют большинство командного состава. Заболевшего тифом начальника дивизии генерала Туркула увозят без сознания в лазарет. Командование дивизией принял генерал Харжевский.

И вот наступило роковое 29 октября. На рассвете — немного раз после этого нам уже оставалось встречать восход солнца на родной земле — переброшенная с Юшуня в район Карповой Балки Дроздовская дивизия вместе с приданными ей частями генерала Андгуладзе была двинута в свою последнюю контратаку. Предполагалось прорвать фронт красных, с тем чтобы бросить нашу конницу в тыл всей Юшуньской группы противника. Казавшееся почти невозможным для наших сил приказание было выполнено. Удар был так силен и стремителен, что красные цепи, сбивая друг друга, отхлынули назад, оставив в наших руках орудия и свыше 1000 пленных. Фронт был прорван, и 3-й батальон 1-го Дроздовского полка подходил уже к Карповой Балке... Но в образовавшийся прорыв не влились те наши части, которые должны были быть брошены в тыл атакующим Юшунь красным, ибо к этому моменту вопрос об эвакуации Крыма был уже решен. «Получалось необычайно сложное положение, — говорит красный начдив Голубев, — когда противники, одержав крупные успехи на разных направлениях, взаимно угрожали тылам друг друга. Трудно сказать, чем это могло бы кончиться...» Описывая этот же бой, В. Триандафилов говорит, что «около 11 часов положение сложилось настолько критически, что было опасение, что конница генерала Барбовича прорвется на Армянск в тыл всей 6-й армии. Введением в дело последних резервов положение здесь было спасено».

Оставшиеся без поддержки и сжатые с двух сторон подошедшими резервами красных, дроздовцы принуждены были отойти в исходное положение. Последняя атака Дроздовской дивизии захлебнулась не по ее

вине. Полки вынесли из огня своих убитых и раненых. Их было больше, чем оставшихся в строю... по полученному в 17 часов на боевых линиях приказу Дроздовские части оторвались от противника и двинулись с фронта в назначенный им для погружки Севастопольский порт.

Начиналась суровая жизнь изгнания, и здесь дроздовцы дали ряд примеров сплоченности, энергии и запечатлели новыми жертвами верность Белой Идее.

*Г. Салищев*²³¹

КАК ВЫБРАЛАСЬ НАША ПЕХОТА²³²

Кратко описав яростную схватку последнего кавалерийского боя в Крыму, Сергей Мамонтов прибавил: «Я не знаю, как выбралась наша пехота».

Часы последнего боя Дроздовской дивизии совпадают по времени с кавалерийским боем. Наибольшее напряжение выявилось под вечер. Наступление 3-го батальона 1-го Дроздовского полка остановилось вследствие недостаточной артиллерийской поддержки и появления двух броневиков, которые были приняты за свои. Они открыли огонь по нашей батарее почти в упор, повредив два орудия. Большевики зашевелились и во весь рост, густой шеренгой, медленно, почти без стрельбы, двинулись на нас.

Прекратился орудийный обстрел нашей цепи с левого фланга. Надо было ожидать фронтальной атаки. Я отдал приказание отходить в окопы, не скучиваясь, через проходы в проволоке. Из прохода вправо от меня верхом на лошади выехал командир батальона, полковник Петр Иванович Бикс²³³. Я узнал, что он только что получил пулю навывлет в ягодицу, и это мешало ему сидеть в седле.

Какой-то всадник, вероятно начальник, выехал рысью из неприятельской цепи и остановился на расстоянии выстрела. Можно был ожидать, что он будет стрелять по нашему командиру. Полковник Бикс обратился ко мне: «Григорий Яковлевич, вам удобнее: лежа или с колена». Я выстрелил и ранил всадника, вероятно не тяжело. Лошадь не дрогнула. Всадник упал за лошадь. Мы спокойно прошли через проволоку в окопы. Бой затихал. Я получил приказание отойти в резерв.

По диспозиции в арьергарде двигались корниловцы. Я приказал составить ружья в козлы и уселся перед линией. В сумерках подъехала группа всадников. Среди них был генерал Туркул. На его вопрос «Какая часть?» я ответил: «Третий батальон Первого Дроздовского». Генерал Туркул: «Вы

можете идти в арьергарде?» — «Так точно, Ваше Превосходительство». Генерал Туркул: «Я вам дам знать».

Уже в темноте я был легко ранен заблудившейся пулей, пробившей две стальные крышки моих часов и повредившей два нижних ребра с левой стороны груди. (Часы берегу на память.) Убедившись, что больших повреждений нет, я снова уселся ожидать конного для связи.

Подскакавший в темноте всадник — полковник Корниловской части, — увидев группу, мирно отдыхавшую в ложине, разразился сильной бранью, а узнав, что я иду в арьергарде Дроздовских частей, удивился моему остроумию и сказал, что мне нечего делать в расположении чужой части, так как дроздовцы уже давно снялись с позиции. Я командовал «В ружье!» и двинулся нагонять полк.

После долгого перехода мы вошли в большое селение. Я назначил сбор за час до зари. Отдохнув, мы выступили из селения. Вскоре верстах в трех налево я увидел силуэт бронепоезда. Чтобы не оставаться в чистом поле при появлении неприятеля, я вошел в небольшой хутор. К нашему приятному изумлению, в нем оказались целые горы свежевыпеченного хлеба. Со стороны тыла одновременно въехал обоз. Чистенько одетый старший подбежал ко мне:

— Какая часть? Что вы здесь делаете?

— Мы здесь на минутку. Вот возьмем по буханке хлеба и пойдем к бронепоезду. Мы идем в арьергарде Дроздовской дивизии. Позади нас никого нет.

Через пять секунд обоз мчался, уходя в тыл.

Мы вздохнули, добравшись до железной дороги и построек. Мне сообщили, что у небольшого амбара стоит на посту забытый юнкер Алексеевского училища и охраняет 1000 пудов шоколада. Так как я уже убедился в магическом значении слова «арьергард», то сообразил, что я являюсь еще на несколько минут начальником боевого участка. Меня повели к юнкеру, и я — по уставу — командовал:

— Юнкер! Как начальник боевого участка, я приказываю вам покинуть ваш пост. Юнкер! Смирно! На плечо! Прямо перед собой шагом марш! Идти вольно!

В большом селении ничто не двигалось, но вправо от него какой-то кавалерийский отряд, изображая атаку, быстро приближался. Позже мне говорили, что это была особая пулеметная команда при дивизии генерала Барбовича, выступившая на фронт. Ею командовал ротмистр 10-го драгунского Новгородского полка²³⁴. Он опоздал на погрузку на пароходы.

Прибывавший с бронепоезда солдат передал мне приказание грузиться. Мы взобрались на платформы, где лежали раненые. Я быстро

заснул и проснулся, только когда бронепоезд остановился рядом с составом дроздовцев.

Таким образом, остатки третьего батальона 1-го Дроздовского полка представляли в какой-то момент последнюю пехотную часть, уходившую без боя на юг, так как корниловцы прошли селение не задерживаясь, и днем я нигде их не видел.

*Д. Пронин*²³⁵

БЫЛЬ²³⁶

Транспорт «Херсон» перегружен живым грузом, а настоящего груза — тяжести, которая заставляет океанский пароход сидеть глубоко и прочно в воде, — нет. Людской муравейник везде — на палубе, в трюмах, в коридорах.

Корабль то накренится на одну сторону, капитан кричит в рупор:
— Всем перейти на правый борт!

Как ванька-встанька, корабль выравнивается и начинает крениться в противоположную сторону.

— Перейти всем на левый борт! — с нотками отчаяния в голосе взывает капитан.

Недавно скрылся из глаз Севастополь. Но у всех в глазах: освещенная солнцем Графская пристань, широкая сходящая к морю лестница, высокого роста Главнокомандующий, на катере подъехавший к остающейся толпе, и громкий крик «Ура!» тех, что оставались.

Артиллерийский подпоручик Н. сейчас на корабле в офицерском карауле. Их немного, офицеров, отобранных начальником дивизии, генералом Туркулом, нести караульную службу. Сейчас винтовки у них сложены, а сам он лежит на койке, погруженный в свои невеселые размышления. Туркул сам входит в караульное помещение. Раздается команда:

— Господа офицеры!

Туркул обращается к караульному начальнику:

— В машинном отделении начался пожар. Нужно предотвратить всякую панику на пароходе. Иначе корабль может опрокинуться. Главное — не выпускать людей на палубу из трюмов. Выставить караул по всем трапам, чтобы могли спокойно тушить пожар.

Н. стоит на узком трапе, ведущем на палубу. Уже несколько раз люди из трюма пытаются пробраться на палубу.

— Приказ генерала Туркула никого наверх не пропускать!

В какие-то щели дым проникает в трюм.

— Пожар на пароходе! Пропустите, поручик!

— Приказ начальника дивизии никого не пропускать!

Перед ним изможденное лицо пехотного офицера. Чернильным карандашом отмечены звездочки на погонах. Глаза горят взглядом измученного, теряющего самообладание человека.

— Поручик! Последний раз говорю вам, пропустите! Корабль горит!

Он видит, как обезумевший офицер вытягивает револьвер и наводит на него. Черное отверстие дула. Воспаленные глаза человека замученного, затравленного.

Он стоит выше его. Сильнее, моложе. Дан приказ. Ему грозят оружием. Он вправе, он обязан применить свое право. Это так легко. В руках его винтовка с примкнутым штыком. Быстрый, как миг, удар штыком или разбивающий, дробящий все кости удар прикладом сверху. Он в порядке. Он часовой. И не будет этого черного, зловещего отверстия дула и этих безумных глаз. Одно только короткое мгновение или глупый конец.

Но что-то властно удерживает его, он наклоняется вперед навстречу к нагану:

— Опомнитесь! Вы офицер!

Вряд ли эти слова, а две крепких руки, которые ухватили сзади за локоть пехотинца, заставили руку с наганом опуститься, и револьвер с шумом упал на металлический пол. Кто-то из его же боевых товарищей подоспел вовремя и предотвратил кровопролитие.

Минут через пятнадцать караульный начальник снимал расставленные на корабле посты — пожар в машинном отделении был потушен. Там загорелась пакля.

Опасения саботажа, дым, валивший из отделения машин, возможность расширения пожара на перегруженном корабле среди открытого моря — все это осталось где-то позади в памяти, как эти страшные годы отчаянных попыток спасти Россию от красного гнета.

Они встретились позже в Галлиполи. К артиллеристу подошел пехотинец.

— Знаете, поручик, я вас тогда чуть не застрелил.

— Чуть-чуть не считается, господин штабс-капитан, а я вам чуть не проломил голову прикладом.

Оба засмеялись и крепко пожали друг другу руки.

Раздел 4

А. Судоплатов²³⁷

АЛЕКСЕЕВЦЫ В ПОСЛЕДНИХ БОЯХ²³⁸

Заднепровская операция

23 сентября. Сегодня прошли верст 35. Говорят, уже близко Днепр. Сзади нас движется обоз с понтонными лодками и мостом. Значит, будем переправляться через Днепр. Поздно вечером вошли в село Уш-калка, оно на берегу Днепра. Приказано быть в хатах, но не ложиться. Баба-хозяйка предлагает стготовить галушки.

— Да мы, — говорим, — скоро уйдем.

— Успею, — говорит хозяйка.

Минут через 20—30 уже готовы галушки с салом. Я удивился такой быстроте.

В полночь выступили. Спустились по крутому берегу к Днепру. Ока-зывается, с нами будет наступать отряд махновцев, человек двадцать. Их атаман Бурлак, высокий представительный парень в синей бекоше, разговаривал с нашим командиром полка. Он знает местность, берется все доставить для переправы и идти первым. Оказывается, генерал Вран-гель заключил с Махно союз. Не знаю, насколько прочен будет этот союз.

Бурлак уже достал три душегубки, обещает еще достать большую лод-ку. Нам нужно сперва пересечь реку Конку, рукав Днепра, затем перей-ти остров Пидпильный, а потом уже переправляться через Днепр. На Пидпильном иногда бывает большевистская застава, поэтому наши дер-жат себя осторожно. Наш 1-й батальон уже на острове. Остров боль-шой, верст 5 длины, версты 3 ширины, весь в дремучем лесу. Темно, хоть глаз выколи. Тихо, только трава шуршит под ногами. Идем по тропинке гуськом за нашим проводником-махновцем, идем уже около часу. Вот и Днепр, он не широкий, три четверти версты, если не меньше.

Будем сейчас переправляться через Днепр. Это будет наш третий де-сант в этом году. Будет ли он удачней? Всматриваемся в большевистский берег. Темная полоска леса. Может быть, они уже нас заметили...

...Уже светало. 1-й батальон уже переправился.

24 сентября. Уже рассвело. Переправляется на ту сторону 2-й батальон. Я лежал у аппарата и держал у уха трубку. Вдруг кто-то крикнул:

— Смотри, смотри! Всадник!

Действительно, на той стороне между кустами ехал всадник. Там раздалось несколько частых выстрелов и крики.

— Ай-ай-ай! Го-го-го! — понеслось по плавням эхо.

Мы лежим и не спускаем глаз с того берега. Может, наших захватили в плен?

Вот оттуда отчалила лодка. Едут двое наших, а посередине пленный. Оказалось, наши захватили заставу и одного конного ординарца.

— Неужели вы ночью не замечали наших лодок? — спрашивали мы потом пленных.

— Заметили еще вчера. Да мы думали, что это бабы едут с солью! — отвечали они.

Дело в том, что большевики пропускали — за самогон и другие «хавбары» — баб на другой берег. Бабы же пробирались в Крым, за солью. Эта соль и послужила нам на пользу!

...Батальоны уже оба на том берегу. На этом берегу только командир полка, его адъютант Дьяков²³⁹ и я с аппаратом.

— Замечательные места здесь! — говорил командир полка, лежа под огромным пнем. — И знаете, эти места исторические. Здесь когда-то на этом острове была Сечь. Может быть, еще под этим дубом сидел Тарас Бульба! — смеется командир.

...Нам отдан приказ, что мы отныне не алексеевцы, а 36-й пехотный полк. Это для того, чтобы ввести красное командование в заблуждение. А вчера был в связи с этим курьезный случай. Еще утром обгоняет нас наш начальник дивизии, генерал Канцеров, и здоровается с нами. Канцеров очень любит здороваться.

— Здорово, молодец! — кричит он нашему Ушакову (взятому нами в плен на Кубани).

— Здравь желам, Ваш-дитство! — надрывается Ушаков.

— Какой части, молодец?

— 36-го пехотного полка, Ваш-дитство!

Генерал выпучил глаза:

— Как 36-го, что это за полк? Первый раз слышу!

— Ваше Превосходительство, — подошел поручик Лебедев, — согласно приказу...

— Ах да, да! — рассмеялся генерал. — Я и забыл!

Вообще, Канцеров большой чудака.

25 сентября. Сегодня утром мне было приказано идти в 1-й батальон. Он находится в плавнях, в нескольких верстах от берега. Интерес-

но, вчера было перехвачено донесение красных, что у них высадились белые 36-го пехотного полка. Значит, поверили! Догнал батальон. Я и Иваницкий стараемся не отставать от него. В руках у нас на шомполе громадный деревянный барабан с проводом. Мы разматываем линию следом. Приказано не шуметь и двигаться вперед по возможности осторожно. Вдруг сзади — крики и шум. Что такое? Оглядываемся. К нам на помощь идут махновцы.

— Тише, тише! — говорим мы им. Не хотят и слушать.

Шумят, галдят, форменная банда. Одеты — кто во что, у каждого по 2—3 бомбы и разные винтовки. Шумя и галдя, они обогнали нас. Их было человек 25. Спереди застучал пулемет.

— Ура! — гаркнули махновцы и бегом кинулись на него.

И взяли его. Стрельба утихла, красные разбежались.

...Впереди плотина, оттуда строчит пулемет. Махновцы без выстрела кинулись к плотине. Наши пошли вброд через какое-то болото и кинулись на пулемет с фланга. И этот пулемет наш! О махновцах все отзываются с восторгом.

...Вдруг топот. Оглядываемся. Летит на коне наш ординарец.

— Мост готов! — радостно кричит он. — Сейчас переправляется артиллерия, а потом пойдет кавалерия.

Ура! Ура! Дело пойдет. Батальоны идут быстро, рвутся вперед. Мы уже не успеваем вести линию за батальоном и отстаем. Спешим, но, наверное, отстали на версту. Нас трое: я, Иваницкий и Солофненко, потом подошли поручик Лебедев и Куприянов. Вдруг щелкнул револьверный выстрел. Не успели мы сообразить, в чем дело, как слева зашумели камыши и из них вылезли красные в своих серых шинелях без погон. Двое тащили станок «максима», а один нес ствол. Один из них в кожаной куртке и фуражке со звездой. У меня, Солофненко и Куприянова были винтовки, а у Лебедева и Иваницкого не было. Но красные тоже опешили, когда увидели английские шинели. Спас положение Иваницкий. Он, не размышляя ни секунды, подскочил к одному красноармейцу и выхватил у него винтовку.

— Бросай оружие! — дико заорал он и приготовился стрелять.

Я тоже взял на изготовку и подскочил к Иваницкому. Тут случилось то, чего мы никак не ожидали. Передние красноармейцы оторопели от неожиданности, а задние шархнулись в сторону. Двое, тянувшие станок пулемета, бросили его и удрали. Человек 15 осталось стоять на месте. Винтовки и пулемет лежали на земле.

— Отойдите в сторону! — скомандовал поручик Лебедев.

Они повиновались. Лебедев бурчит: «Всегда надо иметь при себе винтовку и патроны!»

Мне приказано сопровождать пленных в тыл. Иду за ними и, не замечая того, напеваю мотив «Интернационала»; он что-то лезет мне последние дни все время в голову.

— Разве и у вас его поют?! — обернулся один пленный.

— Да, бывает, — спохватился я.

Расспрашиваю пленных. Оказывается, их в плавнях бродит несколько рот, на одну из них мы и натолкнулись.

...Едут орудия, обозы, дымящиеся кухни, радиотелеграф. Прибыл командир корпуса генерал Скалон. ...Ночевали в плавнях.

26 сентября. В 5 утра двинулись. С нами генерал Канцеров и генерал Скалон. Они лично руководят операцией. К вечеру подошли к какой-то речке. На той стороне ее большое село Покровское, на горе церковь, около того берега стоит паром. Только наши сунулись, посыпались пули, затрещали пулеметы. Наш берег низменный, песчаный, а противоположный — высокий. Им оттуда хорошо видно. В 100 шагах от берега лес и кусты. Мы лежим в кустах, а песок впереди буквально кипит под пулями. Генерал Канцеров с нами. Он кричит, вызывает охотников добежать до берега по песку и окопаться в песке.

— Кто хочет, — кричит он, — серебряный или деревянный крест получить?

Но никто не решается. Берег прямо поливается пулями. Все лежат, не шевелятся. Пулеметы наши пускают ленту за лентой. Около них целые горы дымящихся патронов.

— Никто не хочет?! — кричит Канцеров. — Эх, вы! Придется мне, старику... Господи, благослови!

Он перекрестился и, выскочив из-за кустов, пригибаясь, побежал по песку. Пыль поднималась вокруг него от падающих пуль. Все ожидали, что старик упадет мертвый. Но нет — добежал до берега, упал и начал руками нагребать перед собой кучу песка. Немного зарывшись, он обернулся и стал пальцем манить нас. Двое сразу побежали к нему. Один упал, раненный. Еще один вскочил, и вдруг весь батальон побежал к берегу. Несколько человек не добежали, остались лежать здесь навеки... Канцеров хохочет, указывает на свой сапог. Пуля разворотила каблук, не задев ноги.

Лежим на берегу, нагребли впереди себя песку. Красные немилосердно обстреливают. Только поздно вечером утихла стрельба. Ночью пришла весть, что корниловцы заняли Николаполь.

27 сентября. Перестрелка с утра стоит адская. Около пулеметов такие кучи гильз, что едва виден сам пулемет. Красные бьют с горы, из-за заборов, а один стреляет, сидя на пароме. Но скоро перестал, наверное ранен. Наша конная разведка переправилась левее через реч-

ку и начала обходить Покровское с фланга. 2-й батальон пошел вброд левее деревни. Красные побежали. Два крестьянина гонят сюда паром. На пароме сидит стрелявший в нас красноармеец. Это тяжело раненный китаец.

— Ходя! Ходя! — зовем мы его.

Молчит, только сопит.

Покровское — хорошее село. Украинские хаты, вишневые сады. Жители поразились, когда мы сказали, что Махно с нами в союзе. Они все махновцы. Удивляются, что у нас есть соль, табак, спички. У них этого давно нет.

...Едет генерал Скалон. Увидев нас, остановился:

— Алексеевцы?

— Так точно, Ваше Превосходительство!

— Спасибо, алексеевцы! Будете теперь отдыхать!

Наш полк остается в Покровском. Нас сменяет 6-я дивизия.

28 сентября. Сегодня с утра полк ушел на позиции (отдых остался на словах), а мы часов до 11 сматывали линии. Пообедали и поехали к полку. Народ хороший. Накормили борщом, жареным картофелем с курятиной, молочной лапшой. Мы хозяина угостили табаком.

29 сентября. Мы наступаем на село Мариинское, которое верстах в шести виднеется на горизонте. Пока лежу в штабе полка, но, кажется, придется идти в цепь, там не хватает людей. От нечего делать срисовал горку, которую долго защищали красные, но наши, наконец, ее взяли. Она вся осыпается шрапнелью. Наши батареи стоят в поле и жарят непрерывно. Из штаба поручик Яновский приказывает мне взять катушку кабеля и идти в 1-й батальон. Идти туда небезопасно. Приходится перебегать от кустика к кусту. Наконец вот и цепь. Лежит полковник Логвинов, а рядом наш поручик Аболишников, с аппаратом.

— Цепь, вста-ать!

Выключаем аппарат и разматываем катушку.

Бум! Бух! — разорвался снаряд. Одновременно застучал пулемет.

— Ло-жись!

Вышло, что легли как раз на бугорке. Видно, как за дорогой, на опушке леса, тачанка красных строчит из пулемета.

— Цепь, впереед!

— Ох, ранен! — вскрикнул рядом поручик Аболишников и уткнулся лицом в землю.

— Можете ползти? — кричит Логвинов поручику.

Поручик поднял желтое лицо, глаза у него стали какие-то бессмысленные, он ранен в живот.

— Цепь, впереед!

— Господин поручик! — кричу я Аболишникову. — Можете ползти? Ответьте, а то я снимаю аппарат.

— Передайте... Носилки! — прохрипел он.

— Телефон, не отставать! — кричит Логвинов.

Я крикнул в трубку о носилках, выключил аппарат и, пригибаясь, побежал догонять цепь.

...Уже часа 4 дня. Слева наши роты выбили красных из окопов и пошли на ура. Мы тоже поднялись. Ура! Ура-а!

Красные бросились наутек. Батальон с командиром помчался вперед. Красные шпартят через огороды, заборы, плетни. Валяются винтовки, сумки, ботинки, которые они сбрасывали, чтобы легче было бежать. Забегаю в одну хату напиться воды. Мужик выносит кувшин воды.

— Кавалерию треба... Кавалерию треба! — возбужденно шепчет он, хватая меня за рукав. — Кавалерию на них, сучих сынив! Хиба пишки их догонишь?!

Перед вечером сматываю линию. В поле масса валяется убитых. Деревенские бабы бродят по полю и снимают с убитых ботинки, одежду. До чего дошел народ!

Ночью получен приказ: алексеевцам опять идти в Покровское.

30 сентября. Подошли к какому-то железнодорожному мосту. Рядом паром. Полк медленно переправляется. Целый день проторчали у парома. Смотрю — наша Алексеевская батарея устанавливает орудие куда-то назад и берет прицел. Что такое опять? Говорят, что в тылу замечена какая-то конница. Вечно у нас так! Идем в одном направлении, а сзади, в тылу, у нас опять красные! Нас всегда чересчур мало! Вот и мечемся! Наконец поздно вечером переправились на пароме. Задымили кухни. Неприятельский бронепоезд издали открыл по ним огонь. Под утро пришли в Мариинское.

1 октября. Покров Пресвятой Богородицы. Наступаем от Мариинского на запад. Бабиев должен пойти в глубокий обход. Красных не слышно. Наконец завязывается бой. Канцеров все торопит и торопит нас.

— Бабиев, — говорит, — уже пошел!

Потом вдруг приказ — не спешить. Что такое? Бабиев почему-то не наступает, вертится на месте. Что за причина? Наши цепи лежат на месте. Поручик Яновский прислал нам, телефонистам, смену. Нам приказано идти в тыл, в обоз 2-го разряда. Идем через Мариинское, там храмовой праздник. Бабы сидят на «призбах», лущат семечки. Вот и обоз 2-го разряда. Повозки, мастерские, пулеметные линейки. Стоят только что пригнанные пленные красноармейцы.

Тах, тах! — защелкали в лесу винтовочные выстрелы. Смотрю — несколько всадников мчатся меж кустами.

Повозки наши, напуганные неожиданностью, рванули как бешеные. На ходу все цепляются за них, я тоже. С повозок сбрасывают то, что две минуты тому назад накладывали.

...Кавалеристы уже близко. Они изредка стреляют. Но они больше охотятся за самими повозками, роются в мешках около подвод. Это нас спасает.

...Выбегаем на поляну. Вот и речка. На другой стороне речки уже огороды села Покровского. Стоит несколько лодок, и ходит казак. Переправились.

В Покровском тоже храмовой праздник. Улицы полны принаряженного народа. Генерал Цыганок, командир Пластунского полка, стоял на улице с целым штабом. Вышли, встревоженные начавшейся стрельбой. Казак ведет нас к ним. Я без фуражки, потерял по дороге, Рамблевский (тоже один из наших телефонистов) босой.

— Что такое? — спрашивает генерал Цыганок.

— Вот прибегли! — доложил казак.

Я доложил все по порядку. Он встревожился.

— Батальон пластунов немедленно в плавни, на перекресток, где дороги сходятся! — приказал генерал.

...Обозы все идут и идут. Пыль столбом. А парни и девки, разряженные, гуляют по улице, у людей праздник... Потеряв своих, иду дальше. Попросился к казакам на пулеметную линейку. Часов в 11 ночи прибыли к берегу Днепра. Обоз у моста скопился во много рядов. Пропускают медленно в очередь. ...Иду по мосту, он дрожит, и лодки качаются. Понтонеры сидят в лодках с фонариками и вычерпывают воду. Здесь неделю тому назад мы переезжали Днепр на душегубках, а теперь... Какое тогда было настроение! И какое теперь...

...В Ушкалке на улицах обозы, горят костры. Бабиевцы с конями стоят на площади и греются у костров. Тут и уманцы, шукуринцы, корниловцы, черкасцы. Кони их жуют солому. Я подсел к одному костру. Хорошо, тепло!

2 октября. Проснулся на площади. Казаков уже не было, я один спал на груди потухшего пепла. Пошел искать своих. Нашел поручика Яновского. Подошли Васильев, Солофьенко, Головин. А Иваницкого нет — он пропал там. Лежим в хате на соломе и делимся впечатлениями. Вспоминаем, как на наш обоз налетела конница. Это было часов в 12 дня, а полк, как мы потом узнали, стоял на позиции до 4 часов и ничего не знал, что делалось в тылу. Как всегда, отличился полковник Логвинов. Он остановил свой батальон и отбивался залпами до темноты, прикрывая отход полка в плавни.

...Эта конница красных, говорят, пришла с Польского фронта. Поляки будто бы помирились с Советами. Здесь конница Буденного, Гая,

Червонное казачество, Огненная дивизия. Большинство — донцы. Они будто бы кричали: «Станичники, куда бежите?»

...Стучит пулемет. Я вышел во двор. Двор наш над обрывом у Днепра. Он внизу, как на ладони. Мост уже убрали. На том берегу сидят трое наших и машут руками. Один бросился в воду и плывет, а двое сидят. Может быть, там Иваницкий. Слева из-за кустов к ним приближаются красные всадники. С нашего берега застучал пулемет. Всадники исчезли в кустах. Эх, лодку бы им!

3 октября. Вчера выступили в направлении на северо-восток. Ночевали в немецкой колонии. Мы сейчас переведены в 6-ю дивизию. Говорят, красные прорвали фронт в Каховке. Заняли Ново-Алексеевку и отрезали нас от Крыма. Обстановка неважная. Да и у меня настроение грустное, или это в связи с осенней погодой. Не видно конца. Мы мчимся в разные стороны, и нас везде сжимает красная лавина. Как бы мы не задушились здесь.

Иваницкого нет, Башлаев убит, Борька Павлов²⁴⁰ отправлен в кадетский корпус, как «малолетний». Сколько было друзей, остался я один. Теперь новые появились, и опять я один. Поручик Яновский и Солофенко сегодня уехали в Севастополь в командировку за аппаратами.

«И скучно, и грустно». Начинается осень.

Последние дни Партизанского имени генерала Алексеева полка²⁴¹

После Заднепровской операции полк был послан под Большой Токмак, где сменил корниловцев, брошенных на Каховку, и занял позиции, занимаемые перед тем корниловцами.

11 октября. Сегодня пришли в колонию Андребург и остановились. Здесь вырыты окопы в рост. Сделаны пулеметные гнезда и один ряд проволочных заграждений. Окопы, говорят, сделаны на зимнюю кампанию. Будем здесь, значит, держать позиции всю зиму. Справа, в 12 верстах, Большой Токмак, слева, в 8 верстах, железная дорога и село Васильевка.

12 октября. Остаток ночи дежурил в штабе полка. Ночь была неспокойная. Ждали противника, но его пока нет. Днем послали дежурить в окоп. В окопе застава, человек 12. Я у телефона. На бруствере лежит готовый «люис» и кольты. Пулеметчики дуют в карты. Застава уже не сменяется два дня. Ночевали в окопе. Холодно, всю ночь грелись у костра. Впереди пленные еще кончают проволочные заграждения.

13 октября. Наутро выступили в Ново-Мунеталь, это в 6 верстах. Нас сменили самурыцы, они заняли окопы. Сегодня дождь, слякоть, а потом пошел дождь. Мы сидим в Ново-Мунетале, у плиты в громадной кухне немца, печем пышки и пьем горький «принос». Поем, особенно удается:

Пошел купаться Уверлей,
Оставив дома Доротею.
С собою пару пузырей
Берет он, плавать не умея!.. и т. д.

...Пронесся слух, что в тыл прорвалась конница красных, тысячи две, три, что она бродит у нас в тылу. Час от часу не легче. Я вышел во двор. Снег падает хлопьями и тут же тает. В конце улицы, с обоих концов, делают баррикады из плугов, борон, самокосилок. Очевидно, против внезапного налета кавалерии.

Часа в три поднялась ружейная и пулеметная стрельба. Оказывается, от Андреебурга на Ново-Мунеталь наступает кавалерия. Самурыцы отчаянно отбиваются, но, кажется, они уже окружены. Наш полк выступил им на поддержку. Красная кавалерия идет, обходя колонию. Лошади, видно, у них устали, и они идут медленно. Наша батарея бьет на картечь. Видно, как падают лошади и всадники, а они все идут и идут. Обходят уже нас справа. Мы еле вытягиваем ноги из липкой глубокой грязи. Нашу батарею захватили, вырвалось только два передка.

Уже начинает темнеть. Идет дождь. Мы мокрые и грязные. Идем по вспаханному полю. Изредка раздается команда: «Стой!» Останавливаемся и даем несколько залпов, затем поворачиваемся и опять идем. Тяжело, выбиваемся из сил. Петька Щербинин, из 5-й роты, идет рядом со мной. У него в руках целая пачка листовок: «Закон Врангеля о земле». Он идет и по листовке разбрасывает в поле. Везде по мокрому чернозему белеют листочки, а на них большими буквами надпись: «Всяк хозяин своей земли!» (Эх, раньше бы этому закону!)

Красные тоже устали, еле движутся. Они, очевидно, останутся ночевать в колонии и дальше не пойдут. Часам к 9 пришли мы в какую-то другую колонию. Командир полка распорядился выставить заставы вокруг села, расставить пулеметы. Приказано спать одетыми. Зашли к немцу. Комнаты громадные, пустые. Я растянулся на полу и быстро уснул.

14 октября. На рассвете выступили. Ушаков сказал, что дальше он идти не в состоянии, и остался. Куда идем — не знаю. Подмерзло. Идет крупа. Ветер холодный, северный. Прошли верст 12. Хорошая колония. Костел. Достали хлеба. Хлеб хороший, на молоке. Обогрившись, идем дальше.

Генерал П.Н. Врангель

Э.Н. Гиацинтов

В.И. Гецц

М.Н. Левитов

В.А. Ларионов

В.М. Кравченко

А.В. Туркул

А. Судоплатов

В.М. Савинский

Князь П.П. Ишеев

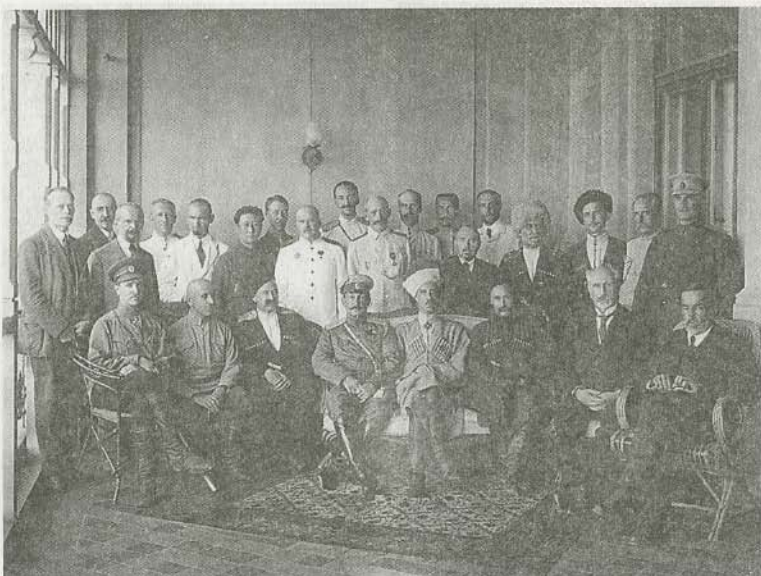
И.И. Савин

А.Л. Сапожников

Генерал барон П.Н. Врангель с А.В. Кривошеиным и генералом П.Н. Шатиловым

Генерал барон П.Н. Врангель с войсковыми атаманами казачьих войск 22 июля 1920 г.

Генерал барон П.Н. Врангель с членами правительства Юга России и представителями командования в Севастополе

Генерал барон П.Н. Врангель с чинами английской миссии

Генерал барон П.Н. Врангель при эвакуации Севастополя

Графская пристань в Севастополе в дни эвакуации

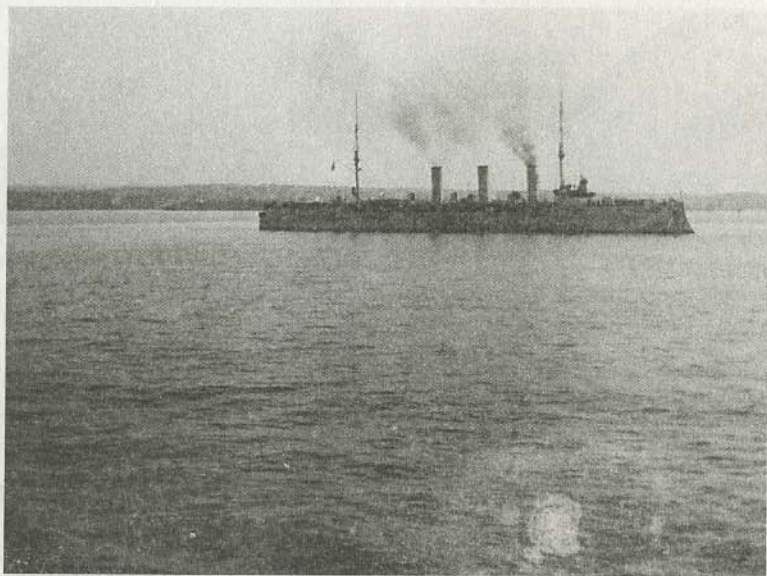
Население направляется на погрузку

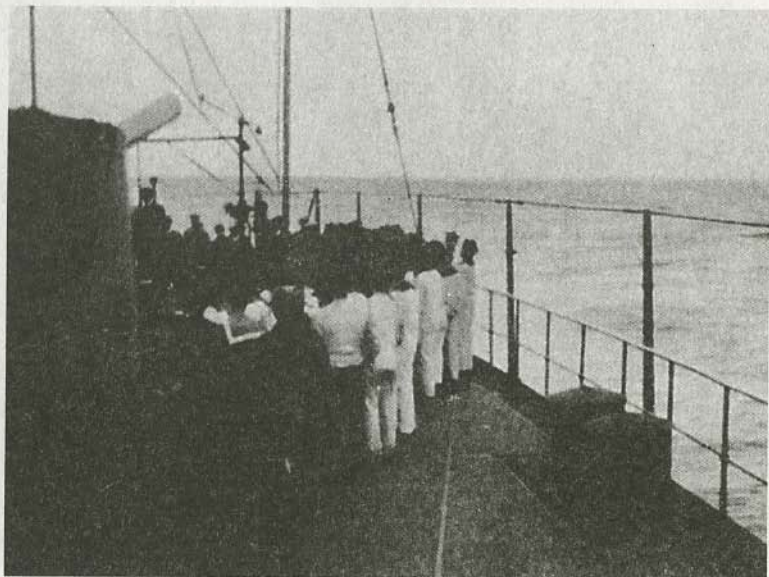
Последние части следуют на погрузку в порт

На пристани Севастополя при эвакуации

Крейсер «Генерал Корнилов» покидает Крым

Адмирал Дюмениль зачитывает французским матросам прощальное приветствие генералу Врангелю

15 октября. Подошли к селу Богдановка. Утром шли без всякой связи: неизвестно, где наши, где неприятель. День пасмурный, холодный. Идем по равнине. Часов в 10 утра вблизи, где-то влево, раздались оружейные выстрелы. Видны облачки шрапнельных разрывов. Значит, где-то близко позиция. Подходим к обрыву. Под обрывом Богдановка, в широкой долине. Через село идет железная дорога. Вдали видна станция. На путях стоят два бронепоезда, оба дымят. Около бронепоездов кружат всадники. Наши или нет? Посылаем разведку. Бронепоезда наши, а всадники — донцы.

...Расходимся по хатам. Хозяйка нам варит картофель в мундирах. Народ здесь бедный. В хате тифозный больной. Сильный ветер, собирается дождь. Откуда-то стреляют. Снаряды с воем несутся через село. Бьет бронепоезд. Стекла в хате звенят, вот-вот вылетят. В долине ружейная и пулеметная стрельба. Выступаем.

— Быстрее проходи, обозы! Обозы, проходи!

— Нижняя половина села занята красными! — кричит кто-то.

Вправо на горизонте показывается лава красной конницы, ее туча. Они движутся нам в обход. Кавалерии масса. Жутко. Полковник Логвинов едет на лошади верхом. Мы идем по-над ложиной. Логвинов останавливается.

— Батальон, ко мне! Первый батальон, не болтаться! — кричит он.

1-й батальон, кроме Офицерской роты, это главным образом пленные. Они были у Колчака, попали к красным, от красных к нам. Везде их брала в плен кавалерия, так что они страшно боятся кавалерии и при ее появлении совсем теряются. Многие из них уже бегут. Около полковника Логвинова собралась Офицерская рота и солдаты-добровольцы. Эти не подкачают.

Мы дали несколько залпов, но они только на минуту задержали красных. Кавалерия уже шагах в двухстах от нас, отчетливо слышно «Ура» каждого человека. Пленные, как один, воткнули штыки в землю и подняли руки вверх. Дело дрянь. Нас около полковника Логвинова всего человек сорок. Быстро идем к ложине. Логвинов сзади на лошади.

— Батальон, — ежеминутно кричит Логвинов, — пли!

Батальон дает залп, другой, третий. Кавалерия немного рассеялась. Поле как будто очистилось. Едва двинемся, опять туча собралась их «Ура». Мы идем почти бегом. Лава уже близко. Несколько всадников уже почти долетают до нас. Слышны их крики и ругательства.

— Батальон, пли!

Раз, раз, раз...

Отхлынули. Справа от нас летят их тачанки с пулеметами. Пули завизжали под нами. Даем залп. Быстро-быстро бежим. Нагоняют. Наши

офицеры оборачиваются и на ходу стреляют. Полковник Логвинов отстал шагов на 40. Так как был верхом, очевидно, не хотел идти впереди. Его окружило несколько всадников.

— Лови, лови бородатого! — кричали они.

— Нет, врешь, не поймаешь! — крикнул Логвинов и выхватил наган.

Два всадника повалились с лошадей, третий удрал.

— Батальон, — кричит Логвинов, — не волнуйся, стой!

Дали подряд несколько залпов. Красные уже не так гонятся за нами. Очевидно, решили, что нас взять будет нелегко. Выходим из лощины, переходим через насыпь железной дороги.

Ура! К нам приближается наш бронепоезд! Бронепоезд прошел мимо нас и открыл из своих орудий и пулеметов огонь по красной кавалерии. Мы спасены. Устали страшно. Нагнали смоленцев. Они едут на тачанках. Подсел на одну. Сидят три солдата, и стоит пулемет.

— Алексеевец? — спрашивают.

— Да!

— Ну и досталось вам сегодня на орехи!

Уже вечереет. Входим в Федоровку. На улице масса обозов. На станции гудят паровозы. Холодно страшно. Нашел наши повозки. Ночью выступили опять...

Из письма генерала А.Н. Черепова²⁴²: «Я был на станции Федоровка, когда на станцию подошел бронепоезд. Влез на крышу вагона, увидел маленькую отступающую колонну среди неприятельских разъездов. Приказал бронепоезду открыть огонь по разъездам. Был счастлив помочь нашей русской части. Когда пехота подошла к Федоровке, оказалось, что это были алексеевцы».

Из письма капитана Еременко²⁴³: «Отвечаю вам на ваши вопросы. Сообщаю, что уцелело в памяти. Из Андреевбурга нашему полку надлежало идти в село Богдановка на соединение со Сводно-Стрелковым полком. В Богдановке Сводно-Стрелкового полка не оказалось. Не успели мы занять позиции, как показалась конница противника. Донской полк, тоже стоявший здесь, стал отходить. Бронепоезда, стоявшие на станции, тоже ушли. Откуда-то взявшаяся батарея выпустила несколько снарядов по противнику, снялась и ушла. Потом выяснилось, что они были вызваны генералом Канцеровым для контратаки конницы противника, занявшей у нас в тылу Геническ. А алексеевцы, видимо, были принесены в жертву для общего блага. Это был конец полка. Много было порублено, много взято в плен.

Первыми начали сдаваться красноармейские роты 2-го батальона. Командир этого батальона, подполковник Абрамов, не перенес позора

и застрелился. Часть 1-го батальона вывел полковник Логвинов, проявивший выдержку и большое хладнокровие.

Я в это время вернулся из разведки в Федоровку и находился при командире полка полковнике Бузуне²⁴⁴. Под ним была ранена в живот лошадь и еле-еле шла. Я бы в случае нужды мог бы и «удрать», да как бросить командира полка? На наше счастье, вернулся бронепоезд, кажется «Офицер», и открыл по красным огонь и тем самым спас оставшихся алексеевцев и нас с командиром полка.

В Федоровке командир полка сказал нам, что им послано донесение, что «Алексеевского полка больше нет». Ну а дальше и писать не о чем.

В Галлиполи алексеевцев прибыло не более 100 человек. Во вновь сформированный Алексеевский полк они вошли как отдельная рота».

*И. Игнатъев*²⁴⁵

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ 1-ГО ПАРТИЗАНСКОГО ГЕНЕРАЛА АЛЕКСЕЕВА ПЕХОТНОГО ПОЛКА²⁴⁶

В период отхода Белых Русских армий по всем фронтам Северной Таврии в октябре месяце 1920 года (14—15 ст. ст.) общие силы красных исчислялись до 130 тысяч. Со стороны нас, белых, боевых сил в Северной Таврии было тысяч 35. Нашими войсками уже были оставлены Никополь и Каховка и все естественные рубежи на реке Днепр. 1-я армия генерала Кутепова и его конница сосредоточивались у Серагоз. 2-я армия генерала Абрамова планомерно спешно отходила по железной дороге Федоровка—Мелитополь. На 1-ю армию генерала Кутепова со стороны Каховки надвигалась 1-я Конная армия Буденного, около 25 тысяч, и на 2-ю армию генерала Абрамова со стороны Никополя надвигалась 2-я Конная армия Буденного — нужно считать 25 тысяч.

Вот эту 2-ю Конную армию Буденного нашему 1-му Партизанскому генерала Алексева пехотному полку и пришлось увидеть 15 октября (ст. ст.) 1920 года. Полк занимал позицию заслона железнодорожной станции и большого села Федоровка в 15—20 верстах на запад. В сторону фронта и флангов местность была видимая — открытая. В десятке верст слева, к югу от нас, как говорили, занимал позицию надежный Самурский пехотный полк, который недавно у Каховки прикрывал отход наших войск на левую сторону Днепра. Справа нашей позиции был хуторок, как помню, из четырех крестьянских

хат, в которых размещались наши командиры и солдаты, кому была очередь обогреться, — морозы стояли десятиградусные.

Ночью я вышел из хаты. Занимался рассвет, вдали на горизонте воздух волнисто шевелился. Я доложил командиру батальона полковнику Логинову. Пошли наблюдать вместе. Было холодно и ясно, все было покрыто густым инеем.

Вдали в долине верстах в пяти увидели мы черную шевелящуюся точку, затем черную черточку; затем черных черточек становилось больше и больше. Стало ясно, что в сторону нас движутся колонны — не иначе как неприятельской конницы: воздух на рассвете шевелили горячие конские массы.

Через несколько минут полковник Логинов обсудил обстановку со старшими офицерами. Полку было приказано отходить на Федоровку в сомкнутом строю уступами побатальонно, на дистанции 200—300 шагов по глубине и по фронту. Как из-под земли выросли наши три батальонные колонны — всего человек 500. Условия передвижения в гору по глубоко вспаханному, не забороненному, обмерзшим полям были очень тяжелы.

Колонны неприятельской конницы, все время на виду у нас, двигались по дороге, ведущей на северную окраину Федоровки. Головные колонны, на половине своего дневного пути, уже к полудню обошли нас. И справа, и позади нас обходили и настигали нас разъезды.

Учебная команда — арьергардный батальон полка — при приближении конных разъездов с тыла и с фланга без сопротивления сдался. Помощник командира полка полковник Скороход-Левченко, шедший обособленно в 200 шагах в стороне, был окружен группой всадников. Расправы с пленными не было видно.

В дальнейшем новые конные разъезды при попытке приближения к нам были нами обстреляны, затем были обстреляны и наши колонны. На поле брани оставляли убитых и раненых. Я шел в двух шагах рядом с командиром роты капитаном Гудковым. Бедняга был убит: упал навзничь, вздрогнул, вытянулся, глаза закатились...

На половине пути к Федоровке нас несколько человек задержалось у малого хутора для защиты дороги. К хутору на рысях шел конный разъезд, впереди на галопе мчался красный командир, как бы преследовавший побежавших двух наших. Я из чувства самосохранения дал выстрел с упора с колена. Всадник вылетел из седла, конь стал. Разъезд нас больше не преследовал.

Теперь во все время отхода была лишь одна общая поредевшая наша колонна. С этой колонной спокойно шагом, на своем рыжем коренастом коне следовал командир батальона полковник Логинов. Запомнились мне

также пешие полковник Зарнак и капитан Фрейман. Большая часть села Федоровка и все наши обозы еще днем были захвачены неприятельской конницей. К вечеру через станцию Федоровка проходил наш бронепоезд, он до темноты дал десяток выстрелов по конным разъездам; это было признаком, что тыл мы еще имеем.

До штаба полка в Федоровку мы добрались в числе около 100, была уже ночь. Штаб был в готовности к отходу. Командир полка полковник Бузун в темноте ночи сообщил нам: «Мною послано донесение, что моего полка больше нет».

Дальнейшее наше следование было — немедленно вдоль железной дороги до Мелитополя и затем на открытой платформе последнего товарного поезда до Джанкоя. 17 октября пехотных частей в Северной Таврии больше не было. Путь в Крым был временно перерезан частями 1-й Конной армии Буденного — наша конница пробивалась в Крым с боем.

Через сорок лет мне писал генерал А.Н. Черепов: «Я был на станции Федоровка, когда на станцию подошел бронепоезд. Влез на крышу вагона, видел маленькую колонну среди неприятельских конных разъездов, приказал бронепоезду открыть огонь по разъездам, был счастлив помочь русской чести. Когда пехота подошла к Федоровке, оказалось, что это были вы».

В довершение всего я должен сказать, что вывел нас из плохой боевой обстановки уроженец Могилевской губернии, 1-го Партизанского генерала Алексеева пехотного полка командир батальона полковник Логинов. Полк вновь, без участия многих из нас, был образован в Галлиполи.

Раздел 5

С. Мамонтов²⁴⁷

ПОСЛЕДНИЕ БОИ КОННОЙ БАТАРЕИ²⁴⁸

Проигрыш

Вернувшись из десанта, обе батареи пробыли недели две в Керчи. Коновязи и орудийные парки были на большом дворе школы. Обозненко²⁴⁹ придумал устраивать там занятия с солдатами. Я на занятиях регулярно отсутствовал, и мой плохой пример заразил других офицеров. Брат играл в карты где-то в городе, и играл довольно счастливо. Когда он был в выигрыше, мы шли ужинать в приморский ресторан.

В Керчи нам выдали жалованье. Я получил что-то около 3000 рублей. Офицеры тотчас же стали играть. Я в карты не играл, но в этот раз меня уговорили взять карту. Очень быстро я проиграл 52 000. Проиграл бы больше, если бы капитан Ковалевский не приказал кончить игру и разойтись. Главное, игра не вызывала во мне азарта, а просто я не умел. Очень подавленный, я пошел на нашу квартиру и сказал брату:

- Я проиграл в карты.
- Знаю, мне уже сказали.
- Что же делать?
- Надо платить.
- Как?
- Не знаю.

Я лег на кровать, самые темные мысли вертелись в голове. Заплатить из жалованья я не мог. Надо было выплачивать годами, не тратя ничего на себя. Тогда самоубийство, раз я не мог заплатить долг чести. Но это мне казалось глупо, особенно после десанта, где избежали стольких опасностей, и из-за часа игры, который мне не доставил никакого удовольствия. Но что же делать? Смеркалось. Вошел брат.

- Есть у тебя деньги?
- Да.

Я постеснялся отдать выигравшему мои несчастные 3000. Он их взял и ушел. Я провел бессонную ночь. Господи, Господи, что я наделал! Теперь и он проиграется из-за меня. (Я знал, что он пошел спасать

меня.) Почему меня не убили на Кубани? Он вернулся, когда заря чуть осветила окна. Я сделал вид, что сплю, но внимательно следил за ним. Он подошел к окну, и я услышал шуршание бумаги. Я наострил слух. Деньги?

— Сколько ты проиграл? — спросил он, не поворачиваясь.

— Пятьдесят две тысячи.

Он отсчитал и бросил мне пачку денег.

— Заплати и никогда больше не трогай карт.

Он лег не раздеваясь и сделал вид, что заснул. Я не мог дожидаться утра. Как только встало солнце, я пошел к выигравшему офицеру и отдал деньги.

— Что вы, что вы. Я не могу взять от товарища такую сумму.

— Возьмите, потому что я играл серьезно.

— Нет, право, я не могу... Вот что я вам предлагаю. Сыграем на все.

И он достал карты.

— Нет, я больше к картам не притронусь. Я уже заплатил за урок.

Я ушел, оставив ему деньги. И с тех пор не играю.

Феодосия

Обе батареи погрузили в длиннейший поезд и повезли в Таврию. А обоз пошел в Феодосию. Шапиловский²⁵⁰ и несколько офицеров поехали в обоз. Между ними брат, Александров и я. Поместились в Феодосии в дачах на горах.

Тут мы нашли полковника Шафрова²⁵¹, который оказался командиром нашей батареи. Он был болен астмой и редко бывал в батарее, его заменял Шапиловский, который был старшим офицером. Для нас это была скорей неприятная неожиданность. К Шапиловскому мы привыкли, а Шафрова не знали или, верней, знали не с самой лучшей стороны. На Северном Кавказе в Петровском он чуть не загубил батарею и в Махновском районе рассорился с начальником 2-й группы. Но Шафров нас очаровал. Он устроил ужин, купил хорошего вина, и много, и пригласил всех наличных офицеров, чтобы с ними познакомиться. Он просил Шапиловского нас ему представить. Шапиловский сопровождал каждого хвалебной фразой. Я покраснел как мак, когда, представляя меня, он сказал:

— Поручик Мамонтов, на любую дикую лошадь может сесть, и она его не сбросит.

Это было сильно преувеличено, но приятно слышать.

Играли наши трубачи. Шафров был весел и остроумен. Он сказал речь о молодости, радости жизни, любви. О счастье. Под конец мы были все в полсвиста. Отпустили трубачей и завладели трубами и стали сами пытаться дудеть. Воображаете? Собаки всей округи нам аккомпанировали воем. Наконец разошлись, унося каждый свой инструмент.

На следующее утро поручик Горобцов зашел за мной, и мы пошли на дачу Шафрова и Шапиловского, где было наше собрание. Шли мы смеясь и дудя на наших трубах. Из дачи вышел брат.

— Не шумите так. Сегодня ночью Шафров застрелился. Он оставил записку: «Проспался, не пьян. Больше не хочу...»

Господи, подумал я, он застрелился из моего краденого револьвера. Тогда я еще не знал, что в шафровском револьвере, который был у меня, все патроны были испорчены. Из своего револьвера он не мог бы застрелиться. Неисповедимы пути Твои, Господи. Я способствовал его смерти, не ведая о том. Значит, вчерашний ужин был прощальный. Он хорошо это сделал. Ни минуты нельзя было это заподозрить. А вой собак? А мы-то смеялись. Они выли на смерть.

Похороны

В обозе было орудие, и мы решили похоронить нашего командира, полковника Шафрова, как полагается артиллеристу, на лафете. Для этого снимается ствол и к полозьям привязывается гроб. Шапиловский назначил ездовыми: брата в корень, Горобцова в средний вынос и меня на передний. Лошади, особенно в корне, который один должен был спустить лафет с гробом с нашей горы, были слабы, и, при неопытности ездовых и лошадей, я несколько опасался за судьбу гроба. Дело в том, что из нас троих только я, и то очень недолго, был ездовым.

Перед домом выстроилась процессия. Впереди священник и псаломщик, за ними хор детей, затем лафет и мы, хор трубачей, взвод солдат с винтовками, пролетка для Шапиловского и дальше остальные офицеры и солдаты пешком.

— Смирно!

Разговоры смолкли, и все подтянулись. Вынесли и привязали гроб. Шапиловский с горя выпил все оставшееся от ужина вино и появился на крыльце пьяный. Он хотел сказать слово об усопшем, но мы услышали только неопределенное мычание и пьяную икоту. Он махнул рукой и быстро направился к пролетке. Он не рассчитал своего стремле-

ния — влез с одной стороны, но вылез с другой. Тогда, уцепившись за пролетку, он оглядел нас свирепым взором — не смеемся ли мы. И осторожно влез и благополучно сел в экипаж. Хор запел, и процессия двинулась.

Но вскоре начался спуск с горы. Дорога была узкая, вырыта в скло-не горы. Податься было некуда, справа обрыв, слева отвесная гора. Мы поставили, конечно, тормоз, и брат делал все усилия, чтобы сдерживать коренных лошадей. Лошади чуть не сели на зады, но лафет скользил все быстрее и быстрее. Мы с Горобцовым ничем брату помочь не могли. Все наше внимание было направлено на то, чтобы не натягивать пост-ромки и чтобы лошади не заступили за них. Наконец корень перешел на рысь, чтобы уйти из-под лафета. Мы с Горобцовым тоже перешли на рысь. Я крикнул детям хора, шедшим передо мной:

— Эй, вы. Пospешайте, иначе я вас раздавлю.

Они заметались вправо и влево, но, убедившись, что дорога узка, пустились бегом, увлекая причт. Дети пытались продолжать петь на бегу, но из этого ничего путного не получилось. Рысь становилась все круп-ней и крупней, и бег хора и причта усиливался. Не могу вспомнить без смеха дородного священника, который, задрав рясу, с крестом в руке, опередил всех бегущих.

Наконец мы достигли ровного места и смогли удержать лошадей. Процессия приняла опять благопристойный характер. Все же мы были горды тем, что благополучно довели нашего командира до кладбища, не опрокинув в овраг. Оркестр сыграл «Коль славен», солдаты дали три залпа, могилу закопали. Самоубийцу не принято отпевать. Шапиловский сел в пролетку и уехал, не пригласив нас на поминальный обед. Думаю, что Шафров был единственным из офицеров обеих батарей, которого хоронили на лафете.

В Таврии

Обоз перешел в Таврию, в небольшую деревню. Мне отвели кварти-ру у колдуньи, которая ни за что не хотела меня пускать. А мне захо-телось познакомиться с колдуньей, и я настаивал. Разговор велся через закрытую дверь.

— Нет, я не хочу. Ты мне все травы перепугаешь.

— Обещаю, что ничего не трону.

— Нет, нет. Ты еще будешь курить в комнатах.

— Не курю и в Бога верую.

Молчание.

— Посмотри через щелку. Вот я тебе дам кусок хорошего английского мыла.

Против мыла колдунья не устояла и со вздохом мне открыла дверь. Вскоре мы с ней подружились. Вся хата была завешана травами. Она мне объясняла, какая трава от чего помогает. Но по юности лет не запомнил, а жаль.

Тут я познакомился с доктором Каталевцевым. Он был доктором дивизиона, маленький, с короткими руками и не совсем нормальный. Он был в Абиссинии и интересно рассказывал об этом. Лечиться у него было опасно, а гулять с ним было приятно. На одной из прогулок мы зашли в сад. Охранял его древний, но бодрый старик. Он жил в шалаше и отрекомендовался как улан графа Уварова полка. Оказалось, он сражался в Турецкую войну 1877 года. Он очень скорбел, что у него нет ружья и парни воруют фрукты. Он мне так понравился, что я сделал глупость и принес ему винтовку и патроны. Он ужасно обрадовался и тотчас же промаршировал с винтовкой по всей улице. Знай, мол, наших! Но когда я снова к нему зашел, он неутешно плакал. Винтовку у него украли. Я старался его утешить и обещал дать другую. Но моя колдунья меня просила не давать. Старик поднял стрельбу, и пули летали по всей деревне. Он не отдавал себе отчета в том, что пули из винтовки летят на три версты. В Турецкую войну они летали на 200 шагов.

С полковником Лукьяновым устроили грандиозное чаепитие. Под липой, с самоваром. Я выпил 18 чашек. У Лукьянова был юмор, и я это ценил. После войны он поступил в Иностранный легион в чине сержанта.

Серагозы

В сентябре 1920 года я был снова в батарее. Обе батареи работали с регулярной кавалерийской дивизией генерала Барбовича. Дивизия стояла в Нижних Серагозах, которые находились почти посередине Таврии, и по тревоге выходила навстречу наступающим красным и после боя возвращалась в Серагозы. На этот раз я поручил Андромаху солдату нашего орудия и получил ее без всяких затруднений и в хорошем состоянии.

Было несколько боев, ничем не замечательных. Красные обыкновенно после недолгого боя отходили. Запомнился только один случай. Мы выбили красных из хутора. Батарея остановилась на улице. Вдруг из-под амбара вылез наш фуражир. Он поехал за фуражом, когда красные заняли хутор, успел залезть под амбар и просидел там все время боя. Он

не знал, кто занимает хутор, и боялся вылезти. Но увидал нашу батарею, узнал лошадей и тогда вылез.

Брат решил запрячь в тарантас Андромаху и Анафему, лошадь Шкалова, которые были сестрами и совершенно одинаковые. Гордые кабардинцы не хотели идти в упряжи. Терпением и упорством мы их идти заставили. Получилась очень нарядная пара. Но раз мы встретили начальника штаба дивизии, который так ими восхищался, что мы решили прекратить поездки — еще, чего доброго, отберет.

В Серагозах произошел забавный случай. У крестьян я нашел книжку рассказов Горбунова. Лег на кровать, один в комнате, читал и смеялся навзрыд. Вошла хозяйка, постояла и ушла. Через несколько минут вошел поручик Мальцев.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. Почему ты спрашиваешь?

— Так. Что ты читаешь?

— Горбунова. Вот послушай.

— Ах, тогда я все понимаю.

— Что ты понимаешь?

— К нам в соседнюю хату прибежала твоя хозяйка и сказала, что ты с ума сошел — лежишь один и хохочешь.

Я стал читать, и мы оба смеялись до слез. Вошла хозяйка, с недоумением на нас уставилась и исчезла.

— Ха-ха-ха. Она побежит и скажет, что оба спятили. Ха-ха-ха.

Я любил сигналы, которые играл горнист. Поэтична заря. На обед: «Бери ложку, бери бак, хлеба нету, иди так». Но не любил очень красивый «генерал марш»: «Всадники други, в поход собирайтесь...» — потому что это значило поход и бой.

За Днепр (25 сентября — 1 октября 1920 года)

Как-то по «генерал маршу» поседдали, заамуничили и пошли по направлению к Днепру. К нашему удивлению, боя не было и красных мы нигде не встретили. Дошли до деревни Лепетихи. В ней постояли и пошли обратно.

Стало смеркаться, когда мы подошли к Днепру, южнее города Никополя. Берег был отлогий, и саперы наводили понтонный мост. Было тепло, квакали лягушки. Наша пехота уже переправилась, но стрельбы слышно не было. Вскоре мост был окончен, и дивизия Барбовича пошла на ту сторону. Шли мы всю ночь, не встречая красных. В одном месте проходили под высоким железнодорожным мостом. В то время

когда шла наша батарея, на мост наверху выехал тихонько красный бронепоезд. Мы фактически шли под ним. Мы видели высунувшуюся из него фигуру, чтобы спросить нас:

— Какой вы части?

Никто не ответил.

— Эй, вы! Какой вы части, спрашиваю.

Мы молча прибавили шаг.

— Что за черт? Оглохли вы совсем?

Так он от нас толку и не добился. Когда мы немного отошли, сзади раздался взрыв. Очевидно, наши подорвали путь.

А мы все шли. Наконец стало светать. Перед нами была небольшая река Бузулук с довольно крутыми берегами. Пехота и кавалерия перешли ее вброд, но для артиллерии она была препятствием. Мы стали переправлять орудия при помощи малого плота. А там впереди уже постреливали. Сперва переправилась конно-горная и ушла вперед. Там бой разгорался. Мы долго валались с плотом. Когда мы наконец были на той стороне реки, то бой где-то дальше кипел вовсю. Мы рысью пошли искать наши части.

В самое то время, когда мы подошли, был убит генерал Бабиев, начальник всей операции. Граната угодила в мельницу, на которой он устроил свой наблюдательный пункт. Команду принял генерал Барбович. Смерть Бабиева произвела у нас заминку, особенно у кубанцев. Красные этим воспользовались и атаковали нас. Наши не выдержали и побежали. Части перемешались. Наши обе батареи тоже повернулись и пошли рысью наутек, но в полном порядке.

Кругом черт знает что творилось — крики, выстрелы, разрывы снарядов, отдельно бегущие люди и всюду пыль. Врезались в память два эпизода. Бежит наш пехотинец, его нагоняет красный кавалерист и рубит. Пехотинец падает. Из пыли выскакивают несколько всадников. Один наш, у него пика, и он ей крутит над головой и тем не дает приблизиться к нему трем красным всадникам (у красных пик не было). Вдруг наш останавливает пику и колет одного из преследователей, тот падает, а пика уже снова завертелась. Другие два красных задержали лошадей и не стали преследовать.

Красные нас не атаковали. Мы шли строем. Наша батарея шла крупной рысью за конно-горной. Но конно-горная ошиблась дорогой и заехала в хутор в тупик, а мы прошли вперед по правильной дороге. Теперь мы шли впереди, а конно-горная сзади. Обозненко о чем-то говорил с братом перед нашим первым орудием. Говорил — это не то слово: при этом гвалте нужно было кричать. Они обернулись и подозвали меня знаками. Я выехал к ним.

Через реку

— Нужно перейти реку на рысях. Иначе мы погибли. Если у нас будет несколько орудий на той стороне, мы сможем остановить красных. Важно, чтобы первая лошадь не запнулась... Другие за ней последуют... Вы уверены в Андромахе?

— Андромаха пойдет.

— Тогда идите вперед, выберите место и ведите батарею. Бог в помощь.

Я дал шпоры Андромахе, проскакал вперед к речке, которая была уже недалеко. Оглядел внимательно ее берега. Налево было место, где тот берег, на который придется лезть, был не так крут. Раздумывать было некогда. Я поскакал к батарее. Обозненко на меня взглянул, я наклонил утвердительно голову, он тоже. Я повернулся к ездовым. Они все трое кивнули мне — поняли. Я направил свое первое орудие слегка влево. Батарея пошла за нами. С бьющимся сердцем я подошел к реке. Осенил себя крестом и толкнул Андромаху. Она запнулась на полсекунды, вытянула вперед передние ноги. Я откинулся назад, и мы съехали как на салазках. В воде мы подняли каскад брызг. Только бы дно не было вязким! Я бросил стремяна, но Андромаха шла, вода доходила ей до груди. Я обернулся, надо мной висел передний мой вынос. Я пришпорил Андромаху и она полезла, как кошка, на тот берег. Я лег ей на шею и вцепился в гриву. Здесь я оценил кабардинскую породу — горную. Андромаха сделала еще усилие всем телом и выскочила наверх. Сзади грохнулось в воду орудие. Передний вынос уже карабкался. Ездовой, красный от напряжения, вопил. Я спрыгнул на землю, ухватил под узцы подручную лошадь и тащил ее наверх. Появились мои солдаты и схватились за построшки. Все орали. Передний вынос был наверху, тянули средний. Появились солдаты других орудий и налегли на построшки. Вот и средний вынос наверху. Появился коренник. Было одно мгновение, когда орудие и передок, казалось, утянут лошадой назад. Но солдаты налегли дружно, и коренник и орудие покатились по ровному. А там уже бухнулось второе орудие. Уф! Отер дрожащей рукой лицо, где грязь смешалась с водой и потом. Там теперь знают, что это возможно, и знают, как делать, и там народу много. А у конногорной орудия совсем легкие. Пошел к своему орудью. Лошади еще дрожат и дымятся, а езовые улыбаются с перекошенными лицами. Появились брат и Обозненко, изливая водопады воды. Второе орудие наверху и третье лезет. Обозненко уже устанавливает батарею.

Наши обе батареи перешли реку на рысях. Это длилось — разве можно сказать, сколько времени делятся такие дела, — очень не долго.

Обе батареи выстроили сейчас же фронт. К ним пристроилась гвардейская и восьмая батареи. Они должны были пережить то же, что и мы. Получился внушительный фронт из 16 орудий. Не помню, право, кто им командовал. Мы встретили зарвавшихся красных картечью, и они отхлынули так же быстро, как пришли. Слева с горы спускались красные конные резервы, чтобы нас прикончить. Они были так уверены в победе, что шли сомкнутыми колоннами. Мы повернули огонь на них и сделали у них буквально кашу. Было видно, как взлетали кони и люди. Вся эта конница перемешалась и пустилась наутек врассыпную. И тогда наступила тишина. Наши части смогли собраться, перейти реку и отступить к Днепру. Красные нас не преследовали. Их артиллерия послала нам вслед несколько снарядов для очистки совести. Когда все стихло, мы с Обозненко подошли к тому месту.

— Неужели тут прошли на рысях две батареи?

— Если бы мне это рассказали, я бы не поверил.

Во время перехода никто не обращал внимания ни на снаряды, ни на пули — так все были заняты делом.

Красные успели перевести с Польского фронта громадные силы. Вероятно, две конные армии. Севернее нас, у города Александровска, у другой нашей группы, перешедшей через Днепр, была тоже неудача. Очевидно, красным удалось узнать через своих шпионов наши намерения, и мы наткнулись на массы войск. Но благодаря хорошему действию нашей артиллерии мы избежали разгрома и смогли спокойно отойти на наш берег Днепра. Тут в тумане эскадрон Изюмского гусарского полка²⁵² свалился в крутой овраг. Были раненые — и люди, и лошади. Очень странно, что красная артиллерия смолкла, как только наша открыла огонь. Дивизия вернулась в Серагозы. Было, вероятно, начало октября 1920 года.

Общее положение

Армия представляла еще очень внушительную силу. Но народ устал от войны, и приток добровольцев прекратился. Земельная реформа Врангеля была объявлена слишком поздно и не дала еще результатов. Ее бы надо было объявить, когда мы были под Орлом. С крестьянскими восстаниями мы не сумели связаться. Они были плохо организованы и жестоко подавлялись красными. У нас не было резервов. Все наши части должны были все время сражаться и непременно побеждать. В случае неудачи их нечем было заменить, и неудача могла обратиться в катастрофу. Как наше командование не создало резерва, когда у нас было пол Европейской Рос-

сии? Даже сейчас тылы кишели окопавшимися военными, всякими ненужными учреждениями и обозниками.

Мы не смогли убедить «союзников» в опасности коммунизма и в необходимости помочь нам как следует. Польша заключила мир с большевиками, и надо было ожидать притока массы войск на наш фронт. А главное — Красная армия стала много лучше. Она выросла не только численно, но и в боевых качествах. Этим она была обязана мобилизации офицеров старой русской армии. Эти мерзавцы не пошли к нам добровольно, не исполнили своего долга. Старались спрятаться и отсидеться. Но они не посмели послушаться красной власти и пошли ей служить, и служили усердно. Это каиново предательство не спасло их от концентрационных лагерей, тюрем и расстрела.

Слабым местом нашего фронта была Каховка на Днепре. Там у красных был высокий берег, а у нас низкий. Много раз под защитой артиллерии красные пытались перейти Днепр. Наши части давали им отойти подальше от прикрытия артиллерии и потом опрокидывали и гнали до воды. Но красные не считались с потерями, усиливали части и артиллерию.

Тогда наше командование придумало очень смелый маневр: пропустить красных к Перекопу и потом атаковать их в спину. Перекоп все лето укреплялся. Там были вырыты прекрасные окопы и даже несколько рядов с проволочными заграждениями. Но, как водится, командование забыло, что защитники — люди, и не приготовило ни землянок, ни колодцев, ни дров, ни складов провианта, ни складов патронов и снарядов. Когда мы попали на Перекоп, в лютый мороз, снег и ветер, то жизнь там была невыносима. Правда, невыносима она была и для красных. Но их было много, и они могли меняться. У Каховки наши батареи никогда не были, а на Перекопе побывали. Перекопские укрепления были заняты пехотой, а мы, кавалерия, остались в Серагозах.

Был октябрь 1920 года, стало холодно, и выпал снег. Я заказал себе валенки выше колен и пошел их получать. Валенки были хороши и хорошо мне служили. Когда я расплатился с мастером, он пожал мне руку и сказал:

— Вы один из немногих, которые мне заплатили, большинство забирает и уходит.

Я был сконфужен за наших. Вспомнил такой же случай в маньчжских степях, с бараньими полушубками. Когда я шел от мастера в валенках, то услышал сигнал: «Всадники други, в поход собирайтесь...» Как вовремя я получил валенки.

Мы выступили и пошли к юго-западу, в направлении Каховки. Смеркалось, и шел снег. Я заснул идя. Колонна шла в поводу, и я проснулся,

наткнувшись на круп предыдущей лошади, когда колонна остановилась. Думал, что спать на ходу нельзя: ан можно. Остановились в какой-то деревне, название которой не записал. Мы не вошли в деревню, остались ночевать в сараях на окраине. Очевидно, чтобы быстро собраться. Ночевали отвратно. Простояли тут день.

Отсюда уехали и брат, и Александров в обоз в Феодосию. У меня было двойное чувство. С одной стороны, я был рад за него, потому что предстояли жестокие бои. Но с другой — не хотелось расставаться в такое тревожное время. Я дал ему карабин. Это был последний раз, что я пожал руку брату. Больше я его не видел. Он умер в Константинополе от менингита.

Бой

Наша дивизия была где-то очень близко от Каховки. Рано утром приказ: «Седлать, замуничивать». Мы вышли из деревни и сразу же наткнулись на красную кавалерийскую дивизию. Начался очень упорный бой. Мы стояли возле генерала Барбовича, когда в его свиту ударила граната и один всадник улетел волчком вверх, как под Егорлыцкой. Близость Каховки давала себя знать, красная дивизия упорно выдерживала все наши атаки, бой был жаркий. Но с нашей стороны, откуда ни возьмись, появилось штук двадцать светло-серых легких грузовиков «форд» с пулеметами. Они выстроились цепью и пошли на красную кавалерию. Метод был новый и увенчался полным успехом. Красные бежали, а «форды» их преследовали и нанесли значительные потери. К сожалению, вечером почти все «форды» бросили, предварительно испортив, из-за недостатка бензина.

Мы шли рысью сейчас же за «фордами». В одном месте прошли мимо разбитой красной батареи. Стояло два покинутых орудия, лежали убитые лошади и люди в красных чакчарах (штанах), что указывало, что это была хорошая часть. Мы взяли снаряды из передков, а орудиями не заинтересовались. Сняли только затворы и прицелы и побросали их в колодец в следующей деревне. Мы не остановились в этой деревне, а шли всю ночь и весь следующий день. Было очень холодно.

Уезжая, брат сказал мне, что поедет на Геническ и через Арабатскую Стрелку, там, где мы стояли на фронте. Брат и Александров уехали, а на следующий день мы узнали, что красные перешли Днепр у Каховки и один красный кавалерийский корпус прошел по всей Таврии до Геническа (18/31 октября 1920 года). Я страшно волновался за брата. Успел ли он проскочить на стрелку или?.. Но возле Геническа оказалась наша пехота,

тяжелая батарея и Донская дивизия генерала Абрамова. Они взяли красных в переделку, разгромили, и красные бежали так же быстро, как пришли. Красные были разбиты, но про судьбу брата я ничего не знал.

После упорного боя с красной кавалерийской дивизией мы поняли, что идти атаковать красных у Перекопа мы не можем. Красные имели громадное количество войск, а кроме того, у нас был недостаток снарядов и патронов. Это был наш хронический недостаток. Патроны и снаряды мы получали из старых военных русских запасов из Франции, и нам их давали понемногу... Теперь мы были бы рады уйти в Крым.

Рождественка

Проходом красной конницы до Геническа мы были отрезаны от Крыма, но я почти не волновался. Мы были прекрасной дивизией с хорошим командиром и, так или иначе, сумеем пробиться в Крым. Было ужасно холодно. Но из-за того, что земля промерзла, идти было легко, не застревали. Мы шли уже не на Перекоп, а на Чонгарский мост. После боя с красной кавалерией мы, не останавливаясь, шли ночь, весь день и всю следующую ночь. Останавливались только для кормежки лошадей. Под утро мы оказались перед селом Рождественкой. Но тут дорогу в Крым нам преградила красная кавалерийская дивизия. Начался бой, который длился весь день, и в конце концов мы не могли оттеснить или прогнать красных.

Стало темнеть, бой постепенно замер. Мы отошли. Но вдруг, откуда ни возьмись, появился батальон Корниловского пехотного полка. Они ехали на повозках и направлялись в Рождественку, занятую красными.

— Эх, кавалерия, слабо, значит? Мы должны вам подмогнуть? — иронически кричали нам корниловцы.

Они это сделали крайне просто. Из-за холода красные, думая, что они нас окончательно отбили, не выставили охранения. Очевидно, все жалось к теплым хатам. Корниловцы, никого не встретив, въехали в село, доехали до главной площади, слезли с повозок, выстроились развернутым фронтом. Дали залп по хатам в одну сторону, еще один залп, прокричали «Ура!», повернулись кругом и дали туда два залпа и прокричали «Ура!». Этого оказалось вполне достаточным, чтобы привести в полную панику прекрасную красную конную дивизию, которая еще час назад выдержала все наши атаки.

Услышав залпы и «Ура!», мы на рысях пошли в Рождественку и наткнулись на спасавшихся красных кавалеристов. Они были всюду: на улицах, в садах, в амбарах, в хатах. Батарея взяла 17 пленных, вовсе их

не отыскивая, они сами натыкались на нас. А сколько взяли полки, которые шли перед нами? Я тоже взял пленного. Смертельно усталый, я вошел в дом, указанный квартирмейстером, и увидел винтовку и шашку, прислоненные в углу.

— Где он?

Хозяйка молча указала на громадную печь.

— Выходи оттуда, — сказал я грозным голосом.

Появился трясушийся кавалерист. В это самое время вошел капитан Малов.

— А, красный? Сейчас мы тебе выколем глаза иотрежем нос.

Тип затрясся.

— *Laisse done, Sacha, tu vois qu'ii va pisser de frayeur.*

— Что ты на меня уставился как дурак. Поработай немного. Ставь самовар.

Пленный не осознал сказанного, в такой он был панике. Но хозяйка, обрадованная мирным исходом, толкнула его к самовару. Тогда он схватил ведро, налил не туда, куда следует, и залил водой всю хату.

— Ах, паршивец, даже самовара поставить не умеешь.

— Простите, господин офицер, это я от радости ошибся. Мы очень устали, хотелось спать. Что делать с пленным?

— Полезай на печь и не двигайся. Если ты слезешь с печи ночью — я убью тебя как собаку, — сказал ему Малов.

Мы легли на лавки и моментально заснули. Пленник легко мог нас зарезать. Но он этого не сделал. Наоборот, как только мы проснулись, он принес воды, чтобы мы умылись, поставил самовар и всячески служивал. А вот о его коне мы спросить не догадались, только сейчас, печатая это, вспомнил о коне. Поздновато. Опять горнист трубил поход и, вероятно, бой. К Рождественке приближался красный кавалерийский корпус. Мы пошли ему навстречу.

Взвод нашей батареи встал на возвышенности. В долине перед нами наступали полки, а на той стороне, на возвышенности, открыли огонь три красные батареи. Конно-горная занялась одной из них, мы заставили замолчать другую. Но в это время произошла знаменитая атака кавалергардов на центр красной кавалерии, и мы увлеклись и стали им помогать, обстреливая красную конницу. Этим воспользовалась третья красная батарея. Она взяла наш взвод под обстрел. Две шрапнели лопнули сзади нас, две другие впереди. Вилка. Нужно было ожидать, что следующие будут по батарее.

Я крикнул моему соседу, поручику Меншикову, чтобы он скорей скрылся за щит орудия, и сам побежал к своему орудию и только наклонил голову за щит, как над нами лопнули четыре шрапнели. Мен-

шиков, не успевший скрыться, и один солдат моего орудия были ранены, а коновод моего орудия, Чудук, был убит шрапнельной пулей в висок. Он упал, но лошадей не распустил. Так он нес службу даже после смерти. Я убедился, что он крепко держит лошадей, и оставил его держать. Орудия же пошли врозь в поводу, чтобы избежать дальнейших потерь. Но к нашему изумлению, красная батарея больше не стреляла. Оказалось, что другой взвод нашей батареи видел огонь красной батареи и поспешил подавить ее.

Когда я вернулся взять у мертвого Чудука повод Андромахи, то должен был с силой разжать его руку. Мы взяли тело Чудука, чтобы похоронить, но так как мы все время шли, то похоронили его только в Крыму на хуторе близ Юшуни. Сколотили гроб, похоронили. Каждый прочел те молитвы, которые помнил. Это было трогательно. Не всякому и такие похороны доставались. Сделали из досок крест и чернильным карандашом написали имя. Дождь вскоре, вероятно, смыл надпись. Мать напрасно ждала его возвращения.

Мы отбросили, но не уничтожили красную дивизию. Очевидно, перед нами находились массы красной кавалерии, вероятно, вся армия Буденного. Если бы он лучше ею управлял, он не пустил бы нас в Крым. Мы решили, благо путь был свободен, идти в Крым. Конечно, красные все сделали, чтобы нас туда не пустить.

Верность пленного

Я вернулся в хату за вещами. Мой пленный меня с нетерпением поджидал.

— Вы уходите? Не оставляйте меня здесь. Возьмите меня с собой.

Я был в затруднении. Стеснительно обладать пленным. Что я с ним буду делать? Он не был крестьянином, вероятно, фабричным.

— Знаешь что, красные вскоре придут сюда, останься в этой хате и дождись их.

— Нет, я боюсь остаться. Случайно один из ваших заглянет сюда и меня расстреляет... Затем, мне вовсе неохота возвращаться к красным, для которых я стал подозрительным. Кто их знает, как они меня встретят?

В этом он был прав. Но верность моего пленника меня очень стесняла. Как от него избавиться?

— Тогда спрячься в саду и скажешь, что сидел там во все время нашего здесь пребывания.

— Нет, нет. Мне повезло, что я попал к вам, и я не хочу с вами расставаться. Другой бы меня просто пристрелил.

— Пожалуй, ты прав, но пойми, что мне некогда с тобой цацкаться. Будут бои. А мои солдаты не захотят тебя принять, потому что ты буденновский кавалерист. Оставайся, это самое простое, что ты можешь сделать.

Наконец, обманом, я удрал от своего пленного, оставив его на произвол судьбы. Но раньше этого я снял с него его шпоры. При случае я говорил как бы нехотя:

— Шпоры эти я снял с буденновского кавалериста... Это было под Рождественкой, были жестокие бои...

В общем, я не врал, но это произошло совсем иначе, чем можно было подумать. А вот коня его я проворонил и седло тоже.

На Чонгар

Дорога в Крым была как будто свободна после боев у Рождественки, но нужно было поспешать, потому что красные, конечно, приложат все усилия, чтобы преградить нам путь. Поэтому мы шли опять день и ночь, нигде не останавливаясь на ночлег. Было холодно, снегу не было. Иногда днем значительно теплело, но ночью был жуткий холод.

Кроме орудия, меня назначили следить за обозом. Я часто останавливался и пропускал обоз мимо себя. Считал повозки, следил за тем, чтобы грузы были равномерно распределены и чтобы солдаты не спали на повозках. Это утяжеляет повозки, и солдат может легко замерзнуть. Как-то ночью проверил повозки. Все было в порядке. Тогда мне пришла мысль сделать самому то, что я запрещал другим. Я решил поспать на повозке. Выбрал наименее нагруженную, прицепил Андромаху и завалился на повозку. Но раньше, чем заснуть, удивился, что повозка идет пустая. Стал шарить рукой, чтобы узнать, что на ней находится. Моя рука встретила ледяную руку. Это был труп Чудука, про которого я забыл. Я соскочил с повозки, спать расхотелось. Я сел на Андромаху и догнал орудие. Возчик рассказал солдатам. На следующий день я услышал шепот между моих солдат:

— Поручик Мамонтов по ошибке лег рядом с Чудуком.

— Плохой признак... Мертвый его позвал.

— Вот увидите, в одном из следующих боев...

Я старался себя убедить, что это глупости, а все же было неприятно.

Из-за холода походы казались бесконечными. Мы все шли, Крым как будто уходил от нас. Мы шли не на самый Чонгар, а на оконечность северного лимана Сиваша. На деревню Ново-Троицкую. Чтобы перехватить путь у идущих нас отрезать красных. В течение дня сильно

потеплело, то есть не было так холодно. Отдельные наши части из Таврии сходились вместе. Образовалась очень внушительная колонна. Тут были кавалерия, пехота и артиллерия. С такими силами мы, конечно, пройдем в Крым, даже если красные дойдут раньше нас к Сивашу.

Подошли и красные. Но пока что это были разъезды, хоть и с пулеметами. Они не решались нападать на нашу громадную колонну, но забегали вперед и вбок и строчили из пулеметов. Помню один случай. Красный разъезд затаился на хуторе, шагах в 400 от нашей колонны, и не смолкая строчил из пулемета. Но наводчик волновался, и был малый недолет. Наша батарея шла как раз мимо. Пыль от цепочки пуль была ясно видна шагах в 30 от нас. Мы почему-то не реагировали и шли. Стоило ему поднять прицел на одно деление, и пули были бы на батарее. Наконец все же какая-то батарея решилась, снялась с передков и послала в хутор несколько низких шрапнелей. Стрельба тотчас же смолкла. Давно бы так.

Наконец мы дошли до деревни Ново-Троицкой и увидели Сиваш. В это же самое время подошли и красные, которые должны были нас отрезать от Сиваша. Слишком поздно. Произошел короткий бой, в котором мы участия не принимали. Красных отбросили, и все успокоилось. Наша батарея встала на юго-восток от деревни, возле дороги. Колонна остановилась.

Ново-Троицкая

Офицеры нашей батареи и многие солдаты ушли в деревню, шагах в 300, искать съестного. Я же почему-то остался на батарее. Вдруг я услышал частую и близкую стрельбу. Стреляли в нашу сторону, судя по звуку, то есть красные. Но видеть я ничего не мог — высокая сухая трава загораживала от меня то, что там происходило. А происходило скверное. Я оглянулся и увидел, что я единственный офицер на батарее. Проскакал всадник и крикнул мне: «Красные!» Тогда я решился.

— Батарея, к бою! Направо марш. Стой. С передков.

Солдат на батарее было мало. Потому я собрал их всех к трем орудиям, прибавив к ним ездовых. Не загорелась бы сухая трава от выстрелов...

— Прямо на стрельбу. Прицел 20, трубка 20. Первое, второе, третье. Первое, второе, третье!

Трава, к счастью, не загорелась. Стрельба в нашу сторону смолкла, как по волшебству, и даже раздались отдельные ружейные выстрелы от нас к ним. Мы все привыкли по слуху определять, куда и кто стреляет.

Появился запыхавшийся от бега Шапиловский. Я думал, что он меня разнесет за стрельбу вслепую и без его приказа. Но он кивнул мне и крикнул:

— Продолжайте, так хорошо.

Я прибавил слегка прицел — ведь красные бегут — и выпустил еще три очереди. Стрельба наших усилилась, заработал наш пулемет, и все снова смолкло.

— Отбой.

Появился начальник штаба нашей дивизии, верхом.

— Вы очень вовремя открыли огонь, — сказал он Шапиловскому. — Благодаря вам их внезапная атака не удалась. Поздравляю вас с точной пристрелкой.

— Хм... — ответил Шапиловский и скосил глаза в мою сторону.

Наши офицеры прибежали один за другим и рассказали, что произошло. Успокоенные тем, что в предыдущем бою красных, видимо, отбросили, наши расположились бивуаком и стали закусывать. Охранения, конечно, не поставили. Этим воспользовался красный батальон и, прикрываясь несжатой полосой кукурузы, подошел вплотную к нашим и внезапно атаковал их. Поднялась паника, и наши побежали. Но в это самое время прилетели мои шрапнели и по чистой случайности поразили красных, а не наших. Две низкие шрапнели разорвались очень хорошо и на глазах у всех свалили нескольких красных пехотинцев. Красные замаялись, наши приободрились, и красные побежали в ту же кукурузу, откуда пришли. А наши стали их преследовать. Вот и все. Обозненко не хотел верить, что я ничего не видел и стрелял на слух.

Человек восемь наших офицеров собрались группой, открыли консервы «корнед-биф», как вдруг над нами разорвалась на этот раз красная низкая шрапнель, самая смертоносная, и окатила нас всех конусом пуль. По дикому счастью, никто не получил и царапины, а теоретически мы все должны были быть убиты. Красные тоже стреляли на слух, не видя батареи, но по слуху подозревая ее позицию. Они не видали блестящего результата своей стрельбы и огня не повторили. Мы все же быстренько разошлись.

Мы пошли вдоль Сиваша на Чонгарский мост. Одна красная батарея стреляла прекрасно. Она до самой темноты преследовала нашу колонну, оставаясь сама невидимой. Только сумерки заставили ее замолчать. Стрелял, конечно, офицер, он хорошо применял гранаты с замедлителем, чего солдат бы не сумел. Капитан Деревянченко, пулеметчик конно-горной, был ранен осколком гранаты в живот, рана почти всегда смертельная. Его провезли мимо меня. Я ему что-то сказал. Он не ответил, но взгляд его говорил, что он понимает, что это

конец. В темноте мы прошли предмостное укрепление Чонгарского моста. Были хорошие окопы с проволокой, и заняты нашей пехотой. Мы перешли мост. Наконец-то мы были в Крыму. Я крепко заснул в седле, и благодаря холоду Андромаха прибавила шагу и завезла меня в гусарский полк, шедший впереди нас. Проснувшись, я никого не узнавал.

Меня послали квартирьером на какой-то хутор. Квартирьерство было смехотворное. На наши две батареи дали одну маленькую хату. Все поместиться в ней не могли и постоянно менялись, чтобы погреться. Потому что с наступлением темноты стало дико холодно и поднялся ветер. Я же, на правах квартирьера, завладел стулом и спал, несмотря на воздух, «где топор вешают». Бедные наши лошади, некормленные и непоенные, стояли на холоде. Но все же мы были в Крыму. Красным не удалось нас от Крыма отрезать.

Чирик

Нашу кавалерийскую дивизию поставили на отдых в резерв. Наши две батареи стояли на хуторах западнее Чирика. После походов и холода нам казалось, что квартиры замечательны. Тепло, просторно, сытно и даже книги. Тут похоронили Чудука. Со стороны Перекопа раздавался день и ночь, не смолкая, орудийный гул. Нельзя было различить отдельных выстрелов, это был общий гул. Там должно было быть уютно.

Сиваш отделяет Крым от материка. Это неглубокие морские озера с вязким дном и очень соленой водой. Из-за солености Сиваш не замерзает. Крым соединяется с материком тремя перешейками. Перекоп в 8 верст ширины. Чонгарская дамба и мост и Арабатская Стрелка. Средняя ширина Сиваша 12 верст. Но в том, 1920 году в октябре и ноябре наступили сильные морозы, да еще с ветром. Мороз доходил до -17 и даже до -21 градуса по Реомюру. Сиваш промерз до дна, чего никогда не случается. Это очень увеличило наш фронт. Сама природа помогала красным. Красная пехота перешла по льду на Чувашский полуостров и ночью захватила там наш конный разъезд-охранение. Тут погиб с эскадронам сумских гусар²⁵³ мой дядя, Николай Саввич Мамонтов²⁵⁴. Но тогда я этого не знал.

Нас подняли по тревоге, и мы пошли на Чувашский полуостров. С рассветом произошел бой. Мы согнали красную пехоту, она ушла на лед Сиваша, где наша кавалерия их преследовать не могла — лошади скользили на льду. Лед был до дна. Даже наши гранаты не вызывали

столба воды, как обыкновенно. Мы отошли, и ночью красная пехота снова перешла Сиваш. Снова бой, и опять мы их отогнали на лед.

На берегу Сиваша стояли наши орудия без запряжек. Артиллеристы просили перевезти орудия дальше от берега, что мы и исполнили нашими запряжками. Какая-то пехотная часть нас тут сменила, а нашу кавалерийскую дивизию двинули к Перекопу. Крым горист к югу, а на севере очень плосок и низок. Солончаковые степи, без деревьев, без ручьев и рек. Селения очень редки.

Перекоп

Окопы на Перекопе были хороши и даже с проволочным заграждением. Но опять наши штабы забыли, что имеют дело с живыми людьми. Ни землянок для людей, ни складов, ни дров, ни колодцев предусмотрено не было. Стоял один-единственный громадный стог соломы. Но его заготовило не интендантство, а жители. Мы к этому стогу и притулились. Стог спасал нас от ветра и отчасти от холода, служил для кормежки лошадей и для топлива, когда это было возможно. Он даже служил нам наблюдательным пунктом для батареи. Воды не было. Лошади и мы должны были есть снег, а его было мало.

Сколько времени мы пробыли в боях на Перекопе, не могу в точности сказать. Был один сплошной и очень упорный бой, днем и ночью. Время спуталось. Может быть, всего несколько дней, вероятнее, неделю, а может быть, и десять дней. Не знаю. Время казалось нам вечностью в ужасных условиях. Красные были, понятно, в таких же плохих условиях. Но у них было громадное преимущество в количестве войск. Части сменялись и отходили на отдых, чего у нас не было. У нас дрались бесменно все те же части, и утомление доходило до апатии. Спали мы следующим образом: каждый вытягивал из стога как можно больше соломы и все падали в кучу и покрывались соломой. Каждый старался залезть в серединку кучи. Спали 20 минут, потом кто-нибудь будил всех и начинали танцевать, чтобы согреть онемевшие члены. Потом опять падали в кучу и спали еще 20 минут. А иногда из-за боя совсем не спали.

Батарея стояла в низине недалеко от стога, полускрыта от глаз противника. Окопы были от нас в ста шагах. Мы испытывали чувство голода и жажды. Есть было нечего, а вместо воды ели снег. Мои валенки приобрели громадное значение. Под английскую шинель я напихал соломы на грудь и на спину и стянул ремнем, чтобы не вываливалась. Понятно, все эти дни не раздевались и не мылись. Вшей хоть отбавляй.

Красные стянули громадные силы, не считаясь с потерями. Артиллерия их гудела день и ночь. Снаряды с визгом проносились над нашими головами. Атаки следовали одна за другой. Я был свидетелем, как целая бригада красной конницы атаковала окопы и вся погибла на проволоке. Они не отступали, кричали и махали шашками, а их косила наша картечь и пулеметы. Наши смеялись над красными, но меня это испугало. С войсками, которые гибнут, но не отступают, они нас прорвут рано или поздно. Казалось, что красные кавалеристы были или пьяны, или под наркотиками.

Мы все стали нервничать. Я видел, как Обозненко «кланялся» пролетающим снарядам, чего он никогда не делал. Были потери и у нас, и у конно-горной. Раз нашей кавалерии пришлось загонять нашу же пехоту обратно в окопы, которые она хотела покинуть. Тоже нужно их понять. Бессменно сидеть под сильным огнем, в мороз, без пищи — можно впасть в отчаяние.

Было несколько линий окопов, и иногда мы все же меняли позиции и отходили на следующую линию. Очевидно когда красная артиллерия разбивала проволоку и окопы. Но перемена позиции не вносила долгого облегчения. Красные подходили и подвозили артиллерию, и атаки снова начинались.

Как-то ночью я почувствовал, что меня теребят за ногу. Я поднял голову. Один из солдат моего орудия, приложив палец к губам, манил меня. Обеспокоенный, я последовал за ним. Вдалеке от всех, в дыре, солдаты моего орудия сварили суп из снега и барана, которого они достали кто их знает как и где. Варили они суп в ведре, из которого поили лошадей, не очень чистого, но ах как он был вкусен, этот суп! Черпали по очереди ложкой из ведра. Я был очень тронут тем, что мои люди не стали есть без меня, а позвали. Обыкновенно в такие трудные моменты люди становятся эгоистичными. Я почувствовал дружескую связь с моими людьми, и это чувство было приятно.

Малый подвиг

Мы собирались отступить на новую позицию. Полковник Шапиловский позвал меня.

— Поручик Мамонтов, я даю вам приказание найти еды для батареи. Мы голодаем.

— Слушаюсь, господин полковник, но скажите, где я должен ее искать?

Жестом руки я указал на пустынную равнину.

— Это ваше дело. Купите, украдите, ограбьте, делайте что хотите, но достаньте нам еды. Вот все деньги, которыми располагает батарея. Тут 200 тысяч. При обесценении денег это немного, но больше у меня нет. Идите и не возвращайтесь без еды. Это приказание.

Это была трудная миссия. Я сел на Андромаху, взял двух солдат с собой и отправился сам не зная куда. Как богатырь в старой былине. Немного дальше был довольно большой хутор. На дворе расположились кавалеристы. Я обратился к хозяину хутора. Он безнадежно махнул рукой:

— Вы же видите, что творится!

Я видел и понимал. Но вдруг я увидел громадную свинью.

— Продай мне свинью. Все равно ее у тебя заберут, а я дам тебе деньги.

— Не хочу я ваших денег. Они больше не имеют цены. Это единственная свинья, которая у меня осталась.

— Посмотри, свинья ранена, она все равно сохнет.

Свинья была действительно ранена пулей, но очень легко. Я нарочно преувеличивал.

— Нет, нет. Не хочу.

Ситуация была нелегкой. Что тут поделаешь? В этот критический момент я получил помощь... от красных. Да. Они стали обстреливать хутор шрапнелью. Я заметил, что крестьянин обалдел от страха. Нарочно я еще увеличил его панику. Мы-то на шрапнели едва реагировали, так привыкли.

— Ты видишь, что все пропало! По крайней мере, ты сохранишь деньги. — И почти насильно я втиснул пачку денег ему в руку.

Теперь я стал владельцем свиньи. Но нужно было еще ее взять и охранить от притязаний кавалеристов. Это вовсе не было просто. Свинья очень резво бегала. Я попросил у кавалериста одолжить мне винтовку, чтобы пристрелить свинью, и промазал в двух шагах. Свинья от меня, я за ней, кавалерист за мной, чтобы отобрать винтовку. Потому что пули начали свистеть кругом, и наши отходили. Надо было торопиться. Кавалерист взял свою винтовку и пристрелил свинью. Один из моих солдат перерубил ее шашкой надвое, потому что поднять ее целиком было бы невозможно — она была громадная.

Я послал одного из моих людей за повозкой, но было уже слишком поздно. Мимо хутора уже шли рысью последние повозки и пули зачастили. Неужели бросим свинью? По счастью, я увидал удиравшую нашу дивизионную кухню. Я вскочил на Андромаху и погнался за ней. На мое приказание остановиться и заворачивать повар не реагировал и продолжал нахлестывать. Тогда я вытащил револьвер, и это сразу по-

могло. Я привел кухню к свинье, и общими усилиями мы ее погрузили и удрали почти самыми последними. Уже закрывали колючую проволоку рогатинами. Мы отыскали батарею. Я поставил своих двух людей сторожить свинью, а сам явился к Шапиловскому.

— Господин полковник, я нашел свинью.

— Какого размера?

— Громадная.

— Bravo. Я же знал, что вы достанете. Хватит и для конно-горной?

— Вполне.

— Возьмите людей, чтобы они охраняли кухню, пока она сварит суп, а то разворуют мясо. Все одичали от голода.

Я расположил кордон охраны вокруг кухни, с приказанием не допускать никого до мяса, даже командира батареи... Сам же нарушил свое приказание и отрезал кусок мяса. Взял немного муки и стреляную гильзу от орудия.

Случайно я встретил гимназического товарища брата, Герасимова. Он был офицером в тяжелой батарее. Мы отошли в сторону. Я замесил муку со снегом и засунул тесто в гильзу. Обложил ее сухой травой и зажег. Получилось плохо пропеченное тесто. Сгоревший порох гильзы служил солью. А мясо жарили на вертеле. Это была роскошная еда. Все ведь относительно.

Последний бой

А бои на Перекопе шли все с большим напряжением и в ужасных условиях. Однажды утром, это, мне кажется, было 12 ноября 1920 года, мы увидели черную линию южнее нас. Она двигалась справа налево, в глубь Крыма. Это была красная кавалерия. Она прорвала фронт левее нас и отрезала нам путь к отступлению. Вся война, все жертвы, страдания и потери стали вдруг бесполезными. Но мы были в таком состоянии усталости и отупения, что приняли почти с облегчением ужасную весть:

— Уходим грузиться на пароходы, чтобы покинуть Россию.

Сперва, однако, нужно было пробиться до пароходов. Нужно было пересечь колонны красной кавалерии.

Регулярная кавалерийская дивизия генерала Барбовича построилась в резервную колонну, то есть самым компактным образом. Впереди поредевшие полки, сзади конные батареи. Было четыре батареи: гвардейская, восьмая и две наши. И началось последнее отступление. В этот день значительно потеплело. Могло быть около 11 часов утра. Простым

глазом было видно два красных конных корпуса. Между колоннами корпусов был промежуток версты в три. Голова первой колонны исчезла в сторону Юшуни. Хвост второй не был виден. Фактически обе колонны закрывали нам весь южный горизонт.

Наш план был крайне прост и смел. В резервной колонне мы направились на рысях на хвост первой колонны и пересекли дорогу между двумя красными корпусами. Красные не могли себе представить такой дерзости и поняли, кто мы, только когда мы пересекли дорогу и продолжали уходить на юг, под прямым углом к дороге. Тотчас же от второй колонны отделилась масса кавалерии и пошла нам наперерез по диагонали. Думаю, что это была бригада (два полка). До них было версты четыре.

Все происходило в полном молчании. Ни выстрела. Почему их артиллерия не стреляла? Может быть, они не были совершенно уверены, что мы белые? Это молчаливое преследование длилось часами. Все время рысью. Впереди наши полки, затем на некотором расстоянии наши батареи и сзади, все приближаясь, красная кавалерия. Лошади наши были изнурены плохими условиями перекопских боев. Батареи, более тяжелые, чем кавалерия, стали отставать от полков все больше и больше. По мере того как проходили часы, батареи оказывались все дальше от наших и все ближе к красным. Сперва мы оказались посередине, а потом даже ближе к красным, чем к нашим.

Наши лошади изнемогали. Было около 3 часов дня. По-прежнему царило молчание. Солдаты начали кое-где срывать погоны — плохой признак. Офицеры молчали. Было ясно, что наши полки не остановятся, чтобы нас защищать. Нужно было на что-то решиться: или бросить орудия и удирать, или же стрелять. Все батареи донесли о неимении снарядов, но каждое орудие зажало несколько шрапнелей на всякий случай. И этот случай представился. Молчание было прервано красным пулеметом. Я не видел поражений, но готова была возникнуть паника.

Вот тогда-то молодой генерал, новый инспектор конной артиллерии, Щеголев²⁵⁵, вышел легким галопом перед батареями, повернул лошадей и зычным, спокойным голосом скомандовал:

— Ба-та-ре-и! Слушать мою команду!

«Слава Богу, — подумал я. — Наконец-то кто-то на что-то решился».

— Батареи, строй фронт!

И Щеголев развел руки, указывая направление фронта. Начиная от первой конно-горной батареи на рысях вытянули внушительный развернутый фронт в 16 орудий. Это сила!

— Стой. С передков. К бою!

Все же была секунда заминки. Слезать ли? Сознаюсь, я тоже. Но от точного выполнения приказаний зависела наша жизнь. Я спрыгнул с лошади, другие последовали моему примеру. Я отдал повод Андрوماхи коноводу и подумал: «Увидимся ли с тобой, Андрوماха?» Побежал к орудью. Мои солдаты исчезли, как случилось в моменты большой опасности. У орудия остались: прапорщик Казизукий, Медведев (доброволец из Ромен) и я. Было поздно искать солдат. Я встал за наводчика, но забыл, как это делается. Тогда я открыл затвор орудия и, вертя рукоятку, опустил ствол до тех пор, пока не увидел атакующих через ствол орудия. Это вполне достаточно, потому что картечь летит конусом.

— Картечью... Три патрона...

Щеголев галопом перешел на левый фланг нашего фронта и чуть выдвинулся вперед, чтобы все орудия могли его видеть. Он поднял над головой фуражку. Медведев зарядил, Казизукий закрыл затвор. Я взял боевой шнур и впился глазами в фуражку Щеголева. Наступила тишина. Потом из степи народился звук как бы града. Было ли это биение моего сердца или топот тысячи скачущих лошадей? У меня было страстное желание взглянуть туда, на атакующих. Но важно дать хороший залп, и я не отвел глаз от Щеголева.

Щеголев наклонялся, наклонялся вперед с напряжением (говорили, что он их подпустил до последней возможности). Он резко опустил фуражку. Шестнадцать орудий полыхнули огнем в реве залпа. Медведев еще зарядил, и я опять выпустил. Что-то ударило меня в плечо. Ранен? Я обернулся. Лошадь без седока проскакала мимо и ударила меня стремением. Я остановил огонь. Раз лошадь проскакала, то впереди нас никого нет. Или они проскакали, или же мы их уничтожили.

Я посмотрел через щит орудия. Пыль все заволокла. Перед нами лошадь бьет воздух четырьмя ногами, и справа можно отгадать силуэты трех удирающих всадников. Это было все, что я видел, от этого последнего классического и решающего боя. Классическим я его называю потому, что каждый артиллерист мечтает остановить конную атаку картечным залпом.

Мои солдаты выросли как из-под земли, с сияющими лицами и погонами на месте. Они копошились вокруг орудия, стараясь заставить меня забыть их дезертирство.

— Как мы их! Просто смели!

Тогда только я отдал себе отчет, что мы победили. Слабость овладела мной. Я сел на лафет и ничего не сказал солдатам за их исчезновение. Коновод подвел Андрوماху.

— Все же свиделись, милая. — Я ее погладил.

Отступление продолжалось, но уже шагом. Больше мы красных не видели. Солдаты смеялись и обсуждали бой. Офицеры молчали. У меня болела голова. Я не знаю, как выбралась пехота, но мы, кавалерия, были вне красного окружения. Дорога на юг была свободна. И этим мы были обязаны хорошей и спокойной команде Щеголева, способствовавшей дружному залпу. Красная бригада перестала существовать.

Были офицеры, которые считали главной ошибкой красных то, что они атаковали нас в лоб. Я же думаю, что они не были так не правы. Они ведь судили по себе. Не нужно забывать, что наши солдаты срывали погоны и удирали. Если бы батареи были солдатскими, атака красных имела бы успех. Но батареи были офицерскими, и это изменило все. Офицеры не побежали.

Последняя шрапнель

К вечеру мы добрались до какой-то деревни, название которой, к сожалению, не записал. Перед деревней была возвышенность. Дивизия здесь остановилась. Кавалерия встала внизу, а батареи остановились на возвышенности. Тотчас же прилетели две шрапнели и лопнули над нами. Очевидно, красные следовали за нами издали, но не решались больше соваться. Никакой необходимости стояния нашего наверху не было. Внизу, рядом, было закрытое от взоров красных пространство.

— Евгений Николаевич, — крикнул я Обозненко, — почему мы торчим тут наверху, когда в нескольких десятках шагов можно встать закрыто?

— Ничего не знаю, — ответил он. — И нахожу глупым выставлять себя без надобности.

Две гранаты ударились в конно-горную. Там были раненые. А приказания двигаться все не было. Тогда, не дожидаясь приказа, которое, видимо, никогда не придет, я повернулся к своему оружию и приказал:

— Рысью за мной.

Я послал Андромаху и опередил орудие шагов на двадцать. В это самое время низкая шрапнель совершенно меня покрыла. Пули вспахали землю кругом Андромахи. Андромаха даже села на зад. Я думал, что и я, и она не только ранены, а изрешечены пулями. Но опять ни у меня, ни у нее не было и царапины. Даже удивительно. Только одна пуля пробилась мне шинель над пахом и застряла в передней луке седла.

Это была последняя шрапнель, которую красные выпустили по нас, и как раз по мне. Поздней мы красных больше не видели и не слышали. Для меня эта шрапнель была предупреждением, что мой договор с

Судьбой кончается. Я как бы слышал голос моего ангела-хранителя: «Я тебя сохранил во все время войны. Теперь ты становишься уязвимым. Не надо больше сражаться».

Действительно, это было впервые, что пуля коснулась меня совсем близко. Никогда пули не пробивали моей одежды, и никогда лошадь подо мной не была ранена. Мне даже кажется, что я был исключением в батарее. А тут последняя шрапнель была как бы специально выпущена исключительно в меня. Странно.

Наша дивизия встала на ночевку в этой деревне. В ней оказался наш обоз. Смеркалось. Мы пополняли снарядами наши пустые передки. По улице шли донцы.

— Спасибо, батарейцы! — крикнули они нам. — Славно вы их попотчевали. Мы наловили хороших лошадей.

Донская конница шла уступом слева за нами. Они видели издали погоню и наш залп. Казачье сердце не могло удержаться, чтобы не броситься ловить всадников и лошадей без всадников.

В обозе мы получили чай и сахар. Но мои товарищи все повалились спать, и я был единственным, который этот чай пил. С каким наслаждением, после перекопских боев. Горячий чай, да еще с сахаром! Раньше чем заснуть, я пошел поить и кормить Андромаху, потому что я ее взял у вестового. В последнем бою у меня сложилось неприятное убеждение, что в случае неудачи коноводы не подали бы нам лошадей, а пустились бы наутек. Мне было приятно знать, что Андромаха у меня под боком и в случае ночной атаки я ее посадаю вмиг. Кроме того, думаю, что я ее кормил и поил лучше, чем солдат. Конюшня была хорошая. Вопреки приказанию не расседлывать, я расседлал и разнуздал Андромаху. Она пила долго, с наслаждением, ела ячмень и вздыхала от удовольствия. Она тоже ценила хорошую конюшню после десяти голодных дней, проведенных на морозе.

— Андромаха, дорогая, ты мне верно служила. Сослужи мне еще службу — довези меня до парохода.

— А там ты меня бросишь!

— Что делать, Андромаха, да, брошу. Я уже бросил Дуру. Будет невозможно грузить лошадей. Да и что с тобой будет за границей? Нет, уж лучше останься в России. Поверь, расстаться с тобой будет мне очень горько.

Затем впервые после долгого времени я заснул на полу, не раздеваясь, но в теплом доме, а не на дворе. Какая роскошь! Красных мы больше не видели. Значительно потеплело. Снег совсем сошел. На солнце было почти тепло. Я все еще ничего не знал о брате и очень за него волновался. Успел ли он все-таки проскочить на стрелку или попал к красным?

Большой подвиг

Выглянуло солнце, и совсем потеплело. Наша кавалерийская дивизия шла на юг к пароходам. Судя по карте, перед нами лежала узловая станция Сарабула. Тут находились склады нашего интендантства. В полной уверенности в неспособности этой организации обеспечить питание на пароходах я решил взять дело в свои руки. Я выехал к голове колонны, где был полковник Шапиловский.

— Господин полковник, что вы скажете, если поехать в Сарабулу и разыскать продовольствие, чтобы питаться на пароходах?

— Прекрасная идея. Как мы знаем наше интендантство, оно, конечно, ничего для этого не приготовило, все оставит красным и само удерет... Возьмите людей и отправляйтесь вперед.

Я взял с собой всего двух солдат. Как я жалел потом, что не взял больше, но я не любил больших свит. На рысках мы опередили колонну и вошли в Сарабулу. Тут творился полный хаос. Интенданты, увидев издали приближение нашей колонны, приняли нас за красных, бросили все и удрали. Толпы вооруженных солдат-мародеров бродили и грабили. На главной улице мы смогли поймать корову и молодого бычка, должно быть отбившихся от стада. Уже кое-что, подумал я, но, наверное, тут можно найти и лучше. Мы остались на дороге ждать прибытия батареи. Вдруг я увидел повозки обоза конно-горной батареи и полковника Лебедева, заведующего хозяйством. Я бросился к нему.

— Господин полковник, хотите я подарю вашей батарее корову, но с условием, что вы мне сохраните бычка?

— Идет, я сохраню его вам даже за морем.

И к моему удивлению, он действительно его сохранил. Как-то в Галиколи он меня спросил:

— Что же делать с вашим бычком?

— Как, неужели сохранили?

— Сохранил.

— Дарю его батарее.

Освободившись от животных, мы направились на станцию. Тут на запасных путях стояло несколько вагонов с пломбами на дверях. Я взломал пломбы. Это было как раз то, что я искал. 5 вагонов с корнед-бифом, с лукой, с сахаром, с английским обмундированием и с подошвенными коками. Я быстро закрыл двери, закрутил их проволокой, поставил своих людей сторожить, а сам бросился на дорогу искать подкрепления против мародеров, которые уже стали собираться вокруг вагонов. Втроем мы не могли удержать вагоны от разграбления. Мародеры были многочисленны, вооружены и агрессивны.

Попав на улицу, я наткнулся на самого генерала Барбовича. Я решительно протолкался к нему и отрапортовал о своей находке.

— Ваша находка чрезвычайно важна, поручик. Но я хочу видеть это своими глазами.

— Идемте, Ваше Превосходительство, это рядом... Вот эти пять вагонов.

В это время мародеры, предупрежденные своим каким-то мародерским нюхом, собрались внушительной толпой.

— Откройте, я хочу видеть, — сказал Барбович.

— Ваше Превосходительство, прошу вас этого не делать. Мы недостаточно многочисленны, чтобы удержать мародеров, — запротестовал я.

— Откройте, — настаивал Барбович.

Один из солдат его свиты открыл дверь. Это был вагон с обмундированием. То, чего я боялся, и произошло. У меня был, видимо, большой опыт, чем у генерала. Толпа мародеров ринулась, оттолкнула генерала и его свиту, ворвалась в вагон и вмиг его опустошила. Барбович был сконфужен. От хотел было открыть следующий вагон, но я воспротивился самым энергичным образом, и он не стал настаивать.

— Оставайтесь здесь, поручик, я пришлю вам помощь и извещу полки, чтобы они прислали повозки за продуктами.

— Ваше Превосходительство, прошу известить также и батареи. И чтобы подкрепление пришло как можно скорей. Человек двенадцать по крайней мере.

— Я пришлю вам тридцать, чтобы удержать эту банду.

— И чтобы повозки приходили с охраной.

— Хорошо, поручик. Я отдам все нужные распоряжения.

И Барбович со штабом ушли на дорогу. А мы остались с вагонами и грозно бушующей толпой мародеров. Было, вероятно, 4 или 5 часов вечера. Подкрепление не прибыло. Повозки от полков являлись начиная от полуночи и до 2 часов ночи, врозь, каждая с офицером, но без охраны. К счастью для полков, повозки нашей батареи явились последними, около 3 часов ночи. Если бы они прибыли раньше, я с ними уехал бы и бросил вагоны. Потому что это была борьба сверх всяких человеческих сил. И я эту борьбу выдерживал в течение по крайней мере 11 часов кряду. Не знаю, право, как мне это удалось и почему мародеры меня просто не убили. Это был сплошной крик, драка, угроза револьвером, ныряние под вагон, чтобы прийти на помощь моему солдату-часовому, которого толпа уже оттеснила. И так без перерыва. Ни об еде, ни о питье нельзя было и подумать. Дивизия ушла ночевать далеко на юг. Сарабула осталась незанятой. Каждую минуту можно было ожидать появления красных. Толпа мародеров, видимо все раз-

грабив в местечке, вся нагрянула на станцию. Она состояла из озверевших, потерявших человеческий образ преступников, вооруженных и бушующих.

Один из моих солдат держал наших лошадей. В случае появления красных лошади были нашим единственным спасением. Другой солдат стоял часовым, но струсил и стоял столбом, не проявляя инициативы. Так что вся защита четырех вагонов, то есть восьми дверей, выпала мне одному. Правда, я все надеялся, что появится обещанная помощь в виде 30 солдат, и это поддерживало мой дух. Самыми трудными минутами был приезд повозок от какого-нибудь полка, без охраны и с робким офицером. Надо было открывать двери, чтобы грузить продукты, а это было самое опасное. Тогда я шел на переговоры.

— Да замолчите вы на минутку. Послушайте, что я вам скажу. Я дам вам мешок сахара, делите его сами между собой. Отойдите от дверей!

Выкидывали в толпу мешок сахара, который они тотчас же разрывали, как звери, и, ползая на четвереньках, мешали друг другу взять с земли. Пользуясь этой возней, я закрывал и закручивал проволокой дверь, а в другую дверь быстро выкидывали на повозку два или три мешка сахару и закручивали двери снаружи. Начинались переговоры о корнед-бифе. Корнед-биф очень хорошо упакован. Добротный ящик, и перевит толстой проволокой. Коробки конические, и можно вытащить коробку, если захватить одну ногтями. Но если захватить одновременно несколько, вытащить их нельзя. Я выкидывал два ящика. Мародеры бросались, и начиналось молчаливое кручение. Несколько человек одновременно тянули и вытащить не могли, пока, наконец, не разрывали проволоку и доски ящика. У меня было время нагрузить и корнед-биф, и муку, и даже подошвенные кожи.

Каждый офицер, уезжая, клялся мне, что пришлет охрану, что известит нашу батарею... и ничего не делал... «Мы получили, а до других нам дела нет...» А я все надеялся и клял нашу батарею, что они все не едут. Приехали повозки от конно-горной. Я слезно умолял офицера предупредить наших. И наконец, часа в три ночи появились повозки нашей батареи, тоже без охраны. Их я нагрузил сколько мог и даже через меру. В дальнейших походах, в горах, одна из перегруженных повозок сломалась и в мое отсутствие была брошена, так как замены ей не нашли. Вторая же, глядя на первую, решила тоже сломаться, чтобы воспользоваться продуктами. Но я был тут и заставил починить и следовать под надзором солдата с плетью. Продуктов нам хватило не только во время переезда, но и первое время в Галлиполи. Интендантство же, конечно, ничего для переезда не заготовило. Противное меня бы очень удивило.

Эту свою деятельность в Сарабуле я отношу к самому большому подвигу во время всей Гражданской войны. Благодаря мне вся наша дивизия была сыта на пароходе и после, а все другие голодали. Обессиленный, я лег на повозку, прицепил бедную Андромаху, некормленную и непоеную. И еще доставил себе удовольствие, отъехав шагов сто, науськать мародеров на остатки провианта в вагонах. Они бросились как дикари и вмиг опустошили все. Когда они ворвались в вагон с мукой, то выскочили все белые, как мельники. Собственно, они мало пользовались — все рвалось и затаптывалось.

На квартире меня ждала награда за мою полезную деятельность. Меня ждал Леня Александров, который привез мне братнин полушубок и рассказал, что они не нашли квартир в городе Геническе и проехали на стрелку, а через час Геническ был занят красными. Так случайно они избежали гибели. Слава тебе, Господи, брат жив.

Через горы

Мы выступили на следующее утро, и нас предупредили, что в Симферополе, через который мы должны были пройти, восстание, и мы должны быть готовыми. Это известие было неприятно, но на практике оказалось, что по нас не стреляли. Восставшие, видимо, трусили и сами попрятались. Все же дивизия шла не останавливаясь и не отрываясь частями друг от друга. С той стороны Симферополя начинаются скалы и вскоре за ними горы.

На этот раз эвакуация была хорошо разработана. Армия грузилась в разных портах. Пехота в Севастополе, мы, кавалерия, в Ялте, кубанцы в Феодосии и донцы в Керчи. Толкотня была только у кубанцев. В Феодосии стоял наш обоз, и оттуда грузился брат. В других портах все прошло гладко.

Вскоре мы вступили в горы, покрытые с северной стороны мелким лиственным лесом. По мере подъема становилось холодно. Я надел полушубок брата. Людям часто приходилось нажимать на колеса орудий и повозок, в местах, где подъем был особенно крут. Упряжные лошади дымились, и приходилось останавливаться, чтобы дать им отдышаться. Только к вечеру, как раз перед закатом солнца, мы достигли перевала и как зачарованные остановились. Грандиозная картина. Налево красные скалы отражали солнце, направо Чатырдаг (1525 м). Перед нами до бесконечности темно-синее море, и у наших ног зеленый сад с белыми домиками. Красота. Так бы и остался любоваться, но на перевале места было мало и нужно было его освободить для друтих.

Дорога круто спускалась вниз. Мы поставили тормоз на колесо орудия. Я сел на лафет, обнял обеими руками затвор орудия и крепко заснул. Солдатам я строго запрещал садиться на лафет. Во сне можно свалиться и быть раздавленным орудием. Орудие пошло рысью со спуска. Из-под заблокированного колеса летели искры, а я спал самым безмятежным образом.

Я проснулся из-за того, что орудие остановилось. Кругом темнота. Я задыхался в полушубке. Какой-то странный шум меня удивил. Ах, это же шум волн. Мы на берегу моря. Мы были в Алуште. Какая разница. С той стороны гор зима, а с этой — весна. Мы остановились на ночь в Алуште и купили, очень дорого, скверное вино.

Вино

От Алушты до Ялты идет прекрасное шоссе, недалеко от берега моря. Справа крымские горы отделяли нас от красных. Горы непроходимы, их можно пересечь только по двум-трем дорогам. По нашим сведениям, таких дорог между нами и Ялтой не было. Кругом был земной рай. Сады и виноградники. Синее небо и темно-синее море, белые домики и часто прекрасные виллы. Справа зеленые горы. Дивизия выступила утром из Алушты и направилась на запад к Ялте. Обозненко подъехал ко мне.

— Шоссе проходит как раз у ворот винных погребов. Это представляет большой соблазн для наших солдат. Но сегодня ночью мы остаемся в арьберггарде. Я вас прошу не напиваться, и постарайтесь удержать людей.

— Я-то не напьюсь. Но что касается солдат, то я бессилен. Они будут пьяны во всяком случае.

Очевидно, шоссе было проведено специально для перевозки вина. На всем протяжении дороги были погреба, один рядом с другим. Они были вырыты в горе. Ворота были у всех распахнуты. Были видны ряды бочек, из которых лилось вино на землю. Солдаты вырывали кляп из бочки и, конечно, не трудились его опять воткнуть. Колонна дивизии становилась все шумней и веселей. Под конец она походила скорей на свадебную процессию, чем на доблестную армию накануне ухода с родины. Я отыскал Обозненко.

— Евгений Николаевич, мне кажется, что вы и я — единственные трезвые в колонне. Это больше не важно, погреба будут нашим лучшим арьберггардом. Красные, конечно, тоже перепьются, а наши, может быть, уже протрезвеют... Я хочу тоже воспользоваться необыкновенным случаем...

— Да, вы правы, валите.

Я прицепил Андромаху к повозке и сам вошел в погреб. Он уходил глубоко в гору. С двух сторон на козлах лежали бочки в три ряда, друг над другом. Из всех лилось вино. На земле его было уже сантиметров 10—12.

Я сложил руки ковшом и попробовал вино и его выплюнул.

— Это молодое, хорошее должно быть в глубине.

Я побрел по вину в глубь погреба, изредка пробуя. Но из-за частых проб я потерял вкус. Пол слегка наклонялся, и вино прибывало, пришлось подтянуть голенища сапог. Я чувствовал, что начинаю пьянеть от паров вина. Лучше вернуться. Можно опьянеть, свалиться и утопнуть в вине. Конечно, это неплохая смерть, но все же... Тут я наступил на что-то, что задержалось, и свалился в вино. Я задираю ноги, чтобы вылить вино из сапог. Темнота была полная. Видно было только далекий светлый квадрат ворот. Ощупью я стал искать, обо что я споткнулся, и нащупал мертвецки пьяного солдата. Я взял его за шиворот шинели и попробовал тянуть. Но вся его одежда пропиталась вином, он был слишком тяжел. Еще из-за него сам свалишься и утопнешь. Я подтянул его к козлам, на которых стояли бочки, и заклинил его голову в развилке. Сперва он выскользнул. Тогда я нажал сапогом и заклинил лицо. Рот его возвышался на несколько сантиметров над уровнем вина.

— Вот, неизвестный солдат, я сделал для тебя все, что мог. Не взыщи. Коль вино поднимется выше твоего рта — значит тебе не повезло.

Я вышел из погреба и был поражен. Шоссе было пусто, колонна исчезла. А я-то думал, что всего проваландался минут двадцать. Я отстегнул кобуру револьвера, чтобы скорей его вытащить в случае чего, и пошел крупным шагом по шоссе, внимательно осматривая кусты. Потому что в горах водились зеленые, род бандитов, которые нападали на одиночек. По обочине дороги лежали недвижные тела солдат, только следы блевотины указывали, что это не трупы, а пьяные. Их было десятка с два. Вдруг я увидел всадника, который сильно качался в седле. Присмотревшись, я с радостью узнал Леню Александрова.

— Леня, как я рад, что тебя встретил.

— Я тоже, Сережа, рад тебя видеть.

Он расчувствовался и чуть не упал с седла.

— Слушай меня внимательно. Я остался без лошади.

— Возьми мою.

— Нет, но поезжай в батарею и пришли мне Андромаху с солдатом, который не очень пьян. Это очень важно. И не свались.

Он пошел крупной рысью, и я с беспокойством следил за ним глазами. Но он не упал, и через некоторое время Половинкин привел мне Андромаху. Как я ей был рад. Я присоединился к батарее, которая с

эскадром гвардейской кавалерии стояла на громадном обрыве, доминирующем над дорогой, долиной и местечком Гурзуф, там у моря, между двумя скалами. Одну из скал звали Аю-Даг. Вся же дивизия ушла в Ялту грузиться на пароход.

Последняя ночь

К моему удивлению, Александров и все офицеры батареи были уже трезвы, чего нельзя было сказать про солдат. Поставили мою пушку на шоссе. Это была прекрасная позиция с обстрелом всех подходов и обходов. Таким образом, моему оружию выпала честь стоять на последней позиции. Мы послали одного офицера вниз, в большую виллу, и он нам принес пять жареных гусей и два ящичка прекрасного вина. Мы поделились с солдатами.

Мы не спали эту последнюю ночь в России. Сидя на обрыве, около орудия, мы обменивались с Александровым мыслями. Что делают наши родители в Москве? Как известить их о нашей судьбе? Завтра уедем. Куда? Что мы будем делать за границей? Как нас там встретят? Нужно будет начинать жизнь с самого начала. Вернемся ли мы в Россию или это навсегда? Что станет с Россией под коммунистами? Что станет с народом?

Мы написали открытку домой и отдали жителям, прося отправить ее немного позже, когда все успокоится. В ней было лишь две фразы: «Мы живы, здоровы и едем в далекое путешествие. С нами Леня». Подписал я «Сима», это значило Сергей Иванович Мамонтов. Открытка дошла и очень обрадовала мать. Она известила отца Лени.

Иногда проезжала повозка, нагруженная телами мертвецки пьяных. Сердобольные крестьяне загружали их и везли. Мы осматривали пьяных и вытаскивали из кучи наших солдат. Клали их на травку, и на следующее утро вся батарея была в сборе и протрезвленная.

По земному раю

Рано утром явился из Ялты ротмистр Чичерин²⁵⁶ с волнующим известием. Оказалось, что через гору существует «царская тропа», дорога, которая вела в удельное имение Массандра, находившееся у нас в тылу. Красные могли нас отрезать от пароходов. Мы забеспокоились и тотчас же двинулись к Ялте. Опасения наши были излишни, красные ничего не предприняли.

В Массандре мы взяли несколько ящиков очень хорошего вина. Директор хотел нам воспрепятствовать, но нам было некогда.

— Отчитаетесь завтра с большевиками.

— Что это значит?

— А то значит, что мы уходим, и завтра придут большевики и все тут разнесут.

Он страшно растерялся.

— Берите все, что хотите.

На этот раз шоссе шло высоко в горах над морем. Солнце сияло, море блестело, было тепло, и горы как-то светились. Крутом стояли зонтичные сосны, красиво вырисовываясь на небе. Там, далеко внизу, совсем маленькие домики в садах. И синее море до горизонта. Казалось, что Россия улыбалась нам при нашем уходе. Решили уничтожить мою пушку, чтобы она не досталась красным. Выбрали глубокое ущелье. Сняли прицел и замок, подкатили к самому краю и по команде столкнули вниз. Орудие ударилось о скалу, перевернулось в воздухе, отскочило, ударилось о противоположную скалу и упало на дно пропасти. В бинокль мы не заметили сломанных частей. Хорошо сконструировано орудие. Прицел и затвор кинули дальше в другое ущелье. Сердце сжималось при виде идущего одного передка в запряжке.

Мы дошли до предместья Ялты и остановились. Испортили орудия, распрягли лошадей. Расседлали. По тревожному гудку парохода мы должны были идти на пристань. Нас предупредили, что, возможно, местные коммунисты будут в нас стрелять.

Прощание

Я обменял подошвенную кожу у жителей на чашку и ложку, которые мне оченьгодились в Галлиполи. Трое старых солдат орудия, линейные казаки, братья Шакаловы и Бондаренко, подошли ко мне.

— Что вы будете делать, господин поручик?

— Я уезжаю.

— А что вы нам посоветуете?

— Я не знаю. Мы поедем за границу. Там жизнь будет трудной. Без языка. Кто знает, сможем ли мы вернуться.

— В том-то и дело. У нас семьи. Мы решили остаться. Но мы не хотели уйти, не простившись с вами. Ведь так много пережили вместе.

— Спасибо. Не забудьте, что красные вам не простят. Но если вы думаете, что сможете выкрутиться, ступайте. Я ничего против не имею... Возьмите с собой Андромаху. Советую вам идти по «царской тропе»

из Массандры — там будет меньше встреч. Возьмите консервов в обозе. И дай вам бог удачи.

— Спасибо. Дай бог и вам счастья.

Мы пожалы крепко руки. Я долго гладил Андромаху. Они пошли. Повернулись.

— Если вернетесь с армией, мы вас отыщем.

С тяжелым сердцем я смотрел им вслед.

Отъезд

На этот раз эвакуация была хорошо организована. В Ялте нас ждал большой пароход «Сарыч». На него из войск грузились только регулярная кавалерия и конная артиллерия и, конечно, беженцы из Ялты. Никакой толкотни не было. Мы оставили на границе города орудия (испорченные) и лошадей. К нам пришел офицер с парохода и сказал, что тревожного гудка решили не давать, чтобы не вызывать паники. Все готово, и мы можем идти. Как только мы поднимемся на пароход, он отойдет. Молчаливая цепочка солдат с винтовками за плечами пошла к пристани. Последние белые, оставляющие Россию. Победенные.

На душе было тяжело. Но было гордое сознание, что мы честно исполнили свой долг. Никто в нас не стрелял. Мы пересекли часть города и поднялись на пароход, который тотчас же отошел. Мне кажется, что это было 3/16 ноября 1920 года. Генерал Врангель подошел к нам на своей яхте «Кагул» и сказал нам несколько слов. Борьба не кончена. «Ура!» было ему ответом. Люди гвардии запели национальный гимн. Это было волнительно. Крым исчезал в вечернем марева. Мы покинули Россию навсегда.

С. Туржанский²⁵⁷

ДНЕВНИК ПОРУЧИКА, МЛАДШЕГО ОФИЦЕРА СЕМИЛЕТОВСКОЙ БАТАРЕИ²⁵⁸

1 сентября. Правее станции Бельманка отрезали два бронепоезда. Красивая была картина, когда окруженные со всех сторон человек триста конных и два бронепоезда медленно стали двигаться на станцию Царе-Константиновка, пытаясь прорваться. Их подпустили на две версты и встретили огнем двух батарей. Все понеслось назад, но первый бронепоезд упорно отстреливался и замолчал лишь тогда, когда в него

попали два снаряда 2-й батареи. Нам он случайным попаданием убил 5 лошадей и казака и одного ранил. Я, адъютант и командир дивизии сразу стали пешими. Ночевали в Гусарке, 3-го в Конских Раздорах, а 4-го перешли, после небольшой перестрелки, в Махноград—Гуляй-Поле.

6 сентября. Нами окружена 23-я дивизия. Ее забрал целиком Дон-корпус. Ее состав был до 6 тысяч штыков при 26 орудиях. Наша дивизия взяла все орудия, из них 3 тяжелых, и до 4 тысяч пленных. Произошел такой эпизод: фронт был на юго-западе, красные были отрезаны от своего тыла. В версте за нашей лавой стоял штаб дивизии. Окруженная пехота залегла и медлила сдаваться. Временно все затихло. Вдруг мы видим, что с бугра бегут наши повозки, видна несущаяся назад кавалерия и за ней лава. Видно, как блестят шашки. Все это мчится на штаб дивизии, а у нас лишь 60 всадников конвойной сотни да два пулемета. Подпустили на полверсты и открыли из двух пулеметов огонь по второй лаве. В это время летит без шапки казак и кричит, что стреляем по своим, а те, которых приняли за своих, на самом деле прорвавшиеся артиллеристы двух батарей, человек 70. Они уже проскакали нас. Бросились тогда в погоню. Подо мной была очень тупая, обывательская лошадь. Как я ее ни шпорил, меня обскакали почти все и переловили всех красных. Так мне и не удалось достать лошадь и седло.

Среди пленных артиллеристов один из офицеров Корниловской дивизии нашел своего старшего брата. Трогательна была их встреча. Начштаба приказал пленного накормить и сейчас же отпустил. Тот был очень озадачен, так как у красных распространяются всевозможные слухи о зверском обращении белых с пленными, особенно с офицерами.

Нами занят город Александровск. В тот же вечер уходившие из Александровска 4 бронепоезда были вынуждены остановиться, так как нами был взорван железнодорожный путь, где один упал. Но за ночь красные построили обводный путь, и три ушли. Под Александровском захватили 15 железнодорожных составов — санитарные, со снарядами и др. Туда ходила одна бригада с 3-й батареей. Привезли спирту, и мы здорово выпили. Ночевали в Михайловке, следующий день простояли, затем прошли в Жеребец и стали на отдых в Малом Токмаке, где стояли 9-го, 10-го и 11-го. В бою под Александровском произошел трагический случай. Штабс-капитан Титов, стреляя на прицеле 10, дал направление на себя, и так неудачно, что по его же команде снаряд попал в него. Когда хоронили его останки, то самые большие были кисти рук. Хороший был боевой офицер, петроградец, пришел с генералом Дроздовским из Румынии, и здесь судьба послала смерть. А все же это хорошая смерть.

13 сентября. 12-го пошли через Гуляй-Поле на Туркеновку, переночевали, а 13-го под Ольговкой взяли пехотный красный полк. 3-я бата-

рея побила бронепоезд, и он сгорел. Стали в 12 верстах от Волновахи, прикрывая этот узел. 14-го стояли спокойно, но разъезды донесли, что недалеко 7-я Конная красная дивизия. Назаровский полк со взводом 2-й батареи ушел на рейд на Юзовку. В ночь на 15-е стояли с запряженными орудиями, ожидая ночного налета. Действительно, в 2 часа ночи поднялась ружейная и орудийная стрельба, вдоль улиц засвистали пули. Но мы быстро вышли из деревни, стали на позицию и открыли огонь, а 5-й и 6-й полки вышли навстречу противнику и пошли в атаку. Видя, что налет не удался, противник ушел. Взяли двух пленных, и легко ранен был в ногу начальник штаба полковник Соболевский²⁵⁹.

15 сентября. Вышли в поле и в северном направлении верстах в четырех увидели нашего ночного врага. Быстро развернулись 5-й и 6-й полки, резким ударом сбили бригаду 7-й дивизии и погнали ее на север. Штаб дивизии и 6 орудий не могли поспеть за полками и отстали, а с ними 4 сотни 6-го полка (резерв). И противник, и преследующие его полки скрылись.

Вдруг слева появляется еще кавалерия; после оказалось, что это была вторая бригада 7-й дивизии, шедшая на выручку 1-й бригады. Принять бой с нею четырем сотням и штабу нечего было и думать, уходить к полкам — потеряешь артиллерию. Тогда применили военную хитрость. Вдоль железной дороги были кусты. Все подводы непрерывно то выезжали из-за посадки, то снова скрывались, создавая впечатление больших масс. Артиллерия из всех орудий открыла беглый огонь, а штаб и 4 сотни на рысях пошли навстречу бригаде. И цель была достигнута. Красные не решились принять бой и стали обходить нас, идя на север, причем попали между нами и возвращавшимися из погони 5-м и 6-м полками. В результате обе бригады потеряли все орудия, взятые нами в полной исправности.

16 сентября. Ночевать отошли в Ольговку. Выяснилось, что со стороны Валерьяновки наступает пехота с кавалерией, а со стороны Новотроицкого — пехота. Задерживая противника, отошли на ночлег в Платоновку (станция Волноваха). Подошла 3-я дивизия, и мы весь день вели бой. Противника остановили и даже заставили его отойти на Ольговку. Нам очень мешал бронепоезд красных, великолепно работавший.

20 сентября. На станцию Розовка пошла прорвавшаяся 7-я дивизия. Ее надо поймать. Ночью вышли. Верст 15 прошли в направлении на Розовку, а утром узнали, что красные повернули назад. Мы за ними — и столкнулись с нашей 1-й дивизией, преследовавшей 7-ю с другой стороны и вышедшей между нами и 7-й. Пошли в атаку, взяли три орудия, но, по счастью, без жертв и с нашей стороны, и со стороны «противника».

26 сентября. Были 21-го в Туркеновке, 22-го в Пологах, 25-го в Варваровке. Спугнул в саду вальдшнепа. Стал ладить берданку (есть у ветврача Кржипова).

27 сентября. Поохотился! Противник обнаружен в Ново-Успенке. Подошли к самому селу и стали обходить его левый фланг до самого Гуляй-Поля. Оказывается — до 3 тысяч пехоты с кавалерией. Пришлось отойти. Сначала пошли на Пологи, а затем свернули на Новоселовку. У нас радость: с генералом Секретовым²⁶⁰ уехал полковник Грузинов²⁶¹. Говорят, что они едут в Польшу, там формируются казачьи части. Теперь мы вздохнем свободнее. По крайней мере, никто не будет лезть в твою личную жизнь, и не будешь выслушивать каждый день брани интеллигентного хама, самого гнусного из тех бесчисленных хамов, которых появилось особенно много в последнее время на нашей многострадальной родине. И так немного радостей в нашей кочевой жизни с постоянными боями, а тут еще милое начальство.

3 ноября. После восполню промежуток между 27 сентября и сегодняшним днем, а сейчас хочется передать на бумагу события нынешнего знаменательного дня. Сегодня закончилась наша почти шестимесячная борьба с большевиками в Крыму. Шесть месяцев наша маленькая группа, не желавшая склонить голову перед Советами, боролась с противником, во много раз более сильным, и наконец принуждены были сдать Крым, когда враг перебросил против нас свои лучшие силы и массу кавалерии с Буденным и Мироновым. Дорого стоили мы красным, и ушли из Крыма почти все те, кто не хотел сдаваться на милость хама-победителя.

Чего же мы достигли за это время? Во-первых, определилась квинт-эссенция контрреволюционного элемента. Погрузились все те, кто, вероятно, никогда не найдет общего с большевиками языка; а во-вторых, мы убедились, что до тех пор, пока весь народ не скажет определенно своего слова, пока обыватель не перестанет лежать лапками вверх то перед белыми, то перед красными, большевизм без постороннего вооруженного вмешательства не осилить. Народ под его палкой и поневоле направляет свой колоссальный кулак в того, в кого прикажут. Бороться с большевизмом маленьким, хотя бы и храбрым и организованным группам не под силу. Один момент мелькнула мысль остаться. Может быть, удалось бы сохранить жизнь. Но тотчас же пришла в голову картина бродяжничества по голодной России, невозможность вернуться домой, на каждом углу сытый комиссар — и мысль остаться показалась нелепой. Впереди тоже мало радости, но этот путь лучше. Буду до конца тянуть лямку белогвардейца.

Трудно подробно передать все события, что произошли с 26 сентября по настоящий день. Мы снова заняли Гуляй-Поле, стояли в нем

6 дней, пока на нас не сделали налет наши бывшие союзники-махновцы и заплатились своей шкурой. Затем начался наш отход на Малую Токмачку, где на прощание нас накормил отличным обедом старый знакомый — священник, у которого мы останавливались раньше. Дальше на Н. Куркулак, Федоровку, Милошевку и на Малую Белозерку. В Федоровке нас ожидал сюрприз: вернулся полковник Грузинов и окончилось наше мирное житие.

Положение на фронте таково: у Каховки появился с внушительной кавалерией Буденный, а у Борислава пополненная 2-я конная армия с Мироновым готовится перейти Днепр. Против Буденного действует конный корпус Барбовича и цветные, а против Миронова перебрасывают 10-ю и 2-ю Донские дивизии. Фронт отходит на линию Васильевка—Гнаденфельд—Мануйловка—Бердянск.

Поехал я квартирмейстером в Малую Белозерку, отвел квартиры для трех батарей (к нам прикомандирована 4-я, так как дивизия увеличилась до 2 тысяч шашек) и ждал дивизион. Внезапная стрельба заставила выехать на площадь. За околицей — перестрелка разъездов. Подошла дивизия и вместо отдыха вышла на позицию. Погода все время стояла хорошая, а тут пошел такой снег, что в двух шагах ничего не видно. Дивизия развернулась и отбросила наступавшую 6-ю пехотную дивизию.

На другой день красная пехота стала наступать на Белозерки. 2-я дивизия с присоединившейся первой под общим командованием начальника штаба генерал Говорова сбила ее, взяла около 2000 пленных и заняла деревню Балки. Разъезды обнаружили снова приближение пехоты и около двух дивизий кавалерии.

Из Крыма было получено приказание стоять на Днепре, но последние три дня связи со штабом Врангеля не было и стали доходить слухи, что Буденный прорвался и занял Сальково и Геническ. Произошло совещание начальников, и было вынесено решение отходить в Крым. В 4 часа дня корпус перешел в хутор Веселое, здесь отдохнул, шел ночь и к утру остановился в деревне Елисаветовке. Пехота красных шла следом и заставила принять бой. Результатом нашего короткого удара было уничтожение бригады красных целиком, причем около 300 человек упорно сопротивлявшихся были зарублены и около тысячи взято в плен.

Наш отход продолжался. Ночевали в колонии Александерфельд. С рассветом вышли на Соколо-Горную. Связи все нет, и что делается впереди, в Крыму, — неизвестно. Только что вышли с ночевки из колонии Александерфельд, как в нее слева стала втягиваться другая часть. Это был пехотный красный полк, принявший нас за красных. Атака 6-го полка, несколько выстрелов, — и полка пехоты не существовало.

Не задерживаясь, дивизия переменным аллюром пошла дальше, имея справа 1-ю дивизию.

Прошли верст 25, вдаль увидели дым. Начались догадки. Мельница ли это, или дымит бронепоезд? И наконец по колонне передается радостная весть: вошли в связь со своими. Подошли к железной дороге. Много оставленных поездов со всяким материалом. Казаки рассыпались, собирая по вагонам сахар, обмундирование и прочее. Все это быстро прекратилось, так как показалась конная красная дивизия. Приняли бой. Быстро красные были отброшены, и мы с частью Марковской дивизии остановились на ночлег в Н. Григорьевке.

Утром не спеша тронулись дальше вдоль железной дороги, а к Н. Григорьевке подходила красная пехота. Вдруг из-за железной дороги нас начинает обстреливать кавалерия. Оказалось, что мы окружены противником. Где 1-я дивизия — неизвестно. Верст 25 шли рысью без дороги, стремясь скорее подойти к Салькову. В 15 верстах от Таганаша впереди стреляет батарея в ту сторону, куда мы идем. Оказывается, красная батарея стреляет по опередившей нас 1-й дивизии. Прорываясь, мы сомкнутыми колоннами налетели на злополучную батарею, моментально ее смели, но срубили мало. Надо было спешить. Наша артиллерия, конечно, не поспела, и пушки пришлось бросить. В сумерки наша дивизия последней оставила Северную Таврию и ушла за Крымские позиции. Ночью пришли в Тюп-Джанкой, где ночевали у заборов на морозе в 20 градусов. Стали наконец по квартирам в деревне Богемке. Здесь конный Донской корпус задержан, так как красные пытаются переправиться через Сиваш, который благодаря сильным морозам и западному ветру сильно обмелел и местами замерз. В Богемке мы простояли дня четыре, послали приемщиков за пушками и пошли на Перекоп. Красные нажимали упорно и заняли Армянск. Дивизион остался в Богемке, а я был послан на Перекоп к цветным войскам для связи. Из-за плохой лошади я отстал и одну ночь переночевал в деревне Александрфельд, рассчитывая на другой день догнать свою дивизию. Но красные перешли по льду Сиваш и заняли последнюю Юшуньскую позицию. Все покатило назад. С дивизионом я соединился в селе Александровке, куда пришли в 2 часа ночи, а в 6 часов утра — снова поход. В этот переход, стараясь оторваться от противника, прошли 50 верст.

Идем на погрузку — наш корпус, говорят, в Керчь. Тревожит мысль, будет ли достаточно пароходов. Новороссийск не забудешь. Ночевали в татарской деревушке восточнее Симферополя. Забираем влево, стремясь обойти противника, задерживаемого 3-й дивизией по железной дороге Джанкой — Керчь.

На следующий день снова 50-верстный переход. Дорога невозможная, грязь по колено лошади. Получили две пушки из Гвардейской батареи и через два перехода бросили. Измученным лошадям не под силу. В татарской деревне около Карасу-Базара остался больной тифом ветеринарный врач Кржипов. Дальше ехать не было сил.

Прошли ограбленный Карасу-Базар, где яблоками кормили лошадей, за неимением сена. Снова ночлег в деревне Бибуга, в 7 верстах от Феодосии. Только стали в ауле в 20 верстах по дороге на Керчь и стали кормить лошадей и готовить какую-нибудь похлебку для себя, как приказ идти дальше. Противник недалеко. Три часа простояли в немецкой колонии в 50 верстах от Керчи, покормили соломой лошадей — и дальше в Керчь. 1 ноября подошли к Керчи и остановились в деревушке в 3-х верстах от города. Здесь в последний раз переночевали на русской земле, а утром погрузились на пароход «Поти» и 3 ноября отплыли от берегов Крыма в полную неизвестности Европу.

18 января. Три дня мы были в открытом море. Изрядно нас трепало. С «Поти» 5-й полк и 20 человек артиллеристов с хорунжими Шкараборовым и Золкиным перегрузили на маленький пароход каботажного плавания «Дых-Тау», а остальной дивизион — на пароход «Павел». С борта «Дых-Тау» можно было рукой достать воду. Пароход впервые поневоле шел в Константинополь, и то в бурю. Набрались мы страху и намучились без воды.

Наконец, 6-го прошли редкие по красоте зеленые склоны Босфора с бесполезными орудиями, спрятанными в складках гор, и вошли в Константинопольский рейд. Жизнь кипит. На рейде масса судов всех национальностей. Снуют моторные лодки с великолепно одетыми и чистенькими англичанами и французами. Невольно сравниваешь свою небритую физиономию и выпачканную в трюме в угле одежду и жаль становится свою голодную и грязную персону. Тут же с борта парохода идет обмен всего того, что в Крыму стоило громадных денег, как белье, обмундирование, револьверы, — на хлеб. Наган идет за лиру или 10 фунтов хлеба. Рубашка — хлеб. Хитрые турки живо учли голод беженцев и понизили цены на платье до невозможности.

7-го с восторгом выгрузились на берег в Константинопольском порту. Наблюдали обращение англичан и французов с побежденными турками. Дежуривший на берегу матрос-француз, узнав, что продавец бубликов повысил цену, схватил его лоток и бросил нам в толпу. При переезде из Скутари в Пера на пароходе-трамвае (теркет) запрещено было сходить на берег прежде, чем пароход будет пришвартован, спешащая публика не придерживается этих правил и спрыгивает раньше времени. Полисмен-англичанин подходит к нарушителю и сообщает ему, что тот оштрафо-

ван на 10 пиастров. Турок начинает оправдываться и протестовать. Полисмен невозмутимо увеличивает штраф вдвое. Протесты усиливаются, турок машет руками. Так же невозмутимо штраф утраивается. Нарушитель порядка спешит уплатить и исчезает. Все в порядке.

В тот же день нас посадили в вагоны и перевезли на станцию Хадым-Киой, в лагерь Саншак-Тепе, где раньше помещались военнопленные. Теперь мы сидим в бараках, где насквозь пронизывает ветром, без копейки денег, так как найти какую-либо работу в окрестных деревнях почти невозможно. За один хлеб (25 пиастров) вы должны целый день копать землю, ночевать в овечьем сарае, ибо турки, боясь за верность своих жен или по религиозным правилам, отказываются пускать ночевать в дома. Но и эту работу достают с риском быть арестованным охраняющими нас конными марокканцами, причем не исключена возможность того, что к вам восплает страстью один из черномазых конвоиров, почти сплошь педерастов. И продать нечего. Револьвер украла еще в Крыму, а бинокль здесь, чуть не из-под головы. Не отдашь же за хлеб одну из двух единственных рубашек!

Паек наш такой: за сутки 120—150 граммов конского мяса, столовая ложка сахара, 10 граммов кокосового масла, немного зелени, на заварку чая и 4 фунта белого хлеба на 5 человек. Конечно, живем впроголодь. Все время мечтаем о еде. Вестовых нет. Пищу готовим сами, а потому целый день ходим в поисках дров или смолистого кустарника, да за водой на речку версты полторы. Постепенно, конечно, устраиваемся. Иные вырыли землянки, а мы устроили в углу барака, на высоте 2,5 метров, нары, обтянули их палатками, и получилось нечто вроде комнаты, только влазить нужно, как на дерево.

Я назначен начальником рабочей команды нашего дивизиона, доставляющей со станции продукты в лагерь на вагонетках. За это (везти версты две в гору) мы получаем около фунта хлеба на человека, который я приношу в нашу коммуны из 4-х офицеров нашей батареи (2-я и 3-я сведены в одну вторую) и 3-х офицеров 4-й батареи (с 5-й составляют 3-ю). Иной раз выпросишь что-нибудь у сытого интенданта. Так и живем в ожидании лучших дней.

Вести из Константинополя до нас доходят редко, французы же или не знают сами, или не хотят говорить. Знаем одно: нас армией не признают, считают военными беженцами. Жалованья, конечно, не собираются платить, но и не отпускают на все стороны. Уезжать разрешено лишь получившим 3-ю и 4-ю категории и людям старше 48 лет. Остальные должны жить в лагерях. Строй сохраняется прежний. 1-я и 2-я дивизии сведены в одну (1-ю) под командой генерала Калинина²⁶², 3-я дивизия переименована во 2-ю под командой генерала Гусельщикова, стоит в

10 километрах от нас в деревне Чиленгир. Корпусом командует генерал Абрамов. Хотел к нам приехать генерал Врангель, но его не пустили. Корпус генерала Кутепова стоит в Галлиполи, а кубанцы — на острове Лемносе. Вероятно, нас хотят использовать не как рабочую силу, но определенного ничего не известно. Турки относятся разное. Иногда приветливо, иногда сдержанно, но все ругают французов, и если вы хотите заслужить расположение турка, заговорите с ним по-немецки. Сразу станет приветлив и услужлив. Но бывает и так, что наши казаки, ушедши в деревню в поисках работы, возвращаются раздетые.

Только что мы немного устроились, как от французского командования пришло приказание Донкорпусу переехать на остров Лемнос. Это нас как громом поразило. Среди казаков пошли разговоры об отсутствии на острове воды, о «черваках», впивающихся в тело, чуть ли не о крокодилах, и большинство отказалось подчиниться и ехать на остров Лемнос. Долго шли переговоры, и наконец был назначен день погрузки (30 декабря ст. ст.) и поданы эшелоны на станцию Хадым-Киой. Часть пошла без протеста, а Калединовский полк уперся, и французам пришлось применить вооруженную силу. Но первый же взвод французов, несмотря на стрельбу, был избит кулаками и в панике бежал. В результате пришлось подчиниться силе и исполнить приказание (двое раненых). Несомненно, что среди нас есть провокаторы, смущающие казаков разными слухами о «черваках» и т. п. чепухе. В запертых вагонах 30-го ночью приехали в Константинополь и немедленно погрузились на пароход «Дон». Два дня стояли на рейде, ожидая, пока французы силой водворят непокорных на пароход. Сутки шли до напугавшего нас острова. Проходя мимо того места Дарданелл, где во время атаки затонуло много союзнических судов, все находившиеся на борту французы построились на палубе и отдали честь погибшим. 15 января по новому стилю вошли в залив у города Мудроса.

Вот, наконец, та полутюрма, куда нас так упорно тащили французы и от которой до последних дней отбивались мы. Довольно унылый на вид греческий остров, почти лишенные растительности горы, несколько деревьев, приютившихся в тех местах, где земля пригодна для обработки, и два городка: Мудрос с 4 тысячами жителей и Кастро с 20-ю тысячами жителей. Наш лагерь расположен в двух верстах от города Мудроса (вход в который нам, конечно, запрещен), на крутом склоне горы у берега залива. Живем в палатках по 4 офицера или по 12 казаков в каждой.

Палатки (Марабии) одинарные; намостили сухой травы на землю — это кровати. Посередине печка. А на дворе иногда и снежок перепадает, правда, сейчас же тает. Выдали каждому по одеялу, сидим мы и в буквальном смысле ждем у моря погоды. Слухи самые разнообразные.

То говорят, что союзники решили воевать с Совдепией, и мы тогда, конечно, нужны будем. То говорят, что Советы признаны Европой как законное правительство России. Наконец, начинают появляться какие-то нелепые приказы французского командования о составлении списков желающих вернуться в советскую Россию. Наше начальство их отменяет и, в свою очередь, издает приказы составить списки. Формирует части, на командные должности назначаются офицеры. Идет игра в солдатики. Публика окончательно сбита с толку и не знает, что ей делать. Один несчастный сошел с ума, все время твердит: «Домой», а сегодня (9 февраля), увидав пароход, вошел одетый в море и с полчаса бродил по горло в воде. А погода холодная, в шинели мерзнешь. Едва вызвали его на берег. Да и не удивительно. Что делается в голове у казака, который в 1919 году поднимал на Дону восстание, в Новороссийске не мог погрузиться на пароход, остался у красных, снова перешел в Крым к нам для того, чтобы через несколько недель попасть на остров Лемнос.

Выход. Записался во французский Иностраннный легион.

17 февраля. Скучно протекает наша жизнь. Сидим на своей горе, изредка ходим версты за три разбирать на дрова постройки, оставшиеся от англичан. (На Лемносе была главная база союзников при подготовке форсирования Дарданелл.) Иногда собираем какую-то серую смолистую колючку (горит сырая). Есть любители, которые упорно занимаются рыбной ловлей, кажется, почти безрезультатно. А особенно оборотистые изобрели оригинальный способ ловли в заливе мелких осьминогов. Охотник по пояс в воде бродит по заливу, пока какой-нибудь осьминог не схватит его за ногу. Тотчас добыча отрывается от ноги, ножом у нее разрезывается живот, выпускается содержимое, осьминог кладется в сумку и ловля продолжается. При удаче, изображая самим собой приманку, ловец добывает 4—5 штук. Греки очень любят блюда из осьминогов и платят от 2 до 5 драхм за штуку. Таким образом, эта охота очень заманчива (белый хлеб — 2 драхмы за 1 кг), хотя и не каждому любителю по вкусу.

Приезжал генерал Богаевский, в юнкерском училище был праздник, но все это скучно. Был приказ французов о желающих ехать в Совдепию, у кубанцев записались почти все, у нас около половины. Объясняется это тем, что в нашем полуголодном существовании совершенно не видно впереди просвета. Все разглагольствования о будущей войне с большевиками малоосновательны. Судя по газетам, союзники не собираются ссориться с красными, а следовательно, мы им не нужны. В наш лагерь доходят приказы французов о желающих ехать в Бразилию, в штат Сан-Паоло. После долгих дум и бессонной ночи решил записаться, благо из 24 офицеров нашей батареи не записалось лишь четыре.

Решение это последовало не потому, что устали воевать, разочаровались и нет веры в возможность успеха борьбы, а потому, что сиденье в палатках (вчера был снег) впроголодь на положении военнопленных становится невыносимым. Если бы нас отпустили куда-нибудь на работы с условием собраться по первому зову генерала Врангеля, мы с радостью ухватились бы за эту мысль. Но сидеть без дела, без копейки денег, без табака, без возможности починить разваливающуюся обувь, — так сидеть ужасно.

Приезжал генерал Врангель, приказал запись в Бразилию считать недействительной, а записывающимся куда-либо предложил перейти на положение беженцев, причем о их жизни дал такие сведения, что всякая охота куда-либо записываться пропала. Командование принимает все меры, чтобы не дать нам разойтись. И нет выхода. А тут еще начались строевые занятия, с азов. Стойка, повороты, отдавание чести, как новобранцев, и это несмотря на жестокие холодные ветры. Мы, от нажима со стороны начальства, от голодухи (муку отняли) и от неизвестности, порой озвереем, как недавно подравшиеся в палатке два офицера (судом чести переведены на беженское положение). То чуть не впадаем в детство, читая вслух «Ползуны по скалам» Майн Рида. Иной раз проснешься часа в два ночи — и начинаешь думать свои обычные думы, и слышишь, как три твоих невольных товарища по палатке тоже не спят, ворочаются. Окликнешь их — говорят: не спится, все мысли несутся в голове. Только и радуют, вероятно, фантастические слухи о переезде на материк, о формировании, о походе на Россию. Но в этих слухах есть отзвуки политических событий, переживаемых сейчас Европой, и даже слабый намек на возможность активного выступления Антанты против советской России озаряет радостью наше серое житье, и самые радужные мысли высказываются в оживленной беседе за чаем с куском хлеба и часто без сахара. Так, теперь вести о восстании в Петрограде прояснили много хмурых лиц, офицеры почувствовали большую близость между собой и с казаками, и все чаще появляется робкая надежда на возможность возвращения в родные края.

Только в настоящем нашем положении не умом, а сердцем поймешь значение слова «Родина». И стремишься к ней всеми помыслами, не думая о том, что эта желанная родина, может быть, окажется для тебя мачехой. Быть может, не один из нас, вернувшись туда, где он оставил близких, не найдет их. Многие из поневоле оставшихся в России обрели участь худшую, чем наша, и далеко не все вынесут ее. Вот и сейчас, записывая при свете карбидного фонаря эти строки, я думаю о своих родных, о дорогих детишках, и сжимается сердце болью за них. О, если бы не они, мне изгнание не было бы таким тяжелым. Везде при энер-

гии можно устроиться, и всюду есть хорошие люди. Их, пожалуй, как это ни грустно, здесь встретишь чаще, чем на Руси, особенно после нашей «бескровной» революции.

4 марта. Уже весна, вероятно, в России бегут ручьи и пригревает солнце, а мы здесь, в Греции, мерзнем, как на севере, и ночью, чтобы согреться, натягиваешь на себя все, что возможно.

М. Г-ко

КАХОВКА²⁶³

После занятия красными 25 июля 1920 года так называемого Каховского плацдарма у Днепра, положение Русской Армии значительно ухудшилось. Высшее командование предпринимало многочисленные попытки отбить этот плацдарм у неприятеля обратно, но огромный численный перевес противника позволил ему всегда парировать удар. Рассказ начинается именно с одной из таких попыток овладения каховским плацдармом, предпринятой в сентябре 1920 года.

...Страшное место эта Каховка! В какую сторону от нее ни пойти, куда ни глянуть — всюду одна и та же желтая, выжженная солнцем степь с ее невысокими бугорочками и крошечными балочками. И всюду у этих бугорочков и в этих балочках жуткие кровавые следы бойни: ободранные красные конские трупы и костяки, свеженасыпанные холмики с крестиками и без крестиков и тяжелый удушающий запах из снятых, либо еще стоящих, сильно перезревших и выколосившихся хлебов...

Стало известно, что назначено решительное наступление и что Каховку надо взять во что бы то ни стало и как можно скорей...

Под самый вечер рысью выезжаем на позицию из хуторка, где стояли пару дней в резерве. Местность за хутором сразу меняет свой вид: почва становится совершенно песчаной, начинаются сплошные заросли. Длинными тоненькими полосками, то поднимаясь на холмики, то пропадая где-то в ложбинках и, наконец, совершенно исчезая в помутневшей от надвигавшейся мглы дали, кое-где чернеют виноградные ряды и садики одиноких, разбросанных, еще уцелевших или уже разрушенных хуторков. Мы останавливаемся у одного из них. Слева от нас по буграм вспыхивают один за другим разрывы тяжелых неприятельских снарядов и грохот стоном стоит по долине. Здесь устанавливаем пушки и располагаемся ночевать. Но уже часа через три будят, и вслед за пушками по тяжелой песчаной дороге мы идем еще с версту дальше. В какой-то глубокой глухой балке команда «Стой!» и «С передков!». Ос-

танавливаемся рядом с другой батареей, берем ее «установки», подкапываем хобота орудий и складываем у каждого из них снаряды. Темный горизонт слева вдруг вспыхивает длинными бледными огнями. Раз, другой, третий... Балка ужасающе гремит, и снаряды соседней батареи с воем уносятся куда-то в пространство. Наши орудия тоже щелкают замками, и из темноты доносится знакомый хриплый голос старшего офицера: «Ор-рудиями правое, гранатой, огонь!» Огни и грохот слепят и заглушают все. Кажется, все небо полыхает теперь белыми огнями вспышек. «Номер-ра, заготовить десять гранат! Пять секунд выстрел!..» Мы знаем, что пехота подходит теперь к большевистским окопам и проволоке, которую мы штурмовали и брали уже, по крайней мере, раз пять. Брали или почти брали, а вслед за тем отходили обратно, обойденные целыми полчищами с других сторон... Неужели не удастся и теперь, неужели не возьмем и на этот раз? Если не возьмем, неужели отходить снова?.. Нет, что угодно, только не это!

Нервы напрягаются до предела, — в общем хаосе не слышно, не разобрать уже ни команды, ни свиста подлетающих большевистских снарядов, ни собственных слов. Яркое пламя вспышек с резким чередованием ночи слепит глаза почти до потери зрения, чуть различаешь лица возле стоящих людей. Сколько это длится: минуты, часы или уже и того больше? К орудию больно прикоснуться, при откате на полозьях его от жары потрескивает масло...

Вот начинает светать. Куст лозы, за которым стоит наша пушка, сразу вынырнул теперь перед глазами, — на темных листьях его поблескивают капельки росы...

Но что же дальше, что принесет нам утро? Проходит час и больше, — становится совсем светло. Мы стреляем почти на тех же установках, прицелы колеблются разве что на 10 делений, а большевики ураганным огнем бьют по всем окрестным виноградникам и хуторам. Впереди, где у Днепра нависло молоко тумана, целой бурей бушуют пулеметы: их слышать только сейчас в перерывах грохота пушек. А дальше, верно, уже на другом берегу реки, в небе кверху ползет свинцово-белый шар — большевистская колбаса... Сердце сжимается болью: ясно, что атака не принесла никаких перемен...

Серый, чисто осенний денек с припухлым свинцовым небом, от поры до времени сыпет мелкий дождь. На батарее бледные от бессонной и тревожной ночи лица, как-то не хочется ни говорить, ни думать, вот только бы забыться где-нибудь под кустиком на полчаса да вздремнуть. Но проклятый дождь...

В полдень привозит кухня жиденский борщ без хлеба, часа через два прибывает и хлеб. Да не хочется даже и есть... К вечеру человека четы-

ре нас офицеров идем на наблюдательный пункт. Я должен с наступлением ночи пробраться к цепям нашей залегшей пехоты, чтобы на завтра корректировать оттуда огонь батареи, капитан Г. с Л. остаются на пункте. В. должен наладить связь. От бугорка к бугорку, от ложбинки к ложбинке, завязая в сыром и влажном от дождя шуршащем песке, шагаем друг за другом, забираясь в густые темно-зеленые виноградники, подтыканные палочками по кустикам, окопанные землей. На ходу нагибаемся, приподнимаем кверху широкие намокшие листья, срываем и жуем черные кисти чудных зернистых ягод. Батареи молчат, только от поры до времени щелкнет вдруг впереди то там, то здесь легкий сухой удар и провизжит стороной пуля.

Вот ползем на высокий песчаный бугор, а дальше идти некуда, — за кустом осторожно устанавливаем трубу и начинаем пристреливаться, готовимся к завтрашнему дню. Едва батарея дала два-три выстрела, большевики начинают отвечать одной тяжелой пушкой. Грохочущие разрывы ее снарядов ложатся у самой нашей батареи, поднимая громадные черные столбы дыма и давая от себя в потемневшем воздухе массу искр. Поневоле замолчали: вечерняя темнота слишком выделяет вспышки наших орудий и указывает нашу позицию. Лежим на бугре, пока не темнеет совсем. Теперь я встаю, прощаюсь и иду с бугра вниз. Внизу опять густой и мокрый виноградник... Двигаюсь только ощупью, стараясь не терять направления и помня, что должен прийти сперва к маленькому беленькому домику, который так ясно видел до темноты с бугра. Где-то дальше за домиком и должна лежать наша цепь. Я иду минут пять, потом десять, — винограднику нет конца, а домика не видать. Останавливаюсь, прислушиваюсь, силюсь разглядеть темноту, силюсь хоть что-нибудь увидеть... Чуть шелестят виноградные листья, да где-то каплет с листа на лист вода... Сердце сжимается: ну, а вдруг потерял направление и вышел не к домику, а куда-нибудь вбок? Обостренный слух различает какой-то необычайный шелест: шаги... Да, идут. Беру в руку свой карманный браунинг — единственное имеющееся у меня оружие — и двигаюсь вперед.

— Кто идет?

Ясно слышу по оклику, что офицер. Еще через пару минут ложусь рядом с пехотным телефонистом в песок, подкапываю его впереди себя поданной мне лопаткой и вызываю батарею. Отвечает Г. Сговариваемся на случай тревоги ночью о сигнальных ракетах, о связи с батальоном и пр. «Ну, значит, до завтра, спокойной ночи!» — «Спокойной ночи!..» После полчаса беседую с пехотинцами и вдруг как-то незаметно для самого себя засыпаю, уткнувшись головой в песок...

...Просыпаюсь от какой-то непонятной тряски — да, меня крепко трясут за плечи. Сделав усилие, открываю глаза: телефонист докладывает, что меня вызывает командир батареи. Беру трубку. «Снимаемся, отходим прямо на Ч., так как красные обошли нас с северо-востока. Вернитесь сейчас же на батарею. Пехота получит распоряжения от своих...»

Итак, снова отступаем, снова у Ч.!. Меня облегают тяжелые мучительные мысли... Встаю, иду к ротному проститься и прежним путем через песчаный бугор возвращаюсь на батарею. Орудия уже стоят в запряжках, и минут через десять мы снимаемся и отходим...

...И вот опять Перекоп. Я давно его не видел. Не думалось мне уже, что я буду опять целыми днями видеть его перед собой, как бывало это так в прошлом. Но вот он опять...

Какое жуткое, страшное зрелище! Да ведь это подлинно царство смерти, царство разрушения, хаоса и могил! Ни единой души, ни единого живого существа. Словно черепа мертвецов с зияющими глазами впадинами, глядят кругом белые остовы разрушенных домов, страшно чернея своими оконными нишами и отверстиями выбитых дверей. Всюду груды камней, кирпича, мусора и глыбы обожженной, спрессованной в местах падений снарядов земли, а кругом целые бесконечные лабиринты колючей проволоки, рогатин и застав. Где-то слева, в стороне, над всем этим хаосом поднялась ввысь и словно повисла в воздухе своим оторванным снарядом углом белеющая колокольня церкви с куполом и золотым крестиком наверху. Крестик высоко и ярко блестит... Тишина. Тишина смерти и сотен могил...

За перекопским валом становимся на позицию и начинаем пристрелку. А на другой день с самого рассвета большевики тучами лезли уже на нас, и скоро новые сотни могил прибавились к прежним, раскинутым по степи у Перекопа...

Недели две была полная тишина, но это была страшная тишина перед бурей. Это чувствовалось, об этом говорило решительно все.

С наблюдательных пунктов наших батарей изо дня в день видели мы огромные подходящие колонны свежих сил большевиков. В стереотрубу при хорошей видимости можно было отчетливо различить отдельные группы пеших, всадников и запряжки орудий...

Ждали каждый день, ложась с темнотой по своим землянкам, что с рассветом завтра начнут они лезть опять. Ждали спокойно и сосредоточенно, твердо зная, что конечной победы над нами врагу не достичь. На батареях сложили груды снарядов, ежедневно поверяя и разрабатывая пристрелку, на валу пехота хлопала пулеметами, почти каждую ночь выйдя на разведку, но пока была тишина.

— Знаете, М.Г., — сказал мне как-то вечером отдежуривший весь день на наблюдательном пункте В. — Сегодня видели у них колонну артиллерии верст пять длиной...

Вечер был тихий-тихий, мороз отчаянно крепчал. Мы постояли, поговорили еще, и я простился.

...И вот началось... Было еще совершенно темно и даже далек был час рассвета, когда они начали бить. Нас большинство не спало, и все тотчас же спокойно без команды начали собираться и подходить к пушкам. «Началось... Ну, началось...» — слышно было только по отдельным группам.

Огонь противника непрерывно возрастал, снаряды по самым разнообразным направлениям и сразу буквально десятками выли и рвались кругом. На рассвете всюду стоял уже один сплошной и ни на секунду не прерывающийся грохот, и огромные клубы черных разрывов стыли и висели, почти не расходясь, в неподвижном морозном воздухе. Передняя цепь большевиков лежала уже у нашей проволоки, скошенная почти целиком. Подойти другим цепям не было никакой возможности, и казалось, участь сегодняшнего боя уже бесповоротно решена; но снаряды все сыпались и сыпались на вал, за него и у проволоки, сыпались дождем, не переставая ни на минуту. Вот целая «очередь» гранат ложится прямо перед батареей, вот еще ближе сбоку от нее, вот почти у щитов орудий... В следующую секунду батарея закрывается густым дымом, — за ним не видно даже соседних орудий... Новый свист подлетающих снарядов, но грохот уже где-то в стороне, справа, еще раз — и еще правей. Минуло. Облегченно вздыхаем. Но работа наша не остановилась ни на минуту, за орудиями не дрогнул никто.

Уже давно полдень, уже мы почти вовсе не стреляем, — целей почти и нет, — но противник и не думает стихать. По дороге за батареей тянутся повозки с ранеными и убитыми на валу, с каждым часом число их непрерывно растет. У нас в батарее пока что только несколько раненых, в большинстве легко. Да и вся батарея состоит из полусотни людей, — передки и зарядные ящики позади в резерве, — отходить не думает, конечно, никто.

Только далеко после заката, в полной темноте стало, наконец, стихать. К частям покатили, рассыпая по дороге горячие угли, кухни и повозки с продуктами, и измученные голодные люди начали есть и отдыхать...

Среди ночи будят. Приказано сниматься с позиции и отходить. «Неужели на Юшунь? И почему?» — слышатся кругом расспросы. По рядам приказание не курить и соблюдать тишину. Говорят, что отходим

просто потому, что на Перекопе мы прикованы и не имеем возможности маневрирования, у Юшуни же якобы великолепная позиция с полной возможностью маневренных движений, которую еще не так давно хорошо использовал второй корпус. Но говорят также и о другом: говорят, что накануне красные прорвались где-то справа по замерзшему Сивашу в Карповой Балке и держатся в ней и посейчас. «Мороз вредит нам», — сказал кто-то.

Шли всю ночь, а с утра начали обходить большое озеро, двигаясь уже в обратном направлении, и только к вечеру, когда начало темнеть, спустились в глубокую и широкую долину, с одного края которой приютилась деревня и одинокий хуторок. «Карпова Балка», — услышал я название деревни...

А впереди все время шел ожесточенный бой. Грохот орудий как-то чудовищно гулко звучал в стоячем неподвижном воздухе, и непрерывный рокот пулеметов с отчетливой ясностью доносился еще за добрых три-четыре версты. По дороге бесконечной непрерывающейся лентой ползли навстречу повозки с ранеными и прикрытыми брезентами труппами, тянулись толпы пленных, оборванных, полураздетых красноармейцев.

Расположились в самой деревне, битком набитой людьми. Мороз все крепчал. Рассказывали, что такой мороз был в Крыму только лет 40 назад. Люди развели соломой костры и, сидя кружками, грелись и жевали мерзлый хлеб. Длинная-длинная ночь тянулась мучительно медленно, и так хотелось уже скорее рассвета и дня, хоть и было ясно, что с рассветом снова начнется ад.

Вот, наконец, где-то далеко сзади нас над землей чуть побелело и медленно обозначилась серебристо-белая, вся густо закутанная морозным инеем степь. Кругом потускнели огни, тихо пропали где-то в бездонной пропасти неба звезды, а само оно раздалось куда-то вширь и засерело по бокам... Впереди у завала, за которым мы проводили ночь, откуда-то показалась кучка людей. Все больше и больше, они идут, по видимому, прямо к нам... Что это? Да ведь это они, красные. Уже доносятся их голоса, уже слышен их крик: «Белые, сдавайся, сюда, к нам!..» Мы бежим к батарее. Ярко-ослепительная полоса огня у жерла одного из наших орудий уже метнулась вперед, грохотом заглушая крики. Вслед за разрывом затихло все и только потом доносится какое-то «а-а-а»... Видно, как цепь ложится, как отдельные люди в ней отбегают к стороне. Пули сыплются теперь оттуда целым дождем. Наше орудие продолжает стрелять, к нему присоединяется другое, а кругом во все стороны неистово летят передки и уносы, волоча за собой убитых коней, падают и ползут по земле люди и перемешались

крики команды и вопли раненых. Слева начинает строчить пулемет. Пули со скрежещущим визгом бьют в щиты орудий, косят заиндевший степной бурьян... Снимаем замки и отбегаем к другому концу села. Нам навстречу подходит уже резервная цепь и разворачивается лава кубанцев. Красные отходят, беспорядочно рассыпаясь во все стороны, и через четверть часа мимо нас проходят новые толпы захваченных в плен. Собираем уцелевших, но, увы, немногих людей, передки, берем пушки и кое-как тянемся в ближайший резерв. Бой уже кипит вокруг в полном разгаре...

Истощенные огромными тяжелыми переходами и непрерывными перетасовками, лишенные вследствие этого своих оторвавшихся, а частью и потерявшихся обозов, а потому в эти дни буквально голодающие части с совсем поредевшими рядами в день несколько десятков раз отбивали отчаянные атаки красных, тая буквально по часам... Это был уже четвертый день кошмарной схватки не на жизнь, а на смерть. Нервы и сознание притупились до полного равнодушия ко всему. Казалось, все самое страшное потеряло для людей свой смысл страшного: они шли, падали и умирали или страдали от полученных ими ран, — шли новые и новые, сколько могло лишь туда их идти, и делали то же, что и новые...

А красные бесчисленной черной оравой, громадой давящей массы лезли к нашим окопам и проволоке и, скошенные, падали в высокий, серебристый от инея степной бурьян, и страшными гирляндами висли на этой колючей проволоке с остекленелыми глазами ужаса и кошмарных мук. На место погибших гнались все новые и новые их орды, — им не было конца. Они лезли и ночью, и днем, и на рассвете, и на вечерней заре, почти буквально не переставая лезть. Лезли на спящие от неимоверной усталости заставы и посты, на бьющие в упор пушки, на скачущую на них лаву кавалерии — лезли, чтобы погибнуть, — и гибли без числа.

Это начинает походить на какой-то гимн смерти, на сознательное убийство, но не на войну. И вот в одном каком-то месте остатки докатившейся до нас, не уничтоженной оравы прорвались и заняли наш окоп. Отходить было можно только в море...

...Итак, России для нас нет. Сзади нас расстиралось Черное море, впереди — Босфор, а справа раскинулся огромный, такой красивый издали Константинополь... Был голод, душила кошмарная грязь паровозных трюмов, душила беспомощность и нищета. Не сдавалась только душа: верила, что вместо нас, сбитых, борьбу будут вести другие и будут вести до тех пор, пока на лице России не сгинет подлая красная сыпь...

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ²⁶⁵

В середине сентября 1920 года штаб 1-го армейского корпуса перешел в город Александровск. Положение Добрармии к тому времени стало тяжелым. Тактически она не потерпела неудачи, но... разбитые под Варшавой большевики запросили у поляков мира. Боявшиеся победы Добрармии больше, чем торжества большевиков, Пилсудский и К° согласились на перемирие. Немедленно после этого красные начали переброску своих сил и, в первую очередь, — конной армии Буденного на юг против генерала Врангеля.

Наше командование сделало попытку вырвать инициативу из рук красных. Но фронтовые атаки Каховки окончились неудачей. Тогда, усиленный пополнениями из Северного Кавказа, Кубанский корпус генерала Бабиева вместе с Марковской дивизией были переправлены у острова Хортицы на правый берег Днепра, с тем чтобы взять Каховку с тыла. Одновременно Дроздовская дивизия произвела стремительное наступление на Синельниково.

Хорошо помню, как приехавший из Мелитополя командующий армией генерал Кутепов в сопровождении одорукого генерала Бабиева присутствовал на балу в общественном собрании города Александровска. Много дам и офицеров, кое-как принарядившихся в свои старые платья и подлатавших свои кителя. Какой-то вольнонаемный оркестр. Сыграли мазурку. Генерал Бабиев в черкеске, украшенной орденом Святого Георгия и золотым значком Николаевского Кавалерийского училища, ловко прошелся в лихом танце с одной из местных дам. Как оказалось впоследствии, это была последняя мазурка нашего славного одорукого героя.

Военный парад не произвел сильного впечатления на жителей города. «Мм... мм... маловато вас, — с грустной усмешкой пробормотал мне на ухо один екатеринославский знакомый. — Совсем жидкие ряды». Через несколько дней пришло известие о взятии дроздовцами станции Синельниково. Это был, должно быть, последний успех наших войск.

Меня вдруг вызвал к себе начальник штаба корпуса генерал Егоров²⁶⁶, велел взять с собой винтовку и патронташ и сесть с ним в автомобиль, где уже восседал командир корпуса генерал Писарев. «Едем в Синельниково», — приказал начальник штаба корпуса шоферу. Когда мы прибыли на эту станцию, она носила следы разрушений, причиненных боем: валялись разбитые повозки, ящики из-под амуниции и гильзы от патронов. Но ни одного живого существа мы не встретили, храбрые «дрозды»

ушли вперед, не особенно заботясь о своем тыле; видимо, у них всякий боец был на счету.

Вскоре после этого пришло известие с правого берега Днепра, что наступление марковцев захлебнулось, что кубанцы, наткнувшись на массы подошедших с Польского фронта буденновцев, потерпели неудачу и что, самое ужасное, они потеряли убитым своего командира генерала Бабиева, мчавшегося, по обыкновению, в лаве с обнаженной шашкой в левой руке и с поводьями в зубах.

Чувствовалось, что происходит какое-то перемещение сил и переоценка ценностей. Внезапно вынырнул из плавней и перешел на нашу сторону до сих пор боровшийся против нас «зеленый» отряд Володина. Перепуганные жители города с тревогой смотрели из окон, как разношерстная конная банда, включавшая значительное число китайцев и кавказцев, с песнями продефилировала по главной улице Александровска. Впрочем, спустя некоторое время эта банда была обезоружена, а сам Володин попал под полевой суд и был расстрелян. Но чувствовалось, что обитатели плавней считают своим главным противником не нас, а большевиков.

Вдруг штабу корпуса было приказано оставить Александровск и перейти в Северную Таврию. После нескольких переходов, под начинавшим уже хмуриться осенним небом, инспекторская часть штаба корпуса разместилась довольно удобно в большом селе Серагозы; снова пошло писание рапортов касательно производства в следующие чины офицеров корпуса. Выглянув как-то в окошко, я увидел покрытую пылью тачанку, а в ней завернутого в бурку начальника Корниловской дивизии генерала Скоблина. Подошел начдив Дроздовской дивизии генерал Туркул. Между ними начался разговор, в который я, конечно, не вслушивался. Вдруг Скоблин безнадежно махнул рукой и громко произнес: «Не могу больше... Я совсем болен и еле сижу в повозке, уже не говоря о том, чтобы сесть на коня. Прощай, дружище!»

По штабу пронеслись тревожные вести. Стоявший против Каховки 2-й корпус генерала Витковского был атакован подавляющими силами подошедшей с Польского фронта армии Буденного и откатился к Перекопскому валу. Одновременно большевики напали на расположенную возле Никополя Корниловскую дивизию, прорвали ее фронт и большими массами переправились через Днепр. Взглянув на карту, даже мало искушенный в стратегии офицер должен был прийти к неутешительным выводам. Конец, может быть, еще не конец, но Северной Таврии удержать мы не сможем. Так думали обескураженные офицеры штаба корпуса.

Вдруг у входа в оперативное отделение остановилась знакомая плотная фигура генерала Кутепова. Вскоре после этого по штабу пронеслось известие, что на имевшем место военном совете принято решение —

собрать в кулак все еще не потерявшие боеспособности части и бросить их во фланг буденновцам, сейчас уже прошедшим мимо Перекопа и двигающимся в восточном направлении, чтобы отрезать нашу армию от ухода в Крым. Не потерявшими боеспособности войсками после неудачи марковцев на правом берегу Днепра и самоубийства их командира генерала Третьякова, после страшных потерь корниловцев и 2-го корпуса под Каховкой оставались дроздовцы и некоторые части конницы. Собранный кулак должен был прижать красных к Сивашам — уничтожить или отогнать их назад к Каховке. Одновременно Донской корпус получил приказание атаковать буденновцев, прорвавшихся на восток.

Все это, впрочем, как будто не имело отношения к хозяйственной и инспекторской частям штаба корпуса, получившим приказание уложить свои бумаги на повозки и катить как можно скорее в Крым. «Начинается новая Крымская кампания, — заявил начальник штаба генерал Егоров своим штабным офицерам. — Мы должны сохранить свою штабную организацию, чтобы как можно скорее развернуть работу в Крыму. Было бы непростительно, если бы мы растеряли сейчас наши архивы, наших офицеров, наших писарей. Постарайтесь доставить все в порядке».

Старший адъютант инспекторской части капитан Карпызов²⁶⁷, капитан Шилов²⁶⁸ и я собрали «инспекторскую часть» и погрузили ее на повозки. Ночь была морозная, лунная, и мы двинулись в путь. Повозок собралось около 50—60, так как с нами выехали также судебная и комендантская части, нестроевая рота и все сопровождавшие своих мужей жены офицеров штаба корпуса. Ехали по гладкой замерзшей грунтовой дороге довольно быстро, почти не задерживаясь. Когда взошедшее солнце начало согревать нас своими лучами, в степи показался, наконец, железнодорожный поселок Новая Алексеевка. Казалось, мы уже находились у входа в Крым. Далекий артиллерийский гул начал доноситься до нас все отчетливее и отчетливее. Фланговый удар генерала Кутепова давал о себе знать.

Когда мы въехали в Алексеевку, то застали коменданта и начальника станции в полном недоумении. До сих пор они чувствовали себя, так сказать, в глубоком тылу, и гул канонады был им совершенно непонятен. На станции стояли составы какого-то подвижного парка, охраняемые дюжиной солдат. Через станцию прошел раза три туда и обратно бронепоезд, который в конце концов куда-то скрылся.

При помощи начальника станции мы раздобыли себе припасов, пообедали, отдохнули и даже попытались связаться по телефону с Мелитополем и железнодорожной станцией на Чонгарском полуострове, но никаких указаний или информации ни с какой стороны нам получить

не удалось. Положение для нас создалось весьма сомнительное, тем не менее, мы решили продолжать наш путь в Крым.

Между тем артиллерийская стрельба становилась все отчетливее. Привычное ухо могло уловить часто повторяемую очередь двух орудий. Затем все стихло. Наш обоз неуверенно двигался в южном направлении — в сторону Крыма. Вдруг из-за пригорка выскочил всадник. Он оказался нашим знакомым командиром конвоя генерала Кутепова капитаном Белевичем.

— Послушайте, капитан, — спросил кто-то из нас, — дорога в Крым через Чонгарский полуостров открыта или уже перерезана?

— Свободна, можете ехать, — ответил он не задумываясь.

— А что означает эта недавняя артиллерийская стрельба?

— Это ничего. Это наш артиллерийский взвод стрелял по прорывавшимся большевикам. Но сейчас никакой опасности нет.

Мы тронулись дальше. Не прошло и десяти минут, как нам навстречу выскочил второй всадник. То был вахмистр того же конвоя генерала Кутепова. На наш идентичный вопрос он коротко ответил: «Вы едете прямо в лапы красным. Их авангард всего в нескольких стах шагах отсюда, вот за тем пригорком. Не знаю, как вам удастся вырваться отсюда».

Не представляя из себя строевой части и имея в своем распоряжении всего лишь несколько случайных винтовок и револьверов, мы не заставили себя долго упрашивать. В один миг повозки были повернуты, и мы помчались в сторону Геническа. Вскоре нас нагнал эскадрон Одесского уланского полка²⁶⁹, посланный, очевидно, на усиление крохотного конвоя генерала Кутепова, сражавшегося против буденновцев. В конце концов было всего лишь 70 шашек и два орудия.

Выехав на вершину небольшого холма, открывшую нам вид на всю степь, мы увидели скакавшую полным карьером группу всадников, мчавшихся тоже в сторону Геническа, но по дороге, пролежавшей вдоль Сивашей. По нашей колонне пронеслись тревожные возгласы: «Смотрите, большевики! Они перережут нам дорогу!» Кое-кто с перепугу начал стрелять из винтовок. Ехавшие на повозках жены офицеров подняли крик, полный отчаяния. Некоторые просили своих мужей застрелить их, не желая попадать живыми в лапы красных. Командир эскадрона улан выслал несколько всадников на разведку, и через несколько минут те донесли, что мчавшаяся группа — это остаток конвоя генерала Кутепова. Тревога улеглась, и мы продолжали возможно быстро двигаться далее.

Но вот, слава Богу, Геническ! У въезда на мост стоит небольшая застава с пулеметами. Командир, капитан с озабоченным лицом, просматривает наши документы и приказывает пропустить. Наши повозки с

грохотом въезжают на деревянный помост, вслед за подошедшими с другой стороны покрытыми потом и пылью конвойцами. Уланы получают приказание усилить заставу и вести разведку, чтобы вовремя обнаружить появление какой-нибудь колонны противника. До середины ночи ни одного выстрела, тишина. Затем подошедшая Донская дивизия движется навстречу авангарду буденновцев.

Два дня езды по длинной, казавшейся бесконечной, Арабатской Стрелке, и мы, наконец, располагаемся в одной из немецких колоний в Крыму. Мы сидим с капитаном Карпызовым и усердно скрипим перьями. Посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Я знаю, что ты пишешь, я прошу о том же, — говорит мне Коля Карпызов, поднимая рукава своего кителя с семью нашивками. — Рапорт о переводе в строй... Довольно колбасы! Надо скорее в строй, сейчас каждая винтовка на вес золота.

— Ладно, поступим к марковцам.

Приехавший из Симферополя писарь привез печальные известия. Все кончилось. Мой рапорт о переводе в строй мне вернул генерал Егоров в Севастополе, когда я грузил мои пожитки на пароход «Саратов».

Прощай, Родина! Прощай, дорогая русская земля, политая нашей кровью и усеянная трупами наших родственников и друзей.

*А. Голубинцев*²⁷⁰

ДОНСКОЙ ОФИЦЕРСКИЙ РЕЗЕРВ В КРЫМУ²⁷¹

Последний этап

Переговоры о мире с большевиками прерваны. Разложение в войсках началось, хотя эксцессов и не было. Фронт агонизировал. Положение тревожное. Кубанцы оставляли позиции и наводняли Адлер.

Утром 19 апреля 1920 года я посетил в Адлере кубанского атамана генерал-майора Букретова, он готовился к отплытию на пароходе в Батум с кубанскими юнкерами. Из штаба Донского корпуса получено сообщение, что завтра, 20 апреля, ожидаются транспорты для погрузки частей в Крым. Сообщение было неуверенное, а потому, на всякий случай, приходилось готовиться к худшему и искать выхода: или уходить в горы, или пробиваться в Турцию.

Утром 20-го, в 8 часов я отдал распоряжение 28-му, 29-му и 30-му конным полкам строиться и выступать на погрузку в хутор Веселый. Штаб бригады около 11 часов прибыл к месту погрузки. На рейде сто-

яло несколько английских военных кораблей. Погрузка на военные суда уже началась. Большая часть казаков 29-го и 30-го конных полков и около половины 28-го полка погрузились на английские суда, а часть ушла в Грузию, не желая бросать лошадей. К вечеру погрузка закончилась, англичане забрали на суда всех пожелавших грузиться в Крым, и на другой день английские броненосцы «Кородок» и «Мальборо» доставили нас в Феодосию.

Здесь командир корпуса произвел смотр частям 4-го конного корпуса²⁷², прибывшим в Крым. В Феодосии в последний раз в одном из лучших ресторанов города собрались на прощальном банкете все прибывшие в Крым господа офицеры Усть-Медведицкой конной бригады. Дня через два все донские части были из Феодосии погружены на русские пароходы «Вампуа» и другие и отправлены в Ак-Мечеть. Штаб 14-й бригады²⁷³ расположился в деревне Тарпанчи. Согласно приказу по Донскому Войску, все части Донской армии переформировывались и сводились в Донской корпус в три дивизии (2 конных и 1 пешая).

21 мая Усть-Медведицкая конная бригада закончила свое существование. Казаки были отправлены в Саки, где происходило формирование Донских дивизий. Офицеры большей частью были зачислены в Донской офицерский резерв. Я не получил нового назначения и был причислен к офицерскому резерву. Вскоре я был приглашен донским атаманом генералом Богаевским по делам службы в его канцелярию, где атаман сообщил, что Главнокомандующий, генерал Врангель, запросил его, почему я не получил назначения, а потому не желаю ли я получить соответствующее назначение в Донском корпусе?

Я ответил, что устал, а потому предпочел бы отдохнуть некоторое время, а кроме того, я не считаю для себя возможным быть причиною отстранения кого-либо из лиц, уже получивших назначения, как мне известно, на те командные должности, на которые я мог бы претендовать.

Через несколько дней, получив двухмесячный заграничный отпуск, я уехал в Константинополь, надеясь там получить визу в Польшу, где у меня было недвижимое имущество, но визы не получил и возвратился в Крым. Положение в Крыму было нетвердым. Чувствовалась разруха. Я побывал в Севастополе, в штабе Главнокомандующего, там настроение было непонятно оптимистическое. Один из генералов Ставки мне сказал, что теперь у нас положение очень твердое. Перекоп обращен в настоящий Верден. По имеющимся же у меня, хотя и не проверенным, данным, на Перекопе укреплений почти не было.

Я послал на Перекоп сотника Щелконогова проверить этот «Верден». Возвратившийся офицер мне доложил, что по обе стороны шоссе, ве-

душего к Перекопу, построены проволочные заграждения в несколько рядов, приблизительно на полверсты в каждую сторону, а дальше протянут лишь один ряд проволоки, причем колья частью вывернуты и валяются на земле. Окопы запущены, обвалившиеся, мелкие и по своей конструкции самые примитивные и, как он выразился, «вроде тех, какие конница строила в Полесье». Лично я на Перекопе не был и потому ничего не могу добавить.

Что же касается тыла, то и здесь было далеко не благополучно. Коснись лишь положения офицеров Донского офицерского резерва, расположенного в Евпатории. Материально офицер был обеспечен настолько плохо, что были случаи самоубийства на почве голода. Особенно тяжело было положение рядового офицерства. Офицеры были раздеты, многие без сапог. Денег почти не получали, что заставляло офицера продавать последние вещи, толкаясь на базаре среди всякого сброда. Я, например, видел в карауле на посту офицера с винтовкой, в опорках и почти в одном белье (капитан Добронравов). После повторного случая самоубийства приезжал начальник штаба Войска Донского генерал Алексеев²⁷⁴. Офицерам выдали аванс по семи тысяч рублей, но затем удержали из жалованья. Чему равнялся этот аванс, можно судить по тому, что приблизительно около этого времени газета стоила 500 рублей, а обед в плохой кухмистерской — около 5000 рублей, пятикопеечный шоколад — 700 рублей. Дабы не умереть с голоду, офицеры принуждены были образовывать артели грузчиков и работать на пристани, конкурируя с портовыми рабочими. В последнее время у офицеров были отняты денщики, и зачастую приходилось видеть офицера на базаре с камсой в руках или стоящего в очередях за хлебом у булочных и т. п. Все это, конечно, отражалось на моральном состоянии офицера.

Ниже я привожу письмо одного офицера, отправлявшегося с партизанским отрядом полковника Назарова²⁷⁵. Отряд имел задачу прорваться на Дон и поднять там восстание. Этому начальнику партизанского отряда, к слову сказать, никто не верил, но бежали из резерва куда угодно, лишь бы уйти и вырваться из этого унижающего чувство офицерского достоинства состояния в резерве.

Ближайшему начальству, по-видимому, трудно было разобраться в душевном состоянии офицера, поставленного волею судеб в исключительно трудные, небывалые и неслыханные условия. Не понимали офицеров, а если не понимали, то и не могли ничего сделать. Неужели 500—600 офицеров были непосильным бременем для Войска и ничего нельзя было сделать? А нужно было так мало — накормить и одеть. Как иллюстрацию к вышесказанному привожу полученное мною письмо от подьесаула Козловцева:

«Ваше Превосходительство! Убывая из резерва в партизанский отряд полковника Назарова, я считаю своей неременной обязанностью доложить Вам о своей искренней благодарности, которую я испытываю при воспоминании о своей службе за время гражданской войны, сперва во вверенных Вам освободительных войсках Усть-Медведицкого округа, а затем в Усть-Медведицкой дивизии и в 14-й бригаде. Я все-таки питаю надежду, что в недалеком будущем вновь буду находиться в рядах войск под Вашим командованием.

Мы — офицеры резерва — поставлены в такое безвыходное положение хозяйственной канцелярией резерва, что нас нисколько не удивляют бывшие случаи самоубийства офицеров на почве голода. Мы бежим из резерва. Нас удивляет и поражает, что хозяйственная канцелярия не может справиться по доволствию, ведь только одного батальона, по численности офицеров. Приезд генерала Алексеева ничуть не подвинул дела вперед. Канцелярия спешно выдала нам по 7 тысяч рублей, а теперь при выдаче жалованья за май месяц она вычитает их, и мы остаемся у разбитого корыта. Бывая в карауле в тюрьме, мы наблюдали, что арестантов кормят гораздо лучше, чем питается наш офицер резерва. Невольно напрашивается мысль, что состояние в резерве хуже каторги. Но за что? И оказывается, что мы отбываем это наказание лишь по вине хозяйственных чинов резерва, которые не могут двинуть вперед хозяйственный аппарат по какой-то причине. Мы бежим из резерва в боевую часть, зная наперед, что там лучше должно быть... там не придется думать с утра до вечера о питании; эта мысль о желудочных интересах так принижает нас. У нас, офицеров, живет мысль, что недалеко то время, когда мы под Вашим руководством снова пойдем по родным местам и страшное время сидения в Евпатории, страшное по вине каких-то чиновников, неуязвимых никем и ничем, нам приходится так думать, это время забудется нами, как один из неприятных эпизодов жизни. Наш отдых только на фронте, в тылу же только трепание нервов!

Покорный слуга Вашего Превосходительства

Подъесаул *Козловцев*.

Эвакуация

Наступила осень. С фронта получались тревожные сведения. В конце октября сводки говорят о прорыве большевиками 1-й линии перекопских укреплений и о том, что наши части заняли для обороны вторую укрепленную линию. Было ясно, что теперь в Крыму не удержаться.

Все готовились к эвакуации, но громко говорить об этом не решались. 28 октября начальник офицерского резерва генерал Корнеев мне сказал, что ввиду тревожных дней он считает необходимым установить особое дежурство господ генералов офицерского резерва и на сегодня дежурным генералом назначает меня.

По должности проверяя особые караулы и дежурные части, я около 12 часов ночи, вместе с полковником Красовским²⁷⁶, зашел на телеграфную станцию. Дежурный телеграфист сообщил мне, что только что генерал Апостолов²⁷⁷, председатель Донского правительства, разговаривал по прямому проводу с донским атаманом. Я взял ленту и предложил чиновнику прочитать. Атаман из Севастополя говорит Апостолову: «Завтра утром, в лучшем для вас случае, вечером, в Евпатории будут разъезды красных. Предупреди наших и членов Круга, чтобы поторопились грузиться. Чем меньшее число покинет Крым, тем лучше, так как за границей всем грозит голод и лишения».

Это было для нас ново; правда, это чувствовалось, но никто об этом не говорил. Тыловые учреждения, Круг и т. п. готовились к эвакуации, но о Донском офицерском резерве забыли или, вернее, решили забыть. Все офицеры находились по своим квартирам, разбросанные по окраинам города, в полном неведении об обстановке. При выходе из телеграфной станции я встретил казаков, нагруженных кроватями и матрасами.

- Куда и зачем?
- На пароход грузиться.
- Чьи вещи?
- Донского интенданта.
- Где он?
- Еще с вечера на пароходе.

Разговор атамана с генералом Апостоловым и встреча с казаками, тащившими на погрузку вещи, заставили меня принять некоторые меры. Я пошел на пристань. На рейде стояло несколько пароходов. У самой пристани находился небольшой пароход «Еллидифор». Под покровом ночи тыловые учреждения и члены Круга без шума спешно грузились на пароход. Впечатление получалось, что все как будто делалось крадучись, тайком, как бы готовясь к бегству. Я отправился с докладом к начальнику резерва генералу Корнееву. Он был совершенно не в курсе дела — как о положении на фронте, так и о начавшейся погрузке. Переданная ему мною беседа атамана Богаевского по прямому проводу с генералом Апостоловым была для него откровением. Я настоял, чтобы сейчас же было отдано распоряжение и немедленно разослано с нарочными: «Всем господам офицерам резерва

завтра, 29. X, к 7 часам утра явиться к штабу резерва и быть готовыми к погрузке».

Приказание получилось вовремя, и к 8 часам утра две офицерские сотни, под командой полковника Короченцева²⁷⁸, были построены у пристани. Погрузка была уже в полном разгаре. Пароходы были распределены между разными учреждениями, но для офицерского резерва места не оказалось. Кадеты Донского корпуса²⁷⁹ были погружены на парусное судно. На некоторых судах не было угля, надо было погрузить с пристани, но рабочих не было.

Я отправился в управление начальника гарнизона генерала Ларионова. Начальника гарнизона в канцелярии не было, распорядился начальник штаба. На мой вопрос, какой пароход назначен для Донского офицерского резерва, начальник штаба ответил, что для офицерского резерва пока нет парохода, но что еще ожидаются суда. По тону ответа видно было, что он сам не верит и не надеется на прибытие новых пароходов, да и стоявшие на рейде суда, не имея достаточного количества угля, не могли сделать рейса до Константинополя.

Начальник штаба спросил меня, как обстоит дело с погрузкой угля (за отсутствием рабочих-грузчиков уголь могли погрузить лишь офицеры резерва). Я ему ответил, что погрузка начнется после того, как будет назначен пароход для офицеров резерва. Начальник штаба загорячился; тогда я ему категорически заявил, что ручаюсь, что ни один пароход не уйдет из Евпатории до тех пор, пока не будет назначен пароход для офицеров резерва. Он побежал с докладом к начальнику гарнизона и, возвратившись минут через десять, заявил, что для офицерского резерва назначается пароход «Полония», и просил скорее приступить к погрузке угля.

Я отправился на пристань. На окраинах города шла стрельба. Местные большевики напали на интендантские подводы, но после нескольких выстрелов охраны разбежались. На улицах делались попытки к демонстрациям с красными флагами. Я передал распоряжение начальника гарнизона о погрузке полковнику Короченцеву и выслал офицерские заставы и караулы в ближайшие к пристани улицы, дабы предупредить выступления местных коммунистов. Дружными усилиями офицеров часа через два уголь был погружен. На пристани были выставлены пулеметы, и началась планомерная погрузка.

В 15 часов погрузка закончилась, а в 16 часов 29 октября суда, покинув Евпаторию, отошли в Севастополь. Пароходы были переполнены. На «Полонии» палуба, трюмы, все проходы были заняты семьями офицеров резерва. 30 октября в 3 часа утра «Полония» прибыла на Севастопольский рейд, а в 12 часов мы тронулись в направлении на Константинополь. 1 ноября мы вошли в Босфор.

ДОНСКОЙ ОФИЦЕРСКИЙ ПОЛК В КРЫМУ²⁸¹

В первые весенние дни 1920 года под напором красных Добровольческая армия и казачьи корпуса вынуждены были отойти сначала за Кубань, а затем следовали: трагедия у Новороссийска (главным образом, для донцов) и трагедия у Туапсе-Сочи (преимущественно, для кубанцев). У Новороссийска казачьим частям пароходов не хватило. Из 50-тысячной Донской армии в Крым попали только жалкие крохи, сведенные там в три куценьких дивизии (2 конных и 1 пешая). В Крыму для донцов был отведен город Евпатория с окрестностями, куда и направлялись беженцы, гражданские учреждения и офицеры, оставшиеся за штатом — как следствие Новороссийской катастрофы и Голгофы Черноморского побережья. Таким образом, в Евпатории, благодаря большому скоплению офицеров, создался Донской офицерский резерв. Поначалу вся забота Донского правительства об этих офицерах сводилась к их учету, и только. Без денег, без продовольствия офицеры как тени бродили по пляжу и около пустых вилл, продавая все, что можно было еще продать, чтобы оттянуть хоть на некоторое время надвигающуюся угрозу голодной смерти. Канцелярия офицерского резерва на просьбы этой голодающей массы принять какие-то меры к улучшению их положения неизменно отвечала: «Мы пишем, правительство об этом знает».

Но вот началось брожение. Офицеры открыто выражали свое недовольство. Резервное начальство, обеспокоенное создавшейся обстановкой, поспешило уведомить об этом Донское правительство.

Наконец, в конце апреля в Евпаторию приехал донской атаман генерал Богаевский, который просил потерпеть, обещая наладить довольствие и уплатить жалованье. После его отъезда было организовано котловое довольствие. Офицерам выдали аванс, а затем жалованье. Наши верхи решили, в согласии с комендатурой города, привлечь офицеров для несения гарнизонной службы. Были созданы офицерские сотни, причем штаб-офицеры были выделены в особую штаб-офицерскую сотню. Ober-офицеры стали нести гарнизонную службу, а штаб-офицеры сорганизовались в рабочие артели и занялись разгрузкой в порту барж и пароходов. Но, так как гарнизонная служба занимала малое количество людей, то у начальства родилась идея о формировании особого офицерского полка и об отправке его если не на фронт, то хотя бы на Сиваш для охраны укреплений и окопов.

Собственно говоря, формирования, в точном смысле этого слова, не было. Из ober-офицерских сотен в спешном порядке создали 4 сотни

без кухонь, без обоза, придав к ним еще 2 сотни из команд наших бывших бронепоездов, находившихся на Сивашах в районе Чонгарского моста. Так был создан особый Донской офицерский отряд.

Командиром особого отряда был назначен полковник Афанасьев²⁸². Разутый и раздетый, без кухонь и обоза, особый Донской офицерский отряд приблизительно в июле месяце был отправлен на Сиваши для охраны укреплений и окопов. Особый отряд занял район от Чонгарского моста до села Карповки (возле Перекопа). Сотни ютились по разрушенным фермам, выставляя посты к Сивашам, иногда за 3—4 версты от своего расположения. Но вопрос о довольствии стоял все время остро. Отсутствие кухонь, повозок и необходимых денежных авансов для закупки продуктов вынуждало командиров сотен просить соседние артиллерийские части, находившиеся в этом районе (главным образом, тяжелая артиллерия), о зачислении своих сотен на котловое довольствие, что не везде проходило гладко. Кроме того, эти «соседи» зачастую находились на расстоянии тоже нескольких верст.

Поначалу командирами сотен были тоже обер-офицеры, но потом, приблизительно в сентябре месяце, когда положение в сотнях несколько улучшилось, на должности командиров и их помощников были присланы штаб-офицеры. В Евпатории оставалось еще много офицеров резерва.

При отходе фронта за Сиваш особый Донской офицерский отряд был снят со своих постов и отведен в город Джанкой, откуда он должен был быть отправлен в город Керчь для несения гарнизонной службы. Но перед самым выступлением, 30 октября, получено было распоряжение немедленно выступить обратно на Сиваш, так как красные прорвали фронт где-то в районе Карповки. Отряд выступил налегке, оставив все вещи на попечение особых офицеров, но все вещи были ими брошены в Джанкое. Приблизительно через час после выступления 1-я сотня, под командой доблестного войскового старшины А.Л. Филатова²⁸³, свернула влево и пошла в направлении Карповки, откуда никогда не вернулась. Остальные сотни продолжали движение в направлении Чонгарского моста на соединение с находившимися там 5-й и 6-й сотнями.

Обстановка на фронте диктовала не движение вперед, а отход — если не назад, то на какие-то другие позиции. Приблизительно на полпути уже определенно выяснилась бессмысленность движения вперед, так как красные, углубляя и расширяя свой прорыв, отрезали все части, находившиеся вправо от Карповки. Попытка связаться с командиром особого отряда и запросить у него дальнейших инструкций не привела ни к чему. Сотни продолжали двигаться вперед. С наступлением темноты сотни находились верстах в 6—7 от места своего назначения. На одном артиллерийском пункте решили снова связаться с командиром отряда, но его уже не было

в Джанкое, так как он отбыл в Керчь. Таким образом, три сотни оказались отрезанными — «в мешке». Командирам сотен предстояла трудная задача: выбраться из того «мешка».

Как бы предвидя все это, уже с первых минут выступления отряда рядовые офицеры, по своей инициативе, стремились сесть на подводы. Благодаря этому, к тому моменту, когда выяснилось, что сотни в «мешке», почти все офицеры сидели на подводах. Было послано распоряжение командирам 5-й и 6-й сотен немедленно присоединиться к ядру отряда. И как только они присоединились, начался отход.

Создавшаяся у Карповки обстановка диктовала, что, чтобы выскочить из «мешка», надо было во что бы то ни стало опередить красных и проскочить через Джанкой. Пользуясь ночным покровом, отряд на рысях (на подводах) двинулся к Джанкою. На рассвете 31 октября особый отряд подходил к Джанкою. Но в то же время с севера, со стороны Карповки, к Джанкою же подходила конная лава красных. А с востока, со стороны Чонгарского моста, вдоль полотна железной дороги шел разъезд красных, коней 12—15, который начал обстреливать отряд, правда, с дистанции довольно далекой.

Создавалось довольно трудное положение, но на выручку пришел случай: верстах в трех к югу от Джанкоя на горке стояла какая-то наша конная группа, которая из своих 2 орудий начала обстреливать красных. Лава красных приостановилась, что и дало возможность отряду проскочить через полотно железной дороги.

Если до Джанкоя отряд представлял из себя еще какую-то воинскую часть, то, проскочив Джанкой, отряд превратился в какой-то караван подвод, мчавшийся и растянувшийся на целые версты. На железнодорожных станциях попадались брошенные вагоны с бельем и обмундированием, и многие из офицеров отряда старались взять кое-что из белья и обмундирования. В Керчь особый офицерский отряд прибыл 1 ноября перед вечером и сразу же погрузился на стоявший в порту пароход «Поти». В сущности, в Керчь прибыл не весь особый отряд, так как 1-я сотня погибла у Карповки, многие взяли направление на Феодосию, а часть отстала в дороге из-за переутомления лошадей.

Разместившись в больших трюмах «Поти», каждый вздохнул свободнее. Вдруг, часов около 12 ночи, распоряжение: сойти на берег, оставив при вещах по 2 человека на взвод. Выгрузились. Выясняется, что особому отряду приказано взять на себя охрану города. Помощник командующего отрядом полковник В. Хоперский²⁸⁴ собирает командиров сотен и распределяет районы города между сотнями. Сотни выступают, чтобы занять указанные им районы для охраны. Ночь. Холод. Офицеры небольшими группами в 4—5 человек «выбивают дробь» на углах пустынных

улиц, ожидая с нетерпением рассвета. Светает, но распоряжений никаких. Промерзшие, голодные офицеры начинают волноваться. Самотеком, небольшими группами, офицеры начинают стекаться к пристани. Вскоре подвели старый миноносец «Живой», стоявший до того в порту из-за порчи машин, нагруженный дровами. Особому офицерскому отряду приказано погрузиться на «Живого». Отряд погрузился. Было немного тесновато. Это было 2 ноября 1920 года. День был теплый, солнечный.

3-я сотня расположилась на корме миноносца на дровах, не отдавая себе отчета в том, что при первой же буре все эти дрова с их пассажирами полетят за борт. В тот момент действительно никто не предвидел той страшной катастрофы, которая поджидала «Живого» и его пассажиров. Разместившись на «Живом» кто как мог, все успокоились. Нервность упала, но стал ощущаться голод. Но вот подходит миноносец «Дерзкий» (один из новейших миноносцев, спуска 1916 года) и пришвартовывается к «Живому». Подходят к борту матросы, и завязывается разговор. Офицеры просят хлеба. Матросы охотно делятся. К борту подходит полковник Попов, командир 3-й сотни, который устроился на «Дерзком», где один из офицеров экипажа был ему родственником или станичником. 3-я сотня сразу же обратилась к нему с просьбой устроить пересадку сотни на «Дерзкого». Полковник Попов, переговорив с капитаном и получив его согласие, передал о том сотне. Сотня перебралась на «Дерзкого», а с ней и несколько человек из пулеметной команды. «Дерзкий» был совершенно пуст, и 3-я сотня была его первыми пассажирами.

Где и как перегрузилась 4-я сотня на катер «Херсонес», который взял на буксир «Живого», я не знаю. Но когда вся флотилия тронулась из Керчи, держа курс на Константинополь, на «Живом» оставались 2-я, 5-я и 6-я сотни, часть пулеметной команды и штаб особого отряда.

«Дерзкий» был взят на буксир ледоколом «Джигит», так как часть нефти с «Дерзкого» была перекачана на миноносец «Беспокойный», на котором находился начальник Керченской флотилии, а на «Дерзкого» было перегружено с какого-то другого парохода 300 человек из дивизии генерала Гусельщикова.

В 3 часа дня 3 ноября переполнены до отказа людьми 1-й дивизии и подошедшими из Феодосии кубанцами пароход «Харакс» вышел на Керченский рейд. Генерал Абрамов объехал на катере все погруженные пароходы, отдал последние распоряжения, и в ночь на 4 ноября суда в кильватерной колонне пошли на Константинополь. Поднялся сильный осенний шторм, грозивший большими бедствиями перегруженным судам.

«Дерзкий» недолго был на буксире у «Джигита». Еще не скрылись крымские берега, как буксирный трос лопнул. «Джигит», по-видимо-

му, непроглядной ночью, при шуме и грохоте волн, этого не заметил и продолжал свой путь. Это вызвало сильное возмущение среди матросов «Дерзкого». Так, наш «Дерзкий» остался в открытом море на произвол судьбы.

Капитан «Дерзкого» решил использовать небольшой остаток нефти и попытаться выйти к турецким берегам в направлении к Синопу. Пустили в ход машины, но нефти оказалось мало, и миноносец вскоре вынужден был остановиться. Шторм не унимался. Миноносец повернуло поперек волны и стало гнать к болгарским берегам на минные поля. «Дерзкий» оставался в таком положении более 2-х суток. Судно бросало как щепку. Крены временами были такие, что все валялось с коек, посуда летела со столов, а в кубриках становилось совершенно темно.

Что же происходило в это время на «Живом»? Офицеры 4-й сотни, находившиеся на «Херсонесе», так описывали драму «Живого». По выходе из Керчи «Живой» тоже недолго был на буксире у «Херсонеса». В один из сильных порывов ветра буксирный трос лопнул. «Херсонес» подал якорную цепь. Якорная цепь тоже лопнула. Тогда капитан «Херсонеса» передал на «Живой», что он использовал все средства, имевшиеся в его распоряжении, и ему после этого не остается ничего другого, как догнать флотилию и доложить об этом ее начальнику. «Херсонес» пошел, а «Живой» был оставлен. Будучи совершенно беспомощным из-за порчи машин, судно было повернуто поперек волны. Старой конструкции, оно такого «единоборства» с разбушевавшейся морской стихией выдержать не могло и действительно не выдержало. Где-то около крымских берегов жуткой непроглядной ночью «Живой» пошел ко дну, унеся с собой в пучину около 250 человек Донского офицерского резерва и экипаж.

Вернемся теперь к тому, что происходило на миноносце «Дерзкий», на котором имелось радио. Благодаря ему «Дерзкий» до известной степени был в курсе почти всех перипетий нашего «исхода». Поэтому можно было установить, поставили ли капитаны «Херсонеса» и «Джигита» в известность обо всем случившемся начальника флотилии. Должен сказать, что пишущий эти строки находился на «Дерзком» и помещался в унтер-офицерском кубрике, где помещался и радист, который все время информировал нас о всех переговорах, как с главным командованием, так и с другими судами.

«Дерзкий» непрерывно взывал по радио о помощи. Главное командование запросило начальника Керченской флотилии: нуждается ли он в помощи? Начальник флотилии ответил, что все его суда идут в порядке. Судя по такому ответу, начальник флотилии не знал, что случилось с «Живым» и «Дерзким». Следовательно, капитаны «Херсонеса» и «Джигита» не сообщили о случившемся своему начальнику.

«Дерзкий», перехватив такой ответ начальника Керченской флотилии, тотчас же снова послал призыв о помощи, указав на сей раз приблизительно и место своего нахождения. В ответ на это главным командованием было послано в море два парохода: «Илья Муромец» — на помощь «Дерзкому» и «Даланд» — вообще навстречу судам оказать помощь, если в ней какое-либо судно будет нуждаться. «Илья Муромец» прошел стороной, не заметив «Дерзкого», а «Даланд» натолкнулся на «Дерзкого». Несмотря на сильный шторм, «Даланд» сумел подать «Дерзкому» три троса различной толщины. «Дерзкий» был спасен. Когда уже «Дерзкий» был взят на буксир, подошел и «Илья Муромец»...

3-я сотня особого Донского отряда, сгрузившись в Константинополь с «Дерзкого», разбрелась в разные стороны. 4-я сотня некоторое время сохраняла еще видимость воинской части, но потом тоже вынуждена была расплыться. Такова судьба особого Донского офицерского отряда.

Гибель 250 донских офицеров и экипажа не нашла тогда никакого отклика в кругах наших «верхов». Никто даже не поинтересовался выяснить причины такой печальной их участи. Наоборот, поначалу даже старались скрывать все это. Но так или иначе, а история особого Донского офицерского отряда войдет отдельным звеном в длинную цепь трагедии казачества.

Б. Пылин²⁸⁵

В КАДЕТСКОЙ РОТЕ В ФЕОДОСИИ²⁸⁶

Итак, как мне ни не хотелось, но с полком в начале сентября 1920 года пришлось мне распрощаться. Меня приодели, снабдили деньгами, продовольствием на дорогу и всеми нужными документами. Я даже получил что-то вроде послужного списка, в котором перечислялись события, происшедшие с полком за последний год, в которых я якобы тоже принимал участие. Я, конечно, был очень горд, ведь мне как раз в эти дни исполнилось четырнадцать лет.

И вот, распрощавшись со всеми, рано утром на подводе полка, направляющейся на ближайшую железнодорожную станцию, я отправился в путь. Проводить меня поехал поручик Лебедев. В последнее время он стал самым близким мне человеком в полку. Несмотря на разницу лет, мы подружились. Он был добрым и заботливым. Я полюбил его и привязался к нему. Он посадил меня на поезд и, помню, на прощание советовал, чтобы я не ленился и писал ему почаще, говорил, что будет ждать меня на Рождество и чтобы я привозил хорошие отметки. Этим

нашим оптимистическим надеждам тоже не удалось осуществиться. Как и других алексеевцев, я его никогда больше не видел. Для меня начался новый период жизни «без полка».

На маленькой станции перед Джанкоем наш поезд почему-то простоял больше часу. Тогда это было частым явлением, и такие задержки принимались как должное. Погода была хорошая, и публика высыпала из вагонов, чтобы размять ноги.

Одна группа, человек в десять, стала предметом общего внимания. В вышитых украинских рубахах, в цветных жупанах, в широчайших шароварах, с кривыми саблями на боку, они были ярким пятном на фоне серой массы других пассажиров. Прямо персонажи из «Запорожца за Дунаем». Это, может быть, было красиво, но, как все театральное, отдавало бутафорией и маскарадом. Вели себя они как иностранцы и разговаривали между собой только на «мове». Это была, как говорили, делегация от Махно, направляющаяся в штаб генерала Врангеля.

Добровольцы в это время заняли ту часть Новороссии, где хозяйничали в эти годы банды Махно. Было занято также Гуляй-Поле, их столица. Махновцам, хочешь не хочешь, опять пришлось столкнуться с добровольцами, с которыми у них были старые счеты, еще со времен Деникина. Тогда они, подняв восстание в тылу у белых, ударили в спину наступающим на Москву войскам, что послужило одной из причин поражения добровольцев. На этот раз они почему-то проявили готовность быть союзниками белых в борьбе с большевиками. Некоторые их отряды, как говорили, хорошо дрались на стороне добровольцев.

Правда, такой «альянс» продолжался недолго, и союзниками они оказались неверными и ненадежными. Как только выяснился перевес на стороне красных и белый фронт заколебался, они опять ударили в спину добровольцам, надеясь вместе с красными пограбить и пожить в Крыму.

В Феодосию я приехал еще засветло. У коменданта станции мне объяснили, как найти Константиновское училище. У ворот казармы, где оно помещалось, меня остановил часовой юнкер, потребовавший мои документы. Тут же стояла группа офицеров, которые стали расспрашивать, кто я и откуда. Оказалось, что один из них меня знает. В Батайске он командовал взводом юнкеров, у которых я ночевал перед моим походом в Ростов.

В канцелярии училища я должен был отдать все мои документы. Из добровольца-алексеевца я опять превратился в школьника-кадета. То, куда я попал, мало напоминало старые благоустроенные кадетские корпуса с их веками сложившимся укладом жизни, с их безукоризненной чистотой, порядком и дисциплиной. Несколько больших, угрюмых, ка-

зарменного вида комнат, вплотную заставленных топчанами (грубо сколоченными из досок кроватями). На них матрацы, набитые соломой, покрытые одеялами, понятно, без простынь. На этих кроватях ночью спали, а днем сидели или от нечего делать валялись.

Обитателями этих комнат была молодежь всех возрастов, начиная с неискушенных первоклассников до великовозрастных, с усами семиклассников. Собрались, не преувеличивая, со всех концов России. Здесь можно было встретить кадет из Петрограда и из Москвы, из Пскова, из Нижнего Новгорода, из Киева, из Одессы и из Ташкента. В этих комнатах с утра до вечера стоял шум и гам. С внешним миром эти комнаты для простоты сообщались (конечно, неофициально) через никогда не закрывающееся окно, к которому снаружи была приставлена наклонно толстая доска. Другой, официальный выход был по коридору через главный плац. Этот путь был более длинный, там можно было встретить начальство, а главное — юнкеров, всегда готовых расцукать, а часто просто вернуть обратно не по форме одетого кадета.

Несколько офицеров-воспитателей, в ведении которых находилась кадетская рота, старались навести хотя бы некоторый порядок. Но обуздать эту «ватагу» было не так просто. За спиной у нее было уже три года революции и Гражданской войны, и, конечно, о прежней дисциплине говорить было невозможно. Офицеры это понимали, а поэтому на многое закрывали глаза. Было и свое кадетское начальство, из самых старых кадет, как бы носителей кадетских традиций. Старший из них имел по старому кадетскому обычаю титул «генерала выпуска». Они в свою очередь старались подтянуть распутившихся и поднять мораль и дисциплину.

После того как я явился дежурному офицеру-воспитателю, я по кадетской линии должен был явиться генералу выпуска, который принял меня, как георгиевского кавалера, довольно милостиво и даже можно сказать ласково.

В этот же день из армии прибыло еще три человека. Койки мы получили рядом. Это нас как-то сразу сблизило и объединило. Первые дни, чувствуя себя одинокими и чужими в новой среде, так мы четверкой вместе и держались. Один из них — кубанец в папахе из волчьего меха, в ноговицах, в погонах вахмистра. Отец его был командиром известной Волчьей Сотни у генерала Шкуро. Был он года на два старше меня. Скромный, солидный не по годам, казалось, ничем не замечательный юноша. В эмиграции, после окончания кадетского корпуса, он вступил в организацию, пытавшуюся активно бороться с большевиками. Этой организацией он был послан в Советский Союз на закрытую работу. Там и погиб.

У другого из нашей четверки отец погиб во время Кубанского десанта; он был там вместе с отцом. На вид добродушный, немного увалень, крепко сбитый, коренастый и мускулистый, он скоро стал очень популярен в кадетской среде как самый сильный из нас, задирать которого не рекомендовалось. Много позднее, уже в эмиграции, он пере-нес какое-то большое душевное потрясение. В чем оно было, осталось для большинства загадкой. Будучи очень замкнутым, он очень редко с кем-либо делился своими переживаниями. У него появились странности, что-то от лермонтовского Грушницкого. Он почему-то начал носить на левой руке черную перчатку, которую никогда не снимал. Было очень его жаль, когда пришло известие, что он застрелился.

Совсем недавно один мой приятель, бывший одно время его близким другом, рассказал мне о нем следующую историю. Еще в начале Гражданской войны генерал Шкуро жестоко и несправедливо оскорбил его отца, кубанского полковника. Сын знал об этом оскорблении, и мысль о нем его никогда не покидала. У юноши с годами появилась навязчивая идея, что он должен отомстить Шкуро за покойного отца. Когда же он наконец встретил генерала Шкуро (он годы мечтал об этой встрече), у него не хватило духу поступить так, как он считал, повелевает ему его долг сына. Проявленное им, как ему казалось, малодушие он глубоко переживал. В результате у него сделалось тяжелое нервное расстройство, и он покончил с собой. Так ли это было в действительности, никто теперь точно проверить не может. Но такого рода душевными драмами полны были эти страшные годы.

Третий был киевлянин. Он был на год старше меня. Бежал из дома в Добровольческую армию. Попал почему-то в Осетинский батальон, хотя был природный хохол, и вместе с ним проделал Бредовский поход. Отсидел несколько месяцев за колючей проволокой в Польше, где Бредовская армия была интернирована, и потом вместе с ней приехал в Крым.

История Бредовской армии — поучительный пример отношения соседних с Россией государств к белым, сражавшимся против большевиков. В январе 1920 года Белая армия, отступавшая от Киева под командой генерала Бредова, была около Одессы припертаседающими красными к Днестру. Дальше была Бессарабия, оккупированная румынами. С армией шло много беженцев: стариков, женщин и детей. Стояла суровая снежная зима. При попытке перейти через Днестр по льду на другую сторону реки войска и беженцы были встречены румынами пулеметным и орудийным огнем. Переговоры и даже прошения на имя румынского короля ни к чему не привели. Румыны отказались пропустить на свою сторону даже женщин и детей. Пришлось пробиваться к польской границе. Большинство обозов, где были старики, женщины и дети, попали в

руки красных. Поляки на свою территорию все-таки пустили, но разоружили и интернировали войска, посадив на полуголодный паек за колючую проволоку. Выпустили только тогда, когда разбитые красными польские армии откатывались к Варшаве (Польша в то время была в войне с большевиками). Вот тогда и русские белые стали союзниками и бредовцев отпустили в Крым к Врангелю. Таким образом Ваня, так его звали, попал в Крым, а потом, как и я, был послан в Феодосию.

В дальнейшем нам с ним пришлось многое вместе пережить. И годы кадетского корпуса (мы попали в один класс), и студенческие годы (мы учились в одном университете), да и дальше в жизни нас всегда связывала хорошая, верная дружба; связывает и теперь.

Первые дни в Феодосии я очень тосковал. По сравнению с жизнью в полку здесь все казалось скучным, однообразным и буднично-серым. Жизнь в полку меня избаловала частой сменой впечатлений. Здесь же каждый день было одно и то же, и ничего нового и интересного будущее не сулило. Я решил, что я здесь долго не выдержу и что мне нужно что-нибудь придумать, чтобы как можно скорее вернуться в полк.

Я написал письмо поручику Лебедеву, в котором в преувеличенно мрачных красках описал жизнь в Феодосии и просил взять меня отсюда. Ответ пришел неожиданно быстро, всего через несколько дней. В нем поручик Лебедев писал, что ожидается большое наступление, что со дня на день они ждут приказа о выступлении нашего полка на фронт; что он уверен, что на этот раз будет удача. Писал, что скоро нами будет взят Харьков, а там у него осталась старшая сестра; он тогда переведет меня туда к сестре, и я там буду ходить в ту же гимназию, в которой он сам учился; что, может, я там найду и своего отца. А пока, писал он в конце, я должен запастись терпением и не нервничать, как девчонка, что довольно мне лоботрясничать, что сейчас мое дело учиться, а не воевать.

Это было единственное письмо, которое я от него получил. Больше никаких вестей от него не было, и мне ничего о его дальнейшей судьбе не известно. Возможно, он был убит или ранен или при отступлении полка попал в плен. А может быть, при эвакуации Крыма не захотел уезжать из России и по своей воле остался там. Иначе он как-то дал бы о себе знать и нашел меня.

Наступление, которое ожидалось и о котором мне писал поручик Лебедев, получило впоследствии название Заднепровской операции. Это была последняя попытка белых повернуть военное счастье в свою сторону и предотвратить надвигающуюся катастрофу. Одной из задач этой операции было зайти в тыл получившей в то время известность Каховки, о которой потом еще долгие годы распевали в Красной армии:

Каховка, Каховка,
Родная винтовка и т. д.

Эта Каховка находится на берегу Днепра, недалеко от Перекопа, то есть в глубоком тылу ушедшей тогда вперед Белой армии. Она была единственным опорным пунктом большевиков на левой стороне Днепра в этом месте. Здесь у них была возможность ударить по тылам добровольцев и отрезать их от Крыма. Это было самое уязвимое место белого фронта. Взять Каховку белым нужно было во что бы то ни стало: это был вопрос жизни и смерти — быть или не быть. Большевики, понимая огромное стратегическое значение Каховки, стянули туда свои лучшие части и огромное по тем временам количество артиллерии. Все попытки белых взять Каховку в лоб кончались неудачей, при этом каждый раз белые несли страшные потери.

И вот во время этой Заднепровской операции наши войска должны были обойти Каховку и взять ее с тыла. В этом должен был принимать участие и наш полк. Как я потом слышал, вначале наступление развивалось удачно: шли вперед и брали пленных. Но вскоре натолкнулись на большие свежие силы красных. Перевес был во всем на стороне большевиков. Белые войска не выдержали и дрогнули. Ко всем несчастьям прибавилось еще одно: случайным снарядом был убит известный генерал Бабиев, командующий за Днепром Кубанской конной группой. Со смертью любимого командира у кубанцев пропала вера в собственные силы. Когда наступил момент решающей атаки, в атаку они не пошли.

Началось беспорядочное отступление обратно через Днепр. Вместе с другими отступал и наш полк. Бывшие красноармейцы, которых в нашем полку после Кубанского десанта было много и которые хорошо дрались, пока белые наступали, при отступлении начали сдаваться и переходить обратно на сторону красных. Командир учебного батальона подполковник Абрамов, когда его батальон, состоявший главным образом из бывших красноармейцев, поддавшись общей панике, побежал, а частью начал переходить на сторону красных, не перенес этого и застрелился. Командир полка полковник Бузун чуть не попал в плен, когда под ним была ранена лошадь. Полковой обоз полностью со всеми нестроевыми командами, с лазаретом и ранеными был отрезан красной конницей и попал в плен. Из них никто не вырвался, и об их судьбе ничего не известно.

Спаслись только небольшие группы и одиночки. От полка осталось не больше роты. Так незаслуженно бесславно и трагично окончил свое существование прежде славный Первый Партизанский генерала Алексеева пехотный полк. Мне не было суждено быть свидетелем всех его

славных дел в Первых Кубанских походах, под Ставрополем, в Донецком бассейне, во время наступления летом 1919 года. Я попал в полк, когда наступила пора поражений, когда Белой армии пришлось отступать. Поэтому я надеюсь, что, может быть, еще найдутся свидетели всего того, что я не видел, и напишут об этих более счастливых днях нашего полка. О происходящем на фронте я, находясь в Феодосии, ничего не знал. Узнал об истории гибели полка много позднее — уже в эмиграции. Мои мечты и попытки вернуться в полк так ничем и не кончились. Да и полка больше не было. Потом в Галлиполи был снова сформирован Алексеевский полк; старые алексеевцы вошли в него отдельной ротой.

Тем временем жизнь нашей кадетской роты постепенно стала входить в нормальную колею. Нас разбили по классам. Я попал в третий класс. Помещение, где была размещена наша кадетская рота, для всех приехавших оказалось недостаточным. Чтобы как-то разгрузить и создать более сносные жилищные условия, старшие классы были переведены в Ялту, где были влиты в Сводный Полтавско-Владикавказский кадетский корпус. В Феодосии же остались младшие, начиная с четвертого класса и ниже. Из Сводно-Кадетской роты мы были переименованы в Феодосийский кадетский интернат. Начальником его был назначен полковник Шаховской²⁸⁷, бывший ротный командир Сумского кадетского корпуса. Воспитателем нашего III-го класса стал полковник Доннер²⁸⁸, тип педагога и человека теперь не так часто встречающийся. У него было что-то от тех идеалистов «Карлов Ивановичей», которых любили описывать наши писатели прошлого века. Добрый, старавшийся с лаской подойти к каждому из нас, как-то неиспорченный жизнью. Ему трудно было справиться с той буйной вольницей, которую он получил в свои руки. Но никогда мы не слышали от него грубого слова, и никто из нас не мог пожаловаться на несправедливость. Мы тогда этого не ценили и часто над ним подсмеивались. Но, оглядываясь теперь, через пятьдесят лет, назад, я думаю, что каждый из нас, из тех бездомных, очутившихся под его крылом, вспомнит его теплым и благодарным словом. Еще от того времени остались в памяти: полковник Никрошевич²⁸⁹, уже старый, часто ворчливый, но по-своему любящий кадет; капитан Шестаков²⁹⁰, у которого была маленькая дочка, ходившая тогда в коротеньком платьице, потом, уже за границей, превратившаяся в барышню и ставшая предметом наших ухаживаний.

Начались занятия. Своего помещения у нас для этого не было. Пришлось ходить во вторую смену в тамошнюю гимназию. Преподаватели подобрались неплохие. Такие, как Писаревский²⁹¹ (учитель математики и физики), Сафронов (русского языка), Казанский²⁹² (историк), в

нормальных условиях могли бы быть украшением каждого хорошего среднеучебного заведения. Но, несмотря на это, дело как-то не ладилось. Учебников не было, все приходилось записывать. Классы не отапливались, и в них было холодно. Но главное, не было учебного настроения ни у нас, ни у преподавателей. Сидели как на тычке, не зная, что с нами будет завтра. Больше интересовались военными сводками, чем заданными на завтра уроками. В свободное время ходили в город; начальство больших препятствий этому не чинило.

Феодосия в те времена была небольшим, пыльным провинциальным городом, второстепенным крымским курортом, до отказа набитым беженцами, как все города Крыма осенью 1920 года. Замечательно было только синее крымское море, на берег которого мы ходили. К сожалению, наступила уже осень и купаться было холодно.

На одном из первых уроков наш учитель истории, чтобы нас заинтересовать своим предметом, рассказал нам о прошлом Феодосии. Это был когда-то важный торговый город с длинной и бурной историей, своей древностью могущий поспорить со старыми городами Греции и Рима. О его прошлом говорят скифские курганы, развалины генуэзских башен, старые армянские церкви, турецкие мечети.

Среди бульжника оцепенели
Узорная турецкая плита
И угол византийской капители.
Каких последов в этой почве нет
Для археолога и нумизмата,
От римских блях и эллинских монет
До пуговицы русского солдата, —

писал о Феодосии Максимилиан Волошин. Он этим летом жил рядом с нами в своем Коктебеле. Большой поэт, прозорливец, имевший мужество в своих стихах говорить неприкрашенную апокалиптическую правду об ужасах, происходящих вокруг. В борьбе белых и красных он старался быть беспристрастным.

А я стою один меж них
В ужасном пламени и дыме,
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других, —

писал он в 1920 году.

Он не уехал из Крыма и не покинул Россию. Умер, как это ни странно, несмотря на все им написанное и говоренное, своей смертью в 1932 году (страшный год небывалого голода на Украине) на койке феодосиевского госпиталя.

Если говорить о поэтах, то я хотел бы упомянуть еще о двух, оказавшихся тем летом в Феодосии. Осип Мандельштам, он в те годы скорее примыкал к большевикам, и по какой-то трагической для него ошибке, радовался их победам и ожидал их прихода. Он даже за это был добровольцами арестован, но, отсидев несколько дней, был выпущен на свободу. Много позднее он опять был арестован, но теперь уже большевиками. Эти его не выпустили, а запрятали в один из многочисленных концлагерей, где он, несчастный, и погиб.

Второй — Илья Эренбург. Он тоже в то время, спасаясь от большевиков, оказался в Феодосии. В те годы он был антикоммунистом и, подражая Волошину, писал стихи о «Святой Руси». (Этих стихов вы, конечно, не найдете в полном собрании его сочинений, вышедшем в СССР.) Вместе с Добровольческой армией он эвакуировался из Крыма. Испробовав в Берлине полутодную жизнь эмигрантского писателя, он, как это тогда называлось, «сменил вехи», т. е. вернулся с повинной в Советский Союз. Дальнейшая судьба его всем известна. Справедливости ради, надо все-таки отметить, что у него в Советском Союзе бывали как бы приступы угрызания совести и он иногда бывал либеральней, чем это требовалось от советского писателя.

Все это к моей жизни в Феодосии прямого отношения не имеет. Тогда я поэтами не интересовался и читать стихи считал ниже своего достоинства. Знакомых у меня в Феодосии не было, за исключением семьи нашего полкового адъютанта. Она ютилась в товарном вагоне на станции, на комнату в городе средств не было. Они очень нуждались, ведь семьи белых офицеров были совершенно необеспечены. И тем не менее, зная, что нас плохо кормят и что я всегда голодный, у них неизменно находился лишний кусок чего-нибудь, чтобы угостить меня.

В городе было кино, был цирк, как тогда казалось, очень хороший. Да он, наверное, и был хорошим: страх перед большевиками и цирковых артистов загнал в Крым. Поговаривали, что они собираются выехать за границу. Для нас было громадным удовольствием сходить в цирк или кино. Но для этого нужны были деньги, а у нас они водились редко. Выручала «толкучка», ставшая в те годы местом, где можно было все продать, но далеко не все купить. Туда мы несли и продавали за бесценок часто самые необходимые вещи из нашего скромного гардероба, по легкомыслию молодости совершенно не думая о том, что мы будем делать без них завтра. После «сделки» там же можно было полакомиться жирными чебуреками, которые татары тут же жарили на своих мангалах. Здесь я впервые попробовал жареную кукурузу, так называемый американский «порсогн». Он жарился на больших сковородах прямо на улице.

Как-то нас повели на концерт кубанских казаков из отряда генерала Фостикова. Они только что приехали с Кавказа, где, скрываясь в горах, боролись с большевиками. Весной 20-го года, перед новороссийской эвакуацией, под влиянием мутивших сепаратистических кругов, кубанская армия вышла из подчинения главному командованию Добровольческой армии и откололась от нее. В то время как добровольцы отходили к Новороссийску, кубанцы, возглавляемые своим атаманом Букретовым (который, к слову сказать, был не казак), отступали к границам Грузии, которая тогда была самостоятельным государством. С Добровольческой армией, носительницей идеи «Единой и Неделимой России», Грузия была во враждебных отношениях, а потому, понятно, всемерно поддерживала казачьи самостийные течения. И вот кубанцы, правильнее сказать заблуждающаяся верхушка, надеялись от грузин, как от своих друзей и союзников, получить помощь, а также укрыться за границами их государства от большевиков. Но кубанцев ждало разочарование. Грузины, возможно боясь репрессий со стороны Советов, отказались пустить кубанскую армию на свою территорию. Большая по тем временам, шестидесятитысячная армия, но распропагандированная, а потому потерявшая боеспособность, оказалась в ловушке. Только немногим удалось выехать в Крым, главная же масса казаков сдалась большевикам на милость победителя. И только те, кто мутит, т. е. атаман с несколькими членами рады, были приняты Грузией. Но нашлись все-таки и такие, которые не желали сдаваться, а предпочли уйти в горы. Там их объединил генерал Фостиков; его отряд вырос до нескольких тысяч. Все лето они успешно вели борьбу с красными. После нашего неудавшегося десанта на Кубань, большевики бросили все освободившиеся силы на отряд Фостикова. Пришлось опять отступать к границам Грузии. Тут их подобрали суда, присланные за ними из Крыма, и привезли в Феодосию. Той осенью они здесь отдыхали и переформировывались перед тем, как опять идти на фронт.

Позднее, в эмиграции, приходилось много раз слушать знаменитые казачьи хоры — Жарова, Соколова, Кострюкова, но этот хор отряда генерала Фостикова оставил почему-то наиболее сильные и яркие воспоминания. Они пели с большим подъемом, но просто, без особых звуковых эффектов, так, как, наверное, поют в станицах. Пели они о Кубани — их родине, о «сизой зозули», о том, как «плачут, отогнуть козаченькы в турецкий неволи». Интересно, что когда-то именно здесь, в Феодосии, их предков, запорожцев, продавали в турецкую неволю. В те времена этот город славился своим невольническим рынком и назывался не Феодосией, а Кафой.

Оставление Крыма

Во второй половине октября события на фронте начали принимать оборот совсем неблагоприятный для белых. Польша, разбив красные войска под Варшавой, неожиданно заключила с ними мир. Это развязало руки большевикам. Был издан приказ: «Все на Врангеля!» Свои лучшие войска с Польского фронта они спешно начали перебрасывать на Крымский фронт. Сюда была брошена армия Буденного и верная гвардия красных — латышские дивизии. Своим численным перевесом (в несколько раз) они стали давить на наши сравнительно малочисленные, к тому же утомленные непрерывными боями, полки. Ко всему этому неожиданно ударили небывалые для Таврии морозы. Температура упала до —20 градусов по Реомюру. Наши, даже и для теплого времени плохо одетые, войска к этим морозам совсем не были подготовлены. Потом рассказывали, что солдаты, чтобы согреться, кутались в первые попавшиеся под руку отрепья, набивая соломой свои рубахи. Много было замерзших и обмороженных. Даже природа была тогда против нас.

События начали развиваться стремительно быстро, приближая роковой конец. Войска откатывались к Перекопу. Мы, находясь в Крыму, об этом ничего не знали. Пресса изображала происходящее на фронте в спокойных тонах, как временный отход по стратегическим соображениям. Видимо, кто-то решил, что нельзя преждевременно разводить панику.

Наступившие на фронте холода докатились и до Феодосии. С непривычки и мы мерзли ужасно. Начали выдавать дрова, но очень мало. Мы экономили и топили только по вечерам печку в нашей спальне. Запомнились эти вечера у открытой печки, около которой мы собирались, чтобы погреться. Все мы между собой уже перезнакомились и передружились, в юности это происходит быстро. Теплота горящих дров создавала уют и желание поговорить, посмеяться и послушать о пережитом, веселом и грустном. Но больше всего любили мы рассказы о страшном и таинственном, ведь мы были в чем-то еще детьми. Часто, для занимательности, правде помогала фантазия, но это прощалось, если рассказ был не скучен. Особенно нам нравились рассказы одного из нас, может быть, потому, что поражали полетом буйной фантазии. Он обыкновенно рассказывал о своих приключениях, в которых главными действующими лицами были братья его отца, которых якобы было одиннадцать. Отец рассказчика погиб на войне, и братья отца по очереди воспитывали его. При чем один из них был якобы адмирал, другой — рыбак, морской волк, третий — большевистский комиссар, четвертый — капитан-корниловец, пятый — монах и т. д. В нем было что-то от барона Мюнхаузена. Но

обвинить его в подражании было бы трудно, так как, я думаю, о существовании барона он тогда даже и не подозревал. Слушая его, мы много смеялись. Когда его уличали в небылицах и перебарщивании, он не обижался и вместе с нами смеялся. Умер он в эмиграции от туберкулеза. Так беззаботно коротали мы свободное время, совсем не предполагая, что доживаем последние дни на родной земле.

Началось с того, что как-то вечером мы узнали, что рота наших юнкеров-константиновцев спешно выступила в горы против зеленых, которые, возможно, в связи с успехом большевиков на фронте, стали очень активны. Отряд генерала Фостикова, песни которого мы недавно слушали, тоже выступил на фронт.

Газеты принесли весть, что наши войска отошли к Перекопу и там заняли укрепленные позиции. Об «укрепленных позициях Перекопа» много говорилось и писалось, и в неприступность их все верили. Поэтому это известие, хотя и неприятное, паники не вызвало. И вдруг грянул гром: на Перекопе наши укрепления прорваны и оставлены нашими войсками. На наше несчастье, а может быть, правильнее будет сказать — на несчастье всей России, они оказались не такими неприступными, как об этом писалось, к тому же совершенно неподготовленными к серьезной зимней обороне.

На приступ Перекопа большевики бросили свои лучшие войска и подвезли небывалое по тем временам количество артиллерии, которая начала беспощадно бомбить жалкие укрепления Перекопа. Наши войска, пережившие беспорядочное отступление из Таврии, обмороженные, физически измученные и в результате всего морально подавленные, при таких условиях не были в силах сдержать напора красных. Резервов, чтобы их сменить, у белых не оказалось. Красные же посылали в бой все новые и новые, еще свежие полки. К тому же никогда не замерзающий Сиваш, являющийся естественной преградой, прикрывающей Крым со стороны Азовского моря, неожиданно замерз, что дало возможность большевикам перейти его и оказаться в тылу Перекопских позиций, обороняемых добровольцами. Отряд генерала Фостикова, еще окончательно не сформированный, плохо одетый и плохо вооруженный, брошенный на оборону Сиваша, не выдержал и в беспорядке отступил.

Об этом я, конечно, пишу с чужих слов; я там не был, и да простят мне прямые свидетели происходившего, если найдут в моих описаниях неточности и ошибки. Итак, Перекоп — последняя преграда и надежда белых, густо политый русской кровью и белых и красных, пал. «Красен, ох, красен кизил на горбу Перекопа», — писала в 20-м году Марина Цветаева в своем «Лебедином стане».

От Перекопа отступающая Белая армия покати́лась к морю. Нужно отдать должное нашему Верховному командованию, оно в эту ответственную минуту не растерялось и оказалось на большой высоте. Возможность паники была пресечена в самом начале. Порядок и дисциплина, не в пример Новороссийску, сохранялись до конца. Бегства не получилось, как ожидали враги. Уходили, не потеряв веры в правоту своего дела и в своих вождей. Популярность генерала Врангеля в эти дни отступления стояла, как никогда, высоко.

Всем, кто пожелал, была дана возможность выехать из Крыма. Чтобы потом не было нареканий, правительство Крыма откровенно предупредило в своих обращениях к населению, что дальнейшая судьба уезжающих неизвестна, так как ни одна из иностранных держав до сих пор не дала согласия на принятие эвакуируемых. Предупредило и о том, что правительство Юга России не имеет никаких средств для оказания им помощи, как в пути, так и в дальнейшем, и поэтому советовало всем, кому не угрожает прямая опасность пострадать от красных, оставаться в Крыму.

Ввиду того что при оставлении крымских городов и гаваней можно было ожидать, что отступающими войсками будут уничтожаться склады и военные сооружения, генералом Врангелем был отдан еще следующий приказ: «В случае оставления Крыма воспрещаю какую бы то ни было порчу и уничтожение казенного имущества, так как таковое принадлежит русскому народу. Генерал *Врангель*». Как это не похоже на ленинское намерение «хлопнуть дверьми» в случае поражения большевиков. Допускались непоправимые ошибки, не было понимания сдвигов, происходивших в России, не было ясного плана и единомыслия в том, как устроить будущее русского народа, но нельзя отрицать, что старались быть честными (насколько это возможно в условиях гражданской войны), любили свою страну и желали добра и благополучия своему народу.

Интересно, что даже у Маяковского, которого заподозрить в симпатии к белым никак нельзя, который много гадостей написал о добровольцах, образ Врангеля, главного действующего лица Крымской трагедии, вышел (вероятно, помимо воли автора) вызывающим к себе по меньшей мере уважение.

Наши заседали... Крыли по трапам...
 Кашей грузился последний эшелон.
 Хлопнув дверью — сухо, как рапорт,
 Из штаба опустелого вышел он.
 Глядя на ноги, шагом резким,
 Шел Врангель в черной черкеске.
 Город бросили... На молу — голо...
 Лодка шестивесельная стоит у мола.

И над белым тленом, как от пули падающий,
 На оба колена упал Главкомандующий...
 Трижды землю поцеловавши, трижды город перекрестил.
 Под пули в лодку прыгнул...
 «Ваше превосходительство, грести?» — «Грести!»

В. Маяковский. «Хорошо»

Картина полная трагизма, изображающая большого патриота, покидающего свою землю.

Итак, произошло то, чего никто из нас не ожидал, хотя, казалось бы, к этому нужно было быть готовым. Уж очень сильна в нас была вера в наши войска, а еще больше в нашу правоту. Мечтали скоро быть в Харькове, в Москве, но никак не на пароходах, покидающих Россию. Передо мной встал вопрос: ехать или не ехать? Я был уверен, что мои из Керчи не уедут, а останутся в России и будут разыскивать отца.

Один из моих одноклассников заявил, что он остается. Он оказался единственным в нашем классе. Его семья, жившая в Феодосии, решила не эвакуироваться. У меня с ним были дружеские отношения, и он знал, что меня мучает вопрос отъезда из-за моих близких в Керчи. Он поговорил с родителями, и те предложили мне переехать к ним на переходное время. После мучительных колебаний я все-таки решил ехать. Я понимал, что мое появление в Керчи, где жили мои сестра, брат и мачеха, им принесло бы только вред, так как все соседи знали, что я служил в Белой армии. Да и очень уж не хотелось оставаться у большевиков, когда все вокруг уезжают, смириться и признать себя окончательно побежденными. Ведь все говорили, что уезжают только на короткое время, что там армия отдохнет, а следующей весной мы вернемся назад, и борьба продолжится. Как это ни может показаться странным тем, кто этого не пережил, но большинство из уезжающих действительно в это верили. А кроме того (что, возможно, было главным), кто в 14 лет устоит перед возможностью поехать за границу, посмотреть чужие края, испытать что-то совсем новое, еще неизведанное?

Помню эти сумбурные, полные крупных и мелких переживаний, предъездные дни. На наше счастье, холода спали и наступила серая, но довольно теплая, крымская осенняя погода. Мой приятель Ваня, с которым у меня был уговор, что все съестное, которое мы достаем и покупаем, будет нами делиться по-братски пополам, будучи по природе человеком хозяйственным и практичным, считал, что в этот дальний путь мы должны запастись продовольствием. Поэтому мы довольно много времени провели на толкучке, стараясь подороже продать то, что имели, и на вырученные деньги купить продуктов. Деньги белых, так называемые «колокольчики», падали в цене с каждым часом, но все-

таки еще ходили. Нужно удивляться оптимизму спекулянтов, продавших свой товар за деньги побежденной, уходящей в неизвестность армии. Стараясь купить подешевле, мы чересчур долго выбирали и торговались. Дождались того, что то немногое, что было на базаре, было распродано. Удалось только купить довольно большую связку копченых скумбрий. Так мы и остались с этими потерявшими всякую ценность «колокольчиками». Как воспоминание о тех днях, у меня до сих пор сохранилась одна из тех феодосийских ассигнаций.

Но под конец нам все-таки подвезло. Возвращаясь с толкучки и проходя мимо вокзала, мы увидели толпу людей. Как не пойти и не поинтересоваться, в чем дело! Оказалось, раздают хлеб. Два товарных вагона были нагружены хлебом для отправки на фронт. Но выяснилось, что на фронт посылать уже поздно, и было приказано раздать его уезжающим. Получили каждый по большой буханке свежего, чуть ли не теплого хлеба. Это сразу чувствительно пополнило наши продовольственные запасы и до некоторой степени окупило неудачу наших финансовых операций на толкучке.

Там же на вокзале, совсем неожиданно, я столкнулся со знакомой женщиной из Керчи. Она жила в доме рядом с домом, где жили мои. Ее муж работал в порту, она же, как мне кажется, подрабатывала спекуляцией. Я просил ее передать моим, что уезжаю с белыми, но что надеюсь скоро вернуться обратно. Она мой отъезд почему-то приняла близко к сердцу, даже прослезилась, уговаривала остаться и ехать с нею в Керчь, говоря, куда же, мол, я поеду один, такой еще молодой, без родных. На прощание мы с ней расцеловались. Это было как бы последнее прощание с моими близкими.

Толкаясь эти последние два дня между народом, я не почувствовал со стороны остающихся к нам отъезжающим ни злобы, ни злорадства, а скорее сочувствие и у некоторых даже зависть.

Побывали мы с приятелем и на складах. Я, переживший новороссийскую эвакуацию и видевший, сколько добра там было брошено, думал, что и в Феодосии будет нечто подобное. Но оказалось, что склады здесь бедные, маленькие и, к нашему огорчению, пустые. Только в одном из них нашли почему-то здесь очутившиеся два немецких ранца, добротных, из телячьей кожи, шерстью наверх. Они, наверное, попали сюда во время Гетманщины, когда Крым был оккупирован немцами. Эти ранцы потом нам долго и верно служили.

Случайно мы купили несколько фунтов душистого, желтого табака. В те времена в Феодосии была знаменитая на всю Россию табачная фабрика Стамболи. Надеялись потом выменять табак на что-нибудь съестное. Выменять его не удалось, но я, который до этого времени не

курил, здесь начал баловаться. С этого и началось... Проклятая, унижающая человеческое достоинство страстишка, от которой после многих лет мучений удалось отделаться только под конец жизни.

О погрузке на пароход и о самом моменте отъезда в памяти сохранились только отдельные моменты: улица, а на ней люди с чемоданами и узлами, с тележками, с детьми на руках, и вместе с ними мы, кадеты, тоже неся свои пожитки, идем строем, направляясь к молу, где стоят пришвартованные пароходы. Войск еще нет, их черед грузиться позднее.

Непрерывная вереница людей, поднимающихся по трапу на палубу корабля, а потом исчезающая в его трюме. Трюм парохода, слабо освещенный тускло горящей лампочкой. Нас туда набили до отказа. Сидели и лежали вплотную друг к другу. Особенно трудно было потом ночью пройти к выходу, на кого-нибудь не наступив. Нам было приказано никуда не выходить из трюма и сидеть на своих местах.

Где-то началась как будто бы артиллерийская стрельба. Звуки частых разрывов к нам в трюм доходили приглушенными. Пошли разговоры, что на Феодосию наступают большевики и что они уже совсем близко. Но кто-то побывал на палубе и рассказал, что большевиков не видно и в городе все спокойно, а что вдалеке видны дым и огонь большого пожара и оттуда доносятся взрывы. Как потом оказалось, красные партизаны проникли в артиллерийский склад, находящийся около станции Сарыголь (первая станция от Феодосии), и подожгли его.

К вечеру наш пароход (мы погрузились на довольно большой пароход Добровольного флота «Корнилов») отошел от пристани и вышел на рейд. Здесь мы простояли до утра. Утром тронулись дальше — это было 31 октября (ст. ст.) 1920 года. Наш одноклассник пытался в шуточных, по-детски незатейливых «виршах» подробно описать наш отъезд:

На молу было узко,
Началась погрузка.

<...>

Трюмы корабля были полны,
Нас безжалостно качали волны.

<...>

Ехали мы по морю,
Как по полю,

И приехали к Константинополю.

Жалко, что остальное позабылось. Мне удалось выбраться на палубу. Я долго стоял у перил, наблюдая за удаляющейся землей. Скрылась Феодосия, но берег Крыма еще был виден, еще можно было разобрать вдалеке какие-то отдельные селения. Кто-то рядом стоящий, как видно хо-

рошо знающий Крым, говорил: «А там, видите, Судак, а там дальше должна быть Алушта...» А потом скрылись и последние очертания покидаемой земли, и мы остались одни, окруженные серым, неприветливым морем. Только стая дельфинов, как и в Новороссийске, как бы провожая нас, еще долго гналась за нашим пароходом.

Тогда мы не отдавали себе отчета, что уходим навсегда, что переживаем момент, который потом будем много раз вспоминать; что здесь на Черном, в тот день угрюмом, море для нас оборвалась Россия и началась новая жизнь людей, обреченных чувствовать себя всегда и везде, где бы они ни жили, в чем-то «чужими» и нигде «вполне у себя дома».

Но как было думать,
Что это до самой смерти?
Совсем? Навек? —

как это замечательно выразила в своем стихотворении «Отъезд» З. Гиппиус.

*М. Каратеев*²⁹³

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В КРЫМУ²⁹⁴

В годы Гражданской войны почти все кадеты южнорусских кадетских корпусов, в возрасте от четырнадцати лет и выше, пошли добровольцами в Белую армию. Ни у корпусного начальства, ни у родителей разрешения никто не спрашивал — это было время всеобщей разрухи и крушения нормальных устоев, — но при записи в воинские части все младшие, конечно, ввали, что им исполнилось шестнадцать лет. Командиры полков и батарей верили на слово или делали вид, что верили, принимали кадет охотно и даже до некоторой степени щеголяли друг перед другом количеством такого рода подчиненных, считавшихся особенно надежными. Но в августе 1920 года из Грузии привезли в Ялту уцелевшие кадры Полтавского²⁹⁵ и Владикавказского²⁹⁶ кадетских корпусов, вслед за чем, по приказу генерала Врангеля, всех находившихся на фронте кадет начали откомандировывать из воинских частей, для окончания курса наук в этом сводном корпусе.

Мне в это время было около семнадцати лет, и я уже имел солидный боевой стаж. В начале 1920 года, после эвакуации Кавказского побережья, волею случая попал из армии во флот и теперь, едва возвратившись из крайне неудачного для нас десанта на Таманский полуостров, получил предписание немедленно отправляться в Ялту.

То, что после трех лет революционной бури и Гражданской войны сохранилось от моего, Петровского-Полтавского кадетского корпуса, я нашел в Орианде, в казарме Крымского конного полка. Там было человек двадцать воспитателей и преподавателей да несколько десятков кадет младших классов. Примерно столько же насчитывалось владикавказцев. Старшеклассников было еще очень мало, к моменту моего приезда из кадет первой роты (первая или строевая рота в кадетских корпусах включала кадет двух старших классов — шестого и седьмого) собралось не более двадцати человек.

Жизнь едва налаживалась, кормили впроголодь — преимущественно камсой и шрапнелью (камса — мелкая черноморская рыбешка; шрапнелью мы называли перловую крупу), спали мы на деревянных топчанах, укрываясь собственными шинелями. Учебных занятий еще не было. Малышей, чтобы поменьше хулиганили, воспитатели старались занять какими-то чтениями и повторениями, а нас, старших, ввиду нашей малочисленности, предоставили самим себе. Вообще в отношении кадет-фронтовиков в корпусе наблюдалась некая неуверенность. Мы приезжали с оружием (винтовки сдавали в цейхгауз, а револьверы и шашки оставляли), многие с Георгиевскими крестами и с не вполне залеченными ранами; вид и повадки у всех были независимые, и начальство явно затруднялось в обращении с нами и в выборе методов приведения нас в нормально-кадетское состояние.

И мы, пользуясь этим, что называется, прожигали жизнь с двух концов: днем до одури резались в преферанс и в подкидного дурака, а вечером, наведя красоту, отправлялись в сказочно прекрасный Ориандский парк или в Ливадию, ухаживать за местными барышнями. Впрочем, я нашел время и для того, чтобы нагнать пропущенное в области учебных занятий и благополучно сдать экзамены в седьмой класс.

С фронта между тем ежедневно прибывали кадеты всевозможных корпусов, и, когда их собралось несколько сот человек, нас перевели из Орианды в Массандру, где нашлось более обширное и удобное помещение. К этому времени наш Сводный корпус приказом генерала Врангеля был переименован в Крымский²⁹⁷, с установлением нового, общего для всех погона. Директором этого корпуса был назначен генерал-лейтенант В.В. Римский-Корсаков²⁹⁸, в просторечьи Дед, прежде бывший директором Первого Московского.

Едва мы немного обжились в Массандре и собирались приступить к классным занятиям, пришла грозная весть о падении Перекопа и почти сейчас же — приказ спешно готовиться к эвакуации. Первую роту вооружили винтовками и предоставили в распоряжение ялтинского коменданта, для несения караульной службы в городе и для

борьбы с начавшимися грабежами. Младшие кадеты помогали паковать корпусное имущество и перевозить его в порт.

Поначалу все шло благополучно, в соответствии с общим планом эвакуации. Корпусу отвели для погрузки пришедший в Ялту транспорт «Сарыч», на него уже успели погрузить часть имущества и младших кадет, когда в город пришли отступающие части конницы генерала Барбовича и «Сарыч» был передан им. Нас сгрузили, и корпус оказался в неопределенном, если не сказать — критическом положении. В порту в это время находился еще один транспорт, уже до отказа набитый людьми и вскоре ушедший, да пассажирский пароход «Константин», на который тоже грузилась конница Барбовича, вперемежку с ялтинской «знатью». Никаких иных транспортных средств не предвиделось, и не на шутку встревоженный Дед, Римский-Корсаков, отправился к заведующему эвакуацией генералу Драценко, чтобы выяснить судьбу корпуса. Для внушительности он взял с собою адъютанта и двух старших кадет, георгиевских кавалеров, вооруженных винтовками. Я был одним из них и присутствовал при этом драматическом разговоре.

— К сожалению, ничего не могу сделать, ваше превосходительство, — заявил генерал Драценко. — Эвакуируются десятки, если не сотни тысяч людей, и транспортов для всех не хватает. В моем распоряжении больше ничего нет.

— Но ведь эвакуация кадетского корпуса была предусмотрена. Мы получили приказ к ней готовиться, и транспорт нам был не только обещан, но и прислан.

— Я это знаю. Но неожиданно в Ялту отступили женские части, которые по плану эвакуации должны были грузиться в других портах. И согласно распоряжению штаба Главнокомандующего, я обязан обеспечить их транспортными средствами в первую очередь.

— Но не оставлять же здесь кадет! Вы не хуже меня знаете, какая участь их ожидает в этом случае. Прошу вас немедленно позвонить в штаб генерала Врангеля и добиться того, чтобы нам предоставили возможность эвакуироваться.

— Я уже звонил и докладывал обстановку. Ответили, что свободных транспортов нет, но обещали, что, если где-нибудь окажется недогруженный пароход или военный корабль, его в последний момент направят в Ялту. Будем надеяться на это.

— Мне нужна не надежда, а уверенность в том, что кадеты не будут брошены. Я за них отвечаю не только перед родителями, но и перед Россией, ибо никто не защищал ее с большей жертвенностью, чем они.

— Я вас понимаю и сочувствую вам, генерал. Но изменить существующее положение не в моей власти.

— Однако городскую публику, которая, оставаясь здесь, рискует гораздо меньше, вы грузите и для нее место нашли. А несколько сот таких вот мальчиков, — сказал багровый от возмущения Дед, указывая на нас рукой, — готовы оставить на расстрел! И это после того, как в самые трудные годы они не жалели для Родины ни крови, ни жизней. Сколько ты получил ранений, Каратеев?

— Три, ваше превосходительство!

— А ты, Вержбицкий?

— Двенадцать, ваше превосходительство!

Кадет Вячеслав Вержбицкий, в 1918 году тяжело раненный осколками снаряда в обе ноги, упал на улице города, в который уже ворвались красные. Мимоходом они его добивали — он получил три пули в голову, два сабельных удара и четыре раза был проткнут штыком. Нашей контратакой город был отбит, Вержбицкий чудом выжил и после бесчисленных операций и трепанаций черепа, пролежав больше года в госпитале, снова возвратился в армию и служил на бронепоезде.

— Вот видите, генерал! И таких у меня больше половины, а остальные, по возрасту своему, еще не в состоянии поднять винтовку. Что же, оставлять их всех на расправу красным?

— Ах, боже мой! — схватился за голову Драценко. — Что же я могу сделать! Есть у меня, правда, одна баржа, но я не рисковал ее вам предложить, ибо она так ненадежна, что никто не захотел на нее грузиться. Если будет буря, наверняка потонет. Словом, посудина дрянь, а команда и того хуже. Но если хотите...

— Можно ее посмотреть?

— Пожалуйста. Мой адъютант вас проводит.

«Посудина» оказалась большой плоскодонной баржей «Хриси», которая принадлежала какому-то греку и обычно совершала рейсы в пределах Черного моря, промышляя главным образом контрабандой. Она была снабжена машиной, позволявшей развивать скорость до пяти узлов в час, и общий ее вид не внушал никакого доверия. С первого, даже неопытного взгляда было ясно, что в период осенних штормов пересекать на ней море весьма рискованно, особенно при той осадке, которую она получит, когда на нее погрузится несколько сот человек, со всем корпусным имуществом. Но, отказавшись от нее, мы обрекли бы себя на еще больший риск, и потому Дед раздумывал не долго. Баржа была одобрена, к великому неудовольствию ее капитана, который пустил в ход все свое красноречие, чтобы отговорить нас от безумной, по его мнению, затеи. Его поддержала и команда — человек восемь всякого причерноморского сброда, глядевшего волками. Но все это не возымело на нас никакого действия. Баржа была подана к молу, и мы начали на нее грузиться.

К вечеру тринадцатого ноября по новому стилю погрузка была закончена. На «Хриси», до предела заполнив ее палубу и трюмы, поместились все имущество кордуса, большая часть его персонала и три старшие роты кадет. Четвертую удалось пристроить на «Константин», где малыши не подвергались опасностям столь рискованного плавания, в какое пускались мы. Загруженная сверх всякой нормы баржа осела так, что, перегнувшись через фальшборт, можно было достать рукой до поверхности моря. Вдобавок было свежо, ветер крепчал, и, когда настала пора сниматься с якоря, капитан заявил, что в такую погоду и с такой нагрузкой он отказывается выйти в море. На окраинах города в это время уже шла довольно интенсивная стрельба — выбора у нас не было, и, понимая, что капитан, в сущности, прав, мы все же заставили его переменить решение. Он пробурчал, что подчиняется силе, за дальнейшее снимая с себя всякую ответственность.

Но время шло, а «Хриси» не двигалась с места. Наконец кто-то пошел выяснять, в чем дело, и оказалось, что машина в неисправности. Возле нее хмуро копошились два механика, сказавшие, что погнулся какой-то вал и раньше чем на следующий день они не надеются его исправить. Было совершенно очевидно, что в действительности они надеются на другое: что ночью в Ялту войдут красные. Мы дали им полчаса на починку машины, предупредив, что в случае неудачи по истечении этого срока один из механиков, по жребью, будет расстрелян.

Четверть часа спустя машина уже работала как новая и, отшвартовавшись, мы вышли в море. Во избежание дальнейших поломок, в машинное отделение были посажены два кадета с револьверами в руках и с приказанием не спускать глаз с механиков.

По Черному морю

Небо было покрыто густыми тучами, ветер не уменьшался, но, к счастью, и не крепчал. Баржу качало, четырехузловым ходом она медленно двигалась вперед, неуклюже вгрызаясь в темное и мрачное море. Теоретически возможного пятого узла, несмотря на все усердие наших «погонял», механикам так и не удалось выжать из машины. Было уже близко к полуночи, когда последние огоньки русского берега погасила даль, для большинства из нас навсегда. Но тогда о такой возможности никто не думал — мы были уверены, что покидаем Родину ненадолго, и среди кадет особого уныния не наблюдалось.

В битком набитых трюмах непривычные к качке люди вели себя весьма неаккуратно, обильно удобряя друг друга, ибо выбраться на вер-

хнюю палубу было не так просто. Я предпочел остаться наверху и, отыскав себе местечко под перевернутой шляпкой, забрался туда и уже собирался соснуть, когда меня неожиданно вызвали к директору.

— Ты, кажется, старый морской волк? — пошутил Дед, когда я предстал перед ним. — Служил во флоте?

— Так точно, ваше превосходительство. Последние семь месяцев я прослужил сигнальщиком на эскадренном миноносце «Беспокойный».

— А в рулевом деле и в компасе ты что-нибудь смыслишь?

— С компасом знаком хорошо, а с рулевым делом только теоретически. Между делами и походами, я окончил в Севастополе военную школу рулевых и сигнальщиков, курс у нас был почти общий.

— Вот и отлично, — обрадовался Дед. — Пойди-ка на мостик и посмотри, куда нас везут. Сможешь сообразить, если поглядишь на компас?

— Смогу, ваше превосходительство. Только сначала надо взглянуть на карту.

Карту мне нашли, и, прикинув по ней приблизительно румб на Константинополь, я поднялся на мостик. Тут тоже было много спавших или глазевших по сторонам кадет, а потому стоявший на руле грек не обратил на меня никакого внимания, когда я, с видом любопытствующего профана, приблизился и взглянул через его плечо на картушку компаса. Все обстояло благополучно, мы шли правильным курсом. Я доложил об этом директору.

— Ну, слава богу, — промолвил он. — Но все же надо поглядывать, команда тут очень подозрительная, не завезли бы к большевикам. Есть ли у нас еще кто-нибудь из моряков?

— Кадет Перекрестов²⁹⁹ служил на крейсере «Генерал Корнилов». Правда, он был там комендором (артиллеристом), но о морском компасе представление имеет, это я знаю из разговоров с ним.

— Прекрасно, возьми его в помощь, и наблюдайте по очереди, чтобы, когда один спит, другой посматривал.

С трудом отыскав в человеческой каше Перекрестова, я сговорился с ним о часах дежурства, отправил его на мостик, а сам завалился спать, наказав немедленно разбудить меня, если рулевой переменит курс.

Было еще далеко до рассвета, когда меня не особенно деликатно растолкал взволнованный Перекрестов:

— Мишка! Кажись, дело неладно. А ну-ка, походи погляди на компас!

Я поднялся на мостик и с первого взгляда на картушку увидел, что дело действительно неладно: мы шли курсом на Одессу.

Грека рулевого мы сгоряча хотели выбросить за борт, но он цеплялся за поручни и так орал, что на шум начал сбегаться народ. Пришел и

Дед. Узнав, в чем дело, он приказал арестовать рулевого, который, призывая Бога в свидетели, клялся, что такой курс дал ему капитан. Затем последовало бурное объяснение с капитаном — этот уверял, что грек по незнанию языка не понял его указаний. Было совершенно очевидно, что это ложь, ибо рулевой по-русски лопотал довольно бойко, а потому, для вразумления ткнув капитана в брюхо дулом револьвера, ему порекомендовали сидеть в своей каюте, а возле нее поставили часового с винтовкой, приказав ему ни на шаг не отставать от капитана, если он куда-нибудь выйдет.

Управление судном после этого перешло в наши руки. Я стал за штурвал и, как умел, выправил курс. Попасть прямо в Босфор я не очень надеялся, но рассчитывал на то, что, увидев турецкий берег, пойму, в какую сторону мы уклонились. В крайнем случае можно было так или иначе получить нужные сведения от арестованного капитана, но мое морское самолюбие решительно отвергало этот выход.

Заметив, что одна сторона мостика совершенно обуглена, чего раньше не было, я спросил, что тут произошло. Оказывается, пока я спал, под мостиком на палубе вспыхнул пожар, который общими силами потушили, выбросив за борт все горевшие вещи, а также большую железную бочку с бензином, которая была привязана к борту, в сфере пожара. Что находится в этой бочке, никто не знал, и потому на нее вначале не обратили внимания. Вокруг уже все горело, когда один из матросов издали крикнул, что в ней бензин. Несколько кадет, с риском для жизни, бросились туда и вовремя успели ее отвязать и столкнуть в море. Кадет моего класса Салосьев и двое других получили при этом серьезные ожоги.

На следующий день по виду все шло благополучно. Ветер немного стих, машина работала без перебоев, никто из команды не высывал из кубрика носа, капитан тоже ни разу не вышел из своей каюты, а мы с Перекрестовым по очереди стояли на руле. Вечером тучи рассеялись и на небе показались звезды. Вспомнив, что Полярная звезда испокон веков служила надежным ориентиром для всех моряков, я взглянул на нее, потом на компас, и обмер: стрелка указывала на несколько градусов левее. В том, что никакой злоумышленник не мог сдвинуть Полярную звезду с ее законного места и она продолжает указывать направление на север, я был совершенно уверен. Оставалось заключить, что наш компас безбожно врал.

К счастью, моих познаний хватило на то, чтобы сделать правильное предположение относительно причины этого. Мостик был завален какими-то тюками и мешками, которые мы сейчас же принялись исследовать и в одном из них обнаружили полный набор железных гирь, на-

чиная с двухпудовика. Оказывается, помощник корпусного эконома — полтавский хохол, совершенно несведущий в морских премудростях, но чрезвычайно бережно относившийся к вверенному ему имуществу, — заботливо эвакуировал кухонные весы и брезентовый мешок с гирями пристроил «в куток», возле самого компаса. Едва мы его убрали, стрелка последнего стремительно рванулась вправо, наглядно подтвердив, что Полярная звезда и сегодня находится там, где Богом ей положено быть.

Но где теперь находится наша «Хриси», более суток шедшая никому не ведомым курсом, тоже было известно одному Богу. Секстанта у нас не было, да и с его помощью я едва ли сумел бы определить точное местоположение судна. Но, заметив угол отклонения от правильного курса и приблизительно зная пройденное от Ялты расстояние, я все же сообразил, где мы примерно находимся. Правда, ошибка могла быть велика, ибо я посчитал, что мы все время шли четырехузловым ходом, тогда как скорость, вероятно, менялась. Кроме того, было неизвестно — сколько времени мы шли курсом на Одессу и где именно легли на прежний курс. Попав в такое положение теперь, я бы, вероятно, пал духом. Но юности присущи оптимизм и беспечность, к тому же пессимизм в данном случае мог бы только ухудшить дело, и потому я бодро взялся за штурвал, а встревоженному этим происшествием Деду сказал, что для беспокойства нет никаких оснований и что, если мы не потонем в пути, до Константинополя доберемся непременно.

На третий день выяснилось, что в цистернах нашей «Хриси» почти не осталось пресной воды, и на нее был установлен строжайший рацион. От подлинных мук жажды нас спасло только случайное обстоятельство: выследив одного из матросов, удалось обнаружить еще одну цистерну с водой, существование которой команда от нас тщательно скрывала.

Очень неважно обстояло дело и с нашим питанием. Горячей пищи мы, конечно, не получали, приготовить ее было негде и не из чего. Последние дни в Ялте никаких продуктов нельзя было достать, да на их поиски не оставалось и времени, — взяли мы с собой лишь те небольшие запасы муки и консервов, которые к моменту эвакуации находились в корпусных кладовых, и то количество хлеба, которое успели выпечь. Если бы мы выехали, как предполагалось, на «Сарыче», который шел до Константинополя два дня, этих запасов нам бы вполне хватило, но для затяжного путешествия на «Хриси» их оказалось далеко не достаточно.

Первые два дня мы питались хлебом и мясными консервами, которых выдавали по фунтовой банке в день на человека. На третий день хлеб кончился, консервы тоже были на исходе. Оставалась еще мука, из которой наша корпусная стряпуха, тетка Харитина, как-то умудрялась выпекать лепешки. Однако на маленькой жаровне, пользуясь щеп-

ками от разбитых ящиков в качестве топлива, наготовить их на несколько сот едоков было чрезвычайно трудно, и последние два дня наше бременное существование поддерживалось одной такой лепешкой в день на каждого да банкой консервов на четырех человек. Голодные как волки кадеты, в поисках чего-нибудь съедобного, занялись исследованием каких-то «посторонних» ящиков, лежавших в трюме, — почти во всех оказалось мыло, но в двух или трех были обнаружены жестяные банки со спиртом, который, к искреннему, но бессильному негодованию начальства, с избытком возместил нам недостающие калории.

На пятые сутки пути мы увидели впереди землю — пустынный берег и невысокие горы. Не помню уж, по каким признакам удалось определить, что мы уклонились к востоку от Босфора и что перед нами берега Анатолии. Дальше все было относительно просто; повернув на запад и все время идя параллельно берегу, часа три-четыре спустя мы благополучно добрались до Босфора, в своем святом неведении пройдя, как после выяснилось, по еще не протраченным после войны минным полям.

Относительно Босфора я знал, что вход в него, особенно осенью, довольно труден и опасен, но нам и тут повезло: день был ясный и безветренный, море спокойно, а когда мы приблизились к проливу, в него как раз входил какой-то большой пароход. Я пристроился к нему в кильватер и завершил путешествие вполне благополучно.

На Константинопольский рейд «Хриси» вступила с такой же законной гордостью, как тысячу лет назад вступали на него ладьи князя Олега. Так как это уже касалось моей прямой специальности, я постарался: на наших ряях, кроме «позывных» (комбинация сигнальных флагов, означающая название данного судна), развевались сигналы «Терпим голод» и «Терпим жажду».

Союзные благодетели и голодный бунт

Поднятые мной сигналы довольно быстро возымели свое действие, хотя и не такое, как мы ожидали. В простоте нашей русской души, еще не тронутой западной цивилизацией, мы думали, что нас прежде всего накормят. Но вышло иное. Часа пол спустя после того, как мы бросили якорь, к нам подлетел нарядный английский истребитель и остановился в нескольких метрах от «Хриси». На его верхней палубе был установлен на треноге киносъёмочный аппарат, рядом стоял стол, на котором высилась большая груда нарезанного кусками белого хлеба, а вокруг толпилось десятка полтора изысканно одетых дам и джентльменов, среди которых мы заметили одного, тоже очень импозантного,

русского «земгусара» в полувоенной форме с широкими золотыми погонами. Земгусарами у нас называли чиновников Земского Союза и Союза Городов, которые во время войны надели военную форму и из желания походить на офицеров нередко «пересаливали»: вместо положенных им узких погон, носили широкие, надевали шпоры и т. п.

— Вы очень голодны? — осведомился последний.

Мы ответили утвердительно, пояснив, что два дня почти ничего не ели.

— Эти леди о вас позаботятся. Но сначала мы сделаем небольшую киносьемочку. Она будет для вас полезна: на ваше положение обратят внимание солидные круги английской общественности.

Не очень довольные таким началом и не понимая — зачем мы понадобились английской общественности или она нам, — все замерли у борта, ожидая, что нас запечатлеют на пленке, а потом будут кормить. Но оказалось, что нас хотят फिल्бовать не просто, а так сказать, художественно, с желательными для англичан эффектами. Дамы с палубы истребителя начали кидать в толпу кадет куски хлеба. Кое-кто из голодных малышей кинулся было хватать их, но наш генерал выпуска Лазаревич — старший кадет, слово которого, в силу традиции, было для всех остальных непререкаемо, — громко крикнул. Генералом выпуска в кадетских корпусах провозглашался тот кадет седьмого (выпускного) класса, который дольше всех пробыл в стенах данного корпуса, иными словами, он минимум в двух, а иногда и в трех классах оставался на второй год.

— Не прикасаться к этому хлебу! Не видите, что ли, эти халдеи хотят вызвать среди нас свалку, чтобы потом показывать у себя в Англии, как «русские дикари» дерутся из-за еды!

Куски хлеба сыпались на наши головы и плечи, но мы стояли неподвижно, как бы не замечая этого. Тогда англичане, видя, что на хлеб русские не клюют, принялись метать в нас сигареты, но их тоже никто не ловил и не поднимал. Застрекотавший было киноаппарат сразу замолк. Физиономии английских дам приняли оскорбленно-негодующее выражение — наш образ действий казался им явно неприличным.

— Напрасно вы так, — укоризненно промолвил земгусар. — Что вам стоит доставить дамам это удовольствие? Они вам очень сочувствуют и хотят сделать интересные снимки, которые для вас же будут полезны...

— Скажи своим дамам, что для них будет полезно, если они отсюда поскорее смоятся, да и сам убирайся с ними ко всем чертям! — крикнул кто-то из нашей толпы. — А то мы сейчас начнем швырять в вас не хлебом, а чем-нибудь потяжелее!

Земгусар что-то негромко сказал по-английски, «общественность» возмущенно залопотала, но доброго совета послушалась: истребитель дал

ход и минуту спустя скрылся за кормой стоявшего поблизости транспорта.

Вся «Белая Русь» уже находилась здесь, рейд был усыпан нашими военными кораблями, пароходами, транспортами и баржами, — мы, кажется, пришли последними. Заметив в отдалении миноносцев «Беспокойный», я взял сигнальные флажки и просемафорил туда:

— Привет господам офицерам и команде от капитана дальнего плавания Михаила Каратеева.

— По лоханке и капитан, — ответил вахтенный сигнальщик с «Беспокойного». — Куда тебя везут, Мишка?

— Не знаю. А вас куда?

— Говорят, в Африку.

— Ну, кланяйся от меня слонам и бегемотам.

— Есть кланяться слонам и бегемотам.

Все наши военные корабли действительно были направлены в тунисский порт Бизерту, и ни одного своего сослуживца по «Беспокойному» я больше никогда в жизни не встретил.

Через час после визита английской «общественности» обед нам прислали французы. Правда, он был отвратителен, но имел то преимущество, что его нам выдали без всяких издевательств. Это было варево из червивых галет и неочищенной, даже не мытой картошки. Черви плавали на этом, с позволения сказать, супе толстым слоем, есть его было невыносимо, но мы вылавливали из него картошку, чистили ее, обмывали в воде и ели.

Выручали также «кардаши» — турецкие лодочники-торговцы, сновавшие вокруг наших судов и с предельной бессовестностью обменивавшие на хлеб, инжир и халву все, что им могли предложить голодные люди. Впрочем, мы быстро научились с ними обращаться. Такой кардаш, чтобы его не относил течение, прежде чем вступить в торговлю, бросал веревочный конец со своей лодки на борт, и мы его наверху закрепляли. И вот когда он за револьвер, часы или золотое кольцо, которое стоило дороже всей его плавучей лавочки, совал нам кусок халвы и пару хлебцев, а «добычу» опускал в карман, мы начинали за конец подтягивать его лодку кверху. Турок сначала свирепо ругался, но по мере того, как его лодка приближалась к вертикальному положению и товары с нее готовы были посыпаться в воду, он входил в разум и принимался кидать наверх хлеб, халву и вязки инжира, пока мы, удовлетворенные полученным, его не опускали.

Ни в первый день нашего стояния на Константинопольском рейде, ни на следующий никто не знал — оставят ли нас в Турции или повезут дальше, и куда именно. Слухи ходили самые разнообразные — говорили о

Египте, Греции, Болгарии, каких-то островах и даже о Бразилии. Наш директор между тем несколько раз съезжал на берег и с кем-то вел там переговоры, в результате которых на третий или на четвертый день определилось, что мы отправляемся в Королевство СХС (Сербов, Хорватов и Словенцев), как тогда называлась Югославия.

В тот же день нас перегрузили на огромный пароход русского Добровольного флота «Владимир». Здесь, кроме нас, находилось еще несколько тысяч беженцев, военных и штатских, но корпусу отвели два больших трюмных помещения, в которых мы расположились хотя и не очень комфортабельно, но все же несравненно удобней, чем на «Христи». Тут, между прочим, выяснилось, что с нами едет десятка полтора совершенно посторонних и никому не известных лиц, которых Дед, по доброте своей, согласился условно записать как служащих корпуса, чтобы облегчить им въезд в Югославию. Опережая события, скажу, что по приезде на место от большинства из них он не смог отделаться и вынужден был действительно изобрести им какие-то должности при корпусе. Кое-кто из этих «служащих» нам впоследствии изрядно напакостил.

Дальнейшее наше плавание протекало без особых приключений, во всяком случае крупных. Мелкие были. Из них стоит отметить так называемый «голодный бунт», в котором ведущую роль с большим темпераментом и успехом провел мой одноклассник Коля Михайлов — впоследствии инженер и родной отец ныне широко известного югославского литератора Михаила Михайлова. Предварительно надо сказать, что на «Владимире» кормили нас хуже чем впроголодь и, в частности, выдавали очень мало хлеба, так как он находился в ведении не нашего эконома, а какого-то высокопоставленного интенданта, который отпускал его всему населению парохода. Хлеба в его распоряжении было сколько угодно — он, сложенный высокими штабелями, как дрова, лежал в нескольких местах на палубе, накрытый брезентами, и, чтобы его не растаскивали голодные люди, возле этих складов стояли наши же кадеты часовые, с винтовками в руках.

В связи с этим вспоминается забавный случай. В хлебные караулы часовыми назначались кадеты шестого класса, а караульными начальниками и разводящими были семиклассники. Кажется, на вторую ночь караульным начальником был я, а одним из часовых кадет Владимир Бурман. Около девяти часов вечера, когда он стоял на посту, в караульное помещение вошел один из воспитателей Владикавказского корпуса, полковник К., и с возмущением мне сказал:

— Безобразие! Ваш часовой кадет Бурман, вместо того чтобы охранять хлеб, стоя на посту, жрет его сам! Потрудитесь завтра доложить об этом директору корпуса.

— Слушаю, господин полковник! — ответил я и, отправившись на место происшествия, распушил бедного Бурмана, как требовала служба.

Однако этим дело не кончилось. В два часа ночи, когда на посту опять стоял Бурман, с палубы пришел какой-то незнакомый мне человек и сообщил, что часовой, стоящий на посту номер три, просит караульного начальника прийти на пост, чтобы принять арестованного за кражу хлеба. Я поспешил туда и, увидев арестованного, не хотел верить глазам: это был полковник К. Сияя торжеством, Бурман сдал мне его с поличным — с буханкой хлеба в руках, которую он, под угрозой винтовки, не позволил положить на место до моего прихода. Как после выяснилось, сообразив, что полковник в столь поздний час не зря прогуливается по палубе, Бурман спрятался под брезент и умудрился накрыть своего врага.

По дороге в караульное помещение я сказал:

— Что же, господин полковник, завтра, когда по вашему приказанию я буду докладывать директору корпуса о проступке кадета Бурмана, придется и о вашем приключении сказать ему несколько слов.

— Ради бога, Каратеев, не возбуждайте скандала! — взмолился полковник. — Поймите, я не для себя взял этот хлеб, у меня семья голодает!

— Бурман тоже ел хлеб не из озорства, а от голода, однако вы этого не захотели понять. Но к счастью, я понимаю вас обоих, ибо сам голоден, а потому ни о ком докладывать директору не буду, и поставим на этом деле крест. Спокойной ночи, господин полковник!

Однако возвращаясь к «бунту». Вскоре лежавший на палубе хлеб от сырости начал зеленеть и покрываться плесенью, а нам по-прежнему выдавали его мизерными порциями. Такое положение привело к тому, что в один прекрасный день человек десять кадет первой роты отправились на поиски интенданта. Он был обнаружен на верхней палубе. Никаких определенных планов относительно методов воздействия на него у нас не было, может быть, все обошлось бы мирно, но, увидев перед собой развалившуюся в лонгшезе упитанную фигуру военного чиновника, в роскошной генеральской шинели с красными отворотами, голодный как волк Михайлов сразу озверел. Интендант, на беду, тоже попался гоноровый. Между ними произошел такой диалог:

— Это вы главный интендант парохода?

— Да, я. Но, к вашему сведению, у меня есть чин: тайный советник, титулуемый превосходительством, — так ко мне и следует обращаться. Что вам угодно?

— Угодно знать, для кого вы бережете хлеб?

— Я вам не обязан давать в этом отчет.

— Вы так думаете? А вы никогда не видели, как из тайного советника делают явного покойника?

— Это бунт! — заорал «советник», вскакивая с кресла.

Михайлов выхватил наган. Мы их окружили, готовые в случае надобности удерживать от крайностей рассвирепевшего Михайлова, но вместе с тем угрожающе рыча на интенданта.

— Я бы на вашем месте согласился раздать хлеб, — вкрадчивым голосом порекомендовал ему спокойный и рассудительный кадет Трофимов. — А то долго ли до греха? Будет жаль, если зря погибнет такой шикарный советник, титулуемый превосходительством.

— Хорошо, я распорядусь, — бледнея, пробормотал чиновник, при виде нагана сразу утративший весь свой апломб.

В этот момент на палубе появился Дед, которого кто-то из пассажиров известил о происходящем. Он немедленно нас разогнал и принялся успокаивать интенданта, который при новом обороте дела воспрянул духом и снова зарокотал возмущенным «генеральским» голосом.

Этот «бунт» имел два последствия: хлеба стали давать вдоволь, но, по требованию капитана парохода мы были разоружены. Опасаясь эксцессов, начальство провело эту операцию очень осторожно: кадетам не сказали ничего, а глубокой ночью унесли и сдали пароходному коменданту все наши винтовки, стоявшие в козлах, в углу трюма. Для успокоения нам обещали возвратить их по высадке на берег, но больше мы их никогда не увидели и утешились тем, что револьверы у нас остались.

Интендант рвал и метал, требуя для зачинщиков чуть ли не расстрела, но, кроме выговора, виновникам этого инцидента ничего не было. Дед своих в обиду не давал.

Раздел 6

А. Власов³⁰⁰

О БРОНЕПОЕЗДАХ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ³⁰¹

К началу сентября 1920 года численное превосходство советских войск, сосредоточенных против Русской Армии генерала Врангеля, стало очень значительным. Советские силы состояли к этому времени из трех армий: 6-й, 13-й и 2-й Конной, с общей численностью примерно в 45 000 человек пехоты и 13 000 человек кавалерии. Силы наших войск не превосходили 25 000 человек пехоты и 8000 человек конницы. Штаб Главнокомандующего подготовлял в это время новую операцию с переходом части наших войск на правый, северо-западный, берег Днепра. Представлялось выгодным расширить наш фронт на запад еще до прибытия советских войск, перебрасываемых с фронта войны против Польши. При этом предполагалось овладеть и сильной предместной позицией красных у Каховки, на левом берегу Днепра, представлявшей постоянную угрозу нашему тылу. Перед началом подготовлявшейся Заднепровской операции было весьма важно разбить войска красных на восточном и северном направлениях, чтобы они не помешали началу выполнения нашего плана своим переходом в наступление на этих участках фронта.

На восточном направлении начали наступать около 1 сентября, при содействии бронепоездов, части Донского корпуса генерала Абрамова. Вскоре части Донского корпуса стали быстро продвигаться к узловой станции Верхнетокмак, примерно в 80 верстах от узловой станции Федоровка. 3 сентября бронепоезд «Волк» получил приказание атаковать станцию Стульнево, в 20 верстах к западу от станции Верхнетокмак. При подходе к станции Стульнево бронепоезд был встречен огнем красной батареи, стоявшей близ железнодорожного полотна. Бронепоезд «Волк», в свою очередь, открыл по ней огонь из двух орудий и стал обстреливать из пулеметов пехоту красных. Под метким огнем бронепоезда батарея противника была вынуждена сняться с позиции, и неприятельская пехота начала отходить. В этом бою был тяжело ранен в голову один из офицеров бронепоезда. 4 сентября бронепоезд «Волк» отправился на северное направление, в распоряжение командира 1-го армейского корпуса.

В ближайшие после этого дни бронепоезд «Дмитрий Донской» получил две захваченные у красных бронеплощадки, с двумя 3-дюймовыми орудиями на каждой, и поступил в распоряжение командира Донского корпуса. В дальнейшем наступлении войск Донского корпуса участвовали также приданные корпусу бронепоезда «Солдат» и «Иоанн Калита». Им пришлось вести очень тяжелые бои с преобладающим числом советских бронепоездов. К 11 сентября две Донские дивизии, не встречая упорного сопротивления со стороны отступающих пехотных и кавалерийских частей противника, подошли к фронту Мариуполь—Волноваха. Бронепоезд «Иоанн Калита» дошел до станции Волноваха, продвинувшись от станции Верхнетокмак примерно на 120 верст за одну неделю. Около середины сентября части Донского корпуса продвинулись еще дальше, и бронепоезд «Иоанн Калита» дошел, поддерживая их, до узловой станции Еленовка, в 30 примерно верстах к северу от станции Волноваха. 22 сентября сильная конная группа красных произвела нападение на станции Розовка и Царе-Константиновка, на участке железной дороги между станциями Волноваха и Верхнетокмак. Части Донского корпуса были принуждены отойти из района станции Волноваха приблизительно на 80 верст к западу. Отходя совместно с частями 3-й Донской дивизии, бронепоезд «Иоанн Калита» разрушал последовательно мосты, водокачки и участки путей железной дороги. 27 сентября бронепоезд «Иоанн Калита» вел бой у станции Бельманка, примерно в 100 верстах к востоку от станции Федоровка, совместно с подошедшим бронепоездом «Дмитрий Донской». Короткое наступление частей Донского корпуса на восточном направлении было закончено.

Между тем на северном направлении развивалось наступление наших войск 1-го армейского корпуса с приданными им частями с целью разбить Александровскую группу войск красных и овладеть Кичкасской переправой через Днепр. 3 сентября бронепоезд «Севастополец» вел бой против бронепоезда красных к северу от станции Пришиб, в 20 примерно верстах от узловой станции Федоровка, когда попаданием 42-линейного снаряда была взорвана передняя двухорудийная бронеплощадка бронепоезда, и взрывом убит штабс-капитан Сухоцкий. Прибывший 4 сентября на северное направление бронепоезд «Волк» продвигался, по мере исправления железнодорожного пути, через станции Бурчацк и Чокрак к Александровску. 6 сентября Александровск и узловая станция у этого города были взяты войсками Марковской дивизии. 13 сентября бронепоезд «Севастополец» получил для усиления боевой части одну бронеплощадку с 75-миллиметровым орудием и одну пулеметную бронеплощадку. После починки взорванного красными моста у станции Попово бронепоезд «Севастополец» прибыл 14 сентября на станцию

Александровск. В это время бронепоезд «Волк» нес сторожевую службу в местах ремонта пути и мостов. В ближайшие дни прибыл на станцию Александровск и тяжелый бронепоезд «Единая Россия». 17 сентября бронепоезд «Севастополец» двинулся на север для поддержки короткого наступления частей Дроздовской дивизии на узловую станцию Синельниково. К вечеру бронепоезд прибыл на станцию Софиевка, примерно в 25 верстах от станции Александровск. На следующий день, 18 сентября, бронепоезд «Севастополец» остановился севернее этой станции, у места крушения неприятельского бронепоезда, и должен был ждать конца работ по исправлению пути. 19 сентября узловая станция Синельниково, в 70 верстах к северу от Александровска, была занята частями Дроздовской и Кубанской дивизий. Бронепоезд «Севастополец» оставался 19 сентября на станции Синельниково до наступления темноты, между тем как бронепоезд «Волк» вывез два подорванных боевых состава неприятельских бронепоездов со станции Софиевка. 20 сентября бронепоезд «Севастополец» получил бронеплощадку с двумя 3-дюймовыми орудиями образца 1902 года, которая была захвачена у красных и принадлежала их бронепоезду «Товарищ Свердлов». Но эту бронеплощадку пришлось оставить в ремонте на станции Александровск, тогда как бронепоезд «Севастополец» перешел на станцию Софиевка.

25 сентября Заднепровская операция наших войск началась переправой частей Марковской и Корниловской дивизий через Днепр у Александровска. Тяжелый бронепоезд «Единая Россия» содействовал переправе своим огнем. 26 сентября бронепоезд «Волк» находился в сторожевом охранении у станции Славгород, примерно в 50 верстах к северу от Александровска, и вел огонь из орудий по красным, приближавшимся к станции. После отхода на станцию Александровск бронепоезд «Волк» был временно разделен на две части. Одна бронеплощадка была назначена 28 сентября для охраны железнодорожного участка от Александровска до станции Попово, протяжением около 35 верст, а другая часть бронепоезда отправилась на линию Александровск—Пологи. В течение нескольких дней, начиная с 30 сентября, бронепоезд «Севастополец» оставался в районе станции Славгород вместе с частями Дроздовской дивизии.

1 октября 1920 года наши войска, переправившиеся на правый берег Днепра, были принуждены возвратиться на левый берег. Был убит в бою генерал Бабиев, один из лучших кавалерийских начальников Русской Армии. Штурм неприятельской укрепленной позиции у Каховки был отбит с большими потерями для наших войск. Заднепровская операция окончилась большой неудачей. За несколько дней до того были получены сведения о заключении перемирия между Польшей и совет-

ским правительством. Предстояло решительное наступление красных на Северную Таврию и Крым.

На восточном направлении тяжелый бронепоезд «Иоанн Калита» постепенно отходил вместе с нашими частями. Отход от станции Царе-Константиновка до станции Большой Токмак, на расстоянии примерно в 80 верст, происходил в течение восьми дней.

На северном направлении наши бронепоезда произвели перед отходом внезапное нападение на узловую станцию Синельниково. 6 октября бронепоезд «Волк» отправился на разведку пути, выйдя со станции Славгород в сторону Синельникова. Близ маленькой станции Ивковка железнодорожный путь оказался разобранным на значительном протяжении, а соседний путь был загроможден двумя паровозами. Во время осмотра пути бронепоезд «Волк» был обстрелян неприятельским тяжелым бронепоездом, но отошел без потерь. В ночь на 7 октября бронепоезда «Севастополец», «Волк» и «Единая Россия» вышли по приказанию командира 1-го бронепоездного дивизиона со станции Ново-Гуполовка для производства нападения на станцию Синельниково. Подойдя к участку разобранного пути, бронепоезда остановились. Их команды приступили к исправлению пути под руководством офицера вспомогательного поезда. Работа продолжалась до 4 часов, и тогда выяснилось, что она может быть окончена лишь к 7 часам. Ввиду этого, командир дивизиона приказал бронепоездам вернуться на станцию Ново-Гуполовка. С этой станции бронепоезда снова вышли в 23 часа 7 октября в следующем порядке: легкие бронепоезда «Севастополец» и «Волк», вспомогательный поезд и тяжелый бронепоезд «Единая Россия». Одна бронеплощадка бронепоезда «Волк» должна была охранять тыл на участке между станциями Ново-Гуполовка и Ивковка. В 5 часов 8 октября починка пути была закончена и бронепоезда вошли на станцию Ивковка. Красные не ожидали такого нападения и заметили наши бронепоезда лишь тогда, когда головной бронепоезд «Севастополец» был на южных стрелках станции. На станции не был снят телефонный аппарат, но дежурный телефонист был захвачен раньше, чем он успел сообщить о нападении на станцию Синельниково. Там красные не оказали сопротивления и обратились в бегство. Лишь в 9 часов подошел с севера советский легкий бронепоезд и начал обстреливать станцию. Наши бронепоезда взорвали стрелки и около 10 часов отошли на юг. Было взято 100 пленных. В этом нападении участвовали исключительно бронепоезда, без содействия других наших частей. В тот же день, 8 октября, легкий бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» прошел через узловую станцию Джанкой по вновь построенной ветке, около 50 верст длиной, до станции Юшунь, близ южной линии наших Перекопских позиций.

9 октября бронепоезд «Севастополец» прикрывал работы по снятию стрелок и крестовин на станциях Ново-Гуполовка и Софиевка. На последней станции, в 25 верстах примерно к северу от Александровска, бронепоезд оставался до наступления темноты. Вечером бронепоезд «Севастополец» продолжал свой отход, взрывая стрелки и крестовины на промежуточных станциях, и прибыл на станцию Александровск около полуночи. Бронепоезд «Единая Россия» отходил вместе с частями Дроздовской дивизии. Бронепоезд «Волк» прошел со станции Александровск по ветке на восток, в сторону станции Пологи, для прикрытия подрывной команды Марковской дивизии, которой было поручено разрушение мостов и железнодорожного пути. 10 октября бронепоезда «Севастополец» и «Волк» оставались на узловой станции Александровск до 10 часов, взорвав все главные стрелки и крестовины. Затем наши бронепоезда отошли на станцию Канкриновка, примерно в 15 верстах к югу от Александровска. 11 и 12 октября те же наши бронепоезда прикрывали работу вспомогательного поезда по разборке пути у станции Попово, в 20 верстах к югу от станции Канкриновка.

* * *

К середине октября 1920 года советскому командованию удалось сосредоточить для решительного наступления в Северную Таврию и Крым силы численностью до 60 000 человек пехоты и 25 000 человек кавалерии, входившие в состав пяти армий: 4-й, 6-й, 13-й, 1-й конной и 2-й конной. Эти армии охватывали как бы полукругом фронт наших войск. У красных было тройное превосходство по численности над нашими войсками, которым предстояло последнее оборонительное сражение.

13 октября части советской 2-й конной армии начали переправу через Днепр у Никополя, примерно в 100 верстах к северо-западу от Мелитополя. 15 октября противник перешел в наступление по всему фронту. При этом части советской 1-й конной армии были направлены от укрепленной позиции у Каховки на юго-восток, к станции Сальково, чтобы перерезать железнодорожное сообщение между Северной Таврией и Крымом и не допустить отхода в Крым главной массы наших войск.

Бронепоезд «Севастополец» отходил 15 октября на участке примерно в 15 верст от станции Чокрак до станции Пришиб, ведя бой с наступающими кавалерийскими и пехотными частями красных. Ночью бронепоезд стоял на станции Пришиб, в 20 верстах к северу от узловой станции Федоровка. В это время начальник бронепоездной группы спешно вызвал бронепоезд «Волк» на станцию Мелитополь, в 20 примерно верстах к югу от станции Федоровка.

16 октября продвижение неприятельских конных масс продолжалось. Мороз достиг 14 градусов ниже нуля, и густой туман затруднял наблюдение. 16 октября днем бронепоезд «Севастополец» еще охранял эвакуацию станции Пришиб, а вечером был вызван в спешном порядке на станцию Федоровка. Перед тем через эту станцию успел пройти на юг тяжелый бронепоезд «Иоанн Калита», отходивший в трудных условиях, отстреливаясь от преследующего неприятеля, с восточного направления. В тот же день бронепоезд «Генерал Алексеев», которому были переданы две орудийные бронеплощадки с тремя 3-дюймовыми орудиями, получил приказание от командующего бронепоездной группой полковника Гадда³⁰² о том, что бронепоезда «Генерал Алексеев», «Дроздовец» и «Иоанн Калита» назначаются для прикрытия наших отступающих войск, для чего они должны занять позицию в районе станций Мелитополь и Акимовка. Между тем бронепоезда, еще находившиеся на фронте севернее, у станции Федоровка, пройдут оттуда непосредственно к нашим позициям у станции Сальково, то есть на расстояние около 110 верст к югу. Бронепоезд «Волк» двигался утром 16 октября с частями Кубанского пластунского батальона к станции Ново-Алексеевка для ее охраны. Однако по прибытии на станцию Рыково, в 15 примерно верстах к северу от станции Ново-Алексеевка, были получены сведения, что у этой последней станции уже находится конница красных. Путь между станциями Рыково и Ново-Алексеевка был взорван в нескольких местах и загроможден сошедшими с рельс паровозами. Произведя разведку в эту сторону, бронепоезд «Волк» был принужден возвратиться на станцию Рыково. Вероятно, в тот же день отходил от станции Мелитополь в сторону станции Ново-Алексеевка тяжелый бронепоезд «Единая Россия». Боевой состав бронепоезда шел впереди жилого состава резерва, который был оставлен на станции Рыково и простоял на ней три дня в ожидании починки пути. Бронепоезд «Единая Россия» вступил в бой с неприятелем. При этом был ранен командир дивизиона полковник Скопин³⁰³.

17 октября части конницы красных заняли район станций Ново-Алексеевка и Сальково. Мороз еще усилился, дойдя до 20 градусов ниже нуля, и это все более затрудняло отход наших войск. В ночь на 17 октября бронепоезд «Севастополец» находился на узловой станции Федоровка, еще примерно на 100 верст севернее района, в который уже проникла конница противника. Затем, отправив вперед состав товарного поезда и захватив запасный паровоз, бронепоезд «Севастополец» двинулся по направлению к станции Мелитополь. По пути состав товарного поезда был атакован конницей красных. Приближавшийся бронепоезд «Севастополец» открыл огонь, неприятельская кавалерия рассеялась, бросив захваченных пленных, и движение к Мелитополю продолжалось. Утром 17

октября на станции Мелитополь находился бронепоезд «Генерал Алексеев», прикрывавший эвакуацию этой станции. Неприятельская кавалерия, подошедшая к Мелитополю, была отброшена огнем бронепоезда, который выехал к северным стрелкам станции. Затем бронепоезд «Генерал Алексеев» отошел к югу, в сторону разъезда Тащенак. Между тем подошедший с севера бронепоезд «Севастополец» остановился у северных стрелок станции Мелитополь и открыл огонь по кавалерии противника, которая в это время уже входила в город. Несколько интендантских поездных составов были отправлены на юг. Вслед за ними пошел бронепоезд «Солдат», находившийся на станции Мелитополь. Затем красные атаковали станцию, и бронепоезд «Севастополец» отошел с нее последним, расстреливая неприятеля из орудий «на картечь». В нескольких верстах южнее станции Мелитополь бронепоезд «Солдат» столкнулся, по невыясненным причинам, с шедшим впереди него интендантским составом. Подойдя к месту крушения, бронепоезд «Севастополец» выслал связь к бронепоезду «Солдат». Однако оказалось, что боевая часть этого бронепоезда уже оставлена командой. Был замечен паровоз с несколькими вагонами, отходивший на юг от интендантского состава. Не было надежды на приход рабочего поезда, и не было возможности собственными средствами исправить и освободить путь. Поэтому командир бронепоезда «Севастополец» приказал команде взять с собой часть пулеметов и замки с орудий и прочих пулеметов и покинуть боевой состав. Команда подожгла бронепоезд и начала отступать пешим порядком. Вскоре команде бронепоезда «Севастополец» пришлось отражать атаки кавалерии красных, которая стремилась отрезать путь отхода. При отражении атак были убиты из состава команды два нижних чина, ранены два офицера и четыре нижних чина. Несколько человек пропали без вести. Постепенно убывая в числе, команда бронепоезда «Севастополец» наконец остановилась у железнодорожной будки и здесь отбивалась от атакующей кавалерии. Штабс-капитан Кийпле³⁰⁴ и один вольноопределяющийся поймали двух лошадей и на них отправились в тыл к ближайшему разъезду Тащенак для вызова помощи. Стоявший на разъезде Тащенак, в 10 верстах к югу от станции Мелитополь, бронепоезд «Генерал Алексеев» немедленно двинулся на помощь команде бронепоезда «Севастополец». Открыв огонь, бронепоезд «Генерал Алексеев» отогнал неприятельскую конницу, погрузил команду бронепоезда «Севастополец» и доставил ее на станцию Акимовка, примерно в 25 верстах к югу от станции Мелитополь. В ближайшие дни команда бронепоезда «Севастополец» была отправлена на присоединение к своему резерву на станцию Бельбек, близ Севастополя.

18 октября наши отходящие части генерала Абрамова подошли с севера к станциями Рыково и Ново-Алексеевка, где атаковали неприятель-

скую кавалерию. Некоторые конные части красных были захвачены врасплох и отошли к западу, как бы открывая путь отступления в Крым для наших войск, вдоль линии железной дороги. В этот день бронепоезд «Генерал Алексеев» сначала стоял на позиции у станции Акимовка, около которой был сожжен мост, а затем двинулся в сторону станции Сокологорное, примерно на 25 верст к югу. На станциях Мелитополь и Акимовка было брошено много поездных составов с разнообразным, весьма ценным грузом, в том числе орудиями, аэропланами, боевыми припасами и продовольствием. Оставляемое имущество расхищалось местными жителями. У входного семафора станции Сокологорное стояло до десяти брошенных груженых поездных составов с холодными паровозами. Станция не могла принять эти составы, как и находившийся там же легкий бронепоезд «Дроздовец», и снабдить их всем необходимым для дальнейшего следования. Таким образом, путь на юг для бронепоездов «Генерал Алексеев» и «Дроздовец» был закрыт. Бронепоезд «Генерал Алексеев» занял позицию севернее последнего брошенного поездного состава.

18 октября находившийся в тылу бронепоезд «Офицер» спешно отправился в распоряжение инспектора артиллерии 1-го корпуса на узловую станцию Джанкой. Боевая часть бронепоезда состояла в это время из одной бронеплощадки с двумя 3-дюймовыми орудиями, принадлежавшей прежде неприятельскому бронепоезду «Товарищу Троицкий». На станции Джанкой бронепоезд «Офицер» получил приказание установить связь с нашими бронепоездами, отходившими из Северной Таврии, и двинулся к станции Чонгар, в 35 верстах от Джанкоя.

19 октября наши войска продолжали медленно отходить в Крым через позицию у станции Сальково. Бронепоезд «Генерал Алексеев» не мог продвигаться дальше на юг из-за забитых путей и оставался у станции Сокологорное, в 40 примерно верстах к северу от станции Сальково. Начальник Донской казачьей дивизии, части которой находились в этот день близ станции Сокологорное, приказал бронепоезду удерживать эту станцию. В случае же отхода частей дивизии команде бронепоезда надлежало немедленно покинуть боевой состав и взорвать его. Около 9 часов неприятельская кавалерия повела наступление на станцию Сокологорное одновременно с трех сторон. Первые атаки красных были успешно отбиты совместными действиями бронепоезда «Генерал Алексеев» и частей Донской дивизии. Однако выяснилась угроза обхода противником, и около 15 часов начальник дивизии решил отступить и приказал команде оставить боевой состав бронепоезда. Примерно в то время и боевой состав бронепоезда «Дроздовец» был оставлен своей командой, которая отступила пешим порядком. После того как боевой состав бронепоезда «Генерал Алексеев» был подожжен, его команда с легкими пулеметами за-

няла позицию в поле к юго-западу от станции. Красные быстро заняли станцию Сокологорное и двинулись в атаку на цепь команды бронепоезда. Неприятельская атака была отбита. Из состава команды был убит подпрапорщик Дологин. При вторичной атаке красных на цепь команды бронепоезда противник был отброшен частью нашей конницы, которая атаковала его во фланг. Красные очистили станцию. После этого команда бронепоезда «Генерал Алексеев» отошла к резерву Донской дивизии, в 3 верстах к югу от станции Сокологорное, а к 23 часам дошла пешим порядком, вместе с ранеными, до следующей маленькой станции Юрицыно. Таким образом, при отходе из Северной Таврии погибли четыре наших бронепоезда: «Севастополец», «Солдат», «Генерал Алексеев» и «Дроздовец».

19 октября в 9 часов утра бронепоезд «Офицер» оставил свой резерв на станции Чонгар и двинулся на север. На станции Сальково бронепоезд получил от начальника 7-й дивизии генерала Канцера приказание отправиться дальше на станцию Ново-Алексеевка и прекратить происходившие там грабежи эшелонов, брошенных во время недавнего налета советской конницы. Со станции Ново-Алексеевка бронепоезд «Офицер» восстановил связь с остановившимися в двух верстах к северу от этой станции нашими бронепоездами, отошедшими с севера. Около поврежденного участка пути стояли легкие бронепоезда «Дмитрий Донской» и «Волк» и тяжелые бронепоезда «Единая Россия» и «Иоанн Калита». Починка пути еще не была закончена. К вечеру бронепоезд «Офицер» возвратился на станцию Чонгар, вывезя холодный бронепаровоз, который был обнаружен на станции Ново-Алексеевка.

В течение дня 20 октября к Сальковской позиции подошли с севера отступавшие последними части 1-й армии генерала Кутепова. Вечером Сальковская позиция была занята частями Дроздовской дивизии. В этот день отступавшая походным порядком команда бронепоезда «Генерал Алексеев» двинулась со станции Юрицыно в сторону станции Рыково, находящейся примерно в 15 верстах от станции Ново-Алексеевка. По пути была реквизирована подвода, на которую были помещены раненые, а также сложены пулеметы, боевые припасы и небольшой запас продовольствия. При подходе к станции Рыково оказалось, что станция атакована с запада частями советской кавалерии. Так как путь в этом направлении был отрезан, было решено отходить к станции Сальково другим путем. Команда бронепоезда «Генерал Алексеев» отошла от железнодорожного полотна и направилась на юго-восток. Со станции Рыково проехали в том же направлении одно орудие и несколько грузовых автомобилей. Пехотных частей не было видно. Близ хутора Ларино команда бронепоезда «Генерал Алексеев» была достигнута отрядом советской ка-

валерии численностью около 100 всадников. Рассыпавшись в цепь, команда бронепоезда отбила атаку красных. При этом был убит один вольноопределяющийся и ранен один офицер бронепоезда. В новой атаке неприятельской кавалерии приняли участие не меньше 500 всадников. Цепь команды бронепоезда продолжала, отстреливаясь, отходить к хутору, чтобы занять стрелковую позицию за земляным валом, который окружал хутор. Однако близ хутора оказался стрелковый окоп для стрельбы стоя, длиной примерно в 30 сажен. Он более отвечал требованиям обстановки и был немедленно занят командой бронепоезда «Генерал Алексеев». Подвода, сопровождавшая при отходе команду бронепоезда, доехала до хутора. Во время последовавшего затем боя эта подвода была захвачена красными, но наши раненые скрылись на хуторе. Красные заняли хутор, окружили окоп, подвезли тачанки с пулеметами и пошли в атаку. Из-за стога соломы, находившегося у левого фланга окопа, было брошено несколько ручных гранат, но они не причинили вреда. Первая атака красных и несколько следующих атак были отбиты с большими потерями для неприятеля. Около полудня противник подвез два орудия. Однако артиллерийский огонь неприятеля был мало действителен. Советская кавалерия оставалась близко к окопу, и орудия поэтому стреляли больше по тылу. В цепи команды бронепоезда стал ощущаться большой недостаток патронов. Было приказано стрелять по красным только на дистанцию не свыше 150 шагов, чтобы поражать их без промаха. Оборонительный бой у окопа продолжался с 10 часов до 15 часов. Атаки красных следовали одна за другой, и положение представлялось безнадежным. Были ранены два офицера. Внезапно правый фланг красных был атакован отрядом нашей кавалерии численностью до 150 всадников. Красные, понесшие большие потери от стрельбы цепи команды бронепоезда, особенно в конском составе, поспешно отступили по направлению к станции Рыково. Во время одной из последних неприятельских атак сосредоточенным огнем из нашего окопа были подбиты пулеметчики и лошади двух пулеметных тачанок красных. Эти тачанки были захвачены командой бронепоезда, причем оказалось, что на каждой тачанке был исправный пулемет системы Максима и боевые припасы. Вместо убитых нами лошадей были запряжены лошади, бродившие без всадников по полю боя. Погрузив раненых на тачанки, команда бронепоезда «Генерал Алексеев» продолжала свой отход в южном направлении и вскоре влилась в общую колонну наших войсковых частей, отступавших на Сальково. Не удалось узнать, к какой части принадлежала наша кавалерия, оказавшая содействие команде бронепоезда и атаковавшая красных. После поспешного отступления красных отряд нашей конницы тотчас же отошел в направлении на станцию Ново-Алексеевка.

В тот же день 20 октября состав резерва бронепоезда «Единая Россия» стоял на станции Рыково, где также стоял состав штаба Донского корпуса. С частью команды бронепоезда, бывшей в составе резерва, находился штабс-капитан Леонов³⁰⁵. Ввиду тревожного положения, он отправился в штаб Донского корпуса и обнаружил, что в вагонах состава больше никого нет. На запрос на станцию Ново-Алексеевка о том, есть ли надежда, что оттуда пришлют паровоз, был получен утвердительный ответ. Штабс-капитан Леонов приказал чинам команды бронепоезда, числом около 40 человек, собраться в случае тревоги у офицерского вагона и заранее выдал им патроны. Утром к станции Рыково подошли бронеперегонщики красных, вооруженные легкими орудиями. За ними показалась советская конница, и начался обстрел станции. Тем временем со стороны станции Ново-Алексеевка подошел на станцию Рыково паровоз. Его гражданский механик подъехал к пустому составу штаба Донского корпуса. Кто-то прицепил этот состав к паровозу, в то время как состав резерва бронепоезда «Единая Россия» стоял на другом пути. Обстрел станции усиливался. Механик дал полный ход и уехал с прицепленным составом, а состав резерва бронепоезда «Единая Россия» остался без паровоза на станции. Команда бронепоезда собралась у офицерского вагона. Штабс-капитан Леонов приказал ей рассыпаться в цепь, и начался отход в направлении станции Ново-Алексеевка. При этом несколько чинов команды были ранены, однако все благополучно дошли до станции Ново-Алексеевка.

В 9 часов 20 октября бронепоезд «Офицер» выдвинулся на станцию Сальково, а оттуда прошел на станцию Ново-Алексеевка, примерно на 5 верст севернее, чтобы вывезти находившийся там огнесклад. В это время красные, открыв артиллерийский огонь по станции, перешли в наступление с целью отрезать еще находившиеся там бронепоезда «Офицер», «Дмитрий Донской», «Иоанн Калита» и «Единая Россия». Ввиду обозначившегося южнее обхода, начальник штаба Корниловской дивизии приказал нашим бронепоездам оставить станцию Ново-Алексеевка и отходить к Сальковской позиции. До 20 часов бронепоезд «Офицер» вел бой у станции Сальково с батареями, конницей и пехотой противника, расстреливая красных пулеметным и картечным огнем. К ночи красные были оттеснены от укрепленной позиции, понеся большие потери от огня наших легких и тяжелых бронепоездов. Найдящийся накануне в том же районе бронепоезд «Волк» отправился на станцию Джанкой для спешного ремонта, ввиду порчи труб в котле паровоза. Между тем команда бронепоезда «Грозный» продолжала оставаться в Севастополе. После долгого ожидания были получены две боевые площадки: одна площадка с 6-дюймовым орудием, принадлежавшая раньше советскому бронепоез-

ду «Атаман Чуркин», и одна площадка с 5-дюймовым английским орудием. Эти боевые площадки были поставлены на завод для ремонта, но ремонт еще не был закончен к тому времени, когда произошло оставление Севастополя.

В ночь на 21 октября бронепоезд «Офицер» находился на станции Чонгар в распоряжении инспектора артиллерии 1-й армии генерала Репьева³⁰⁶. От начальника штаба Дроздовской дивизии бронепоезд получил приказание удерживать станцию Джимбулук, в 5 верстах к северу от станции Чонгар, совместно с нашей пехотой, которая должна была занимать Джимбулукскую позицию до следующего вечера. Однако около 2 часов наши пехотные части оставили окопы и стали поспешно отходить к Сивашскому мосту. Ввиду серьезности положения, наше командование поручило бронепоездам задержаться на станции Чонгар до полудня, пока отойдут все части и обозы и будет подготовлено все необходимое для взрыва Сивашских мостов. На рассвете бронепоезд «Офицер» произвел внезапное нападение на станцию Джимбулук, уже занятую красными. Бронепоезд вступил в бой с неприятельской батареей, которая открыла по нему стрельбу картечью. Разрывами был испорчен путь и некоторые части в паровозе. Отстреливаясь в упор, бронепоезд «Офицер» благополучно отошел на станцию Чонгар. На этой станции испорченный паровоз был заменен исправным. По приказанию начальника группы бронепоездов полковника Скопина бронепоезд «Офицер» вышел после этого вперед и занял позицию севернее станции Чонгар. В течение дня бронепоезд «Офицер» оттонял огнем приближавшиеся разъезды противника. За это время на станции Чонгар были погружены 8-дюймовые снаряды, которые были оставлены тяжелым бронепоездом «Москва» 16 октября, во время его отхода в Крым. Около 20 часов бронепоезд «Офицер» отошел без давления противника и согласно полученному приказанию на Сивашскую дамбу. После этого был взорван Сивашский мост. Вечером бронепоезд прибыл на станцию Таганаш, примерно в 20 верстах к северу от узловой станции Джанкой. На станции Таганаш находился резерв бронепоезда, вышедший минувшей ночью последним эшелонном вместе со штабом генерала Туркула со станции Чонгар. До 15 часов состав резерва оставался на станции Сиваш перед мостом ввиду порчи паровоза.

22 октября бронепоезд «Офицер» был отправлен на станцию Симферополь, где оставался несколько дней и получил одну небронированную боевую площадку с 75-миллиметровым орудием. Легкий бронепоезд «Волк» отправился 24 октября по приказанию начальника бронепоездных дивизионов на станцию Керчь, в распоряжение коменданта крепости.

* * *

Превосходные силы советских армий перешли 26 октября 1920 года в новое наступление с целью вторгнуться в Крым. Атаки красных позволили им овладеть северной частью наших позиций на Перекопском перешейке в первый же день наступления. На следующий день, 27 октября, наши войска были оттеснены на последние Юшуньские позиции, защищавшие Крым с северо-запада. Постройка летом 1920 года короткой железнодорожной ветки от узловой станции Джанкой на северо-запад к Юшунь, около 50 верст длиной, должна была позволить нашим бронепоездам принять участие в оборонительном бою у Юшунь. Но после упорных боев в течение нескольких месяцев в Северной Таврии бронепоездов оказалось уже мало и вооружение их было недостаточно сильным.

Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» нес службу сторожевого охранения на Юшуньской ветке в течение около двух недель до 26 октября. Бронепоезд «Дмитрий Донской» прибыл 26 октября к Юшуньской позиции под командой полковника Подопригора и вел бой против наступающих красных совместно с частями Марковской и Дроздовской дивизий. На рассвете 27 октября бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» отошел к Армянску, севернее Юшунь, уже занятому противником. Там бронепоезд оказался среди наступающих частей кавалерии красных. Эта кавалерия, поддержанная артиллерийским огнем и бронеавтомобилями, атаковала бронепоезд несколькими лавами, окружив его со всех сторон. Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» поражал неприятеля пулеметным и картечным огнем в упор. Красные несли большие потери, но все-таки не прекращали своих атак. Неприятельский разъезд попытался взорвать железнодорожное полотно на пути отхода бронепоезда. Но метким пулеметным огнем с бронепоезда разъезд был целиком истреблен. В это время бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» попал под обстрел советской батареи. Попаданием снаряда в паровоз бронепоезда был поврежден его котел и были контужены один офицер и механик. С затухающим паровозом бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» двигался назад, не прекращая боя с батареями и конницей красных. На северных стрелках разъезда подбитый паровоз затух. До наступления темноты бронепоезд, не имея возможности маневрировать, все-таки отбрасывал своим огнем подходивших красных. Вечером исправный паровоз отвел боевой состав бронепоезда на станцию Юшунь. Во время боя 27 октября на бронепоезде «Дмитрий Донской» было разбито головное орудие. Из состава его команды был ранен один офицер и убит вольноопределяющийся.

28 октября бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» вышел на позицию с небронированным паровозом. Красные вели наступление большими силами, заняли две линии окопов и преследовали наши отступающие части. Бронепоезд внезапно врезался в густые цепи красных и расстреливал их пулеметным и картечным огнем с дистанции до 50 шагов. Красные осыпали наш бронепоезд пулями и с небывалым упорством бросались на него в атаку. Наконец, понеся очень большие потери, противник не выдержал и стал отходить. Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» преследовал неприятеля. Благодаря этому наша пехота перешла в контратаку. Между тем продвинувшийся вперед бронепоезд был снова атакован свежими силами неприятельской пехоты. Цепь красных залегла у полотна железной дороги. Здесь неприятельскими пулями были ранены 4 солдата команды бронепоезда и механика, а также перебит единственный исправный инжектор паровоза. Вследствие этого подача воды в котел паровоза прекратилась. Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» все же отбросил своим огнем цепи красных, нанеся им большие потери. После прибытия к цепям нашей пехоты бронепоезда «Гундоровец» бронепоезд отошел на станцию Юшунь с потухающим паровозом.

Между тем стало известно о том, что красные готовят вторжение в Крым других своих войск с северо-востока, вдоль главной линии железной дороги, проложенной по дамбе близ станции Сиваш. Тяжелый бронепоезд «Единая Россия» находился 28 октября у Сивашского моста, на участке 134-го пехотного Феодосийского полка³⁰⁷, и вел перестрелку с неприятелем. Легкий бронепоезд «Офицер» прибыл в утро того же дня на узловую станцию Джанкой. По приказанию начальника штаба 1-го корпуса бронепоезд отправился оттуда на станцию Таганаш, примерно в 20 верстах от станции Джанкой, для участия в обороне Сивашских позиций.

29 октября в 9 часов бронепоезд «Офицер» вышел на Сивашскую дамбу в составе одной бронеплощадки с двумя 3-дюймовыми орудиями, одной площадки с 75-миллиметровым орудием и небронированного паровоза. Несмотря на огонь стоявших укрыто на противоположном берегу батарей неприятеля, бронепоезд «Офицер» двинулся к мосту. Когда бронепоезд был на расстоянии около 150 сажен от моста, под его второй предохранительной площадкой взорвался фугас. Взрывом был вырван кусок рельсы около 2 футов длиной. По инерции через взорванное место прошла одна бронеплощадка и тендер паровоза. Остановившийся бронепоезд «Офицер» картечью и пулеметным огнем частью перебил, частью разогнал красных, находившихся у взорванного моста. Затем бронепоезд открыл огонь по позициям неприятельской ар-

тиллерии, продолжавшей его обстреливать. Несмотря на повреждение пути, бронепоезд «Офицер» благополучно вернулся к нашим окопам. Там бронепоезд оставался до 13 часов, передвигаясь под огнем легких и тяжелых неприятельских орудий. После этого по приказанию начальника группы бронепоездов полковника Лебедева³⁰⁸ бронепоезд «Офицер» отошел на станцию Таганаш. В это время красным удалось прорваться по Чонгарскому полуострову, и они вели наступление с востока, в обход станции Таганаш. Бронепоезд обстреливал колонны противника, наступавшие со стороны селения Абаз-кирк. Огнем наших бронепоездов (в том числе тяжелого бронепоезда «Единая Россия»), а также позиционной и полевой артиллерии, красные, атаковавшие большими силами, были остановлены к вечеру южнее селения Тюп-Джанкой. До темноты бронепоезд «Офицер» оставался на станции Таганаш.

После 18 часов 29 октября бронепоезд «Офицер» спешно вышел снова к Сивашской дамбе по приказанию начальника группы бронепоездов полковника Лебедева, ввиду создавшегося там тяжелого положения. Были получены сведения, что красными заняты без выстрела атакой, произведенной в темноте, — 4-я позиционная батарея, помещавшаяся в траншеях для обороны дамбы, а также и линия наших окопов. Части Феодосийского пехотного полка, занимавшие этот участок, отошли по направлению к станции Таганаш. Наступавшая ночь была особенно темной: в десяти шагах нельзя было различить фигуру человека. Поэтому командовавший бронепоездом «Офицер» капитан Лабович³⁰⁹ выслал вперед трех нижних чинов с фонарем для осмотра пути. Выйдя на линию окопов и не обнаружив противника, бронепоезд «Офицер» обстрелял, однако, дамбу и прилегающую местность, оставленную нашей пехотой. После этого бронепоезд «Офицер» отъехал назад и связался с начальником группы бронепоездов полковником Лебедевым, находившимся на станции Таганаш. Ему было доложено о положении. У железнодорожной будки нашли в это время солдата Феодосийского полка, части которого раньше занимали окопы. Этот солдат показал, что он видел двух неприятельских пехотинцев матросского полка. Численность прорвавшегося противника он указать не мог. Начальник группы бронепоездов полковник Лебедев приказал капитану Лабовичу отойти назад и встретить тяжелый бронепоезд «Единая Россия», которому сообщить обстановку. После встречи бронепоезда «Офицер» и «Единая Россия» двинулись вперед в полной темноте с задачей занять позицию при входе на Сивашскую дамбу. Ввиду боевой обстановки, сигнальные огни не были зажжены. После того как бронепоезда медленно прошли около 2 верст, были встречены отходившие части Феодосийского пехотного полка, во главе с командиром это-

го полка. Командир полка переговорил с командовавшими нашими бронепоездами капитаном Лабовичем (бронепоезд «Офицер») и полковником Окушко (бронепоезд «Единая Россия») и решил снова занять на берегу Сиваша свои оставленные окопы. Для этого он хотел наступать цепями справа и слева от полотна железной дороги. Бронепоезда должны были идти в центре боевого порядка, поддерживая наступление. Бронепоезд «Единая Россия» шел позади бронепоезда «Офицер» на расстоянии около 100 сажен. Не доезжая саженей 200 до линии наших передовых окопов, капитан Лабович остановил бронепоезд «Офицер», так как получил предупреждение от проходившего в это время по полотну железной дороги офицера Феодосийского полка. Этот офицер предупредил, что красные, по-видимому, готовятся подорвать путь, так как были слышны удары кирки по рельсам. Приняв меры предосторожности, бронепоезд «Офицер» стал медленно отходить, чтобы обнаружить место подкопа. Внезапно раздался сзади взрыв, происшедший под предохранительными площадками следовавшего вторым бронепоезда «Единая Россия». Силою взрыва две предохранительные площадки были подброшены в воздух. Бронепоезд «Единая Россия» был отброшен назад по рельсам, отошел и остановился на расстоянии около полуверсты. В образовавшуюся от взрыва яму провалилась задняя площадка с 75-миллиметровым орудием бронепоезда «Офицер», который не успел затормозить. Бронепоезд остановился. Тогда, при полной темноте, красные открыли огонь из семи пулеметов, стоявших главным образом с левой стороны полотна. Бронепоезд «Единая Россия» также подвергся обстрелу. Ввиду темноты, с наших бронепоездов не было видно, что делала наша пехота. Впоследствии только у станции Таганаш были встречены отдельные чины Феодосийского пехотного полка. Бронепоезд «Единая Россия» открыл орудийный огонь в сторону неприятеля. На бронепоезде «Офицер» два орудия не могли стрелять: заднее 75-миллиметровое орудие не могло стрелять из-за наклонного положения боевой площадки, провалившейся в яму, а у среднего 3-дюймового орудия не было достаточного количества номеров — артиллеристов. Таким образом, бронепоезд «Офицер» открыл огонь только из одного головного 3-дюймового орудия и всех пулеметов. Тогда же командующий бронепоездом «Офицер» капитан Лабович послал одного офицера к бронепоезду «Единая Россия», чтобы сообщить о случившемся. С провалившейся боевой площадки и с паровоза были вынесены раненые. Пулеметным огнем бронепоезда красные были сначала отбиты. Но через некоторое время они возобновили атаку на бронепоезд «Офицер» и подошли к нему почти вплотную. С криками «Ура!» красные обстреливали боевой состав бронепоезда и метали ручные гранаты. Когда

неприятель атаковал в третий раз, пулеметные ленты на бронепоезде «Офицер» были израсходованы. Тогда командующий бронепоездом капитан Лабович приказал головному орудию капитана Д.Д. Иванова³¹⁰, при котором оставались три артиллериста, задерживать противника, стреляя «на картечь». Два офицера и помощник механика были тяжело ранены. Тяжело раненного капитана Соколова не удалось вынести. Большая часть команды с ранеными вышла из боевого состава и стала отходить в сторону бронепоезда «Единая Россия». Противник, вероятно, понес большие потери и на несколько минут скрылся в темноте. Воспользовавшись этим, командующий бронепоездом с чинами команды, оставшимися при нем, покинули боевой состав бронепоезда. Вскоре красные с криками «Ура!» заняли покинутый боевой состав. Капитан Лабович и два офицера шли последними. Вдруг из темноты показалась совсем близко пулеметная тачанка. Когда ее окликнули, оказалось, что в тачанке сидят красные. Между тем бронепоезд «Единая Россия» начал медленно идти вперед, чтобы в темноте не наскочить на взорванные предохранительные платформы. Когда была встречена отступающая команда бронепоезда «Офицер», ее погрузили на боевой состав бронепоезда «Единая Россия». После этого бронепоезд отошел на станцию Таганаш. Там начальник группы бронепоездов полковник Лебедев сначала приказал бронепоезду «Единая Россия» вернуться к боевому составу бронепоезда «Офицер» и попытаться вывезти его материальную часть. Однако после доклада командующего бронепоездом полковника Окушко это приказание было отменено. Бронепоезд «Единая Россия» получил приказание прикрывать отход наших войск и оставаться на станции Таганаш до ее эвакуации. Команда бронепоезда «Офицер» с ранеными присоединилась к своему резерву также на станции Таганаш.

В тот же день, 29 октября, находившиеся на Юшуньской ветке бронепоезда «Дмитрий Донской» и «Святой Георгий Победоносец» вступили в бой с наступающими советскими частями с 7 часов и сдерживали продвижение противника со стороны Карповой Балки. Около полудня бронепоезд «Дмитрий Донской» был подбит. Его бронеплощадки были настолько повреждены, что он не мог продолжать боя и отошел в сторону узловой станции Джанкой. Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» остался один. Однако ему удалось задерживать противника своим огнем до тех пор, пока наши отступающие войска вышли на большую Симферопольскую дорогу. Затем бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» отошел на станцию Юшунь и с этой станции отражал атаки кавалерии красных, которая пыталась начать преследование наших частей. Советские войска долго не могли войти в селение Юшунь

и были задержаны бронепоездом «Святой Георгий Победоносец» на несколько часов. При отходе бронепоезда сошла с рельс одна его предохранительная площадка. Поздно вечером примерно в 2 верстах от узловой станции Джанкой произошло столкновение составов наших бронепоездов «Святой Георгий Победоносец» и «Дмитрий Донской». Бронеплощадки при этом не пострадали, а сошли с рельс лишь вагон резерва бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» и три вагона-мастерские, которые были прицеплены к бронепоезду «Дмитрий Донской». Вероятно, в ту же ночь тяжелый бронепоезд «Иоанн Калита» прошел через станцию Джанкой по железнодорожной линии на Керчь, имея задачей прикрывать отход в сторону Керчи частей Донского корпуса. 29 октября была закончена спешная починка старых бронеплощадок, принадлежавших бронепоезду «Дмитрий Донской». Этот боевой состав отправился на фронт из Феодосии под командой капитана Делова, также для прикрытия отступающих войск Донского корпуса.

30 октября утром бронепоезд «Святой Георгий Победоносец», присоединив к себе одну боевую площадку бронепоезда «Единая Россия», двинулся вместе с резервом со станции Джанкой в сторону Симферополя. Примерно в пяти верстах к югу от Джанкой состав резерва бронепоезда был брошен, так как оказалось, что его паровоз не успел получить снабжения. Бронепоезд «Единая Россия» оставил станцию Таганаш, к северу от станции Джанкой, последним. Когда бронепоезд «Единая Россия» подошел к станции Джанкой, ему пришлось остановиться и ждать починки поврежденного пути. Бронепоезду «Единая Россия» удалось двинуться дальше, когда часть города Джанкой была уже занята противником. На разъезде к югу от станции Джанкой бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» и «Единая Россия» соединились и пошли дальше соединенным составом. Около 14 часов бронепоезда подошли к станции Курман-Кемельчи, в 25 верстах к югу от станции Джанкой. В это время неожиданно появились конные части красных, которые шли со стороны Юшуньской позиции в обход наших отступающих войск. Наши соединенные бронепоезда открыли огонь по неприятельской кавалерии, отбросили ее и дали возможность нашим частям в порядке отходить дальше. При дальнейшем движении к Симферополю соединенные бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» и «Единая Россия» оказались перед препятствием из наваленных на рельсы камней и шпал. По нашим бронепоездам стреляла 4-орудийная батарея противника, а советская конница находилась в тысяче шагов от железнодорожного пути. Красные кавалеристы двинулись в атаку на наши бронепоезда, но были отброшены с потерями. При дальнейшем отходе командам наших бронепоездов приходилось несколько раз расчищать

путь от шпал и камней, которые красные успевали набрасывать с целью вызвать крушение. К ночи на станцию Симферополь прибыли бронепоезд «Дмитрий Донской» и состав резерва бронепоезда «Офицер». Позднее пришли на ту же станцию соединенные бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» и «Единая Россия». На мосту около Симферополя был спущен паровоз.

Команда бронепоезда «Генерал Алексеев» выступила 30 октября из Симферополя походным порядком и прибыла в город Бахчисарай, пройдя около 30 верст. Отступившая в Севастополь команда бронепоезда «Севастополец» получила приказание от командира 1-го бронепоездного дивизиона идти в порт для погрузки и была принята на пароход «Сегет».

31 октября в 11 часов бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» отошел со станции Симферополь последним. По прибытии на станцию Бахчисарай был спущен на ее северных стрелках паровоз. Затем по приказанию командующего 1-й армией генерала Кутепова был произведен взрыв железнодорожного моста через реку Альма и сожжен мост на шоссе. Ночью было получено приказание отходить в Севастополь для погрузки на суда.

На рассвете 31 октября бронепоезд «Дмитрий Донской» и состав резерва бронепоезда «Офицер» подошли к станции Севастополь и остановились близ первых пристаней. Дальше нельзя было двигаться, так как на повороте сошла с рельс боевая площадка бронепоезда «Дмитрий Донской» и требовалась починка пути. Между тем были получены сведения, что у соседней пристани уже производится погрузка войск на пароход «Саратов». На этот пароход была принята команда бронепоезда «Грозный», которая перед посадкой привела в негодность только что полученные из ремонта два орудия и сбросила в море замки. На том же пароходе находился командир 2-го бронепоездного дивизиона полковник Баркалов. В 23 часа команда бронепоезда «Офицер», имея при себе стяг бронепоезда, панорамы, прицелы, затворы и шесть пулеметов, погрузилась на пароход «Саратов». Команда бронепоезда «Генерал Алексеев», в числе около 70 человек, прибыла в Севастополь походным порядком около 21 часа. В этот вечер не удалось выяснить, на какой именно пароход надлежит грузиться. Поэтому команда бронепоезда «Генерал Алексеев» поместилась для ночлега в брошенном помещении этапного коменданта.

1 ноября около 9 часов бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» и «Единая Россия» дошли до Севастополя, в район Килен-бухты. По пути была испорчена материальная часть на бронеплощадках. Около 10 часов было произведено крушение для того, чтобы составы бронепоездов не достались в целом виде неприятелю. Боевые составы бронепоездов

поездов «Святой Георгий Победоносец» и «Единая Россия» были пушены возможно быстрым ходом навстречу друг другу. Команда бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» с шестью пулеметами погрузилась на пароход «Бештау». Команда бронепоезда «Единая Россия», прибывшая на боевой части, была также погружена на пароход «Бештау». Часть команды, находившаяся в составе резерва, была погружена раньше на пароход «Херсон».

Команда бронепоезда «Генерал Алексеев», дошедшая до Севастополя накануне походным порядком, прибыла в 8 часов 1 ноября на Графскую пристань. Там от штаба, еще находившегося в здании гостиницы «Кист», было получено распоряжение грузиться на линейный корабль «Генерал Алексеев». Однако по наведенным в порту справкам оказалось, что линейный корабль уже ушел в Феодосию. Около полудня было получено новое распоряжение: грузиться на миноносец «Цериго», который стоял против Графской пристани. На миноносец были перевезены частными лодками около 25 человек из состава команды бронепоезда «Генерал Алексеев». После этого миноносец «Цериго» был выведен на буксире на внешний рейд. Остальная часть команды бронепоезда «Генерал Алексеев», не успевшая погрузиться, прибегла к помощи частных лодок. Эти лодки вывозили чинов команды на внешний рейд, где их принимали на разные суда.

Тяжелый бронепоезд «Иоанн Калита» прибыл 1 ноября в Керчь, прикрывая шедшую в арьергарде Донского корпуса бригаду под командой генерала Фицхелаурова³¹¹. Так как не было разрешено взорвать боевой состав бронепоезда, то его материальная часть была приведена в негодность без взрыва. В ночь на 2 ноября 1920 года команда бронепоезда «Иоанн Калита» была погружена на «Маяк номер 5». Бронепоезд «Дмитрий Донской» прибыл 2 ноября в Керчь, где уже находился бронепоезд «Волк». Команды этих двух бронепоездов сняли замки с орудий и испортили материальную часть на боевых площадках, после чего были погружены на суда.

* * *

Прогремели последние выстрелы войны белых против красных. Ушли в Черное море пароходы с офицерами и солдатами Добровольческой армии. И на необъятных пространствах Юга России, вдоль всех железнодорожных линий остались могилы. Могилы тех, которые пали в неравной борьбе.

Их похоронили не одинаково. Одних хоронили торжественно — с отдаванием воинских почестей, с оркестром музыки, игравшим похо-

ронный марш, с венками из цветов, в присутствии тысячной толпы. Других хоронили поспешно: на кладбище близ барачков для раненых и сыпно-тифозных больных, соблюдая только самый простой церковный обряд. А некоторых хоронили еще более торопливо, около семафора маленькой разбитой станции, под крестом, наскоро сколоченным из двух тонких досок.

И теперь, через пятьдесят лет, никто не придет к этим могилам. Никто не преклонит перед ними голову. Никто не принесет к ним цветов. Только песня ветра в мрачную ночь напомнит, может быть, о людях, которые были молоды и полны сил и которые отдали России самое дорогое, что у них было, — свою жизнь.

Но остается еще невестественное и вечное. Со всей Единой России собрались Офицеры, чтобы по призыву генерала Алексеева идти в бой. Вперед за Родину! Им не суждено было дожить до победы. Но совершенные подвиги от этого не менее прекрасны. Ими создана неувядаемая слава.

А. Осипов³¹²

БРОНЕПОЕЗД «ГЕНЕРАЛ АЛЕКСЕЕВ»
(выдержки из краткого военного календаря)³¹³

31/8—2/9. Переезд личного состава со станции Сокологорная на станции Симферополь.

3/9—1/10. Стоянка на станции Симферополь. Строевые занятия.

2/10—3/10. Переезд базы на станции Мелитополь для принятия материальной части, захваченной у большевиков.

4/10—5/10. Приемка двух орудийных бронеплатформ с тремя 3-дюймовыми орудиями.

6/10-15/10. Ремонт означенной материальной части в местном депо.

16/10. Получение от командующего группой бронепоездов полковника Гадда приказа на 17 октября, гласившего, что бронепоезда группы, находящиеся на фронте, проследуют транзитом из района станции Федоровка на Сальковские позиции. Бронепоезда же: «Генерал Алексеев», «Дроздовец» и «Иоанн Калита» назначаются для прикрытия отступающих частей, для чего занимают позицию в районе станции Мелитополь — станции Акимовка.

17/10. Боевые действия у Северных стрелок станции Мелитополь против красной кавалерии, наступающей на город. Эвакуация станции Мелитополь. Боевые действия между разъездом Ташенак и станцией

Мелитополь, на предмет оказания помощи команде бронепоезда «Севастополец», потерпевшего крушение под станцией Мелитополь, отходящей с боем пешим порядком.

18/10. Занятие позиции у станции Акимовка. Сожжение моста у станции. Дальнейший отход на станцию Сокологорная. На оставляемых бронепоездом станциях Мелитополь и Акимовка брошено много составов с самым разнообразным ценным грузом, как то: продукты, огнеприпасы, орудия, аэропланы и пр. Оставляемое имущество расхищается местными жителями. У входного семафора станции Сокологорная стояло до десяти брошенных составов с грузом с холодными паровозами. Эти составы станция не могла принять и снабдить всем необходимым для дальнейшего следования. Путь для бронепоезда оказался, таким образом, закрыт, и он занимает позицию за последним северным брошенным составом.

19/10. Боевые действия у станции Сокологорной совместно с Донской кавалерийской дивизией. Гибель бронепоезда. Подробности боя таковы.

19 октября, ввиду невозможности, вследствие забитости пути, дальнейшего продвижения бронепоезда на юг, начальник Донской кавалерийской дивизии приказал бронепоезду удерживать станцию Сокологорная. В случае оставления этого района дивизией команде бронепоезда немедленно покинуть бронепоезд, взорвав его. Район действия дивизии — сама станция и несколько к югу от нее. Около 9 часов утра красная кавалерия повела наступление на станцию отдельными группами с севера, востока и запада одновременно. Совместными действиями бронепоезда и частей кавдивизии первые атаки были успешно отбиты. Ввиду наличия угрозы обхода и общего отступления, начальник дивизии решил отходить, и поэтому около 3 часов дня приказал оставить бронепоезд. Последний был подожжен, личный же состав, взяв легкие пулеметы, занял позицию в поле, с юго-западной стороны вокзала. Красные бросились в атаку, заняли станцию и повели наступление на бронепоездную цепь. Атака красных отбита. Ранены подполковник Масликов и два солдата. Убит фельдфебель подпрапорщик Долотин. При вторичной попытке атаковать бронепоездную цепь красные были сбиты фланговой контратакой нашей конницы, которая вслед за тем вынудила красных очистить станцию и отойти к северу от нее. Бронепоездная цепь поддержала контратаку своей кавалерии и дошла до самой станции, а затем свернулась и отошла к резерву Донской дивизии в 3 верстах южнее станции по полотну железной дороги. Около 11 часов вечера команда бронепоезда с ранеными пешим порядком отошла на разъезд Юрицыно.

20/10. Отступление походным порядком на Сальково. Бой с красной кавалерией. Подробности дня таковы.

На следующий день около 4 часов утра команда бронепоезда выступила походным порядком с разъезда Юрицыно на станцию Рыково. По пути реквизируется частная подвода, на которую кладутся огнеприпасы, пулеметы и продовольствие, захваченные с боевой части, и устраиваются раненые. При подходе к станции Рыково было обнаружено, что станция атакуется с западной стороны красной кавалерией. Два-три поезда вышли со станции Рыково в сторону станции Ново-Алексеевка. Видя, что путь в этом направлении отрезан, решено было отходить на Сальково. Команда бронепоезда оставляет полотно железной дороги и направляется на юго-восток. Со стороны станции Рыково в том же направлении проехало одно орудие и несколько грузовых автомобилей. Пехоты нигде не было видно. Не доходя двух верст до хутора Ларино, команда бронепоезда была настигнута группой красной кавалерии — около 100 всадников. Рассыпавшись в цепь, команда сравнительно легко отбила атаку красных. Ранены подполковник Масликов (вторично) и вольноопределяющийся Мирошниченко (смертельно). При подходе к хутору Ларино команда бронепоезда вновь была атакована красной конницей уже в количестве около 500 сабель. Цепь, отстреливаясь, продолжала отходить к хутору, чтобы занять стрелковую позицию за земляным валом, окружавшим хутор, но, не доходя до него шагов на сто, цепь наткнулась на стрелковый окоп длиной 20—30 сажень для стрельбы стоя. Этот окоп, как более отвечающий требованиям обстановки, был немедленно занят. Тем временем подвода, сопровождавшая команду бронепоезда и раненых, успела добраться до хутора. Все время последовавшего затем боя раненые скрывались на хуторе и не были обнаружены красными, подвода же была ими захвачена.

Красные окружили окоп, заняли хутор, а затем, подвезя пулеметные тачанки, пошли в атаку. Из-за стога соломы, находившегося у левого фланга окопа, было брошено несколько ручных гранат, но безрезультатно. Означенная и повторные атаки подобного же рода были отбиты с большими потерями для красных. Часам к 12 красные подвезли два орудия, но ввиду того что их кавалерия оставалась близко к окопу, их артиллерия стреляла больше по тылу хутора.

В бронепоездной цепи ощущался большой недостаток патронов, и было приказано стрелять по красным на дистанцию не дальше 100—150 шагов, дабы бить без промаха. Положение продолжало оставаться безнадежным, так как атаки следовали одна за другой. Окоп был занят около 10 часов утра, и бой продолжался без перерыва до 3 часов дня. Несмотря на это, потери были невелики. Ранены — поручик Вильде и поручик Тюпин.

Вскоре после 3 часов внезапно на правый фланг красных ударила наша конница, в количестве до 150 сабель. Красные, понесшие большие потери, особенно в конском составе, от огня бронепоездной цепи, не выдержали атаки и поспешно отступили по направлению на станцию Рыково. Сосредоточенным огнем из окопа, в одну из последних атак красных, были подбиты лошади и пулеметчики у двух пулеметных тачанок красных. До конца боя они оставались перед окопом. После поспешного отступления красных они были захвачены как трофей, причем на них оказалось по одному пулемету Максима, огнеприпасы и перевязочный материал. На место убитых лошадей были запряжены лошади, бродившие по полю боя.

Погрузив на тачанки раненых, команда бронепоезда продолжала отход в южном направлении и вскоре влилась в общую колонну строевых частей, отступавших на Сальково. Какой части была наша кавалерия, атаковавшая красных, осталось неизвестным, так как она, сбив красных, так же моментально скрылась в направлении на Ново-Алексеевку.

21/10. Переход походным порядком на станцию Таганаш. Сдача раненых в лазарет.

22/10. Переход от станции Таганаш на станцию Джанкой.

23/10. Переезд команды бронепоезда по железной дороге от станции Джанкой до станции Симферополь, где находилась хозяйственная часть бронепоезда.

24/10—29/10. Стоянка в поселке Украинка, вблизи вокзала станции Симферополь. Строевые занятия.

30/10. Переход походным порядком из г. Симферополя до г. Бахчисарая.

31/10. Переход из г. Бахчисарая до г. Севастополя.

Личный состав бронепоезда, в количестве до 70 человек, прибыл в г. Севастополь около 8—9 часов вечера. В этот вечер не удалось выяснить, на какой транспорт надлежало грузиться для эвакуации, и личный состав разместился для ночлега в брошенном помещении этапного коменданта.

1/11. Погрузка на суда и эвакуация.

На следующий день команда бронепоезда к 8 часам утра прибыла на Графскую пристань, где получила распоряжение от штаба Главнокомандующего, находившегося в гостинице «Кист», грузиться на дредноут «Генерал Алексеев». По наведенным в порту сведениям, таковой уже ушел в Феодосию. В 12 часов было получено новое распоряжение — грузиться на миноносец «Цериго», стоявший против Графской пристани, куда и было перевезено на частных лодках человек 20—25 коман-

ды, после чего он был выведен на буксире на внешний рейд. Остальная часть команды, не успевшая погрузиться, так как миноносец, не оставиваясь, вышел в море, на частных лодках выплывала на внешний рейд и там подбиралась различными судами.

2/11—5/11. Переход от порта Севастополя до Константинополя.

6/11—18/11. Стоянка на Константинопольском рейде. Сбор команды бронепоезда с разных транспортов на миноносец «Цериго». Выделение из команды бронепоезда донских казаков в Донские части.

19/11. Пересадка с миноносца «Цериго» на транспорт «Кизилл Ирмак» и переход на остров Проти.

20/11—21/11. Пребывание на острове Проти.

22/11—24/11. Погрузка обратно на транспорт «Кизилл Ирмак» и отплытие в Галлиполи.

25/11. Прибытие в Галлиполи, высадка и расформирование бронепоезда «Генерал Алексеев». Назначение личного состава бронепоезда в 4-ю батарею 2-го дивизиона Артиллерийского полка 1-й пехотной дивизии, переименованную вскоре в 1-ю батарею 6-го дивизиона 1-й Артиллерийской бригады, а с переездом в Болгарию в 1-ю батарею 6-го Отдельного бронепоездного артиллерийского дивизиона.

*В. Липеровский*³¹⁴

«ЖЕЛБАТ-2»³¹⁵

4 сентября весь наш фронт двинулся вперед, вправо от нас шли цепи 4-го новоиспеченного Дроздовского полка, там, по высокому берегу. Со стороны плавней мы совершенно были скрыты вербами, полотно, как стрела, прямое. Сопротивления противника почти не было, отходили, видимо, заставы или охранение. На позиции была вторая смена; не торопясь, но уверенно шел поезд вперед. И вдруг — одна, другая, третья гранаты по поезду. При наступлении поручик Окишев был со сменой. Не потеряли времени и «прыгнули» назад и отошли под защиту верб: прекрасно стреляла одна красная батарея из-за Днепра — он уже тут был совсем близко. И это место обстреливалось постоянно, так что поезда проходили на этом перегоне только ночью. Но Митя наш протаскивал нас благополучно, фронт был под Александровском. Потом «канэ» справилось с батареей, а помогли партизаны — указали, где она.

Ребята второй смены были страшно горды, что они «ворвались» на станцию Александровск. И они были правы. Трофеи были неожидан-

ные и очень важные — два бронепоезда под парами и ремонтный поезд советского жел-бата! Трофеи не были непосредственно наши — в тылу у красных взорвали путь, который потом наши чинили, — но красные в панике бежали и оставили такое нам необходимое вооружение. На бронепоезда были присланы команды штабом бронегруппы. Через неделю один из этих бронепоездов сделал налет на станцию Синельниково; с ним ходил наш «Желбат-2», вторая смена: захватили два вагона, груженных коробками с конфетами монпансье, поделились с нами; но вагоны остались там. Больше туда не ходили, фронт был на высоте городка Славгорода. А наша смена получила секретный приказ — быть готовыми на поход. Куда?

Ночью подкатили пустые товарные вагоны. «Садись!» С собой практически только вооружение, наша база далеко позади. Не торопясь покатали, все задремали, знакомо постукивают колеса на стыках. Неожиданно дернулись, стукнули непритянутые буфера — нас разбудили; было перед рассветом. Туман кругом. «Выходи, не курить, не разговаривать!»

Полотно лепится на крутом склоне обрыва, кругом кусты, внизу — туман как молоко. Идем куда-то вниз по тропинке; и вдруг — вода перед нами, вон там — другой берег виден. Река, баркас. «В баркас, садись!» — «Есть!» Течение довольно быстрое, куда-то нас сносит: на руле какой-то дядя и ловко лавирует. И вот мы у берега. «Выходи!» Откровенно говоря, с радостью почувствовали твердую почву под ногами. Скалы и лес. Сидим в лесу. Оказывается, тут еще находятся какие-то части — во всяком случае, кухня походная. «Подходи!» Получили по буханке хлеба и чай. Хорошо! Стало совсем светло, и туман поднялся. Тут и огляделись, выше нас по реке мост — какой красивый мост! Одной аркой с опорами в берегах. Середина — точно середина, видно по рисунку мостовых форм! — сорвана, мост взорван. Высота моста над уровнем воды метров тридцать. Какая красота — а кругом осенняя золотистая листва деревьев, мост серый, такой легкий, воздушный! А что там внизу, в реке — вагоны видны. Оказывается, мост взорвали раньше, чем прошел поезд с ранеными, поторопились — и весь поезд ушел в глубину реки — вот только два вагона видны... Кичкасский мост!

Тишина, птицы в лесу щебечут, скалы мхом покрыты, полный покой. Красота! Нас оповестили о том, что находимся на острове Хортица — так ведь тут была Запорожская Сечь! Что мы направлены на станцию Никополь, на правый берег Днепра — что мы туда командированы как команда бронепоезда. Корниловская дивизия уже работает там, наступление расширяется. Взяты, оставлены бронепоезда.

Тут на острове Хортица мы просидели два дня — как в сказочном царстве, в этой чудесной природе осени, золотой осени.

Приказ — собираться к походу. Пришел какой-то проводник, мы прошли по тропе к скалам, прошли под мостом и дальше баркас. «Садись!» В свое время, вероятно, таким же способом переправлялись за порожцы. Эта практика переправы через реку прошла столетия. Так же лавируя в течении воды, мы пришли прямо под мост. По лестнице, по ступеням поднимались наверх — вот уже полотно. Прошли до сторожевой будки. По телефону связались с комендантом станции: «Ждите, придет состав, чтобы вас поднять. Есть новый приказ для вас — поздравляю!» Поручик Окишев в недоумении, а комендант наш, головной участок Александровск, но с чем нас поздравляет?

Действительно, нас ждал приказ — это уже было во второй половине сентября. Калейдоскоп!

Приказ был из двух частей: «1. Спустить брандеры — два тяжелых паровоза — на перегоне, пройдя ст. Новолуполовку так, чтобы они завалились в мост (там двойной путь) использовать уклон перед мостом (Понятно!). 2. Всей команде «Желбата-2» быть готовой к походу». А вот это было непонятно.

На «брандеры» мы ходили вчетвером — поручик Окишев, Алексей, Борис и я. Два старых паровоза из депо мы доставили нашим паровозом на станцию Новолуполовка; прошли под уклон к небольшому мостику, расшили перед ним рельсы, и затем каждый паровоз на своем пути разгоняли под уклон на мост, подталкивая нашим паровозом полным ходом. Результат был потрясающий — один пошел носом вниз, а другой врезался первому в бок и перевернулся на бок. Для нас это было бы большим препятствием, но красные имели великолепно оборудованные ремонтные поезда с кранами и всеми приспособлениями, вплоть до электрической станции для ночной работы.

Брандеры — значит, дальше не идем, тут зимовать.

Когда наш командир сообщил о выполнении первой части приказа, то из роты получил разъяснение второй его части: из обеих рот — нашей 2-й и из 3-й — на станции Мелитополь комплектуется команда в 70 человек при двух офицерах для охраны Бишуйских каменноугольных копей и постройки дополнительных путей узкоколейки к существующей. Команде надлежит немедленно отправиться на станцию Сюрень, в Крым, пройдя Бахчисарай. Вот с чем нас комендант поздравлял! Командиром оставался наш поручик Окишев, второго офицера дали из третьей роты, не помню его фамилии. Собралось много чужого элемента, нам незнакомого. Мы крепко держались своей сменой, а главное, нашей троицей. Еще к нам по духу подошли три-четыре из 2-й смены. И покатали в Крым.

Все, что написано до сих пор и что последует, быть может, дальше, это «Наш путь» — путь добровольцев Гражданской войны 1917—1920 годов

на Родной Земле, за Честь и Славу — в исторической перспективе Российской Истории. наших дней страда — это дополнение той же истории, что малая крупинка ее, но это нами пережитое, нашей кровью спаянное прошлое. Без прошлого нет и будущего! Все записано схематически, без деталей почти каждодневных боев, перестрелок — но правдиво, без прикрас; так, как оно было, сохраняя хронологию нашей большой жизни.

Все, что написано, написано тем, кто не пережил нашу страду. Тем, кому интересно, как мы боролись за Россию, за ее будущее; чтобы знали они, что мы не преклонили покорно голову, когда грозила гибель Родине! Гибель — в понятии нашего времени, но верили и знали, что никогда Россия не погибнет, но воспрянет опять. Когда — мы не знаем. Но так будет!

На Бишуй

В самом слове «Крым» звучит своеобразная романтика мирных времен. Мы не ждали романтики, потому что уже знали, что посланы туда на Бишуй, как верная воинская часть для охраны Бишуйских каменноугольных копей от налетов «зеленых», т. е. красных партизан, угнездившихся в недрах крымских гор.

Но была обаятельна природа вокруг, когда мы миновали равнины после Джанкоя и подошли вплотную к горам. Здесь как-то нет предгорий, а сразу растут горы. Вот разве что Симферополь и Бахчисарай были на предгорьях, но и за ними уже непосредственно поднимались горы, внизу лиственный лес, и выше хвойный — светлый и темный. А тут вокруг железной дороги сплошные фруктовые сады, чудесная природа; стояла золотая осень в полном смысле слова...

На станции Бахчисарай стоял состав штаба батальона. Была «церемония», нам не привычная, — нам, фронтовикам, но мы «не ударили в грязь лицом», ведь мы боевая часть жел-бата, прошедшая всю «крымскую кампанию» на фронте! Вся наша команда была построена на перроне вокзала с легким вооружением, и выглядели хорошо и браво. И должен сказать, что мы — чины второй роты — были лучше экипированы, чем люди третьей роты. Нас было меньше, и мы все были одеты ротой — при проходе Мелитополя — в полушубки и валенки. Сейчас мы были в полушубках и папахах — на дворе был мороз. А нам даже жарко стало: «Смирно! Равнение на-право!» Полковник Сафонов со своим штабом — думаю, что не все наши молодые видели прежде такое зрелище — все штабные были, как полагается, с серебряными погонами инженерных войск.

На нашем правом фланге — наша троица. Полковник Сафонов остановился перед нашим взводом (2-й роты), посмотрел как бы на каждого из нас: «Броневспомогатель «Желбат-2», спасибо за прекрасную работу». Наш ответ был оглушающий. Конечно, ведь мы были основой нашего «Желбата-2». И затем уже перед всем фронтом выразил уверенность, что и дальше наша работа даст хорошие результаты, как всегда. Тут уже отвечала вся команда.

Вернулись мы в свой поезд; выдали обед — и уже у нас был прицеплен паровоз, какого мы еще никогда не видели, — серии «Ш», паровозы, которые на участке Бахчисарай—Бельбек таскали все поезда вплоть до курьерских, — тут очень большой уклон дороги, потому были поставлены паровозы специальной конструкции.

Кругом сплошной фруктовый сад и, помимо, какие-то цветы на кустах. Не быстро поезд спускается на тормозах. Станция Сюрень. Сразу нас втащили на запасный путь, что тут у дороги со стороны гор. А горы совсем близко, не больше версты до них. С командиром нашим ходил к коменданту станции — поручик К. из штаба батальона. «Подводы для вас заказаны на 8 часов утра!» Поручик Окишев тут же отдаст распоряжение: в 8 часов одной подводой отправимся квартирьерами. «Я и ваша тройка с пулеметом, а вся команда выступит в 10 часов, до вечера доберутся». Тут же узнаем, что вчера был налет зеленых на Бишуйку, унесли инструменты для работы. Наша стоянка будет в татарском селении Коуш, 30 км от железной дороги, по ущелью в горы.

Покуда еще не стемнело, наша тройка обошла все местечко, которое было за станцией. Сейчас же за станцией была площадь, обсаженная тополями, — и тут мы увидели зрелище исключительное: яблоки «ранет», желтые с розовым бочком, свезенные, видимо, для отправки поездами. Целые пирамиды яблок — и неожиданный мороз уничтожил все, нельзя было есть. Помню, где-то в местечке нашлась кофейня. Пили крымское черное кофе. Все утопало в садах, и цветы повсюду. Мирная жизнь!

И побудки не надо было — мы проснулись от неожиданности и раньше обычно: ржали, фыркали кони. Прямо у наших вагонов стояли татарские подводы, присланные для нас, для отправки в горы. Какие кони! И возницы красавицы в своих расшитых и меховых шапочках — стоял мороз — 10 °С.

Себе мы выбрали чудных вороных, запряженных в длинную подводу с двумя сиденьями — спереди и посредине. Пулемет уместился, смотрел назад. Возница — молодой татарин — явно был доволен, что попал под начальника. Ровно в восемь пришел поручик Окишев и остался очень доволен, как все было прилажено, а главное, что так хо-

роши были кони. Сели, ноги в сене, тепло, а мы все в полушубках и папахах, ноги в валенках, кожей обшитых, рукавицы на руках.

— Пошел! — Татарин издал какой-то гортанный звук, и кони рывком пошли рысью по твердой обмерзшей дороге, прямо к синееющим в дымке утра горам.

Солнце встало там за горами, а мы были в тени. Прямо под горой шла узкоколейка и сворачивала немного поодаль от нашей дороги прямо к станции. А по направлению нашего следования шла параллельно дороге под горой. Еще дальше оказалась речка; узкоколейка повернула по берегу речки, а мы перешли мост и втянулись в ущелье. Дорога значительно шла вверх, так что кони шли шагом. Возница охотно разговаривался, рассказывал о налете зеленых; говорил, что приходится скот и лошадей держать в горах, а не в селениях, чтобы их не свели. Зеленые — чужаки, не здешние; «охотятся» на овец для пропитания, населению не вредят, но не дают возобновить работы в шахтах.

Природа была чудесная — оттуда снизу от речки поднимались к нам по крутому склону пихты, а над дорогой шли невысокие сосны горные с подлеском всякого кустарника. Дорога шла, лепилась, вилась над ущельем все выше и выше, а внизу речка; по другому берегу бежала узкоколейка. Дорогу иногда перерезали ручьи, теперь совершенно оледеневшие, кони с большой опаской переходили эти препятствия.

Все мы с некоторой тревогой смотрели кругом — ничего не было легче сделать засаду и перестрелять нас: на дороге не всюду можно повернуться, а для того, чтобы разминуться двум встречным, лучше было одному обождать там, где дорога была пошире. Так мы выбрались на хребет горы, что была пониже, чем та, что открылась за нею. Кони пошли веселей. Возница предупредил, что верстах в трех отсюда перевал и перекресток дорог, что идут на Бахчисарай, на Симферополь и на юг, в Ялту; что там казарма государственной стражи — такое наименование имела полиция в Крыму; что не исключено встретить там зеленых, они не раз там были, отбирая оружие и патроны. Стражников запирали в подвал, бывали убитые. Поворот дороги, и видим немного ниже нас, впереди, казарму; перед нею площадь, на которую сходятся все дороги. Очень живописно. Обсудили положение и вознице сказали, что делать. Рысью пошли на сближение, дорога хороша, и уже у самой площади кони в галоп; посредине площади круто повернули пулеметом на казарму, в то же время имея возможность отходить по дороге либо на юг, либо на ту, по которой пришли — на тот случай, если бы оказалось к тому необходимость. Кто там? На казарме флага нет. В тот момент, когда кони стали, мы дали очередь из пулемета над крышей казармы. Алеша лежал за пулеметом, а мы разбежались по площади в

направлении к казарме. Вышел стражник — унтер-офицер — и обстановка сразу выяснилась. Он признался, что считал, что мы зеленые.

Очень радушно приняли нас, напоили чаем с татарским хлебом, с маслом. Стражников было с десяток — и вздохнули они явно с радостью, когда услышали, что в Коуше будет стоять команда в 70 человек.

— Ну, теперь никакие зеленые сюда не сунутся!

Бишуйские шахты находились между этим перевалом и селением Коуш, там внизу у речки. Мы имели всегда доминирующее положение. С перевала рысцой мы двигались дальше, ущелье значительно расширилось, образовалась долина, и там в котловине, в садах, обнаружилось большое татарское селение — Коуш.

В селении уже знали о нашем приближении: все туземцы, где бы они ни были — имеют свою «службу связи». Но мало того, что они уже знали о нас, у них уже все было приготовлено для распределения ожидаемой воинской части — нам не пришлось ходить «реквизировать квартиры». Нет. Старшина селения приготовил все: встретившись с нами очень радушно, командира пригласил к себе в дом, а нам было предоставлено иное место. И потом, когда подошел весь «обоз», то без всякой шумихи люди были размещены немедленно. Иначе это была бы работа тяжелая — планирование в нашем понятии селение не имело — была только площадь, а затем все дома стояли каждый сам по себе в саду; из каждого дома можно было уйти в горы, так что никто не знал бы, куда и когда. Почти все дома как бы двухэтажные — внизу большое помещение для всяких служб, хозяева живут «на этаже», лестница наверх. Вот эти нижние помещения и были нам предоставлены. Снабжение тоже было подготовлено. Старшина очень деликатно выразил уверенность, что татарских женщин беспокоить не будут. И не было ни одного недоразумения. Когда возник вопрос о сторожевом охранении, то старшина предоставил свои «стратегические пункты» — лучших нельзя был найти. Они обслуживались регулярно. Охранение и шахты, «копи», как здесь называлось, были в ведении взвода третьей роты. Наша задача — взводу второй роты — была далекая разведка вокруг, чтобы нащупать зеленых. Их след простыл, следа не было, — нигде мы их не встретили. Ушли! А мы с радостью каждый день ходили по горам. Это совершенно незабываемые «прогулки». Нас обычно ходило пятеро, наша тройка и еще двое; приблизительно так же составились и другие три группы. Каждый день мы выходили в разные стороны. Природа восхитительная, лес, низкий подлесок, кусты всяких ягод — малина, ежевика, а бывали целые заросли кизила — а в это время плоды были совершенно перезрелые, без кислоты, им свойственной. Пробирались тропами, козами и овцами протоптанными, снизу

наверх на пастбища. А сверху — такая красота на все стороны, такое разнообразие пейзажа и красок осени! Чтобы о нас знали — мы и постреливали, в цель стреляли: а чтобы наши знали, что это мы, а не зеленые, стреляли иногда по петардам железнодорожным, и они твякали — а эхо несло по всем долинам наш опознавательный сигнал. Вся наша группа из пяти жила в нижней большой комнате богатого татарского дома. Когда мы вечером возвращались домой, обычно «ужин» нас уже ждал — татары всегда что-либо приготавливали, чтобы побаловать нас. После целоденной «прогулки» очень толково что-либо поесть вкусное, иногда мы даже не брали наш ужин казенный — если нас, например, ждал жареный ягненок. И после ужина, раньше чем нас валил сон, — чистка винтовок после стрельбы. Так и было однажды... поужинали, уже спать хочется — нет, чисти сначала. Сели в уголок, где обычно этим занимались. Борис Малеев³¹⁶, снимая свою винтовку со стойки, где висела, зацепил курком полотенце — шарихнул выстрел. Значит, оставил патрон, не разрядил винтовку, подходя к дому. Мертвая тишина у нас — и вдруг: кап, кап, кап. Падают громадные красные капли на наш пол. Наверху живут татары, там их общая комната, там они все вместе на коврах, на подушках сидят — пронеслось в наших пяти головах. И мы бросились наверх по лестнице. А там — полный покой, старый татарин в углу дремал. Увидев нас, нисколько не удивился, спрашивает: «Хорош ли ягненок был?» А мы во все глаза смотрим вокруг, кто еще здесь? Откуда капли падают к нам? Но Борис уже нашел.

— Братцы, это бекмес!

— Что, какой бекмес?

На табуретке стоял медный таз, в котором был сварен бекмес из кизила, остывал; но его уже там не было — в тазу зияла дыра и в полу также. Бекмес весь был у нас внизу на полу. Старик татарин потешался, что не слышал, а мы извинялись. Завтра к полудню принесли целую корзину перезрелого кизила — все пять работали — собирали. Какой бекмес будет! Не попробовали...

Тут в Коуше мы были совершенно отрезаны от света. Телефон был в казарме государственной стражи, но обычно не работал, а наши еще не получили материал, на копиях все было сорвано и разграблено. К тому же и казарма, и копи были достаточно далеко от нас.

Вдали был высокий хребет, третий от нас, там мы еще не были, наверное, оттуда море увидим. Встали пораньше, совсем темно было, шли в полушубках, а с горки на горку — жарко стало. И достигли хребта только к сумеркам. Да, красота. Там далеко море, и его горизонт еще увидели, потом все потонуло в темноте вечера, но появилось много огней где-то там внизу, верно, это была Ялта! Далекое, только

огоньки и были видны. Вниз к Коушу шли быстрее, чем сюда наверх. Мороз крепчал к ночи. Был конец октября.

Когда мы были уже близко к селению, где все было знакомо — слышно было какое-то движение, ржали кони, тархтели подводы. Бросило в голову: «Налет зеленых!» Напряжение до последнего, бежали по тропе, аж дыхание захватывало... У дома, где мы жили, стоит подвода. Возница торопит — мало времени усталось. Набросали на подводу наш бедный скарб — мешки, пулемет «льюис», а Алеша Воропай³¹⁷ понесся к командиру с рапортом, что мы вернулись, и узнать, что случилось. Нашу подводу с легким пулеметом послали как первую вперед, два тяжелых посреди обоза, и два на последних подводах — с командиром нашим — на тот случай, если зеленые хотели бы нас потревожить... Отходим вниз — на станцию Сюрень.

Уже в пути узнали мы от Алеши, что поздно после обеда прискакал казак верхом на коне, подъел у нас и подался дальше — говорит, домой на Кубань иду. Поручику Окишеву сказал, что фронт отступает, что есть приказ генерала Врангеля об эвакуации Крыма... Командир наш немедленно дал распоряжение собрать подводы и в 10 вечера начать поход вниз. Как старшина это сделал, мы не знаем, это секрет его авторитета — подводы были поданы без шумихи просто туда, где наши люди жили, и затем запрудили всю площадь перед отходом. Идти вниз коням было трудно — днем солнце пригревало иногда, ручьи текли, а сейчас все сковывал мороз. Гололедица. Одна подвода на переходе широкого ручья пошла по льду, была слишком у края дороги, кони не удержали ее — и все грохотало вниз. Возница остался на дороге, людей не было, везли патроны. Только к утру мы пришли к станции. Наш поезд был разграблен. Но в моей корзинке что-то еще оставалось, на нее не позарились. Кругом почти никого. На другой стороне идет на юг шоссе — как говорили наши люди, что были оставлены на поезде, уже три дня шел бесконечный поток солдат-беженцев. Поезда шли редко и переполненные. И вот теперь никого. Тишина на станции, коменданта не было — ушел. На столе коменданта поручик Окишев нашел приказ генерала Врангеля об отступлении и эвакуации за границу. Но мы на Сюрени, и паровоза нет... Вдоль нашего состава вытянулся весь татарский обоз. Что дальше? Что делать? У каждого стучал этот вопрос в голове после того, как Окишев прочел приказ.

— Ребята, каждый решает за себя!

В этот момент с севера появился поезд. Надежда! А вдруг остановится? Какое там! Не стал! Но это был состав штаба нашего железнодорожного батальона. Не стал — нас бросили! Это был решающий момент.

— Ребята, я возвращаюсь в горы, — прогремел голос командира.

Только мы трое стали прощаться — мы решили идти на юг и за границу. К нам подошел Матиас — возьмите нас, меня и брата. А брат болен, едва на ногах держится. Вот Павлов и Зенкевич подошли — они из нашей пятерки, что по горам вместе ходили... Снимаю полушубок и отдаю Павлову, Воропай отдал свой полушубок Зенкевичу — «ведь мы на юг уходим, там тепло, а тебе пригодится». От них взяли английские черные шинели. Им обоим мы дали адреса — мамы в Киеве и мамы в Ворожбе. Борису — некому было дать адрес на Урал. И татарский обоз ушел по той же дороге обратно в горы.

И что же дальше? На платформе нашего поезда стояла дрезина «ручной тяги». Нам четверем ее не поднять; но сбросить можно — если не сломается, тогда имеем транспортное средство. Сбросили, и на рельсы поставили; усадили больного Матиаса, сложили наш скарб, наш «люис» — пулемет (как он остался при нас!). «Крути, Гаврила» — да и крутить почти не пришлось, только по станции, а дальше — уклон железнодорожного полотна так велик, что дрезина неслась сама; надо было тормозить, на такой скорости никакой тормоз не мог удержать; сорвали тормоз, тогда использовали винтовку больного Матиаса. Прикладом тормозили и неслись на юг. Что там впереди? Мост! Мост над пропастью, а если он уже сорван, то... Нет, там люди. Кто? Зеленые, красные? Сигнал — остановка. С большими затруднениями стали перед мостом: железнодорожники умоляют снять с моста пулемет «виккерс». Сняли, водрузили на дрезину. Еще тяжелее она стала; благополучно прошли мост. Как он уцелел до сих пор? А после моста снова дорога на спуск — несется дрезина. Внизу уже видна станция Бельбек, пара километров, семафор — вся станция забита поездами. Только один путь открыт, свободен, как стоит стрелка входная? Пронеслись, идем на свободный путь, прокатили по станции и остановились приблизительно перед вокзалом, мы на третьем пути, рядом санитарные поезда. А была мысль — быть может, нагоним штаб батальона? Алеша побежал к коменданту — чем следовать дальше? «Ни один поезд не уйдет — нет паровозов. Есть один паровоз, текут трубы, идет в Севастополь в мастерские — если вас возьмет — вон его машинист. Если возьмет — хорошо!» Машинист кивает, что да. Он на том же пути, что и мы; через час.

Казалось, вечность проходит, куда Воропай вернулся от коменданта. Собираемся крутить рукоятки дрезины, чтобы искать паровоз, и в этот момент с площадки вагона санитарного поезда просто бросается сестра милосердия — и я оказываюсь в ее объятиях. Какое имя она произносит, не помню; было «смятение» у нас, быстро обнаружилась

ее ошибка — я не оказался ее женихом, но мы оказались в столовой поезда, нас кормили борщом и гречневой кашей — ведь как мы были голодны! Благодарили сестриц, что нас накормили, еще каждый по буханке хлеба получил — и на дрезину. Прошли всю станцию — вот он «Эхо» на выходной стрелке стоит. Машинист и помощник получили от нас по буханке хлеба, были довольны. А мы уже уместились со своим скарбом на тендере. Паровоз не мог поднять пар — текли трубы, но мы двигались на юг понемногу. Сколько прошло станций, не помню, не все ли равно — Севастополь!

Было 2 ноября 1920 года ст. стилия. На вокзале, во-первых, к коменданту — поручик нашего батальона — явились как подобает, мы оба, Алексей и я. Просили, во-первых, освободить нас от тяжелого «виккерса». Он был поражен: «Откуда же его тащите». — «С Бельбекского моста!» И рассказали ему нашу одиссею на дрезине. Дал нам расписку, что принял пулемет.

— Оставьте его тут в углу, уже он не нужен!

И охотно дал информацию, что нам делать дальше.

— Штаб батальона погружен на старый броненосец «Георгий Победоносец», пробивайтесь на Графскую пристань, это будет трудно, но вы с «Желбата-2», я слышал о нем, пробьетесь. А что дальше — не знаю. Все корабли уже далеко на рейде. Бог вам в помощь!

Откозыряли и разошлись. «Пробиваться» — почему? Вышли с вокзала — все пусто, почти никого на улице. Пошли — верно, странная картина со стороны — двое в черных шинелях, трое в обычных английских, один явно больной; винтовки на ремне и «льюис» с собою несут; мешки, как видно, с последним скарбом. Грустная картина, и настроение поганое, как никогда, и обстановка не приятная.

— Стой, кто идет! — Патруль: шесть молодых в красных бескозырках преградили нам дорогу. Так вот оно «пробиваться» — как сказал комендант.

— Пять унтер-офицеров с броневспомогателя «Желбат-2», идем на Графскую.

— Приказано никого не пропускать!

— Тогда мы пробьемся, ребята! — было нашим ответом, и спокойно разошлись по сторонам улицы — там были огромные каменные тумбы. А оба Матиаса стоят посреди улицы с нашими мешками. Легли на тумбы и щелкнули затворами.

— Нам терять нечего, но мы пробьемся, а вы потеряете все и отсюда не выйдете.

— Откуда такая решимость?

— Ведь там вдали уже море видно.

Бескозырки, видимо, поняли, что проиграют, и расступились.

— Проходи!

Подошли мы молча — бескозырки все молодые, пороха не нюхавшие. Только унтер постарше, откозырял нам — и мы ответили ему.

— Ребята, ведь там никого нет. Что будете делать? — промолвил унтер.

— Нам на «Георгия» надо, что на рейде, там штаб наш. Пробьемся! — был наш ответ.

— Ну, пожалуй, — заключил унтер, и мы разошлись. Мы пошли на Графскую, а бескозырки остались на улице — не пуцать никого.

Вот Графская пристань, влево отель «Кист» — стоят парные часовые при шашках, те же бескозырки алые, но унтера старшего возраста. У меня мелькнуло в голове — если положение будет безнадежно, пойду прямо туда в штаб Главнокомандующего — не бросят нас здесь. Знакомых либо папиных, либо дедушкиных, наверное, встречу, а то и прямо к нашему генералу попрошусь. Положение, конечно, было безнадежное.

Тихо плескалось море о ступени пристани, совершенно безразличное к нашей судьбе. Стоят пятеро, никто на них не обращает внимания. День уже склонялся к сумеркам, вон как низко солнце. Ни души кругом. Туда на юго-запад виднеются какие-то силуэты кораблей, быть может, они уже уходят, едва видны, далеко. Плохо на душе. И вдруг — пред нами шляпка, за веслами типичный грек-крымчак в рыбацкой вязаной шапочке. Улыбается — как редка улыбка.

— Куда хотите, молодцы? Сведу!

Сколько надежды сразу вселил этот голос — с обычным греческим призывом, хоть он — этот рыбак — тут где-нибудь у Балаклавы родился, а голос грека выдает. И другой жест по ладони. Да, на ней бывали и рубли, и доллары, и лиры. А что мы ему дадим? Ничего у нас нет. Осталось полтора хлеба.

— Больше нет ничего! — протягиваем ему полторы буханки уже сухого хлеба.

Грек согласен и доволен — неужели?

— Это для меня, а то — для жены. — И вонзился зубами в полбуханки, а мы грузились в шляпку.

Мы на волнах залива, мы пробилась!

— А куда?

— На «Георгия Победоносца».

— Только что там был. А на нем юнгой добровольно служил, было время.

И потом мы все молчали. И теперь... Море было тихое, солнце уже собиралось скрыться за горизонтом. И вспомнилось, как в Батуме при

заходе солнца ждали «зеленый луч на счастье»! И теперь — увижу «зеленый, последний луч» от солнца? Нет, мы ведь на поверхности моря, низко — но зеленый луч нам дал шляпку на счастье — когда была полная безнадежность на душе. Стало совсем темно. И как-то совсем неожиданно появилась громадная тень корабля. Ни одного огонька не было на нем.

— Темно. Старик не имеет пару! — промолвил грек с сожалением. — Трапы подняты — не возьмут вас.

— Так кругом вода, куда же нам, как не возьмут?

— На «Георгии»! Позвать командира «Желбата», — во всю глотку кричит Воропай.

— Просим! — ему в тон так же громко добавил я.

— Спасибо, Володя! А то шибко получилось у меня.

— Приказано никого не принимать на борт, трапы подняты! — ответили на «Георгии».

— Просим позвать командира «Желбата», — повторяет Алексей. — Здесь пятеро чинов с броневспомогателя «Желбата». Доложите полковнику, — смирившимся голосом дополняет.

— Трапы подняты! Никого не берем! — отвечает другой голос с корабля категорически.

Время идет, совсем темно стало.

— Опускай трап! Полдиска не пожалею из пулемета — мы с позиций пришли. Разговаривать долго не будем! — разъярился Воропай.

В такие редкие минуты глаза у него становились круглыми и просто кровью наливались. Но «люйоис» был у меня в руках. Подождали минутку. Действительно «пробиваться» приходится, но — когда земля под ногами, это привычно, есть опора, а тут шляпка ходуном ходит, вода кругом. Оба Матиаса как мыши сидят на наших мешках, грек глазами хлопает, буханка за пазухой — но довезет ли домой? Такие хлопцы попались напоследок! Борис тоже злой стоит рядом, винтовку сжал руками, только палец опустить — какой концерт будет! Мы же никого убивать не собираемся, в воздух палить будем — но на борт должны попасть — оправдание у нас всегда есть. Еще минуту выждать. Из нас троих я всегда более спокойный был в момент критический, а потом переживаю — и лучше спать потом. А тут вода кругом.

— На шляпке — обожди, ребята, маненько. Дежурный придет, — еще иной голос слышим сверху.

— Это матрос какой-то, — говорю я нашим, и винтовки опустились из угрожающей позиции — и нам легче стало.

— Родные мои, кто же там? — слышим мы, пораженные. — Здесь полковник Юдин, за командира батальона.

Да это наш Рыжий, завхоз нашей роты.

— Господин полковник, здесь Воропай, Липеровский, Малеев и два брата Матиас, — кричу я наверх что есть мочи.

— Здравия желаем!

— Подожди, голубчик Липеровский, я все устрою, подожди!

Алеша голос потерял, хрипит. Еще одну «вечность» ждали...

И вдруг — трап пошел вниз.

— Ну, такого я еще не видел, чтобы трап дали. Счастливого плавания.

— Спасибо, грекос. Без тебя что бы мы делали?

Мы были уже на трапе — непривычное приспособление, а грек уж исчез в темноте. Матиасы вперед, за ними мы трое.

— Ну, подумай, кто думал, что опять встретимся, Липеровский, — обнимал нас полковник Юдин очень трогательно.

А у нас простая мысль была — на станции Сюрень вы обязаны были остановиться и нас поднять — вы этого не сделали, но мы здесь — «пробились»!

— Сейчас придет старший офицер корабля, ему доложили, что хотите обстрелять.

Мы подравнялись, и когда подходил морской офицер со своим «адъютантом», то «Смирно! Равнение на-право» на приветствие мы ответили как положено.

— Мичман, что же вы чушь несли, что они хотят разнести корабль, — это самая дисциплинированная часть на корабле. Полковник, я буду рассчитывать на ваших людей в случае чего. А сейчас, с вашего согласия, предлагаю им 8-й трюм — штурвал старый крутить. Каждый получит две банки консервов в день и питьевой воды сколько выпьют — оценят! Согласны?

— Так точно, г-н полковник!

— Какие молодцы они у вас, полковник!

— Это с броневспомогателя «Желбат-2» — это наша боевая часть, а сейчас в горах стояли.

Полковник запнулся, а моряк даже недоверчиво к нему обернулся:

— Желбат в горах?

— Да, на Бишуе.

Нас подхватил старый боцман, явно с полным удовлетворением, и пошли мы по бесконечным лестницам вниз; по дороге нам каждому выдали по две банки корн-бифа. Матиасы — они оба были слабосильные, один больной, другой, видимо, от сильных переживаний — отпросились в околосок оба. Совсем внизу — 8-й трюм: тут деревянный штурвал, когда-то им пользовались, и теперь снова — нет пара! Вели-

колепной работы он имел в диаметре почти четыре метра — каждая смена была из 4 человек, чтобы его крутить, а команда подавалась с мостика — столько-то румбов вправо или влево — все нам боцман объяснил и был очень доволен, что мы поняли. Первая смена — там уже была. И один лишний, который запал к нам. Помещение было большое, все обшитое деревом — тут мы и жили, и спали.

— Через час выходим в море, буксиры уже заведены с ледакола «Илья Муромец». Мы пару не имеем, а дизель быть может запустят для освещения. Если хотите, можете выйти наверх. Кто знает, вернемся ли назад?

И такой был жест у старого боцмана, точно он слезу с щеки смахнул незаметно.

Первая смена была из саперной роты, которая стояла в Севастополе, на фронте никогда не были; были без оружия — к нам был респект!

Мы вышли наверх, на палубу — было всюду полно людей, штатских беженцев — лежали и спали повсюду, где было место. Пробрались на нос — нам разрешалось куда хотим — 8-й трюм! — открывало все двери — мы были в персонале корабля.

На мачте взвились какие-то синие фонари: матрос нам объяснил, что там слева — ничего не было видно — сейчас проходит дредноут «Генерал Корнилов» — генерал Врангель покидает Крым! Раздалась команда: «На бочке — отдать конец!» Матросы выбирали канаты, укладывали на палубе.

Все взоры были вправо — там оставалась Россия! Темно. И вдруг вспышка — одна, другая, третья, четвертая — батарея красных стреляла по кораблям, что уходили. Гранаты падали далеко от нас — это салют Советского Союза. Подобаает.

Безграничные дали России были там далеко за этой батареей. Там — оставалась Россия — и в наших сердцах — навсегда! И будет жить Россия! Прошли Херсонесский маяк — и круто повернули налево, пошли к Ялте; будут брать на борт беженцев. А мы — спать.

На Запад

За нами на буксире болтался миноносец типа «Жаркий» и еще одна шаланда. Шаланду потеряли, а миноносец дважды ловили в море, не выдерживали буксиры, когда море стало шалить волной. Много лет спустя встретил человека, который был матросом на этом миноносце, — первую ночь не спали совсем и измотаны были до последнего. А в Ялте

на «Георгия Победоносца» погрузилась семья моей жены — отец и две дочери. Младшая и стала моей женою через восемь лет. На ледоколе «Илья Муромец» оказались тоже «знакомые» — пытался говорить ко всем и вся, в мегафон — генерал Слащев-Крымский пытался восстановить свою репутацию — но поздно. Как всегда!

Наши вахты были по шесть часов — было достаточно тяжело и жарко, — потому что воды давали вдоволь. Ледокол нас тянул, волна сбивала с пути, несмотря на два буксира. С мостика приказ по трубе — три румба вправо, и сразу — четыре влево. И так — без перерыва всю вахту. Хватаешь рукоятку штурвала и тянешь, налегая всем телом; двое — с одной стороны, двое с другой. Как долго мы шли к Босфору — не помню. Там перед проливом собралась импозантная кильватерная колонна кораблей разных силуэтов, больших и малых. Море было мрачно, неприветливо, думы всех были в унисон — а что же завтра, куда, что будет?

В море однажды нас вызвали в ружье — была попытка разграбить склад продуктов. Здесь в таких условиях общей нужды и неудобства. Матросы пришли раньше нас, нашли сломанный замок. Могут быть счастливы грабители, что оставили свою попытку, — сбежали, остались живы. В свободное от работы и отдыха время — выходили на палубу. Несмотря на то что меня всегда прежде тянуло на службу во флот, сейчас море не располагало к себе. Конечно, были «независящие от нас обстоятельства».

Босфор — пришелся нашей смене — это была наиболее тяжелая вахта. Течение сбивало от берега к берегу, а наш путь — фарватер. Мы Босфора сейчас не видели, говорят, красивые берега, живописно разбросаны селения и отдельные дачи — мирная жизнь! Мы крутили штурвал в 8-м трюме — чтобы войти в Золотой Рог — Стамбул-Рейд Моде. Пришли под французским флагом, единственного «союзника», принявшего участие в нашей судьбе, чтобы спасти нас — участников Белой борьбы за российскую государственность. Никто из «союзников» тогда не представлял себе, видимо, того, как была судьбоносна наша борьба для их благополучия. Подняты сигналы — карантин, вода и хлеб. «Георгий Победоносец» подвязался на бочку, не имея пару, не мог бросить якорь.

Мы продолжали жить в 8-м трюме. Большой неожиданностью было, когда полковник Юдин вызвал нас к себе и снабдил каждого большой пачкой денег — тут были всякие «крымские» и «Юга России», — но оказывается, они еще котировались здесь, а нам — очень были нужны. Спасибо нашему завхозу!

Шли дни за днями на этом мрачном рейде. Угнетали всякие невероятные слухи и новости, и усугубился сейчас вечный вопрос — и даль-

ше что? С палубы смотреть было не на что. И лежа у себя в 8-м трюме, более комфортабельно, чем «жили» все остальные, как-то меж нами троими возник вопрос — как это произошло наше общее решение идти на Запад, за границу: меж нами, казалось, не было сговора. И тогда на Сюрени стало нам ясно и сразу — мы уходим на Запад. Без малейшего колебания! Да, мы были готовы к этому моменту, и вопрос был только — когда этот час придет. Это был страшный удар, шок — приказ генерала Врангеля об эвакуации... Но мы трое были готовы принять бесповоротное решение — оно уже было, оно было подготовлено — я его носил в левом кармане френча, который был всегда на мне, — это последнее папино письмо, где он писал: «В случае эвакуации, о которой у нас говорят, — уходи на Запад и разыскивай меня!..» Так оно было...

*В. Савинский*³¹⁸

ВОСПОМИНАНИЯ³¹⁹

Кампания в Северной Таврии

Погуляв немного по Севастополю, побывав на Малаховом кургане, с его Панорамой защиты 1854 года, полюбовавшись Графской пристанью и прозрачной морской водой, мы, как я помню, 2 апреля по старому стилю, ясным весенним днем, с хорошо исправленными пушками, отправились на север на фронт. Недавно наши позиции были выдвинуты вперед и находились уже на перешейке Чонгарского полуострова, около станции Сальково. Наша база остановилась на пустынном степном разъезде около Джанкоя. Кругом расстилалась безжизненная, с уже подсохшей травой и бурьяном равнина. После тифа я поправлялся с трудом на скудном батарейном пайке и, чтобы окрепнуть поскорее, ходил покупать молоко на ближайшую железнодорожную будку, удаленную от нас, вероятно, километра на два. В тех местах почти каждый будочник имел корову, кур, а иногда и небольшой огородик. Разговорчивый будочник указал мне на воронку от снаряда около его домика и рядом привязанного большого пса, выражая удивление, что последний оказался невредимым.

Воевать с красными нам стало труднее, потому что у них появились тоже пушки крупного калибра на железнодорожных платформах, из которых они нас иногда обстреливали с дальнего расстояния. И хотя их стрельба большою меткостью не отличалась, но все-таки один раз,

случайно, они попали в нашу теплушку, уже отведенную назад, от которой остались одни щепки. К счастью, в тот момент в теплушке никого из команды не находилось.

Наконец, в конце мая наши бросились в атаку. Наступление началось успешно, но потом застопорилось у города Александровска и Большого Токмака. Не хватило сил, главным образом конницы и транспортных средств. В армии Врангеля, мало того что малочисленной, не хватало техники — аэропланов, броневиков, грузовиков, которые в равнинной степи могли бы сыграть значительную роль.

В Мелитополе, на частной квартире, можно сказать, на линии фронта, мы сыграли свадьбу сестры Сони с капитаном Смирновым³²⁰. Из офицеров, кроме брата, присутствовали только старые друзья по четвертой батарее — поручик Полторацкий³²¹ и Опенгейм. Но пить пришлось главным образом самогон, других напитков достать там было невозможно. Свадьба была, можно сказать, в «походе». Домом молодых оказалось только купе в вагоне.

Когда наши войска громили конницу Жлобы, я был в смене. Бронепоезда стояли на пути, идущем вдоль косогора долины, в которой находилась деревня. Жлоба нас не атаковал, но наше расположение обстреливалось издали и невидимой для нас гаубичной шестидюймовой пушкой. Снаряды ложились далеко на противоположном склоне долины, и мы спокойно стояли, не проявляя своего присутствия. Был жаркий полдень, и нам роздали обед, который мы начали есть, присев, в тени площадки. Вдруг послышался мягкий свист приближающегося гаубичного снаряда. Я прилег возле железнодорожной канавы. Раздался треск, но не очень сильный, и когда я приподнял голову, то увидел под площадкой пыль. Когда же мы рассмотрели всё подробнее, то у меня похолодело сердце. Снаряд ударил в площадку сверху, почти отвесно под самое орудие. Перебив четыре рельса настила и задев структуру вагона, а потом зарылся в полотно между шпалами, не разорвавшись. Как-то не верилось, что, ударив, можно сказать, в железо, снаряд мог не разорваться. Прямо Бог спас, думалось. Ведь, разорвавшись под площадкой, помимо гибели сидящих там в тени некоторых членов команды, наверное, детонировали бы находящиеся в кабинке многие наши снаряды и заряды.

Разрушение могло бы получиться всеобщее. И новая страшная мысль лезла в голову: они нас нащупали — сейчас прилетит новый снаряд, но, как ни странно, противник перестал стрелять.

В начале сентября на «Единой России» были произведены персональные перемены. Капитан Смирнов, командир, оказался чином ниже бывшего командира «Единой России», брошенной в Новороссийске. По

этой причине его, повысив в чине, перевели на бронепоезд «Москва», но в подчиненное положение. «Москва» была тоже раньше батареей морской тяжелой артиллерии, вооруженной двумя восьмидюймовыми орудиями, на специально построенных хороших площадках. При отступлении она была отправлена в Крым для его защиты, какую роль ей и удалось выполнить с успехом у Чонгарского моста. Летом, в Севастополе ей переменяли уже износившиеся стволы, и в августе она находилась в прекрасной боевой готовности. Но командование не решилось послать «Москву» на очень подвижной фронт Северной Таврии, а послало ее на охрану порта в Геническе, находящемся в проливе из Азовского моря в Сиваш. В те месяцы правительство Врангеля начало вывозить через этот порт зерно из Северной Таврии за границу, и существовали опасения, что советские баркасы, на Азовском море, смогли бы туда приблизиться и этот порт бомбардировать. В родственном теперь порядке меня тоже перевели на «Москву».

Геническ — город небольшой, но ему пришлось сильно пострадать от бомбардировки нашей канонеркой, прошлой зимой, специально ставшей на мель, в начале Арабатской Стрелки для ее защиты. Опять пришлось мне проводить много времени на наблюдательном пункте, на чердаке высокого дома, наблюдал теперь морской горизонт. Вражеских баркасов заметить мне не удавалось, но зато хорошо был виден пароход «Шилка», стоящий на рейде и принимавший зерно с барж. В Геническе всюду продавались вкусные жареные бычки (рыбки) и было в то время много арбузов и дынь.

Приблизительно в середине октября мы неожиданно утром поднялись (площадки были опущены) и переехали на Чонгарский перешеек, на позиции у Джимбулука. Там мы нашли хорошо сооруженную линию окопа, даже с блиндажами и рядом проволочных заграждений, но ни одного человека, который их бы охранял. У «Москвы», таким образом, не оказалось прикрытия, но командир опустил одно орудие (на открытой позиции) и там же оставил базу. Это было ошибкой. Ему бы следовало отправить базу дальше в тыл, опустить одно орудие на закрытую позицию, а из оставшейся команды сформировать прикрытия, разместив его в окопе, благо у нас помимо ружей было около пяти пулеметов. Было ведь известно, что красная конница, перейдя Днепр у Каховки (что случалось уже не первый раз), проникала в тыл нашей армии. Когда стало вечереть, то на станции Сомково, видимой с нашей возвышенности, послышалась пушечная стрельба, а вскоре и нас стали обстреливать трехдюймовыми снарядами, повредив один вагон с боеприпасами. Нам не оставалось другого выхода, как бежать, бросив двух человек, посланных в разведку, потому что даже небольшой конный

отряд мог бы нас захватить. А ведь в Сальково была даже небольшая команда, охранявшая поезд с успехом от красных, засев на кладбище.

Проехав Чонгарский мост, мы остановились на позиции за ним. Укрепления там были сооружены намного солиднее и даже были установлены шестидюймовые орудия с укрытиями. Но и там командант станции Таганаш хватал случайных военных и посылал их защищать мост. Неожиданно ударили сильные морозы с ветром. По утрам температура падала до -15 градусов, и вся степь покрылась инеем как снегом. И вот в таких тяжелых условиях наша армия начала уходить из Северной Таврии, вдоль железной дороги. Это была героическая эпопея, достойная суворовских походов и которая, кажется, нигде не была подробно описана. По линии железной дороги шли длинной цепью бронепоезда и составы с вооруженными бойцами, не подпускавшие своим огнем вражескую конницу на близкое расстояние, а с другой стороны перебежками шли батареи и на коротких остановках открывали беглый огонь по врагу. Иногда красным кавалеристам удавалось опередить отступавших, и они пытались испортить рельсовый путь, накладывая камни, но у них не хватало ни времени, ни динамита взорвать его. Камни же легко устранялись. Так, по рассказам очевидцев, происходило наше отступление.

Но участвовать в защите Крыма мне опять не пришлось. Неожиданно и непонятно почему нас сняли с Чонгарских позиций и послали в Керчь. Но мы застряли на станции Владиславовка возле Феодосии и простояли там до дня эвакуации. Нам говорили, и мы были убеждены, что, будучи укрепленным и защищаемым, Крым неприступен, а теперь мы оказались свидетелями, что его судьба решалась в несколько дней. Было больно и обидно узнать и то, что наша «Москва» со своими новыми восьмидюймовыми пушками и хорошо отдохнувшей командой не сделала ни одного выстрела в его защиту, а ведь она обладала большой огневой мощностью. Приходилось признать, что не было выработано плана защиты Крыма, особенно когда Сиваши частично зимой замерзают, а для защитников не было помещений, чтобы обогреться и выспаться. Становится понятно, почему случилось так, что группа красных, вероятно только разведочная, проникла ночью на Чонгарские позиции и взорвала подходивший бронепоезд.

В Феодосию мы прибыли, чтобы погрузиться на небольшой пароход «Аскольд». Пристань была заполнена военными, которые со своими частями и в одиночном порядке хотели погрузиться. Это понятно, потому что Феодосия была ближе всего к Сивашам, намного ближе, чем Севастополь или Керчь. По всей видимости, некоторые казачьи части, имевшие приказ грузиться в Керчи, прибыли на пристань в Феодосию

и решили дальше не идти. Ведь до Керчи надо было пройти еще, может быть, около сотни километров. Но в Феодосии пароходов не хватало. Людей для поддержания порядка тоже. Борт «Аскольда» был ниже набережной, и сходни, состоявшие из двух досок, были узкие. Когда наша команда гуськом попарно начала грузиться, то толпа стала ее очень теснить. Мы с отцом оказались сзади. Нас так стеснили, что два связанных между собой мешка с вещами и провизией, которые я нес через плечо, разорвались и упали, и я не мог их поднять, потому что их затоптали. Сходни упали как раз перед нами, и, пока их опять ставили, пароход отвалил. Как видно, на него взойшло много людей, которым по программе там быть не полагалось.

Я и отец оказались в отчаянном положении. Что было делать? «Транспорт Дон», который стоял в отдалении, на перпендикулярной стороне пристани, хотя и был большой, но к его трапу, из-за густой толпы, невозможно было даже приблизиться. Проходящие части в свои тесные ряды чужих не впускали. В это время к нам подошел юнкер Протасов, нашей команды. Оказалось, что командир оставил около пушек караул не снятым. Вероятно, он ожидал особого приказа снять караул и привести пушки в негодность, но сам-то он на пароход погрузился.

Мой отец пал духом и, подождав немного, сказал: «Знаешь, Витя, видно Бог не хочет, чтобы я уезжал, да по совести я и не должен оставлять твою мать и сестру. Думаю, что я, как священник, оставаясь в Феодосии, смертной опасности не подвергнусь и у местного духовенства смогу найти приют, ты же старайся погрузиться во что бы то ни стало». Он меня перекрестил, и мы расстались. Через три года из писем матери я узнал, что его расстреляли вместе с десятками тысяч других участников Белой армии, оставшихся в Крыму и поверивших прокламации Фрунзе, что оставшиеся преследованиям подвергаться не будут.

Я и Протасов подошли опять к «Дону», недалеко от его кормы, которая отходила уже от пристани шага на два или три. Стало темнеть, но мы заметили, что кто-то бросает с борта парохода веревки с петлей и поднимает отдельных людей на палубу. Мы не теряя времени воспользовались этой возможностью. На палубе народу было столько, что можно было только стоять. Я не хотел пробираться в трюм, а нашел себе место возле точила, на которое можно было облокотиться. Долго еще стоял «Дон» у пристани, почти до самого рассвета. Жалко было до слез, что отец так скоро оставил свои попытки погрузиться, — теперь мы могли бы быть вместе. Начали гореть склады, и сильное пламя, взрываясь, прорывало их крыши. Английский миноносец иногда стрелял куда-то в горы. Наконец мы отвалили. Восходящее солнце отражалось на склонах крымских гор, постепенно удаляющихся. Когда же утро пе-

решло в день и кругом было уже только открытое море, иногда вдали замечались выпрыгивающие дельфины, а есть мне было нечего. Прошел день, другая ночь без сна, под конец которой, облокотясь на точило, я стал впадать в забытие. Потом нам выдали по горсти муки. Соленоватую воду с трудом и в небольшом количестве достать все-таки было возможно. Из муки мы делали тесто и понемногу его сосали. Некоторые сушили эти лепешки на горячих трубах, но это требовало времени, да на трубах и не хватало места. Теснота на палубе как будто несколько уменьшилась, потому что стало возможно присесть. Когда мы проходили Босфор, то мне не хотелось и смотреть на открывающиеся чудесные виды и дворцы. В Константинополе некоторое число людей сошло на берег, и на палубе стало свободнее. Нам стали выдавать небольшие порции хлеба и супа, но скоро мы отправились дальше к острову Лемнос в Эгейское море. Казаки там высадились, а «Дон» вернулся в Галлиполи, где я сошел на берег и встретился со своими.

Раздел 7

А. Валентин 16³²²

КРЫМСКАЯ ЭПОПЕЯ³²³

Четвертая поездка (с 30 августа по 5 сентября). Объезда фронта

30 августа, через три дня после возвращения из Керчи полевой ставки, поезду Главнокомандующего было приказано отправляться вновь на фронт. В поезде, вместе с генералом Врангелем, должны были следовать военные агенты иностранных государств, состоявшие при Крымской армии. Поездке придавали громадное значение.

Несомненно, что она была блестящей победой политики П.Б. Струве. На фронте ждали и верили, что Европа и Америка узнают, наконец, правду о той тяжелой обстановке, в которой, напрягая последние силы, защищает дело мировой цивилизации горсточка в два с чем-то десятка тысяч почти обреченных безумцев. И офицеры, и солдаты жадно ждали, что пред глазами Европы — пред глазами всего мира — истина откроется во всей своей неприкрашенной очевидности. В этом, по крайней мере, было все спасение.

Первоначальный маршрут поездки, предусматривавший также осмотр Перекопского перешейка, был изменен. Дело ограничилось демонстрацией лишь Сивашско-Таганашских позиций, действительно прекрасно укрепленных, чему больше всего способствовал исключительно выгодный рельеф местности (ажурная сетка озер и узеньких дефиле). «Укрепления» Перекопского перешейка показаны не были. К некоторым предположениям относительно причин этого обстоятельства мы еще вернемся.

Пока же, быть может, читателю небезынтересно будет ознакомиться с кое-какими подробностями самой поездки. Воспроизвожу их буквально по очеркам своим, напечатанным в понедельничной газете «Севастопольский Вестник» от 7 сентября (№ 4). Должен здесь оговориться, что отчет мой об этой исключительно важной поездке должен был появиться в «Юге России» — наиболее распространенной газете в Крыму, читавшейся также и за границей. Но газета была на это время как раз удачно закрыта г-ном Тверским.

В первом очерке, описывавшем первые два дня поездки, я писал:

«Было что-то необычайное, странно волнующее, переносящее как-то невольно мысль к прежнему укладу внешних взаимоотношений России и Европы, в той картине, какую представляет собой севастопольский вокзал в вечер 30 августа. Сказывалось это, конечно, не в наружном блеске всей обстановки отхода поезда Главнокомандующего, не в этом сверкании электричества в вагонах, от которого мы, варвары, за два года успели отвыкнуть, не в цветах, которых так много в этих вагонах... Другое волновало, другое привлекало глаз, другое невольно будило забытые надежды, рождало опять старый, мучительный вопрос:

— Неужели?..

Неужели же вот эти знатные иностранцы из Версаля и с той стороны океана, гуляющие по перрону в этих новеньких, щегольски ярких военных формах и наутюженных смокингах, изволили, наконец, заинтересоваться какими-то нашими — боже, какой смех — Aleschka'ми, Каховками, Токмаками и еще там какой-то захолустной глушью, замечательной всего-навсего тем, что она лишь полита до пресыщения такой дешевой и такой выгодной для удобрения кровью русского солдата и офицера. Вот что было странно...

А между тем это было так. В поезде, отошедшем ровно в 11 часов вечера, вместе с Главнокомандующим и А.В. Кривошеиным, выехали на фронт представители Франции, победоносной Польши, Америки, Японии, Сербии и Англии. Получили места и сотрудники иностранной прессы.

Первая продолжительная, почти на два часа, остановка поезда на станции Таганаш. Быстро сгружаются с пяти особых платформ автомобили. Главнокомандующий, председатель правительства, руководители и чины иностранных миссий занимают в них места. Через несколько минут машины, одна за другой, исчезают в легкой, чуть заметной дымке раннего прохладного утра и мчатся к грозным Т-ским позициям, преграждающим противнику доступ в Крым.

Пред глазами разворачивается постепенно панорама Сивашских озер, перешейков, могучих батарей и бесконечных рядов-сетей проволоки. Проволокой опутаны холмы, берега озер, каждая, кажется, между ними перемычка, каждый сухой клочок земли. Наши офицеры коротко, просто, больше на ходу, знакомят равнодушную еще вчера Европу с легендарной историей обороны Крыма, дают пояснения, устраивают пробы батарей. Тяжело ухают многодьюймовые орудия... Далеко на горизонте взматывается буро-черная смесь из огня, грязи, дыма и земли...

Около полудня поезд Главнокомандующего, приняв вернувшихся с осмотра позиций, трогается далее, миновав перешейки. На станции М.

вновь остановка — смотр стальным орлам воздуха и одной из славных казачьих дивизий. На перроне командир корпуса генерал Кутепов, авио-глав, энергичный и храбрый генерал Т. и высшие чины штаба армии. Опять вытягивается чуть не на две версты лента автомобилей, несущихся к аэродрому. Из-за холма видны силуэты выстроенных в ряд аэропланов. Их много, но сколько, не видно. Впереди — на расстоянии нескольких саженей от своих стальных птиц — стройные колонны летчиков-офицеров и команд. Главнокомандующий, сопровождающие лица и представители иностранных миссий направляются вдоль фронта. Иностранные корреспонденты (счастливы, все с кодаками!) обгоняют несколько раз идущих; то и дело слышится усердное щелканье затворов. Совсем как в приличное человеческое время.

Но вот обход окончен. Все уже на другом конце аэродрома. Откуда-то появляются новенькие, чистые жестянки от бензина, и многие, запыхавшись от быстрого шага, которым приходится сопровождать Главнокомандующего, с благодарностью усаживаются на них и приготавливаются к самому интересному. Теперь фотографические аппараты видны уже на руках и у адмирала Маккэли, и у commandant Такахаси, и у других. Взвивается первая сигнальная ракета. Механики приводят в движение пропеллеры. Ко второй сигнальной ракете все моторы на холостом ходе, и еще чуть спустя аэропланы, один за другим, начинают выкатываться на середину аэродрома, откуда воздушная эскадрилья поднимается ввысь и производит ряд блестящих маневров.

По окончании полетов Главнокомандующий в присутствии представителей иностранных держав благодарил летчиков за самоотверженную службу, подчеркнув, что дела авиации ставятся им «в первую очередь». Генерал Т. от имени летчиков просит Главнокомандующего и председателя правительства ускорить высылку аэропланов из-за границы, чтобы использовать два остающихся теплых месяца. Главнокомандующий сообщает летчикам, что им принимаются в этом направлении все необходимые меры, и добавляет:

— Задержка произошла с той стороны, откуда мы могли ожидать ее меньше всего... (Намек на англичан. — А. В.)

Вслед за тем в деревне А. состоялся смотр доблестной коннице генерала Б. Показанная в заключение смотра ловкая джигитовка произвела огромное оживление среди чинов миссий и сотрудников иностранной прессы. Особенный восторг вызвало проделанное кубанцами «умыкание» невесты. Картина мчавшихся карьером «похитителей» со схваченной на полном ходу коня крестьянской девушкой и погоня за ними с удалым гиканием и стрельбой истощила, кажется, добрую половину пленок у всех семи корреспондентов европейской и американской печати. И, грешный

человек, сознаюсь, что не мог удержаться от смеха, когда один из присутствовавших при этой фотографической лихорадке старых боевых офицеров сказал мне:

— Даю голову на отсечение, что во всех чикагских и неапольских журналах это будет зафиксировано как спасение храбрым *le kosak* своей жены от кровожадных *bolschewiks*...

Мне не удалось разубедить моего собеседника в том, что Европа пожелала, наконец, порвать со своей легендарной осведомленностью о наших делах.

— Шутка сказать, семь ведь газет представлено... Посмотрите!..

Старый вояка заливался от смеха и упрямо твердил свое.

Факт посещения армии представителями ряда держав произвел, судя по первым признакам, большое впечатление. Надо полагать, что оно будет много сильнее на самом фронте, куда сейчас и выезжаем.

Второй очерк был посвящен у меня посещению иностранными представителями корниловской дивизии и воистину блестящему параду корниловцев на площади колонии Кронсфельд.

Сейчас, когда все кончено, когда непобедимая вчера еще дивизия томится на положении жалких невольников в лагерях Галлиполи, нельзя без волнения читать правдивое описание той обстановки, в которой предстали эти люди пред глазами мимоходом заглянувшей к ним Европы 1 сентября 1920 года. Люди, должно добавить, дравшиеся почти без передышки с 23 мая, вывезенные потихоньку на «тачанках» специально для парада прямо из окопов и через полчаса после парада отправленные в те же окопы.

Воспроизвожу отдельные места этого очерка.

«Вот приезд... Растянувшиеся длинной-длинной лентой автомобили один за другим выезжают полным ходом в колонию... Генерал Врангель в сопровождении г-на Кривошеина, громадной свиты и представителей иностранных государств направляются вдоль фронта... От края до края громадной площади несутся приветственные крики и неизменное «рады стараться». Проходит пять—десять—пятнадцать минут, обход все продолжается. Все гремит музыка. Все несется такое бодрое, звучное корниловское приветствие.

Наконец, последние колонны — артиллерия полевая, тяжелая — все! Главнокомандующий, окруженный целым цветником русских и иностранных мундиров, направляется к аналою. Возле — на особом столике — знаменитое знамя сказочного Георгиевского батальона, которое вручается сегодня корниловцам. После речи архимандрита Антония, выражающего уверенность, что знамя увидит золотые маковки московских храмов, начинается торжественное молебствие. Поет хор корниловцев.

Слова молитв то и дело прерываются щелканьем фотографических затворов. Иностранные корреспонденты торопятся запечатлеть на пленках то коленапреклонную фигуру Главнокомандующего, то наше духовенство, то народ. Представитель итальянской прессы ломаным русским языком жалуется с отчаянием, что у него вышли все пленки. Молебен подходит к концу... Многолетие... Вечная память... Во время последней все присутствующие опускаются на колени. Представители иностранных миссий тоже. Картина сильная. Впервые на коленях стоят на земле, орошенной кровью русского солдата, и те, за безмятежное спокойствие которых он проливает эту кровь. Это бросается в глаза, это трогает и волнует.

Кончена «Вечная память» («мертвый в гробе мирно спи, жизнью пользуйся живущий») и опять «Многая лета» русскому воинству, потом — окропление святой водой. Команда — «накройсь», и вслед затем начинается церемония вручения знамени. Взгляд невольно обращается в сторону правого фланга. Там — знаменитая корниловская офицерская полурота. Боже! Какая маленькая горсточка людей-счастливицев, доживших до этой исторической для легендарного полка минуты...

Иностранцы с любопытством наблюдают прибавку знамени. Первый гвоздь вбивает Главнокомандующий, второй — генерал Кутепов, третий — командир корпуса, четвертый — начальник дивизии, и за ним командиры полков. Раздается команда:

— Слушай, на караул!..

Сверкает от края до края сплошная лента стали.

Воцаряется немая тишина, и Главнокомандующий, выступив вперед, громовым, на весь плац, голосом произносит с огромным подъемом следующую речь:

«Орлы ратные, корниловцы! Сегодня впервые после зачисления в ваши славные ряды довелось мне увидеть вас. Сегодня привез я вам, достойнейшим из достойных этой чести, знамя бывшего Георгиевского батальона — батальона храбрых, которым оно было вручено самим Корниловым, чье бессмертное имя носите вы — бессмертные корниловцы. На этом знамени начертаны слова, которые носил в своем сердце Корнилов, которые носите у себя в сердце вы — «Благо родины превыше всего».

Благо родины, орлы корниловцы, это то, за что лучшие сыны ее три года уже орошают своею кровью ее поля. Это то, что заставляет вас пренебрегать холодом, голодом. Это то, ради чего вы несетесь чрез тучи пуль к победе, не считая врага.

Я вручаю вам это знамя храбрейших, на котором изображен орел, расправивший свои могучие крылья, — ваш прообраз, корниловцы. На

этом знамени георгиевские ленты и георгиевский крест, украшающие груди русских храбрецов. Достоянейшая награда попадает вам, орлы корниловцы, и я знаю, что вы вполне достойны ее.

Орлы! Одним криком, криком русского солдата могучее корниловское «Ура» нашей страдальце, матери России!»

Раздается громовое «Ура!». Главнокомандующий вручает знамя коленопреклоненному командиру полка, целующему край знамени и произносящему с поднятой рукой слова клятвы. Командир передает знамя коленопреклоненному знаменщику, приближаются офицеры-ассистенты, подходит легендарная офицерская полурота. Последняя берет развернутое знамя на плечо и обносит под музыку по фронту всей дивизии, пока не возвращается на свое место — на крайнем правом фланге. Еще минута, и начинается церемониальный марш. Без конца стройными рядами проходит пехота, проходят люди, идущие в атаку под бешеным пулеметным огнем, «по традиции» с винтовкой на ремне, с папиросой в зубах, мчится на рысях кавалерия, грохочут батареи в конской запряжке и на мулах...

Диву даешься. Не знаешь, сон это или наяву. Марсово поле или плац немецкой колонии... Ведь вчера еще эти люди сидели в окопах, носились лавой на врага, ведь им не до репетиций парадов, не до подготовок эффектов... А между тем это — старые русские полки!.. Да, это была старая русская гвардия, если бы... если бы не эта пестрота мундиров... Вот один прошел в розовой ситцевой рубаше с полотняными погонами, другой в голубой, вот правофланговый без обмоток — серые английские чулки снаружи облегают концы брюк...

На мгновение делается больно, обидно. Но стыда, о, стыда нет. Пусть! Пусть весь мир знает, в каких условиях дерется русский солдат. Пусть щелкают затворы камер! Пусть! Взглядываю на иностранцев. На лицах напряженное внимание и... кажется, изумление. Адмирал Макэли и майор Такахаси возятся с аппаратами.

— Смотри, смотри, Европа! Смотри, Англия... — раздается ясно за моей спиной. Говорит старый раненый корниловец, кажется капитан, не участвующий в параде. Глаза устремлены на элегантных людей в иностранных мундирах. Бог их знает, что хотели сказать эти глаза.

Но сейчас, когда я пишу эти строки, мне вспоминается почему-то разговор, который пришлось иметь часа два спустя, в Н. — в штабе дивизии с одним из старейших корниловцев капитаном К. Вспоминая этот разговор, который целиком по многим причинам не поместишь в печати, трудно удержаться, чтобы не сказать и в свою очередь:

— Смотри, Европа — эти люди еще вчера, спасая мир от страшной заразы, рвали голыми руками по пяти рядов Каховских проволочных

заграждений, да — голыми, потому что ты до сих пор не удосужилась прислать им пары старых, завалавшихся со времен Марны ножиц.

— Смотри, Англия, — эти люди цвет интеллигенции, оплот нации гибли под убийственной шрапнелью на проклятой проволоке, разметывая ее прикладами и штыками, ради экономии когда-то присланных тобой снарядов...

— Смотри, Европа, эти люди не могут допустить мысли, что ты бросишь их спокойно умирать в ледяных окопах, не шевельнув пальцем ради помощи им...

— Смотрите все, кому надо смотреть. Вышедшие сейчас из окопов, чтобы пройти мимо вас, проходили с глазами, полными веры и надежды в ваше благородство, в ваш разум, в вашу честь» («Северный Вестник» № 4).

Увы! Сегодня, когда не приходится уже думать о цензурных вымарках, должно сказать прямо, что представители иностранных государств в Крыму не сумели вовремя ни посмотреть, ни оценить, ни понять всей остроты создававшейся обстановки. И что хуже, что, быть может, ужаснее всего, это то, что едва ли справедливо будет винить в этом иностранцев. Тех севастопольских «аккредитованных» иностранцев, пред которыми только и делали, что расшаркивались и говорили приятные вещи. В ответ удостаивались комплиментов, на которые в свою очередь отвечали новыми сахарными любезностями. Крымская кукушка хвалила Гальского петуха, петух не скупился на похвалы кукушке. Временами эти приторные комплименты вызывали у людей дела чувства самого острого раздражения. Так бывало в минуты, когда от самой пустяковой, в сущности, поддержки Запада зависел весь исход борьбы, а эта поддержка тормозилась по совершенно непонятым причинам.

Особые соображения заставляют пока воздержаться от опубликования весьма любопытных исторических документов, проливающих свет на эту сторону дела. Можно сейчас выразить крайнее сожаление, что все они без исключения были скрыты от общества и продолжавшей восторженно умиляться казенной печати. Для примера укажу хотя бы на один только более чем характерный документ (разумеется, «совершенно» секретный), представляющий собой отношение флагманского радиотелеграфного офицера штаба командующего флотом за № 849 от 12 июля 1920 года. В документе этом речь идет о препятствиях, встреченных одним из наших виднейших военных представителей за границей при попытках установить крайне для нас важную радиосвязь с западом, связь, предусматривавшую прежде всего бесконечно в то время существенную координацию действий с поляками. Вот этот документ: «Генерал Лукомский получил от командующего французскими силами в Константино-

поле Франшэ-д'Эспрэ категорическое запрещение устанавливать русскую станцию в Константинополе и, если таковая уже установлена, то тотчас же убрать ее. Чем вызвано это в рапорте не указано. В дальнейшем дело по исходатайствованию разрешения на установку радиостанции в Константинополе взял на себя наш военно-морской агент капитан 2-го ранга Щербачев, которому удалось убедить французов созвать международную комиссию для разрешения этого вопроса. Каковы результаты этого до сего времени неизвестно, так как донесений в штакомфлоте не имеется. Подлинный подписал лейтенант (подпись)».

Такие документы и такие факты скрывались, преступно скрывались от общества и печати в то время, как даже большевистская пресса была вполне свободна в области своих суждений о поступках иностранных правительств в отношении России. Конечно, все это ни в какой степени не следует связывать с политикой П.Б. Струве, сумевшего к концу лета добиться в Париже признания правительства генерала Врангеля. (Какую бы услугу оказал П.Б. Струве, если бы добился тогда признания лишь армии, лишь самого генерала Врангеля, но... не его правительства!)

Вся трагедия была в том, что в Париже была политика, а в Крыму, — не могу подобрать других слов, — было, извините, цацканье, нянчение, а иногда (в печати) и неприличное лакейство. А над всем этим доминировал постоянно страх, как бы знатные иностранцы не увидели наших дыр и прорех, когда о них должно было кричать с высокоподнятой головой, как кричали когда-то буры, имевшие по пять патронов на десять суток, стяжавшие уважение всего мира и, после поражения, не оказавшиеся, уж конечно, в том положении, в каком оказались русские беженцы. Но то были буры. У них были свои из ряда вон выходящие обстоятельства, а в Крыму, как я уже упоминал, самым хорошим тоном считалось пребывать в уверенности, что «никаких происшествий не случилось». Так и пребывали во здравии с этой уверенностью до эвакуационного приказа 30 октября. Опять же и сотрудники «Великой России» и т. п. уверяли всех до этого дня (и кажется, даже на сутки позже), что все, слава богу, благополучно и что в Московском совнаркоме укладывают уже чемоданы.

И наибольшая нелепость здесь заключалась в том, что сознательной лжи, сознательного намерения кого-то обмануть тут не было. (А если и было, то как исключение.) В девяносто девяти из ста случаев налицо была все та же страусова премудрость. Эта страусова премудрость ревностно опекала всех приезжавших в Крым чужестранцев и даже родных заморских гостей. Достаточно определенно обнаружилась она и в историческом сентябрьском объезде фронта. Для примера едва ли будет сейчас уже предосудительным предложить себе хотя бы вопрос о причинах непосещения иностранными военными агентами Перекопа.

Почему, в самом деле, для демонстрации иностранцам были избраны позиции у Таганаша, а не знаменитый Перекопский перешеек, который по теории вероятности должен был сделаться ареной боев? Ответ на этот вопрос читатель найдет ниже, в секретном рапорте начальника Сивашско-Перекопского укрепленного района генерала Макеева. Из него многое становится ясным. Разве могли мы, признанные в Париже, демонстрировать à nos petits amis то, что только именовалось укреплениями, а в действительности было сплошным скандалом? Конечно, никогда! Какое же создастся впечатление. Ведь мы накануне признания Америкой. Нельзя! Стыд!

Вот была точка зрения, в которой я имел ужас убедиться во время этой поездки. Стыда же то как раз не должно было быть, ибо добрая половина Перекопских укреплений не могла быть сооружена вследствие недостатка технических материалов. Доставка же этих материалов тормозилась зачастую именно теми, пред кем краснели и смущались больше всего. Такова была уродливая действительность. Европа была той фатальной княгиней Марьей Алексеевной, в глазах которой, пуще собственной смерти, боялись потерять атом престижа. И этот престижный *idée-fixe* — да будет позволено так выразиться — был вторым, после «осважного», микробом, успевшим сесть на корабль в Новороссийске и попавшим в Крым. Быть может, будущий историк признает его за продукт болезненного самолюбия у тех, кто не мог мыслить России иначе, как великодержавной и благоустроенной даже на малом клочке ее территории, но, увы, это не ослабляет его вредоносности.

Представители шести государств Европы и Америки, побывавшие в первых числах сентября на фронте армии, с любопытством смотрели на солдат и офицеров этой армии, с еще большим, кажется, любопытством созерцали «умыкание кубанцами крестьянской девушки», но громадной трагедии, переживавшейся этой армией, они — можно сказать с уверенностью — не чувствовали, ибо о ней старались им говорить меньше всего. Но рядовые боевые офицеры говорили о ней много.

Выше, описывая парад, я упоминал о беседе, которую довелось мне иметь после этого парада с капитаном К., одним из старейших корниловцев, и которую, по цензурным условиям, нельзя было воспроизвести в крымской печати. Сейчас можно к этому добавить, что капитан К. занимал должность заведующего политической частью штаба дивизии и, касаясь всего пережитого дивизией, говорил мне: «Самое ужасное это то, что нигде даже не имеют понятия о тех горах трупов, которые нам приходится укладывать при любой атаке каких-нибудь двух рядов проволоки. Мы не можем себе позволить роскоши уничтожить проволоку огнем артиллерии. Надо экономить снаряды. Атаки под Каховкой стоили

нам страшных жертв и произвели самое тягостное впечатление на людей. Больно уже чувствовалось, как мало стала цениться человеческая жизнь, как легко стали расходовать ее за счет экономии недостающих технических средств... И никто об этом не знает... Никто не догадывается...»

Таков был, в двух словах, общий смысл слов старого боевого офицера. Как умел, я изложил их эзоповым языком в цитированной выше статье. Их остается дополнить еще одним тяжелым предположением, которое я беру на себя смелость высказать. Мне кажется почему-то, что трагические обстоятельства, отмеченные выше, не были в большей своей части известны даже тем немногим безукоризненно честным заморским гостям, которые заглядывали изредка в Крым. Да простят они дерзкое сравнение, но мне всегда отчего-то казалось, что в Севастополе, едва вступали они на берег, надевали им, как ненадежным горячим коням, этикие плотные, хорошие наглазники. Чтобы не волновались, не пугались и «по бокам» понапрасно не смотрели.

И они не пугались, как не испугался нисколько, побывав на фронте, м-р Шарль Ривэ — редактор «Temps», так мило в свое время воспевавший, правда не фронт, но тесные севастопольские домики, где расположились... канцелярии ведомств г-на Бернацкого и г-на Кривошеина («Temps» — 14 октября 1920 года). Тесные!.. Бедняжки, мучаются, страдают... «Рабочий стол чиновника находится рядом с походной кроватью, на которой чемодан заменяет подушку...» Это ли, действительно, не самое важное и самое трогательное из всей Крымской эпопеи?.. И напечатано почти накануне катастрофы.

Я позволю себе закончить эту главу цитатой из моей статьи. Сцена возле автомобилей пред самым отъездом иностранных представителей после описанного выше парада Корниловской дивизии... «Кто-то выразил опасение, не произведет ли дурного впечатления на иностранных военных атташе внешний вид некоторых частей, где люди изрядно поизносились. Надо было слышать ту горячую отповедь, которая последовала в ответ... Старый боевой корниловец, сверкая глазами, почти кричал своему сомневающемуся соратнику:

— А хотя бы и так... Хотя бы и так, поручик!.. Имея всего вдосталь не фокус драться... А ты вот подерись три года, когда тебе по капле, из милости, отпускают все до поганой подметки включительно... Когда лезешь на рожон с голыми руками. Когда... Эй! — Говоривший махнул рукой. — Пусть обмозгуют, что могли бы мы сделать, будь у нас все, что требуется. Пусть смотрят на все наши дыры, на все отрепья, на все заплаты. Не нам краснеть, не нам стыдиться...»

Эпиграфом к этой «рискованной» статье взято не менее дерзкое пушкинское:

И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир...

Вышеприведенными двумя очерками исчерпывается, собственно говоря, описание всей поездки: Последовавшие в тот же день (1 сентября) смотры частям Марковской и Дроздовской дивизий, выведенным в буквальном смысле этого слова прямо из окопов, заняли не более полутора часа. Оба смотра прошли не менее гладко. Только внешний вид людей был много печальнее.

Вечером все находившиеся в поезде лица вернулись обратно в Мелитополь и оттуда в полночь выехали в Джанкой. В Джанкое вагоны А.В. Кривошеина и военных агентов были отцеплены от состава Главнокомандующего и отправлены в Севастополь. Сам генерал Врангель проехал из Джанкоя на Перекоп и оттуда на линию Днепра, где произвел смотр некоторым частям 2-й армии. Понесшие тяжкие потери, едва одетые и полуобутые части эти производили крайне тяжелое впечатление. 5 сентября генерал Врангель и сопровождавшие его лица вернулись в Севастополь. Из представителей иностранных государств генерала Врангеля сопровождали: адмирал Маккэли и полковник Кокс (Америка), майор Этьеван (Франция), поручик Стефанович (Сербия), поручик Михальский (Польша), майор Такахаси (Япония), полковник Уольд и капитан Вудвард (Англия).

Пятая поездка (с 24 сентября по 3 октября). Заднепровская операция

Трагический исход Кубанской операции глубоко взволновал всех, для кого этот исход не был секретом. Политика самообмана насчет взаимоотношения сил и средств своих и противника получила жестокий урок. Прямой, честный, трезвый взгляд на свое положение, взгляд в глаза действительности становился окончательно вопросом спасения армии, спасения Крыма, спасения всего дела. Необходимость сказать всю правду в лицо и самим себе и (прежде всего) издали, платонически «восхищавшейся» Европе — созрела, казалось, вполне. Этого требовали властно и героизм армии, и ее бесчисленные жертвы, и те грозные последствия, к которым неизбежно должны были привести армию дальнейшие прогулки в казенных розовых очках присосавшихся к ее делу присяжных оптимистов. Насколько сильно выразилось в различных слоях общества желание услышать правду о положении армии, можно заключить из следующего эпизода, который воспроизвожу исключительно ввиду его показательного значения.

По окончании Кубанской операции мною была напечатана в газете А.Т. Аверченки «Юг России» статья под заглавием «Юнкера». В статье, каким-то чудом прошедшей через цензуру, было дано всего несколько штрихов из того кошмара, который пришлось пережить на Кубани несчастной, попавшей в военные училища, учащейся молодежи, рвавшей голыми руками, за отсутствием ножниц, провололочные заграждения и сотнями своих трупов устилавших подступы к ним.

Статья была небрежная, короткая — всего в столбец с чем-то, — штрихи были мимолетные, но никогда на мою долю не выпадало такого обилия благодарностей «за правду», какого удостоился я в дни появления статьи. Из Симферополя и Феодосии сообщали, что статья переписывается юнкерами расположенных там училищ и молодым офицерством. В редакции мне был передан пакет, содержащий оттиск стихотворения, заглавие которого представляло собой одну из красных строк упомянутой выше статьи. Стихотворение было написано начальником военного управления генералом Вязьмитиновым, писавшим одновременно, что взволновавшая его статья послужила темой для приложенных стихов.

И причины волнения, охватившего одинаково и 17-летнего мальчика-юнкера, и военного министра, повторяю еще раз, крылись вовсе не в достоинствах газетной стати, о которых говорить не приходится, а в том лишь, что среди хора лжи, лести, лакейства и самообмана, которыми были окутаны отчеты об операции в казеннокоштной печати, было сказано несколько слов необходимой живительной правды, которая — да простится мне моя непоколебимая вера — одна лишь могла сделать в Крыму чудеса и зажечь сердца спасительным воодушевлением.

Только желание оттенить это обстоятельство заставляет меня, не без чувства некоторой неловкости, упомянуть об этом случае. Он достаточно характерен. В своем усердии затушевать и сгладить впечатление от кубанского фиаско казеннокоштные оптимисты не знали границ. В те самые дни и часы, когда в Ачуеве разыгрывался последний эпилог с обратной посадкой на суда, «Великая Россия» etc. живописали о восторженных встречах генерала Врангеля в Тамани и об именинных настроениях казачества. Бессовестное освещение «Великой Россией» фактов вызывало иногда негодование и среди высших чинов Главного командования. Генерал Шатилов обратил однажды внимание генерал-квартирмейстера генерала Коновалова, что он считает совершенно недопустимым, чтобы такого рода «информация» передавалась по оперативному телеграфу и помечалась в заголовках депеш — «поезд Главнокомандующего». Генерал Коновалов отвечал (разговор велся по телефону, который соединял непосредственно вагоны наштаглава и генквармглава), что

он сам крайне возмущен этим и не понимает, с чьего разрешения оперативный телеграф поезда принимает эти депеши.

Вызвав меня, находившегося по должности у него на дежурстве, генерал-квартирмейстер, ударив с негодованием по лежавшему на столе номеру «Великой России», спросил:

— Вы не знаете, кто это старается?..

Жалею сейчас, что не ответил тогда прямому и честному генералу Коновалову:

— Состоящий при главкоме г-н Чебышев, ваше превосходительство...

Но так как, кроме г-на Чебышева, в поезде находился еще один сотрудник «Великой России» (корреспондент Г-н), то я отговорился незнанием.

— Черт знает что такое!.. — продолжает генерал-квартирмейстер, и тут же проходит в вагон оперативного отделения отдать приказ о прекращении оперативным телеграфом приема бесплатных сочинений сотрудников «Великой России».

Все это проделывалось для поддержания «бодрости духа» в населении и (вероятно) для того, чтобы не ударить в грязь пред снисходительно улыбавшейся à l'aventure de Crimée Европой.

Апофеозом этой мудрой страусовой политики явилось изделие г-на Чебышева в «Великой России», повывавшегося где-то с генералом Врангелем и сообщавшего от его имени, что все на Кубани окончилось, слава богу, благополучно, что десант увеличился вдвое (на три четверти камышевым элементом! — А. В.) и что теперь-то, собственно говоря, наступило как раз время приступить к самой что ни на есть настоящей операции — «протянуть руку на запад». Кому — полякам? петлюровцам? — сказано не было. Ни у г-на Чебышева, как бы там ни было, бывшего министра (правда, по особому совещанию), ни у некоторых других, кто мог и должен был это сделать, не хватило мужества и политической дальновидности, объяснить генералу Врангелю, в какое положение ставит его пред обществом это объяснение ухода с Кубани, становившееся к тому же рискованным векселем в случае неудачи «на западе».

В ставке обработка г-ном Чебышевым Кубанской операции заставила одних густо краснеть, других негодовать. Поводов же для негодования было более чем достаточно. Вместо честного спокойного разъяснения обществу всей серьезности предстоящего в близком будущем положения, разъяснения, которое тогда еще не могло вызвать никакой абсолютно паники, вместо призыва ко всем, для кого спасение армии генерала Врангеля было вопросом личного существования, призыва напрячь все силы для подготовки к неизбежной осаде Крыма, вместо всякой попытки пробудить в обществе энтузиазм, налицо было новое *partie de plaisir* в ро-

зовых очках, новый ненужный самообман, новые неизбежные жертвы. (По секретным официальным объяснениям, причина неудачи за Днепром крылась, впрочем, не в излишних розовых иллюзиях, а снова, как при Кубанской операции, в неточных донесениях разведки.) Упомянутое выше интервью г-на Чебышева было поднесено и Европе.

При таких-то обстоятельствах внезапно началась и столь же внезапно печально закончилась так называемая Заднепровская операция. Протянутая неведомо кому через Днепр «рука на запад» не встретила ничего дружеского пожатия и не была никем поддержана. Не достигла операция и более ясных, конкретных целей, какими считались: очищение грозного Каховского тет-де-пона, прочное обеспечение за собой линии Днепра и уничтожение живой силы противника, начинавшего уже переброску с Польского фронта.

Началу операции предшествовала сложная, весьма, однако, успешно проведенная работа по реорганизации армии после возвращения к ней обратно Кубанского десанта. Все добровольческие части (дивизии Корниловская, Марковская и Дроздовская), а также донцы в составе двух кавалерийских и одной пехотной дивизии составили 1-ю армию, во главе которой был поставлен генерал Кутепов. Все вернувшиеся с Кубани части, кроме конницы генерала Бабиева, а также 2-й корпус генерала Витковского, составили 2-ю армию, под общим командованием генерала Драценко. Конница генерала Бабиева была выделена в самостоятельную группу. Самостоятельно действовал также и конный корпус генерала Барбовича, объединявший всю регулярную кавалерию.

Выполнение главной задачи было возложено на 2-ю армию генерала Драценко. По директиве, отданной генералом Врангелем 22 сентября, главные силы 2-й армии должны были перейти на правый берег Днепра в районе одной из деревень (Ушкалка), расположенных южнее Александровска, недалеко от Никополя. Вслед за тем переправившиеся части должны были начать стремительное наступление в общем направлении на станцию Апостолово (железнодорожный узел), а также начать обход противника с тыла в направлении на Каховку. В помощь частям 2-й армии должны были одновременно переправиться у Кичкасской переправы (возле Александровска) марковцы и казаки генерала Бабиева, 2-й корпус генерала Витковского должен был, по получении приказа из Ставки, атаковать Каховку в лоб, как только последняя будет обойдена с тыла. Наконец, в двух местах (у Херсона и Никополя) приказано было произвести демонстрацию переправы. В ночь с 24-го на 25 сентября было приступлено к выполнению этой директивы. О дальнейшем развитии операции читатель может судить по нижепечатаемым записям дневника.

«24 сентября. После пятикратных откладываний сегодня, наконец, выезжаем двумя составами. Главкомандующий в 5 часов вечера, штаб в 9 часов. Впрочем, штабной состав отходит с некоторым опозданием. Выезжаем около 10 часов. За четверть часа до отхода прибыли неожиданно пулеметчики-ординарцы при двух пулеметах. Говорят, что получены сведения о готовящемся на поезд покушении. До Симферополя приказано не раздеваться, не спать и быть при «полной боевой». Один из пулеметов установлен на паровозе. В 2 часа ночи благополучно миновали Симферополь.

25 сентября. В 11 часов утра прибыли в Мелитополь. Состав Главкома ждал у станции. Мы прошли, не останавливаясь, прямо на запасный путь, где стояли в июне. Сюда же вслед перевели и состав Главкома. К вечеру — первые известия о переходе наших частей через Днепр севернее Александровска. Корниловцами взят в плен один полк красных. Марковцами также захвачены пленные. В 6 часов вечера генкварм ездил с визитом к генералу Достовалову. Штаб 1-й армии тоже еще в Мелитополе. В 10 часов вечера к генкварму приезжал генерал Достовалов. Красные вступают в Бердянск.

Сел на мель «Беспокойный». Штафлот просит послать отряд судов для выручки. Генерал Коновалов говорил по этому поводу по телефону с начальником штаба, признано бесполезным, так как операция потребовала бы дня три, а за это время его успеют расстрелять. (В конце концов «Беспокойный» был все-таки снят вопреки ожиданиям Ставки. Люди, находившиеся на нем, пережили тяжелые минуты. О случае нигде не было упомянуто, как не было ни разу упомянуто о постоянных подрывах на минах наших несчастных тральщиков. Число обреченных и погибших людей, на них находившихся, доходит до многих десятков человек.)

В полночь генерал-квартирмейстер беседовал по телефону с оберквартирмейстером штаба 1-й армии полковником С. о положении на фронте. Весьма неопределенное. Генкварм лично будил Шатилова, потом напоминал полковнику С. о директиве Главкома, касающейся уничтожения живой силы противника.

26 сентября. Наступление наше на западе — за Днестром — успешно развивается. Взят в плен еще два полка. Наши части обходят Никополь. Вечером слухи об установлении связи с Махно. Чепуха. Генерал-квартирмейстер разносил сегодня одного донца-начальника артиллерийских складов за отсутствие на позициях донского корпуса снарядов, что послужило будто бы причиной отступления нашего на востоке. Тот сваливает всю вину на начальника военных сообщений. Кстати, забыл вчера записать, что, по словам начвосо, мы вывезли из Мариуполя 10 вагонов сукна, железа и всего-навсего 30 тысяч пудов угля. Смехотворная цифра. А как

рассчитывали на мариупольский уголь! Ночью начсвязь докладывал генкварму о выступлении ординарцев штаглава против зеленых, скрывающихся в горах у Бахчисарая.

27 сентября. Наступление наше на запад и... красных с востока продолжается. Наши части выдвинулись верст от 10 до 25 от берега Днепра на протяжении от Кичкаса до Никополя. Красные на меридиане Ногайск—Поповка. В 10 часов утра полковник Ш. просил у генкварма разрешения «распечь» летчиков за то, что до сих пор не вылетели на разведку. Генкварм разрешил и сказал, между прочим: «Сегодня все-таки генерального сражения не будет...» На фронте 2-го корпуса ночь, по донесению, прошла спокойно. В 11 часов утра генерал-квартирмейстер сообщил по телефону наштаглаву, что переправа наших главных сил через Днепр в полном разгаре. В 4 часа — радио о заключении поляками перемирия. Скверно. Очень скверно. Вечером пришли из Севастополя газеты. Полным-полно обычных заголовков в стиле — «12-й час Совдепии» и т. п. В 9 часов вечера — телеграмма о занятии корниловцами и кубанцами Красно-Григорьевки. Взято 560 пленных. Там и заночевали. Все как будто идет успешно, хотя чувствуется какое-то нервное напряжение и неуверенность. В 10 часов вечера генерал-квартирмейстер, разговаривая с Главкомандующим, доложил, что утром 6-й запасный батальон 6-й дивизии оставил Димитриевку, бросив красным 2 орудия. Генкварм полагает, что это лишь налет. В 11 часов вечера генерал-квартирмейстер сообщил наштаглаву, что по всем получающимся сведениям у него создается ясное представление, что все свои конные части противник стягивает к Каховке, где надо ожидать переправы. События могут разыграться даже послезавтра. Генералу Витковскому предписано строго усилить в этом районе бдительность воздушной разведки. В 12 часов ночи приехал начальник штаба 1-й армии генерал Достовалов, доложивший генкварму, что после упорного боя с превосходными силами красных, донцы, обойденные с флангов, сдали Гуляй-Поле.

Наступление красных с востока продолжается. Силы их, по заключению Достовалова, разделяются в общем на три части: 1-я крайняя на север — сборный отряд из разных частей — в том числе 5-я советская Кубанская бригада, занявшая Гуляй-Поле, в центре — ударная группа, еще южнее, к Азовскому морю — Таганрогская дивизия. Главная задача по прорыву нашего фронта возложена на ударную группу, в состав которой входят 9-я стрелковая, 7-я и 9-я кавалерийские советские дивизии. Поповку донцы было уступили, но после очень ожесточенного боя выбили все-таки противника. Далее Достовалов доложил о начатой перегруппировке донских частей для сосредоточения кулака и высказал пожелание о скорейшем возвращении в распоряжение 1-й армии марковцев, а

также корниловцев. Дроздовцы только сегодня вошли в связь с противником, до этого времени в направлении на север было пусто. Достовалов считает, что последнее обстоятельство надо было бы использовать. Генерал-квартирмейстер осведомил его о сосредоточении большевиками всех конных сил в Каховском районе. В общем решено, по-видимому, ничего крупного на востоке не предпринимать, пока не определится ясно успех удара на Днепре.

28 сентября. Ничего особенного. Операции на правом берегу Днепра продолжают развиваться.

29 сентября. Днем получены сведения об успехе на правом фланге; взято в плен 4 тысячи. Разноречивые слухи о положении польско-советских переговоров. Советское радио (секретное) полно призывов расправиться с армией генерала Врангеля до наступления зимних холодов. Оно же сообщает об отъезде на Крымский фронт самого Каменева.

30 сентября. С утра на фронте ничего особенного. Главкомандующий отправил резкую телеграмму генералу Драценко, где говорит, что отказывается понимать, чем вызвана его крайняя медлительность и нерешительность. То же относится и к Бабиеву. Французское радио сообщает, что подписание польско-советского перемирия затягивается, вследствие трудности установления демаркационной линии. Сегодняшнее советское радио опять полно призывов расправиться с Крымом до зимы. «Красный Крым должен быть принесен в подарок рабоче-крестьянской власти» ко дням Октябрьского юбилея. Между прочим, в радио есть и такие строки: «Крымское гнездо должно быть разорено до тла...» Кроме того, сообщается о выезде, якобы вследствие неудачи, из Варшавы генерала «барона» Махрова и о требовании Струве в Париже повлиять на Польшу в смысле необходимости продолжения военных действий, иначе «Врангель будет раздавлен...». Вечером сообщение о занятии нами на правом берегу Днепра Апостолова. В полночь в оперативном отделении получены донесения об обнаружении нашей воздушной разведкой начала очищения красными Каховского района. Отступление замаскировывается сильной стрельбой из пулеметов и ружей. (На основании этого донесения был отдан приказ об атаке Каховских укреплений. Атака успехом не увенчалась. Атаковавшие войска понесли очень тяжелые потери. Во время атаки погибли почти все наши танки. Все это с наглядной очевидностью доказывает, что никакого очищения Каховского района красные в действительности не предпринимали и что ловкая демонстрация была принята в ставку за чистую монету. Неудача произвела тяжелое впечатление в армии.) Поздно вечером наштаглав вновь телеграфировал Драценко, что при скудости сведений, поступающих от него, Главкомандующий не может руководить операцией.

1 октября. На рассвете получена шифрованная телеграмма командующего 2-й армией генерала Драценко. Шифровальное отделение долго не могло расшифровать. Часть депеши затребовали по прямому проводу в дешифрованном виде. Очень скверные известия. В 6 часов утра разбудили штабс-капитана и генерал-квартирмейстера. Генерал Драценко доносит, что, натолкнувшись на правом берегу на крупные силы противника, понеся тяжелые потери и не желая дальше подвергать гибели всю свою армию, он лично, не запрашивая даже разрешения Главнокомандующего, вынужден был отдать приказ об отступлении обратно на левый берег. Разрывом снаряда убит генерал Бабиев. Вся операция насмарку. Говорят, Главнокомандующий вышел из себя, прочитав телеграмму Драценко.

А под Каховкой с раннего утра приступлено к выполнению директивы главкома об атаке Каховских укреплений. К чему теперь?! (Директива имела в виду комбинированную операцию. Одновременно с атакой в лоб Каховских укреплений 2-я армия генерала Драценко, распространившаяся по правому берегу Днепра, должна была обойти Каховку с тыла. Отступление генерала Драценко обратно на левый берег делало почти безнадежной атаку Каховки в лоб.) В 9¹/₂ часов утра генерал-квартирмейстер сообщил штабс-капитану, что атака Каховских укреплений началась и что началом ее он не доволен. «Опять идут тройными цепями — и все по-старому...» Днем — донесения о неудаче и тяжелых потерях под Каховкой. Подробностей пока нет. Так и следовало ожидать! Третья серьезная неудача.

В 2 часа дня — советское радио о подписании перемирия с Польшей на 21 день. В 4 часа дня штабс-капитан запросил по телеграфу генерала Масловского о подробностях смерти генерала Бабиева. В 6 часов вечера Главком лично запрашивал по прямому проводу о причинах отступления Драценко. Все то же: превосходство сил, главным образом, кавалерии, безнадежность операции. Получается впечатление, что 2-я армия, переправившись через Днепр, пустилась на какую-то авантюру. В 8 часов вечера сообщили по телефону из штаба 1-й армии о взятии нами Ногайска. Эпизод — не больше. Генкварм сообщил, что «Драценко в кислом настроении» и что «у Витковского тоже ничего не выходит». Какие там «настроения», когда налицо все признаки форменной катастрофы. В 9 часов вечера Главнокомандующий, штабс-капитан и генерал-квартирмейстер опять беседовали по прямому проводу с Масловским, добываясь объяснений о причинах отступления. Бабиев убит шальным снарядом на левом берегу Днепра, когда садился в повозку. Поздно вечером генерал-квартирмейстер спрашивал штабс-капитана, не следует ли дать Кутепову указания, что при сложившейся обстановке задача его отныне сводится к защите подступов Северной Таврии. Говорят, что

генерал Масловский пытался объяснить причины случившегося отсутствием хорошей связи. Главком приказал проверить это, а также узнать, насколько серьезно ранен генерал Науменко. Выбытие из строя Науменко — громадная потеря. Около полуночи стало известно, что в результате очень резкого вечернего разговора с Масловским Главкомандующий отдал приказ об устранении от должности генерала Драценко. Передают, что в течение дня Главком обращался ко многим с просьбой объяснить, чем вызван приказ Драценко об отступлении и насколько он прав. Никто пока ничего толком не знает.

2 октября. В 7 часов утра для расследования обстоятельств Заднепровского поражения выехал на автомобиле в Большой Рогачик сам наштаб-глав. В 11 часов утра генерал-квартирмейстера, впервые, кажется, после столкновения его с Кривошеиным, посетил Главкомандующий, имевший с ним продолжительную беседу по поводу случившегося. (На одном из заседаний в Большом дворце в Севастополе, происходившем под председательством генерала Врангеля, генерал Коновалов подверг критике политику Кривошеина. Главкомандующий заметил генералу Коновалову, что он приглашен лишь как генерал-квартирмейстер.) Генерал Коновалов подал мотивированное прошение об отставке. Через несколько дней генерал Врангель вернул прошение об отставке обратно. Главкомандующий говорил с большим возбуждением. Многие невольно слышали почти все. Главкомандующий говорил, что он не считает происшедшее катастрофой и спрашивает у генкварма совета, не созвать ли военный совет. Генерал Коновалов высказался, заметив: «К чему, ваше п-во, эти советы, когда на последнем совещании, происходившем у вас, весь Генштаб оказался на поводу у генерала Кутепова и все было проделано по его плану...» Записываю эту фразу буквально, со слов корнета М. Неясно только, к сожалению, одно: какая операция была проделана по настоянию Кутепова — Заднепровская или Кубанская?.. Вечером получены подробности о смерти генерала Бабиева. Рана была смертельная. Умер через полчаса, в страшных мучениях. До смерти был ранен 14 раз. Получено любопытное донесение о функционировании у большевиков особых команд по разрушению средств связи у противника. Команды снабжены «котами», ножницами и т. д. Главком говорил по прямому проводу с наштаб-главом, запрашивая его о результатах расследования. Беседа началась фразой: «Здравствуй, Павлуша. Расскажи мне подробности вчерашнего позорища». В 10 часов вечера наштаб-глав вернулся. Около 11 часов состав Главкома приказно готовить к отправлению на юг.

Ночь с 2-го на 3 октября. В половине 12-го ночи по боевой тревоге разбужены состоящие при поезде ординарцы. Приказано одеться и приготовить оружие. Слухи о причинах панические. Передают, что больше-

вики высадили десант у Степановки (чуть севернее места высадки генерала Слащева), отрезали путь в Акимовку, в 15 верстах от Мелитополя, и что состав Главкома не отправляется, так как весь поезд отрезан. Все ходят молча, очень внимательно осматривают винтовки и патрон-таши. Двоим ординарцам приказано ехать вместе с капитаном Л. в город, зачем — неизвестно. В 12 часов ночи пришел ротмистр Е. и рассеял несколько тучи: говорит, что просто прорвались большевистские разъезды, обнаруженные сейчас в 15 верстах от Мелитополя. Приказал выслать дозоры, указал угрожающее направление. От конвоя также высланы патрули-дозоры. Сбор по тревоге у вагона генерала Шатилова. В 1-м часу ночи состав главкома отправили, потушив в нем все огни. В 1.30 из Акимовки передали, что состав миновал станцию благополучно.

Наштаглав остался и приказал 2-й состав также приготовить к отправлению. Со станции сообщили, что паровозов под парами нет и паровоз может быть готов только к 5 часам утра. Около 2 часов ночи генкварм справлялся о готовности ординарцев, полковник П. доложил, что в поезде находится 40 человек, при двух пулеметах. Генкварм пригласил ротмистра Е. и объяснил ему по карте создавшееся положение, справившись, можно ли в случае чего рассчитывать на ординарцев. Е. ответил: «Так точно. В грязь, ваше п-во, лицом не ударим...» В 2 часа ночи вернулись капитан Л. и ординарцы, привезшие 25 русских старых, скверных винтовок, отпущенных по ордеру — штаба 1-й армии из артиллерийских складов. По приказанию штаба армии из города отправлены на разведку броневики. Офицеры генштаба спят все одетыми, генкварм тоже; ложась зарядил свой карабин.

3 октября. Встали в 7 часов утра. У нашего состава уже паровоз, но уйдем не раньше 10. Страх, по-видимому, рассеялся. В 8.30 дежурный по Генштабу полковник М. сделал доклад генералу-квартирмейстеру о событиях сегодняшней ночи. Он передал генкварму схему-карту с обозначением красной волнистой линией всего ночного рейда большевиков. Рейд обхватывает громадную площадь от параллели станции Пришиб до Азовского почти моря, имея в центре Большой Токмак, и подходит к Мелитополю на 15—20 верст. Село Астраханка в 20 верстах от Мелитополя было занято красными. В Большом Токмаке взорвано 8 вагонов со снарядами и разграблен поезд Донского атамана. Сам атаман, адъютант есаул Ж. и несколько ординарцев едва успели вскочить в одном белье в автомобиль. По дороге автомобиль наскочил на столб и сломался. Красные настигли и напали на атамана и ординарцев. Атаман и есаул Ж., воспользовавшись темнотой, бросились бежать пешком по пашне и едва спаслись. Добежав до одной из деревень, занятых донцами, они подняли тревогу. Конвой атамана тоже разбежался. Кроме кавалерии, в рейде, по некото-

рым сведениям, участвовала будто бы и пехота. Подробности выясняются далее начвосом полковником О-вым по железнодорожному телеграфу.

В 10 часов утра на оперативном телеграфе получена телеграмма о потерях, понесенных танковыми частями при атаке Каховских укреплений. Погибли, застряв в проволочных заграждениях, 2 танка; разбиты огнем орудий, не доходя до заграждений, 4 танка; остался цел 1 и поврежденный, но может быть исправлен 3 танка. За последние, впрочем, ручаться нельзя. Окончательно, следовательно, выведено из строя и уничтожено под Каховкой 6 танков. Это почти все, что у нас было. В 10.30 утра штабглав ездил в штаарм 1 и, вернувшись через полчаса, довольно долго беседовал с генквармом, прогуливаясь вдоль поезда. В 11 часов 33 минуты утра выезжаем составом в 17 вагонов в Севастополь».

Накануне катастрофы. Падение Перекопа

Заднепровская операция была последней операцией, предпринятой по инициативе главного командования. С момента ее печального завершения инициатива окончательно переходит в руки противника, почти открыто стягивающего свои войска к границам Северной Таврии для решительного боя за обладание Крымом. Разведывательные сводки каждый день приносят сведения о появлении у противника новых и новых резервов, переброшенных с Польского фронта. Сумерки стущаются с каждым часом. Обстановка с каждым лишним днем становится все более и более серьезной. Самим генералом Врангелем эта обстановка была обрисована в беседе с представителями крымской печати вечером 22 октября, то есть ровно за четыре дня до катастрофы. Воспроизводим ее от начала до конца дословно по газете «Военный Голос» (от 2 октября, № 163), где в этот день напечатано:

«Главкомандующий в беседе с представителями Севастопольской печати по поводу последних событий на фронте сообщил следующее: «После заключения мира с Польшей большевики получили возможность все свои силы бросить на нас, и вот, как вы знаете, уже три месяца идет лозунг: «Все на Врангеля!»

Мне сообщен весьма интересный документ — интервью Ленина с каким-то бельгийцем по поводу нас, где он доказывает, что единственная опасность для Советской России — это наша сила, ибо русский народ может заразиться теми идеями, которые мы несем. Большевики стали сосредоточивать против нас свои отборные части: главным образом коммунистические полки, школы курсантов, латышские дивизии и конные части. Это сосредоточение было мною своевременно учтено, и сегодняш-

ний переход наш в Крым для нас неожиданным не был. Об этом я предупредил и членов экономического совещания, бывших здесь, и Донской войсковой круг во время моего посещения его в Евпатории.

Я решил прежде всего оказывать противнику сопротивление и удерживать в своих руках Северную Таврию возможно дольше, нанося врагу короткие удары, однако не ввязываться в упорные бои, которые грозили бы поражением моей армии при том неравенстве сил, которое имелось.

Стратегический план большевиков благодаря хорошо поставленной нами агентуре был нам заранее известен. Он состоял в том, чтобы, наступая между Днепром и Азовским морем двумя армиями: 13-й и отчасти 9-й, охватывая левый фланг нашей северной группы 2-й конной армией, главной массой сил, а именно, всей 6-й армией и конной — Буденного, действуя со стороны Каховки, прорваться в тыл Русской Армии, захватив перешейки, и отрезать ее от Крыма.

Я решил со своей стороны дать противнику стянуться возможно глубже от Днепра к перешейкам, не считаясь с тем, что временно наши армии могли оказаться отрезанными от своей базы, затем сосредоточить сильную ударную группу и обрушиться на прорвавшегося противника и прижать его к Сивашу. Такой маневр мог быть предпринят лишь войсками исключительной доблести и при уверенности, что временно отрезанные от своей базы, и таким образом не имея тыла, они не потеряют своей боеспособности.

17 октября, развивая чрезвычайно энергичное наступление, 10-тысячная конница Буденного, подкреплённая двумя пехотными дивизиями, почти не встречая сопротивления, проникла глубоко в наш тыл и к вечеру вышла, передовыми частями, на линию железной дороги в районе станции Сальково. Здесь был противником захвачен, случайно, один подвижной наш состав и некоторые тыловые учреждения, случайно здесь находившиеся, а разъезды противника даже проникли на Чонгарский полуостров. Красные, видимо, считали свое дело выигранным, и во вчерашнем радио за подписью Троцкого объявляется о полном окружении Русской Армии железным кольцом пяти красных армий и отдается приказание красной коннице преследовать остатки белогвардейских банд Врангеля, чтобы не дать им возможности сесть на французские корабли.

Между тем ночным переходом в ночь с 17-го на 18-е, заслонившись с севера конным Донским корпусом, удачно отбившим атаки второй конной армии, наша группа неожиданно подошла к расположившимся на ночлег в районе Салькова красным. При этом некоторые, наиболее отдаленные наши пехотные части сделали в ночь до 40 верст. На рассвете 18-го мы, неожиданно развернувшись на высоте станции Рыково, атако-

вали красных, прижав их к Сивашу. Одновременно, ударом с севера и северо-запада, конница Буденного была разбита, и мы захватили 17 орудий, более 100 пулеметов и целиком уничтожили латышскую бригаду.

В то же самое время Донской конный корпус на севере разбил части 2-й конной армии и 13-й, захватив полностью три полка в плен и еще 2 орудия. Разбитая конница Буденного, отброшенная на запад, отошла на подходящую свою пехоту и до полудня 19-го не рисковала нас атаковать. После полудня 1-го противник атаковал нас по всему фронту с запада 1-й и 6-й армиями, с севера 2-й конной и частями подошедшей 13-й. В это время хватил мороз, доходивший до 16 градусов.

Так как большинство станций в боях разбиты и цистерны замерзли, паровозы потухли, эвакуация наша стала. Между тем еще не все санитарные поезда и часть грузов наших были вывезены. Ввиду этого я приказал частям держаться во что бы то ни стало, до окончания эвакуации, несмотря на подавляющую численность противника и на то, что противник, соединившись с северной и западной группами, атаковал нас по всему фронту. Все попытки противника сбросить нас успехом не увенчались, и в течение всего дня 20-го эвакуация продолжалась, прикрываемая нашими частями. Лишь после того, когда последний поезд прошел через Сивашский мост, наши части отошли, после чего мосты были взорваны и войска стали занимать укрепленные позиции.

Из захваченных у плененных документов выясняется, что общая численность всех 3 армий, действовавших против нас, превышает сто тысяч штыков и шашек, из коих конных в 3-х группах более 25 тысяч. Из этих же документов устанавливается, что противник, особенно конница Буденного, понес в последних боях громадные потери, в частности в командном составе; ранено два начальника дивизий и два командира бригад; у нас, благодаря планомерному отходу и содействию тяжелой артиллерии наших броневых поездов, потери незначительны.

Таким образом, стратегический план красных, рассчитанный на овладение с налета укрепленной Крымской позицией, окружение и уничтожение наших армий, потерпел полную неудачу. Нанося врагу ряд тактических поражений, наша армия, сохранив свою живую силу и моральный дух, отошла на укрепленные позиции. Здесь, одевшись и поставив в свои ряды пополнения из запасных частей, приведя в порядок материальную часть и отдохнув после непрерывных пятимесячных боев, мы будем ждать желанного часа, чтобы нанести врагу последний удар.

По единогласному свидетельству всех участников последних боев, начиная со старших начальников и до рядовых бойцов, красные части дерутся плохо за исключением некоторых отборных частей, так, например, инструкторских школ. Все пленные единогласно показывают, что

внутреннее положение Совдепии отчаянное, всюду непрерывно вспыхивают восстания, экономическое положение ужасно, в то же время украинская армия и русские части, объединившиеся после борьбы на Польском фронте в 3-ю Русскую армию, продолжают продвигаться на восток. Противник, несомненно, в ближайшие дни попытается атаковать наши позиции; он встретит должный отпор. Все состоит в том, чтобы выиграть время.

Внутреннее разложение, необходимость оттянуть часть своих сил для борьбы с антибольшевистскими русскими силами, наступающими с запада, и для подавления очагов восстаний ослабить противника, находящегося против нас, и наша задача лишь в том, чтобы выдержать лишения, неизбежно связанные с пребыванием в осажденной крепости, и не упустить надлежащего момента для перехода от обороны в наступление.

Сейчас мы, после пятимесячной борьбы в Северной Таврии, вновь отошли в Крым. За это время сделано очень много; 5 красных армий оттянуто нами, и в поражении большевиков на Польском фронте мы участвовали в той же мере, как и польские войска. Запад, которому большевизм грозит в той же мере, как и нам, должен учесть ту роль, которую наша армия сыграла в победе Польши. Наша армия за эти пять месяцев увеличилась почти в три раза, пополнилась лошадьми, орудиями и пулеметами.

Значительное число запасов Северной Таврии использовано нами для обеспечения нашей базы — Крыма. Однако иллюзий себе делать нельзя. Нам временно предстоят тяжкие лишения, население должно делить эти лишения наравне с армией. Малодушью и ропоту нет места. Тем, кто не чувствует себя в силах делить с армией испытания, предоставляется свободный выезд из Крыма. Те, кто, укрываясь за спиной армии, не пожелают этим правом воспользоваться и будут мешать армии в выполнении ее долга, рассчитывать на снисхождение не должны — они будут беспощадно препровождаться через фронт наших войск.

Всех же честных сынов родины я призываю к дружной работе и ни одной минуты не сомневаюсь в конечном торжестве нашего дела».

Для выслушания этого сообщения представители всех крымских газет были приглашены в Большой дворец, как уже упоминалось, в 5 часов вечера 22 октября ст. стилия. Одновременно за подписями начальника штаба генерала Шатилова, генквармглава генерала Коновалова и начальника оперативного отделения Генштаба полковника Шкеленко было опубликовано официальное сообщение штаба Главнокомандующего. Эта историческая сводка была опубликована тоже 22 октября, то есть также всего за четыре дня до катастрофы.

В ночь же с 26-го на 27 октября разыгрались уже события, не находящиеся ни в каком соответствии с высказанным в вышеприведенных документах, под которыми подписались, приняв на себя всю тяжесть ответственности пред историей, высшие руководители армии. По немногим документам, относящимся к этому последнему молниеносному промежутку времени, картина рисуется следующим образом.

9 октября, то есть ровно через неделю по окончании Заднепровской операции, красные форсировали Днепр у деревни Нижний Рогачик и одновременно повели наступление с Каховского плацдарма. Измученные части 2-го корпуса генерала Витковского, не успевшие еще оправиться после Заднепровской операции, с большими потерями отступили на юг к Перекопским позициям. Не выдержали у Рогачика и обескровленные непрерывными в течение всего лета боями корниловцы. Несчастный живой тришкин кафтан, честно, из последних сил служивший до конца, окончательно лопнул. Фронт был прорван. Конные массы Буденного, не встречая почти никакого сопротивления, стремительно двинулись от Каховки на восток, имея целью перерезать железную дорогу на Крым и тем самым отрезать от перешейков 1-ю армию генерала Кутепова, все еще занимавшего район Акимовка—Мелитополь. К утру 1 октября 1-я армия была отрезана от Крыма. Связь со Ставкой прервалась.

Насколько это обстоятельство было действительно предусмотрено Главным командованием, могли бы выяснить оперативные документы, большая часть которых была, к сожалению, брошена у одной из пристаней в Севастополе. Но во всяком случае, заявление генерала Врангеля о том, что он решил «дать противнику стянуться возможно глубже от Днепра к Перешейкам, не считаясь с тем, что временно наши армии могли оказаться отрезанными от базы», должно дополнить одним, имеющим свою историческую ныне ценность, обстоятельством.

В тот момент, когда маневр Буденного определился со всей своей неумолимой очевидностью, ставкой были вытребованы на фронт все остатки резервов из Крыма до неоправившихся еще после Кубани юнкеров включительно. А когда авангарды Буденного появились на Чонгарском полуострове и пред Ставкой — был такой момент — встала леденящая возможность спастись одной без всей остальной армии — тогда, в эти незабываемые минуты, с оперативного телеграфа поезда Главнокомандующего в Джанкое понеслись телеграммы в Феодосию на имя генерала Фостикова.

Генералу Фостикову было поручено привести в боеспособный вид вывезенных с Кавказа восставших, «камышевых» и прочих кубанцев. В силу целого ряда обстоятельств (недостатка оружия, обмундирования

и т. д.) дело подвигалось крайне туго. Немедленно по получении приказаний генерал Фостиков известил Ставку, что он лишен возможности их выполнить, так как в его распоряжении нет сколько-нибудь значительных партий готовых людей. Из Ставки было приказано посылать. Не медля ни минуты, в каком угодно количестве, хотя бы группами по сто человек и чуть ли даже не десятками. Из Феодосии телеграфировали, что люди не одеты, не обуты, не вооружены. В ответ было сказано, что все будет дано в пути. Кубанцы выехали.

Только нерешительность красного командования и блестящий маневр 3-й Донской дивизии, вышедшей в тыл красным, спасли на несколько дней армию. Донцы вынудили противника оставить Геническ и Сальково, захватив трофеи и пленных (4 полка). Дорога на юг войскам генерала Кутепова была вновь открыта. Потрясенные, обессиленные части, измученные морозами, загнавшие лошадей, стихийно хлынули за перешейки.

В Ставке сделали в последний раз вид, что «никаких происшествий не случилось», и отдали директиву о переходе в наступление во фланг и в тыл красным частям, начинавшим атаки Перекопа. Директива, конечно, выполнена не была. Главные силы армии 21 октября все уже были на юг от перешейков. Официальное сообщение штаба полагает, что силы эти отошли «почти без потерь». Если признавать за потери только количество людей, выбывших из строя за смертью и по ранениям, то это заключение едва ли вызовет чьи-либо возражения, так как большая часть армии отступила из Северной Таврии, как только определился прорыв фронта. Но если принять при этом во внимание количество людей, потерявших веру в благополучный исход дела и дезертировавших из армии, если исключить весь небоеспособный по моральному своему состоянию элемент, то, пожалуй, трудно будет определить, существовала ли уже вообще тогда армия как таковая.

Да и что можно было требовать от людей, вынужденных держать винтовки голыми руками при 15—16 градусах мороза, кутавшихся вместо полушубков в мешки, набитые соломой, растерявших сплошь и рядом во время отступления свои хозяйственные части и последние жалкие крохи того, что имели.

А «патриотическая» печать даже в эти страдные дни гоголем продолжала гулять по Крыму и на всех перекрестках трубила о бодром духе в армии и о всяческом благополучии. Ни разу за все лето, ни разу даже в эти дни не раздавалось тех призывов к спасению армии и всего дела, какими были полны при аналогичных недавних обстоятельствах польские и советские газеты. В лучшем случае дело ограничивалось трафаретными просьбами редакций к сердобольным людям о пожертвовании теплых

вещей. Исключение составляло, пожалуй, симферопольское «Время» Бор. Суворина, отважившееся сообщать о довольно часто получавшихся в редакции целых коллекциях писем от раздетых, замерзающих офицеров и солдат. Как образцу того розового настроения, в котором пребывала в эти дни печать, позволю себе воспроизвести целиком следующий очерк, озаглавленный... «Накануне победы» и напечатанный... 21 октября. Жизнерадостный предсказатель «невиданных побед» не видал в Джанкое ничего, кроме «веселого генерала Врангеля», «бодрых веселых лиц штабных» и мечущегося «как лев» тоже бодрого и развеселого генерала Слащева. Насколько соответствовала вся эта ура-глупость действительности, читатель может убедиться, сверив это описание с вышеотмеченным фактом экстренного вызова ставкой последних резервов, в том числе и кубанцев генерала Фостикова.

Никогда, разумеется, Ставка не переживала более тяжелых дней, и с веселыми лицами могли ходить только некоторые корреспонденты, близкие по духу тому герою народной сказки, который танцевал в присядку во время похорон. А между тем при желании можно было заметить в эти дни в Джанкое и описать много поучительного, что могло бы еще, пожалуй (как знать), потрясти общество и даже вызвать взрыв того подъема, который в иных случаях рождается инстинктом самосохранения.

И если брать, например, день, которым датирована эта замечательная корреспонденция, то не стоило ли разве омрачить веселую «картинку Джанкоя» кошмарной сценой прихода в тот день санитарного поезда с... замерзшими трупами, остановившегося почти рядом с поездами ставки. Окоченевшие в лишенных печей санитарных «теплушках» тела раненых были наглядным олицетворением всех преимуществ и плодов, какие могла и должна была дать в конечном своем итоге страусовая премудрость. Среди свидетелей этого преступления был один из личных адъютантов генерала Врангеля, приглашенный к санитарному поезду. Таковы были потери в людях.

Не менее серьезны были они и в материальной части. Говорить серьезно об успешном исходе эвакуации совершенно не приходится. В Мелитополе до самого последнего дня запрещено было произносить слово «эвакуация», и в штабе генерала Кутепова, за несколько часов до ухода штаба, с презрением говорили о «тыловых паникерах». В результате по официальному секретному донесению, при оставлении Северной Таврии нами было оставлено: 5 бронепоездов, несколько бронеплощадок, 18 исправных орудий (в Мелитополе), много орудий тяжелых и легких в других местах, около 100 вагонов со снарядами, 10 миллионов патронов, 25 паровозов, составы с продовольствием и интендантским имуществом, более 2 000 000 пудов хлеба и пр. Все это было несомненно результатом

всего того же фатального патриотического оптимизма и упорного нежелания смотреть прямо в глаза действительности.

Паровозы для эвакуации Мелитополя мчались на север тогда, когда уже кавалерия Буденного подходила чуть ли не к самому полотну железной дороги. Бросались имущество и грузы, заблаговременная эвакуация которых диктовалась, казалось, всей логикой вещей. Брошенными миллионами пудов хлеба можно было бы прокормить население Крыма в течение всей зимней осады. Что внушило ведомству г-на Налбандова (торговли и промышленности) мысль держать его до последней минуты на территории явно угрожаемого района, так и осталось тайной.

Интересно отметить, что секретная сводка об упомянутых потерях, полученная 22 октября утром, не была сразу доложена генералу Врангелю. За обедом в этот день в Большом дворце Главнокомандующий сообщил присутствовавшим о «благополучном» завершении эвакуации Мелитополя (записываю со слов лица, присутствовавшего обычно на обеде). Все смущенно промолчали. Было совершенно непонятно, скрыта ли телеграмма от Главнокомандующего или наштаглав не успел доложить ее. Спустя три часа генерал Врангель сообщил то же и представителям печати.

При таких обстоятельствах совершился стоивший нам громадных жертв отход в Крым. «Стратегический план красных, — как выразился в своем заявлении генерал Врангель, — рассчитанный на овладение с налета укрепленной Крымской позицией, окружение и уничтожение наших армий», потерпел действительно «полную неудачу». Но едва ли кто-нибудь станет оспаривать теперь, что более чем рискованное решение главного командования относительно выполнения задуманного маневра на просторе Северной Таврии не дало совершенно ожидавшихся результатов и даже, быть может, было одной из главных причин свершившейся трагедии.

21 октября замерзающая, полураздетая, деморализованная армия, закончив отход, заняла первую линию Сиваш-Перекопских позиций. Большевики сейчас же начали предпринимать подготовительные работы для атаки перешейков. К Перекопу подвозились тяжелые орудия, произведена была необходимая перегруппировка. 1-я Конная армия Буденного, занявшая было Чонгарский полуостров, отошла на север, расположившись на линии Петровское—Отрада—Ново-Троицкое—Стокопани, а на ее место стали подводиться пешие части. Красное командование предприняло исследование дна Сивашей с целью форсирования их. Для этого, между прочим, к Сивашским озерам были подтянуты не то отколовшиеся, не то вошедшие в контакт с красными (осталось невыясненным) части «армии Махно».

В какой же, спрашивается теперь, степени надежны были укрепления, которые предстояло преодолеть противнику? О состоянии Сивашских позиций уже упоминалось при описании осмотра их иностранными военными агентами. Они были вполне удовлетворительны и трудно преодолимы вследствие исключительно выгодного рельефа местности (ажурная сетка из озер и дефиле). Что же представлял собой в боевом отношении Перекоп? Тот самый Перекоп, который был и неизбежно должен был стать ареной боев, имевших решить участь Крыма. Тот Перекоп, в укреплённости которого никто не сомневался и падение которого в промежуток трех дней поразило весь мир своей ошеломляющей неожиданностью.

Я думаю, что теперь настал час, когда об этой «укреплённости» можно и должно сказать всю правду. Должно хотя бы для того, чтобы положить предел тем нелепым и обидным толкам и представлениям, которые существуют на этот счет за границей. То, что явилось полной неожиданностью для русского и иностранного общества, едва ли было неожиданным для того ограниченного круга лиц, которому давно были известны боевые качества Перекопских позиций.

Еще 13 июля 1920 года начальник Перекоп-Сивашского укрепленного района генерал-лейтенант Макеев в совершенно секретном обширном рапорте за № 4937 на имя начальника штаба Главнокомандующего срочно докладывал: «Копия. (Выдержка) Начинжтехо обещал одновременно 21 тысячу бревен, 25 200 досок и ежемесячно по 6550 бревен, по 8400 досок, по 25 740 жердей и по 169 тысяч кольев. С мая до сего дня доставлено фактически 20 тысяч кольев, заготовленных еще строительством до начинжтехо, два вагона дров и 540 штук крокв для телеграфных столбов. В настоящее время работы по постройке Чонгарского моста, блиндажей, блокгаузов землянок стоят за недостатком лесных материалов». Этот рапорт, подводящий убийственный итог работам за целую, самую притом важную в отношении климатических возможностей, половину кампании, достаточно содержателен. Не менее содержательны были и последующие донесения генерала Макеева.

В результате: к моменту катастрофы укреплений, способных противостоять огню тяжелых, а в девяти из десяти случаев и легких батарей, не было. Вместо обшитых, подготовленных для осенней слякоти и зимней стужи, окопов были почти повсеместно традиционные российские канавы. Блиндажами (более чем сомнительного качества) блистал к началу осени (мне довелось быть на Перекопе в последний раз в сентябре месяце) чуть ли не один лишь Перекопский вал. Железная дорога от Юшуня, бесконечно необходимая для подвоза к Перекопу снарядов и снабжения, не была к осени закончена даже в четвертой своей части, хотя была

начата еще ранней весной и хотя надо было проложить всего 20 с лишком верст. Проложенные за это время несколько верст были непроездоспособны. Проселочные дороги на Перекопском перешейке при первых же осенних дождях покрывались непролазной грязью. Долговременных артиллерийских укреплений на перешейке не было вовсе. Существовавшие полевые были весьма примитивны. Установка большей части артиллерии была рассчитана на последнюю минуту, так как свободных тяжелых орудий в запасе в Крыму не было, за граница их не присылала.

Можно с достаточной достоверностью утверждать, что первое место среди средств обороны Перекопского перешейка принадлежало проволоке. При пересечении Перекопа с юга на север, от Юшуня до Перекопского вала, насчитывалось к началу осени всего 17 рядов проволочных заграждений. Электрический ток, фугасы, якобы заложенные между ними, и т. п. — все это было лишь плодом досужей фантазии. При мощностях артиллерии противника и крайне слабом развитии всех прочих средств обороны этого было далеко не достаточно. Большинство окопов не было обеспечено проволокой с тыла, то есть на случай обхода.

Еще в мае месяце до начала наступления, в момент весьма острого положения на Перекопе английское командование в Константинополе обратилось к нашим представителям с недоуменным вопросом, почему проволока, предназначенная для укрепления позиций, привезена из Севастополя обратно в Константинополь и там распродается. Назначенное по приказанию помощника Главнокомандующего генерала Шатилова расследование выяснило, что закупленная у союзников проволока находилась на пароходе Добровольного флота «Саратов», вышедшем из Одессы, простоявшем всю весну в Севастополе и получившем приказ идти, не выгружаясь, в Константинополь за срочным грузом. По приходе выяснилось, что все трюмы «Саратова» заполнены проволокой. Новый спешный груз грузить было некуда. И вот группа лиц при содействии нашего бывшего торгового агента в Константинополе профессора Пиленко была поставлена в необходимость, как докладывал впоследствии генерал Лукомский, продать означенную проволоку обратно иностранцам. Всем лицам, участвовавшим в этой неприятной операции, был объявлен в свое время выговор. Итак, в отношении проволоки дело оставляло желать тоже многого.

Каким же образом — спросит читатель — держался Перекоп всю предыдущую зиму, когда не было и этих укреплений? На этот вопрос можно было бы ответить вопросом: «А каким образом держались отряды Чернецова в самом начале Гражданской войны, каким образом держались те, кто вышел 9 февраля из Ростова, каким образом совершались ледяные походы и штурмы Ставрополя-Кавказского?..» Когда говорят,

что Ставрополь был взят генералом Шкуро, у меня пред глазами знакомые поля и холмы, сплошь усеянные телами тех близких мне, кто стоял лишь на пороге жизни, кто хотел, горячо хотел верить в своих вождей, учиться у них любви к родине, как учился еще вчера в стенах гимназии, в аудиториях университета. Правда, сейчас на окоченевших плечах этих погибших не студенческие наплечники, а погоны с большим или меньшим количеством звездочек или со скромными трехцветными жгутовыми кантами, но не погоны, а по-своему понятую любовь к родине носили они в душе своей. Любовь, может быть, и ошибочную, может быть, болезненную (как предвидеть суд истории), но любовь пламенную, искреннюю, чистую, которую они унесли с собой в могилу.

И кто спас Перекоп весной 1920 года, решить не так уж трудно, если вспомнить о бесчисленных могилах юношей-юнкеров, рассеянных по этому проклятому гиблому месту. Для большей полноты и ради исторической справедливости можно еще добавить: этими юнкерами командовал генерал-майор Слащев, подвергавший несколько раз в то время свою жизнь опасности. Такая постановка вопроса и ответа будет наиболее правильной, ибо в истории Гражданской войны она вполне уместна. К этому остается добавить еще одно: весной 1920 года большевики не могли сосредоточить против Перекопа и одной пятой, а то и десятой того количества артиллерии, которое они сосредоточили для прорыва одной Юшуньской линии (до 150 орудий).

Для того чтобы противостоять такому напору, надо было иметь свои крепостные артиллерийские укрепления, прочные обшитые окопы, а не «идеальный профиль»... канав, нужны были землянки, блиндажи, а не 450 штук каких-то, извините, кроков для телеграфных столбов, о которых сообщает генерал Макеев и которые удосужились доставить за пол-года.

Увы, у нас до того боялись «нытия» и «понижения настроений», что даже 31 октября в 3 часа дня ухитрились (газета «Курьер» в Севастополе) выходить с аншлагом: «Тревоги не должно быть места!» Под аккомпанемент этого бодрого тылового хора победных фанфар и литавров пробил полный безысходного трагизма 12-й час. В ночь с 26-го на 27 октября перекопские «твердыни» зашатались и спустя всего три дня рухнули окончательно.

События разыгрались с трагической быстротой, явив собою логическое и окончательное завершение страусовой политики. «Совершенно деморализованные» красные части перешли дважды вброд при двухградусном морозе Сиваши и появились на Чувашском полуострове, угрожая флангу и тылу расположенных на Перекопе частей. По произведенной накануне генералом Кутеповым перегруппировке защита Чувашского полуострова была возложена на кубанцев генерала Фостикова (вместо

34-й дивизии, стоявшей там раньше). На тех самых кубанцев, которых Ставка спешно потребовала из Феодосии, не считаясь ни с какими доносениями о полной их небоеспособности. Это была раздетая, голодная, измученная скитанием по горам Черноморья масса в несколько тысяч человек, едва-едва дисциплинированных. Отсутствие теплой одежды отозвалось самым печальным образом на их моральном состоянии.

В то время когда на Севастопольском рейде появился, наконец, транспорт «Рион», доставивший из-за границы обмундирование, армия уже, увы, замерзала. Офицеры и солдаты спасались только у костров и набивали соломой кули, чтобы хоть как-нибудь укрыться от холода. Опоздание обмундирования, за которое, если не ошибаюсь, было уплачено золотом еще покойным адм. Колчаком, имело фатальное значение, что было подчеркнуто и в одном из последних официальных сообщений Ставки.

Кубанцы не выдержали и бросили оружие. Лавина противника ринулась по двумя направлениям: на Армянск, то есть в глубокий тыл, и перейдя еще раз вброд Сиваш, по направлению главной оборонительной линии — в тыл защищавшей ее Дроздовской дивизии. Здесь произошел предпоследний небывало ожесточенный и кровопролитный бой. Дроздовцы и корниловцы, окруженные с севера и юга, вынуждены были пробивать себе дорогу в тыл по направлению к Юшуню. Настали последние дни страшной и тяжелой агонии.

Последние дни Большого дворца

27 октября. С девяти часов утра идет обычная для Большого дворца работа. Приходят, уходят посетители. Трещат телефоны. Являются с докладами к Главнокомандующему и начальнику штаба. После обеда генерал Врангель в сопровождении начальника штаба должен выехать на фронт. Делаются необходимые приготовления к отъезду, переносятся в автомобиль и отправляются на вокзал новенькие, еще не освященные знамена для вручения частям Корниловской, Марковской и Дроздовской дивизий. В 3 часа дня Главнокомандующий уезжает, начальник же штаба остается в Севастополе.

28 октября. Ночью Главнокомандующий возвратился. Он доехал только до Джанкоя и там имел продолжительное совещание с генералом Кутеповым, совещание, на котором была решена судьба Крыма. Знамен раздать не успел. Непривычно рано — в начале десятого часа, приходит адмирал Мак-Келли (глава американской миссии). После его ухода докладывают о приезде графа де Мартеля (представитель Франции на Юге России). Во дворце вызывается командующий флотом, и больше часа в

кабинете Главкома идет совещание. Затем почти до самого обеда продолжается прием иностранных представителей.

Настроение у всех подавленное, чувствуется растерянность. Никто не сомневается в полном крахе, всех интересует одно — как пройдет эвакуация. В порту судов на 30 000 тонн. Усиленно говорят о том, что де Мартель обещал вызвать из Константинополя транспорты и военные суда для защиты, в случае надобности, подступов к Севастополю. Пока что все находящиеся в порту коммерческие суда, независимо от национальности, реквизированы; уже начинают грузить лазареты на транспорт «Ялта» и некоторые центральные учреждения на «Рион». В городе чувствуется большая нервность, встречаются телеги с вещами, автомобили с больными и ранеными. Цены лихорадочно растут, фунт стерлингов дошел до 600 тысяч.

По последним известиям с фронта, войска занимают укрепления на линии село Казак—Соленые Озера. Напор большевиков продолжается с невероятной силой. За ночь они подвезли тяжелую артиллерию и при ее поддержке предпринимают одну атаку за другой. В Севастополе боятся главным образом выступления местных коммунистов и беспорядков в порту. По приказанию начальника штаба из чинов управления генералквартирмейстера и дежурного генерала составлены отдельные команды. Все вооружены, кроме винтовок, еще и ручными гранатами, чтобы иметь возможность, в случае нападения, отстоять штаб собственными силами. Часть конвоя Главкомандующего еще днем переведена во дворец, в 8 часов вечера по приказанию коменданта главной квартиры туда же прибывает взвод офицерской роты и размещается в обоих этажах здания.

Во дворце работа кипит. Никто не думает об отдыхе. По телефонам ежеминутно отдаются распоряжения. В 9 часов в помещении Главкомандующего начинается заседание членов правительства, посвященное вопросам текущего момента. На заседании присутствуют по особому приглашению митрополит Антоний и епископ Вениамин. Генерал Врангель почти не выходит из своего кабинета. В два с половиной часа ночи во дворец вызывается генерал Слащев, и Главкомандующий предлагает ему выехать на фронт. Об этом, видимо желая успокоить общество, сейчас же дают знать во все газеты.

29 октября. Вчера сданы позиции у Соленых Озер. Войска отошли к станции Юшунь на третью и последнюю линию укреплений. Такой быстрой сдачи «укреплений» у Соленых Озер, кажется, мало кто ожидал. Всюду деятельно готовятся к эвакуации. В штабе — в полутемных и узких коридорах гостиницы «Бристоль» — суета. Спешно строятся и вооружаются чиновники и писари штаба. Во всех отделениях идет упаковка бумаг, карт, увязываются сундуки. Берется только самое необхо-

димое, все остальное беспощадно сжигается. Жгут, конечно, не разбирая, и наряду с ненужными бумагами бросаются в огонь и весьма ценные, с исторической точки зрения, документы. Менее нервно идут приготовления к отъезду в Большом дворце.

По соглашению с командующим флотом — назначены суда для эвакуации; все наличные пароходы распределены примерно так: 1-му армейскому корпусу будут предоставлены крупные транспорты Добровольного флота «Херсон» и «Саратов», транспорт «Сиам», «Седжет», «Рион», «Кронштадт», «Якут» и «Алмаз» предназначены для центральных военных и морских учреждений и семей офицеров гарнизонов Севастополя и Симферополя. Гражданскому населению будут предоставлены оставшиеся от погрузки войска корабли. Согласно разработанному ранее плану, корпус генерала Кутепова будет отходить на Севастополь, регулярная конница генерала Барбовича — на Ялту, кубанцы — в Феодосию и донцы — в Керчь.

С раннего утра и штаб, и Большой дворец осаждаются желающими узнать о положении вещей. Обыватель, наученный не сладким опытом пережитых эвакуаций, старается выяснить размеры надвигающейся опасности и заранее запастись пропуском на пароход. Наплыв посетителей заставляет вывесить на дверях Большого дворца объявление, гласившее, что по всем вопросам относительно отъезда надлежит обращаться к командующему войсками армейского тылового района генералу Скалону. Официального приказа об эвакуации еще не было опубликовано, но эта краткая записка сообщала всем, что мы оставляем Крым.

В два часа дня прибывает из Константинополя крейсер «Waldeck-Rousseau» и французский миноносец. На пристани выстроен почетный караул. Транспортов нет, по-видимому, и не придут. Во дворце все готовится к отъезду. Часть семьи генерала Шатилова уехала еще утром 28-го. Сегодня ночью должны погрузиться некоторые чины личного штаба генерала Врангеля, присутствие которых в данный момент не является необходимым. Укладка вещей идет полным ходом. В два и в шесть часов дня во дворце состоялись заседания, на которых присутствовали все члены правительства.

30 октября. Красные, сосредоточив небывалое количество артиллерии (свыше 20 легких и 15 тяжелых орудий), овладели Юшуньскими позициями. Войска стремительно отступают на Джанкой.

Город нельзя узнать. Главные улицы буквально запружены народом, по Нахимовскому и Екатерининской тянутся подводы, груженные скарбом, вещами, в сопровождении вооруженных военных. Приказ об эвакуации явился для всех громом среди ясного неба. Все идут с озабоченными лицами, все торопятся к пристаням на погрузку. На Нахимовском поперек

тротуара лежит окровавленный труп, около него толпа. «Кто убит? За что?» Никто не знает... Магазины торгуют бойко, распродают последний товар по баснословным ценам. Некоторые магазины уже закрыты. У булочных стоят громадные очереди, ожидая выпечки. Возле меняльных лавочек и банкирских контор оживленно переговаривающиеся группы «дельцов». Валюты нигде нет. За нее готовы отдать все. Правда, знаки Главного командования еще принимаются, но рубль потерял всякую покупную способность. За фунт стерлингов предлагают свыше миллиона. Около пристаней толпы народу, груды вещей. Грузится гражданское население, грузятся военные учреждения. Автомобили подъезжают и отъезжают, уступая место следующим. Толкотня, суета невообразимая.

Штаб Главнокомандующего погрузился почти целиком. В гостинице «Бристоль» остались только некоторые высшие чины штаба, поддерживающие еще связь с погибающим фронтом. В пустых номерах навалены груды бумаг, карт, патроны, лежат винтовки. Где-то звонит телефон. Бегают сбившиеся с ног ординарцы, исполняя поручения. В нижнем этаже в аппаратной осталось несколько телеграфистов и дежурный офицер. Трещат Юз и Морзе, принося известия с фронта. Линия проходит уже южнее станции Юшунь. В предупреждении внезапного налета зеленых отдано приказание генералу Скалону и коменданту Севастопольской крепости генералу Стогову озаботиться защитой Севастополя с северной стороны. Боятся, что зеленые могут перерезать линию железной дороги, где-либо между Бахчисараем и Севастополем.

У Большого дворца стоят автомобили и подводы. Г-н Кривошеин, чины его канцелярии и г-н Чебышев погрузились сегодня ночью, погрузились и некоторые лица из личного штаба Главнокомандующего. Во дворце не видно обычной для последних дней суеты. В вестибюле пусто. Одинокое стоят конвойцы с обнаженными шашками. В углу стоят два-три посетителя. В верхнем этаже у камина сидит ординарец и жжет бумаги, дела, карты, телеграммы. Проходит Главнокомандующий. Усталый, измученный вид. «Сидите, сидите, — обращается он к ординарцу, — что, холодно стало, так камин затопили?..»

Он постоянно проходит к командующему флотом справляться относительно вопросов эвакуации. Эвакуация проходит в общем спокойно. Благодаря распорядительности и присутствию воинских команд, несущих караулы, в корне пресекается возможность проявления разных бесчинств. Правда, рассказывают, на одной из пристаней какой-то офицер пытался стрелять и ссаживать уже погрузившихся, но он был расстрелян, и Главнокомандующий заявил представителям города на их просьбу о поддержании порядка: «Я прикажу расстрелять еще сотню, но наведу порядок...»

Предназначенный для раненых транспорт «Ялта» нагружен, но раненых и больных остается еще порядочное количество. Санитарный инспектор совещался по этому поводу с Главкомандующим и генералом Шатиловым.

— Англичане обещали взять пятьдесят раненых, — докладывает Главкому генерал Шатилов, — но ведь это капля в море; всех все равно нельзя взять и вывезти...

— Раненые должны быть вывезены, и они будут вывезены, — нетерпеливо перебивает Главкомандующий.

— Что они должны быть вывезены, я согласен, но невозможного нельзя сделать.

— А я тебе говорю, что пока не будут вывезены раненые, я не уеду.

Около 4 часов приходит из города адъютант генерала Врангеля и сообщает, что только что умер генерал Май-Маевский. Все поражены. Часа за полтора до этого Май-Маевский был во дворце и просил у начальника штаба автомобиль для перевозки вещей на пароход. Машина ему сейчас же была дана, и он, захав домой за вещами, отправился на пристань, но, проезжая по Екатерининской улице, умер в автомобиле от разрыва сердца.

Вечером, часов в 5, генерал Врангель приказал позвать пять человек казаков из конвоя. Робко вошли они в кабинет и столпились у двери, тихо ответив на приветствие Главкомандующего. Он указал им на большую рельефную карту, занимавшую всю стену и изображавшую Перекоп-Сивашские позиции: «Вот, молодцы, мне когда-то подарили эту карту, взять ее с собой я не могу и не хочу, чтобы она досталась этой сволочи, разрубите и сожгите ее». Карту с надписью: «Нашему вождю от защитников Крыма 1920 года» вынесли из кабинета, и до самых сумерек по опустевшим комнатам дворца гулко отдавались удары шашек.

Вечером прибыл во дворец де Мартель и французские морские офицеры. В приемной находилось несколько чинов личного штаба Главкомандующего, ожидавших конца совещания. Спустя некоторое время генерал Врангель вышел и с облегчением обратился к присутствующим: «Вопрос улажен. Армию, семьи и беженцев принимают. Чтобы показать, что мы находимся под покровительством французов, я поеду на французском миноносце. Подходя к Константинополю, миноносец поднимет мой флаг, наши суда, кроме андреевского, поднимут еще и французский. Нужно будет перенести вещи с «Корнилова» на миноносец». (Когда было отменено это распоряжение и почему генерал Врангель поехал все же на «Корнилове», не известно.)

Несмотря на благоприятное решение вопроса о беженцах и армии, до сих пор никому не известно о нашей дальнейшей судьбе. Среди обы-

вателей, офицеров и даже среди чинов штаба полная неуверенность в своем будущем, ходят всевозможные слухи, строятся самые невероятные, фантастические предположения. Одни говорят об отходе к Акманайским позициям и удержании за собой Керченского полуострова, с целью перенесения потом операций на Тамань и Кубань, другие говорят о приезде в Константинополь, сидении на островах и о переброске армии на западный фронт к Балаховичу и Перемыкину, третьи говорят о десанте на Одессу, и наконец четвертые фантазируют о... переезде армии к атаману Семенову. Но ни эта полная неизвестность, ни лишения впереди, немногих, кажется, удержат от отъезда из Крыма. Лучше полная неизвестность и какие угодно неприятности «там», чем господство большевиков «здесь».

Вечером начинают собирать последние вещи и готовиться к переходу из Большого дворца. В кабинете главкома забирают бумаги, складывают карту с помеченной линией фронта к 2 часам дня. Входит Главком. Лицо похудело, выражает невероятную усталость. Медленно направляется к окну и долго смотрит на огоньки судов. Через комнату пролетает его заглушенный шепот: «Ох как тяжело». Затем так же медленно идет обратно к двери и долго ходит по опустевшей зале и приемной.

Как-то холодно и неуютно сделалось сразу во дворце. Тихо шелестит бумага, толстые ковры скрадывают звук шагов. Все говорят шепотом, точно вблизи покойник. В 9 часов Главнокомандующий и начальник штаба переходят в гостиницу «Кист», где уже находится генерал Скалон со своим штабом. До сегодняшнего утра гостиница занималась иностранными миссиями, и около комнат, занимаемых штабом генерала Скалона, группа (только что прибывших из Симферополя) военных читает и оживленно комментирует вышедший сегодня утром приказ Главнокомандующего об эвакуации.

Внезапно половина неба покрывается ярким заревом. Издалека, со стороны вокзала, доносятся звуки отдельных выстрелов. То загорелся склад американского Красного Креста, и городская чернь пытается громить его. Затакал пулемет, разрастается зарево, где-то вдали стелется едкий черный дым. Прибывает из Симферополя Офицерская Кавалерийская школа и размещается на площади перед «Кистом». Они были вызваны по тревоге, все предполагали, что в Севастополе не эвакуация, а лишь местное восстание, и выехали налегке, не взяв с собой даже ничего из вещей.

Около 11 часов распространяется слух, что в районе вокзала вспыхнули беспорядки. Еще днем было отдано распоряжение сосредоточить все свободные машины около штаба, дабы в нужный момент в случае восстания, иметь возможность сразу ликвидировать его. Почему-то

машин на площади нет и приходится звонить по телефону в гараж. Звонят — отвечают, что через 20 минут автомобили будут. Проходит полчаса, час, никаких результатов. Выясняется, что нет бензина, нет шоферов. Наконец автомобили прибывают. Грузятся юнкера и едут в район вокзала. Все с нетерпением ожидают известий. Часа через полтора юнкера благополучно возвращаются, выяснив, что на вокзале все спокойно. В 2 часа ночи Главнокомандующий просыпается и приказывает узнать о положении на фронте. С телеграфа, пока все еще находящегося в «Бристоле», сообщают, что линия фронта проходит южнее Джанкоя. Штаб 1-го корпуса по-прежнему стоит в Симферополе. Остаток ночи протекает спокойно.

31 октября. Утром прибыло из Симферополя Атаманское училище и расположилось на площади перед гостиницей «Кист». Вышел Главнокомандующий и, обратившись к юнкерам с краткой речью, поблагодарил их за службу и обещал продолжение борьбы на другом фронте. Возвращаясь после смотра в гостиницу, он проходит мимо групп офицеров, только что прибывших с фронта. Из среды их выделяется один и сильно взволнованным голосом просит разрешения переговорить с Главнокомандующим.

— В чем дело?

— Ваше высокопревосходительство, я старый офицер, несколько раз ранен, не бросайте меня...

— Чего вы волнуетесь, ведь вы видите, я еще здесь. Вы офицер? Стыдитесь!

В 10 часов утра Главнокомандующий идет в «Бристоль» к генералквартирмейстеру. Через некоторое время возвращается. Фронт проходит около Сарабуза. Отступление идет почти без соприкосновения с противником.

На улицах гораздо спокойнее. Почти все учреждения уже погружены. Эвакуация протекает значительно нормальнее, чем это предполагали. Некоторые пароходы уже вышли на рейд. В 1 час дня на буксире выводят дреднот «Генерал Алексеев». Магазины все закрыты, действуют только кафе. Деньги главного командования совершенно обесценены. Фунт стерлингов котируется около двух миллионов, хлеб стоит 10—15 тысяч фунт. Ординарец Донского атамана за кусок колбасы в пять фунтов заплатил полмиллиона. Все, что где-либо появляется на лотках или в киосках, расхватывается моментально. К обеду на английском миноносце прибывает из Константинополя баронесса Врангель. Главнокомандующий отдает категорическое приказание не пускать ее на берег.

Постепенно у всех начинает появляться уверенность, что эвакуация пройдет благополучно. Части местного гарнизона уже все погружены,

лазареты также, охрана штаба и города фактически осуществляется юнкерами Донского и Симферопольского училищ. Кто-то сообщает, что у понтонного моста через Южную бухту находится девять раненых, их забыли погрузить. Генерал Шатилов тотчас же отдает приказание, и раненые принимаются на борт одного из кораблей.

Вечером из Симферополя прибывает со своим штабом генерал Кутепов и долго совещается с Главнокомандующим и начальником штаба, а затем направляется на крейсер «Корнилов» для совещания с командующим флотом. Вечером в «Кист» переходят и остальные чины штаба — генерал-квартирмейстер, генерал Коновалов, начальник оперативного отделения, начальник связи, несколько ординарцев. Отдается директива на следующий день, 1 ноября. Войска должны занять примерно линию укреплений 1855 года. Генералу Скалону приказано защищать Северную сторону от моря до линии железной дороги. Генералу Кутепову — от железной дороги до вокзала и дальше к морю. Командующему флотом приказано закончить всю погрузку к 12 часам дня, посадить все заставы и к 1 часу вывести суда на рейд. Заставы генерала Кутепова будут грузиться у пристаней в Южной бухте, остальные вместе с войсками в Килен-бухте. Это место внушает наиболее серьезные опасения, так как там должен быть погружен весь 1-й корпус.

К вечеру снова начинают опасаться волнений и беспорядков, но ночь проходит вполне спокойно. Рейд сильно опустел. В Южной бухте виднеется серый массив «Генерала Корнилова» и парохода «Херсонес», который должен забрать последние заставы тех, кто обслуживает до последней минуты штаб. За понтонным мостом, в глубине бухты, сквозь дымку утреннего тумана вырисовываются силуэты «Иоанна Златоуста», «Трех Святителей» и других старых служак, которые не могут выйти в море даже на буксире. На рейде вырисовывается шеститрубный «Walddeck-Rousseau» — герой Новороссийска, несколько иностранных миноносцев и большие транспорты, предназначенные для погрузки главной массы войск.

В 10 часов утра в «Кист» прибывают 10 офицеров Корниловских, Марковских и Дроздовских полков и проходят к номеру, занимаемому Главнокомандующим, для принятия знамен, которые не смогли им быть вручены при последней поездке на фронт. Просто проходит церемония. Офицеры скромно, как бы чувствуя неловкость, становятся в коридоре. Звонко отбивая ногу, приносят конвойные казаки знамена, и Главнокомандующий вручает их. Почти три года существовали полки — дети революции или, вернее, «контрреволюции», три года сражались, и сражались героически, и какая насмешка судьбы! Получили знамена лишь в тот день, когда покидали последний клочок русской земли, прекра-

щали борьбу, а может быть и свое существование. Впрочем, кто знает, это могло быть насмешкой и не судьбы...

Собираются последние вещи, постепенно переносятся на Графскую пристань и на катер для отправки на «Генерала Корнилова». По лестнице Графской пристани спускается в сопровождении командующего флотом генерал Врангель, садится на катер и едет в Килен-бухту. Часа через полтора возвращается и с чувством глубокого удовлетворения сообщает: «Войска погружены. Сейчас грузятся заставы». Пустеет площадь, пусто и на пристани. Несколько беженцев садятся на французский катер и едут на «Waldeck-Rousseau».

Главкомандующий обходит грузящиеся заставы. Здоровается. Слышно «Ура!». Где-то раздается стрельба. Это, вероятно, громят последние склады, несмотря на приказ о том, что все имущество является народным достоянием и передано под охрану рабочих. А может быть, ссаживают с пароходов население, чтобы дать возможность погрузиться последним заставам. Вот от здания «Киста» отделяется небольшая группа. Проходит к пристани и грузится на «Херсонес». Это последние телеграфисты, державшие связь, и дежурные офицеры. Последняя связь с фронтом была прервана Симферопольским телеграфным узлом, сообщившим в ставку, что чины узла занимают нейтральную позицию и не будут более обслуживать ни одну из воюющих сторон. После этого дежурные телеграфисты Ставки и Симферополя обменялись взаимно только несколькими частными вопросами и распрощались. Подходят последние ординарцы во главе с ротмистром Е. Последние чины армии, оставшиеся на берегу до последней минуты. На пароходе не хватает места. В воду сбрасывают ящики со снарядами, мешки с солью.

Вот на белых ступенях Графской пристани появляется высокая фигура Главкомандующего в серой офицерской шинели и фуражке Корниловского полка. За ним идут начальник штаба, генерал Коновалов, генерал Скалон, начальник связи, генерального штаба полковник П., адъютант, несколько лейб-казаков. Все садятся на катер, казаки становятся по бортам. В 2 часа 40 минут дня катер отваливает от пристани. Медленно обогнув с носа крейсер «Корнилов», он приближается к правому борту. У Андреевского флага видна высокая фигура в серой шинели. Команда выстроена у борта. Главкомандующий поднимается по трапу. Оркестр играет встречу. Рапорт. Генерал Врангель произносит речь, указывает на то, что Русская Армия принуждена оставить родную землю, и выражает надежду на продолжение борьбы.

Вспоминается солнечное утро 25 марта. Первый парад в Крыму. Вспоминается другая речь, другое настроение. При взгляде на эту высокую фигуру, на осунувшееся, похудевшее лицо, в памяти воскресает

вдруг образ старого, железного рыцаря средневековой легенды. Главкомандующий проходит в отведенное ему помещение. Все устраиваются с радостным чувством, что отделались, что эвакуация Севастополя прошла благополучно.

На крейсере «Генерал Корнилов» (К. Тимофеевского)

В самом начале эвакуации при распределении кораблей между различными лицами и учреждениями, «Генерал Корнилов» был предназначен специально для Главкомандующего, его личного штаба, командующего флотом со своим штабом и для некоторых лиц из центральных управлений, как то: генерал-квартирмейстера, высших чинов оперативного отделения, генерала Скалона и для некоторых других. Во время самой эвакуации, когда выяснилось громадное число желающих выехать из Крыма, как служащих центральных учреждений, так и частной публики, а также семей военных, пришлось сделать исключение и на «Генерале Корнилове» разместить лиц, не попавших на другие корабли. Главным образом это исключение было сделано для семей морских офицеров, но потом уже в последние дни разбирать не приходилось, принимали много посторонней публики, в результате чего «Корнилов» оказался перегруженным, как и все другие корабли.

Все палубы, трюмы, кубрики, все было переполнено беженцами, вещами. Команда ютилась вперемежку с частной публикой. Около кухни в каком-то закоулке были скучены даже свиньи — собственность команды. Публика самая разнообразная. Стоят матросы и оживленно беседуют с кем-то; оказывается, происходит товарообмен, меняют на предметы питания, боясь голодовки. Вот рядом группа казаков из конвоя. Яркие красные бескозырки резко выделяются среди общего серого тона. Проходит судовой священник, какие-то офицеры, у всех озабоченный вид: как бы лучше устроиться, разместиться, но все же видна радость на всех лицах, радость избавления от опасности, может быть, от смерти.

Мимо «Корнилова» проходят последние суда — «Херсонес», яхта «Лукулл». Трубы крейсера дымятся черным, густым дымом. Все ждут с нетерпением отхода. Единственное место, не столь загруженное, это адмиральское помещение на корме, отведенное для Главкомандующего. Кают-компанию с прилегающей к ней небольшой каютой занимает Главкомандующий. Собственно, в кают-компании ютятся все, и адъютанты, и генерал Скалон, и все чины личного штаба. У дверей стоят парные часовые. Рядом в маленькой каюте устроились генерал-квартирмейстер генерал Коновалов, начальник связи, начальник оперативного отделения, еще несколько офицеров, и временно устраивается тут же

Донской атаман генерал Богаевский. В каюте с трудом можно повернуться. Несколько дальше по коридору помещается начальник штаба командующего флотом. В конце коридора каюта самого командующего. Сквозь полуоткрытую дверь виднеется в углу портрет генерала Корнилова. Командующий флотом постоянно проходит к Главкому.

В 3 часа 10 минут дня «Корнилов» поднимает якорь и медленно и плавно выходит из Южной бухты под флагом Главкомандующего. В глубине большой бухты видны «Waldeck-Rousseau», какие-то транспорты с войсками, миноносцы. «Корнилов» поворачивает, идет вдоль Приморского бульвара, выходит на внешний рейд и становится на якорь. Рядом видны американские, французские и английские миноносцы; проходят с войсками какие-то баржи, проплывает громадный американский транспорт «Faraby». Проходит транспорт с ранеными.

— Санитарный инспектор у вас? — кричит генерал Шатилов.

— Нет.

— Где же он?

— Не знаем. Он нас погрузил и остался на берегу.

Генерал Шатилов сильно волнуется. Докладывает о происшедшем Главкомандующему. Из его каюты слышны громовые раскаты:

— Это подлость! Безобразие! Позорище! Оставили человека. Черт знает что такое! А. и П., — обращается он к генералу для поручений и адъютанту, — отправляйтесь немедленно в город и разыщите его!

Забирают 5 казаков и едут в оставленный уже город. Через полтора часа возвращаются.

— Не нашли... Были у Понтонного моста, ждали там, ходили, но никаких результатов...

В городе спокойно, много гуляющих. На пристанях много гражданской публики. Просят взять с собой. Военных нет. Главкомандующий не перестает возмущаться и приказывает еще раз ехать на берег и одновременно запросить по радио иностранные корабли. Через полчаса в сопровождении двух англичан появляется смущенный санитарный инспектор. Главком успокаивается. Инцидент исчерпан.

Мимо крейсера проходит какая-то баржа. Главкомандующий здоровается. Бодро отвечают, слышно «Ура!». Приходит флаг-офицер и докладывает командующему флотом, что где-то находится еще около 200 донцов. Это последние оставшиеся войска. Главкомандующий обращается к адмиралу Кедрову:

— Ну, адмирал, забирайте этих 200 «отцов», и тогда марш в Ялту... Просите американца идти с нами.

Ночью должны сняться и идти. В каюте у генерал-квартирмейстера уже кипит работа. Зашифровывают радиogramму, стучит пишущая ма-

шина, приносят какие-то бумаги. Постоянно входят адъютанты Главнокомандующего и начальника штаба, и то и дело слышится: «Главком приказал», «Начальник штаба просит это переписать», «Вас вызывает Главнокомандующий» и т. п.

Сейчас же спешно переписывается и переводится письмо Главнокомандующего к графу де Мартелю, верховному комиссару Французской Республики на Юге России. Бумага эта была ответом на письмо де Мартеля от 1/14 ноября, в котором он предлагает пока, как единственно возможное, русским офицерам, преимущественно специалистам, перейти на французскую службу, для чего придется принять и... французское подданство, и просит также составить списки беженцев с распределением их по роду занятий, возрасту и пр. Письмо подписано. Ждут катера с «Waldeck-Rousseau», чтобы передать его по назначению. Но тут происходит заминка с номером. Дело в том, что все исходящие и входящие журналы, все делопроизводство брошено или сожжено в Севастополе. Какой ставить номер на эту историческую бумагу? № 1-й неудобно, а какой следует, неизвестно. Недоразумение разрешает генерал К.:

— Чего там долго думать. А.М., — обращается он к офицеру Генерального штаба, — вы какой одеколон употребляете?

Полковник не сразу догадывается и несколько удивленно отвечает: — № 4711.

— Ну и великолепно. Отлично! Ставьте этот номер и отправляйте бумагу, черт ее дери...

Недоразумение улаживается, к всеобщему удовольствию. Оживленный смех покрывает слова генерала. Вечереет. На небе прорезь молодого месяца. Весь рейд горит огнями. Ярко осветились иностранные военные корабли, сигнальными огнями горят транспорты. В гладкой поверхности воды отражаются огненные змейки. «Государство на воде». Единственный, пожалуй, случай в истории. Некоторые суда отходят в Константинополь, многие уже ушли. Постепенно опускается ночь. Тишина продолжается по-прежнему. Ни выстрела.

Ночью «Корнилов» снимается с якоря и идет в Ялту. Утром при легком ветре крейсер проходит вдоль южного побережья. На море легкая, чуть заметная зыбь. Масса чаек кружится с криками над крейсером. Точно фарфоровые, грациозно и плавно летят они и опускаются за рыбешкой. Видны отчетливо здания, дачи. Ярко белеет на солнце Ливадийский дворец.

В 9¹/₂ часов «Корнилов» входит на внешний рейд и становится на якорь. Тут же стоит французский крейсер, миноносцы. К молу пришвартованы корабли. Это «Крым» и «Русь» грузят последние части конницы генерала Барбовича. В городе видно большое оживление. На молу, на

набережной масса публики. Проезжают экипажи, всадники. На «Корнилове» прибывает командир «Waldeck'a Rousseau» и сообщает генералу Врангелю о ходе эвакуации в Ялте. В 10 часов 45 минут Главкомандующий с адъютантом на шлюпке съезжает на берег. Дружно взмахивают весла. Резко выделяется на корме фигура Главкомандующего. Через несколько минут Андреевский флаг скрывается за молом. Оттуда доносится «Ура!».

Через полчаса шлюпка возвращается. Погрузка прошла отлично. Все части погружены. Мимо «Корнилова» проходят транспорты, облепленные людьми как мухами.

В 2 часа снимаются и идут, держа курс на юг, в открытое море. На горизонте какая-то точка и струйка дыма. Это уходит из Феодосии «Дон» с конными кубанцами. «Корнилов» к 4 часам нагоняет его и опять Главкомандующий на шлюпке отплывает. Через несколько минут с «Дона» доносится «Ура!», и в $5\frac{1}{2}$ часов, повернув к берегу, крейсер идет по направлению к Феодосии. Со слов пассажиров «Дона» рассказывают, что и в Феодосии эвакуация прошла хорошо. Погружены все конные кубанские части. Пешие пошли в Керчь, так как не хватило тоннажа. В Феодосии было восстание местных коммунистов, правда, тотчас же подавленное. Между Феодосией и Керчью большевики проявляют некоторую активность.

Около 8 часов вдали виднеется Судакский маяк. Слегка покачиваясь, «Корнилов» держит курс на Феодосию. Погода по-прежнему благоприятствует, хотя несколько туманно. Около 9 часов утра крейсер становится на якорь в Феодосийском заливе, довольно далеко от берега, так что с трудом на западной стороне залива виднеются очертания Феодосии. В $10\frac{1}{2}$ часов рожок играет боевую тревогу. Оказывается, на берегу различают какие-то группы людей. Их принимают за красных. Всю публику сгоняют вниз. Вращаются орудия, к ним подкатываются беседки со снарядами. Все на местах. На мостике, на палубе — всюду целый ряд биноклей устремлен на берег. Высказываются различные предположения, может быть, это не красные, а свои. Пока не стреляют. Около 11 часов прибывает командир французской канонерки, о чем-то совещается с Главкомандующим. Наконец решено не стрелять. Играют отбой. Снимаемся с якоря и медленно двигаемся на восток по направлению к Керчи.

Около 2 часов «Waldeck-Rousseau», который ранее прибыл сюда, уходит в Константинополь. На его мачте взвивается флаг Главкомандующего, и доносится салют в 21 выстрел. «Корнилов» отвечает тем же и поднимает французский флаг. «Корнилов» до вечера остается на месте. Ждут «Гайдамака», ушедшего в Керчь. У всех настроение улучшилось.

Всех подбадривает отличный ход эвакуации. Перехватывается радио красных из Феодосии. Какой-то комиссар зовет о том, что нет местных работников, нет сил для насаждения и проведения коммунизма.

В Константинополь Кривошеину отправляется радио «для широкого распространения». Сообщается о том, что армия ушла из Крыма, эвакуация проходит блестяще. Вывезено около 130 000 человек и свыше 100 судов русского флота. В 5 часов 20 минут подходит французский миноносец «А. С.». С его мостика передают в рупор: «Командир французского миноносца «А. С.» передает следующее: Начальнику штаба Главнокомандующего. Имею честь стать в распоряжение Главнокомандующего Русской Армией генерала Врангеля. Прошу ваших распоряжений». На палубу выходит контр-адмирал Кедров: «Говорит командующий Русским флотом: Сегодня в 22 часа снимаемся с якоря и идем в Константинополь. Пойдем со скоростью 7 узлов в час. Просим Вас сопровождать нас».

Темнеет. Опускается густой туман и как молочной пеленой окутывает все кругом. В нескольких шагах ничего не видно. Раздаются гудки и мерный звон колокола. Точно набат. Как тоскливо, точно похоронный звон. Какие-то мрачные мысли лезут в голову. Что впереди? Куда, зачем? Действительно чем-то погребальным веет от этого звона и непроницаемой завесы. Как-то сыро. Может быть, это действительно хоронят Россию? Может быть, никогда и не суждено нам ее увидеть снова? В далекие, неведомые, чужие края, неизвестно на какие лишения... Наконец в половине двенадцатого ночи подходит «Гайдамак». На нем прибыл из Керчи начальник штаба 2-й армии генерал Кусонский³²⁴. Тотчас же проходит в каюту Главнокомандующего и докладывает ему о положении дел в Керчи:

— Погрузка проходит блестяще. Благодаря удивительной энергии командующего армией и неутомимой работе моряков мы погрузили не только донцов, но также и пришедших из Феодосии кубанцев. Настроение казаков на редкость бодрое. Ваше превосходительство, я уполномочен командующим армией просить вас не разоружаться в Константинополе. Я верю в настроение казаков...

— Но ведь это невозможно, генерал...

— Все же, ваше превосходительство. Я вас покорнейше прошу, я вас умоляю! Вы не можете себе представить, какое бодрое, боевое настроение царит среди донцов. С такими солдатами, с таким настроением мы можем и будем чудеса делать. Я в этом убежден. Ведь до сегодняшнего утра мы и не думали грузиться. Только сегодня утром мы начали погрузку. И то погружено все. Все до одного казака. И все вооружены. Ни один казак не оставил оружия. Повторяю, ваше пр-во, настроение донцов поразительно бодрое.

Главкомандующий убеждает генерала Кусонского в абсурдности и невозможности выполнения этого решения.

— Что же делать! Все равно о нас должны будут позаботиться. Запад предал нас, и теперь он обязан нам помочь...

Генерал вновь рассказывает об отменном ходе эвакуации Керчи.

— Да! — восклицает генерал Врангель. — Эвакуация проведена блестяще! Отлично! Это полное удовлетворение.

В 1 час 30 минут «Корнилов» снимается и идет вдоль берега по направлению к Севастополю. Около южной оконечности, говорят моряки, повернем к Константинополю.

Утром 4 ноября яркое солнце в последний для нас раз озарило берега Крыма. Через несколько часов скроется и этот последний клочок родной земли. Медленно идет «Корнилов», море усеяно барашками, стаи дельфинов плещутся, кувыркаются и резвятся у самого борта, играя на солнце блестящей кожей. Едущие облепили борта и в последний раз смотрят на берега Крыма, наслаждаясь чудесным видом южного побережья. В одиннадцатом часу нагоняет французский миноносец, оставший почему-то от крейсера. На небе ни облачка. Легкий ветерок. Слегка прохладно. Вот виднеется Ялта. Спустя некоторое время различаются вершины Ай-Петри, Байдарские ворота, далеко сзади вершина Могаби. Вечереет. У южной оконечности Крыма «Корнилов» поворачивает и идет прямо в открытое море. Где-то далеко виднеется смутно Балаклавская бухта. Там Севастополь, еще так недавно столица Южной России, оплот армии. Как-то странно, непривычно и даже жутко подумать, что теперь там льется невинная кровь, что торжествующие победители «мстят» своим уже бессильным врагам. Из радиорубки приносят исписанный карандашом наспех бланк: это перехваченное радио красных. Буденный хвастается взятием Крыма. Наконец-то «цик» получил в подарок долгожданный Крым, последний оплот «белогвардейщины», оплот «контрреволюции». «Гидра раздавлена». Достойный подарок ко дню коммунистической революции.

Садится солнце. Туда в расплавленное море держит курс «Корнилов». Туда, где полная неизвестность. Спускают флаг. Быстро темнеет. Все жаждут посмотреть на последние уже туманные очертания родной земли. Спустилась ночь. Темно. Уже ничего не видно за кормой, но все же никто не сходит вниз, все продолжают смотреть в темную даль. На душе тоскливо... Прощай, Россия.

Луна золотит яркую, змеевидную дорожку. К вечеру следующего дня, после захода солнца, вереди начинают мигать какие-то огоньки. Это маяки Босфора. У всех, наверное, вертится мучительный вопрос: что это, зря ли новой жизни или закат перед долгой ночью. Может быть, за-

кат навсегда? Половина одиннадцатого. На передней мачте поднимается французский флаг, эмблема покровительства «нашей испытанной союзницы». «Корнилов» входит в Босфор. С обеих сторон берега мерцают огоньки Буюк-Дере.

Кто-то рассказывает:

— Вы знаете, я слышал, милые союзники разоружают наши суда и отбирают у военных оружие. На «Генерале Алексееве» сняли замки с орудий, разоружены подводные лодки. Наверное, завтра и нас ожидает та же участь. Отберут оружие, и сделаемся мы штатскими людьми. Прощай военная помощь России...

Встали на якорь. Ночью Босфор проходить нельзя. Утром в 9 часов 20 минут поднимаем якорь, и «Корнилов» медленно проходит по Босфору. На полпути «Генерала Корнилова» встречает катер под Андреевским флагом, на котором находятся Кривошеин, генерал Лукомский, Нератов и др. Катеру приказано следовать за крейсером. С обеих сторон автомобили, пробегает трамвай. По Босфору шныряют катера под всеми европейскими флагами, каики с «кардашами», пытающимися за хлеб или вязку инжира получить «наган» или смену белья. Вот знаменитый султанский дворец Дольмэ-бахче с вычурными воротами и как бы ажурной решеткой. В 10 часов «Корнилов» подходит к месту стоянки международной эскадры близ Золотого Рога и салютует иностранным военным судам. Те отвечают. На борту греческого «Аверова» и «Waldeck-Rousseau» выстроены команды. Судовые караулы иностранцев отдают честь. Орудийного салюта с «Корнилова» не последовало, хотя орудия были заряжены. Ограничились припуском флага.

На «Провансе» происходит артиллерийское учение. Орудия случайно поворачиваются в сторону «Корнилова». По палубе вполголоса проносится:

— Направляют орудия... Будут разоружать... «Алексеева» разоружили...

Через минуту недоразумение разъясняется. В 10 часов 15 минут «Корнилов» становится на якорь. К борту пристаёт шедший вслед катер. По трапу поднимаются Кривошеин, генерал Лукомский и Нератов и проходят в помещение Главнокомандующего. К борту «Корнилова» то и дело подходят катера. Виднеются элегантные, франтоватые фигуры английских и французских моряков.

Вдали, несколько в тумане, Золотой Рог, Ая-София, Стамбул. Дальше в море у Моды виднеется целый лес мачт. Это новое «государство на воде» — все 126 судов Русского флота. В узком коридоре около каюты Главнокомандующего невероятная толкотня. Тут и представители ко-

мандования, и корреспонденты иностранных газет, спешащих интервьюировать о последних днях Крыма, и общественные деятели.

В маленькой каюте генерала Коновалова кипит работа. Пишутся приказы, переводятся какие-то телеграммы, приходят посетители. Спешно переписывается приказ о реорганизации армии. Остается три корпуса: первый (регулярные войска), донской и кубанский. Сокращаются все штаты, масса учреждений расформируется. Издаются приказы о военно-полевых судах. Составляются информационные бюллетени. Со всех кораблей являются посетители и наперерыв желают добиться справок.

Какой-то генерал дрожащим голосом рассказывает, как пришлось эвакуироваться. Ужасом веет от его слов: «Я был комендантом на миноносце «Грозный». Вы только подумайте. В эту маленькую скорлупку набилось 1015 человек. Не хватает угля, не было воды. Некоторые сошли с ума от этих ужасных условий. Продуктов не хватало. Приходилось реквизировать у тех, кто имел запасы. Была всего лишь одна уборная. Очередь у нее стояла по несколько часов. Шли мы четверо суток со скоростью 1½ узла. Ведь это ужас! Вы только себе представьте это. Что делать дальше, положительно не знаю. Кошмар...»

Какой-то поручик рассказывает леденящие душу подробности о путешествии на одном из французских пароходов. Тоже не хватило хлеба, не было воды.

— Можете себе представить! Коменданта буквально рвут на части. То не хватило продовольствия в одном трюме, то умер кто-нибудь, то заявляют о том, что где-то на палубе несчастная мать родила ребенка, и никто не может подать помощь. И так все время. Теснота, грязь, масса насекомых...

— Ну а что впереди?.. Что с нами будет?.. Куда нас направляют? — допытывается кто-то.

А рядом передают о кошмаре, какой пришлось пережить на одном из пароходов, вышедших из Феодосии... В пути несколько женщин разрешилось от бремени, две или три умерли. Потом на этом пароходе устроили особую «родильную каюту» и в нее доставляют теперь женщин и с других пароходов. В каюте во время пути творилось что-то невообразимое. Почти все младенцы — мертворожденные. Докторов и медикаментов не было. На одном из пароходов произошло возмущение на почве голода и тесноты.

Слышатся возгласы из какой-то каюты. Это кому-то делают выговор.

— Имейте в виду, что русская армия еще существует, военно-полевые суды не упразднены, расстреливать можно и на борту парохода.

Могила готова. Мраморное море. И расстреливать будем десятки, сотни, сколько потребуется.

Постепенно положение выясняется. По соглашению с французами и другими державами армия и беженцы понемногу начинают расселяться. Регулярные части идут в Галлиполи, донцы в Чатадджу, кубанцы на остров Лемнос. Беженцы направляются в лагеря и в Сербию. Штаб буквально забрасывают просьбами о розыске родных и близких. Ответить, конечно, нет почти никакой возможности.

Один за другим уходят из Моды русские корабли. Нагруженные до краев, переполненные войсками и беженцами, в самых невероятных условиях, лишены подчас самого необходимого.

Те, кто побывал в Галлиполи и Чатаддже, рассказывают о всех ужасах концентрационных лагерей. Спят в свиных хлевах, просто на голой земле. Иностранцы дают мало и хлеба, и остального продовольствия. Нет даже бани, чтобы помыться и избавиться от насекомых.

И потянулись дальше нудные, серые дни в беженских лагерях, на островах и в самом Константинополе. У большинства в результате всего пережитого явилась какая-то покорность судьбе, непротивление, и лишь немногие угарно проживали последние гроши в блестящих ресторанах Перы, а там хоть головой вниз с Моста Народов. И казалось, какой-то насмешкой звучали звонкие и красивые слова последних приказов Русской Армии для всех этих несчастных, исковерканных, издерганных людей. Европа, которую они защищали столько времени, не сумела и не захотела их понять. Так, пожалуй, им и в самом деле останется лишь одно — «смело ждать суда будущей России».

*Князь П. Ишеев*³²⁵

ОСКОЛКИ ПРОШЛОГО³²⁶

В Ялте

За несколько дней до занятия Одессы большевиками мне удалось уехать на пароходе в Ялту. Еще в Одессе комендант города генерал-майор Антонович, которого я знал, когда он был капитаном в штабе Виленского военного округа, старался меня «завербовать» в армию, но я уклонился от этого, сославшись на свою болезнь.

Попав же в Крым, я решил, что пора наконец и мне служить. А потому явился в Ялтинское комендантское управление и был назначен помощником полковника Грена, командира Охранной роты названного

управления. Грена я хорошо знал, как адъютанта командующего I армии генерала Ренненкампа. Жил он в реквизированной прекрасной даче какого-то богатея, куда устроил и меня.

Комендантом Ялты в то время был полковник л.-гв. С.-Петербургского полка Корчинский. Поляк по рождению, он в один день, погрузив на турецкую фелюгу автомобили и еще какое-то комендантское добро, уплыл в неизвестном направлении. Потом стало известно, что он перешел в Польскую армию.

Вскоре после моего приезда в Ялту, по распоряжению Главного командования, была образована Ялтинская эвакуационная комиссия. англичане собирались в случае эвакуации вывезти всех желающих. А потому в Ялте, у мола, постоянно стоял английский миноносец, на который доставлялись списки лиц, подлежащих эвакуации. Председателем этой комиссии был назначен начальник гарнизона генерал Зыков³²⁷, членами: начальник Ялтинского уезда граф Голенищев-Кутузов³²⁸ и от медицинского ведомства профессор Алексинский. А секретарем комиссии — я.

Фактически вся работа лежала на мне. В гостинице «Россия» у меня была канцелярия, куда являлись и записывались лица, желающие эвакуироваться. Списки этих лиц периодически представлялись на миноносец. Для связи с англичанами состоял ротмистр князь Оболенский. Но когда, после генерала Деникина, Главнокомандующим был назначен генерал Врангель и ориентация стала французской, комиссия эта была упразднена. Французы, видимо, никого вывозить уж не собирались.

В это время комендантом и начальником гарнизона Ялты был назначен Императорский стрелок полковник Колотинский³²⁹. А я — председателем комиссии по разгрузке и каботажному плаванию Ялтинского порта. Строго говоря, никакой комиссии не было и я не знаю, почему так «сложно» называлась эта должность. У меня был всего один помощник офицер и два писаря, а канцелярия помещалась в двух небольших номерах гостиницы «Марино». И вся работа заключалась в выдаче воинским чинам разрешений (пропусков) на пассажирские пароходы. Подчинялся я непосредственно генералу Березовскому³³⁰, от которого из Севастополя получал телеграммы с указанием: какое количество свободных мест имеется на пароходе. Делалось это с целью, чтобы воинские чины не лезли самовольно, без разрешения, на пароходы, и тем не вносили бы беспорядок.

Незадолго до эвакуации был учрежден Ялтинский военно-административный район, начальником коего был назначен генерал-майор Бар³³¹, а начальником штаба полковник Эверт³³². И я, приказом по этому району, № 403 от 3/16 октября 1920 года, был назначен состоять, с оставлением в занимаемой должности, при штабе названного района.

Часто из Севастополя приезжал в Ялту дежурный генерал Архангельский³³³, где у него, на одной из дач, жила семья. Постоянно заходил ко мне за получением места на пароход. И всегда удивлялся, почему начальник гарнизона не представляет меня к производству в подполковники. Правду сказать, интересовало это меня мало и я никогда не заикался об этом Колотинскому. В Феодосии такую же должность, как я, занимал полковник Кутепов³³⁴ (брат генерала). Так я и остался ротмистром, царского производства за выслугу лет в 1916 году.

Эвакуация

Эвакуировался я на пароходе Русского о-ва пароходства и торговли «Цесаревиче Георгии». Комендантом на него был назначен генерал-майор Судебного ведомства Савицкий, а я его помощником. Шел этот пароход под флагом Красного Креста, так как на него были погружены больные и раненые из ялтинских госпиталей и санаторий. Также генерал Бар со своим штабом и много генеральских семейств, главы которых были в Севастополе. Так, под мое попечение была отдана семья генерала Архангельского.

На пароходе я организовал приготовление горячей пищи. Успел погрузить, в самый последний момент, заказанную заранее выпечку хлеба. В общем, «Цесаревич Георгий», в сравнении с другими пароходами, был в лучшем состоянии и не так перегружен. Многие имели каюты. Сам я помещался в одной каюте, которую разделял с одним интендантским чиновником, благодаря которому мы имели запасы разных круп и других продуктов.

В дороге этот чиновник рассказал мне, как ему удалось погрузить на наш пароход очень ценный, валютный груз табака и вина в бочках. И как местные большевики уговорили его, обещая ему службу у них и все другие блага, — этого не делать. А вот затем я встретил его уже в Константинополе в очень подавленном состоянии. И он стал мне жаловаться, как с ним неблагородно поступило Добровольческое командование: продало очень выгодно погруженный им табак и вино — а о нем забыли. И что ему теперь приходится стоять, чуть ли не с протянутой рукой, на Галатской лестнице.

«Цесаревич Георгий», как пассажирский пароход, был сильно, а главное, благодаря спешке, неправильно нагружен, с большим креном на правый борт. И командир боялся, чтобы не была плохая погода. Но к счастью, море было сравнительно спокойно. И в Босфор вошли мы благополучно.

Свыше 120 кораблей флотилии Врангеля усеяли этот рейд. Это был клочок плавучей России, не пожелавшей остаться под большевистским ярмом. Здесь всех нас пересадили на небольшой пароход и отправили во французский лагерь Сан-Стефано, а «Цесаревич» с больными и ранеными ушел дальше. К счастью, я, как имевший заграничный паспорт, был выпущен французами скоро из лагеря и уехал в Константинополь, перейдя на положение беженца.

К. Буря³³⁵

К 55-ЛЕТИЮ КРЫМСКОЙ ЭВАКУАЦИИ³³⁶

В апреле 1920 года войска Вооруженных сил Юга России, после ряда поражений, принуждены были в Новороссийске погрузиться на транспорты и перебраться в Крым. За неимением достаточного тоннажа для перевозки, погибло почти все вооружение, десятки тысяч воинов с конским составом попали в плен красным. Главкомандующий генерал Деникин в Феодосии передал командование генералу Врангелю, а сам, через Константинополь на английском дрейдуэте «Мальборо», отплыл в Англию на покой.

Генералу Врангелю в Крыму удалось навести нужный порядок и вновь возродить небольшую армию из оставшихся войсковых частей бывшей почти миллионной Белой армии. Эта маленькая армия имела несколько блестящих побед над красными, как, например, полное уничтожение красной конницы Жлобы. Но уже к октябрю 1920 года оказалось настолько тяжелым положение армии, что пришлось принимать спешные меры к эвакуации из Крыма.

В конце октября генерал Врангель решил оставить Крым и вывезти на кораблях в Константинополь всю армию, семейства военных и всех из гражданского населения, кому угрожала опасность от большевиков. Несмотря на все своевременно принятые меры, и на этот раз не хватило тоннажа для перевозки всех желающих. Много тысяч погибло с приходом большевиков в Крым с их палачом венгерским коммунистом Белой Куном.

В Крыму я был на службе в Офицерской артиллерийской школе начальником команды. Школа была размещена на Северной стороне Севастопольского рейда. Получив приказ о погрузке на транспорт «Рион» всех служащих с их семейством, я пошел в казармы для нужных распоряжений и чтобы проститься со своей командой. Выстроив наличными три сотни год тому назад военнопленных красноармейцев, я прочел им при-

каз генерала Врангеля об эвакуации из Крыма в Константинополь, а тем, кто желает эвакуироваться, приказал сейчас же явиться в канцелярию Команды для составления нужных списков. Одновременно обратился к ним с дружеским советом не оставлять своей Родины, не покидать своих родных, а оставаться в казармах, говоря, что им, как простым людям из деревни, и к тому же не добровольно вступившим в Белую армию, не может угрожать расстрел. Пожелав им счастливого возвращения в свои избы, простился с ними, расцеловавшись с теми, кто окружил меня со слезами на глазах... Да простит меня Господь Бог, если я согрешил и от моего совета многие из них пострадали впоследствии. Я по совести думал, что им, крестьянам, ничто не может угрожать от большевиков.

Транспорт «Рион», огромный трехпалубный корабль, не мог подойти к пристани и стоял на середине бухты, нужно было грузиться на лодки местных рыбаков. Тут у нас встретились первые трудности: лодочники отказывались принять наши крымские деньги, оправдываясь тем, что с нашим уходом они не будут признаны большевиками; требовали заплатить за каждую лодку продуктами — один мешок белой муки. Муки никто из нас не имел, но выручили провожавшие меня солдаты моей команды. Они побежали в казармы, и вскоре прибыла парная повозка с 20 мешками муки из цейхгауза школы. Погрузка счастливо к вечеру закончилась и «Рион», перегруженный семи тысячами человек, вышел на внешний рейд и стал на якорь в ожидании маршрута.

Уже потемнело настолько, что огни Севастополя казались далекими, тусклыми, сыпал мелкий осенний дождик. На палубах тишина неестественная. Под впечатлением прочитанного приказа генерал Врангеля, с абзацами: «Дальнейшие наши пути полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Да ниспослет Господь всем силы и разума одолеть и пережить русское лихолетие...» Лица у всех стали унылые, задумчивые...

Вдруг где-то внизу, глубоко за бортом, появилась лодочка с тусклым фонариком, едва освещавшим двух-трех человек и какой-то груз. Послышались голоса с лодочки: «Позовите полковника Бурю, нашего командира, мы привезли его вещи». Юнкера Сергиевского артиллерийского училища, занимавшие носовую часть средней палубы, позвали меня к борту. Когда я увидел лодочку и спросил, кто меня зовет, то услышал: «Так что мы, господин полковник, привезли ваши вещи, прикажите спустить нам канат». Рядом находившиеся юнкера моментально спустили канат, лежавший тут же у борта. На лодке что-то завязали и крикнули: «Поднимайте!» Когда подняли, вижу большой мешок муки. В полном смущении кричу вниз, что вы, братцы, ошиблись, я никогда не имел у себя столько муки; отвечают: «Так что не знали, господин полковник, как вас отбла-

годарить за доброту, всей командой решили послать вам продуктов». На второй раз поднимают полный мешок сахару. Юнкера рады и говорят — поделимся, господин полковник, сейчас зажжем примус и будут блинчики. У меня в горле спазмы и слезы текут, не могу говорить, только крещу... Наконец слышу на мои краткие слова: «Да будет Господь Бог с вами, мои друзья», отвечают: «Счастливого вам пути, господин полковник, не поминайте лихом...»

Ночью заработали машины, подняли якорь и «Рион» поплыл по волнам покачиваясь, временами теряя равновесие из-за тяжелого людского груза на палубах и с почти пустыми трюмами. Там лежало зимнее обмундирование еще не разгруженное и не розданное частям, не успели, а ведь как нуждался в нем фронт при неожиданных 20-градусных морозах.

На третий день пути, почти на середине Черного моря, «Рион» неожиданно остановился; не стало угля, а затем и воды. Радио посылало сигналы помощи. Через несколько часов подошли два американских миноносца, покрутились около нас, но ничем не могли помочь и удалились, успокоив, что ночью к нам подойдет американский крейсер. На корабле не обошлось без заболевших душевно. Одна молодая девушка осматривала каждого своими мутными глазами... искала кого-то?.. Ночью, действительно, прибыл американский крейсер и на буксире потянул наш «Рион». Что мы переживали ночью, Богу известно! Когда «Рион» давал опасный крен, начальство требовало: «Всем на левый борт», а через короткое время снова крик: «Всем на правый борт».

Когда увидели берега Босфора, понемногу стали успокаиваться, а подойдя к Царьграду и увидев Святую Софию, и совсем успокоились. Начали торговаться с турками, окружившими «Рион» своими яликами с грудями круглых белых хлебов. Наших денег принимать не хотели, а требовали драгоценности. За золотой пятирублевик, кольцо или браслет давали 2—3 каравая. Всего было вывезено из Крыма 145 693 человека на 126 судах.

*Р. Сазонов*³³⁷

УХОД³³⁸

В основу приводимого ниже очерка легло первое классное сочинение, написанное в школе по прибытии в Сербию, — непосредственные и не претендующие на историческую точность воспоминания кадета 7-й роты Севастопольского морского корпуса, покинувшего Россию в конце 1920 года.

Медленно выходили переполненные людьми корабли на внешний рейд Севастопольской бухты. Был вечер какого-то дня в конце октября месяца. В городе были слышны одиночные выстрелы. Далеко за бульварами горела мельница Родоканаки, где были военные склады. Красные блики пожара освещали Корабельную сторону, стены Лазаревских казарм, офицерские флигеля Черноморского флотского экипажа, где еще вчера была наша квартира, и неподвижные ряды «мертвых кораблей» — бывших защитников Севастополя. Броненосцы: «Двенадцать Апостолов», «Ростислав», «Три Святителя», славные имена, занесенные на страницы Истории нашего флота. Мы уходили, они оставались в своем гордом и молчаливом спокойствии.

По пристаням, по берегу, на бульварах чернели толпы, провожавшие взглядами и крикамидвигающиеся по бухте суда. Но Севастополь покидали не только большие корабли. Самые разнообразные маленькие суденышки, перегруженные до отказа вещами и людьми, иногда с досками вместо весел, тоже плыли, как могли, к выходу из бухты.

Пароход «Кронштадт», на котором мне суждено было уйти из России, благодаря своим солидным размерам выходил из Южной бухты одним из последних. На нем находились Севастопольский морской госпиталь, в штат которого был включен мой отец, офицерский состав Черноморского экипажа с семьями, Минно-артиллерийская школа, несколько гардемарин и кадет Морского корпуса (включая и автора), некоторое число кадет различных сухопутных корпусов, Рота особого назначения, под командой капитана Семенова, группа военных летчиков и много других, военных и штатских с семьями и без. Командовал кораблем капитан 1-го ранга, имени которого я не запомнил, но, кроме него, на мостике находились еще... 6 адмиралов, из которых я знал только одного — контр-адмирала Вяткина³³⁹.

Выйдя из бухты, корабли расположились на внешнем рейде, где должны были ожидать сигнала к общему отплытию. К раскачиваемым сильной волной большим судам то и дело подплывали разные катера, баркасы и шлюпки, обитатели которых умоляли принять их на борт. Трапы были спущены, и прием новых пассажиров продолжался до тех пор, пока, по-видимому, в бухте не осталось ни одного предмета, способного передвигаться по воде, кроме неподвижно стоявших французских и английских военных судов, пускавших легкий дымок из своих широких труб. Их экипажи могли с эпическим спокойствием наблюдать за переломом в ходе Российской истории.

Последним сошел по ступеням Графской пристани генерал П.Н. Врангель, окруженный чинами штаба и представителями «союзных» армий. Сразу после данного приказа к общему отходу со всех кораблей послы-

шались звуки церковных песнопений — служили напутственный, последний молебен, перед тем как покинуть Родину. Мы шли на полную неизвестность, на милость так наз. союзников, навстречу мытарствам в чужих нам странах. Но в то время, в моем юном возрасте, все происходившее представлялось мне довольно занятным приключением и никакого страха перед будущим я абсолютно не испытывал, вероятно, потому, что был не один, а с родителями. Новая жизнь в новых странах сулила и новые впечатления. После молебна, уже к вечеру, «караван» в несколько десятков кораблей снялся с якорей.

Плавание для «Кронштадта» сложилось не очень удачно. Дойдя до мыса Фиолент, от которого, обойдя «минное поле», полагалось свернуть под определенным углом и взять курс на Босфор, «Кронштадт», из-за чьей-то ошибки на мостике, не сворачивая столкнулся с небольшим болгарским транспортом по имени «Борис», пробил ему бок и пустил ко дну. Несмотря на наступившую темноту, всех болгар удалось выловить и волей-неволей всей их команде пришлось плыть с нами.

Бурная погода, отсутствие тяжелых грузов в нижних трюмах и буксируемые нами миноносцы «Жаркий», два истребителя и яхта С. М. К. «Забава» сильно замедляли ход корабля и создавали серьезные затруднения. Благодаря качке буксирные канаты рвались один за другим, и в течение ночи оба истребителя и яхта, после нескольких отрывов, в конце концов, затерялись в море. Так как они шли без команд, то искать их не стали.

До турецких берегов «Кронштадт» дотянул только миноносец, с которого, невзирая на сильные волны, первой же ночью пришлось снять часть груза и команды. На нем остались только командир (старший лейтенант фон Манштейн³⁴⁰), механики, исправлявшие дефекты машин, и рулевые, один из которых (князь Н. Эристов³⁴¹) был кадетом какого-то петербургского корпуса. Для многих других судов плавание было еще тяжелее в некоторых отношениях, чем для нас. Переполненность помещений здоровыми, ранеными и больными людьми, недостаток угля в топках, воды и съестных припасов нередко ставили и команды и пассажиры в весьма затруднительное положение.

Но так или иначе, одни раньше, другие позже, все суда нашей эскадры добрались до цели и в одно ясное утро вошли в Босфор. За время нашего плавания машины миноносца «Жаркий» были исправлены, и он, отцепившись от нас, самостоятельно вошел в гавань. Немыслимо было для такого доблестного командира, каким был Манштейн, войти на буксире в чужой порт!

Как не вязался внешний вид наших обшарпанных кораблей со сказочной красотой Босфора и Золотого Рога! Между бросающими якоря серыми и черными громадами сновали щегольские катера. Одетые с

иглолочки иностранные моряки, покуривая трубки, с интересом разглядывали толпившихся вдоль бортовых перил странных заморских гостей; так в зоологических садах смотрят на диких зверей.

На многочисленных корабельных мачтах появились сигнальные флажки: «хлеба», «воды», «доктора», «медикаментов», — все это было необходимо в первую очередь. Но раньше ожидаемой от союзников помощи нахлынули турецкие «каики», буквально облепившие наши суда. Сидящие в них турки и греки, крича непонятное, высоко поднимали над головами в фесках различные «сокровища» — белые круглые хлебцы, халву, фрукты, кувшины с водой и многое другое. Вдоль бортов на веревках потянулись вверх-вниз вереницы корзиночек. Голодные и жаждущие мореплаватели платили неслыханные цены за «восточные сладости»; нередко кольцами и нательными крестами, за стоимость которых можно было купить содержимое десятка «каииков» заодно с их владельцами! Но некоторые торговцы принимали и... «колокольчики». Правда, очень немногие.

К счастью, появление больших военных катеров положило конец этому грабежу. Нам привезли все необходимое. На борт поднялись иностранные моряки, представители разных миссий и Красного Креста, вступившие в деловые разговоры с нашим командным составом. Какое-то время все наши корабли должны были пробывать в карантине, и съезд на берег в этот период нам запретили. И все же кое-кто, пользуясь знанием языков, сумели, не дожидаясь конца такового, расстаться с «Кронштадтом». Постепенно корабль начал пустеть, и вскоре на нем остались только те, кто намеревался позже идти с флотом в Бизерту.

В ожидании отхода, о времени которого мы не знали, каждодневная жизнь шла своим чередом; назначались какие-то дежурства, заработали какие-то канцелярии, а мне, в компании еще двух кадет сухопутных корпусов, поручили заведование корабельной почтой, что в существующей обстановке оказалось сложным, но интересным занятием. Доставка писем на вельботе по разным судам нашей флотилии давала возможность повстречать утерянных было знакомых, наладить прерванные связи и держать моих родителей в курсе самых невероятных и часто противоречивых слухов.

«Кронштадт» поправлялся, чистился и готовился к своему, увы, последнему плаванию. Готовились к нему и мы — для меня далекая Африка была полна романтики, а надежда на продолжение там учения в Морском корпусе делал ее еще краше. Но судьба судила иначе. Неожиданное решение Главного командования, связанное с участием Морского госпиталя, в составе которого был мой отец, изменило все в корне. Приказом по эскадре Морской госпиталь переходил в ведение Красного Креста, с назначением отправляться в Сербию, где перспективы для

него были лучше, чем в Африке. Вынесенное на семейном совете решение — «не расставаться» — моментально превратило мои мечты о морской карьере в расплывчатый туман, но отделяться от родных мне тоже не улыбалось. Сербия, так Сербия!

Как неожиданно, как быстро и как непоправимо все произошло... 29 октября утром, совершенно не подозревая о назревших уже перемен в моей судьбе, я на катере, ходившем от Графской пристани на Северную сторону бухты, отправился в М.К., чтобы включиться в работу по «переселению» рот в главное корпусное здание (из временно занятых нами офицерских флигелей), постройка какового почти пришла к концу. Высадившись на маленькой корпусной пристани, я сразу же был поражен необычным зрелищем. Недалеко от причала покачивалась на воде громадная баржа с переброшенными на нее с берега мостками. От нее вверх по берегу, до расположенного на холме белого здания Морского корпуса, стояли тесной цепью кадеты, образуя живой конвейер, по которому из корпуса передавали разные вещи. Корпусное имущество самого разнообразного характера и вида спешно грузилось на баржу. Вдоль цепи, то тут, то там, стояли вооруженные винтовками старшие кадеты и гардемарины, несшие караул.

На мой вопрос, заданный ближайшему кадету, я получил в ответ только одно слово: «эвакуация»... Не совсем уясняя значение происходящего, я кинулся бегом в корпус и без стука влетел в комнату дежурного офицера, которым на этот раз был старший лейтенант фон Кубэ³⁴², хорошо знакомый всей нашей семье. Он осветил мне положение, сообщив, что корпусное имущество и весь состав будут погружены на линейный корабль «Генерал Алексеев», а весь флот пока пойдет в Турцию. «Съезди домой, — сказал он мне, — поговори с родителями, — если пойдешь с корпусом, возвращайся сюда как можно скорей; наш катер будет ходить до вечера». Поблагодарив за объяснение, я поспешил домой, где застал всех уже за сборами. Согласно приказу по флотскому экипажу наша семья должна была погрузиться на большой транспорт — плавучую мастерскую «Кронштадт», стоявший около раздвижного моста через Южную бухту. Времени было мало; отбор и укладка необходимых вещей шла лихорадочными темпами. В казармах Черноморского флотского экипажа сразу же началось брожение среди матросов, так что на некоторых «ключевых пунктах» были поставлены надежные караулы. Желавших эвакуироваться матросов были единицы, но так же и не все население офицерских флигелей стремилось уехать... и как поплатилось оно позже за это решение!

Как это ни странно, в наших сборах и упаковке медоборудования амбулатории моего отца нам сильно помогли его двое вестовых, хотя

оба были... пленными красноармейцами. Они же раздобыли и тележку, на которой и перевезли все вещи через порт к понтонному мосту; по нему все пришлось тащить на руках до самого трапа нашего «Кронштадта». А это было не так просто — мост и сходни были густо забиты вещами и людьми, ждущими с нетерпением возможности попасть на пароход. Так или иначе, через несколько часов все трудности были преодолены, и все мы, со вздохом облегчения, разместились в одном из огромных трюмов — бывшей столовой для рабочих-специалистов. Наскоро разложив наш багаж, мы устремились на палубу; хотелось в последний раз взглянуть на покидаемый Севастополь. И тут имел место маленький эпизод, поставивший как бы точку на нашем отбытии.

Когда последние пассажиры еще подымались по трапу, а буксиры уже готовились к отводу транспорта от места стоянки, в воздухе послышался характерный шум аэропланного мотора. Все подняли головы — маленький аппарат летал низко над Южной бухтой, спускаясь все ниже и ниже прямо к понтонному мосту. Мотор замолк, и авиатор ловко посадил свою машину на воду совсем рядом с ним. Прилетевший, в кожаной куртке, с небольшим чемоданом в руке, легко сошел по крылу на понтон и через несколько минут поднялся на палубу «Кронштадта». Не торопясь он подошел к смотревшему на него, с радостным изумлением, вахтенному офицеру и, небрежно козырнув, отрапортовал: «Военный летчик, поручик Афиногенов, с фронта прибыл...»

И вот переход «Севастополь—Константинополь» остался позади, но до конца нашего пути было еще очень не близко. Что ожидает нас впереди? Как сложится наша будущая жизнь? Никто ничего определенного не знал, и ответа на эти вопросы не было. На «Кронштадте», в ожидании дальнейших распоряжений, мы пробыли не меньше 2 недель, пока всех «сербов» не пересадили на старый турецкий пароход «Ак-Денис», игравший роль распределительного пункта. Народа на нем было больше, чем нужно, удобства были сведены к минимуму, и через некоторое время расстались мы с ним просто с радостью.

В один из прекрасных солнечных дней к борту «Ак-Денис» пришвартовался большой, под французским флагом, транспорт, носивший, однако, странное для такого флага имя, «Austria». Было объявлено о погрузке. Состав Морского госпиталя (и наша семья вместе с ним) попал на пароход только к вечеру. Руководившие «переселением» французские моряки сразу же отделили женщин и детей от мужчин, предоставив им трюмы в средней части корабля. «Мужская половина», не особенно довольная разделом, расположилась на корме. А несколько групп, состоящих из дородных дядей с огромным количеством багажа, устроились прямо на палубе, прикрывшись брезентами. Как говорили, они были

членами каких-то организаций, вроде Союза Городов, Земгора и т. д. Вероятно, поэтому держались они под своими брезентами гордо и независимо.

Очень быстро в трюмах появились различные неизвестного происхождения «коменданты» и «старосты», установились всевозможные дежурства, правила поведения и, к выходу в море, русское население «Австрии» зажило налаженной жизнью. Не мало времени уходило на стояние в разных очередях — за водой, за едой, в умывалку, в гальюн, а очень часто к «Верховному Коменданту» с претензиями, которых у каждого пассажира имелось по несколько. На стенах коридоров, особенно у мест скопления, появились разнообразные распоряжения, скрепленные лихими подписями. Кое-где вспыхивали ссоры, почти наладилась одна дуэль, но не произошла по причине плохой погоды. Французы в эти дела не вмешивались. Так же не обращали они внимания и на наши жалобы по поводу однообразия пищи. Сами они питались, вероятно, куда лучше. Во всяком случае, корабельный повар из-за толщины едва помещался в своем камбузе.

Погода в пути нам не благоприятствовала. Сразу по выходе в Эгейское море задул свежий ветер, вскоре превратившийся в солидный шторм. «Австрия» со своим живым грузом устойчивостью не отличалась. Большая часть пассажиров стала отказываться от еды, зеленеть в лицах и укладываться на самодельных ложах, то тут, то там раздавались «охи и вздохи» — морская болезнь вступила в действие. Шторм временно стих вблизи острова Лемнос, где мы приняли на борт большую группу казаков, принесших с собой, кроме стройного хорового пения, и... тифозных больных.

В Ионическом море ветер задул с новой силой, пароход стало форменно укладывать, а при приближении к албанским берегам качка приняла настолько опасную форму, что чернобородый командир «Австрии» решил завернуть в Валону, где на спокойном рейде мы переждали бурю.

Албанский порт понравился веселыми красками гор и тихой изумрудной водой большой бухты. Мимо парохода проплывали остроносые лодки со смуглыми людьми, одетыми в узкие белые штаны и темные куртки. На головах у них, как приклеенные, красовались маленькие шапочки; они что-то кричали, размахивая руками и весело скаля зубы. Измученные пассажиры смотрели на них с завистью — те имели свое место на земле! «Каково-то нам будет?» — думал невольно каждый. Надвигающиеся перспективы были достаточно неясны.

Валону мы покинули ранним утром и, плывя вдоль высоких горных берегов, все ближе и ближе подвигались к конечному пункту нашего пути, к Котарской бухте. И в самом начале декабря 1920 года, в вечер-

ние часы, «Австрия» медленно вошла в самую большую бухту Европы на юге Далматинского побережья и бросила якорь против местечка Мельбине. Еще один из жизненных этапов был пройден; неизвестное будущее стояло перед нами.

А. Слизской³⁴³

ВЕЛИКИЙ ИСХОД³⁴⁴

Последний день... Через несколько часов мы должны будем покинуть последний клочок Русской Земли. Надолго ли? Все это дошло окончательно до сознания только вчера в Симферополе, когда прочел приказ генерала Врангеля о том, что мы уходим куда-то в чужие страны, в неизвестность, что желающие могут оставаться в Крыму... Однако почувствовать сердцем весь трагический смысл этих слов я еще не мог. Это пришло гораздо, гораздо позднее, когда ослабела надежда на возвращение в Россию, когда стало ясно, что все это надолго, может быть, навсегда! А пока сосредоточить на этом мысль было трудно: заботы на первом месте.

Последнее время я временно замещал должность прокурора суда 1-го армейского корпуса: прокурор, после возвращения из Северной Таврии, уехал в командировку и где-то застрял. Ночью в Симферополе, во время короткой остановки, я прочел команде приказ Главнокомандующего. Писаря и вестовые молча выслушали приказ, но мне показалось, что содержание приказа им было уже знакомо. Желающих остаться в Крыму не оказалось.

Ночь сырая, но не холодная. После Таврии, Геническа и Арабатской Стрелки и злого, сухого норд-оста — кажется совсем тепло. Бесконечная вереница подвод, до отказа набитых людьми в английских шинелях, медленно движется на юг. На душе какое-то тупое равнодушие. Усталость — или смирение перед судьбой. Даже жгучий вопрос, найдется ли место на пароходе, не очень волнует: не все ли равно? Остаться, конечно, нельзя: свой выбор сделан тогда, когда записался в армию, и теперь — ни на какое «милосердие» рассчитывать не желаю. Знал всегда, на что шел...

Верстах в пяти от Севастополя — затор. Подводы сбились в кучу. Рядом с нами несколько подвод с молодежью: юнкера. Там не унывают: смех, пение. Глубокая, бездумная уверенность... В чем?.. Они и сами точно не знают: «Необходимо отдохнуть в спокойном месте и переорганизоваться».

— А вы уже воевали?

— Конечно! Мы почти все вольноперы. Нас откомандировали из полков. Я — марковец. Через месяц — производство и опять в полк.

А другой любезно добавил:

— Хотите немного хлеба?

— Не откажусь.

Я только теперь вдруг почувствовал голод. Последний небольшой кусочек колбасы был съеден вчера в Симферополе.

Подводы с юнкерами медленно тронулись в сторону от шоссе. Наш возчик вопросительно посмотрел на меня...

— Не отставай, — сказал я негромко и кивнул в сторону юнкерских подвод... — С ними не пропадешь!..

На пристани несметная толпа. Шум, крик, бестолочь. Вестовой Хмара дергает за рукав:

— Ото ж, господин поручик, ваш знакомый капитан чево-то кличут.

Действительно, знакомый дроздовец что-то мне кричит, показывает рукой на огромный океанский пароход. Ничего не могу понять, кроме двух слов: «первый корпус». Вероятно, это для нашего корпуса. С трудом, медленно пробираемся сквозь толпу. Крик, ругань. Вещей у нас очень мало: у меня только английская походная сумка (две смены белья, пакет с крымским табаком и янтарный мундштук в зубах — единственная память о домашнем уюте). Но один из писарей тянет тяжелый ящик с «Ундервудом»... У сходен сильный наряд дроздовцев. Нас узнают сразу.

— Сколько у вас людей?

Нас мало: генерал — председатель суда, три офицера, три вестовых и три писаря...

На палубе почти такая же толчея, как и на пристани, но все же здесь заметен некоторый порядок: какой-то офицер, также дроздовец, докладывает председателю:

— Все каюты и трюмы переполнены. Офицерам рекомендую попытаться счастья устроиться в кают-компани. Сейчас заканчиваю погрузку нашей дивизии, а потом начну набивать до отказа всеми, кто захочет уехать...

В кают-компани нашему генералу кто-то уступил стул рядом с креслом другого, старого генерала. Тут же было пианино, и около него мой вестовой поставил ящик с «Ундервудом», и на ящик примостился я сам. Старый генерал оказался старым знакомым: это был отец прославленного своей храбростью генерала Дроздовского полка³⁴⁵.

В душной теплоте каюты я как-то обмяк, и меня потянуло ко сну: сказала усталость и нервное напряжение последних дней. Спал я, по видимому, долго. Когда очнулся от тяжелой дремоты, в каюте, до по-

следнего предела набитой народом, почти все сидели, кто тесно прижавшись на бархатных диванах, большинство, скрючившись, на полу. Методично и размеренно стучала машина. Мы плыли в неизвестность. Я невольно прислушался к разговору двух генералов. Старший, по-видимому, был большим любителем задушевных разговоров.

— Я, ваше превосходительство, — продолжал он свой разговор с председателем суда, — старый солдат. Вот сегодня меня несколько раз спрашивали, куда мы уходим?.. А я разве знаю!.. Плыдем туда, куда следует. В таких случаях нужно верить не только в Бога, но и в Главногокомандующего: ему виднее и я, конечно, надеюсь, что он выбрал самое лучшее решение из всех возможных... Вот здесь все убеждены, что мы скоро вернемся в Россию. И я так же верю в это. Без надежды и веры — жить нельзя.

Мудрый старик. Конечно, без надежды жить нельзя... Как хорошо, что человеку не дано знать того, что ему предстоит пережить в будущем...

В. Попов³⁴⁶

ДВЕ ЭВАКУАЦИИ³⁴⁷

Ранней осенью 1919 года Одесса была занята частями Добровольческой армии. Увы, чувствовалось, что это не надолго, и в таком тревожном настроении мы провели несколько месяцев в грязной, холодной и сыпно-тифозной Одессе — когда-то «красавице Южной Пальмиры».

В средних числах января 1920 года мой друг, товарищ прокурора Демьянович, сообщил мне, что, по полученным им от сенатора Гербея сведениям, Одесса в ближайшие дни будет оставлена добровольцами, что у него уже имеются билеты для эвакуации в Болгарию на пароходе «Ксения» и что он подумал обо мне и запасся билетом для меня и моей семьи. Мы были в полной неизвестности об общем международном положении, и поэтому были уверены, что покидаем родину не надолго и что через несколько месяцев вернемся. Поэтому жена моя, не желая оставить своего одинокого старика отца, который категорически отказался эвакуироваться, осталась с дочерью в Одессе. С тех пор я их больше не видел...

20 января мы благополучно погрузились и в тот же день после полудня (до официального объявления эвакуации) вышли в открытое море, взяв курс на Варну.

Ночью нашего капитана запросил капитан идущего в Варну же госпитального судна «Петр Великий» (огромный пароход Добровольного флота, приспособленный во время войны для перевозки раненых) о

курсе, чтобы избежать минных полей. Увы, утром неподалеку от Варны «Петр Великий» подорвался на mine и затонул. К счастью, не на глубоком месте и все раненные были сняты с парохода, в том числе доблестный полковник георгиевский кавалер Д.А. Абрамович³⁴⁸ — в дальнейшем организатор Союза Русских Инвалидов в Болгарии и вообще крупный инвалидный деятель. В тот же день мы отшвартовались в Варне и, будучи первыми беженцами в Болгарии, были приняты с исключительным вниманием и заботливостью как местными властями, так и населением.

На третий или четвертый день нашего прибытия в Варну, проходя по улице, я случайно встретил моих сослуживцев-друзей, товарищей прокурора Жовнера и Горбатова. Первый нес какие-то чемоданы и был одет нормально, бедный же Горбатов оказался в пальто, надетом на пижаму, без всякого багажа.

Оказалось, Горбатов, получив сведения об эвакуации, рано утром, едва проснувшись, надел на себя пальто и побежал в порт, чтобы узнать, где находится пароход, на котором он должен эвакуироваться. В городе было уже беспокойно, в порту началась пулеметная стрельба, и Горбатов, вместе с толпой стремящихся покинуть город, буквально был втиснут на первый поблизости находившийся пароход, который вскоре поднял якорь и отбыл в Варну, куда и прибыл Горбатов в описанном выше «облегченном» одеянии и, конечно, без копейки денег. Еще трагичнее была судьба председателя Одесского кружного суда Микулина, который вынужден был погрузиться с женой на какое-то утлое суденышко, несколько раз заливавшееся водой, бывшее на краю гибели и только милостью Божией добравшееся на четвертый день до Варны.

Вскоре наша небольшая группа судебных, стараниями нашего прокурора судебной палаты Р.Г. Моллова, болгарина по рождению, переехала в Софию, где была устроена на разных должностях в болгарских учреждениях. Управляющим делами русских беженцев генералом Ломновским³⁴⁹ мне было поручено заведывание регистрационным бюро при его управлении.

Шло лето 1920 года. Из Крыма все время получались хорошие вести, многие стали возвращаться на родину. Стал подумывать об этом и я. Местное военное представительство во главе с полк. Палицыным поддерживало самые оптимистические надежды на дальнейшее развитие военных операций. Вообще настроение было такое, что армия генерала Врангеля освободит Россию и что, собственно, долг всех вернуться на родину и включиться в работу по освобождению ее от большевиков. В сентябре месяце я легко получил от полк. Палицына разрешение на въезд в Севастополь и билет на первый отходящий туда из Варны пароход.

Теперь всем известно из воспоминаний генерала Врангеля и его ближайших сотрудников, что уже в самый день принятия им командования армией в Крыму генерал сознавал безнадежность положения и неизбежность эвакуации Крыма, к подготовке которой он велел приступить в первые же дни своего вступления в должность Главнокомандующего. Мне по сие время совершенно непонятно — зачем и по каким соображениям поощрялось возвращение беженцев в Крым, часто женщин и детей — элемента не военного, и поэтому абсолютно не пригодного для вооруженной помощи сражавшейся армии.

И я представляю себе мысли генерала Врангеля, когда мы с профессором Янишевским, в один из первых дней по приезде, еще полные «софийских настроений», читали ему приветствие Общества русских в Болгарии, в котором между прочим говорилось: «...Разбросанные невольно по всему свету русские люди живут верой в Ваше победоносное шествие в борьбе против одолевшей Св. Русь нечистью...» «Победоносное шествие» — когда доблестные бойцы изнемогали, задерживаясь, отступая, на каждой позиции, кровью своей орошая последние клочки Русской Земли.

В день Воздвижения Креста господня — 14/27 сентября наш паром, переполненный людьми, возвращающимися на родину, прибыл в Севастополь. Радостно забило наше сердце, когда, сойдя на берег, мы услышали бодрые звуки Преображенского марша, исполняемого военным оркестром, на проезжавшем по улице грузовике.

Дальнейшее — тяжелая, безотрадная действительность. Первое, с чем пришлось столкнуться, — это полное отсутствие какого-либо помещения. Лишь поздно к вечеру какой-то знакомый профессора Янишевского нашел для нас у своего знакомого крохотную кухню. Сидя и полулежа на наших чемоданах, мы провели в этой кухне несколько ночей, пока, наконец, не нашли две комнаты в каком-то доме на Матросской Слободке. В моем Управлении юстиции встретили меня приветливо, хотя с плохо скрытым недоумением — зачем он приехал из Болгарии?.. Меня командировали к заведованию 3-м Севастопольским прокурорским участком. Выдали авансом месячное жалованье — 93 000 рублей, которые были мною полностью израсходованы на скудное питание в течение нескольких дней. В первые же дни я убедился в безнадежности военного положения и неизбежности оставления войсками Крыма, но никому не приходило в голову, что это произойдет так скоро.

В октябре сразу наступили небывалые в этот период года холода; к лишениям продовольственным присоединились и страдания от холода. Если за какие-нибудь 40—50 тысяч рублей можно было с большими

трудностями и «по знакомству» с торговками достать хлеб, то дрова были совершенно недоступны.

Как-то случайно я встретил на Графской пристани моего хорошего знакомого сенатора Кармина, который сказал мне, что уже имеется приказ об эвакуации, и посоветовал поспешить в мое Управление для получения билета (на пароход). Там мне выдали пропуск на пароход (название забыл), предоставленный для эвакуации чинов судебного ведомства, и я на следующий день отправился на розыски этого парохода. Гавань была переполнена военными — измученными, грязными, оборванными, правда, с оружием, постепенно прибывающими с фронта. Указанный мне пароход уже полностью, до отказа, был занят какой-то воинской частью, часовые никого не допускали к сходням. Предъявленный мною пропуск «за надлежащими подписями и приложением казенной печати» никакого впечатления не произвел, и мне заявили, что никаких судебных на этом пароходе нет. Рядом стоящие пароходы тоже были заняты военными, и о том, чтобы проникнуть на один из них, не могло быть и речи. Все это с полной трагичностью привело меня к убеждению, что из Крыма мне не выбраться и что, избежав расправы со мной ЧК в Одессе, я неминуемо попаду в ее объятия в Севастополе.

С такими мрачными мыслями я отправился к себе на Матросскую Слободку и поделился своим горем с семьей проф. Янишевского. Какова же была моя радость, когда вернувшийся из города профессор сказал, что в своем Медицинском управлении он только что получил пропуск для себя и своей семьи, в которую включил и меня в качестве двоюродного брата своей жены. Пропуски эти были — на санитарное судно «Ялта», отходящее завтра в 13 часов.

На следующий день, раздобыв где-то тележку и погрузив на нее наш скудный багаж, мы ранним утром отправились с Матросской Слободки в Южную бухту, где стояла «Ялта». Добрались часам к десяти и, к нашему изумлению и ужасу, мы увидели, что «Ялта» медленно отходит и направляется в Северную бухту, где и отшвартовалась.

На наше счастье, в таком же положении, как и мы, оказался какой-то важный военно-медицинский чин, прибывший на грузовике с несколькими сестрами милосердия. Мы быстро, несмотря на протесты этого чина, погрузились на машину и через весь город помчались к Графской пристани. В городе уже шла беспорядочная стрельба, на улицах валялись трупы. Было заметно настроение приближающегося ужаса. На набережной наши вещи во мгновение ока были сброшены и грузовик исчез. С набережной мы видели «Ялту», отделенную от нас морем, расстоянием приблизительно в одну милю. Способов добраться до нее видно не было. Я быстро спустился вниз и увидел несколько лодок под присмотром око-

лодочного. На мой зов спустились мои спутники и стали грузить багаж в лодку. Околодочный запротестовал, заявив, что эти лодки предназначены для должностных лиц, на что я заявил, что именно поэтому я и беру одну из них, и назвал себя. К счастью, я был в форменной шинели с погонами. Околодочный откозырял и лишь попросил, чтобы мы дали на чай лодочнику, который «с утра здесь мерзнет».

Вскоре мы подошли к «Ялте». Это было большое грузовое судно для перевозки угля, приспособленное (скорее использованное, так как никаких санитарных приспособлений на нем не было) для эвакуации раненых. Без груза это судно высоко возвышалось над поверхностью воды, и мы с большими трудностями по веревочной лестнице взобрались на него. Судно это было переполнено, и нам с трудом удалось устроиться на железной, совершенно открытой палубе.

К вечеру мы почему-то снова отправились в Южную бухту, где и получили часов около семи вечера приказ по рупору сняться с якоря и взять курс на Константинополь. Очень волновались, разведут ли понтонный мост и дадут ли возможность пройти. В городе шла бесперебойная стрельба, на набережной жутко горели склады. Как раз в этот момент команда выстроилась на палубе для вечерней молитвы. Потрясающее впечатление произвело пение молитвы «Спаси, Господи, люди Твоя» на фоне пылающих зданий и при звуках ружейной перестрелки. В такой трагической обстановке я прощался и, увы, как оказалось, навсегда с моей Родиной.

Наш пароход покинул Севастопольский рейд первым, но пришел в Константинополь последним. Мы пять суток болтались в море, на открытой палубе под холодным мокрым снегом и дождем. Мы буксировали какой-то поврежденный миноносец. Несколько раз цепи рвались и команде приходилось при большом ветре и качке заменять их. Питание было более чем скудное, а последние два дня ограничивалось только хлебом. Молодые Янишевские (снятые с «Кагула» матросы, куда они сбежали из дома в Одессе гимназистами 15 и 16 лет) с волчьими «матросскими» аппетитами набрасывались на хлеб и моментально уничтожали все наши порции, так что мне пришлось взять на себя диктаторские обязанности и распределять хлеб рациями.

Наконец мы доплыли до Константинополя и на рейде увидели уже прибывшую из Крыма всю великую армаду, к которой присоединилась «Ялта». Все наши помыслы были направлены на скорейшее получение разрешения покинуть пароход, а затем пробраться обратно в Софию. Каким-то, теперь не помню, способом мы связались со знакомыми, уже находившимися в Константинополе. Так прошло несколько дней. Голод и холод продолжались. Пароходы окружали десятки торговцев на

лодках со всякими примитивными съестными продуктами, которые за бесценок обменивались изголодавшимися на обручальные кольца, настоящие кресты и т. п.

Как-то к вечеру к пароходу подошла лодка, и лодочник стал вызывать «прокурора Попова». Я откликнулся, и на блоке мне подняли корзину, наполненную вкусной, давно забытой едой: котлетами, сардинами, колбасой, в изобилии хлебом и пр. Прибавлена была также бутылка водки и вина. Это мой одесский судебный следователь Агура, ранее эвакуировавшийся в Константинополь и поступивший на службу в наше посольство, узнав о моем пребывании на «Ялте», прислал продовольствие с особо ценной для меня запиской, в которой сообщил, что разрешение мне покинуть судно уже имеется. Присланной еды было так много, что хватило ее не только на семью Янишевских (действительно ставшую мне родной), но удалось угостить и соседей, и мы впервые со дня нашей посадки на пароход поели вдоволь.

На второй или третий день комендант получил распоряжение, и я с семьей Янишевских съехал на берег. К счастью, у профессора Янишевского оказался знакомый врач, живший на окраине города, и он приютил нас. Сейчас же мы начали хлопоты на въезд в Болгарию. Насколько это оказалось легко профессору Янишевскому, числившемуся профессором Софийского университета, настолько мое положение оказалось значительно более сложным: недавно, в Севастополе, возникшее отдаленное мое «родство» с семьей профессора Янишевского болгарским консулом во внимание принято не было и в визе в Болгарию он мне отказал. На мое счастье, у меня случайно сохранилось удостоверение страхового общества в Софии, в котором я прослужил несколько недель по приезде в Болгарию, о моей службе в этом обществе. Это дало возможность консулу, человеку вообще благожелательному, признать меня чиновником этого общества и на этом основании дать мне визу в Болгарию и даже снабдить меня бесплатным железнодорожным билетом.

В конце ноября мы приехали в Софию. Этим закончилась моя «крымская эпопея». С каким радостным чувством, полный надежд, я уезжал в Крым и с какой грустью и тоскливым чувством я въезжал в Софию, в этот сумрачный, холодный зимний день...

Прошли года. Скоро 50 лет со дня описанных мною эвакуаций. Личные лишения и невзгоды давно забыты. Но никогда не изгладятся в памяти и будут всегда стоять перед моими глазами десятки тысяч наших доблестных воинов. Изнемогая в неравной борьбе, они отступали, защищая каждую пядь родной земли. Подавленные огромной численностью жестокого противника, не желая ему сдаться, с оружием в руках, они заполнили пароходы, предпочитая неизвестность, полную лишений, сда-

че на милость противника. Не забуду я наших воинов, переполнивших пароходы, — голодных, мерзнувших, в оборванных, часто простреленных шинелях. Их морально светлый образ — последних защитников Родной Земли, всегда стоит перед моими глазами, — им честь и слава.

*И. Савин*³⁵⁰

ПЛЕН³⁵¹

После отхода Русской Армии из Северной Таврии, 3-й сводный кавалерийский полк³⁵², куда входили в виде отдельных эскадронов белгородские уланы³⁵³, ахтырские гусары³⁵⁴ и стародубские драгуны³⁵⁵, был назначен в резерв. По дороге в тыл несколько человек солдат 3-го полка, в том числе и я — от уланского эскадрона — были посланы за фуражом на станцию Таганаш.

Когда отряд под начальством и с людьми ротмистра Прежславского возвращался к месту стоянки полка, я почувствовал себя настолько плохо, что вынужден был, с разрешения господина ротмистра, остаться по дороге в одной из немецких колоний, название которой уже улетучилось из моей памяти. Предполагаемая простуда оказалась возвратным тифом. Я попал в джанкойский железнодорожный (2-й) лазарет.

После одного из приступов я узнал от санитаря, что Перекоп взят красными. Надеяться на пощаду со стороны советской власти я ни в какой степени не мог: кроме меня, в Белой армии служило еще четыре моих брата — младший из них, как оказалось впоследствии, был убит в бою с красными под Ореховом, в июле 1920 года, второй пал в бою под станцией Егорлыцкой, в феврале 1920 года, двое старших были расстреляны в Симферополе, в ноябре 1920 года. Идти пешком к югу, совершенно больной, я не мог: лазарет в целом почему-то эвакуирован не был.

Ожидалась отправка последнего поезда на Симферополь. С помощью санитаров я и мой сосед по палате сели в товарный вагон. Через два часа все станции к югу от Джанкоя были заняты советскими войсками. Поезд никуда не ушел. Нам посоветовали возможно скорее возвратиться в лазарет, где встреча с красными была бы все же безопаснее, чем в вагоне. Сосед идти без посторонней помощи не мог (раздробление кости в ноге), я буквально дополз с вокзала к лазарету — шагов четыреста всего. Посланные санитары в вагоне соседа моего не нашли. На следующее утро красные заняли Джанкой и разбили ему голову прикладом, предварительно раздев.

Первыми ворвались в Крым махновцы и буденновцы. Их отношение к пленным можно было назвать даже в некоторой степени гуманным.

Больных и раненых они вовсе не трогали, английским обмундированием брезгали, достаточно получив его в результате раздевания пленных на самом фронте. Интересовались они только штатским платьем, деньгами, ценностями. Ворвавшаяся за ними красная пехота — босой, грязный сброд — оставляла пленным только нижнее белье, да и то не всегда. Хлынувший за большевистской пехотой большевистский тыл раздевал уже догола, не брезгая даже вшивой красноармейской гимнастеркой, только что милостиво брошенной нам сердобольным махновцем.

Приблизительно через неделю меня, вместе с другими еле державшимися на ногах людьми, отправили в комендатуру «на регистрацию». В комендантском дворе собралось несколько тысяч пленных в такой пропорции: четыре пятых служивших когда-нибудь в красных рядах, одна пятая — чисто-белых. Я принадлежал к последней категории, почему и был избит до крови каким-то матросом в николаевской шинели. Сперва нас думали опрашивать, но это затянулось бы на месяцы (тысячи пленных все прибывали с юга). В конце концов, составив сотни, нас погнали на север.

Джанкой

По серому больничному одеялу шагал крошечный Наполеон. Помню хорошо, вместо глаз у него были две желтые пуговицы, на треугольной шляпе красноармейская звезда, а в левой, крепко сжатой в кулак, руке виднелась медная проволока.

Наполеон шагал по одеялу и тянул за собой товарные вагоны — много, тысячи, миллионы буро-красных вагонов. Когда бесчисленные колеса подкатывались к краю кровати и свисали вниз дребезжащей гусеницей, Наполеон наматывал их на шею, как нитку алых бус, и кричал, топая ногами в огромных галошах:

— Вы, батенька мой, опупели, вы совсем опупели...

Наполеон шагал по одеялу, звенел шпорами из папиросной бумаги, просачивался сквозь серую шерсть, таял, и из пыльной груды вагонов выползла Веста — охотничья собака старшего брата.

У Весты длинный язык со скользкими пупырышками пахнул снегом, водными лилиями и еще чем-то таким, от чего еще бессильнее становились мои руки под одеялом. Собака лизала мне подбородок, губы, нос, волосы, рвала подушку, лаяла... Потом Веста рассыпалась рыжим дымом, таяла, и у кровати появлялось длинное белое пятно с красным крестом наверху. Пятно наклонялось надо мной, дыша йодом и выцветшими духами, жгло лоб мягкой ладонью, спрашивало:

— У вас большой жар, милый? Да?..

Так шли часы, дни. Может быть, было бы лучше, если бы очередной приступ обрезал их тонким горячим ножом. Не знаю. Может быть!

Когда пугливая неуверенная мысль, впервые после долгого бреда, промыла глаза и осеннее солнце запрыгало по палате, у дверей стоял санитар в черной шинели с коричневым обшлагом на рукаве и говорил дежурной сестре эти невероятно-глупые слова:

— Перекоп взят!

...Еще в конце, даже в начале сентября в Северной Таврии наступили такие холода, что из озябших пальцев выпадали поводыя. Еще в сентябре, перебрасываемые с одного фронта на другой, мы жгли по пути костры, поднимали воротники шинелей и часто, чтобы согреться, вели коней в поводу. Теперь, в последних числах октября, вечер был необычайно свеж. Рельсы поблескивали не то росой, но то инеем. Наверху, в спутанном клубке холодных облаков, плыла совсем северная луна — бледно-желтая, с затушеванными краями.

Джанкой — так похожий на еврейское местечко Юго-Западного края, не будь в нем чего-то татарского, — спал или притворялся, что спит, и в этом обычном для периода безвластия безмолвии было что-то зловещее, жуткое. То и дело, отдыхая у серых стен, я старался не уронить из памяти одного:

— Надо поскорей добраться до лазарета и сказать, чтобы за донцом послали санитаров... Он лежит в том же вагоне... Ноги распухают, самому ему не подняться...

Но как вспомнить дорогу? Как мы шли тот раз? Я вглядывался в холодную темень — и ничего не видел и не понимал. В глазах вертелись огненные колеса, редкие деревья, заборы, крыши сливались в серое пятно.

Когда я остановился на небольшой площадке, окруженной какими-то казенного типа сараями, и думал: теперь, кажется, направо... вон туда, где трава... — сзади показался разъезд из пяти человек. Кони осторожно ступали по сбитой мостовой, слышался говор. Я прильнул к стене, покрытой тенью колодца, — разъезд проехал мимо, потревожив влажную пыль. У переднего на длинном ремне болтался большой маузер, до бровей спустилась остроконечная шапка. Задний сказал, зевая:

— Никого тут уже нету, товарищи. Айда обратно! — и круто повернул вороного конька...

Только к ночи я попал, наконец, в лазарет и лег в свою кровать, охваченный шестым приступом. Парня с глуповатым, но ехидным лицом не было — он ушел «добывать» табак и сахар. За донцом послали другого санитаров — он не нашел его. Отложили до утра. А утром, ког-

да Джанкой уже был занят красными, донца нашли в вагоне с проломленной прикладом головой и раздетого догола. Окровавленное лицо его было кощунственно огажено.

Не пришел больше Наполеон с двумя желтыми пуговицами вместо глаз, с длинной цепью бурых вагонов, не шевелила пупырчатым языком Веста, не наклонялось надо мной белое пятно с красным крестом наверху. Ничего. Только серая, тягучая липкая пелена плыла перед широко открытыми глазами, да изредка прорывались сквозь нее обрывки чьих-то фраз и хмурые шарик солнца — осеннего, чужого.

— Потому как я красный командир, — сказал кто-то, открывая окно, от чего струя холодного воздуха колыхнулась в палате, — то мне и здесь недолго валандаться. Другие прочие, может, в расход, а я — роту даешь! Послужим...

В углу засмеялись? Кажется, Осипов?

— Как же ты, командир, а белым в плен сдался? Подштанников не запачкал? Сморкач ты, а не командир...

Ротный, беспрестанно икая, ответил что-то громко и раздраженно. Взвизгнула за окном гармоника. Прогремело что-то... Как будто броневик. Я приподнялся, вслушиваясь, а серая липкая пелена обвила голову, наливая ее ноющим звоном. Опять лег, тревожно осматривая высокого старика, подходившего ко мне с записной книжкой в трясущихся руках.

«Кто это? — подумал я. — Беспокойные черные глаза, шрам на правом виске... на темно-синем халате белая дорожка слюны... Идет, подпрыгивает... Кто это? Боже! Я не помню...»

Старик погладил спинку моей кровати и залепетал скороговоркой, задыхаясь и брызгая слюной:

— Я вас записал... вот сюда... придут они, — я скажу, что вы... вы хотели удрать... а поезда не было... Поезда... Не просите... таковы законы, не имею права... не просите!

Бессмысленно улыбаясь, я долго смотрел на прыгающие в бреду черные глаза... Полковник Латин... Да, полковник Латин.

— Дайте мне воды, господин полковник... Вот, на столике... Глупости записывать... Вот... Мне трудно самому... Пожалуйста!

Латин обнял обеими руками графин, уронил его на одеяло, сел на пол и вдруг заплакал, собирая с одеяла воду записной книжкой.

Задержать противника, а у меня люди... Я им: в цель!.. Но поймите... Задержать, а самурцы...

К ночи он умер — сердце не выдержало.

Высокой ли температуры? Думал ли о красной мести?

«На тонкой паутинке колышется сердце человеческое. Качнешь сильнее — и нет его...» (Иннокентий Анненский).

Когда увозили Латина в покойницкую, вздыхали сестры и сдержанно покрикивал доктор, резко похудевший в эти дни, в палату вошел красный офицер, изысканно одетый. Это был первый визит победителей со дня занятия Джанкоя.

Сразу все стихло. Санитары опустили тело Латина на первую попавшую койку. Старшая сестра — я никогда не забуду вашей удивительной ласковости — нервно оправила косынку и прижала к груди руку — маленькую, пухлую, с детскими пальцами.

— Старший врач джанкойского... лазарета, — сказал доктор, для чего-то комкая историю болезни умершего полковника.

Офицер беглым взглядом окинул палату. Необыкновенно красивое, немолодое уже, с тонкими чертами лицо было замкнуто и спокойно... На зеленой тужурке с орденом красного знамени под нашивным карманом отчетливо выделялась кисть руки изящного рисунка. «Может быть, гвардеец...» — подумал я горько.

— Ага, хорошо... — сказал офицер, слегка картавя. — Кто у вас здесь?

— Пленные...

— Белые, красные?

— Собственно говоря, они все белые... — Доктор с досадой кашлянул. — То есть я хотел сказать, что все они служили у Врангеля, но некоторые раньше были в вашей армии.

— В какой?

— В Красной армии...

— Почему же «в вашей»?

— Простите, я ошибся.

— Ага... хорошо. Федор, неси сюда пакет!

Упитанный красноармеец в кавказской бурке, с серебряным кинжалом, но в лаптях — («Господи!» — вскрикнул в углу Осипов) — принес из коридора большой сверток, стянутый винтовочным ремнем, и почтительно удалился...

— Вот здесь, — сказал офицер, сухо глядя на доктора, — папиросы, сахар и сушеные фрукты. Раздайте поровну вашим больным. Всем без исключения — и белым и красным и зеленым, если у вас таковые имеются. Я сам бывал в разных переделках, так что знаю. Все мы люди... Прощайте!

Круто повернулся на каблуках и направился к дверям, по дороге остановился у безнадежно больного туберкулезом ротмистра Р. и спросил с безучастной сердечностью (бывает такой оттенок голоса, когда кажется, что движет не чувство, а долг, к которому хочется следовать, обязанность, воспитание):

— Ты в какой части был, братец?

— В той, которая с удовольствием повесила бы тебя, красный лажей, лизоблюд совдепский. Пошел вон!

Офицер невозмутимо пожал плечами.

— Не нервничайте, это вам вредно! — И вышел.

Доктор принялся развязывать пакет. Больные обступили судорожно кашляющего, крича, смеясь и ругаясь. Особенно неистовствовал бывший красный командир:

— Хошь он, видать, и царский офицер, а душевный человек, с помощью к нам пришел. Надо тоже понятие иметь, сыр ты голландский! Чего окрысился так? Думаешь, может? Все одно, не сегодня, так завтра сдохнешь!

А я?.. Какая-то скрытая, мучительная правда почудилась мне в ответе ротмистра. Что-то большее, чем раздражение обреченного было в этих злых словах, в этом презрении полумертвого к обидной милостыне врага, когда-то бывшего, быть может, другом.

По приказу джанкойского коменданта направлять в его распоряжение всех выздоравливающих — из лазарета ежедневно выбывало по несколько еле державшихся на ногах человек, которых специально посланный санитар отводил на «филтрацию» в особую комиссию при комендатуре.

Филтрация заключалась в коротком допросе, долгом истязании, голодовке, заполнении анкет и распределении опрошенных и избитых по трем направлениям: в ряды Красной армии, преимущественно пехоты, в Мелитополь — для дальнейшего выяснения личности (захваченные в плен на юге Крыма направлялись в Симферополь) и на полотно железной дороги — под расстрел. Судя по заслугам перед революцией.

Дней через пять после визита сердобольного военспеца из лазарета были выписаны трое: крестьянин Харьковской губернии Петр Ф. доброволец и потому очень беспокоившийся за свою судьбу, поразительно мягкой души человек, развлекавший весь лазарет мастерским исполнением известной малороссийской песни на слова Шевченко: «Реве тай стогнэ Днипр широкий» житель города Ставрополя, Поликарп Кожухин, за последние шесть лет носивший мундир семи армий — Императорской, Красной, армии адмирала Колчака, Добровольческой — генерала Деникина, петлюровской, польской и Русской Армии — генерала Врангеля, не считая кратковременного пребывания в казачьих повстанческих отрядах и у Махно. Он был заразительно весел, уверял нас, что «жизнь есть колбаса, только надо уметь есть ее с обоих концов сразу» и бодро смотреть на будущее.

Третьим был «Военнообязанный Сав...ин Иван, родившийся в 1899 году, без никакого документа, говорит — утерянный, брунетистый,

большого росту». Эту «вздорную» сопроводительную записку помню до сих пор: на оберточной бумаге, засаленная, с неразборчивой, как будто сконфуженной подписью нашего доктора и крупными каракулями под ней: «Писал и зверностью верно удостоверяю каменданский санетар Гаврилов», в левом углу печать лазарета с двуглавым орлом и короной...

Уходить из лазарета, сразу ставшего близким, уходить на расправу распоясавшей черни было невыносимо тяжело, да и не исключалась возможность седьмого приступа — по-прежнему остро болела голова. Я жадно, глубоко, искренне жалел о том, что остался жив, и, прощаясь с сестрами, наполнявшими мне карманы провизией и деньгами (некоторое время врангелевские ассигнации еще шли в Крыму, фунт черного хлеба на них стоил 250 рублей, советскими — 150) я сказал стыдливым шепотом:

— Если бы у меня был револьвер или яд какой-нибудь... Никогда не был трусом, но погибнуть в бою, это одно, а в чека...

Петр Ф. переложил с одного плеча на другое свой походный мешок.

— Сегодня тридцать человек на рельсах ухлопали. Былы, кажут, здорово.

Старшая сестра отвела меня в сторону и, перекрестив, до боли крепко сжала мне руки.

— Будьте тверды! — сказала она строго, почти сурово. — Сейчас вы еще больны и потому растерялись. Потом стыдно будет... Не надо! Я не буду совсем уверять вас, что наше положение не опасно. Вот вы и не брились уже сколько недель и фуражку вашу уланскую я на кухне сожгла, нарочно не умываетесь а все-таки опытный глаз сразу заметит — «буржуя». И все же надо приложить все усилия, чтобы остаться в живых. Понимаете — все! Никому не станет лучше, если погибнете и вы. Вы еще нужны семье и, — она осторожно оглянулась, — белой России. Идите, бедный мой мальчик!...

Ее матерински добрые, ласковые, ставшие вдруг круглыми, глаза налились терпкой болью.

— Эй, братишка, скидывай шинель!

Мы все с недоумением оглянулись на нашего «санетара», но и он, видимо, опешил перед этим грозным окликом махновца, пересекшего нам дорогу у самого лазарета.

Я злобно снял шинель и подал ее всаднику — разговоры все равно были бы излишни. Махновец не торопясь надел ее, туго затянул красным кожаным поясом и бросил мне взамен свою — дырявую, без пуговиц.

— Ну, братишка, не взыщи, ты в тыл пойдешь, а мне еще служить, как медному котелку.

Сполз с седла и протянул мне несколько смятых бумажек:

— Вот тут три тыщи, возьми. Твоя-то шинель получше моей, так чтоб без обману, по-хорошему чтоб. У меня грошей куры не клюют, а тебе понадобятся. На хлебушку, што ли...

Тронулась кудлатая гнедая лошадка, помахивая огромным алым бантом на хвосте. Махновец скрылся за углом.

— Ще один худый знак, — сказал Ф. — Офицер и этот... Колы значала добре, значит, пуля по нас плачет.

Кожухин закрыл один глаз и высунул язык, немилосердно гримасничая.

— Та неужто? И-их, боже мой! И на кого ты нас остави-и-и! Знаешь, что я тебе скажу, галушка ты харьковская: не скули. Главное — не скули! Ты, видать, в первой в такую кашу влип, а мне это все равно что наплевать. Я и одежду всю и часы наручные в лазарете оставил. Потому привычный уже к этому — разов тридцать... в плен попадался... А дней через три, когда разденут всех, как липок, я — к сиделке Соньке: одежду даешь, часы даешь! Во какой я братцы, артист! Как с гуся вода. Но, между прочим, жрать чево-то захотелось. Сав.ин!

Он толкнул меня в локоть. Я шел рядом с ним, впереди «санитар», сзади харьковец, я глубоко дышал от усталости и с внимательным, хотя и не совсем радостным любопытством осматривал непривычную мне картину: плетущиеся к югу обозы, море красных пятен, извилистые провалы в грязных джанкойских домиках, густую сочную ругань на каждом шагу, группы бесцельно шатающихся красноармейцев у комендатуры — раздевать уже было некого. На бревнах, кирпичках разрушенных обстрелом зданий и просто в сипло чавкающей грязи расположились тысячи пленных в одном белье, а часто и без него. На многих лицах я заметил ссадины, кровоподтеки, багрово-синие опухоли.

Было бы неверно сказать, что картина эта произвела на меня потрясающее впечатление: слишком притупились нервы в эти безысходные дни... Жизнь шла мимо них, ненужная в своей звериной наготе. Не потому ли мне так упрямо, так жадно хотелось умереть?

— Ну? — проронил я, замедляя шаг. — Что вам, Кожухин?

— Ты ж не забудь, что я говорил-то, — сказал ставрополец вполголоса, чтобы не услышал санитар. — Нахрапом лезть на них, сволочей, ни в коем разе не идет. Хорошо бы слезу подпустить, да ты, я вижу, не артист и нутро у тебя панское. Вот я, так усякого чекиста проведу. Пропади я на этом месте! Полячка, та любит гонор, а у белых на бессознательности выедешь. А эта шпана перво-наперво начинает с панталыку, т. е. с толку сшибать. Такую, стерва, комбинацию загнет, что сразу засыпишься. Так ты смотри в оба!

— Хорошо...

— Главное, чтобы на каждый вопросец у тебя ответ был. На каждый — где был у первой половине сентября девятнадцатого года? Сколько годов и дней бабе твоей, ежели женат? По какой такой причине тебе советская власть ндравится? Сколько солдат было в твоей части, зачем так мало али много? Я тебе говорю — усе надо знать. Меня в чеках одиннадцать раз допрашивали. Чуть замнешься — пиши пропало!

Он дернул меня за рукав и закричал с легким хохотком:

— Смотри, смотри! Петька-то наш!

Ф. отстал шагов на двадцать, сидел на ящике из-под консервов и растерянно улыбался. Рыжий красноармеец стягивал с него сапоги, два других спорили из-за хорошего, на заячем меху полушубка харьковца. Какой-то матрос сорвал с него шапку и надел ему на голову ведро с незастывшей известью...

— Каюсь, — засмеялся и я. Особенно тогда, когда харьковец присоединился к нам, весь в липких струйках извести.

В комендантском дворе стояли две разбитые кухни, у которых невероятно толстый человек, тоже из пленных, записывал вновь приходящих.

Зачем? Так и осталось невыясненным. Говорили, что по спискам будут давать какую-то бурду и четверть фунта хлеба в день до отправки в Красную армию, в Мелитополь или на полотно. За четверть суток своего сидения в Джанкое я не получил ничего, кроме ударов от рук до прикладов включительно.

У левой кухни записывали «белокрасных», т. е. уже служивших когда-либо в советских рядах: там суетилось несколько сот человек. У правой — был летучий штаб «чисто-белых»... Человек двадцать, приблизительно...

Я вспомнил советы ставропольца и спокойно подошел к «штабу».

— Фамилия, имя?

Тщательно продумав все могущие быть мне предложенными вопросы, заранее составив свою биографию, ложную от начала до конца, я еще в лазарете решил, что изменять фамилию и имя не имеет никакого смысла — вряд ли возможно, что все десятки тысяч пленных были отправлены по месту жительства для детального выяснения их прошлого. Кроме того, если удастся остаться в живых, я как-нибудь спишусь со своими и смогу получить документы, нужные для «драпа».

— Сав-ин Иван.

— Чин, часть? — спросил толстяк.

— Младший писарь четвертого пехотного полка, — ответил я, не моргнув глазом, не будучи, впрочем, уверен, что такой полк существовал когда-нибудь.

«Начальник штаба» потер свой заплывший жиром живот, чуть прикрытый сиреневыми, совершенно изодранными кальсонами.

— Такого полка, кажется, не было. Я в интендантстве служил и знаю. Хотите третий конский запас, отдела ремонта армии? Вполне нейтральный. Если для допроса вам нужно знать фамилии начальства, я скажу. Командиром запаса был полковник Варун-Сек...

— Спасибо! — сказал я, чуть дотрагиваясь до козырька. — Эту часть я хорошо знаю. Так и пишите. Только, пожалуйста, младшим писарем — я на пишущей машинке когда-то писал...

Толстяк кончил писать и слез с кухни.

— Скоро вас, вероятно, разоблачат. Только не спорьте с ними! Посмотрите, какой я пижон. Прямо из модного журнала. Только хризантемы в левую ноздрю не хватает...

Он вскрикнул и поднял ногу: на голой ступне блеснул небольшой осколок стекла.

— Пьянствует здесь эта матросня проклятая. Бутылки бьют, мерзавцы!

Раздели меня не скоро, а сию же минуту. Шинель и тапки взял наш «санитар» — вместе с хлебом, деньгами и табаком. Кожаную безрукавку с трехэтажным ругательством сорвал какой-то кавалерист с подковами вместо шпор. Носки, брюки и кальсоны угрюмо потребовал хмурый тип в николаевской шинели. Минут пять я переходил из рук в руки, бесслезно плача о своей собственной беспомощности, от грубого облапивания меня сотнями рук, от дикого хохота визжащей, хлопающей, нетрезвой толпы...

* * *

Через весь огромный двор в комендатуре тянулась цепь пленных. Со всех сторон, их то и дело ощупывали сотни рук, раздевая, выменивая новое обмундирование на поношенное, на рвань, жадно выискивая в карманах деньги и табак.

За полчаса я переменял шесть головных уборов: взамен лазаретной фуражки «санитар» бросил мне шапку, сильно потертую, но теплую: Шапкой прельстился комендантский часовой, человек, по-видимому, общительный и очень образованный — каждую фразу он уснащал словами «сослагательное наклонение», после чего, артистически сплюнув, вспоминал своих родственников, до родной дочери включительно.

Его обступала тесным кольцом толпа красноармейцев, встречая хохотом рассказы о том, «как надо... мать, всякую буржуазию понимать и сослагательным наклонением крыть, чтобы...» — дальше шла рифма.

Слушатели называли его почему-то «то есть профессором» и «чертовым пупом», но не злобно, а ласково, даже любовно.

«То есть профессор» предложил моему вниманию буденовку с прожженным верхом, ее заменила бескозырка в сгустках крови, бескозырку — цилиндрическая шапка из вагонного плюша. В конце концов на моей голове красовалась продырявленная тиролька, бог весть как сюда попавшая. Вероятно, она мне очень шла, так как прогуливавшийся взад и вперед «комендант» в сиреневых кальсонах восхищенно сказал мне:

— Первый приз за красоту безусловно принадлежит вам... Как жаль все-таки, что ваше изображение не сохранится для потомства.

Я выдавил из себя что-то вроде улыбки и вздрогнул от холода. Вдоль дырявых заборов пронесся резкий ветер, ледяными иглами пробежал по голым ногам. Прижавшись всем телом к соседу, совершенно нагому калмыку, я решил, что кожаную черную куртку под рубахой не заметят, не снимут... Но они заметили.

Чья-то рука сбоку, сбив с головы фуражку, медленно поползла по моей спине и остановилась. Кто-то радостно сказал:

— Ишь ты, куртка! Скидывай, сволочь!

Я снял рубаху. Огромного роста парень в балыке поверх студенческой фуражки сорвал с меня куртку.

— Ишь ты, новая! А не офицер ты, часом?

— Нет, не офицер, писарь.

К нам подошли трое из числа аудитории, «то-есть профессора». Один из них, приложив руку к козырьку и крикнув: «Здравия желаю, господин Врангель» — предложил парню в башлыке:

— Микитка, звездани яво по зеркалу!

Микитка звезданул. Я упал на калмыка, из носу пошла кровь.

— Смотри, братва, слюни пустил! Понравилось!

Микитка звезданул еще. Удар пришелся по голове. Я сполз с дрожащего калмыка в грязь, судорожно стиснул зубы. Нельзя было кричать. Крик унизил бы мою боль и ту сокровенную правду, которой билось тогда сердце, которой бьется оно и теперь. Мощным движением руки красноармеец в студенческой фуражке поставил меня на колени. В толпе раздался голос:

— Собака, и та чувство имеет. Што ты, подлюга, больного человека бьешь? В чекушке, видно, работал.

Микитка закурил, постучал папиросой по серебряному портсигару.

— Тебя не..., так ногами не совай. Ишь ты, аблокат какой нашелся! Довольно с него и двух разов! Довольно! По мордасям больше бить не буду. А вот крест на нем золотой имеется, так это нам пригодится, в очко сыграем. Снимай крест!

Я неподвижно стоял на коленях, качаясь от слабости и боли. Рядом со мной ежеминутно вздрагивали ноги калмыка, в сочившихся гноем рубцах. По-прежнему смеялась, стонала и пела толпа.

Микитка сам снял с моей шеи цепочку. Когда ее мелкие холодные кольца коснулись висков, густая, почти черная капля крови, скатившись по губам, упала на крест.

«Твой крест, мама...»

— Честь имею явиться. Поликарп Кожухин, хвельдфебеля джанкойской армии!

Я с трудом поднял голову и увидел ставропольца. На нем была измазанная сажей юбка с синими разводами. На свисавшей лохмотьями гимнастерке виднелись нарисованные химическим карандашом унтер-офицерские погоны.

— Можно сказать, в чин произвели, сукины дети. Ты, грит, видно, фельдфебелем у белых был, так теперь побудь хвельдфебельшей. И между прочим, по морде! Сказано, шпана. Тольки, слава те господи, — как с гуся вода. Потому как морда у меня луженая, в одиннадцати чеках посидевши. И очень просто говорю...

Он вдруг замолчал и долго меня рассматривал.

— Оно видно, и тебя в чин произвели. Кровя из тебя так и хлещет. На, оботри хоть.

Он оторвал подол юбки и подал мне.

— Как же это тебя так, а? Ты бы митингу им открыл: товарищи, как из белых-то, извините за выражение, каюсь, пропади я на этом месте! И чтоб у меня живот опух! И слезу агромадную пустил бы... Во, братцы, из нутра, можно сказать, и очень просто. Что ж они говорили тебе, а? Ничего не говорили... Одним словом — в зеркало? Одним словом...

Начало темнеть. Одна за другой, как огненные слезы, выступали из тьмы звезды. У вокзала изредка раздавались выстрелы, и тогда казалось, что предсмертный хрип убитого вместе с эхом плывет над притихшим городом.

— Стреляй, стреляй, дурья твоя голова, — сказал, помолчав, Кожухин. — Пропишут и тебе кузькину мать, не сумлевайся! — Он зевнул, почесываясь. — О-хо-хо, дела, да и только. Но между прочим, вздохнуть не мешает. Душа у меня, должно, не на месте: как кто по роже меня заедет, чичас спать хочу. Не на чем, вот что.

Он обошел весь двор и принес в подоле юбки обрывки шинелей, куски грязной ваты, несколько пар рваных брюк и френчей, мешки, солому. Все это было обильно усыпано вшами.

— Вша сон дает, — сказал ставрополец, укрывая меня рванью. — Ты плюнь на все на свете и спи! Утро вечера мудренее, баба девки ядренее.

Через три минуты Кожухин храпел. Проходили мимо пленные: ярко выделялись в полутьме голые ноги и спины. По всему двору, на улице, у облупленных стен комендатуры запылали костры — в консервных жестянках «белобандиты» разваривали вымоленные у красных сухари. Справа, у каменного сарая, на сорванной с петель двери полулежал высокий юноша. Завернувшись в рогожу как в тогу, он сказал кому-то: «Это же свинство, Володька... Ты уже всю папиросу выкурил. Это не по-гусарски! Хоть на одну затяжку оставь, Володька!»

На противоположном конце двора, где стоял «то есть профессор», зашумели. К воротам хлынули тени. Сквозь разноголосую волну криков прорвался выстрел... На миг двор притих, затем у ворот снова зашумели. Ставрополец проснулся и вскочил на ноги. Не иначе, как бьют кого... Пойти посмотреть. А вдруг — ихних... Оказалось, что наших... Два матроса нашли в обмотках пленного капитана погоны. В носке было спрятано кольцо.

— Их было двое, матросов-то, — рассказывал Кожухин, — ахфицер один и кольцо — одно. Расстрелять! Расстрелять, а кольцо кому? Ну и порешили, чтоб без обману: поставили его — капитана-то, к забору и погон прикололи... Условие, кто попадет в погон, получит кольцо. Стреляли оба, а дырка одна. А ахфицер кончается... Кто мазу дал, неизвестно... а камень в кольце... во брульянт! Спорили они оба, спорили сапоги вырываячи, порвали — все одно: дырка в пагоне одна. Позвали коменданта, чтоб, значит, размирил свою братву, а комендант — не дурак — возьми и скажи: это, грит, не брульянт, а самое что ни есть стекло. И, грит, военный трофей. Положил в карман и ушел. А матросы сапоги разодрали, в капитановы штаны и уцепились...

Он долго и со вкусом рассказывал... Только под утро, бросая вшивую вату в костер, ставрополец сказал, ни к кому не обращаясь:

— Штаны носить можно, обменять на самогон. А жизнь на кой ляд теперь? Дешевле пупа стала.

До какого раскаленного ужаса должна была дойти жизнь, чтобы даже эта бесшабашная душа дрогнула?!

* * *

...Косой сноп ноябрьской зари неярко мигал в разбитых стеклах ларька, приплюснутого к каменному забору. Замысловатые пласты тумана шли медленно на запад. Весь комендантский двор, все прилегавшие к нему улицы, весь стремительно ограбленный Джанкой были залиты морем пленных. Невидимая рука гнала этот поток полуголых людей к длинному, похожему на гигантский гроб зданию комендатуры.

Сидя на стертых ступеньках крыльца, я искал родных, друзей в беспрестанном человеческом прибое, омывавшем ожесточенно грязно-желтые стены «гроба». Глаза мои сразу же отличали «бело-красных» от «чисто-белых». Грань, слишком явную между теми и другими, ловил даже мимолетный взгляд. Первые, когда их раздевали, почесывали затылки, отвечали порой льстивым смешком, порой легкой бранью, в меру пересыпанной недоуменными вопросами:

— Як же так, товарищи? Мы-х нэ по своей воли к Врангелю перекунулись. Нам генералы, простить за выраженье, головы затуркалы, — мы и пишылы воивать. Шохь вы, товарищи, робытэ? В бумажках с юрьпланов було усем обещано, що никого раздэвать нэ будут, а вы, товарищи, последний штаны сдираете...

Когда их били, они кровь со своих лиц вытирали сконфуженно-весело, соглашаясь, что нельзя же человеку, да еще победителю, отказать в удовольствии дать кому-нибудь по морде, когда руки чешутся и безответственных морд полон двор. Один из бело-красных, судя по обрывкам погон, бывший марковец, рядовой, даже хлеб вздумал своей физиономией зарабатывать. Я слышал, как он сказал красноармейцу из «червонной дивизии», проходившему по двору со связкой бубликов под мышкой:

— Братик, а, братик, дай бублика! Другой день не жравши.

«Червонный козак» вел меновую торговлю: давал бублик за пачку папирос, два за носки, пять за френч. Он насмешливо оглядел со всех сторон давно уже раздетого марковца и спросил: «А что дашь?»

Марковец засуетился.

— Братик, так у меня ж ни шиша нету. Ей-богу, вот крест. У меня ж усе сняли... — Подумал, широко улыбнулся, оскалив крупные зубы, и добавил: — А может, ты по морде меня ахнешь? Идет за бублик, а?

«Червоноармеец», под хохот собравшейся толпы, положил связку на камень, не спеша засучил рукава, сильным ударом по уху швырнул далеко в сторону вскрикнувшего марковца и так же не спеша пошел к воротам.

Бублика «братик» не дал...

Оставление Крыма белыми, плен, комендантский «гроб», фильтрация — были для «бело-красных» только очередным звеном той тягостной цепи, в которую их заковала еще в 1914 году война, сначала всемирная, потом Гражданская. «Джанкойское звено» для многих из них было даже желанным звеньем предыдущих: казалось, что оно знаменовало собой завершение цепи — говорили, захлебываясь от радости, что после регистрации всех отпустят по домам.

Поэтому «бело-красные» день и ночь брали приступом все двери и окна комендатуры. Пятью бесконечными ручьями медленно про-

сачивалась эта шивая и голодная толпа сквозь «гроб», ожидая «бес-срочного отпуска», обещанного им наглой ложью большевистских про-кламаций.

Для нас, для «врангелевцев» чистой воды, трагическое завершение белого движения было смертельным ударом. Он убивал в тех, кто плыл в эти безысходные дни к босфорским берегам, последнюю надежду на возобновление борьбы за русскую Россию. В нас, попавших в красный плен, он убивал и эту надежду и самую жизнь.

Поволочив десятки верст по джанкойским и иным камням изранен-ные ноги и сломленную отчаянием душу, просиживали «белогвардей-цы» часами неподвижно у заборов и стен. Было в этой неподвижности оцепенение, недоверие какое-то к совершившемуся и совершающему-ся: может, просто приснилось все это? Может, все это — не жизнь, не явь, а так — «нарочно»!

Мсть за то, что Белая армия успела уйти в море, с особой силой обрушилась на наши головы... Но склонялись они покорно. Самую обид-ную брань выслушивали равнодушно. Кровь на лицах и телах засыхала, покрывалась пылью — ее никто не вытирал. Если мы пытались бравур-ной шуткой облегчить свою душевную и телесную боль, — она казалась шуткой приговоренного к повешению. И вместе с тем сквозило в этой белой покорности что-то до того неуловимо прекрасное, что горчайшее унижение человеческого достоинства мы принимали как венец. Не му-ченичества, а скрытой, неясной радости и гордости за дух, который не оплевать и не унижить.

Когда «белогвардейцев» били — а происходило это ежеминутно — я видел явственно в каждой судороге, в каждой капле крови избива-емого ту беспомощную мощь, ту беззащитную правду, которая элек-трическим током пронизывала меня каждый раз, когда надо мной поднимался красноармейский кулак или нагайка. Только тогда, в те воистину голгофские года, я почувствовал в себе, осязал и благословил камень твердости и веры, брошенный мне в душу белой борьбой. Если человек несет в себе внутреннюю правду, всякое насилие извне толь-ко усиливает ее тайную сопротивляемость насилию, приближает ее к святости...

Вглядываясь в мутный калейдоскоп лиц, я привстал со ступенек крыль-ца, хотел пойти к сараю. От голода и побоев закружилась голова, напол-нилась нестерпимым звоном... Толпа оттерла меня назад, ко «гробу».

У крыльца, пряча под свою «фельдфебельскую» юбку какой-то ме-шок, стоял Кожухин. Он ехидно улыбался.

— Чего ты? — спросил я, падая на камни.

Ставрополец ударил себя по невероятно вздувшемуся животу:

— Как меня в бабы произвели, так я, значить, на сносях... Повитухи тут не имеется?

Выждав, какой эффект произведет это неожиданное увеличение его семейства, Кожухин наклонился ко мне и зашептал, приставив к моему уху сложенную рупором ладонь:

— В лазарете был. Сестры очень убивались, что тебя так обработали. Прислали тебе теплую рубаху, жратвы и денжат немного. Самих, говорят, пообчистили братушки. Спрятал я все под юбку, чтоб не отобрали. Рубаху дам вечером, когда потемней будет. На, шамай! Только чтоб неприметно.

И он, подозрительно оглядываясь, протянул мне большой ломоть хлеба с двумя котлетами на нем. Когда и чем отплачу я за помощь, мне и многим оказанную? Отсюда, из далекой северной земли, земной поклон шлю всем, жалости человеческой в себе не заглушившим в те звериные дни!

День прошел, два... С той же неумолимостью раздавались залпы за полотном железной дороги. С тем же упорством билась многотысячная волна в стены комендатуры. Пленные, напирая друг на друга, вливались медленно в охраняемые патрулем двери с надписью «Отдел фильтрации». Вход по одному. Внизу было наклеено объявление, написанное большими печатными буквами: «Исправлять свою нужду в коредоре строго воспрещается. Кто пойдет исправлять будет расстрелян на месте».

Бывшие красноармейцы стремились пройти скорее это чистилище, преддверие рая — «бессрочного отпуска». Красноармейцами никогда не бывшие жались в задних концах очередей, зная, что для них за чистилищем следует «расход».

Я стоял у полуразрушенного дома, саженьях в двухстах от комендатуры, чувствовал ставшее уже привычным прикосновение десятков рук, обыскивавших меня со всех сторон, и думал: «Только в моем хвосте, по крайней мере, тысячи полторы. Когда же, интересно знать, братики чекисты профильтруют всех, если вход по одному? Рваться вперед, конечно, глупо. Подойдем. Авось, братики устанут»...

Кто-то осторожно, почти нежно начал обшаривать меня. Я схватил костлявую грязную руку, оглянулся. Чахоточный красноармеец показывал мне дырявую шинелишку: «Застудил вконец пузо-то. Уж не серчай, одежду с тебя снять хотел».

— Брат мой, — с философским спокойствием ответил я, — я сам на себе целой тряпки не найду, как же ты найдешь? Отойди, ты заслоняешь мне солнце...

Солдатик удивленно вскинул воспаленные свои глаза и нырнул в толпу, продолжая ловлю «одежи», без всякого, впрочем, успеха: вся

рыба из пленного моря давно уже была выловлена неводами первых рыбаков...

Из чистилища вышел некто в черной куртке, взмахнул платком. Сразу же смолк человеческий прибой. Некто сипло прокричал:

— Товарищи пленные, фильтрации больше не будет. Здорово много вас поднавалило. Кроме того, особый отдел решил: раз вы остались на севере Крыма, не удрали с генералами к морю, то значит, вы есть неосознательное население и...

— Правильно! — заорали впереди. — Мы што? Правильно! Врангель нас силком...

— И значит, вы, — продолжал некто, надрываясь в сиплом крике, — не есть враги рабоче-крестьянской власти. Особый отдел объявляет вам амнистию, которую...

— Правильно! Во! Неча там канит... Тулу даешь! Крути Гаврила! — орали впереди.

— Знаем мы вашу амнистию. Сами с усами... — послышался справа иронический голос.

— Товарищи пленные, собирайтесь в сотни. Пойдете под конвоем в Мелитополь.

— Пошто конвой? Амнистия! Отставить ребята! По домам! — неистововали «бело-красные».

— Товарищи, в Мелитополе разберут! Кого надо, по домам пустят. Или же в расход, — добавил тот же голос справа.

Толпа хлынула на выгон, за комендатурой, разбилась на группы. Искали земляков, выкрикивали фамилии, составляли списки, спорили и виртуозно ругались. Зная, что приготовленная для нас в Мелитополе пуля не волк, в лес не убежит, я не торопился записываться в сотню. Медлил и Кожухин: «Солдатни на всю нашу братью все одно не хватит... Повременим маленько, авось без конвоя пойдём».

Так и вышло. Сперва каждую сотню сопровождало двадцать вооруженных красноармейцев, потом десять, потом пять. В конце концов, пленные уходили из Джанкоя или совершенно без конвоя, или их вел, так сказать, почетный конвоир из советского обозного сброда, полураздетый, безоружный, по внешнему виду ничем не отличавшийся от вверенной его попечением сотни «врангелистов».

К вечеру на эту почетную должность уже не находилось кандидатов. Советская армия, со всеми своими необозримыми тылами и обозами, неудержимо рвалась в Симферополь, к берегам Черного моря, к вину, к кошелькам застрявших в Крыму буржуев, к складам нового английского обмундирования. О богатой добыче махновцев и буденновцев, первыми ворвавшихся в «осиное гнездо контрреволюции», из уст в уста

переходили творимые легенды. Уверен, что тот же магнит грандиозного грабежа притянул к себе и джанкойский особый отдел, поспешивший разделаться с нами путем «амнистии».

Только утром следующего дня я примкнул к возглавленной Ковухиным сотне и двинулся на север. На голове у меня была тиролька, на теле — присланная сестрами рубаха, поверх которой, — чтобы не сняли, — я надел рваный мешок из-под муки. Найденные за городом галоши оказались малы — я прошел в них час, натер до крови ноги, бросил галоши.

Сначала холодная, по утрам подмерзавшая грязь дороги и острые камни доводили до слез. Потом боль притупилась, стала безразличной. На горке, круто сбегавшей к Джанкою, мы нашли еще теплый труп старика татарина с отрубленными шашкой ушами. На волосатой груди его лежала крышка переплета с надписью: «Собаке собачья смерть...» Справа, за переходящим в мелкий кустарник садом горела скирда соломы. Слева плелись волы красного обоза. Над головой жужжал аэроплан...

Так начался мой многодневный поход на Мелитополь, закончившийся торжественным в него въездом, — смел ли я думать, что придется посягнуть на славу товарища Ленина — в запломбированном вагоне...

Долго бежала «бандитская» сотня наша по пыльной, желтой щетине необозримой степи. Выплывает в памяти ночь того же дня, первая по пути на Мелитополь. Железнодорожное полотно осталось далеко справа. Скрипели телеги, мягко цокали копыта, песни сливались с руганью в диком попури, пока таяли в непрерывной встречной волне советской пехоты и конницы. Когда ушли в степь, тысячеголосый оркестр смолк. Редко в тревожную тишину врываются выстрелы. Густая тьма упала на тропинку, с вечера служившую нам путеводной звездой. Стушевались телеграфные столбы, овраги, широкая межа, все время черневшая слева. У всех нас давно уже не было хлеба. Ветер студил грудь, холодная роса жгла ноги. И все-таки мы шли куда-то.

Теперь я знаю — если у человека отняли семью, дом, а завтра возьмут жизнь, то ему уже все равно что делать, — идти бессмысленно вперед, бежать назад, лечь в придорожный овраг, плакать, петь. Финал один ведь — смерть! Но тогда семья моя казалась мне живой, родной дом только временно покинутым, жизнь как никогда прекрасной. И я замедлял ее часы, казавшиеся всем нам последними.

Несколько раз мы меняли направление, проходили версту, две в сторону, возвращались назад. Жилья не было. Сидели с полчаса на твердой замерзающей земле. Засыпая на несколько минут, вспоминал каждый раз ночные переходы у Днепра, редкие привалы, сонный крик командира полка (звали его все Андрюша) — «Стой! Слеза-а-ай!» —

Помню как подхватывали эскадронные командиры то же тягучее, долгожданное «Слез-а-ай», с какой быстротой, привязав поводья к руке, падали мы с седел на землю, все равно куда — в пыль, грязь, снег — засыпая молниеносно... и как невыразимо мучителен был новый крик Андриюши — «Садись!» — прерывавший такой мертвый, такой заслуженный сон.

Теперь не было этого «садись». Шорох подымавшихся с земли фигур заменил команду. Шли понуро, снова, снова, не зная куда... Под утро вошли в немецкую колонию...

В немецкой колонии

Румяное солнце смеялось в голубом небе... как румяный пастор на голубой стене. Было необычайно тихо. Эта тишина, кажется, и разбудила меня... Все ушли. Я смастерил себе лапти из найденной в классе тряпки. От того ли, что утро было такое яркое, или мне просто ничего другого не оставалось делать, я бодро, внимания на холод не обращая, ковьяля по хрустящему ледку дороги. Как ручьи, впадали в большую дорогу проселочные тропинки. У одного из таких перекрестков я некоторое время простоял в нерешительности: а вдруг я иду не в Мелитополь, а в Крым, в «осиное гнездо контрреволюции»? Вспомнились слова сказки: «направо пойдешь — коня потеряешь, налево — сам погибнешь»... Но так как ни коня, ни жизни у меня уже не было, я заковьяля по прежнему направлению.

Сзади загрохотали колеса. Не поворачивая головы, я увидел сначала упитанную экономическую лошадь, неторопливо бросавшую тяжелые свои копыта на подмерзшую грязь, потом высокую тачанку с двумя седоками и красноармейцем на козлах.

— Куда прешь, генерал? — спросил из тачанки молодой звонкий голос. Я не ответил. Колесный грохот затих. Краденая, конечно, лошадь пошла шагом.

— Куда шкандыбаешь, глухая тетеря? — повторили из коляски.

— В Мелитополь ведено. Туды и пру, — неохотно отозвался я, чувствуя, какими белыми (в двух смыслах!) нитками шит мой «народный» язык.

— Садись, отвезем. Замаялся, чай?

Это было так неожиданно, что я остановился. Прямо мне в лицо смотрел черными добрыми глазами офицер в серо-синей шинели. За ним виднелся другой седок, — в романовском полубубке, с прыгающим дымчатым пенсне на носу.

— Садись! Чего там! — сказал молодой.

Я сел в тачанку, спиной к вознице. Молчаливо оглядывавший меня офицер в пенсне насмешливо скривил свое полное «старорежимное» лицо, но ничего не сказал.

У молодого лицо было совсем «советское» — чуть с рябцой, глуповато-добродушное, с щегольским коком русских волос из-под кожаного картуза. Подвигаясь к соседу и делая мне место, он хлопнул меня по рукаву «пальто», откуда выглядывал голый локоть:

— Важная одежда! Здорово, можно сказать, Белая армия вас одела!

Я хотел сказать, что Красная армия нас действительно здорово раздела, но он перебил меня с тем же выражением, немного детским, беспредельного довольства собой, «красным героем», довольства всеми «товарищами», победившими белых:

— А ловко же мы вам задницу припекли! Ловко, а? Так припекли, что небось и в Константинополе чешется? И зачем ты это, ваше превосходительство, у кадетов служил? Пахал бы себе землю да жену...

— Послужишь, коль ликвидацией имущества страдают белые-то, — фантазировал я, невольно краснея под упорными дымчатыми огоньками пенсне. — Не явишься на мобилизацию — корову берут, или там еще что... Послужишь тут!

— А из каких ты? Губернии, то есть волости?

— Мы екатеринославские. Мастеровой я, на чугунно-литейном...

Романовский полушубок откинулся на спинку тачанки. Долго молчавший седок со «старорежимным» лицом снял пенсне, подышал на стекла, вытерев их чистым платком, и сказал мне, растягивая слова и медленно водя языком по верхней губе, полуприкрытой пушистыми усами:

— Так-с. Прекрасно. Даже великолепно. Но скажите, пожалуйста, мой дорогой, как это все-таки вышло, что вы не уехали со всеми на Босфор, а попали в плен и теперь выступаете, так сказать, «а ля мужик»?

«Мой дорогой» немного помедлил с ответом и, решив, что первая карта бита, поставил то, что осталось от жизни, на другую. «Мой дорогой» ответил спокойно, поскольку говорить спокойно позволяла ему дрожь в замерзающем теле:

— Как? Очень просто, мон шер: меня, больного тифом, забыли в лазарете. Просто до глупого. Принимаю же я вид очень «де простой» потому, что так легче сохранить свою физиономию от рук и нагаек ваших рыцарей без страха и упрека.

— Однако, вы не из робких, — заметил «моншер».

— Ноблесс оближ... — улыбнулся я.

Молодой офицер, широко открыв детские глаза, смотрел то на меня, то на товарища.

— Значит, ты... значит, вы... — путался молодой. — «Золотопогонник»? Офицер ихний?

— Нет, я не офицер...

— Ну, так сознательный белый? Который за буржуазию?..

Колония казалась мертвой. Ни огней, ни голосов, кроме пылавшей крайней усадьбы, вокруг которой располагалась наша сотня, сонно переругиваясь и прикрываясь от дождя соломой.

Я обошел широкую с белыми заборами улицу, заглядывая в каждый дом, стучал в те двери, за которыми, казалось, таилась жизнь. Мне не отвечали. У школы с выбитыми стеклами, казавшимися издали выколотыми глазами какого-то допотопного чудовища, стоял юзовский рабочий, уже без галстука. Он звал кого-то охрипшим голосом, сложив трубочкой жилистые свои руки у рта:

— Петро-о-о, а Петро-о-о-о... — падал его резкий крик в дождь и предутреннюю мглу... — Хади сюды-ы-ы-ы-ы...

Слегка задержавшись, я спросил наудачу: «Что, жратву нашли?»

Не опуская своего рупора, отчего голос его, оборвавшийся на крике, стал еще глуше, парень ответил гордо: «Щоб я да не найшов?» Тут он указал глазами на разгромленную школу: «Уже галушки варят... Петро-о-о-о, сукин ты сы-ы-ын!..»

Я остановился, обождал, пока из дождя и мглы ответили: «Сичаас...» — и сказал, не надеясь на ответ: «Галушки? Вот бы мне...»

Вертлявый парень перебил меня:

— Пошамать? Так кто ж тобі не дает, мил-человек? Хады сыды. Кумпанией, кумпанией и жрать надоть...

В школьной кухне дым из заваленной кирпичами трубы слепил глаза. Несколько человек осторожно мели ветками пол, собирая муку, рассыпанную, видимо, уже давно, так как была она притоптана следами красноармейских сапог. Эту муку, по-видимому, и «изнайшел» юзовец...

Рябой низкорослый пленный с таракаными усами месил тесто на опрокинутой кадке, растягивая его в длинные колбасы, и передавал их кубанцу, варившему галушки в большом ведре. Повар наш, бросая в кипящую воду грязные куски теста, внушительно говорил товарищам, жадно глотавшим уже сваренные галушки: «Господа публика! Не наваливай! Не наваливай! Жри в плипорцию».

Подсаживаясь к «господам публике», я заметил, как кубанец быстро сунул одну из мучных колбас в карман. Заметил это и только что вошедший Петро.

Он подбежал к плите и сдвинул руку кубанца пониже локтя так сильно, что тот выронил вилку, которой он мешал свое варево.

— Ты что крадешь, стерва? Вытягивай!

В голосе повара зазвучали нотки оскорбленной честности:

— Я краду? Я? Та штоб я в пекле...

— А это? — крикнул Петро, вытягивая из его кармана сбившееся в комок тесто.

Кубанец пытался было апеллировать к «господам публике»:

— Люди добрые, так я же слепой, так у меня ж болезнь в глазах.

Ну и попал заместо ведра...

Его с бранью и хохотом выгнали. Получив повышение в чине, у плиты стал рябой с тараканьими усами. К кадке домешивать остатки теста приставили Петра. «Кумпания» все прибывала... Ложки были не у всех. Многие ели галушки по-китайски — палочками. Пока я делал себе вилку, старые и новые едоки старались совсем не в «плипорцию», и я успел проглотить только несколько галушек. Были они без соли, клейки как тянушки, под зубами чувствовался песок. Не утолив голода, дрожа от пронизывающей сырости, я возобновил свой обход колонии...

Несколько в стороне от других усадеб, нарушая симметричность широкой улицы, белел небольшой домик, такой же белый, как и все, с такой же черепичной крышей. Мутная полоска света пробивалась сквозь ставни его окна, выходившего в молодой редкий сад, дрожала в луне, истыканной каплями дождя. Я посидел немного на крыльце, нашел на ступеньке окурок дрянной «самодельной» сигары, сбегал за огнем и опять вернулся к крыльцу. Полоска света не угасала, меня и раздражая. «А может быть, впустят все-таки? Не без добрых же душ на свете?..» Я бросил в лужу вонючую сигару и постучал по обитой войлоком двери. Прошла минута, две. Послышался испуганный женский голос:

— Кто там?

— Пленный. Я голоден и замерзаю. Помогите, ради Бога!

Опять томительное молчание. Потом сдавленный мужской бас спросил:

— Кто это, Луиза?

— Пленный. Говорит по-немецки... Я думаю, наш, колонист...

Разговор перешел в шепот. Потом скрипнула дверь, мелькнула белая тень, и тот же женский голос сказал:

— Входите, милый!

В комнате, куда я вошел, споткнувшись о порог, было полутемно. В мигающем свете маленькой лампы я заметил только гипсовое распятие на каком-то большом ящике, похожем на комод, да широкую деревянную скамью у стены, увешанной дешевыми гравюрами. Та, кого называли Луизой, безмолвно указала мне на скамью, принесла подушку и большой ломоть свежего с тмином хлеба, на котором белел кусок сала.

Казалось, в комнате никого, кроме меня, не было. Равнодушно стучали часы... Тихо трещала лампочка. Закрывая рот рукой — мне почему-то казалось, что я жеванием своим разбуджу хозяев, — я съел половину хлеба и сала, как мне ни хотелось съесть все, засунул остальное в карман и осторожно растянулся на скамье. И потерял власть над собой. От радости, что я в тепле, что я сыт, что у меня есть хлеб и на завтра, я заплакал, закрыв лицо подушкой. Очень скоро беспричинные слезы эти растворились в волне нахлынувшего сна... Сбросил эту волну голос хозяина:

— Из какой вы колонии?

Я хотел было назвать первое всплывшее в памяти имя, но остановился вовремя. Если будут расспрашивать, все равно узнают, что я не немец, да и трудно мне было подбирать слова давно забытого языка...

— Я не колонист. Я русский, бывший студент, улан...

Не знаю, нужно ли было им знать степень моего образования и род оружия.

В полутьме опять зашептались. Мужской голос что-то раздраженно доказывал. (Разобрал я только одну фразу: «Эти русские все одинаковы...»)

Женский о чем-то робко спросил.

«Сейчас меня выгонят...» — подумал я, и сейчас же послышался из темноты бас:

— Нам очень жаль, но сейчас придет домой сын, и ему негде будет спать. Он спит на вашем месте... — Сказано это было по-русски, с сильным акцентом.

Говорить было не о чем. Я поднялся и, сдавив ладонью карман с хлебом, как будто хотели взять и его, сказал тоже по-русски:

— Что ж делать. Спасибо, что хоть накормили. Не хочу быть непрошеным гостем и ухожу... Ухожу, чтобы доказать, что не все русские одинаковы. Коммунист не только не ушел бы, но и разгромил бы ваш дом. Я же, как и все настоящие русские, этот дом защищал своей кровью. В благодарность вы меня выгоняете, как собаку. Стыдно и подло так поступать!

Когда я закрывал за собой обитую войлоком дверь, Луиза сказала: «Георг, Бог тебя накажет за это...» И Георг ответил раздраженно: «Меня Бог наказал уже...»

Ежась от дождя, попадавшего за воротник, я вернулся в школу. В ее маленькой зале с перевернутой на бок фисгармонией и портретом румяного пастора на голубой стене, спала добрая половина нашей «кумпании». У дверей, на железном листе догорали дрова. Чад от потухающих головешек ходил по комнате едкими волнами. Прижавшись к соседу озябшим несоразмерно длинным телом, приказчик из Курска кричал во сне:

— Дашенька, я не виноват-с, ей-богу. Вот крест, не виноват-с...

Я настелил соломы за фисгармонией. Засыпая, смотрел на румяного пастора и думал, почему у него один глаз меньше другого...

А. Сапожников³⁵⁶

КРЫМ ОСЕНЬЮ 1920 Г.³⁵⁷

Все лето 1920 года мы прожили в Бурлюке*. Вскоре подошла осень, и вновь стал вопрос об ученье. Переезжать всей семьей в Севастополь не позволяли финансы, тем более что Севастополь был битком набит беженцами со всей России. Поэтому мать решила, что наступающую зиму я буду учиться по программе гимназии дома; кузенов же моих дядюшка, служивший в каком-то учреждении, забрал к себе в Севастополь и определил в городскую гимназию.

Незадолго до их отъезда произошло чрезвычайное происшествие, о котором нельзя не рассказать. Это было в августе или сентябре. Какой-то татарин, ехавший через Бурлюк из Евпатории, сказал, что в деревне Багайлы (недалеко от нас) засела какая-то банда. Она забирает лошадей, режет скот местного помещика Сарача, а сына управляющего имением повесила на воротах усадьбы. Что за банда, никто не знал (таковых в горах засело немало, и они иногда спускались пограбить на равнину), но стало ясно, что, если они нагрянут на нас, нам несдобровать.

В доме единственными представителями сильного пола в это время были только мы — трое мальчишек. И мы решили защищаться и организовать оборону усадьбы. Все ворота, двери, калитки были заперты, даже чтобы войти в дом, нужно было постучать условным стуком.

Наша женская часть со всем этим согласилась. Мы почувствовали свою силу, зарядили винтовки и учредили дежурства. Дежурный пункт выбрали за каменным забором, рядом с главными въездными воротами. Прощли сутки «повышенной боевой готовности», никто не появлялся, и мы уже начали успокаиваться, как вдруг утром в степи со стороны Евпатории раздались выстрелы; мы бросились к своей стене, выходившей на основную улицу. И вскоре мимо нас проскакали 25—30 всадников, одетых кто во что попало, но каждый с винтовкой за плечами. Передние из них ехали на довольно приличных конях, в седлах, задние же тряслись охлюпкой, постепенно отставая. Пронеслись они довольно быстро, все

* Имение Кази и Сапожниковых в предгорном Крыме на р. Альме между Севастополем и Евпаторией. (Примеч. ред.)

время оглядываясь. Не успели они отъехать от нашего наблюдательного пункта и нескольких сот метров, как из-за угла на карьере вынесся отряд белых. По черным погонам мы поняли, что это отряд из Марковско-го полка. Марковцы стреляли на ходу из револьверов, а передние уже помахивали обнаженными шашками. И если наша оборона внешне и носила серьезный характер, но в ней все же было больше детского, буссенаровского, типа «мама купи мне пушку и барабан, я поеду к бурам бить англичан».

Тут же было все «по-взрослому», как бывает в гражданской войне. На выезде из деревни в сторону Тархан марковцы догнали удиравших и устроили рубку по всем правилам. Мы срочно спрятали все свое вооружение и побежали на край деревни. И здесь я впервые в жизни увидел отрубленную голову. Бандитов положили почти всех; их отряд состоял из мародеров всех цветов радуги.

Сделав свое дело, марковцы собрали лошадей, положили нескольких раненых в подъехавшие за ними мажары, окружили с десяток пленных и направились дальше.

После этого происшествия мама стала серьезно подумывать, чтобы все же снова перебраться в город, наводила справки о возможности снять комнату и чаще наезжала в Севастополь. В одну такую поездку, в первых числах ноября, она взяла с собой и меня. Мы приехали к полудню на Северную сторону, отпустили своего возницу, предложив ему ждать нас на следующий день, а сами переправились в город. В городе было заметно какое-то оживление, на улицах — много военных; скоро мы узнали, что началась эвакуация белых тыловых учреждений, и в порту идет погрузка на транспорты.

Мы встретились с дядей Сережей Резниченко³⁵⁸, и он настаивал, чтобы мы с матерью немедленно возвращались в Бурлюк, забирали всех и срочно переезжали в Севастополь. Он утверждал, что белые сдали Перекоп, отступают и что на такой позиции, как под Бурлюком на Альме, почти наверняка будет новое сражение, и оставаться там равносильно самоубийству. Мама согласилась с его доводами, и в конце дня мы оба опять были на Северной стороне. наших лошадей там, естественно, не было, и мать наняла городского татарина, который согласился не только отвезти нас в Бурлюк, но и на другой день доставить обратно.

* * *

Раньше чем продолжать рассказ о приезде в Севастополь, вернусь немного назад. Накануне нашей такой чреватой последствиями поездки, вечером, стало известно, что в школе остановились на ночь какие-то про-

езжие военные; послали девчонку узнать и получили доклад — ночует какой-то полковник Редькин³⁵⁹ с тремя офицерами. Так как эта фамилия была нам знакома, то послали пригласить проезжих к ужину. Каково было изумление моей матери, когда в вошедшем офицере она узнала сослуживца отца по Павловскому полку, когда-то капитана Редькина.

Разговоров хватило на весь вечер, мы много вспоминали и рассказывали друг другу о старой и нынешней жизни, потом они ушли ночевать в школу и утром рано уехали. За весь вечер этот такой хороший и старинный знакомый почему-то даже не намекнул, что Перекоп взят, что фронт движается к нам и что он сам просто бежит, куда глаза глядят. Знай мать от него действительное положение дел, мы наверное уехали бы сразу, не потеряв сутки на холостую поездку в Севастополь, и не так поспешно, не оказались бы в положении, когда «omnia mea tесum porto».

Положение наше осложнялось тем, что наша Оксана* в то время была не в Бурлюке; с началом учебного года она уехала в Симферополь и занималась в университете. Мы оказались разобщенными, и именно это стало потом главным препятствием для принятия мамой решения об отъезде за границу.

Севастополь

Когда [на следующий день] мы въехали на Северную сторону Севастополя, то небольшую площадь у переправы в город нашли пустынной; постоянные дворы — ханы, всегда забитые приезжими, их лошадьми и повозками, стояли с раскрытыми воротами, как бы проветриваясь. Внутри — никого. Военных, таких многочисленных накануне, тоже не было видно. У самой пристани стояло до сотни человек и невдалеке — наши лошади, на которых мы с матерью приехали накануне. Возница поджидал нас со стороны города, а мы появились с другой, чем он был несказанно удивлен.

Тут же выяснилось, что переправы в город нет, катера, обслуживавшие переправу, все частные шлюпки и ялики мобилизованы управлением порта, по-видимому, для нужд эвакуации. Стоявшие на пристани люди жаждали попасть в город, но не могли.

Мы топтались на месте, не зная, что предпринять. Выручили местные жители — в слободке Северной стороны бабушку хорошо знали. Почти все слобожане были старыми матросами военного флота, помнившими

* Сводная сестра автора Ксения Сергеевна Кушковская. (Примеч. ред.)

Сергея Ильича Кази*. Увидев нас и понимая наше положение, два старых рыбака предложили отъехать в сторону от пристани, а затем с вещами пробраться к берегу, где они обещали посадить нас в полуразбитую шлюпку, забракованную портом, и переправить в город. Подвести шлюпку к пристани они боялись, так как в нее тут же бросились бы люди, ожидающие переправы, и она затонула бы от перегрузки. Мы последовали их совету и на мыске Северной бухты произвели посадку и погрузку. У пристани заметили нашу хитрость, несколько человек бросилось бежать к нам по берегу, но мы успели отчалить. Шлюпка действительно могла использоваться только для «сугубо каботажного» плавания в 2—3 метрах от берега. При том, что она приняла только нас с багажом, она так стала течь, что мы не успевали вычерпывать воду; вещи поставили на банках, чтобы не подмокли, а ноги у нас были в воде. Частенько мы зачерпывали воду и бортом, так как по бухте носились военные катера и разводили высокую крутую волну.

Нормальная переправа длилась бы 15—20 минут, но здесь она растянулась чуть ли не на час. Бабушка, все время стойко державшаяся, посреди бухты вдруг зарыдала. Но это был короткий срыв, и, когда мы подошли к Графской пристани, она опять была в норме. Нужно сказать, что всем путешествием, начиная с отъезда из Бурлюка и далее, командовала мама, и бабушка, обычно адмиральша-командирша, теперь во всем слушалась свою старшую дочь. Минутную бабушкину слабость можно было понять. Ведь еще недавно стоило ей с Сергеем Ильичом появиться у причалов, как все моряки становились во фронт, для переправы через бухту к их услугам бывал и катер командующего Черноморским флотом (я сам был свидетелем такой любезности адмирала Эбергарда), им первым при встрече козырял Колчак (это я тоже видел в 1916 г.).

На мостках переправы у Графской пристани тоже толкалось много народа, это были «северяне», жаждавшие попасть домой. Увидев нашу шлюпку, они уже издали стали примериваться, как бы успеть занять место на ней на обратный рейс. Наши лодчики и здесь не рискнули подходить к пристани и ткнулись носом между камнями почти на самом Приморском бульваре. Лодчики быстро высадили нас и отчалили, чтобы не подвергнуться абордажу северян. Тут со мной произошел казус, который мог очень скверно отразиться на нашем благополучии в дальнейшем. Еще в Бурлюке, при отъезде, моему попечению был поручен баул, в котором, кроме разной мелочи, был упакован небольшой несессер с золотыми вещами; я его не выпускал из рук, но в шлюпке я поставил его под кормовой банкой и... забыл о его существовании. Мы

* Дед автора, генерал-майор по адмиралтейству.

были уже на берегу и шлюпка отходила, когда я с криком бросился вдогонку за ними по нескольким камням, выступавшим из воды. Лодочники догадались, в чем дело, и я, слава Богу, поймал брошенный ими драгоценный баул. Если бы я его тогда потерял, то, наверное, голодные годы мы не пережили бы.

Выйдя на Нахимовскую площадь, мы направились по Екатерининской улице к нашим знакомым и дальним родственникам Цакни³⁶⁰. Вся Нахимовская площадь была заполнена воинскими частями; к Графской пристани подходили баркасы, в которые эти части грузились. Порядок был образцовый; соблюдая строй, военные, нагруженные всяким скарбом, по команде выходили на пристань и не торопясь располагались в баркасах. Как только одни отваливали, немедленно подходили следующие.

На Екатерининской было сравнительно свободно, и мы довольно быстро дошли до Цакни. В тот же вечер мама сняла две комнаты в квартире вдовы Нелидовой, расположенной во втором этаже, над Цакни, но через несколько дней эта квартира была реквизирована для какого-то учреждения, и мы снова оказались у Цакни в 1-м этаже. Наконец, недели через две, уже при Советах, мы, наконец, нашли комнату в доме № 85 по той же Екатерининской улице и переехали туда уже надолго.

* * *

Но подошла пора описать, как моим глазам представились и окончательная эвакуация армии генерала Врангеля, и приход красных войск, и установление в Крыму советской власти.

Ноябрь 1920 года в Севастополе. Почти все учебные заведения заняты под лазареты и казармы. Занятий нет. Подрастающее поколение, и в том числе я, после исполнения некоторых обязательных домашних дел или поручений отправлялось гулять по городу, и конечным пунктом этих прогулок всегда бывали Графская пристань и Приморский бульвар. Мы смотрели на военные корабли разных рангов и разных флагов, вплоть до сямского миноносца, заговаривали с матросами и, честно говоря, для своего возраста проводили время очень интересно.

Взрослые же в то время были озабочены совсем другими переживаниями. Все чувствовали, что Врангель доживает в Крыму последние дни. Боялись и ухода белых, и прихода красных: одни — потому что белые могли перед уходом «хлопнуть дверью», другие — что красные по приходе начнут «хлопать дворян».

Перекопско-Чонгарская операция красных (под таким названием она вошла в историю) началась 7 ноября 1920 года. Тут же в городе

стали распространяться слухи, что Перекоп уже взят, что зеленые спустились с гор и «сели верхом» на Симферопольское шоссе. Появлялись и контрслухи, что красные отбиты и белые наступают чуть ли не на Мелитополь. Но все это говорило лишь об одном — на фронте идут крупные и, по-видимому, решающие бои.

Наконец, в одно утро на Севастопольском рейде стал английский дредноут «Iron Duke», а он, этот «Айрон Дюк» (Железный Герцог), всегда появлялся в наших южных портах, когда дела белых были плохи и когда должна была начинаться эвакуация войск. Свои орудийные башни «Железный герцог» направил в сторону Инкермана.

Я пошел на пристани Южной бухты — РОПИТа, Царской, и там увидел начало настоящей эвакуации.

У стенок стояли транспорты, и на них не торопясь грузились тыловые учреждения белых. Подчеркиваю, не торопясь. К пристани подъезжали извозчики, телеги, и с них на пароходы переходили военные всех званий, с семьями, чемоданами, ящиками. Погрузка шла как на обыкновенный рейсовый пароход, я даже бы сказал, медленнее. Этим крымская эвакуация Врангеля отличалась от новороссийской — Деникина.

Днем стало известно, что Перекоп действительно занят красными, что одновременно идут бои на Турецком валу, Арабатской Стрелке и что красные части перешли Сиваш вброд. На следующий день в городе началась паника среди гражданских лиц. Все, боявшиеся прихода красных, бросились к пристаням и, памятуя Одессу и Новороссийск, принялись штурмом брать стоявшие там пароходы. Продолжалось это достаточно долго, пока пароходы не отдали концы и не отошли от пристаней в середину бухты.

В это время в порту появились юнкера какого-то военного училища и постепенно оттеснили толпу с территории порта. На улицах, примыкавших к съездам в порт, были поставлены цепи в два-три ряда, которые стали пропускать только лиц, имевших специальные пропуска для посадки на суда. Я наблюдал такую цепь при подъезде к управлению РОПИТ: два ряда юнкеров Донского училища, первый ряд с винтовками по фронту сдерживал напор толпы, второй ряд изредка приходил на помощь первому, между рядами ходил бравый есаул и только покрикивал: «Господа юнкера, господа юнкера!» Тут вообще никого не пропускали, и в толпе стоял крик, ругань, плач. Казалось, что люди спасаются от какой-то уже нависшей над ними опасности, как будто враг вот здесь за углом, а ведь его еще не было и в 150—200 километрах.

К вечеру этого дня на Екатерининской улице стали появляться телеги с беженцами из внутренних районов Крыма, они тоже направлялись к пристаням в надежде попасть на пароход. Ночью количество беженцев

увеличилось, и утром вся Екатерининская от Вокзального спуска до Графской была забита. Коляски, телеги, татарские мажары, бедарки — огромный поток колесного транспорта всех видов, часто останавливаясь, медленно двигался по всей ширине улицы, включая тротуары. У пристаней они выгружались, и возчики — мобилизованные крестьяне — старались, как можно скорее, выбраться из города, не забывая прихватить пару, а то и тройку бесхозных лошадей и брошенные кем-либо вещи.

Этот поток начинался где-то далеко за городом и вливался в него по Лабораторному шоссе; мимо вокзала он вползал в гору, уплотнялся и таким образом достигал «спасительного берега моря».

Ехали в основном тыловики и беженцы — «буржуи», многие с семьями. Мне помнится телега, в которой на вещах сидела молодая женщина, рядом с ней был мальчик лет пяти-шести, на руках запеленутый грудной ребенок. Но на плече у нее была винтовка, у телеги стоял муж — поручик, вооруженный до зубов. Вообще все мужчины, будь то военные или штатские, были вооружены минимум винтовкой. Говорили, что по шоссе в горах беженцев обстреливали зеленые, и они, не останавливаясь, тоже отвечали выстрелами.

Иногда в потоке оказывалось несколько подвод, в которых вповалку на сене лежали военные, или проезжали несколько тачанок, запряженных четверкой замечательных лошадей, с пулеметами, укрепленными на заднем сидении; это были, по-видимому, остатки какой-нибудь разбитой или разбежавшейся военной части.

И вот в то время, когда все жители города, кто с тревогой, кто с надеждой, наблюдали за этим последним актом драмы, была прослойка населения, которой ни до чего не было дела — только свои личные дела и свой карман.

На Екатерининской улице в то время стояли две церкви, видевшие еще первую оборону города, — Петропавловский собор и Михайловская церковь (около здания музея). Так вот, в Михайловской церкви, в самый разгар событий, происходила... свадьба! Если бы это была свадьба какого-нибудь белого, который, уезжая, хотел взять с собой невесту уже женой (не нужно забывать моральный кодекс того времени), то это было бы понятно. Но нет, свадьбу справлял какой-то пригородный хуторянин — другого времени он не нашел. Ему пришлось пережить несколько неприятных минут, так как всей свадебной компании нужно было перейти улицу, чтобы попасть в переулок, где их ждали тачанки и коляски. Но улица была забита, что называется, втугую, и им пришлось прыгать с колеса на телегу, с телеги на колесо. Женщинам помогали, зато жених и шафера получали такие подзатыльники, что, если бы улица была пошире, они, пожалуй, живыми не выбрались бы.

На этой же Екатерининской улице, на углу Синопской лестницы, был какой-то воинский склад, у запечатанной двери которого стоял на часах юнкер. И вот целая компания, как будто с офицерскими погонами разных рангов, решила «ликвидировать» склад. Среди бела дня они окружили юнкера и, видимо, предложили ему участвовать в этом деле. Тот отказался и старался оттолкнуть их, но грабители оттащили его в сторону и стали ломать дверь. Юнкер выстрелил в воздух — и, как сейчас, я помню его искривленную физиономию, чуть не в слезах, когда он кричал: «Вы! Офицеры Русской Армии! Сволочи вы, а не офицеры!» Выстрел задержал грабителей, из потока беженцев выскочили два молодых офицера с винтовками и стали рядом с юнкером, щелкая затворами. Не знаю, чем бы все это кончилось, но тут откуда-то из-за угла прибежало еще человек пять-шесть юнкеров. Любителей грабежа взяли в приклады, и те разбежались. Два офицера, пришедшие на помощь, пожали юнкерам руки и пошли догонять своих.

Поток беженцев иссяк на второй день к вечеру, только изредка проезжала какая-нибудь тачанка. По всей длине улицы лежал слой навоза, рваной бумаги, каких-то лохмотьев, кое-где были сломаны деревья и стояли брошенные телеги. Среди всей этой мерзости бродили голодные лошади и выискивали клочок сена, грызли кору деревьев. Екатерининская — одна из лучших улиц чистенького веселого Севастополя — стала похожа на какой-то караван-сарай самого низкого разряда.

* * *

С утра следующего дня стали проходить на погрузку воинские части, это была кавалерия или «ездящая пехота» на телегах и тачанках. Части проходили спокойно, не останавливались, не растягивались; их встречали, видимо, специально выделенные офицеры и провожали прямо к пристаням.

Пока проходил поток беженцев, я не отходил далеко от дома, но в этот день я с целой компанией ребят уже прогуливался около Графской пристани. В середине дня на Нахимовскую площадь вдруг въехал большой отряд донских казаков и, хотя они были, как и все белые, в английском обмундировании, но у этих почти у всех были нашиты красные и синие лампасы. Кое-где мелькали цветные фуражки — это оказались остатки гвардейских Казачьего и Атаманского полков Донского корпуса. Они выстроились у памятника Нахимову большим каре и спешили. В середину вышел казачий генерал и обратился к ним с небольшой речью. Судя по тому, что до нас донеслось (мы стояли у гостиницы Киста), смысл этой речи был следующий: «Мы покидаем Родину, быть

может, навсегда, кто хочет, может оставаться». После этого послышались команды, и казаки стали расседлывать лошадей, снимать вьюки и строиться в стороне пешей колонной. Человек пятнадцать, наоборот, сели верхом, взяли по несколько лошадей в повод и медленно поехали прочь — это были остающиеся.

Мы подошли ближе, казаки прощались с конями, и один старый вахмистр, обнимая своего мерина, со слезами просил нас взять его и передать в хорошие руки. Но что мы могли сделать, когда у всех нас не было никакого хозяйства, где могла бы понадобилась лошадь. Вскоре казаки двинулись к Графской, там в это время уже подошли военные катера с большими баркасами на буксире. Они приняли казаков и повезли на рейд, где стояла уйма транспортов и военных кораблей.

К вечеру того же дня в город вошел большой отряд «цветных», как их называли, войск. Это были сливки Белой армии — части корпуса генерала Кутепова: в своем подавляющем большинстве солдаты этого корпуса были добровольцами, и среди рядовых чинов этих полков можно было увидеть офицеров самого высокого ранга. Командный состав в них назначался самим командующим по реальным способностям кандидатов.

Корпус состоял из нескольких дивизий, носивших имя их первых организаторов и командиров и различавшихся цветом погон. Потому их и стали называть «цветными». Кроме того, здесь была и игра слов: во французской армии почти официально цветными назывались африканские и индокитайские части, которые считались ударными и по-особому бесстрашными.

Корниловцы носили малиново-черный погон и череп с костями на левом рукаве; марковцы имели черный погон; алексеевцы — черно-белый, дроздовцы — малиновый. Добровольно поступившие в корпус, кроме того, на левом рукаве носили трехцветный шеврон. Это действительно были отборные части и дрались они и отчаянно, и со знанием дела. Хотя они считались пехотными войсками, я не видел ни одного спешенного солдата, все ехали либо в тачанках, либо верхом.

Улицы снова заполнились лошадьми, главная сутолока на этот раз была не у пристаней, туда не торопились, а около ресторанов и кафе, которые в то время в центре Севастополя находились чуть ли не в каждом доме. Народ обстрелянный, добровольцы знали, что неприятель еще далеко, и самым спокойным образом заполняли эти заведения. Ночью они погрузились на пароходы, и утром опять севастопольские улицы стали пустынными; бродили только несчастные голодные лошади. На пристанях тоже никого не было, только на Графской стояли два-три катера, собиравшие редких отставших.

Около полудня мимо нашего дома прошел со свитой Врангель. Он был в черкеске, папахе и мягких кавказских сапогах, с ним шел один пожилой генерал, несколько офицеров и с десятком текинцев личной охраны. Так он прошел по пустынным улицам (по всему городскому кольцу — Нахимовский проспект — Большая Морская — Екатерининская), по-видимому прощаясь с городом, Крымом и всей Россией, в полной тишине и молчании.

Наконец, Врангель свернул к пристани, сел в катер и отправился на крейсер «Генерал Корнилов». Посадка на суда окончилась...

Большевикам не противостояло больше ни одной боеспособной части.

* * *

С момента «амбаркации» белых власть в городе приняла группа местных общественных деятелей во главе с присяжным поверенным Кнорусом. Эта группа с помощью небольшого отряда рабочей милиции, которой белые оставили несколько десятков винтовок, должна была поддерживать в городе порядок до прихода советских войск. Глава группы — Кнорус — был какой-то странной личностью, появлявшейся на сцене при каждой смене власти, а этих смен, как мы видели, с 1917 года было немало. Как только междуцарствие кончалось, так и Кнорус впадал в небытие.

Поддержание порядка было чисто фиктивным: к вечеру первого же дня «безвластия» загорелся большой военный склад на Портовой улице, пожар никто не тушил, но казенное добро и разнообразные продукты очень усердно растаскивались, начиная с английского обмундирования и консервов и кончая спиртом. Не забывали даже арбузы!

Из тюрем были выпущены все заключенные; политические — по вполне понятной причине — смена власти, а уголовные, как ни странно, по той же причине. Предполагалось, что, так как уголовные преступления есть «пережиток» капиталистического строя и вызываются исключительно капитализмом, то с приходом советской власти вся уголовная братия примется за честный труд и поведет праведный образ жизни. Так мы и жили, ожидая лучшего.

Ночью на Соборной улице, в квартале между женской гимназией и штабом крепости, загорелся дом Ророга. Оказалось, что Ророг, старый военный, не выдержал позора, полил квартиру керосином, убил жену, детей, поджег дом и застрелился сам.

В городе было тихо, трамваи не ходили, автомашин не было, извозчики исчезли, магазины и рестораны заперты, функционировал только

базар, и то ограниченно, так как крестьян из пригородных деревень не было. Бухта была пуста, белые увели все посудины, которые могли держаться на воде, оставались только мелкие шлюпки и ялики, которые изредка курсировали между Северной стороной и городом. На улицах нет-нет показывался рабочий милиционер с красной повязкой на рукаве и винтовкой за плечом, и опять тишина и покой. Заводы стояли, однако работали предприятия коммунального хозяйства — водопровод, электростанция.

* * *

Я не помню, сколько времени продолжалось такое «райское состояние», день или два, во всяком случае, недолго. Наконец, оно было нарушено страшным грохотом и изредка выстрелами; от вокзала в город въезжал громадный броневедомоцикл, по размерам он равнялся нынешним 80-местным машинам, а в то время он казался просто чудовищем. Из нескольких бойниц смотрели тонкие стволы пулеметов, и они то и дело давали изредка очередь в воздух, по-видимому, для остротки. Но самое страшное было не в этом. Броня этого фургона была выкрашена в цвет хаки и в нескольких местах украшена красными пятиконечными звездами, а вдоль по корпусу большими буквами было написано название бронемашин — «Антихрист».

Следует отметить, что в то время большинство севастопольцев, во всяком случае обыватели, не знали, что пятиконечная звезда стала эмблемой советской власти, а по религиозным представлениям считали ее знаком Антихриста. Появление этой машины со «знаками» да еще с подтверждающей надписью подействовало ошеломляюще, в особенности на пожилых людей и стариков. «Антихрист» проехал по главным улицам города и мимо вокзала удалился по Инкерманскому шоссе.

Незадолго до его проезда над городом летал самолет и разбрасывал листовки, обещавшие амнистию всем белым, которые не последуют за границу. К слову сказать, в нашем доме оказался один инженерный полковник, опоздавший к эвакуации, но собиравшийся идти в Казачью бухту, где еще стояли белые. Прочитав же эти листовки, он никуда не пошел. Что с ним случилось в дальнейшем, расскажу в свое время.

Задержусь еще на «Антихристе». Через несколько дней после занятия Севастополя машину отправили в горы, где в это время появились так называемые бело-зеленые. В первые же дни патрулирования по Ялтинскому шоссе броневедомоцикл попал в засаду, экипаж его был перебит, а машина, наведшая оторопь на богобоязненных севастопольцев, — сброшена с обрыва. Через несколько часов после «Антихристовой» развед-

ки в город вошел отряд человек в двести крайне разнокалиберно одетых людей, объявивших себя красно-зелеными из отрядов Мокроусова. Прошли они по Екатерининской, и опять тишина.

Иногда в книгах и кино вступление красных в Севастополь изображают почти как карнавал: по улицам маршируют нарядные кавалеристы, вдоль домов стоят шпалеры ликующих горожан, которые забрасывают освободителей букетами цветов. Мокроусовцы на такую картину не тянули, равно и те, кто вступил в город на следующий день.

А на следующий день в город вступила уже большая регулярная воинская часть — первый из полков 51-й дивизии Блюхера, будущего маршала, репрессированного в 1930-х годах. Солдаты почти все были маломальски одеты, некоторые были в шапках-буденновках, а во главе колонны ехали два командира верхом с красными бантами на груди. По молчаливым улицам полк прошел на Нахимовскую площадь, где было устроено нечто вроде парада, говорились речи, небольшая толпа кричала не очень внушительное «Ура!». Парад принимал крупный мужчина на костылях — выяснилось, что это председатель Севастопольского ревкома Гавен³⁶¹, тот самый непотопляемый латыш, проводивший варфоломеевские ночи в Крыму зимой 1917/18 года.

Вспоминая Гавена и ту зиму, некоторая публика уже начинала поеживаться, не зная, что на плечах красной лавы русских мужичков в Крым прибыла черная туча могучих большевистских политработников ленинской выучки, рядом с которыми Гавен будет выглядеть жалким приго-вишкой, а его варфоломеевские ночи покажутся детскими играми.

При новой власти

Понемногу жизнь начинала налаживаться. Стала выходить газета «Маяк Коммуны», появились новые деньги. Белогвардейские деньги назывались «колокольчиками», так как на них был изображен царь-колокол. После добровольческих «колокольчиков» в сто и тысячу рублей было странно манипулировать копейками и рублями, правда тоже бумажными. Организовывались новые учреждения, а старые получали новые названия.

В учебных заведениях обещали скоро начать занятия, и мы стали ежедневно ходить в гимназию и узнавать новости по этому поводу. Здание гимназии на углу Б. Морской и Херсонской улиц было уже освобождено от постоя войск, но проходило дезинфекцию. То же происходило в реальном училище и в женских гимназиях; последних было три — казенная, на Соборной улице, частная Ахновской — против

Владимирского собора и частная Дритеприте — на Чесменской у Пололого спуска.

У казенных гимназисток однажды произошел конфликт с властями. Придя провести свою школу, группа учениц старших классов расположилась на заборе гимназического сада и занялась пением. По улице ходило много военных, старавшихся завладеть вниманием молодых девиц. Те чувствовали это и пели на совесть. Вдруг кому-то из них пришлось в голову пропеть пародию на Интернационал: «Никто не даст нам избавленья, ни туз, ни дама, ни валет, добьемся мы освобожденья, четыре сбоку — ваших нет!» Не успели они пропеть вторую строфу, как их уже вели в штаб крепости. Через час напуганные девицы были отпущены по домам и пением на гимназическом заборе больше не занимались.

Одновременно с частями 51-й дивизии в город вошло несколько тачанок так называемой Повстанческой армии батьки Махно (основная его «армия» проскочила на Балаклаву), а также отряды зеленых. Если среди зеленых было много уголовников, выдававших себя за страдальцев по политическим причинам, то махновцы были самыми откровенными бандитами. Так что по ночам в городе начались налеты и грабежи. В Балаклаве же и в Кадыковке грабежи сопровождались убийствами.

Кому-то удавалось отбиться. Мой соученик Сергей Вишневецкий рассказывал, как ломали ворота их особняка на Адмиральской улице. Но старик Вишневецкий, а ему было за шестьдесят, его жена, две дочери, сын подняли такой крик, что всполошили всю улицу, и грабители, подъезжавшие на тачанке, сочли за лучшее скрыться.

Большевики же занимались более серьезными делами. Они планомерно прочесывали квартал за кварталом, проверяли документы, проводили обыски, изымали оружие, регистрировали «подозрительных».

Через несколько дней у Махно по каким-то причинам испортились отношения с советским командованием, и он решил от греха подальше выбираться из «крымской бутылки», пока ее не закупорили в Перекопе. Путь «исхода» его армии был отмечен страшными грабежами, насилием и убийствами. Именно от махновцев особо пострадал наш Бурлюк, о чем я уже обещал рассказать и скоро это сделаю.

Примерно в это же время 51-я дивизия также покинула Севастополь и двинулась на север степными дорогами вслед за махновцами. Возможно, что она специально прочесывала местность, поскольку все оставшие или отбившиеся от махновской армии ею обезоруживались и арестовывались. Взамен 51-й дивизии Блюхера гарнизоном Севастополя стала 46-я стрелковая дивизия другого известного красного командира Федько.

Приближался момент севастопольского апокалипсиса. Особый отдел 51-й дивизии уже с первых дней занятия Севастополя начал регистрировать оставшихся белых, подпольщики стали вылавливать деятелей бежавшего режима. От них эстафету принял Особый отдел 46-й дивизии, а жители называли эти отделы просто «ЧеКа», и занялся судом и расправой. Были забыты листовки Фрунзе, обещавшие амнистию, и всех бывших белых потянули к ответу, хотя, конечно, настоящие белые были уже далеко от Крыма.

Оформлено это было следующим образом. По городу были расклеены объявления, что такого-то числа в городском цирке состоится общее собрание всех зарегистрировавшихся бывших; приглашались также и те, которые почему-либо до сих пор не прошли регистрации.

Цирк помещался на Новосильцевской площади, у подножья Исторического бульвара, где сходились Екатерининская, Чесменская и Большая Морская улицы. В назначенный день цирк и вся площадь были забиты законопослушными бывшими. Произошло собрание или нет — не знаю, но только во второй половине дня все примыкающие к площади улицы были заняты красными частями. И вот эту огромную многотысячную массу людей под столь же огромным конвоем начали медленно оттеснять в сторону Особого отдела дивизии.

А этот Особый отдел для своего пребывания избрал три четверти городского квартала, ограниченного Екатерининской и Пушкинской улицами, между Вокзальным и Трамвайным спусками. Подвальные окна и часть окон первых этажей были забиты, заборы внутри квартала разобраны — получился большой двор. Кроме того, по периметру занятых зданий тротуары были отделены от мостовой двух-трехметровым проволочным ограждением и представляли собой этакие загоны.

Вот сюда и привели этих несколько тысяч несчастных, на что-то еще надеявшихся. Конечно, они были «бывшими», но совершенно безбидными, наивными и беспомощными. Непримиримые, ведь очевидно, что ушли с Врангелем. А эти оставшиеся могли бы еще долго жить да жить на родной земле, могли честно ей служить и приносить пользу. Но нет, им была уготована другая доля.

Первую ночь и день они стояли в загонах и дворах, как сельди в бочке — я это видел собственными глазами, потом в течение двух дней их... не стало, и проволочную изгородь сняли.

По рассказам, в Особом отделе работало несколько троек, опрашивавших арестованных и тут же решавших их дальнейшую судьбу. Коекого, меньшинство, будто бы иногородних, группировали в маршевые роты и отправляли пешим порядком на север. Большинство же вывозили на автомашине под город на дачу Максимова и там... отправляли

к праотцам. Пользовались пулеметами, но не гнушались и револьверами. Одновременно кровь лилась в Ялте, Феодосии и, видимо, в других городах Крыма. Гражданская война продолжалась, но теперь уже против безоружных людей. В три-четыре дня со всеми было покончено.

* * *

То, что видел я в Севастополе, было, конечно, не просто страшное дело. Потому что многие из пленных были местными, севастопольскими — их жены, некоторые с детьми, со слезами на глазах стояли на противоположном тротуаре против проволочной изгороди и ждали. Наверное, проклиная свою доверчивость, наверное, все же надеясь на чудо. Но они ничего не дождались, так как никто из пошедших на так называемое собрание домой уже не вернулся никогда. Среди этих нескольких тысяч пропавших без вести людей оказался и инженерный полковник из нашего дома; он пошел на собрание и не вернулся. Как я уже говорил, он был приезжий, и никто, по крайней мере внешне, о нем не беспокоился, так он и сгинул.

В эти же дни произошел случай, который произвел очень сильное впечатление на всю нашу семью. Как-то около полуночи на улице слышались какие-то крики и топот бегущих людей. В те дни электростанция не работала, на улице было темно, как бывает темно на юге зимой в беззвездную ночь. Окна у нас были закрыты ставнями, и мы боялись их открывать, так как жили в первом этаже. Под нашими окнами была лестница с улицы в подвал, где тоже кто-то жил. Крики на улице приближались, они слышались сверху от чека; наконец раздались несколько револьверных выстрелов. Мы услышали, как с нашими окнами поравнялся бегущий человек, как он вдруг остановился, видимо осматриваясь, а затем не сбежал, а скорее съехал по лестнице в подвал и... растворился в темноте. Мы сквозь окно слышали его прерывистое и частое дыхание. Через минуту преследовавшие, их было человека три или четыре, тоже поравнялись с нашим домом, они тяжело бежали, сильно топая ногами, и поэтому не смогли услышать дыхания беглеца, которое мы слышали даже сквозь стену. Снова стреляли и хриплый голос прокричал: «Стой, туды-перетуды!..» Не обратив внимания на подвальную лестницу, они пробежали дальше, а беглеца через несколько минут, отдышавшись, на цыпочках поднялся по лестнице и куда-то скрылся. Кто это был — один ли из-за проволочной изгороди или просто шпана, напоротившийся на патруль, мы так и не узнали, но в ту ночь в нашей квартире уже никто не мог заснуть.

* * *

Как-то возвращаясь из гимназии домой, я на улице увидел возбужденную группу людей, в основном мужчин, вооруженных ломami, кирками и канатами. Они шли по середине улицы, громко разговаривая и напевая сугубо р-р-революционные песни. Выяснилось, что народ идет разрушать памятники «империалистической бойни», воздвигнутые царским правительством на Историческом бульваре, — Панораму обороны Севастополя 1854—1855 годов и укрепления 4-го бастиона. Я сбегал домой, бросил книжки и помчался вслед за антиимпериалистами, нагнал их у входа на Исторический бульвар и дальше уже двигался, что называется, «нога в ногу с массами».

Первая остановка произошла у памятника Тотлебену, творцу всех инженерных сооружений во время первой обороны Севастополя. Ему забросили на шею петлю, попробовали раскатать, но проклятый «милитарист», был крепко закреплен и не поддавался усилиям народа. Так как никто не хотел задерживаться, то его оставили в покое и, послав в адрес графа два-три крепких выражения, двинулись дальше. Здание панорамы оказалось закрытым, а на стук в массивные дубовые двери никто не вышел. Толпа после продолжительной ходьбы и неудачи с Тотлебеном начала остывать. Ломать двери, как кто-то было предложил, не решились. Но что-то надо было сделать, и тут отыскался подходящий объект.

По всему фасаду круглого здания панорамы были ниши, в каждой из них стоял бюст кого-либо из защитников Севастополя (Корнилова, Нахимова, Истомина, Хрулева и др.), прославившихся во время его обороны. Забросили петлю на один из злосчастных бюстов, и он легко упал вниз, разбившись на мелкие части. Это очень понравилось, и через какие-нибудь полчаса ни одного бюста в нишах не осталось. Разбив последний бюст, пацифисты с песнями разошлись по домам. Я тоже вернулся домой, но со страшной тяжестью на сердце.

Примерно такой же участи, правда несколько позже, подвергся памятник Нахимову у Графской пристани. Поставленный против здания Морского собрания на площади своего имени памятник Нахимову мозолил глаза ликующим строителям новой жизни каждый праздничный день. Все парады и манифестации проходили у его подножия, и Павел Степанович был как бы «принимающим парад». А отцы города, размещавшиеся либо на трибуне у гостиницы Киста, либо на балконе Морского собрания, оказывались как бы ни при чем. Чтобы избавиться от этого ощущения, его обшивали досками, сооружая нечто вроде маяка с прожекторами в верхней части (нужно напомнить, что местная газета называлась «Маяк Коммуны»). Бедный адмирал смот-

шел сквозь щели обшивки. Наконец, к концу 20-х годов памятник так намозолил глаза севастопольскому начальству, что его сняли. Севастополь лишился одной из главных своих достопримечательностей. Это был памятник работы Бильдерлинга, обладавший и портретным сходством, и каким-то домашним севастопольским духом.

Нахимов был изображен сутуловатым, в своей «нахимовской» фуражке с большим козырьком и поднятым сзади шлыком. Он строго смотрел на Графскую пристань и большой рейд; на боку у него висела кривая сабля плененного при Синопе Османа-паши. Снятый памятник некоторое время стоял во дворе Музея обороны Севастополя, затем его разобрали, и следы его пропали, по-видимому, отправили на переплавку. После 1945 года в общественное мнение усиленно внедряли мысль, что памятник был уничтожен немцами во время оккупации уже в последнюю войну. Но в моем архиве хранится серия фотографий, иллюстрирующих, как снимали статую с постамента, как везли на арбе во двор музея, как потом разбирали... Гражданская война продолжалась — даже с памятниками.

Но, как оказалось, долго без Нахимова нам жить не пришлось. «Отец народов» — Иосиф Виссарионович Сталин — в тяжелый момент сам «вспомнил» наших великих предков и другим наказал помнить. Среди таковых оказался и Павел Степанович.

В конце 1950-х годов памятник Нахимову поставили вновь; но это был совершенно другой памятник — работы советского скульптора Томского. Нахимов был поставлен спиной к пристани и бухте, вместо сабли Османа-паши на его боку было что-то другое, и весь он для коренных севастопольцев казался каким-то чужим. Но, конечно, лучше такой памятник, чем никакого.

Наименьшим напастям подвергся Музей обороны Севастополя со своими уникальными экспонатами и редчайшей по подбору книг библиотекой. Его не ломали, а просто закрыли и свыше 10 лет не открывали. Хранителем его оказался волею судеб сторож музея Новиков, имевший квартиру в самом здании. Честнейший, добросовестный человек, обремененный семьей, он все годы Гражданской войны и последовавших за ними голодовок охранял порученные ему исторические ценности.

Боже мой, а как к ним тогда относились, к этим ценностям, к этим памятникам русской славы?! Сердце кровью обливалось, ярость благородная разрывала грудь, но сделать ничего было нельзя. Приходилось терпеть.

Как-то я шел с группой молодежи после занятий «по политграмоте», с нами был и лектор, некто Азбукин. Вдруг кто-то спросил: «Что

там за памятник стоит на горе у Татарской слободки?» Последовал ответ Азбукина: «Это в память об одной из империалистических боен!» Прошлое никого не интересовало, а если и вспоминалось, то только в издевательском контексте и хамским тоном.

* * *

Хочу отметить еще несколько фактов, характерных для первых недель и месяцев после ухода белых. Если грабежи махновцев и зеленых всеми, включая и прессу, назывались своими именами, то у большевиков такие же, по существу, действия облакались в более respectable-ную форму.

Первой же зимой в городе была объявлена «неделя бедности», главной задачей которой было «изъятие излишков» у бывших буржуев. Нас это не волновало, так как, кроме двух-трех смен белья, у нас «излишков» не было. Но и нашу квартиру обыскали, просчитали все тряпки. Занимались этим взрослые, здоровые мужчины — видимо, некуда было девать энергию. У нас взяли несколько полотенец и носовых платков. У меня, можно сказать, персонально один из обыскивающих отобрал дедушкин комбинированный перочинный нож с компасом и свистком. Видимо, он посчитал, что для меня этот ножик является «излишком», а он и есть тот самый бедняк, которому как раз и не хватает такого ножа. При «изъятии» никаких списков или актов на забираемые вещи, а у соседей их набралось порядочно, не составлялось; просто все связывалось в узел и уносилось.

Мы все относились к этому очень легко, и нужно сказать, что этой легкостью мы были обязаны нашей матери — она всегда говорила: «Вещи — дело наживное», — и все материальные потери принимала с юмором.

* * *

В течение первых недель смены власти в Крыму мне пришлось побывать в Бурлюке еще раз, и явилось это следствием упомянутой большевистской операции по «изъятию излишков буржуев». У мамы оставались еще в целости кое-какие bijoux, и она стала думать, как их уберечь от лихих и завистливых глаз. Посоветовавшись, мы решили вернуть их в Бурлюк и там закопать в саду до лучших времен. Ехать, вернее, идти поручили мне, как единственному мужскому представителю. Мне было тогда неполных 15 лет, но ведь и пращурсы наши начинали свою службу будучи иногда еще моложе.

Все наличие драгоценных вещей, а их было все-таки порядочно, было зашито в пояс моих брюк; я помню, что там были два жемчужных кольца в три нитки с большими фермуарами из камней, чуть не полуметровая прадедовская часовая цепочка в два кольца из червонного золота, несколько брошей и кулонов. Все это составляло порядочную тяжесть и, конечно, прощупывалось. Так что, если бы в пути меня решили обыскивать, то первое, что с меня сняли бы, — это брюки.

Собравшись в путь, я утром переехал на Северную сторону и опять оказался на пяточке между пустыми постоялыми дворами и пристанью. Тут стояло человек десять, все больше женщин, с какими-то котомками. Всем им нужно было добираться до Качи, но они боялись идти пешком, так как всюду рыскали махновские тачанки и бродили группы белых. Последние, видимо, не знали, что им предпринять, уходить в горы, сдаваться ли в плен, и до принятия одного из этих решений они, бывало, перестреливались с проходящими красными частями.

Картина была не очень ободряющая, тем более что вид у меня был далеко не деревенский, и ко мне мог придраться любой мародер.

Я почувствовал себя очень неуютно, но в это время увидел знакомого паренька, прибывшего на очередном катере из города. Это был Колька Хохряков, внук нашей бывшей экономки Елены Михайловны; он был мой ровесник и учился в реальном училище. Оказалось, что он тоже направлялся в Бурлюк, где была его бабка, за продуктами.

Мы решили идти вместе и уже было тронулись в путь, когда вдруг на пристанской пяточок въехала военная грузовая машина. В кузове ее было человек пять солдат; из кабины вышел командир и предложил тем, кто хочет ехать на Качу в поселок авиаучилища, садиться в кузов. С гиком и криком все присутствующие туда и влезли, в том числе и мы с Колькой, не веря своему счастью. Теперь мы были уверены, что, во-первых, до Качи нас никто не остановит, не убьет и не ограбит, во-вторых, из 28 километров мы проедем по крайней мере 18.

Машина двинулась, когда уже стало темнеть, и мы довольно быстро достигли Бельбекской долины. Когда переезжали мост через речку, то справа от шоссе вдруг увидели зарево пожара. Что-то горело в усадьбе Конкевичей. От основного шоссе к ним вело полукилометровое ответвление, обсаженное тополями. Когда мы поравнялись с этим ответвлением, то на какой-то момент на фоне красного зарева увидели распахнутые ворота усадьбы, а в воротах черный силуэт всадника в шлеме. Стало жутко, вспомнились рассказы о пугачевщине. Дальше ехали быстро и спокойно, в сумерках приехали в поселок авиашколы, слезли с машины и сразу же направились по Альминской дороге в сторону Бурлюка. Это уже был проселок, все время нырявший по балкам, пересекавшим степь.

Но вскоре мы заметили, что вслед за нами идут двое мужчин с винтовками; когда мы спускались в очередную балку, то хорошо их видели подходившими к спуску и освещенными отраженными лучами уже севшего солнца. Мы с Колей заволновались и прибавили ходу, почти побежали. Деятели, шедшие сзади, видимо, тоже наблюдали за нами, что-то начали нам кричать и наконец выстрелили нам вслед.

Впереди у нас был подъем, и мы оказывались совсем на виду, в то время как они, спустившись в балку, были совсем невидимы; иначе говоря, мы поменялись местами. После второго выстрела, когда пуля просвистела где-то недалеко, мы решили остановиться, и «попутчики» нас догнали — это оказались два красноармейца, догонявшие свою часть, ушедшую к Перекопу. Увидев, что имеют дело с двумя подростками, они забросили винтовки за плечи, и мы пошли все вместе, объясняя друг другу, куда идем.

Стемнело совсем так, что в двух шагах ничего не было видно, а мы дошли только до деревни Орта-Кисек (ныне Угловое). Солдаты решили заночевать и пригласили нас с собой. Хотя, по дневным меркам, до Бурлюка было уже рукой подать, мы согласились. Вначале никто нас не пускал, но винтовки все же производили впечатление, и вскоре все четверо мы лежали в татарской мазанке на какой-то попоне и спали как сурки.

Утром сразу пошли дальше, красноармейцы, спустившись в Альминскую долину, направились на Тамак-Замрук (ныне Береговое в устье реки Булганак), а мы с Колей — направо по нагорной дороге левого берега. И вдруг замерли: на суку большой ивы, у моста, увидели повешенного человека. Робко подошли поближе; повешенным оказался офицер, погоны его были прибиты к плечам гвоздями. Под этим впечатлением пошли дальше и через сады вышли прямо к усадьбе.

Ворота ее были распахнуты настежь, как в те времена, когда хозяйка бывала дома и оказывала гостеприимство всем, кто желал к ней заехать. Я вошел в так называемый первый двор — ни души, поразило, что даже собаки не выбежали навстречу, а они всегда либо облаивали чужих, либо радостно встречали своих. Прошел во второй двор через калитку, там стояло три тачанки, а людей не было видно. Когда, наконец, я уже входил в дом через черный ход, в дверях встретил тетку Наташу Нолле, первыми словами которой были: «Зачем ты приехал?»

Она рассказала, что за время, прошедшее со дня нашего отъезда, через деревню проходило много различных воинских частей, но в усадьбу почти не заезжали, все торопились — одни удирали, другие преследовали. Как-то заскочил разъезд, забрал всех лошадей, какие оказались в конюшне, и продукты из кладовой и поскакал дальше. А вот со вчерашнего дня в усадьбе стоят эстонцы, приехавшие на трех тачанках.

Лежат, спят, едят в галерее. Кроме продуктов, пока ничего не требуют; никого не трогают. Тетка обосновалась в угловой комнате, рядом со столовой, и собрала в ней все, что казалось ей наиболее ценным. Я, со своей стороны, рассказал ей о наших переживаниях в Севастополе и о причине моего прихода.

Вечером мы сидели и пили чай, эстонцы в галерее выпивали и тихо пели какие-то свои песни. Мы вспомнили, что в стенном шкафу в столовой стоит большая, порядка 10—15 литров, стеклянная банка с вишневым вареньем. Ее как будто еще никто не национализировал; по крайней мере, у эстонцев ее не было. Мы решили перенести ее в свою комнату, и после полуночи я тихо вышел в столовую, открыл шкаф. Но дверка предательски заскрипела, и я услышал, как дежурный эстонец начал приближаться к дверям в столовую. Я быстро схватил банку и нырнул в открытую дверь нашей комнаты. Утром, когда рассвело, мы поняли, что я принес другую банку — с пикулями, а варенье мы увидели... на столе у эстонцев.

На другой день мы подыскивали металлическую коробку нужных размеров, кажется из-под леденцов, и пошли в сад. От лопаты мы отказались, чтобы не обращать на себя внимание. По дороге к Зеленому посту, там, где дорога делает угол, слева у поливочной канавы рос старый орех — у его подножья мы совком выкопали небольшую яму, положили в нее коробку с нашими *bioux*, которые я только тут выпорол из пояса. Затем забросали яму и покрыли ее сухой травой. Никто не видел нашей работы.

Когда мы вернулись в усадьбу и собирались уже входить в дом, вдруг раздались какие-то крики, пьяные песни и во двор въехала тачанка, запряженная четверкой крепких лошадей. Над тачанкой развивалось черное знамя с надписями «2-й Повстанческий полк батьки Махна» и «Анархия — мать порядка». За этой тачанкой, в которой, по-видимому, ехало командование полка, следовали другие, одна за другой; в каждой упряжке было 3—4 лошади и столько же сзади на поводу, запасных. На каждой повозке — пулемет, а то и два, экипаж 3—4 человека, много женщин. Скоро во дворе нельзя было повернуться, всюду кони и колеса, гомон и крик невероятный.

Мы с Наташей смотрели на все это как замороженные. Вдруг раздался выстрел и вслед за ним — собачий визг. Оказалось, что один из господ-анархистов полез в окно запертой на замок конюшни и, когда он, закинув внутрь верхнюю часть туловища, собирался подтянуть ноги, цепной пес по кличке Черкес, охранявший конюшню, выскочил из своей будки и укусил гостя за место, где у спины кончается ее благородное название. Сброшенный с окна бандит выхватил револьвер и выст-

решил. Черкес с пробитой ногой визжа залез в свою будку. Тем дело и кончилось. Замок в дверях конюшни в это время был сломан, и все удостоверилось, что стояла пусты.

Тогда они кинулись к дому. Мы с Наташей пришли в себя и решили укрыться в своей комнате, где нас дожидалась Ольга Ильинична Резниченко, но не тут-то было. Вся приехавшая орава моментально заполнила весь дом, и в нашей комнате оказалось сразу чуть ли не десять человек. Все, что им попадалось на глаза и нравилось, немедленно шло по карманам или по мешкам. За какой-нибудь час в доме, который десятилетиями был полной чашей, остались лишь одни стены и деревянная мебель; диваны, кресла, ломберные столы были обобраны, ковры, шторы скатаны и вынесены.

Стоявшие у нас эстонцы решили срочно уезжать, и их не задерживали. Они погрузили в свои повозки несколько бараньих туш, покрыли их коврами, которыми успели завладеть до приезда махновцев, и скрылись, кажется, в сторону Севастополя. Интересно, знали ли эти эстонцы роман их писателя-классика Вильде «Пророк Мальтсвиг», в котором колоритно описывались помещики Беловодские* из деревни Бурлюк, помогавшие эстонским переселенцам? Суть романа — приключения группы эстонцев, прибывших в Крым в поисках лучшей жизни в начале 1860-х годов, и то, какое участие приняли в их судьбе местные помещики. Помогали с работой, продуктами, лекарствами, просто добрым участием. Наверное, нынешние эстонцы не знали и не ведали ни своего классика, ни нрава российских помещиков, иначе, может быть, не только не грабили бы дом благодетелей их соплеменников, но и защитили бы их правнука.

У нас же продолжался грабеж и дележ награбленного. Не обошлось, конечно, без анекдотов. В кладовой были обнаружены бутылки с бекмезом, и его тут же пустили на смазку сапог, приняв, по-видимому, за деготь. Наконец кто-то из дворовых указал им на неправильное использование продукта, но они поверили, только когда кто-то из местных намазал бекмезом хлеб и стал есть.

Был также найден полированный, с художественной оковкой ларец, в котором когда-то деду был поднесен серебряный поднос с выгравированным на нем адресом за спасение какого-то парохода. Ларец был большой, что-нибудь 0,5 на 0,4 м, красивый, но закрытый на ключ, и ключа при нем не оказалось. Господа анархисты решили, что в ларце миллионы — золото и бриллианты, — я же знал, что он пустой, так как поднос мы увезли с собой и я же его запираю, а ключ куда-то за-

* Николай Евстафиевич и София Константиновна Беловодские, владельцы Бурлюка во 2-й половине XIX в., тесть и теща С.И. Кази.

бросил. Долго они трудились над замком, пока не начали топором раскалывать крышку. Нужно было слышать их ругань, когда вскрытый ларец оказался пустым.

Какой-то явно деревенский «дядько» ходил по дому, мурлыкая под нос «яку-то писню». В его мешок, перекинутый через левое плечо, на моих глазах отправилась коробка с моими оловянными солдатиками — у меня их было свыше 1500 штук немецкого производства, и представлены были почти все полки русской гвардии. Тетка Наташа, понимая, что в доме уже все равно ничего не спасешь, а пристрелить могут ни за грош, забрала Ольгу Ильиничну и ушла из усадьбы в расположенную неподалеку школу к местной учительнице. Я же продолжал крутиться по дому и вдруг увидел, что один махновец, молодой парень в белой кроликовой шапке, вынес во двор большую рамку с увеличенной фотографией моего отца; это была его последняя фотография, снятая в 1915 году, за неделю до гибели. Снят он был, конечно, в военной форме с Владимиром в петлице.

Не отдавая себе отчета, чем это может кончиться, я бросился к махновцу, вырвал из его рук раму с портретом и побежал куда глаза глядят. Тот успел только меня спросить: «А тебе-то что? Кто это?» А я сдуру тоже успел ответить, что это мой отец. Для него это было так неожиданно, что он только посмотрел мне вслед. Я, запыхавшись, прибежал со своей ношей в школу. Там тетка Наташа меня и задержала, так как я хотел опять идти в усадьбу. И хорошо сделала.

Не прошло и получаса, как в школу пришел председатель местного ревкома Петр Салагаев и сказал, что махновцы спохватились и меня ищут, чтобы воздать должное «ахфицерскому сынку». Он предложил мне немедленно уходить из деревни, поскольку не ручается за мою жизнь. Дело шло к вечеру, уже темнело, и идти куда-либо, да еще в моем городском «господском» костюме, значило напороться на неприятности на первых же шагах. Тетка посоветовалась с учительницей, и меня спустили в подполье школы, люк в которое находился под кроватью учительницы.

Так неожиданно-негаданно я оказался упрятым на все время махновской «оккупации» Бурлюка, а она продолжалась еще двое суток. Приходили они меня искать и в школу, но обыска не произвели. Подполье было просторное, под все здание школы и в рост человека. Мне спустили матрас, подушку, и я коротал часы почти в полной темноте. Периодически люк открывался и тетка передавала мне еду.

В конце вторых суток моего заключения я услышал над собой, но не в комнате учительницы, а в соседней комнате учителя-татарина, усиленное хождение, звон шпор и телефонные звонки. Можно себе пред-

ставить, как я обрадовался, услышав четкие слова доклада одного явно красного начальника другому: «Нами занята деревня Бурлюк и прилегающие хутора, части Махно отошли на север, одиночные махновские гачанки вылавливаем и задерживаем, только что арестованы две махновки, ехавшие из Севастополя...» Только тогда я по-настоящему почувствовал, как рисковал жизнью. Да и смерть была бы не простая, перед тем как застрелить, надо мной еще вдосталь поиздевались бы.

Я стал стучать в люк, и меня выпустили на поверхность. Был вечер, во дворе школы и в усадьбе горели костры, вокруг которых сидели, греясь и стараясь вздремнуть, солдаты. Дом в усадьбе был снова набит людьми, а в школе помещалось начальство. Это были части 51-й стрелковой дивизии Блюхера, шедшей из Севастополя к Перекопу по следам махновцев, вытесняя их из Крыма. Оказалось, что и от красных можно было иногда получать избавление.

Большинство солдат дивизии были сибиряки. Тетка Наташа, долгое время работавшая со своим братом С.В. Резниченко в переселенческих управлениях Сибири, попыталась расспрашивать солдат, откуда они, как думают жить. Но разговора не вышло — ее костюм и грассирующая речь, по-видимому, производили слишком «господское» впечатление и не располагали новых хозяев жизни к откровениям с бывшими...

*Е. Ковалев*³⁶²

ИЗ ПОЛЬШИ НА УКРАИНУ С 3-Й РУССКОЙ АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛА ВРАНГЕЛЯ³⁶³

37 лет тому назад, летом 1920 года, в Польше находилось значительное количество офицеров, казаков и солдат, попавших в Красную армию после Новороссийской катастрофы и перешедших затем к полякам или попавших к ним в плен во время советского наступления на Варшаву.

Переходили одиночным порядком, группами и даже целыми частями. Еще до начала отступления советских армий, в составе польской армии на фронте действовали: отряд генерала Балаховича, при котором позже был сформирован Донской полк полковника Духопельникова с 2-орудийной батареей (полковник Бабкин), бригада есаула Сальникова (Донской полк с батареей, перешедший из Конной армии Буденного), бригада есаула Яковлева³⁶⁴ (донцы, терцы, волчанцы с батареей) и в составе украинской армии — Донской полк есаула Фролова³⁶⁵ с батареей, развернутый из дивизиона 42-го Донского казачьего полка, отказавшегося интернироваться с армией генерала Бредова.

Затем началось формирование в городе Калише 3-й Русской Армии генерала Врангеля (командующий армией генерал Пермикин) в составе: 1-й стрелковой дивизии генерала Бабошко³⁶⁶, 2-й стрелковой дивизии генерала Палена³⁶⁷ (из кадров Северо-Западной армии) и сводной казачьей дивизии генерала Трусова³⁶⁸ (Донской, Оренбургский и Уральский полки, Кубанский дивизион и Донская батарея).

Незадолго до заключения перемирия поляками недоформированные, слабо или совсем невооруженные части 3-й Русской Армии были спешно вывезены на Украину, где совместно с украинской армией должны были самостоятельно продолжать борьбу, с целью облегчить положение в Крыму. За исключением отряда генерала Балаховича туда же были направлены и казачьи части, находившиеся до этого в составе польской армии, где они должны были войти в состав Сводной Казачьей дивизии.

Об этом периоде мало что было помещено в печати. Сохранившийся у меня дневник является поэтому довольно ценным, так как отражает обстановку и настроения той эпохи, хотя в нем и нет ничего сенсационного. Изю дня в день я записывал события и те большей частью фантастические слухи, которые доходили до нас в то время. Еще живые участники этих событий, да и другие, не без интереса прочтут эти, уже давно перевернутые, страницы прошлого.

Из дневника рядового офицера

9 октября н. ст. 1920 г. Лагерь № 5 в Калише. Днем вбежал в наше помещение комендант лагеря — майор — и сказал, чтобы все укладывали, так как приказано, чтобы к утру все казаки были вывезены из лагеря. Куда поедем — точно не известно: наша батарея отправляется последним эшелоном. Первым отправляется Донской полк, затем Оренбургский, потом Уральцы и наконец мы. Готовимся. Сдали матрасы и одеяла. Поедем утром, поэтому ночуем на голых нарах. Раздался слух, что наше поспешное отправление зависит от того, что поляки заключили мир с Советами, а Германия объявила войну Польше. Мне последнее кажется весьма неправдоподобным.

10 октября. Утром увидели, что эшелон Донского полка еще не отправлен. Днем он все еще продолжает стоять. Пошли слухи, что якобы у нас отберут лошадей. Оказалось, все вздор. Были две причины: во-первых, не было еще получено приказа о выступлении от генерала Трусова и, во-вторых, искали одеяла, так как Донской полк и Оренбуржцы не сдали около 150 одеял. Одна только батарея сдала все.

Вечером ходили в лагерный театр — на прощание. Играли недурно. Шло: «Дама в зеленой маске» и «Исполнительный лист». Во время второго действия поднялся сильный шум. Оказалось, что отходил эшелон Донского полка и казаки с шумом покидали зал.

11 октября. За ночь ушло три эшелона. Утром грузился Уральский полк, а за ним поедет мы. Уедем все же не раньше вечера. Узнали, что по требованию можно дешево достать водки. Послали хозяина собрания купить тридцать бутылок. К обеду пришла в лагерь партия пленных из Щелкова. Среди них оказались два телефониста, ушедшие первыми от красных, и И-ий (студент, был у меня артельщиком в 1-м партизанском артиллерийском взводе донской артиллерии). Накормили, как могли, офицеров — человек 10, затем обедали сами. Пригласили командира бригады полковника де-Маньяна³⁶⁹, который уезжает с нашим эшелоном. Около 4 часов подали наконец нам эшелон для погрузки. Говорят, что поедет через Львов и Краков на Волинь.

Сегодня за обедом достали номер газеты за 10 октября. В нем оказалось уже напечатанным наше письмо. Кроме того, очень интересная сводка польского штаба. Оказывается, генерал Желиговский, во главе Литовско-Белорусской дивизии, оставшись недоволен условиями перемирия с литовцами, согласно которым Вильно отходило к ним, как уроженец этой губернии, не подчинился приказам польского командования, сложил с себя командование группой войск и со своими солдатами продолжает наступать, причем занял Вильно, отказавшись наотрез от предложения французского губернатора объявить его вольным городом.

К вечеру погрузились. Ужинаем в вагоне. Когда кончали, пришел капитан Станкевич — польский офицер старой русской службы. Ужин затянулся. В конце его нам подали классный вагон. Я поместился вместе с есаулом П. Когда поезд тронулся, разговорились о прошлых боях. Пришел командир с заведующим хозяйством. Я сказал, что сегодня мы начинаем ехать в Новочеркасск — предстоит много интересного. Едем через Краков—Львов—Броды в Ровно.

12 октября. Лодзь. Проснулись утром — стоим. Оказывается, железнодорожная забастовка. Командир поехал в город. Есаул П. поручил ему купить диагонали, так как в России ее не купишь ни за какие деньги. Мой вестовой Астахов принес молоко. Литр стоит 8 марок. Стоим весь день. В 7 часов вечера, наконец, трогаемся. Часов в 9 в наш вагон начинает набиваться публика, так как вследствие забастовки движение пассажирских поездов прекращено. Кое-кого выставляем, остальные стесняют нас до утра. Поляки заключают перемирие.

13 октября. Подъезжаем к Кракову. Прибыли туда в полдень. Пообедали на питательном пункте — обед неважный: скверный суп и мама-

лыга. В 15 часов поезд отошел. Вечером впервые пропустили 6 роберов в винт.

14 октября. В 15 часов приехали во Львов. В магазинах всего много, но город грязноват.

15 октября. Броды. На рассвете опять влезли два жолнежа и дама. Бригада есаула Яковлева пошла на Проскурров. Сейчас (13 часов 45 минут) переезжаем границу между Броды и Радзивиловым. Повсюду видны следы войны: окопы, проволока, сожженные станции. Опять забастовка и отсутствие паровозов, благодаря чему в Радзивилове застряли. На станции грузятся части бригады есаула Яковлева. При бригаде Донская батарея, больше по названию. Офицеров донских артиллеристов в ней нет совершенно, казаков всего 35 человек.

16 октября. Радзивилов. В 11 часов 45 минут, благодаря настойчивости польских улан, едущих с нами в количестве 30 человек, наконец, поехали дальше. Едем отвратительно.

17 октября. Станция Здолбуново. Маршрут немного изменен. Сегодня доедем до станции Ожеин, а оттуда три дня идти походом. Около 12 часов окончили выгрузку, закусили и тронулись на город Острог. Ночевать остановились в 3 верстах за ним в деревне Вильбовно, куда пришли с наступлением темноты, то есть часов в 8 вечера.

18 октября. В 9 часов 30 минут выступили в местечко Славута, но до него не дошли. Остановились в деревне Коломня. Расположились свободно. Произвели разбивку пополнения. Ко мне попали 1 офицер и 5 казаков. Предположено здесь формироваться. Вечером приехал из штаба отряд полковника де-Маньяна и сообщил, что мы переходим в район Заславля, где остановимся окончательно и будем формироваться, причем сразу батарея развернется в дивизион. Вновь прибывший есаул С-й сегодня именинник. Выпили по паре рюмок и пошли спать. Завтра выступаем.

19 октября. В 9 часов утра выступили в деревню Липарку. Дорога тяжелая — песок. В деревне остановились отдохнуть и закусить. Во время еды проходили мимо части бригады есаула Сальникова и батареи. Командир ее зашел к нам. Сообщают новости все приятные: 1. Генерал Врангель занял Киев. 2. Генерал Балахович, заняв Минск, объявил поход на Москву. Мы будем формироваться и получим все. Одну батарею целиком (орудия) получим из Львова, а вторую из Ровно. Обмундирование, 20 000 комплектов, уже идет.

20 октября. В 9 часов выступили из Заславля в деревню Ленковцы. Переход довольно большой, да еще дали крюку. По дороге командир бригады сообщил, что к нам (в дивизию) вливается полк Духопельникова. Перед нами фронт в 60 верстах и охраняется конными поль-

скими патрулями. На этом участке стоят три свежих дивизии красных. Понадеялся на собрание и не обедал дома. Как и следовало ожидать, из собрания ничего не вышло, и я остался почти голодным. Вечером получили приказание перейти в деревню Четырбоки, а на наше место перейдут Оренбуржцы. Завтра поедем: командир — ругаться, а я квартирьером.

21 октября. Утром с квартирьерами поехал в Четырбоки. Пробовали спорить с начальником штаба, но ничего не вышло. Расположились все же ничего, хотя в моем районе лучшие квартиры заняли командир, завхоз и начальник отряда.

22 октября. Утром ел вареники с маком. Обед принесли из собрания совершенно холодный. Вечером командир батареи собрал всех офицеров и сообщил следующее: простоим мы в деревне Четырбоки дней 10—12, а затем перейдем на первый фланг украинской армии. Поляки будут удовлетворять нас сахаром, жирами, свечами, мылом, табаком и прочей мелочью, остальное же будем черпать из местных средств через дивизионное интендантство. Из лагеря идут к нам 2500 казаков пополнения. Ассигновано нам: 20 бронированных автомобилей и 25 французских аэропланов. Снабжать поляки будут до 22 ноября. Лошадей обещано 3000 на всю группу войск генерала Пермикина. Всех дам отправят в город Остро-Познанский, где им будет предоставлен полный пансион американским Красным Крестом. Савинков поехал с Балаховичем, а у нас будет дипломатическим представителем Философов. Жалованье в будущем будем получать романовскими рублями. Батарея разворачивается в дивизион, приказ о чем уже пишется. При полках и дивизионе будут устроены лавочки. Товар будет закупаться в городе Острове.

23 октября. Утром разрешил хозяину привезти воз дров для взвода. Как и предполагал — вышел скандал. Все крестьяне поехали за дровами. Пришлось ловить, останавливать и развозить по всем дворам. В результате ругня. Вернулся завхоз из Шепетовки. Привез булок, салтисону, сахару и свечей. Цены в четыре с половиной раза больше, чем в Калише.

24 октября. Утром встал, наелся оладьев со сметаной и пошел бродить. Скучно. Кое-как дотянули до обеда. На обед собрались все. Посмотрели очередные карикатуры сотника С-ва и разошлись. Есаул П. имел беседу с командиром батареи и, как выяснилось из разговора, командир возьмет сотника К-ва в дивизион. Я, вероятно, буду командовать 2-й батареей, а он будет у меня старшим офицером, а заведующим хозяйством — сотник Д-щев.

25 октября. Во взводе пала лошадь Ойра. День прошел скучно.

26 октября. Есаул П. сшил сапоги. Сделаны очень прилично. Завтра закажу свои. Хорунжий Н. скоро поедет в Остров за товаром для лавочки. Ночью выпал маленький снег.

27 октября. После обеда сыграли сбор офицерам. Собрались. Пришел командир и сообщил новости: числа 2-го — 4-го будет заключен мир между Польшей и большевиками. Польские войска отойдут за реку Горынь. Вследствие этого мы отходим в район Волочиска. Переход верст 80 с расчетом на 6 дней. Армия идет тремя колоннами: восточная — отряд генерала Бабошко, западная — отряд генерала Палена, средняя — наш отряд генерала Трусова. Двигаться будут: 1) Отряд генерала Бабошко — на Козько—Пашковцы—Писаревка—Купель—Войтовцы. Выступает 28 октября. 2) Отряд генерала Палена выступает 28 октября и идет на Белгородку—Ледуховку—Свинно—Буковцы. 3) Наш отряд выступает 28-го и переходит: 28 октября — Штаб и Донской полк — Влатановка—Сахновцы. Уральский полк — Лещаны. Оренбургский полк: Марковцы — ф. Бейзимы. Батарея — село Бейзимы. Бригада есаула Сальникова — Суньджин—Вербовцы. 29 октября — Штаб и Донской полк — Трусиловка—Федоровка. Уральский полк — Кушмановка. Оренбургский полк — Пузырьки. Батарея — Зеленая. Бригада Сальникова — Новое Село. 30 октября — Штаб и Донской полк — Колки. Оренбургский полк — Васильевка. Уральский — Олейники. Батарея — Волица Полевая. Бригада есаула Сальникова — Леданка. 31 октября — Дневка. 1 ноября. Штаб дивизии и Донской полк — Базалия. Уральский полк — Воробьевка—Лазузин Мал. Оренбургский полк — Богдановка. Батарея — Базалия. Бригада есаула Сальникова — Ордынцо—Мадаровка. 2 ноября. Штаб — Лонки. Донской полк — Маначин. Уральский полк — Клинины—Гонеровка. Оренбургский полк — Рабиевка. Батарея — Янушевцы. Красных против нас две дивизии башкир.

28 октября. В восемь с половиной часов выступили и перешли в село Безимы. Квартира неважная, но хозяева попались радушные. Есаул П. остановился у еврея. Квартира чистенькая, но холодная. Порядочно книг. В старом юмористическом журнале времен Козьмы Пруткова прочел продолжение басни «Стрекоза и муравей»:

Легковерна, но умна,
Стрекоза вняла совету
И пошла по белу свету
С той поры плясать она.
Легкокрылая плутовка
Повела дела так ловко,
Что к весне была она
И богата, и знатна...

Переписать не было времени, цитирую по памяти. В то же время с муравьем случилась беда:

Ручеек, такой затейник,
Весь размыл он муравейник...

И пришел муравей просить помощи у стрекозы — та отказала:

Сам себе ты строил рай,
Ну так сам и умирай.

29 октября. На дворе порядочный мороз. Закусил жареного сала, оладьев с медом, выпил кавы с молоком, и мы выступили. В деревне Новое Село командир бригады сообщил, что есть распоряжение дойти до места ночлега и дальше не двигаться. По дороге встретили украинских офицеров и солдат. Едут мобилизовать. Ночевать остановились в деревне Зеленой.

30 октября. Утром пришел Кирсаных (урядник) и сказал, что в 9 часов выступаем обратно, но не в Четырбоки, а в село Безимы. Утром разнесся слух, что красные нарушили перемирие и где-то напали на поляков, а последние, в свою очередь, атаковали их.

31 октября. Село Безимы. Вечером приехал из штаба командир и привез новость: завтра выступаем на восток. Мирные переговоры, происходящие в Минске и Бердичеве, отложены до 15 ноября. Мы должны стать на линию фронта и произвести там дебош. Помогать нам будут украинцы. Полковник Н-ов вернулся из Варшавы и сообщил, что видел батарею, которая бродит, и поляки не знают, кому ее сдать. Приказом по отряду приказано конных казаков свести в сводные сотни и всем нашить на левый рукав верхней одежды крест из белой тесьмы шириною полтора дюйма. Немедленно появилось крылатое слово «крестоносцы». (Мера эта, как говорили, была вызвана тем, что в Уральском полку, перешедшем целиком от красных, многие носили «буденновки» и трудно было различать, кто они: белые или красные.)

1 ноября. В 9 часов утра выступили в село Козьково. Переход 16 верст. В деревне Рутор сделали легкий привал. Конным и кучерам выдали винтовки. Вечером на квартире у есаула П. были устроены «досвитки».

2 ноября. В 9 часов выступили в деревню Чернятина Большая. Переход 25 верст. Деревня оказалась занятой поляками. Устроились неважно, и в хате довольно-таки бодрящая температура.

3 ноября. В 9 часов выступили в местечко Красилово. Переход 20 верст. В местечке можно кое-что купить. Квартира попалась чистая, но холодная и голодная. Хорунжий П. вернулся. В штабе армии ему сказали, что к нам в отряд идет дивизион из Ровно. Вечером был у есаула П. У него

хорошая квартира у поляков, хорошенькая барышня. Угостили яблоками, чаем с сахаром, маслом, молоком, повидом.

4 ноября. Сегодня в 8 часов выехал с квартирьерами в деревню Мартыновку, а батарея осталась в местечке Красилов. Переход верст 25. Деревня оказалась свободной. Стоят только 7 человек с офицером Терского полка (бригады есаула Яковлева). Вечером приехал артельщик и фуражир. Завтра должна прибыть батарея.

5 ноября. Утром развел квартиры. Постройки прекрасные. Познакомился с учительницами — их две. Взял почитать книгу. Вечером получил приказание вернуться обратно в Красилов. Через десять минут привезли другое — оставаться.

6 ноября. Часов в 5 вечера получил приказание ехать в деревню Везденьки и там ночевать. Туда же приехали подъесаул М. и хорунжий Н. Передали новости: Донской полк и батарея будут называться имени атамана Краснова (в отношении батареи это не подтвердилось, и она была названа позже — атамана Каледина), а Донской полк и батарея бригады есаула Сальникова — имени генерала Мамонтова. Идут нелады с Яковлевым. Донцы освободили арестованного офицера и увели 40 человек терцев.

7 ноября. С утра развели квартиры. Деревня ничего. Сегодня воскресенье, и везде варят вареники. Конфликт с Яковлевым усилился. Передают, что Донской полк собирается перейти к нам.

8 ноября. Утром пошел к подъесаулу М. Поелвареников. Поляки 10-го заключают мир. К ним отходит Волынская губ. Мы стоим сейчас как раз на границе. Полк Духопельникова вошел в состав бригады есаула Сальникова. Батарея его пока отдельная. К нам идет, по слухам, полк есаула Фролова (800—900 коней и много пулеметов). В 11 часов ночи получил приказание, что завтра переходим в деревню Мартыновку. Я еду квартирьером.

9 ноября. Утром зашел к командиру. Он показал мне приказ есаула Яковлева по дивизии от 7 ноября, где он говорит о недоразумениях с нашими частями и приказывает всякую появившуюся в районе дивизии часть обезоруживать и направлять в штаб дивизии. Поехал прямой дорогой, не через Черный Остров, а восточнее, и приехал, как и следовало ожидать, без всяких недоразумений.

10 ноября. Ночью получил приказание о том, что завтра в 8 часов построиться и идти в деревню Грузевицу, где нас будет смотреть французский генерал.

11 ноября. Ходили в Грузевицу. Повторилась обычная история — ждали, ждали, не дождались и разошлись. Только что мы ушли, как, говорят, французский генерал приехал. При нашей дивизии формиру-

есть дивизион: одна сотня кубанская и одна из крымских татар. Днем случайным выстрелом казак нашей батареи Емельянов ранил из револьвера девочку. Так как это внучка моей старой хозяйки, то бабка ходит и стонет.

12 ноября. Деревня Мартыновка. Утром зашел украинский комендант и сообщил, что этой ночью в местечке Черный Остров вырезали два еврейских семейства. Утром же отрывали тело польского каменец-подольского губернатора, зарубленного конницей Буденного в деревне Мартыновке. После обеда приехал командир из Проскурова. Город грязный. Цены, по сравнению с Польшей, огромные. Туда перешел Донской полк на охрану города. Дивизия генерала Бабошко и бригада есаула Сальникова пододвинуты ближе к фронту, так как там был прорыв у Деражни, который украинцы ликвидировали.

Разговаривал он с есаулом Печерским (терец), перешедшим к нам от Яковлева. Тот передал, что Яковлев — штабс-капитан артиллерии, не казак. Меня это заинтересовало. До сих пор я не обращал внимания — мало ли в России Яковлевых, — но теперь начинаю думать, не тот ли это Яковлев, которого я знал. Позже, когда я встретил его однажды в Польше, оказалось, что это действительно мой сверстник по Михайловскому Артиллерийскому училищу 1-го ускоренного выпуска, бывший кадет Воронежского кадетского корпуса. Нормально мои сверстники окончили Великую войну штабс-капитанами. Как и когда он стал есаулом — мне неизвестно. В училище — то были первые месяцы войны, о казаках говорили много, но он симпатий к ним не питал, утверждая, что они никуда не годятся. Какие у него были для этого данные, не знаю, но апломб уже в то время у него был большой. Со своей бригадой он участвовал в конце августа в операции против конной армии Буденного, попавшей в мешок в районе Замостья и жестоко потрепанной в этой операции.

По советским источникам, 27 августа 1920 года 4-я кавалерийская дивизия Буденного в районе местечка Тышковцы вступила в ожесточенный бой с казачьей бригадой есаула Яковлева в 750 шашек и к вечеру этого дня конной атакой разбила ее, захватив 120 пленных, 3 орудия и 200 лошадей. 28 августа были захвачены пленные 1-го Терского и 2-го Донского полков. 29 августа у Щевня 2-я кавалерийская дивизия разбила остатки казачьей бригады. К этим сообщениям следует относиться, впрочем, с большой сдержанностью, так как 31 августа, при отходе на Грубешов, 4-я кавалерийская дивизия опять разбила «упорно сопротивлявшиеся два батальона 30-го полка, батальон 142-го полка и два эскадрона казачьей дивизии, взяв до 700 пленных и изрубив до 400 и освободив дорогу для выхода Конармии на Грубешов». Коннице

Буденного (4-я, 6-я, 11-я и 14-я кавалерийские дивизии и отдельная бригада особого назначения) хотя и удалось выбраться из мешка, но, неотступно преследуемая поляками, она теряла материальную часть и обоз и понесла тяжелые потери. В бою у деревни Рачище 3-я бригада 14-й кавалерийской дивизии почти полностью погибла, потеряв весь свой командный и комиссарский состав. Совершенно измотанная конница Буденного 24 сентября получила приказ оторваться от противника и отойти в район города Бердичева.

Обещают вскоре выдать жалованье. Население Проскурова, особенно интеллигенция, настроено резко против Петлюры. В украинской газете пишут, что генерал Врангель отступает под натиском на новые позиции.

13 ноября. Командир, заведующий хозяйством и подьесаул М. поехали в село Бубновку. Я остался заместителем. Вечером вызвали командиров частей на важное совещание. Ездил в штаб. Новости таковы: красные прорвали Украинский фронт в центре и главные силы их действуют от Копайгорода на Елтушково. Там же работает конная бригада товарища Котовского в составе 500 коней. Для ликвидации прорыва направлены: 3-я, 4-я и 5-я Украинские дивизии. На левом фланге Запорожская дивизия при поддержке конной бригады есаула Яковлева перешла в наступление. Бригада есаула Сальникова, усиленная двумя сотнями уральцев, сосредотачивается в районе дивизии генерала Бабошко. Наша Сводно-казачья дивизия переходит завтра в район города Проскурова. Батарея, штаб и терский дивизион в селе Ружична (3 версты к югу от Проскурова). Полк есаула Фролова действует пока самостоятельно с украинцами. Генерал Махров возвратился из Парижа. В Варшаву приехал председатель Донского Круга Харламов и еще какой-то донской генерал, фамилию которого есаул А. не мог назвать (Сычев?).

14 ноября. В 9 часов утра выступили и перешли в деревню Ружична. Село хотя и большое, но бедное. Командир еще не вернулся. Нет продуктов, фуража, и нечем кормить. Вечером вызвали в штаб. Разрешено нам реквизировать лошадей. Опять утешили, что пушки идут, а в штабе армии есть амуниция.

15 ноября. Приехал командир. Завтра и послезавтра идем в Черный Остров для организации дивизионного транспорта и доформирования.

16 ноября. С утра выступили в Черный Остров. Ночью прошли отступающие украинские обозы. Оказывается, на фронте дела дрянь. Наша дивизия получает к вечеру диспозицию. Украинцы определено метутся. В Черном Острове расположились хорошо. Мой взвод в Марьяновке, первый — на Большой Горе, а обоз, разведчики и штабные повозки — в самом местечке. Вечером собрались у командира и

разговаривали о положении. Если дела не поправятся — придется интернироваться. Сведения с фронта таковы: генерал Бабошко отбил два бронепоезда — «Углекоп» и «Лейтенант Шмидт». Красные прорвались на Ярмолинцы. Сальников и польский партизанский полк остались в тылу у красных. Все это слухи. Завтра переходим в деревню Дзелинцы. Штаб армии — в Черный Остров.

17 ноября. Утром пошел в собрание. На завтрак оказалась только жареная картошка, но потом хозяйка принесла сметаны, сыру и молока — правда, немного. В 10 часов выступили в деревню Баглаи (переход 16 верст), оставив в местечке есаула П. с командой казаков. На фронте дела как будто поправились.

18 ноября. Днем получили приказ перейти в село Гайданская. Наши части отходят с целью занять более узкий фронт. Есаул П. прислал утром сахару, табаку, бумаги и найденный у жителей пулемет. Ввиду того что Гайданская занята, остановились в деревне Рабиевке. Тут же обозы нашей дивизии. Вечером была слышна орудийная стрельба.

19 ноября. Днем под влиянием тревожных слухов о положении на фронте поднялась паника. Обозы смелись в местечко Купели. Мы пошли вслед за ними. По дороге пошли сведения более успокоительные. В местечке поляки. Нас не трогают. Остановились ночевать.

20 ноября. Местечко Купели. Утром пошли к командиру. У него сидели польские офицеры. Выясняется наша судьба. В 12 часов сдали винтовки, патроны, пулемет, повозки и лошадей. Все это описали, но не отобрали, а под конвоем польских солдат все поехало с батареей. После обеда перешли в деревню Левковцы. В штаб дивизии послали донесение, причем поляки дали пропуск. Бой идет. Пока польскую границу перешли обозы, батарея дивизии генерала Бабошко и не знаю какие части бригады есаула Сальникова. Ясно слышны орудийные выстрелы. Изредка видны вдали высокие разрывы шрапнели.

21 ноября. Деревня Левковцы. В 12 часов ясно слышна орудийная, ружейная и пулеметная стрельба. Послали хорунжего С. выяснить обстановку. Оказывается, большевики уже дошли до самой границы. Штаб дивизии и конные сотни стоят в деревне Холодец. Где перешла границу пехота — неизвестно. Вечером получили приказ выступить в деревню Авратин. Поляки не пустили — нет приказа. Послали за приказом и, получив его часов в 11 вечера, двинулись. Пройдя Авратин, пошли дальше на Новую Греблю. Перед входом — белый флаг. Оказывается, что это уже в районе красных. Спешно пошли дальше и к 6 часам утра пришли в деревню Пальчинцы.

23 ноября. В 7 часов выступили догонять дивизию. Прошли благополучно. В деревне Камиенцы поляки произвели перетруску. Вещей,

кроме казенных, не брали. Лошадей также оставили. В 8 часов вечера остановились ночевать в деревне Терпиловке. Вечером были слышны орудийные выстрелы.

25 ноября. В деревне Клевановке, куда перешли накануне, до нас дошли слухи, что генерал Врангель разбит и с 20-ю тысячами погрузился и уехал, по одним сведениям, в Сочи, а по другим, в Константинополь.

30 ноября. Продукты стали давать лучше. Сегодня получили буханку хлеба на 4 человека, банку консервов на двух, селедку и по 40 штук сигареток. Сегодня читали сводку о генерале Врангеле. Оказывается, он под натиском вдесятеро больших сил противника и сильного десанта в Керчи должен был эвакуироваться на 100 судах в Константинополь. Всего уехало 120 тысяч, из них 75 тысяч бойцов.

10 декабря. Перешли в район Тарнополя и получили приказ, чтобы комиссиям сдать лошадей, седла, повозки и упряжь. Оставить только походные кухни с лошадьми. На следующий день все сдали. Простояв в районе Тарнополя до конца года, мы получили, наконец, 31 декабря приказ выступить и грузиться на станции Кулачки (14 верст от Тарнополя). Выступили только 3 января, в 3 часа с наступлением темноты прошли Тарнополь, выбрались, наконец, на дорогу — но убийственную дорогу, грязь по колено, и в 9 часов, промокшие под дождем и все в грязи, пришли на станцию и через полтора часа погрузились в холодные вагоны. 4 января утром поехали в Остров-Домжинский, куда прибыли 9-го, а 10 января пришли в артиллерийские казармы (бывшие русские), где Сводно-Казачья дивизия и была интернирована.

Прочие части 3-й Русской Армии были интернированы по другим городам. 12 февраля перешли рядом в Кмаровские казармы, где помещения были еще лучше. Туда же через несколько дней прибыла 1-я стрелковая дивизия, а затем Донской полк полковника Духопельникова и Донской полк есаула Фролова. Туда же были присланы 70 казаков — донцов, кубанцев и терцев, перешедших от красных в районе города Лепеля, где они стояли на пограничной службе. 20 августа 1-я стрелковая дивизия ушла в местечко Тухоль (на Поморье). Туда же 1 ноября была направлена и Сводно-Казачья дивизия. Это был бывший немецкий лагерь для военнопленных с плохими бараками, и здесь началась ликвидация армии постепенным разъездом на работы.

КОММЕНТАРИИ

¹ **Барон Врангель Петр Николаевич**, р. 15 августа 1878 г. в Ростове. Из дворян Санкт-Петербургской губ., сын директора страхового общества в Ростове. Ростовское реальное училище, Горный институт (1901), офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище (1902), академия Генштаба (1910). Офицер л.-гв. Конного полка. Генерал-майор, командующий сводным конным корпусом. В Добровольческой армии с 25 августа 1918 г.; с 28 августа 1918 г. командир бригады 1-й конной дивизии, с 31 октября 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 1-го конного корпуса, с 27 декабря 1918 г. командующий Добровольческой армией, с 10 января 1919 г. командующий Кавказской Добровольческой армией, с 26 ноября по 21 декабря 1919 г. командующий Добровольческой армией. Эвакуирован в феврале 1920 г. из Севастополя на корабле «Посадник». С 22 марта 1920 г. Главнокомандующий ВСЮР и Русской Армией. Генерал-лейтенант (с 22 ноября 1918 г.). В эмиграции, с 1924 г. начальник образованного из Русской Армии Русского Обще-Воинского Союза (РОВС). С сентября 1927 г. в Бельгии. Умер 25 апреля 1928 г. в Брюсселе.

² Впервые опубликовано: Белое дело. Т. 6. Берлин, 1931.

³ **Бредов Николай-Павел-Константин Эмильевич**, р. в 1873 г. Из дворян. 1-й Московский кадетский корпус, Константиновское военное училище (1891), академия Генштаба (1901). Генерал-лейтенант, командир 21-го армейского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 25 ноября 1918 г. в Киевском центре, с 24 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР; с 13 июля 1919 г. по 2 марта 1920 г. начальник 7-й пехотной дивизии, затем начальник 15-й пехотной дивизии, командующий войсками в Киеве, затем в Одессе, в начале 1920 г. возглавил поход из Одессы в Польшу. С июля 1920 г. в Крыму. В эмиграции в 1930—1931 гг. в распоряжении начальника РОВСа, председатель Союза «Долг Родине», возглавлял группу 2-й Галлиполийской роты в Софии, в 1930-х гг. заведующий инвалидным домом в Шипке. В 1945 г. вывезен в СССР и погиб в лагерях.

⁴ **Булак-Булахович Станислав-Мария Никодимович-Михайлович**, р. 10 февраля 1883 г. Из крестьян Ковенской губ. Произведен в офицеры за боевое отличие в 1915 г. Штабс-ротмистр 2-го уланского полка. В Северо-Западной армии с 2 ноября 1918 г. (перешел с отрядом от красных), произведен в ротмистры, с ноября 1918 г. подполковник, организатор и начальник пехотной дивизии, с 1919 г. начальник южного участка Северного корпуса, с мая 1919 г. полковник. Генерал-майор (с июня 1919 г.). 24 августа 1919 г. исключен из армии и бежал в Эстонию. С 1920 г. командующий

Русской Народной армией в Польше. Остался в Польше, директор лесных разработок. Убит 10 мая 1940 г. в Варшаве.

⁵ **Пермикин Борис Сергеевич**, р. 4 апреля 1890 г. Санкт-Петербургский университет (не окончил). Произведен в офицеры из вольноопределяющихся в 1914 г. Штабс-ротмистр 9-го уланского полка. Георгиевский кавалер. С 1918 г. был на Юге, затем в Петрограде. В Северо-Западной армии; с октября 1918 г. в Отдельном Псковском добровольческом корпусе в полку Булаховича (перешел от красных вместе с ним); с октября 1918 г. ротмистр, командир офицерского отряда, в начале 1919 г. командир Талабского отряда (полка), с 30 мая 1919 г. полковник, с 18 октября 1919 г. генерал-майор, с 26 октября командир ударной группы, с 20 до конца ноября 1919 г. начальник 5-й дивизии. С августа 1920 г. командующий 3-й Русской Армией в Польше. Генерал-лейтенант (1920). В эмиграции в Польше, в 1944—1945 гг. в резерве РОА. Умер 11 марта 1971 г. в Зальцбурге (Австрия).

⁶ **Маклаков Василий Алексеевич**, р. 10 мая 1869 г. в Москве. Из дворян, сын профессора. Московский университет (1894). Присяжный поверенный, один из лидеров партии кадетов. Российский посол во Франции. В эмиграции там же (Париж). Умер 15 июля 1957 г. в Бадене (Германия).

⁷ **Нератов Анатолий Анатольевич**, р. в 1863 г. Александровский лицей (1883). Гофмейстер, товарищ министра иностранных дел. В Добровольческой армии и ВСЮР; с осени 1918 г. управляющий ведомством внешних сношений Особого Сопровождения ВСЮР, министр иностранных дел, в начале 1920 г. товарищ министра иностранных дел Южно-Русского правительства. Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска. Летом 1920 г. в Константинополе в управлении иностранных дел правительства генерала Врангеля, в 1921—1924 гг. посол в Турции. В эмиграции в Париже. Член правления лицейского объединения во Франции. Умер после 1929 г.

⁸ 3-я Русская Армия. Сформирована в октябре 1920 г. в Калише из русских частей, находившихся к тому времени в Польше (в основном остатки Северо-Западной армии, вывезенные летом 1920 г. генерал-майором Л.А. Бобошко). Подчинялась генералу П.Н. Врангелю — Главнокомандующему Русской Армией (которая тогда была разделена на 1-ю и 2-ю армии). Состояла из 1-й (генерал-майор Л.А. Бобошко, начальник штаба капитан Ольдерогге, командиры полков: 1-го — полковник Рогожинский, 2-го — полковник Саулевич, 3-го — полковник Зайцев, 1-го артиллерийского — полковник Красовицкий) и 2-й (генерал-лейтенант граф А.П. Пален, помощник командира — полковник Лебедев, командиры полков: 5-го — полковник Джавров, 6-го — полковник Россинский, 7-го — полковник Ингерн, 2-го артиллерийского — полковник Бушен) стрелковых и Сводной казачьей (генерал Трусов) дивизий. В состав последней (из двух бригад — полковники Немцов и де Маньян) входили Донской («Красновский», под командованием полковника Духопельникова, осенью 1920 г. перешедший из Русской Народной армии), Оренбургский и Уральский полки, Кубанский дивизион и Донская батарея. Кроме того, летом 1920 г. в Польше образовалась группа из казачьих частей, перешедших из Красной армии (в основном плененные в Новороссийске), находившаяся на польской службе: Донской полк войскового старшины Д.А. Попова и батарея есаула И.И. Говорухина, составившие бригаду есаула Сальникова (в сентябре при ней была сформирована батарея есаула Конькова). Отдельно существовали Донской полк (с батареями) есаула Фролова

(из дивизиона 42-го Донского казачьего полка, не пожелавшего интернироваться с частями Бредова и вошедшего в украинскую армию; с 24 мая 1921 г. в составе 68 офицеров и 421 казака вошел в состав казачьих частей в Польше) и бригада есаула Яковлева (донцы, терцы и волчанцы с батареей). Эти формирования осенью 1920 г., после перемирия Польши с большевиками, были включены в Сводную казачью дивизию. В октябре 1920 г. части армии переброшены на Украину, где в ноябре—декабре 1920 г. действовали против большевиков вместе с украинской армией, потеряв в боях до 25% состава. В декабре 1920 г. отошла в Польшу в составе до 10 тысяч штыков и сабель (в т. ч. свыше 4 тысяч казаков). В 1921 г. расформирована. Командующий — генерал-лейтенант Б.С. Пермикин. Начальник штаба — полковник Поляков.

⁹ 2-я армия. Создана 4 сентября 1920 г. в составе Русской Армии. Включала 2-й (II)* и 3-й армейские корпуса и 4-ю отдельную телеграфную роту. Командующий — генерал-лейтенант Д.П. Драценко.

¹⁰ **Струве Петр Бернгардович**, р. 26 января 1870 г. в Перми. Из дворян, сын пермского губернатора. Санкт-Петербургский университет (1885). Профессор Санкт-Петербургского политехнического института. В 1917—1918 гг. член «Совета общественных деятелей», «Правого центра» в Москве, в 1918—1919 гг. член «Национального центра». Во ВСЮР и Русской Армии; с 1919 г. редактор газеты «Великая Россия», член Особого Совецания, с 29 марта 1920 г. начальник управления внешних сношений правительства генерала Врангеля. В эмиграции в Югославии, преподаватель экономики Высших военно-научных курсов в Белграде, затем во Франции. Умер 22 февраля 1944 г. в Париже.

¹¹ **Юзефович Яков Давидович**, р. в 1872 г. Из дворян. Полоцкий кадетский корпус (1890), Михайловское артиллерийское училище (1893), академия Генштаба (1899). Генерал-лейтенант, командир 26-го армейского корпуса, командующий 12-й армией. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с лета 1918 г.; с 1 января 1919 г. начальник штаба Добровольческой армии, командир 3-го конного корпуса, с 8 мая по 27 июля 1919 г. начальник штаба Кавказской армии, затем командир 5-го кавалерийского корпуса, с 28 ноября 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. С апреля 1920 г. руководитель строительством укреплений в Северной Таврии, в июне—сентябре 1920 г. генерал-инспектор конницы. В эмиграции с 1921 г. в Эстонии. Умер в 1929 г. в Тарту.

¹² **Махров Петр Семенович**, р. 1 сентября 1876 г. в Тамбове. Из дворян. Минская гимназия, Виленское пехотное юнкерское училище (1897), академия Генштаба (1907). Генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта. С 1918 г. в гетманской армии; служащий Полтавского кадетского корпуса, 30 октября 1918 г. назначен членом Военно-исторической комиссии по сбору документов Великой войны по Юго-Западному и Румынскому фронтам. В Вооруженных силах Юга России; с 21 февраля 1919 г. начальник военных сообщений Крымско-Азовской армии, с 3 апреля 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 18 августа, в октябре 1919 г. начальник военных сообщений Кавказской армии, затем генерал-квартирмейстер штаба Главнокомандующего ВСЮР, представитель в Северо-Западной армии, с 24 марта по

* Здесь и далее так указывается порядковый номер формирования соответствующего воинского соединения.

11 мая 1920 г. начальник штаба Главнокомандующего ВСЮР и Русской Армии, с 16 июня 1920 г. представитель Главнокомандующего при польском правительстве. Генерал-лейтенант (10 июня 1920 г.). В эмиграции в Польше и во Франции. Умер 29 февраля 1964 г. в Каннах.

¹³ **Кривошеин Александр Васильевич**, р. 19 июля 1857 г. Сын подполковника. Гимназия в Варшаве, Санкт-Петербургский университет. Тайный советник, статс-секретарь, главноуправляющий землеустройством и земледелием. В 1917—1918 гг. председатель «Союза земельных собственников», один из руководителей Правого центра. В Русской Армии помощник Главнокомандующего по гражданской части, возглавлял правительство при Главнокомандующем бароне П.Н. Врангеле. В эмиграции в Германии. Умер 15 октября 1921 г. в Берлине.

¹⁴ Кубанская казачья дивизия. Сформирована в Русской Армии 28 апреля 1920 г. из остатков кубанских частей, эвакуированных с Кавказского побережья. Входила в Сводный корпус. Состав: Партизанский (из кубанских частей, находящихся в Крыму), Волчий (1-я бригада), Уманский, Запорожский (2-я бригада) казачьи полки, пластунский батальон и Кубанский конно-артиллерийский дивизион.

¹⁵ **Бабиев Николай Гаврилович**, р. 30 марта 1887 г. в ст. Михайловской Кубанской обл. Николаевское кавалерийское училище (1909). Войсковой старшина, командир 1-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии; с 10 января 1918 г. в боях на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в дивизионе полковника Кузнецова, в марте 1918 г. взят в плен, но освобожден. Затем в 1-м Лабинском полку, с 18 октября 1918 г. командир Корниловского конного полка, с 14 января 1919 г. (25 сентября 1918 г.) полковник, с 26 января 1919 г. генерал-майор. С 26 января, на 5 октября 1919 г. начальник 3-й Кубанской казачьей дивизии. В Русской Армии начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии и конной группы. Генерал-лейтенант (18 июня 1919 г.). Убит 30 сентября 1920 г. у с. Шолохова.

¹⁶ **Ткачев Вячеслав Матвеевич**, р. 24 сентября 1885 г. Из дворян Кубанской обл., казак ст. Келермесской той же области. Нижегородский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1905), Офицерская воздухоплавательная школа (1912), Севастопольская авиационная школа (1913). Полковник, генерал-инспектор авиации (и. д. начальника полевого управления авиации) при штабе ВГК. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; в апреле — августе 1918 г. в плену, с декабря 1918 г. командир 1-го Кубанского авиационного отряда, затем командир 1-го Кубанского казачьего авиационного дивизиона, с декабря 1919 г. член Кубанского войскового правительства по внутренним делам (26 декабря 1919 г. зачислен по Кубанскому казачьему войску). С 1 апреля по 31 октября 1920 г. начальник авиации Русской Армии. Генерал-майор (с 19 мая 1919 г.). Орд. Св. Николая Чудотворца. В эмиграции в Югославии, председатель суда чести 4-го отдела РОВС, председатель Общества Воздушного флота в г. Нови Сад. Арестован в декабре 1944 г. и вывезен в СССР, до 1955 г. в лагерях. Умер 24 марта 1965 г. в Краснодаре.

¹⁷ 1-я армия. Создана 4 сентября 1920 г. в составе Русской Армии. Включала 1-й армейский, Конный и Донской корпуса. Командующий — генерал-лейтенант А.П. Кутепов.

¹⁸ **Достовалов Евгений Исаакович**, р. в 1882 г. Сын статского советника. Сибирский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1902), академия Генштаба (1912). Полковник, и. д. начальник штаба 15-й пехотной дивизии. В декабре 1917 г. помощник начальника штаба Крымских войск, 2 января 1918 г. взят в плен, освобожден и уехал из Крыма (по другим данным — скрывался в Крыму до апреля 1918 г.). В Добровольческой армии с весны 1918 г. в штабе 1-й дивизии до осени 1918 г.; с 20 ноября 1918 г. начальник Сальского отряда Донской армии, затем в прикомандировании к Кубанскому военному училищу, с 27 августа 1919 г. в распоряжении генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего ВСЮР, осенью 1919 г. генерал-майор, оберквартирмейстер Добровольческого корпуса, с марта 1920 г. начальник штаба того же корпуса. В Русской Армии начальник штаба 1-го армейского корпуса, с августа 1920 г. — 1-й армии. Генерал-лейтенант. На 18 декабря 1920 г. в управлении 1-го армейского корпуса в Галлиполи. В эмиграции к 1922 г. в Греции. Вернулся в СССР, служил в РККА. Расстрелян в 1938 г.

¹⁹ **Кутепов Александр Павлович**, р. 16 сентября 1882 г. в Череповце. Сын лесничего. Архангельская гимназия, Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище (1904). Полковник, командующий л.-гв. Преображенским полком. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г.; командир 3-й офицерской (гвардейской) роты, с декабря 1917 г. командующий войсками Таганрогского направления. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода командир 3-й роты 1-го Офицерского полка, Корниловского полка, с начала апреля 1918 г. командир Корниловского ударного полка, затем командир бригады, начальник 1-й пехотной дивизии, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с декабря 1918 г. черноморский военный губернатор, с 13 января 1919 г. командир 1-го армейского корпуса, с 23 июня 1919 г. генерал-лейтенант, с декабря 1919 г. — командир Добровольческого корпуса. В Русской Армии командир 1-го армейского корпуса, с августа 1920 г. командующий 1-й армией. Генерал от инфантерии (3 декабря 1920 г.). В Галлиполи командир 1-го армейского корпуса. В эмиграции во Франции. С 1928 г. начальник РОВС. Убит 26 января 1930 г. при попытке похищения в Париже.

²⁰ Корниловская дивизия (Корниловская ударная дивизия). Сформирована во ВСЮР 14 октября 1919 г. на базе 3 Корниловских полков 1-й пехотной дивизии в составе 1-го, 2-го и 3-го Корниловских полков, запасного батальона, отдельной инженерной роты и Корниловской артиллерийской бригады. Входила в состав 1-го армейского корпуса (I и II). К 22 января 1920 г. включала также Запасный полк (сформирован 29 октября 1919 г.), Корниловский и Горскомусульманский конные дивизионы. С 4 сентября 1920 г. включала 1-й, 2-й и 3-й Корниловские ударные полки, Корниловскую артиллерийскую бригаду, запасный батальон, Отдельную генерала Корнилова инженерную роту (подполковник В.В. Добровольский) и Отдельный конный генерала Корнилова дивизион (полковник Ковалевский). Батальонами и ротами в дивизии командовали, как правило, младшие офицеры, например, в составе сформированных летом 1919 г. 2-го и 3-го Корниловских полков не было ни одного штаб-офицера. Младшие офицеры рот (1—3 на роту) в основном были прапорщиками. В момент наибольших успехов, к середине сентября 1919 г. состав Корниловской дивизии (в полках по 3 батальона, офицерской роте, команде пеших разведчиков и эскадрону связи) был таков: 1-й полк — 2900, 2-й — 2600 (в т. ч. вмес-

то офицерский роты — офицерский батальон в 700 человек), 3-й — 1900 человек. К январю 1920 г. во всех трех полках дивизии осталось 415 офицеров и 1663 штыка. По советским данным, отошедшие в конце октября 1920 г. в Крым части дивизии насчитывали 1860 штыков и сабель. Являясь одним из наиболее надежных соединений, обычно действовала на направлении главного удара и несла наибольшие потери. За время боев у Б. Токмака летом 1920 г. потеряла до 2000 человек. В конце августа 1920 г., после того как дивизия почти полностью полегла на проволочных заграждениях у Каховки, в ее полках осталось по 90—110 человек; всего в Каховской операции за семь основных боев потеряла примерно 3200 человек. Корниловские части носили красные фуражки с черным околышем и черно-красные (черная половина — ближе к плечу) погоны с белыми выпушками, для офицеров предусматривалась форма черного цвета с белым кантом. Всего в рядах корниловцев погибло около 14 тысяч человек. Начальники: полковник (генерал-майор) Н.В. Скоблин, генерал-майор М.А. Пешня (врид с 1920 г.), генерал-майор Л.М. Ерогин (врид с 26 октября 1920 г.). Начальники штаба: капитан (полковник) К.Л. Капнин (6 ноября 1919-го — август 1920 г.), капитан (полковник) Е.Э. Месснер (с августа 1920 г.).

²¹ Корниловский ударный полк (1-й Корниловский ударный полк). Создан приказом по 8-й армии (генерала Л.Г. Корнилова) 19 мая 1917 г. из добровольцев как 1-й Ударный отряд, 1 августа преобразован в полк (4 батальона). В августе 1917 г. переименован в Славянский ударный полк и включен в состав Чехословацкого корпуса. Принимал участие в октябрьских боях с большевиками в Киеве. После захвата власти большевиками чины полка группами пробрались в Добровольческую армию. Основной эшелон полка прибыл в Новочеркасск 19 декабря 1917 г., а к 1 января 1918 г. собралось 50 офицеров и до 500 солдат. На Таганрогском направлении сражалась сводная рота полка (128 штыков при 4 пулеметах), 30 января 1918 г. смененная офицерской ротой (120 человек). 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода в полк были влиты Георгиевская рота и Офицерский отряд полковника Симановского. При выступлении насчитывал 1220 человек (в т. ч. 100 человек Георгиевской роты), треть его составляли офицеры. С середины марта 1918 г. входил в состав 2-й бригады, с начала июня 1918 г. — 2-й пехотной дивизии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. С 16 января 1919 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии. На 1 января 1919 г. насчитывал 1500 человек, в сентябре 1919 г. — 2900 при 120 пулеметах (3 батальона, офицерская рота, команда разведчиков и эскадрон связи). На 5 октября 1919 г. имел 945 штыков при 26 пулеметах. С 12 июля 1919 г. — 1-й Корниловский ударный полк; с формированием 14 октября 1919 г. Корниловской дивизии вошел в нее тем же номером.

Командиры: полковник М.О. Неженцев (до 31 марта 1918 г.), полковник А.П. Кутепов (31 марта — 12 июня 1918 г.), полковник В.И. Индейкин (12 июня — 31 октября 1918 г.), полковник Н.В. Скоблин (31 октября 1918 г. — лето 1919 г.), полковник М.А. Пешня (лето — 14 октября 1919 г.), полковник К.П. Гордиенко (с 14 октября 1919 г.), штабс-капитан (подполковник) В.В. Челябинов (врид в январе, августе 1920 г.), поручик (капитан) М. Дашкевич (врид в январе — феврале, с июля по 21 августа 1920 г.), штабс-капитан (подполковник) Д. Ширковский (врио в феврале 1920 г.).

²² Марковская дивизия (Офицерская генерала Маркова дивизия, с апреля 1920 г. — Пехотная генерала Маркова дивизия). Сформирована во ВСЮР 14 октября 1919 г. на базе Марковских полков 1-й пехотной дивизии в составе 1-го, 2-го и 3-го Марковских полков, запасного батальона, Марковской инженерной роты и Марковской артиллерийской бригады. Входила в состав 1-го армейского корпуса (I и II). В середине января 1920 г. дивизия насчитывала 641 офицера и 1367 солдат (по 30—35 в роте), но после 17 февраля ее состав снова сократился до 500 штыков и она с 17 февраля по март 1920 г. была временно сведена в Сводно-офицерский генерала Маркова полк. В марте 1920 г. насчитывала 900 человек (в т. ч. 245 офицеров). С 4 сентября 1920 г. включала 1-й, 2-й, 3-й и 4-й генерала Маркова пехотные полки, Марковскую артиллерийскую бригаду, запасный батальон (полк), Марковскую инженерную роту и Отдельный конный генерала Маркова дивизион (образован 21 августа 1920 г.). В начале октября 1920 г. в ротах было по 30—40 человек при 4—5 офицерах, в конце месяца, после отхода в Крым, во всей дивизии 1000 штыков и сабель. В 4 запасных батальонах дивизии в течение лета 1920 г. было по 1000 человек, в запасном полку в конце октября — 2000.

Была одним из наиболее надежных соединений и несла особенно тяжелые потери. Общие потери марковцев исчисляются до 30 тысяч человек кровавых потерь, в т. ч. 20% — 6 тысяч — убитыми. После сбора в Галлиполи всех марковцев (с техническими ротами) их набралось 2030 человек (в т. ч. 500 человек артдивизиона). Дивизия была сведена в Марковский пехотный полк. Марковские части носили белые фуражки с черным околышем и черные (для офицеров — бархатные, рядовых — суконные) с белой выпушкой погоны, форма — черного цвета с белым кантом. Начальники: генерал-майор Н.С. Тимановский (14 октября — 17 декабря 1919 г.), полковник А.Г. Биттенбиндер (врио 18—22 декабря 1919 г.), полковник А.Н. Блейш (врио 22 декабря 1919-го — 6 января 1920 г.), генерал-лейтенант П.Г. Канцеров (с 6 января по середину февраля 1920 г.), полковник А.Н. Блейш (с середины февраля по начало марта 1920 г.), полковник В.П. Машин (врио с начала по 26 марта 1920 г.), генерал-майор А.Н. Третьяков (26 марта — 15 октября 1920 г.), генерал-майор В.В. Манштейн (врио 15—21 октября 1920 г.), полковник А.Г. Биттенбиндер (врио с 21 октября 1920 г.). Начальник штаба — полковник А.Г. Биттенбиндер.

²³ Дроздовская дивизия (Офицерская стрелковая генерала Дроздовского дивизия, с апреля 1920 г. Стрелковая генерала Дроздовского дивизия). Сформирована во ВСЮР 14 октября 1919 г. на базе созданной 30 июля Офицерской стрелковой генерала Дроздовского бригады 3-й пехотной дивизии в составе 1-го, 2-го и 3-го Дроздовских полков, запасного батальона, Дроздовской инженерной роты и Дроздовской артиллерийской бригады. Входила в состав 1-го армейского корпуса (I). В середине октября 1919 г. насчитывала свыше 3000 штыков и 500 сабель в конном полку. С 4 сентября 1920 г. включала 1-й, 2-й, 3-й и 4-й стрелковые генерала Дроздовского полки, Дроздовскую артиллерийскую бригаду, Дроздовскую инженерную роту и Отдельный конный генерала Дроздовского дивизион. Отошедшие в конце октября 1920 г. в Крым Дроздовские части насчитывали 3260 штыков и сабель. Была одним из наиболее надежных соединений и несла особенно тяжелые потери (например, в десанте на Хорлы дивизия потеряла 575 человек, 14 августа 1920 г. у Андреевбурга — 100 че-

ловек). Общие потери дроздовцев исчисляются в 15 тысяч убитых и 35 тысяч раненых. Среди убитых свыше 4,5 тысячи офицеров. В Галиполи сведена в Дроздовский стрелковый полк. Дроздовские части носили малиновые фуражки с белым околышем и малиновые с белой выпушкой погоны с желтой буквой «Д». Начальники: генерал-майоры В.К. Витковский, К.А. Кельнер (июль — август 1920 г.), А.В. Туркул (август — 28 октября 1920 г.), В.Г. Харжевский (с 28 октября 1920 г.). Начальник штаба — полковник Ф.Е. Бредов.

²⁴ 2-й армейский корпус (II). Сформирован в Русской Армии 16 апреля 1920 г. на базе Крымского корпуса. Включал 13-ю и 34-ю пехотные и 1-ю кавалерийскую (III) (с 28 апреля 1920 г. 1-я конная) дивизии, 2-й отдельный тяжелый артиллерийский дивизион, 2-й отдельный позиционный артиллерийский дивизион (на базе управления 2-й артиллерийской бригады), 4-ю отдельную инженерную роту и 3-ю отдельную телеграфную роту. С 7 июля 1920 г. вместо выделенной в Конный корпус 1-й конной дивизии включал 2-ю Отдельную сводную конную бригаду (с 8 августа 1920 г. — 1-я Отдельная кавалерийская бригада). С 4 сентября 1920 г. включен во 2-ю армию. Состав: 13-я и 34-я пехотные дивизии, Сводный гвардейский пехотный полк, 2-й отдельный тяжелый артиллерийский дивизион, 4-я позиционная батарея, 2-я и 5-я отдельные инженерные роты и 2-я отдельная телеграфная рота. После отступления в Крым ему была передана 6-я пехотная дивизия из расформированного 3-го армейского корпуса. Командиры: генерал-лейтенант Я.А. Слащев, генерал-лейтенант В.К. Витковский. Начальник штаба — полковник В.П. Дубяго (лето 1920 г.).

²⁵ 1-й армейский корпус (II). Сформирован во ВСЮР — Русской Армии — 16 апреля 1920 г. на базе Добровольческого корпуса, в который в конце марта были сведены все казацкие части, эвакуированные из Новороссийска. Включал Корниловскую, Марковскую, Дроздовскую дивизии и Отдельную кавалерийскую бригаду (II) (с 28 апреля 1920 г. — 2-ю конную дивизию), 1-й отдельный тяжелый артиллерийский дивизион, 1-й отдельный позиционный артиллерийский дивизион (на базе управления Алексеевской артиллерийской бригады), отдельную саперную роту и 5-ю отдельную телеграфную роту. С 7 июля 1920 г. в корпус была включена 6-я пехотная дивизия, а 2-я конная переведена в Конный корпус. С 4 сентября 1920 г. включен в 1-ю армию. Состав: Корниловская, Марковская и Дроздовская дивизии. При наступлении в Северной Таврии в 1920 г. потерял за три дня 23% своего состава. Командир — генерал-лейтенант А.П. Кутепов (до 4 сентября 1920 г.).

²⁶ **Витковский Владимир Константинович**, р. 21 апреля 1885 г. Из дворян Санкт-Петербургской губ. 1-й кадетский корпус (1903), Павловское военное училище (1905). Полковник л.-гв. Кексгольмского полка, командир 199-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; с весны 1918 г. в отряде полковника Дроздовского, летом 1918 г. командир Солдатского батальона (затем Самурского полка), с 24 июня 1918 г. командир 2-го офицерского (Дроздовского) стрелкового полка, с 24 ноября 1918 г. командир бригады 3-й дивизии, с 18 декабря 1918 г. генерал-майор, с февраля 1919 г. начальник 3-й (затем Дроздовской) дивизии. В Русской Армии с 2 августа 1920 г. командир 2-го армейского корпуса, с 2 октября 1920 г. командующий 2-й армией. Генерал-лейтенант (с апреля 1920 г.). На 28 декабря 1920 г. начальник 1-й пехотной дивизии и заместитель генерала

Кутепова в Галлиполи. В эмиграции на декабрь 1924 г. председатель объединения л.-гв. Кексгольмского полка, к 1931 г. председатель объединения 1-го армейского корпуса и Общества галлиполийцев в Ницце (Франция), на ноябрь 1951 г. представитель объединения л.-гв. Кексгольмского полка в США, с 1960 г. член правления ПРЭ. Умер 18—19 января 1978 г. в Пало-Альто (США).

²⁷ Донской корпус. Сформирован в Русской Армии 1 мая 1920 г. Включал 2-ю и 3-ю Донские дивизии и Гвардейскую бригаду. С 4 сентября 1920 г. включен в 1-ю армию. Состав: 1-я и 2-я Донские конные и 3-я Донская дивизии. Командир — генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов. Начальник штаба — генерал-лейтенант А.В. Говоров.

²⁸ 2-я Донская конная дивизия (II). Сформирована в Русской Армии 1 мая 1920 г. из частей 2-го и 4-го Донского отдельного корпуса как 2-я Донская дивизия (две бригады, конный и конно-артиллерийский дивизионы и запасный батальон), с 4 сентября — конная. Входила в состав Донского корпуса. Состав: 3-й Калединский (полковник Г.И. Чапчиков), 4-й Назаровский (генерал-майор А.Г. Рубашкин) (1-я бригада), 5-й атамана Платова (полковник А.И. Шмелев), 6-й атамана Ермака (полковник Губкин) и Зюнгарский (2-я бригада) конные полки, 2-й Донской запасный конный дивизион и 2-й Донской конно-артиллерийский дивизион. Начальники: генерал-лейтенант Н.П. Калинин (май — 18 августа 1920 г.), генерал-лейтенант Г.В. Татаркин (с 18 августа 1920 г.). Начальник штаба — полковник С.Я. Соболевский. Командиры бригад: 1-й — генерал-майор А.П. Попов, 2-й — генерал-лейтенант Г.В. Татаркин.

²⁹ 3-я Донская дивизия. Сформирована в Русской Армии 1 мая 1920 г. из частей 1-го и 3-го Донских отдельных корпусов как пешая (две бригады, конный и 1-й Донской легкий артиллерийский дивизионы и запасный батальон). С 4 сентября 1920 г. входила в состав Донского корпуса. Состав: Гундоровский Георгиевский полк, 7-й, 10-й (1-я бригада), 18-й и 8-й (2-я бригада) Донские конные полки, 3-й Донской запасный батальон, 3-й Донской конный дивизион и 1-й Донской легкий артиллерийский дивизион. Начальник — генерал-майор А.К. Гусельщиков. Начальник штаба — генерал-майор А.В. Говоров (с 25 марта 1920 г.).

³⁰ 1-я Донская конная дивизия (II). Сформирована в Русской Армии 1 мая 1920 г. (две бригады, 1-й Донской конно-артиллерийский дивизион и запасный батальон), 4 сентября 1920 г. переформирована. Входила в состав Донского корпуса. Состав: л.-гв. Казачий и л.-гв. Атаманский (1-я, или Гвардейская, бригада), 1-й и 2-й Донские конные (2-я бригада) полки, 1-й Донской запасный батальон, 1-й и 3-й Донские конно-артиллерийские дивизионы. Начальник — генерал-майор В.А. Дьяков.

³¹ **Драценко Даниил Павлович**, р. в 1876 г. Из мещан. Одесское пехотное юнкерское училище (1897), академия Генштаба (1908). Полковник, командир 153-го пехотного полка. В начале 1918 г. командир Русского Корпуса в Закавказье. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 17 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 1 марта 1919 г. начальник 4-й Терской отдельной пластунской бригады, затем начальник 1-й конной дивизии, с 31 мая 1919 г. начальник Астраханского отряда, командующий войсками западного побережья Каспийского моря, командующий группой войск Астраханского направления, с 1920 г. представитель Главнокомандующего ВСЮР в Батуме.

В Русской Армии в августе 1920 г. начальник штаба группы войск генерала Улагая во время Кубанского десанта, затем начальник штаба 2-й армии, с 2 сентября по 2 октября 1920 г. командующий 2-й армией. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, с 1931 г. начальник Загребского отдела РОВС и председатель комитета по сбору средств в Фонд спасения России. Служил в Русском Корпусе. Умер в 1941—1945 гг.

³² 3-й армейский корпус (III). Сформирован в Русской Армии 4 сентября 1920 г. Входил во 2-ю армию. Состав: 6-я и 7-я пехотные дивизии и Отдельный батальон немецких колонистов. После отступления в Крым расформирован с передачей 6-й дивизии во 2-й армейский, а 7-й в Кубанский корпуса.

³³ Отдельная Терско-Астраханская казачья бригада. Сформирована в апреле 1920 г. в Крыму из остатков терских и астраханских казачьих частей. С 28 апреля как Терско-Астраханская бригада (неотдельная) входила в состав 3-й конной дивизии, с 7 июля — отдельная бригада. Летом 1920 г. входила в состав Группы войск особого назначения, участвовавшей в Кубанском десанте. С 4 сентября 1920 г., действуя отдельно в составе Русской Армии, включала 1-й Терский, 1-й и 2-й Астраханские казачьи полки, Терско-Астраханский казачий конно-артиллерийский дивизион, Отдельный запасный Астраханский казачий дивизион и Отдельную Терскую запасную казачью сотню.

³⁴ **Сабин Михаил Павлович**, р. в 1869 г. Морской корпус (1890). Контр-адмирал. В Добровольческой армии и ВСЮР с 1918 г. (перешел от красных); с 21 марта 1919 г. Главный командир Севастопольского порта (Главный командир судов и портов Черного и Азовского морей), весной 1919 г. эвакуирован из Севастополя в Новороссийск на крейсере «Кагул» («Генерал Корнилов»). С 3 мая 1920 г. командующий Черноморским флотом. Вице-адмирал. Эвакуирован до осени 1920 г. из Севастополя на корабле «Великий князь Александр Михайлович». Умер 17 октября 1920 г.

³⁵ **Барбович Иван Гаврилович**, р. 27 января 1874 г. в Полтавской губ. Из дворян, сын офицера. Полтавская гимназия, Елисаветградское кавалерийское училище (1896). Полковник, командир 10-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. Летом—осенью 1918 г. сформировал отряд в Чугуеве и 19 января 1919 г. присоединился с ним к Добровольческой армии; с 19 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 1 марта 1919 г. командир 2-го конного полка, с 5 июня по 7 июля 1919 г. врид начальника конной дивизии в Крыму, с 5 июня 1919 г. командир Отдельной кавалерийской бригады 3-го армейского корпуса, с 3 июля 1919 г. командир 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии, с 19 ноября 1920 г. командир конной дивизии, с 11 декабря 1919 г. генерал-майор, с 18 декабря 1919 г. командир 5-го кавалерийского корпуса. В Русской Армии с 28 апреля 1920 г. командир Сводного (с 7 июля Конного) корпуса. Генерал-лейтенант (19 июля 1920 г.). Орд. Св. Николая Чудотворца. В Галлиполи начальник 1-й кавалерийской дивизии. В эмиграции почетный председатель Общества бывших юнкеров Елисаветградского кавалерийского училища в Белграде. С сентября 1924 г. помощник начальника, с 21 января 1933 г. начальник 4-го отдела РОВС, председатель объединения кавалерии и конной артиллерии. С октября 1944 г. в Германии. Умер 21 марта 1947 г. в Мюнхене.

³⁶ 1-я кавалерийская дивизия (III). Сформирована 16 апреля 1920 г. в Русской Армии в Крыму из входивших в состав 1-й кавалерийской дивизии (II)

Сводно-гвардейского кавалерийского, 1-го, 2-го и 3-го Сводно-кавалерийских полков, состоявших в Крымском корпусе Туземного и Татарского полков, а также Сводной бригады Кабардинской дивизии, прибывающих из Сочи терцев и подразделений всех остальных гвардейских, 2-го Курляндского, 6-го Волынского, 11-го Чугуевского и 14-го Ямбургского уланских, 4-го Мариупольского, 5-го Александрийского, 6-го Клястицкого, 7-го Белорусского и 10-го Ингерманландского гусарских полков бывшей Императорской армии. Входила во 2-й армейский корпус (II), а с 7 июля 1920 г. — в Конный корпус. Состав: Гвардейский, 1-й (1-я бригада), 2-й, 3-й (2-я бригада), 4-й и 5-й (3-я бригада) кавалерийские полки, Запасный конный полк (6 эскадронов), 1-й, 2-й и 3-й конно-артиллерийские дивизионы. 28 апреля 1919 г. переформирована в 1-ю конную дивизию (с 8 августа 1920 г. снова кавалерийская) в составе Гвардейского, 1-го (1-я бригада), 2-го, 3-го и 4-го (2-я бригада) кавалерийских полков, Запасного конного полка (5 эскадронов), 1-го и 2-го конно-артиллерийских дивизионов. 7 июля 1920 г. 4-й кавалерийский полк передан во 2-ю кавалерийскую дивизию (II), а с 8 августа 1920 г. вместо переданного туда же 2-го кавалерийского полка в ее состав введен из этой дивизии 6-й кавалерийский полк. С 4 сентября 1920 г. включала вместо 2-го (переданного в 1-ю Кубанскую казачью дивизию) 3-й конно-артиллерийский дивизион. В середине октября 1920 г. насчитывала 1300 сабель.

³⁷ **Николя Владимир Владимирович**, р. в 1881 г. Морской корпус (1903). Капитан 1-го ранга. Георгиевский кавалер. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; начальник штаба Черноморского флота. Контр-адмирал (12 июня 1920 г.). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте, в июле 1921-го — июне 1922 г. председатель Комиссии по делам русских граждан в Северной Африке. Умер 3 апреля 1923 г. в Бизерте (Тунис).

³⁸ То есть л.-гв. Казачий и л.-гв. Атаманский полки.

³⁹ **Рубашкин Алексей Георгиевич**, р. 20 мая 1895 г. в Новочеркасске. Сын мирового судьи, казак ст. Новочеркасской Области Войска Донского. Донской кадетский корпус (не окончил), Сумский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1914). Подъесаул л.-гв. Атаманского полка. В Донской армии; участник восстания в Усть-Медведицком округе 25 апреля 1918 г., затем в конном отряде ст. Распопинской, с 1918 г. есаул; в марте — апреле 1919 г. войсковой старшина, командир 51-го Донского казачьего полка, затем помощник начальника 9-й Донской казачьей дивизии, с конца 1919 г. начальник той же дивизии. Орд. Владимира 4-й ст. (27 марта 1919 г.). В Русской Армии с весны 1920 г. командир 4-го Донского казачьего полка 2-й конной дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (25 декабря 1919 г.). Орд. Св. Николая Чудотворца. Был на о. Лемнос; в декабре 1920 г. командир 4-го Донского Назаровского казачьего полка, с 1921 г. в Болгарии (Пловдив). Осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва в Болгарии. В эмиграции там же. Служил в Русском корпусе. Схвачен 16 сентября 1944 г. и вывезен в СССР, с 1945-го до 1956 г. в лагерях в Иркутской обл. и на поселении в Красноярском крае. Умер 5 декабря 1966 г. в Новочеркасске.

⁴⁰ 2-й отряд судов Черноморского флота (Азовского моря). Сформирован 27 декабря 1919 г. База — Керчь. Первоначально включал канонерские лодки «Терец» и «Грозный» (позже также «Самир»), ледоколы «Гайдамак» и «Всадник», временно ему придавались эсминец «Зоркий», тральщики «Петрель» и

«Дмитрий Герой», паровая шхуна «Како Георгий». В июне 1920 г. в него входили: морские канонерские лодки «Терец», «Грозный» и «Страж», 1-й дивизион речных канонерских лодок («Урал», «Алтай», «Георгий», «Кавказ»), ледоколы «Гайдамак», «Всадник» и «Джигит», 2-й дивизион сторожевых катеров (СК № 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17 и 18), десантные катера «Мария», «Азовец», «Никола Пашич», «Меотида», «Пантикапея» и «Дмитрий», болиндеры № 442, 443 и 445, 1-й гидроавиационный отряд и плавучая батарея «Ростислав». В январе—феврале 1920 г. участвовал в защите Арабатской Стрелки, в марте 1920 г. осуществлял эвакуацию казачьих частей из Туапсе, 1 апреля 1920 г. осуществлял десантную операцию у Геническа, 24 мая — у Кирилловки, в августе 1920 г. — на Кубани. Командующие: капитан 1-го ранга Н.Н. Машуков (с декабря 1919 г.), контр-адмирал М.А. Беренс (с сентября 1920 г.). Флагманский инженер-механик — генерал-майор А.К. Иванов. Начальник оперативной части — капитан 2-го ранга Б.В. Карпов.

⁴¹ **Беренс Михаил Андреевич**, р. 16 января 1879 г. Морской корпус (1898). Капитан 1-го ранга, и. д. начальника Морского Генерального штаба. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с января 1920 г. командующий морскими силами на Дальнем Востоке. Эвакуирован. 28 августа 1920 г. выехал в Крым (Севастополь) на корабле «Константин». В сентябре 1920 г. комендант крепости Керчь, в октябре—декабре 1920 г. начальник 2-го (Азовского) отряда Черноморского флота, с декабря 1920 г. начальник 4-й группы судов Русской эскадры (при переходе из Константинополя до Бизерты держал свой флаг на миноносце «Беспокойный»). Контр-адмирал (8 июля 1919 г.). С декабря 1920 г. по октябрь 1924 г. врид командующего Русской эскадрой. На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте. В эмиграции в Тунисе, служил в сельскохозяйственной дирекции. Умер 20 января 1943 г. в Мегрине (Тунис).

⁴² **Шатилов Павел Николаевич**, р. 13 ноября 1881 г. в Тифлисе. Из дворян, сын генерала. 1-й Московский кадетский корпус, Пажеский корпус (1900), академия Генштаба (1908). Офицер л.-гв. Казачьего полка. Генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с декабря 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 10 января 1919 г. начальник 1-й конной дивизии, затем командир 3-го и 4-го конных корпусов, с мая 1919 г. генерал-лейтенант, до 22 мая 1919 г. начальник штаба Добровольческой армии, 27 июля — 13 декабря 1919 г. начальник штаба Кавказской армии, с 26 ноября (13 декабря) 1919 г. по 3 января 1920 г. начальник штаба Добровольческой армии; 8 февраля уволен от службы и эвакуирован из Севастополя в Константинополь. С 24 марта 1920 г. помощник Главнокомандующего ВСЮР, с 21 июня 1920 г. начальник штаба Русской Армии. Генерал от кавалерии (с ноября 1920 г.). В эмиграции в Константинополе, состоял при генерале Врангеле, затем во Франции, в 1924—1934 гг. начальник 1-го отдела РОВС, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба, на ноябрь 1951 г. почетный председатель объединения л.-гв. Казачьего полка. Умер 5 мая 1962 г. в Аньере (Франция).

⁴³ **Тверской Сергей Дмитриевич**. Училище правоведения (1896). Действительный статский советник, саратовский губернатор. В Вооруженных силах Юга России; воронежский губернатор, начальник гражданского управления в правительстве Юга России, в начале 1920 г. помощник Главнокомандующего

ВСЮР по гражданской части и и. д. губернатора Черноморской губ., начальник эвакуации портов Черного моря. Эвакуирован в марте 1920 г. из Новороссийска. На май 1920 г. в Югославии. В Русской Армии и. о. начальника гражданского управления. В эмиграции во Франции. Умер 23 июля 1942 г. в Париже.

⁴⁴ **Экк Эдуард Владимирович**, р. 11 апреля 1851 г. Из дворян Санкт-Петербургской губ., сын тайного советника. В службе с 1868 г., офицером с 1869 г., академия Генштаба (1878). Офицер л.-гв. Семеновского полка. Генерал от инфантерии, командир 23-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 31 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 13 июля 1919 г. председатель военно-полевого суда над генералом Марксом. В Русской Армии председатель высшей комиссии правительственного надзора до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, председатель Совета объединенных офицерских организаций, до 21 января 1933 г. начальник 4-го отдела РОВС, представитель Главнокомандующего в Белграде. Член объединения л.-гв. Семеновского полка. Умер 5 апреля 1937 г. в Белграде.

⁴⁵ **Трегубов Сергей Николаевич**. Училище правоведения (1888). Тайный советник, сенатор, профессор Военно-юридической академии и консультант при Ставке Главнокомандующего. Во ВСЮР и Русской Армии; с 1919 г. первоприсутствующий Сената, с 1920 г. член высшей комиссии правительственного надзора. В эмиграции в Югославии и Германии. Председатель Зарубежного союза русских судебных деятелей и Общества военных юристов. Умер 29 июля 1945 г. в Биркенвердере, под Берлином.

⁴⁶ **Ненарокомов Николай Иванович**. Училище правоведения (1883). Тайный советник, сенатор. Во ВСЮР и Русской Армии. В эмиграции в Югославии. Умер 25 февраля 1942 г. в Вршаце.

⁴⁷ **Макаренко Александр Сергеевич**, р. в 1861 г. В службе с 1879 г., офицером с 1881 г., Военно-юридическая академия. Генерал-лейтенант военно-судебного ведомства. Главный военный прокурор и начальник военного управления. В Добровольческой армии и ВСЮР с осени 1918 г.; в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 21 февраля 1919 г. постоянный член Кассационного присутствия, с 9 апреля 1919 г. председатель комиссии по пересмотру Воинского устава о наказаниях и военно-судебного устава, с апреля 1920 г. постоянный член Главного военного и военно-морского суда. В эмиграции. Умер в 1932 г. в Самборе.

⁴⁸ **Граф Воронцов-Дашков Илларион Илларионович**, р. 24 мая 1877 г. в Царском Селе. В службе с 1896 г., офицером с 1898 г. Полковник л.-гв. Гусарского полка, командир Кабардинского конного полка. В Добровольческой армии. Осенью 1918-го, в январе 1919 г. в Кисловодске для связи с Бичераховым, получив от него деньги для Серебрякова-Даутокова на организацию Терского восстания; с 25 ноября 1918 г. в резерве чинов при штабе армии и Главнокомандующего ВСЮР, с 22 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Кавказской Добровольческой армии, с 10 февраля 1919 г. в резерве чинов при штабе Крымско-Азовской Добровольческой армии; в феврале 1919 г. на Кубани, с 1 июня 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с марта 1920 г. в представительстве ВСЮР в Батуме. 6 мая 1920 г. прибыл в Русскую Армию в Крым (Севастополь) на корабле «Шилка». В эмиграции во Франции. Умер 20 апреля 1932 г. в Париже.

⁴⁹ **Левитский Валерий Михайлович**. Во ВСЮР и Русской Армии, в 1919—1920 гг. редактор газеты «Великая Россия» на Юге России, член редколлегии журнала «Зарницы». В эмиграции в Югославии; с апреля 1922 г. начальник информационного отделения штаба Русской Армии. Умер в 1946 г.

⁵⁰ **Львов Николай Николаевич**, р. в 1867 г. в Москве. Из дворян Саратовской губ. Гимназия, Московский университет (1881). Товарищу председателя Государственной думы, член Св. Владимирского православного братства. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в армейском лазарете. В Вооруженных силах Юга России. С 1918 г. издатель газеты «Великая Россия». Эвакуирован в январе—марте 1920 г. из Новороссийска на корабле «Русь». На май 1920 г. в Югославии. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». В эмиграции во Франции, с 1921 г. член Русского Совета, с марта 1922 г. член ЦК Русского Народно-Монархического Союза. Умер в 1944 г. в Ницце (Франция).

⁵¹ **Чебышев Николай Николаевич**, р. в 1865 г. Сенатор, прокурор Московской судебной палаты. В Вооруженных силах Юга России; с 1919 г. редактор газеты «Великая Россия» в Екатеринодаре, член СГОР, начальник управления внутренних дел Особого Сопещания ВСЮР. В Русской Армии начальник информационного отдела штаба Главнокомандующего, сотрудник газеты «Россия» до эвакуации Крыма. В эмиграции начальник русского бюро прессы в Константинополе, с марта 1922 г. член ЦК Русского Народно-Монархического Союза, редактор журнала «Зарницы». В эмиграции во Франции. Умер 22 февраля 1937 г. в Париже.

⁵² **Шульгин Василий Витальевич**, р. 1 января 1878 г. в Киеве. Из дворян, сын профессора Киевского университета. 2-я Киевская гимназия, Киевский университет (1900). Журналист, редактор газеты «Киевлянин». Член Государственной думы. В годы Гражданской войны руководитель подпольной разведывательной организации «Азбука», с августа 1918 г. в Добровольческой армии; член Особого Сопещания при Главнокомандующем ВСЮР до 31 мая 1919 г., с января 1919 г. председатель комиссии по национальным делам, редактор газет «Россия» и «Великая Россия». В эмиграции с 1921 г. член Русского Совета, жил в Германии, Болгарии, Югославии, в 1925—1926 гг. нелегально посетил Россию. В 1944 г. захвачен советскими войсками и до 1956 г. находился в заключении. Умер в 1976 г. во Владимире.

⁵³ **Немирович-Данченко Георгий Владимирович**. Училище правоведения (1910). Надворный советник, чиновник Министерства земледелия. Во ВСЮР и Русской Армии; с 1920 г. заведующий Бюро печати в Крыму. В эмиграции в Эстонии. Участник Рейхенгальского монархического съезда 1921 г. Умер в 1939 г. в Ревеле.

⁵⁴ Имеется в виду академик Георгий Владимирович Вернадский.

⁵⁵ **Котляревский Николай Михайлович**, р. 20 октября (ноября) 1890 г. Одесская гимназия, Новороссийский университет. Статский советник Министерства земледелия (юстиции), уполномоченный Красного Креста. В Вооруженных силах Юга России; весной 1920 г. командирован в Константинополь, Софию, Белград и Париж. Эвакуирован из Новороссийска. В эмиграции до 1928 секретарь генерала Врангеля. Умер 5 июня 1966 г. в Брюсселе.

⁵⁶ **Лодыженский Александр Александрович**, р. в 1886 г. Училище правоведения (1908). Офицер л.-гв. Уланского Ее Величества полка, чиновник Го-

сударственной канцелярии, начальник канцелярии по гражданскому управлению штаба Верховного Главнокомандующего. Участник освобождения быховцев. В Добровольческой армии с 1917 г. Член Особого Сопещения при Главнокомандующем ВСЮР, затем управляющий делами Южно-Русского правительства, затем помощник управляющего до эвакуации Новороссийска. В Русской Армии в 1920 г. и. о. симферопольского губернатора. В эмиграции во Франции, шофер такси. С 1956 г. председатель «Представительства Русской Национальной эмиграции во Франции». Умер 4 августа 1976 г.

⁵⁷ **Кедров Михаил Александрович**, р. 13 сентября 1878 г. в Елифани. 4-й Московский кадетский корпус, Морской корпус (1899). Контр-адмирал, командующий морскими силами Рижского залива, помощник военного министра и управляющий Морским министерством. С 1918 г. в Лондоне — заведующий транспортом за границей по снабжению белых армий, с 12 октября 1920 г. командующий Черноморским флотом и начальник Морского управления. Вице-адмирал (с 3 ноября 1920 г.). На 25 марта 1921 г. командующий Русской эскадрой в Бизерте, с 1921 г. в Париже. В эмиграции во Франции, председатель Военно-морского союза, заместитель председателя РОВС; на 31 января 1944 г. почетный член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 29 октября 1945 г. в Париже.

⁵⁸ **Бернацкий Михаил Владимирович**, р. в 1876 г. Профессор Петроградского политехнического института, управляющий отделом труда Министерства торговли и промышленности, министр финансов Временного правительства. В Вооруженных силах Юга России; весной 1919 г. министр финансов правительства генерала Шварца в Одессе, затем начальник управления финансов, член Особого Сопещения, с марта 1920 г. министр финансов Южно-Русского правительства. Эвакуирован из Новороссийска. Летом 1920 г. в Константинополе, затем начальник гражданского управления, с 29 марта 1920 г. начальник Финансового управления правительства генерала Врангеля. В эмиграции в Бриндизи, руководитель Российского центрального объединения, затем во Франции, в 1931 г. член учебного комитета Высших военно-научных курсов в Париже. Умер в июле 1943 г. в Париже.

⁵⁹ **Барк Петр Львович**, р. 19 апреля 1869 г. в Екатеринославе. Санкт-Петербургский университет. Министр финансов. В эмиграции в Англии. Умер 16 января 1937 г. в Обане (Франция).

⁶⁰ **Фостиков Михаил Архипович**, р. в 1886 г. Из казаков ст. Баталпашинской Кубанской обл., сын вахмистра, внук офицера. Ставропольская гимназия, Александровское военное училище (1907), академия Генштаба (1917). Войсковой старшина Ставропольского казачьего полка (1-го Лабинского). В Добровольческой армии; в июле 1918 г. в Ставрополе при отряде Шкуро сформировал и возглавил 1-й Кубанский полк во 2-й Кубанской казачьей дивизии, с 1918 г. полковник. Летом 1919 г. командир бригады 2-го Кубанского корпуса у Царицына, в сентябре—декабре 1919 г. командир 1-го Кубанского полка, с 10 декабря 1919 г. до 9 марта 1920 г. начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии; с 1919 г. генерал-майор. 10 раз ранен. В марте 1920 г. командующий повстанческой «Армией Возрождения России» на Кубани, с которой летом отошел в Грузию. В Русской Армии начальник Черноморско-Кубанского отряда до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. Генерал-лейтенант. Был на о. Лемнос: командир Кубанского корпуса. В эмиграции в Югославии. Умер 29 июля 1966 г. в Белграде.

⁶¹ **Букретов Николай Андрианович**, р. в 1876 г. Из горских грузинских евреев-кантонистов. Приписной казак Кубанского казачьего войска. Тифлисское реальное училище (1894), Алексеевское военное училище (1896), академия Генштаба. Генерал-майор, начальник 2-й Кубанской пластунской бригады. В Добровольческой армии; 9—17 января 1918 г. командующий Кубанской армией, затем в отставке. С осени 1918 г. председатель продовольственного комитета Кубанского правительства, в январе—апреле 1920 г. Кубанский атаман. В эмиграции в Константинополе. Умер после 1922 г.

⁶² Конный корпус. Сформирован в Русской Армии 7 июля 1920 г. из Сводного корпуса (II) в составе 1-й и 2-й конных дивизий. С 4 сентября 1920 г. включен в 1-ю армию. Состав: 1-я и 2-я кавалерийские и 1-я Кубанская казачья дивизии, Запасный кавалерийский полк и конная саперно-подрывная команда. В середине октября 1920 г. насчитывал около 4 тысяч сабель. После эвакуации Крыма сведен в Галлиполи в Кавалерийскую дивизию. Командир — генерал-лейтенант И.Г. Барбович.

⁶³ 42-й Донской казачий полк. Сформирован из казаков низовых станиц (главным образом Ново-Николаевской). С 6 марта 1919 г. в отряде генерала Виноградова. На 26 мая насчитывал 162, на 14 июня — 486 человек. Входил в состав Отдельной казачьей бригады. Включал Партизанский конный дивизион (2 конные сотни), 2 регулярные конные и 9 пеших сотен (на подводах), команды: связи, пулеметную и подрывную, а также 2 3-дюймовых трофейных орудия. Командиры: полковник Ф.Д. Назаров, войсковой старшина Филатов.

⁶⁴ **Науменко Вячеслав Григорьевич**, р. 25 февраля 1883 г. Из дворян. Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, академия Генштаба (1914). Подполковник, начальник штаба 4-й Кубанской казачьей дивизии. В ноябре 1917 г. начальник Полевого штаба Кубанской обл. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Летом 1918 г. командир Корниловского конного полка Кубанского казачьего войска, с сентября 1918 г. полковник, командир 1-й бригады 1-й конной дивизии, с 19 ноября 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 8 декабря 1918 г. генерал-майор, член Кубанского войскового правительства, с 25 января 1919 г. зачислен по Генеральному штабу. Походный атаман Кубанского казачьего войска. С 1919 г. — командир 2-го Кубанского конного корпуса. В Русской Армии с сентября 1920 г. командир конной группы (бывшей генерала Бабиева). В эмиграции Кубанский войсковой атаман. Во время Второй мировой войны врид начальника Главного управления казачьих войск. После 1945 г. в США. Умер 30 октября 1979 г. в Нью-Йорке.

⁶⁵ Самурский полк (83-й пехотный Самурский полк). Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. Сформирован 21 июня 1918 г. на ст. Песчаноокопской из пленных красноармейцев, захваченных 3-й пехотной дивизией как Солдатский батальон (3 роты) с офицерским кадром Дроздовского полка. После успешных действий в бою 1 июля за Тихорецкую развернут в ст. Ново-Донецкой в 1-й пехотный Солдатский полк (4, затем 6 рот). По соединении 14 августа 1918 г. в ст. Усть-Лабинской с батальоном (180 штыков) кадра 83-го пехотного Самурского полка (сохранившим знамя) переименован в Самурский. На 1 марта 1919 г. насчитывал 1337 штыков и 32 пулемета, на 20 июня — 591 штыков и 26 пулеметов, на 1 июля — 795 штыков и 26 пулеметов, на 5 октября 1919 г. — 1304 штыка и 26 пулеметов. Входил в состав 1-й, затем 3-й пехотной дивизии, 14 октября (реально 4 декабря) 1919 г. во-

шел в состав Алексеевской дивизии. По прибытии в Крым 16 апреля 1920 г. сформирован и обращен на пополнение Дроздовской дивизии. 21 июня 1920 г. восстановлен и включен в состав 1-й бригады 6-й пехотной дивизии. В Галиполи вайт в Алексеевский полк. Командиры: полковник К.А. Кельнер (до 19 июля 1918 г.), полковник Н.Н. Дорошевич (с 19 июля по начало августа 1918 г.), подполковник (полковник) К.Г. Шаберт (с начала по 14 августа, с сентября по 29 октября 1918 г.), полковник Сипягин (с 14 августа по сентябрь 1918 г.), полковник М.А. Звягин (с 29 октября по декабрь 1918 г., с 18 мая по ноябрь 1919 г.), полковник Ильин (с декабря 1918-го по 18 мая 1919 г.), полковник Е.И. Зеленин (с начала декабря 1919-го по 16 апреля 1920 г.), полковник Д.В. Житкевич (с 21 июня по ноябрь 1920 г.).

⁶⁶ **Абрамов Федор Федорович**, р. 23 декабря 1870 г. Из дворян Области Войска Донского (казак ст. Митякинской). Полтавский кадетский корпус, Александровское военное училище (не окончил), Николаевское инженерное училище (1891), академия Генштаба (1898). Офицер л.-гв. 6-й Донской казачьей батареи. Генерал-майор, командующий 2-й Туркестанской казачьей дивизией. На Дону с января 1918 г., до 11 февраля 1918 г. командующий Северной группой партизанских отрядов. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В Донской армии с 4 мая 1918 г., с 10 мая 1918 г. начальник 1-й Донской конной дивизии, с 28 октября 1919-го по 24 марта 1920 г. инспектор кавалерии Донской армии, с 25 марта 1920 г. в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса, с 5 мая 1920 г. командир Донского корпуса, с 10 октября 1920 г. командующий 2-й армией Русской Армии. Генерал-лейтенант (с 26 августа 1918 г.). Орд. Св. Николая Чудотворца. Был на о. Лемнос. С 12 декабря 1920 г. командир Донского корпуса и помощник Главнокомандующего. В эмиграции с 8 сентября 1921 г. в Болгарии (с 11 октября 1922-го по 1924 г. в Югославии), с 1 сентября 1924-го по 22 сентября 1937 г. начальник 3-го отдела РОВС, с января 1930 г. помощник председателя РОВС, с 22 сентября 1937-го по 23 марта 1938 г. начальник РОВС. Участник формирования казачьих частей во время Второй мировой войны, КОНР и РОА. С 1944 г. в Германии, с 1948 г. в США, на ноябрь 1951 г. почетный председатель объединения л.-гв. Атаманского полка. Умер 8 марта 1963 г. в Лейквуде (США).

⁶⁷ **Скалон Михаил Николаевич**, р. 19 апреля 1874 г. Пажеский корпус (1894). Офицер л.-гв. Гусарского полка. Генерал-майор, командир л.-гв. 4-го стрелкового полка, командующий 33-й пехотной дивизией. Георгиевский кавалер. В Вооруженных силах Юга России; с 12 ноября 1919 г. начальник отряда Отдельной Русской добровольческой армии, с 29 января 1920 г. начальник Сводно-гвардейской пехотной дивизии, с 2 марта 1920 г. в резерве чинов при штабе Отдельной Русской добровольческой армии. Участник Бредовского похода. К 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию. Возвратился в августе 1920 г. в Крым. В Русской Армии с августа 1920 г. командир 3-го армейского корпуса, с октября 1920 г. командующий 2-й армией, с 25 октября и. о. таврического губернатора, начальника гражданского управления и командующий войсками тылового района до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Чехословакии, к 1925 г. в Праге, на 23 ноября 1938 г. председатель полкового объединения. Умер 28 февраля 1940 г. в Праге.

⁶⁸ **Богаевский Африкан Петрович**, р. 27 декабря 1872 г. Из дворян ВВД, сын офицера, казак ст. Каменской. Донской кадетский корпус, Николаевское

кавалерийское училище (1892), академия Генштаба (1900). Офицер л.-гв. Атаманского полка. Генерал-майор, начальник 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Георгиевский кавалер. В Донской армии; с января 1918 г. командующий войсками Ростовского района. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир Партизанского полка и с 17 марта 1918 г. — 2-й бригады. В Донской армии; с 4 мая 1918 г. председатель Совета управляющих отделами ВВД (Донского правительства) и управляющий иностранным отделом, с 6 февраля 1919 г. войсковой атаман Донского казачьего войска. Генерал-лейтенант (с 27 августа 1918 г.). В эмиграции с ноября 1921 г. в Софии, с октября 1922 г. в Белграде, с ноября 1923 г. в Париже. Умер 21 октября 1934 г. в Париже.

⁶⁹ **Семенов (Семенов-Мерлин) Григорий Михайлович**, р. в 1890 г. Есаул Забайкальского казачьего войска, комиссар Временного правительства в Забайкалье по формированию бурят-монгольских добровольческих ударных батальонов и командир Монголо-Бурятского конного полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 19 ноября 1917 г. в боях с большевиками в Верхнеудинске, начальник сформированного им в Маньчжурии Особого Маньчжурского отряда, Маньчжурской особой дивизии, 1-й сводной Маньчжурской дивизии, с 8 октября 1918 г. командир 5-го Приамурского корпуса, с 8 декабря 1918 г. командующий Восточно-Сибирской отдельной армией, с 18 июня 1919 г. по 3 августа 1919 г. командир 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, с 29 августа 1919 г. помощник командующего войсками Приамурского военного округа и главный начальник Приамурского края, с 12 ноября 1919 г. командующий войсками Читинского (с 5 декабря — Забайкальского) военного округа, с 24 декабря 1919 г. главнокомандующий всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа с подчинением ему и Забайкальского военного округа, с 11 февраля 1920 г. главнокомандующий войсками Российской восточной окраины. Одновременно с 19 ноября 1918 г. походный атаман Уссурийского и Амурского казачьих войск, с 23 апреля 1919 г. походный атаман Забайкальского и с 23 апреля 1919 г. Дальневосточных казачьих войск, с 13 июня 1919 г. войсковой атаман Забайкальского казачьего войска, с 30 апреля 1920 г. походный атаман всех казачьих войск Российской восточной окраины, с 28 апреля 1921 г. походный атаман всех казачьих войск Сибири и Урала. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае. Арестован 22 августа 1945 г. в своем доме в пос. Какахаши, под Дайреном. Расстрелян 30 августа 1946 г. в Москве.

⁷⁰ **Вязьмитинов Василий Ефимович**, р. в 1874 г. Из мещан. Офицерский экзамен при Одесском пехотном юнкерском училище (1894), академия Генштаба (1904). Генерал-лейтенант, командир 6-го Сибирского армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918 г. начальник отделения штаба армии, с 12 октября 1918 г. начальник части Генерального штаба Военного и Морского отдела ВСЮР, с января 1919 г. начальник Военного управления, с 29 марта 1920 г. начальник Военного управления ВСЮР, военный и морской министр Южно-Русского правительства, затем начальник Военного управления в Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в 1920—1921 гг. военный представитель в Болгарии, с 1923 г. в Югославии, правитель дел Державной комиссии по делам русских беженцев. Умер 29 января 1929 г. в Белграде.

⁷¹ **Татищев Борис Алексеевич**, р. в 1877 г. Александровский лицей (1896). Камергер, начальник канцелярии МИД, помощник министра ин. дел правительства генерала Врангеля. В эмиграции в Париже. Умер в 1949 г.

⁷² **Лукомский Александр Сергеевич**, р. в 1868 г. Из дворян. Полтавский кадетский корпус (1885), Николаевское инженерное училище (1888), академия Генштаба (1897). Генерал-лейтенант, начальник штаба Верховного Главнокомандующего. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быховец. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г., начальник штаба Алексеевской организации. С 24 декабря 1917 г. (с 9 января по февраль 1918 г.) начальник штаба Добровольческой армии, с 2 февраля 1918 г. представитель Добровольческой армии при атамане ВВД. С февраля 1918 г. в командировке Царицын—Харьков—Севастополь—Одесса для связи с офицерскими организациями. В июле 1918 г. возвратился на Дон, с августа 1918 г. зампредседателя Особого Совещания и помощник командующего Добровольческой армией, с октября 1918 г. начальник Военного управления. С 12 октября 1919 г. председатель Особого Совещания до февраля 1920 г. В марте 1920 г. выехал в Константинополь, с апреля 1920 г. представитель Русской Армии при союзном командовании. С ноября 1920 г. в распоряжении Главнокомандующего. В эмиграции в Югославии (в Белграде), США, Франции, помощник Великого Князя Николая Николаевича, с 1928 г. в распоряжении председателя РОВС, с 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба. Умер 25 февраля 1939 г.

⁷³ **Евдокимов Сергей Владимирович**, р. в 1878 г. Морской корпус (1899) (офицером с 1900 г.). Контр-адмирал. Георгиевский кавалер. В Вооруженных силах Юга России; весной 1919 г. эвакуирован из Севастополя в Новороссийск на крейсере «Кагул» («Генерал Корнилов»), с 1919 г. начальник службы связи Черноморского флота, с 18 апреля до начала мая 1920 г. и. д. начальника штаба Черноморского флота, с конца мая по 17 октября 1920 г. помощник начальника Морского управления эвакуации Крыма, затем в распоряжении Главнокомандующего. К лету 1921 г. в Константинополе (с 11 декабря 1920 г. представитель морского ведомства при обществе «Шхуна»). В эмиграции в Югославии, Франции (таксист в Париже), в 1932 г. вышел из Кают-компании в Париже в Морское собрание (член ВОМО), с декабря 1947 г. в Нью-Йорке, работал на фабрике; на 20 января 1949 г. член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 22 апреля 1960 г. в Нью-Йорке.

⁷⁴ **Иванис Василий Николаевич**. Подпоручик. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: в феврале—марте 1918 г. в 4-й батарее, затем в 1-й батарее. Весной 1920 г. председатель Кубанского правительства. Умер в эмиграции.

⁷⁵ 6-я пехотная дивизия (II). Сформирована в Русской Армии. С 7 июля 1920 г. входила в состав 1-го, с 4 сентября 1920 г. — 3-го, а с конца октября 1920 г. — 2-го (II) армейских корпусов. С 4 сентября 1920 г. включала Кавказский стрелковый, Самурский (1-я бригада), 25-й пехотный Смоленский и Сводно-стрелковый (2-я бригада) полки, 6-ю артиллерийскую бригаду, запасный батальон, отдельную инженерную роту и Отдельный конный генерала Алексева дивизион. Начальник — генерал-майор М.А. Звягин.

⁷⁶ 7-я пехотная дивизия (II). Сформирована в Русской Армии. С 4 сентября 1920 г. входила в состав 3-го армейского, а с конца октября 1920 г. — Кубанского корпусов. С 4 сентября 1920 г. включала 1-й Партизанский гене-

рала Алексеева пехотный, Терский пластунский (1-я бригада), 1-й и 2-й Кубанские стрелковые (2-я бригада) полки, 7-ю артиллерийскую бригаду, запасный батальон, Отдельную Кубанскую инженерную сотню и Отдельный Запорожский Кубанский казачий дивизион.

⁷⁷ 13-я пехотная дивизия. Сформирована во ВСЮР 10 ноября 1919 г. при разворачивании 4-й пехотной дивизии. С 6 декабря входила в состав 3-го армейского корпуса (II). Ее ядром послужил Сводный полк 13-й пехотной дивизии. К началу 1920 г. насчитывала около 800 штыков. В Русской Армии с 7 июля 1920 г. входила в состав 2-го армейского корпуса (II). На 1 августа 1920 г. насчитывала 494 солдата при 35 пулеметах. На 16 апреля 1920 г. включала 49-й Брестский, 50-й Белостокский (1-я бригада), 51-й Литовский и 52-й Виленский (2-я бригада) пехотные полки, 13-ю артиллерийскую бригаду, запасный батальон и отдельную инженерную роту (переименована из 5-й отдельной инженерной роты), с 4 сентября 1920 г. — также и Отдельный конный Виленский дивизион. По советским данным, отошедшие в конце октября 1920 г. в Крым ее части насчитывали 1530 штыков и сабель. В эмиграции было создано «Объединение чинов 13-й пехотной дивизии»: находилось в Париже, входило в РОВС, председатель — генерал-майор Г.Б. Андгуладзе.

⁷⁸ 34-я пехотная дивизия. Сформирована во ВСЮР 10 ноября 1919 г. при разворачивании 4-й пехотной дивизии. С 6 декабря входила в состав 3-го армейского корпуса (II). Ее ядром послужили пехотные части Екатеринославского отряда, пришедшие в Крым в конце декабря 1918 г. и вошедшие в состав 4-й пехотной дивизии как Сводный полк 34-й пехотной дивизии. К началу 1920 г. насчитывала около 1200 штыков. В Русской Армии с 7 июля 1920 г. входила в состав 2-го армейского корпуса (II). На 1 августа 1920 г. насчитывала 245 офицеров и 3103 солдата при 18 орудиях и 101 пулемете. На 16 апреля 1920 г. включала 133-й Симферопольский, 134-й Феодосийский (1-я бригада), 135-й Керчь-Еникальский и 136-й Таганрогский (2-я бригада) пехотные полки, 34-ю артиллерийскую бригаду, запасный батальон и отдельную инженерную роту (переименована из 7-й отдельной инженерной роты), с 4 сентября 1920 г. — также и Отдельный конный Симферопольский дивизион. По советским данным, отошедшие в конце октября 1920 г. в Крым ее части насчитывали 750 штыков и сабель. Начальник — генерал-майор князь Н.П. Стокасимов (с 21 января 1920 г.). Командир бригады — генерал-майор Г.А. Дубяго (с апреля 1920 г.).

⁷⁹ 2-я кавалерийская дивизия (II). Сформирована в Русской Армии 28 апреля 1920 г. как 2-я конная (с 8 августа 1920 г. кавалерийская) дивизия из Отдельной кавалерийской бригады (II). Входила в 1-й армейский корпус, а с 7 июля 1920 г. — в Конный корпус. Состав: 5-й, 6-й и 7-й кавалерийские полки (1-я бригада), 3-й (из 2-й Донской конной бригады и Таврического конного дивизиона) и 4-й Донские казачьи полки (2-я бригада), Запасный конный полк (из 2 эскадронов запасного полка 9-й кавалерийской дивизии и 2 запасных Донских сотен), 4-й и 5-й конно-артиллерийские дивизионы. С 7 июля 1920 г. включала 4-й, 5-й (1-я бригада), 6-й и 7-й (2-я бригада) кавалерийские полки и 4-й конно-артиллерийский дивизион, с 8 августа 1920 г. — 2-й (вместо переданного в состав 1-й кавалерийской дивизии (III) 6-го), 4-й и Кавказский кавалерийские полки, а с 22 августа 1920 г. к ним добавился переданный из расформированной 1-й Отдельной кавалерийской

бригады 7-й кавалерийский полк. С 4 сентября 1920 г. в состав дивизии возвращен 5-й конно-артиллерийский дивизион. В середине октября 1920 г. насчитывала около 1700 сабель.

⁸⁰ **Гусельщиков Адриан Константинович**, р. 26 мая 1871 г. в ст. Гундоровской. Из дворян Области Войска Донского, сын офицера. Новочеркасское казачье юнкерское училище (1900) (офицером с 1901 г.). Войсковой старшина, помощник командира 52-го Донского казачьего полка. В Донской армии; руководитель восстания в ст. Гундоровской. С 4 апреля 1918 г. начальник обороны Гундоровско-Митякинского района, с 26 мая 1918 г. командир сформированного им Гундоровского полка, командующий войсками Хоперского округа и района, с 1918 г. полковник, с 1 октября 1918 г. генерал-майор, начальник Северного отряда, затем в феврале 1919 г. 6-й Донской дивизии, с весны 1919 г. начальник 8-й Донской конной дивизии, осенью 1919 г. командир 2-го Донского корпуса, с 22 ноября 1919 г. командир 3-го Донского корпуса, с декабря 1919 г. командир 4-го Донского корпуса, с февраля 1920 г. командир 3-го Донского корпуса, с марта 1920 г. начальник 3-й Донской конной дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (с февраля 1919 г.). Орд. Св. Николая Чудотворца. Был на о. Лемнос; с декабря 1920 г. начальник 2-й Донской казачьей дивизии. В эмиграции с 1921 г. в Болгарии, затем во Франции. Умер 21 февраля 1936 г. в Виши (Франция).

⁸¹ **Писарев Петр Константинович**, р. 17 декабря 1874 г. на Дону. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Иловлинской. Атаманское техническое училище, Новочеркасское казачье юнкерское училище (1898). Полковник, командир 42-го Донского казачьего полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с января 1918 г. в партизанском отряде полковника Краснянского. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир 1-го батальона и помощник командира Партизанского полка, с июня 1918 г. командир Партизанского (затем Алексеевского) полка, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с 15 декабря 1918 г. командир бригады 2-й дивизии, с 19 января 1919 г. командир бригады 4-й дивизии Крымско-Азовской армии, с 10 апреля 1919 г. начальник 2-й Донской стрелковой бригады, с 27 июня 1919 г. начальник 6-й пехотной дивизии, с августа 1919 г. командир 1-го Кубанского корпуса и начальник гарнизона Царицына, с 9 сентября начальник Сводно-гренадерской дивизии, затем командир 1-го Сводного корпуса в Кавказской армии. Прибыл в Крым во главе остатков Донских и Кубанских казачьих частей, избежавших капитуляции на Кавказском побережье. С начала апреля 1920 г. комендант крепости и градоначальник Севастополя, с 24 апреля 1920 г. командир Сводного корпуса, с 7 июля 1920 г. — конного корпуса, с 1 августа 1920 г. — 1-го армейского корпуса Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (с августа 1919 г.). В эмиграции в Греции, в 1920—1921 гг. представитель Донского атамана, с 1921 г. в Югославии, затем во Франции, с 1937 г. председатель Союза Первопоходников. Умер 22 декабря 1967 г. в Шель (Франция).

⁸² **Коновалов Герман Иванович**, р. в 1882 г. в Бессарабии. Из мещан. Херсонская прогимназия, Одесское пехотное юнкерское училище (1902), академия Генштаба (1912) (1914). Подполковник, и. д. помощника начальника отдела управления генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего Юго-Западного фронта. В 1918 г. в гетманской армии в Екатеринославе. В Добровольческой армии с 9 ноября 1918 г. Участник Екатеринославского похода; с декаб-

ря 1918 г. начальник штаба Екатеринославского отряда, в начале 1919 г. начальник штаба Крымско-Азовской армии, в июне 1919 г. в штабе 3-го армейского корпуса, с сентября 1919 г. генерал-квартирмейстер штаба войск Новороссийской области, с 12 сентября 1919 г., на 1—15 ноября 1919 г. старший адъютант оперативного отдела штаба войск Новороссийской области, 24 февраля — 10 марта 1920 г. врид начальника штаба войск той же области. В Русской Армии генерал-квартирмейстер штаба Главнокомандующего и начальник штаба группы генерала Улагая во время Кубанского десанта. Генерал-майор (с 6 июня 1920 г.). В эмиграции в Болгарии, с 8 февраля 1929 г. в Румынии; главный директор концессии в Трансильвании. Умер 30 марта 1936 г. в Клуже (Румыния).

⁸³ **Шкеленко Антон Максимович**, р. в 1889 г. Из крестьян. Дисненское городское училище, Виленское военное училище (1909), академия Генштаба (1914). Капитан, и. д. помощника начальника отделения 1-го отдела управления генерал-квартирмейстера Ставки ВГК. С 1918 г. в гетманской армии; 25 августа 1918 г. назначен (с 10 апреля) начальником мобилизационной части. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 28 апреля 1919 г. старший адъютант штаба 5-й пехотной дивизии, затем начальник штаба той же дивизии, с 17 июня 1919 г. врид начальника штаба отряда генерала Виноградова, с 31 июля 1919 г. в распоряжении генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего, затем помощник начальника оперативного отдела управления генерал-квартирмейстера, с марта 1920 г. начальник оперативного отделения. В Русской Армии на той же должности до эвакуации Крыма. Полковник. В эмиграции в Чехословакии, окончил Высшее техническое училище. Полковник чехословацкой армии. Арестован в 1945 г. в Праге. Умер до 1948 г. в лагерях в СССР или Польше.

⁸⁴ **Тихменев Александр Иванович**, р. в 1879 г. Морской корпус (1901), Морская академия (1906). Капитан 1-го ранга. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с июля 1918 г. (перешел от красных; в июне 1918 г., временно вступив в командование Черноморским флотом, уведенным в Новороссийск, не подчинился секретному приказу большевиков о затоплении кораблей флота в Цемесской бухте и увел часть кораблей обратно в Севастополь); с ноября 1918 г. принял у немцев часть Черноморского флота, в начале 1919 г. в распоряжении начальника Морского управления штаба ВСЮР, с 21 марта 1919 г. начальник Морского отдела при начальнике Морского управления. В Русской Армии с октября 1920 г. начальник Морского управления до эвакуации Крыма. Контр-адмирал (14 апреля 1920 г.). Эвакуировался с флотом в Бизерту (Тунис), к 21 ноября 1920 г. начальник базы эскадры, с декабря 1921 г. до ноября 1924 г. начальник штаба эскадры в Бизерте, с октября 1923 г. член комиссии по делам русских граждан в Северной Африке. В эмиграции в Тунисе. Умер 25 апреля 1959 г. в Тунисе.

⁸⁵ **Машуков Николай Николаевич** р. в 1889 г. Морской корпус (1908) (офицером с 1909 г.), Михайловская артиллерийская академия. Старший лейтенант. В Добровольческой армии и ВСЮР с осени 1918 г.; в 1919 г. старший офицер транспорта «Ольга», затем командир вспомогательного крейсера «Цесаревич Георгий», с 14 октября 1919 г. капитан 2-го ранга и командир крейсера «Алмаз», в декабре 1919 г. начальник отряда Черноморского флота, с декабря 1919 г. (7 января 1920 г.), в марте—апреле 1920 г. командир отряда судов Азовского моря, организатор и командир Азовской флотилии, в марте

1920 г. капитан 1-го ранга, с 12 октября 1920 г. начальник штаба Черноморского флота. Контр-адмирал (10 августа 1920 г.). Орд. Св. Николая Чудотворца. Эвакуирован с флотом в Бизерту. На 25 марта 1921 г. в Марселе. В эмиграции во Франции, начальник группы соплавателей корабля «Цесаревич Георгий» и 3-й группы ВМС, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 12 октября 1968 г. под Парижем.

⁸⁶ 2-й Дроздовский полк (2-й офицерский генерала Дроздовского полк, 2-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк, с апреля 1920 г. 2-й стрелковый генерала Дроздовского полк). Сформирован 27 июля 1919 г. на базе офицерского кадра Дроздовского полка как 4-й офицерский и 22 августа переименован во 2-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского. Входил в состав 3-й пехотной дивизии, с 14 октября 1919 г. — Дроздовской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1309 штыков при 55 пулеметах. В начале августа 1920 г. состоял из 300 штыков, на 21 сентября в полку было около 900 штыков. Командиры: полковник А.В. Туркул (с сентября по 11 октября 1919 г.), полковник В.А. Руммель (в октябре 1919 г.), полковник М.А. Звягин, полковник В.С. Титов (в январе 1920 г.), подполковник Елецкий, капитан (полковник) В.Г. Харжевский (с 6 декабря 1919 г. по октябрь 1920 г.).

⁸⁷ 3-й Дроздовский полк (3-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк, с апреля 1920 г. 3-й стрелковый генерала Дроздовского полк). Сформирован 21 сентября 1919 г. в Харькове на базе офицерского кадра Дроздовского полка. Входил в состав 3-й пехотной дивизии, с 14 октября 1919 г. — Дроздовской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1130 штыков при 12 пулеметах. В начале апреля 1920 г. — 1000 человек, на 21 сентября в полку было свыше 700 штыков. 29 июня 1920 г. полк потерял 103 человека (25 убито). Командиры: полковник В.В. Манштейн, полковник В.С. Дрон (с сентября по 27 октября 1920 г.; убит), капитан Елецкий (врио, с октября 1920 г.).

⁸⁸ **Слащев Яков Александрович**, р. 29 декабря 1885 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян, сын офицера. Реальное училище в Санкт-Петербурге (1903), Павловское военное училище (1905), академия Генштаба (1911). Полковник, командир л.-гв. Московского полка. В Добровольческой армии с 18 января 1918 г., в июне 1918 г. начальник штаба отряда Шкуро, с июля 1918 г. командир Кубанской пластунской бригады, с 15 ноября 1918 г. начальник 1-й Кубанской пластунской отдельной бригады, затем начальник штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии, с апреля 1919 г. генерал-майор, начальник 5-й пехотной дивизии, с 2 августа 1919 г. начальник 4-й пехотной дивизии, с ноября 1919 г. командир 3-го армейского корпуса, с марта 1920 г. командир 2-го армейского корпуса, с 19 августа 1920 г. в распоряжении Главнокомандующего. Генерал-лейтенант (с марта 1920 г.). В эмиграции, с 21 декабря 1920 г. в отставке. 3 ноября 1921 г. вернулся в СССР и служил в РККА. Убит 11 января 1929 г. в Москве.

⁸⁹ **Ильин Сергей Николаевич**. Особуполномоченный Российского Общества Красного Креста при 9-й армии. Во ВСЮР и Русской Армии; главноуполномоченный Российского Общества Красного Креста при русских армиях на Кубани и в Крыму. В эмиграции в Югославии, с 1921 г. начальник политической части при Главнокомандующем Русской Армией, член Русского Совета. Умер 25 июля 1923 г. в Белграде.

⁹⁰ Кубанское генерала Алексева военное училище. Создано в 1917 г. из школы прапорщиков казачьих войск в Екатеринодаре. Участвовало в 1-м Кубанском походе (в него был влит взвод Николаевского кавалерийского училища). Возродилось в Добровольческой армии после 2-го Кубанского похода. Занятия возобновились 15 мая 1919 г., 8 ноября 1919 г. присвоено имя генерала Алексева. Летом 1920 г. в нем числилось 23 офицера, 3 чиновника, 2 врача, 307 юнкеров и 47 казаков. Училище потеряло убитыми в Кубанском десанте 2 офицеров, врача и 27 юнкеров, ранеными — 4 офицеров и 52 юнкера. Награждено серебряными трубами с лентами ордена Св. Николая Чудотворца, 113 юнкеров — Георгиевскими крестами и медалями. Эвакуировано на о. Лемнос, где при нем существовала (до 1922 г.) офицерская школа для офицеров, произведенных за боевые отличия (полковник Зершиков). Училище сделало последний выпуск 1 сентября 1922 г. в Болгарии. После преобразования армии в РОВС до 30-х годов представляло собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам, кадрированную часть в составе Кубанской казачьей дивизии (офицеры последних выпусков были оставлены в прикомандировании к училищу). С Лемноса убыло в числе 618 человек (177 офицеров, 263 юнкера, 178 казаков), осенью 1925 г. насчитывало 632 человека, в т. ч. 412 офицеров. Начальники: полковник Ермоленко (с 1917-го по 26 января 1919 г.), генерал-майор Ф.И. Корольков (с 27 января 1919-го по 7 мая 1920 г.), генерал-майор А.Д. Болтунов (с 8 мая 1920-го по 20 февраля 1921 г.), генерал-майор О.И. Лебедев (с 21 февраля 1921 г., в 1925 г.). Инспектор классов — генерал-лейтенант Л.М. Болховитинов.

⁹¹ Сергиевское артиллерийское училище. Действовало в Одессе с 1913 г., закрыто большевиками в январе 1918 г. (12-й выпуск не закончил курса). Восстановлено во ВСЮР в октябре 1919 г. (в него была влита также Армавирская артиллерийская школа) во главе с прежним начальником, приступило к занятиям в ноябре 1919 г. Половина курсовых офицеров и преподавателей была из старого состава училища. В начале 1920 г. училище в составе двух батальонов (50 офицеров и 400 юнкеров) прикрывало эвакуацию Одессы, а осенью — Севастополя. Сделало первый (13-й по общему счету) выпуск (127 человек) 29 июня 1921 г. в Галлиполи (несколько юнкеров, принадлежавших к 12-му выпуску, разогнанному большевиками в 1918 г., были произведены в офицеры еще зимой 1920/21 г.), и был произведен новый набор. Еще три выпуска сделаны в Тырнове (Болгария), причем последние два (15-й и 16-й выпуски) — весной и летом 1923 г. После преобразования армии в РОВС до 30-х гг. представляло собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам, кадрированную часть в составе 1-го армейского корпуса (III) (офицеры последних выпусков были оставлены в прикомандировании к училищу). Осенью 1925 г. насчитывало 164 человека, в т. ч. 148 офицеров. Начальники: генерал-майор А.А. Нилус (до начала 1920 г.), полковник (генерал-майор) Н.А. Казьмин (с начала 1920-го по 1931 г.), полковник Н.А. Безак (врид, 1925 г.). Инспектор классов — полковник Н.А. Безак.

⁹² Атаманское военное училище. Бывшее Новочеркасское военное училище. После очищения Дона от большевиков возобновило свою деятельность. Находилось в составе Донской армии. После преобразования армии в РОВС до 30-х гг. представляло собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам, кадрированную часть в составе Донского корпуса (офицеры последних выпусков были оставлены в прикомандировании к училищу). С Лемноса

убыло в числе 532 человек (174 офицера, 217 юнкеров, 141 казак), осенью 1925 г. насчитывало 282 человека, в т. ч. 219 офицеров. Начальники: полковник (генерал-майор) А.И. Семенченков (4 мая 1918-го — 30 марта 1920 г.), генерал-майор В.П. Попов.

⁹³ Впервые опубликовано: Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1918—1920 годов. Т. 2. Париж, 1964.

⁹⁴ **Третьяков Александр Николаевич**, р. в 1877 г. Тифлиссский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1897), Михайловская артиллерийская академия. Офицер л.-гв. 3-й артиллерийской бригады. Полковник, командир дивизиона л.-гв. Стрелковой артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с 2 января 1918 г.; командир 3-й батареи. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: с 12 марта 1918 г. командир 4-й батареи, с марта 1918 г. при штабе генерала Маркова, затем командир 1-го легкого артиллерийского дивизиона, с 4 апреля 1919 г. командир 1-й артиллерийской бригады, с июня 1919 г. командир 1-й бригады 1-й пехотной дивизии, с июня 1919 г. начальник Алексеевской дивизии, с 16 октября 1919 г. командир Алексеевской бригады. С 26 марта 1920 г. начальник Марковской дивизии. Генерал-майор (с 1918 г.). Застрелился 14 октября 1920 г. у с. Днепровка.

⁹⁵ **Биттенбиндер Артур Георгиевич**, р. в 1886 г. Из потомственных почетных граждан. Витебское городское училище, Виленское военное училище (1907), академия Генштаба (1914). Подполковник, и. д. помощника начальника отдела управления генерал-квартирмейстера штаба Румынского фронта, помощник главнокомандующего фронтом. В Добровольческой армии; с 1918 г. старший адъютант штаба 3-го армейского корпуса, затем старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба Добровольческой армии, с 22 июля, в сентябре 1919 г. начальник штаба 1-й пехотной дивизии, затем начальник штаба Марковской дивизии, с декабря 1919 г. начальник Марковской дивизии. Летом 1920 г. в Русской Армии в Крыму. Полковник (с 1918 г.). В эмиграции к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 18 мая 1972 г. в Питтсбурге (США).

⁹⁶ 3-й Марковский полк (3-й офицерский генерала Маркова полк, с апреля 1920 г. — 3-й генерала Маркова пехотный полк). Сформирован 3 октября 1919 г. в Харькове на базе офицерского кадра 9-й роты Марковского полка. Входил в состав 1-й пехотной, с 14 октября 1919 г. Марковской дивизии. Имел 3 батальона по 120—130 штыков в роте, причем в каждом батальоне одна рота была офицерской. На 5 октября 1919 г. насчитывал 618 штыков при 24 пулеметах, на 12 декабря 1919 г. — 550 штыков и 60—100 сабель в конной сотне, в конце декабря осталось около 300 (в ротам по 4—6 человек). В середине марта 1920 г. в Крыму насчитывал 350 штыков при 12 пулеметах (3 батальона), к 30 июля — 400 штыков, в конце августа — 500 штыков; в начале октября в ротам было по 30—40 человек при 4—5 офицерах, в конце месяца, после отхода в Крым, полк насчитывал 300 штыков. При отступлении в первую декаду ноября 1919 г. потерял до 500 человек, в Крыму при штурме Перекопа 3 апреля 1920 г. один 3-й батальон полка потерял 42 человека. Командиры: полковник А.С. Наумов (сентябрь—октябрь 1919 г.), капитан А.С. Урфалов (врио, октябрь — 1 ноября 1919 г.), капитан В.Е. Павлов (врио, 1—21 ноября 1919 г.), капитан М.Ф. Савельев (21 ноября 1919-го — март

1920 г.), капитан (подполковник) А.С. Урфалов (март — 8 августа 1920 г.), подполковник Д.П. Никитин (8 августа — начало октября 1920 г.), подполковник П.Я. Сагайдачный (с начала октября 1920 г.).

⁹⁷ 2-й Марковский полк (2-й офицерский генерала Маркова полк, с апреля 1920 г. — 2-й генерала Маркова пехотный полк). Создан приказом 25 июля 1919 г. и окончательно сформирован 27 августа 1919 г. в Харькове на базе 4-го и запасного батальонов и офицерского кадра 7-й роты Марковского полка. Входил в состав 1-й пехотной дивизии, с 14 октября 1919 г. — Марковской дивизии. Имел 3 батальона и офицерскую роту в 100 штыков (в остальных ротах было по 150 штыков при 10—15 офицерах). После взятия Курска в конце августа увеличился до 3500 штыков при 40 пулеметах (по 250 в роте и офицерская рота более 200), но в начале сентября 1919 г. в нем было около 2000 штыков, на 5 октября 1919 г. насчитывал 1174 штыка при 24 пулеметах. В середине октября в полку было около 1400 штыков и 150 сабель. На 12 декабря 1919 г. имел 550 штыков и 60—100 сабель в конной сотне, в конце декабря осталось около 250 (в ротах по 4—6 человек). В середине марта 1920 г. в Крыму насчитывал 650 штыков при 15 пулеметах (3 батальона, в т. ч. влитый Сводно-Сибирский стрелковый). К 30 июля имел около 250 штыков, в конце августа — 500, в нач. октября в ротах было по 30—40 человек при 4—5 офицерах, в конце месяца, после отхода в Крым, насчитывал 200 штыков. Командиры: полковник А.А. Морозов (25 июля — 13 октября 1919 г.), капитан Д.В. Образцов (13 октября — 2 ноября 1919 г.), капитан Н.Н. Перебейнос (врио, 2—14 ноября 1919 г.), капитан В.В. Крыжановский (врио с 14 ноября 1919 г.), капитан Луцкалов (врио до 21 ноября 1919 г.), полковник Данилов (врио, 21 ноября — 18 декабря 1919 г.), капитан Н.Н. Перебейнос (врио, 22 декабря 1919-го — 6 января 1920 г.), полковник И.П. Докукин (6 января — марта 1920 г.), полковник Д.А. Слоновский (март — 6 июня 1920 г.), генерал-майор Г.П. Гаттенбергер (6 июня — 29 июля 1920 г.), генерал-майор Ю.К. Гравицкий (с 29 июля 1920 г.), полковник В.В. Кудревич (врио с октября 1920 г.).

⁹⁸ 1-й Марковский полк (1-й офицерский полк, 1-й офицерский генерала Маркова полк, с апреля 1920 г. — 1-й генерала Маркова пехотный полк). Сформирован 12 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода из 1-го, 2-го и 3-го Офицерских батальонов, ударного дивизиона Кавказской кавалерийской дивизии, части 3-й Киевской школы прапорщиков, Ростовской офицерской и Морской рот как Сводно-офицерский полк. Первоначально состоял из 4 рот и команды связи и подрывников при 13 пулеметах. В середине марта 1918 г. в полк вторым батальоном влит Особый Юнкерский батальон (5-я и 6-я роты). С середины марта 1918 г. входил в состав 1-й бригады. Части, вошедшие в состав полка, практически полностью состоявшие из офицеров, начали 1-й Кубанский поход в составе около 1320 человек (в т. ч. Сводно-Офицерский полк около 800), под Екатеринодаром — 800, после штурма — 400 человек (по 40—100 в роте), на 13 апреля — до 600, в мае — около 500. Во время похода в полк было влито несколько сот кубанцев, и он перестал быть чисто офицерским. С начала июня 1918 г. получил наименование 1-й Офицерский полк и вошел в состав 1-й пехотной дивизии. Переформирован в 9 рот (3 батальона), из которых 5-я состояла из учащейся молодежи, 6-я — из чинов гвардии, а 7-я, 8-я и 9-я были чисто офицерскими

и более многочисленными (по 200 человек против 150 в других). С 13 июня 1918 г. именовался — 1-й офицерский генерала Маркова полк.

В августе 1918 г. из полка (около 800 человек) были выделены на формирование своих частей гвардейцы, гренадеры, моряки, поляки (в Польский отряд), офицеры для пластуновских батальонов, 100 человек в особую роту при Ставке — всего до 400 человек. После пополнения насчитывал свыше 3000 человек. Переформирован в 3 батальона по 4 роты (по более 200 штыков, в т. ч. 7-я и 9-я чисто офицерские по 250 штыков). В конце октября, после боев у Армавира в полку было 1500 штыков (по 40—120 в роте), столько же — в середине ноября (роты по 100 штыков, офицерские — свыше 200), в конце месяца — 2000. В середине января 1919 г. в полку было до 800 штыков (по 50—80 в роте, в офицерских — по 150), в конце месяца — до 1500, в начале апреля — до 550 (по 10—35 в роте). В это время офицерские роты наполовину состояли из солдат. На 1 октября 1919 г. в полку было около 3000 человек, на 5 октября 1919 г. его боевой состав насчитывал 882 штыка при 20 пулеметах, в середине октября — около 1200 штыков. С 14 октября 1919 г. входил 1-м полком в состав Марковской дивизии. На 12 декабря 1919 г. имел 800 штыков и 60—100 сабель в конной сотне, в конце декабря осталось около 300 (в ротах по 4—6 человек). В середине марта 1920 г. в Крыму насчитывал около 450 штыков при 15 пулеметах (3 батальона по 3—4 роты), в начале октября в ротах было по 30—40 человек при 4—5 офицерах, в конце месяца, после отхода в Крым, полк насчитывал 400 штыков. Полк вынес на себе основную тяжесть боев, особенно в 1918 г. и провел через свои ряды десятки тысяч людей. Командиры: генерал-лейтенант С.Л. Марков (12 февраля — середина марта 1918 г.), генерал-майор А.А. Боровский (середина марта — 20 апреля 1918 г.), полковник Н.Н. Дорошевич (20—21 апреля 1918 г.), полковник князь И.К. Хованский (21—27 апреля 1918 г.), полковник Н.С. Тимановский (27 апреля — октябрь 1918 г.), генерал-майор Н.Н. Ходаковский (октябрь 1918 г.), полковник Наркевич (врио, октябрь — 19 ноября 1918 г.), полковник В.И. Гейдеман (19—27 ноября 1918 г.), полковник А.Н. Сальников (27 ноября 1918 г. — март 1919 г.), полковник А.Н. Блейш (март 1919 г. — середина февраля 1920 г.), полковник Трусов (врио, март 1919 г.), полковник И.П. Докукин (врио, 14—21 ноября 1919 г.), полковник Д.А. Слоновский (врио, 21 ноября — 18 декабря 1919 г.), капитан (полковник) Д.А. Марченко (22 декабря 1919 г. — начало октября и с 21 октября 1920 г.), подполковник Г.А. Лебедев (октябрь 1920 г.; убит), капитан В. Коломацкий (врио, октябрь 1920 г.).

⁹⁹ Марковская инженерная рота (1-я Отдельная инженерная генерала Маркова рота). Образована в Добровольческой армии в середине марта 1918 г. из Технической роты как 1-я Инженерная рота. 8 декабря 1919 г. получила имя генерала С.Л. Маркова. Входила в состав 1-й бригады, с начала июня 1918 г. — 1-й пехотной дивизии, с 14 октября 1919 г. — Марковской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывала 563 человека. Командиры: полковник Г.М. Гротенгельм, полковник Н.М. Чибирнов.

¹⁰⁰ Чибирнов Николай Михайлович. Поручик. В Добровольческой армии и ВСЮР в 1-й инженерной роте, с 28 августа 1919 г. штабс-капитан. В Русской Армии до эвакуации Крыма; к сентябрю 1920 г. командир Марковской инженерной роты. Полковник. Галлиполиец. На 18 декабря 1920 г. в соста-

ве роты в Галлиполи. Осенью 1925 г. в составе Технического батальона в Болгарии.

¹⁰¹ **Носович Иван Силуанович**. Капитан. Во ВСЮР и Русской Армии; с сентября 1920 г. помощник командира Марковской инженерной роты до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в составе роты в Галлиполи. Осенью 1925 г. в составе Технического батальона во Франции. Подполковник. В эмиграции там же. Умер 25 июля 1974 г. в Булони, под Парижем.

¹⁰² **Цымбалов Константин Афанасьевич**, р. в Змиевском уезде Харьковской губ. Штабс-капитан. Во ВСЮР и Русской Армии; с сентября 1920 г. адъютант 3-го Марковского полка до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи, 26 октября 1921 г. выехал в Прагу. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Чехословакии. Капитан. В эмиграции окончил медицинский факультет. Умер в 1929 г. в Кутной Горе (Чехословакия).

¹⁰³ **Шевченко Павел Евгеньевич**, р. в Рыльске. Поручик 1-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Офицерском полку. В июне—ноябре 1918 г. в 1-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка. Ранен 6—7 июля 1918 г. под Крыловской и Екатериновской (остался в строю). Во ВСЮР и Русской Армии в марковских частях до эвакуации Крыма: с осени 1919 г., начальник команды пеших разведчиков, с декабря 1919 г. до 26 сентября 1920 г. командир 1-го батальона 1-го Марковского полка. Ранен 26 сентября 1920 г. На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи. Капитан. Осенью 1925 г. в составе Марковского полка в Болгарии. Подполковник. В эмиграции в Болгарии и Чехословакии, окончил институт в Праге, инженер. После 1945 г. в США. Умер 23 ноября 1954 г. в США.

¹⁰⁴ **Павлов Василий Ефимович**. Алексеевское военное училище (1914). Капитан. В Добровольческой армии. Во время 2-го Кубанского похода в 7-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка, с июня 1918 г. помощник командира, с июля 1918 г. командир 7-й роты. Ранен 18 ноября 1918 г. под д. Кононовкой. В октябре 1919 г. командир 3-го батальона в 3-м Марковском полку. В Русской Армии на той же должности до эвакуации Крыма. Подполковник (к октябрю 1919 г.). На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка во Франции. В эмиграции во Франции, с 1932 г. в Гренобле. Умер после 1964 г.

¹⁰⁵ **Марченко Дионисий Андреевич**. Учительская семинария. Штабс-капитан, командир батальона 125-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с ноября 1917 г.; в январе 1918 г. в 1-м офицерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: рядовой в 1-й роте Офицерского полка. Тяжело ранен. С 14 марта 1919 г. капитан, комендант штаба корпуса Кутепова, с осени (сентябрь) 1919 г. командир 2-го батальона 1-го Марковского полка, затем помощник командира полка, с декабря 1919 г. по 29 сентября 1920 г. и с октября 1920 г. командир того же полка до эвакуации Крыма. Полковник (26 марта 1920 г.). В эмиграции в Югославии, с декабря 1937 г. командир Марковского полка. Умер 24 сентября 1968 г. в Загребе (Югославия).

¹⁰⁶ **Никитин Дмитрий Павлович**. Штабс-капитан. В Добровольческой армии; с ноября 1918 г. по июль 1919 г. в 10-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка. Ранен в 1919 г. под Хацапетовкой. В Русской Армии с 8 августа

1920 г. командир 3-го Марковского полка до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. Подполковник. На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи.

¹⁰⁷ 4-й Дроздовский полк (4-й стрелковый генерала Дроздовского полк). Сформирован в конце сентября 1920 г. из запасного полка Дроздовской дивизии. Входил в состав Дроздовской дивизии. Офицеры в полку были только на командных должностях. В начале августа 1920 г. запасный полк состоял из около 600 штыков, в середине октября 1920 г. полк насчитывал 500 человек 14 октября 1920 г. у Ново-Григорьевки потерял около 200 человек. Командир — полковник Тихменев.

¹⁰⁸ **Слоновский Дмитрий Анатольевич** (Александрович). Капитан. В Добровольческой армии; в 3-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка. Ранен 2 октября 1918 г. под Армавиром. В июне 1919 г. командир батальона Марковского полка, в сентябре—декабре 1919 г. командир 1-го Марковского полка, с марта 1920 г. командир 2-го Марковского полка, с 29 сентября 1920 г. командир 1-го Марковского полка до эвакуации Крыма. Полковник (13 марта 1919 г.). На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи.

¹⁰⁹ **Сагайдачный Петр Яковлевич**, р. 10 апреля 1889 г. в Санкт-Петербурге. Владимирское военное училище (1912). Капитан 94-го пехотного полка, Особой бригады во Франции. Георгиевский кавалер. Прибыл в Добровольческую армию с Легионом Чести в начале 1919 г. 15—18 мая 1919 г. командир 1-й роты в 1-м Марковском полку, в июле 1919 г. в 4-й роте. Затем подполковник, командир батальона в 3-м Марковском полку, с октября 1920 г. командующий тем же полком до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи. Подполковник. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. Полковник. В эмиграции в Болгарии. Служил в Русском корпусе и РОА. После 1945 г. в Германии, с 1949 г. в США, к 1951 г. заместитель председателя Общества Галлиполийцев в Калифорнии. Умер 31 декабря 1964 г. в Лос-Анджелесе.

¹¹⁰ 4-й Марковский полк (4-й генерала Маркова пехотный полк). Сформирован осенью 1920 г. из запасного батальона Марковской дивизии. Входил в ее состав. Командир — полковник Б.А. Фриде.

¹¹¹ **Фриде Борис Алексеевич**. Полковник л.-гв. Егерского полка. Во ВСЮР и Русской Армии; с лета 1920 г. командир запасного батальона, затем запасного полка Марковской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи. Осенью 1925 г. в составе того же полка во Франции. В эмиграции в 1931 г. возглавлял группу Марковского полка в Париже, на ноябрь 1951 г. заместитель председателя объединения л.-гв. Егерского полка.

¹¹² **Махнушка Леонтий Тимофеевич**. Произведен в офицеры за боевое отличие. Прапорщик. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. в 1-м офицерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й роте Офицерского полка. В июле 1918 г. в 1-й роте, с сентября 1918 г. командир обоза 1-го разряда, в июле 1919 г. в команде пеших разведчиков. 1-го Офицерского (Марковского) полка. С 13 июля 1919 г. подпоручик. Поручик с 16 августа 1919 г. Штабс-капитан с 28 августа 1919 г. В Русской Армии до эвакуации Крыма (октябрь 1920 г. начальник учебной команды). Капитан (с 14 декабря 1919 г.). На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Гал-

липоли. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. В эмиграции в Бельгии. Представитель Украинского освободительного движения, руководитель Украинского Вольного казачества. Умер 18 сентября 1960 г. в Брюсселе.

¹¹³ **Полтавский Иосиф Андрианович**, р. в Области Войска Донского. Прапорщик. В Добровольческой армии в 1-м Офицерском (Марковском) полку; с 15 марта 1919 г. подпоручик, с 23 марта 1919 г. поручик. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской дивизии до эвакуации Крыма; с октября 1920 г. в 1-м Марковском полку. Штабс-капитан. Эвакуирован на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи.

¹¹⁴ **Касьянов Сергей Александрович**, р. в феврале 1890 г. Из дворян Нижегородской губ. Нижегородская гимназия, Санкт-Петербургский университет (не окончил). Прапорщик запаса. Подпоручик. В Добровольческой армии и ВСЮР; летом 1918 г. командир конной сотни Марковского полка, в сентябре 1918 г., в июле 1919 г. в 1-м Марковском полку. В Русской Армии в 1-м Марковском полку до эвакуации Крыма (с октября 1920 г. капитан). На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. Подполковник. В эмиграции в Болгарии и Бельгии. Полковник, председатель объединения Марковского полка. Умер 30 декабря 1979 г. в Брюсселе.

¹¹⁵ **Джукин Иван Павлович**, р. в 1880 г. Сын офицера. 2-й Московский кадетский корпус, Александровское военное училище. Полковник, командир 263-го пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в июле 1918 г. вступил в отряд полковника Шкуро во главе сформированного им офицерского отряда, с 15 июля 1918 г. командир 2-го батальона Ставропольского офицерского полка, в сентябре 1918 г. помощник командира 1-го батальона, 17—27 октября 1918 г. командир 1-го батальона 1-го Офицерского, с 27 октября 1918 г. командир 7-го Кубанского пластунского батальона, с декабря 1918 г. помощник командира 1-го батальона, с 31 июля 1919 г. помощник командира 1-го Офицерского (Марковского) полка, в октябре—ноябре 1919 г. командир 1-го Марковского полка, с 1 января по 10 марта 1920 г. командир 2-го Марковского полка, с 19 июня 1920 г. помощник начальника Марковской дивизии (в июле начальник отряда из частей дивизии) до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. и. д. командира (затем помощник командира) Марковского полка в Галлиполи. Осенью 1925 г. в составе Марковского полка в Болгарии. Генерал-майор (с 25 апреля 1922 г.). В эмиграции в 1931 г. возглавлял группу полка в Болгарии (Перник). Умер 23 февраля 1956 г. в Пернике.

¹¹⁶ **Пешня Михаил Александрович**, р. в 1886 г. Из мещан. Гимназия, Виленское военное училище (1907), Офицерская гимнастическо-фехтовальная школа (1910). Полковник, командир 73-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; с весны 1918 г. в Корниловском ударном полку, в сентябре 1918 г. командир 3-го батальона, с 24 июля 1919 г. командир 2-го Корниловского полка, затем командир 1-го Корниловского полка, с 13 ноября 1919 г. командир бригады Корниловской дивизии, с 13 мая 1920 г. помощник начальника той же дивизии. В Русской Армии с осени 1920 г. начальник Марковской дивизии. Генерал-майор (с 27 мая 1920 г.). Орд. Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. командир Марковского полка в Галлиполи. В эмиграции в Болгарии, с 1926 г. во Франции; таксист. Окончил Высшие

военно-научные курсы в Париже (1-й выпуск). Умер 4 декабря 1937 г. в Париже.

¹¹⁷ **Манштейн Владимир Владимирович**, р. в 1894 г. Штабс-капитан 7-го пехотного полка. В отряде подполковника Дроздовского с 4 марта 1918 г. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии и ВСЮР во 2-м офицерском (Дроздовском) стрелковом полку, с 4 апреля 1918 г. командир 4-й роты, с осени 1918 г. командир батальона того же полка, с 15 мая 1919 г. полковник. В октябре 1919-го — летом 1920 г. командир 3-го Дроздовского полка. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 22 июня 1920 г.). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в прикомандировании к Марковскому полку в Болгарии. Покончил самоубийством 19 сентября 1928 г. в Софии.

¹¹⁸ **Гравицкий Георгий (Юрий) Константинович**, р. 4 апреля 1883 г. в Новгороде-Северском. Из мещан. Новгород-Северское городское училище, Чугуевское военное училище (1902). Полковник, командир 428-го пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 10 августа 1919 г. командир Сводно-стрелкового полка, с 1 августа 1920 г. командир 2-го Марковского полка, затем командир Алексеевского полка, затем начальник Марковской дивизии. Генерал-майор. Орд. Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. В 1922 г. вернулся в СССР, инспектор пожарного отдела управления ВОХР ВСНХ. Арестован 30 августа 1930 г. Расстрелян по делу «Казачьего блока» 8 апреля 1931 г. в Москве.

¹¹⁹ **Тимановский Николай Степанович**, р. в 1889 г. Офицерский экзамен около 1906 г. Полковник, командир Георгиевского батальона Ставки ВГК. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., командир роты офицерского батальона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с 12 февраля 1918 г. помощник командира Сводно-офицерского полка, затем начальник штаба 1-й отдельной пехотной бригады, с мая 1918 г. командир 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, командир 1-й бригады 1-й пехотной дивизии. В начале 1919 г. направлен в Одессу, с 31(21) января 1919 г. начальник Отдельной бригады Русской Добровольческой армии в Одессе (с 27 января — Отдельной Одесской стрелковой бригады), с которой отступил в Румынию, с 18 мая по 13 июня начальник развернутой из бригады 7-й пехотной дивизии, с 2 июня 1919 г. начальник 1-й пехотной дивизии, с 10 ноября 1919 г. начальник Марковской дивизии. Генерал-лейтенант (с лета 1919 г.). Умер от тифа 18 декабря 1919 г. на ст. Чернухин Херсонской губ.

¹²⁰ **Карнышев Лаврентий Ефимович**. Подпоручик. В Добровольческой армии и ВСЮР; в июле 1919 г. в 1-м Марковском полку. В Русской Армии до эвакуации Крыма; с октября 1920 г. командир роты в Марковских частях. На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи. Осенью 1925 г. в составе Марковского полка во Франции. Штабс-капитан.

¹²¹ **Залевский Владимир Михайлович (Рафаилович)**. Павловское военное училище (1916). Офицер железнодорожных войск. В Добровольческой армии с конца 1917 г. в технической роте, затем в Марковской железнодорожной роте до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в 1-й роте Железнодорожного батальона Технического полка в Галлиполи. Поручик. Затем в Болгарии. Осенью 1925 г. в составе Технического батальона во Франции. Штабс-капитан. В эмиграции в Париже. Во время Второй мировой войны во французской армии. Умер 22 марта 1958 г. в Париже.

¹²² **Иегулов Сергей Владимирович.** Портупей-юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (в июле—октябре 1920 г. в 1-й батарее). Штабс-капитан. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артадивизиона в Болгарии. Умер до 1967 г.

¹²³ **Кудревич Виктор Викторович,** р. в Екатеринославской губ. Офицер. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии во 2-м Марковском полку до эвакуации Крыма. Ранен. Полковник (к октябрю 1919 г.). Эвакуирован на корабле «Модиг» и на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского полка в Болгарии.

¹²⁴ **Чибиринов Тихон Михайлович.** Штабс-капитан. В Добровольческой армии; в сентябре—ноябре 1918 г. в 11-й роте Марковского полка. С октября 1920 г. командир батальона 3-го Марковского полка до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи. Осенью 1925 г. в составе Марковского полка в Болгарии. Подполковник. Служил в Русском корпусе (командир роты). Ранен 24 февраля 1945 г. под Травником и умер от ран 26 февраля 1945 г. у Бусовачи.

¹²⁵ **Стрелин Александр Викторович,** р. 12 декабря 1895 г. в Таганроге. Харьковский технологический институт (не окончил), Тифлисская школа прапорщиков (1915). Подпоручик 300-го пехотного полка, ударного батальона 53-й пехотной дивизии. В Добровольческой армии; в июне 1918 г. в 9-й роте Марковского полка. Ранен 6—7 июля 1918 г. под Крыловской и Екатериновской и 20 октября 1918 г. под ст. Конаково. Командир роты, затем с октября 1920 г. командир батальона в 3-м Марковском полку до эвакуации Крыма. Трижды ранен. Орд. Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского полка в Чехословакии. Капитан. В эмиграции в Чехословакии, окончил институт, инженер. С 1931 г. в Аргентине. Умер 10 ноября 1971 г. в Буэнос-Айресе.

¹²⁶ **Коломацкий Всеволод Владимирович.** Поручик. В Добровольческой армии и ВСЮР с 1 января 1918 г. в 1-м офицерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Офицерском полку. В октябре 1918-го — июле 1919 г. в 1-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка. Ранен 4 марта 1918 г. под Кореновской, 9 марта 1918 г. под Филипповскими хуторами и 13 октября 1918 г. под Армавиром. Во ВСЮР начальник команды в Марковских частях, с 30 сентября 1919 г. штабс-капитан, с 21 октября 1920 г. командир 1-го Марковского полка до эвакуации Крыма. Капитан. На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи. В эмиграции в Чехословакии, с 1929 г. в с. Русском, Ракошин. Протоиерей.

¹²⁷ Константиновское военное училище. Киевское Константиновское военное училище. Принимало участие в боях с большевиками в Киеве 25 октября — 1 ноября 1917 г. (убито 2 офицера и 40 юнкеров, ранено 2 и 60). Прибыло в Екатеринодар 13 ноября 1917 г. в составе 25 офицеров и 131 юнкера во главе с генералом Калачевым. Большинство их (около 100 офицеров и юнкеров) погибло в Кубанских походах. Участвовало в боях на Кубани с 21 января 1918 г., в

1-м и 2-м Кубанских походах (с 2 марта 1918 г. полусотня 3-й сотни 1-го Кубанского стрелкового полка). К 3 августа 1918 г. в нем осталось 11 офицеров и 14 юнкеров. Прием по полному курсу был открыт в Симферополе 1 января 1919 г. (67-й выпуск), а 3 сентября 1919 г. — еще один (68-й выпуск). 6 августа 1919 г. переведено в Феодосию. 26 декабря 1919 г. — 28 апреля 1920 г. обороняло Перекопский перешеек, 30 июля — 28 августа 1920 г. участвовало в Кубанском десанте. В училище был 21 офицер. При выступлении на фронт 27 декабря 1919 г. в батальоне училища было 16 офицеров, 336 юнкеров и 27 солдат, на 30 июля 1920 г. к началу десанта на Кубань — 2 генерала, 5 штаб- и 20 обер-офицеров, 2 врача, 377 юнкеров и 44 солдата, на момент эвакуации — 4 генерала, 15 штаб- и 16 обер-офицеров, 2 чиновника, 342 юнкера и 3 солдата. 15 января 1920 г. в бою на Перекопе училище потеряло 87 человек (в т. ч. 3 офицера и 29 юнкеров убито), в Кубанском десанте в августе 1920 г. было убито 2 офицера и 25 (или 38) юнкеров, ранено — 9 и 101 и без вести пропали 4 юнкера и 5 солдат. Всего с января 1919 г. училище потеряло убитыми 4 офицеров и 64 юнкера и ранеными — 9 и 142 соответственно. Награждено серебряными трубами с лентами ордена Св. Николая Чудотворца, 187 юнкеров — Георгиевскими крестами и медалями. За 5 лет сделало 3 полных (двухлетних) и 2 ускоренных выпуска — всего 343 офицера. В Галлиполи 5 декабря 1920 г. были произведены в офицеры 114 юнкеров его 67-го выпуска (первого набора в Белой армии), 4 июня 1922 г. — 109 человек 68-го выпуска, в 1923 г. — юнкера 69-го выпуска. После преобразования армии в РОВС до 30-х гг. представляло собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам, кадрированную часть в составе 1-го армейского корпуса (III) (офицеры последних выпусков были оставлены в прикомандировании к училищу). Осенью 1925 г. насчитывало 148 человек, в т. ч. 133 офицера. Начальники: генерал-майор Н.Х. Калачев (1 января 1919 г. — 4 апреля 1920 г.), генерал-майор М.П. Чеглов, генерал-майор Е.К. Российский (середина 1922-го — конец 1923 г.), полковник В.И. Соколовский (1925—1931 гг.). Инспектор классов — полковник Попов (с 1 января 1919 г.). Командир батальона — полковник Сребницкий (с 1 января 1919 г.).

¹²⁸ **Дементьев Петр Сергеевич.** Поручик. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковских частях. Остался больной тифом в Новороссийске, затем в повстанческих частях генерала Фостикова на Кубани; с октября 1920 г. в Крыму в Марковской дивизии до эвакуации. На 18 декабря 1920 г. в 5-й роте Марковского полка в Галлиполи.

¹²⁹ **Бредов Федор Эмильевич,** р. 22 апреля 1884 г. в Ивангороде. 1-й кадетский корпус (1901), Павловское военное училище (1903), академия Генштаба (1909). Подполковник л.-гв. Финляндского полка, начальник штаба 63-й пехотной дивизии, и. д. начальника 58-й пехотной дивизии (с 1915 г. в плену), вернулся в 1918 г. В Вооруженных силах Юга России с 1 февраля 1919 г.; летом 1919 г. в штабе Войск Юго-Западного края (Одесса), с 22 июля 1919 г., в сентябре—октябре 1919 г. начальник штаба 3-й пехотной и Дроздовской дивизий (полковник), с августа 1920 г. начальник штаба 2-го армейского корпуса до эвакуации Крыма. В Галлиполи начальник штаба 1-й пехотной дивизии, с апреля 1922 г. в Болгарии. Генерал-майор (с апреля по июнь 1922 г.). Служил в Русском корпусе. После 1945 г. в США, председатель объединения л.-гв. Финляндского полка. Умер 15 марта 1959 г. в Сан-Франциско (США).

¹³⁰ 25-й пехотный Смоленский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Сформирован летом 1919 г. в Воронеже из добровольцев (главным образом рабочих). С 4 сентября 1920 г. входил в состав 2-й бригады 6-й пехотной дивизии. В конце октября 1919 г. насчитывал 400 штыков Командир — полковник В. Новиков.

¹³¹ **Новиков Вячеслав.** Полковник. В Вооруженных силах Юга России; в 1919 г. восстановил 25-й пехотный Смоленский полк. В Русской Армии командир того же полка в 6-й пехотной дивизии, с октября 1920 г. начальник отряда на Перекопе; опоздал к погрузке на суда и пытался прорваться со своим отрядом из Крыма на румынскую границу. Генерал-майор (с 1 ноября 1920 г.). По одним сведениям, убит в ноябре 1920 г. на Перекопе или в Северной Таврии на Днестре, по другим — взят в плен, бежал в Польшу и несколько раз был в СССР, где погиб после 1922 г.

¹³² **Стаценко Василий Павлович.** Александровское военное училище (1916). Подпоручик 21-го Сибирского стрелкового полка. В Добровольческой армии с августа 1918 г. в Марковском полку; в сентябре 1918 г., июле 1919 г. в пулеметной и учебной командах 1-го Офицерского (Марковского) полка, начальник пулеметной команды, с 30 сентября 1919 г. штабс-капитан (одновременно с чином поручика), в январе 1920 г. командир батальона во 2-м Марковском полку. В Русской Армии в Марковской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи. Капитан. Осенью 1925 г. в составе того же полка во Франции. В эмиграции. Умер 7 апреля 1970 г. в Кито (Эквадор).

¹³³ **Машин Петр Николаевич.** Подполковник. В Добровольческой армии в отряде полковника Покровского на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, в феврале—марте 1918 г. старший офицер 4-й батареи, затем в 1-й батарее, с апреля 1918 г. начальник хозяйственной части той же батареи, с 10 июля (3 августа) 1918 г. командир 1-й батареи, с 16 декабря 1918 г. полковник, командир дивизиона 1-й артиллерийской бригады, с 4 апреля 1919 г. командир 1-го дивизиона, с июня (августа) 1919 г. командир Марковской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 6 июня 1920 г.). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты в Болгарии, до декабря 1926 г. командир Марковского артиллерийского дивизиона. Умер в эмиграции.

¹³⁴ **Месняев Петр Валерианович,** р. в 1896 г. в Белевском уезде Тульской губ. Из дворян. Гимназия, Чугуевское военное училище (1916). Поручик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Офицерском полку; летом 1918 г. в Марковских частях, с осени 1918 г. в пулеметной команде 1-го Офицерского (Марковского) полка. Ранен 16 октября 1918 г. под с. Маломино. В январе—апреле 1920 г. в пулеметной команде 1-го Марковского полка. В Русской Армии в Марковской дивизии до эвакуации Крыма. Капитан (с 18 июня 1920 г.; одновременно с чином штабс-капитана). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского полка во Франции. В эмиграции в 1945 г. сотрудник Красного Креста в Германии, затем в США. Член Союза Инвалидов и Общества Галлиполийцев. Умер 26 мая 1971 г.

¹³⁵ **Де Тиллот Георгий Николаевич,** р. 6 января 1902 г. Во ВСЮР и Русской Армии вольноопределяющийся 7-й гаубичной батареи в Марковской артиллерийской бригаде. В октябре 1920 г. остался в Крыму. В мае 1925 г. взор-

вал пороховой погреб в Севастополе, а затем, захватив пароход, прибыл на нем в Болгарию. Осенью 1925 г. в составе Марковского артиллерийского дивизиона в Болгарии. Канонир. В эмиграции во Франции. Умер 30 сентября 1970 г. в Париже.

¹³⁶ **Потемкин Владимир Николаевич**, р. 22 октября 1885 г. Из дворян Смоленской губ. Морской корпус (1904). Капитан 2-го ранга, командир эсминца. В Добровольческой армии с ноября 1917 г.; командир Морской роты в боях у Батайска (тяжело ранен), в марте 1918 г. через Новочеркасск и Кисловодск пробрался в Астрахань, откуда вернулся на Дон. Летом 1918 г. командир Новороссийского военного порта до 27 декабря 1918 г., с 7 апреля 1919 г. командир на бронепоезде «Князь Пожарский», с 1920 г. начальник дивизиона морских канонерских лодок Азовского моря (2-й отряд судов Черного моря), при эвакуации Крыма комендант Керчи. Капитан 1-го ранга. Галлиполиец. Командир транспорта «Ялта». В эмиграции во Франции, начальник 6-й группы ВМС. Умер 18 ноября 1938 г. в Париже.

¹³⁷ **Леонтьев Александр Михайлович**. Подпоручик. В Добровольческой армии в 1-м легком артиллерийском дивизионе, 21 ноября 1918 г. переведен из 1-й в 3-ю батарею. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (осенью 1919 г. в 3-й батарее). Капитан. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского арtdивизиона во Франции. В эмиграции в Бельгии. Умер 27 декабря 1985 г. в Брюсселе.

¹³⁸ Впервые опубликовано: Марковцы-артиллеристы. 50 лет верности России. Париж, 1967.

¹³⁹ **Мино Николай Николаевич**, р. в 1898 г. Александровский кадетский корпус (1917). Юнкер Константиновского артиллерийского училища. Член монархической организации в Петрограде, организатор отправки юнкеров на Дон. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (в мае—сентябре 1920 г. штабс-капитан, командир взвода 1-й батареи). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты в Югославии. Капитан. В эмиграции в Норвегии. Умер 8 апреля 1949 г. в Осло.

¹⁴⁰ **Церель Иван Павлович**. Подпоручик. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (с сентября 1920 г. подпоручик 8-й батареи). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского арtdивизиона в Болгарии.

¹⁴¹ **Афендульев Вячеслав Вячеславович**, р. в 1898(1899) г. в Вильно. Сын офицера. Полоцкий кадетский корпус. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, участник боев отряда полковника Чернецова, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода; в феврале—марте 1918 г. в 4-й батарее, тяжело ранен 27 марта 1918 г., затем в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма (с сентября 1920 г. штабс-капитан 1-й батареи). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского арtdивизиона во Франции. Штабс-капитан. В эмиграции во Франции. Умер 9 октября 1975 г. в Париже.

¹⁴² **Изенбек Федор Артурович**, р. в 1890 г. в Санкт-Петербурге (в Бухаре). Из дворян, сын морского офицера, внук бека Туркестана. Кадетский корпус, Академия художеств. Прапорщик Туркестанской артиллерийской бригады. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в отдельной батарее. С 29 июля 1919 г. командир 2-й запасной батареи в Марковской артиллерийской бригаде (штабс-капитан), осенью 1919 г. командир 4-й батареи той же бригады, с 6 ноября 1919 г. капитан. В Русской Армии с сентября 1920 г. командир той же батареи до эвакуации Крыма. Полковник. Орд. Св. Николая Чудотворца. В эмиграции во Франции и Бельгии. Умер 13 августа 1941 г. в Брюсселе.

¹⁴³ **Жеромский Владимир**. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде; в начале 1920 г. поручик, с сентября 1920 г. штабс-капитан 3-й батареи. Эвакуирован с флотом в Бизерту (прибыл на пароходе «Цесаревич Георгий»), в марте 1922 г. в команде Корниловского полка в лагере Надор. Осенью 1925 г. в составе того же полка во Франции. Штабс-капитан. Умер после 1967 г.

¹⁴⁴ **Щербина-Крамаренко Геннадий Дмитриевич**. Юнкер. В Добровольческой армии в 1-м отдельном легком артиллерийском дивизионе; с 7 декабря 1918 г. прапорщик. Во ВСЮР и Русской Армии подпоручик в 8-й батарее Марковской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Ранен 29 октября 1920 г. Поручик. В эмиграции в Бессарабии.

¹⁴⁵ **Песчанников Сергей Аркадьевич**, р. 25 сентября 1892 г. в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербургская Выборгская гимназия (1909), Константиновское артиллерийское училище (1912). Капитан 16-го мортирного артиллерийского дивизиона. В Добровольческой армии с июня 1918 г.; с 5 ноября 1918 г. старший офицер 1-й отдельной легкой гаубичной батареи, с августа 1919 г. командир 8-й батареи в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Полковник. Орд. Св. Николая Чудотворца. В эмиграции во Франции. Умер 3 августа 1935 г. в Париже.

¹⁴⁶ **Михайлов Алексей Алексеевич**. Подполковник 48-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: в феврале—марте 1918 г. заведующий хозяйственной частью 4-й батареи, затем в 1-й батарее, старший офицер той же батареи, с 3 (11) июля 1918 г. командир 2-й батареи, с марта (4 апреля) 1919 г. командир 2-го дивизиона 1-й (затем Марковской) артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Полковник (с января 1919 г.). Галлиполиец, командир 2-й батареи Марковского артиллерийского дивизиона. Осенью 1925 г. в составе Корниловского артдивизиона в Болгарии. В эмиграции. Погиб в 1929—1945 гг.

¹⁴⁷ **Стадницкий-Колендо Вячеслав Иосифович**. Штабс-капитан. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, в феврале—марте 1918 г. в 4-й, затем в 1-й батарее; 21 ноября — 26 декабря 1918 г. командир, затем старший офицер 3-й батареи. С 21 сентября (с августа) 1919 г. командир 5-й батареи в Марковской артиллерийской бригаде, к сентябрю 1920 г. командир 3-й батареи той же бригады до эвакуации Крыма.

Подполковник. Орд. Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Польше. Погиб в 1929—1945 гг.

¹⁴⁸ **Щавинский Вадим Всеволодович**, р. в 1896 г. Из дворян, сын генерала. 3-й Московский кадетский корпус (1914), Михайловское артиллерийское училище (1915). Поручик 3-й гренадерской артиллерийской бригады. В Добровольческой армии с июня 1918 г. в 1-й батарее, с 21 ноября 1918 г. старший офицер 3-й батареи 1-го отдельного легкого (Марковского) артиллерийского дивизиона, с 9 декабря 1919 г. командир 3-й батареи Марковской артиллерийской бригады, с сентября 1920 г. подполковник, старший офицер 4-й батареи той же бригады до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона во Франции. В эмиграции в Париже (Клиши), с 1934 г. командир Марковской артиллерийской бригады, член правления Общества Галлиполийцев. С 1964 г. начальник 1-го отдела РОВС и 2-й заместитель начальника РОВС, председатель Общества Галлиполийцев. Умер 29—30 января 1976 г. в Париже.

¹⁴⁹ **Боголюбский Николай Николаевич** (1-й). Поручик. В Добровольческой армии в Юнкерской батарее. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир пешего взвода 1-й отдельной батареи. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма: с июня 1918 г. командир орудия 1-й батареи, с марта 1919 г. старший офицер 4-й батареи, с 7 октября 1919 г. командир 2-й батареи, с сентября 1920 г. командир 2-й батареи (капитан). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Болгарии. Подполковник. В эмиграции в Париже, в 1933 г. исключен из состава дивизиона. Умер 19 августа 1976 г. в Париже.

¹⁵⁰ Отдельный Симферопольский конный дивизион. Сформирован в Русской Армии. 8 августа 1920 г. переформирован в конный дивизион 34-й пехотной дивизии под названием Симферопольского конного дивизиона. После эвакуации в Галлиполи влит в Алексеевский конный дивизион. Командир — полковник А.Н. Эммануэль.

¹⁵¹ **Каменский Павел Николаевич**. Нижегородский кадетский корпус (1917). Юнкер Михайловского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, в январе 1918 г. участник рейда партизанского отряда полковника Чернецова, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма; с сентября 1920 г. старший офицер 1-й батареи, затем командир батареи. Штабс-капитан. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона во Франции. Капитан (с 1920 г.). В эмиграции в Болгарии и Франции. Умер 29 января 1928 г. в Париже.

¹⁵² **Курбатов Алексей Александрович**, р. 22 июля 1868 г. 2-й кадетский корпус (1886), Константиновское военное училище (1888). Офицер л.-гв. Гренадерского полка. Генерал-майор, начальник 40-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 12 октября 1918 г. организовывал инструкторские курсы осведомительного отделения дипломатического отдела при Верховном руководителе Добровольческой армии, с 31 января 1919 г. начальник повторных офицерских курсов в Кисловодске, с 22 мая 1919 г. одновременно начальник гарнизона

Кисловодска, с 31 мая 1919-го по 1921 г. начальник Ейских офицерских курсов (впоследствии — Александровского военного училища). Галиполиец. В эмиграции с 1921 г. в Болгарии, начальник интерната русской Галиполийской гимназии, преподаватель Сергиевского артиллерийского училища. Осенью 1925 г. в составе училища в Болгарии, в 1928—1932 гг. редактор листка «Александровец» в Варне. Умер 13 июля 1935 г. в Княжеве (Болгария).

¹⁵³ **Ларионов Виктор Александрович**, р. 13 июля 1897 г. в Санкт-Петербурге. 13-я Санкт-Петербургская гимназия (1916). В сентябре 1916-го — мае 1917 г. гардемарин Отдельных гардемаринских классов, с июня 1917 г. юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в Марковской артиллерийской бригаде летом 1919 г. Поручик, с октября 1920 г. капитан. В эмиграции член организации Кутепова, в июне 1927 г. участник диверсии в Петрограде, с 1927 г. во Франции, участник монархического движения, с 1941 г. в германской армии в Смоленске. После 1945 г. в Германии. Умер после 1984 г.

¹⁵⁴ Впервые опубликовано: *Ларионов В.* Последние юнкера. Франкфурт, 1984.

¹⁵⁵ **Соломон Андрей Сергеевич**, р. в Баку. Сын миллионера. Юнкер Константиновского артиллерийского училища (не кадет). В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, участник рейда партизанского отряда полковника Чернецова; с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Затем в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (с сентября 1919 г. поручик, командир взвода, в мае, сентябре 1920 г. штабс-капитан). Галиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского ардивизиона во Франции и 1-й Галиполийской роты в Турции. В эмиграции. Умер до 1967 г.

¹⁵⁶ **Березовский Павел Ефимович**. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе (с апреля 1918 г. начальник разведки дивизиона). Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде (с сентября 1919 г. поручик, командир взвода) до эвакуации Крыма. Галиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского ардивизиона в Чехословакии. Штабс-капитан (к маю 1920 г.). В эмиграции. Пропал без вести до 1967 г.

¹⁵⁷ **Златковский Николай Михайлович**. Нижегородский кадетский корпус (1917). Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Штабс-капитан. В эмиграции во Франции. Умер 2 марта 1962 г. в Париже.

¹⁵⁸ Корниловское военное училище. Создано во ВСЮР 31 января 1919 г., когда в Екатеринодаре был сформирован кадр военно-училищных курсов. В июле 1919 г. военно-училищные курсы развернулись в Ставрополе и впоследствии пре-

образованы в Корниловское военное училище. В училище служили, не считая начальников, 59 офицеров (5 командиров батальона, 9 командиров рот, 3 адъютанта, 19 курсовых офицеров, 4 хозчасти и 19 преподавателей, в т. ч. 4 генерала). Оно имело в числе преподавателей 11 генералов и полковников Генштаба, 4 офицеров, закончивших другие академии, и 4 с университетским образованием. Сделало первый выпуск (69 человек) 29 июня 1921 г. в Галлиполи. Всего дало 5 выпусков офицеров с чином подпоручика (считая и ускоренный 29 января 1920 г.). После преобразования армии в РОВС до 30-х гг. представляло собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам, кадррованную часть в составе 1-го армейского корпуса (III) (офицеры последних выпусков были оставлены в прикомандировании к училищу). Осенью 1925 г. насчитывало 67 человек, в т. ч. 59 офицеров. Начальники: генерал-майор Т.М. Протозанов, генерал-лейтенант А.И. Жнов, генерал-майор М.М. Зинкевич, генерал-майор М.М. Георгиевич (1925 г.), полковник Н.П. Керманов (1931 г.).

¹⁵⁹ **Гиацинтов Эраст Николаевич**, р. 10 ноября 1894 г. в Царском Селе. Николаевский кадетский корпус (1912), Константиновское артиллерийское училище (1914). Штабс-капитан 3-й гренадерской артиллерийской бригады. В Добровольческой армии с сентября 1918 г. во 2-й батарее 1-го легкого артиллерийского дивизиона, с февраля 1919 г. на бронепоезде «Генерал Корнилов», с августа 1919 г. начальник связи и команды конных разведчиков 2-го дивизиона Марковской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Подполковник. Служил во французском Иностранном легионе. Окончил политехнический институт в Праге, затем инженер во Франции, с 1951 г. в США. Член КИАФ. Умер 18 января 1975 г. в Сиракузах (США).

¹⁶⁰ Впервые опубликовано: *Гиацинтов Э.* Записки белого офицера. М., 1992.

¹⁶¹ **Левитов Михаил Николаевич**, р. в 1893 г. Из духовного звания. Духовная семинария, Виленское военное училище (1914). Поручик 178-го пехотного полка. В Добровольческой армии в партизанском генерала Корнилова отряде. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Корниловском полку, командир роты, в мае 1919 г. командир батальона во 2-м Корниловском полку, с июля 1919 г. командир 1-го батальона, с 10 ноября 1919 г. врид командира в 3-м Корниловском полку, затем помощник командира во 2-м Корниловском полку. 13 марта 1920 г. произведен из поручиков в подполковника, с 15 июня 1920 г. до эвакуации Крыма командир 2-го Корниловского полка. Полковник (с июня 1920 г.). Ранен 6 раз. Орд. Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в штабе 2-го батальона Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. командир того же батальона. До осени 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. В эмиграции председатель полкового объединения, председатель Общества Галлиполийцев. Умер 15 декабря 1982 г. в Париже.

¹⁶² Изложено по изданиям: Корниловский ударный полк. Париж, 1936; *Левитов М.Н.* Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974.

¹⁶³ 2-й Корниловский полк (2-й Корниловский ударный полк). Сформирован во ВСЮР 12 июля 1919 г. на базе офицерского кадра Корниловского ударного полка (преимущественно из пленных махновцев). Входил в состав 1-й пехотной дивизии, с 14 октября 1919 г. — Корниловской дивизии. В сентябре 1919 г. насчитывал 2600 человек при 85 пулеметах (офицерский батальон 700 человек, 3 солдатских по 500 человек, команда разведчиков и эскадрон связи). На 5 ок-

тября 1919 г. имел 1150 штыков при 30 пулеметах. На 21 июня 1920 г. насчитывал 8 штаб- и 253 обер-офицеров и 793 солдата, на 9 июля — 349 офицеров и 1018 солдат. В конце августа, после Каховской операции, в полку осталось 120 человек. Наиболее крупные потери: в Орловско-Кромском сражении в сентябре—октябре 1919 г. — 1560 человек, 17 июня 1920 г. под Б. Токмаком — 57 офицеров и 62 солдата, 16 августа у Верхних Серагоз — 23 офицера и 56 солдат, 21 августа у Любимовки — 111 офицеров и 327 солдат, а всего в Каховской операции за семь основных боев — 804 человека, в бою 26 сентября на Днестре из 1-го батальона было зарублено 68 и пленено 80 человек. Командиры: капитан (полковник) Я.А. Пашкевич (май 1919 г. — 15 июля 1920 г.; убит), полковник М.А. Пешня (с 24 июля 1919 г.), капитан В.П. Щеглов (врид с 24 сентября 1919 г.), полковник М.Н. Левитов (с 15 июля 1920 г.), капитан Г.З. Трошин (врид с 26 октября 1920 г.).

¹⁶⁴ 3-й Корниловский полк (3-й Корниловский ударный полк). Сформирован во ВСЮР 27 августа 1919 г. в Харькове на базе офицерского кадра и учебной команды Корниловского ударного полка. Входил в состав 1-й пехотной дивизии, с 14 октября 1919 г. — Корниловской дивизии. Летом 1919 г. среди 21 младшего офицера полка было 14 прапорщиков, 3 подпоручика и 4 поручика. В сентябре 1919 г. насчитывал 1900 человек при 60 пулеметах (3 батальона, офицерская рота, команда разведчиков и эскадрон связи). На 5 октября 1919 г. имел 1279 штыков при 17 пулеметах. В Орловско-Кромском сражении полк потерял 646 человек и почти полностью погиб около 6 декабря 1919 г. в лесах северо-восточнее Змиева (осталось 86 человек). 29 июля 1920 г. у Куркулака полк потерял 180 человек, в т. ч. 60 офицеров. В конце августа 1920 г. после Каховской операции в полку осталось 92 человека. Командиры: есаул Н.В. Милеев, капитан И.И. Франц (осень 1919 г. — январь 1920 г.; убит), полковник В.П. Щеглов (с января 1920 г.), поручик М.Н. Левитов (врид с 26 октября 1919 г.), полковник Р.Ф. Пух (врид, август 1920 г.), полковник М.М. Минервин (врид с 26 октября 1920 г.).

¹⁶⁵ **Скоблин Николай Владимирович**, р. в 1894 г. Сын коллежского асессора. Штабс-капитан 1-го Ударного отряда и Корниловского ударного полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. с полком. Капитан. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, помощник командира полка, капитан. С 1 ноября 1918 г. командир Корниловского полка, с 12 ноября 1918 г. полковник, с 26 марта 1920 г. начальник Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 26 марта 1920 г.). На 18 декабря 1920 г. в штабе Корниловского полка в Галлиполи. В эмиграции во Франции, в 1930 г. завербован ГПУ и участвовал в похищении генерала Миллера; в 1937 г. бежал в Испанию. Умер в 1938 г.

¹⁶⁶ **Гордиенко (Гордеенко) Карп Павлович**, р. в 1891 г. Ялтинская гимназия, Владимирское военное училище (1914). Полковник Сибирского стрелкового полка, врид командира 13-го Особого полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку; с 28 октября 1918 г. командир офицерской роты полка, в июле 1919 г. командир батальона в 1-м Корниловском полку, с сентября 1919 г. командир того же полка. В Русской Армии на той же должности до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в штабе Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. помощник командира Корниловского полка. Осенью 1925 г. в со-

ставе того же полка в Болгарии. В эмиграции во Франции, фермер. Умер 29 июля 1969 г. в Грассе (Франция).

¹⁶⁷ **Челядинов Василий Васильевич**. Штабс-капитан. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии; с января 1920 г. врид командира, с августа 1920 г. командир 1-го Корниловского полка (подполковник) до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в штабе Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. помощник командира 1-го батальона полка. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Югославии. Полковник.

¹⁶⁸ **Федоров Константин Георгиевич**. Прапорщик. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода; с 13 июля 1919 г. подпоручик. Во ВСЮР и Русской Армии в 1-м Корниловском полку (с сентября 1920 г. поручик, командир батальона) до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. Капитан. Эвакуирован на корабле «Цесаревич Георгий». Галлиполиец, с 24 декабря 1921 г. командир 4-й роты Корниловского полка. Подполковник. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. В эмиграции в Болгарии, с 1932 г. в Софии Протоиерей. Умер 14 октября 1959 г. в Афинах.

¹⁶⁹ **Трофимюк Василий Петрович**. Штабс-капитан. Во ВСЮР и Русской Армии во 2-м Корниловском полку до эвакуации Крыма (с сентября 1920 г. командир батальона). На 18 декабря 1920 г. в 7-й и 8-й роте Корниловского полка в Галлиполи.

¹⁷⁰ **Бешенов Георгий Ефимович**, р. в 1893 г. Поручик. В Вооруженных силах Юга России; с июля 1919 г. начальник команды связи во 2-м Корниловском полку. В Русской Армии в том же полку до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в команде связи Корниловского полка в Галлиполи. Капитан. Осенью 1925 г. в составе того же полка во Франции. Умер 30 апреля 1983 г. в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

¹⁷¹ **Бржезицкий Александр Иосифович**, р. около 1883 г. Полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР командир Кавказского стрелкового полка, перешел в Корниловский полк в Новороссийске; в Русской Армии во 2-м Корниловском полку до эвакуации Крыма (в июне 1920 г. командир 3-го батальона, ранен 28 августа 1920 г.). Эвакуирован на транспорте «Ялта». На 18 декабря 1920 г. в 8-й роте Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. помощник командира 2-го батальона того же полка. Осенью 1925 г. в составе полка в Болгарии. Полковник. В 1933 г. окончил политехнический институт, инженер. Служил в Русском корпусе. Умер 13 апреля 1971 г. в Грассе (Франция).

¹⁷² Воспоминания В.И. Гетца приводятся ниже.

¹⁷³ Воспоминания Е.Э. Месснера приводятся ниже.

¹⁷⁴ **Щеглов Василий Павлович**, р. 18 ноября 1883 г. в Туле. Из мещан. Казанское пехотное юнкерское училище (1904) (1907?). Капитан, командир батальона 303-го пехотного полка. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, рядовой в офицерской роте полка, затем командир батальона. Ранен летом 1918 г. С июля 1919 г. командир 2-го батальона во 2-м Корниловском полку, затем командир 3-го батальона в том же полку, с 24 сентября 1919 г. врид командира того же полка. С ноября 1919 г. (с января 1920 г.) командир 3-го Корниловского полка до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г.

в 9-й роте Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. командир 3-го батальона Корниловского полка. Осенью 1925 г. в составе того же полка во Франции. Полковник. В эмиграции во Франции. Умер 17 октября (7 ноября) 1930 г. в Озуар-ля-Ферье (Франция).

¹⁷⁵ **Ерогин Лев Михайлович.** Сын капитана. 2-й кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1904). Подполковник, командир батареи 18-й артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; в декабре 1917 г. — январе 1918 г. командир 3-й офицерской батареи. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода — командир 3-й отдельной батареи, затем 1-й батареи 2-й артиллерийской бригады. В 1918 г. переименован в полковники (утвержден с 6 ноября 1919 г.). Командир 2-й артиллерийской бригады, с 16 октября 1919 г. — Корниловской артиллерийской бригады; в Русской Армии на той же должности, с 27 октября 1920 г. начальник Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор. Галлиполиец. В февраля 1921 г., осенью 1925 г. командир Корниловского артдивизиона в Болгарии. В эмиграции в Польше, начальник отдела РОВС. Умер в 1943 г. в Варшаве.

¹⁷⁶ **Пух Роман Филиппович.** Штабс-капитан. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в офицерском отряде полковника Симановского. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир 3-й офицерской роты Корниловского полка. Тяжело ранен в сентябре 1918 г. под Ставрополем. В начале 1920 г. помощник командира 3-го Корниловского полка, с августа 1920 г. командир того же полка до эвакуации Крыма. Ранен. Галлиполиец, с 24 декабря 1921 г. командир 1-й роты Корниловского полка. Осенью 1925 г. в составе полка в Болгарии. Подполковник. В эмиграции в Люксембурге. Полковник, начальник подотдела 5-го отдела РОВС. Священник. Умер 17 июня 1958 г. в Люксембурге.

¹⁷⁷ **Пинский Густав Конрадович.** Прапорщик. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии в 1-м Корниловском полку, затем в 3-м Корниловском полку (с октября 1920 г. командир роты) до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. Подпоручик. Тяжело ранен. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Капитан. В эмиграции в Югославии. Умер в 1929 г. в Белграде.

¹⁷⁸ **Бояринцев Митрофан Иванович,** р. в 1894 г. Киевское военное училище (1915). Штабс-капитан, командир батальона 5-го пехотного полка. В Добровольческой армии; с сентября 1918 г. в Корниловском полку, затем командир сотни 5-го Кубанского пластунского батальона, затем вновь в Корниловском полку — командир роты и батальона. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Полковник. На 18 декабря 1920 г. в 3-й роте Корниловского полка в Галлиполи. В эмиграции во Франции, председатель полкового объединения, сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 17 сентября 1971 г. в Шель (Франция).

¹⁷⁹ **Ширковский Дмитрий Иосифович.** Штабс-капитан. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 8 марта 1920 г. врид командира 1-го Корниловского полка, в июле—августе 1920 г. командир 1-го батальона в том же полку (подполковник) до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в 1-й роте Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г.

командир 2-й роты полка. В эмиграции. Полковник. Умер в январе 1954 г. во Франции.

¹⁸⁰ **Редько Макар Иванович.** Поручик. В Добровольческой армии и ВСЮР в 1-м Корниловском полку; с сентября 1919 г. командир взвода, в сентябре—октябре 1919 г. командир роты. В Русской Армии в том же полку до эвакуации Крыма (с октября 1920 г. командир 2-й роты). Капитан. Орд. Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. В эмиграции во Франции. Умер 21 ноября 1959 г. в Грассе (Франция).

¹⁸¹ **Миловидов Иван Федорович,** р. в 1895 г. Офицер 311-го пехотного полка. Во ВСЮР и Русской Армии в 1-м Корниловском полку; с октября 1920 г. помощник командира 3-го батальона. Штабс-капитан. На 18 декабря 1920 г. в 4-й роте Корниловского полка в Галлиполи. Поручик. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. Капитан. В эмиграции в Парагвае, с 1936 г. капитан парагвайской армии. Умер 3—4 марта 1968 г. в Асунсьоне (Парагвай).

¹⁸² **Андрианов Павел Семенович,** р. 29 июля 1896 г. Павловское военное училище. Поручик. В Добровольческой армии и ВСЮР; весной 1919 г. в охране Императорской фамилии в Крыму, с 26 июля 1919 г. командир роты в 3-м Корниловском полку, в октябре—декабре 1919 г. командир 1-го батальона того же полка. Штабс-капитан. В Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в 10-й роте Корниловского полка в Галлиполи. Штабс-капитан. Осенью 1925 г. в составе того же полка во Франции; секретарь Общества Галлиполийцев (капитан). Умер 10 января 1974 г. в Париже.

¹⁸³ **Кривошеев Александр Порфирьевич.** Из казаков ВВД. Прапорщик Корниловского ударного полка. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Автор гимна Корниловского полка. Во ВСЮР и Русской Армии в 1-м Корниловском полку до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в 1-й роте Корниловского полка в Галлиполи. Штабс-капитан. В эмиграции представитель монархических газет в Париже, после 1945 г. представитель «Часового» и «Нашей Страны» во Франции. Капитан. Умер 9 января 1975 г. в Нейи (Франция).

¹⁸⁴ **Дудниченко Алексей Ефимович.** В Добровольческой армии и ВСЮР; в сентябре 1919 г., октябре 1920 г. в офицерском батальоне 2-го Корниловского полка до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в 5-й роте Корниловского полка в Галлиполи. Подпоручик. Осенью 1925 г. в составе того же полка во Франции. В эмиграции во Франции, член Общества Галлиполийцев. Поручик. Умер после 1979 г. в Париже.

¹⁸⁵ **Удовицкий Андрей Иванович.** Вольский кадетский корпус. Офицер. Георгиевский кавалер. Во ВСЮР и Русской Армии в 3-м Корниловском полку до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в 9-й роте Корниловского полка в Галлиполи. Капитан. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Бельгии. Подполковник. В эмиграции в Бельгии. Умер 4 марта 1962 г. в Льежской провинции.

¹⁸⁶ **Бондарь Артемий Поталович.** Вахмистр. Во ВСЮР и Русской Армии; в июле—октябре 1920 г. начальник пулеметной команды в офицерском батальоне 2-го Корниловского полка до эвакуации Крыма. Подпоручик. Орд. Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии.

¹⁸⁷ **Лысань Антон Евтихиевич.** Поручик. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В мае

(с июля) 1919 г. командир пулеметной роты во 2-м Корниловском полку. Ранен. В Русской Армии помощник командира того же полка до эвакуации Крыма. Подполковник (с октября 1920 г.). На 18 декабря 1920 г. в пулеметной роте Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. командир той же роты. Осенью 1925 г. в составе полка во Франции.

¹⁸⁸ **Дяйкин Николай Пантелеймонович.** Во ВСЮР и Русской Армии во 2-м Корниловском полку и Корниловском конном дивизионе до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в составе того же дивизиона в Галлиполи. Подпоручик. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии.

¹⁸⁹ **Трошин Григорий Захарович.** Капитан. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В июне 1919 г. командир роты во 2-м Корниловском полку, с октября 1920 г. командир батальона в том же полку до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в 5-й роте Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. командир 7-й роты полка. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. Подполковник. В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавляя группу Корниловского полка в Бийанкуре, с 1936 г. глава объединения полка во Франции. Полковник. Умер 10(13) августа 1971 г. в Нью-Йорке.

¹⁹⁰ **Возовик Дмитрий Александрович,** р. 31 августа 1894 г. Поручик. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода во 2-й роте Корниловского ударного полка. С июля 1919 г. командир роты во 2-м Корниловском полку, поручик. Тяжело ранен в 1920 г. Эвакуирован 2 марта 1920 г. из Одессы в Египет на корабле «Гленгорн Кастл». Вернулся в Крым. В Русской Армии в 1-м Корниловском полку до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в 7-й роте Корниловского полка в Галлиполи. Поручик. В эмиграции в Болгарии и Франции. Капитан. Умер 8 октября 1965 г. в Париже.

¹⁹¹ **Минервин Михаил Михайлович.** Сибирский кадетский корпус, Павловское военное училище (1908). Капитан 2-го Сибирского стрелкового полка. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир 2-й (3-й) роты полка. Ранен под Екатеринодаром. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Полковник (с 5 ноября 1919 г.). На 18 декабря 1920 г. в 9-й роте Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. командир 12-й роты того же полка. Осенью 1925 г. в составе полка в Болгарии. В эмиграции во Франции. Умер 23 января 1949 г. в Тарбе (Франция).

¹⁹² **Бурьян Петр Александрович.** Поручик. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г. Быховец. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии командир роты 1-го Корниловского полка (в августе 1920 г. поручик). Штабс-капитан (капитан). Убит 26 октября 1920 г. под Карповой Балкой у Юшуни.

¹⁹³ **Стогов Николай Николаевич,** р. 10 сентября 1872 г. Николаевский кадетский корпус (1891), Константиновское военное училище (1893), академия Генштаба (1900). Офицер л.-гв. Вольнского полка. Генерал-лейтенант, командир 16-го армейского корпуса, начальник штаба и командующий Юго-Западным фронтом. Георгиевский кавалер. Служил в Красной армии (май—август 1918 г., начальник Всеросглавштаба). В 1918—1919 гг. член «Национального Центра» в

Москве, начальник его военной организации (с августа 1919 г. возглавлял Штаб Добровольческой армии Московского района). Арестован, бежал через линию фронта. В Вооруженных силах Юга России с сентября 1919 г., начальник укрепленной позиции у Ростова, с 18 января 1920 г. начальник штаба Кубанской армии. В Русской Армии комендант Севастопольской крепости и командующий войсками тылового района до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии (Земун), с 1924 г. в Париже, помощник начальника военной канцелярии РОВС, с 6 июля 1930 г. до 1934 г. начальник той же канцелярии, с февраля 1941 г. заместитель начальника 1-го отдела РОВС. Председатель Общества офицеров Генерального штаба, Союза Георгиевских кавалеров, почетный председатель Союза российских кадетских корпусов, с 1949 г. председатель объединения 3-й гвардейской пехотной дивизии, на ноябрь 1951 г. заместитель председателя объединения л.-гв. Волынского полка, заместитель председателя Распорядительного комитета Гвардейского объединения и представитель в Гвардейском объединении от 3-й гвардейской пехотной дивизии. Умер 17 декабря 1959 г. в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

¹⁹⁴ **Гетц Викентий Иванович**, р. 19 февраля 1889 г. в Витебске. Реальное училище в Двинске, Виленское военное училище (1911). Капитан, командир батареи 137-го артиллерийского дивизиона. В Добровольческой армии с апреля 1918 г., рядовой 1-й батареи, начальник орудия, с весны 1919 г. старший офицер 4-й батареи 1-й артиллерийской бригады, затем командир той же батареи, к ноябрю 1919 г. командир 6-й батареи Корниловской артиллерийской бригады. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. В эмиграции в Болгарии, возглавлял группу Корниловской артиллерийской бригады в Софии. Служил в Русском корпусе. С 1950 г. в Норвегии, с 1956 г. в США. Умер 22 февраля 1968 г. в Нью-Йорке.

¹⁹⁵ Впервые опубликовано: Часовой. 1960. Март—август. № 407—411.

¹⁹⁶ **Роппонет Юрий (Георгий) Николаевич**. Полковник, командир батареи 31-й артиллерийской бригады. В Вооруженных силах Юга России в 1-й артиллерийской бригаде, с 4 апреля (22 июля) 1919 г. командир 3-го дивизиона той же (впоследствии Марковской) бригады, затем в Корниловской артиллерийской бригаде; с сентября по ноябрь 1919 г. командир 3-го дивизиона. В Русской Армии в той же бригаде до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского арtdивизиона в Болгарии. В эмиграции в Греции. Умер в конце 1930-х гг. близ Астакоса (Греция).

¹⁹⁷ **Шереметов Сергей Александрович**. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (с октября 1920 г. адъютант бригады). Штабс-капитан. Галлиполиец. В феврале 1921 г. во 2-й батарее Корниловского артиллерийского дивизиона. Умер 5 августа 1921 г. в Галлиполи.

¹⁹⁸ **Месснер Евгений Эдуардович**, р. 3 сентября 1891 г. в Одессе. Сын коллежского асессора. 3-я Одесская гимназия, Новороссийский университет (не окончил), прапорщик запаса (1911), Офицерский экзамен при Михайловском артиллерийском училище (1912), курсы академии Генштаба (1917). Штабс-капитан, начальник штаба 15-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с 5 ноября 1918 г. — фельдфебель 1-й офицерской батареи Одесского центра армии, с 10 ноября и. д. штаб-офицера для поручений штаба формирований того же центра, с 2 декабря — то же штаба командующего вой-

сками Добровольческой армии Одесского района, с 28 декабря врид старшего адъютанта по строевой части того же штаба, с 24 апреля 1919 г. в прикомандировании к штабу Отдельной Одесской стрелковой бригады, с 27 апреля обер-офицер для поручений, с 5 мая старший адъютант по части Генерального штаба, с 18 мая 1919 г. — то же штаба 7-й пехотной дивизии, с 10 июля по ноябрь 1918 г. и. д. старшего адъютанта по части Генерального штаба Полтавского отряда (с 15 декабря 1919 г. Киевской группы) с оставлением в прежней должности; с 25 декабря 1919 г. капитан (причислен к Генштабу 20 января 1920 г.), участник Бредовского похода. 25 июля 1920 г. прибыл в Феодосию, с 11 августа член ликвидационной комиссии штаба, с 16 сентября 1920 г. в Корниловской дивизии, с октября 1920 г. и. о. начальника штаба той же дивизии до эвакуации Крыма. Полковник (с ноября 1920 г. переименован из подполковников). В эмиграции в Югославии, преподаватель Высших военно-научных курсов в Белграде, в 1942 г. защитил докторскую диссертацию, профессор военных наук. Служил в Русском корпусе и в 1-й Русской Национальной армии. После 1945 г. в Аргентине. Умер 30 сентября 1974 г. в Буэнос-Айресе.

¹⁹⁹ Впервые опубликовано: Родимый Край. 1973. Март—апрель. № 105.

²⁰⁰ **Гришин Федор Никитич (Николаевич)**, р. 14 февраля 1887 г. в Тамбове. Академия Генштаба. Полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР. В Русской Армии начальник штаба 1-й Кубанской казачьей дивизии до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в прикомандировании к Кубанскому техническому батальону в Югославии. В эмиграции там же. Служил в Русском корпусе. После 1945 г. в США. Умер 5 февраля 1981 г. в Бостоне (США).

²⁰¹ **Кравченко Владимир Михайлович**. В Добровольческой армии и ВСЮР в Дроздовской артиллерийской бригаде. Штабс-капитан. В эмиграции в Германии, начальник 2-го отдела РОВС, представитель журнала «Наши Вести». Умер 23 декабря 1976 г. в Мюнхене.

²⁰² Впервые опубликовано: *Кравченко В. Дроздовцы от Ясс до Галиполи*. Т. 2. Мюнхен, 1975.

²⁰³ 1-й Дроздовский полк (2-й офицерский полк, 2-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк, с 22 августа 1919 г. 1-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк, с апреля 1920 г. 1-й стрелковый генерала Дроздовского полк). Сформирован в начале мая 1918 г. в Новочеркасске как Офицерский полк из стрелкового полка Отряда полковника Дроздовского. После соединения последнего с Добровольческой армией получил наименование 2-го офицерского и вошел в 3-ю пехотную дивизию, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. После смерти М.Г. Дроздовского получил его имя, и с 4 января 1919 г. именовался 2-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк. С 14 октября 1919 г. входил в состав Дроздовской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1352 штыка при 45 пулеметах, в начале августа 1920 г. — свыше 1000 штыков, на 21 сентября — свыше 1500. Нес тяжелые потери. В начале 2-го Кубанского похода в бою под Белой Глиной в ночь на 23 июня 1918 г. потерял около 400 человек, в т. ч. до 80 офицеров убитыми. 28 января 1919 г. к северу от Бахмута погибла Дроздовская офицерская рота, убито 37 офицеров. 9 января 1920 г. полк потерял около 70 человек, при взятии Ростова 9 февраля — около 220, 31 июля под Гейдельбергом — более 300 человек. Для чинов дроздовских частей в эмиграции установлен наград-

ный знак в виде креста с удлиненными вертикальными сторонами, верхний и правый концы которого малиновые, а левый и нижний — белые, в середине — буква «Д» славянской вязи, сверху надпись «Яссы», внизу дата «1917». Командиры: генерал-майор В.В. Семенов (до 21 апреля 1918 г.), полковник М.А. Жебрак-Русанович (22 апреля — 23 июня 1918 г.), полковник В.К. Витковский (24 июня 1918-го — январь 1919 г.), полковник К.А. Кельнер (с 18 января 1919 г.), полковник В.А. Руммель (до 11 октября 1919 г.), полковник А.В. Туркул (11 октября 1919-го — август 1920 г.), полковник В. Мельников (август — 23 сентября 1920 г.), полковник (генерал-майор) Н.В. Чесноков (с 23 сентября 1920 г.).

²⁰⁴ 2-й конный генерала Дроздовского полк (2-й офицерский конный полк, с 10 октября 1919 г. 2-й конный генерала Дроздовского полк). Создан из офицеров-добровольцев на Румынском фронте ротмистром Гаевским 5 марта 1918 г. как Конный дивизион (2 эскадрона) в составе 1-й Отдельной бригады русских добровольцев и участвовал в Дроздовском походе Яссы—Дон. 29 апреля 1918 г. переформирован в Конный полк (4 эскадрона, конно-пулеметная и саперная команды), с 31 мая — 2-й конный полк. Состоял преимущественно из офицеров и учащейся молодежи. С июня 1918 г. входил в состав 3-й пехотной дивизии Добровольческой армии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. В середине июня 1918 г. насчитывал 650 человек (6 эскадронов). К 7 августа состоял из 7, к концу августа из 9 эскадронов. К 11 января 1919 г. в полку осталось только 78 сабель. С 22 мая 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады. С 19 июня — осенью 1919 г. входил в состав 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал 6 эскадронов. Участвовал в Бредовском походе в составе Отдельной кавалерийской бригады и был интернирован в Польше. Дивизион полка (3 эскадрона), сформированный в Крыму, с 16 апреля 1920 г. обращен на формирование Отдельной кавалерийской бригады (II), с 28 апреля 1920 г. вошел в 5-й кавалерийский полк. Из Польши полк прибыл 25 июля в составе 650 человек 8 августа 1920 г., соединившись со своим крымским дивизионом, переформирован в конный дивизион Дроздовской дивизии под названием Отдельного конного генерала Дроздовского дивизиона. В начале августа 1920 г. насчитывал до 600 сабель., в середине октября — 500. Полк нес довольно большие потери (например, 14 мая 1919 г. — 71 человек, 5 июня — 87, 2 ноября 1919 г. у Жуковки — 50, 19 октября 1920 г. у Отрады — 30). Всего этот полк, каждый эскадрон которого в 1918-м — первой половине 1919 г. на три четверти состоял из офицеров, потерял за войну убитыми и ранеными до 2 тысяч человек. Для чинов полка в эмиграции установлен нагрудный знак в виде гербовой формы черного щита (копия нарукавной нашивки, носимой на левом рукаве у плеча) с серебряными буквами: в центре «Д», сверху «2», справа «о», слева «к», внизу «полка», т. е. «2-й офицерский генерала Дроздовского конный полк». Командиры: ротмистр Б.А. Гаевский, генерал-майор И.И. Чекотовский (с 11 июля 1918 г.), полковник Шумов (август 1918-го — 11 января 1919 г.), ротмистр Поспелов (с 11 января 1919 г.), полковник Б.П. Гаттенбергер, полковник И.Г. Барбович (1 марта — 7 июля 1919 г.), полковник Б.А. Гаевский (врио, 5 июня, 7—17 июля 1919 г.), полковник А.Г. Шапрон дю Ларре (7 июля — 26 ноября 1919 г.), подполковник (полковник) Д.А. Силякин (26 ноября 1919 г. — 8 августа 1920 г.), полковник В.А. Амбразанцев (до августа 1920 г.), полковник М.А. Кабаров (с августа 1920 г.).

²⁰⁵ **Харжевский Владимир Григорьевич**, р. 6 мая 1892 г. Прапорщик запаса, студент горного института. Штабс-капитан Румынского фронта. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии и ВСЮР в 1-м Дроздовском полку (капитан), с 6 декабря 1919 г. командир 2-го Дроздовского полка, с осени 1920 г. начальник Дроздовской дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с сентября 1920 г.). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии. В эмиграции в Болгарии, Чехословакии. Окончил Горный институт в Праге, горный инженер. С 1945 г. в Германии, с 1949 г. бухгалтер в Марокко, с 1956 г. в США. Председатель объединения 1-го армейского корпуса и Общества галлиполийцев, с 27 января 1957 г. 1-й помощник начальника РОВС, с 19 мая 1967-го по начало 1979 г. начальник РОВС и Дроздовского объединения. Умер 4 июня 1981 г. в Лейквуде (США).

²⁰⁶ **Юденич Николай Николаевич**, р. 18 июля 1862 г. в Москве. Из дворян Минской губ., сын директора Землемерного училища. Московское земледельческое училище (1879), Александровское военное училище (1881), академия Генштаба (1887). Офицер л.-гв. Литовского полка. Генерал от инфантерии, Главнокомандующий армиями Кавказского фронта. В Северо-Западной армии; с 5 июня 1919 г. Главнокомандующий российскими вооруженными сухопутными и морскими силами в Прибалтийском районе. В эмиграции во Франции. Умер 5 октября 1933 г. в Каннах (Франция).

²⁰⁷ **Глазенап Петр-Владимир-Василий Владимирович**, р. 3 марта 1882 г. в Гжатске. Из дворян Лифляндской губ., сын офицера. 1-й Московский кадетский корпус (1901), Николаевское кавалерийское училище (1903), Офицерская кавалерийская школа (1913). Офицер 13-го драгунского полка. Ротмистр гвардейского запасного кавалерийского полка. Полковник, командир особого ударного отряда своего имени. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир кавалерийского дивизиона, с 25 марта 1918 г. командир 1-го офицерского конного полка, с июня 1918 г. начальник 1-й отдельной Кубанской казачьей бригады, с 9 октября 1918 г. начальник 4-й дивизии, затем ставропольский военный губернатор, с 23 марта 1919 г. начальник Сводно-Горской конной дивизии, с 27 марта 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР (с 12 ноября 1918 г. генерал-майор), отчислен с 8 октября 1919 г. С лета 1919 г. в Северо-Западной армии; с 18 октября 1919 г. генерал-губернатор Северо-Западной области, помощник Главнокомандующего, с 26 ноября 1919-го по 22 января 1920 г. командующий Северо-Западной армией. Генерал-лейтенант (24 ноября 1919 г.). Весной 1920 г. формировал и до августа 1920 г. командовал 3-й Русской Армией в Польше, затем формировал Русский легион в Венгрии, с 1922 г. в Германии, с 1925 г. в Данциге, с 1939 г. в Варшаве. С 1946 г. организатор и председатель Союза Андреевского флага. Умер 27 мая 1951 г. в Мюнхене.

²⁰⁸ **Чесноков Николай Владимирович**. Полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-й артиллерийской бригаде, с 24 августа 1919 г. командир 3-й батареи; на 30 декабря 1919 г. командир 1-й батареи Дроздовской артиллерийской бригады. В Русской Армии командир той же батареи, с сентября 1920 г. командир 1-го Дроздовского полка до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с ноября 1920 г.). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Югославии.

²⁰⁹ **Мельников Вячеслав Петрович.** Полковник. Во ВСЮР и Русской Армии в Дроздовской дивизии до эвакуации Крыма; летом 1920 г. командир батальона в 1-м Дроздовском полку, затем до сентября 1920 г. командир того же полка. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии.

²¹⁰ **Канцеров Павел Григорьевич,** р. в 1866 г. В службе с 1885 г., офицером с 1887 г. Генерал-майор, начальник 71-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер (3-й и 4-й степеней). Осенью 1918 г. врио начальника 2-го подотдела 2-го отдела Киевской добровольческой офицерской дружины генерала Кирпичева в Киеве. С 14 декабря 1918 г. под арестом в Киеве. Во ВСЮР и Русской Армии; с 3 ноября 1919 г. в резерве чинов Добровольческой армии, с января 1920 г. начальник Марковской дивизии, с 27 августа 1920 г. начальник Сводно-Алексеевской дивизии, с октября 1920 г. начальник 6-й пехотной дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант. На 19 февраля — 28 марта 1921 г. в беженских лагерях в Румынии.

²¹¹ **Нилов Сергей Родионович.** Капитан 61-й артиллерийской бригады. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии; в июне—октябре 1918 г. командир броневедомости «Верный», затем командир 1-го бронеполка. В Русской Армии с мая 1920 г., переведен из бронеполка в 7-ю батарею Дроздовской артиллерийской бригады, в октябре 1920 г. командир той же батареи до эвакуации Крыма. Полковник. Ранен. Эвакуирован на транспорте «Ялта». В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (6-й выпуск). Умер 21 августа 1976 г. в Монморанси (Франция).

²¹² **Москаленко Александр Васильевич.** Капитан. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-й отдельной конно-горной батарее, затем командир 3-й Терской казачьей конной батареи, с 12 сентября 1919 г. командир 1-й конной батареи. В Русской Армии с октября 1920 г. командир конно-артиллерийского дивизиона в Дроздовской артиллерийской бригаде. Полковник (14 марта 1919 г.). В эмиграции в Югославии. Умер 11 ноября 1922 г. в Великой Кикинде (Югославия).

²¹³ **Колзаков.** Капитан Кавказской гренадерской артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии; с августа 1918 г. командир 1-й конно-горной батареи, осенью 1918 г. полковник, командир Дроздовской конно-горной батареи, с 13 июля 1919 г. командир Отдельной конно-горной генерала Дроздовского батареи, с августа 1920 г. командир конно-артиллерийского дивизиона в Дроздовской артиллерийской бригаде. Генерал-майор (1919). Галлиполиец, командир сводной Дроздовской конной батареи.

²¹⁴ **Алексеевская дивизия** (Партизанская генерала Алексева пехотная дивизия). Сформирована во ВСЮР 14 октября 1919 г. (выделена из 9-й пехотной дивизии) в составе 1-го и 2-го Алексеевских и Самурского полков, запасного батальона, Отдельной генерала Алексева инженерной роты и Алексеевской артиллерийской бригады. По прибытии в Крым 25 марта 1920 г. переформирована в Отдельную партизанскую генерала Алексева пехотную бригаду. При десанте на Геническ на 1 апреля 1920 г. Алексеевская бригада имела 600 человек, потеряв до 340. 19 апреля 1920 г. была расформирована. Алексеевские части носили белые фуражки с синим околышем и синие с белой выпушкой погоны. Начальники: генерал-майор А.Н. Третьяков, полковник М.А. Звягин (апрель 1920 г.). Начальник штаба — полковник В.К. Шевченко (с 30 ноября 1919 г.).

²¹⁵ **Орлов Георгий Алексеевич**, р. 29 января 1895 г. в им. Варварино в Чарусском уезде Могилевской губ. Из дворян Могилевской губ. Могилевская гимназия (1913), Московский институт путей сообщения (не окончил), Одесская школа прапорщиков (1917). Прапорщик 1-й тяжелой артиллерийской бригады. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии с 29 августа 1918 г. в 3-й батарее Дроздовской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Несколько раз ранен. Капитан. Галлиполиец. В эмиграции в Чехословакии, окончил Пражский политехнический институт (1929), в 1931—1939 гг. председатель Общества Галлиполийцев в Праге. Инженер-строитель, сотрудник журнала «Часовой». С апреля 1945 г. в Зальцбурге, затем в Берне. Умер 19 апреля 1964 г. в Берне (Швейцария).

²¹⁶ **Макеев Михаил Владимирович**, р. 3 марта 1873 г. Сын генерал-лейтенанта. 2-й Московский кадетский корпус (1890), Михайловское артиллерийское училище (1892), Михайловская артиллерийская академия. Офицер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады. Генерал-лейтенант. В Добровольческой армии и ВСЮР; состоял при управлении Главного начальника снабжений, с 8 ноября 1918 г. член правления завода «Кубаноль», в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 28 января, на 13 декабря 1919 г. инструктор артиллерии Кавказской Добровольческой армии, в декабре 1919 г. — январе 1920 г. начальник гарнизона Царицына, в феврале—марте 1920 г. командующий в Черноморской губ. и начальник гарнизона Новороссийска, 3—11 марта 1920 г. начальник Новороссийского укрепленного района. Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска на корабле «Спарта». В Русской Армии с 22 мая по октябрь 1920 г. начальник Перекопского укрепленного района до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Великий князь Александр Михайлович». В эмиграции. Умер в апреле 1925 г. в Югославии.

²¹⁷ **Потапов Исаакий**. Подпоручик. В Добровольческой армии во 2-м Офицерском (Дроздовском) стрелковом полку; с 18 июня 1919 г. поручик, к октябрю 1919 г. штабс-капитан, помощник командира 3-го батальона в 1-м Дроздовском полку, с 1920 г. капитан, командир батальона во 2-м Дроздовском полку. Орд. Св. Николая Чудотворца. Полковник. Тяжело ранен 27 октября на Перекопе. Умер от ран в Константинополе.

²¹⁸ **Дрон Владимир Степанович**. Виленское военное училище (1913). Офицер. В Добровольческой армии во 2-м офицерском стрелковом (Дроздовском) полку. Во ВСЮР и Русской Армии помощник командира, затем командир 3-го Дроздовского полка. Орд. Св. Николая Чудотворца. Полковник. Убит в октябре 1920 г. на Перекопе.

²¹⁹ 1-й Кубанский стрелковый полк. Сформирован 1 марта 1918 г. в ауле Шенжий в составе Кубанского отряда как 1-й стрелковый полк, насчитывая 1200 штыков и 4 пулемета (в т. ч. 700 офицеров, 400 юнкеров и 100 казаков) и 60 человек пулеметной прислуги; после соединения с Добровольческой армией вошел в состав ее 1-й бригады как Кубанский стрелковый полк. С начала июня 1918 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии, с 16 января 1919 г. — 2-й пехотной дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1324 штыка при 43 пулеметах. Летом 1920 г. входил в состав 1-й Сводной пехотной дивизии. С 4 сентября 1920 г. входил в состав 2-й бригады 7-й пехотной дивизии. Командиры: подполковник (полковник) Р.М. Туненберг (1 марта 1918 г. — 26 июля 1919 г.), полковник Дмитриев (с 10 августа 1919 г.).

²²⁰ **Туркул Антон Васильевич**, р. в 1892 г. в Тирасполе. Из дворян Бессарабской губ. Тираспольское реальное училище. Прапорщик запаса. Штабс-капитан 75-го пехотного полка. Участник похода Яссы—Дон, с апреля 1918 г. командир офицерской роты. В Добровольческой армии и ВСЮР; с января 1919 г. командир офицерского батальона 2-го Офицерского (Дроздовского) стрелкового полка, с октября 1919 г. командир 1-го Дроздовского полка. В Русской Армии с 6 августа 1920 г. начальник Дроздовской дивизии. Генерал-майор (с апреля 1920 г.). Галлиполиец. В эмиграции издатель и редактор журнала «Доброволец», с 1935 г. организатор и глава Русского Национального Союза участников войны, в 1945 г. начальник управления формирования частей РОА и командир добровольческой бригады в Австрии. После 1945 г. в Германии, председатель Комитета русских невозвращенцев. Умер 20 августа (14 сентября) 1957 г. в Мюнхене.

²²¹ В настоящем издании публикуются главы из книги А.В. Туркула «Дроздовцы в огне». Воспоминания генерала Туркула в литературной обработке Ивана Лукаша были опубликованы впервые в 1937 г. в Белграде, 2-м изданием в 1948 г. в Мюнхене и 3-м изданием в 1990 г. в Нью-Йорке.

²²² **Бураковский Михаил Иванович**, р. в 1897 г. в Оргееве. В Добровольческой армии во 2-м Офицерском (Дроздовском) стрелковом полку; с конца 1918 г. рядовой во 2-й роте. Во ВСЮР и Русской Армии в 1-м Дроздовском полку (с сентября 1920 г. поручик, командир 2-й роты) до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Югославии. Капитан. В эмиграции во Франции, таксист в Париже. Умер 2 декабря 1955 г. в Париже.

²²³ **Кобаров Михаил Алексеевич**. Тверское кавалерийское училище (1907). Штабс-ротмистр 7-го драгунского полка. В Добровольческой армии; участник похода Яссы—Дон, с ноября 1918 г. во 2-м конном (Дроздовском) полку, с 16 ноября 1918 г. командир 3-го офицерского эскадрона, с 30 сентября 1919 г. ротмистр, с 26 апреля 1920 г. подполковник. В Русской Армии с августа 1920 г. командир 2-го конного полка, затем конного дивизиона Дроздовской дивизии до эвакуации Крыма. Полковник. Орд. Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Югославии. В эмиграции в Болгарии. Умер 10—11 июня (19 июля) 1962 г. в Веллингтоне (Новая Зеландия).

²²⁴ **Протасович Виктор Александрович**, р. в 1886 г. Псковский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1905). Подполковник, командир батареи 28-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии и ВСЮР в июне 1918 г. рядовой в 3-й артиллерийской бригаде, затем командир 2-й батареи, с 13 апреля 1919 г. командир 2-го дивизиона в Дроздовской артиллерийской бригаде, в сентябре—октябре 1919 г. — 1-го дивизиона. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Полковник (с 16 июня 1920 г.). Орд. Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артдивизиона на Корсике. В эмиграции в Болгарии и Франции, с 1931 г. помощник командира Дроздовского артиллерийского дивизиона в Париже. В 1956—1964 гг. начальник 1-го отдела РОВС, член правления Общества Галлиполийцев. Умер 2 октября 1966 г. в Монморанси (Франция).

²²⁵ **Ронжин Иван Александрович**, р. 26 ноября 1867 г. Сибирский кадетский корпус, Константиновское военное училище (1886), Военно-юридическая академия (1893). Офицер л.-гв. Московского полка. Генерал-лейтенант, член Главного военно-морского суда. В Добровольческой армии; в декабре 1917-го — марте 1918 г. начальник судной части штаба армии, с 24 октября 1918 г. на-

чальник судного отделения общей части Военного и Морского отдела, в 1919—1920 гг. Главный военный прокурор ВСЮР. В 1921 г. военный агент в Болгарии, с мая 1922 г. военный представитель там же. В эмиграции во Франции. Умер 28 августа 1927 г. в Ментоне (Франция).

²²⁶ **Петерс Евгений Борисович.** Сын учителя гимназии. Студент Московского университета. Прапорщик 268-го пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с января 1919 г. капитан, командир роты Дроздовского полка, в октябре, на 30 декабря 1919 г. командир 1-го батальона 1-го Дроздовского полка. В Русской Армии в том же полку до эвакуации Крыма. Полковник. Орд. Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Застрелился 3 июня 1922 г. в Севлиево (Болгария).

²²⁷ **Колтышев Петр Владимирович,** р. 27 мая 1894 г. в Ораниенбауме. Псковский кадетский корпус, Павловское военное училище (1913), курсы академии Генштаба (1917). Капитан, и. д. начальника штаба 2-й стрелковой дивизии. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии; с июня 1918 г. начальник штаба 3-й пехотной дивизии, с 8 августа 1918 г. в распоряжении генерал-квартирмейстера Добровольческой армии, начальник штаба сводного отряда под Ставрополем, затем — Манычского отряда генерала Станкевича, с сентября 1918 г. подполковник, старший помощник начальника оперативного отдела штаба Добровольческой армии до марта 1920 г. В Русской Армии летом 1920 г. помощник командира 1-го Дроздовского полка до эвакуации Крыма. Дважды тяжело ранен. Полковник (с 14 апреля 1920 г.). В эмиграции во Франции, таксист. Умер 9 августа 1988 г. в Сент-Женевьев-де-Буа.

²²⁸ **Орлов Василий Иванович.** Штабс-капитан. Во ВСЮР и Русской Армии в дроздовских частях до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии.

²²⁹ Впервые опубликовано: Галлиполийский вестник. 1938. 10 марта. № 57.

²³⁰ **Трофимов Павел Михайлович,** р. 2 сентября 1894 г. в Сенно Могилевской губ. Сын нотариуса. Виленская гимназия (1913), Петроградский политехнический институт (не окончил), Киевское военное училище (1916). Офицер 14-го стрелкового полка. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии в 1-м Дроздовском полку, в июле 1919 г. капитан, начальник пулеметной команды, с августа 1920 г. командир пулеметной роты и командир батальона до эвакуации Крыма. Капитан. Неподобно ранен. Орд. Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. В эмиграции в Болгарии, с 1923 г. в Чехословакии, окончил институт, председатель Общества Галлиполийцев в Праге. Участник боевой организации Кутепова. Погиб в декабре 1929 г. в СССР.

²³¹ **Салищев Григорий Яковлевич.** Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; в октябре 1920 г. в 3-м батальоне 1-го Дроздовского полка. В эмиграции. Умер после 1971 г.

²³² Впервые опубликовано: Русская Мысль. 1971. 21 января.

²³³ **Бикс Петр Иванович.** Штабс-капитан. В Добровольческой армии во 2-м Офицерском (Дроздовском) стрелковом полку; с 30 сентября 1919 г. капитан, с октября 1920 г. командир 3-го батальона в 1-м Дроздовском полку. Полковник.

²³⁴ 10-й драгунский Новгородский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Начал формироваться в июне 1919 г. при 10-м гусарском

Ингерманландском полку. В июле 1919 г. 2 эскадрона полка входили в состав 1-го конного генерала Алексеева полка.

²³⁵ **Пронин Дмитрий Федорович.** Студент Ново-Александрийского сельскохозяйственного института. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918 г. доброволец 3-й, затем 7-й батареи Дроздовской артиллерийской бригады. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Подпоручик. В эмиграции в США. Умер 30 сентября 1981 г. в Мэдисоне (США).

²³⁶ Впервые опубликовано: *Пронин Д., Александровский Г., Ребиков Н.* Седьмая гаубичная. 1918—1921. Нью-Йорк, 1960.

²³⁷ **Судоплатов Александр,** р. в 1902 г. Во ВСЮР и Русской Армии с лета 1919 г. (поступил в Харькове). Вольноопределяющийся в Алексеевском полку, с марта 1920 г. в команде связи, с 13 апреля 1920 г. младший унтер-офицер, с 28 августа 1920 г. старший унтер-офицер. Галлиполиец.

²³⁸ Впервые опубликовано: Партизанский генерала Алексева пехотный полк. 1917—1920: Сб. 1974 // Первопоходник. 1974. Октябрь. № 21.

²³⁹ **Дьяков Владимир Иванович.** Из казаков ст. Митякинской Области Войска Донского. Реальное училище, Новочеркасское военное училище (1914). Подъесаул. В Добровольческой армии с 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, адъютант Партизанского полка. Во ВСЮР и Русской Армии в Алексеевском полку до эвакуации Крыма. Войсковой старшина. Эвакуирован на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. В эмиграции в Болгарии и во Франции, с 15 декабря 1983 г. по июль 1984 г. начальник РОВС. Умер 15 сентября 1985 г. в Альби (Франция).

²⁴⁰ Воспоминания Б. Павлова публикуются ниже.

²⁴¹ Алексеевский полк (Партизанский полк, с сентября по ноябрь 1918 г. Партизанский пеший казачий полк, с 27 ноября 1918 г. Партизанский генерала Алексева пехотный полк, с 10 октября 1919 г. 1-й Партизанский генерала Алексева пехотный полк, с апреля 1920 г. Партизанский генерала Алексева пехотный полк). Сформирован 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода из 3 пеших сотен — бывшие партизанские отряды полковника Краснянского, есаула Лазарева и полковника Чернецова (главным образом из донских партизан — учащейся молодежи), в полк был влит также отряд киевских юнкеров во главе с полковником Дедурой. С середины марта 1918 г., пополненный батальоном Кубанского стрелкового полка (образованным 2-й батальон), входил в состав 2-й бригады, с начала июня 1918 г. — 2-й пехотной дивизии. Под Екатеринодаром насчитывал 800 человек, после штурма — 300, в начале 2-го Кубанского похода в июне 1918 г. — 600 (2 батальона, 6 сотен). 25 сентября 1918 г. получил имя генерала Алексева. Летом 1919 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии, с 1 сентября 1919 г. — 9-й пехотной дивизии, с 14 октября 1919 г. — Алексеевской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1118 штыков при 28 пулеметах. 10 октября 1919 г. из него был выделен 2-й Алексеевский полк. Участвовал в десанте в начале апреля 1920 г. у Геническа. 16 апреля 1920 г. сведен в батальон и влит в 52-й пехотный Виленский полк, 14 июня восстановлен и в августе участвовал в десанте на Кубань. С 4 сентября 1920 г. входил в состав 1-й бригады 7-й пехотной дивизии. При отходе в Крым у с. Богдановка 15 октября 1920 г. полностью погибли все обозы, лазарет и нестроевые команды полка, а из полка осталось

не больше роты. В Галлиполи в Алексеевский пехотный полк были сведены все остатки пехотных частей, кроме «цветных» и гвардейских, коренные алексеевцы составили 1-ю роту. Для чинов полка 22 декабря 1939 г. установлен нагрудный знак в виде креста с удлиненными вертикальными сторонами, разделенный по горизонтали на белую (верхняя) и голубую части, в центре — золоченая буква «А» славянской вязи, внизу — дата «1917». Командиры: генерал-лейтенант А.П. Богаевский (12 февраля — середина марта 1918 г.), генерал-лейтенант Б.Н. Казанович (середина марта — начало июня 1918 г.), полковник (генерал-майор) П.К. Писарев (начало июня — 15 декабря 1918 г.), полковник Е.Ф. Емельянов (врио, октябрь 1918 г.), полковник князь А.А. Гагарин (с 17 января 1919 г.), капитан (полковник) П.Г. Бузун (лето 1919-го — ноябрь 1920 г.).

²⁴² **Черепов Александр Николаевич**, р. 17 августа 1877 г. Из дворян Курской губ. Орловский кадетский корпус, Одесское военное училище (1898). Генерал-майор 136-го пехотного полка, командующий 4-й пехотной дивизией. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с 5 декабря 1917 г., командир сформированного им в Ростове 1-го добровольческого отряда. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир бригады 1-й пехотной дивизии. С июня 1918 г. командир бригады 2-й пехотной дивизии, с 27 ноября 1918 г. начальник 2-й пехотной дивизии, в сентябре—октябре 1919 г. начальник 2-й пехотной дивизии и 6-й пехотной дивизии, с начала 1919 г. одновременно черноморский военный губернатор, начальник Черноморского десантного отряда под Туапсе. В Русской Армии в августе 1920 г. во время Кубанского десанта командир отряда у Анапы, затем командир бригады 7-й пехотной дивизии, начальник Отдельного сводного отряда у Каховки, начальник 6-й пехотной дивизии. В эмиграции в Югославии, в 1931 г. возглавлял группу Союза Первопоходников в г. Нови Сад. Служил в Русском корпусе (командир 4-го полка). После 1945 г. в Германии, председатель Союза инвалидов в Германии, председатель Союза Первопоходников, вице-председатель СЧРК. С 1950-х гг. в США. Умер 15 февраля 1964 г. в Нью-Йорке.

²⁴³ **Еременко Антоний Данилович**. Капитан. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма, в октябре 1920 г. в Алексеевском полку. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Алексеевского полка во Франции. В эмиграции там же. Умер 16 февраля 1973 г. в Блуа (Франция).

²⁴⁴ **Бузун Петр Григорьевич**. Штабс-капитан. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку, с 31 марта 1918 г., осенью 1918 г. командир 2-го батальона и помощник командира Алексеевского полка, с июня 1919 г. командир 1-го Алексеевского полка, с 13 ноября 1919 г. капитан, с 14 ноября 1919 г. подполковник с переименованием в полковники, с апреля 1920 г. командир Алексеевского полка. В эмиграции. Служил в Русском корпусе. Убит 19 мая 1943 г. у Вальева (Югославия).

²⁴⁵ **Игнатъев Иван Иванович**, р. в 1901 г. Подпоручик Алексеевского полка. Галлиполиец. В эмиграции. Служил в Русском корпусе. После 1945 г. в США. Умер 24 июня 1982 г. в Лос-Анджелесе.

²⁴⁶ Впервые опубликовано: Первопоходник. 1973. Апрель. № 12.

²⁴⁷ **Мамонтов Сергей Иванович**, р. в феврале 1898 г. Константиновское артиллерийское училище (1917). Прапорщик 64-й артиллерийской бригады.

В Добровольческой армии с августа 1918 г. в 1-й конно-горной батарее, с апреля 1919 г. во 2-й конной батарее Дроздовской артиллерийской бригады. Поручик. В эмиграции во Франции. Умер 3 марта 1987 г. в Каннах (Франция).

²⁴⁸ Впервые опубликовано: *Мамонтов С.* Походы и кони. Париж, 1981.

²⁴⁹ **Обозненко Евгений Николаевич**, р. в 1896 г. Суворовский кадетский корпус (1914), Михайловское артиллерийское училище. Капитан. В Добровольческой армии и ВСЮР; в начале 1919 г. в 1-й конно-горной батарее, с апреля 1919 г. во 2-й конной батарее Дроздовской артиллерийской бригады, с лета 1919 г. старший офицер той же батареи. Полковник. В эмиграции в Югославии, к 1949 г. в Германии, затем в США. Умер 4 декабря 1959 г. в Честере (США).

²⁵⁰ **Шапиловский Владимир Павлович**, р. 15 июля 1886 г. Из дворян Ярославской губ., сын офицера. Нижегородский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище. Капитан 53-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии; осенью 1918 г. командир взвода, с декабря 1918 г. старший офицер 1-й конно-горной батареи, с апреля 1919 г. командир 2-й конной батареи в Дроздовской артиллерийской бригаде. Полковник (к декабрю 1918 г.). В Русской Армии в той же бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского арtdивизиона в Чехословакии. В эмиграции там же, до 1930-х гг. член Общества Галлиполийцев, в 1937 г. зампредела Союза инвалидов в Чехословакии, к 1934 г. член СУВВ в Праге. Умер в 1954 г. в Праге.

²⁵¹ **Шафров Георгий Александрович**. Полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-м конно-артиллерийском дивизионе, в декабре 1918 г. командир 1-й конно-горной батареи, затем командир 2-й конной батареи в Дроздовской артиллерийской бригаде, с 17 сентября 1919 г. командир 8-й конной батареи. Застрелился в сентябре 1920 г. в Феодосии.

²⁵² 11-й гусарский Изюмский полк. Полк Императорской армии. 3 его офицера участвовали в 1-м Кубанском («Ледяном») походе в 1-м кавалерийском дивизионе. Возрожден во ВСЮР. Изюмские гусары одно время состояли в 1-м конном полку, с 27 мая 1919 г. входили в состав сформированного Сводно-гусарского полка, где в июле 1919 г. были представлены 3 эскадронами (в октябре 1919 г. Изюмский дивизион отдельно состоял при 1-й кавалерийской дивизии (I). С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в 3-й кавалерийский полк. В эмиграции полковое объединение издавало машинописный журнал «Жизнь Изюмских Гусар» (по декабрю 1965 г. — 70 номеров; редактор — ротмистр К.Н. фон Розеншильд-Паулин).

²⁵³ 1-й гусарский Сумский полк. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. Осенью 1918 г. несколько офицеров полка воевали в составе 1-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска. Эскадрон полка (при 5 офицерах) был сформирован в декабре 1918 г. в составе Сводно-кавалерийского полка Одесской бригады Добровольческой армии Одесского района (с 1 мая 1919 г. преобразованного в 3-й конный полк). К 13 июня 1919 г. насчитывал 120 человек (в т. ч. 43 офицера), затем развернулся в дивизион. Участвовал в Бредовском походе. В марте 1919 г. в Севастополе из находившихся в Крыму сумцев был сформирован еще один эскадрон полка (15 офицеров и 28 солдат), который влит (до 20 мая 1920 г.) полуэскадрон в 3-й кавалерийский полк. По прибытии в Крым с 8 августа 1920 г. основной эскадрон

полка (5 офицеров и 65 солдат, в конце августа — 115 человек) вошел в 7-й кавалерийский полк. 9 октября 1920 г. эскадрон откомандирован в состав стрелкового полка 2-й кавалерийской дивизии, с которым погиб 30 октября у д. Мамут под Джанкоем. Полк потерял в Белом движении 19 офицеров (в мировую войну — 8). Командиры: подполковник (полковник) Г.А. Швед (декабрь 1918 г. — январь 1919 г., июнь 1919 г. — 8 августа 1920 г.), подполковник (полковник) Ю.Б. Алферов (январь—июнь 1919 г.), ротмистр граф Борх (8 августа — 30 октября 1920 г.).

²⁵⁴ **Мамонтов Николай Саввич.** Прапорщик. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918 г., осенью 1919 г. в эскадроне 1-го гусарского полка, с весны 1920 г. в 3-м кавалерийском полку, с мая 1920 г. в 7-м кавалерийском полку. Корнет. Взят в плен и расстрелян 30 октября 1920 г. у д. Мамут (на Чувашском п-ве в Крыму).

²⁵⁵ **Щеголев Владимир.** Полковник В Добровольческой армии и ВСЮР; с 12 января 1919 г. командир 1-й батареи 1-го конно-артиллерийского дивизиона, с 13 апреля 1919 г. командир того же дивизиона. В Русской Армии на октябрь 1920 г. инспектор конной артиллерии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (15 октября 1919 г.). В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже, в 1931 г. возглавлял группу конно-артиллерийского дивизиона.

²⁵⁶ **Чичерин Александр Викторович.** Поручик Кавалергардского полка. В Вооруженных силах Юга России; с 1919 г. штабс-ротмистр, командир сформированного им 3-го эскадрона в дивизионе своего полка в Полтавском отряде, с декабря 1919 г. в 1-м гвардейском сводно-кирасирском полку. В Русской Армии с 27 октября 1920 г. командир эскадрона Кавалергардского полка в Гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В феврале 1921 г. в Запасном кавалерийском дивизионе. Ротмистр. В эмиграции к 1938 г. во Франции, затем в США. Умер 15 июня 1967 г. в Нью-Йорке.

²⁵⁷ **Туржанский Сергей Людвигович,** р. в 1888 г. в Воронежской губ. В Донской армии с осени 1918 г.; в ноябре 1919 г. поручик, младший офицер Семилетовской батареи Сводно-партизанской дивизии, с 1920 г. во 2-м Донском конно-артиллерийском дивизионе до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Донской офицерской батареи в Болгарии. Поручик. Служил в Русском корпусе. Умер 16 августа 1965 г. во Франции.

²⁵⁸ Впервые опубликовано: Первопоходник. 1976. Апрель. № 30.

²⁵⁹ **Соболевский Степан (Мустафа) Яковлевич,** р. в 1879 г. 1-й кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1899), академия Генштаба (1908). Полковник, начальник штаба 112-й пехотной дивизии. В Донской армии и ВСЮР с 6 апреля 1919 г.; помощник начальника военных сообщений Крымско-Азовской армии, летом—осенью 1919 г. начальник штаба 9-й Донской дивизии, с 11 ноября 1919 г. помощник начальника военных сообщений Кавказской армии. В Русской Армии в сентябре—октябре 1920 г. начальник штаба 2-й Донской конной дивизии. Генерал-майор (с 21 сентября 1920 г.). В эмиграции. Умер до 1922 г.

²⁶⁰ **Секретов Александр Степанович,** р. 8 августа 1881 г. (12 августа 1882 г.) в ст. Чернышевской. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Нижне-Чирской Области Войска Донского. Донской кадетский корпус (1899), Николаевское кавалерийское училище (1901). Офицер л.-гв. Атаманского полка. Полковник, командир 24-го Донского казачьего полка. В Донской армии;

в апреле—мае 1918 г. командир 1-го конного полка под Новочеркасском, в 1919 г. генерал-майор, командир бригады, командир 2-го Донского отдельного корпуса, в мае 1919 г. командир конной группы из двух дивизий, затем начальник 9-й Донской конной дивизии, в начале 1920 г. командир 4-го Донского корпуса, с марта 1920 г. командир конной группы (бывшей генерала А.А. Павлова) до эвакуации Новороссийска. В Русской Армии без должности. Генерал-лейтенант. В эмиграции в ноябре 1920 г., с 1921 г. в Болгарии, в конце 1922 г. возвратился в СССР. Арестован 14 августа 1930 г. Расстрелян по делу «Казачьего блока» 8 мая 1931 г. в Москве.

²⁶¹ **Грузинов Афанасий Федорович**, р. в 1884 г. Из казаков ст. Старочеркасской ВВД. Донской кадетский корпус (1901), Константиновское артиллерийское училище (1903). Войсковой старшина, командир 8-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона. В Донской армии; в январе—феврале 1918 г. на той же должности, с лета 1918 г. инспектор артиллерии Хоперской и Донской партизанских дивизий, к январю 1919 г. командир 1-й стрелковой батареи, с марта 1920 г. — Семилетовской батареи Сводно-партизанской дивизии. В Русской Армии в июне, на 1 октября 1920 г. командир 2-го Донского конно-артиллерийского дивизиона до эвакуации Крыма. Полковник (с 1 января 1919 г.). Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе 5-го Донского казачьего полка в Болгарии. В эмиграции там же. Умер 1 февраля 1935 г. в Софии.

²⁶² **Калинин Николай Петрович**, р. 21 октября 1884 г. Из дворян ВВД, казак ст. Каменской Области Войска Донского. Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1904), академия Генштаба (1912). Офицер 17-го гусарского полка. Подполковник, старший адъютант штаба 5-го кавалерийского корпуса, и. д. штаб-офицера для поручений при штабе 6-го Кавказского армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В Донской армии; участник восстания весной 1918 г., полковник, командир полка, бригады 1-го Донского корпуса, с конца 1918 г. генерал-майор, с марта 1919 г. начальник 11-й Донской конной дивизии, с 12 мая 1919 г. — 11-й Донской конной бригады, с сентября 1919 г. — 9-й Донской конной бригады, с февраля 1920 г. — 4-й Донской конной дивизии, с марта 1920 г. начальник штаба и врид командира 4-го Донского корпуса, с 25 марта 1920 г. в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса, с июня 1920 г. до 18 августа 1920 г. начальник 2-й Донской конной дивизии, 3—16 июля 1920 г. врио командира Сводного корпуса, с 18 августа 1920 г. в распоряжении командира Донского корпуса, затем на 1 октября 1920 г. командир Донского корпуса до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (с 18 июня 1920 г.). Был на о. Лемнос, с 12 декабря 1920 г. начальник 1-й Донской казачьей дивизии, с 15 января 1921 г. в распоряжении Донского атамана. В эмиграции в Югославии и Франции. Вице-председатель Казачьего союза. Умер 23 октября 1949 г. в Париже.

²⁶³ Впервые опубликовано: Часовой. 1931. Февраль. № 55.

²⁶⁴ **Сакович Георгий Георгиевич**. Офицер артиллерии. В Добровольческой армии; участник Екатеринославского похода. Во ВСЮР и Русской Армии; осенью 1920 г. в штабе 1-го армейского корпуса до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты в Югославии. Штабс-капитан. В эмиграции в США. Капитан. Умер 22 мая 1967 г. в Нью-Йорке.

²⁶⁵ Впервые опубликовано: Переключка. 1963. Октябрь. № 142.

²⁶⁶ **Егоров Афанасий Ефимович**, р. в 1881 г. Сын вахмистра. Черниговское городское училище, Черниговское пехотное юнкерское училище (1901), академия Генштаба (1912). Капитан, старший адъютант штаба 2-й Заамурской пограничной пехотной дивизии. В Добровольческой армии и ВСЮР; и. д. штаб-офицер для поручений при штабе 1-го армейского корпуса, полковник, с 10 марта 1919 г. начальник штаба 3-й Кубанской казачьей дивизии, с 6 ноября 1919 г., к февралю 1920 г. начальник штаба 2-го Кубанского корпуса. В Русской Армии до эвакуации Крыма; с 28 апреля 1920 г. начальник штаба Сводного (с 7 июля Конного) корпуса, осенью 1920 г. начальник штаба 1-го армейского корпуса. Генерал-майор. В эмиграции. Служил в Русском корпусе.

²⁶⁷ **Карпызов Николай Сильвестрович**. Капитан. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. в 3-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка, на 21 января 1920 г. старший адъютант штаба Отдельного Добровольческого корпуса. В Русской Армии осенью 1920 г. старший адъютант инспекторской части штаба 1-го армейского корпуса.

²⁶⁸ **Шилов Алексей Михайлович**. Поручик. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, в сентябре 1918 г. в оружейной мастерской, в октябре 1918 г. в 4-й и 3-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка. Ранен 2 октября 1918 г. под Армавиром. В Русской Армии осенью 1920 г. в штабе 1-го армейского корпуса до эвакуации Крыма. Капитан. В эмиграции во Франции. Умер 20 марта 1964 г. в Париже.

²⁶⁹ 10-й уланский Одесский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Начал формироваться в июне 1919 г. при 10-м гусарском Ингерманландском полку. В июле 1919 г. 2 эскадрона полка входили в состав 1-го конного генерала Алексеева полка. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в 1-й кавалерийский полк. Полковое объединение в эмиграции — «Объединение Одесских улан» (Скопле, Югославия; входило в состав IV отдела РОВС).

²⁷⁰ **Голубинцев Александр Васильевич**, р. 28 февраля 1882 г. Из казаков ст. Новочеркасской Области Войска Донского. Новочеркасская гимназия, Новочеркасское военное училище (1901) (офицером с 1902 г.). Войсковой старшина, командир 3-го Донского казачьего полка. В Донской армии. Руководитель подпольной организации в ст. Усть-Хоперской и восстания казаков Хоперского и Верхне-Донского округов, командующий «Освободительными войсками Вольных хуторов и станиц Усть-Медведицкого округа», с 5 июля командир 4-го конного отряда, на 29 августа 1918 г. командир отряда войск Усть-Медведицкого района, затем в распоряжении командующего конной группой генерала К. Мамонтова, с ноября 1918 г. полковник, с 6 марта 1919 г. начальник 5-й конной дивизии, с 9 июня начальник повстанческой Усть-Медведицкой конной дивизии, с августа 1919 г. командир 14-й Донской отдельной конной бригады, с 30 ноября 1919 г. генерал-майор, 15—25 декабря 1919 г. командующий конной группой своего имени и затем снова 14-й бригады (затем 4-й Донской конной дивизии). В Русской Армии с весны 1920 г. в Донском офицерском резерве до эвакуации Крыма. Орд. Станислава 1-й ст. 24 июня 1920 г. В эмиграции в Болгарии (1938) и в Германии. Во время Второй мировой войны — в казачьих частях Вермахта, с 1944 г. в РОА, член Главного управления казачьих войск при КОНР, в 1947—1949 гг. член редколлегии журнала «На пикете» в лагере Шлясгейм. Участник монархического движения. Председатель Союза Андреевского Флага. Умер 17 апреля 1963 г. в Кливленде (США).

²⁷¹ Приводится по изданию: Первопоходник. 1973. Октябрь. № 15.

²⁷² 4-й Донской отдельный корпус. Сформирован в Донской армии 28 июня (фактически 11 июля) 1919 г. Состав: 9-я и 10-я Донские дивизии. В июле—сентябре 1919 г. совершил глубокий рейд по тылам Красной армии. На 5 октября 1919 г. всего насчитывал 3400 сабель, 103 пулемета, 14 орудий. 1 мая 1920 г. из его частей сформирована 2-я Донская конная дивизия (II). Командир — генерал-лейтенант К.К. Мамонтов. Начальники штаба: полковник (генерал-майор) К.Т. Калиновский (с 15 октября 1919 г.), генерал Николаев (врио с марта 1920 г.), генерал Н.П. Калинин (в марте—апреле 1920 г.).

²⁷³ 14-я Донская отдельная конная бригада. Сформирована в Донской армии как Пятиизбянская конная дивизия, с 25 января 1919 г. — 14-я Донская конная дивизия 8-го Донского армейского корпуса, 1 июня 1919 г. переформирована в бригаду. Входила в состав 1-го Донского отдельного корпуса. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 2705 сабель и 28 пулеметов. Включала 28-й, 29-й и 30-й Усть-Медведицкие конные полки, 42-ю Донскую конную батарею (4 орудия) и конно-саперную сотню (132 сабли, 2 пулемета). В ноябре—декабре 1919 г. была придана 2-му Донскому отдельному корпусу. Расформирована 21 мая 1920 г. Начальники: полковник (генерал-майор) А.В. Голубинцев, войсковой старшина Корнеев (врио с 4 сентября 1919 г.), полковник Гаврилов (врио до 7 декабря 1919 г.), генерал-майор Туроверов (врио до 16 января 1920 г.). Начальник штаба — войсковой старшина Корнеев.

²⁷⁴ **Алексеев Николай Николаевич**, р. 25 марта 1875 г. Полоцкий кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1895), академия Генштаба (1902). Офицер л.-гв. 3-й артиллерийской бригады. Генерал-майор, командир 26-го армейского корпуса. В Донской армии; с 18 октября, на 20 ноября 1918 г. командующий Северной группой, с февраля 1919 г. начальник штаба группы Мамонтова, с 23 февраля 1919 г. начальник штаба 1-й Донской армии, с 12 мая 1919 г. до 23 апреля 1920 г. командир 1-го Донского отдельного корпуса, с 23 апреля по декабрь 1920 г. начальник штаба Донской армии и Всеволодского Войска Донского (с 28 ноября 1919 г. — походного штаба Донского атамана). Генерал-лейтенант (с 18 апреля 1920 г.). В эмиграции во Франции, на 20 мая 1938 г. в Исси-ле-Мулине, затем в Париже, в 1931 г. член учебного комитета Высших военно-научных курсов, в 1949 г. председатель Союза Российских кадетских корпусов, на ноябрь 1951 г. старший представитель объединения л.-гв. 3-й артиллерийской бригады. Умер 15 сентября 1955 г. в Париже.

²⁷⁵ **Назаров Федор Дмитриевич**. Из казаков ст. Ново-Николаевской Области Войска Донского, сын учителя. Новочеркасское военное училище (1914). Офицер 2-го Донского запасного казачьего полка. В Донской армии; с ноября 1917 г. начальник партизанского отряда. Участник боев у Ростова в ноябре 1917 г. и под Синявской в январе 1918 г. Участник Степного похода; есаул, начальник собственного отдельного отряда. В апреле 1918 г. во время общедонского восстания формировал отряд в д. Орловке, затем член Войскового круга ВВД. В 1918—1919 гг. командир 42-го Донского казачьего полка, с конца 1919 г. командир бригады. Участник Бредовского похода. Прибыл из Польши в Крым. В Русской Армии в августе 1920 г. начальник десантного отряда, высадившегося у ст. Ново-Николаевской. По возвращении — до эвакуации Крыма. В эмиграции в Болгарии, затем на Дальнем Востоке, в 1920-х гг. командир отряда в Монголии, с 6 ноября 1927 г. в Китае, затем в СССР во главе парти-

занского отряда. Покончил самоубийством в окружении 17 июня 1930 г. (по другим данным — в начале августа 1931 г. у ст. Пограничной).

²⁷⁶ **Красовский Михаил Васильевич**, р. в 1885 г. Реальное училище, Алексеевское военное училище (1907). Войсковой старшина. В Донской армии, с весны 1920 г. в Донском офицерском резерве. Полковник (с 9 сентября 1919 г.).

²⁷⁷ **Апостолов Валериан (Валентин) Алексеевич**, р. 14 декабря 1874 г. в Новочеркасске. Из дворян ВВД, сын офицера, казак ст. Аксайской. Донской кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1895). Полковник. В Донской армии; управляющий отделом путей сообщения Донского правительства, с октября 1920 г. по 1922 г. председатель Донского правительства. Генерал-майор (21 июля 1920 г.). В эмиграции в Константинополе, член от ВВД комитета экономического возрождения Юго-Востока России (с 18 августа 1921-го по начало 1922 г.). Умер после 1931 г.

²⁷⁸ **Короченцов Леонид Викторович**, р. в 1870 г. Из дворян Области Войска Донского. Новочеркасская гимназия, Новочеркасское военное училище (1890). В Донской армии; до 5 июля 1919 г. командир 9-го Донского казачьего полка. Вышел в отставку 15 апреля 1920 г., потом с весны 1920 г. командир штаб-офицерской сотни в Донском офицерском резерве до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва в Болгарии. Полковник.

²⁷⁹ Имеется в виду 2-й Донской кадетский корпус. Создан в Русской Армии в Евпатории из остатков Донского кадетского корпуса, эвакуированного в Египет. Эвакуирован в Билеч (Югославия). После расформирования в 1922 г. корпуса в Египте стал именоваться Донским кадетским корпусом. Директор — генерал-майор И.И. Рыковский.

²⁸⁰ **Плахов Иван Никандрович**, р. в 1894 г. Реальное училище, Новочеркасское военное училище (1915). В Донской армии; с 4 августа 1918 г. есаул; с весны 1920 г. в Донском офицерском резерве и Донском офицерском полку, затем в 5-м Донском казачьем Платовском полку до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Войсковой старшина (с 6 марта 1921 г.).

²⁸¹ Впервые опубликовано: Казак. 1956. Август. № 33.

²⁸² **Афанасьев Семен Силович**, р. 2 февраля 1883 г. Из дворян ВВД, сын офицера; казак ст. Ермаковской. Донской кадетский корпус (1902), Николаевское кавалерийское училище (1904). Войсковой старшина. В Донской армии. Полковник с 1918 г., с весны 1920 г. в Донском офицерском резерве, с лета 1920 г. и на 1 октября 1920 г. командир Донского офицерского полка.

²⁸³ **Филатов Алексей Леонтьевич**. Екатеринославская гимназия, Новочеркасское военное училище (1911). Есаул. В Донской армии, с 1920 г. в Донском офицерском резерве. С лета (11 сентября) 1920 г. в Донском офицерском полку, с октября 1920 г. командир сотни Донского офицерского отряда. Войсковой старшина (с 6 декабря 1918 г.). Погиб 30 октября 1920 г. у Карповки.

²⁸⁴ **Хоперский Владимир Николаевич**, р. в 1893 г. Донской кадетский корпус, Новочеркасское военное училище (1914). Войсковой старшина. В Донской армии; с 26 августа 1918 г. полковник. В Русской Армии в Донском офицерском резерве и Донском офицерском полку, с октября 1920 г. помощник командира Донского Офицерского отряда.

²⁸⁵ Псевдоним, настоящая фамилия — **Павлов Борис Арсеньевич**, р. в 1906 г. в Твери. Из дворян Тверской губ., сын преподавателя гимназии. Ка-

дет 2-го Московского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии; с осени 1919 г. (поступил в Ливнах) доброволец Алексеевского полка, разведчик, в августе 1920 г. участник десанта на Кубань, затем как малолетний отправлен в кадетский корпус, кадет интерната при Константиновском военном училище до эвакуации Крыма. Георгиевский крест 4-й ст. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции в Югославии. Окончил Крымский кадетский корпус (1926), Люблянский университет. Горный инженер. После 1945 г. — в США, член Общества Ветеранов, кадетского объединения, сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 15 февраля 1994 г. в Монтерее или Кармеле (Калифорния).

²⁸⁶ Здесь публикуются главы из книги: *Пылин Б.* Первые четырнадцать лет. Калифорния, 1972.

²⁸⁷ **Князь Шаховской Петр Петрович**, р. в 1872 г. В службе с 1889 г., офицером с 1891 г. Полковник, командир роты Сумского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии; с января 1920 г. директор и командир роты интерната при Константиновском военном училище в Феодосии до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции в Югославии. С 14 марта 1921 г. по 1 сентября 1929 г. командир роты Крымского кадетского корпуса. Умер в 1955 г.

²⁸⁸ **Доннер Николай Николаевич**, р. в 1876 г. Николаевское инженерное училище. Подполковник, офицер-воспитатель 1-го кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии; с января 1920 г. воспитатель интерната Константиновского военного училища в Феодосии до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции в Югославии, с 14 мая 1921 г. по 1 сентября 1929 г. воспитатель Крымского кадетского корпуса. Умер 25 мая 1953 г. в Норвуде (Австралия).

²⁸⁹ **Некрашевич Павел Михайлович**, р. в 1871 г. В службе с 1890 г., офицером с 1892 г. Полковник. Во ВСЮР и Русской Армии; с января 1920 г. воспитатель интерната Константиновского военного училища в Феодосии и Крымского кадетского корпуса до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии, с 1 сентября 1920 г. по 1 июля 1929 г. воспитатель Крымского кадетского корпуса.

²⁹⁰ **Шестаков Борис Васильевич**. Капитан. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; с января 1920 г. воспитатель интерната Константиновского военного училища и Крымского кадетского корпуса в Феодосии. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции в Югославии, с 14 марта 1921 г. по 1 августа 1928 г. воспитатель Крымского кадетского корпуса, затем до 1944 г. — Первого Русского кадетского корпуса. Остался в Белой Церкви. Арестован коммунистами, содержался в местной тюрьме. Расстрелян в январе 1945 г. по дороге во Вршац.

²⁹¹ **Писаревский Николай Яковлевич**. Надворный советник. Во ВСЮР и Русской Армии; с января 1920 г. в интернате в Феодосии, затем помощник инспектора классов, преподаватель Константиновского военного училища до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции в Югославии. 14 марта 1921 г. — 1 сентября 1929 г. преподаватель Крымского кадетского корпуса, с 1940 г. преподаватель Первого русского кадетского корпуса.

²⁹² **Казанский Валериан Андреевич**. Статский советник. Во ВСЮР и Русской Армии; с января 1920 г. в кадетском интернате в Феодосии до эвакуации

Крыма. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции в Югославии, с 14 марта 1921-го по 1 сентября 1929 г. преподаватель Крымского кадетского корпуса, затем до 1 ноября 1932 г. — Первого русского кадетского корпуса.

²⁹³ Каратеев Михаил Дмитриевич, р. в 1904 г. Кадет Полтавского кадетского корпуса (окончил в 1919 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР; с весны 1920 г. на эсминце «Беспокойный». Георгиевский крест 4-й ст. В эмиграции в Югославии и Болгарии. Окончил Крымский кадетский корпус (1921), Сергиевское артиллерийское училище (1923), университет. Подпоручик конной артиллерии. Писатель, автор исторических романов, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 24 октября 1978 г. в Лас-Тоскас, Монтевидео (Уругвай).

²⁹⁴ Здесь публикуются главы из книги: Каратеев М. Белогвардейцы на Балканах. Буэнос-Айрес, 1977.

²⁹⁵ Полтавский кадетский корпус. Восстановлен на некоторое время в 1918 г. при власти гетмана. После освобождения Полтавы войсками ВСЮР вновь организован 7 августа 1919 г. и действовал до 21 ноября 1919 г., когда покинул Полтаву и был переведен во Владикавказ (прибыл 4 декабря 1919 г.). 4 марта 1920 г. отступил походным порядком в Грузию, откуда переброшен в Крым. В Русской Армии в Крыму из остатков его и Владикавказского кадетского корпуса был создан Крымский кадетский корпус, до эвакуации располагавшийся в Ореанде, а затем эвакуированный в Югославию. Директор — полковник Антонов. Инспектор классов — д.с.с. Данков.

²⁹⁶ Владикавказский кадетский корпус. Восстановлен во ВСЮР после освобождения Владикавказа. 4 декабря 1919 г. в него был влит Полтавский кадетский корпус. 4 марта 1920 г. отступил походным порядком в Грузию, откуда переброшен в Крым. В Русской Армии в Крыму из остатков его и Полтавского кадетского корпуса был создан Крымский кадетский корпус, до эвакуации располагавшийся в Ореанде, а затем эвакуированный в Югославию. Директоры: генерал-майор В. Троицкий-Сенютович (до 29 октября 1919 г.), генерал-майор М.Н. Голеевский.

²⁹⁷ Крымский кадетский корпус. Создан в Крыму (в Ореанде) из остатков Владикавказского и Полтавского корпусов. Эвакуирован в Белую Церковь (Югославия). Провел через свои ряды более 1000 кадет (до 75% его кадет в Крыму участвовали в боях, из них 46 георгиевских кавалеров) и 150 чинов персонала. При эвакуации он насчитывал 650 кадет (в т. ч. 108 воспитанников Феодосийского интерната) и 37 чинов персонала, в 1922 г. — 579 кадет, к моменту закрытия — 250 кадет и 44 человек персонала. При расформировании корпуса в 1929 г. 103 кадета перешло в Донской кадетский корпус, остальные — в 1-й Русский кадетский корпус. Умерло 5 чинов персонала и 27 кадет. Полный курс окончили 604 (616) кадета. Из них 85 (по неполным данным, 122, а всего из учившихся 158) затем окончили университеты, 3 — Белградскую академию художеств, 1 — балетную школу, 64 — Югославскую военную академию (1 — французское и 2 — румынское военные училища), 56 — курсы при артиллерийском заводе в Крагуеваце, 43 — геодезические курсы (4 — геодезическую школу), 66 выпускников поступили в Николаевское кавалерийское училище, 4 — в Сергиевское артиллерийское. Директоры: генерал-лейтенант В.В. Римский-Корсаков и генерал-лейтенант М.Н. Промтов. Инспекторы классов: полковник Г.К. Маслов, действительный статский советник А.И. Абрамцев.

²⁹⁸ **Римский-Корсаков Владимир Валерианович**, р. 14 июля 1859 г. Полтавский кадетский корпус (1877), Александровское военное училище (1879), Военно-юридическая академия. Офицер л.-гв. Преображенского полка. Генерал-лейтенант, директор 1-го Московского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии. В эмиграции в Югославии, с 1 сентября 1920 г. по 11 декабря 1924 г. директор Крымского кадетского корпуса, затем во Франции, с 1930 г. основатель и директор корпуса-лицея в Версале. Умер 8 ноября 1933 г. в г. Вилье-ле-Бель (Франция).

²⁹⁹ **Перекрестов Георгий Михайлович**. Из дворян. Кадет Полтавского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России на крейсере «Генерал Корнилов». Георгиевский крест 4-й ст. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии. Окончил Крымский кадетский корпус (1922), Николаевское кавалерийское училище в Белой Церкви в 1924 г. и зачислен в 17-й гусарский полк. Корнет. Застрелился 8 июля 1926 г. в Белграде.

³⁰⁰ **Власов Андрей Алексеевич**, р. в 1899 г. Во ВСЮР и Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Георгиевский крест 4-й ст. Подпоручик 6-го артдивизиона. В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (5-й выпуск), в 1938 г. руководитель (помощник руководителя) тех же курсов. К 1969 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 13 декабря 1980 г. в Шелль (Франция).

³⁰¹ Впервые опубликовано: Военная Быль. Июль 1971 — январь 1972. № 111—114.

³⁰² **Гадд Александр Людвигович**. Полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 25 октября 1918 г. командир бронепоезда «Вперед за Родину», 25 февраля 1919 г. установлено старшинство в чине, с 7 апреля 1919 г., с сентября 1919 г. командир 3-го бронепоездного дивизиона. В Русской Армии с августа 1920 г. начальник группы бронепоездов. В эмиграции в Югославии. Умер в 1938 г.

³⁰³ **Скопин Иван Васильевич**, р. в 1875 г. Офицер с 1897 г. Полковник, командир 28-го тяжелого артиллерийского дивизиона. В Добровольческой армии; летом 1918 г. командир 1-й тяжелой (3-й гаубичной) батареи 3-й дивизии, с 2 июля 1918 г. на бронепоезде «Единая Россия», с 11 декабря 1918 г. командир того же бронепоезда, с 7 апреля 1919 г. командир 1-го бронепоездного дивизиона. В Русской Армии в 1-м бронепоездном дивизионе до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Сцегед». Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. во 2-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона.

³⁰⁴ **Кийпле Николай Иванович**. Штабс-капитан. Во ВСЮР и Русской Армии в Дроздовской артиллерийской бригаде, с октября 1920 г. на бронепоезде «Севастополеу» в 1-м бронепоездном дивизионе до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Сцегед». Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артдивизиона в Болгарии.

³⁰⁵ **Леонов Константин Филиппович**, р. в 1893 г. в Златоусте. Первый русский кадетский корпус (1914), Иркутское военное училище (1915). Штабс-капитан 35-го Сибирского стрелкового полка. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма, с октября 1920 г. на бронепоезде «Единая Россия». Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. в 1-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Капитан. Осенью 1925 г. в составе того же артдивизиона в Бельгии. Подполковник. В эмиграции там же. Умер 22 августа 1952 г. в Брюсселе.

³⁰⁶ **Репьев Михаил Иванович**, р. 14 сентября 1865 г. Из дворян Симбирской губ. Симбирский кадетский корпус (1882), Константиновское военное училище (1884), Офицерская артиллерийская школа (1908). Генерал-майор, начальник 166-й пехотной дивизии и врид командира 18-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР в распоряжении черноморского военного губернатора, с сентября 1918 г. инспектор артиллерии Астраханского корпуса, 1-го армейского корпуса, затем в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 24 июля, в сентябре—октябре 1919 г. инспектор артиллерии 5-го кавалерийского корпуса, с 13 ноября 1919 г. — войск Киевской области, затем в резерве чинов войск той же области, с 8 декабря 1919 г. в резерве чинов войск Новороссийской области (на 25 марта 1920 г. не прибыл), начальник обороны Новороссийска. Эвакуирован. 30 мая 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым (Севастополь) на корабле «Поти». В Русской Армии инспектор артиллерии 1-й армии, с октября 1920 г. инспектор артиллерии Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (с 27 января 1919 г.). На 18 декабря 1920 г. в Галлиполи, инспектор артиллерии 1-го армейского корпуса. В эмиграции с апреля 1922 г. в Болгарии, затем в Югославии, с 1924 г. в Париже. Первый председатель Главного правления Общества Галлиполийцев и Общества Галлиполийцев во Франции, в 1931 г. помощник по строевой и хозяйственной части и член учебного комитета Высших военно-научных курсов в Париже, с 1933 г. помощник командира 1-го армейского корпуса. Председатель Общества офицеров-артиллеристов во Франции, председатель объединения Симбирского кадетского корпуса. Умер 29 апреля 1937 г. в Париже.

³⁰⁷ 134-й пехотный Феодосийский полк. Возрожден во ВСЮР на базе офицерского кадра полка, пришедшего в Крым в составе Екатеринославского отряда и вошедшего в январе 1919 г. в Сводный полк 34-й пехотной дивизии (к осени 1919 г. его кадр входил в состав 1-го сводного полка этой дивизии). К 1 октября 1919 г. стал самостоятельным полком, в нем состояло 1482 человека, в т. ч. 257 офицеров (из них 181 на солдатских должностях) и 7 чиновников. В 1920 г. входил в состав развернутой в Русской Армии 34-й пехотной дивизии. На 1 августа 1920 г. насчитывал 50 офицеров и 411 солдат при 18 пулеметах.

³⁰⁸ **Лебедев Михаил Иванович**. Капитан. В Добровольческой армии на бронепоезде «Офицер», с начала декабря 1918 г. врид командира того же бронепоезда. Во ВСЮР и Русской Армии; в июле—октябре 1919 г. до эвакуации Крыма командир бронепоезда «Офицер» (в сентябре 1920 г. командир бронепоездного дивизиона). Полковник (27 января 1919 г.). Орд. Св. Николая Чудотворца. Осенью 1925 г. в составе 6-го артдивизиона в Болгарии. В эмиграции к 1938 г. во Франции.

³⁰⁹ **Лабович М.Л.** Штабс-капитан. В Добровольческой армии и ВСЮР; в апреле 1919 г. на бронепоезде «Офицер», в августе 1919 г. начальник боевой части бронепоезда «Офицер». В Русской Армии с октября 1920 г. командир бронепоезда «Офицер» до эвакуации Крыма. Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. во 2-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Капитан.

³¹⁰ **Иванов Дмитрий Дмитриевич**. Прапорщик. В Добровольческой армии, ВСЮР на бронепоезде «Офицер»; подпоручик с 16 августа 1919 г.; в Русской Армии до эвакуации Крыма, с октября 1920 г. командир орудия на том же бро-

непоезде. Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. во 2-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Капитан. Осенью 1925 г. в составе того же дивизиона в Болгарии. В эмиграции во Франции, начальник 1-го отдела РОВС, с 1961 г. директор Дома Белого Воина. Умер 11 июля 1980 г. в Париже.

³¹¹ **Фицхелауров Александр Петрович**, р. 8 июня 1878 г. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Новочеркасской Области Войска Донского. Донской кадетский корпус (1897), Николаевское кавалерийское училище (1899). Офицер л.-гв. Атаманского полка. Полковник, командир 36-го Донского казачьего полка. В Донской армии; с апреля 1918 г. командир казачьего партизанского отряда, Новочеркасского пешего полка Южной группы, с 9 мая 1918 г. командир Северного отряда той же группы, командующий Северной группой, генерал-майор, с 1 июня 1918 г. — командир Царицынского отряда, с 9 июля 1918 г. по начало августа 1918 г. командующий войсками Усть-Медведицкого войскового района, с сентября 1918 г. командир 12-го Донского казачьего полка, с 8 декабря 1918 г. военный губернатор и командующий войсками Старобельского района, с 2 января 1919 г. командующий войсками Чертковского боевого района, с 1 марта 1919 г. — 5-го Донского армейского корпуса, с 12 мая 1919 г. — 5-й Донской дивизии. Осенью 1919 г. командир 9-й Донской пластунской бригады, с 24 марта по 1 мая 1920 г. командир 8-го Донского казачьего пешего полка, затем — 2-й бригады 3-й Донской дивизии до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. Генерал-лейтенант (с 13 декабря 1919 г.). Был на о. Лемнос, с 12 декабря 1920 г. по 1921 г. командир 3-й бригады 2-й Донской казачьей дивизии и начальник лагеря на Кабакдже, где издавал журнал в 3-х экземплярах. Осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва в Болгарии. В эмиграции во Франции. Умер 28 марта 1928 г. в Париже.

³¹² **Осипов Алексей Владимирович**, р. в Саратовской губ. Вольноопределяющийся. В Добровольческой армии; в июне—сентябре 1918 г. бомбардир на бронепоезде № 1 («Генерал Алексеев»), с 10 ноября 1918 г. прапорщик. Во ВСЮР и Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Поручик. Эвакуирован на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. в 1-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Осенью 1925 г. в составе 6-го артдивизиона во Франции. Штабс-капитан. В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (2-й выпуск), в 1938 г. руководитель (помощник руководителя) тех же курсов, член редколлегии журнала «Армия и Флот». После 1945 г. в США, в 1950—1951 гг. член Общества Галлиполицев в Калифорнии, к 1956 г. в Лос-Анджелесе. Умер после 1963 г.

³¹³ Впервые опубликовано: Вестник первоходника. 1967. Апрель—май. № 67—68.

³¹⁴ **Липеровский Владимир Юрьевич**, р. 28 марта 1903 г. Из дворян, сын полковника. Учащийся реального училища. Во ВСЮР и Русской Армии; с октября 1919 г. доброволец 1-й роты 2-го железнодорожного батальона, летом 1920 г. во 2-й роте на вспомогательном поезде «Жел. бат-2» до эвакуации Крыма. Младший унтер-офицер. В Галлиполи — в Марковской железнодорожной роте и в Техническом полку. В эмиграции окончил гимназию в Чехословакии, до 1945 г. в Брно. Умер после 1960 г. в Аргентине.

³¹⁵ Воспоминания В. Липеровского ранее не публиковались.

³¹⁶ **Малеев Борис Дмитриевич**, р. около 1903 г. в Орске. Из казаков Уральского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; доброволец в ди-

визии генерала Каппеля. Участник Сибирского Ледяного похода. Взят в плен в начале 1920 г. В Русской Армии (перешел от красных) во 2-й роте 2-го железнодорожного батальона до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. рядовой в 1-й роте Железнодорожного батальона Технического полка в Галлиполи, затем в Марковской железнодорожной роте.

³¹⁷ **Воропай Алексей.** Из Ворожбы. В Вооруженных силах Юга России; с октября 1919 г. доброволец 1-й роты 2-го железнодорожного батальона, летом 1920 г. во 2-й роте на вспомогательном поезде «Жел. бат-2». В Русской Армии до эвакуации Крыма. Старший унтер-офицер. В Галлиполи в Марковской железнодорожной роте.

³¹⁸ Псевдоним, настоящая фамилия — **Воскобойников Виктор Михайлович.** Сын священника. Учащийся 1-го Харьковского реального училища. В Донской армии; с лета 1919 г. канонир в 4-й морской батарее, с весны 1920 г. — на бронепоезде «Единая Россия» до эвакуации Крыма. Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. в 3-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Канонир. В эмиграции в Чехословакии.

³¹⁹ Впервые опубликовано: *Савинский В.М.* Воспоминания. Буэнос-Айрес, 1980.

³²⁰ **Смирнов Борис Яковлевич,** р. в Ревеле. Капитан. В Донской армии; летом 1919 г. командир 4-й батареи морской тяжелой артиллерии, с апреля 1920 г. командир бронепоезда «Единая Россия», с начала сентября 1920 г. на бронепоезде «Москва» до эвакуации Крыма. Подполковник. Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. в 3-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Полковник. В эмиграции в Эстонии (Ревель).

³²¹ **Полторацкий Николай Александрович.** Подпоручик. В Донской армии и ВСЮР; летом 1919 г. в 4-й батарее морской тяжелой артиллерии, с весны 1920 г. — на бронепоезде «Единая Россия». В Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Штабс-капитан (с 18 апреля 1920 г.; одновременно с чином поручика). Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. в 3-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Осенью 1925 г. в составе того же дивизиона во Франции. Капитан.

³²² **А.А. Валентинов** — журналист, находившийся весной—осенью 1920 г. при Ставке Главнокомандующего Русской Армией.

³²³ Впервые опубликовано: Архив русской революции. Т. 5. Берлин, 1922.

³²⁴ **Кусонский Павел Алексеевич,** р. в 1880 г. Полтавский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1900), академия Генштаба (1911). Полковник, начальник оперативного отдела Ставки ВГК. В Добровольческой армии и ВСЮР; с июня 1918 г. генерал для поручений при Главнокомандующем, с 1 января 1919 г. генерал-квартирмейстер штаба Добровольческой армии (с мая — Кавказской армии), летом—осенью 1919 г. начальник штаба 5-го кавалерийского корпуса. В Русской Армии и. д. начальника гарнизона Симферополя, с августа 1920 г. начальник штаба 3-го армейского корпуса, к октябрю 1920 г. начальник штаба 2-й армии до эвакуации Крыма. Затем помощник начальника штаба Главнокомандующего. Генерал-лейтенант (с 16 февраля 1922 г.). В эмиграции во Франции, в распоряжении председателя РОВС, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба, с 1934 г. начальник канцелярии РОВС, с 1938 г. в Бельгии. Арестован немцами в 1941 г. в Брюсселе. Умер 22 августа 1941 г. в лагере Брендонк.

³²⁵ **Князь Ишеев Петр Петрович**, р. 26 февраля 1882 г. в Николаеве. Из дворян, сын офицера. Морской корпус (не окончил), Елисаветградское кавалерийское училище (1904). Офицер 3-го уланского полка, Полевого жандармского эскадрона. Ротмистр 8-го уланского полка, штаб-офицер для поручений при штабе Петроградского военного округа. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. в Одессе, с начала 1919 г. помощник командира охранной роты Ялтинского комендантского управления, секретарь Ялтинской эвакуационной комиссии. В Русской Армии председатель комиссии по разгрузке и каботажному плаванию Ялтинского порта, с 3 октября 1920 г. — при штабе Ялтинского военно-административного района до эвакуации Крыма. При эвакуации — помощник коменданта парохода «Цесаревич Георгий». В эмиграции в Константинополе, Болгарии, с 1930 г. в Париже, с августа 1937 г. в США, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер в 1974 г. в Нью-Йорке.

³²⁶ Впервые опубликовано: *Ишеев П.П.*, кн. Осколки прошлого. Нью-Йорк, б.г.

³²⁷ **Зыков Сергей Петрович**, р. в 1873 г. В службе с 1893 г., офицером с 1896 г. Офицер 5-го гусарского и 5-го уланского полков, с 1916 г. командир Текинского конного полка. Генерал-майор. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; в конце 1918 г. — начале 1919 г. начальник гарнизона Ялты, с апреля 1919 г. командир Астраханской конной бригады, до 4 августа 1919 г. начальник Астраханской казачьей дивизии, затем из резерва чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР в резерве чинов войск Новороссийской области, в феврале, на 25 марта 1920 г. начальник гарнизона Ялты. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». Генерал-лейтенант (1919).

³²⁸ **Граф Голенищев-Кутузов Сергей Александрович**, р. 4 июля 1885 г. в Таганроге (Санкт-Петербурге). Офицер Кавалергардского полка. Петроградский уездный предводитель дворянства. В Добровольческой армии и ВСЮР; в конце 1918 г. — феврале 1920 г. начальник Ялтинского уезда. В эмиграции с августа 1920 г. во Франции. После 1945 г. в США. Умер 12 ноября 1950 г. в Хьюстоне (США).

³²⁹ **Колотинский Владимир Михайлович**, р. в 1871 г. Сын полковника. 1-й кадетский корпус (1890), офицером с 1892 г. Полковник л.-гв. 4-го стрелкового полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 26 января 1919 г. командир Татарского стрелкового полка. В Вооруженных силах Юга России в войсках Новороссийской области, в августе 1919 г. кандидат на должности в Крыму, с 1920 г. комендант и начальник гарнизона Ялты. Эвакуирован до 15 сентября 1920 г. из Ялты на корабле «Корвин». В эмиграции во Франции, на декабрь 1924 г. председатель объединения л.-гв. 4-го стрелкового полка, с 1930 г. секретарь русской секции Союза французских комбатантов, секретарь Союза офицеров — участников войны, на 23 ноября 1938 г. начальник Парижской группы полкового объединения. Умер в 1947 г. в Париже.

³³⁰ **Березовский Александр Иванович**, р. 1 декабря 1867 г. в Полтавской губ. Полтавский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1889), академия Генштаба (1896). Генерал-лейтенант, командир 31-го армейского корпуса. С 1918 г. в гетманской армии; с 8 июля 1918 г. и. о. командира, затем командир 3-го корпуса (утвержден 8 ноября 1918 г.), 3 декабря 1918 г. уволен с прикомандированием в распоряжение военного министра.

В Добровольческой армии и ВСЮР с октября 1918 г. при штабе Крымско-Азовской армии, затем в распоряжении Главнокомандующего ВСЮР. Эвакуирован в 1919 г. из Одессы на корабле «Кавказ»; с 28 июня 1919 г., на 19 октября 1919 г. в резерве чинов войск Новороссийской области, на 25 марта 1920 г. в Севастополе. В Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Германии, председатель Берлинского отдела Общества офицеров Генерального штаба, с конца 1938 г. начальник 3-го отдела РОВС. Умер 15 октября 1940 г. в Берлине.

³³¹ **Бар Генрих Сигизмундович.** Генерал-майор. Во ВСЮР и Русской Армии; с 8 марта 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, осенью 1920 г. начальник Ялтинского военно-административного района до эвакуации Крыма. В эмиграции с 1921 г. председатель инициативной группы Русского Национального союза офицеров и солдат в Югославии.

³³² **Эверт Григорий Аполлонович.** Сын генерал-лейтенанта. Академия Генштаба. Полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 20 июня врид, с 22 июля 1919 г. по 25 декабря 1919 г. начальник штаба 7-й пехотной дивизии. В Русской Армии; осенью 1920 г. начальник штаба Ялтинского военно-административного района. В эмиграции. Умер после 1922 г.

³³³ **Архангельский Алексей Петрович,** р. 5 марта 1872 г. Из дворян. 2-й Московский кадетский корпус, Александровское военное училище (1893), академия Генштаба (1898). Генерал-лейтенант, начальник Главного штаба. С декабря 1917 г. на подпольной работе в Главном штабе Красной армии. Во ВСЮР с февраля 1919 г.; с 1 марта 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, затем в Военном управлении того же штаба, с 14 мая член комиссии по рассмотрению представлений о производстве офицеров и классовых чинов, с 3 июня 1919 г. помощник начальника общего отдела Военного управления (с оставлением в прежней должности). После эвакуации Крыма начальник отделения личного состава, начальник общего отдела и дежурный генерал штаба Русской Армии, с 14 октября 1926 г. начальник штаба Главнокомандующего. В эмиграции в Бельгии. Председатель Общества офицеров Генерального штаба, полкового объединения л.-гв. Волынского полка, Объединения офицеров гвардейской пехоты, Русской Спортивной Дружины в Брюсселе, на ноябрь 1951 г. также почетный председатель отдела Гвардейского объединения в Бельгии. С 23 марта 1938-го по 25 января 1956 г. начальник РОВС, в июле 1949-го — марте 1957 г. председатель Совета Российского Зарубежного Воинства. Умер 2 ноября 1959 г. в Брюсселе.

³³⁴ **Кутепов Борис Павлович,** р. 23 июля 1887 г. Во ВСЮР и Русской Армии в дроздовских частях до эвакуации Крыма; с 1920 г. председатель комиссии по разгрузке и каботажному плаванию Феодосийского порта. Галлиполиец. В эмиграции с 1921 г. в Югославии, в июле 1922 г. в Турции (в лагере «Селемие»). Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты в Германии. Полковник.

³³⁵ **Буря Константин Васильевич.** Полковник. Во ВСЮР и Русской Армии; в октябре 1920 г. начальник команды Офицерской артиллерийской школы до эвакуации Крыма. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». В эмиграции. Умер после 1975 г.

³³⁶ Впервые опубликовано: Военно-исторический вестник. 1975. Май—ноябрь. № 45—46.

³³⁷ **Сазонов Ростислав Дмитриевич**, р. в 1907 г. Сын морского врача. Во ВСЮР и Русской Армии; в 1920 г. кадет Морского корпуса в Севастополе. В эмиграции в Югославии. Окончил реальное училище в Земуне, Белградский университет, архитектор, художник. После 1945 г. в Марокко и США. Умер 19 октября 1991 г. в Нью-Йорке.

³³⁸ Впервые опубликовано: Кадетская переключка. 1981. Май. № 28.

³³⁹ **Вяткин Федор Алексеевич**, р. 1 января 1864 г. Морской корпус (1884). Контр-адмирал, капитан над Кронштадтским портом. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Вице-адмирал. В ноябре в Константинополе на пароходе Добровольного флота «Владимир», на котором в декабре 1920 г. прибыл в Югославию. К лету 1921 г. в Югославии. В эмиграции там же, в 1930—1935 гг. возглавлял Кружок питомцев Морского корпуса в Загребе. Умер до 1939 г.

³⁴⁰ **Манштейн Александр Сергеевич**, р. 22 июня 1888 г. Морской корпус (1908) (офицером с 1909 г.). Лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии; с августа 1919 г. командир эсминца «Жаркий», затем командир парохода «Кронштадт» до эвакуации Крыма, к 21 ноября 1920 г. командир эсминца «Жаркий». Старший лейтенант (с 28 марта 1920 г., старшинство 29 января 1919 г.). Эвакуировался с флотом в Бизерту (Тунис). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, до сентября 1924 г. командир эсминца «Жаркий». Умер 2 февраля 1964 г. в Бизерте (Тунис).

³⁴¹ **Князь Эрстов Николай Александрович**. Одесский кадетский корпус (1919). Во ВСЮР и Русской Армии рулевой на пароходе «Кронштадт» до эвакуации Крыма. Эвакуирован с флотом в Бизерту. Гардемарин Морского корпуса. В эмиграции к 1930 г. в Италии. Умер 6 октября 1971 г.

³⁴² **Фон Кубе Максимилиан Оскарович**, р. в 1885 г. Морской корпус (1907) (офицером с 1908 г.). Лейтенант Дунайской речной флотилии. Во ВСЮР и Русской Армии в Морском корпусе до эвакуации Крыма. Старший лейтенант. К лету 1921 г. член Союза морских офицеров в Константинополе. В эмиграции во Франции, в 1928 г. член Военно-морского исторического кружка в Париже, секретарь его, в 1932 г. вышел из Кают-компании в Париже в Морское собрание (член ВОМО), в 1931—1937 гг. редактор журнала «Записки военно-морского исторического кружка». Умер 20 августа 1955 г. в Дорнштадте (Германия).

³⁴³ **Слизской Аркадий Федотович**, р. в 1892 г. Из Екатеринодара. Санкт-Петербургский университет (1914), Тифлисская школа прапорщиков (1915). Прапорщик. В Добровольческой армии; с декабря 1917 г. в отряде полковника Покровского, с марта 1918 г. в добровольческом батальоне на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Юнкерском батальоне и Офицерском (Марковском) полку. С мая 1918 г. помощник военного прокурора, затем военный следователь. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты во Франции. Подпоручик. В эмиграции во Франции. Публицист. Поручик. Умер 14 мая 1974 г. в Монморанси (Франция).

³⁴⁴ Впервые опубликовано: Русский Инвалид. 1970. Май. № 163.

³⁴⁵ **Манштейн Владимир Карлович**, р. в 1855 г. Из дворян, сын офицера. В службе с 1876 г. Произведен в офицеры из вольноопределяющихся в 1878 г. Полковник (из отставки), командир батальона 318-го пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР с 15 августа 1918 г. во 2-м офи-

церском (Дроздовском) стрелковом полку (младший офицер 5-й роты, весной 1919 г. заведующий эшелонами полка), затем в 1-м Дроздовском полку. В Русской Армии при штабе Дроздовской дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 6 августа 1920 г.). В эмиграции в Болгарии. Умер 8 декабря 1933 г. в Софии.

³⁴⁶ **Попов Владимир Владимирович**, р. в 1890 г. Новороссийский университет. Товарищ прокурора судебного ведомства. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1919 г. в судебных органах в Одессе. В сентябре 1920 г. вернулся из Софии в Крым. В Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции во Франции, начальник канцелярии 1-го отдела РОВС и затем (1965) РОВСа. Умер 12 декабря 1970 г. в Ментоне (Франция).

³⁴⁷ Впервые опубликовано: Русский Инвалид. 1970. Май. № 163.

³⁴⁸ **Абрамович Дмитрий Александрович**, р. в 1876 г. Одесское военное училище. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; в январе 1920 г. ранен и эвакуирован из Одессы в Варну. Полковник. В эмиграции с 1930 г. в Болгарии, с 1933 г. член Союза Инвалидов в Софии.

³⁴⁹ **Ломновский Петр Николаевич**, р. 24 ноября 1871 г. Тифлисский кадетский корпус (1889), Павловское военное училище (1891), академия Генштаба (1898). Офицер л.-гв. Волынского полка. Генерал-лейтенант, командующий 10-й армией. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с 1 июня 1918 г. в Киевском центре (утвержден 2 февраля 1919 г.). В 1917—1919 гг. представитель армии в Киеве (с 18 ноября 1918 г. начальник Главного центра). В эмиграции в Болгарии и Франции, с 1 июля 1939 г. член полкового объединения. Умер 2 марта 1956 г. в Ницце (Франция).

³⁵⁰ Псевдоним, настоящая фамилия — **Саволайнен Иван Иванович**, р. 29 августа 1889 г. в Одессе. Сын нотариуса. Зеньковская гимназия. Во ВСЮР и Русской Армии; с лета 1919 г. в эскадроне 12-го уланского полка в 3-м кавалерийском полку. Остался в Крыму больной тифом. В 1922 г. бежал в Финляндию. Поэт. Умер 12 июля 1927 г. в Гельсингфорсе.

³⁵¹ Приводится по изданию: Иван Савин. Только одна жизнь. Нью-Йорк, 1988.

³⁵² 3-й кавалерийский полк. Сформирован 16 апреля 1920 г. в Русской Армии в Крыму. Входил в состав 1-й кавалерийской дивизии (III). Включал эскадроны 2-го Псковского и 12-го Стародубовского драгунских, 12-го Белгородского, 16-го Новоархангельского (с 8 августа 1920 г.), 17-го Новомиргородского (с 8 августа 1920 г.) уланских, 2-го Павлоградского (до 8 августа 1920 г.), 7-го Белорусского, 11-го Изюмского, 12-го Ахтырского и 17-го Черниговского гусарских полков.

³⁵³ 12-й уланский Белгородский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Офицеры полка прибыли в Новочеркасск 24 июня 1918 г. вместе со всеми офицерами 12-й кавдивизии (28 человек) во главе с генералом И.И. Чекотовским. К моменту формирования эскадрона было 20 офицеров полка. Белгородские уланы одно время входили в состав 3-го конного полка. Дивизион полка с 27 мая 1919 г. входил в состав сформированного Сводного полка 12-й кавалерийской дивизии, где в июле 1919 г. белгородские уланы были представлены 2 эскадронами. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в 3-й (2-й) кавалерийский полк. В Галлиполи прибыли 32 офицера. Полк потерял в Белом движении 25 офицеров. Полковое объединение в эмиграции —

«Общество единения 12-го уланского Белгородского полка» (Белград, Югославия; входило в состав IV отдела РОВС).

³⁵⁴ 12-й гусарский Ахтырский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Дивизион полка с 27 мая 1919 г. входил в состав сформированного Сводного полка 12-й кавалерийской дивизии, где в июле 1919 г. ахтырские гусары были представлены 2 эскадронами. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в 3-й (2-й) кавалерийский полк.

³⁵⁵ 12-й драгунский Стародубовский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Дивизион полка с 27 мая 1919 г. входил в состав сформированного Сводного полка 12-й кавалерийской дивизии, где в июле 1919 г. стародубовские драгуны были представлены 2 эскадронами. К декабрю 1919 г. из 24 кадровых офицеров осталось 12 (4 ранено и 8 убито). С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в 3-й (2-й) кавалерийский полк.

³⁵⁶ Сапожников Алексей Львович, р. 22 февраля 1906 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян Нижегородской губ., сын офицера л.-гв. Павловского полка А.Н. Сапожникова (1877—1915) и его жены Ксении Сергеевны, урожд. Кази (1879—1942). В описываемое время жил с семьей в Крыму, где пережил всю эпопею Русской Армии. Инженер, генеалог, автор ряда воспоминаний и исторических трудов. Умер 1 мая 1989 г. в г. Железнодорожном Московской обл. Похоронен в Санкт-Петербурге.

³⁵⁷ Впервые опубликовано: Крымский архив. Симферополь, 2001. № 7.

³⁵⁸ Резниченко Сергей Васильевич, р. 28 декабря 1872 г. в Одессе. Подпоручик л.-гв. Павловского полка. Действительный статский советник, чиновник Министерства земледелия. Во ВСЮР и Русской Армии; представитель Всероссийского Земского Союза в Галлиполи. На 14 февраля 1921 г. в лагере Канробер (ст. Макрикей) в Румынии. В эмиграции во Франции. Умер 12 января 1940 г. в Сэ (Франция). Двоюродный брат К.С. Сапожниковой.

³⁵⁹ Редькин Александр Петрович, р. в 1881 г. Сын генерал-лейтенанта. Тифлисский кадетский корпус (1900), Александровское военное училище. Полковник л.-гв. Павловского полка. В Вооруженных силах Юга России в 1-м отдельном батальоне немецких колонистов. Участник Бредовского похода. 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию. Возвратился в Крым. В Русской Армии летом 1920 г. в разведывательном отделе штаба армии, затем в Отряде особого назначения при генерале для поручений по делам укреплений при начальнике штаба Главного командующего до эвакуации Крыма. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». В эмиграции в Югославии. Служил в Русском корпусе. После 1945 г. — в США. Сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 15 ноября 1972 г. в Вайнленде (США).

³⁶⁰ Семейство Константина Аргирьевича Цакни, с которым Кази были в родстве через Мавромихали и Стамати (Анна Николаевна Цакни, первая жена И.А. Бунина, приходилась внучатной племянницей К.А. Цакни).

³⁶¹ В ноябре 1920 г. Ю.П. Гавен был членом Крымревкома.

³⁶² Ковалев Евгений Елезарович, р. в 1897 г. Донской кадетский корпус (1914), Михайловское артиллерийское училище (1915). Сотник. В Донской армии; с января 1918 г. командир 1-го партизанского артиллерийского взвода; к 1 января 1919 г. есаул, командир 35-й Донской казачьей батареи; летом 1920 г. в 3-й Русской Армии, с 9 мая 1921 г. по август 1922 г. командир Донского казачьего дивизиона в Польше. В эмиграции во Фран-

ции, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Бель». Умер 17 июля 1971 г. во Франции.

³⁶³ Впервые опубликовано: Военная Бель. № 27—28.

³⁶⁴ **Яковлев М.И.** Воронежский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище. Штабс-капитан артиллерии. В Добровольческой армии и ВСЮР; в сентябре—октябре 1919 г. начальник Волчанского отряда, затем на Польском фронте. Летом 1920 г. командир бригады в польской армии и в 3-й Русской Армии, заместитель Булак-Булаховича по Русской Народной армии. Есаул. В эмиграции в Литве, до 1927 г. в Вильне, издатель газеты «Новая Россия», затем в Польше, в отряде Булак-Булаховича участвовал в обороне Варшавы. Арестован немцами в 1940 г. Погиб в апреле 1941 г. в концлагере в Аушвице.

³⁶⁵ **Фролов Михаил Федорович.** Из казаков ст. Новочеркасской Области Войска Донского, сын директора гимназии. Новочеркасская гимназия, Новочеркасское военное училище. В Донской армии. Участник Степного похода; с 1919 г. есаул, командир дивизиона в 42-м Донском казачьем полку. Участник Бредовского похода. В начале 1920 г. прижатый к польской границе, перешел в армию УНР — командир Донского полка в украинской армии. В ноябре 1920 г. в отряде Яковлева в Польше. В эмиграции в Польше, с августа 1921 г. издатель газеты «Голос казачества» в Варшаве; затем в Чехословакии, издатель и редактор «Казачьего голоса», «Вольного казачества», секретарь «Казачьего пути» и «Пути казачества». Умер 11 июля 1930 г. в Литомышле (Чехословакия).

³⁶⁶ **Бобошко Лев Александрович**, р. 1 января 1883 г. Из дворян Херсонской губ. Киевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1902), академия Генштаба (1907). Полковник л.-гв. Уланского Ее Величества полка. В ноябре 1918 г. в русских добровольческих отрядах на Украине. В Северо-Западной армии; с мая 1919 г. в 3-м батальоне Ливенского отряда, в июле 1919 г. командир роты 3-го полка (в списках армии с 10 июля 1919 г.), к 6 августа 1919 г. в 3-м стрелковом полку 5-й (Ливенской) дивизии, с начала октября, в декабре 1919 г. командир 19-го пехотного Полтавского полка, с 30 ноября 1919 г. врид начальника 5-й дивизии, с января 1920 г. командир 2-й бригады 3-й дивизии. С лета 1920 г. начальник 1-й стрелковой дивизии 3-й Русской Армии в Польше. Генерал-майор (с 22 января 1920 г.). В эмиграции в Германии, Греции и США. Делегат Зарубежного съезда 1926 г. Умер 25 октября 1968 г. в Нью-Йорке.

³⁶⁷ **Граф фон дер Пален Алексей-Фридрих-Леонид Петрович**, р. 22 марта 1874 г. Санкт-Петербургский университет (1895), Николаевское кавалерийское училище (1897). Полковник, старший офицер л.-гв. Конного полка, командир стрелкового полка 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Летом 1917 г. руководитель офицерской организации в Петрограде. В Северо-Западной армии с января 1919 г.; в начале 1919 г. командир батальона Островского полка, в мае 1919 г. начальник боевого участка, с 30 мая 1919 г. генерал-майор, командир 1-го стрелкового корпуса; с 22 января 1920 г. председатель ликвидационной комиссии Северо-Западной армии, затем начальник 2-й стрелковой дивизии в 3-й Русской Армии в Польше. Генерал-лейтенант (с 12 октября 1919 г.). В эмиграции в Латвии. Умер 6 июля 1938 г. в Вайтенфельде.

³⁶⁸ **Трусов Валериан Александрович**, р. 30 сентября 1879 г. в Рязанской губ. Из дворян той же губ. Нижегородский (Ярославский?) кадетский корпус

(1897), Тверское кавалерийское училище (1899), Офицерская кавалерийская школа (1910). Офицер 2-го драгунского полка, 28 августа 1912 г. переведен в гвардию. Полковник, помощник командира стрелкового полка 17-й кавалерийской дивизии, командир Горджинского конного пограничного полка, помощник командира полка Офицерской кавалерийской школы. Георгиевский кавалер. В Северо-Западной армии с начала июня 1919 г. в распоряжении начальника 1-й дивизии; с 20 августа 1919 г. и в декабре 1919 г. в 7-м пехотном Уральском полку, до декабря 1919 г. командир полка, затем командир 1-й бригады 2-й пехотной дивизии. В августе—сентябре 1920 г. командир Сводной кавалерийской дивизии, осенью 1920 г. начальник 1-й казачьей дивизии в 3-й Русской Армии в Польше. Генерал-майор (с 22 января 1920 г.). В эмиграции в Польше, к 1939 г. начальник отдела РОВС в Варшаве. Участник монархического движения. Умер 24 декабря 1957 г. в США.

³⁶⁹ **Де Маньян Сергей Сергеевич.** Подполковник. В Северо-Западной армии в конном полку Булаховича, в декабре 1919 г. при Нарвском сборном этапе, осенью 1920 г. командир бригады в казачьей дивизии 3-й Русской Армии в Польше. Полковник. В эмиграции в США. Умер 13 августа 1969 г. в Глен-Кове (США).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Барон П. Врангель. Воспоминания	7

Раздел 1

Марковцы в последних боях	83
А. Леонтьев. Марковская артиллерия в осенних боях	170
В. Ларионов. Крым и Таврия	185
Э. Гиацинтов. В Крыму при Врангеле	192

Раздел 2

М. Левитов. Корниловцы в последних боях	194
В. Гету. 6-я Корниловская	242
Е. Месснер. Генерал Бабиев (несколько дней его участия в Заднепровской операции)	250

Раздел 3

В. Кравченко. Дроздовцы в последних боях	254
А. Туркул. Дроздовцы в огне	302
В. Орлов. Последние бои дроздовцев	332
Г. Салищев. Как выбралась наша пехота	340
Д. Пронин. Быль	342

Раздел 4

А. Судоплатов. Алексеевцы в последних боях	344
И. Игнатьев. Последний бой 1-го Партизанского генерала Алексева Пехотного полка	355

Раздел 5

С. Мамонтов. Последние бои конной батареи	358
С. Туржанский. Дневник поручика, младшего офицера Семилетовской батареи	392
М. Г-ко. Каховка	403
Г. Сакович. Последние дни в Северной Таврии	410

А. Голубинцев. Донской офицерский резерв в Крыму	414
И. Плахов. Донской Офицерский полк в Крыму	420
Б. Пылин. В кадетской роте в Феодосии	425
М. Каратеев. Последние дни в Крыму	441

Раздел 6

А. Власов. О бронепоездах Добровольческой армии	455
А. Осипов. Бронепоезд «Генерал Алексеев» (выдержки из краткого военного календаря)	475
В. Липеровский. «Желбат-2»	479
В. Савинский. Воспоминания	495

Раздел 7

А. Валентинов. Крымская эпопея	501
Князь П. Ишеев. Осколки прошлого	549
К. Буря. К 55-летию крымской эвакуации	552
Р. Сазонов. Уход	554
А. Слизской. Великий исход	561
В. Попов. Две эвакуации	563
И. Савин. Плен	569
А. Сапожников. Крым осенью 1920 г.	592
Е. Ковалев. Из Польши на Украину с 3-й Русской Армией генерала Врангеля	615
Комментарии	629